147

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ

2011 КОНТИНЕНТ КАНТЫНЕНТ KONTINENS KONTINENTAS KONTYNENT KONTINENTS CONTINENT MANDER KONTINENT КОНТИНЕНТ

№147

ИЗБРАННОЕ 1992–2011

ТОМ ПЕРВЫЙ

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

147

2011, № 1
январь — март

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1
Время работы редакции: 14:00–18:00 (вторник, четверг)

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор

Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Ирина ДУГИНА
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Александр и Татьяна
СЕРГИЕВСКИЕ
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Ul. Przylesna, 12
05-077 WARSZAWA, POLSKA
☎ (22) 425-40-87; (22) 498-06-95
w_olbrych@op.pl

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Избранное «Континента»
1992 – 2011

Том первый

Современная Россия
1985 – 2011

К читателям «Континента» 13

I. ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

От редакции 19

I. Перестройка

1. Интервью с М. С. ГОРБАЧЕВЫМ (*май 1994 года*) 22

2. Лариса ПИЯШЕВА
«Горбачев запустил в Союзе все политические свободы
и положил начало экономической демократии...» 31

3. Из интервью с В. В. ВИНОГРАДОВЫМ (*апрель 1994 года*) 41

4. Игорь ВИНОГРАДОВ
Парадокс Михаила Горбачева, или Попытка
исторической апологии последнего генерального секретаря
Коммунистической партии Советского Союза 45

5. Реквием по Стене. К двадцатилетию падения Берлинской стены 61

II. Реформы 90-х годов

1. Интервью с Е. Т. ГАЙДАРОМ (*апрель 1994 года*) 82

2. Лариса ПИЯШЕВА
«Либеральной реформы в России не было
и в ближайшее время не предвидится» 91

3. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
«Гайдар легализовал рыночные отношения в стране и минимум
на поколение уничтожил политическую и общественную
поддержку либералов и демократов»
Из интервью А. Н. Илларионова (*ноябрь 2007 года*) 119

4. Михаил КУРАЕВ. Бардак или жизнь как жизнь? 143

5. Александр ПРИВАЛОВ. Мы и наш президент 152

III. Россия при Путине и Медведеве

1. Материалы историософских чтений
«Россия при Путине — куда же ты?»
РГГУ. Декабрь 2000 — апрель 2001 гг. 167

2. Лариса ПИЯШЕВА
«Начиная с августа 1998 года в России
произошел переход власти в руки спецслужб» 216

3. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
«Страна споро погружалась в авторитаризм...»
Из интервью А. Н. Илларионова (ноябрь 2007 года) 227

4. Дмитрий ОЛЬШАНСКИЙ
Гламурная кремлядь 267

5. Игорь КЛЯМКИН, Татьяна КУТКОВЕЦ
Кремлевская школа политологии
Деконструкция кремлевского дискурса 273

6. Роман ДОБРОХОТОВ
Вниз по вертикали (*Из рубрики «У книжной полки»*) 300

7. Юрий АФАНАСЬЕВ, Алексей ДАВЫДОВ, Андрей ПЕЛИПЕНКО
Вперед нельзя назад! 306

8. Владимир ЗАХАРОВ
Наука в России и в современном мире 320

9. «Кто примет дитя во имя Мое...»?
Интервью об «общем деле»: либо мы будем спасать наших сирот,
либо нас ждут социальные потрясения 331

10. Александр ПУМПЯНСКИЙ
Дело Ходорковского 2 345

II. РОССИЯ И ВОКРУГ

От редакции 381

I. Чечня

1. Евгений ИХЛОВ
Права человека и выход из «чеченского тупика» 382

2. Сергей КОВАЛЕВ
«Та ли это страна — Россия, в которой надо уговаривать
остаться Чечню?» *Из выступления на историософских чтениях
«Россия при Путине — куда же ты?» (РГГУ. Декабрь 2000 года)* 389

3. Юрий КАГРАМАНОВ
Беслан: школа как болевая точка 392

4. Илья АНПИЛОГОВ
Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней
Из дневника солдата-срочника 399

II. Россия и Грузия

1. Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР
Первая часть войны с Грузией 420

2. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Российско-грузинская война. *Документы и материалы* 438

3. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Из выступления на слушаниях комитета
по иностранным делам Палаты представителей США
«От конкуренции к коллаборационизму: укрепляя отношения
США и России». *25 февраля 2009 года* 444

4. Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Заметки на полях российской действительности 445

III. Украина

1. Юрий КАГРАМАНОВ
Революция, которую не ждали. *К событиям на Украине* 450

2. Андреас УМЛАНД
«Оранжевая революция» как постсоветский водораздел.
Демократический прорыв в Украине,
реставрационный импульс в России 469

3. Леонид ФИНБЕРГ
Украинская революция 2004 года. *Штрихи к портрету* 479

IV. Беларусь

1. Дарья КОСТЕНКО
Мартовские дневники 508

V. Россия и Китай

1. Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Бабочка Чжуан Чжоу 546

2. Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Шах или мат Збига? 553

3. Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Остров Сибирь 561

VI. Россия и Америка

1. Ирина СУПОНИЦКАЯ
Россия и США: сравнение систем 578

2. Николай ЗЛОБИН
Америка и Россия на пороге XXI века: новая «холодная война»? 589

3. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Это капитуляция 600

III. ПЛОДЫ РЕФОРМ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1. Ренальд СИМОНЯН (Институт социологии РАН)
Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты
К 20-летию экономических преобразований в России 609

2. Андрей ИЛЛАРИОНОВ
«Ни полностью свободной экономики, ни правового общества, ни демократической политической системы в России создать пока не удалось». *Из интервью А. Н. Илларионова* (*осень 2010 года*) 665

3. Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Некоторые предварительные итоги 693

Избранное «Континента»

1992 – 2011

Том первый

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

1985 – 2011

К читателям «Континента»

В июле 1992 года вышел 72-й номер «Континента» — первый, подписанный его новым главным редактором Игорем Виноградовым. Создатель «Континента», писатель Владимир Максимов, просил его возглавить журнал, когда пришел к убеждению, что после падения в России коммунистического режима основанный им в 1974 году в Париже самый крупный и авторитетный эмигрантский орган вольного русского слова может и должен обрести свою новую жизнь в новой России.

Так начался следующий, *московский*, период существования «Континента», который длится вот уже двадцать лет — даже чуть уже больше, чем семнадцатилетний *парижский*.

За эти двадцать лет страна прошла очень большой, сложный и очень неоднозначный путь. Все эти годы, следуя традициям «старого» «Континента», редакция «нового», московского, видела смысл своей работы в том, чтобы быть вместе со страною в ее бедах, надеждах и ожиданиях, помогая по мере сил своих интеллектуальной и творческой элите России адекватно видеть и оценивать те изменения, что происходили в духовной, культурной и социально-политической жизни страны по мере развертывания и продолжения тех политических и экономических преобразований, которые стартовали в том же 1992-м году.

Сегодня страна пытается осмыслить плоды этих преобразований и подвести итоги пройденному ею за эти двадцать лет пути.

Естественно, что такая же потребность отдать себе и нашим читателям отчет в той работе, которая была проделана за этот период и «Континентом», возникла и у редакции журнала. И именно поэтому у нас и родилась та мысль, осуществление которой, как это и было объявлено в подписных каталогах, мы начинаем с этого номера, — четыре очередных книжки журнала за 2011 год (№№ 147 – 150) выпустить в формате четырех томов ***Избранного «Континента» за 1992 – 2011 годы***.

Замысел этот, с одобрением встреченный многими близкими журналу и очень уважаемыми нами людьми, оправдан для нас двумя следующими главными соображениями.

Во-первых, за протекшие двадцать лет возрастной состав наших читателей не мог не измениться. И многие из тех более молодых людей, которые стали читать «Континент» в последние годы, вряд ли имеют пред-

ставление о том, что печаталось в нем раньше. Между тем, на наш взгляд, в журнале и в прежние годы было опубликовано немало текстов, принципиальных для понимания позиции журнала и до сего дня не утративших своей актуальности. Формат *Избранного* позволяет познакомить с ними и нынешнего читателя.

Во-вторых, «Континент» принадлежит к журналам того типа, которые в старину называли журналами с *направлением*. У нас есть свои достаточно определенные и четкие предпочтения в подходе к важнейшим проблемам современности — будь то политика или религия, социология или эстетика. И все это, надеемся, так или иначе всегда выражало себя в характере и подборе публикуемых нами материалов.

Но вся цельность и полнота позиций журнала, его *направления*, может быть представлена более или менее адекватно лишь всей совокупностью — или по, крайней мере, основной частью — материалов, которыми он откликался на эти проблемы. А нам хотелось бы обозначить сегодня и наше *верую*, и наше *кредо*, и *наш взгляд на современную Россию и мир* именно так — объемно, целостно и компактно. И как раз такую возможность и дает нам формат *Избранного*.

Эти задачи и определили собою как принципы отбора текстов для *Избранного*, так и композицию представляемого четырехтомника.

Понятно, что сам формат *Избранного* предполагает размещение в его рамках прежде всего тех материалов, которые можно отнести к наиболее заметным, ярким и характерным для журнала. Естественно, что это принцип отбора публикаций для четырехтомника и был определяющим.

Но — не единственно определяющим. Мы не хотели бы сделать наше *Избранное* просто сборником текстов, которые считаем лучшими. Мы ставили перед собою задачу создать *книгу для чтения*, репрезентативно содержащую цельную мировоззренческую картину выступлений журнала по основным религиозно-философским, историософским, этическим, эстетическим, культурологическим, экономическим и социально-политическим проблемам современности.

Понятно, что мы не могли ставить перед собой задачу (в виду ее неразрешимости) включить в четырехтомник антологию избранных стихов и прозы, впервые опубликованных в «Континенте». Мы посчитали целесообразным сосредоточились на его интеллектуальных рубриках.

Представляемый материал разделен на четыре основные тематические группы.

Том, который держит в руках читатель, посвящен проблемам современной России и обнимает четвертьвековой период — с начала Перестройки и до сего дня. Тексты, представленные в нем, сгруппированы в три раздела. Первый посвящен эволюции постсоветской России, второй — проблемам постсоветских государств и отношениям нашей страны с миром. Третий раздел представляет собою попытку подвести некоторые итоги двадцатилетия реформ.

Второй том сосредоточен на культурологии и историософии. В третий войдут материалы, публиковавшиеся в рубриках «Гнозис» и «Религия». В четвертом будут представлены статьи из рубрик «Литература и время», «Искусство», «Прочтение». Кроме того каждый том *Избранного* будет сопровождаться приложением, содержащим текущие материалы, а именно: БСК (библиографическая служба «Континента»), наши традиционные обзоры важнейших сетевых и бумажных публикаций по тем или иным тематическим направлениям, плюс один-два наиболее интересных материала из актуального журнального «портфеля».

Все тексты даются в сокращении*, это своего рода дайджест. К сожалению, и в этом формате затеянный нами четырехтомник не в состоянии вместить все значимые и принципиальные для нас материалы. Тем не менее мы надеемся, что издание это будет интересно и полезно нашим читателям.

---

* Для удобства восприятия текстов знаком [...] мы показываем только наиболее значительные из сделанных нами купюр.

I.
ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

От редакции

Раздел «Эволюция постсоветской России», включающий в себя три подраздела — «Перестройка», «Реформы 90-х годов» и «Россия при Путине и Медведеве», мы сочли необходимым представить следующими материалами.

Во-первых, — двумя большими интервью, которые весной 1994 года главный редактор «Континента» И. Виноградов взял у бывшего президента СССР **М. Горбачева** и у тоже бывшего уже к этому времени фактического руководителя ельцинского «правительства реформ» **Е. Гайдара**. Естественно, что именно эти два интервью, в которых реформы перестроечного периода и реформы начала 90-х годов увидены глазами самих их авторов и вдохновителей, и открывают две первые части этого раздела.

Третий раздел — «Россия при Путине и Медведеве» — мы открываем материалами историософских чтений **«Россия при Путине — куда же ты?»**, которые в течение пяти месяцев (с декабря 2000-го по апрель 2001 года) проходили в РГГУ и в которых приняла участие и редакция «Континента». Материалы этого очень представительного форума, с трибуны которого выступили многие виднейшие общественные деятели, журналисты, политики, деятели науки и культуры тогдашней России (сокращенная стенограмма форума была напечатана в №№ 108 и 109), особо репрезентативны именно тем, что дают достаточно полное представление о том широком спектре мнений и ожиданий, которыми был встречен в нашем обществе приход к власти В. Путина и которыми сопровождалось осмысление итогов первого года его правления.

Во всех трех подразделах мы сочли особо важным обстоятельно представить регулярно появлявшиеся в «Континенте» обширные публикации, посвященные анализу тех сложнейших экономических проблем, перед которыми оказалась страна к концу 80-х годов и с попытками решения которых и были связаны реформы периода Перестройки и 90-х годов. Это прежде всего два больших интервью, которые дала главному редактору журнала известный экономист, доктор экономических наук **Л. Пияшева** (1947 — 2003) весной 1994-го и весной 2001 года и соответствующие части которых мы разнесли по всем трем частям этого раздела.

Второй автор, чье видение экономической и политической ситуации в современной России мы также считаем особо важным представить читателю, — это президент Института экономического анализа, бывший (в

2000 — 2005 годах) советник президента Путина по экономическим вопросам **А. Илларионов**. В 2007 и в 2010 году А. Илларионов тоже дал «Континенту» (И. Виноградову и И. Дугиной) два обширных интервью, которые были опубликованы соответственно в 134 и136 и в 145 и 146-м номерах журнала и которые получили широкий общественной резонанс. Первое интервью представляет собою своего рода новейшую историю страны, увиденную автором через призму собственного опыта и непосредственного участия в экономическом реформировании российской экономики со времен Перестройки и до 2005 года. Второе посвящено осмыслению реформ Е. Гайдара, а также анализу современного экономического и политического состояния страны. Дать в сокращенном изложении сколько-нибудь адекватное представление о концептуальной содержательности этих текстов, вырастающей из скрупулезности, точности и обстоятельности конкретного анализа, не представляется, к сожалению, реальным, и потому мы предпочли дать из этих двух интервью сюжеты, связанные прежде всего с живыми свидетельствами А. Илларионова как непосредственного участника событий, за более подробной информацией отсылая читателя к соответствующим номерам «Континента». Кроме того, по имеющимся у нас сведениям, А. Илларионов в ближайшее время планирует выпустить книгу, в которую войдут и оба эти интервью, так что и в этом издании они тоже будут вполне доступны читателям.

Помимо упомянутых материалов мы сочли целесообразным представить также следующие материалы, в разное время, напечатанные в «Континенте.

В подразделе «Перестройка»:

- интервью И. Виноградова со своим однофамильцем **В. Виноградовым**, председателем правления «Инкомбанка» (тогдашнего спонсора журнала). Это интервью с одним из крупнейших финансистов того времени тем именно и репрезентативно, что в нем нашел свое отражение взгляд на Перестройку и на реформы 90-х годов со стороны тех, кто олицетворял собою нарождавшийся в те годы класс крупных национально ответственных русских предпринимателей;
- а также обзор крупной международной конференции Горбачев-форума, проводившейся по случаю двадцатилетия падения Берлинской стены; этот материал специально для «Континента» подготовил известный журналист, бывший главный редактор журнала «Новое время» **А. Пумпянский**.

В подразделе «Реформы 90-х годов»:

- очерк (в форме письма в редакцию) известного петербургского писателя **М. Кураева**, дающий представление о том, насколько по-разному виделась жизнь России в период гайдаровских реформ изнутри страны и извне ее;

- специально написанная для «Континента» обобщающая аналитическая статья известного политолога **А. Привалова**, посвященная феномену Б. Ельцина — его личности, его времени, итогам его реформаторства.

Наконец, **подраздел «Россия при Путине и Медведеве»** представлен, помимо упомянутых текстов, несколькими материалами, которые обращены уже и непосредственно к *политической* «составляющей» путинско-медведевского режима. Это, во-первых, очерк известных социологов **И. Клямкина** и **Т. Кутковец** «Кремлевская школа политологии» и острое полемическое эссе **Д. Ольшанского** «Гламурная кремлядь». Во-вторых, обзорный очерк **Р. Доброхотова**, посвященный изданию «Вниз по вертикали» — сборнику наиболее острых либеральных статей периода первого президентского срока Владимира Путина. И, в-третьих, статья трех докторов наук **Ю. Афанасьева**, **А. Давыдова** и **А. Пелипенко** «Вперед нельзя назад!», вызвавшая острую полемику, отраженную, в частности, и на страницах нашего журнала (см. «Континент» № 144).

Завершают раздел три больших материала, посвященные некоторым важнейшим реалиям сегодняшней российской жизни:

- статья академика РАН **В. Захарова** о состоянии современной российской науки;
- интервью с **Н. Белоноговым**, одним из создателей и руководителей Центра Творческого Развития «стАРТ» в городе Яхрома, где отогревают и учат детей-сирот Московской области, посвященное одной из самых страшных проблем современной России — проблеме все время и постоянно возрастающего (достигшего уже 750 тысяч) числа детей, не имеющих родителей или покинутых, выброшенных ими,
- и большой, предельно полно дающий весь основной объем информации по теме очерк **А. Пумпянского** «Дело Ходорковского»-2 , которое стало, как известно, своего рода «брендом» путинской «эпохи».

I. ПЕРЕСТРОЙКА

1. ИНТЕРВЬЮ С М. С. ГОРБАЧЕВЫМ (май 1994 года)

— Михаил Сергеевич, как вы считаете, неуспех хрущевской «оттепели» — это результат каких-то его просчетов тактического характера, или здесь были допущены и какие-то более крупные, стратегического, так сказать, уровня ошибки?

Нет, я бы не сводил к этому. Я думаю, для такого общества, как наше, для такого режима, такой страны идеальных схем, идеального варианта реформ просто нет. [...] Ну как вы можете обвинить Хрущева, который был продуктом этой эпохи, всего этого сталинского периода, но тем не менее все-таки встал на путь реформ,— как вы можете обвинить Хрущева в том, что у него не было стратегии? Да как он мог ее сформировать? И с кем? Если бы он только первый семинар на эту тему провел, утром бы его уже не было с его семинаром. Это вот мы с вами сидим, рассуждаем и знаем, что, в конце концов, с нами ничего такого не должно случиться. Поэтому мне даже трудно требовать от него, чтобы у него была стратегия. Точно также я должен сказать, вы даже от Горбачева этого не можете потребовать. Да не нужно нам никакое расписание поездов. Нам нужны предпосылки: свобода, вот этот плюрализм, духовная, интеллектуальная деятельность — вот все то, что включает мысль человека, поиск, делает его человеком. А все остальное — это насаждение той или иной модели, опять насилие над человеком. Я как раз не противник самотека, стихийных процессов... [...]

— Вы считаете, что распад Союза не был процессом объективно неизбежным. Но в таком случае снова встает вопрос: не были ли здесь допущены ошибки какого-то очень глубокого, стратегического плана? Не значит ли это, что не были задействованы какие-то объективные возможности и силы нашего сегодняшнего исторического развития, которые могли и должны были не допустить распада страны? Не видите ли вы именно здесь свою главную ошибку?..

Это мое глубокое убеждение, что распад Союза — не объективная историческая необходимость. Потому что все работало как раз в пользу интеграции, сохранения ее: экономика — раз, безопасность общая — два, расселение людей, когда 75 миллионов так разбросаны по всей стране, что при разъеди-

нении их надо рвать и кромсать, — три, наука сформировалась так, что она вся очень взаимосвязана, придется разрывать и разрушать школы и научные центры — четыре [...] Но точно так же были факторы, не менее важные, которые диктовали необходимость реформирования старой структуры Союза. А именно: нельзя, чтобы строительство общественного туалета в Ставрополье зависело от решения Москвы. Я это, конечно, заостряю, но суть в том, что необходимость децентрализации тоже была очевидна. Но кроме прибалтийского анклава, который был когда-то вот так, ну, скажем, припаян или приклепан к Союзу, все остальное все-таки очень долго формировалось и приняло такой облик, который нужно было реформировать, но не рушить. [...]

Я думаю, все было бы иначе, если бы мы не руководствовались тем, что у нас национальный вопрос отрегулирован, все прекрасно, остается только тосты произносить. И в голову никому не приходило, что Советского Союза не будет, что он развалится. Так вот, я считаю, мы осознали необходимость модернизации Союза, обновления национальной политики с опозданием,— когда уже развернулись и народные фронты, и сепаратистские эти движения. Мы о многом судили-рядили, забывая, что все эти процессы мы развернули в сложном многонациональном государстве. Мы по-настоящему все не просчитали и не осуществили превентивные шаги по модернизации. Можно было перехватить эту тенденцию к распаду, если бы мы предложили опережающую политику по национальному вопросу. [...]

— Предпосылки, о которых вы говорили, действительно были созданы в самом начале Перестройки. Это все то, что обнимается обычно понятием «политика гласности». Эта политика действительно развязала творческую инициативу, дало свободу мысли, способствовало становлению демократических свобод и т. д. Словом, развязала как раз те самые как будто бы силы, которые вы и имели в виду, говоря о необходимости создания условий для демократизации страны. И вот предпосылки были как будто бы созданы, люди смогли говорить то, что они думают, и на митинги ходить, и свою точку зрения отстаивать, и инициативу проявлять, а что в результате? В результате развал страны и все то, что мы сейчас имеем. Значит, видимо, предпосылки эти все-таки почему-то не сработали так, как вы на них рассчитывали. Почему же?

Да, это так. Но я бы не ставил под сомнение, что это были предпосылки, которые действительно давали возможность вывести общество из состояния социальной апатии, безразличия, духовной подавленности. Ведь это был застой не только в экономике — он же был и в политике, и в формах жизни, и, самое главное, он вообще подавлял ищущую, беспокойную мысль. С этой точки зрения, это и были именно те предпосылки, которые привели общество в движение. Но ведь дальше появились новые проблемы, возникли свои закономерности, вернее, своя логика развития.

[...] Вот так и получилось: предпосылки есть, общество проснулось, но общественные интересы столкнулись с групповыми, эгоистическими инте-

ресами номенклатуры. И началась тяжелая, изнурительная борьба, которая все время нарастала и дальше вышла на уровень требований — «Долой!»

Но мы ведь не сидели сложа руки. Я не хочу сказать, что мы были так уж безгрешны, так идеальны, все понимали и т. д. Но есть ошибки и ошибки. Так вот,— как мы решили перехватить инициативу? Мы увидели, что наш союзник — не номенклатура. А союзник — граждане наши. Как их включить в этот процесс? Вот тогда и возник вопрос о политической реформе. Это ответ всем, кто говорит: зачем была нужна политическая реформа, зачем нужны были свободные выборы? А иначе уже в 87-м году с нами было бы покончено. Судьба Хрущева нам была уготована. Вот эта борьба стала нарастать. Поэтому моя задача была — продвигать политическую реформу, используя эти предпосылки, сориентировав их на демократическое гуманное общество. Тогда мы его обязательно называли социалистическим, мыслили в рамках социалистического выбора, потому что общество, в котором мы тогда жили, несло в себе какие-то элементы социализма. Но это был отнюдь еще не социализм. Больше того, в результате долгих раздумий я сейчас вообще считаю, что ставить вопрос о создании социалистического общества как формации — это абсурд. Надо создавать прежде всего демократические предпосылки, а общество, используя их, само сделает выбор. Поэтому самое главное и было — свободы закрепить, демократические институты создать, права человека превыше всего поставить и создать для этого прочный режим в смысле законности — диктатуру права, я бы сказал. [...]

— Вот возьмем противостояние, о котором вы только что сказали и которое так быстро обнаружилось, — номенклатуры и общества. Но ведь если в результате получилось так, что номенклатура оказалась все же сильнее и довела дело до августовского путча, то это значит, наверное, что именно те силы общества, на которые вы рассчитывали, — а общество ведь поначалу шло вам навстречу, это несомненно! — именно эти силы и не были по-настоящему задействованы...

Да, вы правы, они не то что не были задействованы — они не были по-настоящему даже готовы, чтобы их использовать... Тут уже нам глубже надо копать [...] человеческий фактор, реальное состояние нашего общества. Оно ведь так было замордовано, так было задавлено, что мы в этом отношении всей глубины того, что со страной произошло в результате вот этих семидесяти лет, наверное, даже не сознавали. Ведь подумайте, когда мы начали Перестройку, девяносто процентов населения — это были люди, которые родились уже после революции, при советской власти. Это значит — три поколения! То есть они уже с детского возраста пропускались через все эти структуры тоталитарной системы, а система была хорошо отработана! И трудно было ожидать, что все будет хорошо, все пойдет гладко. Предпосылки были, ориентиры выставлены были благородные, люди как бы и хотели перемен, но вот включиться по-настоящему в процесс они

не смогли. И тут еще и такой фактор, как КПСС. КПСС... Сколько надо было приложить сил, чтобы... Ведь если бы так поставить вопрос ребром: КПСС долой со сцены! — то, я скажу вам, скорее бы было наоборот: долой Горбачева и группу реформаторов. Поэтому, значит, нужно было и эту силу другой сделать... Вот все это вместе, конечно, очень затруднило процесс реализации тех шансов, которые открыла политика демократизации общества, свободы и гласности...

— Вы говорили о степени готовности самого общества к переменам, о его состоянии. И признали даже, что реформаторы плохо представляли себе это состояние, не сознавали всей глубины того, что произошло со страной за семьдесят лет тоталитаризма. Но, мне кажется, здесь важно рассматривать этот «материал» совсем не только с точки зрения той г о т о в н о с т и общества к восприятию и поддержке реформ, о которой вы сказали. Еще важнее, мне кажется, отдавать себе отчет в самом характере его внутреннего запроса к властям, проводящим реформы, — того запроса, которым задаются «реформаторам сверху» как бы некие условия, на которых общество будет с ними сотрудничать и лишь при соблюдении которых они и могут рассчитывать на какой-либо успех. Понять такие условия — это главная, мне кажется, задача всякого реформатора. А вот этого-то как раз, на мой взгляд, не было и нет. И именно отсюда прежде всего фактический провал и Перестройки, и постперестроечных реформ...

Да, но все-таки, Игорь Иванович, я не могу это полностью на себя принять. Почему? Потому что я все время отстаивал эволюционный путь. Именно исходя из того, что слишком сложно наше общество. Во-первых, это те семьдесят лет, о которых мы уже говорили. Во-вторых, это общество, где говорят на 220 языках, где существовали так или иначе национальные государства — пусть подавленные, не в том положении, как Конституция наша провозглашала, изображая их суверенными государствами. Нет, страна была унитарным государством, да еще каким! Но, тем не менее, эта разнородность тоже была. Наконец, экономика, построенная на одном виде собственности,— командно управляемая, переутяжеленная сырьевыми, тяжелыми отраслями и сверхмилитаризированная. Мне это было ясно, и я всегда выступал за то, что мы не можем действовать в реформах как лихие наездники, нужно подводить людей к их пониманию шаг за шагом. [...] Но вместе с тем даже и при понимании всего этого мы действовали, я бы сказал, все же относительно быстро. И даже порой слишком быстро, у нас все время возникало ощущение отрыва, и мы должны были притормаживать. [...]

Но если все вместе суммировать, то, пожалуй, вы правы. Действительно, предложить такие преобразования, такого масштаба, такой глубины — всесторонние, охватывающие все сферы, как же обществу при всей его сложности все это понять? Правда, есть и такая точка зрения, что вовсе и не требуется, чтобы в обществе все всё понимали; есть его активная, сознательная

часть, которая всегда берет на себя бремя ответственности за реформы, принимает вызов времени. Тут есть доля истины,— на этой базе и существует ведь демократия. Но решает ведь не меньшинство. Поэтому я все это учитывал, поэтому темп преобразований даже самых радикальных по глубине, должен был быть, я считал, эволюционным. И поэтому, если помните, я рискнул сказать даже, что отказываюсь от революции в том смысле, что главное решают все-таки реформы, а не толчок какой-то, взрыв, который может быть только первоначальным.

— В чем именно видели вы тогда и в чем видите, может быть, сейчас главные, определяющие черты той духовной ситуации, в какой оказалось наше общество после крушения тоталитаризма? С какими особенностями его духовного состояния нужно было, на ваш взгляд, считаться, прежде чем вообще что-либо планировать? Что здесь, на ваш взгляд, самое важное — и тогда, в ваше время, и, может быть, сейчас?..

Да, вы знаете, хотим мы этого или нет, но в условиях советской власти, особенно в последние доперестроечные годы, общество так или иначе имело определенные гарантии и определенную уверенность. Это были гарантии на достаточно низком уровне, но они были: дети могли учиться, медицинское обслуживание — пусть недостаточное, плохое, но оно было. И я должен сказать, во многих других, совсем не социалистических, странах восприняли этот наш опыт, — те же японцы, например. [...]

— То есть, вы имеете в виду не просто чисто материальную сторону дела, а то, что создает прежде всего нравственный климат в обществе, отвечает чаяниям социальной справедливости?..

Да, абсолютно. Ведь даже не закрывая глаза на то, в каких целях эксплуатировала тоталитарная власть свои лозунги, надо же понимать, что сами эти лозунги шли от надежды, которая прозвучала еще и в октябре 17-го, — от тяги к справедливости, которая у людей неистребима. Возьмите историю,— ведь это стремление по времени может соревноваться с христианством. Вот это-то как раз и не учитывается, особенно в последнее время. А без этого ничего не получится. Ведь даже стабильные современные государства недаром имеют социально ориентированную экономику. Возьмите, например, Голландию: там нет очень богатых и нет очень бедных. То есть нет разрывов, нет такой социальной дифференциации, которая ведет к расколу общества, к «Северу» и «Югу» в одной стране, на базе чего рождается и классовая ненависть, которая в конце концов находит лидеров и выводит людей на площади. [...]. Ведь я сначала, как и все мы, бывшие члены КПСС, — ведь все мы рассматривали политику социального партнерства как, вообще говоря, происки буржуазии. А сейчас я вижу, что социальное партнерство — это условие стабильности любого общества. Это когда и предприниматель,

и власти понимают, что если не обеспечить определенный уровень жизни людей, который позволяет каждому чувствовать себя человеком, растить детей и открывать им будущее, то тогда начинается борьба, начинается свалка, которая сделает бессмысленными любые расчеты того же предпринимателя на прибыль, он вообще может лишиться и собственности.

Но это не все. У нас, россиян, всегда было сознание, что мы принадлежим огромной, великой стране. А сейчас мы унижены. [...] Людей это задевает, человек, знаете, о колбасе забудет, о чем угодно, но с этим не смирится. У нас это в крови, это наш менталитет... Ну, и, наконец, что же говорить — своя великая культура, свои традиции. А мы бездумно берем заемные модели, навязываем их людям, это огромный просчет...

— Да, мне кажется даже, что именно здесь, в духовной области, и лежат главные, решающие просчеты и перестроечной, и постперестроечной политики, здесь сегодня узел узлов. И от того, каковы будут взаимоотношения власти и общества, в огромной степени зависит и то, какая у нас будет Россия, и каким будет само общество, как оно будет меняться и какие стимулы и «инстинкты» будут развязываться в людях условиями общественной жизни, формируя соответствующий нравственный климат в стране.

Но, повторю, эта зависимость, мне кажется, упирается не только в то, какие программы предлагает власть обществу и как учитывает она степень его готовности к восприятию этих программ. В нашей ситуации существует еще и особая нравственная ответственность сегодняшней власти перед сегодняшней и завтрашней Россией за то, как она, власть, помогает обществу — и помогает ли вообще — преодолеть этот духовный кризис хотя бы в той области, какая непосредственно зависит от ее воздействий,— в области гражданского самосознания. Помогает ли и как помогает она людям обрести это гражданское самосознание, без которого не будет в стране ни достойного гражданского общества, ни, вообще говоря, народа, одно только население, раздробленное на социальные касты? И здесь проблема упирается, мне кажется, прежде всего в то, как власть обращается с народом, с обществом — видит ли она в обществе всего лишь некий «материал», некий «фактор», состояние «готовности» которого следует, конечно, учитывать. Или народ, люди, общество — это для нее и в самом деле та высшая «инстанция», перед которой она чувствует себя обязанной постоянно и во всем отчитываться и не может позволить себе хоть что-то делать за его спиной. Во всяком случае, именно в этой области, мне кажется, прежде всего и произошла та утрата д о в е р и я людей к власти, которая стала сегодня едва ли не центральной проблемой всей нашей общественной жизни.

И вот в связи с этим я хотел бы задать вам такой вопрос — несколько как бы условный, гипотетический. Если бы вы сегодня оказались вдруг снова у руководства страны, чем бы вы попытались вернуть или завоевать, а потом и укрепить это утраченное доверие людей к государственной власти? На что бы вы сделали главную ставку?

Вы знаете, я сохраняю и сегодня приверженность тому выбору, который был сделан мною. Вне утверждения демократических принципов, институтов, вне утверждения свобод, прав человека я не мыслю себе глубоких реформ, которые привели бы к стабильной демократической России с социально ориентированной экономикой и сильной правовой и государственной защитой свободы и прав человека. Я не могу поэтому принять никакие лозунги и призывы вернуться назад. Это безответственно...

— Это понятно. Но я имею в виду прежде всего сам способ общения власти с обществом, характер ее диалога со страной. Скажите, какие-то уроки именно на этот счет вы извлекли для себя и из своего прошлого, и из опыта нынешней власти? На чем бы вы построили сегодня ваши непосредственные взаимоотношения с обществом?..

Ну, я думаю, для меня трудно будет выйти на такое согласование интересов власти и общества без того, чтобы решительно не изменить ту политику, которая проводится с начала 92-го года.

Я уже говорил об этом и еще хочу сказать: я уже не могу называть сегодняшние власти демократическими, хотя они и говорят, что они проводят демократические реформы. Я вижу сползание к авторитаризму. И главное — то, что в реформах, которые проводятся, в том, как они проводятся, нет совестливого отношения к людям, переживания за них. Эта политика отдает каким-то цинизмом: то есть вот макрозадачи — да. А что там с людьми происходит на всех уровнях, куда их отбрасывает — и стариков, и интеллигенцию, да и тех же рабочих, и товаропроизводителей,— все это неважно. Я не думаю, что такая политика без моральных ориентиров, со ставкой только на какие-то принципы макроэкономики может называться демократической. Эту политику нужно менять.

Я думал, что нынешняя власть получила серьезный сигнал на этот счет после декабрьских выборов* [...] И я ждал, что это найдет свое отражение в программе правительства. Но — ничего подобного. Мы наблюдаем полное отсутствие такой политики, которая бы внесла серьезные коррективы и в плане большей поддержки бизнеса, и в плане изменения налоговой политики и всего того, что необходимо, чтобы не произошла деиндустриализация страны, развал той основы, на которой любое развитое государство только и может строить какие-то планы. И наконец, чтобы мы не просто получали какие-то социальные послабления под давлением всякого рода забастовок и т. п., а увидели, что создается система социальных страховок, поддержки людей.

Ну и, наконец, мне совершенно непонятно, такое это, по-моему, глубокое заблуждение, уничтожающее, вообще говоря, нацию,— это то, как об-

---

* На парламентских выборах 12 декабря 1993 года больше всего голосов — 22,92% — собрала ЛДПР (*ред*).

ращаются с наукой, культурой и образованием. Я не знаю ни одной страны, сделавшей в последние десятилетия прорыв, которая не начинала бы с того, что всячески стимулировала отечественную науку, образование, культуру поддерживала. Так что пока я вижу пожарные дела, пожарные методы правительства, но отнюдь не продуманную политику. Если же под этим скрывается продуманная политика, а именно — переделить собственность и через эту приватизацию взять командные высоты в новой ситуации, похоронив тем самым демократическое содержание реформ, то это уже не демократия, это прихватизация самая настоящая...

— Михаил Сергеевич, если уж говорить о сигналах, посланных власти выборами 12 декабря, то, на мой взгляд, один из самых главных уроков этих выборов заключается даже не в том, что люди потеряли экономическое терпение. Людям надоело постоянное вранье, люди не могут и не хотят чувствовать себя больше болванами, которыми политики манипулируют, как хотят, обещают одно, делают другое, отменяют то, чем облагодетельствовали вчера, вводят то, от чего зарекались, — словом, врут на каждом шагу и прямо в глаза...

Ну, я могу только подтвердить то, что вы сказали. Вот я только что был в Санкт-Петербурге. Там были разные встречи — на предприятиях, в акционерных компаниях, просто в городе — с предпринимателями, банкирами, со студентами и т. д. Словом, широкий контакт. И вот я был на акционерном объединении «Алмаз». И я там говорил с рабочими, — их никто, знаете, там не созывал, но вдруг я оказался в их окружении, Начался разговор, они спрашивают: когда, наконец, начнем выбираться из этой пропасти? А я их спросил, — это к вашему вопросу о вранье,— почему вы на выборы не ходите? Там ведь, знаете, городское собрание даже не выбрали: избрали всего двадцать пять депутатов, а надо выбрать хотя бы — минимально — тридцать шесть из пятидесяти. Выборы не состоялись. Ответ: надоело слушать эту болтовню, мы не верим ни здесь, местным властям, ни российским властям. Вот и всё... Я спросил, когда собрались руководители предприятия, — уже после беседы: это что — отторжение политики, безразличие, инертность? Нет, говорят, это позиция. Причем — острая позиция.

— Но чем же все-таки можно вернуть в таком случае доверие? Просто изменить нынешнюю экономическую и политическую программу на какие-то другие? Да кто в них теперь поверит? И почему, собственно, в них нужно верить?..

Ну, знаете, я думаю, — как бы это странно ни прозвучало сейчас, — без соединения политики тех, кто стоит у власти, с нравственностью, с совестью, с порядочностью ничего не получится.

А что сегодняшнее руководство страны? Оно же пришло к власти на волне борьбы с привилегиями, с аппаратом, его засильем, а теперь у нас для

одного российского аппарата не хватает помещения, в котором располагался раньше и российский, и союзный. А привилегии, которые учредили себе сегодня власть имущие на всех уровнях, коммунистам в их времена и не снились...

— Михаил Сергеевич, все, о чем мы сегодня говорили с вами, сводится в общем к тому, что без какой-то внутренней нравственной связи и доверия между обществом и властью, без каких-то объединяющих их общих духовных ориентиров, без созидательной идеи, стимулирующей самоорганизацию общества, надеяться на его активное участие в любых реформаторских начинаниях любых властей невозможно. Так вот, если говорить о нашем ближайшем будущем, как вы представляете себе — какая объединяющая, общенациональная идея могла бы стать сегодня таким духовным стержнем и стимулом самоорганизации общества, способствовала бы началу его активной жизнедеятельности?

Ну, я думаю, что это все-таки становление новой демократической России. Это если говорить о больших целях. Сегодня у нас главная задача и ближайшая цель — народ из беды вытянуть, стабилизировать ситуацию. А движение дальше — это все-таки становление новой демократической России, где бы торжествовали свободы и человек чувствовал себя человеком. Конечно, я для себя не мыслю новую Россию без этой вот идеи солидарности и справедливости. У нас это не получится иначе. Все народы искали такую справедливость и будут ее искать, для нас это сегодня — особенно остро...

1994, № 2 (80)

2. ЛАРИСА ПИЯШЕВА:

«Горбачев запустил в Союзе все политические свободы и положил начало экономической демократии...»

2 а. Из интервью с Л. И. Пияшевой (апрель 1994 года)

— Лариса Ивановна, я думаю, всем ясно, что то, что происходит с Россией со времен провозглашения так называемой Перестройки, — это процесс глубинного исторического характера. Кардинальная — в сущности, революционная если не по форме, то по содержанию — переделка всего общественного организма. [...] ***Как вы представляете себе характер этого исторического процесса, характер тех объективных запросов истории, которые вызвали этот процесс? В какой мере политика наших властей в течение обоих периодов была адекватна этим запросам?***

Как мне представляется, Горбачев начал перестройку под влиянием все более очевидного отставания России от Запада, ухудшения экономической ситуации, невозможности обеспечить экономический рост страны, необходимости ввести некоторые очень существенные коррективы в механизмы общественной жизни, связанные прежде всего с экономической ее стороной. С точки зрения той цели, которую ставил перед собой Горбачев, вовсе не хотевший отменять прежнюю социалистическую систему, а лишь ее модернизировать, он начал делать все абсолютно грамотно. Он сразу же запустил в Союзе все политические свободы, он даровал народу политическую демократию, он ввел — и, в общем, без крови, если говорить в целом, в масштабе именно колоссального исторического процесса, — политические права и свободы — свободу слова, печати, митингов, собраний, демонстраций, многопартийность и т. д. [...] Вот этот процесс политической демократизации страны был запущен, на мой взгляд, правильно и на полную катушку. И — без крови. Это первое. Второе: поскольку Горбачев не ставил перед собой цели перехода от социалистической системы к капиталистической, он задал очень узкую систему координат для экономической реформы. В сущности, экономическую реформу он и не продумывал. Он исходил из

того, что если государственным предприятиям дать бóльшую экономическую свободу в рамках общественной собственности и при этом запустить еще и частный сектор, который у нас всегда подавлялся, то этого будет достаточно, чтобы экономическая жизнь тоже начала работать в нормальном режиме. И надо сказать, что вот теперь, глядя из 94-го в 85-й – 89-й годы, видно: Горбачев дал и экономическую свободу, и недаром сразу же стало возникать тогда большое количество кооперативов. Это было легко начинать, даже регистрировать, — препятствий не было. Начала очень быстро разворачиваться служба быта— тот второй сектор экономики, который при большей свободе государственных предприятий начинал как бы конкурировать с ними — и притом в одинаковых юридически условиях. И это все могло бы иметь нормальное продолжение и дать такой же эффект, какой дала политическая демократия. Тем самым Горбачев положил начало экономической демократии, хотя и не собирался проводить реформу по переходу к рыночной экономике. Вот это был один исторический этап.

Второй исторический этап — это приход Ельцина с его очень активным намерением провести экономическую реформу. Для этого и был приглашен Гайдар. И вот здесь начинается другая история. [...]

Я считаю так: если оценивать то, что Горбачев сделал, начало, которое он заложил, то с точки зрения медленного, поэтапного, эволюционного реформирования экономики там все было сделано грамотно. Но возникал вопрос: возможно ли вот такое медленное, поэтапное, эволюционное реформирование? Я на этот вопрос однозначно ответить не могу. Это процесс, возможность которого проверяется только исторически. Но мне думается, что такой путь был возможен. Если бы кооперативы, которые возникли при Горбачеве, не были бы на следующем этапе ликвидированы налоговой политикой Гайдара; если бы те структуры коммерческие, которые стали возникать в тот период, тоже не были бы ликвидированы или мафиозированы, криминализированы, а продолжили свое существование при нормальном режиме поддержки, то, я думаю, мы получили бы тогда процесс именно эволюционного характера в сторону рыночной экономики. Но к тому моменту, когда пришел Гайдар, то есть в 91-м году, стало ясно, что период 85-го – 91-го годов уже свое сделал— так же, как и в области политической реформы. Свободу уже дали — теперь надо было правильно направлять жизнь в условиях этих свобод. И здесь-то — в 91-м году — и встал основной и главный вопрос, вопрос о собственности. Вопрос о том, переходим ли мы действительно к рынку, то есть возвращаем ли мы обратно людям национализированную собственность или не возвращаем. И вот этот исторический вопрос Гайдар не решил [...] И поэтому этот второй этап реформирования я бы обозначила так: прекращение реформ, начатых Горбачевым [...] На мой взгляд, как это ни парадоксально, Гайдар просто прервал экономическую реформу, которую начал Горбачев. Одним простым способом: при Горбачеве налоги на кооперативы были 7%, три первых года они вообще почти ничего не платили, потом должны были платить 20%, а Гайдар сразу ввел 80% — по совокуп-

ности. 80% — это налог, который задушил все. Со всем коммерческим сектором, со всеми кооперативами, со всеми честными частниками, которые хотели трудиться, было покончено. Это первый момент. Второй момент: он стал поддерживать кредитами военно-промышленные предприятия, ВПК. Это значит, что от мелких опять всё забирали, всё, что могли, а этим — отдавали в виде субсидий. Это значит, что он продлевал жизнь тех структур, которые, если бы нормально реформа шла, сами постепенно перестроились бы — кто-то разорялся бы, кто-то менял профиль, словом, началась бы уже в 91-м году структурная перестройка, если бы Гайдар не предпринял вот эти совершенно неправильные, неадекватные шаги...

1994, № 2 (80)

2 б. Из интервью с Л. И. Пияшевой (март 2001 года)

Весь период реформирования российской экономики четко делится на два этапа — горбачевский этап перестройки и этап, который принято называть этапом либерально-демократической реформы. Если ретроспективно окинуть взглядом все происшедшее за это время, то первый этап я оценила бы как маленькое российское экономическое чудо. Второй — как крах этого чуда.

Все, что связано с горбачевскими реформами, называлось словом «Перестройка». Это была последняя попытка в рамках социалистической идеологии, социалистической системы, социалистической парадигмы осуществить изменения — и изменения достаточно радикальные — экономических и хозяйственных механизмов страны таким образом, чтобы с помощью этих изменений обеспечить развитие и экономический рост. Необходимость этих перемен была связана с очень значительным и все усиливавшимся технологическим и экономическим отставанием СССР от стран Западной Европы и США — и прежде всего с намерением Запада начать новый тур перевооружения, а также с выходом на мировой рынок восточных «тигров», существенно опережавших СССР по темпам развития. Чтобы угнаться за Западом и Востоком, России требовались новые технологии и дополнительные ресурсы. Связаны эти перемены были также с тем, что общее изменение отношений в мире требовало большей открытости страны. Существовать дальше в условиях закрытых границ, железного занавеса и спецхрановских подвалов объективно стало невозможно. Информационная революция взламывала границы, нужно было выходить в мир. Все эти причины и обусловили необходимость перестройки хозяйственной системы и демократизации общественной жизни.

Первый этап Перестройки в области экономики был связан с именем Аганбегяна. Его реформа называлась «Ускорение». Смысл этой программы заключался в том, чтобы провести очередную масштабную мобилизацию

средств в отрасли машиностроения, обеспечить там дополнительное производство и с помощью развития этой отрасли в течение трех лет добиться общего экономического роста по формуле 3% — 4% — 5% годовых. Полученные же средства планировалось направить прежде всего на перевооружение (потому что машиностроение в советской экономике — это была отрасль ВПК, и речь шла о том, чтобы привлечь дополнительные деньги в первую очередь именно в эту отрасль). А позднее, когда машиностроение «ускорится» и там установятся высокие темпы роста, можно будет (как это всегда и предусматривалось в социалистической теории с ее пресловутыми «группой А» и «группой Б») направить немного средств и в группу Б, то есть на производство товаров народного потребления.

Видимо, можно признать эту программу утопичной изначально, потому что в нашей социалистической экономике и так все средства были задействованы, так или иначе мобилизовывались и использовались в большинстве своем в отраслях ВПК. Это и была собственно социалистическая экономика — военная, где все остальное считалось периферийным и несущественным. Очень скоро стало ясно, что дополнительная мобилизация средств ВПК истощает всю остальную экономику в еще большей степени и что это неизбежно повлечет за собою падение уровня жизни.

— А за счет чего эту мобилизацию планировалось производить?

За счет перераспределения средств через бюджет. Ни у кого ведь никаких свободных денег и ресурсов не было. Мы уже забыли об этом, но тогда никто ничего самостоятельно не инвестировал, никто ничего самостоятельно не производил: вся экономика была государственной и все распределялось и перераспределялось через государственный бюджет. Вот тогда-то у Горбачева и возникла идея обеспечить дополнительное развитие за счет вовлечения в экономическую жизнь частной инициативы людей. И ключевым словом стало слово «кооперация».

— Это должна была быть группа Б в основном?

Да , прежде всего это сфера услуг, торговли и производство товаров группы Б, которое должно было обеспечить дополнительный приток ресурсов в экономику. По замыслу реформаторов, кооперативный сектор должен был начать развиваться — саморазвиваться — по законам рыночной экономики. Маленькие кооперативы, малые предприятия, семейные предприятия, которые очень легко было создавать (никто не препятствовал, никакие чиновники не мешали), должны были стать клеточками первоначального накопления капитала и обеспечивать рабочими местами и доходами занятых там людей.

— А как должен был осуществлялся приток средств государству от малого бизнеса — через налоги?

Да, через налоги. Но тогда налоги не играли такой гипертрофированной роли, как сейчас. К тому же тогда не было НДС, который потом ввели. Изначально на кооперативы и малые предприятия большой налоговой нагрузки не возлагалось. Наоборот, речь о том и шла, чтобы при очень низких налогах и при очень простой процедуре создания таких предприятий обеспечить им возможность развития. И все мы стали свидетелями начала маленького экономического чуда. Но это было единственное с 1917 года экономическое чудо в России, исключая НЭП (хотя НЭП был возрождением того, что тогда еще не ушло, а здесь имело место создание, начало того, чего в стране не было в течение долгих десятилетий). Как на дрожжах стали расти в огромном количестве кооперативы, семейные предприятия, начала развиваться всяческая индивидуальная трудовая деятельность. В этот процесс создания маленьких ячеек начального накопления включилось множество людей, которые стали мобилизовывать сбережения — свои, своих родственников, семейные капиталы. И смысл всего этого, по горбачевской программе, заключался в том, чтобы создать условия для развития частного сектора, который будет формироваться рядом и параллельно с государственным.

Большим шагом в формировании нового российского бизнеса стало создание смешанных предприятий с иностранным участием. Это была начальная форма привлечения иностранного капитала.

Социализм Горбачева заключался в том, что он не хотел поступиться государственным сектором. Но либерализм Горбачева заключался в том, что он дал жизнь частному сектору, тем самым на корню перечеркнув всю социалистическую идеологию, в которой ликвидация частной собственности на средства производства являлась главнейшим признаком строительства социализма.

На мой взгляд, экономически такой вариант развития и в то время был менее эффективен, нежели вариант либерализации всей хозяйственной системы и предоставления экономических свобод для всех — с приватизацией государственного сектора. Но мне представлялось тогда, что конкуренция нарождающегося частного сектора с государственным в результате приведет к тому, что государственный сектор поглотит частный, не даст ему свободно развиваться и богатеть и так или иначе все равно начнет вытягивать оттуда средства и ресурсы. Однако это была лишь версия наиболее вероятного, как мне казалось тогда, развития событий. А между тем в результате того, как они стали развиваться на самом деле, действительно возникала перспектива быстрого экономического развития страны.

Во-первых, потому, что развитие частного сектора с частной собственностью и формирование частного капитала происходили в ситуации, когда осуществлялся не вывоз капитала из страны, а ввоз, привлечение средств отовсюду, откуда их только могли привлечь частные лица. К тому же и государство на этом этапе не мешало, не препятствовало развитию этого сектора, так что в результате очень быстро началось интенсивное развитие сферы услуг и сектора, ввозившего и производящего товары широкого потребле-

ния, и вовлекалось сюда все большее количество людских и материальных ресурсов. Начиная где-то с 1987 года эта модель уже была определена. Но тогда казалось, что Горбачев делает слишком мало, хотелось большего — настоящих реформ, которые будут идти не малыми шагами в условиях «социализма с человеческим лицом», а большими шагами в условиях свободной демократической системы.

Во-вторых, на Горбачева работала тогда команда Явлинского, программа которого «Пятьсот дней» определяла сроки формирования условий для экономического прорыва. При всех недостатках это была либеральная программа, ставившая задачу перехода к частной собственности на средства производства и к свободным ценам во всех секторах экономики.

Горбачевские реформы прервались по двум причинам.

Одна — политическая: появление сил, которые просто не захотели идти на более радикальные преобразования, стремились вернуть страну назад и не открывать железного занавеса (это все те, чьи надежды пытался осуществить ГКЧП).

Вторая причина — это противоречия в сознании самого Горбачева, который недодумал до конца ту реформу, которую он начал, потому что формирование частного сектора предполагало его мощное целенаправленное развитие и поддержку и быстрое перераспределение туда ресурсов из государственного сектора. А это уже был бы не социализм в принятом в СССР смысле этого слова. Здесь Горбачев должен был сделать выбор: либо мы продолжаем строить социализм, только немножко либерализовав экономическую жизнь и дав людям немножечко экономической свободы...

*— **Печь пирожки?***

Ну да, именно так... Либо мы прекращаем вековую игру под названием «социализм» и начинаем жить нормальной жизнью. Нужно было делать выбор.

И в 1990 – 1991 году, к моменту путча, Горбачев этот выбор уже сделал — не в пользу либеральных реформ. Это был выбор в пользу смешанного варианта — при сохранении социалистической хозяйственной системы как основы народного хозяйства. Выбор заключался в том, что Горбачев не решился пойти дальше. Он не послушался Маргарет Тэтчер и тех западных специалистов, которые говорили о необходимости проведения в СССР либеральной реформы — большой, настоящей, с приватизацией собственности, с независимой банковской системой, с негосударственной денежной системой. Но на такой вариант реформы — по всем параметрам хозяйства — Горбачев не пошел, хотя он знал о возможности этого варианта. Но — сознательно от него отказался. Он решил, что мы пойдем своим — *третьим* — путем.

Горбачев сделал колоссальные преобразования в области внешней политики: он открыл границы, он прекратил «холодную войну». Знаменем реформ он сделал слово «демократия», и, с моей точки зрения, это был

единственный по-настоящему демократический правитель за всю историю существования России, готовый идти на достаточно радикальные преобразования и качественно менять устои жизни.

Еще одно достоинство Горбачева, которое я вижу теперь, — в его концепции реформ социальная сторона занимала столь большое место, что отчасти он потому и не шел на более радикальные преобразования, опасаясь, что в результате приватизации собственности начнется массовая безработица, люди окажутся не у дел, что слишком большая перетряска приведет к слишком ощутимым социальным потрясениям. Не случайно так постоянно звучало тогда это слово — «социальное»: «социальная демократия», «социальная экономика» и т. д. И в горбачевской концепции реформ это не было демагогией. Это потом на протяжении десятилетия социальная составляющая приняла функцию чисто идеологическую и демагогическую.

Однако все это никак не могло избавить его от исторической необходимости сделать тот окончательный и принципиальный выбор, который задал бы все-таки некое однозначное стержневое направление развитию страны — либо социалистическое, либо либерально-демократическое. А вскоре политическая ситуация из-за этого его топтания на месте и вообще вышла из-под его контроля, и с началом путча проблема окончательного выбора встала перед страной уже независимо от того, как намеревался решить ее Горбачев.

Ситуация была такова: победа ГКЧП и старой коммунистической гвардии означала бы ликвидацию того, что Горбачев сделал до этого момента в области экономических свобод, а поражение путчистов, поднявшихся от имени и во имя социализма, — окончательную дискредитацию социалистической идеи и начало тех либеральных демократических реформ, к которым страна на интеллектуальном уровне готовилась начиная уже с 1985 года, когда общество начало осмысливать потребности и возможные направления дальнейшего развития экономики, политики и государственной системы (новомировские дискуссии 1987 года, книга «Иного не дано» и т. д.)...

— Итак, с Горбачевым все более или менее понятно. Но я все-таки хочу уточнить некоторые вещи. Вот вы назвали период горбачевских экономических реформ в России «маленьким экономическим чудом». Но уместен ли здесь такой термин, если, как помнится, «чудо» это не дало сколько-нибудь серьезных результатов, которые население ощутило бы непосредственно? Если это было «чудо», то как объяснить отсутствие товаров на магазинных полках, талоны на еду и курево? Было ведь полное впечатление, что рынок товаров не увеличивается, а скудеет, и к концу 1991 года эта кризисная ситуация достигла апогея...

Да, существует такой миф, что в конце горбачевской эры продовольствия в стране уже не было вообще и люди вот-вот должны были умереть с голоду и перейти ко всеобщей карточной системе. Но ведь потом, едва выпустили

цены, сразу же, буквально через два дня, как по мановению волшебной палочки, товары появились! Как вы понимаете, ниоткуда товары за два дня появиться не могли. Они появились из запасников. И это понятно. Ведь на протяжении нескольких месяцев (если не всего последнего года) общество будоражили бесконечные слухи — что предстоит выпускание цен, что вот-вот начнется приватизация, радикальная реформа собственности, что дадут возможность торговать по свободным ценам и т. д. Было бы наивно предполагать, что на это никак не реагировали те, кто «сидел» на товарах и на их распределении. Тогда ведь появлялась время от времени даже и определенная информация (заметьте, не слухи, а достоверные сведения) о том, что склады забиты продукцией, что ее «придерживают» до того момента, когда решится вопрос с ценами. Никто больше не хотел продавать по низким государственным ценам. Все ждали ценовой реформы. И так как на последнем этапе горбачевских реформ Павлов уже начал повышать цены (но все равно они еще не были рыночными, свободными), то все, кто мог, просто «держали» товары. Именно этим и объясняется отсутствие их на прилавках. Вспомните, ведь одновременно с этим расцветал «черный», то есть свободный рынок, на котором по свободным рыночным ценам, называемым тогда спекулятивными, все уже можно было купить. То есть я хочу сказать, что в результате горбачевских реформ товаров отнюдь не убавилось, — вероятнее всего, даже прибавилось....

— А есть на этот счет какие-нибудь цифры? Реально выход продукции увеличился или нет?

Реально произошло перераспределение продуктов в частный сектор, где можно было по коммерческим ценам покупать те товары, которые уже постоянно присутствовали в этом секторе на прилавках . В то время, когда в государственных магазинах прилавки пустовали, в частных магазинах (на аренде, конечно, но по социалистическим критериям все же в частных) по более высоким ценам можно было купить буквально все. То есть начало происходить перетекание товаров из государственной системы торговли в коммерческую.

— Но ведь тем самым создавались определенные проблемы для населения, поскольку это было реальное повышение цен...

Конечно, без всякого сомнения.

— И это, вероятно, было результатом той самой половинчатой позиции Горбачева, о которой вы говорили? С одной стороны, цены полностью не отпускались из-за социальных опасений, но, с другой стороны, хотя Горбачев держал рычаги управления экономикой, в том числе и частной, в своих руках, провозглашавшаяся им в качестве приоритетной «социальная составляющая» все

равно, значит, не очень-то срабатывала? Выходит, Горбачев действительно запутался в каких-то противоречиях...

Тут существуют объективные противоречия. Это не только Горбачев запутался. Просто смешанная экономика в том виде, в каком она представлялась Горбачеву и его идеологам выходом из создавшейся ситуации, нежизнеспособна в принципе: она не дает роста, она не обеспечивает возможность преодоления кризиса, она обеспечивает лишь перераспределение внутри системы. И такие горбачевские идеи экономической свободы, как самофинансирование, самоокупаемость и прочие «само», как хозяйственная самостоятельность государственных социалистических предприятий и т. п., в государственном секторе не могли дать ничего кроме разворовывания, кроме использования предоставленной свободы для удовлетворения личных потребностей тех, кто «сидел» на собственности, на деньгах, на средствах производства, на ресурсах. Едва у госпредприятий появилась возможность реализовывать что-то и открывать кооперативы в рамках предприятия, как сразу же эта экономическая свобода стала обеспечивать отток ресурсов из основных производств и перелив их в частные производства. А так как подобная система отработана не была, то частное производство давало возможность изымать из хозяйственного механизма средства уже для личного потребления тех, кто раньше не мог этого делать.

— Так и создавались состояния?

Совершенно правильно. Директор предприятия, который получил для себя режим работы в условиях самофинансирования, самоокупаемости, хозяйственной свободы и право и возможность организовывать кооперативы, стал создавать вокруг своего предприятия большое количество кооперативов, направлять туда ресурсы, через кооперативы реализовать товары по коммерческим ценам, а выручку использовать для собственного обогащения. Так начали накапливаться личные состояния. И во многом это было неизбежно, так как средства, вырученные от коммерческой продажи продукта, показанного как плановый продукт государственного предприятия (выпускаемый по государственной же цене), просто невозможно было легализовать — они неизбежно должны были уходить в «тень». Если бы это была нормальная рыночная экономика, если бы эти предприятия просто объявили частными, отдав их, предположим, советам директоров, экономическое развитие происходило бы более адекватно. Если бы предприятия отдали в частные руки, владельцы делали бы все от них зависящее, чтобы максимально выжимать из своих предприятий все, что они могут дать, и зарабатывать деньги не только для того, чтобы лично обогащаться, но прежде всего для того, чтобы поддерживать и развивать производство, успешное существование которого становилось условием их собственного успешного существования. Для директора госпредприятия, которое не было его

собственностью, ситуация была совсем иная: ему надо было гнать план, дополнительный доход он получал только от коммерческих дочерних кооперативов и мог использовать его только для себя и для своих подручных, но никак не для развития своего основного предприятия. Частные же владельцы вкладывали бы средства, искали возможность провести модернизацию, сбросить балласт, выпускать продукцию, которая будет пользоваться спросом. Экономический механизм заработал бы. Но вместо всего этого в результате горбачевской реформы были созданы все условия для того, чтобы государственная номенклатура могла обогащаться за счет коммерциализированного сектора, который формировался вокруг предприятий. И получалось так, что предприятия начинали работать хуже: у них стало не хватать сырья и денег на выплату заработной платы, хотя те же самые люди, которые числились на предприятиях, работали в кооперативах и через кооперативы получали свои заработки. Начальство же получало очень большие доходы и сколачивало свой капитал.

— А вывоз капитала был в то время? Это не при Горбачеве началось?

Вывоза капитала как массового явления тогда еще не было. Еще не были отработаны каналы, не было системы коммерческих банков, через которые это все осуществляется. Но на индивидуальной основе вывоз капитала, конечно, существовал. Директор, который хорошо украл, мог часть своих денег положить на зарубежный счет. Это был еще не собственно вывоз, а способ накопления капитала, который формировался в западных банках — потенциально для развития производства, конечно, но разве лишь в некоем неопределенном будущем.

2001, № 1 (107)

3. ИЗ ИНТЕРВЬЮ С В. В. ВИНОГРАДОВЫМ (апрель 1994 года)

— Владимир Викторович, я начну с вопроса, ответ на который мне интересно было бы услышать от вас как от человека, который принадлежит к совсем другому поколению, чем мое. Вам ведь, наверное, еще и сорока нет?.. А, тридцать восемь? Значит, вы начинали тогда, когда мы, кого сейчас называют шестидесятниками, уже, как говорится, стали спускаться под горку. Насколько я понимаю, вы были экономистом, финансистом и до того, как затеяли создание Инкомбанка.

Да, до этого я работал в Промстройбанке СССР...

— Так вот, когда пять лет назад у вас появилась возможность начать свое дело, у вас, я думаю, наверное, просто чесались руки от нетерпения взяться, наконец, за какое-то свое, собственное дело. И это, наверное, и были те самые первые стимулы, которые вами руководили — стимулы профессиональные, творческие. Это мне понятно. И все-таки мне интересно, а какие-то иные, более широкие, — ну, если выражаться высоким штилем, гражданские, патриотические, например, — стимулы имели для вас при этом значение, вы как-то сопрягали это, скажем, с образом России, которую вам хотелось бы построить? Или вы об этом тогда не думали и вам просто поскорее хотелось взяться за настоящее дело, попробовать по-настоящему, наконец, профессионально поработать?

Вопрос не простой. Мне трудно сейчас конкретно вспомнить, что я тогда думал — в 86-м или в 88-м году. Я тогда действительно очень много размышлял об экономике России, читал книжки, изучал прошлое банковской системы России. Я имею в виду конец XIX — начало XX века. Это было как раз в русле моей диссертационной работы, которую я тогда писал. Я сидел подолгу в Ленинке — это было в 85-м — 86-м годах; в 86-м я уже пошел работать в Промстройбанк. Но, конечно, прежде всего мною двигал тогда чисто профессиональный и материальный интерес. Все-таки дедушка Маркс, как его ни ругают, прав: бытие определяет сознание. Жить было очень тяжело, платили очень мало денег, я был старшим экономистом, зарплата была 180 рублей, а у меня был маленький ребенок, жена в декрете, и, учитывая, что

я платил тогда еще и алименты своей бывшей жене, на руки я получал совсем ничего. Это было первое, если честно признаться, хотя все время в глубине присутствовало и чувство какой-то очень большой обиды за страну [...] Люди мы были тогда уже взрослые, нам было по тридцать с небольшим, мы уже успели посмотреть страну, познакомиться с ней, понять, какая она большая и богатая, мы уже прочитали, какая богатая она была в прошлом, и мы прекрасно понимали, что, конечно, она живет плохо, не по возможностям, что народ может жить намного интереснее, намного более ярко. Было очень обидно за то, что мы не умеем делать элементарные вещи. У меня жизнь сложилась так, что я с самого начала, после того как закончил школу, не был окружен слишком уж идеальными условиями. Первые три курса института я отучился в Уфе, институт был в одной части города, а жил я в другой, и все время приходилось ездить на автобусе, который то ломался, то горел, и нужно было проехать двадцать километров, чтобы учиться. Утром приходилось вставать в семь часов утра, выходить и стоять с полутора сотнями таких же граждан, как и я, на остановке, драться за место, потом ехать, и было очень досадно, что нет возможности или приобрести квартиру рядом с местом учебы, или взять ее в аренду: тогда просто рынка такого не существовало. Я не говорю уж о том, что и думать было нечего, что кто-то создаст нормальные условия, что запустят, например, скоростную электричку или скоростной трамвай. Потом, когда я закончил институт и приехал работать в Волгодонск, я увидел, как мы плохо умеем строить заводы и города. Это же ужас, как мы строим. Все эти Братски, все эти наши комсомольские патриотические песни о подъеме Сибири,— все же это слезы и сплошное горе людей, И это было очень тяжело, морально тяжело, сознавать, тем более что мы тогда еще верили в какие-то идеалы, были своего рода идеалисты, понимаете. Хотелось сделать что-то хорошее для страны, полезное для всех, а для этого научиться делу, стать менеджерами. [...] Было очень обидно, что мы плохо умеем считать, плохо умеем думать, плохо такие колоссальные финансовые ресурсы, которые были у страны, используем. А все это так делалось, я подозреваю, начиная с 1917 года. Было просто ужасно себе представить, сколько же за это время душ погублено, жизней, денег, возможностей, природы, не знаю чего еще... А так называемое Цимлянское море? Совершенно бессмысленное мероприятие, были загроблены очень хорошие земли, заливные, они могли бы кормить сегодня весь юг России. А потом я застал и период, когда вырубали виноградники в 1985 году...

— Да, было тогда такое игристое Цимлянское, помните?

Сейчас вы его не найдете... А я помню, потому что я тогда уже работал в комсомоле, и приходилось людям, приезжавшим из ЦК ВЛКСМ, «ставить», как это у нас было принято... Тоже очень интересная сторона жизни, которую я хорошо изучил за два своих без малого года работы в комсомоле. И просто это отвращение внутреннее меня почти уничтожило как личность и даже,

по-моему, здоровье мое физическое почти подорвало: я все время испытывал, знаете, отвращение к этой системе отношений, партийно-комсомольской. И я бросил все это дело и ушел, как принято говорить в комсомоле, не очень «хорошо». Уйти «хорошо» — это считалось, когда человек ушел на место, где можно немножко красть. Или, наоборот, ушел в партийные органы на повышение. А я ушел в конструкторское бюро заниматься экономическими расчетами, собирался работать в финансовом отделе, потом поехал учиться в аспирантуру в Москву... В общем так вот все и получилось, что когда мы создавали свой банк, хотелось сделать все-таки что-то настоящее, большое, красивое. Если бы хотелось только, понимаете, хорошо заработать или украсть, наверное, такой большой банк не получился бы. Потому что сейчас, я скажу, от такого большого банка кроме морального удовлетворения и раза в три большей ответственности, нагрузки и работы я ничего, в сущности, по большому счету не имею. И если я стал там или стану миллионером, так я этими миллионами все равно не пользуюсь, мне некогда ими пользоваться, потому что в этой стране просто нет инфраструктуры, чтобы ими пользоваться. А чтобы создавать такую инфраструктуру за рубежом, нужно бросить тогда банк, поехать туда жить и работать, понимаете? А я не могу его бросить, потому что, мне кажется, и мне будет плохо без него, и ему не очень хорошо. Поэтому я пожизненно, может быть, если не кандальной, то золотой цепью привязан к этому детищу. Вот такая ситуация, понимаете...

— Спасибо, очень интересный ответ. Скажите, а вот если оценивать прошедший период, — перестроечный, постперестроечный, не буду сейчас их делить,— с точки зрения исторических задач, стоящих перед Россией, в чем вы видите основные, главные, не говоря о разного рода частных и тактических, просчеты или ошибки, допущенные руководством страны? Что бы вы поставили им — и Горбачеву, и Ельцину?

Понимаете, Горбачеву, мне кажется, просто нечего даже поставить в счет. Просто он такой уж человек, недостаточно решительный и очень доверчивый, — поэтому он и привлекал к себе людей, которые потом очень быстро стали его противниками. Или привлекал слишком слабых людей. [...] Он неудачно подобрал команду. Я не говорю о том, что его окружали старые кадры типа Лигачева, я говорю про новых, которых он сам привлек. Он же привел к нам, кстати, и Бориса Николаевича, это была его главная ошибка. Для тех целей, которые он ставил перед собой — большие, великие, — адекватных людей он просто не смог найти. И поэтому дело и рухнуло. Ведь совсем немного нужно было, и если бы удалось удержать Союз, не подписали бы эти беловежские соглашения, то было бы тяжело, может быть, вот столько же времени, как сейчас, но сегодня было бы уже легче, пошло бы лучше, потому что когда мы вместе, вся наша кооперация вместе, мы бы быстрее выбирались из этой клоаки. А в силу того, что его ближайшие помощники, друг даже, такой же, как он, выпускник МГУ, председатель Верховного Со-

вета Лукьянов. Он же стал противником, причем очень быстро, за два года сотрудничества, и я так подозреваю, что он вообще был идеологом всего этого путча. Не несчастный же наш руководитель КГБ, который был, наверное, хорошим помощником у Андропова, но и только [...]

— Значит, вы считаете,— я так вас понимаю? — что Горбачев ничего еще такого и не сделал, о чем можно было бы говорить и за что можно было бы его так или иначе судить? Ну, разве лишь кроме политики гласности?..

Нет, политика гласности — за нее не надо судить. Почему? Это хорошая политика... [...] А судить его, — я ему это, кстати, сказал прямо в глаза,— судить его нужно прежде всего за то, что когда у него были в руках денежные ресурсы и власть, он не настоял на том, чтобы массово молодежь направить учиться за рубеж. Ну, и что, если бы от них, скажем, третья часть или половина осталась за рубежом? Во-первых, не навсегда, кто-то и вернулся бы через пять или десять лет, но ведь основная масса сразу бы вернулась в Россию. Да, они не были бы на полную катушку востребованы той Россией, которая была тогда. Но они бы сейчас нам очень понадобились, понимаете. И не было бы, может, Гайдаров: ведь Гайдар — это же, в сущности, тот рак, который только на безрыбье рыба, его не от хорошей жизни откопали и вытащили на свет. Просто не было никого, абсолютно никого не было, и я представляю себе ситуацию, когда Бурбулис искал такого «Гайдара» и был очень рад, что его нашел. А если бы было хотя бы десять Гайдаров, то, может, хоть у одного была бы, например, бедная бабушка или он сам был из бедной семьи и если не через свои монетаристские теории, то хотя бы здравым смыслом понял, что нельзя, — и ему просто жалко было бы, – людей в такое обнищание погружать, так банкротить в результате падения рубля. Просто он представлял бы себе, что это значит, и никогда таких заявлений, какие делал порой в узком кругу, себе не позволил бы. Гайдар ведь говорил, что ему все равно, что они будут нищие... Но нельзя же так, для кого же тогда делается все это?..

Вот это было большое очень упущение. То есть, когда еще коммунистическая партия была крепкая, финансов было достаточно, в Российском государстве еще и не пахло разореньем, можно было отщипнуть десятую или даже двадцатую часть этих финансов, направить сотни две тысяч специалистов с заводов, уже прошедших стажировку, за рубеж и сделать из них резерв. Ведь всякая революция начинается с того, что власть опирается на новый какой-то социальный слой. А Горбачев ничего даже и подготовить не захотел, начал переливать из пустого в порожнее с этими партийными кадрами, — да кому они нужны?.. Нужно было промышленников, производственников отправить туда учиться, как сделал это Петр, а он не сделал. [...] Но он до сих пор, кажется, не осознает, какая это была ошибка: когда я ему сказал об этом, он, по-моему, даже не понял. Во всяком случае, на челе его «не отразилось ничего». Он живет в том мире своих категорий, в котором вырос...

1994, № 2 (80)

4. ИГОРЬ ВИНОГРАДОВ

Парадокс Михаила Горбачева, или Попытка исторической апологии последнего генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза

1

Феномен Михаила Горбачева принадлежит, несомненно, к числу исторических парадоксов. Причем — самых ярких, самых разительных в XX веке.

Горбачев пришел к власти в тот момент, когда многими и давно предсказанная обреченность Советского Союза на поражение в экономическом, а соответственно и в «холодном» (но совсем не обязательно «горячем») военном противостоянии Западу превратилась в непосредственную историческую актуальность.

Правда, даже большинству российских диссидентов, как признавались они потом, советский коммунистический режим еще и в начале 80-х годов виделся по-прежнему незыблемым, чуть ли не вечным. А уж о населении СССР и говорить нечего. Да, людям приходилось все туже затягивать пояса в ситуации не только вечного безденежья, но и катастрофически нараставшего тотального дефицита продовольствия и товаров. Однако догадаться, что состояние дел и в военно-промышленном комплексе тоже становится все более безотрадным — тем более, увидеть в этом закономерное следствие общего загнивания системы — обыденному сознанию было не под силу. Слишком крепко была вбита в наш советский менталитет горькая уверенность, что уж чего-чего, а чтобы танки и ракеты были у нас самые лучшие, дорогое наше государство непременно — за наш же счет — добьется.

Однако то, что реально стояло за все растущей нехваткой мяса, зерна, обуви и одежды и каким было действительное соотношение сил и конкурентных возможностей на мировой арене «холодной войны», очень хорошо представляли себе секретные и полусекретные аналитические центры соответствующих государственных служб. Так что и до Горбачева вождям нашим закрывать глаза на ситуацию было уже нелегко, и они вряд ли могли тешить себя иллюзией, что на их век статуса «сверхдержавы» еще хватит [...] Но после того, как Рональд Рейган обнародовал свою знаменитую программу

«звездных войн», означавшую новый колоссальный виток гонки вооружений, для советской экономики уже совершенно неподъемный, отпала и эта жалкая надежда. И сколько ни пытались мы сопротивляться американскому вызову, как ни усиливались столкнуть Рейгана с его платформы и как при этом ни блефовали (в том числе поначалу и Горбачев), американский президент был тверд и неуступчив [...]

И это во многом и решило дело. Руководству СССР стало ясно, что придется, во-первых, как-то выходить из той прямой конфронтации, которая лежала в основе стратегии «холодной войны», основанной на паритетной равновеликости угроз. И стало ясно, что придется, во-вторых, искать кардинально новые исторические пути для дальнейшего развития и самой нашей страны [...] Иначе уже в самом недалеком будущем СССР ожидала незавидная перспектива превратиться в окончательного аутсайдера мирового процесса, неспособного обеспечить даже и свою собственную, не говоря уж о всем *соцлагере,* национальную безопасность.

Но как было ко всем этим задачам подступиться, какие пути искать?

Вот это-то и выпало решать Горбачеву, который очутился, таким образом, в очень сложном и далеко не свободном положении.

С одной стороны, ему просто некуда было деваться: он был обязан, был *вынужден* действовать, — и, я думаю, он дорого дал бы, если бы ему была дарована хоть малейшая возможность как-то отодвинуть американский вызов и хотя бы еще несколько лет ничего существенного не предпринимать. Но такой возможности предоставлено ему не было, и вот почему в известном смысле Рейгана тоже можно назвать Отцом нашей Перестройки.

Однако, с другой стороны, решать, что именно делать в стране и со страной в рамках сложившихся реальных условий, которые приобрели характер неотвратимого исторического запроса, выпало все-таки именно Горбачеву. Никакой Рейган за него этого сделать не мог, и то пространство *исторической свободы*, которое оставляла для принятия каких-то решений сложившаяся катастрофическая ситуация, предстояло осваивать ему и только ему. А здесь, как нетрудно понять, он мог выбрать очень разные пути [...]

Однако, как мы знаем, он выбрал именно тот путь, который выбрал, — путь падения Берлинской стены, путь Перестройки. А это значит, что тем самым все-таки именно он, а не кто-то другой, положил начало и всей той содержательно совершенно новой исторической эпохе в жизни нашей страны и всего мира, в которой мы сегодня живем. Потому что первый — и уже необратимый — толчок к рождению и развертыванию этого нового ее содержания был задан именно Перестройкой.

Но если это так и если в большом историческом масштабе суть этой новой эпохи состоит, несомненно, ***в решительном крушении социализма в нашей стране и в странах распавшегося соцлагеря***, то из этого, в свою очередь, неотвратимо следует, что, стало быть, ***именно Горбачев***, а не кто-то другой, и ***положил начало этому краху социализма, вызвавшему столь значимые, поистине эпохальные сдвиги и перемены во всем мире***.

В этом и состоит парадокс Михаила Горбачева — парадокс, давно уже зафиксированный и обозначенный аналитиками самых разных школ и направлений, но, кажется, в своей глубинной сути так еще до конца и не уясненный [...]

2

Хотел ли сам Горбачев, чтобы с социализмом было, наконец, покончено?

Да ни в малейшей мере. Мы прекрасно знаем, что так называемую Перестройку, приведшую в конечном итоге к краху социалистической системы, начал человек, искренне преданный идее социализма, убежденный в коренных исторических преимуществах социалистической системы и свято веривший в то, что затеянная им Перестройка именно и приведет к ее расцвету и укреплению. [...]

Мало того, оглядываясь сегодня назад, нельзя не признать, что Горбачев достиг этих парадоксальных для самого себя результатов способом, который из всех возможных был едва ли не самым быстрым и эффективным. То есть наиболее разрушительным для нашего «реального социализма». Ибо этот социалист и марксист сразу же сделал то главное, что не только никак не могло укрепить советскую социалистическую систему, но, напротив, должно было положить начало именно стремительному и необратимому процессу ее тотального изнутри разложения. И, в конце концов, развалить ее до основания.

В самом деле, Горбачев начал, как все помнят, свои реформы с того, что провозгласил *гласность*. И — наряду с начатками рыночной экономики (вполне, впрочем, допустимыми даже и в общих рамках господствовавшей социалистической экономической системы) — даровал стране *главнейшую из политических свобод — свободу слова*. Однако чем же еще и мог обернуться для СССР этот дар, если не сокрушительным ударом именно по самой главной, стержневой конструкции всего нашего социалистического устройства? Ведь основана-то эта конструкция была как раз на тотальной *несвободе* — на всех тех государственных, психологических и социальных ее формах, в какие только можно было втиснуть ту или другую область жизнедеятельности общества. На, как сказал бы Достоевский, «чуде, тайне и авторитете» невиданной в мире Партии, почти мистическое всемогущество каждого Слова и Дела которой приводило в трепет и лихорадочное движение миллионы. На немоте и страхе перед этим железным молохом подавления любого инакомыслия, не говоря уж об инакоповедении. И на множестве других таких же форм несвободы, которые в совокупном своем сцеплении как раз и составляли стержневой остов всего советского общественного организма — от экономики до идеологии, от права до быта.

Свобода слова, выпущенная Горбачевым на свободу, и в самом деле просто не могла, таким образом, не сломать именно сам этот совершенно ей чуждый, совершенно антиприродный ей *хребет* советского социализма.

Что она и сделала, сорвав с системы покровы лжи, разоблачив ее страшные и постыдные тайны, обнажив ее экономическую несостоятельность и развеяв ее сакраментальные исторические мифы. [...]

Как же Горбачев и его коллеги не разглядели такую простую, казалось бы, вещь? Как пошли они на то, что должно было попросту смести социализм — и их вместе с ним? Как не сообразили, что свобода для социализма пострашнее атомной бомбы? А вот нате же! Именно сам верховный правитель и жрец советской социалистической Трои и оказался тем данайцем, что принес ей самый страшный для нее дар...

3

Почему Горбачев это сделал?

Да потому, что и он, и его ближайшие сподвижники были *шестидесятниками* — людьми той оттепельной хрущевской эпохи, которая их создала и выпестовала. А эпоха эта совсем не случайно срослась в нашей исторической памяти с именем, которое было намертво прикреплено позднее к идеологии шестидесятничества Пражской весной, — *социализм с человеческим лицом*.

Конечно, в более широком смысле *шестидесятники* — это вообще все то поколение (очень разного возрастного спектра), которому пришлось так или иначе отвечать на острейшие вопросы своей эпохи, приоткрывшей завесу над нашим прошлым и ослабившей контроль над мозгами. И в этом поколении отнюдь не все искали решение проблем на мировоззренческих путях, обнимаемых формулой *социализм с человеческим лицом*, спектр вопрошаний и ответов на «проклятые вопросы» социального и личностного бытия, вызванные к жизни новой эпохой, уже и тогда был достаточно широк.

И все же что ни говори, а шестидесятников, исповедовавших эту социалистическую религию, было подавляющее большинство. И именно она составляла *главную, типологическую* суть шестидесятничества — эта, при всех частных расхождениях, общая и святая вера в то, что *истинный* социализм без полной демократии невозможен, что только тогда, когда он обручен с реальной свободой всякой личности, он обретает действительно *человеческое лицо*, становится свободным содружеством свободных людей, совместно и свободно управляющих всем своим материальным и духовным достоянием.

Конечно, и шестидесятники, исповедовавшие религию *человеческого социализма*, тоже были разными. Даже очень разными [...] Но были в этой генерации *шестидесятников-социалистов с человеческим лицом* (охватывавшей очень широкий возрастной круг) и те, кто или уже осваивал лабиринты власти, или впервые устремлялся туда. Разумеется, основную массу волонтеров власти составляли те, кто не имел никакого отношения и вообще к каким-либо мировоззренческим устремлениям, заменяя их чисто карьерными. Но ведь и вообще в поколении, формировавшемся в 60-е годы, процент тех, кого мы действительно вправе относить к *идейным* шестидесятникам, был

вовсе не так уж велик. И уж совсем мал он был, естественно, в карьерной группе.

Но он все-таки был, и Михаил Горбачев, несомненно, входил в этот круг людей.

Я не был знаком с ним в те годы, когда, как и он, учился в Московском университете, хотя мы бегали по одним и тем же коридорам и он окончил свой юрфак всего лишь на два года позже, чем я свой филологический. Но я знал многих своих и его однокашников с гуманитарных факультетов, тоже избравших позднее путь во власть. [...]

Понятно, что путешествие во власть не могло не отразиться на их духовном складе и нравственно-психологическом облике. И отнюдь не в лучшую сторону, — по крайней мере, в сравнении со многими из тех, кто избрал в те же 60-е годы иные пути. [...]

Тем сильнее, конечно, должна была сказаться на Михаиле Горбачеве его еще куда более головокружительная дорога наверх, где он был и Брежневым обласкан, и Андроповым и Черненко привечен. Недаром, наблюдая за ним все перестроечные годы, так часто приходилось распознавать и в его политических действиях, и в его поведении и обращении с людьми (с тем же Сахаровым, например) столь знакомые нам всем родовые черты и приметы вознесшей его и хорошо, естественно, при этом его обкатавшей (и ободравшей) партийной номенклатурной среды. [...]

И все же я совершенно убежден, что *определяющим* для формирования у Горбачева его *собственного* общественно-политического мировоззрения, душой и разумом выработанного, оказалось все-таки именно то, что сформировало и большинство шестидесятников, — XX съезд и еврокоммунизм Грамши и Тольятти, «Новый мир» Твардовского и «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, Гомулка и Пражская весна. Я убежден в этом потому, что позже, когда у Горбачева появились возможности для реализации действительно собственной, личностно органичной для него системы общественно-политических ценностей, он и повел себя именно как типичный, я бы сказал даже — *закоренелый,* шестидесятник. Ибо то, что сделал Горбачев вместе со своей командой, в здравом уме и памяти мог сделать только социалист, искренне и убежденно исповедовавший именно ту религию *социализма с человеческим лицом*, которая во главу угла ставила ценности демократии и свободы и которая и была как раз самой сутью шестидесятничества.

4

Здесь нет возможности — да и необходимости — сколько-нибудь обстоятельно задерживаться на том, как и почему шестидесятые годы столь горячо уверовали в эту религию. Поэтому отмечу только главное.

Во-первых, это была не абстрактная, а очень живая вера, и эту живую душу сообщала ей прежде всего неотразимая притягательность тех высоких нравственных идеалов братства, равенства и свободы, реализовать которые

обещал социализм и на демагогической эксплуатации которых всегда и строил свое реальное существование.

А потому, во-вторых, ее питало и столь же живое, требовательное чувство того острого стыда за эту демагогию, за кровавое расхождение между провозглашенными идеалами и кошмаром сталинской социалистической казармы, от которого после разоблачений XX съезда уже не мог быть свободен ни один социалист, считавший себя *порядочным* человеком. [...]

Третий важный компонент этой социалистической религии — очень характерная для шестидесятников и унаследованная ими (в русле социалистической традиции) еще от эпохи Просвещения простодушная материалистическая вера в то, что естественная природа человека не заключает в себе, как выразился бы Кант, никакого *радикального зла*. Что она — в основе своей — добра и прекрасна, и стоит только дать ей действительно *человеческие* возможности для своей социальной реализации, как и само общество преобразится. Это простодушие внерелигиозного просветительского гуманизма тоже было, таким образом, в каком-то смысле очень нравственным и благородным. Но от этого оно никак не переставало быть простодушием. И именно эта-то составляющая шестидесятнической религии более всего и придавала ей утопический характер, поскольку вся вера в реальную возможность *человеческого социализма* как раз на этом просветительском уповании и держалась.

Ради справедливости следует отметить, впрочем, что строй мышления, заданный этой давней парадигмой просветительского внерелигиозного гуманизма, и вообще был очень типичен для эпохи, с молоком матери впитывавшей в себя на протяжении многих десятилетий опиум марксизма. [...] Это была общая вера оппозиционной общественности 60-х годов в то, что стоит только свернуть шею чудовищному политическому режиму советской *Империи лжи* и дать людям демократические свободы, — и освободившееся общество не только само разберется, как устроить свою жизнь, но, несомненно, и устроит ее по лучшим образцам современной демократической цивилизации...

Что ж, в течение последних пятнадцати лет многие могли, как мы знаем, проверить эту фантазию. И как раз благодаря Михаилу Горбачеву, которому история предоставила возможность не только потеоретизировать, но и реально попробовать претворить в жизнь свой проект, во многом и замешанный как раз на этой общешестидесятнической прекраснодушной вере. И надо отдать Отцу Перестройки должное: он действительно сумел запустить этот проект в жизнь, сумел даровать, как и планировал, насельникам унаследованной им социалистической казармы Свободу и Гласность — даровать в надежде и уверенности, что разбуженная народная инициатива и радостная самодеятельная активность освободившихся масс, получивших в руки чудодейственные орудия выборности, контроля и свободы обсуждения всего на свете, вдохнут новую жизнь в разваливающуюся социалистическую конструкцию, оживят и преобразят ее. И выправившаяся страна действительно

вступит, наконец, на тот единственно правильный путь, который был предначертан великим учением Маркса-Энгельса-Ленина...

Приходится ли удивляться, что в итоге и с этим проектом случилось то, что всегда происходит с подобными фантазиями, когда их пытаются претворить в жизнь? История нанесла не только по советскому «реальному социализму», но и по самой этой утопии свой неотвратимый и сокрушительный удар. Потому что *социализма с человеческим лицом* в нашем несовершенном мире не бывает и быть не может. А кто думает иначе, пусть назовет хотя бы один исторический пример, хотя бы отдаленно, но все же подтверждающий реальную возможность появления такого феномена. Социал-демократические коррекции в общей системе либеральной экономики — да, они реальны и вполне могут соответствовать *человеческой* системе отсчета. Но командная плановая социалистическая экономика, отторгающая индивидуальную экономическую свободу, — и... современная секулярная демократия?..

Здесь возникает, правда, очень любопытный вопрос о том, можно ли считать провал социалистического проекта Перестройки окончательным и достаточно убедительным для современного мира приговором социалистической идее в целом. И на этот вопрос уже не так просто ответить, хотя логика истории и настаивает как будто бы на том, что ее приговор социализму — окончательный и обжалованию не подлежит. Но логика — это одно, а реальная история — другое.

Никакого иного социализма, кроме *нравственного*, не должно и не может быть, — говорит один из героев «Ракового корпуса» Солженицына. И мы знаем, что *такой* социализм *возможен*. Мы знаем это из Евангелия, из апостольских «Деяний», в которых рассказано о жизни первых христианских общин, где «все было общее» и где возможность этого «всего общего» обуславливала нравственная высота общинников-единоверцев, добровольно и свободно соединивших имущество ради жизни в чистом братстве и в общей любви к Христу и вере в Него.

Но, зная это, мы знаем и то, что на подобный уровень нравственной высоты и внутренней свободы своих граждан — уровень, которым одним только и обеспечиваются смысл, оправдание и жизнеспособность общинного социального устройства, — не может даже в далеком приближении всерьез рассчитывать ни одно реальное общество. [...]

Однако, с другой стороны, и заданный этими раннехристианскими образцами нравственный идеал человеческого общежития (который, в сущности, и лежит в основе социалистической идеи) тоже никогда не потеряет своей притягательности для людей — именно как высший нравственный образец свободного человеческого общества. Да, в полноте своей он никогда не может быть в современном секулярном мире достигнут. И все же лишь он способен задавать то направление, в русле которого только и может происходить реальное нравственное очеловечивание и усовершенствование существующих социально-государственных структур.

Действительно, в чем же еще и состоит, к примеру, смысл всех тех социал-демократических корректировок современного капитализма, которые постоянно предпринимаются во всех развитых странах мира, если не в том, чтобы сделать социально-гражданскую структуру современного общества более созвучной принципам социальной справедливости и солидарности, более адекватной началам человеческого братства, любви, взаимопомощи и милосердия? Все это и есть ведь не что иное, как посильное, по мере возможности, внесение в реальную жизнь тех или других элементов христианско-социалистического общественного идеала — элементов, которые общество уже (или еще) способно с охотою и свободно принять. И можно предположить, что эти попытки никогда не прекратятся, поскольку никогда не утратит для людей своей значимости этот высший социально-нравственный идеал человеческого общежития в свободной любви, братстве и духовном единении.

Но ведь не только прекраснодушных мечтателей, но и разного масштаба пройдох, прекрасно понимающих, какой вполне жизненный профит можно извлечь из ловкой эксплуатации приманок такого рода, всегда в мире найдется предостаточно. И поэтому столь же легко допустить, что и за попытками снова и снова заставить социалистическую утопию так или иначе поработать в истории дело тоже, вероятно, не станет. Наша полумаргинальная-полупрохиндейская КПРФ тоже ведь рассчитывает сыграть именно в эту игру.

И все же если говорить лишь о той конкретной попытке претворения в жизнь перестроечной социалистической утопии, которую предпринял Михаил Горбачев, то итоги и последствия ее совершенно как раз однозначны. По крайней мере для России и по крайней мере применительно к ближайшему обозримому ее будущему. Во всяком случае Ленин, этот самый главный для тогдашнего Горбачева (да и для всех нас тогдашних) пророк отечественного социализма, сформулировал бы их очень просто: итоговым результатом горбачевской Перестройки, сказал бы он, стал, несомненно, ***безусловный и полный крах демократических иллюзий в российском социализме 90-х годов XX века.***

И был бы прав.

Но вот этот-то результат и ставит нас перед вопросом, от которого нам никуда не уйти, коль скоро мы пытаемся разобраться в парадоксе Горбачева. Как же все-таки оценить историческую значимость и масштаб фигуры этого Генсека и социалиста, который обрек на смерть свою партию и положил начало краху российского социализма тем, что подарил своей стране свободу?

5

Уверен, найдется немало людей, которые скажут: конечно, по объективным результатам. И саркастически припечетают эти объективные результаты [...]

Действительно, кто посмеет отрицать, что вожделенный «социализм с человеческим лицом» обернулся, в конце концов, хищническим номенклатурно-олигархическим капитализмом с таким откровенным бандитским оскалом, что никакой парадный демократический его госмундир уже не в силах замаскировать полное отсутствие какой-либо правовой для него узды? Да и чем другим, кроме способности именно к такой и только к такой трансформации, могла ответить на вызов свободы страна, абсолютно не подготовленная к тому, чтобы конструктивно и плодотворно овладеть этим даром? Семьдесят лет существования в концлагерном режиме коммунистического тоталитаризма не могли пройти бесследно: к моменту, когда родное отечество наше внезапно получило столь неожиданный для него и, в общем-то, вполне вроде бы благодетельный дар, в стране не было уже не только никаких политических, социальных, правовых и прочих общественных механизмов и инструментов, способных быстро и энергично освоить свободу и актуализировать ее потенции на благо обществу, но и никаких внутренних сил и социально-психологических возможностей и условий для того, чтобы такие механизмы жизнеспособной демократии создать.

Ни сколько-нибудь развитых традиций гражданской активности и самоорганизации общества.

Ни просто даже понимания и вкуса к демократии у большинства населения, привыкшего ожидать всяких изменений только сверху и утратившего уже всякую живую историческую память о том, как демократия возникает и что для этого требуется.

Ни сколько-нибудь влиятельной и сильной демократической интеллигенции, лучшее политическое детище которой — знаменитая Межрегиональная группа — не случайно так быстро и бесследно сгинула в пучине поглотившего ее *агрессивно-послушного большинства*.

Ни национально-ответственной политической элиты, уже во времена застойно-парадного коммунистического энтузиазма окончательно превратившейся в матерую банду цинических хозяев жизни, не веривших не только в ту идеологию, которую сами же остервенело скармливали своему народу, но и вообще ни в бога, ни в черта — ни во что, кроме собственной жадной утробы.

Что же удивляться, что дарованную свободу раньше и быстрее всех и принялась запрягать в свои лихие сани именно эта утробная, эгоистическая, шкурная стихия жизни, ненасытная энергия которой как раз и взмывает ведь с особой и страшной силой именно в смутные, расшатанные, переходные времена истории? Особенно если в обществе — в результате крушения всех бывших привычных кумиров — образуется к тому же еще и всеобъемлющий духовный вакуум, окончательно это общество обессиливающий, рождающий в нем чувство потерянности и страха...

Вот мы и получили к исходу всех этих пятнадцати лет, протекших с начала горбачевской Перестройки, то, что получили.

Страну, где первой заботой президента, избранного отчаявшимся и обнищавшим народом, становится выстраивание очередной военно-бюрократической спецвертикали власти и благодетельствование новой России старым советским гимном на лишь чуть измененные старые слова все того же сталинского нашего гимнотворца.

Страну, где во главе насквозь коррумпированной и вчистую проворовавшейся чиновничьей госструктуры совершенно естественно и закономерно может оказаться деятель, известный в товарищеской среде под ласковой кличкой «Миша—два процента».

Страну, где одним Генпрокурором вполне может оказаться блюститель закона, предпочитающий развлекаться по вечерам в подпольном криминальном борделе, а другой будет получать от властей, за которыми он призван надзирать, полумиллионнодолларовые квартирные подарки.

Страну, где армия будет катастрофически терять и свою кровь, и честь, и моральный дух, и просто воинское свое ремесло в бессмысленной, бездарной и жестокой войне не столько против вооруженных бандитов, сколько против обезумевшего от ужаса и озлобленного местного населения.

Страну, где чудовищные налоги либо душат отечественное предпринимательство, либо заставляют его платить дань в теневые финансовые карманы государственно-номенклатурной мафии. [...]

Страну, где население целыми регионами может вымерзать и беспомощно вопить у парадных подъездов своих начальников, но никак не в состоянии самоорганизоваться и скинуть их, наконец, вообще, воспользовавшись для этого имеющимися в его распоряжении законными демократическими средствами, а творческая интеллигенция тем временем будет бесконечно тусоваться и пировать на очередных презентациях, юбилеях и всякого рода премиальных торжествах, призванных засвидетельствовать расцвет новой демократической российской культуры...

Да, все это, увы, так, все это правда. И тем не менее стоит задать себе такой вопрос: а кто из тех, кто клянет — и справедливо — сегодняшний строй, готов был бы действительно вернуться в прежние, догорбачевские времена? [...]

Как ни тяжка нынешняя реальность, как ни плохо реализуются те демократические свободы, которыми мы располагаем, они все-таки есть, и они все-таки обеспечивают нам определенное пространство исторического действия и гражданской ответственности. То поле *исторической свободы*, которое при всех трудностях его сегодняшнего освоения, при всех препятствиях, расставленных на нем беззаконием, коррупцией, бандитизмом, нравственным распадом элиты, беспомощной пассивностью основной массы населения и прочими мрачными реалиями сегодняшнего дня, — это поле все-таки существует, хотя и возделывается нами очень медленно. Во всяком случае — и это главное! — его все-таки вполне достаточно для того, чтобы каждый из нас мог и просто даже обязан был сказать себе, что сегодня от нас тоже кое-что уже зависит. И даже очень немало — несравнимо, неизмеримо боль-

ше, чем это было всего каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад. А потому нечего и ныть, что кто-то чего-то нам недодал, — пора, наконец, быть честными перед собой и дать себе труд всерьез разобраться в том, что мы сами можем сделать, чтобы стало лучше в стране, в которой мы живем. И дать себе труд — делать это.

Конечно, это труд очень нелегкий. Куда труднее любого самого трудного труда, который тебя *заставляют* делать. Но ведь это, в сущности, единственно достойный человека труд — труд человека, обладающего свободой, а не запертого в душной и закрытой от всего мира тюрьме, где он ничего — во всяком случае легально — не может предпринять, чтобы изменить ее порядки. В нашем сегодняшнем мире — чудовищном, искореженном, расхищенном, социально и национально распадшемся, но все-таки обладающем измерением свободы, — человек, как бы ни была тяжела его жизнь, способен, может и обязан чувствовать себя поэтому человеком, от которого самого очень во многом как раз и зависит, будет ли у него действительно человеческое лицо. Потому что человеческое лицо просто не может быть человеческим, если оно не становится *лицом человеческой свободы*. Лицом существа, созданного по образу и подобию Божию и тем полнее реализующего свое богоподобие, чем большей внутренней свободой оно в своем самосозидании по этому образу и подобию овладевает и чем большей свободы для своего общества добивается — для такого же самосозидательного его движения к более справедливому, более нравственному, более человечному устройству. Ведь все социальные болезни свободы могут быть излечены только свободой же. И для лечения вывихов и пороков демократии тоже, увы, нет поэтому другого лекарства, кроме самой демократии...

Наш мир не закрывает перед человеком возможностей такого самолечения и не лишает его этих лекарств. Поэтому в нем есть открытость, есть перспектива, в нем пусть тяжко, но отнюдь не душно и не безысходно. А это ситуация все-таки куда более *достойная* человека, чем та, в которой мы жили до Горбачева. И, значит, в этом *самом главном для человека* измерении наша российская действительность изменилась все-таки не в худшую, а в лучшую сторону. И произошло это только благодаря тому необратимому процессу постепенного привыкания нашей страны к свободе, начало которому положил именно Горбачев.

Конечно, подводя итоги эпохе Горбачева, нельзя забыть ни Вильнюс, ни Тбилиси, ни вырубленные уникальные виноградники, ни бездарное, губительное и для престижа, и для духовного самочувствия страны и ее армии осуществление политически верных решений о выводе войск из Афганистана и Восточной Германии, ни Форос, ни бессмысленную амбициозную тягомотину так называемого огаревского процесса, ни десятки таких же и менее значительных просчетов и ошибок, тоже сыгравших свою роковую роль в развале Союза. Все это будущие летописцы тоже запишут, конечно, на исторический счет Горбачева. И это будет только справедливо.

Но и тот куда более, чем до него, свободный, куда более обращенный к нашему человеческому достоинству и к нашей гражданской ответственности мир, в котором мы сегодня живем, — это тоже итог его деятельности. Может быть, один из немногих позитивных, но зато — главный. И если он так важен для нас сегодня, что возвращаться в догорбачевское зазеркалье мы при всех наших сегодняшних тяготах тем не менее не хотим, значит, право на историческую апологию Михаил Горбачев все-таки заслужил. Сколь бы критичной она ни была и каких бы оговорок ни требовала.

6

Но пусть даже, возразит, может быть, какой-нибудь читатель, то измерение исторической свободы, в котором существует ныне страна, действительно ее высочайшее и драгоценнейшее обретение. Но где же *собственная*, сознательная роль господина Горбачева в достижении этих исторических результатов? Ведь *свою-то* игру он как раз проиграл, потому что никакого «социализма с человеческим лицом» не построил. [...] Так велика ли честь быть слепым орудием Истории, и можно ли такую роль ставить ему в заслугу?

Не будем, однако, спешить. Парадокс Горбачева выводит нас к некоторым историческим урокам куда более общего и глубокого плана, и лишний раз отдать себе в них полный и ясный отчет будет совсем нелишне. Особенно учитывая своеобразие нынешнего исторического времени России.

Итак, проиграл ли Михаил Горбачев свою историческую игру?

Это зависит от того, что считать *своей* игрой Михаила Горбачева. И как оценивать *ставки* в этой игре.

Проиграл ли Дон Кихот свой поход в мир за торжество в нем добра, чести и справедливости?

Если считать главным в этом походе сражения с ветряными мельницами и прочими химерами своего воображения, то, конечно, — да, проиграл.

Но если стоять на том, что главное здесь — не ветряные мельницы, а сокровенные идеалы, которые Дон Кихот защищал в сражениях с этими химерами, и поразительное мужество, самоотверженность, которыми он засвидетельствовал свою истинную верность этим идеалам, то все начинает выглядеть совсем по-другому. Тогда становится понятно, что при всей комичности этого безумного рыцаря мир совсем не случайно обрел в нем еще один великий образ и подтверждение абсолютной первозначности добра, чести, любви, милосердия и справедливости. И оттого стал в чем-то не хуже, а лучше. Причем именно *благодаря, а не вопреки* тому, к чему стремился сам Рыцарь Печального Образа. Потому что человечество никогда не сделало бы его символом и олицетворением всех этих абсолютных ценностей, если бы подлинно *своими* для него были не они, а химеры его помраченного разума.

Если считать, что подлинно *своей* в исторической «игре» Михаила Горбачева была именно химера социализма, внедренная в его сознание с пеленок,

и *главной* ставкой в этой игре была ставка на то, чтобы в результате выиграл именно *социализм*, то, конечно, да — *эту* игру он проиграл.

Но согласимся, что подлинно с в о и м, личностно сокровенным и определяющим становится для всякого человека только — или прежде всего — то, что он сам же и выносил в себе всем трудом своей жизни, сделав это выношенное, обретенное в диалоге со своим временем таким своим достоянием и убеждением, за которое готов стоять и которое готов утверждать всей своей жизнью.

Но если это так, то тогда и в случае с Горбачевым все тоже начинает выглядеть существенно иначе. Тогда придется признать, что экзистенциально определяющим для Горбачева, подлинно *своим* стало как раз то, что он выработал в себе именно как человек 60-х годов, прошедший через свою эпоху и впитавший в себя ее главную веру. А суть этой веры, ее глубинное ядро, состояло не столько в том, что человеческое лицо свободы должен обрести именно *социализм*, сколько и прежде всего в том, что только тогда, когда социализм обретет именно *свободное человеческое лицо*, люди и смогут сказать ему свое «да». [...]

Вряд ли кто-нибудь из помнящих 80-е годы усомнится в том, что даже и тогда, когда стало уже невооруженным глазом видно, как дарованная Горбачевым свобода не укрепляет, а скорее рушит советский «реальный социализм», Горбачев вполне мог еще положить этому конец и пожертвовать свободой ради сохранения социализма. Если уж именно социализм был ему так *первично* дорог. Возможностями для этого — и достаточно большими — он располагал тогда безусловно.

Но он этого не сделал.

Не сделал, хотя, думаю, соблазнов к тому было немало. Я даже не уверен, что в какие-то моменты Горбачев им не поддавался. Но все-таки предпочел, чтобы история страны продолжала развиваться в пространстве свободы, хотя бы это и привело к совсем иным результатам, чем те, на которые первоначально были рассчитаны его реформы. А это значит, что именно *свобода* и была, стало быть, для него той *первой и высочайшей ценностью*, без которой никакое общественное устройство не могло быть в его глазах достойным человека.

Но если это так, — а это так, — то тогда получается, что *главную* и действительно *свою* историческую игру Михаил Горбачев не проиграл, а *выиграл*. Ибо, в конечном итоге, он дал стране именно то, что было и для него самого главным, — возможность свободного ее развития. Пусть в параметрах не той общественной конструкции, как это ему виделось поначалу. Пусть по дороге он много наломал дров, сражаясь с ветряными мельницами своих миражей. И пусть не раз и не два за своих истинных друзей и сподвижников он принимал баранов из партийно-номенклатурного клана. [...] Все равно глубинная, центральная вера, упрямо толкавшая его вперед, вывезла его, поставила на главную, магистральную его дорогу в истории и провела по ней.

И это и есть ответ на вопрос о том, в каком качестве Горбачев оказался нужен истории.

[...] Ведь в том-то и дело, что объективную историческую свою миссию «незрячего» могильщика социализма он выполнил именно и только потому, что духовно был вполне *зрячим* политиком. То есть политиком, не просто *вменяемым* в отношении тех исходных ценностей, которые определяли его путь, но и верно их увидевшим, не ошибившимся в их выборе. И потому и направившим страну на действительно благотворный для нее путь главным своим решением и замыслом — дать ей свободу.

Итак, парадокс социалиста Михаила Горбачева, разрушившего, сам того не желая, социализм, состоит, следовательно, еще и в том, что в глубинной своей основе парадокс этот вовсе и не был парадоксом. Потому что в конечном итоге Михаил Горбачев получил то, чего не хотел, лишь потому, что сделал то, чего как раз хотел прежде всего, к чему сознательно и целеустремленно стремился как к главной своей цели.

7

Но если это так, то, значит, и в сравнении Горбачева с Дон Кихотом не столь уж много литературы, как это может показаться на первый взгляд. [...] Ведь неопровержимой непреложностью истории является то, что действительными ее двигателями по дороге добра никогда не бывают и не могут быть те, кого ведут за собою демоны лжи, зла или безобразия. Но всегда и неизменно — лишь те, кого так или иначе, пусть даже в одном только каком-то деле, вдохновляют Истина, Добро и Красота. И кто остается верен их диктату, как бы ни сбивали его с дороги попутные иллюзии, миражи или обманы истории и собственная человеческая слабость.

Да, даже и самые положительные результаты деятельности таких героев истории достаточно далеки всегда от тех, которые ими задумывались. [...]

Но разве в истории бывает иначе? Разве кто-нибудь может похвастаться, что добился своего один к одному, что избежал ошибок и химер, что разум его всегда оставался ясным и трезвым? Уж о чем — о чем, а о неизбежных искажениях и ограниченности нашего аналитического и прогностического зрения, как и о своих поправках к нашим расчетам, история всегда позаботится. Потому-то участи Дон Кихота, которому всегда приходится иметь дело с неизбежными и не зависящими от него химерами своего несовершенного разума и воображения, не удалось избежать еще ни одному, даже самому прозорливому, самому удачливому и самому светлому герою истории.

Но зато история и выбирает на роли своих героев только тех, кто способен выступить хотя бы в одном только деле, ей нужном, именно Дон Кихотом — *тем* Дон Кихотом, суть которого составляют рыцарственная верность добру и служение ему. [...]

Михаил Горбачев принадлежит, несомненно, к историческим деятелям именно этого ряда. Сколько бы претензий, в том числе и справедливых, мы

к нему ни предъявляли, как бы половинчат, непоследователен и даже податлив на мефистофельские соблазны в иные очень ответственные моменты своего правления он ни был и как бы ни раздражала нас в таких ситуациях его нестойкость перед напором окружавшего его агрессивно-послушного большинства, не говоря уж о менее значительных чисто человеческих его слабостях, — все равно в сердцевинной основе своей Горбачев был, конечно, очередным Дон Кихотом истории. Я бы сказал — типичным Дон Кихотом шестидесятничества. Как своими социалистическими химерами, так и своей верой в свободу. Недаром и в чисто личностном психологическом облике последнего генсека так рельефно проступают типичные черты этой шестидесятнической дон-кихотской природы — и так и не вытравленная, при всей привычке к политиканскому актерству, способность к движениям искренним и даже простодушным, и неумение совсем уж бессовестно лгать и отпихивать от себя преданных ему людей, и повышенная вера в убеждение словом, питавшая его неуемную говорливость, и многое другое. С этой точки зрения и не такая уж характерная для номенклатурных дам щепетильность Раисы Максимовны, всегда отдававшей любые, самые драгоценные подарки от официальных и неофициальных лиц, сделанные ее мужу и даже лично ей, в государственную казну, очень органично вписывается в этот психологический реестр. Похоже, что к рукам Горбачевых вообще ничего или очень мало чего прилипало — в противоположность тому, как, похоже, прилипало не только к рукам многочисленных членов огромной так называемой ельцинской *семьи*, в жалких и постыдных заложниках которой оказался, в конце концов, когда-то вроде бы тоже демократический и ненавидевший всякую коррупционную повязанность первый президент России.

Снова и снова: конечно же, Горбачев вовсе не представляет собою тип исторического Дон Кихота в его сколько-нибудь, так сказать, чистом виде. В чистом виде духовные и психологические типы человечества встречаются только в великих художественных образах-символах, предназначенных быть идеалом или предостережением, точкой отсчета и оценочной мерой. В конце концов, и Борис Ельцин даже и на финише своего правления тоже не являл собою совсем уж чистый тип самодурного пахана порожденной им олигархически-номенклатурной мафии. Придушив многое и доведя страну до почти полного разорения своей псевдолиберальной экономикой, он ведь все же так и не решился лишить ее достояния, оставленного ей Горбачевым, — свободы. И за это одно, полагаю, многое ему простится.

Но тем более эта точка отсчета приложима, следовательно, к Михаилу Горбачеву, давшему начало тому великому и необратимому процессу привыкания страны к свободе, который один только, в сущности, и оставляет сегодня надежду на то, что даже из пост-ельцинского беспредела мы все-таки сможем выбраться. Эта надежда вряд ли была бы у нас сегодня, если бы пятнадцать лет назад последний Генеральный секретарь КПСС не начал забивать осиновый кол свободы в вампирическую глотку собственной партии, еще не понимая, что он делает, и думая ее этой чудодейственной про-

цедурой оживить и напитать. И если бы он поспешил поскорее вытащить этот кол обратно, как только понял, что лечение идет и ей, и уже вконец обескровленному ею социалистическому общественному организму не на пользу, а лишь во вред.

Но он сумел понять и признать, что раз свобода оказывается для какого-то общественного организма разрушительной, то виновата в этом не свобода, а организм, в котором, стало быть, что-то кардинально не в порядке. И что лучше уж предоставить свободе и дальше делать свое историческое дело, чем ставить ей искусственные преграды в надежде спасти то, что без нее все равно не имеет смысла [...]

Чтобы расстаться, наконец, и с нынешней позорной нашей славой, и с устрашающей бедностью подавляющего большинства россиян, населяющих огромную и едва ли не самую богатую по своим природным рессурсам страну в мире, у нас нет другого пути, кроме действительного овладения теми демократическими свободами, начало которым положил Михаил Горбачев. И это вовсе не означает, что тем самым нам придется забыть о своей национальной самобытности, как пугают нас разного рода политические проходимцы, прикидывающиеся российскими патриотами. Напротив, грош цена будет всей нашей демократии и всему нашему рыночному либерализму, если на их основе не будут построены общество и государство, обладающие той подлинной национальной идентичностью, которая опирается всегда и прежде всего на богатство созданной народом культуры, на духовные и нравственные традиции национального бытия, выработанные многовековым опытом национальной истории. А этого нам, россиянам, ни у кого занимать не надо. Важно только, чтобы всем этим нашим собственным, нашим самобытным и драгоценно-уникальным национальным достоянием мы не противостояли самолюбиво и заносчиво остальному миру, а были открыты к творческому общению со всеми иными народами и культурами. И тогда, может быть, мы, наконец, и возведем на нашей многострадальной земле тот хорошо обустроенный, свободный, богатый, безопасный и по-настоящему родной и дорогой каждому россиянину собственный его российский Дом, в котором захочется и радостно будет бывать и нашим соседям по планете. Ибо они найдут в нем и весь естественный для сегодняшнего цивилизованного мира материальный и правовой порядок жизни, и притягательное своеобразие и очарование духа, культуры и нравственного уклада великого и самобытного национального бытия.

2001, № 1 (107)

5. РЕКВИЕМ ПО СТЕНЕ

К двадцатилетию падения Берлинской стены

*Материалы юбилейной конференции Горбачев-форума**

Двадцать лет назад рухнула Берлинская стена — событие, физически маркировавшее Слом Эпохи. В конце 2009 года в местечке Боско ди Маренго на севере Италии [...] *Форум Новой Политики, основанный Горбачевым (в просторечии Горбачев–форум), организовал дискуссию, посвященную метафизическим и метаполитическим последствиям этого события. По просьбе редакции «Континента» я подготовил подборку сокращенных стенограмм ряда выступлений на этой конференции, дающих, мне кажется, достаточно ясное представление о ее характере и проблематике. Я позволю себе, однако, предварить этот групповой анализ чем-то вроде тире на могиле Стены — журналистской реконструкцией двух мгновений — дня ее рождения (да простит мне*

---

* Форум Новой Политики — первоначально Форум Мировой Политики — международная неправительственная организация для анализа глубоких перемен, происшедших на мировой арене после окончания «холодной войны». Создан в мае 2003 года на учредительной конференции в Турине (Италия) по инициативе М. С. Горбачева. В число членов-основателей вошли такие известные политические фигуры, как Джулио Андреотти и Франческо Коссига (бывшие премьер-министр и президент Италии), Беназир Бхутто (ныне покойная премьер-министр Пакистана), Фернандо Кардозо (бывший президент Бразилии), Жак Делор и Мишель Рокар (Франция), Гельмут Коль и Ганс-Дитрих Геншер (Германия), Бутрос Гали (бывший Генсек ООН), Войцех Ярузельский и Тадеуш Мазовецкий (Польша), Тосики Кайфу (бывший премьер-министр Японии), Шимон Перес (Израиль), Марио Соареш (Португалия), Георгий Парванов (Болгария) и др. За несколько лет своего существования Форум превратился в авторитетный международный центр дискуссий и экспертных исследований по наиболее актуальным темам международной повестки дня. Среди наиболее заметных международных мероприятий, проведенных им как на «основной сцене» в Пьемонте, так и в других странах, конференции по темам: «Новый международный беспорядок», «Бедность в мире — вызов международной стабильности», «Контуры новой мировой политической архитектуры» и ряд других. В 2009 году Форуму был предоставлен консультативный статус высшей категории «А» для неправительственных организаций при ООН.

Господь это выражение: в действительности операция проходила ночью и была чем-то средним между кесаревым сечением и абортом) и дня ее смерти — одного из самых радостных и многообещающих событий в истории XX века.

Александр Пумпянский

Александр Пумпянский

Как вырастают стены? По-разному и одинаково... Великую китайскую стену строили две тысячи лет. Берлинскую возвели за одну ночь.

Ровно в полночь в воскресенье 13 августа 1961 года армия и полиция ГДР приступили к сверхсекретной операции, которая замышлялась давно. Задача была грандиозная и по-своему новаторская — укутать в колючую проволоку целый город, вернее, три четверти города, что технологически еще сложней. Сильно разрушенный в мае 1945 года и поделенный, как и вся поверженная Германия, на четыре оккупационные зоны — советскую, американскую, британскую и французскую, Берлин был, однако, единым организмом. Улицы, не считаясь с режимами патрулирования, переходили из одной части в другую. Электропоезда S-Bann и U-Bann, как иголка с ниткой, прошивали город от окраины до окраины со всех направлений, сходясь в центре у Бранденбургских ворот. Представьте себе жертву катастрофы, у которой от удара разорваны все ткани. Хирургу предстоит тончайшая работа: соединить все ткани, сшить все разорванные артерии и вены. Точно такая работа предстояла армии и полиции ГДР, только с точностью до наоборот: нужно было разорвать все артерии и вены, прервать все до единого кровотоки, чтобы ни одна кровинка не могла попасть с запада на восток и с востока на запад.

Длина Китайской стены — 6700 км. Берлинская стена не так велика. 43 км — это собственно линия раздела Восточного и Западного Берлина, и еще 156 — пограничная линия, отделяющая Западный Берлин от территории ГДР... «Долгую стену в 10 000 ли», как она официально называлась в Поднебесной, лепили из глины и камня, пока в славную эпоху династии Минь не изобрели кирпич, и дело пошло более споро. Берлинскую стену сначала развернули из колючей проволоки, предварительно разрыв улицы, чтобы сделать их непроезжими. Лихорадочная работа шла два дня. Но уже 15 августа, чуть отступив в глубь собственной территории, чтобы не нарушать Потсдамских соглашений, приступили к возведению из бетонных блоков собственно Стены. При этом самой важной частью строительного пейзажа была охрана, солдатам был отдан приказ стрелять в каждого, кто попытается пересечь черту. В дальнейшем эту армированную конструкцию усилили цепными оградами и минными полями.

Так завершился первый этап возведения Берлинской стены. Это был шедевр заборного творчества. Цветущий капиталистический город — витрина свободного мира — был запечатан внутри вооруженного до зубов советско-социалистического полицейского государства.

Однако щели остались.

Второй этап начался в июне 1962 года. Отступив от изначального сооружения вглубь на расстояние до 90 м, приступили уже основательно к возведению параллельной стены. Дома, что оказались между двумя стенами, подлежали сносу. Жильцов переселили без разговоров. Так образовалось пустое пространство — ничейная полоса, она же «полоса смерти». Ее засыпали гравием, на котором отпечатывались все следы, и оснастили минами-ловушками. Но главное — это было открытое, хорошо просматриваемое и простреливаемое пространство.

Впрочем, этого тоже оказалось недостаточно.

Всего в строительстве Берлинской стены было четыре этапа.

1. Забор из колючей проволоки вырос в 1961 году.

2. Доводка и совершенствование забора из колючей проволоки продолжались с 1962-го по 1965 год.

3. Возведение бетонной стены заняло следующие десять лет (1965 — 1975 годы).

4. Над созданием завершающей стадии — Стены четвертого поколения, получившей официальное название *Grenzmauer 75* (Пограничная Стена-75), — трудились еще пятилетку — с 1975 по 1980 годы.

Неутомимые строители ни на шаг не отставали от прогресса. Стену четвертого поколения собрали из 45 000 железобетонных секций, каждая высотой 3,6 м, шириной 1,2 м. Добавьте к этому траншеи, системы сигнализации, ловушки, колючую проволоку, собак на поводках, 116 вышек и 20 бункеров... Не забудьте расставить танки на ключевых позициях, и образ Стены станет более полным.

В фундамент Великой китайской стены уложили три миллиона жизней. Ее охраняли до миллиона человек. Все для того, чтобы защитить империю от набегов племен с севера... Берлинскую стену именовали не иначе как Антифашистским защитным валом, который должен был остановить агрессию с Запада. Более частное объяснение заключалось в необходимости поставить преграду деятельности западных агентов в Восточной Европе. На закуску следовало экономическое объяснение: нельзя мириться с тем, как западноберлинцы скупают дешевые продукты в Восточном Берлине. Некоторая логическая нестыковка не смущала гэдээровских пропагандистов. Дело в том, что жители Западного Берлина все-таки могли попасть в Восточный Берлин. Это жители Восточного Берлина не могли попасть в Берлин Западный. Вот это и было реальной задачей Стены: держать в застенке своих, остановить исход жителей ГДР на Запад.

В 1961 году накануне операции по огораживанию города на Запад уходили ежедневно полторы тысячи немцев. Это было спонтанное и очень наглядное «голосование ногами». Такими темпами первому в истории государству рабочих на немецкой земле грозило остаться без граждан и, в первую очередь, без рабочей силы.

Единственной категорией, которой после возведения Стены разрешался выход на Запад, были старики. Не беда, если они не возвращались. Сбрасывать «социальный балласт» на плечи «классового противника» полагалось рациональной политикой.

Стена разделила семьи, у многих отняла заработок. Что с того? Главное было лишить подданных свободы передвижения и в конечном счете свободы выбора. [...]

Режим ничего не жалел, чтобы сделать ее неприступной. Тщетно. История преодоления Берлинской стены — фантастическая сага. Пять тысяч раз это восточногерманское чудо-юдо терпело поражение от людей неукротимого духа. Смельчаки брали ее в лоб — разогнавшись на гоночном автомобиле. Одолевали по воздуху — на самодельном воздушном шаре. Совершив подкоп, вылезали из-под земли... Но и месть Стены была страшна. Свобода стоит смерти — другого прейскуранта она не знала.

Хроникеры Берлинской стены расходятся. Одни называют число ее жертв — 136. Другие говорят о цифре, превышающей 200.

18-летнего Петера Фехтера подстрелили на «полосе смерти». С той стороны, куда он стремился, его не могли спасти — это бы спровоцировало бойню. С той, откуда бежал, не хотели. Там сочли, что показательная смерть «предателя» будет хорошим уроком. Так он и лежал на «ничейной земле», умирая у всех на глазах, пока не истек кровью.

Последнюю кровавую жертву Стена забрала 6 февраля 1989 года. Имя смельчака Крис Геффрой.

Потом, когда Стена — и режим — рухнут, тех, кто отдавал приказы стрелять, будут судить. А они, еще недавно не знавшие ни капли страха и сомнений, будут жалко оправдываться, утверждая, что приказов не отдавали. Нет-нет, стрельба была (от этого невозможно отвертеться), — но только не на поражение...

На Западе проклинали Стену как порождение тоталитарного зла, но в тех закрытых кабинетах, которые занимаются реальной политикой, ее вынуждены были принять. Правительство США проинформировало советское правительство, что оно признает Стену как «факт международной жизни» и что США не будут оспаривать ее военными средствами. В шизофренической атмосфере танковой и ракетно-ядерной конфронтации наличие Стены по-своему страховало Западный Берлин от нападения с Востока. Иначе зачем было такой огород городить?!

Что вовсе не избавляло от столкновений. [...]

На седьмой день творения Стены 19 августа 1961 года колонна вооруженных сил США из 491 автомашины и трейлера, в которых находились 1500 солдат и офицеров, выдвинулась из ФРГ и направилась в Западный Берлин. Колонну, растянувшуюся на 160 км, напряженными взглядами провожали восточногерманские полицейские, забравшиеся для удобства наблюдения на деревья вдоль шоссе. Однако обошлось без инцидентов, никаких препятствий на пути колонны не случилось. С тех пор каждые три месяца амери-

канцы повторяли марш. Это называлось ротацией контингента войск США в Западном Берлине.

Это была очевидная демонстрация. Демонстрация поддержки Западного Берлина, демонстрация американской ответственности за его жителей. Которую очень легко было назвать и провокацией. Но Москва тоже знала правила игры.

Хрестоматийным стал эпизод, когда у Бранденбургских ворот советские и американские танки выстроились в боевых порядках друг напротив друга и так стояли, играя на нервах всего человечества. Игра в «гляделки» продолжалась довольно долго, но потом они развернулись и ушли. Никто не перешел черту.

26 июля 1963 года Джон Кеннеди произнес у Берлинской стены свою знаменитую фразу «Я берлинец», которую потом восторженно цитировали бессчетное число раз. От внимательных слушателей, однако, не укрылось, что и в этой приподнятой речи американский президент поклялся защищать не всех берлинцев и немцев, а только западных. В июне 1987 года с той же точки Рональд Рейган публично призвал советского генерального секретаря «снести эту стену». Прекрасная риторика! В realpolitik, однако, безотказно действовал другой принцип: каждому свое. Зоны влияния нерушимы, будь то хоть трижды тюремные зоны! Чтобы что-то изменилось, мир должен был перевернуться.

Так и случилось. Сначала Стена прохудилась — там, где никто и не ждал. 23 августа 1989 года Венгрия — такой же барак соцлагеря, как и ГДР, но повеселей, — неожиданно открыла свою границу с Австрией, и 13 000 восточногерманских туристов, гостивших в Венгрии, немедленно сиганули в открывшееся окошко... «Голосование ногами» против монструозной системы пошло вновь. «Мы хотим вон!» — под этим лозунгом волна антиправительственных демонстраций захлестнула ГДР в октябре 1989 года. Когда этот лозунг сменился на другой: «Мы остаемся здесь!», — вон, в отставку вынужден был уйти бессменный «железный вождь» Эрих Хонеккер. Это произошло 18 октября 1989 года, а 4 ноября на Александр-плац — главной площади Восточного Берлина — собрались уже миллион человек — критическая масса.

Тем временем поток беженцев из ГДР нашел новую дыру — через Чехословакию, и новому «либеральному» коммунистическому правительству ГДР ничего не оставалось, как ослабить режим прохода уже непосредственно на границе ГДР и ФРГ и в Берлине. Объявить о послаблениях было поручено срочно отозванному из отпуска министру пропаганды. А тот то ли в спешке что-то перепутал, то ли ситуация вышла уже полностью из-под контроля, но на вопрос, с какого момента вступают в силу новые правила, растерянно ответил: «Насколько я понимаю, немедленно». Десятки тысяч восточноберлинцев, услышав эти слова у своих телевизоров, тотчас заполонили все контрольно-пропускные пункты Стены. Растерянная стража куда-то звонила, ни один телефон, естественно, не отвечал, но такого напора граница уже не могла выдержать, ее пришлось открыть. На той стороне

произошло восторженное братание восточных и западных берлинцев. Этот сумасшедший день — 9 ноября 1989 года — вошел в историю как День падения Стены. «Голосование ногами» окончательно победило.

А ведь только в начале этого года Хонеккер объявил, что Стена простоит «еще сто лет». Не тысячу, как Гитлер сулил фашистскому рейху, который просуществовал 13 лет, хотя преступлений совершил на весь XX век, а только сто. Чем круче диктатура, тем глубже она мнит себя в вечности. Даже тогда, когда уже включен обратный отсчет.

Стена была больше, чем стена. Она была сестрой — символом — режима. Режим был силен и грозен, покуда стояла Стена. Но и Стена была неприступна, покуда стоял режим. Режим зашатался — из Стены посыпалась труха, и она рухнула. И следом рухнул режим.

Стена была больше чем граница, разделявшая немцев. Задача закрепления плодов послевоенного раздела нуждалась в политическом, юридическом и прежде всего физическом оформлении мирового раскола, и Берлинская стена стала его фирменным знаком. Наступал планетарный ледниковый период «холодной войны». [...] Вензелем и замком глобального «железного занавеса» была Берлинская стена.

Однако утопия должна быть бескомпромиссна, а империя безжалостна. А к середине 80-х годов коммунистическая система явно не выдерживала груза взятых на себя претензий. В самом ее центре, за незыблемой Кремлевской стеной что-то сломалось, — какие-то хромосомы, наверное, — былая диктатура захромала. Новый вождь с человечьим лицом взыскал неведомых перемен — Перестройки и Гласности, оттепели, гуманистических послаблений. И всё... С этого момента Берлинская стена годилась уже только на снос.

Берлинская стена пала, как Иерихонская. Моментально и под музыку: Леонард Бернстейн, Мстислав Ростропович, «Скорпионы» играли здесь свои оды Свободе и времени перемен... В следующие дни и недели тысячи «дятлов Стены», как их немедленно прозвали, пришли с молотками и «по камушку, по кирпичику» растащили ее на сувениры.

Таким был событийный фон. А теперь пора медитации.

Михаил Горбачев,
первый президент СССР

Тема нынешнего форума подсказана историческим календарем: двадцать лет назад рухнула Берлинская стена — один из последних и позорных символов абсурда «холодной войны» и опасного разделения мира на противостоящие блоки и сферы влияния. Для меня это не только абстрактная годовщина важнейшего политического водораздела, ознаменовавшего *конец политического XX века*, но и глубокий рубеж (рубец), отметивший мою жизнь политика и сына своей страны и этого века.

Мы глядим в это недавнее прошлое уже другими глазами, не только потому, что стали на двадцать лет старше (и мудрее?), но и потому что за это

время приобрели опыт жизни в доселе неведомом **«мире после холодной войны»**, о котором в конце 80-х могли только строить свои предположения и с которым связывали много надежд и, как выясняется, иллюзий. Каков же хотя бы приблизительно *итог этой уникальной эпохи* и послание, написанное на новой странице всемирной истории человечества, открытой в те годы? Они неоднозначны.

Первая и оптимистическая констатация: **история не кончилась**! Вопреки тому, что провозглашали некоторые, но и на что, в известном смысле, рассчитывали мы — представители моего поколения политиков, которые искренне верили, что с прекращением «холодной войны» человечество сможет, наконец, забыть об абсурде гонки вооружений, опасных региональных конфликтов и стерильных идеологических споров и *войдет в своего рода Золотой Век* коллективной безопасности, рационального использования материальных ресурсов для преодоления бедности и неравенства и примирения с окружающей средой.

Конечно, достижения неоспоримы. Мы вошли в Новый Век не только с точки зрения летосчисления, но и благодаря восстановленному Единству Мира и мирового исторического процесса, единой Глобальной Экономике и планетарным средствам коммуникации, передвижения и общения. Освободившийся от искусственных барьеров, стен и ограничителей, мир вернулся к процессу *естественного развития,* что дало мощный толчок давно созревшему потенциалу его Глобализации. (Это отнюдь не означает установления в нем глобальной гармонии.)

Еще один важнейший итог обрушения завалов «холодной войны» — осознание миллионами одного из главных постулатов Нового Мышления — **взаимозависимости** важнейших аспектов существования и развития человечества. [...] *Человечество стало по-настоящему превращаться в единую цивилизацию* [...] Отсюда и **повышенная роль и ответственность политики** и политиков как выразителей всего многообразия человеческих интересов, регуляторов и «поисковиков» оптимальных решений, компромиссов и способов урегулирования и предотвращения конфликтов.

Как внезапное открытие шлюзов громадной плотины, это стало большим *испытанием и для общественного сознания, и для политических элит*, которые привыкли до сих пор существовать и действовать в комфортной тени искусственных границ и под их прикрытием. В своем большинстве они оказались к этому не готовы. Вот почему наряду с констатацией неоспоримого прогресса на пути объединения и «взросления» человечества мы должны честно сказать о *выявившихся проблемах, развеянных иллюзиях и упущенных шансах.* Их список, увы, не менее внушителен.

Конечно, мы можем гордиться тем, что опасность нового (термоядерного) мирового конфликта устранена! Однако для многих миллионов людей, живущих в самых разных регионах земного шара, **мир не стал безопаснее**. Не только многочисленные локальные конфликты, этнические и религиозные войны, как сыпь, выступили на новой карте мировой политики, унося мно-

гочисленные жертвы. Высшим свидетельством иррациональности и безответственности новых поколений политиков стало то, что военные расходы и бюджеты как больших, так и малых стран взлетели выше уровня эпохи «холодной войны», а силовые методы вновь становятся общепринятым способом разрешения конфликтов и банальным аспектом новых международных отношений.

Наш мир бесспорно **не стал справедливее**! Из-за сохраняющегося и даже усугубляющегося разрыва между бедностью и богатством не только между благополучным Севером и развивающимся Югом, но и внутри уже развитых стран. И с этой точки зрения социальные проблемы в моей стране России, как и в ряде других посткоммунистических стран, — свидетельство того, что просто отвергнуть обанкротившуюся модель административно-командной экономики и бюрократического планирования — недостаточно. Ни для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность страны в условиях открытой мировой экономики, ни для того, чтобы обеспечить соблюдение принципов социальной справедливости и поддержания достойного жизненного уровня населения.

За прошедшие двадцать лет наша планета **не стала более надежным и безопасным домом для ее обитателей.** Предостережения основателей Римского клуба, сформулированные еще сорок лет назад, остались проигнорированы. Обозначенные ими пределы роста и разумные рамки промышленного производства и потребления естественных ресурсов переходят за красную черту, демографические диспропорции и миграционные потоки порождают политические и социальные конфликты, источники энергии истощаются и превращаются в очаги войн, а питьевая вода уже сегодня превращается в предмет роскоши, недоступный для миллионов обездоленных.

К проигнорированным прежним вызовам добавляются новые, которых не знала политика эпохи «холодной войны». Среди них — **терроризм**, который в условиях, когда мировая война перестала быть реальной угрозой как средством сдерживания конфликтов между «сильными», превратился в «атомную бомбу слабых» уже не только в переносном, но, может быть, и в буквальном смысле. Бесконтрольное распространение средств массового уничтожения, их возможный выход в космос, состязание на новом технологическом уровне в производстве вооружений между бывшими противниками в «холодной войне» и новыми претендентами на роль полюсов влияния в многополярном мире усиливают *ощущение хаоса, который захлестывает мировую политику.*

Прежние регуляторы, начиная с ООН и других международных и региональных структур, рожденных в период «холодной войны», оказываются либо бессильны, либо неадекватны в новых условиях, а *оживление национализмов и шовинизмов* различного калибра, особенно заметное в условиях появления на карте мира многочисленных новых государств и оживления сепаратистских движений, создают дополнительные линии напряженности.

У одних это порождает растерянность, апатию и недоверие к политике. У других вызывает ностальгию по прежним «стабильным» временам и тягу к

традиционным (и архаичным) методам авторитарного и упрощенного решения сложных проблем, поощряя авторитаризм и популизм политиков. У третьих провоцирует *отчаяние и иррациональный протест*, подпитывая политический экстремизм и терроризм и религиозный фундаментализм и фанатизм.

Дополнительным фактором, который способствует потере общественных ориентиров, утверждению атмосферы политического пессимизма и нигилизма, является **кризис идеологий**, грозящий превратиться в кризис идеалов, ценностей и морали. Можно сказать, что XX век стал веком конфликта и смерти идеологий, особенно тех, в основе которых лежали утопические концепции.

Но прежних идеологов как на Востоке, так и на Западе торопятся сменить новые. Сегодня многие забывают, что падение Берлинской стены стало *не причиной глобальных мировых перемен, а следствием* тех глубинных процессов реформ, которые начались на Востоке, в частности, в Советском Союзе. Именно там после десятилетий большевистского эксперимента и констатации исторического тупика, в который он привел российское общество, родился мощный импульс демократической реформы, которым смогли воспользоваться и страны Восточной Европы.

Но вскоре выяснилось, что и капитализм на Западе, лишившись своего исторического соперника и противника и вообразив себя в роли единоличного правителя мира и воплощения мирового прогресса, рискует привести западные общества и остальной мир в исторический тупик.

Понадобился нынешний мировой экономический кризис для того, чтобы выявить органические пороки существующей западной модели развития, навязываемой остальному миру как единственно возможной, и убедиться, что не только бюрократический социализм, но и *ультралиберальный капитализм нуждается в глубокой демократической реформе и обретении «человеческого лица»*.

Ранее, осознавая эти проблемы, такие яркие умы, как Джон Кеннет Гэлбрейт и Андрей Сахаров, *мечтали о конвергенции* двух соперничавших общественных систем. Шанс для этого (если он и был) оказался упущен. Но тем более нельзя упустить шанс для того, чтобы на основе коллективного пережитого опыта постараться выработать совместную формулу *«глобализации с человеческим лицом»*. Если же нынешние попытки поскорее преодолеть последствия глобального кризиса сведутся к поиску вариантов оживления и *спасения прежней и явно обанкротившейся модели общественного развития*, мы рискуем уже в недалеком будущем пережить не просто новый кризис, но подлинную цивилизационную катастрофу.

Сегодня мы все, оказавшись в известном смысле на руинах старого порядка, можем считать себя участниками процесса Творения Нового Мира. Многие казавшиеся бесспорными (как на Востоке, так и на Западе) истины и постулаты перестали быть бесспорными. Среди них: слепая вера во всемогущество и, главное, в демократическую природу рынка. Убеждение в том, что западная модель демократии может быть автоматически (механиче-

ски) распространена на общества с другим историческим опытом и иными культурными традициями. Даже такое, казалось бы, очевидное, вызывающее консенсус понятие, как *общественный прогресс*, нуждается в нынешних условиях в уточнении и новом определении.

Не будем забывать и еще об одном, может быть, важнейшем вызове, с которым впервые столкнулось все человечество. Мы еще не в полной мере осознали, что, счастливо избежав новой мировой войны между людьми, мы все уже давно участвуем в другой **мировой войне — Человека с Природой**. Давно настало время перейти от логики покорения природы, как говорил выдающийся российский ученый Никита Моисеев, к принципу «коэволюции». [...] Такой новый подход требует выработки и распространения норм **новой нравственности**. Это задача для всех: и политиков, и гражданского общества, и бизнеса, и средств массовой информации.

Наберемся же смелости, как говорил один из великих сынов прошлого века Папа Иоанн Павел II. Постараемся обратить драматический опыт прошлого века в строительный материал для нового. И не допустим, чтобы из его развалин были возведены новые стены!

Фелипе Гонзалес,
бывший премьер-министр Испании

Я помню одну беседу с Дэн Сяопином четверть века назад. Он рассказывал мне о том, что такое его четыре реформы и что должно произойти в Китае через двадцать пять лет. Он недооценил грядущие перемены: произошло куда больше того, что он предсказывал.

Прошло двадцать лет с падения Берлинской стены, мы столкнулись с глобальным системным кризисом. Парадокс, однако, заключается в том, что альтернативной системы, куда можно было бы обратить взор в поисках спасения, не существует. Историческая альтернатива исчезла в 1989 году, а альтернативы системе, которые нынче предлагаются, это утопии, самые регрессивные утопии, авантюры, которые не могут дать хороших результатов и в которых уж точно нет никакого обещания будущего. [...]

Итак, мы испытываем системный кризис и не имеем альтернатив. Коммунизм как система рухнул. Но и капитализм рухнул как система. Нынешний глобальный финансовый кризис — это кризис нерегулируемых финансовых рынков, которые верили, что они регулируются сами собой — невидимой рукой. Однако этой невидимой руки рынка никогда в действительности не было и не будет. Я, по крайней мере, так думаю. Я верю, что то, что мы имеем, может быть реформировано, но только реформа должна быть глубокой. И плохая новость заключается в том, что нынешний тяжелейший кризис, боюсь, не породит реформ, в которых мы нуждаемся. Судя по первым шагам Большой Двадцатки, не видно, чтобы мы дошли до корневых проблем.

Но есть и хорошая новость, она в том, что последние двадцать лет, несмотря на растущий разрыв в доходах между наиболее процветающей и

наиболее обездоленной частями планеты, были для мира лучше, чем предыдущие двадцать лет. Я имею в виду не только Европу. Число людей, обладающих покупательной способностью, во всем мире возросло в невероятном масштабе. Я знаю, что перепады тут гигантские, но Китай и Индия создают второй уровень общества потребления — того самого, которое мы так любим критиковать.

Я никогда не доверял всему, что говорится о конце истории или о неизбежном столкновении цивилизаций, так же как не верил в невидимую руку рынка. Но я знаю, что, защищая рынок, не обойтись без конфликтов. В одной нашей беседе в 90-е годы с президентом Бушем-старшим он сказал, что страны Центральной и Восточной Европы, оставив позади коммунистический статус и Россию, должны научиться жизни в рынке, потому что это единственная дорога, на которой они придут к демократии.

Часть моей жизни пришлась на время диктатуры Франко, и я бы сказал, основываясь на личном жизненном опыте, что не бывает демократии без рынка, но бывает рынок без демократии. Так или иначе, рынок стал общей средой экономического существования. От Китая до Вьетнама, Россия, Дания, Чили — какую модель ни возьми, рынок приняли все. Но когда рынок, и один только рынок, стал доминирующей идеологией, эта идеология, приложенная к финансовой системе, привела к тому, что система лопнула, а с ней и все высоколобые рассуждения насчет саморегулирования рынка. Вот и получается: коль скоро все мы разделяем веру в рынок, мы должны задуматься о том, как мы его организуем. Речь идет о регулировании в целях экономической эффективности и в целях социальной эффективности.

Альберто Инделикато,
бывший посол Италии в ГДР

Мы должны констатировать, что дуэль между капитализмом и социализмом (в любой версии), между либеральными демократиями и тоталитарными режимами, некоторые из которых к концу стали авторитарными, между частным предпринимательством и народным хозяйством, — эта дуэль практически во всех случаях закончилась победой первых и поражением последних. В минувшее двадцатилетие мы увидели, как все страны, ранее принадлежавшие к коммунистическому миру, наперегонки устремились к моделям, получившим развитие в Западном мире. У этой гонки были два забега и две конечные цели: вступление в НАТО и вхождение в Европейское Сообщество, которое трансформировалось в Европейский Союз. Вступая в НАТО, страны надеялись поставить барьер угрозе возможного возвращения России к традиционному гегемонизму. Войдя в ЕС, рассчитывали закрепить свою конверсию в капитализм. Они пытались прибиться к большому берегу в момент трудной трансформации.

Однако их ждало немало разочарований. Они поняли, что их обостренное восприятие отношений с Россией, сформированное событиями 1945 — 1991

годов, не совпадает, если не контрастирует, с реакцией «старых европейцев». Более того, у них часто складывается впечатление, а то и опасение, что, освободившись от диктата Москвы, они оказываются под гегемонией Брюсселя, безусловно, не столь давящей, но тоже обременительной. Их колебания и даже прямая оппозиция конституционной реформе ЕС — очевидный симптом этих страхов. А еще они осознали, что не существует одного типа капитализма. Более того, происходящие повсеместно кризисы порождают страх у одних и надежду у других, что капитализм находится в преддверии краха, на пороге своего окончательного поражения — вроде того, что настигло социализм. Хотя, как показывает практика, до сих пор капитализм не просто пережил все свои кризисы, каждый раз он выходил из них все более сильным. Правда, требуются немалое терпение и крепкие нервы, чего порой не хватает правительствам и в еще большей степени населению.

Вступление в Западный мир не обошлось без проблем и иного рода. Из Польши, Румынии и Болгарии пошла массовая иммиграция в страны Западной Европы. С одной стороны, это симптом того, что публика не верит в способность своих правительств добиться быстрого экономического развития. С другой, утечка мозгов и рук, особенно молодых, затрудняет и замедляет модернизацию этих стран в тот самый момент, когда они больше всего в этом нуждаются. Можно придти к парадоксальному выводу, что ЕС, распахнув двери слишком рано, сам того не желая, затормозил процесс модернизации этих стран.

Государства и народы Центральной и Восточной Европы не чувствуют под ногами той тверди, на которую они рассчитывали, когда еще только стремились стать частью западного сообщества. Они осознают, что их ждет мир, полный трудностей и опасностей. Но, в конце концов, за свободу часто приходится платить потерей былой стабильности.

Эрик Хобсбаум,
историк, член Британской Академии Наук

Короткий XX век был эрой религиозной войны между секулярными идеологиями. Скорее по историческим, чем по логическим причинам доминировало противостояние двух — и только двух — взаимоисключающих типов экономики: «социализма» — этим термином определялись хозяйственные системы советского типа, основанные на центральном планировании, — и «капитализма», который вбирал в себя все остальное. Это очевидное фундаментальное противостояние между системой, которая стремилась уничтожить основанное на поиске прибыли частное предпринимательство (то есть рынок), и системой, которая стремилась снять с рынка любые общественные и иные ограничения, никогда не было оправданным. Все современные экономики должны сочетать в себе общественное и частное в той или иной комбинации и пропорции, и так фактически и происходит. Упорные попытки реализовать в самом крайнем виде противоположные логики «капи-

тализма» и «социализма» провалились, причем провалились обе попытки. Основанные на госплане командные экономики советского типа не пережили 1980-х годов. Англо-американский «рыночный фундаментализм», достигший тогда своего апогея, рухнул в 2008 году. XXI веку придется искать более реалистические подходы к своим проблемам.

Как это повлияло на страны, ранее приверженные «социалистической» модели? При социализме госплановские командные системы оказалось невозможно реформировать, хотя практики и экономисты видели их фундаментальные пороки. Эти системы, неконкурентоспособные на международной арене, оставались, однако, жизнеспособны, покуда были изолированы от остальной мировой экономики. Эту изоляцию невозможно было сохранить, и когда от социализма ушли, — будь то из-за краха политических режимов, как в Европе, или по воле самого режима, как это случилось в Китае и Вьетнаме, — эти государства тотчас погрузились в то, что многим казалось единственно возможной альтернативой, — в глобализированный капитализм в доминировавшей тогда единственной форме капитализма свободного рынка.

Немедленные результаты в Европе были катастрофическими. Страны бывшего СССР до сих пор не преодолели этого наследия. К счастью для Китая его капиталистической моделью стал не англо-американский неолиберализм, а куда более дирижистский образец «тигриных экономик» Восточной Азии. Свой экономический «большой прыжок», однако, Китай предпринял без малейшей оглядки на социальные и человеческие последствия.

Этот период сейчас подходит к концу точно так же, как закончилось глобальное торжество экстремального экономического либерализма англо-американского типа. Хотя мы до сих пор не знаем, какие перемены принесет нынешний мировой экономический кризис, самый глубокий со времен кризиса 1930-х годов, когда шоковые последствия последних двух лет будут преодолены. Одно ясно: произошел важнейший сдвиг — от старых северо-атлантических экономик на Юг и, прежде всего, в Восточную Азию.

В этой ситуации бывшие социалистические государства (включая те, что до сих пор управляются компартиями) сталкиваются с очень разными проблемами и перспективами. Я оставляю в стороне разницу в их политическом облике. В большинстве своем эти государства остаются сравнительно слабыми. В Европе некоторые из них тянутся к западноевропейской социально-капиталистической модели, хотя и при куда более низком уровне дохода на душу населения. К странам бывшего СССР и Юго-Восточной Европы это, однако, не относится. Особенно трудное будущее ожидает Юго-Восточную Европу, более балканизированную, чем когда-либо раньше, познавшую войну, разгул коррупции и преступности. Россия, в какой-то мере оправившаяся от катастрофы 1990-х, сведена к роли сильного, но уязвимого поставщика сырья и энергии. До сих пор ей так и не удалось создать более сбалансированную экономическую базу. Реакция на издержки неолиберальной эры привела к определенному возврату к госкапитализму с откатом к некоторым аспектам советского наследия.

Очевидным образом простая «имитация Запада» уже не выбор. Это особенно наглядно в Китае, который создал свой собственный посткоммунистический капитализм — и так успешно, что будущие историки вполне могут увидеть в Китае истинного спасителя мировой капиталистической экономики в нынешний кризис. Так или иначе, об одной-единственной глобальной форме капитализма или посткапитализма говорить уже не приходится.

Тем не менее формирование завтрашней экономики — не самая важная часть наших забот. Основополагающее различие между экономическими системами лежит не в их структуре, а в их социальных и моральных приоритетах. Я бы выделил две проблемы.

Первая — это та, что конец коммунизма означал неожиданный конец ценностям, привычкам и социальным практикам, по которым жили поколения — не только при коммунистических режимах, но и в докоммунистическом прошлом, что в немалой степени сохранялось при этих режимах. Мы должны признать глубину шока и человеческие жертвы, порожденные этим нежданным-негаданным общественным землетрясением. Даже когда экономические трудности отступают, у всех, кроме тех, кто родился после 1989 года, остается чувство социального крушения и потери ориентиров. Должно пройти несколько десятилетий, прежде чем посткоммунистические общества сформируют стабильный образ жизни в новую эру, а для того, чтобы были искоренены некоторые последствия социальной разрухи, институциональной коррупции и преступности, может быть, потребуются еще бóльшие сроки.

Вторая проблема — это то, что как западный неолиберализм, так и посткоммунистические идеологии, им вдохновленные, намеренно подчинили благосостояние и социальную справедливость тирании ВВП, то есть максимальному и намеренно неравному экономическому росту. Сделав это, они подорвали, а в бывших коммунистических странах разрушили системы социального обеспечения, ценности и цели общественной службы. На такой основе не могут зиждиться ни «капитализм с человеческим лицом» послевоенных десятилетий, ни сколько-нибудь удовлетворительные посткоммунистические системы смешанного типа. Цель экономики — не извлечение прибыли, но благосостояние всех людей, точно так же, как легитимность государству следует искать в народе, а не во власти. Экономический рост — не цель, а средство на пути к хорошим, гуманным и справедливым обществам. Неважно, как мы называем режимы, которые стремятся к этой цели. Важно, как, из каких приоритетов исходя, мы сочетаем общественные и частные элементы в наших смешанных экономиках. Это ключевой политический вопрос XXI века.

Янь Минь Ву,
вице-председатель Китайского Института стратегии и менеджмента, председатель Шанхайского Центра международных исследований

Двадцать лет после падения Стены — хороший момент для размышлений. Становится ли мир лучше или хуже? Движется ли он назад или вперед?

Три главные перемены в мире, по-моему, таковы.

Первая. Центр тяжести в международных отношениях сдвигается из Атлантики в Тихий океан. Быть может, это самая важная перемена за последние четыре столетия. Что определяет этот сдвиг — подъем Азии? Да, после Второй мировой войны Азия начала подниматься. Первой поднялась Япония. Затем в 60-е к ней присоединились четыре «тигра». В ранние 70-е — другие азиатские страны: Индонезия, Филиппины, Таиланд и Малайзия. В 1978 году мы в Китае начали новую политику, которая получила название «реформа и открытость внешнему миру». В 1991 году свою экономическую реформу начала Индия. Подъем Азии — таков новый тренд, который, как я понимаю, изменит лицо мира в XXI веке.

Вторая перемена заключается в том, что никогда прежде мир не был так един и взаимозависим, как сегодня. Возьмем взаимоотношения между США и Китаем, к примеру. Тридцать лет назад, что бы ни случилось в американской экономике, на Китай это никак не влияло. Ныне все иначе: когда США в беде, мы тоже в беде. И наоборот. В 1971 году, когда я, молодой дипломат в составе китайской делегации на сессии Генассамблеи ООН, впервые приехал в США, в магазинах Нью-Йорка днем с огнем было не найти товаров китайского производства. Сейчас американские друзья сетуют: «Посол Ву, невозможно подобрать вам сувенир: что ни купи, на всем марка "Сделано в Китае"».

Другой важный фактор, стоящий за этим трендом, — это общие вызовы: деградация окружающей среды, терроризм, распространение наркотиков и т. д. Ни одна страна в мире, как бы она ни была могуча, не способна справиться с ними в одиночку.

Третья перемена заключается в том, что мир стоит на пороге трех революций: энергетической, индустриальной и революции в образе жизни.

Что движет эти три революции? Во-первых, то, что целый ряд развивающихся стран находятся на подъеме. Азия, некоторые страны Африки, Латинская Америка... Если сложить население этих стран, получится 3,3 миллиарда человек. Никогда еще в истории человечества не было, чтобы половина населения земного шара испытывала такой подъем.

По-настоящему серьезной становится проблема ресурсов и энергии. Модель развития была изобретена индустриализируемыми странами, и, когда западные страны начали свой подъем, к их услугам были ресурсы всей планеты. Но сегодня, когда 3,3 миллиарда людей пришли в движение, у нас нет таких ресурсов. Второй фактор, стоящий за этими тремя революциями, это меняющийся климат. Накапливается слишком много CO_2, слишком заметен парниковый эффект в атмосфере. Это всеобщая проблема и общий вызов.

Вот так и получается: смена энергии, влекущая за собой новую индустриальную революцию, требует того, чтобы поменялся и наш образ жизни. Тот образ жизни, который мы имеем сегодня, был изобретен Западом, а с 3,3 миллиардами людей на подъеме этот образ жизни невозможно обеспечить, так что нам нужно меняться. Таковы три главные перемены. Мы в Китае их видим.

Марек Хальтер,
французский писатель, рожденный в Варшавском гетто

Вчера, блуждая по сети, я наткнулся на удивительную коллекцию. Это были фото двадцати четырех стен, которые все еще разделяют страны, государства и людей по всему миру, включая Америку, Мексику, Испанию, Ирландию (Белфаст) и Израиль. Помню, как в ноябре 1989 года я услышал в телефонной трубке восторженный голос моего друга Мстислава Ростроповича. Он стоял у Берлинской стены и почти кричал мне: «Стену сносят!» Тот, кто рос в гетто, может только радоваться, когда рушатся стены. Важны, однако, не сами стены, а то, что они отделяют. Можно снести стену, но разделение останется — идеологическое, экономическое, политическое или расовое...

Стены строят тогда, когда начинают бояться. Советы построили Стену, когда они осознали, что их система начинает крушиться... Берлинскую стену я видел лишь однажды, мне показал ее Вилли Брандт. Я собирался написать статью для «Монд». Вилли Брандт усадил меня в машину со словами: «Ты должен увидеть то, во что мы утыкаемся в каждое мгновение. Ты должен почувствовать, что значит ударить по Стене голым кулаком. Это больно». [...]

Знаете, для чего нацисты построили стену вокруг Варшавского гетто? Не для того, чтобы мы не могли выйти наружу: нам было некуда идти. Это было сделано для того, чтобы не-евреи не видели, как мы умираем, чтобы оградить их сознание, чтобы гарантировать, что они не восстанут и не проявят солидарности с нами. Стена — символ разделения, но порой она может и объединять людей. Когда приходит пора снести стену, это делают сообща люди с обеих сторон.

Массимо д'Алема,
член итальянского парламента, бывший министр иностранных дел

Несколько лет тому назад, беседуя с Михаилом Горбачевым о проблемах посткоммунизма в России, я задал ему вопрос с подковыркой. «Если новые проблемы так велики, может, не стоило разрушать старый мир», — сказал я. Это был глупый неуместный вопрос, но он ответил очень серьезно. Что Стена должна была быть снесена, потому что в ней было отрицание всех наших ценностей, что это был невыносимый груз для всех тех, кто верил в левые ценности. Не может быть никаких сожалений: перемены, которые происходят, доказывают, что падение Стены открыло новую эпоху.

Тем не менее мы должны признать: идея того, что конец биполярного мира и равновесия страха приведет к миру и согласию в мировом масштабе, о чем говорил Горбачев в 1998 году, оказалась великой иллюзией.

Базисно биполярность была формой мирового порядка. После 1989 года мир развивался беспорядочно и число конфликтов выросло. Взорвались

бомбы трагических религиозных конфликтов, — будто Средние века вернулись в современность. Чего только стоит война на Балканах! А ведь это — закономерная реакция на глобализацию. Этнические и религиозные группы схватились за оружие, чтобы защитить свое пространство, а это привело к взрыву религиозного фундаментализма — в первую очередь исламского. Однако и христианский мир обнаружил и фундаменталистские течения, и одностороннюю готовность Америки действовать без оглядки на других, и бушевскую неоконсервативную философию, — что, впрочем, было своего рода попытками справиться с мировым беспорядком.

Я не разделял, но понимал идеалистический позыв неоконсерваторов. В полной мере эту политику осуществляла Кондолиза Райс — умная, жесткая, женщина с характером. Ее любимая фраза: «Мы должны действовать». Я помню напряженные беседы с ней. В разгар ливанского конфликта я спросил, почему мы не вмешиваемся, чтобы остановить его. «Рано, — сказала она. — Пусть израильтяне сначала сделают всю грязную работу, уничтожат террористов». Она олицетворяла идею, что мировой порядок стоит на силе, на силе, ведомой сильным идеалом. «Мы хотим утвердить свободу. вы, левые, слишком склонны к уступкам», — говорила она. Неоконсервативный подход Америки был решительной попыткой преодолеть мировой беспорядок силой, прибегнув к гигантской мощи Америки и отбросив сдержки демократии. В какой-то момент им показалось, что даже НАТО просто путается под ногами. Достаточно было коалиции готовых действовать.

Будем честны, эта попытка — попытка гегемонии, вызванная понятной реакцией на хаос и выразившаяся в военном навязывании западной демократии, — провалилась. Великий поворотный момент наступил с Обамой.

Прежде всего американская мощь будет поставлена на службу идее многостороннего управления миром. Это фундаментальное обстоятельство. Без США никакое многостороннее управление невозможно. Оно может быть эффективным только в том случае, если его движущей силой является экономическая и военно-политическая мощь Америки.

Второй важный момент состоит в следующем. Обама вовсе не отказался от идеала американского первенства, но он сделал очень существенную поправку. Это первенство базируется не столько на жесткой, сколько на мягкой силе Америки, фокусируясь на ценностях прав человека и свободы.

Сезон Обамы принес новые подходы, но я не вижу, чтобы Европа стремилась занять достойное место в мировой политике. Я верю, что, коль скоро мы возвращаемся к первенству дипломатии в международных отношениях, ЕС может сыграть очень заметную роль, однако до сих пор эта роль проявляется весьма слабо. Мы, европейцы, все еще в плену наших страхов и привилегий. Мир за последние двадцать лет пережил драматичную трансформацию, а мы так и не поняли, что по отдельности ни одна страна Европы, за исключением Германии, просто не обладает достаточным весом, чтобы на равных сидеть за столом с великими державами мира.

Нелегко будет построить систему многостороннего управления сегодняшним миром. Но если мы хотим, чтобы она заработала, если мы хотим избежать конфликтов и утвердить права человека, если мы не хотим, чтобы все выродилось в еще одну главу пресловутой realpolitik, мы должны осознать нашу ответственность и найти новые политические инструменты. В этом сценарии точно найдется место для Европы. При одном условии — мы должны сделать качественный бросок к ее политическому единству.

Маршалл Голдман,
почетный профессор экономики, Уэлсли Колледж, Гарвард

Старые конфликты, новые стены... Я сказал себе, давай-ка я взгляну на эту тему с позиции Соединенных Штатов, и вот к каким суммарным выводам я пришел. У нас в нашей истории было много врагов, впрочем, врагов хватало у всех. Последовательно нашими врагами была Англия, ныне наш ближайший союзник, Канада, наша соседка, Франция, Испания, Мексика, Германия в Первую и Вторую мировые войны, Япония, Италия во Вторую мировую, СССР, Китай в «холодную войну»... Надеюсь, я никого не забыл.

Не стану убиваться по этому поводу, но посмотрите, сколь широк этот список. Каждый может в уме проделать ту же работу применительно к своей стране, боюсь, что список будет не менее внушителен.

Вывод, к которому я прихожу, очень прост. Все эти страны на том или ином этапе были нашими врагами, но рано или поздно все они стали нашими союзниками. Но тогда сам собой возникает вопрос: какой смысл иметь врагов? Рано или поздно вы все равно окажетесь вместе... Какой же урок из этого следует? Может быть, такой: ссора с соседом или кем-то еще в порядке вещей, но ведь рано или поздно вы решите свой спор. Так стоит ли тратить время и ресурсы на «добрую ссору»? Это может сослужить какую-то службу кому-то или чему-то, но если рано или поздно вы все равно закончите дружбой, то не лучше ли это сделать рано?!

Может быть, в устах экономиста это звучит наивно, но попробуйте опровергнуть эту логику. Уверяю вас, она очень практична.

Андрей Грачев,
председатель Научного комитета Форума мировой политики

[...] Политический календарь не совпадает с хронологическим. Можно сказать, что политический конец XX века растянулся почти на двадцать лет. Многие считают, что он начался в конце 80-х с падением Берлинской стены и окончанием «холодной войны»: именно они символизировали век мирового идеологического и политического раскола на противостоящие системы, блоки и лагеря. Кое-кто на Западе в ту пору воспринял распад Советского Союза как политический финал не только изнурительного XX века, но и своеобразный «Конец Истории».

У них было достаточно аргументов. Победив (в союзе с западными демократиями) нацизм во Второй мировой войне, Советский Союз проиграл послевоенный мир. Восточной Европе, превращенной в часть собственной мировой империи, советский режим не смог предложить ни своего Плана Маршалла, ни тем более примера для подражания. Единственным способом удержания ближайших стратегических союзников под контролем было присутствие советских войск и навязанная с их помощью репрессивная политическая модель.

Неудивительно, что, как только в своей речи в ООН Горбачев, отменив «доктрину Брежнева», провозгласил одним из главных принципов новой советской внешней политики «свободу выбора» народами своих политических систем и подкрепил эту декларацию заявлением об одностороннем выводе советских войск из Восточной Европы, Варшавский договор начал распадаться, а падение Берлинской стены было предрешено.

Но и сам Советский Союз не пережил Перестройки и вступил в стадию терминального кризиса не только из-за неспособности его политического режима реформироваться, но и потому, что составлявшие советскую (и российскую) «внутреннюю империю» нации и народы в свою очередь воспользовались обретенным правом на «свободу выбора» и выбрали для себя «мир за Стеной». [...]

Мы оказались, словно после политического землетрясения, как бы на «нулевом уровне» — под развалинами не только большинства идеологических схем и стереотипов прошлого века, но и в состоянии «первоначального хаоса» творения. Поэтому можно сказать, что именно сейчас в конце первого десятилетия XXI века наступает его подлинное политическое начало. Это по-своему выигрышная ситуация для размышлений о контурах новой политики. Тем более что нынешний мир в ней нуждается. Поскольку **«мир за Стеной»** — это уже другой, **единый и взаимозависимый мир**. Его черты — современная технология, глобальная экономика, новые средства транспорта и связи (парадоксально, во многом обязанные первым советским спутникам), глобальные последствия экологических проблем и катастроф и тотальная угроза, исходившая от атомного оружия и сделавшая невозможным решение военным путем конфликта между Востоком и Западом. Хиросима в 1945 году и Чернобыль в 1986 навсегда останутся его опознавательными знаками. [...]

Парадокс Стены состоял в том, что она отбрасывала тень в обе стороны. И если от ее существования, как и в целом от «железного занавеса», перегораживавшего Европу и мир, страдали миллионы, многих ее наличие устраивало. В комфортной тени Стены уютно чувствовали себя стереотипы и обоюдные комплексы, она защищала покой и, главное, интересы политиков, стратегов, военно-промышленных лобби и пропагандистов. Неожиданное падение главной Стены XX века поэтому многих застало врасплох, а наличие новых видимых и невидимых стен и барьеров, разделяющих людей и народы в наши дни, показывает, что и в XXI веке политики, да и человечество в целом, не готовы от них освободиться [...]

Разные страны и целые континенты по-разному пережили окончание «холодной войны» и ускорение процессов глобализации. Практически на наших глазах формируются очертания новой карты мира. После дезинтеграции «второго мира» на роль не только экономического, но и политического соперника Запада начинает все активнее выдвигаться бывший «третий». Мы услышали оптимистический голос Азии (прежде всего, Китая), стремительно выходящей на первые роли — сегодня в мировой экономике, а завтра, наверняка, и в политике. Вслед за Бразилией и остальная Латинская Америка расстается с прежним статусом части слаборазвитого мира и задворок Северной Америки и пытается сформулировать оригинальную собственную модель экономического и социального развития.

Но у глобализации есть и свои проигравшие. Среди них — Африка, которая чувствует себя отверженной и обделенной плодами глобализации и превращается в поле уже нового соперничества, на этот раз не между ядерными, а между новыми экономическими сверхдержавами. Даже Европа, главная жертва «холодной войны» и поэтому, казалось бы, однозначно выигравшая от ее окончания, за последние двадцать лет прошла путь от эйфории, вызванной собственным воссоединением, к сомнениям относительно того, может ли она оплатить его экономическую цену, а главное, способны ли «старая» и «новая» Европы, даже объединившись, образовать новый самостоятельный полюс не только экономического, но и политического влияния в глобальном и многополярном мире.

Что же до главных участников исторического конфликта, доминировавшего в послевоенной мировой истории, — США и России, — то и для них его благополучное и мирное разрешение не принесло ни гармонии в их отношения, ни ожидавшегося многими установления нового стабильного мирового порядка. США, восприняв политическую капитуляцию своего основного стратегического соперника как собственный исторический триумф и как мандат на единоличное управление мировыми делами, вынуждены были открыть для себя, что даже исторические победы, одержанные в прошлом веке, имеют относительный политический вес и практическую ценность перед лицом принципиально новой мировой ситуации.

Россия, истолковав как национальную катастрофу и стратегическое поражение свое собственное избавление от последствий рокового исторического выбора, сделанного еще в начале XX века, погрузилась в комплексы «побежденной» державы — антизападные обиды и мечтания о неясном, но желанном реванше. И через двадцать пять лет после ее начала Перестройка многими нынешними российскими лидерами воспринимается как политическая неудача или подрывной антинациональный проект. Ведь Перестройка была задумана и начала реализовываться как проект воссоединения России с мировой историей, примирения с внешним миром и возвращения в статус европейской страны — с плюрализмом мнений, верховенством закона, реальными выборами руководителей, неприкосновенностью челове-

ческой личности, реальной конкуренцией в политике и экономике и отчетностью власти перед обществом.

Что касается нового «мира за Стеной» в целом, то сегодня он находится на расстоянии световых лет от оптимистического видения «нового политического мышления» Горбачева и его единомышленников.

Обещанная стабильность международных отношений не наступила, и наиболее распространенным средством решения старых и новых конфликтов остается сила, — будь то в виде государственного принуждения или террористического насилия. «Дивиденды от мира» так и не перераспределили колоссальные средства из военных бюджетов развитых стран на помощь в развитии отсталым регионам мира или экологические программы, а объем расходов на оборону и международная торговля оружием уже превышают уровни «холодной войны».

Все это, на первый взгляд, подтверждает относительность благотворных исторических перемен, которые в конце прошлого века казались необратимыми. Перечисленные факторы свидетельствуют и об исключительно хрупком, переходном и в силу этого опасном этапе. Речь по сути дела идет об уникальном процессе **синхронизации мирового времени** для народов, принадлежащих к различным культурам, традициям и даже историческим эпохам. Далеко не все они приучены собственной предыдущей историей к культуре терпимости, компромиссам, просто к сожительству с иными цивилизациями, верованиями, обычаями.

В то же время хочется верить, что опыт, в том числе и негативный, накопленный за годы, прошедшие после политического завершения XX века, обогатил новые поколения политиков важными уроками. Среди них и неэффективность силовых решений, и констатация тупиков, в которые ведет экстремизм, и невозможность униформизации пестрого, многополярного мира. Однако многополярность не сводится только к новым формулам компромиссов между новыми центрами экономической (или военной) силы. Реальная многополярность состоит в многокультурности человечества, которому политики должны помочь, во-первых, осознать себя как единое целое, во-вторых, научить пользоваться его новыми возможностями без того, чтобы ставить под угрозу общие интересы стабильности и безопасности или природную и культурную среду человеческого существования.

Подлинно эффективным инструментом назревшей **мировой реформы** может быть только новая политика, основанная на демократической культуре, диалоге, поиске компромисса и общего интереса. Мировому сообществу необходимо вернуть право выбора. Возможность вырабатывать и сравнивать альтернативы. Ибо истинная демократия — это всегда выбор. И именно она может дать нам ключ к выходу из нынешнего тупика.

Вместо новых стратегических альянсов необходимо строить политические и культурные мосты. Наш Форум — один из таких проектов.

2010, № 2 (144)

II. РЕФОРМЫ 90-Х ГОДОВ

1. ИНТЕРВЬЮ С Е.Т. ГАЙДАРОМ (апрель 1994 года)

— Егор Тимурович, я хотел бы начать вот с какого вопроса. Когда перед вами впервые открылась возможность реально и по крупному счету сделать что-то в России, с какими надеждами и целями вы решились на это? Какую страну в результате всех реформ вам хотелось бы построить, какой тип общества утвердить? С чем в этом смысле вы шли на то место, которое вам судьба предложила, ставя вас фактически во главе страны? Как представляли себе, что именно вы хотите для нее сделать, какой образ ее будущего перед вами стоял, о чем вы в этом плане думали и, может быть, мечтали?

Вы знаете, путь к реальному принятию решений был длинным, неодномоментным. И на самом деле на разных этапах доминировали разные соображения. Разные образы будущего, разные образы принципиальных задач и разные образы принципиальных угроз.

Ну, в какой-то степени какие-то первые возможности пусть слабо, но хоть как-то соприкоснуться с реальным механизмом принятия решений у меня появились в середине 80-х годов, когда старая партийная элита в очередной раз начала тур работ и обсуждений, связанных с так называемой перестройкой хозяйства. Это давно было, я был тогда молодым человеком, и подавляющее число моих друзей и единомышленников были в это время глубоко убеждены в устойчивой стабильности той социально-экономической системы, которая сложилась тогда в Советском Союзе. Считалось, что она, разумеется, в долгосрочном плане в общем неэффективна, где-то даже маразматична, но при этом на редкость стабильна. И для меня два было главных соображения. Главное профессиональное было связано с желанием внести хотя бы какие-то элементы здравого смысла в экономически происходящее, попытаться сообщить некоторые изменения экономической политике в том направлении, которое мне казалось разумным. А политически я был среди немногих моих друзей этаким как бы чуть розовым оптимистом: мне казалось, что стабильность системы не столь высока, как кажется, что неизбежное столкновение с нарастающими экономическими трудностями, — а они уже вырисовывались впереди, — непременно приведет к социальным напряжениям, которые скажутся и на политических процессах. И для меня предельно важной была надежда на то, что эти политические изменения

рано или поздно раскачают, размоют основы этого склеротического тоталитаризма, который сложился в России.

Вот это было в самом начале. А если говорить о том, что было в самом конце, то есть осенью 1991 года, там все было иначе. В это время перед нами была абсолютно ясно видимая картина рухнувшего государства, неработающей государственной машины, армии, которая отдает оружие первому, кто попросит, Комитета государственной безопасности, который отдает центры управления тем, кто туда постучится... Противоречивое законодательство, отсутствующие границы, неработающие таможни, неработающие пятнадцать центральных банков, конвертирующих общую валюту,— общая картина хаоса и анархии при парализованном механизме управления экономикой, более всего напоминающая, если искать аналогии в русской истории, ситуацию в 17-м году. И для нас в это время принципиально важным было не допустить, чтобы развитие событий еще раз пошло бы по тому же сценарию, по которому оно пошло в 17-м году.

— Понятно. И методы, которые вы тогда решили задействовать, это, на ваш взгляд, были именно те методы, которые в этой ситуации и были необходимы?

Да, на самом деле в этой ситуации иначе было нельзя. Если проанализировать тот же 17-й год с социально-экономической точки зрения, то, в общем, там тоже ведь были две довольно жесткие альтернативы, — мягкие не работали. Если говорить о политике, то нужно было срочно, на любых условиях заключать мир, спасения уже другого не было. И тогда на этой основе нужно было резко сокращать военные расходы, стабилизировать внутреннее денежное обращение, чтобы можно было открыть рынки, которые к 17-му году уже закрылись, отсутствовали в связи с кризисом. Либо надо было энергично, жестко объявлять войну крестьянству, вводить продразверстку и ее осуществлять. Шансы уцелеть имела на самом деле только партия, способная сделать или первое, или второе.

Существовавшая в 1991 году альтернатива была на самом деле абсолютно та же самая. Ситуация с инфляцией, со снабжением городов абсолютно напоминала осень 17-го, и точно так же в этой ситуации могли работать только радикальные решения: мягкие полумеры были бы слишком слабы, чтобы оказать какое-то воздействие на страну в такой экстремальной ситуации...

— Тогда я вот какой вопрос задам. Теперь вы практически вышли из правительственных структур, из действующего руководства страны. Как сейчас вы сами, оглядываясь назад, на путь, который прошли, на то, что сделали и что не сделали, — как вы оцениваете этот путь сегодня? В чем вы видите свои главные ошибки и главные достижения, которых все-таки удалось добиться?

Вы знаете, если говорить о главном, что удалось сделать, то я считаю, что главное все-таки было то, что рынок в России стал реальностью.

— Вы считаете, что это реальность?

Без всякого сомнения, это реальность.

— Несмотря на то, что он такой вот дикий?

А что, разве я спорю с тем, что он дикий, нецивилизованный? Но вот то, что он при этом реальность, — это совершенно очевидно. В 91-м году он не был реальностью, а сегодня, какой он ни есть, он реальность. Соответственно появились нормальные, настоящие деньги, не очень устойчивые, но настоящие. Проблема дефицита, которая была стержнем социальной организации экономики социалистического типа, отошла на периферию общественной жизни, экономика стала открытой, валюта неустойчиво, но конвертируемой, частный сектор, естественно, еще очень молодой и диковатый, стал реальностью; удалось впервые за долгие годы провести демилитаризацию нашей экономики, многократно сократив производство вооружения, удалось создать какие-то основы, маленькие еще, правда, но все же основы частно-крестьянского сектора в сельском хозяйстве, удалось создать рынок жилья, который тоже стал реальностью в России; удалось создать все-таки достаточно широкие возможности для свободного предпринимательства... И все это удалось сделать, сохранив основы демократических свобод. Вот то главное, что, мне кажется, удалось.

Из того же, что, на мой взгляд, было наиболее серьезными ошибками... Ну, было довольно много всяких технических ошибок, а если говорить о принципиальных, то главное, я думаю, это то, что наша политика не была — по крайней мере сознательно — отцентрована на создание социально-политической базы, обеспечивающей устойчивость проводимых преобразований. То есть нельзя сказать, что мы об этом не думали,— думали, естественно, и поэтому пытались максимально ускорить приватизацию, понимая, что это база необратимости реформ, ускорить формирование частного сектора в крестьянстве. Но всерьез все-таки эта политика не была систематической, не была последовательной, а по многим направлениям то, что мы делали в экономике, наиболее серьезно и резко било именно по тем как раз социальным группам, которые должны были быть и были объективно главным источником нашей политической победы. Вот это, на мой взгляд, из всего, что было сделано, наиболее серьезная ошибка, которую мы допустили...

— С пониманием именно этого обстоятельства и связан ваш нынешний активный выход в собственно политическую сферу — в качестве лидера Выбора России?

Да, вы знаете, после того как экономика сыграла в какой-то мере свою роль, — а что бы там ни говорить, жизнь сегодня в России, вы не станете ведь отрицать, стала все-таки поспокойнее, чем осенью 91-го года, когда все боялись голода и холода... И это было вполне реально. Но, сыграв в какой-то мере такую вот собственную роль, экономика с течением времени и довольно быстро стала в полной мере заложницей политики. Стало ясно, что дальнейшее развитие экономических процессов является функцией не такой вот собственно технико-экономической перцепции и будет зависеть не от тех, кто умеет наиболее точно прогнозировать динамику инфляции и владеет методами управления свободным спросом, а от тех, кто имеет возможность подкрепить свои экономические предложения наиболее весомыми политическими аргументами. Когда мне это стало ясно, тогда вот, собственно, мне и пришлось перенести значительную часть моей деятельности из сферы технико-экономической в сферу политическую.

— И на какие общественно-политические стимулы более всего вы теперь рассчитываете, на что собираетесь делать главную ставку в работе вашей партии?

Самый главный политический стимул, объективно работающий на нас, это стимул реальности угрозы. Так или иначе, но нам удалось довольно существенно изменить социально-экономическую жизнь в России. Появилась как бы травка такая — травка новых социальных укладов, новых привычек, новых обретенных и, кажется, устойчивых социальных явлений, — ну, скажем, право не бегать в партком за разрешением поехать за границу, право открыть собственное дело, право за свои деньги купить продукты, право не кланяться всякому встречному начальнику, право читать, что ты хочешь,— ну, и много, много других прав, включая право частной собственности, право иметь свои деньги, право зарабатывать и т. д. Вот, на мой взгляд, эта вот слабенькая социальная травка гражданского общества — это и есть главная наша социальная опора именно потому, что она очень еще уязвима. Она очень хорошо помнит, как недавно еще ее не было, и понимает, как легко по ней проехаться бульдозером. Вот страх этого бульдозера, реальное опасение такого развития событий, при котором все это окажется всего лишь краткосрочным эпизодом,— это и есть, на мой взгляд, наиболее серьезный стимул политической самоорганизации тех групп, тех слоев, которые нас должны поддержать.

— И как вы оцениваете — хотя бы приблизительно — весомость этих слоев?

Вы знаете, это очень сложный вопрос. Дело в том, что тут разные слои и с разными приоритетами. Скажем, если мы будем оценивать тех, кто экономически выиграл...

— Ну да, это понятно — коммерсанты, частично предприниматели...

Да, да,— ну и какая-то часть рабочих,— по опросам, примерно процентов двадцать. Ну, а вот, скажем, интеллигенция, социальный слой, экономическое положение которого, к сожалению, во многом ухудшилось,— ее социальный статус оказался под угрозой. Но для этого слоя очень важен целый ряд других свобод, которые пришли вместе с этими преобразованиями. Именно этим объясняется, что этот слой оказывает нам поддержку, хотя, казалось бы (и это было бы справедливо), он должен был бы очень многое не принимать из того, что у нас в экономике. То есть очень многое зависит все-таки от реальности угрозы. Вот, скажем, в марте-апреле 93-го года эта угроза была реальной, и образовалась широкая коалиция во время проведения референдума. А осенью возникло некое ложное ощущение покоя, [...] угроза ушла — и ушла база для социальной мобилизации потенциальных сторонников стабильного развития России...

— Значит, для реальности у нас демократии нужна реальная угроза?..

Я бы сказал так: не для реальности, а для политической мобилизации демократии сегодня. Это неприятно, но это факт. Сегодня это является прямой функцией от осознания реальности угрозы, которая ожидает демократию [...]

— Теперь я позволю себе повернуть нашу беседу немного в другую сторону. В одном из последних номеров нашего журнала была напечатала статья философа А. Арсеньева, на которую, в свою очередь, откликнулся публицист А. Стреляный. Ему не нравится, что А. Арсеньев верит в возможность для России какого-то особого, третьего, не по схеме классического капитализма пути, на котором хозяйственные формы жизни могли бы быть подчинены духовным критериям. А. Стреляный считает, что эта тема вообще должна быть исключена среди серьезных людей и статьи на эту тему серьезная журналистика должна перестать печатать — подобно статьям об устройстве вечного двигателя. Хотя, замечу я, точка зрения, высказанная А. Арсеньевым, весьма распространена. Но вы, если я правильно вас понимаю, ближе скорее к точке зрения А. Стреляного, не так ли?

Ну, я плюралист, я не сторонник ограничения свободы мнений...

— Нет, нет, я не об этом спрашиваю, я понимаю, что вы за свободу мнений. Я спрашиваю по существу.

А если по существу, то в общем — да. Я, слава Богу, хорошо себе представляю бесконечное количество реальных путей капиталистического развития, и они все очень сложные, они все очень тесно завязаны на национальную специфику. В этом отношении проблемы капиталистического развития России не представляют исключения. Они в некотором смысле

типичны для стран, которые называют странами догоняющего капитализма, хотя имеют и чисто российские компоненты. И проблемы постсоциалистических стран (они тоже имеют некоторую общую основу, что, кстати, заметно облегчает анализ, прогнозирование, оценки) неплохо позволяют видеть проблемы, которые в этих странах неизбежно встают. Но, конечно, есть и набор сугубо специфических российских проблем, которые всегда будут требовать учета при анализе того, что происходит в нашей стране. Я сторонник какой позиции? Я абсолютно не верю...

— В какой-то особый, третий, путь?..

Да, в особый третий путь, но абсолютно не верю, с другой стороны, и в марксову схему, в соответствии с которой наиболее развитые страны показывают отставшим их будущее. Это неверно в отношении и капиталистической, и социалистической модели видения мира. Я просто вижу, что вперед ушедшие страны бросают некий вызов, а то, в какой степени другие страны способны принять этот вызов и как конкретно будет принят этот вызов, — это во многом вопрос внутреннего развития социальной структуры в каждой данной стране.

— Ну, а если в таком случае поставить вопрос так: какие же национальные особенности России нужно, по вашему мнению, учитывать, говоря о перспективах общего — капиталистического — ее развития? [...]

Вы знаете, это всегда носит конкретно-исторический характер... Из того же, что я бы отметил как специфическое для России, я бы выделил очень большую историческую протяженность периода коммунистического эксперимента, который длился не одно, а три поколения, в результате чего традиции частной собственности, частного предпринимательства оказались в еще гораздо большей степени новыми; отсутствие устойчивых традиций частной собственности вообще в истории России. Я бы выделил традиционно высокую роль государства в экономическом развитии и вообще в регулировании общественной жизни России, выходящую за рамки социалистического эксперимента. Я бы отметил относительно закрытый характер экономики России, в том числе и в силу транспортных факторов. Словом — целостность долгосрочно некапиталистического закрытого мира, я бы так сказал...

— Но вы сейчас все время рассуждаете как профессионал-экономист, рассматривающий структуру общества, социально-исторические тенденции, обстоятельства и т. д. с точки зрения действия тех экономических механизмов, которыми вы надеялись, так сказать, запустить страну в нормальное для нее путешествие по пути «догоняющего» развития. Это понятно. Но если поставить вопрос так, несколько иначе [...] ***Достоевский в свое время говорил, что без великой одушевляющей идеи не может быть ни великой личности, ни***

великой нации. И сегодня часто можно слышать, что без какой-то новой великой общенациональной идеи создать новое общество, новую Россию невозможно. Как вы считаете, имеет эта позиция под собой какую-то действительно реальную, серьезную основу или это больше, ну, красивая мифологема, что ли, а экономические механизмы, с которыми вы имеете дело, вполне самодостаточны в этой ситуации и не требуют для себя еще и такой вот подпорки в качестве обязательного условия? То есть могут ли они действовать и без обращения к этому фактору: есть он — хорошо, нет — сработают и без него?..

Да, в общем я сторонник скорее второго взгляда: это хорошо, но не обязательно. Прекрасно, когда у страны есть большая национальная идея: это существенно повышает, — действительно повышает, — скажем, шанс на устойчивость рыночной демократии. Й. А. Шумпетер был абсолютно прав: что и говорить, капитализм действительно негероичен, он лишен романтической прелести, идеологически всегда слишком прозаичен. Большая национальная идея — это, конечно, существенно стабилизирующий элемент для укрепления демократических и рыночных институтов. Они всегда под угрозой действия мощных социальных сил, которые пытаются искать решения вне рамок допустимых значений устойчивости демократии — острых конфликтов между различными социальными группами, национальных конфликтов и т. д. Поэтому, конечно, блестяще и замечательно, если существует такой широкий национальный консенсус...

— Скажите, а вы сами думали на тему о том, какая идея в наше время могла бы стать таким вот объединяющим духовным фактором?.. [...] ***У вас нет ощущения, что настала пора рождения чего-то в этом смысле, что уже предчувствуется в посткоммунистической Россией, которая все еще не обрела своего лица? Потому что такая общая формула, как «демократическое лицо», — это, может быть, конечно, и хорошо, но пока народ, похоже, не очень и понимает, что это такое...***

Вы знаете, я профессионально плохой творец качественных идеологем. Для меня вот лично — для меня — такой вдохновляющей идеей является идея русского экономического чуда, как, — я это абсолютно точно знаю, — абсолютно возможной реальности, от которой нас почти ничего не отделяет кроме четырех-пяти лет социально-политического мира и стабильности. Для меня вот этого вполне достаточно, я вижу, как это может быть, как в принципе Россия может стать самой динамичной, развивающейся страной XXI века, как она может наверстать отставание, как она может стать экономической восходящей звездой. Мне этого достаточно. Ну, а достаточно ли этого для общества — это вопрос другой...

— Понятно, понятно. Мне и интересна как раз именно ваша парадигма. И здесь у меня только еще один уточняющий вопрос: все эти экономические ме-

ханизмы, которые действуют на определенной общей типологической основе посткоммунистического общества,— они ведь все-таки все обращаются к какому-то, скажем так, «человеческому материалу». Так вот: «человеческий материал», который предлагает сегодня Россия после семидесяти лет тоталитаризма,— не является ли он все-таки благодаря всем тем специфическим для России моментам, о которых вы только что сами говорили, принципиально в чем-то уникальным, не отличается ли он качественно от того, что предлагают в этом отношении те же, скажем, страны Восточной Европы? Или здесь можно моделировать, вы считаете, именно по типологическому принципу?..

Я думаю, что все-таки скорее да. Ну, конечно, есть отличия, но принципиальные проблемы во многом общие.

— Как вы прогнозируете все-таки в ближайшие год-два развитие России? вы видите какое-то, что называется, для нее спасение, или у вас ощущение, что надвигается все-таки катастрофа?

Я скажу так в двух словах: положение тяжелое, но не катастрофическое.

— И надежда у вас именно на те факторы, о которых вы говорили,— на то, что удалось уже сделать? Что это будет работать, да?

Да.

— Понятно. И в заключение, если можно, ответьте мне, пожалуйста, и на такой вопрос. Существует, вы, наверное, знаете, такой мифологизированный образ Гайдара: сын богатых, престижных родителей, который ездил на машине в школу и вообще не знал, так сказать, никаких бед, и все такое прочее. Я хочу спросить не о том, в какой мере это так или не так,— но мне вот что интересно: существовала ли для вас внутренне, психологически проблема какой-то адекватности вашего личного опыта, который вы имели в жизни, тем задачам, которые вы на себя взвалили, взяв тем самым на себя в огромной мере ответственность за людей, жизнь которых нужно, по крайней мере, реально себе представлять, чтобы быть способным более или менее адекватно ответить на их запросы, понять их?

Ну, знаете, во-первых, надо учитывать специфику нашей семьи. Я не ездил никогда на машине, даже когда я учился в четвертом классе и мне надо было ездить в школу в чужой стране через весь чужой город. У отца машина, разумеется, была, но я все равно ездил в школу через весь город на двух автобусах — ну, просто потому, что иначе было неприлично. Я довольно быстро перестал что бы то ни было брать у родителей, когда стал студентом и женился, зарабатывал и подрабатывал сам — консультациями, репетиро-

вал и т. д. У меня довольно рано родились дети, а зарплата была небольшая. Поэтому я ведь в общем не из...

— ***Не из «золотой молодежи»?***

Да, не из золотой молодежи. Я хорошо знаю, как живут студенты. Так что у меня тут нет каких-то комплексов. Я прекрасно понимаю, что есть, конечно, люди, которым приходилось всегда намного тяжелее, чем мне, но я знаю, что есть много людей, которым жилось и неизмеримо легче...

1994, № 2 (80)

2. ЛАРИСА ПИЯШЕВА:

«Либеральной реформы в России не было и в ближайшее время не предвидится»

2 а. Из интервью с Л. И. Пияшевой (апрель 1994 года)*

[...] Второй исторический этап — это приход Ельцина с его очень активным намерением провести экономическую реформу. Для этого и был приглашен Гайдар. И вот здесь начинается другая история. Делать реформу по переходу к совершенно новому типу экономики — к рыночной экономике — пригласили социалиста. Потому что здесь никаких других экономистов тогда не было. Я говорю о самом менталитете: люди, которые обучались здесь,— их менталитет все равно, чему бы они ни обучались, был социалистический, и недаром все они были членами КПСС. Гайдар тоже был членом КПСС. Более того, они были очень приближены к власти: «Правда», «Коммунист» — это все ведь не случайные вехи в биографии Гайдара. Представьте себе, например,— вот Буковский залетел бы на месяц поработать в журнале «Коммунист», — каково, а? Это была определенная группа людей, которые выросли в определенной среде, и их пригласили делать реформу. Они не поняли — они, в сущности, даже не думали о конечном результате того, что они должны были делать. Они не поняли исторической задачи, которая была перед ними поставлена. Потому что задача эта состояла в следующем: нужно было решить вопрос с экономической демократией. А вопрос экономической демократии— это прежде всего вопрос собственности и никакой другой. Этот только один вопрос — вопрос собственности.

— Но сама задача перехода России к рыночной экономике была поставлена правильно?

---

* Продолжение ответа на вопрос об отношении к реформам горбачевского и ельцинского периодов, — начало, о реформах Горбачева, см. в предыдущем разделе.

Да, я считаю, это был единственный путь для России. [...] И здесь-то — в 91-м году — и встал основной и главный вопрос, вопрос о собственности. Вопрос о том, переходим ли мы действительно к рынку, то есть возвращаем ли мы обратно людям национализированную собственность или не возвращаем. И вот этот исторический вопрос Гайдар не решил. И он не решил его умышленно.

— Вы так думаете?

Да. И поэтому этот второй этап реформирования я бы обозначила так: прекращение реформ, начатых Горбачевым. В том смысле, что на этом новом этапе стояли уже иные, следующие задачи — прежде всего вопрос о собственности. Другого вопроса не было. Вопрос финансовой стабилизации, о котором говорил Гайдар,— этого вопроса не было. Финансовая стабилизация — это лечить деньги, а лечить деньги не надо. Достаточно было не печатать их так много, достаточно, чтобы была умеренность в кредитной политике, умеренность в обещаниях, которые раздавало государство, достаточно было сократить государственные расходы, приужать аппетиты аппарата, — и все это было в возможностях Гайдара и Ельцина, все это не нуждалось в кровопролитиях, не влекло за собой ни путча, ничего другого, потому что это были бы нормальные экономические меры, которые постепенно переводили бы общество в новый режим. Но Гайдар и его команда ничего этого не сделали, — они сделали антиреформу.

На мой взгляд, как это ни парадоксально, Гайдар просто прервал экономическую реформу, которую начал Горбачев. Одним простым способом: при Горбачеве налоги на кооперативы были 7%, три первых года они вообще почти ничего не платили, потом должны были платить 20%, а Гайдар сразу ввел 80%—по совокупности. Восемьдесят процентов — это налог, который задушил все. Со всем коммерческим сектором, со всеми кооперативами, со всеми честными частниками, которые хотели трудиться, было покончено. Это первый момент. Второй момент — он стал поддерживать кредитами военно-промышленные предприятия, ВПК. Это значит, что от мелких опять все забирали, все, что могли, а этим — отдавали в виде субсидий. Это значит, что он продлевал жизнь тех структур, которые, если бы нормально реформа шла, сами постепенно перестроились бы — кто-то разорялся бы, кто-то менял профиль, словом, началась бы уже в 91-м году структурная перестройка, если бы Гайдар не предпринял вот эти совершенно неправильные, неадекватные шаги...

— Эти неправильные, неадекватные меры заключались в том, что он ввел такие налоги, и в том, что предпринял либерализацию цен?

Самое основное — это то, что он отложил приватизацию. В 91-м году он сказал, что мы год будем только ее готовить, эту программу приватиза-

ции, и начнем осуществлять ее только через год. И год ее не проводили, в то же время выпустив цены, что было совершенно неадекватно положению дел. И сама программа приватизации была рассчитана на три года и носила многошаговый характер: сначала отдаем ваучеры, потом формируем инвестиционные фонды (теперь их укрупняют и делают суперфонды), потом эти ваучерные аукционы, которых люди вообще не понимают — что там делается. В общем, начался процесс не по приватизации собственности, а началось что-то такое, что по фантастичности было похоже на строительство социализма. То же самое начал Гайдар по переходу к рынку, — у него была программа, рассчитанная на десятилетия: кого-то куда-то по кусочку отпускать. И главное, что все это будут делать чиновники — они будут определять, какое предприятие подлежит приватизации, какое не подлежит, кого нужно разорить, кого поддержать. То есть, так же, как в этой стране строили социализм, так же намечалось и строительство капитализма: решая все вопросы за людей. Совершенно социалистический менталитет! И дальнейшее только подтвердило это. Ну, вот, скажем, идея постепенного выпускания цен: это все равно, что делать человеку операцию не за четыре часа, а за две недели: вначале разрезали — он полежал, потом посмотрели — он все лежит, давай дальше... Так же нельзя, человек же умрет! А у нас сначала выпустили цены на потребительские товары — это то, что касается нас всех лично, нашей жизни, а на все инвестиционные товары цены оставили прежние. А инвестиционные товары — это как раз та сфера, которая и есть сфера приватизации по преимуществу — средства производства, сырье, материалы. Надо было сразу все вместе выпускать, а у нас на потребительские товары выпустили, на сырье оставили, на часть сырьевых потом выпустили, на энергоносители оставили. В результате самая наша мощная отрасль — нефтяная, нефтеперерабатывающая промышленность, вообще энергетика — оказалась сейчас в глубочайшем кризисе. Вторая отрасль, которая всегда была в России важнейшей, — сельское хозяйство,— тоже в результате сегодня в тяжелом кризисе. Гайдар и не занимался сельским хозяйством как таковым, там реформа даже и не начиналась еще. То же самое и в промышленности. Слово «приватизация» — самое модное, оно всюду, и по ТВ, и в газетах, приватизация идет уже с 91-го года, сейчас 94-й, а я все время спрашиваю у всех людей, которых встречаю: «Вы — собственник? Что вы получили за этот период, что вам отдало обратно государство, которое всегда только забирало?» Ничего. Возврата собственности не произошло. Политические свободы вернули, а экономические — нет. Можно сколько угодно уверять людей, что они собственники, потому что у них есть ваучеры. Но ведь каждый знает: этот ваучер у него либо дома, либо он отнес его в посреднический инвестиционный фонд, который тоже является фактически аналогом государственной структуры. И кто-то — не исходный владелец ваучера — играет на этих ваучерах, имеет прибыль, чуть-чуть отдает тебе, кусочек этой прибыли, за то, что дал им ее получать, вложил сюда, а не в другое место. Но ведь собственниками от этого люди не стали!

Это со стороны человека. А со стороны предприятия? Вся чубайсовская приватизация заключалась в том, что в каждом предприятии создавалась доля государственной собственности, — это, как правило, контрольные пакеты акций. Другая часть собственности была отдана администрации предприятий, и это была достаточная доля. Еще одна часть была передана коллективам, причем в ряде случаев это была часть даже не голосующих акций, а просто вот — дали всем по акции, сказали — вы совладельцы предприятия, хоть это и смешно — какие это совладельцы? И наконец, часть этих акций продается через эти пресловутые ваучерные аукционы, где совершенно непонятно, что происходит, но ясно, что если кто-то хочет скупить эту часть, то созданная система, в которой те же самые ваучерные фонды сегодня так энергично укрупняются и контролируются, как раз и позволяет им это сделать. И получается на предприятии: государство — собственник, администрация — собственник, какой-то еще третий собственник и остальная распыленная часть. Меня интересует здесь вопрос только экономический: кому же все-таки принадлежит такое предприятие, кто проводит в нем инвестиционную деятельность, кто несет финансовую ответственность, кто распоряжается прибылью и каким образом, в соответствии с какими критериями? Ведь у государственного предприятия — одни критерии были: там большу́ю часть прибыли забирали, маленькую оставляли, чтобы работники предприятия распределяли ее между собой, получали тринадцатую зарплату и т. п. стимулы к тому, чтобы работать лучше. А вся инвестиционная политика проводилась сверху, всю финансовую политику проводили сверху. Такова была прежняя структура. А в новой структуре, когда предприятие не принадлежит, в сущности, никому, стимулы разные. Стимул государственного чиновника сейчас — это стимул как можно больше получить за то или иное государственное содействие предприятию, а приобретенный капитал либо проесть, либо в заграничный банк положить. Стимул директора — тот же самый. Это не его предприятие, он знает, что он здесь все равно временщик. Стимулы третьего, стороннего участника? Ну, он заинтересован, разумеется, в получении дивидендов, но и только. Таким образом, получается, что все предприятия, приватизированные таким образом,— экономические импотенты. Они обречены на проедание самих себя, на уничтожение. У нас теперь самоедская экономика, — раньше мы говорили, что вся наша прежняя государственная экономика тоже была самоедская. Но там было распределение такое: науке — даем, культуре — даем, образованию — даем, здравоохранению даем, и вам, работающим, даем. Как-то все делилось. Сегодня происходит другое: они. может, и хотели бы давать всем остальным, но не хватает самим, — им самим хочется покупать себе «Вольво», еще что-нибудь и инвестировать тоже. В результате получается так, что вся страна стала криминогенной, каждый директор такого предприятия — он потенциально или фактически вор, он потенциально или фактически уклоняется от налогов, он все время нарушает все нормальные правила экономической игры, которые в результате должны вести к росту экономического благосо-

стояния — каждого человека и страны в целом. А у нас, повторяю, теперь возникла экономика самоедская, где все проедается. Скажем, сырье, которое добывается, — а его добывается больше, чем раньше,— вывозится за границу, продается, а деньги остаются в швейцарских банках, сюда не возвращаются ни как инвестиционный капитал, ни как социальное благо для развития, например, нашей науки, образования и культуры.

Получается, таким образом, что страна пошла в полный разнос. И инициировано это было как раз гайдаровской командой. Ответственность за это полностью лежит на тех людях, которые взялись осуществлять такую реформу. Получается, что они оказались не подготовлены к той исторической роли, которую сами согласились и захотели играть. Поэтому произошла трагедия, Россия оказалась в страшной ситуации. И то, что их отставили, — это стопроцентно правильно, но похоже, что больной, которому они делали такую глубокую операцию, уже скончался, понимаете? Поэтому у людей и возникла ностальгия по старым временам, по той стабильности, которая была все же в том обществе, — ностальгия по зарплате в 130 рублей, которая означала, однако, гарантированное рабочее место. И главное, что была гарантирована жизнь: если ребенок заболел, его будут лечить в районной поликлинике, когда маленький ребенок — ясли, детский садик; можно пойти в театр, заплатив три рубя, кино — 25 копеек. Значит, есть лечение, есть работа, есть развлечения, есть социальная поддержка, если случилась беда, и есть маленький заработок. Так что сегодня люди начинают вспоминать, в чем-то тогда было лучше. Поэтому-то такой откат в настроениях рядовых людей. А что касается тех, кто у власти, то здесь просто ничего не изменилось: это та же номенклатура, те же люди, которые занимали посты тогда, — и что же спрашивать с этих людей, если в головах экономистов-академиков за эти восемь лет ничего не изменилось? Вы читали их материалы?* Для меня это была просто трагедия — прочитать их предложения. Эти люди восемь лет провели в заграничных поездках, они столько книг за это время прочитали, побывали на стольких конференциях, могли столько всего продумать, понять, осмыслить за это время, а впечатление такое, что для них время заморозилось, не было этих восьми лет: они ничего не поняли, они написали такую программу, какую писали восемь лет назад. И что тогда требовать с таких людей, как Черномырдин, которые просто воспитанники той системы? Не желая ничего дурного сказать о них, как о людях, нельзя же закрывать глаза на то, что и сознание их, и образование, и картина мира, как они себе его представляют, — все это было сформировано под влиянием той жизни, которой они жили. Они ничего другого сделать не могут и не смогут...

---

* Подробному разбору основных экономических программ, предлагавшихся в поздние перестроечные и в первые постперестроечные годы разными группами русских экономистов, была посвящена работа Л. Пияшевой «Загадки "евразийского менталитета", или Кто в России созрел для капитализма», напечатанная в 84-м номере «Континента» (№ 2 за 1995 год). — *Ред.*

— Но Гайдар, оправдывая свою программу, говорит о том, что до его прихода в магазинах ничего не было, а теперь все есть. Проблема дефицита ликвидирована. И это ведь правда, не так ли?

Да, но я скажу так: проблема дефицита — это проблема цен и только. Никакой другой проблемы здесь нет. Если цены фиксированы — экономика дефицита. Если цены свободные — экономика потребительского достатка. В смысле достатка товаров...

— Но не обязательно возможностей их покупать?..

Да, это так. И вот цены Гайдар выпустил — это действие, которое было совершено 1 января 92-го года, это действительно было сделано, это действительно великий шаг, — теоретически, абстрактно говоря. И это было бы и фактически так при условии, если бы сразу началась структурная перестройка и, следовательно, начало промышленной стабилизации и роста. А структурная перестройка — это реформа собственности. Здесь была допущена та же самая ошибка, которую совершили поляки. Там тоже выпустили цены, причем финансовая стабилизация там была настоящая, не псевдо, как у нас. Там не разбрасывались деньгами, там сразу же очень жестко зажали, сразу добились конвертируемости национальной валюты. Но они считали, что приватизация — это долгий исторический процесс, спешить с нею не нужно, и они ее не начали. В результате что произошло с польской экономикой? Товары со всего света мгновенно хлынули в страну, купить в Польше сразу стало можно все, а местная национальная промышленность пошла вниз — начался экономический кризис.

— То же самое, что сейчас у нас?

Ну, конечно же. Польская промышленность оказалась перед фактом неконкурентоспособности и под угрозой банкротства. И чем дальше оттягивали реформу по приватизации, тем хуже становилось местной промышленности. И тем лучше было западным фирмам, которые снабжали Польшу товарами и услугами. То же самое произошло в России. Можно сказать так: гайдаровские реформаторы принесли в жертву национальную промышленность. Гайдар и его команда поставили перед собой задачу наполнить прилавки товарами. И для этого они хорошо знали рецепт — достаточно было выпустить цены и не мешать ввозить в страну товары из других стран. Это они и сделали — открыли рынки для Европы, Америки, Китая, Тайваня, Турции. Смотрите, ведь вся Россия заполнена иностранным продовольствием, ширпотребом, теперь уже электроникой, новый этап начался — машинами. И одновременно российский рынок оказался практически закрыт для собственной промышленности. Почему закрыт? Потому что предприятия были поставлены в такие условия, когда они, с одной стороны, уже не

государственные, работающие по жестким программам: выпустил столько-то телевизоров, и государство их забирает, как это было раньше, — с другой, — они и не частные, когда частный стимул работает на выживание...

— Не поймешь, кому они принадлежат, да?

Да. Теперь дальше. Частное предприятие всегда стремится, как это обычно в рыночной экономике, к минимизации затрат, чтобы понизить цену и тем самым победить в конкуренции, как это вначале было. Если наш телевизор стоил 20 тысяч, а японский — 200, то естественно, что большинство людей покупало именно наши телевизоры. Я сама в период гайдровской реформы купила два «Рубина», домой и на дачу, потому что разница была разительная: двадцать и двести. У меня двести не было, а двадцать было.

Но в результате всей этой неразберихи с правом собственности наша промышленность так и не воспользовалась тем огромным преимуществом, которое она имела, — даже не дешевой, а просто даровой рабочей силой. В результате невероятного роста цен и инфляции людей, чтобы они могли выжить, пришлось практически брать на содержание, на пособие. Все это произошло именно потому, что не решились быстро провести процесс приватизации и вследствие этого сразу же реорганизации промышленности. Если бы просто отдали людям то, что было национализировано, — отдали практически, на деле, — то дальше они уже стали бы крутиться, как белки в колесе, все выжимать из собственности. Тут разные могли быть формы, и соответствующие программы разрабатывались, но суть в том, что отдача должна была произойти именно реальной собственностью, а не условная, как сейчас. И это должно было произойти до выпускания цен, потому что либерализация цен практически конфисковала у людей те сбережения, которые у них были и которые они могли употребить в ходе приватизации на приобретение той же собственности — через те же аукционы. Они могли начать что-то новое — свое дело. Это бы выросло, как грибы....

— А почему все-таки вы сказали, что Гайдар умышленно не решил проблему собственности и прервал реформы, начатые Горбачевым?

Потому что здесь возможны только два ответа, третьего я не вижу. Либо это полный непрофессионализм тех людей, которые такую программу придумали, и просто глупость. Либо они были, — я не хочу говорить в категориях «заговора», но либо они были очень сильно ангажированы кем-то, выполняли какой-то социальный заказ, который не имел отношения к экономическому возрождению России. Потому что они создали превосходные условия для того, чтобы ситуацией воспользовался западный капитал,— они держали своих и давали заработать тем. И не понимать этого, если у них хоть что-то есть в голове, они не могли. Еще раз: я не принадлежу к тем людям, которые говорят, что это был «заговор»...

— Западный? В интересах Международного валютного фонда?

Да... Но я вам хочу сказать, что они просто как бы приняли те правила игры и те идеи, которые были предложены, скажем, и Международным валютным фондом тоже. Но при этом я хочу поставить вопрос и так: а Международный валютный фонд — это что, он сам, что ли, без всякой стратегии работал? Или существует все-таки, скажем, ЦРУ, существует стратегическая политика США и Западной Европы?..

— Может быть, это был просто просчет гайдаровской команды, хотя и очень серьезный?

Нет, не думаю. Они сделали то, что хотели. Действительно, что нужно для Соединенных Штатов и для Европы с точки зрения промышленного капитала? Им нужны рынки сбыта. Ведь их основная проблема — у них четыре года экономических неурядиц, депрессия, кризис. Во всем мире происходит спад. А что такое западный спад — по сравнению с нашим? У нас просто не производят товары, падает промышленность. А у них — перепроизводство, некуда девать товары. И что мы имеем? Все, что у них перепроизведено, вплоть до какого-нибудь канцерогенного кофе, — все это здесь, все это продается за доллары, за нашу нефть. И все это — запущено нами.

И вот я задаю вопрос: умышленно это сделал Гайдар, что я должна покупать китайские майки или трусики, а не трикотажной подмосковной фабрики? Умышленно это или не умышленно? Злой это умысел или глупость? Но сделано это так, и я вынуждена покупать хлопок из Китая. Фактически мы работаем на то, чтобы создавать рабочие места в Китае. А что такое миллиарды долларов, переведенных из России на Запад и лежащих на их счетах? Это тоже наши рабочие места, на создание которых там эти деньги работают — вместо того, чтобы работать на создание рабочих мест у нас. Тем самым мы помогаем Западу выйти из их кризиса, мы решаем для них проблему сбыта перепроизведенных товаров, мы решаем им проблему занятости за счет самих себя.

К Черномырдину у меня этих вопросов нет, он этих проблем просто не знает. Гайдар эти проблемы знает, отдает в них отчет, — он учился, потом стажировался на Западе, читал западные учебники, он знает мировую экономику, понимаете? Поэтому я имею право предъявлять ему эти претензии и задавать такие вопросы. Я имею право предъявлять эти претензии к Чубайсу в отношении приватизации. Я считаю, что он умышленно не проводит приватизацию и только морочит голову всей стране, что он проводит ее. Не могу же я считать, что этому человеку место в психиатрической больнице, а не в Госкомимуществе, я не имею права так мыслить. Значит, он понимает, что он делает. А раз он понимает, что он делает, значит, он выполняет чей-то социальный заказ.

Или вот еще пример, — недавно прочитала в газете «Сегодня» — или, может быть, в «Независимой газете»? — что разрабатывается такая программа привлечения западных инвестиций: в случае, если будут какие-то

политические катаклизмы и т. д.— то, чего все время боятся западные инвесторы, — и от этого нарушатся правила нормальной экономической жизни и инвесторы пострадают не по своей вине, мы берем на себя обязательство расплачиваться недвижимостью или землей. То есть — собственностью. Не знаю, принята эта программа или нет, в газете было написано вроде бы так, что чуть ли уже не принята. А что это значит? Псевдоприватизация по Чубайсу прошла, собственника у предприятий как такового нету, инвестиционные фонды, которые создавались и курируются чубайсовским ведомством, имеют контрольные пакеты акций, Госкомимущество, его структуры имеют большие пакеты акций, которыми они могут торговать...

— Причем ко всему прочему приватизировалось ведь всего 15% государственной собственности?..

Да, об этом уж я пока и не говорю. Я говорю только о том, что приватизировано. А здесь будет происходить следующее — по этим новым правилам игры, если они будут приняты. Теперь Чубайс готов будет продавать за доллары государственные доли собственности на предприятиях, — и начнется окончательное разворовывание России... Поверьте, я никакого отношения ни к красно-коричневым, ни к прочим «патриотам» такого же толка, которые все время кричат об этом, не имею. Но трудно не согласиться с ними: действительно, созданы все условия для такого грабежа...

— Да, картину вы нарисовали страшноватую. И никакого просвета вы в ближайшем будущем не видите?..

Нет. Придется, наверное, пройти через очень тяжкие времена, пока наконец, такой просвет появится...

— Ну что ж, Лариса Ивановна, остановимся пока на этой констатации. А о том, какой выход вы все-таки могли бы предложить из этой ситуации хотя бы гипотетически, мы поговорим еще раз, специально, если не возражаете. Спасибо вам за беседу.

1994, № 2 (80)

2б. Из интервью с Л. И. Пияшевой (март 2001 года)

[...] 1991 год... У меня нет никакой уверенности в том, что вся эта операция по приведению Ельцина к власти и по устранению Горбачева не была спланирована. Что все эти танки, с которых выступал Ельцин, все эти митинги не были акциями определенной части спецслужб и политического истеблишмента — очень грамотно исполненными акциями, потому что вы-

зывали живейшее сочувствие и участие той огромной части людей, которые ждали демократических преобразований в стране и хотели жить в условиях и экономической, и политической свободы. И эта часть общества и посадила Ельцина на президентское место именно для того, чтобы он продолжал экономические реформы. А вот каков был замысел высшего эшелона власти, который разрабатывал эту конструкцию, я сказать не могу.

Объявлено было, что Ельцин пришел для того, чтобы провести либерально-демократическую реформу. И команда Гайдара была привлечена во власть тоже для того, чтобы осуществить эту либерально-демократическую реформу, о которой писали лучшие умы России, о которой многие десятилетия мечталось и диссидентам, и правозащитникам, и всем людям, болеющим за то, чтобы Россия перестала быть страной диктатуры, перестала быть тоталитарной, перестала быть социалистической страной, перестала быть неправовой антидемократической страной и т. д. 1991 год стал годом всех этих надежд и очень больших перспектив, когда по нравственной логике сложившейся исторической ситуации должна была начаться действительно великая либерально-демократическая революция, призванная ликвидировать горбачевские сомнения и половинчатость и вывести страну к нормальным условиям жизни в демократическом, правовом, свободном государстве со свободным обществом и рыночной экономикой. Вот для чего была приглашена команда Гайдара, — по крайней мере, так было объявлено обществу.

Гайдар, его сторонники и его последователи не раз говорили о том, что они осуществляли либерально-демократическую реформу, но не смогли осуществить ее в полной мере и так, как этого хотели, потому, что им помешали. Мешал хасбулатовский парламент, мешали коммунисты, мешали демократически настроенные экономисты типа Пияшевой. Вообще мешали все — и общество, и власть...

Но, уже теперь прочитав документы, программы, ознакомившись с замыслами гайдаровских реформаторов и сравнив все это с тем, что реально делалось, я совершенно отчетливо понимаю, что в правительстве Гайдара ни о какой либерально-демократической реформе и речи не шло. Речь шла о качественно других вещах — о том, чтобы произвести и сделать легитимным разгосударствление собственности и передать эту собственность высшей номенклатуре, — то есть самим себе. Это и было объективным смыслом реформ. Да и не только объективным. Это соответствовало изначальному замыслу: Гайдар в своей книге «Государство и эволюция» совершенно однозначно заявил, что задача заключалась в том, чтобы обменять собственность на власть: члены правительства отдают собственность номенклатуре в обмен на власть. То есть они получают власть, а номенклатура — собственность.

— Но они ведь и так имели власть. Они же — правительство...

Они не имели поддержки номенклатуры. И им нужно было провести какую-то реформу — ту грандиозную и колоссальную, которую ждали от

них люди. Потому что если бы они ничего не делали, а просто занялись сразу прямым, открытым и откровенным номенклатурным переделом, очень возможно, что граждане (тогда еще демократически настроенные) попросту смели бы гайдаровское правительство вместе с Ельциным и революционные изменения, возможно, пошли бы дальше: пришло бы новое правительство, которое занялось бы реформами. Поэтому нужно было осуществить искусную имитацию, имитировать реформы, сделать вид, что это демократические реформы, и убедить основную часть общества, что правительство Гайдара проводит такие реформы, в результате которых людей ждут блага в будущем. И вот на это было потрачено очень много сил.

Еще раз вспомним. Реформа собственности. Это не был переход от государственной собственности на средства производства к частной. Это не была демократическая реформа, в результате которой основная часть населения превратилась бы в собственников. Низшие слои так и не превратились в собственников своих крошечных кафе, магазинчиков и киосков, на базе которых стал бы формироваться средний класс. Те, кто побогаче, поактивнее, пообразованнее и ближе к производству, не стали собственниками своих предприятий (сначала малых или средних, выпускающих товары и услуги, которых прежде не было). Крупная государственная собственность, пройдя стадию передачи в акционерную собственность, не перешла в статус частного капитала. Ничего этого сделано не было.

В 1992 году с введением гайдаровских налогов был положен конец горбачевским кооперативам и индивидуальной хозяйственной деятельности. К уже существовавшему налогу на прибыль прибавились НДС и еще целый ряд налогов, в результате чего возникли условия, в которых никакой малый бизнес выжить попросту не мог. На гайдаровских налогах буйным цветом расцвело явление, которое тогда называлось рэкетом. Выглядело это следующим образом. Если восемьдесят процентов своих доходов кооператор должен был отдать в виде налогов, а к нему приходил бандит и говорил: «Ты будешь платить сорок процентов, из них половину государству, половину мне», — то кооператор, естественно, соглашался.

— А как это мог сделать бандит?

Так формировалась коррумпированность системы. Истоком ее был сговор бандитов с налоговыми и правоохранительными структурами. При их согласии и попустительстве рэкетиры становились теневыми сборщиками налогов. Именно с этого момента началось активное формирование теневого бюджета, параллельного государственному. На начальной стадии это все было очень разобщено, происходили схватки и между самими криминальными структурами, и внутри их, между криминальными структурами и правоохранительными органами, между теми и другими и налоговыми органами. Потом все это потихонечку стало приходить в «норму», сращиваться, обретать форму отлаженного механизма перераспределения части

средств помимо государственного бюджета в теневой бюджет. Этот бюджет был уже смешанным, это был бюджет и криминальных, и властных структур, и фактически управлялся он уже людьми президента Ельцина.

— Может быть, правильнее называть этот теневой бюджет не бюджетом, потому что бюджет — это все-таки некая официальная схема расходов и доходов? А это, скорее всего, просто карман...

Нет, я не случайно называю это термином «президентский бюджет» и чуть позже разъясню, почему. Но как ни называй, наполнение этого кармана обеспечивала в очень большой степени именно налоговая система. Мелкое и среднее производство могло существовать теперь только благодаря покровительству криминальных структур, которые постепенно перестали быть таковыми и превратились в официальные «крыши», на верхушке которых уже стояли органы ФСБ, МВД и т. д. Все теневые финансовые потоки уже были контролируемыми, все отдельные рэкетиры из системы были выкинуты. Сложился единый организованный криминально-коррумпированный механизм по формированию второго бюджета или, если хотите, кармана для третьих целей. Эти третьи цели — те цели, которые не имели отношения к прямому бюджету. Бюджет — это то, что берут у общества для неких общих целей — таких, как охрана границ, здравоохранение, социальные расходы, частичная поддержка производства и предпринимательства в особых отраслях вроде освоения космоса и т. п. Третьи же цели — это избирательные кампании, поддержание власти президента, оплата всякого рода президентского бизнеса, пиар и прочее подобное же...

— Вернемся, однако, опять к Гайдару, чтобы подвести некоторые итоги. Итак, давайте обозначим те главные шаги, которые он предпринял. Как их оценить?

Первый шаг, сделанный Гайдаром: 2 января 1992 года были выпущены цены. Если говорить о реформе как таковой, то выпускание цен — это как выпускание птички из клетки. Денег для этого не нужно, подготовки особой — тоже. Наполнить магазины товарами, как я уже говорила, ничего не стоило. Реформа, таким образом, не требовала никаких затрат, все это было уже прописано и подготовлено задолго до Гайдара.

— Но результатом этого стало немедленное и невероятное повышение цен...

Никакого невероятного повышения цен результатом этого не должно было быть, потому что цена — скажем, на колбасу — в государственном магазине при таком выпускании цен не могла превышать цены на колбасу на колхозном рынке. Предельная цена на все основные продовольственные товары определялась бы ценами колхозных рынков. В том случае, если бы

команда Гайдара не предпринимала больше никаких шагов, все развивалось бы по этой схеме.

Простая экономическая задачка: существуют цены колхозного рынка на продовольственные товары, цены теневого рынка на промтовары, — и существуют государственные цены на товары, которых нет. Вопрос: на сколько повысятся цены в государственных магазинах в случае выпускания цен? Мой ответ на этот вопрос был и остается таким: государственные цены не могут быть выше рыночных, потому что если на рынке мясо стоит шесть рублей килограмм, а в магазине рубль восемьдесят копеек, но на рынке оно есть с восьми утра до шести вечера, а в магазине оно есть в течение получаса, а потом уходит под прилавок, то если в магазине мясо будет стоить тоже шесть рублей, оно будет тухнуть. Потому что на рынке за те же деньги можно купить мясо гораздо лучшего качества.

Таким образом, то бешеное, фантастическое повышение цен — на 2600%, если не ошибаюсь, — которое мы имели при Гайдаре, связано было вовсе не с самой по себе либерализацией цен, а с тем, что эта либерализация проводилась, во-первых, для государственных предприятий, тогда как свободные цены предназначены для предприятий частных, работающих в конкурентной среде. Во-вторых, либерализация была частичной, а в-третьих, вслед за либерализацией цен правительство почти сразу же начало наводнять рынок деньгами. То есть началась денежная и кредитная эмиссия. Так сложились три момента, которые определили гайдаровскую инфляцию, — частичная либерализация цен, отсутствие частной собственности и денежная эмиссия.

Для того чтобы прекратить галопирующий рост цен, Гайдар стал проводить дефляционную финансовую политику — изъятие денег из обращения: их печатали (одной рукой — Геращенко) и изымали (другой рукой — Гайдар) одновременно. Геращенко давал кредиты предприятиям для осуществления ими хозяйственной деятельности, а Гайдар с помощью роста налогов, сокращения бюджетных расходов, дорогого кредита, попыток ограничения роста зарплаты и пр. изымал деньги из обращения. За счет инфляционной составляющей росли цены, а за счет дефляционной — усиливался спад, экономика стала опускаться в большой экономический кризис: предприятиям не хватало денег для нормального воспроизводства, покупки оборудования, выплаты зарплат. И в результате проведенной таким образом ценовой либерализации, связанного с ней резкого роста цен, инфляции и дефляции были ликвидированы и все частные сбережения граждан, которые никто не индексировал. А заодно полностью обесценились и оборотные фонды всех предприятий.

— На что цены были отпущены, а на что — нет?

Были отпущены цены на продовольствие, промтовары и частично на сырьевые ресурсы. Не были опущены тогда — и не отпущены до сих пор — цены на энергоносители, на средства производства, на недвижимость, на землю и на транспортные тарифы. То есть все базовые цены остались со-

циалистическими. В результате эта ценовая реформа принесла частичное высвобождение цен, но она не имела никакого отношения к тому, что именуется «свободными ценами» во всех мировых учебниках по экономике. При Гайдаре свободных цен не было, при Черномырдине свободных цен не было, нет их и при Путине. Земля вообще не является объектом купли-продажи. Все перечисленные базовые ценности продаются и покупаются только частично, только под контролем, но не являются объектами свободной, открытой купли и продажи. Поэтому ценовая реформа Гайдара может быть охарактеризована не как переход к свободным рыночным ценам — конкурентным ценам, ценам спроса и предложения, а как социалистическая реформа по повышению цен до предела возможностей спроса. Это было просто очень сильное повышение цен без определения границы. Если раньше повышали цены на 20%, на 40%, теперь их повысили настолько, насколько захотят сами товаропроизводители, имея в виду, что они повысят цены до цен спроса, после чего начнут работать спросовые ограничители, и, таким образом, цена станет равновесной.

Но для того, чтобы она стала равновесной, и нужно было, чтобы выпустили базовые цены, заложенные в стоимость любого товара. Базовые цены тоже должны определяться отношениями спроса и предложения и быть такими же рыночными ценами, как и на все остальное. Тогда бы и остальные цены стали рыночными, тогда бы граждане могли голосовать за производство тех или иных товаров своими кошельками. Но этого не произошло. А если цены на энергоносители назначались и контролировались государством, ни о каких свободных ценах уже и речи идти не могло, ценообразующий механизм не работал, и по отношению к базовым ценам могло происходить только повышение.

Нехватка денег — результат дефляционной политики Гайдара — вызвала спад производства. При этом надо сказать, что спад производства был запланированным шагом в стратегии реформ. Все так называемые *прогрессивные* экономисты, включая Шмелева, Гайдара, шведа Ослунда, Джеффри Сакса и др., исходили из того, что России не нужна ее экономическая база, что ее надо демонтировать, — и действовали по схеме: до основания разрушим, а потом построим. Строить же будем по программе Джеффри Сакса (а действовал Гайдар по этой программе) экономику сектора Б — экономику потребительских товаров и услуг; экономику, которая будет ориентироваться не на военное производство, а на гражданское; экономику, сходную с той, которая существует на Западе. Но надо при этом отметить, что по программе Сакса это строительство планировалось осуществлять на протяжении жизни одного-двух поколений. То есть на формирование инфраструктуры, которая соответствовала бы современной западной, ушло бы лет пятьдесят. А провести финансовую стабилизацию надо было в течение двух лет, и смысл ее (в концепции и в программе Гайдара) заключался в том, чтобы изъять из обращения лишние деньги и, по возможности, не печатать новых, сбалансировать бюджет, ликвидировать бюджетный дефицит.

Но, как показала практика, ни о какой финансовой стабилизации реально ни у Гайдара, ни у Черномырдина, ни в последующий период речи не шло. То, что делалось с финансами страны, можно назвать целенаправленной и умышленной финансовой дестабилизацией, посредством которой формировался механизм демонтажа, или ликвидации, российской экономики и российской промышленности. И наступил момент, когда более 50% всех предприятий стали убыточными. Это немыслимая ситуация ни для какой экономики, бюджет ни одной страны мира не выдержит экономики, в которой убыточно каждое второе предприятие. О каком социальном развитии может идти речь в стране, где все должны работать на то, чтобы поддерживать на плаву убыточные, паразитирующие предприятия?! А так как вовремя не было принято закона о банкротстве, не отработана сама процедура банкротства (существовали всякого рода псевдопрограммы: взаимозачетов, списания долгов, реструктуризации долгов и т. д.), правительству (по какой причине, не хочу даже обсуждать) было выгодно держать экономику в таком вот состоянии полураспада. И создание вот этих условий и называлось либерально-демократической реформой!

— А приватизация?

Приватизация собственности — это передача собственности в частные руки. Отдал собственность обществу — и оно само разберется, кто будет собственником, потому что, попав в частные руки, собственность продается и покупается и автоматически переходит из рук плохих хозяев в руки хороших, из рук случайных людей в руки тех, кто готов на базе этой собственности создавать то или иное производство.

Приватизация началась у нас через год после начала «либерально-демократической реформы». В 1992 году Гайдар говорил: к приватизации надо подготовиться, проводить ее нужно планомерно, не торопясь и осознанно, никаких скоропалительных шагов быть здесь не должно. Эта осторожность диктовалась самой логикой задуманной приватизации. А логика эта заключалась в том, чтобы не передать собственность народу, а найти способы разделить ее между нужными людьми. К тому же в результате решений, которые были приняты, часть собственности вообще была выведена из-под приватизации.

Приватизация должна была запустить процесс становления нормальной экономической системы. Это у нас был призван сделать ваучер. Чубайс, которому выпала судьба осуществить ваучерную приватизацию, был категорически против этой самой ваучерной приватизации и проводил ее в ущерб собственной концепции. Чубайс считал, что собственность надо продавать через аукционы. Ни Гайдар, ни Чубайс не хотели никакой ваучерной приватизации, но поскольку кроме них существовала Дума, существовал Закон о собственности, где прописана процедура, в соответствии с которой каждый человек должен был получить свою долю собственности, они были вынуж-

дены со всем этим считаться, будучи не в силах отменить законодательство. Но они могли внести коррективы — и внесли их. Смысл их поправок свелся к организации дела таким образом, чтобы собственность не попала к гражданам. Ваучер стал формой имитации участия граждан в приватизации.

На деле это выглядело так. Людям раздали бумажки и объявили, что они чего-то стоят. Сто процентов государственной собственности оценили, разделили на число жителей России, получили по десять тысяч на нос, написали в ваучере: «10 000 рублей», — и каждому раздали. Но, как я уже говорила, из этих ста процентов половину вывели сразу, сказав, что приватизация второй половины общенародной собственности будет потом (Чубайс назвал эту часть «наш золотой запас», что в прямом и буквальном смысле действительно оказалось его и их золотым запасом). Таким образом, ваучер сразу же «похудел» до пяти тысяч рублей. Далее. В каждом приватизируемом предприятии акции разделили следующим образом: 50% в виде контрольного пакета акций сохраняется за государством, а 50% распределяется. Таким образом, ваучер реально стоил уже две с половиной тысячи рублей. Дальше. 5% собственности передавались директорату предприятий, — вычитаем из реальной стоимости ваучера и эту сумму. Затем часть акций (не голосующих) передавалась членам трудового коллектива, — и только часть должна была поступать в открытую продажу. Но если бы хотя бы эту долю собственности передали гражданам, они все-таки получили бы хоть что-то: меняешь ваучер на акцию предприятия, и, худо-бедно, но свою тысячу в год ты получишь.

Однако все было сделано по-другому. Чубайсом была создана сеть посреднических компаний для сбора ваучеров у населения — организованы чековые инвестиционные фонды (ЧИФы), куда граждане должны были внести свои ваучеры. По отношению к населению это была система чистой фальсификации — либо воровства, либо шарлатанства. Ни один чековый инвестиционный фонд не организовался сам: они все получили на это лицензию в ведомстве Чубайса. Дальше гражданам в результате очень широкой государственной рекламы предложили принести свои ваучеры в эти ЧИФы, причем было сказано, что сами граждане акциями распоряжаться не должны. За них это сделают специалисты ЧИФов, которые будут собирать ваучеры, участвовать в торгах, определять, акции каких предприятий покупать, и покупать эти акции. Предполагалось, что, принеся свой ваучер в ЧИФ, ты можешь быть уверен, что владелец чекового инвестиционного фонда приобретет на него акции и эти акции будут храниться в фонде, а ты будешь регулярно получать свои дивиденды.

Но как только ваучеры поступили в чековые инвестиционные фонды, хозяева фондов сформировали пакеты ваучеров и пакетами — в нарушение всех законов — стали продавать их директорам предприятий, которые хотели получить эту долю собственности целиком. Директора предприятий за счет средств своих предприятий, за счет государственной казны и т. д. скупали эти пакеты ваучеров и на них выкупали акции собственных предприятий. Сами ЧИФы, обязанные хранить ваучеры, обменивать их на ак-

ции или, на худой конец, хотя бы отдать полученные деньги законным владельцам, естественно, этого не сделали и очень скоро были закрыты. Так закончилась эта чисто мошенническая кампания.

Конечно, каждый гражданин теоретически имел право участвовать в приватизации любого предприятия. Ему говорилось, что во время торгов он может купить на ваучер акцию. Однако все торги были закрытыми, никаких граждан туда и близко не подпускали, туда не пускали даже крупных держателей ваучеров, если они представляли лагерь конкурентов. Потому что дальше распределение собственности шло по своим законам, и посторонним там нечего было делать. В результате такой операции граждане оказались выпихнутыми из процесса приватизации собственности, а официально им было объявлено, что они просто неправильно распорядились своими ваучерами и добровольно утратили свои шансы стать собственниками.

Как показала практика, хотя большинство ЧИФов были уничтожены и имена их владельцев никто уже не помнит, часть этих людей остались на этом рынке и создали на их базе новые акционерные финансовые компании — МММ, Чару, Тибет и проч. Фактически все они стали порождением схемы ваучерной приватизации. Но потом, когда они развернули свою деятельность в масштабах, превышающих всякие представления власти о допустимом, их решено было убрать с рынка. И они были убраны — совершенно насильственно, полностью были дискредитированы. Мавроди тогда арестовывали как мошенника...

— Но ведь в основе, в самом начале образования этих компаний, родившихся из ЧИФов, там и было мошенничество. Разве не так?

Мошенничество было с ваучером. А Мавроди, что очень интересно, ни у кого ничего не забирал. На этой базе он развил свою финансовую империю таким образом, что отдавал людям.

— Так откуда же у него деньги — не от ЧИФа?

Те, кто отдал ваучеры Мавроди, их не потеряли. Он выплачивал проценты, а потом, когда стал привлекать деньги, стал выплачивать настолько большие проценты по привлеченным деньгам, что те, кто играл в это до его ареста, получали очень большие доходы. Все говорили, что это халявные деньги. Но здесь все зависит от того, как на это посмотреть. Ведь и государственный банк привлекает деньги, обещая и выплачивая вкладчикам проценты — только маленькие. Мавроди тоже привлекал деньги и давал проценты — только очень большие. За счет чего возникали такие проценты? Утверждают: за счет привлечения других денег. Но существует же и другая правда — что привлеченные деньги он мгновенно реализовывал в акции предприятий. То есть он на эти деньги скупал собственность (благо, законом это не запрещалось), а так как это было очень выгодно и он был одним

из немногих, кто участвовал в этих приватизационных играх (у него везде были свои люди), то покупка и продажа этих акций приносила ему большие доходы, позволявшие ему выплачивать людям вот эти баснословные проценты по привлеченным деньгам и продолжать наращивать свою силу. На эти деньги, что доподлинно известно, Мавроди не покупал себе домов в Испании, дворцов и самолетов. Доподлинно известно, что эти деньги он тратил на приобретение акций: в стране шла приватизация. Покупка акций — это инвестиция в то предприятие, акции которого ты покупаешь. Экономический смысл происходившего заключался в следующем: Мавроди собирал сбережения населения и полученные деньги инвестировал в российскую экономику. Вся вина его заключалась в том, что компания была слишком популярной, выросла до слишком крупных масштабов и стала конкурировать с государственной финансовой системой, потому что даже директора предприятий и министры стали отдавать туда деньги предприятий или корпоративные деньги с целью получить проценты лично для себя.

С финансовой пирамидой МММ покончил В. С. Черномырдин, когда Мавроди приобрел акции Газпрома. И доподлинно известно, что когда компания уже была разгромлена, офисы МММ были очищены, деньги, которые Мавроди собрал (говорят, что он украл, — но он ничего не украл!), забрала у него власть. В этой ситуации Мавроди был объявлен жуликом, потому что он прекратил выплачивать людям деньги. Но чтобы он вернул деньги, ему надо было дать такую возможность. Предположим, дальнейшую деятельность этой пирамиды могли бы запретить, но для этого совсем не надо было арестовывать Мавроди и громить его офисы. Анатолий Стреляный был свидетелем того, как громили офис МММ. Известен ведь и такой факт, что Мавроди предложил Черномырдину выкупить акции Газпрома. Он хотел получить деньги и рассчитаться со своими вкладчиками. Но позволь правительство ему это сделать, не получилось бы образа всенационального жулика!

Криминальная игра с ваучерами, затем игра с ЧИФами, потом финансовые пирамиды, на которые собирались все эти деньги, — все это нужно было «повесить» на кого-нибудь. Нужно было найти козлов отпущения. Ими и стали те несколько человек, которые раскрутили свои пирамиды по полной программе. Пирамида МММ, безусловно, должна была прекратить свое существование, иначе бы она включила в себя всю финансовую систему страны. Но она должна была и могла вполне нормально, естественно трансформироваться, понемногу начав сокращаться, снижая проценты по вкладам и т. д. Так что эту форму экономической деятельности я аферой назвать не могу. Афера была с ваучерами. Афера была с ЧИФами. А МММ не была аферой, это была финансовая пирамида — в том смысле, что она все больше и больше втягивала новых привлеченных средств, но Мавроди не обваливал свою пирамиду, он искал и находил способы привлечения дополнительных денег. Вина ли, беда ли его в этом или его финансовый гений? Это не мне судить. Но аферы тут не было никакой. Афера возникла после того, как, ликвидировав все финансовые пирамиды, ту же самую схему ста-

ли использовать для печатания государственных денег под названием ГКО. Вот это была уже чистая финансовая афера.

Идеологической подоплекой и экономическим обоснованием финансовой игры с ГКО была необходимость перехода от финансирования бюджетного дефицита через кредиты Центробанка к финансированию его же через привлеченные средства за счет ценных бумаг. Игра с ценными бумагами тоже строилась на том, что их покупателям обещали большие проценты. И само по себе это не заключало в себе ничего недозволенного или мошеннического, — об этом свидетельствует опыт большинства западных стран, где бюджетный дефицит тоже финансируется через привлечение средств населения, через государственные ценные бумаги. Так что и у нас переход на эту систему был экономически оправдан, и в 1994 году, когда это все только раскручивалось, большой угрозы в такой программе действительно не виделось. Масштаб бумаг ГКО был сравнительно небольшим, и в течение первого года все было вполне пристойно.

Но уже в бюджете 1995 года была записана операция под названием «стратегический маневр», которую я тоже определила бы как аферу. Эта операция заключалась в том, чтобы через массированный выброс ГКО в обращение привлечь огромное количество денег якобы для покрытия бюджетного дефицита, а в действительности для проведения избирательной кампании и приведения президента Ельцина на второй срок. Это был сговор между банкирами и властью.

«Стратегический маневр» заключался в следующем: в 1995 году ГКО печатается больше, в 1996 году — очень много, и продаются бумаги под любой процент; в 1996 году Ельцину обеспечивается победа на выборах, в 1997 году выпуск ГКО сокращается, а к 1998 году все приводится к первоначальному состоянию, к состоянию 1994 года, — то есть только на покрытие бюджетного дефицита. Но в результате полился поток дармовых денег, которыми можно было набивать собственные карманы, создавая бешеные состояния, по сравнению с которыми состояние Мавроди не стоит даже упоминания. И когда поняли, что с помощью этого механизма, не согласовывая с населением, можно собирать деньги со всей страны — с каждого предприятия, имеющего счет в банке, с каждого человека, имеющего сбережения, — остановить этот механизм стало уже невозможно.

Были избраны семь уполномоченных банков, которые покупали эти ГКО за счет тех денег, которые приносили частные лица (полагая, что будут иметь свои 3%, и не подозревая, что их вкладам грозит превращение в ноль), и тех денег, которые поступали в банк в результате всех проводимых банком операций и расчетов.

Наряду с этим была проведена, с моей точки зрения, абсолютно противозаконная авантюрная акция, обязывающая страховые компании, пенсионный и все другие фонды держать часть своего уставного капитала в бумагах ГКО. Таким образом, деньги фактически забирали у предприятий, у населения и у всех фондов.

Для чего?

Если всю собранную в 1996 году сумму принять за 100%, то на покрытие бюджетного дефицита ушло 30%, а 70% заново привлеченных средств были использованы для избирательной кампании Ельцина и для формирования частных капиталов лиц, участвовавших в этой афере. А участвовали в ней: № 1— Центробанк, № 2 — Сбербанк, № 3 — коммерческие банки плюс некоторые частные лица. В результате этой операции Ельцина действительно на трон посадили, его рейтинг с 6% подняли на положенную высоту — купили, оплатили, сделали, нарисовали (везде по-разному), то есть деньги частично и в самом деле израсходовали на выборную кампанию, но бóльшая их часть была вывезена из страны (это был один из каналов, по которым шел отток капитала). В 1997 году пора было остановиться. Но вместо того, чтобы прекратить игру, ее продолжили — уже с тем, чтобы поступления шли только в собственные карманы устроителей. На этих процентах очень сильно нажились люди из Центрального банка, из Сбербанка, частично из коммерческих банков и частные лица — в основном из правительства (список их в Прокуратуре есть, но Прокуратура его не оглашает). Если верить прессе, частные лица действовали по следующей схеме: член правительства на несколько месяцев выходит в отставку, как частное лицо берет многомиллиардный кредит в одном из банков (ему, разумеется, охотно этот кредит дают), покупает ГКО, получает по ним проценты, — а тогда проценты по ГКО были бешеные, 250 – 290% годовых, — возвращает в банк кредит, а на 190 – 200% с суммы, которую он брал, покупает акции — Газпрома ли, РАО ЕЭС, в данном случае неважно. Таким образом обесточивалась вся экономика. Немногие «частные лица», как пылесос, собирали деньги отовсюду, из этих же денег они выплачивали проценты по долгам. И в какой-то момент, когда в бюджете физически не было денег на то, чтобы выплатить очередной долг, они все это обрушили. Они устроили дефолт, тем самым «кинув» всю страну, все население — всех тех, кто думал, что имеет накопления, не зная, что в действительности происходит со сбережениями. Впрочем, люди не знали этого, потому что не хотели знать, хотя об этом многие писали, многие говорили, многие предупреждали. Я сама в 1995 году каждую неделю целый час говорила об этом по радио «Вокс».

Та же схема была с Евробондами, которые осуществлял и очень рекламировал Лившиц, — с той лишь разницей, что внутренние долги просто «кинули», а внешние, которые размещались под акции предприятий, были обеспечены реальной собственностью в России. Кто-то набил бы карманы, а стране пришлось бы расплачиваться реальными богатствами — предприятиями, нефтяными скважинами, территориями. Развитие схемы Евробондов, если бы оно продолжалось несколько лет и набирало обороты, привело бы к тому, что все, что здесь можно заложить, было бы заложено.

Дефолт не был следствием кризиса. Просто организаторы финансовой пирамиды ГКО в определенный момент обрушили ее и отказались выплачивать долги — и внутренние, населению страны, и внешние. Вся операция

по раскручиванию и обрушиванию этой пирамиды была санкционирована людьми из МВФ, и заявление 17 августа 1998 года было сделано при прямом согласии МВФ. Но когда произошел дефолт, и Запад, и МВФ поставили большой вопросительный знак: никто не ожидал, что власть откажется выплачивать иностранные долги. Правда, расследование, которое велось Прокуратурой и комиссией Совета Федерации, выявило (этот факт подтвержден документально), что западные держатели ГКО и Евробондов были заранее предупреждены о предстоящем падении, и все, кому это было нужно, заранее сбросили акции. То же самое касалось части уполномоченных банкиров в России. Они просто нажились на этих акциях, вовремя избавились от них, а людям не выплатили ничего.

Таков в общих чертах механизм организованной командой Гайдара аферы государственного масштаба — аферы, экономически обоснованной и идеологически поддержанной прессой. И когда меня спрашивают: кто жулик — Мавроди или организаторы финансовой пирамиды ГКО, — я отвечаю, что, наверное, и Мавроди где-нибудь сжульничал, наверное, что-нибудь потратил и на себя... Но, полагаю, нелепо даже упоминать эти его грехи рядом с грехами наших реформаторов, организовавших пирамиду ГКО...

— То, о чем вы рассказали, рисует недавнюю историю России в совершенно непривычном, наверное, для некоторых наших читателей свете. Ведь многим казалось и сейчас кажется, что имели место просто определенные ошибки, пусть даже крупные, — но не более. Недаром до сих пор вполне благополучно существует и даже пользуется какой-то поддержкой избирателей партия «правых», которые опять готовы продолжать гайдаровские реформы. Что это — полная невменяемость или просто откровенная наглость? Ведь получается страшная вещь: приходится признать, что руководство страной захватила банда аферистов, которые элементарно ограбили страну. Получается, что вся система приватизации — это и есть не что иное, как совершенно отчетливое ограбление ими населения в свою собственную пользу...

Но перед тем, как мы перейдем к следующему, послегайдаровскому периоду, я хотел бы задать все-таки несколько уточняющих вопросов именно по его реформам. Чуть подробнее — в чем был смысл накачивания рынка деньгами в момент либерализации цен? Зачем проводилась дефляционная политика — понятно: надо было как-то добиваться хотя бы относительной финансовой стабильности. Но зачем нужна была денежная эмиссия?

Смысл денежной эмиссии состоял в том, чтобы ликвидировать сбережения. И у Гайдара, и у Шмелева, и у всех других экономистов его команды было убеждение, что существует денежный навес — избыток денежной массы. Они считали, что для стабилизации лишние деньги необходимо ликвидировать. А лишние деньги — это накопления населения; следовательно, нужно было ликвидировать эти накопления. Деньги можно было конфисковать — просто списать. Но это, как вы понимаете, непопулярная

мера. Однако существовал и другой путь: деньги можно было обесценить с помощью денежной эмиссии. Если цены выросли на 2600%, на столько же уменьшилась покупательная способность населения. В 1990 году 30 тысяч рублей на книжке — это было состояние (6 тысяч стоила «Волга»): на эти деньги человек мог учить и лечить своих детей, отдыхать в течение многих лет, обеспечить себе безбедную старость и похороны. И те же 30 тысяч после проведенной либерализации — это была куртка, газовая плита и два платья. В конечном счете, эти 30 тысяч превратились в три рубля, на которые можно было купить батон колбасы. То есть через механизм денежной эмиссии у людей отняли их накопления. Отсюда и инфляция.

— А в чем был корыстный смысл этой акции?

Я думаю, что когда это все только запускалось, здесь не было прямого корыстного смысла. Здесь была, что называется, научная ошибка. Все с ума сходили по этим деньгам у населения. Всем казалось, что денежный навес — это то, что делает систему финансов разбалансированной.

— Стало быть, намерения провести какую-то либеральную реформу у того же Гайдара все же были?

Один раз я читала у Гайдара: надо выровнять стартовые условия для всех тех, кто будет участвовать в приватизации. Вот он, корыстный интерес, — забрать у людей те деньги, с помощью которых они могли бы участвовать в приватизации. Потом дать каждому по ваучеру, потом эти ваучеры забрать и таким образом лишить население всякой возможности участвовать в приватизации. Это и есть «равные» условия для всех. Кроме, разумеется тех, кто на этом сумел нагреть руки.

— Значит, формально целью была ликвидация разбалансировки, но реальный смысл заключался в том, чтобы не дать населению стать собственниками? А если бы реформаторы провели приватизацию по аукционам?...

Если бы в рамках той денежной массы, которая была, то есть по тем ценам, которые реально существовали на рынке собственности, они провели аукционы по всей стране, по всей этой собственности (то есть если бы правильно была проведена либеральная реформа) и продавали бы ее в частные руки, в этом случае реформа состоялась бы. Почему? Вот представьте: 2 января или там 2 марта объявляется: в эти полгода будет проходить приватизация, все будет продаваться — все предприятия, все магазины, все рестораны. Социально это нереально, потому что вся страна, выставленная на аукцион, — это уже из области дурного сна. Но экономический смысл в аукционах был бы — при условии, если бы это была массовая приватизация и если бы стартовые условия действительно были равны. И тогда Ели-

сеевский магазин стоил бы, скажем, 100 денежных единиц, а магазинчик в Перово стоил бы 10 единиц. Елисеевский купил бы кто-нибудь из богатой номенклатуры, но магазинчик в Перово, — может быть, даже директор этого магазинчика.

— А был ли какой-либо реальный и корыстный смысл в либерализации цен?

Нет. Это было чистое непонимание экономических механизмов — того, что такое свободные цены и как они работают. Команда Гайдара совершенно искренне считала, что можно провести частичную либерализацию, а через несколько месяцев провести второй тур, потом третий, чтобы постепенно выпустить все цены. Но как только они выпустили часть цен, они попались в капкан, который сами же расставили. Не проводя приватизации, они не могли дальше выпускать цены.

— Почему?

Приватизация — это частная собственность, которая и продается, и покупается. Это свободные цены на всю недвижимость, на весь основной капитал, на здания и помещения. Такие цены образуются, только когда все это продается и покупается, когда это обретает статус частной собственности. Отсрочив приватизацию на год, команда Гайдара уже не смогла больше выпускать цены на недвижимость. Не проводя земельной реформы, то есть не пуская в оборот землю, нельзя было проводить дальнейшей ценовой либерализации. А земля не продается и не покупается. Средства производства не продаются и не покупаются.

— И так до сих пор...

Разумеется. Поэтому 2 января 1992 года, когда была проведена частичная либерализация цен и отсрочена приватизация, реформа остановилась. Не продажа либо передача в частные руки государственной собственности, не отказ от ликвидации государства как собственника, а передача всяческими способами этой собственности в руки номенклатуры, в корпоративно-государственную смешанную форму (разгосударствленную, но и государственную одновременно) — вот в чем был смысл гайдаровской реформы.

— Вернемся теперь к теме двух бюджетов, которую вы затронули как раз в связи с приватизацией. Приватизация была первым источником формирования теневого бюджета. Но вторым, очевидно, стало налоговое бремя на предпринимателей?

Совершенно верно. Линия налогов имеет две составляющих. Для того, чтобы продолжать жить в условиях смешанной экономики, в условиях, ког-

да большинство предприятий убыточны, когда собственность не работает как частная и не дает соответствующих доходов, нужен большой бюджет, нужно много денег. Деньги можно взять с помощью налогов — это официальная часть, которая собирается у общества в бюджет для того, чтобы через бюджет поддерживать жизнедеятельность общества и обеспечивать экономическое и хозяйственное воспроизводство, одновременно обеспечивая социальную часть. Логика такая: чем больше налоги — тем больше денег в бюджете, тем больше средств для поддержания воспроизводства.

Теперь мы будем говорить о бюджете. Если бы бюджет был тем, что нам представляют, и все налоги, которые существуют, поступали бы в этот бюджет, через него можно было бы действительно решать все вопросы и проводить экономические реформы. Декларированной частью бюджетной реформы была ликвидация бюджетного дефицита и ликвидация инфляции. Это была положительная цель — как строительство коммунизма, светлого будущего: сбалансированный бюджет и отсутствие инфляции, что соответствует либеральным принципам в экономике. Но если посмотреть ежегодные цифры инфляции, мы увидим, что каждый раз реальная инфляция намного превышала запланированную: то есть денег выпускали намного больше, чем планировалось. Посмотрев на размер бюджетного дефицита, мы убедимся, что декларация о том, что бюджет должен быть сбалансированным, в течение всего десятилетия оставалась чистой декларацией. Ни разу бюджет не был сбалансированным, более того — бюджетный дефицит все рос и рос. Если же мы посмотрим третий показатель — динамику роста внутреннего и внешнего долга, мы увидим, во-первых, что она намного опережает рост бюджетного дефицита, а, во-вторых, что она просто чудовищно огромна. С объявленных горбачевских примерно сорока миллиардов долларов внешний долг за это десятилетие дорос до ста пятидесяти миллиардов долларов. Плюс еще примерно такой же внутренний долг государства.

В результате этой так называемой бюджетной реформы произошло следующее: государственные финансы разделились на две составляющие. Вначале — на большую составляющую государственного бюджета и государственных финансов, открытых и легальных, и небольшую теневую составляющую, которую я называю президентским бюджетом. А начиная с 1995 года — на все бóльшую часть президентского бюджета и все меньшую часть бюджета общественного. Финансовая система стала двухканальной: один канал обслуживал официальную общественную жизнь, а второй обслуживал то, что я называю третьими целями, — война в Чечне, финансирование генералитета, избирательные кампании, личные самолеты глав администрации, виллы за рубежом, личные счета. Все это составляло нелегальную закрытую часть системы государственных финансов. Все, что касается Думы, Совета Федерации, обсуждения в прессе, касается только верхней — открытой — финансовой системы страны. Пропорции сейчас примерно таковы: одна треть — общественные финансы, две трети — «президентский бюджет».

Предприятия, существующие сейчас в России, — все до единого — априори существуют в режиме ухода от налогов. Ни одно предприятие в такой системе налогов выжить не может. Официально общий совокупный налог со всеми социальными отчислениями составляет от 80 до 100% доходов. При этом часть предприятий уходит от налогов, но выплачивает их в какой-то доле, и эта доля поступает в бюджет по налоговым каналам. А теневая часть налогов, которая не выплачивается, не остается в чистом виде у налогоплательщиков (у налого-не-плательщиков), эта «отмытая» часть делится между теми, кто позволяет либо сам участвует в «отмыве». При этом общая сумма, затрачиваемая предприятием на налоги, значительно ниже официальной суммы налогов.

Существуют легальные и нелегальные формы освобождения от налогов. Каждое предприятие имеет «крышу». И это уже не рэкетирская крыша, как это было в горбачевские времена. Каждая «крыша», в свою очередь, имеет «крышу» в ФСБ. Соответственно нелегальные налоги делятся между этими двумя «крышами». И содержать систему таких налогов сверхвыгодно той системе, которая у нас возникла. Все экономисты пишут о том, что налоги не должны превышать 30%. Для развития страны нужны официальные налоги в 30%, и тогда ни «крыш», ни ФСБ, ни налоговой полиции — ничего этого не будет. У нас же идет конкуренция между двумя чашами весов — либо развитие страны, либо наполнение «президентского бюджета». А для последнего налоги должны быть 80% и повышаться из года в год. И бюджетные программы каждого следующего правительства и каждого следующего года, если их смотреть в динамике, предполагают повышение и введение все новых и новых налогов (мы говорим про все десять лет — пока до Путина).

Самая большая налоговая конфискация должна была произойти в результате реализации программы Кириенко. Там также была программа, которая называлась «Сокращение государственных расходов». Надо заметить, что из года в год власть объявляла о том, что нужно сокращать государственные расходы, надо сокращать государственный бюджет, а одновременно с этим та же власть наращивала налоговый пресс, чтобы брать как можно больше денег. И получалось так: денег у населения нужно брать как можно больше, а государственные расходы сокращать. Сокращение государственных расходов — это сокращение расходов на науку, на здравоохранение, на образование, на содержание солдат. Из года в год декларировалось, что социальные расходы сокращаться не будут, а будут сокращаться управленческие расходы. Из года в год социальные расходы сокращались, а управленческие росли. В результате программы сокращения государственных расходов означали сокращение расходов на общество. А параллельно вводились все новые и новые налоги, гербовые сборы и проч., — не буду перечислять их, не было разве что налогов за сбор грибов и за содержание в доме тараканов. И такая налоговая вакханалия развивалась с 1991 года, с гайдаровского НДС, на протяжении всего десятилетия. При этом каждый раз декларировалось, что нужно поощрять производителей, поэтому надо

сокращать налоги на производителей и увеличивать налоги на граждан. Частично это проводилось. Но на самом деле это тоже была идеологическая фальшивка, потому что если бы действительно хотели снизить налоги на производителей, их надо было сокращать до уровня 30 – 40%.

Итак, как мы говорили, часть налогов поступает в государственный бюджет, который сокращается из года в год, расходы которого сокращаются, и граждане из этого бюджета получают все меньше и меньше. А идеология этого — опять рыночная, опять либеральная. В этом деле фигура номер один — Немцов. Он с этого начинал. Это жилищно-коммунальная реформа. Суть ее в следующем: люди платят налоги и получают из бюджета дотацию на оплату жилья; власть же решает сделать так, чтобы они платили за все сами, но налогов при этом никто не сокращает, зарплату никто не повышает и не индексирует. Получается двойной налог. То же самое с медициной — платная медицина. То же самое с образованием — платное образование. Это у них называется либеральным. Как на Западе. Они только упускают из виду, что на Западе, во-первых, нормальные налоги на производителей, во-вторых, нормальные зарплаты, и, в-третьих, на Западе структура финансовой системы устроена таким образом, что граждане имеют возможность из своих доходов учиться, лечиться, отдыхать, оплачивать свои дома и т. д. Там люди получают то, что производят, и у них не существует «президентского бюджета», который на две трети, — если не на три четверти, — сжирает то, что производит вся страна.

У нас налоги увеличивают, а то, что поступает из бюджета, сокращают. Деньги, которые собирают и которые не поступают в официальный бюджет, идут в теневой. На эти деньги живет высший российский класс, который получил собственность и государственные финансы. Параллельно с приватизацией собственности, которая была не приватизацией, а передачей собственности номенклатуре, произошла приватизация государственных финансов — то есть передача финансовых ресурсов той же номенклатуре. Номенклатура получила и собственность, и деньги, и власть — за счет того, что у населения забрали право на собственность. То есть либеральная реформа в результате лишила 90% населения возможности быть собственниками, а финансовая реформа лишила основную часть общества возможности распоряжаться деньгами, которые люди сами зарабатывают. Им не оставляют денег для инвестиций — их забирают, им не оставляют денег для развития. А развитие и инвестиции не осуществляются, потому что эти деньги вместо того, чтобы идти на развитие и на инвестирование, через президентский бюджет поступают на третьи цели. Теперь я называю их имперскими.

Это мы говорили о втором источнике наполнения президентского бюджета — о налогах и теневом их уходе. Первым была приватизационная система и ГКО. Третий — совершенно официальный и легальный источник теневого бюджета — освобождение от налогов *своих* людей. Кто получает бюджетные послабления, освобождения, реструктуризации и прочие льготы? — Газпром, РАО ЕЭС, то есть власть имущие. Система строится сле-

дующим образом: хозяин отрасли — обязательно член правительства, и чем выше отрасль, тем более высокое положение занимает ее хозяин. Вот Черномырдин, глава Газпрома, — он был премьер-министром страны. Таким образом, основные послабления, дотации, льготы имеют те, кто эти льготы сам распределяет. А налоговое освобождение — это бешеные деньги.

Газпром не работает под криминальной «крышей», он работает под собственной «крышей» правительства. И работает он таким образом, что у него совокупный налог составляет нужные 40%. Данных статических нет, но когда мы говорим о вывозе капитала, то вывезенный капитал — это капитал не официального бюджета и не предприятий, которые работают открыто. Его осуществляют те, кто работает в теневом секторе. Я не могу сказать, какая доля вывезенных нефти и газа является нелегальной, но я точно знаю, что часть нефти продается нелегально — в том смысле, что эти деньги не поступают в бюджет и оседают на счетах, которые являются корпоративными. Это не личные счета. Вот когда Черномырдину говорят, что он 4 миллиарда своровал, а потом говорят: 1 миллиард, — здесь один миллиард на личном счете, а три — на корпоративном. Корпоративный счет и есть счет президентского бюджета.

Есть бизнес, который контролируют коммунисты. У них то же самое — и за границей, и здесь существуют корпоративные счета, и коммунисты из корпоративных денег содержат КПРФ, Зюганова с его самолетами и путешествиями. Деление между демократами и коммунистами во власти сейчас абсолютно условно. Сейчас деление другое: кто какой собственностью владеет и кто из нее что получает.

Так что «президентский бюджет» формируется за счет теневого бизнеса.

— Наркотики — тоже теневой бизнес...

Вероятно, и они дают какую-то часть в этот бюджет, иначе бы наркобизнес просто не существовал.

Дело Березовского было — быть казначеем этого бюджета при Ельцине. Березовский формировал этот бюджет, распоряжался этими деньгами.

Ведь у нас существует сектор президентского бизнеса — со своими экономическими свободами, своей конкуренцией. И существует сектор легального — гражданского — бизнеса. Гражданский бизнес частично питает президентский и должен обеспечивать «социалкой» всех граждан. Президентский налогов не платит, деньги, получаемые от предпринимательства, образуются на ножницах цен, на налоговых освобождениях, на списании долгов, на невозвращении кредитов (под кого-нибудь из премьер-министров берутся бюджетные кредиты, осваиваются и не возвращаются, списываясь на внутренний долг. Это означает, что премьер-министр деньги освоил — построил виллу или завод открыл, а долг возвращать придется налогоплательщикам). Существующий институт внутреннего долга — это тоже одна из форм наполнения президентского бюджета. Получается двойное налого-

обложение: из бюджета берутся деньги, которые взяты у налогоплательщиков, деньги осваиваются и записываются на налогоплательщиков еще раз. Таким образом, народу приходится вторично оплачивать то, что освоили наши премьеры, вице-премьеры, министры и чубайсовские собственники, так называемые эффективные инвесторы. Всю убыточность предприятий этих собственников списывают на внутренний долг. Внутренний долг растет, растет и внешний. Берутся и осваиваются кредиты. Кредиты, которые берутся в МВФ под реформы, не идут ни на развитие страны, ни в экономику, ни на инвестирование. Эти кредиты идут на содержание, поддержание и упрочение власти и на формирование собственности бизнеса власти. Власть эти деньги проедает, частично вкладывает в свои производства, а на общество записывается внешний долг — 140 миллиардов долларов...

— Понятно, что государство заинтересовано в том, чтобы быть «крышей» для крупных налогоплательщиков, и в организации больших финансовых потоков, текущих прямо в президентский бюджет. Понятно, что в том же самом заинтересованы владельцы крупных предприятий и целых отраслей. А как в этом отношении обстоит дело со средним и мелким бизнесом? Как ему удается выживать? За счет чего? Существует ли по-прежнему позволяющая уходить от налогов система криминальных крыш? И насколько ситуация вообще благоприятна для развития нашей отечественной промышленности?

До дефолта 1998 года малый и средний бизнес существовал в том полутеневом режиме, о котором я уже говорила. Все, кто выжил на этом рынке, выжили не в результате конкуренции, а в результате бандитского раздела сфер влияния и взаимоотношений с властью и налоговой полицией. Выжившие приспособились к условиям полулегального существования, смысл которого заключался в том, что минимально возможная часть доходов показывалась и перечислялась по налоговым каналам, а остальная часть доходов из-под налогообложения уводилась. Это позволяло малому бизнесу сводить концы с концами. Никаких серьезных накоплений капиталов для развития среднего и малого бизнеса не осуществлялось, потому что даже если в результате производственной деятельности такой капитал возникал, его нельзя было показывать. Инвестирование в строительство коттеджей происходило, но сразу становилось достоянием налоговых органов, и деньги, которые зарабатывались в этом секторе, приходилось так или иначе укрывать. Невозможность легализовать доходы, естественно, становилась фактором, который сдерживал развитие предпринимательства. Так продолжалось до дефолта. Затем ситуация изменилась.

2001, № 1 (107)

3. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ:

«Гайдар легализовал рыночные отношения в стране и минимум на поколение уничтожил политическую и общественную поддержку либералов и демократов»

(Из интервью А. Н. Илларионова, ноябрь 2007 года)

[...]

Гайдар

Про начало экономических реформ сказано и написано немало. Я не буду повторять, что в целом хорошо известно. Скажу только, что заслуги Гайдара в запуске рыночного механизма, восстановлении минимальной работоспособности практически парализованного госаппарата в 1992 году трудно переоценить. В то же время никто не сделал для дискредитации либерализма в идеологии и на практике больше, чем Гайдар.

— Разъясните, пожалуйста, вашу точку зрения.

Вклад Егора Гайдара в современную жизнь России огромен. Он сделал две главные вещи: легализовал рыночные отношения в стране и минимум на поколение уничтожил политическую и общественную поддержку либералов и демократов. Повторю еще раз: для дискредитации либерализма никто не сделал больше, чем Егор Гайдар вместе со своим коллегой, товарищем и другом Анатолием Чубайсом.

Мне не очень просто говорить о них обоих, поскольку в течение многих лет мы были близкими коллегами, товарищами, друзьями. В то же время в течение долгих лет по многим вопросам у нас шла порой очень жесткая непубличная дискуссия. Многократно обращался я к ним с просьбами, предложениями, призывами не делать, с моей точки зрения, ошибочных, недопустимых шагов. Многократно обращался я к ним с призывами признать сделанные ошибки, — чтобы и с себя грех снять, и других предупредить, и самим не повторять содеянного. Но, увы, ни тот, ни другой не оказались в состоянии ни отказаться от неверных действий, ни провести честный разговор со своими сторонниками, коллегами, с самими собой.

Более того, против меня, как и против очень многих приличных людей, некоторых из которых сегодня уже нет, — Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, — неоднократно развертывались грязные кампании. Может быть, я слишком долго, недопустимо долго молчал. Сохранять публичное молчание и сегодня означало бы покрывать ошибки, приведшие, как мы теперь видим, к преступлениям. И против отдельных людей, и против сторонников либерализма и демократии в нашей стране, и против всей страны. Люди должны знать, как мы пришли к сегодняшнему дню и кто какой вклад внес в наше «сегодня».

От времени Советского Союза Гайдар унаследовал весьма разбалансированную финансовую систему. Во второй половине 1980-х годов бюджетный дефицит вырос с примерно 2% ВВП в 1985 году до 8% в 1990 году. В 1991 году он, очевидно, вырос до 12% ВВП. Говорю «очевидно», потому что официальные цифры назвать невозможно, так как окончательные обороты по государственным финансам 1991 года так и не были проведены. Не были проведены они по распоряжению Гайдара, бывшего тогда вице-премьером и министром финансов России. Поэтому, строго говоря, мы так и не знаем, как закончился Советский Союз в финансовом отношении. Все, что есть сегодня, — это оценки. Более или менее точные, но — оценки. И, видимо, теперь мы уже никогда и не узнаем, какими были по официальной отчетности доходы и расходы СССР в последний год его существования.

Задача, какая стояла бы перед любым правительством, оказавшимся в ситуации бюджетного кризиса, была очевидной — сократить бюджетный дефицит, добиться финансовой и макроэкономической стабилизации. Задача эта в течение нескольких лет до ноября 1991 года многократно обсуждалась на семинарах нашего экономического кружка. На эту тему было подготовлено немало докладов, написаны статьи, некоторые из них были опубликованы в журнале «Коммунист», редактором экономического отдела которого был Егор Гайдар. В отличие от Г. Явлинского, Е. Гайдар постоянно говорил о необходимости достижения финансовой стабилизации.

И вот он становится министром финансов страны, вице-премьером, а затем де-факто руководителем правительства России. Что происходит с бюджетным дефицитом? В 1992 году он вырастает почти до 32% ВВП. Тридцать два процента ВВП — цифра немыслимая для государственных финансов мирного времени. В истории, похоже, нет других примеров, когда в мирных условиях наблюдался бы бюджетный дефицит такого размера. Удельный вес государственных расходов в ВВП, даже при Н. Рыжкове и В. Павлове находившийся на уровне 52 — 55%, в 1992 году при Гайдаре подпрыгнул до 71% ВВП. При одновременном падении государственных доходов до 39% ВВП образовалась гигантская дыра бюджетного дефицита, профинансировать которую никаким иным образом, кроме печатного станка, было невозможно.

Поэтому неизбежными стали указания правительства Центральному банку кредитовать и российское правительство, и правительства государств

рублевой зоны. ЦБ находился тогда в подчинении правительства, и решение об эмиссии необеспеченных денег принимало именно правительство. Темпы прироста денежной массы достигли 25% в месяц уже в июне 1992 года — еще до прихода в Центробанк Виктора Геращенко. Придя в банк, Геращенко, правда, поддержал такую политику. Но объективности ради надо признать: начал ее все-таки не он, — начал ее Гайдар. И за катастрофическую финансовую дестабилизацию 1992 года, увы, ответственность несут тоже Гайдар и гайдаровское правительство.

Если денежная масса растет на 25% ежемесячно, то неизбежным результатом становится и 25%-я инфляция. Временной лаг между денежной эмиссией и инфляцией в России 1992 года составлял четыре месяца. Поэтому с уровня в чуть более 8% в августе инфляция поднялась до почти 12% в сентябре 1992 года и 23% в октябре. В последующие четыре месяца она устойчиво держалась на уровне 25% в месяц. В таких условиях правительства не выживают. В свое время Джон Мейнард Кейнс точно подметил, что *инфляция — одно из самых эффективных средств по свержению правительств.* На примере России 1992 года это правило было убедительно продемонстрировано еще раз.

Инфляционная волна, созданная усилиями Гайдара, смыла и его, и его правительство. 14 декабря 1992 года Б. Ельцин чуть ли не со слезами на глазах был вынужден отправить Гайдара в отставку и предложить Съезду народных депутатов В. Черномырдина. Съезд поддержал Черномырдина на «ура».

Развязав в 1992 году инфляцию, Гайдар, по сути, подписал себе политический приговор. Увы, не только себе. Инфляция, смывшая его правительство, — это, конечно же, плата и за политическую и за человеческую слабость.

Черномырдин

Четырнадцатого декабря 1992 года президент Ельцин отправил Гайдара в отставку. Со словами «*нам нужен рынок, а не базар*» пришел Черномырдин. Первым его экономическим решением стало регулирование цен на продовольствие. С Черномырдиным аппарат правительства наводнили граждане в серых костюмах, с серыми лицами, с серыми взглядами. Атмосфера в правительстве изменилась радикально. [...]

Но тут как на грех заболел Сергей Александрович Васильев, руководивший Рабочим центром экономических реформ, и в течение нескольких недель обязанности руководителя Центра пали на меня. А Черномырдин в это время стал знакомиться с доставшимся ему хозяйством, с правительственным аппаратом, с людьми, оставшимися ему от предшественника. Так мы с ним и познакомились. Дело в том, что в гайдаровском правительстве статус руководителя Рабочего центра был достаточно высоким. Он по должности приглашался на заседания правительства и участвовал во многих совещаниях по отдельным вопросам.

Одно из таких совещаний проходило в конце 1992 года на государственной даче в Волынском (соседняя с дачей Сталина в Кунцеве). Собралось человек пятнадцать; из тех, кого помню, были Е. Ясин, Я. Уринсон, И. Липсиц, А. Чубайс, С. Колесников, Н. Масленников. Черномырдин спрашивал мнения участников совещания об экономической ситуации, и каждый в течение 5 – 10 минут говорил о своем — о том, что нужно и чего не надо делать. Совещание запомнилось беспрецедентной по резкости атакой Чубайса на Игоря Липсица, приглашенного Ясиным. Из-за разных взглядов на приватизацию Чубайс потребовал изгнания Липсица с заседания и недопущения его в дальнейшем на любые правительственные совещания. Черномырдин был зримо шокирован нападками, но, верный своему бюрократическому чутью, поддаваться на давление сразу не стал. На том обсуждении Липсиц остался, но в дальнейшем ни на совещаниях, ни в правительстве его я больше не видел.

Из всех присутствовавших я был самым юным и по возрасту и по административному положению, а в очереди на комментарии, кажется, предпоследним. Когда дело дошло до меня, я сказал, что главная вещь сейчас — инфляция, переходящая в стадию гиперинфляции. Если ее не остановить, то она сметет любое правительство — так же, как уже смела правительство Гайдара. Надо сказать, что ни одна из затронутых тем не заинтересовала Черномырдина так, как тема инфляции и гиперинфляции. Делая вид, что позабыл обо всех остальных, он принялся расспрашивать меня о том, что происходит с инфляцией и откуда она берется. Заметив, что именно интересует нового премьера, и другие участники совещания стали вставлять свои комментарии. Черномырдин выслушивал их молча и чуть ли не демонстративно затем от них отворачивался, продолжая свои расспросы. Так мы с ним и проговорили, наверное, с полчаса в присутствии остальных...

— Ну и как прореагировали на это остальные?

Понятно, что большого восторга у моих старших товарищей это не вызвало. Конкуренция за внимание нового премьера — вещь вполне обычная: каждый старается показать себя с лучшей стороны и оказаться (показаться) наиболее нужным. Естественно, в любой бюрократической структуре во время смены начальства люди боятся, что могут быть «выметены» «новой метлой». Для себя я все уже решил — из правительства ухожу, делать мне здесь больше нечего, поеду продолжать учиться. Демонстрировать Черномырдину особенный пиетет мне тоже не было никакого смысла. Я думал: Васильева сейчас нет, надо выполнить свой товарищеский долг, а вернется Васильев из больницы, — сдам ему дела и спокойно уеду в Англию. И поэтому говорил то, что считал нужным, вел себя, наверное, несколько более свободно, чем позволял известный Черномырдину советский бюрократический этикет.

Эффект от этого оказался тем не менее неожиданным. Когда совещание закончилось, Черномырдин всех отпустил, а меня попросил остать-

ся — чуть ли не как в популярном фильме («*А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!*»). Вдвоем с ним мы проговорили, наверное, еще час, если не больше. За окном уже точно было за полночь. Но в тот момент ему явно хотелось поговорить, и мы говорили на разные темы — и экономические, и неэкономические. Потом я еще несколько раз встречался с ним на разных совещаниях, отношения в общем сложились довольно приличные, по бюрократическим меркам это был своего рода honeymoon, медовый месяц его ко мне интереса.

— Всего лишь месяц?..

Естественно, такое не могло продолжаться бесконечно: аппаратная конкуренция — вещь малосимпатичная и далеко не сентиментальная. Пришедшие с Черномырдиным серые граждане месяца через полтора-два начали весьма эффективно душить наш Рабочий центр, бюрократических способов для этого есть миллионы. Поскольку у меня установился некоторый личный контакт с премьером, я несколько раз пытался воспользоваться этой возможностью для спасения организации. Увы, ни одна из попыток успехом не увенчалась: в приемной сообщали, что Черномырдину все передано, но тот не демонстрировал никакого желания встречаться. В общем, через некоторое время стало ясно, что дело здесь не в интригах помощников, а в позиции самого премьера.

Ну что уж тут поделаешь? Так я еще раз получил неоспоримое подтверждение, что был прав в своем решении и что действительно пора ехать учиться. Васильев, слава богу, вернулся из больницы, и мне уже не надо было замещать его на бесконечных и быстро становившихся маловразумительными совещаниях.

— И что же — уехали?

Нет, не получилось. Видимо, это тоже какой-то символ в моей жизни — стремление к классическому образованию, которое так, наверное, никогда и не осуществится. После первого и неполного года обучения в Бирмингеме я вот уже шестнадцать лет в Москве. Как раз тогда, когда я собрался опять поехать в Англию, произошло новое событие в моей жизни...

Референдум

Двадцать пятого апреля 1993 года был проведен знаменитый референдум о доверии Ельцину и депутатам. Тот самый — «ДА-ДА-НЕТ-ДА». *Доверяете ли Вы Президенту Б. Н. Ельцину? Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года? Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?* Считаете ли

Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Надежд на то, что результаты голосования будут именно такими, как агитировали власти, и народ проголосует «ДА-ДА-НЕТ-ДА», было немного. Накануне референдума среди реформаторской публики были надежды, что Ельцина народ все-таки поддержит. Однако относительно популярности проводившейся экономической политики больших иллюзий не было. Вопросы были сформулированы в основном хасбулатовским Верховным Советом. Референдум проходил через 15 с лишним месяцев после либерализации цен, в среднем за это время темпы инфляции держались на уровне 20% в месяц, накануне референдума они мало чем отличались от предыдущих месяцев. «Шоковая терапия», «мальчики в розовых штанишках», падение производства, нищенские зарплаты, которые к тому же часто и не выплачивались, — такой была экономическая ситуация в апреле 1993 года. Политических чудес в таких обстоятельствах не бывает. В общем, ожидание было, что, поддержав Ельцина лично, народ все же скажет дружное и решительное «НЕТ» проводимой им экономической политике.

Каково же было наше удивление утром 26 апреля, когда выяснилось, что результаты голосования все же оказались именно такими: «ДА-ДА-НЕТ-ДА»! За Ельцина проголосовало почти 59% участников референдума, за экономическую политику — 53%. Превышение числа тех, кто проголосовал по этому пункту «ЗА», над числом тех, кто проголосовал «ПРОТИВ», было наименьшим среди всех вопросов, на которые был получен ответ «ДА» (за переизбрание депутатов проголосовало больше 67%). Тем не менее это было большинство! Кстати говоря, в отличие от сегодняшнего дня тогда не возникало сомнений в честности подсчета голосов. Поскольку власть в стране не была сконцентрирована в одних руках, а распределялась между президентом и Съездом народных депутатов, реальная возможность контроля над результатами референдума у депутатов была явно не меньше, чем у тогдашнего Ельцина. И тем не менее результаты референдума оказались вот такими.

Только-только о них объявили по радио (интернета тогда еще не было), только-только мы с коллегами начали обсуждать, что бы это могло означать, — с момента объявления прошло, возможно, только минут двадцать — тридцать, как у меня зазвонил телефон: «Андрей Николаевич, вас немедленно вызывает Черномырдин». Я говорю: «Почему меня? Руководитель Центра — Васильев, наверное, Васильева надо?» — «Нет, — говорят, — вас». И я отправился к Черномырдину.

В отличие от всех прежних безуспешных попыток попасть к премьеру, в этот раз никаких проблем с проходом не было, никаких задержек — сразу же зовут к нему в кабинет. У него кто-то был. Буквально после двух-трех каких-то незначащих фраз он меня спрашивает о документе, который я безуспешно пытался ему доложить еще пару месяцев назад. Я пытаюсь ему что-то пояснить, что, мол, он был недоступен. А он мне с ходу: «Как? Это я для вас недоступен?! Вы же мой советник, руководитель Группы анализа и

планирования при председателе правительства!» Я опешил: «Какой-такой советник? Какая Группа анализа? Я вообще впервые об этом слышу».

Дальше разыгрывается такая замечательная театральная сценка. Черномырдин: «Как?! Как это вы не знаете? Вы давно назначены! Петелин!» Входит начальник секретариата Петелин. Черномырдин ему: «Петелин, где распоряжение на Илларионова?» Понятное дело, никакого распоряжения нет, но Петелин, человек бывалый, хорошей такой бюрократической закалки, сразу же смекнул, куда клонит шеф, и говорит: «Да-да, давно уже все сделано!» — «Ну давай его сюда!» Петелин исчезает за дверью, но бумагу, естественно, не несет: ее ж готовить надо.

Вот так без моего согласия 26 апреля 1993 года я был назначен руководителем Группы анализа и планирования при правительстве России, советником Черномырдина. Такая вот получилась история. Были, как известно, дети лейтенанта Шмидта. А теперь вот появилось дитя референдума 25 апреля 1993 года...

— И какие же плоды принес этот новый виток вашего вхождения во власть?

Ясно, что ни большого понимания со стороны премьера, ни значительного желания следовать моим советам, ни существенной поддержки с его стороны не было. Просто по результатам референдума Черномырдину надо было сделать какой-то заметный жест. Тогда много говорили, что Черномырдин — фигура временная, переходная, на три месяца — и все, а дальше опять вернется Гайдар. Да и результаты референдума, казалось, убедительно говорили за немедленное возвращение Гайдара. Но Черномырдин, будучи человеком бюрократически опытным, решил обойтись малой кровью, откупиться малой ценой. Вместо возвращения Гайдара на премьерское кресло, вместо назначения какого-нибудь реформаторски настроенного человека на вице-премьерский или министерский пост он назначил себе советника, по определению самостоятельных решений не принимающего. На тот момент он решил, что обыграл Ельцина.

[...]

Ответный удар

В июле 1993-го случилась денежная реформа, организованная руководителем Центрального банка В. В. Геращенко.

Денежная реформа июля 1993 года по обмену старых купюр на купюры нового образца стала одним из мощных экономических и политических ударов по новой власти. Естественно, она не была согласована ни с министром финансов Федоровым, ни с премьером Черномырдиным, ни с президентом Ельциным. Она и не могла быть с ними согласована, поскольку во многом была против них и направлена. Геращенко готовил свою диверсию

втайне и совершил ее самостоятельно, прекрасно понимая ее возможные последствия. Это был своего рода «их» ответ на победу Ельцина на апрельском референдуме.

Кроме чисто политических, у Геращенко были и иные резоны для срочного проведения денежной реформы. Дело в том, что, когда в 1993 году Центробанк приступил к постепенной замене старых банкнот на новые, анализ данных по эмиссии новых купюр и изъятию старых показал, что количество официально изъятых из оборота купюр превысило количество официально эмитированных денег на сумму, эквивалентную по господствовавшему тогда валютному курсу сумме примерно в два миллиарда долларов.

Представьте себе: начиная с 1 января 61-го года, т. е. с начала эмиссии денежных купюр предшествующего образца, ежедневно фиксируется статистика эмиссии наличности — за все 1960-е, 1970-е, 1980-е годы... — повторяю: ежедневно, вплоть до 25 июля 1993 года. Выпускаются новые купюры, изымаются ветхие — все аккуратно подсчитывается. И вот, когда начинается изъятие из оборота всех купюр, выпущенных за тридцать два года, вдруг выясняется, что их *уже* изъято на два миллиарда долларов больше, чем их было официально эмитировано! И при этом далеко еще не все купюры изъяты, их еще немало в обороте и в России и в странах рублевой зоны.

То есть это означает, что происходила теневая эмиссия банкнот, не зафиксированная официальной статистикой Центрального банка. Как они были распределены, кому переданы — об этом можно только догадываться. Еще раз говорю: это чистые деньги, тут даже приватизации нефтяного или газового фонтанов не надо! Это самые настоящие, не фальшивые, реальные деньги, и на эти деньги можно купить все, что угодно, — дачи, землю, предприятия, заводы, ту же самую нефть, золото. Их можно вложить во что угодно, можно обменять на доллары, можно положить в банки здесь и за рубежом. Их можно инвестировать в политику. Два миллиарда долларов... По уровню тех цен — это огромные деньги: весь российский ВВП в предшествовавшем 1992 году составлял около девяноста миллиардов долларов. Два процента от национального ВВП — это лишь только то, что успели оценить. А сколько еще не успели, так и осталось неизвестным...

Когда в июне 1993 года Геращенко был приглашен в Верховный Совет для отчета, второй, кажется, вопрос, заданный ему кем-то из депутатов, так и прозвучал: «Как это у вас получается, что из наличного оборота изъято купюр больше, чем официально было эмитировано Центробанком?» Геращенко то ли закашлялся, то ли засморкался, то ли пот со лба платочком стал вытирать. Обсуждение его выступления только начиналось, и ожидалось, что депутаты зададут Геращенко десятка два или три вопросов. Но Руслан Имранович Хасбулатов, умнейший, надо сказать, человек, тут же все понял и немедленно заявил: «Спасибо большое, Виктор Владимирович, садитесь на место, мы заканчиваем обсуждение».

— И что — никто и не пикнул?..

Да нет — обсуждение, понятно, не состоялось. А Центральный банк совершенно случайно, конечно, с этого момента статистику о банкнотах, изъятых из оборота, перестал публиковать. С тех пор ЦБ больше уже никогда не публиковал этих данных.

Центробанк под руководством Геращенко активно участвовал в финансировании рублевой зоны, то есть в безвозмездной передаче средств дружественным режимам за пределами России. Размеры субсидирования в наличной и безналичной форме Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, Казахстану, Азербайджану составляли совершенно фантастические цифры — до 20 – 30% ВВП этих стран. Нельзя исключить, что часть этих средств, возможно, даже бóльшая, возвратилась в Россию. Правда, уже как частные средства и уже «правильным» людям. Масштаб операций, осуществлявшихся тогда, по-видимому, не имеет аналогов даже в фантастической истории нашей страны.

— Ну как ж?! У нас уже светлейший Меншиков воровал — дальше некуда.

Да что Вы! Меншиков по сравнению с ними — просто ребенок! Во времена Меншикова все казенные расходы не превышали и 5% ВВП. И Меншиков мог присвоить себе вряд ли больше сотой доли от казенных расходов — то есть просто крохи по нынешним масштабам. А в наше время хищения приобрели совсем другой размах... Только в 1992 году и только так называемые *кредиты* странам рублевой зоны составили 8% ВВП. А это чистое, ну просто незамутненное присвоение национального богатства. Куда уж тут Меншикову!

Моя попытка объяснить Черномырдину, к каким катастрофическим последствиям ведет денежная реформа для страны и лично для него, успехом не увенчалась. Пообещав мне «решить проблему» Геращенко, Черномырдин ничего делать не стал. У него были свои соображения...

Геращенко

Денежную реформу Виктор Владимирович Геращенко сделал не по неведению. Высококлассный сотрудник спецслужб с более чем сорокалетним стажем, он сыграл исключительную роль в истории нашей страны. После начала карьеры в Госбанке СССР и Внешторгбанке СССР в течение трех лет он был руководителем Московского народного банка в Лондоне. Затем пять лет — руководителем Московского народного банка в Бейруте. После двухлетнего перерыва в Москве он был отправлен на Дальний Восток — руководителем управления Московского народного банка в Сингапуре. Можно представить, чем занимались и что финансировали совзагранбанки в то время...

По возвращении в Москву Геращенко быстро поднялся по ступенькам руководства Внешэкономбанка СССР, а затем возглавил Госбанк СССР. На

этом посту он стал организатором и исполнителем денежной реформы 1991 года, лишь по традиции (и явной ошибке) именуемой «павловской». Просто В. С. Павлов, будучи, очевидно, менее опытным, чем Геращенко, слишком много говорил о ней, в то время как истинный организатор крупнейшей позднесоветской экономической аферы остался в тени. Наконец, исчезновение в 1991 году валютных резервов Госбанка СССР тоже вряд ли могло произойти без участия его руководителя. Вместе с ликвидацией СССР был ликвидирован и Госбанк СССР, а Геращенко ушел в негосударственный сектор. Однако оставался он там недолго.

В июне 1992 года встал вопрос о замене руководителя Банка России Матюхина, который, как считал тогда Гайдар, не соответствовал новым требованиям. Казалось, кадровое решение было предрешено. Очевидным кандидатом выглядел Борис Федоров — молодой, грамотный, энергичный экономист, имевший, несмотря на свой возраст, серьезный практический и политический опыт. Он рано стал союзником Б. Ельцина, в первом Российском правительстве 1990 года был министром финансов, а затем, в 1991 – 1992 годах, работал российским представителем в Европейском банке реконструкции и развития. Федоров не скрывал своей заинтересованности в том, чтобы стать руководителем Центробанка.

Описать масштабы шока от указа Ельцина, тем не менее назначившего председателем Центробанка России Виктора Геращенко, я не берусь. Это примерно то же самое, как если бы руководителем бундесбанка в 1946 году был бы назначен Яльмар Шахт, бывший президентом рейхсбанка при Гитлере. Как выяснилось, Ельцин инициативы по назначению Геращенко не проявлял (что в общем-то было вполне ожидаемо), все полномочия по кадровым вопросам в экономической сфере он отдал Гайдару. Именно по рекомендации Гайдара на ключевой пост по осуществлению денежной и финансовой политики — руководителя национального банка — был назначен не Борис Федоров, а Виктор Геращенко — убежденный коммунист, сотрудник спецслужб с солидным стажем, организатор денежной реформы 1991 года, один из ключевых авторов советской экономической катастрофы 91-го — начала 92-го года, один из авторов банкротства СССР, Внешэкономбанка СССР, исчезновения советских валютных резервов.

На новом старом посту Виктор Геращенко не стал терять времени. Получив вновь в руки такой мощный и эффективный ресурс, как Центральный банк, он сделал все возможное для того, чтобы поддержать развязанную правительством Гайдара инфляцию. В отличие от Гайдара, он, очевидно, лучше помнил слова Дж. М. Кейнса о том, что инфляция — самое эффективное средство по свержению правительства. И пользовался он этим инструментом, надо сказать, весьма умело.

Темпы прироста денежной массы, достигшие в июне 1992 года 25% в месяц, в течение четырех последующих месяцев уже не опускались ниже этого уровня. Но темпы инфляции были еще относительно невысокими — в июле они составили около 8%. Тогда в августе 1992 года Геращенко произвел дол-

говой взаимозачет, неожиданно поддержанный Чубайсом, в результате которого в экономику влилась огромная сумма денег. Вследствие всего этого с сентября 1992 года ежемесячные темпы инфляции вышли на уровень 25% в месяц и в последующие восемь месяцев уже не опускались ниже 20%. Развязанная правительством Гайдара и поддержанная Геращенко инфляционная волна смела и самого Гайдара, и его правительство.

— А имело ли смысл спасать такое правительство?

Гайдаровское правительство было далеким от совершенства, количество совершенных им ошибок было велико. Тем не менее в нем было немало людей, включая и самого Гайдара, кто не только понимал необходимость реформ, но и пытался их проводить. В отличие от тех, кто был уволен или ушел сам, А. Чубайс в правительстве остался.

Поддерживая инфляцию и подрывая политический ресурс гайдаровского правительства, Геращенко работал все же ради достижения своей главной цели — свержения Ельцина. Для Геращенко, его друзей и коллег Ельцин был абсолютным врагом. Они ненавидели Ельцина за все, что тот успел сделать, — за победу над КПСС, за «развал» СССР, за отлучение от власти спецслужб. Этой своей искренней, глубокой, всеохватывающей ненависти Геращенко никогда не скрывал, работая против Ельцина тщательно, неустанно и вдохновенно. (Должен сказать, забегая вперед, что после смерти Ельцина в апреле 2007 года Геращенко, как мне кажется, как-то потерял кураж.)

А потом наступил октябрь 93-го года. Ельцин выпустил указ 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», прекращающий деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Но Геращенко успел все же поучаствовать в финансировании оппозиции: свежеотпечатанная наличность на нескольких грузовиках успела доехать до Белого дома и была роздана белодомовским формированиям.

Федоров

Когда Геращенко проводил денежную реформу, министром финансов был Борис Григорьевич Федоров. Финансовая стабилизация — борьба за снижение инфляции — была одной из главных тем 1993 года. Роль Федорова в приближении финансовой стабилизации в стране трудно переоценить. За первые полгода 1993 года он смог сделать невероятно много — сокращение государственных расходов, снижение субсидий, уменьшение масштабов коррупции, повышение процентной ставки. И тут — денежная реформа! Это был такой удар по всему, что им делалось! Причем с практически нескрываемым расчетом на соответствующие политические последствия.

В день объявления денежной реформы Федорова не было в Москве — он был в отпуске. Узнав о реформе, он гнал машину несколько сот миль до ближайшего аэропорта, чтобы первым же самолетом прилететь в Москву.

Прилетев, он тут же созвал пресс-конференцию, которую при небывалом стечении журналистов начал с простой и емкой фразы: «Виновным в денежной реформе является только и исключительно Виктор Владимирович Геращенко! — Потом подождал немного и продолжил: — Для тех, кто не услышал, повторяю еще раз: Виктор Владимирович Геращенко! — Выждал паузу и еще раз: — Для тех, кто не расслышал или не понял, повторяю *еще* раз: Виктор Владимирович Геращенко!»

За тот год, что Борис Федоров был министром финансов, против него работали практически все — Геращенко, отраслевые министры, Черномырдин, Верховный Совет; фактически не было большой поддержки и со стороны Ельцина. С возвращением в правительство на пост первого вице-премьера в сентябре 1993 года против Федорова начал работать и Гайдар. То, что Федорову удалось сделать, вообще-то немыслимо не только для одного человека, но и для правительства, пользующегося значительной политической поддержкой. Но он смог это сделать практически в одиночку.

После октябрьских событий — штурма и расстрела Белого дома — политическая ситуация значительно изменилась. Борис Федоров смог использовать ее, и в октябре — декабре 1993 года ему удалось продолжить радикальное сокращение бюджетных субсидий и ликвидацию излишних государственных расходов. За 1993 год Федоров сделал совершенно невероятную вещь: сократив государственные расходы на 22% ВВП за один год, он практически полностью ликвидировал чудовищный развал государственных финансов, спровоцированный крахом СССР в 1991 году и усугубленный Гайдаром в 1992 году. Бюджетный дефицит был сокращен до 10% ВВП, выйдя, таким образом, на догайдаровский и даже допавловский уровень.

Темпы денежной эмиссии стали медленно снижаться, а за ними — с постепенно увеличивавшимся лагом — и темпы инфляции. В декабре 1993 года инфляция упала до 13%. После январского скачка в 18% в феврале 1994 года она опустилась до 11% в месяц. В течение почти всего следующего года она уже не выходила за десятипроцентную отметку. Но для Федорова это было уже поздно: он смог увидеть плоды трудов своих только со стороны, — 20 января 1994 года он был вынужден уйти в отставку.

Дело в том, что в декабре 1993-го прошли выборы в Государственную думу, на которых с огромным перевесом победила ЛДПР Жириновского. На «встрече нового политического года», транслировавшейся по телевидению, прозвучали ставшие знаменитыми слова: «*Россия, ты одурела*». Воспользовавшись новой политической ситуацией, Черномырдин развернул полномасштабное бюрократическое наступление: 5 января 1994 года в отставку ушел Гайдар, 20 января — Федоров, 8 февраля в отставку ушел и я.

Геращенко остался в Центробанке еще на 9 месяцев, — чтобы успеть нанести еще один удар по Ельцину, организовав не без помощи А. Чубайса «черный вторник» 11 октября 1994 года — падение за одну торговую сессию курса рубля более чем на 30%. Однако, похоже, запас терпения Ельцина к тому времени иссяк, защищать Геращенко в правительстве было больше

некому, и Геращенко был уволен из Центробанка. Однако, как показали дальнейшие события, история его борьбы против Ельцина на этом не закончилась.

Отставка

Восьмого февраля 1994 года я ушел из правительства. За предыдущие полгода мы с Виктором Степановичем Черномырдиным встречались всего трижды — сразу же после денежной реформы 26 июля 1993 года, в ночь перед штурмом Белого дома с 3 на 4 октября 1993 года, в ночь после парламентских выборов 13 декабря 1993 года. Только в кризисных ситуациях у премьера обнаруживались время и желание общаться со своим советником. В мирной, спокойной ситуации времени у него для этого не было.

Как-то раз мне надо было срочно обсудить с ним какой-то вопрос по экономической политике. Неоднократные мои попытки получить аудиенцию наталкивались на глухую стену сопротивления сотрудников приемной. Тогда, не полностью исключая обычные бюрократические интриги, я решил поставить эксперимент: дай, думаю, подожду встречи непосредственно в приемной. Дай, думаю, проверим, сколько времени советнику премьера нужно подождать в приемной, чтобы встретиться со своим непосредственным начальником для обсуждения срочного вопроса. Я рассуждал так: во-первых, если я буду сидеть в приемной, Черномырдину не смогут не сообщить, кто его ждет; во-вторых, он сам может выйти в приемную и увидеть меня. А увидев, не сможет не спросить, в чем причина моего появления здесь. Узнав же, в чем причина, он не сможет отказаться от обсуждения проблемы.

И каким же наивным я продолжал оставаться после почти двух лет работы в бюрократическом аппарате! В приемной я провел около пяти часов. Тысячу раз говорил себе: все, больше не могу, надо уходить, оставаться в приемной и видеть все, что там происходит, совершенно невозможно. Но внутренний голос все же твердил: давай все-таки эксперимент доведем до конца. В кабинет входили и из него выходили десятки человек — большинство людей мне незнакомых, то есть это были и не министры, не сотрудники аппарата правительства. Многие явно выглядели приезжими. Заносили свертки, коробки, какие-то пакеты. Несколько раз выходил Черномырдин. Увидев меня, сказал только: «Потом». И вправду — мои дела (то есть вопросы экономической политики) были в тот момент для премьера гораздо менее срочными и несопоставимо менее важными.

В тот момент к премьеру приехала группа товарищей с Ижевского оружейного завода и привезла Черномырдину большую коллекцию охотничьего и спортивного оружия. Для осмотра и отбора приглянувшихся экземпляров Черномырдин проследовал в соседнюю комнату, и часа два оттуда раздавались шум, хохот, звон посуды... В общем, в тот раз встреча с премьером так и не состоялась. Не состоялась она ни на следующий день, ни в последующие недели и месяцы. Государственные дела, очевидно, не пускали.

— Но три-то раза он вас все-таки принял?..

Да, и каждая из трех встреч, происходивших в кризисные моменты российской истории, памятна по-особому. Каждая из них давала новые подтверждения тому, что события, происходящие в политической и экономической жизни страны, мы оцениваем весьма по-разному. Порой обмен мнениями между нами был достаточно эмоциональным. На каждой из этих встреч речь заходила в том числе и о Геращенко, и о его бесценном вкладе в дестабилизацию положения в стране. И каждый раз было видно, что вот именно это Черномырдина совершенно не интересует.

В общем, делать в правительстве Черномырдина мне было нечего. Никакого спроса на советы не было. Никакого интереса в проведении разумной экономической политики не было. Тягомотное состояние стало быстро проясняться после декабрьских парламентских выборов, на которых наибольшее количество голосов получила ЛДПР (23%). Хотя «Выбор России» во главе с действовавшими в правительстве вице-премьерами и министрами Гайдаром, Федоровым, Чубайсом (15% голосов), ПРЕС во главе с Шахраем (4%) и другие центристские партии набирали достаточное количество голосов для того, чтобы сформировать проправительственную коалицию в парламенте с большинством голосов, Черномырдину это явно было не нужно. Резко отмежевавшись от коллег по кабинету, Черномырдин заявил сразу же: «Кто у нас там победил? Жириновский? Вот с ним и будем работать».

Под бюрократическим давлением 5 января 1994 года с поста первого вице-премьера ушел Гайдар, 20 января — с поста вице-премьера и министра финансов — Федоров. 6 февраля подал заявление об отставке и я. Виктор Степанович решил сделать мне на память что-нибудь приятное, и через два дня в моей трудовой книжке появилась запись: «*Уволен за нарушение трудовой дисциплины*».

Институт

Надо было решать, что делать дальше. В принципе больших сомнений не было: надо ехать учиться. [...] Но тут появился Джеффри Сакс. Сакс был профессором Гарварда и весьма активным консультантом по проведению экономических реформ во многих странах мира — от Боливии до Польши. В декабре 1991 года наряду с четырьмя другими зарубежными экономистами он в течение часа встречался с Б. Ельциным, что позволило ему впоследствии в течение ряда лет утверждать, что он является советником российского президента.

Сакс со своими студентами и аспирантами оказал существенную помощь в экономическом образовании российских чиновников на раннем этапе проведения реформ. Одной из организаций, созданных с его помощью для анализа текущей ситуации и подготовки экономических решений, была Группа макроэкономического и финансового анализа, работавшая

при Минфине. После ухода Б. Федорова из правительства Группа потеряла заказчика, сотрудники начали ее покидать. Сакс, бывший научным координатором Группы, предложил мне ее возглавить.

Я подумал и ответил: «Группу при Минфине возглавлять не буду. Надо создавать институт. Независимый институт, который будет заниматься экономическим анализом. Сотрудники, работающие в группе, могут прийти в него». Он подумал и говорит: «Интересно». В общем, с помощью Сакса, существенно помогшего в организации и получении первых денег, в июле 1994 года был создан Институт экономического анализа. Мы начали работать, сделали несколько неплохих публикаций.

Через год Саксу не понравилось направление научных исследований, и он решил заменить директора института на другого человека — Михаила Дмитриева, приглашенного мною ранее на пост моего заместителя. Сакс поставил условие: раз он обеспечил финансирование, значит, он и будет командовать. [...] Так как по Уставу назначение директора находится в ведении наблюдательного совета института, я ответил: «Как решит наблюдательный совет, так и будет». Сакс стал шантажировать: «Если не будет назначен Дмитриев, фонд Форда потребует возвращения денег». — «На каком основании?», — спрашиваю. «А потому что я так считаю правильным». И действительно, фонд Форда написал мне, что я должен уйти с поста, иначе они заберут деньги. Тут же они прислали и своего представителя — наблюдать за процессом.

На внеочередное заседание собрался наблюдательный совет института. Накануне Чубайс, бывший также членом наблюдательного совета, разослал всем коллегам письмо, в котором заявил, что политика ликвидации бюджетного дефицита, рекомендуемая мной, является коммунистической и фашистской. Коллеги ознакомились с ситуацией. Поинтересовались, что я собираюсь делать. Я сказал, что полагаю важным, чтобы институт продолжал работать, чтобы институт был российским, что к пожеланиям наших зарубежных коллег отношусь хорошо, к шантажу — плохо. Проголосовали по кадровому вопросу. За исключением Чубайса коллеги единодушно проголосовали за сохранение на посту прежнего директора.

Фонд Форда потребовал возвращения выделенного на два года гранта. Институт вернул ему все неиспользованные к тому времени деньги. Возвращенных денег было немногим меньше миллиона долларов. Так прекратились наши отношения с Саксом и фондом Форда. Когда это произошло, сотрудники фонда Форда были в шоке — ни в истории этого фонда, ни в истории других подобного рода фондов не было случая, чтобы организация, получившая деньги, по каким бы то ни было причинам возвращала их обратно.

А дальше началась наша самостоятельная жизнь. Честно говоря, она была очень непростой. С деньгами было трудно. В течение какого-то времени институт жил на мои собственные средства. Через некоторое время у меня закончились мои деньги, и месяца два или три мы жили вообще без денег, на одном доверии: я прошу — люди делают.

— Это какой год — 95-й?

Это был уже 1996-й год. В какой-то момент сотрудники стали говорить: «Мы тебя уважаем, работать интересно, но семьи кормить тоже надо»... Я попросил еще месяц подождать. К этому времени удалось найти деньги, сначала — небольшие, потом — побольше. Через какое-то время финансирование более или менее нормализовалось. Потом постепенно выплатили людям задолженность по зарплате...

Основной работой института были комментарии по текущей экономической политике. Выпустили три книги. В 1997 – 1998 годах институт стал практически единственным публичным голосом в России, предупреждавшим страну о неизбежности валютного кризиса. Развязка наступила в августе 1998 года.

В августе 1998-го

До 10 часов утра 17 августа 1998 года, когда на экранах российских телевизоров со словами «об изменении границ валютного коридора» появились премьер-министр Сергей Кириенко и глава Центрального банка Сергей Дубинин, слова «девальвация» официальные комментаторы старались избегать. Но поскольку страна была тогда еще достаточно демократической, некоторые граждане все же позволяли себе такую смелость.

То, что Россия не избежит финансового кризиса, стало ясно осенью 1997 года. Развитие валютных кризисов в азиатских странах показало, что в России есть похожие условия, но, кроме того, есть и кое-что еще, чего в азиатских странах не было. За зиму 1997 – 1998 года ситуация заметно ухудшилась. Процентные ставки по обслуживанию государственного долга постоянно росли, достигая совершенно невероятных величин — 50 – 60% годовых при 10% инфляции. Реальная ставка в 40% годовых — может ли быть аргумент, более убедительно свидетельствующий о тяжелом нездоровье финансов? Однако для тех, кто занимался инсайдерской игрой с государственными облигациями с гарантированной ставкой получения дохода, такая ситуация была просто сказочной.

23 марта 1998 года Б. Ельцин отправил в отставку правительство Черномырдина и предложил на пост премьера Сергея Кириенко. Ему рекомендовали меня в качестве кандидата в экономические советники, и в тот же день мы встретились в Белом доме.

В качестве первого шага на посту премьера я предложил Кириенко девальвировать рубль. «Рубль будет девальвирован, — говорил ему я, — рано или поздно. И это бесспорно. Что подлежит обсуждению — сроки, когда он будет девальвирован. И масштабы. Если девальвацию отложить, то она все равно состоится. Но только глубина ее будет больше. А политические последствия — серьезнее. «Сергей Владиленович, — убеждал я, — у вас сейчас есть исторический шанс. Если вы девальвируете рубль сразу, как станете

премьером, аккуратно и без паники, то вы не только спасете страну, но и не несете политической ответственности за это. Все же понимают, что в создании нынешней экономической ситуации, при которой девальвация стала неизбежной, виноваты не вы, а политика предыдущего кабинета. Девальвация никоим образом не бросает тени лично на вас — вы лишь разгребаете завалы, оставленные вашим предшественником. Но если вы не проведете девальвацию немедленно и отложите ее, если вы ее проведете хотя бы через полгода, то это несомненно будет уже ваша вина, и в качестве платы за нее в отставку уйдете и вы и ваше правительство. Если вы не хотите быть сметены грядущим кризисом, делайте девальвацию немедленно». Мы разговаривали с Кириенко примерно час, и, казалось, он явно стал проникаться пониманием ситуации.

Тут приехали Гайдар с Чубайсом и, прямо скажем, сильно не обрадовались, увидав меня. Они потребовали разговора с Кириенко наедине. Цель их разговора была очевидной, да и подтверждения долго ждать не пришлось: Кириенко так и не решился на контролируемую девальвацию. Его советником я тоже не стал.

— ***Что же такое наговорили они премьеру?***

Не знаю, но думаю, они объясняли Кириенко, что никакой девальвации проводить не надо, что ее не будет, что необходимые средства для стабилизации финансовой ситуации будут получены в МВФ. Как известно, многое потом так и получилось. Правда, не всё. После утверждения Кириенко премьером и в результате олигархического лоббирования Чубайс был назначен специальным полномочным представителем Российского правительства по переговорам с международными организациями. В конце июня 1998 года он действительно договорился со Стенли Фишером, первым заместителем МВФ, о получении кредитного пакета размером в 24 млрд. долларов.

Первые 4,8 млрд. долларов поступили в Россию в начале июля 1998 года. Как выяснилось, впервые за всю историю взаимоотношений МВФ с Россией (да и, кажется, с большинством других стран-реципиентов) эти средства были переданы не в Минфин, а в Центральный банк. Спросите — какая разница?

— ***Спросим...***

Большая. Партнерами МВФ являются правительства, представителями которых являются министерства финансов. Центральные банки не являются представителями национальных правительств, они имеют специальный статус, по закону независимы от национальных правительств, не обязаны выполнять правительственные поручения и не несут ответственности по правительственным обязательствам. Таким образом, представитель Российского правительства договорился о передаче со стороны МВФ средств Центробанку, строго говоря, перед Российским правительством не отве-

чающему. Причем это было сделано в разгар финансового кризиса, когда у Российского правительства не хватало средств для обслуживания своего собственного долга! Спрашивается: для кого и на кого работал этот полномочный представитель Российского правительства?

Ситуация становится еще более невероятной, когда выясняется, что полученные средства Центробанк под руководством Дубинина не использовал для интервенций на валютном рынке, чтобы сдерживать атаки на рубль. Спрашивается: а на что же пошли средства? Оказывается, государственные средства (средства МВФ, полученные путем увеличения российского государственного долга) были розданы некоторым крупным российским банкам для того, чтобы закрыть провалы в их балансах. Иными словами, за счет средств российского государства Чубайс с Дубининым просубсидировали самых «слабых» и «нищих» в России — своих друзей-олигархов.

Из первого транша в 4,8 млрд. долларов именно такой оказалась судьба 3,8 млрд. В конечном счете попал в Минфин лишь один, последний, миллиард долларов — да и то только в августе. И произошло это вовсе не потому, что спохватилось Российское правительство. Нет, спохватился Стенли Фишер, сорванный из своего отпуска где-то на Карибах, прилетевший в начале августа в пустую Москву и буквально в ультимативном порядке потребовавший передачи этого миллиарда от Центробанка в Минфин. Спохватился Джордж Сорос, опубликовавший в «Файненшел Таймс» статью, в которой только что не кричал, что Россия летит в тартарары и ее надо спасать, формируя дополнительный кредитный пакет, на первых порах хотя бы в размере еще 15 млрд. долларов. О России в том августе беспокоились лишь Джордж Сорос и Стенли Фишер. Именно они бросились разыскивать российское руководство в августе 1998 года.

Но это было непросто. Чубайс в это время отдыхал, кажется, в Ирландии, Гайдара в Москве не было, министра финансов Задорнова к решениям не допускали. Дубинин сопротивлялся изо всех сил, пытаясь не отдавать Минфину МВФовский миллиард.

Мои призывы к Кириенко провести контролируемую девальвацию были связаны прежде всего с тем, чтобы минимизировать ее неизбежный экономический ущерб для людей. Но не только с этим. Кроме этого, я имел в виду и минимизацию ожидавшегося политического ущерба. В том числе путем спасения правительства. Надо прямо сказать, правительство Кириенко было малокомпетентным. Однако последствия смены этого правительства в результате девальвации могли быть неприятными не только для членов правительства.

Что в принципе могло произойти в условиях неконтролируемой девальвации национальной валюты, только что продемонстрировал пример Индонезии, в которой обвал рупии сопровождался падением в мае 1998 года правительства и свержением президента Сухарто. В Джакарте начались нападения на предпринимателей, банки, магазины, рестораны; пошли грабежи, поджоги и, наконец, резня, в которой погибло более трех тысяч чело-

век. О том, что могло произойти в России в случае повторения в какой-либо степени индонезийского сценария, не хотелось даже думать. То, что судьба правительства и руководства Центробанка предрешена, было совершенно ясно. Честно говоря, и большого сочувствия они не вызывали. Серьезные опасения вызывали последствия возможного свержения Ельцина.

За пять лет октябрьские события 1993 года не забылись, красно-коричневый реванш в случае неизбежного политического кризиса обещал стране хорошую кровавую баню. А по известному российскому опыту, на трех тысячах жертв, как в Джакарте, могли и не остановиться. Тут уж никому бы мало не показалось. И кто какую роль играл или не играл — большого значения уже не имело бы.

— Да уж, тогда бы и вас не обошли: а ты-то куда глядел? Почему страну не спас?

В те весенние и летние месяцы я безуспешно пытался убедить в необходимости срочных действий и правительство и сотрудников МВФ. Не раз обсуждал проблему со Стенли Фишером, одним из авторов концепции финансовой стабилизации с помощью фиксации валютного курса, одним из вдохновителей политики «валютного коридора» в России в 1995 – 1998 годах, приведшей к краху 17 августа. Попытки в течение четырех лет объяснить порочность политики «валютного коридора», поддерживавшейся фондом, оказались тщетными.

В начале июня 1998 года, оказавшись на семинаре в Киеве, организованном Мировым банком, пытался убедить в принятии срочных мер Джона Одлинга-Сми, руководителя Второго Европейского департамента МВФ, занимавшегося Россией. Если не считать Фишера, Одлинг-Сми был фактически главным человеком МВФ по России, формировавшим и формулировавшим позицию фонда относительно нашей страны. В споре о возможной девальвации наши позиции оказались противоположными. Я говорю: «У нас будет девальвация». Одлинг: «Нет, девальвации не будет». Я снова: «Джон, будет девальвация». Он: «Нет, не будет». Я ему тогда: «Давайте поспорим. Я не могу назвать точной даты, но до конца 1998 года кризис точно произойдет. Причем чем дольше он откладывается, тем более глубоким будет». Мы поспорили — на ящик коньяка. После кризиса Джон сделал вид, что спора не было.

А вот Стенли Фишер свою ошибку постарался исправить. В апреле следующего, 1999-го, года выступая на весеннем заседании членов совета директоров МВФ, он мягко признал непригодность своей собственной концепции, МВФ снял соответствующий пункт из пакета своих рекомендаций и больше к нему не возвращался.

Я продолжал говорить, что девальвация неизбежна. И возникало такое странное ощущение: пытаешься что-то сделать, объяснить властям предержащим, как спасти страну, как спасти даже правительство это, и — ничего,

никакого результата. Правда, недели через две после того, как меня попросили рассказать о кризисе в президентской администрации, один из знакомых банкиров сказал мне: «А вы знаете, что сделали такой-то, такой-то и такой-то? — и называет фамилии участников той встречи со мной в администрации. — Они, — говорит, — все свои рублевые сбережения перевели в доллары». Вот как! То есть и стране и мне они говорили, что девальвации не будет, что они не допустят ее. А сами, лично, в это же самое время к ней очень хорошо готовились!

— То есть на всякий случай они к вам все-таки прислушались?

Получается, что да. Для себя! Гайдар, помнится, тоже просил меня: только журналистам об этом не говори! Но как только я узнал, что эти деятели по-тихому свои средства в доллары переводят, сказал: «Нет! Вот теперь я точно буду говорить об этом как можно громче и везде, где только возможно, — чтобы услышало как можно больше людей!»

— Вы говорите, что Гайдар просил вас не говорить журналистам об угрозе дефолта?..

История была такой. Это было 25 июня 1998 года на заседании клуба «Взаимодействие». Клуб «Взаимодействие» был создан Гайдаром и Чубайсом в 1992 году для развития отношений между реформаторским правительством и российской бизнес-элитой, журналистами, аналитиками. Его членами было немало очень достойных людей, президентом-организатором был Михаил Матыцин. Клуб регулярно — примерно раз в месяц — проводил встречи с кем-то из представителей власти. Поскольку летом 1998 года в воздухе явно носилось ощущение чего-то надвигающегося (правда, про катастрофу не говорили), то на заседание клуба был приглашен Гайдар, чтобы рассказать правду о том, что происходит, и дать ответ на вопрос, будет ли кризис или нет. На заседании был аншлаг: пришло, наверное, человек сто пятьдесят — сливки либеральной общественности, бизнеса, журналистики.

Гайдар выступал в течение минут сорока, сказав примерно следующее: да, ситуация не совсем простая, но кризиса не будет. Мы все держим под контролем, инфляция снижается, вот сейчас Чубайс съездил в МВФ, получил большой кредит, так что все в порядке, не беспокойтесь. Переживем. Трудно было не поверить Гайдару. Не то чтобы полностью исчезли все сомнения, но уровень напряженности стал постепенно снижаться.

Вторым в прениях слово дали мне. Хотя по регламенту надо было задавать вопрос, вместо него я сделал небольшое собственное выступление — такой содоклад минут на пятнадцать — двадцать. Я сказал, что слова Гайдара не соответствуют действительности. Ни один из факторов, названных им и якобы препятствующих кризису, не работает. Зато работают другие

факторы, о которых он ничего не сказал. Кредиты МВФ не помогут, в лучшем случае оттянут начало кризиса, но увеличат его масштаб. Будет кризис. Будет девальвация рубля. Хотя точные сроки предсказать невозможно, но кризис произойдет до конца 1998 года. Если, говорю, девальвацию проводить в июле, то курс рубля упадет раза в два с половиной — рублей до 15 за доллар (в июне курс был чуть больше 6 рублей за доллар). Если оттягивать девальвацию, то курс может упасть вчетверо — до 24 – 25 рублей за доллар. В то время как экономические последствия девальвации будут обещающими: возрастет экспорт, улучшится платежный баланс, возрастет занятость, упадет безработица, начнется экономический рост, — политические ее последствия могут оказаться очень тяжелыми. Гайдар не стал дожидаться завершения моего выступления, собрал свои бумаги и ушел.

На следующий день, 26 июня, у меня была встреча в отеле «Балчуг». У моего визави зазвонил мобильный телефон (у меня мобильного телефона тогда не было, он был еще достаточно редкой и весьма дорогой вещью. По крайней мере, для меня). Такое бывает, наверное, в фильмах, подумалось мне, потому что оказалось, что по телефону моего собеседника спрашивали меня. Как? Каким образом? Кто узнал, с кем я встречаюсь? И где нашли номер телефона? Ничего особенного не придумав, я взял трубку. В трубке я услышал голос Гайдара: «Андрей, ты знаешь, я тебя мало о чем просил. У меня к тебе есть просьба». Я сказал: «Да, я слушаю тебя». — «Я тебя прошу: все, что ты рассказывал вчера на клубе, не говори, пожалуйста, журналистам». Я был потрясен: «Почему?» — «Ну, знаешь, бывают вещи, которые говорить публично нельзя». Я говорю: «Я таких вещей не знаю». Он повторяет: «Ты знаешь, я тебя мало о чем просил. А сейчас я действительно прошу: не говори, пожалуйста, ничего об этом журналистам». Тогда я ему сказал: «Знаешь, Егор, я не могу выполнить твою просьбу. Я считаю, что то, что происходит сейчас в экономике и финансах, не просто важно, а чрезвычайно важно, жизненно важно. Для всей страны. И я просто обязан об этом говорить. Это первое, почему я не могу выполнить твою просьбу. А второе — твоя просьба запоздала. Я уже рассказал все это журналистам».

Это было сущей правдой, потому что утром того же дня у меня прошла пресс-конференция, на которой я довольно подробно рассказывал о природе надвигающегося кризиса, о его механизме, о сроках и возможных масштабах девальвации. Поскольку заседание клуба было закрытым, то, по сути, я повторял свое выступление на клубе. О том, что утром прошла пресс-конференция, Гайдар не знал. Тогда он сказал: «А-а, ну тогда ладно».

На следующий день в газетах был короткий рассказ о моем прогнозе с детальными комментариями со стороны представителей власти, что никакой девальвации не будет.

В начале июля я оказался на встрече Чубайса с «его командой». Там собралось человек тридцать-сорок, относившихся к его группе, обсуждали текущую экономическую и политическую ситуацию. Дошла очередь до меня, я говорю Чубайсу: «Слушай, какие бы ни были отношения лично между

нами, но кризис, который предстоит, сметет всех. Он сметет всех — и тебя тоже. И если кого вешать будут, то тебя не забудут. Если о стране не хочешь позаботиться, о себе подумай». Он выслушал и ответил мне примерно вот так: «Сейчас мы («команда». — *А. И.*) как никогда сильны. У нас — более половины правительства. Мы полностью держим страну в своих руках. И те, кто говорит о всяких кризисах и девальвациях, несут полную чушь». Я тогда сказал что-то примерно такое: «Гляжу я на вас и изумляюсь: пройдет всего лишь несколько недель или несколько месяцев, и ни вас здесь, ни вашей половины правительства не будет — ни в правительстве, а, возможно, и нигде». Ну, они там посмеялись, похихикали и разошлись...

Июль 1998 года проходил в таких вот интересных дискуссиях. А 2 августа председатель Центробанка Дубинин собрал в Белом доме пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов по поводу ситуации на рынках. Слова «кризис» старались избегать, но ставки по госдолгу уже подскочили до астрономических 160%, каждый новый выпуск ГКО сопровождался горячими обсуждениями — сможет ли правительство профинансировать его обслуживание или нет?

Поскольку память об азиатском кризисе была свежей, пресса волновалась: будет ли в России продолжение — или не будет? На конференцию пришло свыше трехсот человек. В большом зале для встреч с журналистами на Краснопресненской набережной выступил Дубинин, сказавший, что все в порядке, ситуация под контролем и никакого кризиса не будет. Кто-то из журналистов спросил его: «А как же, вот Илларионов говорит, что будет девальвация». И тогда Дубинин ответил: «Господин Илларионов лжет. Он нарочно пытается обрушить рубль для того, чтобы его жена, работающая в инвестиционном банке, смогла заработать на падении российской валюты на Чикагской бирже. Он нарочно валит рубль, чтоб заработать на этом».

Позже Ирина Ясина рассказала мне, что решение оклеветать меня было принято накануне той пресс-конференции на совещании руководства Центробанка четырьмя людьми: Дубининым, тогда председателем Центробанка, Алексашенко, первым заместителем руководителя ЦБ, самой Ириной Ясиной, работавшей тогда начальником департамента по работе с прессой и пресс-секретарем Центрального банка, и Денисом Киселевым, руководителем департамента по работе с крупнейшими банками. Семь лет спустя Ясина, единственная из четверки, попросила у меня за это прощения...

То, о чем на пресс-конференции сказал Дубинин, я узнал на следующий день. Тут же сделал заявление, что подаю на господина Дубинина в суд за клевету и нанесение ущерба деловой репутации. Конечно, понадобилось некоторое время, чтобы собрать все материалы, публикации, получить аудио- и видеозаписи. За две недели все материалы были собраны, я договорился с адвокатом и собрался в понедельник подавать заявление в суд. Наступивший понедельник оказался 17 августа 1998 года. В 10 часов утра Дубинин с Кириенко появились на телеэкранах и сообщили об изменении курсовой политики, об отмене обслуживания государственного долга, о за-

прете на свободу капитальных операций. Иными словами, получалась не только девальвация. К ней прибавились и дефолт, и введение контроля на движение капитала.

— А разве они сами не понимали, что будет девальвация? Почему они не хотели с вами соглашаться? Или они просто выигрывали время, чтобы соблюсти свои интересы?

Кто-то понимал. Кто-то не понимал. Кто-то выполнял поручения. Но, как бы то ни было, ни один из них даже не пытался подумать о стране, о людях. О своих интересах — другое дело.

— Но говорят, что умные люди все-таки постарались тогда от ГКО поскорее избавиться. Почему же этого не сделали банки?

Если говорить о тогдашних банкирах, то уровень их некомпетентности был удивительным. Если бы они понимали хотя бы половину того, что им говорили, результаты для них были бы совсем другими, вряд ли бы так пострадали крупнейшие банки. Это же поразительный факт: из 6–7 крупнейших банков лета 1998 года волна кризиса смыла всех, кроме Альфа-банка. И причина проста: единственным человеком, который не поверил тогда Дубинину, Кириенко, Гайдару, Чубайсу, был Авен, президент Альфа-банка. Авен, кстати, был на том историческом заседании клуба «Взаимодействие». Из крупнейших российских банков Альфа-банк оказался единственным, кто летом 1998 года не только перестал покупать новые выпуски ГКО, но и постарался бóльшую часть своего пакета ГКО продать, а вырученные средства поместить в доллары.

Кому верили банкиры? Вот этой компании — Дубинину, Чубайсу, Гайдару, Кириенко, убедившим Ельцина дать свое знаменитое опровержение девальвации в Великом Новгороде. Когда он садился в самолет, его спросили: будет ли кризис? «Нет, — ответил Ельцин, — кризиса не будет. Все решено. Никакой девальвации не будет». Это было в пятницу 14 августа, а в понедельник 17-го на экранах появились Дубинин и Кириенко... Эта компания обманула всех: и либеральную общественность, и бизнес, и Ельцина, и всех граждан страны.

— Что ж, выходит, ваш прогноз блестяще подтвердился...

Это так. Но никакого триумфального настроения 17 августа у меня не было. У меня было чувство огромной опустошенности. Невероятное чувство сожаления. Я вспоминал свой разговор с Кириенко в самый первый его день появления в Белом доме 23 марта. Тогда он предложил мне работать у него советником, и я согласился, — но лишь с единственным условием: если советы мои будут приниматься. Как известно, после приезда Гайдара

с Чубайсом вопрос решился сам собой и больше уже не поднимался. И я думал, конечно, о том, что сейчас произойдет в стране и со страной.

А через пять дней сбылся и мой политический прогноз: 22 августа 1998 года Ельцин уволил и Кириенко и Дубинина. После нескольких недель безуспешных попыток снова отдать пост премьера Черномырдину Ельцин был вынужден назначить премьером Примакова, а Геращенко в третий раз занял пост руководителя Центрального банка. Опытные сотрудники спецслужб заняли оба ключевых поста в стране. Незанятым оставался только пост президента. Вклад моих коллег Гайдара и Чубайса в полученный результат переоценить было невозможно.

[...] В общем, когда у меня были подготовлены документы, чтобы подавать в суд иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, прокуратурой уже было заведено уголовное дело на Дубинина, и ему вместе с его коллегами грозили вполне реальные уголовные сроки. И хотя эти люди объективно много чего заслуживали, я решил тогда в суд не подавать. Крови Дубинина я не хотел и просто оставил это дело*.

Как часто бывает, ни один хороший поступок не остается безнаказанным. Четыре года спустя в Бостоне на инвестиционном форуме Дубинин, уже оправившийся от прежних страхов и вдохновленный работой вице-президента в чубайсовском РАО ЕЭС, в очередной раз принялся за свое любимое дело — клевету. Горбатого, как известно, только могила исправит...

В каком-то смысле этих четверых, наверное, можно было понять. В самом деле, налицо было драматическое противостояние: с одной стороны, миллиарды долларов и власть — правительство, Центральный банк, Министерство финансов, администрация президента, сам президент, Международный валютный фонд, — и все говорят одно: девальвации не будет. С другой, — один человек, директор какого-то маленького института, который упрямо повторяет: нет, девальвация будет! И кому тут прикажете верить?

Удивительно, но после краха 17 августа все-таки обнаружилось немало людей, не забывших, кто что и когда говорил. И потом еще в течение нескольких лет незнакомые люди подходили ко мне на улице, жали руку и говорили: «Спасибо, благодаря вам я спас свои семь тысяч долларов...» Или: «Я спас свой бизнес...» Или: «Хорошо, что я вам поверил...»

2007, № 4 (134)

---

* Осенью 2008 года С. В. Алексашенко и С. К. Дубинин подали в Хамовнический районный суд исковое заявление «о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда», требуя от редакции журнала «Континент» и А. Н. Илларионова опровержения порочащих их недостоверных сведений, опубликованных в 134-м номере журнала (в тексте интервью с А. Н. Илларионовым). См. об этом: *Виноградов И.* Дневник редактора. Выпуск седьмой. Июнь-август 2009 г. История о том, как судились с нами г-н Дубинин С. К. и г-н Алексашенко С. В. («Континент» № 141 [№ 3 за 2009 г.]. С.475 – 527).

4. МИХАИЛ КУРАЕВ

Бардак или жизнь как жизнь?

От редакции

Заметки Михаила Кураева, в которых он полемизирует с некоторыми высказываниями Василия Аксенова о сегодняшней России, были присланы автором в редакцию вместе с сопроводительным письмом на имя главного редактора. Мы публикуем ниже это письмо, полагая, что оно вполне разъяснит читателю не только то, почему автор прислал свои заметки именно в «Континент», но и то, почему редакция журнала, членом редколлегии которого является Василий Аксенов, считает естественным и нормальным напечатать их именно на страницах «Континента». Это действительно в традициях журнала.

Дорогой Игорь Иванович!

Нынешней весной я был в США. Естественно, читал там русскоязычную прессу, информирующую наших бывших соотечественников о нынешней жизни в России. Попавшиеся мне две публикации моего давнего товарища, Василия Павловича Аксенова, меня просто огорошили. Ну огорошили и огорошили, подумаешь, велики дела. Но, вернувшись домой, понял, что уехал из Америки с занозой. Оказывается, вот как мы выглядим: ***«Жизнь как жизнь. Не каждый же день стреляют на улице. Ну есть бедные, есть богатые, есть такие, есть сякие. Все как-то идет, ничего, all right»****.*

«Достал», как говорят наши бандиты, меня своим «олл райт» бывший соотечественник.

«Я бываю в России по меньшей мере два раза в год. Езжу по стране, дважды пересек на пароходе по Волге провинцию. И когда живу в Москве, я не вижу ничего особенного в принципе»*.*

А ведь люди, не бывающие в России два раза в год, могут поверить.

В общем, оцарапал меня старинный приятель, пронзил, ну и... [...]

Почему посылаю текст именно в «Континент»?

Аксенов как раз в одном из прочитанных мною материалов в газете «В новом свете» говорит о высокой репутации журнала «Континент», о его традициях терпимости к инакомыслию. Василий Аксенов — в списке членов редакционной коллегии журнала...

Для меня нынешний «Континент» тоже журнал не чужой. Направляя свои заметки в какое-нибудь другое издание, я невольно или вольно перевожу разговор в жанр межжурнальной полемики. А сегодня что ни журнал, то клан или партия, а то и шайка.

Мне же по-прежнему кажется, что мы с Аксеновым, каждый по-своему, принадлежим одной партии, партии людей, способных сострадать и чувствовать не только свою боль и свою печаль. Есть и такая партия! Этой же партии, по моему убеждению, принадлежит и Ваш, и наш с Аксеновым «Континент».

Вот сумма чувств и обстоятельств, объясняющая появление этих моих заметок в Вашей почте.

С неизменным уважением и симпатией,

Михаил Кураев.

[...]

Рабинович и гвоздь

Одним из своих Учителей по жизни я считаю Исаака Давидовича Гликмана, профессора Ленинградской консерватории... Учитель был на тридцать лет старше и, как полагается, наставлял притчами.

Вот одна из запомнившихся.

«Рабинович и Хаймович получили повестку в военкомат.

Рабинович выходит из военкомата грустный, его забрили, а Хаймович смеется и пританцовывает, ему выдали "белый билет".

— Как же вам выдали "белый билет"? — спрашивает Рабинович.

— Как, как, по здоровью!

— Но вы же никогда не жаловались на здоровье!

— А зрение?

— Но вы никогда не жаловались на зрение...

— Ну и что?! Вы во-о-о-он тот гвоздь видите?

— Вижу, конечно...

— А я — нет!»

Все люди, сказал Учитель, делятся на две неравные антагонистические категории: одни всегда видят гвоздь, а другие — по обстоятельствам.

В 1934 году в Москве огромным тиражом была выпущена книга под редакцией М. Горького, Л. Авербаха и зам. начальника Главного управления исправительно-трудовыми лагерями ОПТУ С. Фирина «Канал имени Сталина». Открывает книгу Постановление ЦИК Союза ССР о награждении орденами Ленина наиболее отличившихся строителей Беломорско-Балтийского канала. Список начинается по старшинству с зам. предсе-

дателя ОГПУ т. Г. Г. Ягоды, далее, по мере значимости, идут Л. И. Коган, начальник Беломорстроя, уже упомянутый С. Фирин, еще один зам. начальника ОГПУ, Я. Д. Рапопорт, зам. главного инженера С. Я. Жук и перековавшиеся инженеры-вредители Н. А. Френкель и К. А. Вержбицкий. Завершает книгу, как полагается, оглавление с указанием авторов обширных статей, объясняющих читателю, как трудно было прославленным чекистам и канал строить, и людей перевоспитывать.

Проехались на белом пароходе по свежевырытому каналу, прославили труд чекистов и перековавшихся работяг и не заметили убойную каторгу: Лев Славин, Борис Лапин, Михаил Козаков, Виктор Шкловский, Вс. Иванов, Лев Никулин, Евгений Габрилович, Корнелий Зелинский, Бруно Ясенский, Михаил Зощенко, Алексей Толстой...

Какие имена!

Не увидел «гвоздя» с борта парохода и Валентин Катаев, предпочтя прославить наследников Дзержинского. [...]

Этот рассказ Аксенова в газете о том, как он, бывая в России, «*дважды пересек на пароходе провинцию*», заставил вспомнить книжку о путешествии советских писателей по Беломорканалу [...]

Так уж случилось, что книга «Канал имени Сталина» уже много лет прописана у меня на рабочем столе. Она, как петух на шпиле лютеранского собора, постоянно напоминает мне о предательстве, о человеческой слабости и... о неизбывном милосердии.

Жизнь как жизнь

Помнится, мы недоумевали, как же не видели честнейшие интеллектуалы Европы, приезжавшие в Советский Союз, страшной, невиданной в истории трагедии, переживаемой страной, переживаемой народом?

Мы искали щадящие объяснения и не находили.

Вот и сегодня я читаю и не верю своим глазам: «*...И когда я живу в Москве, я не вижу ничего особенного в принципе. Жизнь как жизнь. Не каждый день стреляют на улицах. Ну есть бедные, есть богатые, есть такие, есть сякие. Все как-то идет, ничего, all right*».

Оказывается, мрачные краски в изображении нашей жизни концентрируются прессой, именно она «*создает резко драматизированный образ текущего момента*». Как похоже на цитату из постановления ЦК КПСС!

И правда, стоит ли задумываться над признанием премьера Черномырдина на коллегии МВД (1996) в том, что от 20 до 50% национальной экономики уже контролируется преступным миром и на укрепление преступного мира работает.

Зачем задумываться о причинах страшной бедности, ставшей уделом половины населения?

Гвоздя не видно!

А что видно?

«Огни еще теплятся в родной столице...»

«Друзья не похудели, шмотье на них не обтрепалось. Машины у всех на ходу...»

«Очередей не видно ни в магазинах, ни на бензоколонках...»

«Народ на улице от голода не качается...»

«Пьяных по-прежнему немного...»

Не «немного», а на двадцать семь тысяч меньше, именно такое число зарегистрировано смертей от пущенной в оборот, после отмены госмонополии, самопальной водки.

Качающихся от голода Василий Павлович не увидел, но сведения о голодных обмороках детей в школах, о полуголодном существовании тех же учителей сегодня не надо искать в секретных докладах в ЦК.

Не надо быть врачом по профессии, чтобы знать, чем чреваты последствия недоедания. В нынешнюю эпидемию гриппа Питер дал половину покойников из числа умерших в России. Вот расплата за «не-голод», за сумасшедшие цены на лекарства, за недоедание, за задержки зарплаты, за то, что «такие» играют в казино и не знают, куда деть мошенничеством добытые деньги, а «сякие», с трехсотрублевой пенсией и нищенской зарплатой, играют в ящик.

All right?!

Можно и даже нужно подозревать «медиа» в необъективности. О трех американских пленных в Югославии нам рассказывают чаще и подробней, чем о сотнях убитых, изнасилованных, ограбленных и проданных в рабство жителях Ставропольского края.

...Я ехал на курорт подлечиться. Поезд задержали в Минводах. На вокзале в Пятигорске взрыв. Я видел в больнице изрезанных стеклами людей. Видел девочек с ампутированными ножками... Но еще до похорон погибших пресса и телевидение забыли о них, чтобы не портить настроение перед мексиканским сериалом.

Я бы тоже хотел не видеть «ничего особенного в принципе».

Но если бы я не сел в «скорую помощь», увозившую моего старшего брата, ограбленного и едва не убитого в подъезде своего дома на проспекте Мориса Тореза, едва ли бы он выжил. Преступное отношение к больным в Александровской больнице я видел своими глазами. Безнаказанность гарантирована юридическим покровительством самого высокого начальства! [...] Не знаю, как в «родной столице», а в Питере больные должны брать с собой в больницу постельное белье, лекарства, шприцы.

Впрочем, есть больницы «такие» и «сякие». Но там, где в палатах телевизоры, питание на заказ и охрана в коридоре, — единицы, для остальных — со своим шмотьем и клизмой! All right?!

Кстати, ординарный укол больному с инсультом (приятель лежит) стоит сегодня полторы тысячи рублей, пятнадцать минимальных зарплат.

Да, на улицах стреляют не каждый день.

В моем доме на лестнице избит и ограблен восьмидесятилетний профессор Политехника А. Л. Можевитинов. Зубы у старика были свои! Работал! Зубы выбили... Через полгода заслуженный строитель РСФСР умер...

Мой друг Александр Харкевич, директор киногрупп, Студия научно-популярных фильмов, получил две ножевые раны в живот на проспекте Гагарина в десять вечера. Ранен при попытке оказать сопротивление грабителям.

Племянник, завотделением кардиохирургии одной из крупных питерских клиник, избит в электричке, выкинут без сознания на платформу. Ограблен, разумеется.

Мой многолетний знакомый, электрик «Красной стрелы» Сережа, убит в подъезде своего дома.

Проводник «Красной стрелы» Андреенко, двадцать три года, убит в подъезде своего дома.

Режиссер «Ленфильма», заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии Аян Шахмалиева 27 мая найдена убитой на лестнице своего дома на Кировском проспекте, рядом с «Ленфильмом».

Ни об одном из этих событий резко драматизирующие образ текущего момента «медиа», естественно, не сообщили.

Травят Станкевича и Собчака, об них печалуется сердце писателя, а кто печалится о городе, отданном на раздел бандитам, о стране, о народе, никем не защищенных?

В связи с покушением на моего брата, главного инженера проекта защиты города от наводнений, две тысячи сотрудников Гидропроекта направили мэру Петербурга обращение. Ни ответа, ни привета. Подумали, не дошло. Послали еще раз. И что ж «демократически избранный»? Некогда ему, отстаньте, он строит правовое государство, опять же у Валерия Леонтьева день рождения, Алла Пугачева замуж выходит, надо поспеть, отметиться...

Кто печалится о городе, отданном на раздел бандитам, о стране, о народе, никем не защищенных?

[...] Горе стране, где слова «демократ» и «патриот» стали ругательствами, заметил Солженицын. Отдадим должное не-пойманным-не-ворам, они сделали, что могли, для того чтобы опохабить демократию.

У читателя может возникнуть представление, будто просто я такой невезучий. Кругом «жизнь как жизнь», «ничего, all right», а я ищу одни неприятности. «Машины у всех на ходу», а моего знакомого, вынужденного подрабатывать на своих «Жигулях», самого убили, а машину угнали...

Впрочем, не один я такой. Караулов беседует по телевизору с первым Почетным гражданином нынешнего Санкт-Петербурга, академиком Д. С. Лихачевым. Вопрос Караулова: «Дмитрий Сергеевич, а вам жить не страшно?». Ответ: «Жить не страшно, в подъезд входить страшно».

Нагнетает старик, ох, драматизирует!

Давайте все-таки отвлечемся от взгляда узкого, частного, давайте взглянем пошире. Вот картина, нарисованная статистикой.

Сотрудниками МВД в 1992 году было совершено 229 преступлений.

В 1995 году зафиксировано 1500 преступлений, совершенных сотрудниками МВД. В 1997 году эта цифра поднялась до 10 000.

Ни с борта туристского парохода, ни с тусовочной карусели этого кошмара не видно.

А когда «гвоздя» не видишь, все all right!

Кто агитирует за коммунизм?

Однако не все хорошо там, где теплящиеся огни и необтрепанное шмотье — знак почти что благополучия.

Есть невыплаты зарплаты. Не нашли антикризисной формулы. Президент болеет. Коммунисты наглеют. Беды, несущие страдания миллионам людей, поименованы, как в сводке погоды: там — туман, здесь — снег, где-то дожди... Без комментариев. Впрочем, прокомментирован антисемитизм Макашова. Но как бы с юмором, и как бы с ленцой.

Больной президент. Больная страна. Сердце бывшего доктора бьется ровно? Даже ошеломляющее по наглости и цинизму заявление пресс-секретаря президента Д. Якушкина осталось незамеченным. В день очередной срочной госпитализации президента пресс-секретарь на весь свет объявляет: «*Президент выполняет свои обязанности в полном объеме*». Да он и в пору относительного здоровья уже давно воз не тянет, а тут... С кровоточащей язвой? В процедурном кабинете? Под капельницей?

И что ж это за обязанности, если их можно «в полном объеме» выполнять на больничной койке?

[...] А коммунисты наглеют. Но откуда мы об этом узнаем? У коммунистов нет не только общероссийского канала на ТВ, но нет и получасовой передачи в неделю. Реплики их вождей и функционеров по ТВ строго дозируются и целенаправленно комментируются.

Главный пропагандист и агитатор сегодня — телевидение.

О том, как работало на президента в предвыборную пору свободное, демократическое телевидение, поведала Светлана Сорокина, телерепортер, не заподозренный в симпатиях к «красным».

«*Предвыборную кампанию вспоминаю как сплошной кошмарный сон... Практически не действует Закон о печати. Отношения подковерные, кулуарные, личные и коммерческие определяют всё... В предвыборной кампании шли одни агитки... Людей уже тошнит: день начинается с одного претендента, им же и заканчивается. И нельзя пропустить ни шага, ни слова... Часто спрашивают: чистое ли дело телевидение?.. Дело это довольно грязное, более того, кровавое*»*.

И при такой тотальной обработке мозгов избирателей президент в первом туре побеждает с ерундовым преимуществом. Во втором туре лишь на «крыльях» Лебедя и на несчетных деньгах, притащенных Чубайсом, уходит в отрыв...

А кто же агитировал за коммунистов, как же им удалось собрать чуть не половину голосов?

---

* *Сорокина С.* «Общая газета», 1996, № 31.

За коммунистов агитируют нищета, разруха, беззаконие, небывалый расцвет преступности. Извините за напоминание общеизвестного.

Почему после войны так бурно стала «краснеть» Европа, даже там, где не было советских танков?

Почему в Италии и Франции коммунисты после войны были уже на пороге власти?

«План Маршалла» вырвал Европу из рук коммунистов. Не лозунгами и агитацией, не репрессиями по отношению к коммунистам, не запрещением компартий и сообщением правды о Беломорстрое и Колыме.

План дальновидного генерала поднял Европу из развалин, накормил людей, обеспечил работой, поднял производство, обеспечил сносный и постоянно растущий жизненный уровень, гарантировал личную и общественную безопасность ***большинству***, а не пяти процентам!

Начни Ельцин и удерживающие больного старика у кормила хитрецы выполнять программу подъема жизненного уровня, начни реальную борьбу с преступностью, и никакие коммунисты, баркашовцы-макашовцы и пикнуть бы не посмели. А так приходится пугать 37-м годом, загрязнением среды, будто она сегодня не поганится, искажением всего живого, будто оно сегодня не искажается.

Не заподозришь ни Михаила Шемякина, ни Виктора Астафьева в симпатиях к «красным», но один объявляет: «*Проклинаю тот день, когда поверил Ельцину*»; другой ему вторит: «*Я могу Ельцину сказать в глаза: дурак...*»

У гроба застреленного днем на Невском проспекте вице-губернатора Санкт-Петербурга Михаила Маневича упакованный в бронежилет Чубайс клянется на фене: «Мы их достанем!.. Мы их всех по одному достанем!..»

Но пока «достали» Шемякина, Астафьева, Солженицына и даже одного «*из самых важных писателей страны*» (слова В. Аксенова) Анатолия Рыбакова.

«*Никто не может меня обвинить, что я защищаю советскую власть, старую систему. Я делал все, что в моих силах, для того, чтобы она пала, но я так же считал, что из того положения, которое было в 85-м году, имея власть, можно было выбраться... Путь дикого коррумпированного капитализма, по которому двинули страну, он вообще античеловеческий. Это не путь для России... А страной — наруководили, — да так, что рухнули и производство, и наука, и образование, и культура. Бардак, одним словом*»*.

Так что то, что глазами Аксенова — «все ничего, all right», глазами одного «из самых важных писателей страны» — «бардак».

Никто не оказал борцам с самодержавием большей услуги, чем Николай II, императрица и сокровенный их «друг» Григорий Ефимович Распутин.

Ельцин, Чубайс, Татьяна Дьяченко, Березовский... неужели все повторяется?

---

* *Рыбаков А.* Зарубки на сердце. «Дружба народов», 1999, № 3.

Кризис порождает «красную сыпь», так и надо с кризисом бороться, а не с сыпью. Сыпь сама пройдет, если у людей будет еда, лекарства, безопасность. [...]

Потери и приобретения

[...] С какой удивительной легкостью мы не замечаем, не хотим замечать потери. Почему Европа все время накапливает и накапливает, а у нас на каждом историческом повороте, и неизбежном, и желанном, сплошной разор?

Вот и сам Аксенов, свидетельствуя развал России, озабочен: «*главное — сохранить культуру*». В сохранении и приумножении культуры, быть может, смысл существования нации. [...]

А как ее сохранишь, культуру-то, если ее носителю, интеллигенции, не вчерашними и не завтрашними коммунистами, а сегодняшней властью вынесен смертный приговор? Сегодня русская интеллигенция обречена на вымирание.

Буйная карнавальная жизнь Москвы — не «Титаник» ли с пропоротым брюхом? Для миллионов врачей, учителей, преподавателей вузов, инженерии, образованных военных сегодня одна задача — выжить, спасти детей, семью, близких... И у них нет места в спасительных шлюпках, покачивающихся для избранных на Москве-реке да на Неве.

«*Тусовочный гул Москвы еще долго стоял у меня в ушах*», — с удовольствием поминает писатель визит в Россию, отвергая сомнения в безнравственности московской «карусели»... [...]

Чего же ты хочешь?

Когда-то этот вопрос послужил заголовком пакостному роману Всеволода Анисимовича Кочетова. Но вопрос-то не виноват. И вот я обращаю его к себе как бы от имени утомленного читателя.

Позвольте вас развлечь обширной цитатой из письма моего деда моей бабушке, пребывавшей в ранге невесты в то время, когда дед, полковой врач III Верхнеудинского казачьего полка, воевал с Японией. У меня сохранилось с полсотни дедовских писем, в том числе и с описанием визита офицеров полка к губернатору города Куанчендзы — Чифу.

«*...В третьих воротах нас встретил сам Чифу с офицером-переводчиком. Но только что мы через эти третьи ворота вступили в третий двор, где находился дом Чифу, как у всех настроение испортилось, все пришли в ужас от того, что открылось нашим глазам.*

Перед окнами дома Чифу во дворе стояли орудия пыток, и в них мучились несчастные китайцы-преступники. Во дворе стояли стоны и пять несчастных охали от болей и страданий в ужасных орудиях. С огромными язвами на обнаженных голенях они сидели, привязанные вытянутыми руками на каких-то

станках на морозе в 15°. Язвы, образовавшиеся на коленях от продолжительного стояния, время от времени поливались кипятком, и тогда двор оглашался душераздирающими воплями. Все это мы должны были видеть, сидя в приемной Чифу за столиком с чаем и вином. У всех пропало желание даже пить чай, и мы с трудом выпили по чашке чая и по две рюмки шампанского. Пробыли у Чифу целый час, и хотя разговор о пустяках велся, но большинство было страшно удручено пытками, невольными зрителями которых мы сделались. По словам Чифу — это пытались хунхузы, не сознавшиеся в своих преступлениях и через несколько дней подлежавшие казни. Ах, милая Кароля (так звали мою бабушку. — *М. К.*), *как невыносимо тяжко и противно видеть подобные вещи. Много мне приходилось видеть людских страданий, ужасных страданий, но вместе с этим неразрывно всегда видел участие к этим страждущим, попытки облегчить их. Но тут было что-то ужасное. Несчастные страдали, а их страдания еще больше увеличивали, и зачем? Затем, чтобы через несколько дней срубить головы этим страдальцам. Иногда я испытывал ужас при чтении описаний пыток и казней, но тут впервые испытал такое ужасное, не поддающееся описанию смешанное чувство ужаса, отвращения и сострадания, что меня и сейчас, при одном воспоминании продирает мороз по коже.*

При возвращении мы снова прошли мимо этих несчастных, на которых было больно смотреть, и в то же время не хотелось пройти мимо, как бы не замечая их страданий...»

Вот и писатель, в конечном счете, может не больше, чем русский врач во дворе китайского изверга, хотя бы взглядом дать понять обреченным, что их страдания видят, им со-чувствуют...

Поразили слова деда, любившего точность: «большинство было страшно удручено...». Значит, было и меньшинство, утешавшее себя, надо думать, по-французски. Английский был тогда не в моде.

О хорошем людоеде

Учитель однажды посвятил меня в одну из житейских мудростей.

Когда мы заговорили о людоедах, Учитель сказал: «Людоеды делятся на две категории, на плохих людоедов и на людоедов хороших. Плохие людоеды хотят съесть меня. А хорошие людоеды едят других».

Сегодня в России, слава Богу, не тридцать седьмой год, а всего лишь седьмой год безраздельной власти гаранта Конституции.

Население России убывает на миллион в год.

1999, № 4 (102)

5. АЛЕКСАНДР ПРИВАЛОВ

Мы и наш президент

Карьера Бориса Ельцина близится к концу. Даже если конец ее не настолько близок, как пророчит разнокалиберная политическая шатия, основные ее события и вправду остались, по-видимому, позади, — и пора хотя бы начерно разобраться, каков был ход и смысл этой карьеры. Начерно — потому, что в восприятии нами нашего первого президента нет пока и намека на согласие; не оформились и альтернативные оценки его самого и его деятельности. Не считать же, в самом деле, вариантом оценки еженедельные проклятия в прохановских передовицах, в истерике которых самые несомненные факты кажутся лганьем, или поминутные пожатия плеч разочарованных шестидесятников. [...]

Однако создается впечатление, что как раз в серьезном анализе этой фигуры никто не заинтересован: политикам для их нехитрых нужд хватает двух-трех относящихся к президенту клише, простой публике разговоры о нем давно надоели. Дальше я попытаюсь показать, что это отсутствие интереса, — по крайней мере, отчасти, — диктуется самосохранением: мы если не понимаем, то догадываемся, что, вглядываясь в феномен Ельцина, можем увидеть много невеселого о самих себе. Пока же ограничусь констатацией: все, кто вообще заговаривает на эту тему, склонны без обиняков отнести разбирательства в неопределенное будущее — история, де, вынесет свой приговор.

Чёрта она вынесет. Вынесла ли она свой приговор, например, Наполеону или Ленину? Хочешь считать любого из них величайшим гением — считай; одержимым мясником — и на это у нее нет возражений. История не будет знать о Ельцине ничего сто́ящего, чего не знаем мы, и будет понимать в мотивах его поступков меньше нашего — просто в силу большей временно́й, а значит, и психологической отдаленности. Правда, истории будет известен итог его деятельности. Ну, так это — не главное; и тот же Наполеон, и тот же Ленин кончили достаточно скверно, что не мешает множеству людей их обожествлять. Так что приговора истории ждать не стоит.

Однако совсем не грешно было бы при этом отметить, что Ельцин единогласно сочтен достойным ее суда. И это признание исторического масштаба его личности — никак не банальность. Первый из двух лидеров, при которых изменилась наша страна, потому и вылетел из «процесса», как только тот, по

его же излюбленному выражению, «пошел», что личность его оказалась несоизмеримой с событиями, в изрядной мере им же и спровоцированными. Ельцин же доказал, что событиям *вровень,* — доказал уже тем, что остался в их центре. Он равновелик, — не в оценочном, а в математическом смысле слова, — всему десятилетию драматических перемен, проведенному им на авансцене, поэтому хвалы и хулы ему еще мало, что о нем говорят. Достойным делом было бы прежде всего попытаться его *понять.* Это ведь почти то же самое, что понять эпоху, а в таком начинании даже неудача почетна.

Попробуем.

История легенды

Живая власть для черни ненавистна, — еще ненавистнее ей власть полуживая. У Ельцина всегда было много врагов, сегодня у него почти не осталось друзей. «Дедушка достал» — типичная фраза людей демократических воззрений и капиталистического образа жизни. До такой степени «достал», что стало почти невозможно в приятельском кругу произнести о нем доброе слово — во всяком случае, без саркастического довеска. Он самим своим существованием, каждым появлением на телеэкране порождает столь сильную досаду, что призывы к его уходу ни у кого не вызывают желания возразить, — даже когда исходят из уст опасных или заведомо никчемных людей. [...]

Нет, правда, чем больше всматриваешься в отношение России к своему первому президенту, тем больше недоумеваешь: какое-то оно на редкость невнятное и двойственное. Сказывается недостаток достоверных сведений: ведь сколько лет Ельцин на самом виду, а публика так о нем толком ничего и не знает. Он всегда в плотном ореоле легенд и сплетен. И невнятица, надо думать, проистекает из того, что легенды непрестанно менялись. Давайте припомним по годам, что говорили о Ельцине, попытаемся выделить стрежень в многоводном потоке мнений о нем.

Середина 80-х — наш человек, борец с привилегиями, луч света (второй после Горбачева! единственный настоящий ему помощник!) в темном царстве замшелых коммуняк: поездки по Москве в троллейбусах, триумфальные визиты на заводы и в НИИ, безостановочные увольнения бюрократов низшего разбора под гул одобрения москвичей: так их, гадов...

Конец 80-х — нет, наверное, не второй — первый! Единственный, кто *не даст заболтать Перестройку* (Господи, ведь такие фразы произносились совершенно всерьез!); гонимый тупыми партийцами, ненавидимый Генеральным говоруном за то, что режет ему правду-матку, всенародный любимец: изгнание в Госстрой, таинственное падение с моста, выход из КПСС под телекамерами, межрегиональная депутатская группа...

(Именно тогда Ельцин был на пике, — не успеха, это было еще впереди, но — признания. В нем видели и любили воплощение своих надежд и интеллигенты, и шахтеры. О содержании этих надежд — чуть позже, пока же отметим: только запахло их реализацией — в августе 91-го, — как любовь

удивительно быстро пошла на спад. Теперь многие искренне полагают, что у них ее и не было.)

Начало 90-х — народный герой, победитель осточертевшего коммунизма: стотысячные митинги, скандирующие «Ель-цин! Ель-цин!», триумф на президентских выборах в РСФСР, речь на танке в дни путча, унижение Горбачева — опять-таки перед телекамерами! — требованием публично признать роль компартии в истории с ГКЧП. Затем — гарант демократии и прогрессивных реформ в России, неколебимый оплот против переходящего в контратаку советского начальства.

Однако в те же самые месяцы заговорили уже и совсем другое: хороший, конечно, человек, все еще «наш», — но закваска-то в нем обкомовская. Прорабов Перестройки слушает вполуха, а вскоре и совсем перестанет, окружает себя какими-то тусклыми и даже подозрительными людьми, с Гайдаром совершенно оскандалился (тут надвое: одни ставят в вину Ельцину, что передоверил вожжи этому полоротому, другие — что «сдал» душку-экономиста левым; но крайне недовольны все). Публика еще вполне доверяет своему президенту, — вспомним блестящую его победу на очень непростом референдуме 1993 года, — но потом наступает октябрь и всероссийская любовь кончается.

Расстрел Белого дома наносит ей, по-видимому, непоправимый урон. Хотя пагубность поведения белодомовских сидельцев явлена полной мерой, слухи, сразу склубившиеся вокруг событий (и о тысячах трупов, вывезенных через подземные ходы, и о том, что не случайно почти все снаряды легли в окна одного этажа: жгли компьютерный центр и архив), клонятся большей частью к осуждению Ельцина.

Середина 90-х — неумолимый спад его популярности. Характерно, что чеченская война не вызвала вопроса «как он мог?» — *такого* от него уже ожидали. Молва о нем окончательно раздваивается, оба рукава становятся все более неприязненными. Его винят и в обвале жизненного уровня, и в непоследовательности реформ (Ельцин через несколько лет призна́ет оба обвинения, сказав в интервью: «Мы были одновременно и плохими либералами, и плохими социал-демократами»), — и его рейтинг скатывается к февралю 96-го до жалких 6%. Это после 89% на выборах в народные депутаты СССР и 57% на первых президентских выборах! Слух о том, что президент настолько нездоров, что исполняет свои обязанности чисто формально, становится, несмотря на все опровержения (если не благодаря им), почти общепризнанной очевидностью.

Далее — президентская кампания. Рывок за четыре месяца от 6% до 53% феноменален и прямо свидетельствует о том, что старая любовь не ржавеет. С другой же стороны, слишком заметная часть этого рывка объясняется выбором наименьшего из двух зол: образованная публика только об этом мотиве голосования и говорит. Неадекватность физического состояния президента после страшных кадров его инаугурации уже ни у кого не вызывает сомнений. Одни жалеют его, другие — негодуют. Впрочем, в конце года, когда Ельцина оперируют, подавляющее большинство искренне желает ему выздоровления.

Конец 90-х — Ельцин в общественном мнении сходит на нет. Все громче звучат обвинения в том, что на самом деле он не правит, а служит марионеткой в руках то одного, то другого кукловода. Его спорадические «пробуждения» осуждаются почти безоговорочно. [...]

Итак, за неполных десять лет молва превратила Ельцина из народного героя в бессловесный палисадник, за которым произрастают враги народа; из неостановимого победителя — в необратимо проигравшего, — притом, что никто и не пытается похвалиться одержанной над ним победой...

Воля ваша, как-то все это не слишком убедительно. Что-то тут не так.

Чисто как дети

По мне, тут почти все не так. Я не о том, какова была доля истины в слухах на каждом из перечисленных этапов, — мне, как и большинству сограждан, этого доподлинно знать не дано: не вхожи мы в узкий круг посвященных. Я о том, что мне кажутся очевидными по меньшей мере два возражения против использования этой меняющейся во времени молвы в качестве основы для суждений о Ельцине.

Во-первых, эта молва была воистину народной только в самом начале: когда Ельцин появился в Москве, официозная пропаганда никак его не выделяла среди прочих высоких чинов, а ничего неофициозного тогда не было, — так что все, что о нем говорилось, действительно говорил народ. Когда на кандидата в члены Политбюро разозлился Горбачев, официоз зарычал на полную мощность, но публика, неукоснительно понимающая начальство наоборот, поношения Ельцина трактовала в его пользу. А вот дальше дело пошло иначе.

Про императора Павла сказано, что его историю писали его враги. Случай, к сожалению, не уникальный, — и молву о Ельцине формировали тоже не друзья. Нет, поначалу практически вся интеллигенция (или, если угодно, образованщина), все властители дум взахлеб читающей публики были на стороне Ельцина, — и голоса в его поддержку явно превосходили хулителей и числом, и звучностью. Но потом произошло то, чего никто, по непривычке к более или менее свободной речи, не ждал: поддерживать и защищать своего лидера публицистам надоело. [...] Многие вспомнили о том, что истинный интеллигент должен быть в вечной оппозиции, — да и как об этом не вспомнить, если оппозиционность наконец-то ничем не грозит... Недруги же Ельцина такими нежностями не смущались и свои шарманки крутили без передышки, — и мало-помалу хула становилась все слышней.

Во-вторых, — и это гораздо важнее, — при всех своих поворотах молва исходила из одного и того же, никогда эксплицитно не формулируемого постулата: *Ельцин взялся привести нас к светлому будущему.* Поэтому мы охотно увили бы его лаврами, если бы в оном будущем оказались, но этого нет, — значит, он, и только он, головой ответит нам и за всякое промедление по

дороге к всеобщему блаженству, и уж тем более за всякое ухудшение нашего повседневного бытия.

[...] Мы говорили о надеждах, которые огромная часть советского общества возложила на плечи Ельцина и чуть ли не отождествила с ним. В чем же они заключались? Та их часть, о которой больше всего говорили, — избавление от семидесятилетней коммунистической тирании — неожиданно быстро сбылась. Та их часть, о которой говорили меньше, но тоже вслух, — построение пригодного для жизни общества — пока не сбылась, но она и не могла так быстро сбыться: перефразируя любимую советскую поговорку, строить — не ломать. Почему же Россия в первые же годы своего нового пути оказалась гигантской иллюстрацией к термину *кризис ожиданий!*

Да потому что главная-то надежда была в другом — в том, что вся беда не в нас, а в системе, а потому, как только «КПСС даст порулить», мы — прямо вот такие, какие мы есть, — сразу заживем, как на баснословном Западе. Каждый из нас по отдельности, взрослый человек, понимал, что так не получится. Но все мы вместе — и публицисты, и шахтеры, мы как *общество* — надеялись именно на это, а когда стало окончательно ясно, что этого все-таки не будет, виноватым оказался Ельцин. [...]

Contra

Так что если мы хотим понять Ельцина, нам следует забыть все, что нам о нем говорили (или что мы о нем говорили — это практически одно и то же), и ограничиться рассмотрением того, что мы о нем твердо знаем. Таких знаний немного — всего-то два бесспорных, на мой взгляд, суждения, — но парадоксальным образом из них оказывается возможным извлечь некие, пусть и предварительные выводы. Одно из этих суждений, по распространенной системе отсчета, принято считать негативным, другое — скорее позитивным; вот я и разношу их по главкам «Contra» и «Pro», хотя на самом деле они неразделимы.

Первое и главное, что все мы знаем о Ельцине, — это его неимоверная, не признающая никаких преград воля к власти. Тут нет надобности ни в слухах, ни в показаниях действующих или отставных приближенных: достаточно взглянуть на телеэкран. С трудом двигающийся, с трудом говорящий, тяжело больной человек, — он раз за разом, по-бычьи склоняя голову, повторяет: «Никуда я не уйду!» — какие еще нужны доказательства?

Вероятно, таким он был смолоду: те, кто не хотел — кто не очень хотел — власти, кто не жертвовал этому желанию всем, обком КПСС вряд ли возглавляли. Но секретарей обкомов было много, а о том, что именно свердловчанин жаждет власти неостановимее остальных, страна узнала тогда, когда его попытались этой самой власти — лишить. Не знаю, был ли прав Горбачев, решив, что кандидат в члены Политбюро Ельцин вознамерился копать под его трон; вероятно, был: политики в таких вещах не ошибаются. Как бы то ни было, генсек нанес превентивный удар, до какого отнюдь не всякий карьерист до-

служивался и после которого ни один карьерист до Ельцина на ноги не поднимался. Будь у наказанного воля к власти на обычном обкомовском уровне, то есть вписывайся она хоть в какие-нибудь рамки и стереотипы, не поднялся бы и он. Однако он, как мы знаем, поднялся — и куда выше прежнего.

Когда кто-нибудь напишет толковую биографию Ельцина, главы, описывающие период от генсековского гнева до августа 91-го, будут читаться с тем же безотчетным восторгом, с каким мы в юности читали у Тарле главы о восхождении молодого Бонапарта. Как уж ты там ни относишься к заранее тебе известному будущему удачливого персонажа да и к нему самому, ты начинаешь за него болеть, ты ликуешь от того, как ему удается невозможное, как он, не имея, кажется, ни единого козыря, одну за другой бьет все карты противника, какой небывалой гиперболой взвивается его судьба. Как Бонапарт не должен был вернуться живым из Италии и Египта, так Ельцин не должен был победить. Но ведь победил, и сравнение — вовсе не такое натянутое, каким может показаться: сила его оппонентов была никак не меньше эскадры адмирала Нельсона.

На то, чтобы «не пустить в политику» снятого с МГК Ельцина, Горбачев направил всю мощь огромного государственного аппарата, — правда, без репрессий. Но, во-первых, и без репрессий рычагов хватало: и печать, тогда еще надежно цензуруемая, и полный контроль над положением всякого смельчака, который решился бы помочь опальному вельможе, — да мало ли что еще... Во-вторых же, иные (кого бы вспомнить? — да хоть Гришина, хоть Кунаева) тоже вылетели из политики без репрессий, — кто из них в нее вернулся? Ельцин вернулся.

На то, чтобы предотвратить избрание Ельцина в президенты РСФСР, Горбачев, уже вполне оценивший силу соперника, к усилиям своих бесчисленных подчиненных присоединил и собственный, очень недюжинный дар политической интриги, и собственный, весьма еще немалый авторитет. Ельцин выиграл выборы в первом туре.

У меня нет сомнений, что основа этих побед — его немыслимая воля к власти. Что иное могло помочь ему? Разумеется, можно сказать, что к победе его вынес общественный подъем, но это псевдоответ: подъем мог вынести наверх и другого — мало ли было желающих! Так чем же взял Ельцин? Более точный расчет? Но, глядя из наших дней, трудно не признать: никто из действовавших тогда лиц не располагал ничем, что стоило бы называть расчетом. Более гибкое мировоззрение? Лучшее образование? Но образование гораздо лучшим было как раз у Горбачева; что же до мировоззрения, тут стоит разобраться.

В 1992 году добрые люди выпустили по горячим следам книжку «Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния»; этот сборник документов (стенограммы, интервью, статьи 1986—1991 годов) весьма поучителен. Ясно, что к началу событий мировоззрения обоих протагонистов были практически неразличимы. Гипотеза о том, что у кого-либо из них за этой позднекоммунистической трескотней таились некие глубоко скрываемые убеждения, не должна, полагаю, и произноситься. [...]

Голову даю на отсечение — не возьмись система выкидывать Ельцина из власти, он еще долго оставался бы при убеждениях, общих со всей партийной верхушкой: крайний, нескрываемо циничный прагматизм, туго зашнурованный социалистическими табу, которые за время застоя были малость ошкурены, но по содержанию оставались вполне сталинскими. Не получи он по шапке от генсека — тоже продолжал бы упоенно зудеть о социалистическом выборе, от которого ни за что на свете нельзя отказываться. (Простое, хотя и косвенное тому доказательство: его внешняя политика остается — увы, естественным преемником позднесоветской имперской немощи.) Но система отшвырнула его на обочину. В рамках принятых в ней правил игры — прежде всего в рамках принятых в ней табу, надежно и со всех сторон ограждающих власть партийной верхушки, — вернуться к власти было заведомо невозможно. И Ельцин вышел из этих рамок, начав открыто и агрессивно брать на вооружение все более разрушительные для системы тезисы.

А брать было что. Знаменитая *гласность,* раскручивавшаяся уже помимо воли своего инициатора, вовлекала в оборот и делала остро модными все новые и новые, с каждым разом все более откровенные антикоммунистические идеи. К 90-му году не было угла, на котором не толковали, что во всем виноваты коммунисты («до чего страну довели!»), но толкующие таким образом люди не ощущали себя силой, способной что-либо всерьез изменить. Не ощущались такой силой и проводники новых идей — фантастически популярные публицисты, ученые, художники, депутаты. Их слушали, раскрыв рот, их носили на руках, но им не верили — в том смысле, что не верили в возможность реальных последствий всех их разговоров. Ельцину же поверили безоговорочно: те говорят, а *этот* — сделает. Да, он ничего не придумал сам, он повторял то же, что раньше (и нередко лучше) говорили его соратники по межрегиональной группе, но звучало это совершенно иначе. Все искреннее презирая КПСС, народ продолжал неосознанно считать, что ремеслом реальной власти владеет в стране только она, — и ретранслирующий антикоммунистические идеи, источающий властность экс-кандидат в Политбюро Ельцин оказался неотразимым. И вслед за митингами, которые, как ни крути, все же были только выпуском пара, начались забастовки, прямо ориентированные на Ельцина. Как говорят спортивные комментаторы, «остальное вы видели».

Вы скажете: чтобы так быстро и безошибочно оседлать ранее несвойственные тебе идеи и с их помощью получить поддержку народа, нужен талант, — так ведь о том я и говорю. Талантом Ельцина и была его небывалая воля к власти. Чтобы удовлетворить ее, потребовалось стать эвентуальным гением, — и Ельцин им стал*.

---

* Чего стоит хотя бы безошибочность, с которой Ельцин определил самое слабое звено в советской властной системе — Верховный совет РСФСР: по всеобщей молчаливой договоренности это была тупиковая контора, лишенная всяких реальных полномочий. Но стоило Ельцину эту договоренность нарушить, — и посыпалась вся конструкция Союза.

И конечно, такое перенапряжение необычного таланта не могло пройти даром. Начиная с этого триумфа Ельцин с болезненной подозрительностью относится к каждому, в ком хоть на минуту заподозрит намерение отнять у него власть. [...] Ельцин не раз давал своим соратникам огромные куски власти, но именно *давал* — как бы на подержание. Стоило получателю забыться и обнаружить признаки привычки к своему временному имуществу, как следовал удар медвежьей лапы — и горделивец летел прочь, а отечественные и зарубежные аналитики с каким-то малопонятным восторгом олухов заводили очередную песнь о не знающей аналогов ельцинской *непредсказуемости*. [...]

Этот мотив в поведении Ельцина общеизвестен; более того, в последние годы никакого иного мотива за ним, по существу, не признают. И если бы властолюбие действительно было *единственным* стержнем этого человека, приговор ему был бы очевиден — и уничтожающ. Однако мы не зря так забавно колеблемся, выводя итоговую оценку своему президенту. В нем было — и есть! — еще кое-что очень существенное.

Pro

Второе, что мы твердо знали и знаем о Ельцине, — в нем практически без сбоев работает жестко встроенный механизм, не позволяющий ему ни сделать, ни спустить другим и единого шага к тем базовым инструментам, которые семьдесят лет обеспечивали незыблемость коммунистического государства. В сущности, это единственное, что президент делал и делает *сам:* он защищает и от врагов, и от соратников так называемые демократические ценности. Точнее говоря, две из них: свободу волеизъявления и свободу слова, — но этих двух и достаточно для того, чтобы возврат былого стал невозможен.

Происхождение этого редкостного механизма можно, вероятно, объяснять по-разному. Мне корень его видится в том, что Ельцин — кровный враг породившей его общественно-политической системы. Для него нелюбовь к коммунистическим порядкам не есть лишь плод размышлений и наблюдений; она базируется еще и на несмываемом оскорблении, которое система ему, способнейшему своему воспитаннику, нанесла, — а потому она не столько рациональна, сколько рефлекторна. [...] Он — фанатик антикоммунизма. Над этим, если угодно, можно иронизировать, но отрицать это невозможно; а глубокая и не маскируемая нелюбовь главы государства к чему или кому бы то ни было — серьезный политический фактор.

Может, впрочем, показаться, что это свойство президента не слишком сильно отразилось на ходе российских дел. При всем обилии новых политических институтов, коренные основы власти в России не так уж существенно изменились по сравнению с советскими временами. Но значит ли это, что Ельцин не смог или не захотел дать волю своей идиосинкразии?

Полагаю, вовсе не значит. Большинство его действий, — во всяком случае, запомнившихся действий, — могут быть так или иначе сведены именно к ельцинскому категорическому императиву: свобода слова и волеизъявле-

ния. Так, как было при коммунистах, при нем не будет! [...] И это принесло результаты.

Вот мы только что говорили: система нынешней власти очень напоминает советскую. В самом деле, обкомов нет, но есть губернаторы, — и «найти десять различий» удастся не каждому. На некотором градусе политического раздражения можно продолжить: ЦК нет, но есть администрация президента, — хотя тут важные различия уже бросаются в глаза. А вот сказать: генсека нет, но есть президент, — невозможно; всякий, кто хоть день прожил при «дорогом Леониде Ильиче» или даже при «архитекторе перестройки», прекрасно чувствует разницу. Единственной причиной непохожести вершин у похожих пирамид и оказался этот ельцинский императив.

В 91-м году он мог не сметать союзную власть, разроняв при этом треть территории государства (и две трети реальных рычагов управления тем, что осталось), а войти в нее победителем. Властолюбие его, надо полагать, удовлетворилось бы даже полнее: как-никак реванш был бы одержан на поле противника; но с базовыми ценностями пришлось бы сильно повременить, — и Ельцин подписывает Беловежские соглашения. В 93-м, когда противостояние властей поставило страну перед казалось бы очевидным выбором: хаос или диктатура, — он мог по вполне уважительным причинам избрать диктатуру — и получил бы поддержку большинства. Но, разогнав парламент и танковой пальбой добившись его капитуляции, Ельцин немедленно проводит выборы — действительно свободные, по их исходу видно, как мало он использовал свои неограниченные полномочия для серьезного влияния на них; он заставляет страну принять Конституцию, безусловно гарантирующую базовые свободы. В обоих случаях наличие в действиях Ельцина холодного расчета столь неочевидно, что поневоле признаешь его поступки рефлекторными.

Отметим, кстати, что в обоих случаях наш герой подвергся сильнейшим и, полагаю, не вполне обоснованным поношениям. Что касается Конституции, например, то общим местом стало позорное для него утверждение, что он навязал стране основной закон, изготовленный именно по его мерке, дающий ему недопустимо широкие полномочия. Да, конституция вышла не ахти, президентские полномочия в ней действительно несуразно раздуты, — и по должности отвечает за все это, конечно, Ельцин. Но его действия нетрудно понять.

К тому времени (как и теперь) единственным институтом в стране, несовместимым с коммунистическим реваншем, было президентство. Все прочие, как показал ход событий, были либо анекдотически слабы, либо явно подвержены риску захвата оппонентами. Отсюда — акцент на президентскую республику. А что реализован он бестолково, так назовите знатоков государственного права, способных быстро написать толковую конституцию для страны, где ничего еще и не начало укладываться после краха предыдущего режима. [...]

С Беловежскими соглашениями Ельцин гораздо уязвимее: он просто позволил Кравчуку себя надуть, совершив ряд грубых ошибок. Но, хотя части

их, по-видимому, можно было избежать, это едва ли что-нибудь изменило бы: у становящегося режима объективно не хватало сил, чтобы предотвратить или пресечь немедленное нарушение данных контрагентами обещаний (напомню: соглашения подразумевали и единую валюту, и единую армию, являясь, по букве, не такой уж далекой вариацией горбачевского «обновленного Союза»).

И уж только диктатом «встроенного механизма» можно объяснить отчаянное решение 96-го года, когда больной и растерявший популярность Ельцин решил переизбираться. Основательность его веры в то, что никто другой на его месте не оградит страну от коммунистического реванша, может, конечно, оспариваться, — хотя разумной альтернативы я, кажется, не слышал; но выводы, сделанные им из этой веры, говорят о нечастой здесь и сейчас цельности. Да, свободное волеизъявление могло погубить его самого и дело его жизни, но запрет свободного волеизъявления оказался для него внутренне невозможен. [...]

В последний раз, когда Ельцин явил свою непредсказуемость, без видимого повода уволив сверхпопулярного Примакова, все не без оснований увидели в этом ревность старого властолюбца; по-моему, не менее важным тут был второй мотив. Под умелым руководством консенсусного премьера страна склонялась к тому, чтобы сформулировать проблему выбора пути как выбора между свободой и стабильностью; причем стабильность на глазах приобретала советскую окраску, а результат выбора казался все более предрешенным. Встроенный в президента механизм не мог не сработать.

Нельзя однако не заметить, что с каждым годом Ельцину все труднее следовать своему императиву. Он принуждает его быть публичным политиком, а это занятие — помимо специфических талантов, в полной мере проявленных Ельциным на подъеме, — требует и сил, которых у президента уже просто нет. Львиная доля раздражения, вызываемого им у широкой публики, как раз и проистекает из вопиющей беспомощности его публичных выступлений. Между тем, его основная роль не в них, а в безошибочной — девяносто девять раз из ста — рефлекторной реакции на отступления от базовых принципов. При большей степени общественного согласия он мог бы играть эту роль, и не вылезая на телеэкраны, — хотя при большем общественном согласии и сама эта роль была бы не так жизненно важна. [...]

Кого браните?

Вооруженный — или отягченный — своими двумя императивами, Ельцин довел до совершенства издавна принятое у нас представление о том, что есть и что не есть *царское дело*. За второй срок своего правления президент, кажется, ни разу не дал повода заподозрить себя в том, что занимается каким бы то ни было нецарским делом: он заботился исключительно о власти как таковой и о, скажем, некоммунистичности власти, — ничем другим он после перевыборов себя не утрудил, да, похоже, и до них утруждал нечасто.

Вообще говоря, это правильно: каждый должен возделывать свой сад. И если правда, что дряхлый тоталитаризм в России на первых порах не мог быть сменен ничем, кроме какого-нибудь аналога просвещенной монархии — из-за полного отсутствия укорененной в головах людей ответственности за самих себя, без которой самые разнаидемократические процедуры превращаются в опасный балаган, — то Ельцин и должен был сознавать себя царем и вести себя как царь. Однако невеселое течение дел в державе показывает, что либо Ельцин царские дела делает не совсем удачно, либо набор царских дел, как он их понимает, оказался здесь и сейчас недостаточным. И то, и другое, на мой взгляд, отчасти справедливо, но может быть объяснено.

В 1991 году, возглавив независимую Россию, Ельцин не мог не обнаружить, что приобретенные им прежде навыки не то чтобы бесполезны, — без них он не удержался бы наверху,— но катастрофически недостаточны для проведения всеобъемлющих реформ, которые просто нельзя было долее откладывать. Нужны были экономические и социальные познания, гораздо более конкретные, чем сопровождавшая развал советской власти перестроечная болтовня, а этих познаний не было ни у него самого, ни у окружавших его людей. Даже самое виртуозное исполнение «царских дел» этой недостачи не покрывало, а ответственность за это неизбежно ложилась на Ельцина.

То, что Ельцин, не будучи, например, профессиональным экономистом, не взялся рулить экономикой (не царское это дело!), — правильно. Но то, что он не сумел сколотить и поддержать дееспособную команду экономистов — или не снизошел до такой докучной повседневности, — его прямая вина. То, что Ельцин, понимая неизбежность грязной пены на волнах такого масштаба, не кидался по каждому поводу «не пущать», что не поддался соблазну завинтить гайки, — правильно. Но то, что он продолжал со спокойствием небожителя поговаривать о борьбе с коррупцией, когда казнокрадство стало главным ремеслом в стране, — его прямая вина. То, что Ельцин не опускался до игр в одной песочнице с бесчисленными «диванными партиями», — правильно. Но то, что он...

Так, впрочем, можно рассуждать до бесконечности, — если никто не возражает. Но за контраргументами далеко ходить не надо: да, он не смог сколотить дееспособное правительство, — а из кого? Было бы у него в 91-м году под рукой десятка полтора Чубайсов (да не таких, как тогдашний Чубайс — востроносый зампред Ленгорисполкома, а таких, как нынешний — свирепый и цепкий битый профи), можно бы с него спрашивать; а так — кто был в наличии? Гайдары да авены — и лобовы да скоковы: либо некоторые знания, но никакого опыта (да и знания-то смутные, приобретенные урывками параллельно с деланием советской карьеры) — либо некоторый опыт, но никакого знания (да и опыт-то ограниченного применения — весь из прежнего мира). Вот и сколачивай...

[...] Борис Ельцин как личность — неподходящая мишень для шпилек, ибо это фигура вполне трагическая. Как сказал один мой коллега, он был из

того дерева, из которого делают королей*, — и за считанные годы обратился почти в труху. Он не может не видеть, что его многолетние труды привели к нестойкому и сомнительному результату, отчего ценность самих трудов оказалась под сомнением. Он не может не знать, что силы его на исходе, — и что сто́ит им окончательно иссякнуть, как его сожрут — и, возможно, вместе с делом его жизни. Наконец, он не может не ощущать горчайшего одиночества. В газетах писали, будто, вызвав Примакова для объявления об отставке, он быстро расчувствовался, заплакал, стал говорить, что он совсем один, — верю, так вполне могло быть.

Что же касается Ельцина как лица политического, я убежден в том, что он, — как и Горбачев до него, — был совершенно необходим и на редкость, чудесным образом, уместен в СССР—России в нужный исторический момент. К ним обоим можно относиться как угодно, — некогда и того, и другого любили, сегодня принято их не любить, — но нельзя игнорировать логику событий. Если не оставлять попыток представить себе переход России из коммунистической казармы во что-нибудь приличное, оба их правления следует признать единственно возможными вариантами более или менее быстрого прохождения начала этого пути, его первого и второго этапов, — и надо сказать судьбе спасибо за то, что они были. Обсуждать же изъяны явления, которое признаешь единственно возможным, — образцово пустое занятие. Какой смысл пенять Горбачеву, что у него не было ясных реформаторских представлений и он не проводил реформы жестко и последовательно, используя унаследованную неограниченную власть генсека? Ведь если бы он был способен приобрести такие представления, то до генсека бы не дослужился. То же и с Ельциным: если бы он умел — кроме того, что умел, — еще и организовывать «команды реформаторов», еще и различать допустимые и недопустимые методы и средства, еще и по-человечески обращаться с людьми, то не сделал бы необходимой предварительной карьеры при «реальном социализме» и не вывернулся бы из политического небытия при Горбачеве.

И сегодня, когда состояние умов и нравов таково, что качества первого лица все еще играют исключительную роль, волновать должны не «непредсказуемые пробуждения» Ельцина, не сбои в логике его поступков, а явное отсутствие третьего члена эстафеты — человека, понимающего и умеющего больше, чем Ельцин, способного выработать стратегию там, где Ельцин действовал рефлекторно, — и сумевшего при этом набрать достаточно сил и веса. Президент будет «держать площадку» еще от силы год. Если за это время приемлемой кандидатуры на эту роль не появится, — точнее говоря, если появившееся за годы реформ множество людей, кровно заинтересованных в долгосрочном развитии России, не найдет приемлемой кандидатуры, — придется признать, что чудесные появления прервались и дело с трансформацией России затягивается...

---

* «Дерево, из которого делают королей» - название пьесы Генрика Ибсена (*ред*).

Кто будет в этом больше виноват — наш президент или мы, каждый сможет рассудить по собственному вкусу. Характерно, что ни то, ни другое решение нимало не повлияет на развитие событий.

По инерции

Возвращаясь к ожидаемому приговору истории, признаем, что шансы нашего героя на прославление — почти вне зависимости от его личных вин и заслуг — очень невелики: его имя будет ассоциироваться с временем упадка.

В начале и в конце истекающего века Россия пережила перевороты, изменившие жизнь страны до самых основ. Оба раза поразительный, не вмещающийся в человеческий рассудок масштаб событий сам по себе порождал надежды на небывало прекрасную и одухотворенную жизнь. [...]

[В результате первого из этих переворотов] при всей губительности новой власти, при всей кровавости антиотбора, почти безошибочно выкашивавшего лучших, при всем мракобесии вбитой в головы идеологии — страна несколько десятилетий шла вверх (здесь необходимы многочисленные оговорки; надеюсь, что они очевидны). Разгадка этого феномена, на мой взгляд, проста: революция постигла Россию на мощном подъеме, — Серебряный век был далеко не единственным, да и не главным его проявлением — и набранной инерции не погасила даже гражданская война. Больно думать, чего могла достичь Россия, если бы этот подъем не оседлали большевики, но и с ними сделано многое, — вот имя Ленина и связано в памяти множества людей с тем самым подъемом, который он так деятельно губил.

В начале 90-х энтузиазм, как все мы помним, тоже был велик; [...] но как же скоро это сменилось разочарованностью и апатией! Причина тому (мы уже говорили об этом) не в ошибках и нелепостях, наделанных новой властью, — они никак не пара мясорубке первых лет большевизма. Просто события застали страну на спаде. Степень деморализации и развращенности, к которой привел так называемый застой, еще не осознана в полной мере, — инерция спада была непреодолима. Тут хоть не межеумочный ГКЧП ознаменуй конец эпохи, а архангел в трубы вострубы, — быстрого подъема начаться не могло. Напротив, спад, дотоле как-то сдерживавшийся ржавыми устоями власти и скрытый от глаз, неимоверно ускорился, целые пласты жизни подверглись зримому разложению. Воодушевление частью угасло, частью перешло в энергию грабежа. Годного для возрождения России запаса энтузиазма, по-видимому, не осталось.

Подчеркну — *по-видимому.* На самом деле, к счастью, апатия и мародерство охватили не всех. С каждым годом, с каждым днем в России обнаруживается все больше людей, каких прежняя власть отнюдь не жаловала, — людей, мыслящих самостоятельно, стоящих на собственных ногах, реально и ответственно подходящих к своему — частному! — делу и постепенно начинающих осознавать это дело как дело общее. Уже сегодня таких людей многое множество на вторых и третьих этажах политических и деловых

иерархий, но приходится признать: сложившийся в стране режим их тоже не считает вполне своими и на первых ролях они покуда почти не появляются. Нет их и рядом с Ельциным: у него несовместима с ними даже не идеология, — они большей частью сознательно внеидеологичны, — а просто манера жить. Ему нужна личная преданность, им дорога́ независимость; он требует верноподданнических отношений, они привыкли к отношениям сотрудничества; он мыслит и действует в жестких терминах власти, они — в гибких терминах эффективности и конкретности. Словом, даже представить себе этих людей в свите президента, дирижирующего «Калинкой», не так-то просто: это представители разных эпох.

Снова и снова: не в осуждение Ельцину я все это говорю. Он таков, каков есть — и каким должен был быть, чтобы сыграть свою роль. Чтобы сломать (не демонтировать: при демонтаже остаются пригодные для дальнейшего использования детали, — а именно вдребезги сломать) систему коммунистической власти, и нужен был человек, насквозь однородный с этой системой, а потому безошибочно чувствующий ее по опыту прежнего родства — и во всю силу прежнего родства ее ненавидящий. Следовательно, родовые черты системы, не исчезающие при перемене отношения к ней с плюса на минус, неизбежно должны были остаться — и в нем, и в делах его. Возникшая за годы ельцинского правления новая российская власть так же чужда творчеству и пронизана равнодушием, как и сломанная Ельциным старая. К счастью, новая система уже не спаяна страхом, — и это, хотя страх сменился алчностью, оставляет надежду на возрождение страны. Именно только надежду: спад, под действием которого развалился «реальный социализм», победить покуда не удалось; он все еще продолжается — и, на иной взгляд, пуще прежнего.

Надежда же на поворот к лучшему и связана с теми новыми для России людьми, которым Ельцин, оставаясь для них чужим, *разрешил,* дал возможность появиться. Выйти на первый план и начать определять ход событий в стране им очень нелегко, — никакая система не любит пропускать наверх чужаков. Однако я почти убежден: если не случится срыва, вскоре они появятся не только на вторых, но и на первых ролях, причем для этого не потребуется никакая смута. Ведь, если отвлечься от подробностей, возможны всего два варианта. Нынешняя властная и деловая элита настолько очевидно неэффективна, настолько быстро *проедает сук, на котором сидит,* что вскоре ей придется выбирать. Либо она согласится, самосохранения ради, потесниться и допустить к кормилу новых людей, людей ответственных и творческих, занятых не дележкой, а созиданием, — либо отреагирует на катастрофическое уменьшение делимого пирога попыткой вновь создать систему страха.

Здесь, по-видимому, не место обсуждать вероятность и предпосылки обоих вариантов. Замечу только, что ключевой вопрос здесь один: успевают ли эти столько раз помянутые — ответственные и независимые — люди осознать и проявить себя как более или менее единую силу. Ответ на этот

вопрос в значительной, если не решающей мере прояснится за оставшийся год ельцинского президентства. Если успевают, их приход к власти неостановим, — вот тогда-то и начнется эпоха подъема; и если по достоинству оценить скорость, с которой Россия — в этих, лучших своих людях — проходила и прошла тотальную смену ориентиров, можно ожидать, что эпоха эта станет чудом, затмевающим и немецкое, и японское.

Но, — считайте это хоть справедливостью, хоть неблагодарностью, — эта эпоха уже не будет связана с именем Бориса Ельцина.

1999, № 2 (100)

III. РОССИЯ ПРИ ПУТИНЕ И МЕДВЕДЕВЕ

1. МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИОСОФСКИХ ЧТЕНИЙ

«Россия при Путине — куда же ты?»

*РГГУ. Декабрь 2000 — апрель 2001 гг.**

1а. Выступления Ю. Левады, И. Виноградова, Г. Явлинского, С. Ковалева, С. Доренко

Юрий Левада

ВЦИОМ наблюдает состояние общественного мнения в стране больше десятка лет. Мне кажется, что мы сумели рассмотреть три, так сказать, агрегатных состояния нашего общественного мнения.

Одно — это позитивное возбуждение периода 1988 – 1989, отчасти продолжавшееся до 1991 года. Это — ожидание перемен, надежда на то, что времена круто изменились. Я недавно перечитывал работы А. Д. Сахарова этого времени и обратил внимание на такую характеристику происходящего: «политическое пробуждение народа». Я бы сказал осторожнее: это было не пробуждение, а возбуждение. Для того чтобы было, чему пробудиться, должны были быть сформированы те составные части, те движущие силы, те организованные структуры, которые могли бы пробудиться. А их не было тогда, и результаты этого мы имеем случай наблюдать.

После этого периода возбуждения наступил период разочарования. Мы заметили его примерно с 1993 – 1994 гг. Выражается это в недоверии к власти, к тому, что она может сделать, и во все более распространенных представлениях о том, что лучше было до того, как все начиналось, т. е. до 1985 года. В это время формируется «зеркало обратной перспективы»: чем дальше от нашего времени, тем будто бы было лучше. В результате в структуре общественного мнения действуют два вида отношений: выдуманное прошлое и постоянно выдумываемое внешнее окружение. Одно зеркало показывает, что раньше было хорошо и не надо было трогать, а другое — что

---

* Материалы чтений были опубликованы двумя выпусками — в 108 и 109-м номерах «Континента». Второй выпуск вышел в формате краткого обзора выступлений, не отраженных в первом выпуске.

мы окружены недругами, которые только и думают, как нас обидеть. Будущего времени эта конструкция не имеет. [...]

Третья фаза, или третье состояние общественного мнения, — это мобилизационное, искусственное, а иногда и совершенно искусственное возбуждение, притом, как правило, возбуждение «против» кого-то и чего-то (мы сейчас стали называть это состояние терминами *негативная мобилизация, негативная идентификация*): против внешних сил, против тех, которые поставили нас в униженное положение, и т. д. Это довольно старое и довольно привычное наше состояние.

Мы видели два пика искусственной мобилизации общества в последние годы. Один из них — это 1996 год, ситуация почти отчаянных президентских выборов. Вы помните, что в начале того года казалось совершенно невероятным, что Ельцина, потерявшего доверие населения, можно избрать на новый срок. Оказалось, что при больших усилиях это возможно. [...] это был процесс политической мобилизации «против» — против возможности победы коммунистов, которая казалась одно время почти реальной. Противостояние было раздуто искусственно. Победа была достигнута ценой очень тяжелой, в том числе ценой полной потери связи между тогдашней президентской командой и обществом. И уже через несколько месяцев оказалось, что настроение изменилось, искусственный мобилизационный подъем прекратился, и к концу 1996 года мы получаем мнение большинства: зря выбрали.

А второй случай мобилизационного состояния общественного мнения мы видели с осени 1999 года, с появлением В. В. Путина на нашем политическом подиуме, а вместе с тем новой войны в Чечне и новых выборов. Мало кому известный человек взлетел на очень высокие ступени показателей общественной поддержки и доверия, непопулярная война превратилась в сверхпопулярную, в обществе появилась надежда на то, что новый лидер решит проблемы страны. Эта мобилизация общественного мнения проходила по всем канонам таких процессов: нужен был противник, нужны были жертвы, нужно было доверие, нужны были огромные ожидания, связанные с этим, — все это действительно было.

Мы в итоге оказались в парадоксальной ситуации, которая вряд ли в каких-то иных странах еще возможна: лидер, сохраняющий очень высокие позиции в общественном мнении при нарастающем критическом отношении этого самого общественного мнения к тому, что он делал и делает. Но этот парадокс разрешим, во-первых, потому, что высокие надежды в России и раньше, и теперь связывают не с результатом, а с образом лидера. Во-вторых, потому что у нас, в некотором соответствии с нашей исторической традицией, возникла ситуация безальтернативного лидера, не имеющего ни конкурентов, ни серьезных критиков. И другой фактор действует: поскольку президент пришел к власти без программы, то это позволяет всем политическим силам вкладывать собственное содержание в ответ на вопрос, что такое президент Путин и куда он может привести страну. Надежды на него имеют и левые и правые, и патриоты, и западники, и консерваторы, —

почти все, кроме самых крайних. Это одно из объяснений, почему у нас ни в политике, ни в общественном мнении резкого противостояния нет.

Но и период второй за эти годы мобилизации уходит в прошлое, потому что держаться в радостном, взволнованном, агрессивном, каком угодно возбуждении ни человек, ни общество долго не могут.

Далее — проблема политического разнообразия, плюрализма. Хотя партийная система у нас существует, но, с другой стороны, вроде бы ее и нет, потому что особой разницы между позициями нет, борьбы жестокой нет. По убеждению большинства наших респондентов, Дума вообще является инструментом в руках администрации президента и обычно делает то, что ей скажут. Можно к этому добавить поколенческий кризис: люди десять или пятнадцать лет назад пришедшие в активную общественную жизнь, так или иначе свой политический ресурс выработали и ушли в другие области, а нормальной смены элит нет.

Теперь второй вопрос: чего наше общественное мнение сейчас хочет? Заметим, что мы ведь живем в ситуации как будто формально деидеологизированной. Чуть меньше десяти лет назад поменялись флажки на башнях, эмблемы, перестали ссылаться на классовую непримиримость, на борьбу социализма с капитализмом и прочее. А между тем противостояние со всем миром как было, так и осталось. Его иначе называют, говорят, что это не классовая противоположность, а просто Россию никогда не любили и сейчас не любят, такая она у нас особенная.

Когда мы сравниваем последние данные с теми, что были раньше, то видим, что если в 1989-м большинство считало, что мы должны преодолеть свое отставание от передовых стран, то уже через пять лет, в 1994-м, а потом в 1999-м, 2000-м году большинство склоняется к тому, что мы должны идти «своим путем». И вот эту идею особого пути, которую еще Ельцин стал использовать, время от времени повторяют и сегодня политические и идейные лидеры страны, она очень легко подхватывается людьми, потому что это утешительно. Утешение состоит в том, что нам не нужно с кем-либо сравниваться, не нужно напрягаться, догонять — достаточно признать, что мы просто «иные». Но раз мы иные, то здесь возникает система самооправдания — самооправдания в том, что мы лучше, мы выше, ну пусть у нас не такие производство и уровень жизни, зато у нас нравственность, зато у нас устои, хотя и расшатанные и т. д. Рождается, или, точнее, укрепляется, очень традиционная мифология российского, советского и постсоветского изоляционизма. На самом деле это выражение комплекса неполноценности, оправдание своей отсталости и своего нежелания активно действовать. [...]

На самом деле та же идеология работает, только без украшений «классового» типа. Вроде бы советское тоталитарное прошлое отринули, а вместе с тем и в народе, и в верхних его политических слоях живет представление о том, как оно было хорошо. Главное достоинство, по данным многократных опросов, состоит в том, что ситуация была предсказуема: завтра будет то, что вчера, свое будущее всем ясно, и работа, и символика — все было ясно,

тем более, что у нас до какого-то периода сохранялся экстенсивный экономический рост, да и рост уровня жизни до 1970-х годов был достаточно явным еще. [...]

И поэтому сейчас главной надеждой оказывается порядок. Сейчас, например, 75 – 80% населения говорят, что важнее всего порядок, и только жалких 13 – 15% скажут, что демократия все-таки важнее. Но это не означает ничего, кроме отражения достаточно беспорядочной нынешней ситуации. А отсутствие порядка не нравится никому: и тем, кто доходы получает, и тем, кто заработок хочет иметь, и тем, кто пенсию должен иметь, и поэтому эта проблема выталкивается на первый план.

Иногда говорят, что вот люди стали мечтать о порядке, и поэтому пришла такая власть, как сегодня. Но смена типа и механизма властвования — это не результат нажима «снизу», это результат разложения той политической структуры, которая у нас десять лет назад стала складываться, но так и не сложилась. Все признаки демократии, которые у нас появились, остались в незрелом, а поэтому очень опасном состоянии: незрелый организм легче всего болеет, это все знают. [...]

Ситуация кажется сейчас как будто очень стабильной, так как сохраняются высокие показатели оценок президента, надежд на него. На этом как будто держится самая верхушка нашей политической пирамиды в общественном мнении. Все остальное выглядит гораздо хуже. Деятельность правительства оценивают раза в полтора хуже, а когда мы спрашиваем, сможет ли правительство вывести страну из кризиса, большинство отвечает: не сможет. Когда мы спрашиваем о том, как у нас изменилось положение в стране после избрания нового президента, больше ли стало порядка, лучше ли стали дела в экономике, увеличилось ли благосостояние людей, защита прав человека, демократия, как положение в Чечне, то за год все в минусе, т. е. все стало хуже. Единственное позитивное изменение, ощущаемое людьми, — это повышение пенсий.

И последний вопрос, о котором я хочу сказать два слова: и сейчас имеются признаки того, что общественное мнение остается довольно важным фактором. Я не хочу сказать, что это всегда фактор положительный. Мы ведь впервые имеем дело с самым «социологическим» президентом в нашей не очень длинной истории. Ведь Путин сначала был избран общественным мнением, с подачи Ельцина, а уже потом избран на должность голосованием. И это противоположный путь тому, который прошли, скажем, Горбачев, Ельцин: они сначала заняли должность, а потом их стали любить, не любить, критиковать. Поэтому и получается, что надежда на лидера как бы отрывается от реальности и существует сама по себе, поскольку надеяться больше не на кого. И поэтому те самые люди, которые говорят, что особых результатов за полтора года не видно, в массе своей, примерно 60 – 70%, считают, что президент еще сможет и экономику наладить, и благосостояние поднять, и Чечню не то замирить, не то победить и т. д. Вот в этой ситуации колебание доверия является довольно важным и весомым показате-

лем ситуации в обществе, — наверное, большим, чем когда бы то ни было раньше.

ВОПРОС. Затрагивалась ли в опросах общественного мнения россиян тема социального идеала?

[...] Мы иногда спрашиваем, какие идеи могут объединить сейчас общество. Идеи эти оказываются, я бы сказал, обратным отражением нынешнего беспорядка. Это — порядок, законность, стабильность, благосостояние. На самом деле каждая из этих идей — это просто отрицание того, с чем мы сталкиваемся сегодня.

[...] Я тут еще не ответил на один «подвопрос». Существует ли явление, по отношению к которому наше общественное мнение за десять лет не менялось? Да, существует. Например, мнение о том, что рано или поздно мы должны стать страной такой же, как все остальные развитые страны, — несмотря на все наши представления об особенности России... Существуют и некоторые другие устойчивые показатели. Например, примерно 45 – 49%, процентов считают себя счастливыми. Это было десять лет назад, пять лет назад и сегодня: чем не константа! Когда мы в разные годы спрашивали, какую деятельность люди предпочитают, то всегда 55 – 60% отвечали, что хотят спокойно работать, без риска, получая гарантированный, пусть невысокий доход.

Меня просят объяснить подробнее необходимость использования мобилизационных ресурсов для того, чтобы дальше строить демократию. По-моему, «построить» демократию нельзя, демократия создается исторически. На нее требовались странам, которые мы знаем и которые не прошли таких неприятных испытаний, как Россия, очень многие десятки и даже сотни лет. По старому анекдоту, газон нужно стричь каждый день в течение трехсот лет, тогда будет хороший английский газон. И американцы свою демократию очень долго «стригли», хотя и сейчас можно к ней немало претензий предъявлять, и французы через большую кровь к демократии шли. А у нас Антон Павлович Чехов говорил, что России потребуется 200 — 300 лет до хорошей жизни. А прошло только сто...

ВОПРОС. Какая, с вашей точки зрения, разница между народом и населением?

Население — это демографическая категория, 146 миллионов в России. А народ — категория несколько условная, в наших условиях даже мифологизированная. Народ — организованное население, морально сплоченное в какой-то мере; это люди, которые осознают свою роль, могут как-то совместно действовать и т. д. Когда в декабре 1989 года хоронили А. Д. Сахарова, была большая очередь людей, стремящихся попасть во Дворец молодежи, где происходило прощание, некоторые люди держали плакаты, и на

одном из плакатов я прочел такой текст: «Мы уже не толпа, но еще не народ». Мне кажется, это серьезное утверждение. До морально и политически организованного народа нам еще очень далеко.

ВОПРОС. Прокомментируйте, пожалуйста, как массовые «ожидания-требования» усиления роли государства сочетаются с убеждениями, что власть коррумпирована абсолютно на всех уровнях?

Представьте себе — сочетается. Причина проста: кроме, как на государство, людям не на кого рассчитывать. Вообразите, что вас ограбили на улице, вы куда пойдете жаловаться? В милицию. Вы знаете, что милиция коррумпирована, часто связана с грабителями и т. д., но все равно больше идти некуда. В общем, к сожалению, это модель отношения нашего народа к власти. [...]

ВОПРОС. Известно, что наш народ очень терпелив, хотя не раз на протяжении последних десяти лет возникало впечатление, что вот-вот должен грянуть взрыв. Определите, пожалуйста, границы такого терпения и ваше к этому отношение.

Да, я согласен с тем, что он терпелив. Определяется это не только психологией народа, но и характером его жизни, его ожиданиями, его адаптивностью, его способностью приспосабливаться почти ко всем условиям. Он очень мало бунтовал против царей, он практически совсем не бунтовал против советов, а сейчас при некотором разнообразии возможностей, за некоторыми исключениями, он может приспосабливаться практически ко всему. К сожалению, нет оснований ждать у нас какого-либо сдвига. Я думаю, что источник нестабильности в нашем обществе, как и все прошлые 100 лет, не внизу, а наверху, не в отношении народа к власти, а в отношениях различных групп около власти. Там — гниение, падение, взрывы, перемены, а народ в основном выступает как страдательная единица. Так было и пока что, наверное, будет долго.

Игорь Виноградов

Если говорить о главном персонаже нашей сегодняшней темы, т. е. о господине Путине, то мое отношение к нему менялось в течение года.

Вначале это было ожидание, причем достаточно нейтральное и осторожное. На фоне уже почти развалившегося Ельцина, который и двух слов связать не мог, его гладкие и даже вполне вроде бы правильные речи выглядели каким-то нежданным проблеском в исторической судьбе почти уже отчаявшейся России. Да и вообще он производил впечатление очень неглупого человека. Я не примыкал к тем, кто сразу же встретил в штыки этого *гебиста*. При всей понятной настороженности и недоверии, которые вызывались

такой родословной, сама по себе она фатально ничего еще не определяла и вовсе не исключала возможности появления из этой среды человека, способного сделать для России что-то полезное.

И вот эволюция моя за истекший год заключалась в том, что от этого осторожного ожидания я пришел к почти полному уже разочарованию в этом человеке — разочарованию, которое настраивает меня на достаточно пессимистические прогнозы.

Увы, я не дождался каких-либо признаков, каких-либо проявлений крупномасштабного историко-государственного мышления, адекватного тем громадным историческим проблемам, которые стоят перед нынешней Россией, и каких-либо проявлений адекватной такому мышлению политической воли. Я имею в виду именно тот самый масштаб историко-государственного мышления, то понимание исторических задач России, отсутствие которых у верховной элиты России привело ее в свое время к краху 17-го года. Дело ведь не в привезенных в запломбированном вагоне большевиках, дело не в зловредной интеллигенции, не желавшей помогать власти, а дело в том, какую роль сыграли в тогдашней российской исторической ситуации две главные, стержневые силы, которые формировали национальное государственное тело России, — самодержавная власть и церковь, игравшая тогда колоссальную роль. Дело в том, что эти два главных института национальной жизни в заботах о собственном своем существовании совершенно утратили понимание того, что управляемая ими страна — это живой организм, который имеет свои собственные законы существования и в котором, в соответствии с этими законами, формируются неотменимые потребности дальнейшего его развития и видоизменения, кои никак нельзя игнорировать. [...]

Не могу, кстати, не сказать, что именно потому, что официальная церковь наша никогда об этой своей колоссальной исторической вине перед Россией не говорила, меня совершенно потрясло выступление на одной из недавних конференций по правопреемству владыки Иннокентия, епископа Читинского. Это было поразительное выступление, где впервые от крупного церковного иерарха я услышал, что русская церковь действительно несет громадную вину за то, что произошло в 17-м году. Что же до самодержавия, то, я думаю, выстрел в Столыпина был выстрелом в те последние остатки государственного разума, которые имелись еще тогда у самодержавия и могли еще спасти Россию. Но после этой трагедии все покатилось уже вот тем самым красным колесом, которое и докатило нашу страну до 85 — 86-го года, до Перестройки, до возникновения исторической ситуации, опять-таки абсолютно нерядовой и опять взывавшей именно к крупномасштабным историческим решениям.

К каким?

Речь идет о тех четырех главных фундаментальных опорах — о тех, если хотите, ***четырех китах***, на которых только и может встать и укрепиться сегодня новая Россия как страна стабильной национальной целостности,

устойчивого благополучия и высокого национального достоинства. Это те опоры, без возникновения, укрепления и развития которых она никогда не сможет расстаться со своим тоталитарным наследием.

Она вышла, во-первых, без ***гражданского общества***, без всяких навыков демократического движения, демократической организации, потому что всего этого в тоталитарном обществе не было и не могло быть по определению. А между тем без этой основы национального организма ни одна страна в современном мире не может рассчитывать на сколько-нибудь устойчивое и достойное существование.

Она вышла, во-вторых, с разваленной, вконец уже загнившей социалистической экономикой, которая в мировой системе хозяйства просто не могла уже быть конкурентоспособной. А между тем сегодня ни одна страна, тем более великая военная держава, претендующая на то, чтобы играть в мире какую-то важную роль, будь она хоть трижды изолирована политически от остального мира каким угодно числом железных занавесов, не может выжить вне конкурентного существования, вне мировой хозяйственной системы, построенной на принципах той ***либеральной экономики***, которой в советской России и в помине не было. Это, к слову сказать, как раз и было едва ли не главной причиной, вынудившей Горбачева начать Перестройку, ибо экономически страна была уже совершенно не в состоянии ответить на тот военный вызов, который был брошен нам западным миром знаменитой программой «звездных войн».

Россия вышла из тоталитаризма, в-третьих, без той сильной государственной власти, которая основывается на соблюдении, поддержании и развитии мощи и неотвратимой действенности ***правового поля***, диктатуры закона, никакими внезаконными тормозами не останавливаемой. Ибо в СССР отсутствовала не только какая-либо правовая преемственность с прежней Россией, но не было в помине и привычки верхов и низов к такой правовой практике, при которой именно закон (хотя бы и тот ущербный, который был официально начертан), а не телефонное право, был бы реальной силой, управляющей жизнью общества.

И, наконец, Россия вышла из тоталитаризма без той необходимой для позитивного развития всякой национальной общности плодотворной ***общенациональной идеи***, при отсутствии которой в обществе никогда не будет никакого гражданского согласия и оно никогда не окажется способным к активному, энергичному и, главное, здоровому национальному строительству. Россия вышла из тоталитаризма в дурмане остаточных, но все еще какое-то время державшихся псевдорелигиозных иллюзий, хотя я вовсе не хочу этим сказать, что псевдорелигия социализма была общей верой абсолютно всех. Тем не менее это была господствующая идеология, служившая своего рода неким духовным цементом, так или иначе сплачивавшим общество в некое целое, и именно с этой псевдорелигией, разве лишь в обновленном виде «социализма с человеческим лицом», страна наша и вошла в Перестройку.

Да, вскоре, в ситуации дарованной обществу гласности, Россия (хотя опять-таки, конечно, не вся) очень, в общем, быстро рассталась с этой ложной верой. Но, расставшись с нею, она не обрела никакой иной, погрузившись в состояние сокрушительного духовного вакуума, и проблема обретения ею не просто какой-то новой, но именно жизнеспособной, плодотворной общенациональной идеи, способной объединить ее население общей жизнестроительной целью, тоже стала острейшей ее проблемой. Страна вышла из тоталитаризма, таким образом, также и без этой четвертой важнейшей опоры всякого устойчивого национально-государственного существования, оказавшись в ситуации полного духовного бессилия.

Вот эти четыре зияющие черные дыры в национально-государственном организме России, с которыми она вышла из коммунизма и которые сжирали ее энергию и силу, и обусловили, естественно, соответствующие четыре основные стратегические задачи ее дальнейшего исторического существования и развития.

Отдавал ли себе отчет Горбачев в том, что именно эти исторические задачи стояли перед ним, когда он начинал Перестройку? Я думаю, что в очень малой степени. Он истово веровал, как очень многие веровали тогда, что стоит только сделать демократическую прививку к социалистической системе, дать обществу свободу и гласность, как сразу же мощно забьют родники народной инициативы, действительные возможности социалистической системы дадут, наконец, себя знать и страна пойдет семимильными шагами к процветанию. Но социализм и свобода, социализм и гласность — вещи несовместимые, и в результате осуществления этой горбачевской утопии произошло то, что и должно было произойти, — система рухнула. Она рухнула, в сущности, уже при Горбачеве, хотя окончательное и формальное завершение этого крушения было уже делом Ельцина. Тем самым был дан определенный толчок к решению первой исторической задачи России — к созданию демократии и гражданского общества, и все, наверное, помнят первые симптомы появления в России такого общества — многотысячные митинги, первые свободные выборы, сопровождавшиеся поистине всенародным энтузиазмом и надеждами, и т. д.

Однако в рамках утопии, которой вдохновлялся Горбачев, ни одна из тех исторических задач России не могла быть, естественно, решена. Это (обладай он только для этого соответствующим государственно-историческим разумом) предстояло решить Ельцину — равно как и продолжить, развить усилия по созданию в России гражданского общества.

И что же в результате получили мы от Ельцина? Какую Россию получил от него Путин?

Он получил Россию, где формальные демократические свободы еще существовали по-прежнему, как и при Горбачеве, и даже получили какое-то законодательное закрепление и развитие, но где уже не слышно стало и отдаленных отголосков того общественного энтузиазма, тех первых обнадеживающих движений страны к формированию гражданского общества,

которые сопровождали и Перестройку, и начальную пору ельцинской эры, когда у людей оставалась еще какая-то вера в грядущее обновление. Были ведь, действительно, и многотысячные митинги, и радостная готовность со стороны общества начать широкое демократическое преобразование страны, структурирование в ней гражданского общества, создание необходимых для этого институтов и т. д. Но ничего этого не было поддержано властью, потому что власть думала о совершенно других вещах, и все эти обнадеживающие «инициативы снизу», со стороны самого общества, при Ельцине уже совершенно погасли. Вспомните, сравните хотя бы даже 91-й и 93-й годы — многотысячную толпу на баррикадах у Белого дома в августе 91-го и те смутные дни октября 93-го, когда власть тоже обращалась к народу, чтобы тот спас демократию, и Гайдар призывал москвичей стекаться чуть ли не с оружием в руках к Моссовету, но ничего похожего на 91-й год уже не было... [...]

Россия, во-вторых, вышла из рук Ельцина в том состоянии экономики, которое иначе как номенклатурным, мафиозным, бандитским капитализмом назвать нельзя. Таков был результат той псевдолиберальной реформы и той грабительской приватизации, метко окрещенной в народе «прихватизацией», посредством которых огромная часть бывшей так называемой общенародной собственности перешла в руки номенклатурной элиты, получившей к тому же не только финансовую, но и реальную политическую власть в стране. Россия вышла из этой катастрофической для нее переделки с небывалым обнищанием подавляющего большинства населения и с невероятным социальным расслоением, какого не знает ни одна цивилизованная страна в мире.

Россия вышла из ельцинской эпохи, в-третьих, с еще большим беспределом в области правового поля, с многократно возросшей коррупцией государственного аппарата, с бессилием и нежеланием государственной власти выполнять даже те законы, которые есть, с внедренной в общественную жизнь практикой новых манипуляционных политических технологий, дополнивших и усиливших прежнее телефонное право.

И, наконец, ельцинская «семья» оставила Россию уже в абсолютно разодранном, опустошенном и отчаянном духовном состоянии, как ни пытался Ельцин в приказном порядке заставить свою придворную идеологическую камарилью выдумать новую объединяющую общенациональную идею. Но национальные идеи не выдумываются — они органически рождаются из осознания обществом своих насущных задач, как это, кстати, и начало уже происходить в пору Перестройки и в начале ельцинской эры, когда идея подлинно демократической России была не просто некоей идеей, а живым, реальным движением общества, объединявшим его духовным состоянием и пафосом.

Итак, по всем четырем важнейшим параметрам состояния национально-государственного организма России мы получили ее от Ельцина в еще более тяжелом состоянии, чем раньше, — за исключением, может быть, разве лишь того, что рыночная экономика, оказавшись допущенной-таки (хоть

и в урезанном, изуродованном виде, хоть и под невозможными налоговым прессом, душащим свободное предпринимательство) на хозяйственное поле страны, сумела, в конце концов, как-то пробиться через те или иные налоговые щели и обходные пути и хотя бы отчасти, но выявить все-таки глубинные животворные созидательные потенции частной инициативы и рыночной конкуренции. [...] Но это не заслуга власти — это то, что мы имеем вопреки всему тому, что делает власть. И недаром, если говорить об экономическом поле страны в целом, а не об отдельных его островках, оно производит впечатление полной загаженности и засоренности буйно цветущими сорняками мафиозно-номенклатурного предпринимательства, которое лишь обескровливает национальный организм, перекачивая расхищаемые богатства страны в ненасытную мошну олигархически-государственной ее верхушки.

Так вот, получив такую Россию, что сделал Путин за год своего президентства? Срок ведь все-таки немалый, за это время можно было как-то обнаружить свое понимание тех четырех главных стратегических задач, которые стоят перед современной Россией. И, конечно, он вполне мог уже и как-то обозначить свои приоритеты на всех этих четырех главных направлениях, неотменимо открывающихся перед любой современной российской государственно-политической волей и, как лакмусовая бумага, ее качество и характер и выявляющих. Именно в этом для меня сегодня главный вопрос, и именно по этим четырем параметрам я и считаю не только необходимым, но и единственно верным измерять результаты его деятельности в течение этого года.

Скажу при этом, что мою изначальную готовность не отказывать Путину в возможности проявить себя действительно крупным государственным деятелем исторического плана не сбивало и то, что по каким-то признакам с самого начала видно было, что Путин будет делать крен в сторону авторитаризации власти. Я хорошо помню И. А. Ильина, который давным-давно предсказывал, что после многих десятилетий пребывания России в тоталитарном состоянии невозможно будет сразу же перейти к России демократической, привить стране какие-то демократические навыки, построить в ней активное и самодеятельное гражданское общество без определенного периода достаточно сильной, может быть, даже открыто авторитарной власти. И я совершенно согласен с ним. Вся проблема только в том, насколько зрелой, мудрой, национально ответственной окажется эта авторитарная власть, насколько способна она будет к действительно масштабному историко-государственному пониманию насущных исторических потребностей России и тех стратегических задач, которые встают в связи с этим перед властью. То есть, другими словами, все дело только в том, на что будет направлен этот авторитаризм, почти, в сущности, неизбежный в посткоммунистической, постсоветской России. И когда Путин начал с укрепления так называемой вертикали власти, я даже какое-то время не исключал, что, может быть, этим и в самом деле какой-то ильинский путь намечается; что,

может быть, от этого человека и в самом деле можно ожидать, что он все это осознает...

Но прошел год, и, на мой взгляд, все, что было за этот год Путиным сделано и обозначено, равно как и все то, что им сделано не было, свидетельствует, что никакого на самом деле понимания того, что требуется России, какие исторические задачи перед ней стоят и что надо делать для их решения, у этого человека нет и, видимо, не было.

Что касается экономики, то состояние ее по-прежнему кризисное, и, при всем либеральном камуфляже официальных путинских и правительственных деклараций и программ, ничего до сих пор в сторону ее действительной либерализации сделано не было, и никаких мер по поддержке и развитию отечественного предпринимательства, особенно в области среднего и мелкого бизнеса, так и не было принято. Система же налогов попрежнему стимулирует лишь тот уход от них, которым обеспечивается создание и наполнение теневого правительственно-президентского бюджета, используемого исключительно для укрепления самой по себе власти, то есть для целей, которые по отношению к бюджету официальному являются внебюджетными (война в Чечне, избирательные кампании, обеспечивающие их политические технологии и т. д.). Если бы Президент и правительство действительно были заинтересованы в быстром подъеме экономики страны, какие-то меры в этом направлении за год все-таки можно было бы осуществить. Ну, например, хотя бы в той области, которая, как давно это уже доказано, является самой перспективной для подъема нашей экономики, — в области развития высоких технологий, позволяющей использовать очень высокий профессиональный потенциал нашей молодежи.

[...] А что вообще, кроме опять-таки деклараций, делается для фундаментальной науки, развитие которой тоже в современной экономике должно быть приоритетным, вы знаете не хуже меня.

Получается, следовательно, что за прошедший год не было совершено ни одного серьезного, знакового действия, которое показывало бы, что наша новая авторитарная власть верно понимает, что надо делать, и уже начинает это делать. Одни только декларации, а цену не только прошлым, но уже и нынешним правительственным и президентским декларациям мы за этот год тоже научились уже различать — особенно на примере заверений, которые власть делала в отношении демократических свобод.

Но это уже относится к той сфере, к тому «киту», ареал обитания которого — гражданское общество.

Так вот, и в этой области протекший год все обозначил достаточно четко. Власть ничего не сделала для того, чтобы как-то стимулировать создание в стране такого общества, хотя президент побывал даже у Солженицына, который наверняка говорил с ним на эту тему. Но разве из этой беседы были сделаны какие-то реальные выводы? А ведь как бы ни относиться к тем или иным конкретным аспектам солженицинской программы, его центральная идея о необходимости развития земства в России — идея верная. Это идея

широкой демократизации страны, это идея создания в ней гражданского общества. Пусть ее осуществление произойдет и не в тех формах, в каких это видится Солженицыну, но то, что только демократическое самоуправление на местах может развить те институты гражданского общества, в которых спасение России, — это верно, и это совершенно очевидно.

А что сделано за год в этом важнейшем направлении нашего национального строительства? Характер принятых мер совершенно недвусмысленно свидетельствует, что власть думает вовсе не о том, чтобы помогать становлению в стране гражданского самоуправления, а о том, как выстроить очередную иерархически-бюрократическую систему, призванную следить за «порядком». Во всяком случае, и понижение статуса губернаторов, и поведение президента и подчиненных ему структур в ситуации с фактической ликвидацией НТВ, — это тоже прямые свидетельства тому, что авторитаризм Путина вовсе не рассчитан на поддержку, развитие и укрепление демократической, гражданской составляющей нашего национального организма. Ибо ни одного реального действия в этом направлении со стороны власти мы за этот год тоже так и не увидели, — только обратные.

Правда, декларации — опять самые привлекательные. Но уж не одна ли это из тех манипуляционных технологий, при помощи которой власть проводит своего рода *спецоперацию* по прикрытию своих собственных целей — сугубо ***самоцельной*** своей авторитаризации?

И не об этом ли свидетельствует и нынешнее состояние правового поля страны? Может ли кто-нибудь отрицать, что оно по-прежнему находится в состоянии того же самого беспредела, только еще более, пожалуй, циничного?

Совершенно очевидное, почти с откровенным цинизмом проводимое под вывеской «правильной» декларационной фразеологии подчинение Кремлю прокурорской и судебной власти.

Полный политический произвол в возбуждении уголовных преследований «неугодных» олигархов и всяческое выведение из-под удара «своих» (при декларируемой их якобы «равноудаленности» от власти).

Ни одного крупного антикоррупционного дела.

То есть опять — под громкие лозунги о введении «диктатуры закона» — употребление его, по известной пословице, исключительно как «дышла». А значит — достаточно ясное обозначение того, что действительное построение правового государства нынешняя власть тоже вовсе не считает первоочередной исторической задачей России.

И наконец, последнее. У всех уже навязла на зубах история с гимном, принятие которого (как и прочей символики) является, конечно же, знаковой акцией. Но я, в отличие от многих, думаю только, что это вовсе не знак того, что Путин хочет вернуть страну назад. Скорее это знак, показывающей как раз отсутствие у Путина какого-либо действительно стратегически-исторического расчета. И даже, если хотите, элементарно масштабного исторического честолюбия. Потому что, в конце концов, Россия ни при каких условиях не вер-

нется на старый путь, и сколько бы времени ни прошло, этот старый гимн она непременно отбросит, а Путин так и останется в истории России очередным ее «реформатором», навязавшим новой России чуть подправленные слова старого сталинского гимна на старую же сталинских времен его музыку. И ради чего? Да просто из-за узколобого сиюминутного прагматизма — ради обеспечения себе сегодняшней поддержки со стороны так называемого *большинства* и для сохранения пресловутого национального «единства»...

Той же цели служит и усиленная реанимация все тех же наиболее доступных и привычных способов угодить уязвленному национальному самолюбию страны, заманивая его обещанием новой «державности», «силы» и т. п. Это опять показывает масштаб исторического мышления новой власти и уровень понимания ею того, как и в каком направлении может быть действительно плодотворно для будущего страны решена проблема ее духовного возрождения.

Итак, на мой взгляд, мы, к сожалению, имеем сегодня президента, которому присуще очень узкое, прагматическое, сугубо чиновничье-бюрократическое мышление, да еще специфической кагэбистской закваски, — мышление, кругозорный захват которого совершенно не приспособлен к тому, чтобы охватить масштаб тех громадных исторических проблем, которые перед Россией действительно сегодня стоят. И даже понять, что это за проблемы и почему они таковы.

И это очень печально. России опять придется ждать, когда, наконец, ее власть обретет тот государственный разум, который будет адекватен ее проблемам и ее исторической судьбе.

Можно ли надеяться, что это когда-либо произойдет?

Я все-таки надеюсь.

Но мой прогноз на ближайшее будущее пессимистичен.

Нет, я не думаю (хотя многие этого боятся), что нас ждет новый 37-й год. Нет. Даже если бы власть этого и захотела, у нее уже сил на это не хватит. Ничего этого, я думаю, не будет, а будет просто ***авторитарное самоукрепление власти*** — самоцельное, а потому и бесцельное. И мы так и будем постепенно увязать в загнивающем болоте сегодняшнего бесперспективного существования...

* * *

Я не ставил перед собой задачу обрушить на ваши головы картину апокалиптического характера, напугать и проч. Я просто хотел обрисовать какие-то центральные, ведущие тенденции, опасные тенденции, на которые надо обратить внимание, на которые нужно очень трезво смотреть. Однако это совершенно не означает, что в нашей действительности все плохо. У нас есть пусть во многом еще формальные, но законом установленные демократические свободы, и нас, в отличие от прежних времен, за попытки воспользоваться ими пока не сажают, хотя исподтишка порой и прижимают, и даже бьют, и даже убивают. Но тем не менее я считаю, что мы живем в

России, все-таки, несомненно, лучшей, чем та, которая была до перестройки и уж тем более во времена советского тоталитаризма. Как бы тяжело нам ни было, как бы трудно ни жила страна, у нас есть пространство свободы, а значит — и пространство личной ответственности за то, что в стране происходит. Вот мы с вами сидим же здесь и размышляем над тем, что происходит, а ведь не было бы никакого смысла говорить обо всех этих вещах, если бы от нас ничего не зависело и мы сами не могли бы что-то пытаться в стране исправить. Поэтому, я думаю, никто не обвинит нас на стародавний манер в *очернительстве* современности, — иначе это будет возрождением не той России, возродить которую мы все хотим, а совсем другой, недавней. Мы этим не занимаемся.

ВОПРОС. Видите ли вы сегодня какую-то силу, которая способна была бы создать у нас гражданское общество?..

Я такой силы сейчас не вижу, но при всем том, повторю еще раз, мы вот сейчас сидим с вами и разговариваем. Мы делаем то маленькое дело, которое каждый из нас, людей, имеющих отношение к образованию, культуре, журналистике, просвещению и т. д., может все-таки делать. Мы ведь и такими вот встречами, и лекциями, и статьями своими вполне можем пытаться сформировать в обществе сознание, которое позволит ему, наконец, понять, что ни на что другое, ни на какие игрушечные партии, созданные ради манипулирования обществом на выборах и лоббирования в парламенте интересов тех или других политически-олигархических кланов, ни на кого, кроме самих себя, кроме самоорганизации снизу в широкий демократический фронт, нам рассчитывать не приходится. Только мы сами себе можем здесь помочь, и вот здесь я хочу подчеркнуть, что, может быть, особая ответственность лежит сегодня именно на интеллигенции. Если интеллигенция страны не сумеет образовать собою некоторое независимое и самостоятельное единство, политически, может быть, даже не организованное, но, тем не менее, нравственно, духовно сцементированное общей — при всех отличиях и наших конкретных политических, и общемировоззренческих убеждений — национальной ответственностью за судьбу страны; если мы не обретем в стране такой нравственно авторитетный, пользующийся доверием у широких слоев населения голос, то ничего не получится. Все-таки, на мой взгляд, прообразом интеллигенции всегда должны служить апостолы Христа, которым Он сказал: «Вы соль земли». Да, это не весь народ, это вот те избранные, которым выпала такая судьба — быть солью земли и закваской всего того общенародного «теста», из которого выпекается общенациональный «пирог». Но я этим вовсе не хочу сказать, что мы, интеллигенты, представляем собою некое избранное начало в том смысле, что мы какая-то белая кость, что у нас есть какие-то особые перед всеми остальными права и привилегии. У нас есть только одна привилегия — та ответственность за общенациональную жизнь, которая на нас лежит и которая куда больше,

чем на остальных людях, просто потому, что им в силу тех или иных обстоятельств не выпало получить от жизни то, что получили мы, и они не так развиты, не так образованы, не так все понимают, как понимаем мы. Если мы не почувствуем это, если не соберемся, если не осознаем свою ответственность за создание в обществе той нравственной атмосферы, которая является основой и условием создания гражданского общества, — то кто же еще?

Я хочу два слова сказать еще и по поводу таких терминов, как «Великая Россия» и т. п., — терминов, о которых здесь заходила речь. Я тоже не люблю употреблять эти термины, но, тем не менее, употребляю иногда и считаю, что все-таки без них не обойтись. Есть такой феномен и такой термин — *великая держава*, и он сам по себе не имеет никакого дискриминационного характера по отношению к каким-то другим странам — странам *не-великим* не в том смысле, что они чем-то хуже, а в том, что просто есть огромные страны с огромным природным и демографическим потенциалом развития, на которых лежит поэтому и бóльшая историческая ответственность в международных делах, и есть страны с меньшим территориальным, природным, демографическим и т. д. потенциалом. То есть никакого дискриминационного расового или еще какого-нибудь обидного для меньших наций характера этот термин не носит, — во всяком случае, в моем употреблении, я ведь делюсь с вами лишь своими личными соображениями и ни на чем не настаиваю категорически. И вот мне кажется, что об этом нужно думать и что нельзя исключать тот момент, что в результате всего, что произошло в России, у российского (или русского, — как хотите) человека возник все-таки определенный комплекс некоего национального надрыва, потому что хорошо ли, плохо ли, но в течение столетий, в течение в том числе и советского времени, советский, русский человек привык сознавать себя принадлежащим к великой державе, представителем великого народа. Пусть это самосознание строилось в результате соответствующего государственно направляемого идеологического воспитания, в какой-то период на ложных приоритетах имперского характера, но в нем была ведь и большая доля истины, потому что Россия действительно была великой державой отнюдь не в одном только военно-имперском смысле. И потому сейчас, когда России приходится испытывать такие унижения и на международном поприще, и у себя дома, где царствуют произвол, колоссальное обнищание народа, чудовищное социальное расслоение и т. п., этот комплекс национального унижения не мог в нашем народе не развиться.

И вот вопрос: что с ним делать? Игнорировать и сказать: забудьте, дорогие друзья, про всякое величие, плюньте на это и т. д.? Нет, мне кажется, так не получится, от особенностей национальной психологии так просто не отделаешься. Конечно, этот комплекс можно эксплуатировать так, как и пытается эксплуатировать его сейчас наша власть. Опять выдвигаются все те же имперские идеалы державности, военного величия, мощи и т. п., что, надо сказать, находит достаточно большой — и вполне понятный — отклик у очень большой части нашего народа. И вот тут-то и нужно то самое про-

свещение, которое от нас требуется и которое не должно быть пренебрежительным к этому национальному самосознанию нашего народа как народа великого. Да, нам нечего стыдиться, и это не нескромность какая-то, а живая реальность и правда, — мы действительно великий народ, у нас колоссальные потенции для того, чтобы стать богатой, процветающей и свободной страной, способной вызывать уважение, доверие и расположенность соседей, а не их страх перед лицом непредсказуемой темной имперской мощи тоталитарного монстра. И, — и это, может быть, главное, — мы народ великой культуры, потому что в России была создана действительно великая культура. У нас есть великие традиции, и это то величие, которым мы можем и сегодня гордиться, которым мы должны гордиться и которому прежде всего должны быть адекватными в своем историческом национальном строительстве, созидая наш новый дом великой демократической России. Наша способность к тому, чтобы такой дом построить, — это и есть сегодня проверка нашей способности быть современным великим народом. [...].

ВОПРОС. Жизненна ли сейчас теория малых дел, по вашему мнению?

По-моему, очень жизненна, как и всегда она была жизненна. Чем мы все занимаемся? Мы и занимаемся малыми делами. Мы что — сидим с вами в парламенте и решаем проблемы существования олигархов или еще какие-то государственные дела? От нас это на практике не зависит, — мы можем влиять на все это только на выборах и через свободное гласное обсуждение в прессе. А практически мы и занимаемся как раз «малыми делами» — просвещения, образования, созидания культуры и т. д. Но эти-то «малые дела» и создают самое жизнь, ее живое вещество, ее организм. Это очень важно.

И еще два слова о свободе слова — вопрос, который тоже затрагивался сегодня во время обсуждения.

Мне кажется, что сегодня вопрос о свободе слова в России — это вопрос не столько даже о каких-то запретах, стеснениях и т. п. Пока таких запретов, прямых во всяком случае, нет. Но дело не только в этом. В *манипулируемых демократиях* (вот и термин такой появился!) ситуация со свободой слова напоминает ситуацию, описанную в известной басне Крылова о том, как Васька слушает, да ест. Если можно говорить абсолютно свободно о чем угодно, но это не имеет никакого действия, если в ответ не принимается никаких мер, которые в цивилизованных демократических странах обязаны принимать государственные органы при появлении в прессе или на ТВ серьезной критической информации, то настоящая ли это свобода слова? Вопрос о свободе слова — это не только вопрос о том, что можно говорить, а что нельзя говорить. Это вопрос обеспечения свободы слова как мощного инструмента демократического развития общества. И вот именно с этой точки зрения и в этом направлении, по-моему, нашей властью не делается ничего, что позволило бы говорить, что она действительно заинтересована в свободе слова и укрепляет ее.

Григорий Явлинский

У нас новая власть. Она уже больше года. Пришло время сказать о том, что она собой представляет, куда она нас подталкивает, куда движется. У новой власти есть, очевидно, сильные стороны. У всякой власти ее сильной стороной является симпатия граждан, желание граждан следовать ее указаниям и поддерживать ее. У нашей сегодняшней власти, безусловно, есть такая поддержка. В этой связи я хотел бы напомнить, что это особенность всех последних пятнадцати лет. Была очень серьезная поддержка у М. С. Горбачева, она была с 1987 по 1989, по 90-й год. Была очень серьезная поддержка у Б. Н. Ельцина в 90-м — 93-м году. Потом она уходила. Но в эти годы большинство граждан нашей страны поддерживало власть — независимо от того, что она делала. У новой власти есть такой ресурс.

У нее есть еще одна, необычная для российской власти, сторона. Она ведет диалог практически со всеми политическими силами, существующими в России. Это совершенно новое, невиданное обстоятельство в Российской Федерации. Однако диалог хорошо вести, когда у самого есть точная, четкая программа. [...]. Диалог очень сложно вести, когда такой программы, такого представления о том, куда двигаться, нет. И тогда возникают большие проблемы.

Я отношусь к тем политикам в России, которые считают нынешнюю власть слабой, а не сильной. Главной ее, может быть, слабостью является очень большая эклектика — смешение всего и вся. Ну, как в нашей символике — советский гимн, великодержавный герб и относительно демократический, по крайней мере, символизирующий демократию флаг. Вот так примерно строится и весь курс.

Еще к этим слабостям я бы отнес виртуальность очень многих решений. Многие решения заявляются, декларируются, обозначаются, а потом рассыпаются или даже принимают обратное значение.

Вот это в самом общем виде. Но из этого самого общего вида проявляется одно важное, существенное направление, которое постепенно становится доминирующим. Мы это называем курсом на создание в России корпоративного полицейского государства.

В чем его особенности?

Первый признак такого движения — это абсолютное неприятие какой бы то ни было критики, создание специальной системы, уничтожающей всякую возможность всерьез критиковать власть.

Второе — это попытка поставить под контроль средства массовой информации. И вы сегодня в любых газетах очень быстро и легко найдете признаки самоцензуры, которые появляются просто от того, что происходит с ведущими независимыми каналами — такими как НТВ.

Попытка поставить под контроль политические партии.

Попытка, и успешная, поставить под контроль российский парламент и превратить его просто в штампующий орган, причем этот контроль обеспечен не тем, что президент и его партия получили большинство в Государственной Думе, а тем, что они заключили стратегический союз с КПРФ,

раздав КПРФ соответствующие посты и тем самым обеспечив себе всегда послушное большинство, временами агрессивное.

Появились еще новые способы действий. Например, имитация гражданских институтов. Обратите внимание: не нравится Союз журналистов, который позволяет себе выступать с критикой, — а давайте создадим другую параллельную структуру, имитирующую Союз журналистов. Это у нас Медиа-союз. Это же происходит на выборах практически во всех регионах. Это происходит и со многими другими гражданскими, а теперь уже и с политическими организациями. Иначе говоря, все это означает появление в России современного корпоративного государства.

[...] я предлагаю для раздумий такое определение: «Корпоративное современное государство — это такое государство, которое не уничтожает демократические институты, а приспосабливает их к себе. Оно делает из них подразделение закрытой корпоративной системы с жесткой внутренней дисциплиной, которая не допускает серьезной критики внутри и которая карает за всякое отступление, за каждый шаг в сторону от той корпоративной границы, которую само это государство наметит». Это означает, что такое государство очень быстро превращается в государство абсолютного тотального контроля со стороны чиновников над гражданами и может быть определено как полицейское государство. Оно абсолютно бесконтрольно, потому что контролируется не гражданскими институтами, оно контролируется, меняется и исправляется не гражданами, оно контролируется такими же чиновниками, над которыми и осуществляется собственно контроль. И тогда *диктатура закона*, о которой нам было заявлено год назад, превращается в террор закона, поскольку возникает избирательная система преследования с помощью закона.

Сильное государство, о котором нам часто говорят, не появляется. А появляется наглое государство, и мы с этим сталкиваемся с вами очень часто. А вы знаете очень хорошо, это не новость, что за силу на самом деле уважают, а за насилие — ненавидят. Когда государство больше насильничает над своими гражданами, пугает их и когда граждане боятся собственного государства, — это — насильничающее государство.

Каковы следствия этого? Почему не эмоционально, а чисто политически это представляет серьезную опасность? Да потому, что это такое государство, или такая система, или такое устройство, которое неминуемо ведет к росту коррупции. Это устройство, которое ведет к повышению уровня монополизма как в экономике, так и в политике. Это устройство, которое ведет к резкому снижению деловой активности, и в сумме все это ведет к тому, что люди просто испытывают страх. Вот в таких условиях перспектива однозначна для России: если такой курс получит действительно доминирующее значение, если он вольно или отчасти невольно станет основным направлением и государственного строительства, и политики в государстве, если стиль политики как спецоперации, когда думают одно, говорят другое, делают третье, ожидают четвертое, а в итоге получают пятое, все-таки действительно станет всеобщим и состоится как основное направление политики, тогда можно с

абсолютной уверенностью ответить на вопрос — «Куда идет Россия?». Тогда Россия идет к необратимому отставанию, а следовательно — к уходу в «третий мир», а может быть, и не в третий, а в тридцать третий. [...]

Сегодня партия «Яблоко» определяет себя как системная демократическая оппозиция курсу на создание корпоративного полицейского государства. Мы хотим, чтобы Россия через 20 —25 лет стала европейской страной, стала Европой. Мы не хотим, чтобы она была такой, как Германия или Франция, или Италия, мы хотим, чтобы она была такой, как Россия. Мы хотим, чтобы она выполняла ту роль, которую Россия выполняет веками. Веками роль России была в том, что она всю Евразию увлекала в русло европейской цивилизации. А что это значит? Это означает совершенно практические, понятные вещи. Это означает разделение властей. Это означает независимую судебную систему. Это означает контроль парламента за исполнительной властью. Это означает гражданский контроль за спецслужбами. Это означает финансово самостоятельное местное самоуправление. Это означает реальную федеративную систему. Это означает свободу. Это означает плюрализм политических партий. Вот все, что движется в этом направлении, — это на благо нашей страны, на благо нашего будущего, а все, что не в этом, — наоборот. Мы хотим построить в России не какие-то химеры вроде коммунизма; мы хотим двигаться навстречу тому, что уже принесло благосостояние нашим ближайшим соседям. И обогатить это, кстати, собственной великой культурой и собственной великой национальной традицией.

Мы не выдумываем ничего. Мы просто хотим, чтобы наши дети и внуки были во всем равны со своими сверстниками во всем мире, например, в Европе. Почему в Европе? Потому что мы ее часть, потому что она ближе всех к нам и потому что наша культура неразрывно связана с Европой. Вот это первое наше направление.

А второе наше направление, что мы глубоко убеждены: эффективной может быть только либеральная экономика. Это экономика, принципиально отличающаяся от сегодняшней «экономической наркомании», только благодаря которой мы и имеем сегодня самые лучшие экономические показатели за последние десять лет. Сегодня Россия в части экономики — это как человек, у которого в одной руке труба с нефтью, а в другой — с газом. И понятно, что такой вот «наркоман» испытывает, конечно, сильный эффект — экономические галлюцинации. Но если цены упадут (а они, конечно, когда-нибудь упадут), поступление всех этих наркотиков в наш экономический организм резко уменьшится и начнется «ломка», и тогда мало нам не покажется. [...]

И вот теперь третье — самое простое... Наша политическая программа — это первая и вторая главы нашей собственной конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Вот, собственно, и все, больше ничего. Это и есть главное в нашей политической программе. Потому что все страны, которые чего-либо добились, в центр своей политики поставили именно защиту прав и свобод человека и гражданина и именно

вокруг этого создали свое государство. И тогда оно заработало, и тогда оно дало экономический эффект. И я утверждаю, что без реализации этой главной цели никакая наша экономика никогда не будет работать.

Было бы совершенно неверно, если бы я не сказал сейчас о том, что рассчитывать на то, что курс на полицейское государство прекратится, невозможно до тех пор, пока не прекратится бессмысленная жестокая война в Чечне. Все привыкли к ней. Страна перестала считать своих мертвецов. Мы каждую неделю слышим, сколько людей там убивают. Мы каждую неделю узнаем о новых и новых жертвах. Ничего не меняется. Про Чечню мы слышим ложь. [...]

ВОПРОС. Скажите, вы действительно думаете, что ваши идеи реальны не вообще, а в нашей стране?

Да, я действительно думаю, что они действительно реальны. Меня тоже все время волнует вопрос: «А почему так? В Польше, Чехии, Венгрии получилось, а у нас не получилось. Почему?» Ответ лежит, по-моему, на поверхности. Потому что в 89-м, в 90-м годах в этих странах произошла демократическая революция, там полностью сменилась вся политическая элита, и реально во власть пришли другие люди. А у нас ничего этого не случилось. У нас к власти пришли те же самые люди, которые просто переодели пиджаки, сменили портреты и вместо слов «пятилетка», «социализм», «Ленин» стали произносить «реформы», «рынок», «свобода» и т. п. И даже некоторые выучили это на английском, чтобы привлечь журналистов. А это серьезное дело, потому что страна-то уже вошла в другое измерение, а они остались в прежнем. Страна стала меняться. А как может меняться человек, который пятьдесят лет прослужил номенклатуре? Очень трудно, даже если он хочет. И что мы получили на стыке этой новой реальности и того мышления, которое эти люди принесли с собой? Мы получили две войны (одна из которых продолжается), два дефолта (один из них грандиозный, в 98-м году), одну гиперинфляцию (две с половиной тысячи процентов), которая просто сожгла все вокруг, и почти начало гражданской войны в 93-м году. Вот и все, поэтому и такая разница между нами и, скажем, Польшей. Поэтому нам еще нужно прийти к нашей «бархатной» революции, нам еще нужно прийти к тому, чтобы у нас появилась новая, реально новая власть. Сколько этот процесс будет длиться? Долго, наверное.

ВОПРОС. Ваш план вы можете реализовать только тогда, когда придете к власти и сформируете свое правительство. Вы верите, что это возможно? И если да, то каким путем этого можно достичь? Что для этого нужно?

Нужно бороться и побеждать на выборах. Это не простое дело. Для этого надо, чтобы выборы были такими, на которых в принципе можно побеждать. У нас есть ведь очень большие особенности в нашей избирательной

системе. Вот, например, вы же заметили очень большое отличие между нашей избирательной системой и американской. Там очень неудачная избирательная система — там месяц после выборов никто не знает, кто у них президент. А у нас очень удачная система выборов — у нас за два месяца до выборов все знают, кто у нас президент. [...]

ВОПРОС. Что надо делать всем, чтобы у нас в стране вы набирали большее число голосов?

[...] Чем больше в стране бедности, тем больше коммунистов. Такая социальная болезнь. Если много бедности и бедность прогрессирует, то коммунистов всегда очень много. И это, кстати сказать, очень важная для нас задача — привлечение тех, кто голосует сейчас за коммунистов. Мы вообще считаем, что без решения социальных задач в России никакой прогресс у нас невозможен. Мы считаем, что социальные и либеральные задачи должны работать, как две педали велосипеда. Только таким образом, делая шаги в том и другом направлении, можно двигаться вперед. [...]

ВОПРОС. Вы говорили, что нет свободы слова. Перелистав «Новую газету», сразу можно увидеть, что у нас есть свобода слова.

Я бы вам сказал следующее. Когда в России совсем не будет никакой свободы слова, мы даже не сможем этот вопрос обсудить. Мы должны это с вами обсуждать, пока мы еще можем это обсуждать. Сходите, пожалуйста, в «Новую газету» и узнайте, сколько журналистов покалечили в «Новой газете», сколько проломили голов, сколько у них сейчас детей, которых они вынуждены прятать, и под каким давлением они находятся. Пойдите к этим журналистам и спросите их, что такое свобода слова, а что такое — нет. Простите, я просто не понимаю вашего вопроса. Если, конечно, рассматривать вопрос с точки зрения августа-сентября 37-го года, то , конечно, у нас все в порядке. Но я рассматриваю и с другой точки зрения, я рассматриваю с точки зрения Ларисы Юдиной, которую в прямом смысле слова порезали на куски, потому что она осмелилась критиковать президента. Вот о чем я говорю, и я думаю с этим бороться. Вслух — до тех пор, пока это возможно делать вслух. А не будет возможным бороться вслух, буду бороться не вслух. .

Сергей Ковалев

В Кремль пришла новая команда, эту новую команду возглавляет новый президент, в недалеком прошлом подполковник КГБ, Владимир Владимирович Путин. Давайте я сразу сделаю резкие утверждения. С моей точки зрения, выборы подполковника КГБ в нашей стране, в стране с той кровавой, подлой и грязной историей, которую мы своими руками творили и переживали, — такие выборы есть отчетливое свидетельство национального позора. [...]

И не надо мне рассказывать, как это делает наш новый президент, что он-де с народом. Понимаете, апелляции к народу — это вещь очень сомнительная. Давайте вспомним 1953 год, 5 марта. Вот умер палач этого народа. Что делал этот народ? Он совершенно искренне рыдал. Мы можем вспомнить и другие народы, например, двенадцать лет из истории весьма продвинутого немецкого народа были годами, когда народ коллективно очень энергично и очень упрямо заблуждался. Мы знаем и другие ошибки других народов, — слава Богу, история пестрит ими. Поэтому апелляция к народу в данном случае ничего не стоит. Апеллировать можно к совести, хотя совесть и позволила многим людям опустить в некоторую щель некоторую бумажку. В результате этого, а не в результате избирательных фальсификаций подполковник стал президентом и ведет себя так, как и положено вести себя подполковнику. А что же еще можно ожидать в результате этого воцарения и в результате деятельности тех его сотрудников, которых он постепенно собирает, собирает, собирает к себе, назначая на ключевые должности?

А в это же время наша самая независимая пресса объясняет нам, как это здорово, как это замечательно. Она рассказывает нам, что эти люди, во-первых, грамотны, во-вторых, ответственны, в-третьих, дисциплинированны. Так и надо. На них и надлежит опираться государственной системе. [...]

Что хочет новая команда, более или менее понятно. То, что она хочет, видно из двух возникших в последнее время новых и несколько необычных понятий, хотя не только из них. Ну, например, понятие «управляемая демократия». А в этой аудитории не надо, по-моему, логически доказывать, что эти два слова просто не сочетаются. Если управляемая, так не демократия, если демократия, так уж управляющая.

Вот второе интересное понятие — «информационная безопасность». Кто бы мне объяснил, что это такое. Но объяснений этих не найдешь, если не заглянешь в тот продукт, который выдает Совет Безопасности во главе с генералом КГБ Ивановым. Из этого яркого объяснения ясно, что информационная безопасность — это вот что такое примерно. Вот существуют законы, которые ограничивают свободу слова в разных там благих, так сказать, целях, иногда необходимых, в самом деле, необходимых. И в самом деле такие законы нужны. Но законов этих, оказывается, не всегда достаточно, и тогда возникает нужда иным способом, как написано в этой концепции, ограничить эту самую свободу. Если иным, то — каким? Если иным, нежели законным, то, следовательно, незаконным. Следовательно, ну скажем, властным произволом, не опирающимся на нормы закона. Вот такого рода понятия становятся достаточно характерными понятиями у нас в стране.

Итак, что же будет? Давайте сначала я сделаю некоторые утверждения о том, чего не будет. Не будет восстановления ГУЛага. Не будет. И не будет восстановлена цензура. Не будет, потому что команда достаточно неглупа для того, чтобы не понимать, что это невозможно. Ни у кого сейчас в России, ни у одной политической силы нет возможности, мощи и решимости восстановить ГУЛаг и восстановить цензуру.

Но они, увы, достаточно умны и для того, чтобы понимать, что это и не нужно. Зачем восстанавливать ГУЛаг? Вот вертухай, который у меня тут внутри, он гораздо эффективнее, нежели вертухай, стоящий на вышке, и внутренний цензор тоже много эффективнее любого Главлита.

Ну, а с цензурой вообще совсем просто [...] О том, что на наши средства массовой информации, прежде всего на самые массовые, идет накат, и об эффективности этого наката надо судить не по тому, что случилось с НТВ, а надо смотреть на провинциальную печать и провинциальное телевидение: вот уж эти хорошо понимают, что происходит. Относительно недавно я побывал в Ростове-на-Дону, и меня попросили прийти на телевидение и повели в такой замечательный дворик, и очаровательная ведущая разговаривала со мной 2,5 часа, и потом она сказала: «Сергей Адамович, как интересно с вами говорить. Мы этого никогда не покажем». Ну, вот это и есть то, что в конце концов уже практически достигнуто и будет закреплено, так что Главлит не нужен. Главлит не нужен еще и по той причине, что при всяком управлении лучше всего иметь две вожжи: одна вожжа уже названа — это внутренний цензор, это страх, а другая иной природы: наши журналисты, наши серьезные, скажем так, журналисты, наиболее одаренные, научились зарабатывать бешеные деньги. Трудно представить себе, сколько они зарабатывают. Трудно представить не только потому, что это не отражено в ведомостях, а потому, что у нас теперь, как в Америке, не принято спрашивать, сколько ты получаешь. Да и ответить на этот вопрос непросто, потому что источники получения достаточно разнообразны, но, во всяком случае, зарабатывают очень немало, я бы сказал, что заметно больше, нежели квалифицированные средние коллеги их на Западе. Вообще-то Бог с ними, — понимаете, я думаю, что профессионально одаренные люди и должны получать много. Это хорошо. Беда вот только в том, что расписываются они в ведомости совсем за другие суммы, и не в «зеленых», а в «дубовых». Да и это бы ничего. Ну, ладно, — пусть казна не добирает налогов. В общем-то налоги с этих журналистских гонораров, может быть, и немаленькие, но в масштабах страны что это за сумма? Беда-то в другом, беда-то в том, что если я получаю деньги «слева», не по ведомости, так уж о моей независимости лучше позабыть: независимости этой нет и быть не может, потому что я знаю, от кого я получаю деньги, и знаю, в чем, если я не совсем дурак, заинтересован тот, от кого я эти деньги получаю. Поэтому когда Минкин говорит, что он заказных статей не пишет, он не врет: не надо заказывать Минкину статьи. Зачем? Он без всякого заказа знает, что надо писать. [...]

Одно из проявлений управляемой демократии — это управляемый парламент. И мы его уже имеем: верхняя палата просто назначенцы, хотя еще там несколько есть людей, которые выбраны, плохо ли, хорошо ли, но выбраны, а дальше уж назначенцы, чистые назначенцы. Нижняя палата? Так тот же самый Минкин очень удачно пошутил: «Если бы наш президент заказал бы в качестве гимна “Чижик-пыжик”, она бы с восторгом проголосовала».

Так вот и достигается замечательное послушание, это тоже очень просто. А коммунистам, этой непримиримой левой оппозиции, ей-то есть ли основания с властью спорить? Да нет. Вы что же полагаете, что эти самые наши коммунисты очень мечтают о том, чтобы снова национализировать все, что было приватизировано? Да ничуть не бывало. Они прекрасно знают, что приватизация — это не такая плохая вещь. Так что у них нет необходимости возражать против частной собственности, они сами крупные частные собственники.

[...] Вот не так давно мне люди из «Яблока» говорили, почему «Яблоко» голосовало за закон о партиях. Они говорят: «Он все равно пройдет, этот ужасный закон, но если мы сейчас проголосуем в первом чтении за него, то наши поправки во втором чтении будут встречены более благожелательно, и мы, может быть, сумеем чуть-чуть его исправить». Ну, вот, — когда такие рассуждения в ходу у политиков, то понятно, что получается за парламент. Какой он должен был получиться, такой и получается, и все в порядке.

Так что хотим мы или не хотим, мы будем иметь управляемую демократию на достаточно продолжительный период времени. Мы ее уже имеем. Другой вопрос — надолго ли? Я позволю себе выразить надежду, что не очень надолго. Впрочем, это зависит от нас, как и все на самом деле зависит от нас. Поскольку здесь довольно много молодых людей и, вероятно, студентов, я бы сказал так. Это зависит в значительной мере от нас и еще в гораздо большей степени зависит от вас, потому что на самом деле в поисках выхода не надо долго ломать голову: этот выход банален и единственен.

Выходом для страны может быть только одно — когда в этой стране не указами и не какими-то усилиями сверху будет существовать гражданское общество. Оно уже строится, — разумеется, не по указам подполковника и его подчиненных Оно уже строится, и это процесс, который можно резко тормозить, можно стараться ускорить и нужно стараться ускорить, но это процесс неизбежный. Вот так я сказал бы относительно той главной темы, которая заявлена для этих слушаний.

ВОПРОС. Вы привели несколько примеров того, что народу свойственно ошибаться. Разве возможна тогда неуправляемая или даже управляющая демократия?

Это вопрос в самый корень. Это в самом деле очень трудно — неуправляемая и даже управляющая демократия. Ну, я уж не стану повторять всем известный афоризм, кажется, Черчилля о том, что демократия — крайне несовершенный способ управления, просто чудовищно несовершенный, но лучшего никто не придумал и, по-видимому, невозможно придумать.

Мне кажется, что ответ на этот вопрос следует искать, я бы даже сказал — не искать, а следует конструировать, следует строить вот в каком направлении: ведь совершенно не случайно так называемая непосредственная, прямая демократия не существует практически нигде. Вот есть Швейцария,

где достаточно часты референдумы, но не будем входить в детали, на самом деле и там главная форма — это то, что называется *представителями от демократии*, что естественно. Понимаете, прямая демократия, вот то, что было в Древнем Новгороде, это нечто ужасное. Слава Богу, что этого не сохранилось, но это и не могло сохраниться.

Очень простой пример. Вы все здесь люди, имеющие некие специальности, по-видимому, непростые, достаточно непростые, ну какая-нибудь там матлингвистика, — черт ногу сломит, что это такое. Вот представьте себе, что возникающие у вас профессиональные проблемы было бы принято или предлагалось решать голосованием. Что случилось бы тогда? Если даже не всенародным голосованием, а хотя бы голосованием общего Ученого совета, где собрались люди разных специальностей. Я думаю, что ни один профессиональный ученый не захотел бы с этим мириться, правда? Просто введи такой порядок — и всё, с наукой кончено, ее нет больше. Но ведь на самом деле проблемы, которые принято называть политическими, проблемы нашего общества, развития общества человеческого, — они нисколько не проще научных. Я бы сказал, они даже гораздо сложнее, поэтому я бы сказал так: народ — источник власти, общество, население, мы с вами, гражданское общество — источник власти. Источник власти, наделенный правом контролировать свою власть. Но как? Вот мы вас выбрали, вы осуществляете представительную демократию, это значит, вы — наши представители, вам как специалистам мы поручаем разрешать сложные вопросы, которые мы сами разрешать не беремся, не будучи специалистами. Мы вам верим не потому, что вы лучшие специалисты и убедили нас в этом, мы вам верим потому, что вы кажетесь нам честными людьми, добросовестными. Вот, пожалуйста, — возьмитесь за разрешение этих наших общих проблем, но, если мы будем видеть, что вы не справляетесь с этим, распроститесь с вашими властными полномочиями. Мы их отберем. Но не как-нибудь иначе, а только на следующих выборах.

Ну, а все эти разговоры о праве отзыва, — это чушь собачья, это совершенно недемократические вещи. Вы меня выбрали — терпите срок, а если вы воспользуетесь правом отозвать меня, когда я вам не понравился, — ну, извините, тут же кончается и демократия, потому что я тогда перестаю быть независимым парламентарием, действующим по своим убеждениям и своей совести, а становлюсь игрушкой в руках толпы, и, если какой-нибудь просто неумный человек или опытный политикан организует мой отзыв и я буду этого бояться, тогда что же это будет за парламент?

Понимаете, народный избранник — это человек, избранный защищать интересы народа, представлять интересы общества, а вовсе не точку зрения, почерпнутую на улице, — представьте себе, что было бы иначе. Я думаю, что не только не было бы разговора об отмене смертной казни, например, в любой стране, но, наоборот, уже давно существовали бы такие санкции, какие вот пытается вводить шариат: отрубание рук, ног, публичные порки и т. д. и т. п.

Так что управляющей может быть только представительная демократия, а вот когда она управляемая, тогда демократии нет вовсе. Я думаю, что нелегкий опыт человечества привел в общем именно к такому решению этой проблемы, и существует достаточно много стран, где представительная демократия неплохо справляется со своими задачами. Нет ни одной страны и не будет, где она идеально справлялась бы с задачами, это просто невозможно, тут Черчилль абсолютно прав. Но если вполне приемлемо справляется, — ну что ж, это не так мало.

ВОПРОС. Вы сказали, что команда Путина не приведет к ГУЛагу у нас, потому что она не может этого сделать. Следует ли понимать это так, что если бы она могла, то она бы это сделала?

Знаете, я не могу ответить на этот вопрос «да» или «нет», но отвечу все-таки коротко: я совершенно убежден, более того, я знаю, что некоторые влиятельные участники этой команды хотели бы этого. Это же очень удобная система управления: вы со мной не согласились — я вас посадил.

ВОПРОС: Сергей Адамович, в научной литературе в последнее время высказывается мысль, что реформа Конституции неизбежна и новая конституция будет принята к 2005 году. Как Вы к этому относитесь?

Если это произойдет, это будет национальной трагедией. Я в этом уверен, потому что та команда, которая сейчас будет делать Конституцию, мы можем себе представить, что она сделает. Поэтому я был бы очень рад, если бы ни предложенный, ни мой собственный законопроекты никогда не прошли бы, ну в течение, по крайней мере, пятнадцати – двадцати лет. Наша Конституция ой какая несовершенная, достаточно вспомнить хотя бы федеративное устройство Российской Федерации: это нечто умопомрачительное. Тем не менее, начни ее сейчас менять, и мы с вами даже оглянуться не успеем, как мы окажемся в Советском Союзе...

Сергей Доренко

[...] Я вам сразу скажу, что у меня нет ответа на вопрос, поставленный организаторами, — «Куда же ты, Россия?»

Если предположить, что Россия должна идти путем так называемого прогресса, то мы не можем не заметить, что Россия периодически открывается для сотрудничества с внешним миром. Каждый такой период сотрудничества характеризуется массированными заимствованиями у стран-лидеров прогресса новых способов организации общества и государства, а также новых материалов и оборудования. И в каждый такой период относительная либерализация общественной жизни начинает угрожать целостности российского государства. Таким образом, как кажется, собственно

прогресс, то, что мы называем прогрессом, часто вступает в противоречие с Россией как с единым государством. Или, может быть, точнее — с обычным устройством российского государства. Потому что прогресс невозможен без некоторого уровня свободы общества. А любой уровень свободы общества приводит к потере государственной чиновной элитой контроля над ситуацией в стране. И, как это мы наблюдали в конце XX века, — к потере страны. Поэтому мы зачастую вынуждены бороться с прогрессом [...]

Прежде всего, я полагаю, раз уж вы пригласили человека с телевидения, вы рассчитываете услышать и поговорить о роли телевидения в современной политике и о том, как телевидение создавало сегодняшний день.

Мне тоже легче говорить о том, что я безусловно хорошо знаю. К тому же судьба телевидения в последние десять лет может выглядеть такой осью того, что с нами было, — так, как мне это представляется.

[...] Я назвал бы основными три распространенных в зрительской среде тезиса о телевидении. Первый: телевизионные журналисты абсолютно несамостоятельны. Одни считают, что каждое слово любому журналисту пишется в Кремле. Или в каком-то ином схожем таинственном и неприятном месте. Другие полагают, что практически любой способный заплатить человек может направлять тележурналистов в угодном ему направлении [...]

Второе распространенное представление прямо вытекает из первого: тележурналисты и пресса в целом тотально продажны. Тут мнение телезрителей опять расходится. Одни полагают, что журналистов купили раз и навсегда представители крупного бизнеса. Часть же аудитории считает, что журналисты перепродаются по нескольку раз на дню разным персонажам бизнеса, политики и преступного мира. [...]

Какой же вывод делает зритель из вышеизложенных убеждений?

А вот какой: он верит каждому услышанному от тележурналистов слову. Осуждение некой абстрактной прессы за пороки сочетается с самой искренней преданностью телевидению и с самой самозабвенной доверчивостью. Люди ждут чуда (сказки) и верят в чудо как в единственный реальный и эффективный способ улучшения жизни. И признаки готового вот-вот начаться чуда отыскиваются телезрителем чаще всего именно в экране телевизора. Зритель не различает реальность и телереальность. [...]

Я вкратце охарактеризовал взаимоотношения, с которыми мы со зрителями подошли к своеобразному десятилетнему юбилею [...] перейдем к нашим совместным и малоприятным взаимоотношениям с властью. [...]

Ровно десять лет назад произошло то первое восстание на телевидении, когда Татьяна Миткова, ведущая выпуска новостей ТСН на Первом канале Гостелерадио СССР, отказалась читать лживый текст о положении в Литве. До введения формальной цензуры во время литовского кризиса при Горбачеве, никакой цензуры в информационной службе Гостелерадио не было. Но и свободы не было. Это было состояние бесцензурности, когда цензор сидит в голове, когда люди не позволяют себе думать, когда люди уже не нуждаются в цензуре, когда правильные люди работают на правильном месте.

Система была отточена поколениями правильно мыслящих людей. И наше поколение было первым массово презирающим коммунистическую систему поколением. У нас не было почти опыта покорности. [...]

Многие из нас перешли на вновь созданное, нами же и созданное Российское телевидение. И вот тут нас уже начали плотно опекать власти. Должен сказать, что в то время наша пассионарность совпадала с тем, чего могли бы требовать от нас в лагере Ельцина. Мы не знали, используют они нас, или мы используем их, или это наш шанс и наша надежда — Ельцин, или это он нами манипулирует и жонглирует, и поэтому так получается, но это было не важно. Важно, что мы шли в одном направлении, нам было по пути, и никто не считал, кто сколько для кого сделал. Это был такой повстанческий комитет — назывался он «Вести», и это был самый рейтинговый выпуск новостей. [...]

И вот мы работали в «Вестях», и путч застиг нас врасплох: мы были не готовы к победе, мы совершенно не понимали, что с ней делать, мы были растеряны ужасно. Никто из нас не верил, кто родился при коммунизме, что, возможно, это когда-то изменится. Мы думали, что мы будем сколько-то дерзить, и вот это будет таким поступком, таким подвигом, в результате которого нас все равно потом или выгонят или арестуют. И в августе был верх такого куража: мы дежурили у Белого дома, мы не спали ночей, мы ходили с какими-то дурацкими противогазами и т. д. И путчисты проиграли. Но никто не выиграл. Проигравшие были, а выигравших — не было. Лично выигравших было сколько угодно. Но вот выигравших по-настоящему политических сил не оказалось. Потому что к власти пришли группировки и кланы, смутно понимавшие даже свои собственные интересы. И не поднимавшиеся до интересов государства и общества. Развитие наше пошло вкривь и вкось. Короткими хаотическими перебежками. Первый канал остался первым: власти захватили лучшее, что было в стране, и они захватили, конечно, Первый канал.

Первый канал, который просто еще вчера агитировал за коммунистов, развернулся ровно на 180 градусов; это не составило никакого труда. И стал работать. Перешли туда кое-кто из «Вестей»: Женя Киселев, я — чуть позже, Олег Добродеев. И от нас требовалось быть сподвижниками. Чтобы журналисты понимали, что если Ельцин был нетрезв в Праге, то нужно рассказывать совершенно в другом стиле о Праге. И помалкивать, если происходят непонятные вещи с реформой, которую, в общем, мы все ждали, в общем, приветствовали, готовы были бы терпеть, но мы не знали, сколько терпеть. И мы видели ошибки, но не принято, вроде, о своих говорить, мы ведь были соратники все же.

Это было началом нашего растления, по существу. Мы соглашались с отцом инквизиции в том, что цель оправдывает средства. И мы, став самыми заметными журналистами страны, стали или остались политиками. И любой из нас скажет, что это было не стыдно: нам противостояли колоссальные, тектонические силы реакции. Коммунистической, тоталитарной

реакции. Наш полунетрезвый президент брел наугад Бог знает куда. Но провозглашенные им идеалы, несмотря на его большевистские методы, были нам близки. И мы все за них дрались.

Забавно, что вопрос денег за собственно политическую поддержку режима или группировок внутри Кремля и правительства тогда вообще не стоял. Коррупция на телевидении была инфантильной и провинциальной. Я очень хорошо помню сюжет, который принесла мне одна знакомая, очень хорошая дама, она сказала: «Мне надо перевозить мебель, нужно поставить сюжет — люди дают машину». Просто надо поставить сюжет в новости, как будто это новости о какой-то фирме, а они дадут ей машину и грузчиков. Это было голодное время, когда каждый должен был выжить как угодно.

Серьезным испытанием для российской прессы стал 1993 год.

Мне повезло. Я работал корреспондентом CNN Spanish, на испанском языке. Я рад, что в 93-м я не был ни на каких российских каналах. Рад, потому что я бы не призывал вводить в город танки. Потому что сладить с реакцией нужно было обязательно, а обстреливать из танков — нельзя. Вот этот яд — он в нас сегодня. Именно потому, что мы позволяем танкам стрелять в нашей столице по парламенту, именно поэтому мы позволяем нашим солдатам гнить в окопах по полтора года в Чечне. И не считаем мирных жителей за людей. А потому, что мы позволяем нашим солдатам гнить в окопах по полтора года, с нами случится еще что-то в будущем. Обязательно случится. И причиной будем мы сами — те, кто считает нормальным расстрел парламента из танков. И те, кто считает нормальными методы ведения чеченской войны.

[...] Радикально отбросил нас, российскую прессу, назад 1996 год. Я думаю, что 1996 год — это грехопадение такое, серьезное, которое совершили пресса и весь политический мир в России, и вы как избиратели (те, кто голосовал [...] Пресса не могла поддержать никого иного — только Ельцина. Это понятно.). Оно заключалось в том, что нас поставили к стенке и сказали: «Вы должны выбрать между двух зол». И вот отсюда начинается отсчет системного разрушения, системного политического тупика, к которому нас привели через четыре года снова, когда снова нет кандидатов, когда снова абсолютно голый «политический олимп», когда у нас нет выбора, по существу, и когда власть назначает сама себя.

[...] Штаб поддержки Ельцина против коммунистов был по самоопределению «нашим общим демократическим делом». Потом он стал для участников этого штаба просто «нашим общим делом». А в конце он стал для них Cosa nostra и служил уже для политических махинаций.

Коррупция в телекомпаниях была представлена на этот период практически только в государственных каналах. Везде, где власть над каналами была отдана частному бизнесу и где бизнес-группы реально осуществляли контроль над каналами, торговля сюжетами, подрабатывание путем пропихивания коммерческой информации под видом новостей исчезли. Журналисты, которые пробовали заниматься коррупционными сюжетами не-

легально и тайно от руководства, изгонялись безжалостно даже при одном лишь подозрении. Впрочем, общество не было обрадовано. Даже наоборот, поскольку каналы стали довольно явно и последовательно защищать интересы собственных групп в их отношениях с другими группами. Эти процессы были названы впоследствии информационными войнами. Я бы назвал их информационным распятием. Поскольку противники медиа-империй Гусинского или Березовского не имели ни малейших шансов на победу в те месяцы, когда две эти империи действовали сообща. А они часто действовали сообща.

Я мог бы подробнее остановиться на этом периоде, но, думаю, наибольший интерес представляют последние полтора года, и мы знаем, что эти полтора года решили сегодняшний день.

[...] Мы подошли к лету 99-го со штабом, где работали все сколько-нибудь значимые, совсем все — вы понимаете? — сколько-нибудь значимые средства массовой информации. [...] НТВ тогда уже попало в немилость, и их прекратили звать.

И они решали вопросы в других местах и с другими людьми.

Потому что Кремль пал.

Все считали, что Кремль пал и что рано или поздно его возьмут Примаков с Лужковым. Собственно, они уже делили портфели, — это все знали. Лето 1999 года — это лето, когда Ельцин мог уже издавать любые указы и никто бы не стал их выполнять, если бы это только не был указ его о собственной отставке по состоянию здоровья, к чему его призывал Лужков.

Лужков и Примаков были победителями и вели себя как победители. Это не были, по существу, политические лидеры. И тем не менее популярность их у электората была колоссальной. Просто не существовало конкурентов этим двум лидерам, кроме унылого и безопасного уже Зюганова. Откуда эта популярность? Просто я думаю, что народ искал как бы отца, психологически искал отца (сейчас он его тоже обрел), он искал отца, он испытывал моральное одиночество от того, что рухнула система ценностей. Рухнула надежность и понятность мироустройства в советское время. И возник страх перед ответственностью. Страх перед свободой. Народ всегда мстит за свободу. За освобождение от крепостничества народ серьезно нам всем отомстил двадцатым веком. Он построил новое рабство. И передоверил ответственность.

И летом 99-го народ искал отца, все равно, кого, какого-то покровителя. На эту роль сиротливый электорат выбрал Лужкова с Примаковым. А элиты присягнули на верность Лужкову и Примакову, потому что поняли, что борьбы не будет, что эта пара — власть. А с властью надо договариваться.

Все думают, что вот тут-то Кремль и перехитрил Лужкова с Примаковым. И каким-то исключительно асимметричным способом украл у них победу. И подарил власть Путину. Очень важно понимать, что Кремль ничего необычного и сверхъестественного не делал. Был создан только и исключительно зеркальный проект для привлечения элит. Вначале именно элит. Ко-

нечно, работа с широкими электоральными массами велась, тут нет сомнений. Но задача завоевания региональных и бизнес-элит, которые способны манипулировать электоратом и контролировать умеренный подлог во время голосования, была принципиальной.

Схема была проста: представьте себе, что один феодал поставил шест на холме с флагом и сказал: «Собирайтесь вокруг меня, там — в Кремле больше никого нет — царь мертв». Ровно это сделали Лужков с Примаковым. И они сказали: мы называемся «Отечество». И с этого момента каждый губернатор бегал туда узнать, а что там, и записывался в «Отечество». А Кремль поставил еще один шест на другом холме. И назвал его «Единство». И региональные лидеры стали бегать между этими двумя силами, отмечаясь на всякий случай в обеих. Потом местные феодалы поняли, что «Отечество» падает, рейтинг Лужкова падает. Падение же Лужкова и Примакова приписывается мне, но я предпочел бы не высказывать на этот счет никаких суждений. Так или иначе, но их рейтинги спикировали вниз за короткое время. И, за отсутствием соперников, элиты присягнули (в который уже раз в течение одного года?) Путину. Дальше пошло обычное, оттренированное давление. [...]

Чтобы все было хорошо, надо голосовать за Путина. Интересно и забавно: наш избиратель не может лгать начальству. Сказать, что за Путина, а в кабине для голосования сделать другой выбор. Наш избиратель уверен, что начальство — оно как Господь. Люди почему-то думают, что начальство-Господь все видит. И что «раз уж обещали, то надо в нужном месте поставить крестик». Понимаете? Парламентские выборы были выиграны Путиным. А президентские уже интересовали кого бы то ни было только в том, что пройдет ли Путин в один тур или в два.

И еще одна поразительная вещь. Конечно, многие скажут, еще было освобождение от национального унижения — то, что случилось с новой чеченской войной. Да, это так. Нам было неприятно, что Чечня, о которой мы все время пытались забыть, непрерывно напоминала о себе бандитизмом в регионе, наркотиками в наших городах, криминальными группировками, похищениями людей. И оскорбительными для России заявлениями чеченских лидеров. Мы все устали от морального и психологического террора Чечни против остальной России. И все хотели наказать бандитов. И это было бы абсолютно серьезной акцией, которая характеризовала бы нас положительно, если бы это освобождение наше от унижения длилось неделю. А у нас война, которая длится уже полтора года. Она уже нас характеризует иначе: она нас характеризует как людей, которые терпят смерти своих солдат, которые терпят убийства мирного населения. [...]

А начало этой войны? Я не знаю, кто взорвал дома в Москве, и, скажу вам честно, не могу обвинить в этом власть. Но после взрывов домов мы — многие из нас — хотели этой войны, хотели, чтобы наши дети не боялись спать. И мы доверились Путину в этой войне. И долго думали, что он все делает правильно.

Придуман был проект «Путин» после того, как заговорили, что Степашин ведет переговоры с Лужковым о том, какое место он, Степашин, займет в новой администрации Лужкова-Примакова. Это лето 1999 года. В Кремле — паника; независимо от того, правда это или нет. Доносят «папе». «Папа» понимает, что его сдадут. Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев ищут срочную альтернативу. Принципы простые. Первый: избираемость. Для избираемости лучше, чтоб был НИКТО, потому что если у человека есть какая-то история, то ему будет трудно собрать весь электорат. Второй: чтобы он не сдал «папу».

Вот эти две позиции — принципиальные. Естественно, отбор идет лихорадочный, пожалуй, неделю, — и это очень серьезный срок для Кремля, который привык действовать хаотически. Фамилию первым вспоминает Юмашев. Очень поддерживает Волошин. Путина принимают и договариваются. Он долго сопротивляется и выказывает нежелание заниматься этой авантюрой. Его уговаривают. Потом быстро происходит перемена премьера. Времени на его раскрутку нет. Но, может быть, это даже и хорошо . Это и впрямь было хорошо. Россия влюбчива, но ветрена. Она быстро влюбляется в нового человека, она же и быстро устает от своих лидеров.

Итак, проект «Путин» придуман в это время. Победа Путина была решена 12 декабря. Я настаиваю на этой дате. Выборы президента уже ничего не значили. 12 декабря стало понятно, что из двух выбрали одного: из двух «отцов» выбрали настоящего, из двух диктаторов выбрали настоящего. Правда, про это мы уже узнали позже.

Выборы президента были техническим вопросом, абсолютно техническим. И однажды одному политику, не мне, одному политику Путин сказал в ответ на упрек, что должен был быть второй тур, что не было у Путина пятидесяти одного процента: «Вы считаете, что они подтасовывали?» И этот политик ему: «Да, я так считаю и могу это подтвердить». И тогда Путин ответил: «Вы знаете, а я их об этом не просил». Конечно, не надо было просить: все было решено.

Вы никогда не знаете, идет ли речь о странной разновидности наивной искренности или о провокаторском лицемерии, когда слышите Путина. Я думаю, вот самый серьезный ответ на вопрос, — был же такой вопрос, на который долго никто не мог ответить, и я не мог, — «Who is Mr. Putin?»: он — просто человек, который говорит то, что нам нравится. Хамелеон. Он пошел на заседание Пен-клуба и был там диссидентом, а через день он был на праздновании ЧК, и там он был чекистом... И, в общем, симпатичный человек, такой стихийный даос, который дает сущностям проявиться и никогда не противоречит сущностям. Однако сущности часто бывают опасны: одна дает генералам воевать, другая дает прокуратуре сажать, и эти сущности могут стать опасными. В этом — его стихийный даосизм. Я так думал все время: когда он оставит свой даосизм и станет больше европейцем, наконец? Чуть позже я стал понимать, что речь идет не о философском подходе, а о страхе малоопытного и слабого руководителя. Он считает себя слабым. И

говорит: «Государство — слабое». Он ассоциирует себя с государством, что, конечно, ошибочно по существу. Что же он делает, чтобы себя усилить? Он уничтожает государство. Он уничтожает все ветви государства, которые не-Он. Он расправляется с обществом и с прессой — инструментом общества. Он превращает парламент в карикатуру. Суды не надо превращать в карикатуру: они давно уже даже не смешны. Он уничтожает всех, кто выше, ярче, сильнее. Нетрудно догадаться, поскольку сам он считает, что выше, ярче и сильнее его решительно все, то всех он и уничтожает. И вот: посреди скошенной травы стоит одинокая былинка. Теперь она выше всех. И сильнее всех. Стала ли она на деле сильнее? Стало ли сильнее государство? [...]

Заниженная самооценка и страхи Путина стали серьезной проблемой и в отношениях его с прессой. Сам Путин считает себя продуктом телевидения. Телепродуктом. И в самом деле, безвестный парень из питерской администрации, которого нашел зачем-то Пал Палыч Бородин и привез в Москву. Дальше — фактически порученец Валентина Юмашева и Татьяны Дьяченко. По их поручению — директор ФСБ. По их поручению — наследник и президент. Есть чему удивляться. И как телепродукт Путин пытается контролировать машину, которая его генерирует. Путин стремится контролировать телевизор. Ваш телевизор. И он это делает. И в этом — главная причина войны против НТВ. [...]

Другая очевидная, но не главная причина нападок на НТВ — месть. Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев [...] эта вот пара — они остались и они должны были за «папу» мстить НТВ, как они полагали, нелояльному: в Кремле думали, что на НТВ — агитаторы за врагов.

Третий — уж совсем не самый главный мотив борьбы с НТВ и серьезная угроза для всех остальных бизнес-групп — алчность победителей. И это совершенно очевидно: они считают, что должны сейчас делить не чужое, — они делят свое, ведь страна-то их. Ельцинский Кремль снабжался деньгами так называемыми олигархами. То есть была специально отобранная группа приближенных представителей крупного бизнеса, которой было позволено делать жизнь кремлевских обитателей комфортной, а еще — тратить деньги на различные политические проекты. Ресурсной базой для этого Кремль приближенных богачей обеспечивал по-свойски и не скупясь. Но сегодняшние обитатели Кремля, как мне представляется, не слишком долго разрешат каким-то странным персонажам с еврейскими фамилиями и без офицерских погон таскать им деньги. И на каком основании эти странные и подозрительные персонажи им таскают их же собственные деньги, — вот что не очень понятно новым обитателям Кремля. Кто-то считает их собственные деньги и сколько кому платить — это же стыдно, надо самим брать! Поэтому я думаю, что тут будут внесены уточнения и поправочки, как говорят люди военные.

Мы неминуемо сталкиваемся с трудностями, когда пытаемся классифицировать новых обитателей Кремля политически. При этом надо учитывать, что сами они себя не определяют никак, то есть у них способов клас-

сификации никаких нет вообще. Они сами обходятся без формулировок. Я бы сделал вывод, что Путин и его ближайшее окружение могут считаться этатистами. Причем (умоляю не считать это оскорблением) фашистского типа. Это не значит, что они плохие, то есть наоборот — хорошие; пожалуйста, муссолиниевского типа, если угодно. Я не хочу, чтобы это звучало как обидное слово, — я пытаюсь классифицировать, то есть это крайняя форма этатизма, в которой все институты государства подавляются одной из ветвей власти, потому что, по существу, подавляется государство. Именно так, поскольку государство состоит же не только из одной президентской вертикали. Если пойти от самого простого и схематичного утверждения, что провозглашение абсолютного приоритета интересов нации над интересами личности есть нацизм, интересов класса над интересами личности есть классизм (например, коммунизм), то абсолютный приоритет государства (не всего, а исполнительной только ветви) над личностью есть фашизм. И наоборот, защита интересов личности и приоритет личных свобод есть демократия. Если принять эту упрощенную схему, то очевидно, что Путин никак не классист, демократ или нацист. Пока... На основе того, что мы до сих пор видели.

[...] Непонятна и суть Думы. Ее бы разогнали наверно или может быть, но сейчас нет нужды, потому что там сидит нужная ватага: ватага Путина рулит всем и ватага зюгановская помогает, поскольку Зюганов никогда не был настоящим большевиком. Конечно, Зюганов — тоже советский этатист. Государство выше всего для советских коммуно-фашистов. Мы смотрим и удивляемся, почему они с коммунистами союзничают? А почему бы они не союзничали, когда они совершенно сходны в принципиальных и идеологических установках? Таким образом, этот союз очень понятный, а потому и Думу разгонять не надо.

Суды. Суды известно как работают: суды получают деньги от губернаторов, губернаторы получают указания сверху. Таким образом, власть борется с государством. И это не выглядит парадоксом для меня, потому что власть системно разрушает русское государство, устанавливая полный, тотальный перевес одной из ветвей власти и уничтожая другие ветви власти. Государство не может состояться в виде табуретки на одной ноге, не может состояться при такой системе. И потому эта система гибельна.

Она гибельна и по другой причине. Опора ее — та самая непосредственная демократия, о которой говорит Павловский. Он говорит: «Наш лидер опирается сразу на людей, минуя партии, движения». Когда мы говорим «народ» и «нация», мы говорим об обществе, которое обычно так или иначе структурируется. Оно структурируется в партии, в движения и т. д. вплоть до церквей. Но в России этого не произошло. Все расколото и сломано. Павловский говорит: «Мы отбрасываем это, мы обращаемся прямо к массам». Прямо к неструктурированным массам можно обратиться, но это опасно, потому что это зачастую маргинальные массы, которые не способны структурироваться. И, обращаясь к таким массам, вы должны понимать, что те-

перь вы должны бежать быстрее их, потому что рано или поздно эта освобожденная сила нагонит вас и уничтожит. Я считаю, что это самая серьезная опасность для нынешней власти, опасность, которую они — те, кто у власти, — не осознают. Уничтожив все демпферы, уничтожив все, что стояло между ними и маргинальной массой, они сказали: «Мы — вожди маргиналов. Мы обращаемся к ним напрямую. Мы будем апеллировать только к ним и больше ни к кому, и они нас поддержат. Это показывает рейтинг». Вы посмотрите на рейтинг: он, правда, чертовски высокий. В ответ я могу сказать, что, когда массы будут дальше загонять себя по спирали вверх, взвинчивать, этот лидер должен будет либо бежать впереди них и взвинчиваться еще больше, либо проводить децимацию среди них время от времени, расстреливая каждого десятого, как Сталин, то есть показывать, «кто в доме хозяин». Судя по тому, что Путин не наказывает никого, или пока не научился, он будет просто бежать впереди них или будет сметен. Потому что кроме маргиналов единственной структурированной базой поддержки Путина стали ФСБ и прокуратура. Этого мало. Очень мало, чтобы противостоять маргиналам.

Один из политиков, я не буду называть — кто, сказал мне: «Можно ли снять Путина?» Я ответил: «Я знаю, как его снять, — это технически просто. Это очень просто. Его нужно атаковать слева. Его нужно бить левее, чем он согласен пойти, — его не отпустят так влево его нынешняя структурированная база поддержки, а именно репрессивные органы — ФСБ и прокуратура. Левый фланг вообще голый. Там вакуум. Любой сильный лидер, радикально левый сильный лидер опрокинет Путина и его категорически ослабленное теперь государство. Но в этом случае нас на восемьдесят процентов вероятности ожидает не одна пугачевщина, а целая серия пугачевщин по стране, нас ожидает раскол страны. Я говорю о таком процессе, когда вы эти маргинальные массы искусственно разогреваете быстрее, чем их лидер способен идти. Это все равно произойдет с ним, — почти точно произойдет, — потому что он это делает и сегодня этот процесс запущен. Но это можно искусственно разогнать, усилить. И это приведет к массе пугачевщин, то есть это будет страна, отданная в руки банд, реальных банд, страна совсем без закона. И это, конечно, страшная перспектива, но совсем не означающая, что мы не должны аргументированно и цивилизованно оппонировать власти.

Вторая важнейшая опасность для Путина — снятие его с поста новым лидером репрессивных органов. Довольно скоро положение Путина и стоящих за ним элит станет угрожающе шатким. Оптимальным решением станет замена Путина на лидера, способного удержать в узде левацких маргиналов и силовиков одновременно». [...]

Я начал с того, что я не знаю, куда идет Россия. [...] Однажды я подумал, а зачем Дальнему Востоку Москва? И я понял: потому что он слабый. Он не может говорить с элитами в Токио, Сеуле и Пекине хотя бы как младший партнер. Все элиты близлежащих центров власти могут говорить с

ним просто как с мальчиком с улицы, посылать за пивом. Именно поэтому дальневосточники должны говорить: «У меня там в Москве сидит дядька с чемоданом, и в нем кнопка». Он должен намекать на это соседям. Если же Дальний Восток становится равноправным собеседником соседствующих элит в Токио, Сеуле и Пекине, — предположим себе такую ситуацию хотя бы на уровне Сеула (что легко себе представить по-настоящему), — то необходимость в Москве может отпасть. [...]

И вот в этой ситуации, когда мы сидим в Москве, если бы я давал совет, я бы сказал, что нужно остановить прогресс, нужно бороться с прогрессом, потому что прогресс может означать угрозу для нашей страны, для ее целостности. При некоторых обстоятельствах реально может. Поэтому бороться с развитием самостоятельности, с развитием экономики нецентрализованной, не управляемой из одного-единственного кабинета, на мой взгляд, очень органично. Мы сейчас на пороге новой закрытости, и если мы продержимся достаточно долгий срок, то, открывшись, я думаю, мы столкнемся с серьезными потерями, серьезными коллапсами.

Я думаю, что, таким образом, мы не знаем, чего же ей, России, надо. Куда она идет — точно не знаем. Мы знаем, куда нам хочется: нам хочется в Россию. Это я много раз проверял, проверял, смогу ли я где-то жить, — я хочу жить здесь и точно не могу нигде больше.

Суммируя, я думаю, мы наблюдаем, как уставший от свободы народ реализует свой страх свободы в попытке построить новое патерналистское фашистское государство. Лидером, не очень, впрочем, подходящим, избран Путин. Вполне случайно избран. Тенденция стремления к закрытости и несвободе, я думаю, достаточно долгосрочная. В результате следующим лидером — вождем народа и президентом — станет человек типа генерала Шаманова. Путин оставит свой пост досрочно. Новый режим станет радикальнее путинского в закрытости и этатизме. Но просуществует недолго. В силу ускорения прогресса открыться России придется очень скоро. В момент открытия ее будет ждать очередной коллапс типа того, который мы видели в начале 90-х годов. А вы говорите — телевидение? Впрочем, про телевидение тоже, несомненно, интересно.

ВОПРОС. Каким Вам видится будущее СМИ при нынешнем главе государства?

[...] Путин обязан по природе вещей стремиться контролировать машину, которая его генерировала однажды и продолжает генерировать сегодня. Сколько-нибудь значимые СМИ будут контролируемы. Какие-то будут, как клетка с попугаями. Будут водить экскурсии и говорить: «Вот у нас газета. Скажите что-нибудь». Она говорит: «Путин — дурак». Хорошо, закрывают темной тряпочкой, идут к следующей клетке. «А здесь у нас оппозиция в парламенте. Скажите что-нибудь». — «Путин — дурак». Видите — демократия. Ну, это же нормально, это правильно.

ВОПРОС. Ваше отношение к «черному PR» как методу политической борьбы?

Очень-очень плохое отношение мое к «черному PR». Самый паршивый пример, — это когда 22 марта 2000 года на совещании в Кремле у Волошина было решено солгать, что Явлинский сделал подтяжки лица, чтобы понравиться своим гомосексуальным приятелям. Это давала программа «Время» в 21 час. Это решение было принято у Волошина в Кремле. Там была Татьяна Кошкарева, руководитель информации Первого канала, был, думаю, и Олег Добродеев — РТР. Многие люди были. Обеспечить велено было Первому каналу. Эрнст протестовал, но ему сказали, что его канал самый народный, значит, надо «втюхать» туда — и все, потому что если это дать на другом канале, более элитном, то вдруг это, наоборот, понравится избирателям. Это сделал Константин Верницкий, которого вы все можете увидеть, — он написал. Ему сказали, что написать, и он оформил это в тексте. И все улыбались на ОРТ, когда это сделали. Ощущение гадливости было, но все улыбались. [...]

ВОПРОС. Вы в самом деле считаете, что Россия найдет выход из сложившейся ситуации, именно ориентируясь на Западную традицию, а не на Восток?

[...] Я точно считаю: да, мы не можем не ориентироваться на успешную демократию. Слова «Запад» и «Восток» я бы не акцентировал вообще. Просто, когда мы говорим, что мы станем вождями питекантропов, — это неправильно. Нас точно освоят. Как мы осваивали тайгу, — нас освоят, цивилизованное сообщество нас освоит. Рано или поздно у него руки дойдут. Сначала точно будет расширяться экономическое сообщество в Европе. Нет такой силы, которая бы это остановила. Экономические законы, которые превыше всего, говорят нам, что будет развиваться экономическое сообщество. В этом — его интересы и интересы США, которые будет защищать НАТО, которое точно будет расширяться. Если есть еще иллюзии на этот счет, — ну, вы можете ими еще тешить себя какое-то время. Как только ресурсная база Запада позволит ему инкорпорировать полностью Эстонию, Словению, Словакию и т. д. по этому эшелону, а потом позже какую-нибудь, предположим, Болгарию, Латвию, Литву и Словакию (здесь Словакию, во вторую очередь), — как только ресурсная база Запада позволит им перешагнуть вот эти границы и заняться Украиной и Грузией, — не потому, что это перспективно экономически, а потому, что перспективно изолировать Россию, и не потому, что они собираются нам вредить, а потому, что они боятся, как бы мы им не навредили, потому что они защищают свою экономику, они защищают свой доллар, — как только у них появится такая ресурсная база, они это сделают, и сделают независимо от того, захотим мы этого или нет, и как мы им улыбаемся и как мы им глазки строим. Все это совсем двадцать пятое значение имеет. А вот когда у них появится огромная ресурсная база,

действительно, чудовищная, для освоения территории под названием «одна седьмая часть суши», они и ее освоят. Они ее освоят с нами или без нас. Они могут ее освоить без нас, если мы будет продолжать заниматься тем, чем мы занимаемся сегодня. Просто у нас срок, нам отпущен срок: у нас огромная территория, а они еще копаются с Восточной Германией...

2001, № 2 (108)

1б. Обзор выступлений С. Юшенкова, В. Рыжкова, М. Горбачева, А. Арбатова, Б. Немцова, Л. Баткина, Е. Киселева, А. Пумпянского

* * *

С точки зрения депутата Госдумы **Сергея Юшенкова**, в России идет реставрация в виде *«антиконституционного переворота»*: несмотря на то, что вторая глава действующей Конституции посвящена гарантиям прав и свобод личности, интересы общества все чаще заменяются интересами государства. [...]

Подобная реставрация весьма опасна: достаточно скоро мы можем очутиться в государстве, где будет господствовать закон, но не правовой (основанный на естественных правах человека), а подчиняющий права человека интересам государства. И все-таки, считает докладчик, в России уже сформировалась *«критическая масса людей, которые ни за что не захотят поменять свободу на безопасность и гарантированную похлебку»*.

И это важно, поскольку очень многое в сегодняшней России напоминает пройденные этапы советской истории. Например, по словам Юшенкова, «оттепель» остановили именно нефтедоллары, *«позволившие обеспечивать какую-никакую сносную жизнь и тратить огромные деньги на содержание армии, гонку вооружений, освоение космоса и т. д.»*. Похожая ситуация складывается и сейчас. Сегодняшний бездефицитный бюджет — вовсе не заслуга правительства, а следствие высоких цен на нефть. По словам Юшенкова, российские экономисты молятся, чтобы цены на нефть упали, потому что только это обстоятельство может помешать стране превратиться в сырьевой придаток, не стремящийся к реформации экономики. А если Россия не реформирует экономику, она обречена.

Что же касается ответа на вопрос «Куда же ты, Россия?», он, по мнению докладчика, несмотря ни на что, должен быть оптимистичным. *«Несмотря на все трудности, у России достанет сил в конечном итоге преодолеть тягу к повторению своего прошлого сначала в виде трагедии, потом в виде фарса и двинуться по тому пути, по которому развивается вся западная цивилизация, основанная на приоритете прав и свобод личности. И когда мы свои прежние подходы, свою прежнюю ментальность заменим другой ментальностью, другими подходами к жизни, Россия войдет в мировое содружество цивилизованных государств»*.

* * *

Опираясь на данные ВЦИОМ, депутат Госдумы **Владимир Рыжков** показал, что подавляющее большинство наших сограждан полагают себя более умными, более культурными, чем остальные народы; что россияне считают себя носителями особых душевных, духовных и трудовых качеств. Кроме того, россияне уверены, что большинство иностранных государств желает России зла, и жаждут «сильной руки». Более того, продолжает Рыжков, по утверждению статистиков, 70% наших сограждан *в принципе* довольны тем, как они живут. В том, что наше общество не готово сегодня к серьезному усилию, к серьезному изменению самого себя, Рыжков и усматривает одно из объяснений феномена Путина.

Далее Рыжков перешел к основным проблемам современной российской жизни. И самой главной угрозой докладчику представляется стремительно возрастающее интеллектуальное, техническое, культурное и гуманитарное отставание России от глобальных процессов, происходящих в мире: «*Сегодняшняя российская элита уже не в состоянии говорить с миром на его языке, оперировать его терминами, понимать его проблемы*».

Второй вызов, по мнению Рыжкова, — резко ухудшающаяся международная репутация нашей страны. В глазах всего мира современная Россия предстает тотально коррумпированной страной с исключительно сырьевой экономикой, очень плохой экологией, крайне низким уровнем безопасности, комфорта, бытовой культуры, обслуживания и т. д. Причем эта же страна обладает великодержавными амбициями, стремится играть особую роль в мире, дружит с очень сомнительными режимами и конфронтирует со странами, лидирующими в современном мире. С этим напрямую связан третий вызов — всевозрастающая изоляция России от остального мира.

Четвертым вызовом Рыжков назвал консервацию бесперспективных форм общественной, политической и экономической жизни. В то время как весь мир идет путем децентрализации, диверсификации ресурсов, Россия восстанавливает единоначалие, дисциплину и вертикаль, не может создать нормальную правовую среду и так или иначе подавляет институты гражданского общества. Рыжков также отметил крайне низкую корпоративную культуру российской экономики и низкий уровень менеджмента. Очень важным показателем консервации отсталых традиций социальной, общественной, экономической жизни докладчик считает чрезвычайно низкий уровень жизни огромного большинства населения.

Далее докладчик отметил, что большинство названных проблем адекватно не оценивается ни руководством страны, ни политиками. У руководства страны, следовательно, нет и не может быть серьезной стратегии, поскольку реальная политика сводится к решению второстепенных или даже мнимых проблем. [...] «*Современная российская политика представляет собой слепую игру групп, толкущихся вокруг трона. В итоге политика движется зигзагообразно, а отставание страны неуклонно усиливается*». И это зигзагообразное движение, по мнению Рыжкова, происходит в строго определенном

направлении — неизбежного возвращения к социальным, историческим и политическим архетипам.

В. Рыжков называет четыре *архетипа русской истории*: 1) принципиальная беззащитность перед лицом государства; 2) отсутствие институтов гражданского общества; 3) опирающаяся на бюрократию неограниченность верховной власти и 4) государственно-зависимый тип экономики. По мнению Рыжкова, все эти приметы свойственны России с XVI века, и возрождение их ведет к полной неконкурентоспособности России.

[...] Подводя итог своей речи, Рыжков резюмирует: «*Как всегда в нашей истории, мы стоим перед выбором: или стратегия подлинных реформ, или попытка восстановления старых архетипов развития России с единоличной царской властью (пусть выборной); со слабым бессловесным парламентом; с разрушенным федерализмом; с пресловутой вертикалью власти; со ставкой на бюрократию, которая, как ее ни тасуй, остается неизменной. Если мы пойдем путем реформ, у нас есть шанс. Если продолжим двигаться по второму пути, нас ждет упадок и превращение России в среднеразвитую африканскую державу*».

* * *

Свой доклад лауреат Нобелевской премии Мира, почетный доктор РГГУ **Михаил Горбачев** начал с того, что усомнился в правомерности формулировки «Россия при Путине». Он сказал: «*Мы все должны служить своей стране, так что это не Россия при Путине, а Путин при России*». Далее Горбачев сказал, что его целью был социализм с человеческим лицом. Для построения такой модели общества нужны и ум, и совесть. И вот в этом направлении — ума и совести — «*мы еще даже до полпути не добрались*». Тем не менее налицо достижения Перестройки — политический, экономический, духовный плюрализм, вывод страны из тоталитарного режима в демократию, свободные выборы, признание за людьми свободы вероисповедания, свобода прессы, свобода передвижения. [...]

Горбачев напомнил, что нынешний президент получил в наследство неконкурентоспособную, разворованную в ходе приватизации страну, бюрократию (а следовательно, и коррупцию), по численности превышающую советскую. Именно поэтому надо быть осторожным и ответственным в суждениях о Путине. «*Понимаешь Никиту Михалкова: мы народ фольклорный, нам надо скатерть-самобранку, по щучьему веленью, и завтра все будет, как хочу. В действительности же мы сами должны организовать свою жизнь. Понять, стать другими, взять ответственность на себя и выдержать ее. Только тогда что-то получится. Ибо проблема управляемости в России — это главный вопрос*».

[...] Докладчик высказал также мнение, что в ряде случаев президент не сможет обойтись без очень резких, авторитарных действий. В этой связи очень важно, чтобы общество и сам президент не просмотрели угрозу потихоньку встать на путь формирования новой системы авторитаризма. Се-

годня Путин болезненно переживает любые подозрения в авторитаризме, заявляя о том, что он приверженец демократии и на этом пути будет оставаться, и важно не дать ему с этого пути сбиться.

Отвечая на вопросы аудитории, Михаил Горбачев резюмировал: «*Общество в том виде, в каком оно есть сейчас, не даст вырыть себе могилу. Больше нас, как стадо, в загоны не загнать. Нет таких пастухов*».

* * *

Свой доклад депутат Госдумы **Алексей Арбатов** посвятил месту и роли России в международных отношениях. Исходя из того, что президент Путин пользуется колоссальной популярностью главным образом потому, что люди видят в нем антипод Ельцина, докладчик построил свое выступление на сопоставлении позиций этих двух президентов.

Арбатов начал с утверждения, что внешняя политика теснейшим образом связана с внутренней. Для Ельцина целью были рыночная экономика и демократическая система, ради этого он готов был закрывать глаза на все остальное: коррупцию, разграбление и развал страны, разрушение армии, разрушение социальных функций государства — от образования и здравоохранения до правоохранительной системы. Для Путина не важны демократия и рыночная экономика; самоцель для него — сильное государство, [то есть] сильная исполнительная вертикаль. «*Соответственно, за прошедший год мы стали свидетелями того, как исполнительная власть стала действительно доминирующей: и власть законодательная, и власть судебная, и власть в регионах, и власть на местах, — все это попало под пресс этой мощной исполнительной власти*».

[...] Для Ельцина, — продолжает Арбатов, — основополагающей внешнеполитической концепцией была интеграция с Западом, за которым президент готов был идти в качестве младшего брата. В отличие от предшественника, Путин стремится к партнерским отношениям с Западом — в экономической области и в области безопасности, прежде всего, «*но он никогда и нигде не сказал, что цель России — интеграция с Западом*». Путин неоднократно повторял, что Россия — европейская страна. Но, признавая Россию таковой, он посчитал необходимым за прошедший год развернуть очень активную дипломатическую деятельность «*по всем азимутам*» и открыть «*те двери, которые в 90-е годы были или закрыты, или даже заколочены*». При Путине на очень высокое место выдвинулись отношения с Китаем, Индией и Ираном (который в США считается опасной страной-изгоем), Ираком, Ливией, КНДР, Кубой, Палестинским движением... По словам Арбатова, главный и по сей день не решенный вопрос заключается в том, что для Путина окажется более важным, когда придется делать выбор: с этими или с теми?

Следующий пункт расхождения между Ельциным и Путиным — постсоветское пространство. Для Ельцина оно было просто обузой, и президент всерьез занимался этой проблемой от случая к случаю и под давлением

внутренней оппозиции. У Ельцина никогда не было реальной концепции относительно того, чего же Россия хочет от постсоветского пространства. Для Путина же постсоветское пространство — приоритетная сфера в политике. Одни государства важны для России с экономической точки зрения, другие — с военно-стратегической [...]

Далее были рассмотрены позиции, касающиеся вопроса о военной силе. Ельцин никогда не относился к этому всерьез. Для него военная сила была наследием Советского Союза и «холодной войны». Для Путина же это важнейший элемент и безопасности, и международного авторитета. Для него это не абстракция, а используемый инструмент. «*Но отношение Путина к этому вопросу несколько не согласуется с его имиджем человека, прежде всего заботящегося о силе государства. Казалось бы, ему следовало идти по пути наращивания ядерного вооружения, ведь это символ державного величия и могущества; однако для Путина ядерное оружие — это виртуальная вещь. Такое оружие создается для эфемерных балансов и переговоров, но реально не будет использовано никогда. Зачем иметь такое количество боеголовок, если достаточно гораздо меньшего?! И Путин идет по пути радикального свертывания российских ядерных сил, даже рискуя потерять контакт с США*». [...]

В заключение Арбатов отметил, что первый год Путина выявил два недостатка его политической активности по всем направлениям. Во-первых, не ясно, в чем же приоритеты этой внешней политики. Во-вторых, конкретных достижений дипломатии в виде соглашений и договоров тоже практически нет.

«*Вот если бы представить себе совершенно фантастическую ситуацию, что я могу дать совет Западу, как вести себя сейчас с Россией. Я, во-первых, посоветовал бы им пригласить Россию в НАТО. Официально в качестве полноправного члена. Само такое действие показало бы России, что дело в ее собственных технических проблемах, а не в том, что Россию не хотят видеть в качестве члена цивилизованного сообщества. Тогда изменился бы весь контекст отношений. И, может быть, такого рода приглашение привело бы к расширению взаимодействия России с НАТО хотя бы по линии того же партнерства, по линии совместных миротворческих операций, адаптации вооруженных сил друг к другу, чтобы мы перестали смотреть друг на друга сквозь прицелы.* [...] *Я сказал бы: если вы не хотите, чтобы Россия поставляла оружие «плохим» странам, откройте нам рынки цивилизованных государств и дайте возможность поставлять оружие «хорошим» странам. Ну и последнее... Я думаю, что все-таки Запад должен понять, что мы опять «увязли» в Чечне, что военного решения там не будет, а политического мы не знаем, как достичь (мы даже не знаем, что это такое — политическое решение). Запад должен помочь нам выпутаться из этой трясины, потому что Чечня постоянно будет яблоком раздора в наших отношениях с Западом и, если этот вопрос не решить мирным путем, постоянно будет фактором, толкающим Россию в сторону авторитарного, военизированно-репрессивного государства*».

* * *

Лидер СПС **Борис Немцов** начал свой доклад с того, что назвал две проблемы, от решения которых, на его взгляд, зависит будущее страны, — голод и холод. «*Страна*, — сказал докладчик, — *стоит на пороге крупномасштабных коммунальных катастроф и разрушений. Это наследство, которое досталось от всего предыдущего периода, от советской коммунальной системы*». Для выхода из сложившейся ситуации Немцов не видит безболезненного пути — «*за услуги вообще надо платить*», однако считает, что решение этих важнейших вопросов будет проверкой президента на прочность: «*на мой взгляд, Путин обязан подтвердить народную любовь конкретным делом и, по крайней мере, не заморозить народ*».

Еще одна важнейшая проблема современной России — это война. Немцов отметил, что стратегический план урегулирования отсутствует до сих пор. Он сказал: «*Сейчас за Чечню отвечают девять ведомств. Это значит, что за нее не отвечает никто*». [...]

Отвечая на вопросы собравшихся, докладчик назвал еще одну важнейшую проблему России — эпидемию наркотизации. «*Вопреки нашему законодательству*, — сказал он, — *я не считаю наркоманов преступниками, они больные люди, и их надо лечить. Преступники — это наркоторговцы. И их следует уничтожать, — естественно, согласно Конституции*». Далее Немцов отметил, что, обладая многомиллиардными оборотами, наркоторговцы полностью приватизировали спецслужбы, и потому базовая проблема борьбы с наркобизнесом — это антикоррупционные действия. Необходимо, чтобы те, кто противостоит наркоторговцам, нормально зарабатывали, а, значит, в эту сферу необходимо привлечь частный капитал. [...]

Заканчивая свое выступление, Немцов сказал: «После мрачного этапа, который можно назвать бандитским капитализмом, должен наступить следующий — этап, который требует законов, жесткой и независимой судебной власти и т. д.» [...]

* * *

Известный ученый и общественный деятель **Леонид Баткин** назвал свой доклад «Возможна ли демократическая оппозиция президенту Путину». Путина принято у нас считать сильным президентом. Но так ли это на самом деле?

По словам Баткина, Россия начала неосоветскую реставрацию, которую политологи сегодня называют «возрождением мощи государства». Баткин считает, что президент стремится к некой модернизированной андроповщине, желая абсолютного и всеобщего повиновения Кремлю в лице себя самого и возрождения, пусть с необходимыми поправками и изменениями, Советского Союза. [...] Путин явно выставляет напоказ преемственность ФСБ и КГБ, более того, гордится ею. При нем резко сузилась свобода прессы, в частности, в лице непокорного НТВ. «*Путинщина — высшая, более упорядоченная и, будем надеяться, завершающая фаза "постсоветской" дер-*

жавности, коррупции, произвола, сумбурного и взбалмошного ельцинского авторитаризма».

Молодой, напористый, находящий подходящие слова для любой ситуации, Путин вместе с тем «*беспрецедентно слабый правитель России*» и как президент «*социально-исторически несамостоятелен*». [...] «*Он был хорошим исполнителем; пропитан исполнительской психологией и нуждается в хороших исполнителях, но не в сподвижниках*». Все это качества аппаратчика, а не государственного мужа. Более того, для страны ничего решающего и поворотного сделано не было как в областях экономики и внешней политики, так и в прочих сферах. Залитая кровью Чечня для России потеряна, военная реформа провалена. А между тем президент тратит драгоценное время на создание идеологического декора и бесполезной в нынешней ситуации «исполнительской вертикали».

Подобное сочетание силы Путина с его же беспомощностью Баткин находит крайне опасным для России. Стране жизненно необходима оппозиция президенту, то есть та сила, которая отстаивала бы зачатки демократии в России. Но либералы сегодня «*продолжают изъявлять верность режиму, болтать о каких-то "важных шагах вперед" и шарахаться от принципиальной политической оппозиции*».

* * *

Основную часть своего выступления **Евгений Киселев**, в то время генеральный директор НТВ, посвятил влиянию политики Путина на свободу слова. Президент, — говорил Киселев, — публично и *полупублично* (в ходе официальных встреч, видео- и аудиозапись которых не ведется, но все, что говорится, предназначено для пересказа, для информирования масс) заявляет о своей верности такой базовой демократической ценности, как свобода слова. В реальности же он все делает для того, чтобы максимально контролировать СМИ, и прежде всего электронные. Приведя в пример историю с НТВ и компанией «Медиа-Мост», Киселев делает вывод: свобода слова в России под угрозой. С одной стороны, проводится абсолютно двуличная политика, когда говорится одно, а делается другое, а с другой, уже существуют зоны умолчания: темы, на которые лучше не писать или писать крайне сдержанно; люди, у которых лучше не брать интервью, к которым лучше не обращаться за комментариями. По мнению докладчика, Путин трактует понятие свободы слова, исходя из прагматических соображений: когда свобода слова может быть инструментом в руках президента, — это совершенно замечательное явление; но как только она начинает мешать реализации практических задач, поставленных Путиным, с ней приходится бороться. [...]

Что же дальше? — спрашивает Киселев. «*Мне представляется, что наш президент точно не представляет себе, куда идет Россия. Все разговоры о том, что мы должны восстановить порядок, сильное государство, не дают ответа на вопросы о том, какое, собственно говоря, государство; что такое государ-*

ство вообще и возможно ли сильное демократическое государство в условиях произвола правоохранительных органов и ограничения базовых свобод. Скорее всего, это просто риторика, рассчитанная на две наиболее многочисленные группы людей — тех, кто истосковался по порядку, и тех, кто так и не сумел приспособиться к жизни в свободном обществе, где каждый в значительной мере отвечает за себя сам».

Закончил свое выступление Киселев так: «*Я считаю, что история в любом случае все поставит на свои места и всех рассудит. И если сегодня мы не можем найти адекватные способы выражения своих взглядов и убедить в своей правоте большинство, то, оставаясь в меньшинстве, мы должны делать одну простую вещь, — говоря словами Солженицына, «жить не по лжи»*».

* * *

Главный редактор журнала «Новое время» **Александр Пумпянский** показывает, как эволюционировала свобода прессы. Год 1990 — запрет цензуры и Закон о печати, по которому «*любая партия, организация, группа лиц или просто индивид может затеять свое СМИ*». 1991 — путч, ставший «экзаменом для прессы». Именно тогда бóльшая часть прессы проголосовала за свободу. И последовал полугодовой «*период реализма — время между объявлением свободы прессы и регистрацией СМИ*», когда печать уже объявлялась свободной, а деньги продолжали поступать из советского социалистического бюджета. Затем СМИ осознали, что «*деньги надо зарабатывать и что пресса, которая может свободно писать и жить, также свободно может и умереть*». Появилась продажная пресса, вместе с ней пришли политические и экономические интересы. По классическим западным рецептам начали формироваться медиахолдинги, будущие медиаимперии. Возникли две модели — Гусинского и Березовского.

В 1998 году начались информационные войны за передел собственности. Вот тогда-то и выяснилось, что «*независимая пресса отнюдь не независима*». [...] Коснувшись судьбы НТВ, Пумпянский еще раз сформулировал собственную позицию: «*Два агрессора в лице администрации и олигархии не вызывают ни малейшей симпатии, но СМИ надо защищать. Надо думать о том, чтобы СМИ были если не независимы от издателей, то для равновесия как минимум равноудалены*».

Пумпянский подробно остановился на своей оценке личности Путина. «*В начале года*, — признался докладчик, — *я носил в себе парадоксальную идею, что КГБ — это странная форма школы западничества*». Молодые люди, которые в 70-е годы рвались в КГБ с институтской скамьи, были карьеристами, которые уже ни во что не верили и которые знали, что самый легкий способ оказаться на Западе — это пойти поработать в КГБ. «*Странным образом, не отдавая себе в этом отчета, эти люди внутренне признавали ущербность строя, который должны были защищать в силу своих служебных обязанностей и своими специфическими способами. Эта структура порождала и призывала к себе людей, глубоко не верующих в коммунизм*». [...]

Но другая особенность школы КГБ, по мнению Пумпянского, заключается в том, что выходцы из нее «*глубоко иерархически не понимают, как должно организовываться свободное общество, что такое свободная экономика. Они понимают, что должен быть порядок, а порядок — это власть. Представления же о власти у них, естественно, советского образца, именно поэтому им так нравится гимн, для них это реабилитация самих себя*». Так что путинский корабль обречен отступать и пятиться назад, лавировать между двумя берегами — берегом западничества и понятной системой власти.

* * *

Тему своего выступления Главный редактор «Новой газеты» **Дмитрий Муратов** сформулировал так: «*жить по закону как способ наказания*». Это не означает, конечно, что законы, созданные за последние 10 лет в России, не ставят целью улучшить жизнь нашего общества. Многие из них, — такие, к примеру, как закон об альтернативной службе, — достойны самого горячего одобрения. Однако есть категория людей, на которых действие закона не распространяется. Приговорить жить по закону — «*означает снять с предвыборной дистанции на законных основаниях*». Такой приговор выносится избирательно — и как правило за некоторую нелояльность правительству.

Политическая лояльность, в свою очередь, дает возможность Газпрому, представителям ФСБ и прочих госслужб быть выше закона. [...] По словам Муратова, чеченская кампания — это своего рода Акционерное общество «Война», созданное теми, кто стоит над законом, с целью держать напряжение.

[...] Отвечая на вопрос, как изменились ее институты после прихода Путина, Муратов серьезных улучшений не отметил: «*Власть по-прежнему считает, что интересы государства выше интересов общества*». [...] «*Меня лично это не устраивает*, — заявляет Муратов. — *Общество важнее государства. Это мы, члены общества, наняли на работу государственных чиновников. Наняли — сроком на четыре года. Это мы из своих налогов платим им зарплату. Их же дело — отрабатывать контракт в нашу пользу*». Муратов выразил уверенность, что то общество, которое в 1989 слушало трансляции Первого съезда, а в 1991 «*ставило картонки вокруг Белого дома*»; общество, серьезно рассчитывавшее коренным образом изменить жизнь страны, никуда не делось. Оно есть, хоть, может быть, устало и «затаилось на время».

Свое выступление главный редактор «Новой газеты» закончил так: «Несмотря *на то, что закон в России приватизирован, несмотря на то, что прокурор может своей волей прекратить дело, происходящие в мире процессы таковы, что скрыть преступление сегодня уже невозможно. Мир стал серьезным, мир не собирается проявлять лояльность ни к каким нашим черным деньгам. И наша обязанность сделать Россию европейской территорией, где действуют нормальные стандарты жизни*».

2001, № 3 (109)

1в. Интервью ректора РГГУ профессора Ю. Н. Афанасьева главному редактору «Континента» И. И. Виноградову

— Юрий Николаевич, как вы оцениваете историософские чтения, только что прошедшие в вашем университете? Удалось ли, по-вашему, нащупать какие-то подходы к ответу на их основной вопрос — «Россия при Путине — куда же ты?

На мой взгляд, получился весьма глубокий анализ современной ситуации. И если сопоставлять позиции, условно говоря, крайние, получается очень широкий диапазон мнений — от либеральных (куда даже слово «демократические» трудно пристроить) до по-настоящему либерально-демократических. Правда, только этот диапазон: другие позиции, такие как национал-патириотическая или коммунистическая, не были или почти не были представлены.

— Какие из выступлений, прозвучавших на историософских чтениях, — точнее, из позиций, — ближе лично вам?

[...] Конечно, мне ближе позиция Баткина, Муратова или Ковалева, говорящих, что с Путиным все ясно, что просматривается совершенно определенная тенденция развития событий — движение к авторитаризму, а то и к диктатуре. Мне кажется, сегодня проявляется то, чему наш президент был научен всей своей жизнью, — стремление к спецоперациям, к закрытости, а не к открытой политике; к действиям «по понятиям», а не по закону.

Но, с другой стороны, я думаю: может быть, еще не время делать окончательные выводы; может быть, стоит понадеяться на хорошее. Посмотрите сами: происходящие в стране процессы неоднозначны. Вот вроде бы идет наступление на олигархов — зажимают и придавливают Гусинского с Березовским, намекая на то, что список может быть продолжен. Но из-за отсутствия открытой политики не поймешь, с какой целью это делается — с целью ли искоренения олигархии как таковой или, может быть, с целью предоставить возможность действовать другим. Кому же конкретно — Потанину? Федоровскому? Все это остается под вопросом.

Под вопросом и другое. Мы живем тем, что Бог послал, имея в сущности экономику первобытного общества — на уровне охоты и собирательства. И поэтому вполне естественно стремление Путина овладеть ситуацией, взять в свои руки хотя бы то, что есть, — то есть финансовые потоки от ренты. Но получается-то, что и они не у государства, их уже растранжирили. Даже ренту — и ту мы потеряли, она в основном идет в частный карман. Да и как ее забрать, если она у Потанина, у Абрамовича, у лоббистов в Думе и прочих структурах государственной власти?

У Путина в послании Федеральному Собранию есть такое выражение: «статусная рента», — по-другому говоря, взятка. Взятка — вот на чем живет вся законодательная и исполнительная власть. И президент, с одной стороны, признает, что наша экономика — экономика ренты, а не производства, а с другой, говорит Федеральному Собранию: вы все есть получатели этой статусной ренты. И как же ее взять? Логично бы ответить: по закону. Но закон-то Потанин с Абрамовичем сами под себя и писали! Они и залоговые аукционы провели по закону, который сами же написали, и всех возможных конкурентов отсекли. Так что получается, что по закону как раз и нельзя ничего взять, потому что надо переписать закон. А если ждать, когда он будет переписан, можно и не дождаться... Вот у меня и возникают большие сомнения. С одной стороны, спецоперации кажутся просто «палочкой-выручалочкой» для президента. С другой же, действуя «по понятиям», можно продвинуться слишком далеко... Примерно это мы и видим [...]

2001, № 3 (109)

2. ЛАРИСА ПИЯШЕВА:

«Начиная с августа 1998 года в России произошел переход власти в руки спецслужб».

Из интервью с Л. И. Пияшевой — март 2001 года

[...] С 1991 по 1998 годы при формировании государственной экономической политики так или иначе, в той или другой форме и степени, но все-таки постоянно учитывались программы, разработанные при участии Гайдара, Чубайса, института Гайдара и всей этой команды. Август 1998-го стал переломным моментом. Он определил конец гайдаровских либеральных реформ и периода трансформации экономики в сторону рынка. Начиная с августа 1998 года в России произошел переход власти в руки спецслужб.

Первой парой были Примаков и Маслюков. КПРФ к этому времени приготовила весь пакет законов, программ, постановлений, в соответствии с которыми могла начинать осуществляться реставрация социализма. Это называлось усилением роли государства для наведения порядка, обозначалось как введение планового начала в хозяйственную жизнь, установление контроля над ценами, составление долгосрочных программ развития и т. д. Неважно, какие это были документы, важно, что они были изготовлены в Думе и Совете Федерации и частично приняты соответствующими постановлениями. Премьером же стал Примаков — человек из спецслужб, которому, судя по всему, были даны определенные директивы, что и как следует делать.

Вначале, правда, это все казалось незаметным. Многим очень понравилась стабильность, которую намеревался установить Примаков. Но после августа 1998 года в России произошли перемены, которые вряд ли можно назвать стихийными. Прежде всего прекратили свое существование так называемые уполномоченные банки, которые составляли основу системы коммерческих банков, деливших финансовую власть с Центробанком и игравших на политической сцене роль банков-олигархов. Власть оказалась перед выбором: или поддержать в соответствии с формулой об усилении экономической роли государства в хозяйственной жизни страны коммерческие банки, с помощью которых она на протяжении последних лет перекачивала деньги из сферы общественного производства и потребления в «президентский бюджет». Или разорить в соответствии с либеральной формулой о банкротстве неконкурен-

тоспособных. Власть выбрала второе. Она ничего не сделала для того, чтобы обеспечить проплату долгов населению через эти банки и чтобы сохранить их статус и их положение на рынке. Были ликвидированы практически все крупнейшие банки — СБС-Агро (Смоленский), Мост (Гусинский), Менатеп (Ходарковский), Инкомбанк (Виноградов), Онэксим-банк (Потанин, Прохоров и т. д.) и др., которые играли вместе с Центральным банком — фактически с властью — в ГКО и на этом обогатились, ибо участие банков в воровстве национальных ресурсов и финансовых средств через пирамиду ГКО было оплачено теми огромными доходами, которые они имели по установленным процентам. Теперь же их убрали с политической сцены как олигархов, претендующих на политическую власть, и одновременно как банкиров. Кроме этого была ликвидирована большая сеть средних и мелких коммерческих банков. В результате выжило лишь незначительное количество банков, — как правило, хорошо контролируемых властью и Центробанком. Ручных банков. Лояльных банков. Среди них — Альфа-банк (Авен), Внешторгбанк (Тулин), Банк Москвы (Бородин) и др. Часть из них вовремя слили свои ценные бумаги, другие (Банк Москвы) были поддержаны властью.

Таким образом коммерческая часть банковской деятельности фактически была ликвидирована. Это первое. Подчеркну, впрочем, что я просто констатирую факт и не берусь ответить, случились ли эта ликвидация одних и поддержка других стихийно или по предварительному сценарию. Но ведь очевидно вместе с тем, что правительство Примакова вполне могло поставить задачу сохранить коммерческую систему банков как необходимый элемент рыночной экономики. И тогда должны были бы последовать определенные действия, которых, однако, так и не последовало. Но могла быть поставлена и цель частично ликвидировать, а частично ослабить эту систему, не объявляя ни причин, побудивших к этому, ни того, что это делается целенаправленно. И то, что реально произошло, вполне укладывается именно в этот сценарий.

Второе. Сразу же после августа 1998 года в производственной сфере и в сфере услуг начались массовые банкротства и вымывание с рынка среднего и мелкого предпринимательства. В результате дефолта практически все коммерческие структуры (а они все работали в основном в долларе) были выкинуты с рынка после того, как доллар с шести поднялся за несколько приемов до двадцати четырех рублей. И владельцы мелких и средних фирм, как и выкинутые на улицу банковские работники, — т. е. нарождающийся «средний класс», — пополнили рынок труда, оказавшись без работы, без сбережений и без перспектив восстановиться и продолжить свое существование на предпринимательском поприще.

Правительство Примакова могло поставить перед собою задачу на ближайший год — восстановить этот сектор, помочь ему. Коль скоро на всех углах кричали о растущей роли государства в нашей смешанной экономике, о том, что государство должно вмешиваться, помогать, регулировать, планировать, стимулировать и т. д., тут ведь ему, казалось бы, и карты в руки: помочь ограбленным властью людям сохраниться на рынке и выйти из кри-

зиса — пусть с потерями, но все-таки с перспективой выживания. Однако и этого сделано не было.

— А чем государство могло помочь?

Существует множество видов государственной помощи: льготными кредитами, радикальным снятием налогового бремени, реструктуризацией либо списанием долгов и так далее. В руках у власти сосредоточено много инструментов, ни один из которых я вообще-то, в принципе, не поддерживаю, потому что считаю, что такое регулирование сродни регулированию гаишника у светофора: светофор исправно работает, а потом появляется гаишник, который начинает вносить собственные коррективы, и в результате десятиминутная «пробка» превращается в часовую. Но в критической ситуации дефолта, когда большое количество высоко стоящих во власти людей скопили на ГКО свои бешеные состояния, а едва нарождающийся средний класс был практически ликвидирован, такие меры были бы оправданны. И это было бы сделано, если бы в этой ситуации к власти пришли не спецслужбы со своими определенными целями и задачами, а реформаторы, заинтересованные в экономическом развитии страны и в преодолении кризиса, — причем кризиса, искусственно созданного руками самой же власти, в результате чего произошло кардинальное перераспределение средств. Ведь собственность и финансы тех, кого выкинули с рынка, были кем-то получены, кто-то на этом очень хорошо обогатился. Средний класс был ликвидирован, а высший класс еще приумножил свое благосостояние, хотя существовали возможности (и, по крайней мере, могли быть проявлены хоть какие-то намерения и попытки в этом направлении) с помощью государства, а также посредством кредитов МВФ, которые тогда все еще нам давали, поддержать российское предпринимательство — не монопольное, не олигархическое, а мелкое и среднее. Но этого тоже сделано не было.

Таковы первые два прямых последствия организованного дефолта — ликвидация части коммерческой системы банков, централизация финансов в Центробанке, подконтрольность всех уцелевших банков центральному и ликвидация большей части малого российского бизнеса (как писали тогда, выжило примерно 20 – 30%). Что это такое? Несомненно: централизация в руках властей собственности, власти и капитала.

Следующий постдефолтовский этап был связан с пробой Степашина на роль премьера и кандидата в преемники Ельцина. Опять спецслужбы. Но Степашин по каким-то причинам не подошел: то ли оказался слишком мягким, то ли не понял задач, перед ним поставленных. В результате перестановок он оказался во главе Счетной палаты — органа, который по своему статусу должен был контролировать расходование государственных финансовых средств. Основной функцией Счетной палаты был контроль за деятельностью Центробанка и Министерства финансов. Кармоков, возглавлявший Счетную палату с первого дня создания и до этого момента,

худо-бедно, но осуществлял эту деятельность, постоянно направлял соответствующие «дела» в Думу, в Совет Федерации, в Прокуратуру, доводил информацию о нецелевом использовании бюджетных средств до общественности, а его заместитель Болдырев периодически ее озвучивал. Обвиняя Кармокова в заигрывании с коммунистами, власть всячески блокировала прохождение этих дел. Но тем не менее работа по выявлению злоупотреблений в финансовой сфере все же [велась], и все те финансовые злоупотребления, которые осуществлялись через Центральный банк и Министерство финансов, отслеживались. Документы эти были, Кармоков их представлял. С заменой Кармокова на Степашина поток разоблачительных дел практически прекратился. Это означает, что спецслужбы взяли в свои руки контрольный институт, который, по функциям своим, должен был отслеживать «президентский бюджет», траты на третьи нужды и т. д.

После того, как попробовали Степашина на премьера и отказали ему в этой роли, был избран человек уже чисто из КГБ — молодой, активный, со стопроцентно кагэбэшной карьерой — Владимир Путин. Таким образом спецслужбы получили президентскую власть и объявили в качестве главного направления реформ первого года укрепление вертикали государственной власти. Здесь нужно сразу сказать, что уже и в результате гайдаровского реформирования экономики, собственности и власти мы оказались в смешанной системе не только экономической, но и собственно системной. Это означает, что во главе страны оказались разгосударствленные, коммерциализированные, занятые предпринимательством правительство и власть. Та власть, которая существует у нас сейчас, декларативно выступает только от имени государства. Но фактически она несет в себе одновременно две функции, — с одной стороны, государственную, а с другой, все наши государственные мужи заняты той или иной формой бизнеса. Военные торгуют оружием, практически все министры экономического блока, все вице-премьеры имеют свои экономические вотчины, где занимаются накоплением своего капитала. И это не потому, что они плохие. Просто таков системный принцип российской смешанной экономики переходного периода. Сама реформа была направлена на обеспечение симбиоза власти и бизнеса, и именно поэтому и произошло объединение государственной функции и коммерческой функции власти.

Заявление об укреплении вертикали государственной власти можно и должно было прочитать поэтому как заявление об укреплении власти разгосударствленной, коммерциализированной, имеющей свой частный коммерческий интерес. Отсюда ясно, почему Путину потребовалось ослаблять Совет Федерации (что было сделано в первую голову), создавать Конституционный совет и убирать из власти наиболее активных губернаторов. Потому что Совет Федерации — это конкурирующая структура власти, напрямую зависящая от избирателей и несущая ответственность на местах за экономическое и социальное положение в своих регионах. Поэтому необходимо было ослабить губернаторов как власть, отправить их подальше из Москвы

и назначить представителей, подконтрольных и центральной власти, и — частично — самим губернаторам. И реформа Совета Федерации, на мой взгляд, — ослабление этой ветви власти. Это первая особенность заявленной реформы власти.

Второе — это создание в Государственной Думе партии Единство, которая обозначает себя как правительственная. Это партия, в основном состоящая из номенклатурных людей, в большинстве своем либо имеющих прямое отношение к спецслужбам, либо военных. Таким путем власть фактически установила свой контроль над законодательством.

Сделать подконтрольной Думу, ослабить Совет Федерации — вот первые два действия произведенной политической реформы. Третье же действие связано с захватом СМИ. Финансовые потоки подконтрольны, накопление промышленного капитала тоже подконтрольно, законодательная власть — ручная, исполнительная власть — прежняя и своя; подчинение СМИ естественно является следующим логическим шагом в этой цепочке. И история с НТВ — это наступление на свободу в этой сфере, потому что на свободу финансового капитала и промышленного капитала уже наступили.

Обратимся, наконец, и к Посланию президента, где сказано, что в первый год проведено все перечисленное (только все названо с положительным знаком) и укрепилась власть (что они в действительности и сделали — укрепили свою собственную власть). А дальше в этом Послании содержатся два пункта, прямым текстом говорящие, что, во-первых, время революций, реформ и радикальных изменений и преобразований закончено. Это означает, что власть официально объявила окончание либерально-демократической реформы, начавшейся в 1991-м и закончившейся в день, когда было объявлено Послание.

— Окончание реформы, которой на самом деле и не было...

Да, настоящей либеральной реформы в России не было. Но тем не менее был исторический этап, который назывался этапом реформирования системы. Теперь же власть официально заявила, что система реформирована и нужно сохранять ее status quo. И это означает, что как не было в России настоящей либеральной реформы, так в обозримом будущем ее и не предвидится. В результате мы и сегодня имеем ту смешанную экономику, которая возникла на гайдаровском реформировании и которая, по моему разумению, настолько нежизнеспособна, что никаких возможностей для экономического роста, для развития страны, для преодоления хозяйственного и финансового кризиса у нас сегодня не существует. И все попытки, которые на протяжении ближайших лет будут делаться властью для поддержания этой ситуации в состоянии status quo, все действия правительства в этих условиях реальных успехов не принесут. Так что власть вынуждена будет делать следующие шаги лишь в сторону реставрации административной системы управления экономической жизнью.

— Это вопреки тому, что написано в президентском Послании о либерализации?..

В отличие от Отто Лациса или Андрея Илларионова, которые назвали этот текст замечательным, я ничего нового там не увидела и не услышала, потому что все гайдаровские программы на уровне слов тоже были либеральными. Либеральная фразеология всегда присутствовала в официальной политике в полном объеме, и намерения проводить либерально-демократические реформы на протяжении последних лет объявлялись во всех программах. Так что с этой точки зрения Послание не несет в себе никакого нового элемента. Просто либеральная фразеология играет уже в чистом виде роль камуфляжной присказки — вроде той, что была прежде, когда везде и всюду говорилось, что мы строим коммунизм. И считаю я так потому, что Путин сам заявил о том, что не следует трогать собственность, не надо осуществлять ее передел. А это значит, что власть намеревается сохранять status quo с помощью тех собственников, которые уже есть. Но всем известно, что в рыночной экономике движущим фактором, источником развития и роста является именно постоянное перераспределение собственности — банкротство одних, переход собственности в другие руки, ликвидация предприятий, уход одних предприятий с рынка, появление там других, слияние предприятий, разделение крупных на более мелкие и т. д. и т. п. Движение собственности — это и есть показатель рыночной экономики.

Таким образом, оба заявления — о том, что реформы завершены, и о том, что движение собственности прекращается и мы начинаем жить в условиях стабильности, — и говорят о том, что, по логике экономической жизни, власть будет вынуждена предпринимать дальнейшие шаги по усилению административного элемента в хозяйственной жизни. И в конце концов она вынуждена будет прийти к тем основам экономической жизни, которые сформировались в результате длительного и мучительного процесса строительства социализма, когда на протяжении долгих десятилетий осуществлялся отбор средств и способов управления, форм существования экономической системы, которая обеспечивала бы каждому его маленькую долю, некоторую стабильность в обществе и воспроизводство, — пусть на невысоком уровне, но все-таки воспроизводство, — и экономический рост. Основной мой тезис и заключается в том, что в той системе собственности, в той системе экономических отношений, которые возникли, и в той правовой базе, которая была создана под реформирование, для обеспечения хозяйственного и экономического роста потребуется усиление административных мер. Таков мой прогноз.

— Значит, если говорить о чисто экономической схеме, все это выразится в том, что будет происходить еще большее сращение государственной власти с крупными монополиями?

Да. Знакомый социалистический способ, — когда были ВПК, АПК, когда все было по комплексам и когда была централизованно управляемая милитаризованная экономика, при которой ресурсы всего общества направлялись на создание военной индустрии, обеспечивавшей рабочими местами и заработной платой все население страны. Определят ли спецслужбы, что у нас опять военная индустрия, и новый виток перевооружения и участие в гонке вооружения опять станут основным направлением деятельности страны (и тогда средства, которые сейчас растекаются по всем каналам и утекают за границу, будут принудительно мобилизованы, конфискованы и направлены на военное строительство), либо эту мобилизационную функцию будут выполнять какие-то гражданские отрасли, я сказать не берусь. Не знаю, что будут стимулировать и формировать власти — группу А или группу Б, но, учитывая их ведомственную принадлежность, есть основания предположить, что это будет военная индустрия. Туда будут направляться ресурсы, там будут создаваться рабочие места. Естественно, цены будут фиксированными (никаких свободных цен на торговлю оружием в условиях смешанной российской экономики быть не может), так же как фиксированы цены на энергоносители, на сырье... Власти могут называть это свободными ценами, имея в виду, что кому-то разрешат делать надбавки к ценам, повышать их при торговле на западном рынке. Таким образом будет формироваться система, которая через некоторое время будет иметь самое отдаленное отношение к тому, что в учебниках по экономике называется «системой свободных цен»...

И наконец, государственные финансы. Откуда эта власть будет брать деньги? Та власть получала деньги через ГКО, через каналы внебюджетных фондов, всякого рода манипулирование бюджетными деньгами и через внешние займы...

— Нефть?

Естественно. Неучтенная продажа нефти (неучтенная — для общественных финансов и для общественного бюджета) — один из источников наполнения «бюджета президентского». Ну, а другие? Поэтому возникает вопрос, откуда еще власть будет брать деньги на новом этапе.

В этом году проблема решалась так: бюджет был принят таким образом, что вся дополнительная часть доходов, которая должна была возникнуть в результате благоприятной экономической конъюнктуры и высоких цен на нефть, должна была поступить в «президентский бюджет», в распоряжение власти. Так как еще не совсем ослабленный Парламент и Дума подняли по этому поводу шум и потребовали распределить эту часть денег, власть была вынуждена в этой ситуации пойти на публичное обсуждение, на что будут потрачены умышленно не учтенные в бюджете деньги.

Таков был бюджет 2001 года. В президентском Послании Путин напрямую сказал, что бюджет нужно разделить на две части. Теперь официально будут

приниматься два бюджета: один — тот, через который будут распределяться средства на финансирование обычных бюджетных статей расходов, и другой — тот, который будет обеспечиваться за счет благоприятной экономической конъюнктуры и дополнительных источников и распоряжаться которым будет правительство без контроля Государственной Думы. Думе будет предложено принимать или не принимать тот бюджет, который ей будет предоставляться, а второй станет легальной формой наполнения «президентского бюджета», через который, как заявляет власть, будет осуществляться развитие страны, будут проводиться разного рода программы развития.

Таким образом, происходит новое административное распределение бюджетных средств на две части: одна — для общества, вторая — для власти. И «президентский бюджет», который до сих пор был нелегальным, сохраняя в прежнем объеме нелегальные формы своего пополнения, еще берет на себя и легальную часть денег, которыми будет распоряжаться по собственному разумению. На что пойдут эти деньги? Оптимист, верящий декларациям власти, повторит: на развитие страны, стимулирование экономического роста и поддержку предпринимательства. Я же скажу: на содержание государственного коммерциализированного сектора экономики, получающего наиболее высокие прибыли для достижения тех целей, которые будет ставить перед собой власть. Выскажу предположение, что это будут имперские цели.

Таким образом, бюджет из криминально-президентского перейдет в государственно-имперский.

— Криминально-государственно-имперский?

Не знаю. Не поручусь за то, что он останется криминальным. Почему я и говорю, что движение будет происходить в сторону централизации финансовых и всех остальных потоков, потому что спецслужбы не заинтересованы в криминальном добывании денег. Они хотят получать их легально, как получали их в период социализма, когда все средства были государственными, когда государство полностью контролировало каждый рубль, зарабатываемый в СССР, и само распоряжалось и разделяло средства по своему разумению: на группу А — много, на группу Б — чуть-чуть; властным структурам — больше, населению — по минимуму. Социалистическая логика ведет к тому, чтобы доля средств, полностью контролируемая государством, становилась больше, а доля средств, контролируемая общественностью и тратящаяся на общественные нужды, — меньше. Так что свободными цены останутся только на социальную сферу — образование, медицинское обслуживание и т. п.

— Приходится признать, что жизнь развивается по сценарию, который вы прописали еще два или три года назад, когда вы говорили о неизбежности возвращения России к каким-то формам тоталитаризма. Вы даже говорили тогда, помнится, что в России может произойти что-то вроде заговора молодых генералов, которым надоела псевдокапиталистическая вакханалия и

у которых происходящая в стране криминализация вызывает сопротивление; что среди военных и представителей спецслужб — людей, которые напрямую не завязаны в коммерциализации, а патриотические чувства которых задеты тем, что страна унижена и отодвинута назад, — может произойти сговор, и эти люди начнут забирать в руки власть и пытаться повернуть страну, уже учитывая все, что мы прошли. Может ли начаться «ползучая реставрация», которую они проведут как своего рода спецоперацию?

Конечно. И начнут ее именно как борьбу с коррупцией, с криминалом.

— У вас нет ощущения, что именно это и происходит?

Пока еще нет. Пока что они просто берут власть.

— Но если ситуация определяется тем, что к власти пришли спецслужбы и, перепробовав многое, остановились на Путине, то ради чего они пришли? Какую цель поставили изначально? Ведь Путина считают все-таки человеком ельцинской «семьи», а «семья» эта откровенно криминализована. Видимо, на пост президента выдвигали человека, который должен был бы продолжить ту же линию, укрепить те же позиции...

Нет, — человека, который гарантировано сохранит своим предшественникам жизнь, свободу и украденное, но одновременно человека, который будет проводить линию, которую я называю имперской.

— Значит, был какой-то нажим на ельцинскую «семью» со стороны каких-то других сил?

Я думаю, что вообще не симпатиями Ельцина определялся выбор именно Путина. Он был выбран спецслужбами как наиболее подходящая фигура — молодой разведчик, полностью управляемый...

— Значит, существует все-таки какой-то теневой кабинет?

Вне всякого сомнения. И существует стратегия — какая, сказать не могу. Точно знаю, что это не либеральная стратегия и не интеграция в Европу и Америку, не открытие страны для мира и не ориентация на принципы, по которым богател Запад. Но могу предположить, что это тот самобытный вариант удовлетворения имперских амбиций, который характеризуется такими словами, как «национальная гордость», «величие», «интересы России». И здесь очень четко просматривается апелляция к народу, к толпе. Пенсионерам повышается пенсия, а интеллигенция, которая еще что-то может говорить, ставится в условия выбора: хочешь быть богат и на месте, иди в услужение, нет — или уезжай, или замолкай. И та провокация, которая сейчас

происходит с НТВ (а это именно провокация), показывает, что власть начинает игнорировать, обесценивать ту часть населения, которая называется интеллигенцией. Она опять превратится в прослойку, три четверти ее будут служить режиму и восхвалять власть, а оставшейся части дадут возможность уехать или просто перекроют воздух. К тому же, как мы знаем, при всех наших системах голос интеллигенции никак не воспринимается народом, он уходит в никуда. Как никто не слушал диссидентов, так и сегодня ситуация та же.

Итак, с одной стороны, совершается попытка играть на народ («Мы с народом решили, что нам нужен этот гимн и этот флаг» — кстати, восстановление символики и было одним из знаковых шагов в сторону реставрации). С другой, — полное игнорирование интеллигенции. Это коммунисты боялись слова, боялись недовольства народа, потому так и возились с диссидентами, досконально выясняя, кто и что сказал. За прошедший период и страх слова, и страх народного возмущения совершенно пропал у власть имущих. Они дали возможность выговариваться всем, кому угодно, и все годы не снимали «Кукол» или «Итогов», показывая, что им это безразлично. По принципу: «А Васька слушает — да ест». Прямые разоблачения, доказательства коррупции, если не обращать на них внимания, оказались ровно ничего не значащими. И еще в одном они убедились: люди, прошедшие всю историю лагерей, физического уничтожения, всю сталинскую мясорубку, всю брежневскую борьбу с инакомыслием, не знают ничего более важного, чем чисто физическое выживание. Что русский народ абсолютно управляем, и более важных целей, чем наличие работы и еды для детей, для него не существует. Так что власть хорошо знает, что ей не грозят ни народные бунты, ни слово, ни демократическое движение. Последнее они разложили и уничтожили в зародыше. Едва оно стало формироваться, как туда немедленно были направлены люди из тех же самых спецслужб, которые его разделяли, растворяли, компрометировали и дискредитировали.

Кстати, колоссальную роль в ликвидации демократического движения сыграли опять же «Выбор России», Гайдар и вся его команда. Было общенациональное демократическое движение «Демократическая Россия», потом появился «Выбор России», и туда перешли все люди, ждавшие реформ и желавшие быть поближе к власти. «Демроссия» стала тощей и незначительной, ее лидеров тоже стали не пускать, дискредитировать и компрометировать. Некоторых сильных людей типа о. Глеба Якунина или С. Ковалева взяли во власть, вышибив таким образом из потенциальных народных трибунов. В результате лидеры становились все мельче и мельче, а сама «Демроссия» стала делиться на еще более мелкие группы, в конце концов объединившиеся в Союз правых сил, который превратился в конформистский отряд власти спецслужб. Эту функцию «правые» теперь и несут. Они очень хотят оставаться во власти и работают на эту власть. Против чего-то они, конечно, протестуют, создавая видимость оппозиции. Но на самом деле осколок демократического движения, который институциализирован в Союзе правых сил, к демократическому движению уже не имеет никакого отношения...

— Лариса Ивановна, позвольте в заключение попросить вас представить себе такую абсолютно виртуальную ситуацию: что-то произошло, исчезло нынешнее правительство, не осталось никаких спецслужб, а вас поставили премьер-министром, обеспечив полную юридическую и экономическую поддержку. Что бы вы сделали?

Думаю, что кто бы ни пришел сегодня к власти, из той ситуации, в которой оказалась Россия к началу нового столетия, положительного выхода нет. И все же, если бы такая задача передо мной встала, я предложила бы следующее: максимальный 30%-ный налог на доходы, полное отстранение чиновничества от бизнеса (никаких разрешений — регистрация заявительным путем, через сберкассу), полная свобода купли-продажи собственности по рыночным ценам — на открытом рынке, как семечки продают; юридическая ликвидация всех монопольных финансово-промышленных образований и законодательно закрепленный запрет на участие государственных чиновников и членов их семей в предпринимательстве, как и запрещение для них владеть крупной собственностью (если ты государев человек, живи на государственную зарплату, и никаких коммерческих доходов!). Но все это — фактически революционные, системные изменения. К тому же это была бы новая реформа в гораздо худших условиях, чем она была возможна в 1992 году. Не говоря уж о том, что и вообще весь этот сценарий — чистая виртуальность. Поэтому обнадеживающих перспектив у страны на ближайшее десятилетие, с моей точки зрения, скорее всего просто не существует...

2001, № 1 (107)

3. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ:
«Страна споро погружалась в авторитаризм...»

Из интервью А. Н. Илларионова (ноябрь 2007 года)

Путин

Августовский кризис сказался и на судьбе страны, и на моей судьбе. В частности, он познакомил меня с Путиным. Первая моя встреча с ним произошла 9 августа 1998 года, в день, когда Путин был назначен руководителем ФСБ.

В тот день я в очередной раз пытался убедить финансовое руководство страны в [необходимости] срочных мер по предотвращению кризиса. Вначале около часа говорил с первым заместителем министра финансов Алексеем Кудриным. Затем вместе с ним отправились к министру финансов Михаилу Задорнову. Повторилась схема, многократно проявившаяся на прежних встречах. Я говорил о том, что кризис неизбежен, о том, почему он неизбежен, и о том, что, с моей точки зрения, надо делать. Мой собеседник вначале говорил, что этого не может быть. Затем соглашался, что что-то в этом есть. Наконец, завершалась встреча практически полным согласием. С Задорновым эта схема в очередной раз повторилась: вначале он советовал не говорить ерунды, потом начал сомневаться, в конце согласился: «Да, может быть», — и спросил, сколько времени осталось до кризиса.

По завершении встречи с Задорновым вместе с Кудриным мы вышли из кабинета в большую приемную. В этот момент в комнату вошел невысокого роста весьма неприметного вида гражданин в немного странном костюме светло-салатного цвета. Когда он появился, Кудрин и еще кто-то, кто был в приемной, стали энергично поздравлять его с его новым назначением. Человек был мне незнаком, но через некоторое время по характеру реплик стало ясно, что это Владимир Путин, которого утром того же дня Ельцин назначил директором ФСБ. Раньше я его никогда не видел. С Кудриным они работали вместе лет пять в петербургской мэрии: Кудрин был заместителем Собчака по экономике и финансам, Путин — по административным и внешним делам.

Меня попросили еще раз — уже для Путина — поведать свои соображения по поводу наступающего кризиса, и я в течение трех или четырех ми-

нут опять повторил то, что уже многократно говорил. Путин на это ничего не сказал, не задал ни одного вопроса, вообще никак не прореагировал. На этом мы и расстались.

Второй раз мы встретились 28 февраля 2000 года. За полгода до этого Путина назначили премьером. Началась вторая война в Чечне. В атмосфере сильно запахло серым. Ощущение проводимой спецоперации становилось все явственнее. Но потом стали появляться некоторые обнадеживающие нотки.

В ноябре 1999 года появился Центр стратегических разработок под руководством заместителя Госкомитета по имуществу Германа Грефа, демонстрировавшего свои особые связи с Путиным. Поскольку к этому времени Путин уже был практически гарантированным наследником Ельцина, работа с ЦСР становилась весьма престижной. ЦСР занялся обсуждением практически всех сколько-нибудь значимых вопросов национальной повестки дня. Делал он это, надо отдать должное, на весьма приличном уровне. Эксперты в любых областях считали за честь быть приглашенными на семинары в Александр-хаусе, где размещался ЦСР. На эти семинары Греф стал регулярно звать и меня. Поначалу я отреагировал на эту работу с энтузиазмом. Однако быстро выяснились принципиальные различия с Грефом, откровенно поддерживавшим экспертов, ориентировавшихся на Гайдара и Чубайса. Такая деятельность была неинтересной, и я почти перестал участвовать в работе ЦСР.

28 февраля 2000 года у меня на работе зазвонил телефон, и человек, позвонивший мне, сказал, что со мной хочет встретиться Путин. К тому времени Путин был уже исполняющим обязанности президента. Тогда ходили слухи, что он ищет советника по экономическим вопросам, что на этот пост рассматриваются разные кандидатуры, в частности Е. Ясин. Меня, честно говоря, это не сильно интересовало. Во-первых, я уже был сыт по горло как работой советника, так и вообще работой в госаппарате. А, во-вторых, в институте мы развернули очень интересную исследовательскую программу, работы над которой хватило бы на несколько лет.

И вот звонит этот человек и говорит, что Путин хочет со мной встретиться. «Когда?» — спрашиваю. «Сегодня», — отвечает. Ну ладно, сегодня так сегодня. Приехали мы в Ново-Огарево, встретились с Путиным. Он спрашивает: «Вы знаете — впереди президентские выборы. Результаты, конечно, никто предсказать не может. Но, если допустить, что удастся победить, какими, на ваш взгляд, должны быть мои первые решения?» Честно говоря, мне понравилась его сдержанность, отсутствие шапкозакидательства. Вместо ответа я его спросил: «А вы чего сами хотите?» Стали мы с ним говорить и проговорили по разным вопросам в общей сложности, наверное, часа три.

Вскоре после начала разговора подходит к нему офицер и передает бумагу. Путин пробежал ее глазами и провозглашает торжествующе: «Только что взяли Шатой! Раскатали их там!» Я не выдержал и сказал то, что думаю по поводу Чечни и по поводу чеченской войны. Что считаю войну неправиль-

ной, незаконной, разрушительной, что то, что там делается, является преступлением. Что Чечня должна стать независимой от России, а Россия — от Чечни. Что войной такие вопросы все равно не решишь. Что Чечня все равно уйдет из России, но жертвы уже никогда не вернешь. Я, наверное, не открою большой тайны, если скажу, что у Путина по этому вопросу были и есть другие взгляды. По поводу Чечни и чеченской войны мы спорили больше часа. Глаза Путина стали жесткими, в голосе зазвенел металл, в нем стала чувствоваться ненависть. Терять мне было нечего — я продолжал свое. И тогда Путин вдруг оборвал разговор: «Так, всё — больше на эту тему не говорим».

Вернулись к экономике. Время было уже позднее, стали собираться домой. Уже когда надевали куртки, Путин говорит: «Ну что, завтра встречаемся?» Такого поворота я совсем не ожидал и говорю: «Нет, завтра не получится». Он несколько так изумленно: «Почему?» Я отвечаю: «Завтра я не могу».

— Андрей Николаевич, но ведь с властью так не разговаривают...

Да, вообще с властью так не разговаривают. Особенно в нашей стране. Власть не любит слова «нет». И не хочет его знать. К тому же так не разговаривают с президентами. А в том, что Путин станет президентом и станет им надолго, ни у кого сомнений не было. И вот без пяти минут президент предлагает встретиться еще раз, а я ему говорю: «Нет». Он спрашивает: «Как — нет?!» И тогда я говорю: «Хорошо, тогда я вам сам скажу, пока другие еще не успели рассказать. У меня завтра особый день, который я обещал провести вместе с женой. Завтра — 29 февраля, это годовщина ее приезда в Россию. Так получилось, что она приехала сюда 29 февраля 1992 года. Поскольку год — високосный, то отметить это событие можно только раз в четыре года. Поэтому, извините, эту дату я пропустить не могу, я обещал жене, что этот день мы проводим вместе. А чтоб уж завершить эту тему, скажу: моя жена — американка, гражданка США». Путин на это ничего не сказал, только зрачки его, как мне показалось, немного расширились. А так он виду не подал. На этом наша встреча закончилась, мы пожали друг другу руки и расстались.

По поводу дальнейшего развития событий у меня никаких иллюзий не было. Я был совершенно спокоен — было ясно, что больше встреч не будет, такие шансы выпадают раз в жизни. Во-первых, взять и наплевать на приглашение фактически будущего президента. Во-вторых, мы же в России живем — не где-нибудь. Президент — сотрудник КГБ, бывший ли, нынешний — какая разница. А у меня жена — гражданка другой страны, причем не Украины и не Финляндии даже, на худой конец, а США... Ну что ж, мы ж понимаем ситуацию — не вчера родились. Ну и взгляды по чеченскому вопросу тоже, очевидно, не способствуют продолжению контактов.

Поэтому с супругой мы замечательно отметили годовщину ее приезда в Россию, а на следующий день на работе я уже совершенно забыл про позавчерашнюю историю. И вот часа в четыре вечера звонит у меня телефон, и

тот же человек, что звонил в прошлый раз, говорит, что Путин спрашивает, могу ли я встретиться с ним сегодня.

Честно говоря, такого поворота я совершенно не ожидал. Новых годовщин на тот вечер у меня не планировалось. Поэтому сказал, что могу. Мы встретились и в тот вечер, и на следующий день, и еще через пару дней. И далее пошло. Говорили на разные темы, в основном, конечно, об экономике. В какой-то момент он говорит: «Я хотел бы пригласить вас на пост моего советника». Я говорю: «Спасибо за доверие, но у меня другая работа, я не пойду». Он говорит: «А так встречаться мы можем?» — «Встречаться — пожалуйста».

Советник

Разговоры по поводу необходимой политики, по поводу экономических реформ у нас продолжались. Путин вникал и в новую проблематику, и в необычную для него терминологию. Накануне 8 марта он поехал в Иваново и выступил там перед женщинами, с праздником их поздравил. Но как-то особому. Показывают его встречи по телевизору — я не вполне верю своим ушам: Путин ткачихам рассказывает про экономическую свободу, про либеральную экономическую политику, про ответственность. Видно, что наши беседы даром не прошли. Но — ткачихам! Но на 8 марта!

В президентской администрации — некоторое замешательство, таких текстов про свободу ему там явно никто не писал. Народ там к словам начальника очень чуткий, начали соображать, откуда такие веяния занесло. А поскольку в стране тех, кто про либерализм публично говорит, в общем немного, то вычислили меня довольно быстро. Начинают звонить, приглашать, спрашивать, что такое экономическая свобода, как об этом надо писать, как говорить, что еще можно упомянуть. Так я начал консультировать коллег в администрации.

Путин стал меня приглашать в поездки с собой по стране в рамках предвыборной кампании. Было любопытно. Вел он себя прилично — не торопился высказываться, слушал, записывал, знакомился с людьми.

26 марта 2000 года Путин был избран президентом. Через несколько дней, кажется, это было 30 марта, Путин пригласил меня на экономическое совещание в Белый дом. Совещание происходило в кабинете премьера. Надо отдать Путину должное: он был скрупулезен, бюрократических правил не нарушал и президентским кабинетом в Белом доме, даже будучи уже избранным, но еще не приведенным к присяге, не пользовался. В кабинете премьера собралось семь человек: исполняющий обязанности президента Путин, исполняющий обязанности премьера Касьянов, исполняющий обязанности руководителя аппарата правительства Козак, исполняющий обязанности руководителя администрации президента Волошин, исполняющий обязанности министра финансов Кудрин, руководитель ЦСР Греф и я.

Обсуждали, какую экономическую политику проводить. Путин дал слово Грефу, Греф рассказал про работу над программой, которую уже начинали называть «программой Грефа». Потом Путин дал слово мне. Я рассказывал про то, в чем с Грефом согласен, в чем — нет. Когда прошел, наверное, уже час обсуждения, Путин вдруг спохватился и говорит: «Да, коллеги, я тут не объяснил, кто у нас — кто, потому что мы все тут уже не раз встречались. Только Андрей Николаевич у нас появился впервые. Я хочу сказать, что Андрей Николаевич будет моим экономическим советником».

И вот так, очевидно, наступает момент истины. Дело в том, что предложение стать советником он мне делал, но согласия-то я не давал. С другой стороны, опровергать его, приглашающего меня на такой пост, да еще на глазах у его коллег, — дело совершенно неслыханное. Но и промолчать совершенно невозможно. Во-первых, потому что это не так. И в принципе этого уже достаточно. А, во-вторых, потому что во власть я совсем не рвался. Поэтому очень осторожно, тщательно стараясь подбирать приличествующие такой ситуации и как можно более аккуратные слова, медленно проговариваю: «Уважаемый Владимир Владимирович, я очень признателен вам за ваше приглашение на это совещание, за то, что вы предоставили мне возможность высказать свое мнение, за ваше предложение стать вашим советником. Однако, к большому сожалению, такого решения я пока еще не принял. Приношу свои извинения». Повисла тишина...

Описать выражения лиц участников совещания я не берусь. Сказать, что ситуация дико неудобная, — ничего не сказать. Она совершенно неприемлема в бюрократической культуре. Одно дело — отказать руководителю на частной встрече. Другое — на глазах у его коллег и подчиненных, да еще в такой форме. В общем, в очередной раз я подумал, что это последнее совещание, на которое меня пригласили. Но я ошибся.

В Москве продолжались экономические дискуссии — в ЦСР, в правительстве, в администрации. Так получилось, что главным оппонентом у меня все время оказывался Греф. Почти по каждому вопросу у нас обнаруживались разногласия. Очередное обсуждение экономической программы нового президента было запланировано на 11 апреля в первом корпусе Кремля, в президентской библиотеке, в замечательном круглом зале. Совещание было задумано как решающее по определению пути, каким предстоит идти стране. Греф, чувствуя, что ему не удается полностью убедить Путина в своей правоте, потребовал, чтобы на это совещание были приглашены и другие участники подготовки правительственной программы, способные оказать поддержку своему руководителю. Путин был против: «Зачем тебе все эти люди, если ты сам все будешь рассказывать?»

Но Грефу все же удалось уломать службу протокола, и он привел с собой пять человек. И вот с одной стороны сидят в качестве рефери: Путин, Волошин, Касьянов, Кудрин, Козак. Напротив них — Герман Греф и еще человек пять, среди которых Евгений Гавриленков, Олег Вьюгин, Михаил Дмитриев, а также я. Путин дал слово Грефу. Тот выступил, а затем попросил

заслушать его экспертов: «А сейчас за мной продолжат специалисты, которые разрабатывали соответствующие разделы». И передает слово, кажется, Гавриленкову. Тут Путин говорит: «Нет, сейчас будет Андрей Николаевич». Греф начал спорить: «Ну, хоть Михаила Дмитриева заслушайте». Дмитриев начал говорить. Но Путин отрезал: «Я сказал: нет!» И приглашенные эксперты так и просидели все совещание молча. Путин дал слово мне, после чего сказал, что ему все понятно, и совещание закончилось.

И вот когда после совещания мы выходили из библиотеки, Путин спрашивает меня, не надумал ли я чего-нибудь новенького относительно его предложения. То есть в очередной, третий, раз делает предложение стать его советником. К этому времени я понял, что предложение его действительно является серьезным и продуманным. Мы общаемся с ним уже полтора месяца; я регулярно участвую в обсуждении вопросов экономической политики, формально не занимая никаких постов; Путин явно демонстрирует и искреннюю заинтересованность, и определенное расположение. Более того, я понимаю, что четвертого приглашения уже точно не будет. И, кроме того, ситуация объективно складывается исторически уникальной — видно невооруженным глазом, что власти серьезно настроены делать реформы. И тогда я говорю: «Хорошо, я согласен. Только у меня есть три условия. Если они будут выполнены, тогда я принимаю ваше предложение. А если они выполняться не будут, то не обессудьте — я уйду». Он говорит: «Хорошо», — и дает распоряжение Волошину готовить указ.

Так, на следующий день, 12 апреля 2000 года, в День космонавтики, и состоялось мое назначение. Первое назначение после избрания Путина президентом. Оно вызвало и известный шок, и некоторую эйфорию: взгляды мои в стране были уже достаточно известными. Когда на пост советника президента назначают человека с нескрываемой либеральной позицией, то это, конечно, не может не восприниматься совершенно особенно. Тем более что, несмотря на всякие разговоры про реформы, существовали все же большие опасения, какую политику может проводить сотрудник спецслужб, ставший президентом. В тот же день, 12 апреля, я улетал в Белоруссию на конференцию. В Шереметьево при вылете меня атаковали журналисты с вопросами о том, что произошло и как это понимать. Через два дня по возвращении ситуация повторилась.

Так началась моя работа в качестве советника президента.

— Андрей Николаевич, а почему же вы так настойчиво отказывались от предложения Путина?

Поначалу, — даже встречаясь с Путиным, — я не собирался работать во власти. Больших иллюзий по поводу происходившего в стране осенью 1999 года у меня не было. Конечно, деталей я не знал: большой ясности со взрывами домов тогда не было. Хотя, не буду скрывать, подозрения по поводу того, что на самом деле произошло, были с самого начала. По поводу чечен-

ской войны ясности было гораздо больше. Я считал невозможным помогать людям, ведущим эту войну. Недаром практически первой темой, с какой начались разговоры с Путиным 28 февраля 2000 года, была тема чеченской войны.

С другой стороны, понятно, что работа во власти давала уникальную возможность по осуществлению назревших, перезревших, многократно обещанных, но так и не осуществленных в течение 1990-х годов реформ, прекращению десятилетнего экономического кризиса, восстановлению экономического роста. И вот эта власть, новая власть, собирается теперь осуществлять те самые реформы, о необходимости которых так много говорилось в течение пятнадцати лет, о которых я сам говорил в течение полутора десятилетий. И именно теперь, когда предоставляется возможность что-то сделать, складывать ручки и уходить в сторону? Не буду скрывать, решение идти в советники давалось мне непросто.

Кроме того, в то время я разделял теорию, согласно которой экономический рост, повышение уровня экономического развития страны способствуют укреплению либеральных и демократических институтов. Поэтому получалось, что, работая на экономический рост, в конечном счете работаешь и на развитие и укрепление и современного общества, и современного государства в своей стране.

Наконец, непосредственное общение с Путиным показывало, что с ним можно работать, что он действительно заинтересован в проведении разумной экономической политики. Ну а что касается других сторон... — идеальных людей, как известно, в природе не бывает. Да и кто без греха — пусть первый бросит камень...

— А о каких условиях шла речь, когда вы принимали назначение? Это были какие-то политические условия?

Нет, условия были такими. Первое — я нахожусь в советниках до тех пор, пока выполняется программа по осуществлению либеральных реформ, моя программа. Конечно, я хорошо понимал, что реальная политика не обходится без компромиссов, отклонения неизбежны. Тем не менее, если выдерживается в целом либеральный курс, то можно работать. Второе условие — в любое время дня и ночи у меня должен быть доступ к президенту. Если я считаю нужным с ним встретиться или переговорить, то такая связь мне должна быть обеспечена всегда. И третье — у меня не будет никаких ограничений на поездки внутри страны и за рубеж. Если я работаю советником президента России, значит, у меня должен быть открыт доступ к любым данным, к любому знанию, к любой информации, какую я могу и должен получать отовсюду, из всех возможных источников. Советник — это не простой чиновник, это специальный чиновник, часто даже не чиновник. Советник президента — это не соглашатель с президентом, не поддакиватель ему и не безропотный исполнитель любых его поручений. Советник — это

в какой-то степени и аналитик и ученый, для которого неотъемлемым условием деятельности является общение с коллегами, в том числе и с зарубежными — на конференциях, семинарах, встречах.

Когда через несколько лет стало ясно, что условия контракта не выполняются, то вопроса уходить — не уходить не было. И я ушел. Причем к концу 2005 года дело было уже не только в том, что либеральная экономическая программа не проводится, не только в том, что возникли проблемы с «доступом к телу», не только в том, что мелкая административная шушера начала бюрократическую войну по поводу того, что я должен или не должен делать, что могу или не могу говорить, куда могу или должен ездить. Главной проблемой было то, во что стала превращаться страна, при полной невозможности противодействия этому из президентской администрации. Единственный остававшийся ресурс — слово — становился все более ограниченным. С лета 2004 года меня занесли в черный список двух главных государственных телеканалов. Забавно, да, — советник президента, которому запрещено выступать на государственном телевидении?

Но даже выступления, какими бы критическими они ни были, уже фактически ничего не меняли. Более того, они начинали посылать ложный сигнал обществу: если на критику нет никакой реакции, а власть продолжает делать то, что делала, то возникают вопросы: а, может быть, это такая договоренность у них во власти, такое разделение труда между добрым и злым полицейскими, может быть, это такая игра у них? По сути дела, получалось довольно циничное использование моего положения и моего имени.

Одно дело — критиковать власть и добиваться того, чтобы она менялась, пусть не во всем, пусть не всегда, пусть медленно, но менялась — в лучшую сторону. Тогда, как бы ни было трудно, во власти можно оставаться. Если же, находясь во власти, критикуешь ее, пытаешься добиться изменений, а ситуация лишь ухудшается, то вопрос встает ребром — надо либо замолчать и «получать удовольствие» от пребывания во власти, либо уходить. Пока была возможность хоть каким-то образом влиять на то, что происходит в стране, пока сохранялся пусть ничтожный, но шанс для помощи людям, в том числе даже и не непосредственно по экономическим вопросам, можно было оставаться. Когда таких возможностей не стало, то оставаться во власти, изображая из себя важную фигуру и решая свои личные вопросы, — это занятие не для меня.

Шерпа

В бюрократической жизни критически важно иметь ресурс, с помощью которого можно что-то делать, проводить решения, осуществлять политику. Размер бюрократического ресурса зависит от должности, статуса, близости к начальнику. Политику можно проводить самому или с помощью соратников, союзников, коллег. У советника по определению нет прямого управленческого ресурса. Его успех в бюрократической жизни зависит от того, будет ли кто-нибудь осуществлять его предложения, и если будет, то кто именно. Если же

статус у него есть, но нет бюрократического ресурса, то можно готовить какие угодно интересные советы, делать какие угодно важные предложения, но гарантий осуществления таких советов и предложений нет.

Позиция советника является весьма весомой, но в ней есть свое «но». В административно-бюрократическом плане она значима лишь в той степени, в какой у советника де-факто складываются персональные отношения с тем, кому он советует. В силу сложившихся обстоятельств мой статус, особенно во время первого президентского срока Путина, был достаточно высоким. Ключевые решения по экономическим вопросам принимались с участием членов так называемого экономического совещания. В него входили шесть–семь человек – президент, премьер, руководитель администрации, министр финансов, министр экономики, советник по экономическим вопросам и иногда руководитель Центрального банка.

В отличие от своих коллег, советник был единственным членом этого круга, не имевшим непосредственного управленческого ресурса... У советника, кроме девушек-секретарей в офисе и двух помощников, других ресурсов не было

В мае 2000 года этот недостаток был частично восполнен назначением меня на должность шерпы, т. е. личного представителя президента в «Большой семерке», клубной организации наиболее развитых и богатых стран планеты. Позиция шерпы была бюрократически уже вполне весомой, поскольку предусматривала исполнение координирующих функций по отношению к министерствам, ведомствам, службам, организациям исполнительной власти в их деятельности по отношению к «семерке».

Россия тогда не являлась полноценным членом этого клуба, в течение предшествовавшего десятилетия никак не желавшего превращаться в «Большую восьмерку». Она находилась на своеобразном «приставном стуле», а встречи клуба проводились по схеме «семь плюс один». Иными словами, в течение полутора-двух суток проходила традиционная встреча представителей семи государств, и лишь на заключительное мероприятие (на ужин или на обед) приглашался представитель Российской Федерации.

Это правило работало во всех семерочно-восьмерочных структурах — на встречах министров финансов, министров иностранных дел, других министров, их заместителей, специалистов, помощников и т. д. Естественно, оно распространялось и на шерпов. Шерпы семи стран встречались, совещались, обсуждали содержательные вопросы и лишь на самое последнее мероприятие программы приглашали своего коллегу — российского шерпу. И вот тогда заслушивался доклад российского представителя о том, что происходит в России, ему задавались вопросы по российской ситуации, уточнялись детали. После чего российского представителя вежливо благодарили, и на этом работа уважаемого клуба по схеме «семь плюс один» завершалась.

Взаимоотношения в клубе лидеров государств были того же плана — вначале происходила содержательная работа «семерки», готовилось и принималось большинство важнейших документов. На заключительный при-

ем пищи приглашался российский президент, коллеги заслушивали его информацию по состоянию реформ в стране, задавали вопросы, и встреча торжественно завершалась. По такой схеме происходили встречи «семерки» с Борисом Ельциным. Эта же процедура была распространена и на Владимира Путина. Так прошла и первая встреча клуба с участием Путина на Окинаве в Японии в июле 2000 года. Участия в совместном обсуждении общих для «семерки» проблем представители России не принимали.

Став шерпой и познакомившись с этой ситуацией на деле, я определил для себя, что продолжение сидения на том «приставном стуле», на котором Россия находилась в течение десяти предшествующих лет, является делом неприемлемым и совершенно нетерпимым. Решил, что стране надо получать полноправное членство в «восьмерке». [...]

К концу 1990-х годов стало совершенно ясно, что по целому ряду причин полноценное членство ни в Евросоюзе, ни в НАТО России не грозит ни в ближайшем, ни даже, возможно, в весьма отдаленном будущем.

Поэтому в списке наиболее важных организаций западного мира, в принципе способных включить Россию в свой состав и, следовательно, оказать позитивное воздействие на институциональную эволюцию самой России, остались лишь ВТО, ОЭСР, МЭА, политическая «семерка» и финансовая «семерка». Считая членство России в этих организациях чрезвычайно важным для развития нашей страны, своеобразным мобилизующим и дисциплинирующим фактором для российских властей, рассматривая процедуры и правила, принятые в этих организациях, в качестве определенных маяков-ориентиров, я принялся за работу.

Подготовленный мной соответствующий доклад по этому поводу был принят, взят на вооружение и начал осуществляться. [...]

Помимо общего плана интеграции России в мировое сообщество, мною был подготовлен отдельный план по вступлению страны в «восьмерку» и обеспечению полномасштабного членства в ней. После первых встреч с коллегами-шерпами мною был проведен анализ наших слабых мест. Выяснилось, что можно сделать, что нельзя, что допустимо, что недопустимо, что нужно делать обязательно. Был составлен план, и в течение двух лет его осуществление стало одним из важнейших приоритетов в моей работе. Ее самая трудная часть оказалась не вне страны, а внутри — обеспечивать приближение российской исполнительной власти к критериям, стандартам, принципам «восьмерки». За два года межведомственной команде, с которой я работал, удалось выполнить практически всю программу, за исключением нескольких мелочей.

Российское присутствие в «восьмерке» расширялось практически с каждым шагом [...] И наконец, в июне 2002 года в курортном канадском городке Кананаскисе произошел переход к полному формату участия России в «восьмерке».

Когда после краткого совещания в ограниченном формате к лидерам «семерки» присоединился Владимир Путин, премьер-министр Канады Жан Кре-

тьен выступил почти как в фильме: «Мы тут посовещались, и я уполномочен сделать вам, господин президент, официальное предложение стать полноправным членом "восьмерки". Если у вас нет возражений, то в дальнейшем наша работа будет проходить в полном формате». Путин возражать не стал. Встреча в Кананаскисе стала последней, проведенной не в полном формате.

Следует обратить внимание на разницу между политической «восьмеркой» и финансовой «семеркой». Членами политического клуба являются политические лидеры государств — президенты и премьер-министры. Полномочными членами финансовой «семерки» являются министры финансов и часто — по договоренности с минфинами — руководители центральных банков. Политическим лидерам помогают шерпы. Министрам финансов помогают финансовые сушерпы. Повестка дня обсуждений в политическом и финансовом клубах существенно различается. Есть некоторые различия и в процедурах. Финансовая «семерка» не является подразделением или департаментом политического клуба, это отдельная организация. Политические лидеры могут попросить членов финансового клуба рассмотреть тот или иной вопрос, и члены финансового клуба, как правило, уважительно отвечают политическим лидерам. Но, строго говоря, не обязаны. Политические лидеры не могут заставить финансистов принять то или иное решение, в особенности они не могут заставить их изменить членство своего финансового клуба.

Различия между двумя организациями заметны по различиям между документами, принимаемыми в рамках политического клуба «восьмерки», — например, политическими лидерами (президентами, премьерами) или министрами иностранных дел, — и документами, принимаемыми в рамках финансового клуба — финансовыми представителями (министрами финансов и руководителями центральных банков).

Для превращения финансовой «семерки» в «восьмерку» была составлена развернутая программа мер и в финансово-экономической области. Однако решения в этой сфере принимает не шерпа, а министр финансов. В 2000 – 2002 годах мои предложения им не были восприняты. Позже — в рамках подготовки к саммиту в Санкт-Петербурге в июле 2006 года — бóльшая часть моих предложений была реализована, в том числе и тогда, когда я ушел из администрации. Однако время было упущено, политическая ситуация изменилась, и отношение к России в мире стало уже другим. Россия так и не стала полномочным членом финансового клуба.

[...] Судя по тому, что экономический и финансовый потенциалы Китая и Индии, уже сейчас значительно превышающие российский, продолжают расти гораздо быстрее, чем наш, не исключено, что исторический шанс вхождения России в финансовый клуб развитых государств и превращение «семерки» в «восьмерку» с участием России упущен навсегда. Россия имеет все шансы стать полномочным членом других организаций — «Группы тринадцати», «двадцатки», но это уже не «восьмерка», это другие организации.

Оглядываясь на прошедшие за восемь лет события, можно подвести промежуточные итоги. Россия стала членом политической «восьмерки» в июне 2002 года. К 2008 году Россия по-прежнему не является полномочным членом ни ВТО, ни ОЭСР, ни МЭА, ни финансовой «восьмерки».

«Голландская болезнь»

Работа шерпой была важным, но все же лишь одним из направлений моей деятельности. Главным же делом была подготовка и аналитическое сопровождение тех решений, которые принимала исполнительная власть по экономическим вопросам. Таких вопросов было много, и обо всех говорить, конечно, невозможно. Из самых крупных — это, конечно, формирование макроэкономической политики.

Одним из ее центральных вопросов с самого начала стала «голландская болезнь» и противодействие ей. В конце апреля 2000 года я вынес на обсуждение коллег предложения по мерам противодействия «голландской болезни» — сдерживанию государственных расходов, формированию стабилизационного фонда, опережающей выплате государственного долга. Для их обсуждения Путин созвал экономическое совещание, — это было уже после его инаугурации и вступления в должность 7 мая 2000 года. Когда на совещании, на котором были Путин, Касьянов, Волошин, Кудрин, Греф, Козак, я впервые стал говорить о «голландской болезни» и тех вызовах, которые она ставит перед страной, меня никто не понял.

— Объясните, пожалуйста, и нам, непосвященным, о каких угрозах идет речь.

«Голландской болезнью» называется существенное изменение макроэкономических пропорций, вызываемое массированным притоком иностранной валюты в страну в силу резкого изменения (повышения) уровня цен на товары ее традиционного экспорта. В российском случае такими товарами являются прежде всего нефть и газ. Повышение цен на них приводит к тому, что при сохраняющихся (или незначительно растущих) объемах их физического экспорта в страну начинает притекать огромное количество валюты, полученной от их продажи, обусловленное повышением цен. Приобретение иностранной валюты Центральным банком за рубли увеличивает объем рублевой денежной массы, которая, в свою очередь, приводит к повышению инфляции и росту реального курса национальной валюты. Иными словами, внутренние цены и зарплаты в долларовом измерении быстро возрастают, что делает издержки производства в стране более высокими, а продукцию национальной экономики — менее конкурентоспособной или же совсем неконкурентоспособной как внутри страны, так и за рубежом.

— Надо же, а ведь, казалось бы, от повышения цен на нефть и газ Россия должна только богатеть...

Увы, неизбежным результатом «голландской болезни» становится общее замедление темпов роста экономики по сравнению с ее потенциалом. Если «голландская болезнь» не лечится, если она становится запущенной, то другие отрасли (кроме отраслей, вовлеченных в производство товаров, цены на которые заметно возросли) становятся неконкурентоспособными. Такие отрасли или не растут, или снижают объемы производства, или же увеличивают их, но темпами более низкими, чем их потенциальные темпы роста. Поскольку уровень национальных и отраслевых издержек становится неприемлемо высоким, многие предприятия становятся банкротами. Структура экономики приобретает уродливо гипертрофированную форму с искажением в пользу, например, энергетики. Сворачивание производства в других — обрабатывающих — отраслях приводит к сокращению в них занятости, росту безработицы, увеличению давления на государство в целях получения прямого или косвенного социального вспомоществования. А это, с одной стороны, приводит к росту нагрузки на бюджет, с другой — разрушает трудовые навыки, деловую этику, общественную мораль.

Болезнь впервые была описана детально на примере Голландии, на североморском шельфе которой в 1960 – 1970-е годы началась масштабная эксплуатация месторождений газа. В течение довольно короткого времени доходы от его экспорта привели к развитию перечисленных выше симптомов.

— И что же делать?

Из описанных и достаточно хорошо известных мировой экономической науке фактов следует ряд выводов, фактически предопределяющих программу действий. Делать нужно вот что.

Во-первых, государственные расходы в реальном измерении не должны расти не только быстрее ВВП, но даже наравне с ВВП, — надо сокращать удельный вес государственных расходов в ВВП. Во-вторых, надо увеличивать бюджетный профицит (положительную разницу между государственными доходами и государственными расходами). В-третьих, получаемые дополнительные средства следует накапливать в специальном (стабилизационном) фонде, находящемся за пределами обычного государственного бюджета. В-четвертых, средства такого фонда нельзя использовать внутри страны, так как в противном случае они вносят дополнительный вклад в инфляцию.

Следовательно, перед властями возникает непростая дилемма. С одной стороны, стране приходится нелегко, когда не хватает свободных финансовых ресурсов. С другой, — когда их приходит слишком много, то использовать их внутри страны оказывается слишком опасным — и для инвестиций и для социальной поддержки. То есть, конечно, использовать их можно, но

только использование этих средств внутри страны не только не решает национальных проблем, но и усугубляет их. Поэтому использовать такие средства можно только за пределами страны.

— Но на что же, спрашивается, их можно использовать за пределами страны?

Прежде всего на погашение государственного внешнего долга. Российский внешний долг состоит из двух частей — советского, унаследованного от СССР, и российского, накопленного в 1990-е годы как в результате реструктуризации советского долга, так и в результате получения новых кредитов, в том числе от МВФ, Мирового банка, частных банков. После кризиса 1998 года государственный внешний долг достиг величины 156 млрд. долларов, а отношение внешнего долга к ВВП в 1999 году достигло 77% от валового внутреннего продукта России. Так что в данном случае — не было бы счастья, да несчастье помогло, — появление дополнительных средств компенсировалось уже наличием того, на что тратить эти средства было можно и нужно — на погашение внешнего долга.

Поэтому программа лечения «голландской болезни» состояла из нескольких важнейших элементов: увеличение бюджетного профицита за счет относительного сокращения государственных расходов, создание стабилизационного фонда, в котором должны были накапливаться дополнительные средства, использование средств стабилизационного фонда на погашение внешнего долга, причем не только в согласованные сроки, но и досрочно. Это был особенно важный элемент программы, поскольку в 1990-е годы российские правительства не погашали госдолг, не оплачивали его, а реструктурировали, то есть получали новые кредиты. Накопленные же проценты «капитализировались» — то есть переоформлялись в основное тело долга. Естественно, такие операции реструктуризации были небесплатными, — и российский государственный долг возрастал еще и за счет платы за реструктуризацию.

Процесс реструктуризации государственного долга был увлекательным, он оброс бойкими посредниками, консультантами, советниками, юристами, переговоры по реструктуризации долга были, естественно, непубличными и, следовательно, невероятно лакомыми для участников со всех сторон. А российский государственный долг тем временем продолжал расти. Проценты увеличивались, и Россия, как показали наши расчеты, на одних только процентах и платах за реструктуризацию в 1990-е годы заплатила около 100 млрд. долларов, то есть сумму, превышавшую все новые российские заимствования того времени вместе взятые. Иными словами, получалось так, что небогатая страна, не становившаяся, мягко скажем, более богатой, вынуждена была платить вовне больше, чем она получала из-за рубежа, причем в результате этих операций ее долг только увеличивался. Этот порочный круг надо было разорвать. Став советником президента, я попы-

тался воспользоваться своим новым положением, чтобы покончить с такой практикой. Но не тут-то было!

Спор по поводу российских внешних заимствований начался, конечно же, не в 2000 году. В течение всех 1990-х годов мне приходилось регулярно выступать против увеличения внешнего долга. Однако силы были неравны: у независимого аналитика не так много веса по сравнению с проводящими политику властями. Одним из главных идеологов и авторов наращивания государственного долга в те годы выступал Чубайс, занимавший в 1990-е годы ключевые посты в российском руководстве — первого вице-премьера, министра финансов, руководителя президентской администрации, специального представителя Российского правительства по переговорам с международными финансовыми организациями. В те времена в обиход вошла полушутка о медали «За взятие кредита». За время действия любимого детища Чубайса — «валютного коридора» — государственный внешний долг России вырос на 33 млрд. долларов. До конца 1998 года он вырос бы еще минимум на 20 млрд. долларов, если бы не августовский кризис, освободивший страну и от этого неизбежного дополнительного бремени и — временно — от услуг Чубайса.

Став советником, я попытался убедить своих коллег в том, что политику увеличения государственного долга необходимо прекратить, а также в необходимости выплаты, в том числе и досрочной, внешнего долга. В качестве аргументов я приводил и макроэкономическую логику, и бюджетные расчеты, и моральные принципы, пытался показать, насколько выиграет страна, если начнет выплачивать долги прямо сейчас. Но тогда меня никто не поддержал. Позиция правительства (и Касьянова, и Кудрина, и Грефа) тогда была единой: такие предложения — нонсенс. Более того, правильный подход должен быть прямо противоположным — платить не надо, наоборот, рациональное поведение — отказ от платежей. Весь 2000 год прошел в тщетных попытках убедить коллег изменить правительственную политику.

Один из острых кризисов по этому поводу развернулся во время подготовки к саммиту «семерки» на Окинаве в июле 2000 года. Касьянов, бывший в 1999 году министром финансов и успешно проведший тогда переговоры с Лондонским клубом кредиторов по поводу сокращения российской задолженности, попытался повторить свой успех в переговорах с Парижским клубом кредиторов в 2000 году. Он говорил о том, что разрушенная экономическим кризисом Россия платить по своему долгу не может, и требовал сокращения российской задолженности по аналогии с Лондонским клубом.

С моей точки зрения, позиция Касьянова была слабой — и по экономическим аргументам и по политическим обстоятельствам. Парижский клуб — не Лондонский. Официальные кредиторы, правительства, — это не частные банки, у них другие правила по учету кредитов. Парижский клуб пошел на снижение абсолютной задолженности только по отношению к самым бедным странам мира, отягощенным огромной внешней задолженностью (так называемым HIPC — heavily indebted poor countries).

Ни по одному критерию, применявшемуся в этом случае, Россия и близко не приближалась к странам HIPC. Даже в самые тяжелые экономические времена Россия и беднейшие страны относились к разным мирам. Более того, прежде чем привести хоть к какому-то результату, переговоры относительно снижения задолженности стран HIPC заняли почти два десятилетия.

За короткое время изменилась ситуация и в России. К лету 2000 года вместо больного, часто отсутствовавшего на работе Б. Ельцина в Кремле появился молодой, энергичный В. Путин. На смену неустойчивым, часто сменяемым правительствам пришло правительство, твердо поддержанное Госдумой. На смену экономическому кризису пришел впечатляющий экономический рост, к лету 2000 года завершавший уже второй свой год. Кроме того, пошли вверх цены на нефть, существенно облегчив бюджетную ситуацию. В 2000 году дефицит бюджета сменился профицитом. Валютные резервы страны, составлявшие в августе 1998 года 6,5 млрд. долларов, к июлю 2000 года почти утроились, достигнув 17,5 млрд. долларов. По мере продвижения экономических реформ, осуществленных и объявленных, экономическая ситуация в России обещала только улучшаться. Ни одно из этих событий не оставалось незамеченным нашими партнерами. В этих условиях требовать списания российского государственного долга означало, прямо скажем, требовать невозможного.

Наконец, одностороннее и необоснованное требование пересмотра своих обязательств находилось в кричащем противоречии с правилами поведения в цивилизованном сообществе. И оно уж точно было несовместимо с интеграцией страны в систему международных организаций, включая «семерку-восьмерку». Такие действия прямо подрывали возможность достижения страной ее стратегических целей.

Экономический рост

В 2000 году экономическая ситуация в России уже радикально отличалась от ситуации 1998 – 1999 годов, когда Россия находилась в состоянии тяжелого кризиса. В стране уже в течение двух лет шел впечатляющий экономический рост.

— Это из-за нефти?

Экономический рост начался еще до начала повышения цен на нефть. В среднем в 1990-е годы цена барреля экспортной российской нефти составляла около 17 долларов. К августу 1998 года она снизилась до 10 долларов за баррель. В начале 1999 года она упала до 7,5 – 8 долларов. Весной 1999 года цена нефти пошла вверх, преодолев в апреле 11-долларовый рубеж. В сентябре 1999 года она уже превысила 18 долларов, а с ноября 1999-го уже не опускалась ниже 20 долларов.

Экономический же рост в России начался не в 2000 году, когда президентом стал Путин (или когда у него появился советник по экономике). Он начался и не в 1999 году, когда цена на нефть пошла вверх. Настоящий, реальный, устойчивый экономический рост в России начался в октябре 1998 года. Одним из важнейших факторов, обеспечившим начало экономического роста, стала девальвация рубля.

Напомню, что произошло именно то, что Институт экономического анализа предсказывал весной–летом 1998 года, выступая за отказ от политики «валютного коридора». В отличие от наших оппонентов в правительстве и Центральном банке, в отличие от Гайдара и Чубайса, утверждавших, что девальвация валюты приведет к инфляции и гиперинфляции, к разрушению той эфемерной финансовой стабилизации, которая якобы была достигнута к лету 1998 года, мы говорили, что динамика валютного курса и темпы инфляции хотя и связаны между собой, но не столь прямо. Если нет массированной денежной эмиссии, то не будет и инфляции, хотя снижение валютного курса (девальвация) возможно. Более того, такое снижение курса рубля приведет к увеличению торгового баланса, снижению импорта, росту экспорта, прекращению экономического спада, началу экономического роста, увеличению занятости, повышению зарплат. На самом деле больших открытий тут мы не делали, мы лишь воспроизводили описание механизма действия экономических законов, известных в течение длительного времени и единых для всех экономик. То, о чем говорили мы, хорошо знает любой экономист среднего уровня подготовки, знакомый с основами денежной экономики. Помнится, наша позиция тогда подверглась осмеянию.

А в октябре 1998 года, сразу же после девальвации рубля, в России началось именно то, что было хорошо известно экономистам, то, что было детально описано в учебниках, и то, что предсказывалось в наших бюллетенях. Девальвация рубля произошла, а массированной денежной эмиссии не случилось. За это надо отдать должное правительству Евгения Примакова и новому (старому) председателю Центрального банка Виктору Геращенко.

— Как — Геращенко?!.

Да, Геращенко. С ним произошло удивительное превращение. Из активного сторонника и организатора денежной эмиссии и инфляции образца 1992 – 1994 годов в 1998 – 1999 годах он превратился в некое подобие монетаристского ястреба. Никакой излишней денежной эмиссии, умеренность, аккуратность, сдержанность — вот ведущие принципы политики, проводившейся им теперь.

Причину невероятной метаморфозы, случившейся с Геращенко, следует, видимо, искать в изменении политической обстановки в стране. Одно дело — работать председателем ЦБ при враждебном для него правительстве Гайдара, при президенте Ельцине, бывшем для него воплощением абсолютного зла. И совсем другое дело — работать председателем ЦБ бок о бок с

Примаковым, своим многолетним коллегой по спецслужбам. В 1998 году было ясно, что Ельцину на своем посту оставалось уже немного времени и, следовательно, сообществу спецслужб необходимо было после его ухода обеспечить передачу высшей государственной власти в правильные руки. Примаков тогда рассматривался в качестве наиболее успешной кандидатуры Корпорации с высокими шансами быть избранным президентом России. Следовательно, экономическая и политическая поддержка правительства Евгения Примакова для Виктора Геращенко становилась делом чести, доблести и геройства.

[...] Контраст в поведении Геращенко в 1998 – 1999 годах по сравнению с его же действиями в 1992 – 1994 годах был таким, что провалились все прогнозы, сделанные Гайдаром, Чубайсом, Улюкаевым сразу же после назначения Примакова и Геращенко в сентябре 1998 года. Тогда они предсказывали к концу 1998 года и гиперинфляцию и падение валютного курса до 50 рублей за доллар. Ничего подобного в стране, как известно, не произошло.

Массированной денежной эмиссии Геращенко осуществлять не стал, и инфляция после вспышки в августе — сентябре достаточно быстро пошла вниз. Не случилось и падения курса рубля. После падения его до 20 рублей за доллар к декабрю 1998 года и 24 рублей к лету 1999-го, то есть примерно до того уровня, что наш институт предсказывал летом 1998 года, изменения валютного курса стали незначительными. Курс доллара преодолел 30-рублевую отметку лишь в декабре 2001 года и приблизился к 32 рублям за доллар год спустя. После этого под натиском растущих валютных поступлений он двинулся в обратном направлении.

В силу значительной девальвации рубля с октября 1998 года в России начался экономический рост. Причем следует обратить внимание на то, что наилучшие показатели экономического роста в России отмечались в течение года — с ноября 1998 года по август 1999 года. Тогда темпы роста ВВП оказались самыми высокими как минимум за последнюю треть века. Темпы прироста промышленного производства в среднегодовом исчислении тогда устойчиво держались выше 12%, в течение одного зимнего квартала — с декабря 1998 года по февраль 1999 года — они превысили даже 20%. Темпы прироста продукции обрабатывающих отраслей в течение полугода составляли 25%, машиностроения — 30–40%, легкой промышленности в течение года — 40–50%, производства электрооборудования — 50–60%. Это был по-настоящему экономический бум. Реальный бум. Бум на уровне азиатских «тигров». Бум, происходивший в условиях отчасти сходной с проводившейся в них экономической политики — бюджетной, денежной, валютной.

Подчеркиваю, блестящий экономический рост в России начался еще до моего прихода в администрацию. И до избрания президентом Владимира Путина. [...] Если кто-то и что-то заслуживает признания за эти впечатляющие результаты, то это политика, проводившаяся, мягко говоря, розовым, если не сказать красным, правительством Е. Примакова с Ю. Маслюковым в качестве первого вице-премьера, М. Задорновым в качестве министра

финансов, а также с В. Геращенко в качестве руководителя Центрального банка. Конечно, можно сказать, что они оказались счастливыми баловнями судьбы, не вполне понимавшими ни того, что происходит в экономике, ни того, что надо делать. Но, мне кажется, это не вполне справедливо. По крайней мере испортить, остановить, прекратить можно было какой угодно экономический бум. И советчиков, как это сделать, было немало. Да, в общем, и взгляды самих руководителей больших надежд не оставляли. Но — не остановили, не прекратили и не испортили!

[...] Удивительно, каких результатов удается добиваться, если граждане, в том числе и во власти, работают на себя, на свою политическую силу, на свою организацию, на свою власть. Когда они знают, для чего и для кого они действуют, то работают, как говорится, не за страх, а за совесть. И совсем другое дело — если они оказываются в ситуации борьбы против власти, являющейся для них чужой, если приходится работать против чужой политической силы, против чужой власти. Тогда кризисы и катастрофы практически гарантированы. Жертвой такой борьбы становятся национальная экономика и, естественно, граждане страны.

Одним из наиболее важных наблюдений для меня тогда стало осознание того, что грамотная экономическая политика в принципе может проводиться и в нашей стране. Причем она может проводиться и коммунистами и представителями спецслужб, — если, конечно, им это будет надо. И де-факто именно такая политика проводилась в течение девяти месяцев — с сентября 1998-го по май 1999 года. Именно она способствовала получению наилучших, наиболее впечатляющих экономических результатов. Во многом именно потому я говорил, что по качеству экономической политики правительство Примакова оказалось гораздо более либеральным, чем правительства Гайдара, Черномырдина с Чубайсом, Кириенко. Насколько можно было видеть, самому Примакову лично слышать это было неприятно, он как будто ежился каждый раз, когда это слышал. Конечно, в части *либерала*, не в части похвалы. Сам он никогда такого термина не использовал, свою политику такой не признавал. Но и возражать — тоже, кажется, никогда не возражал.

Долг чести

С октября 1998 года в России начался устойчивый экономический рост. Он продолжался последний квартал 1998 года, весь 1999 год, весь 2000 год. К лету 2000 года за плечами страны оказалось более полутора лет бурного экономического роста. Настоящего бума. А с весны 1999 года в экономическую копилку начинает добавляться фактор роста цен на нефть. В таких условиях настаивать на списании внешнего долга было совершенно нелепо. Это примерно так же, как прийти в бар, позвякивая монетами в кармане, заказать пива, выпить его, а потом отказаться платить за выпитое.

Тем не менее Касьянов продолжал настаивать. В дополнение к разнообразным действиям в бюрократическом поле он вышел и в публичное про-

странство. Российские власти начали весьма агрессивную пропагандистскую кампанию, а за день до саммита на Окинаве Касьянов опубликовал в «Файненшел Таймс» свою статью с требованием к «семерке» списать часть российского долга. Соответствующие рекомендации он, естественно, накануне дал и Путину.

«Семерка» тоже не дремала и готовилась дать отпор зарвавшемуся парвеню. По шерповским каналам было передано, что если только Путин на встрече с лидерами семи стран заикнется о списании долга, то ему быстро и в очень доходчивой форме пояснят правила поведения в эксклюзивном клубе.

Когда на саммите на Окинаве Путину было предоставлено слово, он спокойно и довольно подробно рассказал о том, что его администрация уже сделала и что собирается сделать в экономической сфере, какие реформы уже проведены, какие намечены. Слушатели ждали, когда Путин станет говорить про внешний долг. Мне показалось даже, что у некоторых участников встречи как будто бы даже начали сжиматься кулаки и они даже как-то немного подались вперед, принимая что-то вроде боевой стойки и готовясь к словесному удару. Путин закончил свое выступление, про внешний долг не проронив ни слова. Как будто эта тема его совершенно не интересовала. Как будто внешнего долга у России вообще не было.

Когда он закончил, в зале повисла тишина. Через некоторое время председательствовавший на встрече премьер-министр Японии Е. Мори недоуменно спросил: «И это все?» Путин пожал плечами. Опять воцарилась тишина. Лидеры «семерки» недоуменно и как-то даже немного разочарованно стали рассматривать Путина. Через несколько секунд Мори снова спрашивает: «Вы закончили ваше выступление?» Путин говорит: «Да». Опять пауза. Лидеры «семерки» смотрят на Путина, переглядываются, явно не понимая, что происходит. Наконец, в третий раз: «Я вас правильно понимаю, что вы завершили ваше выступление и вы ничего больше не хотите сообщить нам дополнительно?» — говорит Мори с ударением на «больше» и «дополнительно» и так пристально-пристально всматривается в Путина. Надо сказать, что и все остальные прямо впились глазами в Путина. А тот сидит совершенно невозмутимо и снова плечами пожимает: «Да нет, — говорит, — ничего». После этого Мори помолчал, медленно повернулся и так раздумчиво говорит: «Ну что ж, давайте переходить к следующему вопросу».

Так удалось избежать крайне неприятной ситуации, непродуктивной склоки и одновременно заложить фундамент будущего решения «семерки» в Кананаскисе.

Но проблема внешнего долга, естественно, никуда не делась. Поскольку она уже была вынесена в публичное пространство, то осенью 2000 года общественность была подробно проинформирована о концепции противодействия «голландской болезни» — я дал пресс-конференцию, ряд интервью, комментарии по отдельным аспектам этой проблемы. В журнале «Эксперт» была опубликована моя колонка «Долг чести». Чуть позже в журнале «Вопросы экономики» вышли статьи «Экономическая политика в условиях

открытой экономики со значительным сырьевым сектором» и «Платить или не платить?».

Многие комментарии на мои выступления были однотипными: они в основном сводились к выражению недоумения различной степени эмоциональности. Предложения о выплате долга вообще, а к тому же и о выплате долга с опережением сроков казались тогда настолько невероятными, настолько странными и абсурдными, что некоторые авторы выражали сомнение в интеллектуальной и психической адекватности президентского советника: «Это же надо додуматься до того, чтобы бедная страна платила внешние долги, да еще и досрочно! Только ненормального на посту экономического советника президента нам и не хватало!»

Справедливости ради надо сказать, что не все отклики были такого рода. Помню, был развернутый комментарий на Полит. ру «*Андрей Илларионов: мировая рента, внешние долги и экономический рост — власти не сумели сложить этот пазл*», порадовавший зрелостью авторов, к которым, как я узнал позже, относился и Кирилл Рогов.

Осенью 2000-го — зимой 2000/01 года ситуация заметно обострилась. Касьянов, не добившийся успехов на переговорах с Парижским клубом, пошел на весьма рискованную игру — на фактический шантаж кредиторов с односторонним — со стороны России — прекращением платежей. Это привело к эскалации угроз и обвинений с обеих сторон. С 1 января 2001 года Российская Федерация официально отказалась от обслуживания и выплаты внешнего долга. Касьянов официально заявил, что РФ сделать этого сейчас не может, потому что, — цитирую близко к тексту: *в нескольких регионах страны случились большие морозы, где-то полопались трубы. Поэтому Россия не может позволить себе в таких условиях роскоши выплаты долга и прекращает платежи по Парижскому клубу.*

Шантаж со стороны Российского правительства был не только грубым и бездарным по форме, но и безосновательным по сути и, конечно, совершенно бесперспективным. В западных правительствах тоже экономические сводки читали, причем неплохо читали. Оснований для списания долга в той макроэкономической ситуации не было никаких. Кроме того, по правилам Парижского клуба списание долга вообще юридически невозможно. И наши западные коллеги неоднократно нас предупреждали, что в случае отказа России от выплаты внешнего долга страны-кредиторы вынуждены будут предпринять соответствующие действия, связанные с выходом России за пределы цивилизованного круга народов. И заплатить все равно придется. Иными словами, хозяева пивбара совместно с другими его завсегдатаями хорошенько проучат наглеца, отказывающегося платить, после чего он, утираясь, конечно, заплатит за свою кружку. А вот в бар его больше уже не пустят.

Тем не менее заявление о прекращении платежей в начале января 2001 года премьером Касьяновым было сделано. Министр финансов Кудрин также подтвердил, что Россия платить не будет. И 1 января Россия прекратила платежи. На Западе начались интенсивные консультации по поводу того,

что делать с Россией. В начале января прошло несколько совещаний, в том числе на уровне финансовых шерп «семерки». Было принято решение: если по истечении нескольких недель Россия не возобновит платежи по внешнему долгу, то она превращает себя в изгоя международного финансового сообщества и исключается из работы клуба даже в формате «семерка плюс один». Если будет недостаточно, последуют и другие санкции.

Оснований полагать, что «семерка» блефует, не было. Опять я пытался убедить моих коллег пересмотреть свою позицию, чтобы не доводить дело до внешнеполитической катастрофы. Увы, мои усилия не увенчались успехом: правительство решило самостоятельно и в инициативном порядке затопить свой «Титаник». 17 января финансовый сушерпа Германии и первый заместитель министра финансов Германии Кох-Везер по поручению своих коллег выступил на страницах «Файненшел Таймс Дойчланд» с публичным предупреждением о готовящихся санкциях в отношении России.

Я узнал об этой статье после того, как вернулся с пресс-конференции по вопросам долговой политики в агентстве Интерфакс. Позицию Российского правительства я, скажем мягко, раскритиковал. Центральными стали три тезиса: «Платить можно. Платить нужно. Платить выгодно». В конце добавил, что позиция Российского правительства об отказе от обслуживания внешних долгов подобна мелкому хулиганству — обрыванию телефонных трубок в будках и отправлению естественных нужд в подъездах.

Надо сказать, что народу на пресс-конференции было много, и такое заявление и по сути и по некоторой недипломатичности формулировок, конечно, имело соответствующее воздействие. Не буду скрывать, средствам массовой информации и у нас и за рубежом некоторые образы понравились, и они не преминули широко их воспроизвести. Однако каким бы ни было внимание СМИ, какими бы ни были мои заявления, это была лишь позиция одного человека — пусть и советника президента. Позиция правительства осталась неизменной.

— Какой прекрасный повод обвинить вас в продажности и заявить, что вы вражеский шпион!

Так оно, в общем, и получилось. На следующий день газеты заполнились разнообразными комментариями, включая, естественно, и констатациями того, как высоко в российскую власть пробрались агенты ЦРУ.

Еще через день президент собрал чрезвычайное экономическое совещание по обсуждению долговой политики. На совещании первое слово было предоставлено Касьянову. Он начал споро — обвинил меня в предательстве, в измене, в работе на западные спецслужбы, в разоблачении секретных правительственных планов, в нанесении удара в спину правительству, напомнил присутствовавшим о гражданстве моей жены, продемонстрировал знакомство с весьма специальной информацией о допуске к секретным материалам. В конце он потребовал от всех и прежде всего от Путина прекра-

тить предоставление мне каких-либо официальных документов: предоставлять информацию изменнику недопустимо!

Совещание шло примерно два часа, и выступавшие в разной, но уже более мягкой, форме поддержали Касьянова. Изменнические шаги советника президента были дружно осуждены. Чуть позже я узнал, что накануне Путин разговаривал с Гайдаром и Гайдар якобы сказал, что в общем и целом мое поведение недопустимо: надо выдерживать единую политику власти. Когда очередь дошла до меня и я попытался начать говорить, Путин меня прервал: «Андрей Николаевич, а вам говорить уже не надо. Вы уже все сказали»...

Совещание продолжалось. Президент внимательно слушал. Когда все выступили, Путин сказал: «Хорошо. Все понятно. Теперь я объявляю решение: Россия возобновляет выплаты по внешнему долгу». Никакой аргументации ни «за», ни «против» он не привел, просто сказал: «Решение принято, выполняйте». Касьянов стал малиновым, для него это было как гром среди ясного неба, он не мог такого даже представить и попытался возражать. Но Путин обрезал: «Дискуссия закончена. Решение принято». [...]

К началу апреля 2001 года задолженность по обслуживанию российского внешнего долга, накопленная с начала года, Минфином была полностью ликвидирована, и Россия вернулась в нормальный график платежей.

— А что со стабилизационным фондом?

Борьба за создание стабилизационного фонда заняла еще несколько лет. Поначалу против него возражали все. Потом ситуация стала понемногу меняться. Примерно через год Кудрин согласился, что, пожалуй, это действительно правильно. Через два года в своем послании президент заявил о разделении бюджета на две части. После этого в качестве прототипа стабфонда был создан резервный фонд. Одновременно Минфин заказал Институту экономических проблем переходного периода (институту Егора Гайдара) подготовить законодательство о формировании этого фонда.

С начала 2004 года резервный фонд был преобразован в стабилизационный фонд, основные принципы которого были сформулированы весной 2000 года. С тех пор стабилизационный фонд представляет собой один из центральных элементов современной макроэкономической политики Российского правительства. Строго говоря, уже трех российских правительств — Касьянова, Фрадкова и Зубкова.

Любопытно, что сам Касьянов, выступая в начале 2007 года с одной из своих предвыборных речей, долго перечислял, что делается российскими властями неверно. А затем назвал то, что делается правильно, — сохранение стабилизационного фонда и погашение внешнего долга...

Что касается внешнего долга, то мое предложение о досрочном его погашении тоже было через некоторое время принято на вооружение и затем активно исполнялось. Россия перестала брать новые кредиты, довольно быстро расплатилась с МВФ и затем приступила к погашению долга перед

членами Парижского клуба. Общие размеры государственного внешнего долга были сокращены радикально: если на конец 1999 года он составлял 77% ВВП, то на конец 2007 года — уже менее 4% ВВП. К 2008 году основная часть внешнего долга, как унаследованного с советских времен, так и полученного в российские годы, уже погашена. Таким образом, оказалось практически выполненным еще одно мое предсказание — о том, что внешний долг можно полностью выплатить в течение восьми лет. В 2000 году такие слова многими воспринимались как бред. Теперь российские правительства гордятся и работой стабилизационного фонда, и погашением внешнего долга. [...]

Забавно видеть, как авторы книжонки «Враги Путина» (меня туда тоже включили) расхваливают работу стабфонда. Смешно видеть «нашистов», носящихся по Москве с листовками, призывающими громить врагов Путина, и называющих в тех же листовках в числе заслуг и саммит «восьмерки», проведенный в Петербурге в 2006 году, и погашение внешнего долга.

Как известно, в России ни одно хорошее дело не остается безнаказанным.

Удвоение ВВП

Главным направлением моей работы было формирование макроэкономической политики. Какой? Оптимальной для сохранения, поддержания и ускорения приличных темпов экономического роста. Экономический рост — это одна из наиболее дорогих мне тем. В течение почти двух десятилетий до прихода в администрацию я занимался проблемами экономического роста. Придя же в администрацию, постарался воплотить в практической деятельности хотя бы часть своих теоретических наработок.

Проведенные исследования показали, что одним из ключевых (хотя и не единственным) факторов экономического роста являются так называемые *размеры государства*. Под этим термином в экономической науке понимается не величина территории страны, не численность ее населения, не параметры иных государственных символов. *Размеры государства* в экономическом смысле — это удельный вес государственных расходов в национальной экономике, в ВВП. Причем для большей части стран мира (с населением более 1 миллиона человек) в последние десятилетия характерна четко выраженная отрицательная связь между *размерами государства* и темпами экономического роста. Иными словами, большие *размеры государства* — высокий удельный вес государственных расходов в ВВП — препятствуют экономическому росту. Существует так называемая кривая экономического роста, с помощью которой можно определить оптимальные *размеры государства* для стран с разной численностью населения, находящихся на разных уровнях экономического развития.

Соответствующий анализ показал, что оптимальными *размерами государства* для современной России является полоса значений в пределах 15 – 20% ВВП. Именно при таком уровне государственных расходов в ВВП

достижимы, при прочих равных условиях, максимальные темпы роста российской экономики. *Размеры государства* в 38% ВВП являются критическими: при превышении этого уровня экономический рост в стране становится невозможным. При более значительных *размерах государства* часто начинается экономический спад.

В 1992 году, во время деятельности правительства Гайдара, удельный вес государственных расходов в ВВП был увеличен до 72% ВВП. Неудивительно, что страна погрузилась в жесточайший экономический кризис, более жестокий даже по сравнению с последними годами существования советского режима. Российский ВВП тогда упал на 14,5%. Будучи министром финансов и вице-премьером Борис Федоров сумел в 1993 году сократить размеры Российского *государства* до 45% ВВП. Экономический спад продолжился, но темпы его снизились до 8,7%. В 1994 году, избавившись от Федорова, Черномырдин увеличил государственные расходы до 48% ВВП. Темпы экономического спада возросли, и российский ВВП рухнул еще на 13%.

В 1995 – 1998 годах *размеры государства* удерживались на уровне около 42% ВВП. Экономический спад продолжался, но темпы его были уже меньше — около 3% в среднем в год. Августовский кризис 1998 года оказался одним из наиболее радикальных экономических хирургов, лишив власть свободных финансовых ресурсов и не позволивших правительству Примакова тратить более 35% национальных экономических ресурсов. Как известно, именно тогда и начался современный экономический рост в России.

Понимая, что устойчивый экономический рост возможен только в условиях разумной государственной нагрузки на экономику, на посту советника я старался добиться институционального закрепления изменения *размеров государства*, достигнутого в поставгустовские полтора года. Для начала были сформулированы целевые ориентиры экономической политики на первый и второй четырехлетние периоды президентства Путина. Наметившееся отступление, — удельный вес государственных расходов по итогам 1999 года поднялся до 37% ВВП (по данным, имевшимся на то время), — означало неизбежное возвращение к экономической стагнации в лучшем случае, к возобновлению экономического спада — в худшем. Поэтому задачей номер один в экономической политике стало сокращение *размеров государства*.

Хотя оптимальным (с точки зрения максимизации экономического роста) значением удельного веса государственных расходов в национальной экономике оказалась величина в 17% ВВП, было ясно, что в обозримом будущем достижение ее маловероятно. Цифра в 20 – 22% ВВП выглядела более реалистичной. Именно она и была выдвинута в качестве ориентира для достижения в течение 10–15-летней перспективы. В качестве ближайшей цели была поставлена задача сокращения *размеров государства* до 30% ВВП к 2004 году с дальнейшим их сокращением до 25% ВВП к 2008 году. Под эти целевые ориентиры была разработана всеобъемлющая программа реорганизации не только государственного бюджета, но всей бюджетной системы страны.

Сейчас я оставляю в стороне нашу долгую и малопродуктивную дискуссию с представителями экономических властей, начавшуюся еще во времена Центра стратегических разработок. И Греф, и Касьянов практически по всем вопросам экономической политики выступали против. Кудрин демонстрировал симпатию к некоторым идеям, но поначалу действовал иначе. Если в 2000 году госрасходы были еще на уровне 32% ВВП, то в 2001-м они поднялись уже до 34%, а в 2002-м — до 38% ВВП. Темпы прироста ВВП, достигавшие в 2000 году 10%, в 2001-м упали до 5,1%, а в 2002-м — до 4,7%.

Постепенно проникаясь идеями сокращения *размеров государства* и чувствуя заметное замедление экономического роста, Кудрин решился реализовать свой административно-бюрократический потенциал и инициировал создание в 2002 году специальной правительственной комиссии по уточнению государственных обязательств и сокращению государственных расходов. Наряду с сотнями специалистов из всех министерств и ведомств в этой работе участвовал и я. Должен сказать, что это была, пожалуй, наиболее значительная, наиболее продуманная и наиболее подготовленная реформа российских государственных финансов за последние два десятилетия.

Во многом опираясь на теоретическую базу, выдвинутую мной, и на практическую работу, осуществлявшуюся под руководством Кудрина, Путин в своем послании Федеральному собранию 2003 года выдвинул лозунг удвоения ВВП — удвоения экономических ресурсов на душу населения за десятилетие. 25 июня 2003 года на пресс-конференции в Александр-хаусе я познакомил общественность с материалами своего доклада «Как удвоить ВВП? Первый шаг к российскому экономическому чуду».

На лозунг удвоения экономического потенциала страны откликнулись и профессиональные экономисты, и руководители ведомств, и губернаторы. Как часто бывает в России, лозунг стал приобретать черты кампании. Из разных мест стали доноситься рапорты о том, как там все удваивается. Отчасти кампания, отчасти лозунг, отчасти содержательная программа подверглись и критике, — в частности, со стороны заместителя директора гайдаровского института Владимира Мау. Тем не менее идея ускоренного экономического роста, российского экономического чуда, оказалась все же весьма популярной. Настолько, что была полностью воспроизведена в президентском послании следующего, 2004-го, года.

Реализация программы уменьшения *размеров государства* стала приносить свои результаты. Уже в 2003 году *размеры государства* были сокращены до 35% ВВП. Далее сокращение продолжилось: в 2004 году государственные расходы были снижены до 32,1% ВВП, в 2005 году — до 31,6%, в 2006-м — до 31,3% ВВП. В 2007 году их удельный вес в ВВП составил около 33%. Результатом чувствительного снижения государственной нагрузки на экономику стали заметное ускорение экономического роста и его выход на траекторию около 7% ежегодно в 2003 – 2007 годах. Вне всякого сомнения, российскому экономическому росту очень помогли и продолжают помогать сильно воз-

росшие мировые цены на энергоносители. Но и вклад снижения государственной нагрузки является тоже весомым.

К сформулированному в 2000 году целевому ориентиру *размеров государства* на 2004 год — 30% ВВП — российские власти так и не пришли, но тем не менее существенно приблизились. Причем забавно, что максимальное приближение — около 31% ВВП — было достигнуто тогда, когда я уже ушел из администрации, — в 2006 году. Платой за верность курсу (только в этой части, естественно) стал приличный экономический рост. Конечно, он мог быть и гораздо выше, темпы роста в России могли быть и двузначными, реализуй власти сформулированную в 2000 году программу полностью. Но даже то, что было сделано, дает основания испытывать известное удовлетворение.

Из всего того, что было сделано мною на посту советника президента, более всего, наверное, я горжусь именно этим. [...]

— А что относится к госрасходам?

Очень многое. Расходы на оборону, образование, медицину, погашение внешнего долга, административные расходы, социальные расходы. Принципиальный вопрос экономического развития: кто тратит деньги — частник или государство? Если государство, то надо понимать, что в большинстве случаев оно тратит их менее эффективно, чем частник.

— И те самые льготы, которые подверглись монетизации, — это тоже государственные расходы?

Это тоже государственные расходы. Я считал тогда и считаю сейчас, что в том виде и в тех размерах, в каких они существовали, наши социальные расходы были абсолютно неподъемными и непосильными для страны. То, что их надо было сокращать, — вне всякого сомнения. Другой вопрос — *как* сокращать. Ситуация, в которой значительная часть социальных расходов достается людям зажиточным, а не бедным, нелепа. Она не только экономически неэффективна, она социально несправедлива. С другой стороны, я считаю, что лучший способ получения денег — их зарабатывание. Нет большего экономического вреда, наносимого бедным людям, чем не давать им возможности самим зарабатывать деньги, глушить их предприимчивость и инициативу раздачей государственных субсидий.

Социальные расходы были и, кстати, остаются весьма неэффективными и коррупционногенными. Причем размеры воровства в социальной сфере явно не меньше, а возможно, и больше, чем во многих других сферах. Такую ситуацию сохранять было нельзя. Другое дело, что сокращать любые расходы, а особенно социальные, нельзя чисто командным методом. Любое изменение устойчивого, повторяющегося поведения весьма чувствительно, болезненно. Такие изменения не могут быть осуществлены без детальных,

долгих, часто очень трудных обсуждений и согласований со всеми заинтересованными лицами — от общественности до политических партий в парламенте. Как это делать, каким образом — очень важная и очень интересная тема. Но — другая.

Чтобы завершить тему «удвоения», позволю обратить ваше внимание на итоговые результаты развития экономики страны за последние девять лет. Со времени августовского кризиса 1998 году душевой ВВП в России вырос на 89%. В случае, если экономический рост в 2008 году будет не ниже 5,5% (что весьма вероятно), то увеличение этого показателя за десять лет составит 100%. Или удвоение за десятилетие. То есть произойдет то, что было выдвинуто в 2003 году в качестве лозунга, подкреплено теоретическими расчетами и поддержано практическими действиями. Вот так у нас получилось и еще одно любопытное «кольцевание».

2007, № 4 (134)

[...]

— Андрей Николаевич, в прошлый раз мы завершили нашу беседу на теме социальных расходов. Вы говорили и о необходимости их сокращения, и о том, что это нельзя делать командными методами. Но это были общие ваши соображения, а ведь конкретно тема эта возникла, напоминаем, применительно к закону о монетизации льгот. Так что же все-таки было сделано правильного и неправильного, с вашей точки зрения, именно с этим законом?

Деньги и мораль

Что было сделано с законом о монетизации? Многие идеи в нем были правильными, но осуществление его оказалось совершенно неприемлемым. Этот закон, по сути дела, никто серьезно не обсуждал ни в рамках правительства, ни в Думе, ни в Совете Федерации. В свое время Грызлов сказал, что Госдума — это не место для дискуссий. Но нельзя просто отменить обсуждение значимых для страны вопросов. Люди все равно будут их обсуждать, — только место обсуждения поменяется. Когда значимые для общества вопросы не обсуждаются в тех местах, где они должны обсуждаться, — в Думе, в правительстве, в средствах массовой информации, — они начинают обсуждаться на улице. И люди, обманутые и оскорбленные теми решениями, которые были приняты без их участия, естественно, выходят на улицы.

С рядом положений закона о монетизации, так называемого Федерального закона № 122, действительно невозможно согласиться. Например, в соответствии с предложением Минфина поддержка гражданам, репрессированным коммунистическим режимом, и их родственникам, осуществлявшаяся в 1990-х годах на федеральном уровне (пусть нерегулярно и в незначительном объеме), теперь была переведена на местный уровень. То есть средства по этой статье теперь должны были изыскивать региональные органы власти в зависимости от состояния своих бюджетов: тот, кто найдет

деньги, платит; тот, у кого их меньше, платит меньше; тот, у кого их нет, — не платит совсем.

С таким порядком согласиться было нельзя. Во-первых, в общем объеме социальных расходов средства на социальную поддержку репрессированным просто ничтожны. По сравнению с другими категориями граждан, получающих социальную помощь, число репрессированных и лиц, приравненных к репрессированным, включая их непосредственных родственников (почти исключительно детей, потерявших родителей в лагерях ГУЛага) в стране, незначительно. Расходы по этой статье были ничтожными — около пяти миллиардов рублей. Это настолько несопоставимо с социальными расходами по другим направлениям, с расходами по другим статьям, со всем государственным бюджетом, что говорить о том, что сокращение этой статьи даст какую-то экономию, — изощренное издевательство над фактами. Для сравнения: для внесения в уставный капитал Ростехнологий осенью 2007 года власти выделили сумму в 150 млрд. рублей. Суммарно же на все госкомпании из Стабилизационного фонда направлено свыше 600 млрд. рублей. Только дополнительные (по сравнению с утвержденными законом) бюджетные доходы в 2008 году превысят 900 млрд. рублей.

Во-вторых, отказ от поддержки репрессированным неверен по сути и глубоко аморален. Репрессии осуществлялись не региональными властями, — федеральным правительством, советским государством. Закон о компенсации — не только финансовый и в первую очередь не финансовый. Это базовый закон человеческой жизни: ответственность за совершенные действия несет тот, кто эти действия совершает, или его правопреемник. Поэтому компенсации за акции центрального правительства — репрессии, ликвидацию аварий на Маяке, в Чернобыле — должны осуществляться на федеральном уровне. Наконец, никакие финансовые компенсации в этом деле совершенно не сопоставимы с понесенными людьми потерями, утратой жизни, здоровья, близких.

Вопрос перевода компенсаций репрессированным с федерального уровня на региональный обсуждался у президента. Выступив на совещании против предложения А. Кудрина, я оказался в абсолютном одиночестве. С моим предложением сохранить компенсации на федеральном уровне не согласился никто. Против в довольно резкой форме выступили и А. Жуков, и Д. Медведев, и В. Путин. Все они высказались за то, чтобы финансирование по этой статье перевести на региональный уровень и поставить в зависимость от финансовых возможностей и политической зрелости региональных властей.

Повторю, что речь шла о сумме, составлявшей тогда около одной десятой процента от всех расходов федерального бюджета...

— Андрей Николаевич, но здесь, если мы правильно вас понимаем, вы выдвигаете на первый план критерии уже не столько собственно экономического, сколько нравственного порядка, не так ли?

А почему, собственно, экономическая политика, да и политика вообще, не должна быть нравственной? Можно ли применить критерий нравственности, например, к накоплению и использованию средств Стабилизационного фонда? В течение нескольких лет дополнительные средства, накапливаемые в результате благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, из Стабфонда не расходовались. Благодаря этому темпы инфляции пусть медленно, но снижались. В 2006 году они опустились до 9% годовых. В 2007 году, увы, не без участия Е. Гайдара, были приняты решения о вскрытии Стабилизационного фонда. Львиная доля этих средств была отдана госкомпаниям. Результат не заставил себя ждать: темпы инфляции к маю 2008 года подскочили до 15% годовых, по продовольственным товарам — до 20%, а по стоимости минимального потребительского набора — до 30%. И что является более нравственным по отношению к большинству российских граждан: сохранять Стабфонд и снижать темпы роста цен или отдавать десятки миллиардов долларов государственным олигархам и разжигать инфляцию?

— Ну тут ответ очевиден. А как, вы полагаете, следовало бы поступить со Стабфондом? И какие решения относительно расходования его средств можно оценивать как нравственные?

Прежде всего — погашение государственного внешнего долга (сейчас он выплачен еще не полностью, но его осталось уже немного — меньше 4% ВВП). После же полного погашения внешнего долга средства Стабфонда можно использовать по-разному. В случае регулярных значительных колебаний внешнеэкономической конъюнктуры Стабилизационный фонд нужен в качестве резерва на черный день — на случай падения цен на нефть, газ и другие экспортные товары. Если же цены на нефть только растут, устанавливая рекорд за рекордом и оставаясь на высоком уровне в течение длительного времени, то тогда ясно, что они из циклического фактора превратились в структурный. В таком случае сохранение Стабилизационного фонда в прежнем виде бессмысленно. Тогда его объемы надо сокращать, а сам фонд в конце концов ликвидировать. Лучшим способом его ликвидации было бы сокращение налогов. Устойчивый уровень профицита бюджета в 8% ВВП в течение каждого из последних трех лет означает, что фактический уровень налогов в стране завышен как минимум на 8% ВВП. Следовательно, налоговая нагрузка завышена и ее надо снижать, оставляя больше средств частным субъектам национальной экономики. Спрашивается, что является более нравственным: завышение налоговой нагрузки на граждан? Или ее снижение? Однако на такое решение власти не идут, а околовластные эксперты этого не предлагают.

Наконец, если власти не хотят сокращать налоги, а хотят раздавать средства Стабфонда, то тогда уж вместо раздачи немногим друзьям лучше раздать их всем гражданам — без исключения. Ведь это государственные средства, они должны принадлежать всем гражданам страны. Можно выбрать

принцип, по которому эти средства разделить: поровну, в зависимости от возраста гражданина или как-то иначе. В таком случае тоже можно говорить о нравственном подходе в экономической политике. Такое решение было бы более нравственным, чем то, которое в итоге оказалось принятым. Ведь, как известно, ни по первому, ни по второму пути власти не пошли. Накануне так называемых парламентских выборов они раздали своим друзьям порядка 25 млрд. долларов. Рост инфляции стал подтверждением того, что́ российские граждане заплатили за этот трюк: во-первых, у них отобрали потенциально им принадлежащие средства, а, во-вторых, их еще и заставили оплатить это похищение повышенной инфляцией.

Этот пример показывает, какие различия могут иметь форма и содержание проводимой политики. Даже если по форме экономическая политика выглядит правильной, по своей сути она может укреплять политический режим, наносящий непоправимый ущерб своим гражданам. Например, по формальным критериям бюджетная политика, проводившаяся в СССР министром финансов А. Г. Зверевым, была весьма приличной. Зверев оставался министром финансов дольше, чем кто бы то ни было в истории страны, — больше двадцати лет: начинал наркомом при Сталине в 1938 году, завершил министром при Хрущеве в 1960-м. С чисто профессиональной точки зрения, Зверев был одним из лучших финансистов страны. Темпы инфляции при нем даже в нерегулируемой части экономики — на колхозном рынке — были относительно умеренными даже во время войны. После же нее в течение ряда лет цены, как известно, снижались. Какой бы ни была пропагандистская составляющая этой кампании, она не смогла бы быть реализована, если бы под нее не было подведено серьезного финансового фундамента. Насколько та ситуация отличается от ситуации последних двух десятилетий, показывают различия в темпах инфляции тогда и в конце 1980-х – 1990-х годах. Если же мы примем во внимание, что на его руководство Минфином пришлось почти полтора десятилетия военных конфликтов разной степени интенсивности, в которых находилась страна, то профессиональный успех Зверева будет еще более зримым.

Зверев проводил классическую консервативную фискальную политику, обеспечивавшую относительную ценовую стабильность на внутреннем рынке и способствовавшую относительно устойчивому экономическому росту, — насколько последний вообще мог быть устойчивым в условиях советской власти и плановой экономики, — а также пусть медленному, но все-таки последовательному повышению уровня жизни граждан. И профессионализму Зверева можно и нужно отдать должное. Но это не меняло сути сталинского режима, не меняло рабовладельческого характера политической системы страны, не отменяло гибели миллионов репрессированных и страданий миллионов узников ГУЛага. Наоборот, эффективность действий Зверева помогала выживанию античеловеческой системы, легитимизировала ее в глазах и части собственных граждан, и некоторых зарубежных наблюдателей.

Бюджетная политика последних лет, 2000 – 2008 годов, является, несомненно, более ответственной и более профессиональной, чем безответственная финансовая политика 1990-х. Но сегодняшний политический режим несравним с политическим режимом 1990-х. К Б. Ельцину можно предъявить немало претензий. Многие и предъявлялись, в том числе и несправедливые. Но за все время его президентства за нападки на Ельцина ни один журналист федеральной властью не преследовался...

Для многих людей гипотетический выбор между провальной экономической политикой в условиях несовершенной демократии и приличной экономической политикой в условиях политической диктатуры совершается против первого и в пользу второго варианта — выбор так называемой *колбасы против свободы*. Это объяснимый, но ошибочный выбор. Такой выбор находит оправдание ровно до того момента, когда собственные дети «любителя колбасы» не оказываются в бесланской школе, его близкие — на представлении Норд-Оста, а сам гражданин, сторонник «колбасы» и политической «стабильности» и противник «несистемной» оппозиции, не окажется ночью в своей постели в доме на какой-нибудь условной улице Гурьянова или во время учений ФСБ с гексогеном в какой-нибудь условной Рязани.

— А в обсуждении каких еще проектов вы принимали участие в последние годы своей работы в должности советника президента?

Реформа РАО

Был еще один проект, привлекший мое внимание во время моей работы советником президента, — реформирование электроэнергетики. Поначалу я не был в него вовлечен. Не стал я заниматься этим проектом даже после нескольких настойчивых приглашений со стороны руководителя РАО ЕЭС А. Чубайса весной–летом 2000 года «вникнуть в проблему» и «поспособствовать» в ее «сопровождении». Я отказался: мало ли кто хочет получить поддержку государственной власти для проталкивания своих интересов.

Однако по прошествии некоторого времени мое внимание обратила на себя одна совершенно четко проявившаяся тенденция: акции РАО ЕЭС постоянно падали в цене. Со своего локального пика 24 марта 2000 года, — сразу после президентских выборов, на которых победил В. Путин, — цена акций электрокомпании стала падать. Она снижалась в апреле, в мае, июне, июле, августе, сентябре, октябре, ноябре... Это было очень необычно. Акции разных компаний двигались по-разному, в разные стороны: какие-то дорожали, потом дешевели, какие-то дешевели, потом дорожали. Но не было ни одной российской компании, акции которой в 2000 году последовательно дешевели в течение восьми месяцев подряд. Кроме РАО ЕЭС.

Если бы еще это была небольшая или даже средняя по размерам компания, то тогда вряд ли ситуация с ее акциями заслуживала бы пристального внимания с моей стороны. Однако РАО ЕЭС — одна из крупнейших ком-

паний России, в то время крупнейшая компания страны по численности занятого персонала (около 600 тысяч человек), компания, удельный вес которой в российских фондовых индексах тогда превышал четверть. Иными словами, динамика ее акций оказывала заметное воздействие на поведение всего российского фондового рынка, а следовательно, и в целом на то, что происходило в экономике страны. Пришлось разбираться с динамикой цен на акции РАО.

Выяснилось, что своего пика цена акций компании достигла в день, когда Чубайс публично заявил о планах реорганизации компании. После этого цена пошла вниз. И каждое новое заявление Чубайса о реформировании РАО сопровождалось новой волной сброса акций и соответствующими потерями в их цене. Вот это уже действительно становилось любопытным. Дело в том, что на планы по реорганизации компании инвесторы обычно реагируют положительно. Они рассматривают реформу как способ отказаться от излишних управленческих звеньев, ненужных производств, неэффективных затрат — как способ повышения конкурентоспособности реформируемого организма и как путь к улучшению его финансовых показателей. Именно поэтому при объявлении о планах реорганизации компании они, как правило, начинают интенсивно покупать ее акции, обещающие повышенный доход в будущем, провоцируя рост цен на них.

Падение же цен как реакция на реформу компании в такую логику не укладывалось. Инвесторы явно голосовали против программы реформирования РАО ЕЭС. Почему?

[...] Если говорить коротко, то в целом план Чубайса заключался в одновременном достижении двух его главных целей — приватизации и монополизации. Во-первых, хотелось поучаствовать в приватизации последнего значительного куска государственной собственности, остававшегося еще не приватизированным, причем в качестве явного бенефициара.

Во-вторых, хотелось экономически и политически воспользоваться уникальным положением электроэнергетики в сегодняшнем мире. Современная цивилизация базируется на использовании электричества. До 98% энергии, потребляемой в современном мире, — это электроэнергия. [...] Без электроэнергии нет современного общества. Следовательно, тот, кто контролирует поставки электричества, тот контролирует нашу жизнь. В свое время весьма популярным был фантастический роман «Продавец воздуха». Если бы кто-то смог стать хозяином, собственником воздуха планеты, то власть такого монополиста над всем человечеством оказалась бы совершенно невероятной! Тот роман был фантастикой, а вот попытка монополизации поставок электричества, попытка монополизации электросетей страны в руках одного лица стала реальностью.

Грандиозная операция по приватизации активов в электроэнергетике, с одной стороны, и установлению монопольного контроля над электросетями, с другой, нуждалась в масштабной операции прикрытия. В качестве таковой была избрана шумно провозглашенная, шумно сопровождавшаяся и

по-прежнему изрядным шумом сопровождаемая программа реформирования электроэнергетики. Не без изящества с самого начала была осуществлена подмена понятий: программа реорганизации компании, пусть и крупной и крупнейшей, но все же одной из целого ряда в этой отрасли, была представлена в качестве программы реформирования всей отрасли.

Как только Чубайсу стало ясно, что я не в восторге от его плана, против меня была развязана грязная пиаровская кампания. Началась борьба, тяжелая, нудная, длительная, с подключением огромных материальных и людских ресурсов со стороны крупнейшей российской компании, со стороны ряда министерств, прежде всего МЭРТа и Минфина, со стороны правительственного аппарата, со стороны премьера Касьянова.

Для меня итоги этой борьбы — борьбы против реформы электроэнергетики по-Чубайсу — оказались смешанными. [...] Хотя на промежуточных этапах в ней были достигнуты отдельные успехи, в целом она была проиграна.

Окончательная версия постановления правительства по реформированию электроэнергетики, утвержденного Касьяновым, занявшим в этом споре сторону Чубайса, в основном отражала интересы последнего. Некоторые пункты постановления в итоге удалось совместить с более разумной точкой зрения, отстаивавшейся комиссией Госсовета. Но в целом, конечно же, это была чубайсовская программа, подкрепленная законами, принятыми Госдумой. То, что в итоге оказалось принято, конечно же, никакой либеральной программой реформирования электроэнергетики не являлось. В дальнейшем в процессе осуществления этой программы Чубайс вынужден был принять некоторые из тех положений, которые мы с коллегами из комиссии Госсовета отстаивали в 2001 году: отказ от монополизации всех электросетей, сохранение вертикальной интеграции на Дальнем Востоке, применение «зеркального» метода разделения акций компании РАО ЕЭС, увеличение инвестиций в расшивку «узких мест» в электросетях. Естественно, пропагандисты из РАО предпочли не привлекать общественное внимание к тому, что именно Чубайс так яростно боролся против всех этих предложений в 2001 году.

Временами проливается некоторый свет на масштабы изменения благосостояния Чубайса и членов его «команды». Совсем недавно [...] Леонид Гозман публично подтвердил, что его месячный доход в РАО ЕЭС составляет не меньше одного миллиона рублей, и решительно заявил, что, будучи членом команды Чубайса, «не стыдится того, что зарабатывает эти деньги».

Я не только не возражаю ни против больших зарплат, получаемых в частном секторе, ни против владения российскими гражданами недвижимостью, заработанной собственным трудом на свободном рынке. Я — обеими руками «за». Но, признаюсь, у меня нет аргументов для защиты немыслимых для подавляющего большинства населения России зарплат, получаемых в государственных компаниях за счет устанавливаемых государством тарифов. Я считаю это грабежом. Мне трудно объяснить миллионам российских пенсионеров, получающих в среднем пенсию в четыре тысячи рублей (в 250 раз меньшую, чем зарплата Гозмана), да и любому гражданину

страны, оплачивающему ежемесячно электроэнергию по государственным тарифам, предпринимателям, вынужденным платить за подключение к сети тысячи долларов за киловатт, почему они из своих пенсий и заработков должны финансировать такого размера зарплаты, а также всякие иные бонусы, премии, опционы, акции, земельные участки и прочие маленькие радости этих *членов команды Чубайса*.

Да, очевидного успеха в деле реформирования электроэнергетики мне добиться не удалось. Были некоторые подвижки, но в целом Чубайс с поддержкой Касьянова и при фактическом нейтралитете Путина осуществил ту «реформу», какую и хотел. И все-таки кое-чего сумел достичь и я. Самое главное, что удалось сделать, по крайней мере, на том этапе, — это не допустить, во-первых, очередного этапа разворовывания государственной собственности в масштабах сопоставимых, а, возможно, и превосходящих «залоговые аукционы», а, во-вторых, установления монопольного контроля над всеми электросетями страны.

Тем не менее Чубайсу удалось многое. Приведу только два примера. Первый — это так называемая *чешская операция*, воспетая в свое время в панегирике Александра Беккера в газете «Ведомости» под названием «Шедевр Чубайса». Опуская сложные схемы расчетов и переводов, перейду к ее сути. Государственный долг Российской Федерации перед Чешской Республикой в 3,5 млрд. долларов был списан таким образом, что российский Минфин в итоге расстался с примерно 1,5 млрд. долларов. Однако из этой суммы около 700 млн. долларов, если мне не изменяет память, в конечном счете оказались на счетах Чехии, а 800 млн. — осели в РАО ЕЭС.

— Подождите, а какое отношение к государственному долгу имеет РАО ЕЭС?

Вопрос абсолютно справедливый, потому что никакого отношения ни к междгосударственным расчетам, ни к государственному долгу РАО ЕЭС не имеет. Точнее, не имело. РАО даже формально не поставляло электроэнергию в Чехию. Но факт остается фактом: 800 млн. долларов перекочевало из российского бюджета на счета РАО ЕЭС.

Как так получилось? Какое отношение РАО ЕЭС имеет хоть к межгосударственным расчетам, хоть к государственному долгу? Наверное, примерно такое же, как и Росукрэнерго — к расчетам между Россией и Украиной за газ. С той только разницей, что Росукрэнерго в нынешнем виде появилось позже. А «шедевр Чубайса» — раньше. Что же касается того, насколько российский Минфин занижал налоги, взимаемые с РАО ЕЭС, как регулярно списывал накопленную электрокомпанией налоговую задолженность, даже говорить не буду. Эту систему даже коррупцией нельзя назвать. Из-за возможного нанесения оскорбления слову «коррупция».

Еще одна операция, какая была позволена нынешним режимом Чубайсу, — это проведение IPO (Initial Public Offering), то есть первоначального

размещения акций, для электрокомпаний, выделенных из РАО ЕЭС, с зачислением средств, полученных от размещения этих акций, на счета самих компаний. Поясняю: если что-то продается, любой актив, то независимо от того, кто именно продает этот актив, выручка, получаемая от продажи, поступает собственнику продаваемого имущества, а не организатору продажи. Поскольку собственником государственных компаний является государство, то, естественно, при продаже акций государственных компаний полученные средства должны были бы поступать в государственный бюджет. Собственно, так это и происходит во всем мире. Так это происходит и в России по отношению ко всем иным компаниям, кроме двух: РАО ЕЭС и Роснефти. Суммарные средства, полученные от продажи энергоактивов РАО ЕЭС, достигли 700 млрд. рублей, или около 30 млрд. долларов. При том, что государству принадлежит чуть более половины акций РАО ЕЭС, за проданные активы оно должно было бы получить не менее 15 млрд. долларов. Государство не получило ничего. Можно интересоваться технической схемой осуществления такой операции, а можно задуматься о том, какими должны были быть заслуги Чубайса перед режимом силовиков, если ему было позволено осуществить «сокращение» государственных активов на миллиарды долларов — то, чего не было позволено в стране в последние годы никому, — за исключением лишь Роснефти, Ростехнологий и некоторых других компаний, в руководстве которых находятся сотрудники спецслужб.

— Вы сказали, что такие IPO проводились и в пользу Роснефти?

Роснефть

Да, и впервые это оригинальное изобретение было применено 12 июля 2006 года при проведении на лондонской фондовой бирже IPO как раз акций государственной компании Роснефть. При продаже около 10% акций компании Роснефть, принадлежащей российскому государству, полученные двенадцать с лишним миллиардов долларов поступили не в государственный бюджет страны, а на счета компании Роснефть. С чем можно сравнить эту замечательную операцию?

Можно сравнить с действиями сторожа, продавшего на рынке то имущество, которое охранял, и положившего деньги в собственный карман. Или, например, с действиями директора государственного музея, который продал хранящиеся в фондах музея картины, статуи и гобелены где-нибудь на Сотбис и направил эти деньги себе и своим сотрудникам на зарплату, премии или даже ремонт залов, обновление экспозиций и т. д.

Аналогов подобным операциям в мире нет. Когда готовились IPO Роснефти и РАО ЕЭС, я консультировался со специалистами, проводившими подобные IPO в разных странах. И когда я спрашивал, возможно ли такое зачисление средств на счета продаваемых компаний, мои зарубежные кол-

леги долго не понимали вопроса. Многие люди с уважением относятся к представителям власти. Поэтому когда с просьбой обращается советник президента, ему, как правило, стараются помочь. Когда я спрашивал: «Возможно ли в вашей стране такое, чтобы полученные средства от продажи акций государственных компаний оказались бы не в госбюджете, а на счетах самих компаний?» — на другом конце провода (или во время личной встречи) воцарялось молчание. Затем меня просили задать вопрос еще раз. Затем еще раз его уточнить. Затем извинялись, что, наверное, неправильно поняли. После неоднократного повторения одного и то же вопроса раздавался встречный вопрос: «Вы что, нас разыгрываете?» Коллеги обижались, они были просто не в состоянии представить не только, что такое возможно, но и что такие странные вопросы вообще могут задаваться.

Самый холодный душ я получил от коллеги из Экономического отдела ЦК КПК. Как Вы знаете, в Китае в последнее время проводилось немало продаж акций государственных компаний, так что китайские власти наработали приличный опыт в организации соответствующих IPO. После неоднократной формулировки традиционного вопроса я получил кинжальный ответ на аккуратном английском языке: «Вы откуда звоните? Вы, наверное, вводите нас в заблуждение. Не может быть, что вы работаете в администрации российского президента. Чтобы средства от продажи акций государственных компаний не зачислялись в государственный бюджет, такого быть не может. Пожалуйста, не отвлекайте нас больше». И теперь каждый раз, когда я снова слышу утверждения о том, что политические и экономические модели современных России и Китая очень похожи, я с грустью вспоминаю эту и еще несколько подобного рода историй.

Так вот, IPO с зачислением средств от продажи государственного имущества самим компаниям нынешняя власть разрешила только двум компаниям: Роснефти во главе с И. Сечиным и РАО ЕЭС во главе с А. Чубайсом. Можно выяснять различия между указанными господами. А можно задуматься и о том, что их объединяет, каково реальное отношение режима к Чубайсу, Чубайса — к режиму, какую роль он играл все эти годы и какую он продолжает играть.

— А в обсуждении каких еще проектов вы принимали участие в последние годы своей работы в должности советника президента?

Контракт с властью

[...] В политической жизни далеко не всегда все получается, в ней не обходится и без компромиссов. Были бои, которые я выигрывал, были битвы, которые проигрывал, была борьба, которую удавалось сводить вничью. И в 2000, и в 2001, и в 2002 годах далеко не все получалось. Но до 2003 года исход любой новой схватки не был предопределен. Поэтому были все основания бороться. 2003 год стал переломным. В июле 2003 года, сразу после

ареста Лебедева и еще до ареста Ходорковского, стало ясно, что ситуация радикально изменилась. Прежние правила и обычаи перестали работать. В течение какого-то времени еще сохранялась призрачная надежда, что это случайность, что это ошибка, что все еще можно исправить. Тем более что на мои вопросы о ЮКОСе и судьбе Ходорковского мне неоднократно было сказано, что будет суд, что суд у нас независимый, что на суде все проблемы и прояснятся и решатся, и потому, если никто не виноват, то, конечно же, никто невинного человека в тюрьму и не отправит.

Не то, чтобы я особенно в эти слова поверил, но их запомнил. И суда над Ходорковским ждал терпеливо. Когда же в 2004 году началась работа Басманного суда, то я пришел на его заседание. Мне было чрезвычайно важно проверить действенность данных мне обещаний о независимости, беспристрастности и объективности суда. Мне было важно присутствовать там, видеть и чувствовать, что происходит на суде, — не только по сообщениям прессы, не только по репортажам журналистов и словам достойных людей, мнение которых ценю и уважаю. Мне было важно увидеть процесс собственными глазами. И я увидел его сам. Поэтому к тем ста мнениям, которые я по этому поводу услышал и о которых прочел до того, как я туда пришел, добавилось еще одно — мое собственное мнение. Поэтому никаких иллюзий по поводу того, что, как и кем было сделано, у меня не осталось. Как, кстати, и по поводу данных мне обещаний.

События 2003 года стали переломными. Тогда, — помню это очень хорошо, — было огромное количество вопросов со стороны наших зарубежных коллег: что все это означает? Надо сказать, что за рубежом отношение к российскому руководству тогда было очень хорошим, почти дружеским. Никто не мог поверить, что то, что происходило с ЮКОСом и Ходорковским, может происходить в цивилизованной стране, какой, казалось, уже начала становиться Россия. Практически все полагали, что это невероятная ошибка, которая вот-вот будет исправлена, что это трагическое недоразумение. На встречах шерп, на двусторонних, на многосторонних встречах коллеги постоянно спрашивали и никак не могли поверить. Казалось, что это дурной сон, который вот-вот должен прекратиться — через неделю, две, три. 2003 год еще сохранял надежду, что многое можно исправить.

Следующий, 2004-й, год расставил точки над i. Хотя ответы на поставленные вопросы так и не были даны в словесном виде, но они были даны в действиях власти. Действия оказались красноречивыми и убедительными. Стало ясно, что даже та ограниченная кампания либерализации, — пусть только экономической, конечно, не политической, — уже закончилась, и страна идет семимильными шагами (точнее, несется со скоростью паровоза) в совершенно другую сторону. Поэтому на своей пресс-конференции по итогам уходившего 2004 года я назвал его «годом великого перелома», а операцию по захвату Юганскнефтегаза Роснефтью — «аферой года».

2005 год уже стал вторым годом подряд, когда по рейтингам Freedom House Россия признавалась недемократической, несвободной страной.

Если в предшествовавшие годы она была частично политически свободной, каждый год опускаясь все ниже и ниже, то в 2004 году она пересекла границу, отделяющую частично политически свободные страны от политически несвободных.

После убийства российскими военными заложников в бесланской школе для меня стало абсолютно неприемлемым оставаться российским шерпой в «группе восьми», то есть быть представителем недемократической страны и ее лидера в клубе демократических стран. По условиям клуба («восьмерки», а раньше «пятерки» и «шестерки») в него входят только демократические страны. Если члены этого клуба по-прежнему считают возможным встречаться с представителями России, то это их выбор. Я же попросил президента освободить меня от обязанностей шерпы.

— И он освободил вас?

Нет, не освободил. В течение какого-то времени все делали вид, будто бы ничего не изменилось и эта моя «блажь» пройдет. Однако я повторил несколько раз, что работать больше не буду, — так, как мы и договаривались с самого начала. И я перестал работать.

Через три месяца после моего заявления о прекращении исполнения мной функций шерпы и после фактического их прекращения был обнародован Указ президента РФ об освобождении меня от обязанностей шерпы. По хорошей бюрократической традиции он был опубликован 3 января, когда страна находилась в объятиях новогоднего отпуска. В Указе не было упомянуто, что освобождение произошло по моей просьбе, что ухожу я по собственному желанию. Просто говорилось, что я освобожден и назначен новый человек.

— А вы понимали, что уйдете и из советников президента?

Да, конечно. Наступил новый, 2005 год. Год ознаменовался быстрой деградацией качества экономической политики, деградацией институциональной структуры государства. Страна споро погружалась в авторитаризм. Мои попытки что-либо сделать оказались безуспешными. В администрации разворачивалась бюрократическая склока, жизнь в ней становилась все более «веселой»... Условия, на которых в 2000 году мы договаривались с Путиным, не выполнялись. Оставаться во власти не имело никакого смысла.

В декабре 2005 года события пошли уже вскачь. Началась подготовка «газовой» войны против Украины, развернувшейся уже в следующем, 2006-м, году. Было понятно, что готовится что-то безумное, но то, что операция станет дымовой завесой, под прикрытием которой будут организованы эксклюзивные условия для Росукрэнерго, при которых от российского налогообложения освобождаются поставки газа на миллиарды долларов, выяснилось позже.

Прошло совещание по предоставлению налоговых льгот при разработке нефтяных месторождений Восточной Сибири — месторождений, по совершенно случайному совпадению незадолго до этого доставшихся почти исключительно Роснефти и Газпрому.

Произошло обсуждение предстоящего IPO Роснефти. Поначалу я полагал, что инициаторами аферы является руководство Роснефти, пытавшееся присвоить государственных средств на сумму реализации акций (ожидалось получение 10 млрд. долларов, в итоге получилось 12 млрд. долларов). Выяснилось однако, что автором схемы является Дмитрий Анатольевич Медведев. Обсуждение в присутствии высших должностных лиц государства показало, что все в курсе проводимой операции, что она со всеми согласована и все понимают, кто что и зачем тут делает. Обнаружилась лишь одна небольшая нестыковочка: Игорь Сечин, председатель наблюдательного совета Роснефти, запланировал направить из ожидавшихся к получению 10 млрд. долларов от IPO сущую мелочь — какие-то 1,5 млрд. долларов — на «материальное стимулирование руководства компании». Поскольку «нестыковочка» оказалась не согласована с коллегами и коллеги лишь случайно узнали о ней на совещании, вскочивший со своего места, как школьник перед строгим учителем, и мгновенно ставший малиновым «серый кардинал Кремля» был подвергнут безжалостной моральной экзекуции: «Что же это такое, Игорь Иванович?» — не мог остановиться президент. Мне же досталась редкостная похвала: «Большое спасибо вам, Андрей Николаевич! Большое вам спасибо!» На следующий день после стирания со всех компьютеров компании информации об этом предложении Сечин позвонил мне по «кремлевской связи» и строгим голосом потребовал от меня предоставить информацию, на основе которой я «осмелился так грубо подставлять его перед президентом».

Каждый день приносил мне новые и новые свидетельства об усугубляющемся «празднике жизни». Делать мне там было абсолютно нечего. Желающие же изображать «либерально-гуманистическо-профессиональное» лицо режима обязательно найдутся. Очередное заявление об освобождении с поста советника было подано мной 20 декабря 2005 года. Президент попросил подождать: «Вы понимаете, так не уходят. По этому поводу мы должны еще отдельно поговорить». Прошла неделя. Наступил конец декабря, приближался отпускной январь. Нарастала вероятность годичной давности истории об освобождении с поста шерпы. Ждать дольше не имело смысла. 27 декабря 2005 года я официально объявил, что подал заявление и ухожу в отставку.

Я вернулся в Институт экономического анализа, где продолжаю работать и сейчас. Через некоторое время получил приглашение в Институт Катона в Вашингтоне, где с октября 2006 года работаю старшим научным сотрудником.

2008, № 2 (136)

4. ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

Гламурная кремлядь

Полковника Щеткина уже с утра не было в штабе, и не было по той простой причине, что штаба этого более не существовало.

Взяв в квартале расстояния от «Розы» извозчика, штатский Щеткин уехал в Липки, прибыл в тесную, хорошо обставленную квартиру с мебелью, позвонил, поцеловался с полной золотистой блондинкой и ушел с нею в затаенную спальню. Прошептав прямо в округлившиеся от ужаса глаза блондинки слова: — Все кончено! О, как я измучен... — полковник Щеткин удалился в альков и там уснул после чашки черного кофе, изготовленного руками золотистой блондинки.

Ничего этого не знали юнкера первой дружины. А жаль! Если бы знали, то, может быть, осенило бы их вдохновение, и, вместо того чтобы вертеться под шрапнельным небом у Поста-Волынского, отправились бы они в уютную квартиру в Липках, извлекли бы оттуда сонного полковника Щеткина и, выведя, повесили бы его на фонаре, как раз напротив квартирки с золотистою особой.

Булгаков

Живут еще на свете добрые люди, искренне полагающие, что кремлевской политикой в области всевозможных агитаций-провокаций руководят лубянские жандармы. Так думают иные старорежимные интеллигенты, едва сменившие треснувшее пенсне на евролинзы, тому же учат публику и яростные иностранные газетчики, не устающие обличать Владимира Грозного и заплечных дел мастеров, засевших в мундирном его окружении. Оставим наивных слепцов наедине с этим тягостным их заблуждением и скажем правду: государственной пропагандой в России заведуют вовсе не наследники Николая Ивановича Ежова, гори он в аду.

Ею руководят блестящие молодые люди.

В то время как жандармы, поскидавши мундиры и жмурясь от восторга, ныряют в черное золото, именно они, эти аккуратные и усердные приказчики, ответственны в кругу власть имущих за выборы в парламент, заботливую опеку партий, журналов и телестудий, за молодежные движения с девизом «Кормимся, батюшка!», а также и за всю общественную жизнь в целом, сводимую к набору дурашливых кампаний, несносных до того, что и самый пылкий «активист», пройдя сквозь навязчивую их череду, обратится нелюдимым Генри Дэвидом Торо. Да что там активисты — все мельтешение сверху направленной политики имеет ныне единственный источник. Картину, по сути, создают только они, почти незнакомые обывателю работники царской администрации и сопричастных ей заведений. Газетчики называют их «либеральным крылом Кремля», внутри Садового кольца они зовутся «нашей башней». Но что такое эти блестящие молодые люди, усаженные высшим начальством РФ на борьбу с чуждыми идеологиями и вредными тенденциями, и много ли мы знаем о них?

Гладкие лица, не обезображенные, по счастью, скорбными думами о суверенной демократии. Справные костюмчики, внушающие почтение клиентам, — не хватает разве что бутоньерок, но лоск наведен и без этого, хоть сейчас на обложку в GQ. В прошлом у них — непременный «опыт работы в бизнесе», а именно в самых неприглядных конторах либеральной эпохи, каковые конторы, вместе с канувшей эпохой, они упоминают теперь с оттенком патриотического презрения. Родину, мол, не любили, олигархи-то — мы же, напротив, любим, и в особенности после сытного ланча. Но девяностые — то было давно. По убытии из бизнеса, но еще до нахлынувшего жаркого патриотизма — пройдена ими и краткая школа пятиалтынной политтехнологии, всегда одной и той же. Например, сначала чужими устами провозгласить Ивана Пафнутьевича кандидатом в самодержцы и грядущим спасителем России, а немного погодя — публикацию возглашений этих смиренно положить на стол спасителю нынешнему. Или — находясь на службе у Петра Дормидонтовича, крепчайшего хозяйственника, губернатора или партийного ястреба, нанять падших женщин, дабы те изображали собой поклонниц главного ястребиного конкурента и чепчики бросали в его честь.

Знают блестящие молодые люди и третий искуснейший политтехнологический метод (думаете, они ограничились бы двумя? да никогда!). Возглавляет, допустим, некий Фердыщенко «Денежно-Товарную Партию», сокращенно «ДТП», которая недопустимым образом угрожает на выборах опекаемой нашими героями «Лакейской России» («Россия должна быть сильной, лакейской!» — и этот зазывный слоган также сочинили они, кстати). Что с этим сделать? Проще простого: призвать фердыщенкиного заместителя, засидевшегося в немолодых государственниках Иволгина, а тот уж мигом организует партию на этот раз «Лже-Товарно-Денежную» (сокращенно-кулуарно — «Кремль, ltd.»), руководство которой будет свирепо клеймить бывших соратников. Потом, если станет скучно, можно поменять их местами, а чуть

позже еще раз — и чем это не демократия? чем не «электоральный процесс», вечно недовольные вы мои? Призвать же подобным образом они могут всякого, ибо, как говорил видный политтехнолог своего времени Алексей Иваныч Швабрин, «ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег», — а уж партийные деятели наши не ровня бедной, но гордой сироте, их «нрав и обычай» известен далеко за пределами вдевающей им серьги в нос Старой площади.

И вот, набравшись подобных приемов, эти блестящие молодые люди окончательно делаются идеологами беспомощного по части словесных ухищрений, с головой зарывшегося в черное золото Кремля — и, отряся прах Суслова, Демичева и Зимянина со штиблет своих, начинают бороться с подступающим врагом. Например, с «гламурным фашизмом», книга с разоблачениями которого недавно изумила политический свет. Или с национал-старичком Лимоновым — посрамлению его посвящена другая только что вышедшая агит-книга. Они стараются вовсю. Пропагандистская литература клеймит ненавистников России, скверно настроенными микрофонами шипят пресс-конференции, скорбно указывают в сторону неприятеля воспитатели легкомысленной молодежи, заманчиво шуршат условные единицы патриотизма. Идет работа. Но отчего же блестящие молодые люди или, именуя их сокращенно, бл-ди обратили гнев свой именно в эту сторону? О, это интересная история.

Дело в том, что воевать с противником, который, не приведи господь, может и ответить, — это, согласитесь, неприятное и ненужное занятие. Баламутить земли, навечно отданные Золотой Орде Кондолизы Райс, — значит остаться без визы в заграничном паспорте, без не вполне патриотичного, но зато так славно утешающего во всех бедах банковского счета, без виллы на берегу ласкового нерусского океана. Защищать недоуничтоженные остатки Москвы от архитектурно-финансового гения столичного мэра — значит рисковать тем, что орлы городской управы, десятилетиями взрывающие друг друга, вдруг объединятся, да и подложат *бонбу* под сиденье — и не кому-нибудь чужому, а лично ему, гладкому, красивому и молодому кремлевскому клерку. Бороться со взрощенными долгожданным рынком нацистами из ДПНИ и Ко — тоже опасно, их много, они злые и наверняка не захотят спорить о «суверенной демократии» и «других важнейших тезисах г-на Суркова». С ними можно и нарваться. Разгребать сверх-авгиевы конюшни армии, давно уже сделавшейся огромной уголовной клоакой, — фи, это и вовсе незабавно. Те, что с улицы, те пускай послужат. Их там научат Родину любить, ведь на то он и патриотизм — если, конечно, ты гуляешь по улице, а не сидишь в кафе «Пушкин» с «заказчиками». Да и генералы эти — ну их, ведь не поймут они грандиозного значения Суверенитета. Так кто же остается на прицеле, кого можно прищучить, не отрываясь от бургундского Corton Charlemagne Grand Cru урожая 1992 года? Кого, чуть пригубив сей достославный напиток, блестящие молодые люди избрали злокозненным гламурным фашистом? Кто, по их мнению, в России во всем виноват?

Извольте, я предоставлю вам список извергов, угрожающих отечеству.

Отправленный на психиатрическую экспертизу ультралиберальный активист, постоянный автор изданий вроде «Кавказ-Центра» и городской сумасшедший Борис Стомахин. Известный друг детишек и зверюшек, сентиментальный журналист Валерий Панюшкин. Заступница за Ходорковского, кавалерственная дама Алла Боссарт. Издатель и бывший наутилус Илья Кормильцев. Хью Хефнер и Обломов в одном, Артемий К. Троицкий. Искатель чеченской правды, радиоголос не нашей свободы Андрей Бабицкий. Святая (я серьезен!) юродивая Валерия Новодворская. Радикальный математик Михаил Вербицкий. Полузабытый фаддей булгарин Александр Минкин. Ниспровергавшая КГБ СССР воительница Евгения Альбац. Украинский телеведущий Савик Шустер. Наконец, все тот же национал-старичок Лимонов, враг № 1 — автор нескольких навсегда оставшихся в истории русской словесности шедевров и коновод левоэсеровской партии, имевшей наглость выступить против нерушимой путинско-латвийской дружбы и монетизации льгот — с великой радостью, как известно, принятой веселыми стариками.

Вот таких врагов народа выбрали в качестве мишени сверкающие кремлевские клерки.

Но не в именах, не в фамилиях дело. Под удар идет сам образ, характер, человеческий тип, чье легкое изничтожение столь по сердцу прохвосту-сановнику. Ибо сановник этот полагает, что «темная масса», грозное присутствие которой он угадывает за спиной швейцара кафе «Пушкин», просто обязана кого-нибудь ненавидеть. И мишенью для ее мутных страстей он назначает тех, кто уязвим ныне более всего, — «интеллигентов 1991 года». Всякий, кому еще памятны те времена, знает недолгих и наивных триумфаторов сгинувшей эпохи — «гостей студии» в программе «Взгляд», обозревателей «Московских новостей», весталок гласности, дворников-истопников — героев «советского рока», могильщиков «партократии», отчаянных демонстрантов на Манежной площади, калифов на либеральный час. Их ценности, речи, привычки давно уже кажутся истлевшим хламом в глазах новоявленной кремляди, да и сами они, упрямо стоящие на своем — готовые жертвы, кандидаты на вредную должность.

Кажется, что еще несколько лет назад агиткампании по борьбе с «фашизмом» в лице Новодворской и прочих были бы невозможны — однако теперь все зловещие маски услужливо открыты. Выяснилось, что все эти граждане-враги неподобающим образом высказались, и не раз, о нашей любимой стране и вообще давно уже проявляли свою змеиную сущность — а значит, их можно топтать с облегчающим душу патриотическим ожесточением. А ну как, не дай бог, прорвутся за зубчатую стенку Алла Боссарт с Лимоновым-Кормильцевым, отнимут и разорвут в клочья очередную рукопись Послания Федеральному собранию, особо изощренным, не скажу даже каким, способом надругаются над драгоценным Суверенитетом, вырвут изо рта у эффективных «консультантов» последнюю устрицу, выпьют

запасы бургундского. Как тут не заблажить в антифашистской ярости, как не обрушить на русофобов всю силу государственной машины?

Но казалось бы, при чем здесь гламур?

Это легко объяснить. Отстаивающие суверенную демократию блестящие кремляди, находясь на службе или вне ее, живут именно в мире триумфального, гнойного гламура. Их пиджаки и улыбки, запонки и книги, отсутствием интереса к которым они иронически бравируют («мы люди простые, государственные, мы свободу слова душим, куда нам читать»), их дачи и виллы, лицемерные фразочки на публику и откровенные шуточки между собой — весь их мир пропах гламуром, как жены их начальников-жандармов — убойным парфюмом. Им дела нет до того, что творится «вне тусовки», до того, что не попадает «в журнал», — но в том-то и дело, что Лимонов и Кормильцев, Панюшкин и Троицкий туда попадают регулярно. Вот солдат в части на дальнем острове повесился на российском флаге — что ж, для гламурной кремляди это совсем не повод подумать о том, какой именно «патриотизм» господствует ныне в России. Далеко и неинтересно. Зато если в московском глянцевом журнале некто «больно умный», вроде вышеназванных деятелей, щелкнет блестящих по носу, да и просто выскажет нечто возмутительное — тут уж бей в набат, скликай антифашистов. Что за наглости позволяет себе этот Лимонов — быть «модным»! Модные — это только мы сами, модным должен быть наш устрично-запоночный Суверенитет, а не то больно накажем, вражина ты этакий.

Наказывают, конечно, не сами. Изрыгать книги о тлетворном влиянии гомосексуалиста и порнографа Лимонова, о русофобах, убивающих Россию, — заниматься такими вещами собственноручно для кремляди было бы не по чину. Да и пафос досадным образом отсутствует — добро бы всю мерзкую лимоновщину-кормильцевщину можно было эффектно сразить, скажем, сочинением на тему — «Сравнительные достоинства суверенных демократий: Сардиния, Коста-Дель-Соль, Сен-Тропез»... Но увы — не годится, совсем не годится то сокровенное знание для агитации профанов, в глазах которых нужно уронить проклятый гламурный фашизм. И вот тогда блестящий и совсем молодой человек, ведающий пропагандой среди таких же молодых, но уже отнюдь не блестящих, нехотя отворяет дверь евроофиса и на несколько метров идет в народ.

Евроофис у него, допустим, на Якиманке (Кремль ведь не резиновое изделие, на всех не хватает). А по Якиманке, лузгая семечки, сплевывая и сшибая мелочь с прохожих, шатается какой-нибудь простой, как якорь, парниша Якиманкин, да не один, а с братом. Ножички, кепарики, берегись, очкарики — братья явно скучают. Их видит осторожно ступивший на подлую землю обер-пропагандист, и между ними происходит следующий разговор:

— *Эй!.. эй, любезные, идите-ка сюда! Сюда-сюда, ко мне.*

— *Че те надо-то?*

— *Видишь ли, голубчик, тут есть одно... этакое дельце, видишь ли...*

— Сколько дашь?

— Ну ...сделаете все, как я скажу — дам десять рублей.

— Мало!

— Мало?

— На двоих с братаном — пятнадцать. И курева шоб навалом было. Говори давай, че делать-то надо?

И вот один Якиманкин, который грамотный, налаживается строчить книжки про гомосексуалистов, русофобов и порнографов. А другой Якиманкин, который не очень, — держать базар с громилами по подворотням, дабы отметелить как следует врагов России. Блестящий же молодой человек будет в этом деле совсем ни при чем. Он всего лишь сидит в очередной ланчевальне и шутит шутку. Какие такие громилы, какие футбольные фанаты, нападавшие там, избивавшие тут? Неизвестные люди, и все тут. Что за паскудные книжечки геббельсовского идейно-эстетического направления? Вы же видите, молодежь выражает свое законное возмущение антигосударственной дерзостью НБП, и только-то. Ах, знаете, эта либеральная истерика так глупа и неуместна. И снова бургундское.

Нечего и говорить, что блестящие молодые люди и дальше останутся с нами, занимаясь своим привычным делом — «не обманешь — не продашь!», как резонно говорили в Замоскворечье столетием ранее. Они долго еще будут «в своем праве». Ну а когда в России заново сделается метель и все будет мрак и вихорь, полноправные наследники штабного полковника Щеткина и гвардии офицера Швабрина мигом забудут о своей суверенной демократии — и, если получится, отбудут со вздохом — «О, как я измучен!», навстречу скромному раю Сардинии и Сен-Тропез. А нет — так окажутся сидящими в кругу победивших разбойников, неотличимо от моды скинхедов «обстриженные в кружок». При любом исходе они не пропадут. Ибо с неизбывной их лживостью, с их на диво ветреной практичностью и гламурным «патриотизмом» не справятся, конечно, никакие национал-старички лимоновы, никакие «страшные русофобы» стомахины, панюшкины и альбац. С блестящей кремлядью вообще ничего уже нельзя поделать — она практически непобедима, как и всякая лакированная, скользкая подлость.

Их уязвляет только одно. За мишурой своих никчемных интриг, в кружевах пропагандистской завираловки и даже поднявшись на самую вершину кабинетного величия, гламурные щеткины-швабрины все-таки чувствуют, как же на самом деле презираема их власть, до какой степени низко стоит она даже в глазах тех, кто на виду поет ей осанну. И никуда не деться им от выданного некогда Капитанской Дочкой приговора:

— Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцаловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

5. ИГОРЬ КЛЯМКИН, ТАТЬЯНА КУТКОВЕЦ

Кремлевская школа политологии

Деконструкция кремлевского дискурса

Мы попытались проанализировать некоторые особенности современной официальной пропаганды в России. Для этого мы обратились к публичным высказываниям конкретных людей, которые на данном поприще трудятся. Нас не интересовали мотивы, которыми каждый из них в своей деятельности руководствуется. Нас интересовало исключительно содержание того, что они пропагандируют. На этом основании мы сочли возможным объединить их в одну группу. Потому что все они едины в том, что нынешний политический курс Кремля считают движением в направлении современной демократии. Мы же полагаем, что тем самым они вводят российское общество в заблуждение. А свою цель видим, соответственно, в том, чтобы это показать и доказать.

В последние годы на российских телеэкранах обосновалась группа политологов, которым предоставлено привилегированное право комментировать текущие политические события в стране и за рубежом. Они выступают в роли экспертов, но избыточный пафос выдает в них пропагандистов. [...] Свою задачу комментаторы видят в том, чтобы обосновывать правильность любых действий Кремля и показывать несостоятельность аргументов его критиков. Сложилась своего рода школа кремлевской политологии, использующая набор аналитических схем, внедряемых в массовое сознание. Нам кажется, что эти схемы сами заслуживают того, чтобы их проанализировать.

Из публичных высказываний Вячеслава Никонова, Сергея Маркова, Андраника Миграняна, Глеба Павловского, Алексея Пушкова и некоторых других кремлевских пропагандистов (в дальнейшем будем называть их КП) мы выбрали наиболее часто повторяющиеся тезисы и попробовали оценить их экспертное качество. Считаем такую работу небесполезной, потому что эти тезисы и есть не что иное, как ключевые аргументы, призванные обосновывать стратегическую безупречность политики Кремля и несостоятельность критики в его адрес.

Демократия не возникает сразу в развитых формах. В первые 100 лет американской истории демократия в США сочеталась с рабством, в первые 150

лет — с отсутствием избирательных прав у женщин, в первые 190 лет — с отсутствием этих прав у негров.

Если «развитые формы демократии» — это отсутствие рабства и политической дискриминации по отношению к тем или иным группам населения, то в России с демократией давно уже все в порядке и развиваться ей больше и дальше некуда. Однако КП, насколько можно понять, так не думают. Зачем же тогда понадобились им ссылки на былое бесправие американских негров и американских женщин? Затем, что они хотели бы внедрить в общественное сознание представление о неопределенно *долгом* пути России к демократии. Не надо, мол, торопиться. Надо подождать. Всему свое время.

КП правы: «развитые формы» народовластия в одночасье не возникают, им предшествуют формы недоразвитые. Но при чем тут все-таки чернокожие невольники и политически бесправные американские женщины? Ведь наша нынешняя демократическая недоразвитость проявляется совсем в другом. И почему бы тогда в истории тех же США не поискать аналоги таких сегодняшних отечественных явлений, как выборы под опекой начальства, устранение оппозиции, превращение парламента в управляемую извне машину для голосования, а суда — в придаток исполнительной власти?

Будь такие аналоги представлены, тогда экскурс в американскую историю помог бы лучше понять, что происходит сегодня в России и в каком направлении она развивается. Однако КП предлагают нам в поучение нечто такое, что с современной российской реальностью заведомо не сопоставимо. [...] Полагают, очевидно, что их читатели, слушатели и зрители не настолько искушены в логике, чтобы уловить отсутствие прямой связи между бузиной, которая в огороде, и дядькой, который в Киеве.

Не утруждают они себя, соответственно, и вопросами о том, что мешает России продвинуться в направлении демократии хотя бы до тех точек, до которых за то же время, что имела и она, продвинулись венгры, чехи, поляки, словенцы, словаки, хорваты, болгары, румыны, литовцы, латыши, эстонцы, а недавно и украинцы. Возможно, стесняются объявить русский и другие народы России политическими младенцами, менее подготовленными к народовластию, чем народы, перечисленные выше. Но интересно бы узнать, насколько отечественная властная и околовластная элита, к которой принадлежат и КП, помогает россиянам политически повзрослеть.

На наш взгляд, не только не помогает, но и препятствует. Уже одним тем, что внушает им, будто нынешнее движение страны в сторону, противоположную демократии, есть вынужденно медленное движение именно к демократии. Получается, что ее «развитые формы» время создает само, заменяя собой уничтожаемую во имя будущего торжества демократии демократическую практику. Однако подобных чудес не бывает, как не бывает ликвидации безграмотности посредством ликвидации школ и учителей.

КП же хотят убедить нас в обратном. Для этого вопрос о векторе исторического развития подменяется вопросом о его темпах. Сроки настолько

впечатляющие, что должны, очевидно, заставить людей ждать так же сознательно и терпеливо, как при советской власти они ждали приближения коммунизма.

Разумеется, об исторических фигурах вроде Мартина Лютера Кинга, благодаря которым эти сроки не превращаются в вечность, КП не вспоминают. Не вспоминают они и о Джоне Кеннеди. [...] Не затем же держат КП на экранах наших телевизоров, чтобы они рассказывали о влиятельных борцах за демократию. Их держат затем, чтобы они таких борцов дискредитировали еще до того, как те появились. В том числе и посредством отсылок к истории демократических стран. И не только Соединенных Штатов.

Наши либералы и демократы крайне невежественны. Они не знают мировой политической истории. Они не знают, что даже в Англии с ее многовековой демократической традицией в начале XIX века избирательным правом наделялось лишь четыре (всего четыре!) процента населения. Надо ничего не понимать в политике, чтобы требовать демократии для России, никогда при демократии не жившей.

Английский пример сам по себе имеет к современной России такое же отношение, что и американский, т. е. никакого. [...]

История постепенного становления демократии независимо от «несвоевременной» активности демократов и стоящих за ними массовых групп населения — это история, придуманная специально для нынешней российской власти и российской элиты. Предполагается, что только им ведомо, как и какими темпами продвигать в стране демократию. Предполагается, что любое вмешательство общества в политическую жизнь представляет угрозу и для демократии, и для самой отечественной государственности. Поэтому украинская бархатная революция с ее требованием честно считать бюллетени, опущенные в избирательные урны, именуется КП «оранжевой чумой». А создание Общественной палаты, сформированной из отобранных Кремлем людей, которым и в голову не придет протестовать против административно насажденной монополии Единой России на политическом рынке, — укреплением гражданского общества. А дозволение политическим партиям, победившим на региональных выборах, предлагать президенту кандидатуры на должности губернаторов, чтобы он затем предлагал эти кандидатуры для утверждения региональным законодателям, — важным шагом к парламентскому способу формирования исполнительной власти. О том, что это будет означать на деле, благоразумно умалчивается. На деле же это будет означать, что Единая Россия лишится права проигрывать выборы. Или, что то же самое, все другие партии окончательно лишатся возможности, и без того призрачной, их выигрывать.

Вот зачем понадобились ссылки на политическую историю развитых демократических стран. Они шли к своему нынешнему состоянию медленно и осторожно, и нам не грех у них поучиться. Их властные элиты долго гото-

вили свои народы к ответственному политическому поведению, и у нас не может и не должно быть иначе.

Загвоздка лишь в том, что ничего подобного эти элиты не делали, как не делают и нынешние российские. Та же английская аристократия не только не готовила население к демократии, но и перекрывала доступ к политике городскому бизнесу и низшим классам до тех пор, пока могла выдерживать давление с их стороны. К демократии же те были готовы еще до того, как лишили аристократию властной монополии. И доказать это не так уж и трудно.

В Австралии, заселявшейся английскими колонистами, сильная землевладельческая элита сформироваться не успела, хотя и пыталась. Поэтому население сумело «подготовить» ее к демократии быстрее, чем на покинутой родине. Всеобщее избирательное право было введено в Австралии на несколько десятилетий раньше Англии. А рабочая партия, возникшая там, была сильнее, чем в любой европейской стране.

Правда, австралийские либералы и демократы оказались более пригодными для эффективного управления страной, чем либералы и демократы постсоветские, прошедшие курс обучения и воспитания при коммунистическом режиме. Но это — другой вопрос.

КП не устают ругать отечественных политиков 90-х годов за все, что те делали и что не делали в пору пребывания у власти. Но — только не за то, что они не решились на более глубокие демократические преобразования государственной системы. Рассматривать такие темы не в интересах КП. Их цель — отмежевать от этих непопулярных сегодня политиков президента Путина и именно его сделать единственным символом российской демократии. Как? Да очень просто: представив его наследником и продолжателем мировой демократической традиции.

Путина можно отнести к правым консерваторам. Среди них политики от Черчилля до де Голля, от Аденауэра до Рейгана, от Тэтчер до Ширака. Этих политиков, как сейчас и Путина, тоже часто обвиняли в антидемократизме, в авторитарных тенденциях.

Путин выглядит как политик, идеалами которого являются Петр Великий и де Голль.

Порой трудно понять, сознательно КП запутывают внимающих им людей или заблуждаются сами. Сомневаемся, что Аденауэр, Рейган, Тэтчер и другие правые консерваторы того типа, к которому принадлежат эти политики, согласились бы признать Путина продолжателем своего дела. Генерал Франко (тоже правый консерватор), может быть, и не возражал бы. Не возражали бы, возможно, и не менее известные и тоже правые германский и итальянский «вожди наций» первой половины прошлого века, хотя и пожурили бы, наверное, нынешнего российского президента за чрезмерный, по их меркам, либерализм. Но те, кого называют КП, наверняка были бы их политологической типологией смущены.

Аденауэр вместе с Эрхардом создавали и создали свободную немецкую экономику, в которой бизнес отделен от государства, права собственности гарантированы, а принцип верховенства закона остается не только на бумаге. Результатом стало германское экономическое чудо. Рейган и Тэтчер создавали дополнительные условия для активизации предпринимательской инициативы, стимулировали ее снижением налогов и — преуспели тоже. Все они были консерваторами, опиравшимися на традиционные для западной цивилизации ценности семьи, индивидуальной свободы и конкуренции. При этом никому из них не нужно было нанимать пропагандистские спецбригады, чтобы исторически обосновывать необходимость в ограничении демократии. Потому что они были не только консерваторами, но и демократами. Но что общего с такими политиками у Владимира Путина?

Он, разумеется, тоже консерватор. Однако, в отличие от стран Запада, консерватизм в России может опираться лишь на отечественную традицию единоличного властвования с неизбежно сопутствующей ему и столь же неизбежно коррумпированной бюрократической «вертикалью власти». А это, увы, такая традиция, в которой извечно первичны не интересы человека с его индивидуальными правами и свободами, а интересы всесильного государства, в котором базовые ценности демократии и законопослушания не могут укорениться в принципе. Безусловно, лидер, опирающийся на сложившуюся в его стране традицию, по праву именуется консерватором. Но безусловно и то, что в российской традиции консерватор — это хранитель самодержавия.

[...] КП нужно убедить публику в том, что раз Путин, как и вышеупомянутые политики, консерватор, то и ему, подобно им, ничто не мешает быть политиком западного типа. Однако ни одного серьезного аргумента КП привести не могут. Поэтому им и понадобились — в роли символов, аргументы заменяющих, — именитые зарубежные консерваторы. [...]

Политически породнив с ними Путина на том единственном основании, что им, как и ему, приходилось выслушивать упреки «в антидемократизме, в авторитарных тенденциях», КП пытаются решить сразу две важные задачи. Во-первых, такая постановка вопроса освобождает российского президента от необходимости обращать внимание на аналогичные упреки со стороны всех противников его курса внутри страны. С какой стати, если такова судьба всех реформаторов? А во-вторых, этот прием позволяет ничтоже сумняшеся разместить современную Россию в западном демократическом пространстве. Ловко. Но — не убедительно. Ведь в антидемократизме и авторитаризме обвиняют обычно и любого диктатора. [...]

Если кто из перечисленных деятелей и подвергался серьезным нападкам за «авторитарные тенденции», то именно [де Голль]. И если Путин действительно находит в нем свой идеал, то это позволяет лучше увидеть, в чем и почему идеал оказался не достигнутым.

Де Голль существенно отличался от других послевоенных лидеров европейских демократий. Он хотел править, как выборный монарх, и ему уда-

лось в принятой по его инициативе новой конституции перераспределить властные полномочия в пользу президента. Удалось ему и создать пропрезидентскую партию, доминировавшую в парламенте, хотя, в отличие от нашей Единой России, и не за счет монопольного использования административного и прочих ресурсов: на принцип свободной политической конкуренции генерал не покушался. И экономическую стратегию де Голль выстраивал совсем не так, как другие консервативные реформаторы. Он выстраивал ее в духе «дирижизма», т. е. на основе целенаправленного вмешательства государства в хозяйственную жизнь. И если по части концентрации власти Путин де Голля давно уже превзошел, то в этом отношении он еще только приближается к своему идеалу. Только вот результаты, которых французский президент добился в экономике в первые годы своего правления, для его российского последователя оказались недостижимыми и за более длительный срок. Но если КП об этом и знают, то нести свое знание в массы не считают нужным.

Сравнивая Путина с французским генералом, ставшим президентом, они не рассказывают нам о том, что за шесть лет после прихода де Голля к власти объем промышленного производства во Франции увеличился вдвое. А главное — рост происходил не только за счет нефтегазовой отрасли, но и благодаря быстрому развитию предприятий органической химии (девятикратное увеличение продукции), авиационно-ракетной отрасли (третье место в мире), автомобильной промышленности, радиоэлектроники и созданию самой передовой в Европе атомной промышленности. Это, как сказали бы экономисты, совсем другая структура роста, чем в современной России.

Стать русским де Голлем Путину не удалось. И уже не удастся. Потому что историческое время голлистской политики стало навсегда прошедшим еще при де Голле.

Он осуществлял свою программу на излете индустриальной эпохи, когда прямое государственное управление ключевыми секторами экономики могло еще способствовать созданию и модернизации отдельных отраслей. В наступавшем постиндустриальном мире это становилось невозможным. И французскому выборному монарху пришлось столкнуться с тем, что даже концентрация огромных властных полномочий перед вызовами времени бессильна. Экономический подъем сменился застоем, переросшим в кризис и студенческую революцию 1968 года, заставившую де Голля досрочно уйти в отставку.

Так что идеал Путина, ставший нам известным благодаря КП, давно устарел. Но их это не интересует. Им важно, чтобы президент России был вмонтирован в западный истеблишмент. Не исключаем, что это повышает значимость и их самих в собственных глазах: все-таки не белорусского «батьку» обслуживают, не какого-нибудь азиатского диктатора, а крупную политическую фигуру мирового демократического сообщества, которую лишь по недомыслию могут обвинять в «авторитарных тенденциях».

Ну да ладно, тут вроде бы все ясно. Но как все же быть с нашей собственной отечественной историей, нашим самобытным опытом? Мы что, отказываемся от него?

С этим, однако, у КП тоже все в полном порядке. Патриотическую общественность они успокаивают тем, что у российского президента есть еще один идеал, а именно — первый российский император Петр Великий. И все становится на свои места. Фактически КП признались в том, что вовсе не утверждение демократии, пусть и медленное, воодушевляет Кремль и обслуживающий его пропагандистский корпус, а державное величие государства, его престиж и международное влияние, всегда достигавшиеся в России превращением ее народа в один из необходимых для побед ресурсов. Словом, их воодушевляет все то, что как раз и не позволило стране до сих пор достичь ее, демократии, «развитых форм». Но как тогда в одном ряду с Петром оказались западные лидеры XX века?

Ведь Петр I в представлении того же де Голля, не говоря уже о тех, кто упрекал его в «авторитарных тенденциях», был не просто «антидемократом». Он был в их глазах деспотом. И когда на Петра равнялся такой политик, как Сталин, это ни у кого в мире вопросов не вызывало. Но он посчитал бы врагом любого, кто обнаружил бы его политическое родство с известными ему западными лидерами. В постмодернистскую эпоху к таким сопоставлениям несопоставимого стали относиться терпимее, но от этого они не стали более убедительными. Впрочем, ничего другого КП придумать и не могли.

[...] Однако КП вынуждены считаться и с тем, что монолитного народа, готового доверчиво и смиренно внимать каждому слову правителя-отца, будь-то Петр Алексеевич, Иосиф Виссарионович или кто-то еще, давно уже не существует. Поэтому глава государства, претендующий и сегодня на роль «отца нации», не может уже не воплощать в своем образе единство возникшего многообразия. Вот и приходится КП сопоставлять несопоставимое, чтобы соединить несоединимое. Поэтому они и ищут Путину место между прорубившим «окно в Европу» российским императором-самодержцем и демократическими политиками Запада. И, соответственно, конструируют образ этакого современного российского государя-президента, причудливо сочетающего в себе и нового русского Петра, и, одновременно, де Голля, Черчилля, Аденауэра, Тэтчер, Рейгана и Ширака.

Но КП отдают себе, похоже, отчет и в том, что такой образ не очень-то консолидирует общество. Скорее — наоборот. И если отклонение от западной демократии в сторону цареобразного «отца нации» вызывает ликование в душах проимперских державников, то по тому же самому поводу сразу начинается брожение среди тех, кто усматривает в этом возврат в прошлое, покушение на нормальную жизнь, ассоциируемую с цивилизованным Западом. И как тут быть? Ну не менять же в самом деле из-за этого политику блистательного маневрирования и манипулирования на внятную политику ясных целей и четких задач! Чтобы люди наконец поняли, куда страна идет,

что строит! Нет, конечно: дело сделано, пропагандистская машина запущена. И КП ничего не остается, как сетовать на незрелость народа, который мешает Путину стать тем, кем он хочет, т. е. сочетать взаимоисключающие политические идеалы.

Правда, тема народной «незрелости» тоже достаточно скользкая: ведь и президента у нас избирает тот же самый народ. Поэтому КП и предпочитают рассуждать о медленной поступи демократии в мире, не объясняя при этом, отчего она медленная и кто препятствует ее ускорению. Но иногда все же проговариваются.

Путин гораздо более либерален, демократичен и прозападен, чем как минимум 90 процентов населения России. Альтернатива этому человеку и этому режиму возможна, но отнюдь не либеральная. Реально такая альтернатива может быть либо коммунистической, либо националистической.

Мы не знаем, откуда взялись эти 90 процентов. Более того, социологическая информация, хорошо известная и КП, свидетельствует совсем о другом. Она, например, свидетельствует о том, что почти половина наших сограждан выступала за сохранение выборности губернаторов населением, Путиным отмененной. Что система правосудия, ставшая при нынешнем президенте еще более зависимой от исполнительной власти, не по душе подавляющему большинству россиян. Да и политика Кремля по отношению к СМИ всеобщего восторга тоже не вызывает. Или все это никакого касательства к либеральности и демократичности не имеет?

Но кроме социологии есть еще и результаты выборов. На свой второй срок Путин действительно шел с откровенно либеральной избирательной платформой. И за него проголосовали более двух третей пришедших на выборы. Либеральная риторика их не отпугнула и шансов коммунистам и националистам не добавила. Быть может, корректнее было бы сравнивать его не с «90 процентами населения России», а с 90 процентами политической элиты и отечественной бюрократии, интересам которых укрепившаяся под руководством Путина государственная система вполне соответствует?

Ведь нашему правящему классу, который получил от системы все, что хотел, и рассчитывает получить еще больше, либерализация с демократизацией и через сто лет не понадобятся. И западничество ему ни к чему: он давно уже живет в России так, как будто она и есть Запад. Но тогда, может быть, и в самом деле не российское население, а российская элита не позволяет Путину раскрыть его богатый либерально-демократический потенциал, если, разумеется, таковой имеет место?

Однако КП возвышают Путина не над созданной при его непосредственном участии государственной системой, а над народом, превращаемым тем самым в главного ответчика за то, что президент не делает того, к чему расположен и что при другом народе давно бы уже сделал.

Не исключаем, что КП тоже чувствуют себя более либеральными, демократичными и прозападными, чем подавляющее большинство их соотечественников. Если так, то пусть попробуют объяснить, почему они, обращаясь к нам с телеэкранов, обрушивают свой гнев на Запад, едва оттуда раздается критика политики Кремля именно с точки зрения демократизма и либерализма. Впрочем, это предположительное несовпадение их мироощущения и публичного поведения существенного значения не имеет. Это — их личные проблемы. Тезис же, согласно которому альтернатива «этому человеку и этому режиму» может быть только коммунистической либо националистической, представляет и общественный интерес.

Прогноз относительно возможности реанимации в России коммунизма оставим на профессиональной совести КП. Что касается националистической альтернативы, то она вполне реальна. Но она стала таковой как раз при «этом человеке и этом режиме». Именно в годы правления нынешнего президента резко возрос процент людей, солидарных с лозунгом «Россия для русских!». И именно в эти годы стали чуть ли не повседневной обыденностью убийства инородцев и выступающих против ксенофобии правозащитников. При взгляде же на политическую сцену обнаруживается, что в допутинской России процент голосующих за ЛДПР уменьшался от выборов к выборам, между тем как теперь он тоже резко возрос. [...]

Националистическую стихию вольно или невольно разбудили, а остановить ее нарастающую агрессию становится все труднее. Зато у КП и их последователей появились дополнительные основания для того, чтобы пугать этой стихией избирателей, что они и делают. А еще призывают общественность к активному противлению новому злу. Не объясняя ей, откуда и почему оно вдруг возникло и какую роль сыграла здесь та тотальная «жириновизация» общественной атмосферы, которая происходила и происходит — при непосредственном участии КП — в течение всего путинского правления.

Нынешняя официальная «борьба с национализмом и фашизмом», в которой КП играют не последнюю роль, — это борьба властей и обслуживающего их пропагандистского корпуса со следствиями их собственной политики и пропаганды. Вопросом же о том, можно ли одолеть следствия, не затрагивая причин, КП по-прежнему не задаются и внимание общества к нему не привлекают.

Похоже, они уже приступили к осуществлению нового спецпроекта: представить «борьбу с национализмом и фашизмом» как борьбу Кремля за торжество демократии против ее противников. [...]

Кремль видит свою задачу в том, чтобы защищать демократию от ее противников. Для этого он вынужден ее ограничивать. Партии власти некому сегодня эту власть передать. В оппозиции к Кремлю находятся политические силы, которые хотели бы вернуть ельцинскую «олигархию», или откровенные националисты. От них движения к демократии ждать не приходится, от них и надо ее защищать.

Этот тезис, развивающий и корректирующий предыдущий, подкупает своей откровенностью. Действующая власть объявляется единственным в стране оплотом демократии. Поэтому защита демократии — это защита власти от ее противников. Поэтому противники власти и противники демократии — это одно и то же. Следовательно, сохранение власти равнозначно сохранению демократии.

Фактически КП договорились до того, что Кремлю предстоит защитить народовластие от народа, который при свободной политической конкуренции может проголосовать «неправильно». И как бы странно их позиция ни звучала, попробуем отнестись к ней серьезно. Она того стоит.

В истории был случай, когда лидер партии, победившей на свободных демократических выборах в парламент, получил пост главы правительства, а потом использовал свою власть для ликвидации демократии и установления режима личной диктатуры. Имя этого человека — Адольф Гитлер. Нужно ли защищать демократию от таких людей? Ответ очевиден. Нужно ли защищать ее так, как защищает Кремль вместе с помогающими ему КП? Уверены, что нет. Потому что так, как они это делают, защитить ее нельзя. Если, конечно, помнить о том, что альтернатива демократии может быть не только нацистской, а альтернатива нацизму — не только демократической.

КП полагают, что для достижения благой цели Кремля можно пожертвовать такой «мелочью», как политическая конкуренция. Но вместе с этой «мелочью» исчезает и то, ради чего она приносится в жертву. Потому что демократия без политической конкуренции — это уже не демократия, а ее профанация. Поэтому суть идеи, озвученной КП, сводится, в конечном счете, к тому, чтобы свернуть демократию во имя ее спасения. Или, что то же самое, ради сохранения у власти людей, объявляющих себя ее спасителями.

Германский эксперимент с нацизмом очень дорого обошелся человечеству. Но люди приобрели такой опыт, какого раньше не было, и извлекли из него важные уроки. Они поняли, что необходимы конституционно-правовые механизмы защиты демократии от ее концептуальных противников. И сегодня во многих странах мира действуют четко прописанные законы, перекрывающие потенциальным фюрерам дорогу к власти. Нам же, и таких законов не имеющим, предлагается поручить сбережение демократии нынешним обитателям Кремля и контролируемой им правящей партии. Предлагается также примириться с их правом принимать и избирательно применять любые юридические нормы, ограждающие их от политических конкурентов. Предлагается, наконец, признать их особые полномочия, ни в каких законах не зафиксированные вообще, но позволяющие кулуарно решать, достойны ли другие политические силы сменить их у власти или хотя бы стать влиятельной оппозицией, либо еще не дозрели. Таким образом, ради защиты демократии допустимо еще и беззаконие. Что же мы в таком случае бережем и сберегаем?

Если оплотом демократии объявляется одна-единственная политическая группировка, то гарантировать она может не демократию, а свою власт-

ную монополию и свое право (тоже монопольное) выбирать себе подсобные политические группы поддержки, контролирующие оппозиционно настроенных избирателей. Но о попустительстве Кремля «своим» националистам и о том, как влияет их риторика на сознание людей, мы от КП не слышим. Равно как и о том, почему деятельность «оплота демократии» сопровождается не уменьшением, а нарастанием националистической угрозы.

Демократия нуждается в защите от ее недругов? Кто бы спорил! Непонятно только, какими политологическими критериями [КП] руководствуются, называя защиту монополиста защитой демократии. Непонятно также, как долго нам ждать, пока она будет защищена окончательно. И уж совсем непонятно, откуда при такой защите (она же зачистка) возьмутся когда-нибудь политические силы, достойные того, чтобы монополист признал их право на равных ему противостоять, а тем более — право сменить его в результате выигранных свободных и честных выборов.

Впрочем, в последние год-два КП нашли универсальный ответ на все подобные вопросы, который позволяет отмахиваться от самих этих вопросов как заведомо несерьезных. Они обручили понятие демократии с понятием суверенитета. Или, говоря иначе, обогатили внутриполитическую проблему внешнеполитическим смыслом. Получилось, как им кажется, убедительно.

России нужна демократия, которая не ущемляла бы государственную независимость страны во внутренней и внешней политике. России нужна суверенная демократия.

Это терминологическое новшество в кремлевской политологической школе считается не только эффектной пропагандистской идеологемой, но и значительным вкладом в мировую политическую мысль. [...]

Они могли бы прямо сказать, что демократия в России усекается ради сохранения устоев нашей политической системы с ее «вертикалью власти». Что свободные и честные выборы, свободные СМИ, независимые законодательная и судебная власти, гарантированность прав собственности угрожают безопасности этой системы и потому для нее неприемлемы. И тогда стало бы понятно, что «суверенность» российской демократии заключается в независимости российской властной вертикали от стандартов демократии западной. Правда, при этом пришлось бы доказывать, что неприемлемое для политической системы неприемлемо и для народа России, а также объяснять, почему такую систему надо во что бы то ни стало спасать и сохранять. Но, будь доказательства и объяснения представлены, было бы хотя бы что обсуждать.

Однако мы, похоже, вновь хотим невозможного. Ведь двинувшись по этому пути, рано или поздно придется признать, что формула «суверенной демократии» исполняет сегодня в России примерно ту же роль, какая в свое время отводилась демократии «социалистической». Что, в свою очередь, будет означать признание в интеллектуальной несостоятельности или сознательном обмане. Но таких подвигов мы от КП не ждем.

Кстати, и сама формула придумана не в России, а потому нет и повода гордиться «креативом». Ее, как рассказала российской общественности политолог Лилия Шевцова, придумали на Тайване. И там эта формула имеет вполне конкретный политический смысл: она фиксирует и демократическое устройство Тайваня, отличающее его от коммунистического Китая, и подчеркивает его независимость. Больше нигде, кроме России, проблемой «суверенности» демократии не озабочены. В частности, и потому, что основной вектор развития демократических стран заставляет их ставить во главу угла не столько свою независимость и самодостаточность, как в пору формирования и самоопределения национальных государств, сколько взаимоинтеграцию. Когда речь идет о проблемах внутри самого западного сообщества, входящие в него государства руководствуются отнюдь не идеей суверенитета. Потому что от значительной его части они давно уже добровольно и сознательно отказались, исходя из соображений собственной выгоды. [...]

КП озадачены совсем другим. Им надо убеждать сограждан в том, что с демократией в России все в порядке, страна движется в правильном направлении, однако в мире есть силы, которые могут воспользоваться демократическими свободами для причинения вреда государству российскому. Поэтому КП внимательно за миром наблюдают, чтобы первыми врага выявить и первыми же его разоблачить.

В своей политике Запад использует двойные стандарты. Америка критикует Россию за свертывание демократии, а коммунистический Китай не трогает. Благоволят США и к казахстанскому лидеру Назарбаеву, авторитаризм которого их не смущает. Запад избирательно и предвзято критикует Россию, потому что боится ее усиления. Ему нужна Россия слабая и зависимая, а не сильная и влиятельная, какой она в последнее время быстро становится.

Ни в чем, пожалуй, КП не обнаруживают свою плутоватость так выразительно, как в этом суждении. Казалось бы, предмет спора — яснее некуда. Запад укоряет Россию за то, что она все дальше отходит от общепринятых стандартов демократии. Ответов на такой укор может быть всего два. Первый — объяснить критикам, что они в своей констатации не правы, т. е. что этим стандартам политика Кремля вполне соответствует. Второй — заявить, что критика вообще не по адресу, ибо «суверенная демократия» потому и суверенная, что у нее свои собственные, самобытные стандарты. Но первый ответ использовать нельзя, ибо в таком случае нашу недоразвитую форму народовластия пришлось бы объявить развитой, что несовместимо с исходным тезисом КП. А второй плох тем, что должен сопровождаться формулированием критериев, позволяющих «суверенную демократию» называть демократией. [...]

Считаясь с возникшими трудностями, КП придумали третий ответ. Они просто изменили предмет полемики и выдвинули встречное обвинение За-

паду в том, что проблема не в России, а в нем самом: это у него двойные стандарты, и пользуется он ими избирательно и предвзято. Насчет избирательности — чистая правда. А насчет предвзятости — как посмотреть. Потому что Россия сама согласилась на то, чтобы Запад относился к ней иначе, чем к Китаю, Казахстану и многим другим странам.

Никто не навязывал нашей стране ни вступление в Совет Европы, ни участие в работе его парламентской ассамблеи, ни членство в «восьмерке». Более того, она целенаправленно стремилась оказаться и в европейском, и в мировом клубе западных демократий, в чем ни Казахстан, ни, тем более, Китай до сих пор замечены не были. А в этих клубах существуют свои стандарты, причем не двойные, а единые для всех. И если какая-то страна не только не приближается к ним, но все дальше от них отклоняется, то она тем самым демонстрирует претензию на учреждение двойного стандарта в самом демократическом сообществе: одного — для себя, другого — для всех остальных. Но этим остальным притязание на такую исключительность может не понравиться и вынудить их к открытому выражению недовольства. Что они и делают.

Мы опять-таки не сообщаем КП ничего нового. Как профессиональные политологи, они не могут всего этого не понимать. Но задача, которую они решают, требует не столько профессионализма, сколько весьма своеобразно понимаемого патриотизма. Он заключается в том, чтобы всеми доступными средствами обеспечить сохранение сложившейся в России государственной системы. Эта убежденность все больше смахивает на некое религиозное верование, доступное лишь избранным. Но такой подход позволяет им каждого, кто подобный политический фатализм не разделяет, кто считает нынешнюю госсистему устаревшей, неэффективной и препятствующей развитию страны, кто видит альтернативу ей в современной либеральной демократии, автоматически зачислять в разряд непатриотов и, соответственно, врагов России. Он же избавляет их и от бремени полемики с оппонентами — и здешними, и, тем более, зарубежными. Какая полемика с врагами?

Лукавая, однако, позиция. Неприличная. И очень, на наш взгляд, вредная для страны. Ведь что происходит? Группа политологов, несомненно имеющая право на свою точку зрения и свое толкование патриотизма, но, судя по всему, не распространяющая это право на других, навязывает свое ви́дение развития России в современном мире как единственно правильное. Людям, что называется, дурят голову, произвольно подменяя понятия, а порой и переворачивая их смысл до противоположного. Западу нужна Россия слабая и зависимая, говорят КП. Но дело обстоит с точностью до наоборот. Запад, как никогда, нуждается в сильной и стабильной России-партнере, а в идеале — и в России-союзнике. Поэтому он так остро и тоже как никогда заинтересован в том, чтобы Кремль не реализовывал в своей стране политический проект, альтернативный демократическому. Таких тенденций Запад и в самом деле опасается. Потому что в нынешнем быстро меняющемся мире это может превратить Россию в его потенциального стратегического

противника. Да еще с атомным оружием. Да еще, в отличие от того же Китая, живущего по соседству. Да еще в условиях обозначившихся 11 сентября 2001 года глобальных террористических угроз.

Ведь в своих отношениях с обновляющейся Россией Запад с самого начала исходил из того, что либеральные демократии, как показала жизнь, между собой не воюют. Поэтому он и поддерживал Москву в ее стремлении войти в международное демократическое сообщество, включая и сотрудничество со структурами НАТО. Такова была логика его действий и во времена Горбачева, и в годы правления Ельцина, и в первый период президентства Путина. Но с кремлевским проектом «суверенной демократии», ставшим идеологической заявкой на великодержавную политическую альтернативу демократическому миру, эта логика уже не стыкуется.

Запад к такому повороту оказался не готов. И не только он — множество россиян тоже. Впрочем, эта неготовность выглядит несколько странной, учитывая, что признаков смены Кремлем политического курса было немало и до появления «суверенного» от демократического сообщества проекта. А вот что действительно изменилось, так это стремительность темпа отхода. Он резко ускорился сразу после украинских событий. В Кремле осознали, что либерализация всей российской жизни зашла слишком далеко. И что если дело пойдет так и дальше, то точка невозврата к старым, исконно русским отношениям власти и общества может быть пройдена. А это — самая большая из всех мыслимых угроза госсистеме. Тогда-то Кремлем и его командой и начала вестись очень осмысленная и целенаправленная «работа с населением».

КП быстро сообразили, что одним лишь превращением западных и отечественных противников «суверенной демократии» во врагов России, использующих «двойные стандарты» и другие неблаговидные приемы, здесь не обойтись. Осознали они, похоже, и то, что «суверенная» демократия, в отличие от прежней «управляемой», не может уже быть всего лишь промежуточной недоразвитой стадией на пути к чужим «развитым формам». Предстояло повысить ее статус до «развитой формы», но своей, «нашей». Тут, правда, есть свои трудности. Советским пропагандистам было легче: «социалистическая» демократия считалась заведомо превосходящей западную или, как тогда говорили, «буржуазную». КП богатым опытом предшественников пока не воспользовались. Возможно, это у них впереди. Покуда же они сумели придумать лишь нечто совсем уж убогое: у нас все в порядке, потому что у других порядка не больше.

КП стали убеждать российское теленаселение в том, что никаких принципиальных различий между западной демократией и ее «суверенной» российской версией не существует. Ведь и «у них» есть свои коррумпированные чиновники, бесчинства тюремщиков, превышения служебных полномочий высшими должностными лицами и прочие безобразия. Но при этом опять опускаются некоторые весьма существенные «мелочи». А именно, что в западной демократии любое подобное безобразие рано или поздно выявляется

и становится предметом гласного разбирательства. Что и главам государств, и депутатам, и любым госчиновникам за допущенные ими злоупотребления приходится дорого расплачиваться — утратой поддержки избирателей, карьерами и репутациями, а то и просто на долгие годы отправляться в тюрьму. А главное, что в западной демократии сами эти злоупотребления — не продукт государственной системы, как у нас, а нещадно караемые законом без учета чинов аномальные отклонения от ее принципов. Соблюдаются же они вовсе не потому что власть там так бескорыстна и сознательна, — отнюдь нет! Они соблюдаются потому, что власть на Западе вести себя иначе не может. У нее есть ограничитель — люди, там живущие. Западное гражданское общество — обычные налогоплательщики и избиратели — это не просто сила, полноправно участвующая в принятии решений относительно своей собственной судьбы. Это сила, способная сместить любых правителей, если те перестают считаться с ее мнением и жизненными интересами. И именно здесь проходит основной водораздел между западной демократией и «суверенной», о чем КП, разумеется, хорошо знают, но своим соотечественникам не сообщают.

Их миссия в другом. Она в том, чтобы не допустить подобное в России. Проект «суверенной демократии» требует втолковывать людям: то, что на Западе граждане требуют от власти, здесь власть делает сама. И это — вопреки тому, что при такой «демократии» только случайность позволила обществу узнать об искалеченном солдате Сычеве, а о многих других жертвах государственной системы оно так и осталось не осведомленным. Вопреки тому, что законность российские граждане все чаще ищут и находят в Страсбургском суде по правам человека, а не в отечественных судах. И вопреки многому другому, хорошо нашим согражданам известному. Понятно, что подобные сюжеты КП интересуют мало: привлекательности «суверенной демократии» они добавить не могут, а вызвать ненужные вопросы способны.

«Суверенная демократия» — это не только отказ руководствоваться в политике универсальными демократическими правилами, любое напоминание о которых извне вызывает одну и ту же стандартную реакцию: «Никому не позволим нам указывать!» Это еще и попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его самоорганизации и превращения в гражданское общество, дабы и оно не вздумало ему указывать. При такой «демократии» для населения предусматривается только одна роль — исправного избирателя правящей партии и просителя-челобитчика, во всем власти подконтрольного и никак на нее не влияющего.

Так что «суверенная демократия» — это еще и тест на зрелость и величие российского народа, вольно или невольно предложенный ему Кремлем. Потому как великий народ не может добровольно соглашаться быть только электоральным ресурсом и вечным горемыкой, ни в чем не участвующим, ни на что не влияющим и в результате ни за что происходящее в его стране не отвечающим. Ну, а если соглашается, то великим может провозглашаться

его правителями в награду за послушание и покорность, но ни в собственных глазах, ни в глазах других народов таковым выглядеть не будет. КП же нужно внушить россиянам нечто прямо противоположное. Для этого им и предлагается особая картина мира, в которой различия между западной демократией и «суверенной» сознательно размыты. И очень даже понятно, почему КП не считают нужным информировать соотечественников о деятельности демократических институтов, отстаивающих права и свободы людей в западных странах.

Потому что «суверенная демократия» — это ведь новый вариант старой идеологии «особого пути России», суть которой всегда сводилась к воинствующему антизападничеству. А для движения по этому «особому пути» правящему классу всегда был нужен и «особый» народ.

Русского человека веками воспитывали идеалистом, верящим, что все подлинное только на небесах, а жизнь земная мнима и с идеалом не соотносима, что в ее устройстве ничего изменить нельзя, а потому нечего и суетиться. Поэтому в России не пробуждался и тем более не поощрялся интерес к вопросам общественного и государственного обустройства страны, а целенаправленно формировалась философия «маленького человека» с ее квинтэссенцией — «там, наверху, им виднее, а наше дело маленькое». Именно к такому народу, — никуда не высовывающемуся и ни на что не претендующему, — и апеллируют КП, уверяя людей в том, что не только в России, но и на Западе «верхи» своевольно принимают решения, а «низы» и там ни на что не влияют.

А раз там все примерно так же, как и у нас, то это значит, что западная демократия ничуть не лучше «суверенной» и стремиться к ней нет никакого резона. [...]

Западные государства финансируют наши неправительственные организации не во имя демократии, а как средство реализации своих национально-государственных интересов в России. Демократия сама рассматривается как инструмент для облегчения прихода к власти фигур, которые дружески относятся к США и в целом к Западу.

Можно ли утверждать, что страны Запада в отношениях с Россией действуют «не во имя демократии»? Можно, если предположить, что национально-государственным интересам этих стран соответствует не демократическая Россия, а какая-то другая. Но какая именно? И какой такой режим могут установить в России после прихода к власти «фигуры, которые дружески относятся к США и в целом к Западу»? Почему, наконец, надо бояться этих прозападных фигур? Не потому ли, что они будут продвигать страну от «нашей» демократии к западной?

Думаем, ответов у КП нет. А если есть, они вряд ли осмелятся их обнародовать. КП можно даже пожалеть. Будучи образованными специалистами, они не могут не понимать, что западная госсистема по своей природе

демократична, а русская — самодержавна. И вот это-то коренное различие систем КП публично признать не могут. Более того, они вынуждены его скрывать, выдавая наше единовластие за народовластие.

Муторная работа. Ведь КП приходится не только утаивать хорошо им известное, но и разоблачать то, что ни от кого не утаивается.

Западные страны никогда не скрывали, что рассматривают продвижение демократии как средство обеспечения своих национально-государственных интересов. Для них, в отличие от КП, это не разные вещи, а одно и то же. Для них демократия — не только самый эффективный способ развития, но и надежная гарантия мира, средство обеспечения безопасности всех входящих в демократический альянс государств.

[...] И если Запад публично заявляет, что он руководствуется при этом и своими собственными интересами, то зачем изображать его открыто декларируемую позицию как тайную цель?

Затем, очевидно, что скрываемое и разоблаченное легче представить как враждебное. А от враждебного надо обороняться.

Будь КП уверены в том, что идея сохранения российской госсистемы способна консолидировать нацию, они не придумывали бы небылиц, а сказали бы вслух то, что говорить не решаются. Они сказали бы, что демократия в ее западном толковании соответствует интересам народов Запада, а интересам россиян не соответствует. Что все то, что позволило людям, там живущим, достичь своего нынешнего достойного положения, в России людям не нужно. Что разделение властей, свободные и справедливые выборы, равенство возможностей в политической конкуренции, независимость суда и СМИ — это не для нас. И тогда не нужно было бы ссылаться на примеры из американской и английской истории, не имеющие к нашим сегодняшним реалиям никакого отношения, и провозглашать Путина самым продвинутым русским либералом, демократом и западником. Зачем хвалить руководителя страны за то, что стране не нужно? Тогда не понадобилось бы и выводить Запад на чистую воду, предварительно приписав ему свою собственную предрасположенность к ведению двойной политической бухгалтерии.

Все это — от неуверенности в том, что наши сограждане хотят того же, что и их руководители. Она-то и заставляет Кремль и его спецпропагандистов конструировать мнимых врагов: под шумок борьбы с ними легче осуществлять зачистку всех источников, из которых проистекают и через которые распространяются вредоносные для системы идеи современной демократии. А когда дело дошло до неправительственных некоммерческих организаций (НКО), пришлось вспомнить и о приемах советского агитпропа: задание спецслужбам, находка спецкамня и триумфальное разоблачение в спецэфирах. Так НКО превращались в шпионские сети. Но грубость и топорность такой спецоперации, смутившей даже отдельных КП, — это ведь тоже от общей неуверенности.

С помощью старого советского приема Кремль решал новую и самую для себя актуальную задачу. Начав наступление на возникающее в стране

гражданское общество, он должен защищать себя от обвинений в антидемократизме, в ущемлении конституционных прав и свобод граждан, с чем изменившийся за двадцать лет народ может уже и не согласиться. Да, полноценное гражданское общество в России еще не сложилось, людям не хватает солидарности, навыков самоорганизации. Нет у них и понимания своей роли в своем государстве. Но это уже и не прежнее бессловесное и покорное народонаселение.

Предоставленные государством самим себе, люди взяли всю ответственность за свои жизни на себя. Они крутились, вкалывали, учились и переучивались, сами принимали решения и сами же их реализовывали. Они приняли на себя полное обеспечение своих семей и родственников, более удачливые подтягивали друзей и знакомых, помогали соседям и постепенно, сами того не замечая, создавали свою горизонталь взаимоотношений и взаимодействий, стараясь как можно меньше пересекаться с занятой собой властной вертикалью. Люди стали значительно самостоятельнее и, ощутив законное самоуважение и уверенность в себе, почувствовали себя в этой жизни субъектами. И совершенно естественно, что многие из них стали утверждаться в мысли, что эта их субъектность должна распространяться и на отношения с государством, мало чем им помогающим и много чего требующим. Именно так и возникает гражданское общество во всех странах: снизу и благодаря органически задаваемым жизнью условиям.

Понятно, что обществу, в демократии и рынке никогда не жившему, остро не хватает знаний — и о самой сущности демократии и рынка, и о том, как пользоваться их возможностями для своей пользы. А НКО — это и есть организации гражданского общества, которые учат людей пользоваться их правами, противостоять произволу государства и отстаивать в сложных жизненных коллизиях свои интересы. Но если они работают на «их» спецслужбы за «их» деньги, если об этом сообщают все телеканалы...

[...] Больше всего апологеты российской госсистемы боятся того, что люди в России перестанут бояться Запада. Образ западного врага — это ее, системы, основной идеологический, политический и управленческий ресурс. И она использует его, чтобы дискредитировать западную демократию. [...]

Однако обличать и разоблачать других — это все же оборонительная позиция, которая КП долго удовлетворять не могла. Поэтому и демократии «суверенной» предстояло из обороняющейся превратиться в атакующую. КП взялись за решение и этой задачи.

К своему статусу ядерной державы Россия добавила статус энергетической сверхдержавы. Это позволяет ей претендовать на место среди современных мировых лидеров. Хватит болтать о «сырьевом придатке». Мощные сырьевые отрасли потянут за собой всю российскую экономику, станут локомотивом модернизации других отраслей, стимулом для создания новых, современных производств.

В отличие от заимствованной «суверенной демократии», «энергетическая сверхдержава» — оригинальный отечественный PR-проект. И он, безусловно, самый удачный из всех, озвучиваемых КП. «Сырьевой придаток», еще вчера означавший экономическую и технологическую неполноценность, посредством простого переименования превратился в символ самодостаточности и международного престижа. Слабость, вызывающая чувство стыда, предстала как сила, которой можно гордиться.

Это переименование и сопутствующие ему внешнеполитические амбиции произвели эффект не только в России, но и в других странах, осознавших свою энергетическую зависимость от нее как серьезную стратегическую угрозу. Сама же Россия, казалось бы, нашла ключ к проблеме, которая до того выглядела неразрешимой. Проблема заключалась в том, что наличие атомного оружия после окончания «холодной войны» перестало восприниматься в мире как достаточное основание для великодержавного статуса и соответствующего ему влияния. Сам распад СССР наглядно продемонстрировал, что в современную эпоху величие и международный вес страны определяются в первую очередь эффективностью ее экономики и качеством жизни ее граждан. Сверхвысокие цены на сырье при растущем мировом спросе на него и были использованы для того, чтобы дополнить ракетно-ядерную составляющую величия составляющей экономической.

Так появилась «энергетическая сверхдержава». Первая в мире. Подобно первой стране победившего социализма. И, подобно ей же, лишенная стратегических перспектив развития. Еще один вариант временного выживания, пропагандистски оформленный как долговременная стратегия. Как светлый путь к будущему процветанию. Как надежная экономическая основа для осуществления нынешних масштабных национальных проектов [...]

Нам, как и другим россиянам, тоже хотелось бы, чтобы Россия стала страной экономически эффективной, чтобы национальные проекты были успешно реализованы, а жизнь людей улучшалась. Но для обретения уверенности в завтрашнем дне нам все же многого не хватает. Нас, например, очень смущает, что КП, опьяненные своей информационной монополией, не считают нужным реагировать на суждения экспертов, знакомых с проблемами энергетики не понаслышке, но по разным причинам на роль пропагандистов не претендующих. [...]

Оппоненты же утверждают, что переименование «сырьевого придатка» в «энергетическую сверхдержаву» — это или самообман, или сознательный обман.

Что не было и нет в мире такой страны, в которой богатые природные ресурсы, даже при высоких мировых ценах на них, стимулировали бы устойчивое развитие других секторов экономики.

Что нынешние относительно высокие темпы экономического роста в России, обеспеченные прежде всего благодаря постоянно растущим ценам на сырье, вуалируют устойчивое падение этих темпов в других отраслях, которое не может быть остановлено.

Что техническое оснащение самого нефтегазового сектора в значительной степени устарело, а добыча нефти и газа в последнее время почти не увеличивается.

Что в ресурсозатратной российской экономике преобладающая часть добываемого сырья идет не на экспорт, а на внутренние нужды и что экономический рост в других секторах, не сопровождающийся увеличением добычи, может быть обеспечен лишь за счет уменьшения сырьевого экспорта.

И еще много о чем говорят неангажированные эксперты, озабоченные пропагандистской эйфорией наших энергетических державников, а еще больше — попытками властей форсированно вернуть стране былое влияние, используя зависимость зарубежных потребителей российского сырья для оказания на них политического давления.

Эти эксперты понимают, что политическое влияние, добываемое за счет такой зависимости, зыбко и быстропреходяще, ибо на энергетическом рынке поставщики еще больше зависят от потребителей, чем потребители от поставщиков. Не исключаем, что КП понимают тоже. Однако свое предназначение они видят не в том, чтобы посвящать «массы» в реальные проблемы, стоящие перед Россией, а в том, чтобы оставлять эти «массы» в полном на сей счет неведении: ведь так намного проще внушать им оптимизм и ощущение державного величия их страны, будто бы возвращаемого ей мудрой и патриотической политикой Кремля. Но при сложившихся внешних и внутренних обстоятельствах такая пропагандистская установка может принести и уже приносит лишь вред — и населению страны, и ее руководству.

Проблемы, перед которыми оказалась современная Россия, беспрецедентны по своей новизне и сложности. Ей предстоит не просто осуществить технологическую модернизацию. Ей предстоит осуществить модернизацию такими методами, каких она прежде не использовала. И при Петре I, и на рубеже XIX – XX веков, и во времена советской индустриализации она могла обходиться заимствованиями нужных ей зарубежных технологий, инициировавшимися государством и происходившими под его патронажем. В наши дни, когда технологии быстро и непредсказуемо меняются, это уже совершенно невозможно. В современную эпоху модернизация может быть осуществлена только посредством перехода от экстенсивной экономики, каковой она всегда была в России, к интенсивной. Или, говоря иначе, к экономике, развивающейся и за счет своих собственных, а не одних лишь заимствованных инноваций. Однако государство (не только российское, но и любое другое) не в состоянии сегодня самолично инициировать инновации, оно может лишь создавать для них условия, стимулирующие деловую активность частных лиц и корпораций. Если же оно вместо создания таких условий для инноваций технологических тешит себя инновациями терминологическими, изобретая неведомую миру «энергетическую сверхдержаву», то это равносильно полной и безоговорочной капитуляции перед современными мировыми вызовами, прикрываемой демонстрацией воз-

росших международных амбиций и ура-патриотической пропагандистской риторикой.

КП, разумеется, тоже упоминают об инновациях и их важности для страны. Раз уже и президент о них заговорил, то и они молчать не могут. А вот как именно инновационная среда соотносится (и соотносится ли вообще) с природой российской государственной системы, от КП не услышишь. «Энергетическая сверхдержава» и в самом деле соотносится с этой природой лучше. Она, правда, и вопросов вызывает немало, но на них ведь можно и не реагировать.

Такая риторика не только не готовит население к решению насущных проблем страны, но и препятствует их осознанию. Можно, конечно, в очередной раз попенять в оправдание на «незрелость народа»: он и в самом деле очень плохо осведомлен о том, что России грозит выпадение из мирового времени и превращение в необратимо отставшую технологическую периферию. Но если эти проблемы и вытекающие из них новые требования к людям ему не разъяснять, а тем более скрывать их, то более зрелым он уж точно не станет.

«Энергетическая сверхдержава», обслуживающая развитие чужих экономик, — это, мягко говоря, благоглупость. Это — еще одно, наряду с «суверенной демократией», идеологическое обрамление нынешней «вертикали власти», которая может поддерживать свою устойчивость лишь при полном подчинении себе не только политических, но и экономических субъектов. Последние же при таких обстоятельствах не могут чувствовать себя свободными рыночными игроками, чьи права надежно защищены законом: к естественным предпринимательским рискам здесь добавляются риски противоестественные, связанные с непредсказуемостью «вертикали» и произволом ее отдельных агентов. Поэтому нечего удивляться тому, что российский бизнес не торопится вкладывать деньги в долгосрочные инновационные проекты. В этих, не им заданных условиях его поведение трудно назвать неадекватным. В свою очередь, и сама властная вертикаль не способна производительно использовать свои огромные финансовые ресурсы, накопленные благодаря торговле ресурсами природными, и вынуждена их замораживать. И, понимая все это, КП уверяют публику в том, что сырьевые отрасли дадут толчок бурному развитию всех остальных, что у изобретенной при их участии «энергетической сверхдержавы» — не только великое настоящее, но и еще более великое будущее.

Если колоссальные государственные капиталы не находят применения в стране, остро нуждающейся в модернизации и, соответственно, в широкомасштабных инвестициях, то это как раз и свидетельствует о том, что в наступившей информационной эпохе государство не может взять на себя роль монопольного субъекта модернизации, которую в эпохи предыдущие неоднократно брало на себя в России. И не только потому, что при нынешнем состоянии нашей экономики любой вброс в нее денег грозит всплеском инфляции, но и потому, что время таких модернизаций безвозвратно ушло.

Но если при этом от долгосрочных инвестиций в отрасли развития предпочитает воздерживаться и частный капитал, то будущее страны оказывается под большим вопросом.

При нынешнем положении вещей роль субъекта технологической модернизации в России взять на себя попросту некому. Инновационная среда, без которой глубокая модернизация в наши дни невозможна в принципе, в стране не формируется. Не формируется же она именно потому, что сложившаяся в России государственная система возникновение такой среды не только не стимулирует, но и блокирует. Между тем как раз эту систему и ее историческую прогрессивность и безальтернативность не устают воспевать КП.

Историческая заслуга Путина заключается в том, что он воссоздал российское государство, разрушенное его предшественниками и приватизированное ельцинскими «олигархами».

Этот тезис — базовый для КП. Он вбирает в себя все те смыслы, которые содержатся в других тезисах, от него производных.

Президент Путин действительно воссоздает российское государство. Именно воссоздает, т. е. выстраивает его по лекалам государства советского и досоветского. Сконструированная Путиным «вертикаль власти» с единоличным правителем на ее вершине — прямая наследница вертикалей прежних. А чтобы избежать хотя бы внешнего сходства с ними, формально сохраняются конституционно-демократические институты и процедуры ельцинского периода. Изначальная сложность задачи в том-то и заключалась, чтобы представить воссоздаваемое государство не как перелицовку старого, а как принципиально новое, которое вправе претендовать на сохранение обретенного при Ельцине места в сообществе демократических стран. Ради этого и были задействованы знания и дарования московских политологов, изъявивших готовность переквалифицироваться в пропагандистов. И они, чтобы выполнить столь почетное спецзадание, сделали все, что могли, и продолжают делать все, что могут. [...]

КП и их менее известные последователи с чувством глубокого удовлетворения могут передохнуть. Им удалось внушить многим людям, что нынешняя кремлевская «вертикаль власти» и демократическое государство суть одно и то же. Или, по крайней мере, что путинская вертикаль гораздо больше совместима с продвижением к такому государству, чем ельцинский режим, которому некоторые из наших героев тоже служили верой и правдой. Удалось им создать и низкую моду на хулу всех 90-х годов, представляя первое свободное от коммунизма десятилетие России как самое страшное время в ее истории. И все это у них получилось, потому что они сумели отождествить весь ельцинский период исключительно с властью «олигархов», с разной степенью удаленности отодвинутых сегодня от властной вертикали. Однако в последнее время не только маргинальные оппозиционеры, но и сами КП сообщают нам о том, что государство снова

оказалось приватизированным — на сей раз уже не столько «олигархами», сколько бюрократией.

Этот факт не отрицается никем и прежде всего президентом Путиным, который среди важнейших пунктов политической повестки дня называет очищение «вертикали власти» от коррупционной ржавчины. КП, как им и положено, стараются донести президентскую установку до широких народных масс. И некогда им задуматься о том, что, как и во многих других случаях, жизнь столкнула их и их работодателей с непредусмотренными последствиями самой кремлевской политики и кремлевской пропаганды. Возможно, задумаются после того, как убедятся, что эти последствия успели укорениться в «вертикали власти» настолько глубоко, что при ее сохранении искоренить их из нее не получится. Ни у Путина, ни у любого его преемника.

Такую вертикаль можно было строить только при опоре на бюрократию — цивильную и силовую. А она могла стать такой опорой только при условии, что получает строящуюся вертикаль в свою теневую собственность. Или, говоря иначе, получает неписаное право обирать бизнес, контролировать суды, формировать выражающие ее интересы выборные властные институты и даже свое собственное «гражданское общество», помогающее ей сохранять независимость от населения и гражданского общества без кавычек. Реализуя кремлевский проект, бюрократия незаметно, но упорно и настойчиво устраняла плюрализм в СМИ, способствовала созданию Единой России, обеспечила ее доминирование в Государственной думе и региональных законодательных собраниях. Потому что политический плюрализм и свободная политическая конкуренция мешают ей жить и управлять так, как ей хочется и можется.

Какими бы ни были исходные мотивы, которыми руководствовались кремлевские конструкторы «вертикали власти», результат мог получиться лишь таким, каким получился. И очистить эту вертикаль от всего того, что первоначальным замыслом, быть может, и не предусматривалось, не удастся. Потому что для многих давно уже не секрет: речь идет не об отдельных изъянах воссоздаваемой Путиным государственной системы, а о природе самой этой системы. Она возведена на бюрократическо-коррупционном фундаменте. Никакими законами, призванными ограничить возможности для чиновничьего лихоимства, его не изменишь. Точечными назидательными репрессиями против отдельных чиновников — не изменишь тоже. А при более массовых репрессиях система рискует остаться без фундамента вообще. Подобные задачи оказывались непосильными даже для таких самодержцев, как Петр Великий, который казнил высокопоставленных казнокрадов, объявляя их государственными изменниками. Однако устрашить этим других чиновников ему не удалось, а на тотальную зачистку он так и не решился. И даже самого крупного и бесцеремонного тогдашнего казнокрада Александра Меншикова лишь предупреждал и пугал, но не трогал: нужный, а главное, незаменимый был человек. Так что если Путин, по инфор-

мации КП, видит в Петре свой идеал, то в данном отношении тот ничему его научить не может.

Тем не менее Кремль все же начал очередное наступление на коррупцию. Оно всегда инициировалось в России, когда произвол чиновников достигал масштабов, опасных для самой государственной системы. Но методы, которые она использовала для обуздания этого произвола, во все времена напоминали лечение туберкулеза аспирином.

Коррупция, существующая везде, перестает быть системным явлением и сводится к минимуму лишь там, где сама госсистема зависит от общества, где бюрократия постоянно находится под светом софитов, т. е. под контролем свободных СМИ и независимых гражданских организаций, где чиновники несут юридическую и экономическую ответственность за ущерб, наносимый их действиями либо бездействием гражданам. В России ничего этого нет и пока не предвидится. Более того, нынешняя «вертикаль власти» для того и выстраивалась, чтобы все это исключить. Зато есть шумная антикоррупционная кампания. [...] То, что говорят о коррупции на всех телеканалах, впечатляет масштабностью намерений. КП довольны, — может быть, даже верят, что «вертикаль власти» будет наконец очищена и станет прозрачной.

Если так, то нам трудно разделить их чувства, хотя и мы за то, чтобы воры сидели в тюрьме — только настоящие, а не назначенные. Трудно, потому что мы помним о неудачах на этом поприще, которые постигли Петра и всех других российских правителей. Даже некоторые люди, близкие к власти, не считают нужным скрывать от широкой общественности, что в таких государственных системах, как нынешняя российская, законодательное сужение возможностей для чиновничьих злоупотреблений и репрессии по отношению к отдельным коррупционерам могут не уменьшить, а еще больше увеличить объемы теневого оборота. Потому что система эта функционирует как своего рода рынок коррупционных услуг, где репрессии означают возрастание рисков, а возрастание рисков на любом рынке сопровождается ростом цен. В нашем случае — размеров взяток.

Что бы ни говорили КП о преимуществах путинского государства перед ельцинским, никакого нового цивилизационного качества оно не обрело. Оно лишь из слабого неправового превратилось в более сильное неправовое. И трудно сказать, что лучше. Ведь это, очень сомнительное, преимущество — результат очередного упрочения традиционной для России бюрократическо-силовой (она же коррупционная) компоненты власти, что не приближает утверждение принципов законности и права, а еще больше от него страну отдаляет. Между тем во всем том, что касается главных внутренних проблем России и ее модернизации, такое государство остается беспомощным.

Будучи не в состоянии гарантировать право собственности и другие базовые права людей, оно не в состоянии установить и единые и повсеместно соблюдаемые правила деловой игры, без чего к нему нет и не будет доверия.

Поэтому у него нет и не может быть внятных стратегических целеполаганий. Поэтому в лучшем случае оно обречено на постоянное суетное латание дыр, а в худшем — на стагнацию и разложение. Поэтому оно и впредь вынуждено будет, движимое инстинктом самосохранения, именовать свою скрываемую за демократическим фасадом бюрократическо-авторитарную природу «суверенной» или какой-то другой «демократией» и маскировать свое стратегическое бессилие PR-проектами вроде «энергетической сверхдержавы».

Но долго так продолжаться не может. Рано или поздно наши сограждане начнут осознавать, что под разными названиями им предлагается некая особая демократия, из которой исключено общество, замененное Единой Россией, Общественной палатой и административно насажденными общественными организациями — неестественными, казенными и холодными. И число прозревающих будет со временем лишь увеличиваться. Именно об этом свидетельствует мировая политическая история, а вовсе не о том, в чем тщатся убедить своих соотечественников КП.

Рано или поздно большинство россиян поймут и то, что ничего в их жизни существенно не изменится, пока сохраняется властная монополия одной политической группировки. Поймут люди и то, что басманное правосудие, при политической монополии неизбежное, во вред не только отдельным «олигархам», но и им самим. Равно как и то, что не отвечают их интересам интерпретация происходящего в стране и за ее пределами конформистски ориентированными КП и предоставленная последним привилегия на такую интерпретацию.

Все это произойдет неизбежно. Вопрос лишь в том, какую цену придется заплатить стране, ведомой сегодня ее властной элитой в прямо противоположном направлении, за трансформацию бюрократическо-коррупционной государственности в демократически-правовую. Но чем больше времени уйдет на опробование очередного тупикового варианта, тем цена будет выше. Не лучше ли поэтому одуматься как можно раньше?

Российское государство нуждается именно в трансформации, причем коренной. Просто реформам оно не поддастся, как не поддалась в свое время КПСС. Готовность же к таким трансформациям зависит от состояния народа и его элиты. Российский народ, даже после пятилетки грамотной обработки его мозгов КП и их единомышленниками, тому не препятствие. И не потому, что весь он очень уж либеральный и демократичный, а потому, что никаких его интересов и ценностей это не ущемит. Для давно назревшего преобразования государственной системы стране не хватает соответствующей элиты, имеющей ясное представление об исторической развилке, на которой оказалась сегодня Россия, и проистекающей отсюда исторической ответственности ее правящего класса. Альтернатива предельно жесткая: либо прорыв в постиндустриальную информационную эпоху, либо выпадение из нее. При том, что изыскать свой «особый путь» гонки за временем, как то удавалось в эпоху индустриальную, уже не получится.

Чтобы ответить на современные внешние и внутренние вызовы, России нужна элита, готовая оставить в прошлом образ народа-объекта, воспроизводившийся из века в век элитами прежними — дворянской и советской. Те элиты, попадая на исторические развилки, находили свои ответы на мировые вызовы, хотя это и не спасло их от последующей деградации и краха. Нынешней же российской элите деградация может быть уготована без предшествующих достижений, но с тем же конечным результатом. Потому что в наши дни, в отличие от досоветских и советских времен, без *субъектности общества*, его свободной и сознательной самомобилизации на решение стоящих перед страной новых задач никакой правящий класс их не решит.

Это не интеллигентский идеализм с его народопоклонством и властененавистничеством. Необходимость изменения в России статуса общества — это самая что ни на есть политическая прагматика. От осознания нашей элитой, прежде всего интеллектуальной и культурной, такой необходимости напрямую зависят и жизнеспособность российской государственности, и конкурентоспособность страны в современном мире, и ее в нем место.

Соответственно, России нужна элита, способная признать, что «суверенная» пародия на современную либеральную демократию не возвышает, а унижает страну и ее граждан. Пародия на чужое, публично исполняемая как гимн державному величию, — это, согласитесь, не совсем то, что могло бы придать россиянам чувство национального достоинства, о чем так пекутся некоторые КП. Гораздо достойнее было бы полезное чужое освоить, сделать своим собственным достоянием и использовать в интересах своей страны. Но это значит, что Россия нуждается в такой элите, которая оставит в прошлом и принцип политической монополии как несостоятельный и для России сегодня пагубный. В элите, осознавшей неизбежность выбора в пользу политической конкуренции, причем не как средства борьбы за монополию, а как безальтернативного способа государственного существования, обеспечивающего сменяемость власти.

А это, в свою очередь, уже само по себе будет означать и принципиальное изменение взаимоотношений власти и общества. При политической монополии оно рассматривается как ее придаток. Как ресурс, наподобие природного, подлежащий пропагандистской обработке в духе КП или их советских предшественников. При свободной же политической конкуренции общество стимулируется к превращению из объекта воздействия в субъект развития. Излишне говорить, что при этом оно должно обладать всей полнотой информации о происходящем в стране и мире, что и позволит ему осмысленно и ответственно участвовать в выборе пути и способа развития страны. А без такого субъекта политики, для России совершенно нового, нынешняя властная элита будет лишь тянуть время, заботясь исключительно о том, чтобы комфортная для нее архаичная госсистема просуществовала как можно дольше. И уже одним этим подпитывая надежды своих оппонентов из националистического стана на возможность замены одного властного монополиста другим. Неужели большевистского экспери-

мента стране недостаточно и для обучения демократии и праву нам нужен дополнительный негативный опыт с еще более катастрофическими, чем раньше, последствиями?

Между тем Россия подошла к такому историческому рубежу, на котором, повторим, именно традиционная для страны государственная система, в новой форме сегодня воспроизводимая, стала главным тормозом технологического, экономического и политического развития. При ее сохранении переход от экстенсивной сырьевой экономики к интенсивной экономике инноваций невозможен в принципе. А значит, невозможно и продвижение к существенно иному, чем сейчас, качеству жизни людей. Такая вот историческая развилка.

КП часто говорят о необходимости постоянного обновления общенациональной политической повестки дня и желательности ее максимально широкого обсуждения. Мы готовы поверить, что они этого действительно хотят, но совсем не уверены в том, что они предрасположены обсуждать не только то, что считают уместным в Кремле. Или, говоря иначе, обсуждать не только повестку дня, спущенную сверху, но и то, какой она должна быть. Со своей же стороны мы хотели бы предложить в эту повестку три вопроса.

Вопрос первый: что и кому нужно делать для трансформации российской экономики из экстенсивной в интенсивную? Что и кто этому мешает?

Вопрос второй: можно ли такую трансформацию осуществить в неправовом государстве, и если нельзя, то как его превратить в правовое? Что и кто этому мешает?

Вопрос третий: возможно ли подобное превращение при «суверенной демократии», т. е. при полном отключении общества от политики и бюрократической опеке над ним? И если нельзя, то как продвинуться от «суверенной демократии» к демократии современной? Что и кто этому мешает?

Мы уверены, что при отсутствии ответов на эти вопросы ни одна из серьезных проблем, стоящих сегодня перед Россией, не может быть решена. КП здесь не помогут.

2007, № 1 (131)

6. РОМАН ДОБРОХОТОВ

Вниз по вертикали

(Из рубрики «У книжной полки»)

Вот уже, казалось бы, вот-вот-вот-вот... нет, не она.

Михаил Жванецкий — про демократию в России.

С каждым годом все меньше пространства остается для независимых СМИ, все усиливается информационный голод. Адекватная и независимая аналитика уже давно исчезла с телеэкранов, а те несколько газет и радиостанций, которые еще позволяют себе что-то «невертикальное», не могут полностью справиться с «недосказанной» федеральными каналами информацией. Поэтому и возникает потребность в таких книгах, как изданный фондом «Либеральная миссия» сборник «Вниз по вертикали» — собрание наиболее острых либеральных статей периода первого президентского срока Владимира Путина*.

«Вниз по вертикали» — это попытка объемно представить те политические метаморфозы, которые произошли в стране с приходом Путина к власти. [...] Статьи выстроены в хронологическом порядке, что позволяет прочувствовать изменения в их динамике и одновременно создает иллюзию целостности сборника. В реальной жизни человек, сталкиваясь с той или иной реформой, уже успевает позабыть результаты предыдущей, а потому не всегда улавливает общий вектор развития страны. Прочитав эту книгу, даже самый неискушенный в политике человек поймет, что политические изменения последних лет укладываются в определенную логику, причем логику вполне доступную для понимания.

[...] В книге представлены журналисты (Отто Лацис, Андрей Колесников, Наталья Геворкян, Валерий Панюшкин, Юлия Латынина, Владимир Познер), социологи (Юрий Левада, Игорь Клямкин), политологи (Дмитрий Орешкин, Лилия Шевцова, Марина Литвинович), экономисты (Евгений Ясин, Дмитрий Бутрин), политики (Григорий Явлинский, Владимир

---

* Вниз по вертикали. М.: Колибри, 2005.

Рыжков), культурологи (Даниил Дондурей, Андрей Зорин), а также сатирик Виктор Шендерович и многие другие авторы.

[...] Для многих россиян и читателей этой книги феномен Владимира Путина раскрывался постепенно: сначала он и его политика были совершенной загадкой (что уже само по себе давало повод надеяться на лучшее), затем в его стиле правления стали намечаться некоторые авторитарные тенденции, которые многие искренне считали лишь проявлением решительности и политической воли, а уже после этого стало приходить понимание истинной природы происходящих изменений, причем у многих понимание это еще не наступило и не наступит никогда. Удивительно, но, когда читаешь эту книгу, создается впечатление, что ее многочисленным авторам все было ясно *с самого начала*. Уже в статьях 2000 года основным лейтмотивом стала угроза возвращения в Советский Союз, признаки которого каждый из авторов находил в тех или иных своих наблюдениях, — будь то реабилитация советского гимна или отношение Путина к журналистам. Даже интонации авторов со временем мало изменились, разве что нет в ранних статьях еще той обреченности, которая появилась ближе ко второму президентскому сроку, когда стало ясно, что все это не случайно и надолго.

Прочитав эту книгу и лишний раз осознав, как далеко за последние годы Россия сползла вниз по вертикали, читателю остается только задаться вопросом — как же так, без особенного сопротивления и даже под бурные аплодисменты страна лишилась всех тех завоеваний, за которые в 1991 году выходили бороться на улицы сотни тысяч людей? С чего бы это какому-то незаметному спецфункционеру, волею судеб оказавшемуся во главе страны, так быстро и эффективно удалось взять под контроль все ветви власти, расправиться с журналистами и заручиться поддержкой широких масс населения, уже совершенно отвыкших как будто бы доверять власти?

В самой книге ответа на этот вопрос нет, да и не может быть, ведь лаконичный публицистический жанр не поощряет рассуждений на такие широкие, почти философские темы. И все-таки, ознакомившись со статьями сборника, читатель волей-неволей начинает понимать, что стои́т за всем этим медленным сползанием обратно в канаву советского строя. Дело, конечно, не столько в личности Владимира Путина и не столько в свойствах правящей элиты; есть более общие, объективные закономерности, изменить которые значительно сложнее, чем сменить Путина и партию власти.

Когда-то россияне ненавидели «совок». Относительно недавно десятки и сотни тысяч людей в Москве заполняли площади и строили баррикады из подручного металлолома для того, чтобы «совок» не вернулся. Большинство из этих людей еще живы и здоровы. Куда же все они подевались?

Россияне сами по себе не очень изменились, зато сильно и не один раз успела измениться политическая среда. Попытка построить на останках советского режима демократию и рынок очень плохо удалась реформаторам, и демократическая эйфория быстро сменилась разочарованием: в массовом сознании, склонном к упрощениям, демократия стала ассоции-

роваться с экономическими кризисами, криминалом и неуверенностью в завтрашнем дне. Россияне тосковали по стабильности, а стабильность до сих пор ассоциируется в массах с жесткой рукой. И тогда россияне придумали Путина. Именно простые россияне, которые если и бывали в Кремле, то разве что на экскурсии в Оружейной палате или на новогодней елке. Ельцинской «семье» оставалось только угадать желания этих людей, обычных людей, и слепить из их ожиданий Голем. Взяли человека с подходящим именем, подходящей биографией, придумали ему тезисы, на всякий случай попросили эти тезисы самостоятельно не озвучивать — и пустили в открытое плавание. Угодить народу, особенно тогда, было очень просто: надо было всего лишь не умирать на глазах, как Ельцин (делавший в интервью десятисекундные паузы между словами) и не обещать, как Зюганов, возвращение коммунизма.

Голем ожил и начал исполнять желания народа, а как известно, нет для людей хуже наказания, чем дать им то, что они просят.

Хотели прищучить олигархов? Получайте ЮКОС и рекордный отток капитала из страны.

Хотели слышать о победе над чеченскими сепаратистами? Получайте вторую войну и разгон НТВ.

Устали от коррумпированных губернаторов? Получайте отмену выборов.

Возвращение авторитарного режима — это результат глубинных, тектонических процессов в российском обществе, и Владимир Путин не руководит этими процессами, а лишь иллюстрирует их. Так называемый *демократический откат* неизбежно возникает после периода либеральных реформ. Но насколько долго может продолжаться этот откат и не вернет ли он нас к диктатуре?

Всего год назад путинский стиль правления казался умеренно жестким. Явный дефицит демократии, казалось, можно исправить направленным давлением на власть, нужно лишь объединить усилия. Со временем стало ясно, что бороться придется за выживание демократии как таковой, хотя бы в минимальном ее проявлении. С момента издания книги «Вниз по вертикали» ситуация успела значительно ухудшиться и, подводя промежуточный итог сегодня, можно сказать, что:

— в парламенте более не представлены демократические партии;

— зарегистрировать новую оппозиционную партию теперь невозможно (Касьянова, например, даже не пустили на съезд ДПР). При этом в нелиберальных, но оппозиционных партиях (Партия пенсионеров, Родина), как только они набрали популярность, сменено руководство;

— практически во всех регионах России парламенты подконтрольны Единой России;

— Президент теперь представляет кандидатуру губернатора и вправе снять его с должности;

— все федеральные телеканалы находятся под контролем государственной цензуры;

— количество независимых федеральных и региональных СМИ в России значительно сократилось;

— положение НКО сильно ухудшилось. Принят закон, ужесточающий контроль над НКО, многие НКО оказались под прессингом властей. Счета самой крупной независимой НКО «Открытая Россия» арестованы;

— значительно увеличилось число провластных политических движений, проводящих уличные акции. Многие из них открыто применяют насилие;

— доля военного бюджета страны постоянно растет (превышая расходы на науку, здравоохранение и образование, вместе взятые), множество отсрочек отменяется, происходит постепенная милитаризация страны;

— в ходе дела ЮКОСа обнаружилось, что судебная власть в России полностью подчинена исполнительной. В ходе этого же дела выяснилось, что страна окончательно потеряла доверие российского бизнеса: бегство капитала превысило 10 млрд. долларов в год;

— государство освоило практику национализации компаний. Газпром, Рособоронэкспорт и другие государственные компании подавляют свободную конкуренцию на рынке;

— отношения с демократическими странами окончательно испортились. Через государственные телеканалы усиливается антизападная пропаганда, а Владимир Путин, критикуя США и Совет Европы, выражает поддержку всем мировым изгоям: Северной Корее, Туркмении, Узбекистану, Беларуси, Ирану и партии ХАМАС.

Все эти факты полностью вписываются в концепцию книги «Вниз по вертикали», а ведь большинство из них обнаружились уже после окончания первого президентского срока. Видимо, к 2008 году можно будет издать второй том этой книги, и будет он существенно толще. Или тоньше — ведь писать об этом, вероятно, будет уже некому и негде.

Некому писать — это не только в смысле увеличения дефицита либеральных СМИ. Некому писать и в том смысле, что *не к кому*. До тех пор, пока высокие цены на нефть еще работают на российскую экономику (т. е. еще минимум год-два — не потому, что цены упадут, а потому что дивидендов с них уже будет меньше, чем вреда), россияне в массе своей будут готовы позволять гипнотизировать себя сладкими песнями о росте экономики, возрождении имперского статуса и добром царе-батюшке, который то с доярками встретится, то Европе пригрозит, то злым боярам строго что-нибудь правильное прикажет. Пенсионерки, московские яппи, владельцы заводов и государственные чиновники — все дружно вступают в Единую Россию, потому что очень уж боятся новой эпохи перемен: плохие у них ассоциации сложились с подобного рода эпохами.

Как это ни ужасно, но даже и в случае нового финансового кризиса совсем не обязательно усилятся позиции демократов. Да, диктатура опирается сегодня на доходы от нефти, но это не значит, что экономический кризис избавит нас от диктатуры. В середине 1990-х годов в КНДР более миллиона

человек погибли от голода, но никаких подвижек в сторону демократии так и не произошло.

Так что же тогда делать? Статьи сборника «Вниз по вертикали» хорошо иллюстрируют тенденции политического развития и современное состояние России, но практически ничего не предлагают в качестве выхода из тупика. Подтекст всех статей — «от этой власти нам ждать нечего». Подразумевается, что надо ждать, пока путинская элита не уступит место новой. Но власть репродуцирует себя, и пока общество не потребует от элиты отчитываться за свои действия, изменений не произойдет. А вот как заставить элиту отвечать за свои решения — остается нераскрытой темой.

Между тем тут никакого секрета нет. Российское общество, либералов не слышащее, постепенно самостоятельно учится демократическим технологиям, которые цивилизованным странам известны уже как минимум триста лет. Волнения после монетизации льгот так напугали российскую власть, что она разработала целую стратегию на будущее: теперь власти научились перехватывать инициативу. Как только в каком-то регионе начинается серьезный протест, они идут на символические уступки, при этом преподнося их как собственную инициативу. Так было сделано, например, в случае с делом Щербинского, обвиненного в гибели губернатора Евдокимова, когда Единая Россия была подключена к протестам против несправедливого приговора перед самой его отменой. Аналогичную тактику использует и лично Путин, что проявилось во время одной из самых показательных гражданских акций протеста — акции в защиту Байкала. Сначала все телеканалы пытались убедить россиян, что от трубы у Байкала не будет никакого вреда, а все, кто считают иначе, — наймиты мировой закулисы. Иркутск ответил на это 10-тысячными демонстрациями, мэр вынужден был встать на сторону митингующих, и в конце концов лично Путин маркером на карте показал, куда трубу надо передвинуть, и стал главным защитником природы в глазах аудитории Первого канала. Но уступка от этого не перестала быть уступкой.

Автомобилисты, защищая Щербинского, защищали себя. Иркутчане, защищавшие Байкал, защищали себя. Демократия как таковая — это возможность защищать себя. И постепенно люди начинают осваивать это политическое самбо. Для этого они не нуждаются в объединенном лидере или даже какой-то специальной идеологии. Достаточно лишь желания. Совсем недавно в центре Москвы агрессивные жильцы поколотили и выгнали одну девушку, которая пыталась съесть хот-дог в якобы частном дворике (частным его решили объявить жители). Через несколько дней в этот дворик пришло более сотни человек с хот-догами и кока-колой. Агрессивные жильцы попытались было что-то сделать, но были высмеяны и вынуждены были под улюлюканье скрыться с глаз долой. Вряд ли они теперь решатся кого-то выгонять и тем более колотить. Они обнаружили, что люди умеют защищать себя.

Практика последних лет наглядно демонстрирует, что, когда россияне чего-то действительно хотят, они этого добиваются. Значит, дело все-таки

совсем не в диктатуре, не в ФСБ и не в Глебе Павловском. Игла, в которой хранится жизнь российской диктатуры, спрятана не в стенах Кремля, а внутри каждого из наших сограждан. И давно бы этой иглы уже не было, но в наследство от Советского Союза вместе с долгами нам передалось неверие в возможность что-то изменить своими силами. Не хочет русский человек слезать с печи и идти чего-то там где-то менять, особенно если на печи пока еще тепло, а за окном дождь и полная неопределенность. Сложно сказать, может ли повлиять на такого человека книга «Вниз по вертикали», но будет, наверное, лучше, если россиян подвигнут действовать правильно подобранные слова, а не новый системный кризис.

2006, № 2 (128)

7. ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ, АЛЕКСЕЙ ДАВЫДОВ, АНДРЕЙ ПЕЛИПЕНКО

ВПЕРЕД НЕЛЬЗЯ НАЗАД!

Тезисы и выводы этой статьи могут многим показаться чересчур мрачными и пессимистичными, и потому мы хотели бы сделать на этот счет некоторые пояснения. Всякий человек, задумывающийся о судьбах страны, обязан ответить самому себе на тяжелый вопрос: готов ли он осознать и принять действительное положение дел или хочет пребывать в комфортных, греющих душу мифах. Большинство предпочитает мифы. Но идеи, которые мы высказываем, давно носятся в воздухе, и по-детски зажмуриваться и рассчитывать на то, что «авось пронесет», — непростительная наивность. [...] Нами движет тревога за нашу страну, с которой мы связаны всей нашей жизнью и судьба которой нам глубоко небезразлична.

Общества не живут вечно в том виде, в каком родились либо достигли пика могущества. [...] Остановить этот [...] процесс невозможно, но судьбы тех или иных обществ могут существенно разниться. [...] Где находится Россия? Где корни ее проблем? Каковы ее перспективы? Как на эти вопросы отвечает президент РФ Д. Медведев (а его ответы — это важнейший показатель способности правящей элиты эффективно управлять страной)? Осмыслить эти вопросы и ответы на них — такова задача нашей статьи.

И еще. В статье критически говорится о русскости. Говоря об этом, мы пытаемся объяснить нежизнеспособность ее мифо-идеологического ядра — приверженности так называемой *русской системе.*

О чем шумим?

Статья президента Российской Федерации Д. Медведева «Россия, вперед!» посвящена актуальным проблемам выживания нашей страны. Но главным образом иному: показать, что президент понимает эти проблемы правильно и благодаря его пониманию Россия будет уверенно двигаться — уже движется — вперед к светлому будущему.

На многих статья произвела впечатление. Но если соотнести слова медведевской статьи с реальной противоречивостью и глубинной слабостью, болезненностью России как исторического сообщества, как определенного

типа культуры... Если сравнить, что было и что есть, и додумать до конца: как «короткое время» политики Ельцина — Путина — Медведева накладывается на «время большой продолжительности» России — СССР — России, — то оценки президента предстают удручающе беспомощными, а в качестве руководства к действию и для *«практических планов развития нашего государства»* — безнадежно опасными.

Нельзя избавиться от болезненности России, от ее смертельного общественного недуга, не называя даже собственно болезнь и, тем более, не вскрывая ее корни [...]

Президент дает *«оценку нынешнего положения дел»* и называет некоторые реальные проблемы России: вековая хозяйственная отсталость, неэффективная, примитивная сырьевая экономика, вымирающее население, полусоветская социальная сфера, патерналистские настроения, отсутствие у людей желания «делать себя», достигать шаг за шагом личных успехов, умственная и душевная лень, неизбывная коррупция, робкий бизнес, террористическая угроза на Северном Кавказе. Однако ту самую болезнь России Медведев так и не диагностирует, перечисляя всего лишь ее следствия и проявления.

Страусиная позиция российской политической «элиты», ее нежелание и неумение видеть не одну себя, но и интересы людей в нашей стране только в XX веке обернулись двумя цивилизационными катастрофами — 1917 и 1991 годов.

1917. Мощная массовая крестьянская реакция на прогрессивные перемены в стране: урбанизацию, социальную дифференциацию, разложение общины в конце XIX — начале XX века. В России закономерным образом произошла глобальная инверсия. Средневековая православная монархия инвертировала свои базовые культурные атрибуты. Православного монарха заменил обожествленный вождь, место «избранного» народа занял «избранный» класс, идеологию православной идеократии вытеснили «единственно правильное учение» и коммунистическая утопия. Вновь восстановилась гремучая имперская смесь изоляционизма и агрессии, расцвела мифология отторжения «чужих», а главное двум основным диссистемным по отношению к старой самодержавно-феодальной традиции социальным группам — пролетариату и буржуазии — нашлось место в новой системе. Пролетариат занял место проводника в рай, а буржуазия — место средневекового дьявола, средоточия мирового зла. Ресурса обновленной системы хватило на 70 лет.

1991. Здесь мы имеем в виду не путинскую «величайшую геополитическую катастрофу». Речь о том, что вековечное существование русской культуры вне права превратило крушение СССР в особенно глубокий обвал всего российского социума и государственности. Россия снова, второй раз за одно столетие обрушилась в архаику патриархальности и ветхозаветности. Жизнь опростилась иногда вплоть до первобытности, отношения между людьми примитивизировались, стали еще более жестокими, агрессивными, античеловечными.

Выполняя глобальный исторический императив — историко-диалектического оппонирования Западу, — система к моменту своего распада в 1991 году полностью исчерпала не только внутренний ресурс, но и свой общеисторический смысл. Оттого и распад произошел столь легко и относительно бескровно, будто движимый невидимой рукой, поверх интересов и устремлений огромных масс людей, даже не вполне понимающих, что собственно происходит. Мы стали свидетелями того самого случая, когда дух истории оказался умнее воплощающих его социальных сил.

Нынешняя реставрация имперскости идет под руководством «дуумвирата» в условиях, когда идеократические империи представляют собой отчаянный анахронизм. Имя им — симулякр. Тень, фантом, фикция. Трагедия в том, что крикнуть: «Тень, знай свое место!» — увы, некому.

Теперь собственно о нашей национальной болезни.

Диагноз

[...] Исторически сложившаяся Россия — так же, как при царях и при большевиках, — остается культурой, застрявшей в «состоянии между»: между старым и новым, между засильем русской архаики и актуальными потребностями современной либеральной модернизации. Наше перманентное патологическое застревание на протяжении нескольких веков в «состоянии между» и углубляющийся в связи с ним тотальный социокультурный раскол и есть историческая болезнь России. Такой раскол стал за последние два десятилетия еще более глубоким, всеохватывающим и превратился сегодня из наиболее значимой характеристики общества как элемента его самобытности в очевидный признак его умирания. Попытки не преодолевать раскол, а приспосабливаться к нему, как попытка больного приспособиться к своей хронической смертельной болезни, превратили раскол в **способ угасания русской культуры***.

«Положение между» чрезвычайно болезненно. Чтобы адекватно реагировать на вызовы времени, чтобы выжить, надо и самим изменяться в соответствии с подобными вызовами. А для этого надо взять из мирового опыта, в том числе из отечественного, те ценности, на основе которых только и можно измениться. Но мы не хотим менять привычные для нас ценностные идеалы, потому что мы и сами не хотим меняться. Известно, что надо делать свою культуру личностной, гражданской, правовой, но мы не можем, да и не хотим изменять и ее, потому что для нас отказаться от своих имперских, соборно-авторитарных, патерналистских культурных стереотипов — все равно что верующему христианину выбросить свой нательный крест.

---

* Здесь необходимо особо оговорить, что употребляя слово «культура», авторы имеют в виду не русскую мысль, литературу, искусство и иные специфические области человеческой деятельности, которыми ведает Министерство культуры, а некий способ бытия нации, строй ее жизни (*ред.*).

Поэтому взнуздывать расколотую, больную Россию возгласом «Вперед!», обращаясь неизвестно к кому, — это хуже, чем демагогия. Это недомыслие.

Исторически сложившийся русский тип культуры, русскость как неэффективный способ мыслить, принимать решения и действовать уходит с исторической сцены.

Мучительная неизбывность и непреодолимая тотальность российского манихейского раскола, когда одна часть общества все время стремится уничтожить, подавить другую, уходят своими основаниями в имперское русское сознание и, прежде всего, в его сердцевину — глобальный теократический проект с идеей провиденциалистской избранности и мировой миссии России.

Теократическая идея избранности Святой Руси для воплощения Царствия Божьего на земле, изжив со временем свою православную семантику, трансформировалась в XX веке в идею светской религиозности: великодержавие и сверхдержавность России/СССР для построения коммунизма, а потом — России для обеспечения баланса в межконтинентальных стратегических отношениях. Образ власти при этом, в смысле ее космической недосягаемости и всемирной предназначенности, остался нетрансформируемым. Отсюда у всех на глазах в последние годы — апокалипсический страх перед возможной сменой власти и вызванные им причудливые кульбиты: то Ельцин — Путин, то Путин — Медведев. Однако в соответствии с инверсионной логикой произошла перекодировка образа власти: из посланника божьего первое лицо превратилось в советское время в Генсека, а в постсоветское — в президента. Но перекодировка никак не затронула сами парадигмические основания имперского сознания. [...]

Народ для власти из богоносца, каким он был по православной семантике, стал всего лишь населением. В последнее время добавилось еще «управленческое» отношение к населению как к одному из ресурсов: людскому ресурсу, наряду с материальными, административными или финансовыми. Словом, «человеческий материал», из которого власть-моносубъект по своему усмотрению и на свой вкус делает манекены, завершает строительство в масштабах всей России не виданного в мировой практике имитационного общества. [...]

В постсоветское время русская власть, уже не стесняясь, позиционирует себя не только как демиурга, но и как корпорацию частных собственников. При непосредственном участии первых лиц государства, с опорой на властный потенциал всех силовых структур, судебной системы и административных органов всех уровней идут грандиозное расхищение всего национального достояния и оформление в частную собственность физических лиц земли, ее недр, возведенных на ней предприятий. Происходят раздел, переделы, рейдерские захваты и квазиюридическое оформление фактической приватизации целых отраслей промышленности, транспортных коммуникаций и энергетических сетей. Все перечисленное по своей социальной

сущности — средневековые территориальные захваты без малейшего раздумья о дальнейшей судьбе и эффективном предназначении захваченного. А с моральных и нравственных позиций — это волчье пиршество в овчарне, торжество алчности и звериной ненасытности диких людей. По отношению же к праву русская власть показывает себя откровенно нелегитимной и криминальной.

Итак: античеловечная власть, научившаяся расширять и «модернизировать» свое ордынское насилие, и подданное ей население, приученное и умеющее адаптироваться и к такому насилию, позволяющее делать из себя манекены и имитационную общественность. Всеохватывающий социальный раскол, расщепленность духа и неспособность к самокритике, к самоорганизации и к саморазвитию. Криминальная власть у криминализированного, равнодушного населения.

Все это вместе взятое и есть наша неизбывная русская болезнь.

Как же соотносится с такой драматической исторической реальностью, переполненной предчувствием очередной катастрофы, медведевский выкрик «Россия, вперед!»?

Да ровно так и соотносится, как пустопорожнее словоговорение с реальными проблемами России.

Россию в ее нынешнем имперском виде не сохранить. Умирающую русскую культуру бессмысленно пришпоривать. Под руководством царей, большевиков и Ельцина-Путина-Медведева русская империя уверенно идет по пути распада.

[...] **Менять надо не только правительство Путина и даже не только путинский режим, а вместе с ними надо преодолевать глубинные социокультурные основания российской цивилизации, менять надо ее парадигму.**

Возможно ли, реалистично ли такое? И, если да, то как это сделать? Как к этому подступиться, или, хотя бы, каким бы мог быть самый первый шаг в таком направлении?

Вкратце выскажем следующие тезисы. Их признание в качестве исходной позиции и могло бы, на наш взгляд, стать адекватным сложившейся ситуации первым шагом.

1. Россия упустила ***все*** исторические шансы модернизации.

2. Теоретическая возможность модернизации обусловлена тектоническими социальными трансформациями последних двадцати лет, сопоставимыми по масштабам с последствиями событий 1917 года. То есть на семидесятилетие советской социальной и духовной деградации общества накладывается двадцатилетие ельцинско-путинского его доведения по существу до биологического, животного состояния.

3. Социальной силы, способной противостоять такой лавине обрушения и осуществить поворот к подлинной модернизации, в современной России нет, и появление ее не предвидится.

4. Фундаментальным тормозом возможной модернизации выступает сохраняющийся на протяжении веков разрыв между властью и подвласт-

ным. Архаическому или постархаическому по своим ментальным основаниям подвластному может соответствовать лишь диковатая феодальная, общинно-самодержавная «нашистская» власть. Путинская эпоха, сбросив маски внешней «цивилизованности», обнажила подобные качества со всей их пугающей определенностью. Пока такой зазор не преодолен, ни о каком социальном прогрессе нечего и мечтать, ибо здесь кроется один из ключевых алгоритмов самовоспроизводства «русской системы».

5. Как социокультурное и геополитическое целое Россия не трансформируема и, соответственно, не модернизируема. Страна представляет собой рыхлый конгломерат совершенно разных в этно-культурном отношении территорий, утрачивающих последние формальные интеграторы в виде административных и макроэкономических регуляторов. Идеократический проект и его идеологические суррогаты даже в самых удачных своих редакциях (которые уже, впрочем, совершенно невозможны) в любом случае не могут быть интегрирующим началом.

6. В общественных настроениях господствует опасное нарастание энтропии. Мы не поклонники толпы фанатиков с горящими глазами, но... Нажравшийся колбасы обыватель, вяло подворовывающий все, что плохо лежит, и безразличный к судьбе даже собственных детей — это «тепловая смерть» общества. Да, есть основания поиздеваться над теми, кто знает, «как надо». Но когда **никто** не знает, как надо, и знать не хочет, — это даже не смешно.

Стремительная деградация общественного сознания, на отдельные проявления которой указывает в своей статье президент, — явление куда более страшное, чем любые экономические показатели, ибо такая деградация — сама страшная эпитафия нации. Это, как показывает история, в отличие от экономических проблем, не исправляется. Такая болезнь проходит только вместе с пациентом... Добавьте к президентским наблюдениям тотальный цинизм, паническую боязнь будущего (заметим, все пропагандистские мифы — только о прошлом!), всепроникающее равнодушие, прогрессирующую и нахраписто насаждаемую тупость, детскую внушаемость, неспособность к простейшим логическим умозаключениям, убийственное неумение разобраться в элементарных вещах, психологию пира во время чумы и т. д., и т. п. Все это — симптоматика умирающего общества, держащегося на двух вещах: исторической инерции и сильно действующих наркотиках, запас которых, похоже, исчерпывается. (Под наркотиками мы понимаем не только пресловутую нефтегазовую «подушку», но и различные способы взбадривать общество — путем «маленьких победоносных войн» и т. п.)

Но, тем не менее, Россия, как бы ни менялись ее геополитические контуры, не провалится сквозь землю, а потому вопрос о ее модернизации при всех историко-политических обстоятельствах остается на повестке дня. Только с учетом этих проблем и на основе отыскания реальных способов их разрешения можно, на наш взгляд, сформировать подлинную стратегию модернизации России.

[...] В чем причина патологического раздвоения между старым и новым, культурной статикой и социальной динамикой, общинно-самодержавной традицией и личностно-гражданской модернизацией России? Почему русскому человеку не удалось в своем менталитете создать некую диалогичную срединную богочеловеческую смысловую сферу между тем, что философы называют всеобщим и единичным, а религиозные деятели — божественным и человеческим?

Одна из основных причин — в способе веры, который принят в православии, в историческом воспитании населения, в православно-языческой культурной традиции. Эта церковная традиция за тысячелетие перенесла из ветхозаветности в Россию пропасть между божественным и человеческим, узурпировала богочеловеческое смысловое пространство между богом и человеком и создала современного русского человека [...]

Тема роли Русской православной церкви в расколе российского общества весьма обширна и многоаспектна. Можно было бы назвать следующие бесспорные, как нам кажется, ее приметы.

1. Антропологический минимализм как имманентное свойство (сущность) восточного христианства и православия, в частности.

2. Идущая от Византии историческая традиция цезарепапизма.

3. Церковная доктрина под сенью мифа «русской системы» (фактически власть настолько космически недосягаема и беспредельно всемогуща, что получается уже не власть от бога, а бог от Власти).

4. Неспособность РПЦ адаптировать человека к буржуазной городской жизни (что смог сделать на исходе Средневековья католицизм, не говоря уже о протестантизме).

5. Можно было бы, разумеется, еще добавить и о сервилизме РПЦ.

Одной из важнейших причин раскола русского сознания по всей глубине и по всем направлениям социокультурного пространства стало, среди прочего, отсутствие катехизации, просвещения народа, во многом принявшего христианство как обрядоверие, но так и не узнавшего его евангельского духа (согласно известной формуле Лескова, «*Русь была крещена, но не просвещена*»*. Нам кажется, это задевает не просто глубинные основания РПЦ, но затрагивает и основания самого русского православия. А отсюда и вопрос: может ли **эта** или **такая** РПЦ, стоящая на ветхозаветных основаниях веры, отвергающая новозаветность и гуманизм, стать тем новозаветно-

---

* Можно привести здесь также слова П. Н. Милюкова: «*Древняя Русь восприняла, по справедливому мнению Хомякова, только внешнюю форму, обряд, а не дух и сущность христианской религии.* [...] *Нужно согласиться с мнением проф. Е. Е. Голубинского, что народная масса древней Руси не успела еще ничего усвоить в домонгольский период — ни внешности, ни внутреннего смысла, ни обряда, ни сущности христианской религии. Масса оставалась по прежнему языческой*». [...]

гуманистическим центром общения, вокруг которого будет собираться и формироваться современный человек, создаваться новая культура (т. к. старую, языческо-православную, обрядовую возродить, действительно, не удастся)? Готова ли РПЦ к внутрицерковному общению и диалогу как с обществом, так и с каждым живым человеком, обратившимся к ней? Готова ли она, говоря словами преподобного Сергия Радонежского, *взиранием на Святую Троицу преодолевать страх перед ненавистной рознью мира сего*?

А между тем именно это — нескончаемое сильнейшее духовное напряжение — и являет нам христианская Европа на протяжении всей своей истории: *взирая на Святую Троицу*, христианин вместе с тем стремится постигать сущее в себе самом и в окружающем мире. Духовные коллизии, столкновения полярных смыслов, конфликтность как принцип, лишь постепенно переходящая в диалог взаимодополнений, — вот стратегия смыслообразования, из которой родились и европейский гуманизм, и европейский рационализм, и европейская диалектика и, в широком смысле, вся европейская гуманистическая антропология.

Человек как творческое начало в Европе изначально **посредине**. Иное дело в России, где он постоянно **между** двумя противоположными полюсами и смыслообразования, и социальной практики, и психологического напряжения. Российскому сознанию, в отличие от западного, присущи метание между крайностями, неразработанность срединного поля и т. д. и т. п. Здесь и неснимаемый дуализм веры и разума, мира должного и мира сущего, и — прежде всего — добра и зла. Здесь же дуализм власти и подвластного, оппозиция богоизбранной империи и ее варварского (бесовского) окружения и т. д. и т. п. Для византийца вселенная распадалась на два резко обособленных мира: мир чувственный и мир духовный. Первичным и подлинно сущим было духовное. Аналогичная двойственность проявлялась и в человеке, тоже распадавшемся на духовное и материальное начала. Чувственная природа человека трактовалась как нечто вторичное; при соприкосновении с нею душа была подвергнута осквернению. Бог был далеко отнесен от мира, мир же представлялся тупиком, из которого нет выхода.

[...] На этом основании выкристализовывались две альтернативные модели мира в рамках внешне единой христианской доктрины. А результатом воплощения этого сценария явилось складывание двух систем мироощущения, двух альтернативных картин мира, двух культурно-цивилизационных ареалов с отчетливо выраженным и устойчиво воспроизводимым системным качеством. Это, в первую очередь, различный подход и принципиально иные трактовки filioque*, что напрямую связано с разным отношением у восточных и западных христиан к Богу-Отцу и к Богу-Сыну.

---

* *Filioque* — сделанное Западной (Римской) Церковью добавление об исхождении Святого Духа от Бога-Сына в догмате Троицы в Никео-Цареградский Символ веры IV века.

В чем состоит культурологический смысл filioque? В том, что церковь признает, что Святой Дух исходит не только от божественного, но и от человеческого в лице Иисуса-богочеловека. Это частичное низведение божественного с церковных небес в творческое человеческое получило подтверждение и развитие в гуманистических движениях Ренессанса, Реформации и Просвещения. В России иное. В конституируемом культурой автопортрете православного космоса реальный земной мир как бы не подлинен, не онтологичен. Мир здесь — временное попущение, не достойное обживания и цивилизаторского обустройства. Его нельзя улучшить путем постепенной цивилизационной работы, но можно одномоментно пресуществить в царство Божье. Отсюда неспособность православия вдохновить русского человека на то, чтобы он почувствовал себя личностью, неспособность сформулировать роль личности в самоформировании общества, культуры, деятельности государства как принципиально нового для России культурного основания. Отсюда вечное упование на бога, государство и авось. Отсюда нацеленность исторического воспитания русского человека в духе вечного холопства и патрон-клиентских отношений с церковными и государственными чиновниками.

Вся история России — история на основе теократического имперского проекта с его центральной идеей избранничества. Это можно отчетливо проследить начиная от Рюриков, через Екатерину и Николая II, через Сталина и вплоть до Путина. Именно такая наша история и стала, в конечном счете, главной причиной ухода с исторической сцены русского типа культуры. Поэтому когда мы анализируем проблемы России, мы должны начинать с анализа ее культурных оснований — анализа того, чего в президентской статье нет.

В трех соснах

А из медведевских ухищрений уйти от подлинных проблем как раз и получилось то, что получилось, — словесная шелуха. В подтверждение успешной модернизации России в прошлом приводятся три случая: петровский, александровско-николаевский и ленинско-сталинский большевистский. Причем все три случая сопровождаются прямо противоположным их органике словом «инновационный»: «*Элементы **инновационной системы** создавались, и небезуспешно, Петром Великим, и последними царями, и большевиками*». И в другом месте: «***Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций** — петровской (имперской) и советской — оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников* (подчеркнуто нами)».

Тот факт, что президент признает «издержки», — уже прогресс. Но во всех случаях это были самодержавные, авторитарные, диктаторские действия во имя укрепления, сохранения, спасения существующих режимов, во имя их имперскости и во всех случаях — за счет (путем) усиления несво-

боды личности, а в случае с большевиками — еще и за счет прямого уничтожения самой социальности, всего оставшегося к тому времени животворного гумуса российского общества. **То есть все три случая — это и есть попытки воспроизводства на основе сохранения старого, на основе недопущения обновления общественного устройства.** Поэтому, видимо, не случайно, что именно *впечатляющая модернизация*, проведенная *последними царями*, завершилась 1917 годом, а *величайшая*, проведенная большевиками, — 1991-м. Именно постоянными действиями, подобными *впечатляющим модернизациям*, и воздвигнут умирающий ныне тип русской культуры.

Статья изобилует многочисленными красивостями типа: «*Политическая система России также будет предельно открытой, гибкой и внутренне сложной. Она будет адекватна динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре. Отвечать политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей. <...> В этом году мы начали движение к созданию такой политической системы*».

[...] Если политическая система и демократические институты и впрямь призваны быть такими пышно цветущими и плодотворными, то зачем они целенаправленно, методично и настойчиво истребляются все эти годы — до такого состояния, что теперь вообще уже нет не только этих институтов, но нет уже ни самой политики, ни даже малейших признаков демократии? Как нет уже фактически и свободных выборов, независимой судебной системы (о которой тоже много красивых слов в статье), свободных СМИ, неправительственных общественных организаций. Конечно, можно было бы все эти зачистки политического пространства и гражданственности в России списать на совсем уж авторитарного Путина. [...]

Но как быть с самим автором «России, вперед!», когда у него на глазах, *прямо сейчас* в подведомственном ему хозяйстве творится настоящее вероломство с регистрацией кандидатов в Мосгордуму и продолжается умопомрачительный второй процесс по делу ЮКОСа? Как быть с главнокомандующим России, под непосредственным руководством которого осуществлена агрессия против суверенной Грузии и ее оккупация? Наконец, как быть с тем, что и сам-то он как президент — продукт «подковерного» сговора?

[...] Автор «России, вперед!» ни на йоту не сомневается и считает «*технологическое развитие приоритетной общественной и государственной задачей*». Поскольку «*чем "умнее", интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее, гуманнее будет наша политическая система. Общество в целом.*

Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, — сказано в статье, — *дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний*».

Если допустить хотя бы в качестве обоснованной гипотезы, что вековая хозяйственная отсталость России, ее примитивная сырьевая экономика, и т. д., и т. п. уходят своими основаниями в имперское русское сознание, то

самоуверенность автора статьи, говорящего, где здесь лошадь, а где телега, приобретает реальную опасность. Поскольку в подобной самоуверенности — не просто необразованность, но и по-настоящему ленинско-сталинская готовность к действию на основе заблуждения.

Особенно кричащие несуразицы — из-за авторского непонимания, куда, в каком направлении, с кем идти и на что, на кого опираться, что должно было бы стать основанием движения. Такой синкретизм, когда всё во всем, когда чересполосица из добра и зла при отсутствии права может меняться как угодно по произволу сочинителя, — очередное возвращение в первобытность, ужасающее до оторопи, когда на дворе признаваемая самим же автором эпоха *современных информационных технологий.*

Следующий пассаж нельзя воспринимать иначе, кроме как «Огонь по штабам!»: «*Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих "предпринимателей". Они хорошо устроились. У них "все есть". Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его*».

Однако во главе всех этих *влиятельных*, у которых «*все есть*», стоят Медведев с Путиным. Они именно таких паразитов и выращивали, возглавляя «*разбазаривание*» природных богатств и создавая все условия для «*выжимания доходов*» на основе размывания ценностей и ликвидации права. И правительство Путина устранит тех, которые «*нашей работе будут пытаться мешать*»? При том, что таких нынче не тысячи и даже не сотни тысяч, а уже миллионы? И все они к тому же прочно вмонтированы в основное и единственное достижение нашего «национального лидера» — во властную «вертикаль»...

То же самое, в том же ключе можно сказать и про «*вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию. И до сих пор разъедающую ее по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности*».

Нельзя, когда взялся писать про «*стратегию модернизации*», бездумно сорить словами, даже и правильными. Ведь не только отдельные посвященные прекрасно знают, что коррумпированы не «некоторые» чиновники и бизнесмены, а именно вся российская власть во главе с Медведевым и Путиным. Известны доклады Немцова о Путине, о «Газпроме», о Лужкове, известны публикации о личной причастности первых лиц государства к символам кремлевской коррупции — «Гунвору» и «Миллхаузу», к скупке земли в центре Москвы.

Коррупция как показатель снова наступившей архаизации всего российского общества, как очередной цикл обрушения отношений между людьми по существу в первобытность, когда такие отношения сводятся к прямому обмену и ничем, кроме натурального обмена и насилия, не регулируются, — это и есть свидетельство нежизненности русского типа культуры. Коррup-

ция, ставшая основным и единственным способом человеческого общения, показывает не только глубину падения, допустимой примитивизации, но еще и тот минимальный уровень, опускаясь на который, российский социум способен тем не менее существовать. И в данном смысле для преодоления коррупции, а вместе с ней и для преодоления самой цикличности обрушения нужна совсем другая стратегия.

Нужна собственно стратегия.

«...Ни бог, ни царь и ни герой»

Но бог с ними, с несуразицами. Много ли мы видели державных текстов, лишенных несуразиц? Либеральная модернизация вообще в российской истории просматривается не более чем в виде вялого пунктира. Зато «пышно зеленеет» модернизация имперская: взять у Запада все, что поможет противостоять этому самому Западу. Прежде всего, разумеется, в военно-техническом отношении. Ну а если просачивается вместе с военными технологиями что-то чуждое, постороннее, но без чего пушки почему-то начинают плохо стрелять, подлодки тонуть, а самолеты падать, то что уж поделать: издержки модернизации!

[...] Можно иронизировать над тем, что стенания высокого начальства о разгуле коррупции напоминают жалобу одной головы Змея Горыныча на другую, но сама мысль о настоящей борьбе с коррупцией, равно как и с другими «свинцовыми мерзостями», вызывает не только у обывателя, но и у большей части просвещенной либеральной общественности мистический ужас. Ибо всем понятно: никакие серьезные результаты здесь невозможны без **насилия**. Хотя все прекрасно понимают, что паразитические слои и группы общества **никогда** не расстанутся с награбленным по-хорошему, бунта не предвидится. Общество в целом утратило волю к **осмысленному и целенаправленному действию вообще и к насилию, хотя бы на основе права, в частности**. Все друг на друга шипят, все друг друга ненавидят, цена человеческой жизни соразмерна с ценой патрона, но политически осмысленного и организованного насилия нет и следа. И не только потому, что никто не знает, «как надо».

У общества нет цели. А когда цели нет, то вместе с волей к насилию, к отстаиванию общих интересов иссякает и воля к жизни. Пока, да и то лишь у небольшой части общества, энергии хватает разве что отстаивать личные интересы. Не более. Остальные же предались унылому фатализму и вымирают. Предпочтение смерти от безысходности борьбе за общие интересы — это ли не самый страшный диагноз?

* * *

И в заключение — о медведевском понимании традиций: «*Для меня традиции — это только неоспоримые ценности, которые надо беречь. Это межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу,*

гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу. А взяточничество, воровство, умственная и душевная лень, пьянство — пороки, оскорбляющие наши традиции. От них следует избавляться самым решительным образом».

Это, пожалуй, одно из самых устрашающих положений всего этого «Россия, вперед!». Откровенное признание автора, что традиции для него — пасьянс, который он может раскладывать по своим собственным правилам и для достижения им же самим поставленных целей: отобрал, как смог, из всех традиций, что ему вздумалось, разложил все произвольно попавшее в его колоду по кучкам на «хорошие» и «плохие» и решил, какие беречь, а с какими — «*решительным образом*». Ладно бы, если бы за всем просматривалось лишь элементарное невежество обыкновенного человека. Но ведь в данном случае за автором — огромная государственная машина и его уверенная готовность определять стратегию модернизации.

Даже малейшего намека нет, что за таким, например, понятием, как «русский тип культуры», стоит сложнейшая совокупность формировавшихся в веках самых разнообразных традиций из самых разных сфер российского и даже задолго еще до российского общежития. Причем эта совокупность никогда не оставалась статичной, традиции постоянно эволюционировали, взаимодействовали между собой, создавая напряжение в индивидуальных судьбах, в социальной и духовной жизни. Они, эти традиции, — не повод ни для гордости, ни для стыда. Их можно и нужно постигать и на такой основе познавать себя и окружающий мир. Можно углубляться в их постижение, чтобы отыскивать способы преодолеть их и в себе и, если возможно, в окружающем тебя мире.

Но чтобы «*решительным образом*» и на основе «мне нравится — не нравится»...

И это уже, надо заметить, было в отношениях русской власти с подведомственным населением и отложилось в нашей истории как явление под названием «большевизм-сталинизм». И результат этого былого тоже известен.

Статья Медведева беспомощна, потому что в ней не говорится, какая Россия должна рвануться вперед. На территории страны сегодня две России. Их наличие — результат непреодоленного раскола.

Одна — господствующая, хотя и умирающая, но все еще торжествующая и утопающая в самообожании. Она несет в себе святорусскую архаику, засилие традиции, имперско-вечевое сознание толпы, соборно-авторитарные культурные стереотипы, самодержавно-общинные ценности, деление людей на «мы» и «они», насилие, алчную погоню за властью, великодержавность, вождизм. Это — имперская лошадь, на которой «мы-русские» едем начиная с Рюриков. Но последние триста лет такая культура не выдерживает конкуренции на мировом рынке культур и все более выглядит как полудохлая кляча. Ее пытались лечить великие русские писатели. Пытались на нее опереться большевики с помощью «солнечной» сталинской конституции,

закрепощения крестьянства, сверхцентрализации управления и массовых репрессий. Не для России, а за счет России для реализации ими по-своему понимаемой исторической миссии России. Но ремонт на ходу не оживил отживающий организм. Призыв к этой России «Вперед!» бессмыслен, потому что она услышит его как «Ни с места!» либо «Назад!».

Но на территории России есть и другая Россия. Все еще слабая, проявляющаяся лишь кое-где, часто не ведающая, что творит. Но отнюдь не обреченная ходом истории на неизбежную смерть. Это Россия протестная и самокритичная, изнывающая под гнетом традиционной статики и взыскующая динамики и новизны, разгоняемая ОМОНом и сидящая по приговорам зависимых от власти судов, Россия, которой затыкают рот чиновники и продажные СМИ. Это Россия личности. Россия независимости русского человека от всех исторически сложившихся социальных ролей и смыслов. Россия прав человека и индивидуальных социальных отношений. Россия гражданского самоуправляющегося общества и равенства всех перед правом.

Нет, либеральный тип культуры не победил в нашем обществе, — слишком велика толща архаики, — но и не погиб. В российской социально-экономической практике его почти нет, и отсюда — умирание нашей культуры как преобладающая тенденция. Но как фактор общественного сознания он существует, и отсюда — тонкий ручеек надежды для творческого человека. Призыв «Вперед!» к личностно-гражданской России может быть услышан ею в его истинном значении. Он действительно мог бы оживить эту столь необходимую стране социальную тенденцию и начать модернизацию.

А теперь наш вопрос Медведеву: ваше *«вперед!»* какой России адресовано, и что оно реально означает — вперед или назад? Или, может быть, гораздо более мудреную комбинацию: «вперед нельзя назад»?

2009, № 3 (141)

8. ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ
Наука в России и в современном мире

1. Зачем нужна фундаментальная наука?

Луи Пастер сказал: «Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым всегда будет тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности». Эти замечательные слова цитируются в Послании президента Д. А. Медведева от 12 ноября 2009 года. Однако одновременное снижение на 11,8% бюджета Российской Академии наук, одобренное и Думой, и Федеральным собранием, находится в резком противоречии с этими словами. Наша политическая элита сочла расходы на науку ненужными и бесполезными, признав тем самым, что опережать другие народы «в области мысли и умственной деятельности» Россия не намерена.

И это происходит в момент, когда российская наука находится в критически плохом состоянии — худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования. Финансирование науки совершенно недостаточно, и отъезд научной молодежи за рубеж продолжается. Если он происходит меньшими темпами, то лишь потому, что самой научной молодежи стало меньше. [...]

Бюджет Академии наук, со всеми ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками, составляет один миллиард долларов в год. Один миллиард в год — это бюджет хорошего американского университета. Лишь часть этой суммы (от 1/5 до 1/3) покрывается за счет платы студентов за обучение и грантов, добываемых профессорами, остальная часть бюджета — средства штата, в котором находится университет (если университет государственный), или доходы от благотворительного фонда (если университет частный). Таких университетов в США — более сотни.

[...] Недофинансирование российской науки — факт просто вопиющий. Стипендия аспиранта в институтах Академии наук равна 1500 рублей. А каково отношение к этому общественного мнения?

Некоторые утверждают, что уехали неудачники, не сумевшие найти достойного места на родине. Это утверждение заведомо ложно. Многие сделали отличную карьеру и в России — стали профессорами, академиками, ру-

ководителями институтов и лабораторий. Можно услышать и другие голоса: да, наука в России умирает. Это грустно, но не трагично. Это — естественный, закономерный процесс. Россия обойдется и без науки. Существуют же в мире общества, которые безо всякой науки отлично живут.

[...] У нас отсутствует адекватное понимание роли науки в человеческом обществе. Существует недобрая шутка, что ученые удовлетворяют собственное любопытство за счет государства. Конечно, они удовлетворяют любопытство, но это — драгоценное любопытство к тайнам природы. Мир есть место, где происходит развитие цивилизации, а наука есть важнейший компонент цивилизации. [...]

Ощущение того, что наука движется вперед, приносит удовлетворение: все идет, как должно идти. Прогресс науки осуществляет роль социального стабилизатора. Общество, где уважаются наука и ученые, — здоровое общество. Там не надо бороться с антинаукой, там не расцветают пышным цветом шаманы, колдуны и заклинатели духов мертвых.

Важнейшее сочетание слов «фундаментальная наука» отсутствует в лексиконе нашей политической элиты. Даже самая ответственная ее часть смотрит на науку чисто утилитарно, как на подспорье при создании новых технологий. В результате российскую науку можно сравнить с тяжелобольным пациентом, которого никто не хочет лечить. Неудивительно, что ученых охватывает отчаяние, в том числе и уехавших за границу «неудачников». Недавно группа российских ученых, временно или постоянно работающих в западных университетах, обратилась с открытым письмом к президенту и председателю правительства РФ с призывом спасти российскую науку*. В целом, реакция нашего общества на него была вялой, настороженной и прохладной.

[...] Для тех, кто полагает, что цивилизация и культура нам не нужны, обратимся к практической пользе науки. В последнее время много говорится о необходимости инновационных прорывов и развития новых технологий. Отчего же не обратить внимание на то, что развитые страны мира именно сейчас, во времена финансового кризиса, резко увеличивают расходы на науку? Почему американский президент Барак Обама говорит, что «сегодня наука нужна как никогда раньше», объявляет науку главным приоритетом страны и увеличивает финансирование «всего спектра фундаментальной науки» в два раза? Почему французский президент Николя Саркози, распределяя огромное дополнительное финансирование по пяти стратегическим направлениям, на первые два места ставит образование и научные исследования, а затем лишь промышленность и прочее? Это делается потому, что без науки не будет никаких инновационных прорывов. Важнейшая функция фундаментальной науки в том и состоит, что она закладывает основы технологий будущего. Их нелегко предвидеть. Ни Герц, ни Мендель, делая свои опыты, не могли представить себе телевидение и генную инженерию.

---

* С текстом обращения, отправленного 28 сентября 2009 года, можно ознакомиться, например, здесь: http://www.hep.phys.soton.ac.uk/~belyaev/open_letter/

Следует задуматься о том, как сильно и необратимо наука меняет мир, как быстро происходит то, что мы называем прогрессом. В будущем значение науки в жизни общества только увеличится. Человечество никак не может уменьшить свою зависимость от науки, слезть с «научной иглы» не удастся. Через тридцать, максимум через пятьдесят лет запасы нефти закончатся. Что мы тогда будем делать? Проблему альтернативных источников энергии может решить только наука. Периодически возникают новые штаммы вирусов, вакцины от которых находит наука. Антропогенное давление на планету Земля непрерывно возрастает: если глобальное потепление будет продолжаться, многие города, в том числе наш Санкт-Петербург, окажутся под водой. Противостоять этому грандиозному вызову человечество сможет, лишь в полном масштабе используя мощь науки. Сегодня в нашей стране идут очень нервные споры о прошлом России. Нет ли в них вытесненного страха перед будущим?

Следующая важнейшая функция науки — образовательная. Часто цитируется восходящий к Плутарху афоризм: «Студент не сосуд, который надо наполнить, а факел, который нужно зажечь». А зажечь может только тот, кто горит сам. Участие ученых, занятых фундаментальными исследованиями, в образовательном процессе дает возможность воспитывать действительно высококлассных специалистов. Оно дает студентам возможность вдохнуть аромат научного творчества. Лишь немногие станут профессиональными учеными, зато частные и государственные компании, занятые производством новых технологий, получат молодых и ценных сотрудников, способных совершать «инновационные прорывы».

Еще одна важнейшая функция науки — экспертная. Пренебрежительное отношение к научной экспертизе приводит к тому, что на страну обрушивается поток лженауки, который чрезвычайно дорого обходится обществу, особенно когда сочетается с непрофессионализмом и коррумпированностью чиновников.

Наука не только закладывает фундамент технологий будущего, она активно участвует в создании технологий нынешнего дня. На динамичном Западе с пристальным вниманием относятся к локальным достижениям ученых: как только появляется надежда, что они дают возможность осуществить некоторый технический прогресс, немедленно возникают небольшие частные компании. Инвесторы вкладывают средства в сотни рискованных направлений, зная, что 1% удачных проектов окупит все расходы. [...]

2. Науку стремится развивать все грамотное человечество

В каких странах мира в наши дни сильная наука? Важнейшим критерием может быть составляющийся ежегодно список двухсот лучших университетов мира. В западном мире научная активность сосредоточена, в основном, в университетах. В России традиционно сложилось несколько большее разделение научно-исследовательской деятельности и образовательного процесса. Хотя сотрудники академических институтов активно читают лекции

студентам университетов, самое плотное взаимодействие ученых со студентами наступает лишь на уровне магистратуры, когда молодые бакалавры поступают в аспирантуру. В этом есть и свои преимущества: освобожденные от преподавательской нагрузки аспиранты (в западных университетах значительную часть времени они обязаны работать ассистентами преподавателей) и их наставники могут полнее отдаться научному поиску. В результате качество наших кандидатских диссертаций в целом выше западных и без колебаний приравнивается к PhD.

Университет не попадет в список лучших, если в нем не ведутся серьезные исследования в области фундаментальных наук и не работают ученые с мировым именем. Особый престиж создают университету находящиеся в его стенах Нобелевские и Филдсовские лауреаты. Методика составления списка лучших университетов мира не является идеальной, но не вызывает у научного сообщества возражений.

Сравнение списков за различные годы показывает, что они весьма динамичны: одни университеты идут наверх, другие вниз*. Как и следовало ожидать, наибольшее число лучших университетов (52) находятся в США. [...] Представленные в списке российские университеты — это Московский (155-е место) и Санкт-Петербургский (168-е место). Отбор университетов довольно суров. Исходя только из собственного опыта, могу назвать несколько очень хороших американских и итальянских университетов, которые в этот список не попали.

В список двухсот лучших университетов мира попали практически все страны пресловутого «золотого миллиарда». Кроме того, представлены две, в среднем, довольно бедные страны — Индия и Китай, а также целый ряд так называемых развивающихся стран. В странах, имеющих лучшие университеты и тем самым развитую науку, живет более половины человечества.

На самом деле, есть еще страны «второго эшелона», прикладывающие большие усилия для того, чтобы попасть в упомянутый список. Это Бразилия, Аргентина, Чили, страны Восточной Европы, Португалия, Турция. Эти страны изо всех сил стремятся стать полноправными членами мирового научного сообщества: активно проводят международные конгрессы и конференции, приглашают иностранных специалистов. Не будет удивительным, если к этому списку скоро добавится Иран. [...]

Итак, суммируя, мы получаем, что число стран, не жалеющих средств и усилий для укрепления своего научного потенциала, более сорока. В них живет не менее трех четвертей человечества.

[...] Не будет большой натяжкой утверждать, что науку стремится развивать практически все грамотное человечество. Все, за исключением нас. Мы упорно продолжаем считать, что чистой наукой занимаются одни непрактичные чудаки. Мы считаем, что наука слишком дорого стоит.

---

* Список для 2009 года: http://www.timeshighereducation.co.uk/Rankings2009-Top200.html.

В этой связи интересно поговорить о непрактичных китайцах, имеющих одиннадцать университетов, которые попали в список двухсот лучших. Китайские руководители не жалеют денег для развития своей науки, прикладной и фундаментальной. Они окружают почетом и уважением своих ученых. Одно время в США было немало китайских профессоров на весьма важных позициях. Сейчас их становится все меньше: возвращаются в Китай, где им предоставляются весьма тепличные условия, в частности, возможность сохранять позиции в США. Они пользуются всеобщим уважением, предателями родины их никто не считает. [...]

Следует коснуться болезненного вопроса о заработной плате ученых в разных странах. Об этом можно судить по следующему простому критерию: если в какую-либо страну ученые из России эмигрируют, значит, там зарплата как минимум в три раза выше, чем в России. Так вот, многочисленны случаи эмиграции во все страны «первого эшелона», за исключением Индии. Туда иностранцев просто не берут. Известны случаи эмиграции и в страны «второго эшелона» — в Бразилию, Аргентину и Турцию, в Чехию и Польшу. Правдоподобно считать, что у нас зарплаты профессоров самые низкие во всем грамотном человечестве.

Традиция материальной поддержки ученых и глубокого уважения к ним сложилась в западном обществе никак не позже начала XIX века. Сегодня эта традиция распространилась по всему свету. Считается аксиомой, что университетские профессора должны принадлежать к верхушке среднего класса. В Скандинавии зарплата профессора приблизительно равна зарплате министра. В США президент университета зарабатывает не меньше, а иногда и больше президента страны.

3. Развал науки в период реформ и научная эмиграция

Произошедшее в Советском Союзе в 1945 году многократное увеличение финансирования науки имело далеко идущие последствия. Это не только обусловило возможность за четыре года сделать атомную бомбу и создать прочный фундамент для наших выдающихся космических успехов. Советские руководители оказались достаточно разумны, чтобы кардинально улучшить материальное положение не только атомщиков, но и всех ученых без исключения. Зарплата всем сотрудникам, имеющим ученые степени, была одномоментно повышена в несколько раз. Ученые превратились в привилегированный класс, и это ощущение своей значимости в немалой степени способствовало тому, что называется чувством собственного достоинства, гражданской позицией и свободомыслием. Ученые, а также выходцы из научной среды составили костяк правозащитного движения, деятельность которого немало способствовала окончанию советского периода нашей истории. [...]

То, что новая власть сделала с наукой, можно назвать только преступной недальновидностью. Взяв на себя ответственность за экономическую

судьбу страны, Егор Гайдар объявил, что науки у нас слишком много и «наука подождет». Финансирование науки уменьшилось на порядок, соответственно уменьшились зарплаты ученых. Данная советским гражданам еще при М. С. Горбачеве, в 1988 – 1989 годах свобода выезда из страны облегчила ученым возможность находить заработки за рубежом. Вопреки расхожему в средствах массовой информации мнению о том, что наука в Советском Союзе лишь обслуживала военно-промышленный комплекс, наши ученые оказались в западных странах самым конвертируемым российским товаром. Это прямое свидетельство тому, какая у нас была сильная наука.

Точное число ученых, эмигрировавших из стран бывшего СССР, неизвестно, поскольку наша статистика разделяет общую судьбу российской науки. На состоявшейся 11 ноября 2009 года в Министерстве науки и образования РФ дискуссии по поводу внешней миграции оценка числа уехавших ученых варьировалась от 60 до 250 тысяч. По косвенным данным могу судить, что профессорскую tenure (пожизненную позицию, которую получить очень нелегко, для этого надо победить в жесткой конкурентной борьбе) в университетах других стран имеют несколько тысяч человек. А на одного ученого, получившего постоянное место в университете, приходится как минимум несколько человек, которые сегодня борются с кризисом в частных компаниях. Многие из них имеют ученые степени.

География третьей эмиграции ученых чрезвычайно обширна. Большинство уехали в Соединенные Штаты, очень многие — в Израиль, Англию, Германию, Австралию, Канаду, Францию. Наши профессора работают в университетах Новой Зеландии, Южной Африки, Малайзии, Гонконга, не говоря уже про Голландию, Бельгию, Италию, Скандинавские страны. Во всех лучших университетах мира есть профессора из России, и сегодня это — очень значительная диаспора. [...]

С «младореформаторами» к власти пришли люди, образованные поверхностно, нахватавшиеся обрывков западной экономической науки, — «брошюркины дети». Когда Джордж Сорос, единственный из сильных мира сего, озаботился бедственным положением российской науки и вложил в ее поддержку около двухсот миллионов долларов, они надменно не заметили его деятельности. Сорос полагал, что страной управляют цивилизованные люди, испытывающие временные трудности, что на каком-то этапе к поддержке науки активно подключатся федеральное правительство и регионы. Этого не произошло, и глубоко разочарованный Сорос свою активность в России прекратил. Он действовал из идеалистических побуждений, но в нашей стране, пораженной вульгарным практицизмом, в нем видели чуть ли не американского шпиона.

Ссылки на экономические трудности того времени не могут работать. Судя по тому, с какой скоростью в стране произошло формирование обширного класса богатых и сверхбогатых людей, и по тому, что отток капитала за рубеж составлял десятки миллиардов долларов в год, — ресурсы в стране

были. Не было цивилизованного и грамотного правительства. И была ложная установка на идею, что быстрое обогащение небольшого числа произвольно выбранных людей является двигателем прогресса. Затем не осталось даже идеи. [...]

4. Современное состояние российской науки и административный волюнтаризм

Каково же состояние российской науки в настоящее время?

Наука не погибла, но положение ее весьма драматично. Сравнение с тяжелобольным пациентом вполне уместно, и плохо то, что состояние здоровья этого пациента никому в точности не известно. Как у нас нет статистики уехавших ученых, так нет и данных по динамике уезжающих и трезвой оценки потенциала оставшихся. Поэтому судить можно только по личным наблюдениям. А они следующие. Наука перестала быть единым целым. Она живет по островкам, мало взаимодействующим между собой. Внутри страны научных конференций проводится мало, путешествие по России стало дорогим удовольствием. Парадоксально, но ученые из разных мест России чаще встречаются на международных конференциях за рубежом, чем у себя дома. В целом провинция пострадала от «утечки умов» меньше, чем обе столицы.

Наука на глазах стареет. Заходя на институтские семинары, замечаешь, что в полупустом зале сидят больше пожилые люди. Средний возраст научных сотрудников пятьдесят пять — шестьдесят лет. Они, скорее всего, уже не уедут за рубеж, и они еще могут обучать молодежь. Но все же — это уходящее поколение. За ними зияет пустота, ученые следующего поколения или уехали навсегда, или проводят бóльшую часть года, работая в зарубежных научных учреждениях. Немногочисленная молодежь вострит лыжи, стремясь перед этим по максимуму взять знания у старших. Отечественное научное приборостроение погибло, лаборатории оснащены морально устаревшим оборудованием, реактивов нет. Руководство Академии наук вяло и безынициативно, не смеет занять активную позицию в отстаивании интересов науки перед правительством.

Наука ждет до сих пор. За последние восемь лет, несмотря на некоторое повышение зарплаты ученых, ситуация изменилась только к худшему. Позиция властей остается прежней: глухота к мнению профессионалов и советский административный волюнтаризм. Советского Союза давно нет, а волюнтаризм не только не исчез, но, соединившись с характерным для нового времени стремлением к личной наживе, расцвел. Как и в советское время, он осуществляется путем ведения шумных кампаний, какой была, например, кампания по внедрению кукурузы чуть не до Полярного круга. Сегодня у нас есть новая «кукуруза» — нанотехнологии. [...]

Вдохновенные выступления главного идеолога «нано-когно-био» прорывов М. Ковальчука очень сильно напоминают речи о необходимости и возможности преобразования природы. На развитие нанотехнологий правитель-

ство выделяет финансирование, в полтора раза превышающее бюджет всей Академии наук! По указу президента три самых сильных физических института страны вливаются в исследовательский центр «Курчатовский институт», которым руководит М. Ковальчук. Без ведома сотрудников и руководства институтов, без всякого научного, экспертного обсуждения! В советское время административный волюнтаризм отличался бóльшим профессионализмом. Советским чиновникам был доступен тот факт, что наука не терпит монополизма, и исполнение важных программ не доверялось одной группе. Главой центра по созданию ядерного оружия в Сарове был Ю. Б. Харитон. Параллельный и конкурирующий центр был в Челябинске, им руководил Е. И. Забабахин. Такая же ситуация была в ракетостроении и в авиации. Монополизация науки неизбежно ведет к ее симуляции и «потемкинским деревням».

На фоне этой грандиозной «панамы» переименование Казанского университета в Приволжский — событие небольшое. Но что это как не волюнтаризм, сочетающийся с совковым отсутствием исторической памяти? Казанский университет — один из старейших в России, основан в 1804 году. Он справедливо гордится своими выдающимися учеными: достаточно назвать создателей неевклидовой геометрии Лобачевского и теории строения органических соединений Бутлерова. Название университета есть бренд, тем более ценный, чем университет старше. Можно ли представить себе, чтобы Кембриджский университет переименовали в Среднеанглийский? Или Болонский, старейший в Европе, переименовали в Центральноитальянский? Это переименование — яркий пример, как сказал бы Николай Лесков, «административного восторга».

Академическая наука находится в бедственном состоянии, а заменить ее нечем. Для исторически сложившейся в России формы организации и управления научным сообществом с помощью академических структур в настоящее время не просматривается альтернативы. Взятый же правительством курс закупать новые технологии за рубежом и оттуда же приглашать на работу специалистов убьет российскую науку окончательно. На закупку новых технологий выделяется 600 миллиардов рублей — сумма, в тридцать раз превышающая финансирование институтов Академии наук! Из средств, выделенных на нанотехнологический пузырь, лишь 1% обещается академической науке.

Нет альтернативы Академии наук и как органу, способному провести серьезную научную экспертизу. Пренебрежительное отношение правительства к академической науке уже дает свои плоды: поток лженауки захлестнул страну. Например, процветает некий В. И. Петрик, недоучившийся психолог и бывший уголовник, осужденный по тринадцати статьям Уголовного кодекса, от мошенничества до покушения на грабеж. Ныне он — «частный ученый-изобретатель»* и научный консультант при партии Единая Россия.

---

* См. статью академика Э. П. Круглякова, председателя комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований: http://www.sbras.ru/HBC/article.phtml?nid=523&id=15

Среди его многочисленных «научных открытий» — получение электричества из тепла слабо нагретых тел (что есть нарушение второго начала термодинамики), конструирование вечного двигателя второго рода и разделение радиоактивных изотопов путем фильтрации (что является чудовищной по неграмотности идеей). Тем не менее, благодаря покровительству в высшем эшелоне власти, его фильтрами для очистки воды, не прошедшими научной экспертизы, оснащается партийный пилотный проект «Чистая вода», который предполагается сделать в этом году федеральной программой с финансированием в 15 триллионов рублей.

Для сегодняшней ситуации с российской наукой трудно найти исторический аналог. Бывали случаи, когда цивилизации гибли в результате внешних вторжений или внутренних войн. Но чтобы страна, которая занимала одно из первых мест в мировой науке, добровольно стала сползать на последнее место, — таких прецедентов в мировой истории не было. Вот разве что то, что учинил Гитлер с германской наукой за тринадцать лет своего правления. [...]

Восстанавливать разрушенное несравненно труднее, чем разрушать. Времени для спасения российской науки почти не осталось. Еще несколько лет, и произойдет полный разрыв связи между поколениями ученых! Если не дать возможность еще оставшимся в живых профессионалам передать свой научный опыт и не открыть перед молодыми учеными перспективу, на российской науке можно будет поставить крест.

Какое-то беспокойство правительство начинает проявлять. Принимаются некоторые программы по привлечению ученых-эмигрантов к работе со студентами. Несомненно, следует приветствовать любую форму интеграции российской науки в мировую, но нужно понимать, что молодой специалист встанет перед выбором: уехать к своему наставнику в аспирантуру или остаться в России, где ты будешь работать в лабораториях с устаревшим оборудованием и никогда не сможешь купить себе квартиру. Всюду в мире есть острая потребность в талантливой молодежи: ее всегда не хватает, и она представляет собой огромную ценность. Только доведя зарплаты ученых до среднеевропейского уровня, можно остановить «утечку умов». Безнравственно и бесперспективно рассчитывать двигать вперед науку и технологии за счет энтузиазма живущей впроголодь научной молодежи.

Для спасения российской науки не надо изобретать велосипед: ей следует вернуть тот статус, который она имела в советское время и продолжает иметь в мире. Ученые должны принадлежать к верхушке среднего класса, а труд научного работника быть уважаемым и социально престижным. Ученым должны быть созданы необходимые условия для работы, лаборатории оснащены современным оборудованием. Поддерживать необходимо все направления научного поиска в равной мере: наука представляет собой единый организм, и заботиться нужно о его здоровье в целом. Попытка разделить ученых на полезных, чья деятельность приносит немедленную выгоду, и бесполезных игнорирует огромный мировой опыт. «Полезных» можно до-

полнительно стимулировать грантами: эта стратегия возникла как результат естественной эволюции западной культуры. Сообщество ученых должно быть самоуправляемым, а административное вмешательство государства минимальным. Оно должно осуществляться через дополнительные фонды, финансирующие приоритетные направления.

Да, на это нужны немалые средства. В 2010 году Соединенные Штаты вкладывают в научные исследования более 3% ВВП, Китай — более 2%. Для сравнения — бюджет Академии наук составляет менее 0,3% нашего, не сравнимого с американским, ВВП. Тем не менее для тех, кому кажется, что наука — слишком дорогая роскошь, попробуем представить себе сценарий нежелательного и скорого будущего.

5. Россия без науки

Первым следствием угасания науки, ухода из российской действительности профессионалов, занятых наукой ради науки, будет упадок образования. Он уже очень заметен, у нас появились неграмотные подростки. Некоторые источники называют цифру в два миллиона, что, скорее всего, журналистское преувеличение, но вот факт: на Факультете журналистики МГУ в октябре этого года 82% первокурсников не справились с диктантом, совершив от восьми до восьмидесяти ошибок на текст.

С упадком образования придется распроститься с надеждой развивать у себя новые технологии: для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой, и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обыденным делом.

Страна, не способная идти в ногу с техническим прогрессом, довольно скоро станет беспомощной в военном отношении. Через десять-пятнадцать лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам как арбалет к автомату. На ядерное оружие надеяться не стоит. Для его воспроизводства и обслуживания тоже нужны высококвалифицированные специалисты. И мы вряд ли окажемся способны производить высокоточное роботизированное тактическое оружие. Или правительство надеется покупать также и военные технологии?

Следствием упадка науки и образования в России будет полное падение международного престижа страны. Никакими олимпийскими играми восстановить его будет невозможно. К нам будут относиться, как к незадачливому купчику, который разбазарил отцовское состояние. Таких людей не любят на протестантском Западе, а в Китае над ними просто смеются. Мы превратимся в страну-изгоя, и в случае любого дипломатического или военного конфликта весь мир встанет на сторону, противную нам.

Заметим, что формально мы науку не потеряем. Останутся высшие учебные заведения и люди, называемые профессорами. Будут защищаться диссертации, только их уровень будет неуклонно снижаться. Рано или поздно

наступит роковой момент, когда в России не останется профессионалов, способных понимать то, что написано в зарубежных научных журналах. После этого российская и мировая наука превратятся в два непересекающихся мира, причем первый будет относиться ко второму как мир теней к миру реальному. Появятся новые Лысенки. Когда власть увидит, что дело плохо, она будет рада поверить любому шарлатану. Это, собственно, уже происходит.

В «царстве темных людей» вместо научной статистики будут предсказатели и астрологи, вместо медицины — знахари и целители, вместо историков — Фоменки, вместо инженеров — изобретатели вечных двигателей. Следует ожидать, что среди таких людей будут иметь успех самые агрессивные и мракобесные формы религий, самые изуверские секты. Страна превратится в весьма дурно пахнущее болото. Те, кто сегодня меланхолически соглашаются жить в «России без науки», пусть задумаются, хорошо ли им будет в этом болоте.

Впрочем, эта «болотная» фаза нашей истории продлится не очень долго. Внутри будет нарастать социальная напряженность, а вовне — потребность в минеральных ресурсах. Способные и энергичные молодые люди, не получившие хорошего образования и не востребованные своей страной, — взрывчатый социальный материал огромной силы. А «внешний» мир не будет долго терпеть состояние, когда доход от продажи земных ресурсов делит так называемая *элита* интеллектуально и морально разлагающейся страны. Идея о том, что минеральные богатства Земли должны принадлежать всему человечеству, уже витает в воздухе. Нас ждет глобальный передел собственности и геополитическая катастрофа.

6. Заключение

Заключая этот мрачный прогноз, приходим к неизбежному выводу: от судьбы российской науки зависит судьба России. Потеряв науку, Россия перестанет быть независимым государством, сохраняющим контроль над своей территорией и своими природными богатствами. Это обстоятельство следует положить в основу стратегии будущего развития страны.

Если оставить в стороне такие «мелочи», как коррупция, для этого потребуется преодолеть сопротивление чиновников, желающих руководить наукой и делить научное знание на полезное и бесполезное. Наука никому ничего не должна. Наука существует для того, чтобы быть наукой. Как сказала американская писательница Гертруда Стайн: «Роза — это роза, это — роза». Дайте этой розе расцвести, и остальное все приложится. Наука будет производить знания, промышленность будет их использовать. Но роза — это нежное растение. Ее нужно поливать, подкармливать, охранять от града и заморозков. Наука тоже нуждается в уходе. Собственно, необходимы два главных условия: полное уважение к научному знанию и профессии ученого и адекватное финансирование.

2010, № 1 (143)

9. «КТО ПРИМЕТ ДИТЯ ВО ИМЯ МОЕ...»?

Интервью об «общем деле»: либо мы будем спасать наших сирот, либо нас ждут социальные потрясения

От редакции

В сегодняшней России немало тяжких проблем: нищета, демографическая ситуация, экономическая отсталость. Но, наверное, самая кровоточащая наша рана — сиротство. Вот лишь несколько цифр. Число детей в России сократилось за последние 15 лет на 11 миллионов человек. В то же самое время количество детей-сирот возрастало у нас на 15 – 20 тысяч человек в год и составило к 2007 году 750 тысяч. Примерно 200 тысяч из этих детей постоянно живут в различных детских учреждениях. Каждый год выявляется более 120 тысяч новых детей, оставшихся без попечения родителей. Кроме того, примерно 200 тысяч детей, официально признанных «детьми-инвалидами», постоянно живут в специальных (коррекционных) школах-интернатах органов образования и в детских домах-интернатах (ДДИ) органов социальной защиты. Примерно 300 тысяч детей-инвалидов вообще не получают образования. Наиболее трагична судьба 29 тысяч детей-инвалидов — воспитанников социальных ДДИ, пребывание в которых сродни пожизненному заключению, поскольку те, кто дожил до совершеннолетия, помещаются во взрослые психоневрологические интернаты (ПНИ) уже навсегда.

Ежегодно от домашнего насилия гибнут по данным МВД 2500 детей, 2800 несовершеннолетних кончают с собой, причем основной причиной этих трагедий является насилие дома или в школе. Еще 15 – 20 тысяч подростков ежегодно оказывается за решеткой. Со времен ГУЛага Россия сохраняет мировое первенство по числу детей, находящихся в заключении.

Кажется, достаточно, чтобы остановиться и спросить: что может ожидать нас в ближайшем будущем, если эту тенденцию не остановить? Естественное желание глубже понять, что с нами происходит, поговорить обо всем этом с человеком, знающим проблему изнутри, и стало импульсом, породившим нижеследующее интервью.

Разговор с **Николаем Белоноговым**, одним из создателей и руководителей Центра Творческого Развития «стАРТ» в городе Яхрома, в котором отогревают и учат детей-сирот Московской области, мы попросили прове-

сти на эту острейшую тему нашей российской жизни постоянного автора нашего журнала **Владимира Можегова**.

Ниже мы предлагаем вниманию читателя текст этой беседы, которая началась с разговора о перипетиях повседневной работы Центра, но очень скоро перешла на обсуждение гораздо более широких проблем. По существу, **Николай Белоногов** развертывает здесь перед нами целый проект, охватывающий все пласты общества и позволяющий нащупать реальные пути действительно кардинального решения многих острых социальных проблем, обрушившихся на нашу страну.

I. «Нам просто дана небольшая отсрочка приговора»

— Николай, вы говорите, что ребенок должен жить в семье, что само понятие «детдомовский ребенок» — вопиющее, противоестественное и что детских домов быть не должно в принципе. Но ведь и власть наша сегодня нечто подобное говорит. Обещает, что детских домов у нас скоро не останется. Вы в это верите?

— Очень непростой вопрос. В то, что на высшем уровне есть искреннее желание проблему решить, я верю. Но понимаете, мы ведь в России всегда живем благими намерениями, все время идем к светлому будущему, а настоящее, тем временем, становится все чудовищней. Все благие пожелания вязнут в колесах бюрократической машины.

— Система не желает меняться?

— Конечно. При том еще и дико сопротивляется. Президент, допустим, понимая катастрофичность ситуации, да еще и международное реноме страны, которое подобная ситуация создает, в голос призывает: давайте, наконец, решать проблему, перепрофилировать детские дома в «Центры по усыновлению» и т. д. В думских комитетах начинают с энтузиазмом строчить закон. И что же? Это длится бесконечно, и когда, наконец, после очередного рявканья сверху, закон готов, все изначальные предложения оказываются перевернуты в нем с ног на голову, перекрыты все выходы. Так случилось с законом о патронате, который практически патронат убил.

— Это, извините за исторические аллюзии, «глупость или измена»?

— Это система. И она отчаянно не желает меняться. На всех уровнях блокируют всякую инициативу — и снизу и сверху. В думских комитетах заседает системное лобби, а министерства и ведомства остаются при этом преспокойны и бесконтрольны: сами пишут себе законы, сами себя проверяют, сами перед собой отчитываются. И все остается замечательным, как

всегда. Правда, детских домов в некоторых регионах уже катастрофически не хватает от наплыва все новых сирот.

— И что же, никакой надежды на изменения?

— Почему же? Жизнь — это движение. Отсутствие изменений есть констатация смерти. Изменения произойдут, так или иначе. Вопрос — каким путем? Либо система окончательно закостенеет и, как это у нас в России случается, будет взорвана изнутри, либо найдет в себе силы меняться эволюционным путем.

— А какие-то живые элементы внутри самой системы есть?

— Конечно. Только на живых элементах она и может держаться. Другое дело, что каждый ее живой элемент вынужден тащить на себя чудовищный костяк системы. Что такое хороший детский дом? Это, прежде всего, хороший директор — личность, человек на своем месте. И таких не так мало. Но им приходится работать скорее вопреки, преодолевая общий вектор системы личным, на самом деле, подвигом. Они тащат на себе всю систему как свой, прямо скажем, крест. И все тысячи бюрократов, которые их душат, на них же и едут. Но так, в сущности, было всегда, от начала века...

— То есть «магистральный вектор» системы не верен?

— Да. Человек как таковой, вот этот ребенок-сирота, ее совершенно не интересует. Ее интересует лишь собственное выживание. А дети — топливо, на котором она работает. И знаете, что сегодня происходит? Выпускники детских домов, вот эти выросшие сироты, сегодня рожают своих детей и этих детей снова отправляют в ту же систему. Они ведь ничего другого не знают. Это для них единственная модель жизни. То есть система дошла до какой-то точки своего развития и начала воспроизводить сама себя! А ведь государство тратит на ее функционирование гигантские деньги, до 60 тысяч рублей ежемесячно на каждого ребенка. И огромному количеству чиновников выгодно, чтобы она работала. И это только верхушка айсберга. Только самый яркий симптом, тревожная кнопка...

— А что же в глубине?

— Понимаете, тут все настолько символично, это же наша история... Система детдомов ровесница советского государства. Первые ее насельники — те самые беспризорники, дети еще Первой мировой. Потом сюда влились дети гражданской войны, следом — дети «врагов народа». Система росла вместе со страной, отражая все этапы, всю без прикрас ее правду. Это такое ясное зеркало того, что мы сотворили со своей страной... И вот результаты:

всего 10% выпускников системы детдомов-интернатов более-менее социализируются, остальные опускаются на дно, пополняют притоны, криминальные группы, тюрьмы.

— В нашем обществе в целом именно такое отношение к детдомовским детям, как к бандитам, как раз и складывается...

— Ну да: «дети алкоголиков», «плохая наследственность»... Очень живучий и распространенный миф. И очень коварный. Потому что, во-первых, очень похож на правду. Но правда эта очень удобная, не так ли? «Ну что вы хотите, они же бандиты!» И это очень удобно, причем сразу всем: и работникам системы, и обществу — чтоб оправдаться. А по сути мы просто отворачиваемся от этих детей. А потом смотрим по сторонам и думаем: что-то не так с нашей реальностью...

— В нацистской Германии сумасшедших, инвалидов умерщвляли реально. Мы это делаем, как сказал бы Венечка Ерофеев, «идеально», в уме...

— Но параллели напрашиваются. Да и не так уж «идеально», на самом деле. Хотите антиутопию из нашей сегодняшней реальности? Государство, как вы, может быть, знаете, обязывает себя выделять сиротам, выходящим из детдома, квартиры. И, конечно, отчасти свой закон выполняет. На какой-то процент ответственности какой-то процент квартир все-таки выделяет. И эта недвижимость тут же, естественно, становится предметом бизнеса (тоже, конечно, отчасти). Работает схема примерно так: ребенку ставится диагноз, он по выходе из детдома отправляется не на свободу, а в психоневрологический интернат, а полагающаяся ему квартира остается в ведении системы. А ребенок обрекается на пожизненное заключение. Такой вот теневой бизнес. И это только одна грань. Там много вопросов. Почему, например, эти дети в «психушках» доживают лет до тридцати, не больше? Есть и вовсе жуткие сигналы, но говорить об этом невозможно, все слишком глубоко запрятано...

— Ввергает в полное уныние все, что вы говорите...

— А правда, объективно, в том, что поголовное отставание в умственном и нравственном развитии этих детей — прямое следствие недостатка внимания и любви. Дети эти никому не нужны, это «в уме», а в реальности — поголовный аутизм. Потом они выходят «на свободу» и здесь тоже никому не нужны. При том, что и сами совершенно инфантильны, к жизни не приспособлены. Им все детство еду подавали из окошка. Подъем, отбой по звонку — и это практически все знание о жизни. Не удивительно, что, попадая в самостоятельную жизнь, они сразу идут ко дну. Кстати, те 10%, которые в жизни как-то устраиваются, в подавляющем большинстве девоч-

ки, мальчиков — единицы. Для них прямая дорога в тюрьму, откуда они выходят уже сформировавшимися уголовниками. При том, что и милиции повесить «висяк» на детдомовского — милое дело, за него никто не вступится. И для преступного мира детдомовские — лучший материал: бери и лепи что хочешь, по своему образу и подобию...

А по сути мы смотрим в ясное зеркало нашего общества. И если собрать все доступные цифры, сложить все, что мы знаем (а статистика, надо сказать, почти недоступна), то окажется, что из 28 млн. детей в России около 2 млн. находится на грани угрозы жизни и здоровью. То есть около 10% наших детей, что примерно соответствует общему уровню люмпен-среды, то есть людей, находящихся за гранью трезвого разума и нищеты, которых, по оценкам социологов, у нас те же 10 – 15%. Ничего подобного не было ни после Первой, ни после Второй мировой войны. Причем, надо понимать, что 90% сегодняшних сирот — это так называемые *социальные сироты*, т. е. дети, родители которых живы, но либо отказались от своего ребенка, либо были лишены родительских прав. И это не война, не землетрясение, это «нравственный тренд». Нам наплевать не только на своих соседей, но и на членов своей семьи — вот о чем все это говорит... И это — наше общество: духовная яма (то, что осталось, когда «пламенный мотор вынули»). И все, о чем мы говорим, — лишь самый отчаянный симптом. И все мы ходим над этой ямой, совершенно не думая, что в один не очень прекрасный момент все наше сияющее благообразие, все это единство «партии и народа», которое мы так старательно симулируем, может в нее рухнуть...

— Солженицын, описывая сталинскую реальность, говорил, что страна жила в двух измерениях: бравурные марши днем и черные воронки ночью...

— И ничего по сути не изменилось. Мы так и продолжаем жить в двух параллельных мирах. И вся эта система, о которой мы говорим, со всеми ее детскими психушками и прочими прелестями — это, на самом деле, тот же архипелаг ГУЛаг, только более изощренный, насельниками которого стали сегодня уже не взрослые, а дети. И даже те же самые «тройки» продолжают существовать. Правда, теперь это уже не полевые суды, как раньше, а медкомиссии. Но, по сути, — тоже абсолютное беззаконие. Когда детям без всяких оснований ставят диагноз — абсолютно липовый в подавляющем большинстве случаев, лишая их тем самым права на образование, на имущество, на жизнь, в конце концов, отправляя «по этапу» в психушку... А там уже начинаются другие круги ада, потому что система психоневрологических диспансеров — отдельная история (и еще ждущая, наверное, своего Солженицына). И практика эта повсеместна и, естественно, абсолютна антиконституционна. Но попробуйте что-то с этим сделать!

И теперь попробуем осмыслить все это и заглянуть лет на десять вперед. Увидим эту армию выброшенных молодых людей — асоциальных, не получивших никаких нравственных оснований, ничем не обязанных этому

обществу. И бок о бок с ними «армию мертвых», не доживших до тридцати, и всю ее темную энергетику. И все это на фоне стремительно люмпенизирующихся городских низов, спившейся деревни, героиновой наркомании, поразившей молодежь. И это окажется уже не яма, а настоящая мина под обществом — с часовым механизмом, который все тикает, с каждой секундой приближая социальный взрыв...

— ***И никто как будто не желает ничего замечать...***

— Замечать это — слишком некомфортно, я бы сказал. При том, что человеку страшно увидеть себя таким, как он есть. Поэтому и «меня это не касается», «сами виноваты» — большее, на что мы способны. И 80% людей живут так, будто собираются жить вечно. Нам кажется, если сегодня так — так будет всегда. Но это иллюзия, так будет не всегда... Ведь мы же практически единственная страна в мире, где подобная система вообще существует. В Европе очереди выстраиваются за каждым оставшимся без родителей ребенком. В Азии детский дом — понятие вообще немыслимое! Кажется, только где-то в Африке, где уже пятьдесят лет идет гражданская война, что-то такое есть. И сегодня, думается, нам просто дано некоторое время на осмысление. Просто Бог, молча указывая на эти два млн. погибающих душ как на квинтэссенцию наших вековых «свершений», ждет, что мы, может быть, еще придем в себя, что что-то вдруг еще повернется. И все последние двадцать лет, за которые мы так много о себе узнали, — это все время Его терпеливого ожидания — просто небольшая отсрочка приговора.

II. «Государство и общество должны встретиться в самой больной точке...»

— ***Очень печально все, о чем мы с вами говорили до сих пор. Но что же делать?***

— Менять этот «глобальный вектор», менять систему. Либо мы начнем спасать наших сирот, либо они, как наши нераскаянные грехи, «примутся» за нас... И все это, в конце концов, приведет нас к социальным катастрофам.

— ***Карфаген должен быть разрушен?***

— Он и будет разрушен. Вопрос лишь в том, целиком ли мы стали тем самым Карфагеном или еще способны проснуться, ужаснутся самих себя и его от себя отсечь.

Может быть, я не очень удачный пример сейчас приведу, но знаете, как в свое время поступили большевики, которым досталась в наследство огром-

ная старорежимная бюрократическая машина? Большевики, конечно, были людоедами и построили в итоге людоедскую систему. Но они были в то же время идеалистами, понимали, что строят новый мир на обломках старого. И эту полуживую систему, которая еще работала, они оставили до времени — всех этих старорежимных спецов, а сами начали тем временем строить параллельную, с новыми людьми и новыми идеями. Так же, я думаю, нужно поступать и сегодня. Если систему, с ног до головы коррумпированную и замкнутую саму на себя, исправить уже нельзя, пусть она пока крутится. Но надо уже осторожно параллельно начинать создавать что-то новое. И потихоньку выводить из системы детей. Причем власть сама должна дать сигнал к этой «общественной революции». Должна понять, что одно государство без помощи общества справиться с этой проблемой не в силах. Только совместные усилия могут помочь.

— Но государство у нас привычно относится к народу как к недееспособному ребенку...

— Который, в итоге, оказывается без матери и за железными стенами...

— Дело, возможно, в том, что власть просто боится инициативы общества? Боится, что, осознав масштабы коррупции, общество устремится к бунту? И, наверное, боится не напрасно...

— И здесь встает принципиальный вопрос: что перевесит? Страх за свою шкуру или за свою страну? Либо наша команда в конце концов видит, как, спасая нажитое непосильным трудом, она организованно покидает тонущий корабль, либо она до последнего будет этот корабль спасать. Если первое — говорить, собственно, не о чем. Если второе, тогда ей хочешь — не хочешь придется звать на помощь общество и прежде всего активную, сознательную его часть. Других вариантов нет. И вот эта ситуация с детьми — самая болезненная, на самом деле, самый опасный очаг социальной болезни, она же — и самая лучшая точка для такой встречи общества и государства...

— Но и наше гражданское общество не очень, мягко говоря, убедительно. Вот наши правозащитники, весьма озабоченные судьбой Ходорковского. При том, что у нас, помимо Ходорковского, еще десятки, если не сотни тысяч людей гноятся в тюрьмах, посаженные «для плана» за, извините, килограмм апельсинов. Конечно, у них ни денег, ни имени, кому они интересны? Или наши христиане... Казалось бы, кому как не им решать проблему детей-сирот? Но православные больше увлечены геополитикой. Я как-то обратился к редактору одного солидного (не маргинального, подчеркну) православно-патриотического издания с предложением заняться проблемой детей-сирот, и знаете, что он мне ответил? «Мы задницы неграм вытирать не будем»...

— Ну, что такое судьба какого-то подкидыша по сравнению с «мировой революцией», да? Но если вы забудете про подкидыша, вся ваша «мировая революция» превратится в ад... И если бы Петр I в свое время не «вытер задницу» маленькому Ганнибалу, остались бы мы без Пушкина...

А что касается правозащиты, у меня ощущение, что последнее время они увидели проблему. Меня самого недавно приглашали поучаствовать в подобной работе в качестве эксперта. И я обратился к ним с похожим вопросом: говорю, что же вы молчите? А они мне: *так нам же никто этого не говорил, мы даже не в курсе, что такая жуткая картина!* И это очень показательно: страна наша просто не в курсе, что стоит на краю пропасти...

— Вот и мы сейчас и пытаемся ей это объяснить. Но, наверное, не будем дальше углубляться в тему «кто виноват»...

— Достоевский, кажется, исчерпывающе в свое время ответил: виноват здесь каждый, перед всеми, и за всё...

— Да, а уделим больше внимания другому любимому нашему национальному вопросу: так что же все-таки делать?

— Менять вектор. Система должна стать прозрачной для контроля — это главное. И это должно исходить от президента, не меньше. Должны появиться органы федерального и общественного контроля, должно быть тесное сотрудничество в этой области государства и общества, причем «мандаты» должны быть такие, чтобы никто даже не делал попытки не пропустить проверяющих на территорию детского дома, в любое время и без предупреждения. И телефоны доверия из любого места напрямую к контролерам. Чтобы дети знали, что они всегда могут обратиться за помощью и все их сигналы будут услышаны... Но главное — нужно создавать параллельную сеть реабилитационных независимых общественных центров для работы с детьми, попавшими в трудное положение...

— А о проекте перепрофилизации детских домов в «Центры по усыновлению» что вы думаете?

— Зная, что представляют собой наши детдома, думаю без особого оптимизма. Но раз уж по этому пути пошли, вот несколько замечаний. Проект этот что-нибудь даст, только если дирекция будет кровно заинтересована в скорейшем усыновлении детей. Если, допустим, будет введена строго премиальная система оплаты: ребенок усыновлен — получи в кассе, ребенка вернули — вычет из премии, у ребенка снялся диагноз — иди в кассу, получи деньги, дети сдали ЕГЭ — получи премию, закончил институт — получи еще... И с условием, конечно, тесного сотрудничества государства и общества в плане новых методик, инноваций и контроля. Но главное, по-

вторяю, нужно создавать новую, независимую общественную сеть центров реабилитации и социализации детей-сирот, структуру, параллельную существующей, — силами общественных организаций, гражданского общества, при поддержке государства и благотворительных программ бизнеса.

— И что принципиально нового такие центры привнесут?

— Они помогут сделать систему детских домов прозрачной. Та ситуация, когда дети заперты внутри тесного мирка, где они не видят общества, а общество не видит их, — эта ситуация и открывает дорогу злоупотреблениям. Чтобы ситуация начала меняться, общество должно ребенка *реально увидеть*, а для этого его нужно вывести за стены детского дома, хотя бы на пару часов в день, хотя бы на час в неделю.

— И каким образом такие центры могли бы заработать?

— Мы уже давно над этим думаем. Проекты уже написаны. В итоге, конечно, должна появиться широкая единая сеть, тогда заработает и вся программа. Чтобы в каждом районе, в каждом маленьком городе такой реабилитационный центр появился (не очень большой, на самом деле, с минимальными затратами). Пришла группа детдомовская в такой центр — всё, она уже под присмотром общества, ее наблюдают, ее видят: и независимые психологи, и преподаватели, и потенциальные усыновители. И все это — на нейтральной территории, где им всем свободно можно общаться. С детьми здесь будут заниматься обучающими, творческими, реабилитационными программами. Но главное, что общество этих детей уже увидело, и теперь запрятать кого-то в «психушку» — уже проблематично, мухлевать с квартирами — проблематично. Система становится прозрачной. И, выйдя из детдома, ребенок уже не канет, ему уже есть, куда придти. Это не система, это творческие, креативные люди, которые с детьми работают потому, что это им интересно, это дело их жизни. При том, что у нас есть прекрасные специалисты, лучшие в мире. Сегодня они разрозненны, каждый выживает, как может. Я многим показывал наши проекты, и все принимали их с энтузиазмом. И если их собрать, аккумулировать их энергию, создать им настоящее поле деятельности, дать нормальную возможность работать, многое можно сделать.

— А согласятся ли общественники работать вместе с государством?

— Конечно, не надо пытаться втиснуть их в бюрократический аппарат, они должны оставаться свободными. Это принципиально, потому что это — основа гражданского общества. И государство со всем уважением должно к этому отнестись. Должно понимать, что то, чему оно покровительствует, будет таким независимым местом встречи: детей с обществом и общества с

государством... По сути такая сеть должна стать новым центром притяжения, зачатком нового гражданского общества, собирающегося для решения самых тяжелых, болезненных социальных проблем. У государства должно проявиться доверие к обществу, потому что иначе все это с мертвой точки не сдвинуть. Например, сейчас очень трудная проблема обозначилась — повторное сиротство...

— Это когда детей усыновляют, а потом не справляются и возвращают в детдом?

— Да. Когда государство наше для себя сформулировало, наконец, проблему и пошла реклама усыновлений, и дотации приемным родителям стали повышать, детей стали брать больше. И промаявшись, допустим, полгода, — возвращать. Для ребенка это катастрофа полная. Он уже никому верить больше не будет. Чтобы такие вещи предотвратить, нужна школа усыновителей — это насущнейшая проблема. Потому что родителей надо на самом деле обучать не меньше, чем детей. Но система на подобные вызовы реагирует крайне вяло, она слишком инертна. Да и нет здесь таких специалистов. Это особая психология. И чем больше государство будет пытаться что-то с системой сделать, тем больше таких проблем будет возникать, тем чаще система будет показывать свою несостоятельность. А общественники — это пульс нашей жизни, силы быстрого реагирования. Без них не обойтись, если мы хотим переломить ситуацию в принципе. Но, повторяю, вначале должно что-то произойти в плане сознания, должен поменяться «вектор». И общество, и государство должны этим по-настоящему озаботиться, должны осознать уровень проблем и стоящих перед ними задач. По-моему, это очень принципиальный момент. И если власть сегодня этого не поймет и обществу не доверится, снова спрячется от него за спины бюрократии, армии и ОМОНа, боюсь, других надежд у нас уже может и не остаться.

III. Дело Церкви

— А что вы думаете о Церкви и, вообще, о религиозных организациях в принципе? Они могли бы принять деятельное участие в таком деле?

— Они должны были бы стать одним из его ведущих двигателей, по-моему.

— Помню, года три назад один известный архимандрит поднимал вопрос о необходимости церковного национального проекта. Он тогда говорил о восьми миллионах ежегодных абортов в России, — не знаю, насколько верна эта цифра, но она, конечно чудовищна, — и определял этим уровень нашего морального

падения, делая похожие выводы. Что вот как, захлебываясь в крови собственных детей, мы плачем о том, как плохо нам живется... Но потом он увлекся другими совсем вещами, а сейчас, насколько я знаю, занялся проблемой алкоголизма...

— Алкоголизм — тяжкая, конечно, национальная болезнь. И то, что детей нужно оградить от алкоголя, — это все ясно и первостепенно. Но что касается взрослых... Мне кажется, все эти запретительные меры — скорее от отчаяния. Проблема алкоголизма — это ведь на самом деле проблема не алкоголизма вовсе. Людей лишили всякой инициативы, перекрыли им все «дыхательные пути», после чего единственной возможностью самореализации остался алкоголь. Человек пытается заполнить пустоту своей жизни, приглушить боль. Это такой суррогат духовной работы, и что здесь можно изменить запретительными мерами? Это какой-то бесконечный порочный круг — инфантилизм народа, инфантилизм власти... И потом, запрещать — это, все же, дело государства. Дело Церкви — открывать источники милосердия в людях, давать надежду. Не к «алкоголизму» Церковь должна повернуться, а, в первую очередь, к детям...

— Ну а общественники, правозащитники и Церковь смогут работать вместе, как вам кажется?

— Знаете, у всех нас есть огромное количество обид и претензий друг к другу: общественники, правозащитники, государство, Церковь — все сегодня смотрят друг на друга косо. Мы ведь уже добрую сотню лет находимся в состоянии гражданской войны, и результаты у каждого перед глазами. Вот это, мне кажется, нужно осознать и уже смириться с тем, что действовать все равно придется всем вместе. Просто потому что иначе не вытянуть. И все это, наверное, неспроста. То есть, я хочу сказать, что это, возможно, Бог через общий наш грех дает нам такое дело, которое может стать и началом нашего искупления тоже. И при этом еще и общество поможет сплотить. Ведь не мифическому, спущенному сверху «единству» такое под силу, а только чему-то настоящему... А что может быть реальней проблемы, о которой мы сейчас говорим? Здесь, кажется, ни у кого нет двух мнений. Значит, лучшей почвы для совместной работы и сближения не найти. К тому же здесь не друг на друга надо смотреть, а на ребенка, которому требуется помощь.

— Звучит здорово. Но для нас такое сознание скорее нонсенс. Мы привыкли мыслить так: главное — побороть врагов, и тогда-то и будет всем счастье...

— Не будет, потому что изначальный посыл не верен...

— Помню, в начале 90-х Иосиф Бродский, откуда-то из Америки на нас глядя, в одном из интервью говорил, что мы как народ в XX веке пережили не-

что столь ужасное, чего не довелось пережить никому. И, не успев выйти из этого кошмара, спешим высмеять и свое прошлое и настоящее... Хотя, казалось бы, естественное движение — почувствовав связанность общей трагедией, попытаться стать чуть милосерднее друг к другу... Но, наверное, так рассуждать можно только из какого-то другого мира, из Америки. В наших широтах слова эти как-то чудно звучат. Ничего подобного, во всяком случае, от наших батюшек мне слышать не приходилось. В отличие от бесконечных призывов к борьбе и анафем друг другу...

— Это грустно. Но еще печальнее, что христиан и самих-то ничего по-настоящему друг с другом не связывает. Нет ни настоящей общности, ни дела, из которых могла бы эта общность вырасти. Но я все же думаю, что именно Церковь в большей степени должна была бы взять на себя этот крест. И так, спасая других, оживать сама.

— Согласен. Если возрождение страны все-таки начнется, то начаться оно должно с Церкви. Во всяком случае, здесь должны быть заметны какие-то изменения. Ведь Церковь — сердце общества. Но при этом и никого нельзя исключать. Есть такая притча (ее, помню, рассказывал митр. Антоний Сурожский) про человека, который научился магией любви вызывать жизненные силы земли. И вот, купив клочок каменистой почвы, он решил устроить на ней рай. И окутал ее такой любовью, что там произросли всевозможные чудесные растения, сошлись все звери, и только одна лиса отказалась войти. И поначалу этот человек ее всячески уговаривал, а потом подумал: если ее не будет, все звери окажутся соединены в моем раю, — и убил ее. Возвращается на свой участок и видит — все засохло, вымерло, все звери разбежались...

— Да, это точный символ нашей болезни. Да и вся наша культура, литература, если вдуматься, об этом — о маленьком человеке, которого забыли...

— Но какой же все-таки видится вам роль Церкви?

— Ролью матери, какой же еще... Церковь у нас единственная, по сути, массовая общественная организация. Которая и должна подавать пример. Больше некому...

— Думаете, это возможно?

— Честно? Не знаю. Но вот такую историю могу рассказать. В свое время в Румынии была точно такая же ситуация с детскими домами, как у нас. А ведь эта страна очень похожа на Россию — такая же православная, патриархальная, нищая, такой же бесчеловечный режим сорок лет ее тиранил. Но все же, видимо, не так глубоко, как нас, все-таки не семьдесят лет. И вот, когда румынский патриарх обратился к нации и сказал: «*Я не буду прича-*

щаться, пока у нас есть дети-сироты», — это подействовало, и за полгода детей разобрали... Но когда несколько лет назад наш предыдущий патриарх Алексий II посетил Румынию и, воодушевленный ее примером, попытался привлечь внимание к этой проблеме в России, никто его даже не услышал.

— И что с того времени изменилось?

— У наших нынешних президента и патриарха дружеские, как можно судить, отношения. Обоих их влечет волна преобразований. Наверняка у них возникают идеи совместных социальных проектов Церкви и государства. При том, что Церковь у нас единственный, повторяю, организованный общественный институт в стране. Так почему бы им и не попробовать? Может быть, это шанс, который дает нам Господь? При этом мы понимаем прекрасно, что в России ничего иначе и не заработает, без команды с самого верха. То есть оно и с командой, как правило, не работает, но все-таки шанс есть. И если слово такое прозвучит, и прозвучит с силой...

— И вы примерно представляете себе, как такой проект мог бы заработать?

— Мы над этим думаем уже несколько лет. Много всего передумали, и на основе разного положительного и отрицательного опыта сложилась некая схема. Она довольно проста, но я пока не нашел в ней ущерба. В каждом нашем приходе найдется, думаю, одна семья, которая готова была бы заняться воспитанием детей профессионально. (Я бы на месте нашего правительства вообще выплачивал деньги матерям с тремя и более детьми как за работу воспитателей — вот где реальное решение демографической проблемы!) И вот собирается, допустим, собрание прихода, на котором приход решает взять на воспитание ребенка. Вернее, эта семья решает взять на воспитание ребенка, а приход обязуется ей при этом помогать. И вот эта семья берет на воспитание вначале одного ребенка, через год — второго, еще через год — третьего. Но в целом — это все же дети прихода, «сыновья полка». Пять — восемь детей, плюс двое-трое-четверо своих — при условии реальной помощи и поддержки со стороны государства и прихода — это вполне реально для одной такой семьи, и это по-христиански, не правда ли? Важен пример, первый толчок. Получится у одной семьи, таких семей станет много. А у нас в стране порядка двадцати тысяч приходов. Вот вам и реальный духовный авангард и пример для всей страны. И сами церковные приходы, получив в руки настоящее дело, начнут оживать. И отношение в обществе к Церкви, которая сегодня воспринимается как какой-то бюрократический придаток к государству, скоро изменится, если люди увидят реальных практикующих христиан, а не каких-то безумных «хоругвеносцев», требующих *все запретить*. Вот вам реальное миссионерство, без кликушества, без истерии... Простое, тихое и архиважное дело. Абсолютно при этом христианское и абсолютно спасительное.

И я не думаю, что все это потребует каких-то архиусилий, сверхвложений от государства, от Церкви. Просто те деньги, которые государство тратит сегодня на поддержку системы детских домов, пойдут на поддержку приемных семей и реабилитационных центров. Но если все это заработает и страна начнет избавляться от этой чудовищной язвы, сразу, я уверен, начнет сдвигаться с мертвой точки решение многих наших проблем.

Тут вам и православное воспитание, о котором все сегодня говорят, но никто не знает, что это такое. А эти дети — как пластилин: бери и лепи, что хочешь: хочешь — святого, хочешь — бандита. Бандита, конечно, легче. Но вот прямо сейчас, на своих глазах я наблюдаю такой пример. Семья в нашем центре усыновила парня, уже взрослого, тринадцати лет (у нас же, в нашем центре они и познакомились). У этой семьи было масса своих проблем и между супругами, и с собственными детьми. А сейчас мать ходит счастливая — в семье все наладилось, и она сама не понимает, как и почему. А я ей говорю: так вы же ангела взяли в дом. Вот это, по-моему, и есть настоящая христианская революция. И все это в наших руках: выпустить на свободу Дух святой, запертый сегодня в стенах этих «гулагов». Сумеем — и хлынут на наш народ потоки благодати...

И мне, честно говоря, удивительна наша индифферентность. Православные с удовольствием слушают рассказы о старцах, о чудесах. Но лишь только речь заходит о реальном деле, впадают в прострацию. Боятся маломальски самостоятельного шага, взрослого поступка. Но ведь сам Христос в Евангелии связывает Себя с каждым больным, заключенным, ребенком, попавшим в беду, и говорит: кто примет такое дитя, тот примет и Его Самого, и Отца, и тут же, на земле сделается участником Царства Небесного. Это ведь самые азы, даже варварам это было понятно, даже их потрясали и во мгновение ока делали из них христиан эти строки: «*кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает*»...

2009, № 4 (142)

10. АЛЕКСАНДР ПУМПЯНСКИЙ
Дело Ходорковского 2

Судья Данилкин мог войти в историю.

Вынеси он правосудный приговор, — и это было бы доказательством того, что в России 2010 года есть независимый если не суд, то судья. Пусть даже один. Мы бы скоро убедились в том, что это совсем немало. Мы даже не подозреваем, как общество жаждет такого примера — суда по совести, без оглядки на власть. Глоток живой воды способен творить чудеса. [...]

1. Процесс без звука

...Что-то происходит с Хамовническим судом. В четверг 12 августа довольно поздно вечером заседание еще продолжалось. А в пятницу, когда мы в 10.31 поднялись к залу № 7, двери его уже были закрыты. Кажется, они торопятся. Где-то в полях созрел приговор?

«Не страшно, — попытался я утешить Сергея Адамовича Ковалева, обескураженного необычайной точностью суда, — на втором этаже есть комната для прессы с трансляцией, где все хорошо слышно и видно».

Но нас ждала еще одна неожиданность. Комната для прессы с тремя телевизорами в ряд оказалась разгорожена пустыми стеллажами. Два телевизора без звука транслировали процесс, по третьему на полную громкость шел совсем другой сериал. За загородкой вольготно устроились свободные от вахты приставы. «Нельзя ли включить звук?», — попросил я. «Как я его вам включу!» — агрессивно ответил крепкий парень в черной форме с вокитоки в руках. «Спросите начальство», — посоветовал я. «Как вам его включит начальство, — стоял на своем пристав, — когда звука нет уже неделю!»

[...] В этот день обсуждался вопрос исключительно принципиальный, тем более что он принципиально не влиял на судьбу обвиняемых, — новое продление их пребывания под стражей, с очередным ходатайством чего выступила сторона обвинения. Что а) противозаконно: только что по инициативе президента Медведева была принята норма закона, запрещающая применение ареста в качестве меры пресечения к обвиняемым в преступлениях в сфере предпринимательской деятельности; и б) бессмысленно: отбывающие первый срок Ходорковский и Лебедев и без того под стражей. Хотя свои

тонкости есть и в кулачном праве: новое продление означало ограничение прогулок и отсечение встреч.

[...] Все так же без звука говорил адвокат Клювгант. Затем слово было предоставлено Ходорковскому [...] Физически это выглядит так. В стеклянно-стальном аквариуме на двоих он подходит к щели, где установлен микрофон, и говорит, словно в щель. Из этой щели сидящим в зале как бы и доносится его голос. Глуховатым тихим голосом Ходорковский говорил именно это: ваша честь, закон должен соблюдаться, нельзя допустить, чтобы закон так откровенно игнорировали, а судом так нагло манипулировали. Вам надо оставить нас в СИЗО, — так подумайте хотя бы о том, как сделать это, не нарушая закон...

Следом место у щели занял Платон Лебедев: здесь в этом суде и с этим судом проводится эксперимент по особо наглому манкированию законом и манипулированию из-за кулис, беззастенчивым орудием чего и являются прокуроры, представляющие обвинение. Та сторона не способна доказать свое выдуманное абсурдное обвинение, ее аргументы облыжны либо подложны. Она не останавливается перед прямым нарушением законов. Вы не можете не видеть этого, ваша честь...

Я поймал себя на кощунственной мысли, что в который раз в этом зале являюсь свидетелем потрясающего хэппенинга — торжества свободной мысли. После того, чему мы были свидетелями все эти последние годы, нет сомнений, что если наше бизнес-сообщество родило две по-настоящему крупные независимые личности, которых обществу стоит послушать, то это Ходорковский и Лебедев. И их приводят к микрофону в наручниках.

Скороговоркой судья Данилкин распустил суд до «приблизительно 11 часов в понедельник», а я подумал, что в этот горячий сезон, когда русское политическое поле окончательно превращено в выжженную землю, одно место, где можно встретить высший пилотаж социальной мысли, а не водяные бочки политического пиара, у нас, все-таки, осталось. Это Хамовнический суд. Странное, конечно, место, но уж какое есть.

А следом пришла другая мысль. Как же надо бояться любой конкуренции и, прежде всего, интеллектуальной, чтобы свести полемическое ристалище к щели аквариума. И как надо не уважать все вокруг [...]

В понедельник обстоятельство непреодолимой силы явно не рассеялось, как смог. Ходатайство прокурора Лахтина о продлении срока пребывания под стражей было утверждено без звука.

Так выглядел этот день. От других дней второго процесса, тянувшегося год и восемь месяцев, он отличался деталями процедуры, но не давящей атмосферой обвинения и не вольным духом двух людей в железной клетке.

2. Составь преступление!

Наглядности ради напомним. Первое дело было «чисто налоговое». Даже политика, которой в нем совершенно не было, была тоже чисто на-

логовая: олигархи, платите налоги и спите спокойно! Ради этой чистой цели Мещанский суд с подачи следствия впаял ЮКОСу недоплату налогов на сумму в 30 миллиардов долларов, компанию отписали в казну для дальнейшего распила ее особо доверенными казнохранами, а Ходорковский и Лебедев налегке сели на восемь лет. Такова предъявленная обществу легальная логика первого процесса. Неважно, что ЮКОС был крупнейшим налогоплательщиком — до 4% бюджета страны, уступая порой по этому показателю лишь «Газпрому». Шесть лет спустя, когда забрезжило окончание срока, выяснилось, что налоги не при чем. То же следствие на том же материале выдвинуло Ходорковскому и Лебедеву другое обвинение — хищение в составе организованной группы нефти на сумму в 45 миллиардов долларов. Это и стало содержанием второго процесса.

Первое, что бросалось в глаза, — гротескность обвинения. Ходорковский, Лебедев и организованная группа похитили не ведро, не цистерну, не эшелон или танкерный флот нефти. Они, якобы, похитили всю нефть, добытую ЮКОСовскими компаниями, и ни каплей меньше. Как они это сделали? Врезались в трубу? Умыкнули саму трубу со всем ее текущим содержимым за данные годы? Куда они, интересно, ее дели? Между прочим, эта труба монопольно государственная, оперируется госкомпанией «Транснефть». В нее вливалась нефть и других компаний, там внутри она текла и течет до сих пор единой рекой — неразлей-нефть. Так что для того, чтобы украсть свою нефть, нужно было сначала отделить ее, скажем, от нефти «Лукойла» и прочей нефти. Но как? Раскопай следствие это удивительное ноу-хау — и ему стоило бы поставить памятник. Но нет, памятника (во всяком случае — за это) следствие не заслужило. Да и сама труба вроде бы на месте — лежит, не шелохнувшись, как бы над ней ни колдовала «организованная группа».

На этом своем тезисе — хищение всей добытой нефти — обвинение стояло как скала в течение всего процесса. Но к концу дрогнуло. Когда пришла пора окончательно сформулировать обвинительное заключение, появилась поправка. Оказывается, организованная группа похитила не всю нефть (350 миллионов тонн), а только ту ее часть, которая пошла на экспорт (220 миллионов тонн). Чем ввергла в не меньшее изумление. А в чем природа этого трюка? Как удалось отделить экспортную нефть от той, что шла на страну? На вкус и цвет они неразличимы, и вообще в трубе это одно и то же...

Не доказав даже, что инкриминируемое преступление ***физически*** возможно, следствие героически посягнуло на то, что невозможно уже ***юридически***. Обвинение № 2, предъявленное в Хамовническом суде (второй процесс), вошло в неразрешимое противоречие с обвинением № 1, отлитым в приговор Мещанского суда (первый процесс). Потому что нельзя недоплатить налоги с того, что украдено. Так же как нельзя украсть то, с чего плачены налоги (недо- или полностью — в данном случае значения не имеет). Не говоря уже о том, что нельзя за один и тот же состав преступления судить дважды.

Выясняется, что можно. Если нужно. И никакой закон не указ. И нормы международного правосудия не указ. И вообще ничто не указ, когда есть политический заказ и приказ.

Прокурорские — все как на подбор в полковничьих погонах. Их поведение заслуживает отдельной статьи.

Язык, на котором они изъясняются, неизвестный, но точно не русский. Казенный до невозможности, намеренно грубый новояз. Дескать, с нами разговор короткий... Это не язык дискуссии, когда нужно доказать свою правоту. Это язык подавления, язык команды, подлежащей исполнению любой ценой. Неважно, что его не принимает публика, даже судья порой его не понимает...

Дни напролет сменяя друг друга, прокурорская команда зачитывала какие-то документы — ЮКОСовские контракты, финансовые распоряжения — глотая слова, путаясь в цифрах. «Объясните, зачем вы это делаете? — тщетно взывал судья. — Что вы хотите этим сказать?» «Когда надо будет, объясним», — отмахивался прокурор и продолжал бубнить как ни в чем не бывало. Состязательность процесса предполагает убеждение суда, публики, — на то и публичный процесс. Но королей бубнения, похоже, это не волновало вовсе.

Откровенная глупость их нимало не смущала. Мало того, что они отводили всех свидетелей защиты, они пытались отвести даже переводчика. Усомнившись в квалификации Юрия Сомова, синхрониста с 30-летним стажем, который переводил и Рейгана, и Путина, прокурор Лахтин задал ему вопрос в лоб: «В чьих интересах вы переводите?» И получил ответ: «В интересах русского языка».

Невольным украшением фирменного прокурорского стиля были ляпы. Фантасмагорические ляпы! Занизить стоимость компании в миллион раз... — раз плюнуть. Этим отметились и прокурор Шохин, и прокурор Ибрагимова. Рекорд принадлежит, однако, следователю Каримову, который инкриминировал Ходорковскому с Лебедевым хищение 60 триллионов долларов — именно эта цифра красовалась на сайте Генпрокуратуры. Впрочем, что́ считать рекордом. Когда прокурор Лахтин слово Oil (нефть по-английски, вообще-то ключевое на этом процессе) прочитал как 0:1, зал грохнул и долго не мог успокоиться. С этой поры Платон Лебедев будет именовать его не иначе, как «всемирно известным нефтяником». С того — как с гуся вода.

Эту манеру — предельно затемнять омут — адвокат Каринна Москаленко охарактеризовала следующим образом:

> [...] Обвинение уклоняется от обязанности разъяснить существо предъявленного обвинения. Обвинение упорно не отвечало на конкретные вопросы по сути предъявленных обвинений. В итоге наши подзащитные были вынуждены защищаться от всех возможных версий обвинения, столь лукаво разлитых по всему семитомному обвинительному заключению. [...]

Действительно, а что именно похитили злостные ЮКОСовские похитители? И каким образом? Это самый первый, очевидный и основополагающий вопрос. Без четкого определения предмета и способа хищения весь процесс становится каким-то жидким, превращается в бессмыслицу.

Ходорковский, пройдясь по обвинению, обнаружил целый букет вариантов.

Версии предмета хищения:

— нефть (на многих страницах обвинительного заключения) — это вещество, жидкость, которую можно украсть, переместить и что-то еще, как сказала уважаемая г-жа Ибрагимова в прениях и с чем я абсолютно согласен;

— право собственности на нефть — имущественное право, которое перенести и украсть нельзя, тем не менее в обвинительном заключении оно упоминается минимум четыре раза;

— нефтепродукты... — это вообще вещество, полученное в результате использования нефти в технологическом процессе;

— нефтедóбыча (по крайней мере дважды встречается и, к слову, в прениях повторено) — это вообще процесс извлечения сырья из недр;

— денежные средства, то есть выручка от реализации нефти и нефтепродуктов, упоминаются минимум пять раз.

Версии способа хищения:

— изъято — трижды говорится (и одновременно говорится, что отгружено непосредственно производителем и поступило потребителям);

— переводом на баланс — минимум пять раз (бухгалтерский баланс составляется как минимум через месяц, а то и через три, если говорить про годовые балансы, приведенные в качестве доказательств, после того как нефть использована на НПЗ);

— по договору — много раз (однако договор — это соглашение двух юридических лиц, заключаемое до того, как нефть добыта);

— под видом договора (четыре раза нашел) — не понятно, как, но не по договору. [...]

Столь навороченное предложение обычно предъявляют заказчику товара: выбирай, дорогой покупатель, что тебе больше по вкусу. Обвинение, представленное в суде, не опцион, оно должно быть абсолютно недвусмысленным.

Что это — неграмотность прокурорской стороны или остаточные следы подготовительного версификаторства?

По-видимому, и то и другое. Вместо состава преступления — эдакая игра в «Составь преступление!»

3. Как дело делается

Механика дела Ходорковского, на которое были брошены лучшие силы Генпрокуратуры, вышла наружу. Более важных преступлений в стране, ви-

димо, не было. Мощная целевая группа годами, не покладая рук, разрабатывала версии всевозможных обвинений, которые бы удовлетворяли привередливости высшего госзаказа. Высшего — в том смысле, что он поступил с самого верха, и в том, что он требовал неких высших мер наказания. Так родилось первое дело. Оно полностью соответствовало заданным параметрам: все отнять, расплющить неугодного олигарха в слякоть. Отняли, расплющили... Но вот незадача: бывший олигарх оказался не слякотью... Творческая работа по уничтожению неугодного закипела с новой яростью. Обвинения на любой вкус, чего изволите? И весь прилавок вывалили во второй процесс.

[...] Адвокат Вадим Клювгант проанализировал по-своему титаническую работу следственно-прокурорских органов:

По нашим подсчетам, над фальшивкой под названием «дело ЮКОСа» работали и продолжают работать поныне в общей сложности не менее восьмидесяти следователей. Мы считаем, что страна должна знать своих «героев», хотя бы основных.

Особая лидерская роль в расправе принадлежит генералу Каримову из Генеральной прокуратуры. Руководителями следственной группы, помимо Каримова, в разное время являлись Туманов, Безуглый, Хатыпов, Дрыманов, Алышев, членами следственной группы — Русанова, Ганиев, Ибиев, Иоган, Тютюник, Михайлов, Акимов и ряд других. [...]

Так называемое материнское, оно же «основное», дело № 18/41-03 было возбуждено 20.06.2003 и расследуется до сих пор... По имеющимся у защиты сведениям, срок следствия по нему составил уже около 112 месяцев, и... его расследование продолжается.

Первое известное нам упоминание о том, что в отношении Ходорковского существует некое уголовное дело по «отмыванию денег», восходит к 15.08.2003... Ходорковский еще на свободе, и никаких криминальных претензий ему не предъявлялось. Лебедев, хотя и арестован за месяц до этого, но совсем по другому обвинению, в котором про отмывание денег не было ни слова. А в Швейцарию летит запрос Генпрокуратуры об оказании правовой помощи «в отношении дела Ходорковского по отмыванию денег». Самим же Ходорковскому, Лебедеву и их защитникам об этом стало известно только весной 2007 года, то есть через четыре года почти, при ознакомлении с материалами якобы законченного расследованием дела, вот этого. Так все начиналось с большого, системного и многоуровневого притворства и фальсификаций. Так и продолжается до сих пор: говорят одно, пишут другое, на уме же третье, и главное, — расправа любой ценой! Факты подтасованы, подогнаны под нужную цель или просто придуманы.

В январе 2004 года Каримов снова пишет, уже на Кипр, про «*...**оргруппу лиц, в которую входят Ходорковский, Лебедев и другие лица... “отмывают” денежные средства**, незаконно полученные на территории России*»... Обвинение в этот момент уже предъявлено, но никакого отмывания в нем нет. Одновременно, 21.01.2004, тот же Каримов выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого Невзлина Л. Б., в котором

пишет: «*Невзлин... **в составе орггруппы, в которую входили... Ходорковский М. Б.,** <...> завладел акциями ОАО "Томскнефть" и ОАО "Ачинский НПЗ"*»... [...] Ходорковский узнал о том, что он обвиняется в совершении этого притворного преступления с акциями только в феврале 2007 года — через три с лишним года. Лебедев же в составе притворной орггруппы... впервые упомянут только в момент предъявления ему обвинения в том же феврале 2007 года, когда его назначили на роль похитителя вместо совсем другого лица.

Дальше — больше. Постановление Безуглого от 21.06.2004 все по тому же бездонно-безразмерному делу 41-03: «*орггруппа под руководством Ходорковского М. Б., в которую входили ...Лебедев П. Л, похитили денежные средства, полученные от реализации нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий ОАО "НК 'ЮКОС'", которые ... затем "отмывались" в легальный бизнес*» [...] И тоже в 2004 году — за три года до предъявления этого обвинения. Но заметьте, в тот момент, когда Ходорковский с Лебедевым пытаются в Мещанском суде защищаться совсем от другого обвинения, связанного с той же нефтью, но несовместимого ни с хищением, ни с отмыванием!

В июне 2004 года первое дело направляется в суд, и притворщикам нужно было сделать вид, что следствие закончено. Поэтому фамилии Ходорковского и Лебедева из документов следствия исчезают, вместо них появляются «*неустановленные следствием руководители ОАО "НК 'ЮКОС'"*». Руководителями ЮКОСа являлись, помимо самого Ходорковского, его заместители, в разное время — разные. Ходорковский очень подробно об этом рассказывал суду дважды. Так что никаких «неустановленных руководителей» ЮКОСа быть, разумеется, не могло. Но для притворного обвинения это удобная находка — вместо имен писать про «неустановленных руководителей». Это сначала позволило не доказывать ничьи действия и ничью вину, а потом каждый раз, когда нужно, заявлять, что всюду имелись в виду и Ходорковский с Лебедевым, и любые другие из списка...

[...] Каков же результат этой колоссальной активности целой следственно-прокурорской армии? Гора родила не просто мышь, мышь-уродца. Одно большое притворство, необходимое для прикрытия фальсификаций и истинной цели расправы, — вот и весь их результат. Как притворная сделка прикрывает собой другие, истинные, намерения ее сторон, так притворным доказыванием притворной вины заведомо невиновных обвиняемых и притворного ущерба притворным потерпевшим пытаются прикрыть истинное намерение — сломать жизнь людям, заранее назначенным преступниками, любой ценой не дать им выйти на свободу.

Адвокат Каринна Москаленко дала квалификацию этой методе:

В деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона. Собирание доказательств в период расследования уголовного дела сторона обвинения подменила копированием выгодных ей материалов «иных» дел. Все представленные стороной обвинения по рассматриваемому делу доказательства, собранные как до, так и после 3 февраля 2007 года являются недопустимыми.

Политический заказ, в котором уже содержится приговор. Обвинение, свободное от законов логики, необходимости доказывать свою позицию, не противоречить фактам и самим себе... Вам эта парадигма ничего не напоминает? Конечно, нет былой скорострельности внесудебных троек и завидной простоты выбивания царицы доказательств с помощью пыток. Однако в принципе стиль и методы прокуратуры, как и ее назначение, мало изменились с советских времен. Это орган приказного права, ориентированный на карательные цели. Дела не расследуются, они создаются. Если надо, обстоятельства подгоняются, фальсифицируются, сочиняются под требуемый приговор.

4. Встретились гласность и 1937 год

Столу с четверкой голубых мундиров в полковничьих эполетах противостоял стол адвокатов, которые и не думали тушеваться перед прокурорским напором. Хорошо образованные, эрудированные в разных областях права, уверенные в своей правоте, с острой реакцией. Не смущаясь Власти, они апеллировали к Праву. Отстаивали факты, настаивали на нормах и вообще вели себя так, как если бы дело слушалось не в Москве, а в Стокгольме. Любой фальшак тут же выволакивался на свет, все белые нитки, которыми шито дело, наглядно распутывались. Сочетание обвинений на двух процессах называли «околесицей о мирном сосуществовании налоговых правонарушений и хищений». Ретивых следователей могли запросто окрестить наперсточниками. О Европейском Суде напоминать не стеснялись.

В зале № 7 Хамовнического суда, вмещающем от силы несколько десятков человек, словно сошлись лицом к лицу две эпохи. Гласность и 1937 год. И оттого, что эти реальности совершенно не совмещаются, как топор и интернет, казенный сценарий трагедии с позором провалился. Точнее сказать, он проваливался каждый раз заново, на каждом заседании, каждый день, что шел процесс. То, что должно было быть страшным, становилось смешно, не переставая быть отвратительным.

Главными действующими лицами процесса были двое обвиняемых. Скованные одной цепью — буквально (их приводили и уводили в зал суда в наручниках, прикованными друг к другу), запертые в одну клетку, они стали как бы двумя половинами единой личности. И эта двуединая личность коллег и друзей, сиамских кандальников, побратимов неправедной судьбы притягивала, как магнит.

[...] Все внимание было на железную клетку — стальной аквариум, за пуленепробиваемым стеклом которого на наших глазах проживали свою жизнь эти два такие разные человека с одинаково бледными лицами: многие месяцы они не видели солнца. Один — как ртуть, всегда готовый к рукопашному бою. Никакой нюанс происходящего не проскочит мимо него, ни единое слово обвинителей или реплика судьи. Тут же следует саркастиче-

ский запрос, жесткое заявление, протест — в десятку. Платон Лебедев — это реактор, от которого всегда жди взрыва. Полная противоположность ему Михаил Ходорковский — всегда спокойный, погруженный в свои записи и мысли. Он поднимает голос реже, говорит тихо, но не услышать его невозможно. Разные темпераменты и ролевые функции, и совершенно неотразимый дуэт. Глубина и безупречная эрудиция, в том числе юридическая, само собой. Но тут еще все краски живой человеческой речи — юмор, пафос, убийственный сарказм.

Лексика Платона Лебедева предельно резка. На грани фола, сказали бы в приличном обществе. Но он и не старается сделать вид, что находится в приличном обществе. Обращаясь к своим гонителям, он не выбирает выражений. Или наоборот: он их выбирает с особой тщательностью. На любой вопрос следует прямой ответ. Из интервью:

— Как вы относитесь к действиям власти в отношении юристов ЮКОСа Василия Алексаняна и Светланы Бахминой?

— ...Это бесчеловечно в XXI веке, это возврат к гестапо. На этих безвинных людях «шпана» тренируется и, возможно, готовит себя к новым «подвигам»...

— Как вы можете охарактеризовать сегодняшний политический строй в России?

— ...у нас сейчас правящий режим похож на режим политической и уголовной шпаны...

— Почему власть так опасается вашего освобождения и пытается сфабриковать новое обвинение?

— ...В том числе потому, что меняться местами не хочет...

«Платон мне друг, но...»

Но попробуем проникнуть в *логику обвинения* — «без гнева и пристрастия».

5. Что им вменялось

Как все-таки осуществлялось, по представлению прокуратуры, это грандиозное преступление, хищение всей ЮКОСовской нефти?

Прежде всего, она не ЮКОСовская, утверждает обвинение. А чья? Тех, кто ее добыл! «Юганскнефтегаз» и другие добывающие компании извлекли ее из недр земли, и потому вся выручка, полученная от конечной продажи ее по мировым ценам (цена Роттердамской нефтяной биржи), должна принадлежать им и никому иному. **Иное распределение прибыли — и есть то, что фактически инкриминируется Ходорковскому, Лебедеву и *организованной группе* и квалифицируется как хищение**.

Формальная логика немедленно начинает брыкаться, как норовистая лошадь. Даже если это так, то как можно говорить о «хищении всей нефти»?

В крайнем случае — об отчуждении части прибыли... Но приструним логику, даже если для этого придется огреть ее кнутом.

Как выглядело движение нефти от вышки до Роттердамской вешки — физически и финансово — экономически?

«Юганскнефтегаз» и другие компании ее добывали и доставляли до трубы «Транснефти», по которой она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом) или до портовых терминалов, где перегружалась на танкеры, на которых она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом). Хотя нефтяной бизнес не принадлежит к числу высокотехнологических, приходится решать транспортные, логистические, торгово-финансовые задачи — заключить оптимальные договора на продажу и на прокачку, заплатить налоги, уплатить экспортные пошлины и т. д. В вертикально-интегрированной компании ЮКОС (как и в любой другой — частной или государственной) это обеспечивали профильные фирмы.

Каждый занимался своим делом. Добытчики добывали и добытую нефть продавали ЮКОСу для дальнейших операций. Законная ли это операция? Настолько, что это даже подтверждено судом. Предыдущим — Басманным. Тот постановил, что ЮКОС — *как законный собственник всей купленной у компаний-добытчиков нефти* — недоплатил налоги.

Доплатил или не доплатил — другая тема. Но то, что он добросовестный покупатель и законный владелец, суд зафиксировал черным по белому.

По какой цене покупал ЮКОС нефть у своих добытчиков? По средней цене, которая складывалась в местах добычи (общепринятая практика). Реально это означало для компаний-добытчиков работу с заметной прибылью, обеспечивающей расширенное производство (самое динамичное в стране) и приличные зарплаты. Производством нефтепродуктов, маркетингом, сбытом занимались другие ЮКОСовские фирмы. ЮКОС в этом сложном организме был мозгом или, если хотите, Госпланом.

[...] **Все эти транзакции и управленческие решения принимались в рамках одной системы. Все компании — добывающие, производственные, инфраструктурные, торгово-сбытовые — принадлежали ЮКОСу (стопроцентные «дочки»), и Ходорковский был его основным владельцем.**

Суд может объявить эту практику вне закона. Без сомнения. Но только в одном случае. Если первым пунктом своего высокого решения заявит: «Суд постановил, что на территории, ему подведомственной (бывший СССР, РФ, Москва и Московская область или хотя бы Хамовническая округа), право частной собственности, ошибочно полагавшееся священным, вновь объявляется преступным». В последнем случае Хамовники придется объявить еще и офшором.

Пора предоставить слово самому Ходорковскому. Почитайте. [...]

Ваша честь, я буду исходить из обвинения в том, что я похитил всю нефть. Как звучало первичное обвинение: «*Похищено 350 миллионов тонн нефти*». Сделана корректировка: «*Похищено 218 миллионов тонн нефти*».

Как могла пропасть вся нефть, передаваемая производителем в государственную трубопроводную монополию, да так, чтобы десять лет этого никто не заметил?

[...] Вся нефть ЮКОСа — это 20% общероссийской добычи. Это железнодорожный состав, трижды огибающий землю по экватору. После корректировки — дважды, если это кажется более реалистичным. Что с этим делать суду? Сказать: «*Да, похищено*»? Как?

У нас пока — включая прения — одни отрицания. Что они говорили? «Не канистрами», «не бочками», «не по договорам». А как? Ответа нет. Никаких практических действий, которыми можно было бы похитить нефть, не названо. Куда дели? Ответа нет.

Каким образом столько лет скрывали от 150 тысяч сотрудников компании, от отраслевых аналитиков, от аудиторов, от Минобороны, ФСБ, прокуратуры, МВД, которые покупали топливо, изготовленное из этой нефти? Причем миллионы тонн.

Откуда у ЮКОСа огромная выручка — 55 миллиардов долларов (она, к слову, равна по цене произведенной и проданной нефти)? Откуда эта выручка, если нефть похищена?!

Почему с ЮКОСа истребовали дополнительно более 30 миллиардов долларов налогов, если нефть похищена? Как смогли получить с ЮКОСа эти налоги, если все похищено?

[...] В любом суде, руководствующемся презумпцией невиновности, отсутствие в обвинительном заключении ответов на такие простые и очевидные вопросы означает полное оправдание.

Это фрагмент из выступления Ходорковского в Хамовническом суде.

Кажется, иногда подсудимые просто развлекались.

[...] В один прекрасный момент из-под стола защиты были торжественно извлечены две банки — литровая с черной маслянистой нефтью и трехлитровая с черно-прозрачной скважинной жидкостью. Обвинение постоянно занимается фокусами с «объектом хищения», подменяя понятия: в одних случаях это «нефть», в других — «право собственности». Но пусть тогда оно скажет, как именно совершалось хищение. Ведь это совершенно разные действия! Право собственности передается по договору — без передачи самой нефти. Его не нужно ни переливать, ни перекачать. Посмотрите, как это делается, ваша честь!

Прямо в суде Ходорковский и защитник заключают сделку: один продает другому права собственности на этот самый литр нефти, при этом сама банка остается на столе...

[...] Недовольный судья распорядился прекратить «пожароопасный эксперимент». Приставы забрали банку и вынесли из зала. Зал рассмеялся: вот теперь произошло физическое «хищение нефти», «собственник» остался с пустой распиской. Приставы логично довершили презентацию.

Приговор по этому эпизоду судья вынес немедленно. Судебным приставам и администратору суда был объявлен выговор за то, что пропустили в суд банки с «горючим».

Еще одно выступление Ходорковского:

Обвинение утверждает, что нефть у «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти» похищена. Похититель я. Законный собственник нефти в период совершения преступления — «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть». В то же время существует шестьдесят одно судебное решение, где установлено, что нефть у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефти» куплена. Куплена ЮКОСом. Собственник ЮКОС. Законный. Незаконных собственников не бывает. Собственник ЮКОС или действующие в его интересах торговые «дочки». Именно данное фактическое обстоятельство, что ЮКОС собственник нефти, оно не проходное, оно не просто так установлено судами, послужило основанием ряда выводов этих судебных инстанций на общую сумму более тридцати миллиардов долларов, заплаченных в бюджет.

Кроме этих более пятидесяти судебных решений существует аналогичная позиция РФ в Страсбурге и в Гааге. Там тоже утверждается, что «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Томскнефть» продали, ЮКОС купил, должен был налоги заплатить, именно в связи с этим его обанкротили...

Предлагаю государственному обвинению продемонстрировать свою последовательность — показать, что господин Чайка, наш уважаемый генеральный прокурор, понимает последствия того, что предлагается сделать в Хамовническом суде, и публично берет ответственность на себя. Чтобы потом Хамовнический суд не склоняли как образец наряду с некоторыми другими московскими судами.

Принесите прокурорские представления (когда будете выступать со своим словом) на отмену всех судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, где ЮКОС, его торговые «дочки» определены законными покупателями продукции у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза», «Томскнефти», а они, соответственно, определены ее законными продавцами и собственниками, обязанными именно в связи с этими обстоятельствами платить налоги. Наиболее важных решений по суммам пять. О налогах ЮКОСа за 2000, 2001, 2002, 2003 годы и, конечно, о банкротстве ЮКОСа. Принесите представление! Еще не отменил Верховный суд ничего. Только представления.

Вы демонстрируете, что ваша позиция не жульническая, а последовательная, а я отказываюсь от участия в прениях и прошу о том же своих адвокатов.

Ваша честь, я, конечно, не смогу признать себя виновным в хищении нефти, поскольку сторона обвинения не смогла изложить в обвинительном заключении механизм такого события, а я не способен его придумать, не прикидываясь идиотом. Но я готов оставить все это на усмотрение суда!

Вот такое предложение! Вносите представление на отмену судебных решений, а я и мои адвокаты отказываемся от участия в прениях. Спасибо, ваша честь!

И наконец, третий фрагмент. Это выступление Ходорковского в конце прений (конец октября 2010 года).

Уважаемый суд, уважаемые оппоненты, адвокаты и присутствующие!

Начну свое выступление с перечисления того, что доказали наши оппоненты в ходе прений.

Они доказали, что я и мои коллеги владели компанией «Group Menatep Limited». Эта компания существует по сей день, ее легальное существование признано судами.

Доказали они и то, что компания «Group Menatep Limited» владела контрольным пакетом акций ЮКОСа, а мы — акционеры этой компании — обсуждали свои деловые интересы на заседаниях, и даже с ведением протокола. Эти протоколы наши оппоненты продемонстрировали.

Также они доказали, что ЮКОС владел сначала контрольными, а потом 100% пакетами акций дочерних добывающих компаний и «Восточной нефтяной компании»...

Оппоненты доказали, что добывающие предприятия ЮКОСа, а также собственно «ВНК», продавали нефть, продавали акции (причем делали они это с согласия ЮКОСа — своего основного, а затем и единственного акционера), получали выручку, прибыль, расширяли производство.

Также доказано (и оппоненты подтвердили это в прениях), что компании, входящие в торговый блок ЮКОСа, покупали и продавали нефть и нефтепродукты, получали выручку, размещали временно свободные средства, использовали их в хозяйственной деятельности (то есть вкладывали в производство, новые активы), выплачивали акционерам дивиденды.

Доказано и то, что я руководил ЮКОСом, сотрудники компании подчинялись мне, а также своим непосредственным руководителям и действовали в рамках своих должностных инструкций...

Также оппоненты доказали, что решениями судов, вступившими в законную силу, установлено: ЮКОС становился собственником всей добытой нефти, покупаемой им у своих дочерних предприятий.

Таким образом, обвиняя меня в «*присвоении с использованием служебного положения*», оппоненты одновременно презюмировали, что я — законный владелец акций ЮКОСа, имеющий в ЮКОСе исполнительные полномочия, что ЮКОС — законный владелец акций добывающих дочек, включая «Томскнефть», а их исполнительный орган — «ЮКОС ЭП» — законно назначен и законно вверил полномочия своим представителям, подписавшим договоры, которые и есть способ распоряжения вверенным имуществом. Юридическая логика однозначно говорит, что это именно так. Иначе обвинение в присвоении с использованием служебного положения в принципе было бы невозможно.

Должен сказать, что я согласен с доказанными фактами. Если в этом прокуроры видят мое признание, то это признание в обычной, нормальной хозяйственной деятельности, которую в виде обвинительного заключения можно представить только по заказу.

Были в выступлениях моих оппонентов и определенные шероховатости. Главное, они призывали вас, Ваша честь, признать решения других судов, установивших ряд фактических обстоятельств, принятыми под влиянием обмана или неполного анализа ситуации.

Я был бы согласен, чтобы Хамовнический суд поддержал наших оппонентов в этой части. Я даже, если вспомните, перед переходом к прениям

просил оппонентов внести так называемое представление на отмену упомянутых судебных решений. Почему? Экономически мне выгодна отмена судебных решений, приведших к банкротству компании ЮКОС, потому что в этом случае как ее бывший акционер я имею право рассчитывать на весьма значительное возмещение.

Но наши оппоненты не стали писать представление...

...Я просил бы обратить Ваше особое внимание на господина Ковраева — заместителя руководителя управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры... «*Часть от полученной при реализации нефти выручки направлялась также на создание определенной доли прибыли с целью ее использования для получения еще большей прибыли*». Вот в этом я обвиняюсь. Нормально, да? На двадцатом году существования в России рыночной экономики...

Что говорится в обвинительном заключении?

«*Изъятие нефти у нефтедобывающих предприятий по трейдерским сделкам приводило к занижению прибыли предприятий*»...

...Вот теперь давайте посмотрим, что же происходило с прибылью. Наши псевдо-потерпевшие прислали вам справки. Я их позволил себе отразить графически.

Сверху — это выручка по годам трех наших псевдо-потерпевших. Красная линия — это затраты на производство, себестоимость, или фактическая стоимость, как я ее называю. А зеленая линия — это разница между ними, валовая прибыль. Так вот, эта прибыль — два миллиарда долларов.

Я в дополнительных показаниях говорил о том, что численность занятых в добывающих подразделениях ЮКОСа была восемнадцать тысяч человек... Общая численность сотрудников компании на 2001 год была порядка ста десяти тысяч человек. Компания получила прибыль, и это признано стороной обвинения, — пятнадцать миллиардов долларов за эти годы. Сколько должно было прийтись на восемнадцать тысяч работающих? Пропорция простая — порядка двух миллиардов.

На этом слайде показан среднесуточный объем добычи по годам, с 2000 по конец 2002 года, дальше данных в материалах дела нет. В ЮКОСе, у «Юганскнефтегаза», «Томскнефти» и «Самаранефтегаза», у всех — добыча растущая.

Цитирую господина Смирнова, пятнадцатого числа он об этом говорил в прениях: «*Цена устанавливалась организованной группой в целях воспроизводства похищаемой продукции*».

Судя по графику, скорее речь идет о расширенном воспроизводстве, во всяком случае, в курсе политэкономии нас учили именно так... Спасибо г-ну Смирнову, подтвердившему очевидный факт: если предоставлялось денег достаточно хотя бы на воспроизводство нефти, то это значит, что реального ущерба не было.

Следующий график не имеет отношения к делу, но столько раз нас укоряли в грабительской добыче, что я не мог смолчать в прениях. Грабительская добыча — это та добыча, которая ведет к тому, что нефти остается в земле больше, чем при нормальной добыче. В этом случае при добыче часть нефти добывается, а остающаяся часть падает. Если добыча грабительская, то запасы падают более резко, чем при нормальной добыче.

Обратите внимание: объем доказанных запасов растет по всем трем подразделениям компании ЮКОС и по компании ЮКОС в целом. Что это означает? Эффективность добычи растет.

Теперь посмотрим на тему с точки зрения здравого смысла. С точки зрения здравого смысла и права невозможно объяснить, почему нефть и выручка или прибыль у «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть», являющихся стопроцентными дочками ЮКОСа, — это их собственность, а не собственность ЮКОСа. То же самое у «Ю-Мордовии», «ЮКОС-М» и других предприятий, которые у них покупали и которые названы «инструментами» похитителя, а они — стопроцентные дочки ЮКОСа или действовали в его интересах.

Однако судом утверждается, что это не их собственность и не собственность ЮКОСа, а обращено в мою пользу, а в другом месте обвинительного заключения... эта же самая нефть считается не просто обращенной в мою пользу, но еще и «отмытой».

Вот как эту логику вы себе представляете, Ваша честь?..

...Было бы странно, если бы ЮКОС покупал нефть у своих добывающих дочек по ценам Роттердама, потом нес все затраты и продавал, в лучшем случае, опять по ценам Роттердама, а шестьдесят-семьдесят процентов, гораздо дешевле, — на внутреннем рынке. Ведь всю нефть, и даже ее половину, экспортировать невозможно, а покупать ее в России по цене Роттердама желающих точно не нашлось бы. Ну разве что господин Лахтин поспособствовал бы.

И напомню: в добывающих «дочках» работало восемнадцать тысяч триста человек, в ЮКОСе — сто десять тысяч. Как суду решить, что восемнадцать тысяч должны были быть в большом плюсе, а все остальные сто тысяч — в столь же большом минусе? Непонятно.

Но самая интересная картина, Ваша честь, разворачивается, если посмотреть на все это безобразие в совокупности. Обвинение предъявлено в хищении нефти, и только. Это значит — безвозмездное, противоправное завладение жидкостью черного цвета против воли собственника...

Однако псевдопохищенная нефть, оказывается, получена потребителями. Вся. Те, кому псевдопотерпевшие ее непосредственно отправили. Факта преступления нет...

...ЮКОС... оплатил ее потерпевшим, то есть продавцам, по договорам купли-продажи... Цены равнялись средним ценам других производителей. Потерпевшие полученной выручкой от реализации псевдопохищенного полностью компенсировали фактическую стоимость нефти, то есть свои затраты на производство, и получили прибыль, что ни они не отрицают, ни сторона обвинения не отрицает, ни эксперты, ни решение Басманного суда.

И это заявляют мои формальные оппоненты сами, по доброй воле, без сговора со мной. Басманный и Арбитражный суды города Москвы это подтверждают. Спасибо им всем...

Если это — хищение, то, Ваша честь, оцените как хищение и свои собственные действия.

Вот вы сегодня-завтра пойдете обедать в зависимую от вас, как от председателя суда, столовую. За обед вы, конечно, заплатите. В версии стороны обвинения — несомненно для того, чтобы обеспечить возмож-

ность последующего хищения обеда. Столовая не понесет ущерба и даже, вероятно, получит прибыль, но не максимально возможную. Любопытно сопоставить цены в судейской столовой с ценами в гостинице «Рэдиссон Славянская». Я думаю, ни один судья по тем ценам не купил бы обед. Я уж не говорю о Роттердаме. Если вы оплатите обед своему знакомому, то хищение будет, видимо, уже в организованной группе. Приятного аппетита.

Где в обвинении хоть слово про продажу нефти за рубеж по внутренним ценам? Наоборот, говорят, цель была продавать дороже.

Где про яхты и дворцы, приобретенные мной или организованной группой за счет ЮКОСа? Где про переводы на мои личные счета?

Ничего этого в обвинительном заключении и в материалах дела нет.

Я весьма признателен стороне обвинения, что все вызванные ею в суд свидетели обвинения фактически стали свидетелями защиты.

Я не упрекаю следователей и государственное обвинение в том, что они не оказались героями и не смогли отказаться от выполнения преступного приказа — ценой любой фальсификации посадить Ходорковского и Лебедева навсегда. Но я высоко ценю их усилия по подготовке обвинительного заключения, из которого более чем ясно вытекает наша с Платоном Леонидовичем Лебедевым полная невиновность. А также за выступления их свидетелей и поведение государственного обвинителя Лахтина в суде. [...] Именно благодаря оппонентам в нашей невиновности убедились, кажется, все, кто интересовался ходом процесса. И в России, и за рубежом. Следствие и обвинение сделали все, чтобы у суда не осталось ни единого законного шанса не оправдать нас. Спасибо вам, уважаемые юристы, я вам этого не забуду.

Уважаемый суд, я понимаю, оправдательный приговор в московском суде — событие почти фантастическое. Но мои оппоненты очень старались. Оцените их усилия по достоинству.

Иначе в следующий раз они могут просто плюнуть на пустой лист бумаги и со штампом «Генеральная прокуратура. Копия верна» прийти к вам за четырнадцатилетним приговором. Собственно, сейчас в суде фактически происходит то же самое.

Большое спасибо за внимание».

Спасибо Ходорковскому.
Спасибо за его слово. Это такое слово, что веришь и в дело.

6. Почему процесс политический

И спасибо за несравненное удовольствие, которое получаешь как слушатель и зритель. Может быть, это звучит цинично — как благодарность публики идущим на смерть гладиаторам.

Но зал № 7, пусть не Дворец правосудия, но все-таки и не Колизей. Кстати, цезаря сюда вызывали — в качестве свидетеля, но тот постарался уклониться. Некоторые близкие к персоне цезаря фигуры пришли и дали показания, но не Сам. (Не потому ли, что его присутствие здесь и без того ощущалось сверх всякой меры?)

Ходорковский с Лебедевым — не гладиаторы.

Их выступления — блистательные презентации по социо-экономике — в умной стране показывали бы по телевидению. [...] Искрящийся интеллект, богатство знаний, житейская мудрость... И внутренняя свобода. Это речи абсолютно свободных людей — вот в чем их неотразимое обаяние.

Смысл процесса — затеянной против них жестокой кампании на уничтожение — заключался в том, что у них отнимали — одну за другой — все степени свободы. Дело, собственность, положение в обществе — все, чего они достигли в этой жизни и имели. И даже самое свободу. Чтобы подавить личности, с вершины мира их опустили на дно. Итог — с точностью до наоборот — свобода от страха и иллюзий.

На пике успеха они были функцией власти и собственности. «*Приходилось на многое закрывать глаза, со многим мириться — ради собственности, ее сохранения и приумножения. Не только я управлял собственностью — она управляла мною*», — признается Ходорковский. Теперь у них есть только то, что они представляют собою. Личности, распрямившиеся во весь рост, с неограниченным кругозором, демонстрирующие ущербность бесконтрольной и произвольной власти, обрели совершенно иной социальный статус.

Возможно, водоразделом стала черта между первым и вторым процессом. Про первый процесс еще можно сказать, что в нем была какая-то рациональность, хотя и в сильно извращенном смысле. Второй процесс не имеет и такого оправдания. Это чистый произвол, упертость властной дубины. Пусть все видят: она занесена, и в любой миг может опуститься на любую голову.

Процесс Ходорковского — это процесс Путина. Он дал ему отмашку, он лично определяет его детали и его этапы, именно он формулирует все приговоры.

Базовый вопрос: в чем вина Ходорковского перед Путиным? Что делает Ходорковского в глазах Путина политическим преступником? И что делает процесс, развязанный Путиным, самым важным политическим процессом, как минимум, десятилетия?

Защите удалось добыть очень важное свидетельство на этот счет. Бывший премьер-министр страны Михаил Касьянов дал следующие показания Хамовническому суду:

> [...] Когда после февраля 2003 года началось напряжение между президентом Путиным и компанией ЮКОС, когда в июле 2003 года был арестован Платон Лебедев, я обратился к президенту России Путину с просьбой пояснить, известно ли что-либо ему на этот счет и почему такие вещи происходят.
>
> Президент Путин дважды отказывался поддерживать такой разговор, но потом он все-таки дал мне ответ. И он сказал примерно следующее. Что компания ЮКОС финансировала политические партии — не только СПС и «Яблоко», которые он, президент Путин, разрешил им финансировать, но также и Коммунистическую партию, которую он, президент Путин, не

разрешал им финансировать. Для меня было удивительно, что разрешенная законом деятельность по поддержке политических партий, оказывается, требует еще секретного одобрения президента Российской Федерации. И второе. Этот ответ о финансировании партий я услышал от президента Российской Федерации в ответ на вопрос, почему Платон Лебедев находится в тюрьме. [...] Безусловно, к концу 2003 года у меня сформировалось однозначное убеждение, что Михаил Ходорковский и Платон Лебедев арестованы и находятся под подозрением по политически мотивированным основаниям.

Это свидетельство очень весомо прозвучит в любом из международных судов по делу ЮКОСа. Президенту Путину не нравился факт финансирования одной из партий! У этих западных маньяков формального права волосы на голове встанут дыбом от столь откровенного признания. Но мы-то живем в этой стране и лучше представляем местные политические нравы. [...]

Высказывание Путина явно не слишком искреннее. Финансирование компартии никогда не было для него предметом особой заботы или тревоги — ни по идейным, ни по практическим причинам. Я даже позволю себе высказать гипотезу, что это была такая разводка противника — Касьянова, а через него и всех статусных либералов. Дескать, я поручил поддерживать либералов, а он, такой-сякой, коммунистов вздумал продвигать... Мулька, вуалирующая истинные намерения и очень далеко идущие планы. На сносях была перетряска всей власти, никак не меньше. Конец операции «Наследник» и начало новой династии. [...]

«Операция ЮКОС» послужила запальником куда более грандиозной операции фактической смены режима. Вот в чем состоял ее истинный политический смысл. Более важной задачи не было. Новые властители — фундамент режима, путинская мафия опричников, «питерские силовики» — ненавидели старых олигархов, но еще больше завидовали им. Ходорковский раздражал их вдвойне. Тем, что стал олигархом в лихую пору «бури и натиска», когда они почивали на советской печи. И тем, что возжелал похоронить эту пору, стать респектабельным «западным» капиталистом. Тогда, как они грезили новым переделом. Патриотизм казенных хлебов сменился безудержным духом наживы.

В разгар путинской эпохи станет модно говорить, — естественно, осуждающе, — о «лихих 90-х». Парадокс в том, что реальный план, как поправить действительно лихую пору приватизации, предлагал именно Ходорковский. Вот его идея:

Нельзя сказать, что приватизация 90-х годов была абсолютно неэффективна экономически. Да, многие крупнейшие предприятия России были проданы за символическую стоимость. Но не надо забывать, что главной целью той приватизации было вовсе не немедленное пополнение бюджета за счет доходов от продажи объектов, а создание института эффективного собственника. И эта задача была в целом решена...

Тем не менее приватизация была неэффективной политически и социально. Потому что более 90% российского народа не считают ее справедливой. А значит, результаты приватизации не признаются нашими согражданами, и в таких условиях перманентный и бесконечный передел собственности неизбежен.

Я предлагаю не изобретать колесо и воспользоваться весьма успешной схемой [...] Схема состоит в применении так называемого налога на неосновательные доходы от благоприятной конъюнктуры. Сумма налога в наших условиях может равняться реальному годовому обороту, который был у компании в год ее приватизации, и чтобы учесть средства, разворовываемые тогдашними директорами через подставные компании, надо умножить объем производства на рыночные цены, не обманываясь абсолютно непригодной отчетностью по российским стандартам. Я знаю, как это сделать, мне, как и многим другим, пришлось разгребать горы криминальных схем, обрушивших экономику в 1993 – 1995 годах. [...]

Иными словами: каждый, кто хочет снять с повестки дня вопрос о легитимности (справедливости) своей крупной промышленной собственности, должен заплатить в федеральный бюджет России либо в целевые специальные фонды (например, фонд стимулирования рождаемости, из которого будут выплачиваться пособия на новорожденных) налог в размере оборота компании в год ее приватизации. С момента выплаты собственник получает от государства и общества бессрочную «охранную грамоту»: его собственность считается законной и честной.

Легитимация должна явиться результатом осмысленного пакта между государством и собственниками, крупным бизнесом. Бизнес, который собирается жить и работать в России долго, должен пойти на такой пакт, руководствуясь непреложным принципом: лучше отдать сегодня часть, чем завтра — всё. Схема единовременного налога и простота его расчета делают легитимационную процедуру прозрачной, исключают коррупцию и избирательное применение нормативных актов в этом процессе.

По моим предварительным подсчетам, качество которых ограничено условиями общей камеры и краснокаменской зоны, легитимация приватизации принесет $30 – 35 млрд. в течение трех-четырех лет.

Цифры стоило бы «перетереть», как выражаются сегодня. Да и идею стоит додумать до конца. Это идея не столько расплаты с государством, сколько отделения олигархов от государства. Ее смысл не просто в легитимации сложившихся капиталов, он в стратегической задаче устроения респектабельного капитализма.

[...] Позади «лихие 90-е»? Безусловно. Главная их лихость заключалась в том, что рухнул казавшийся вечным тоталитарный строй, в безжизненной атмосфере появился воздух свободы, над страной задули ветры перемен. Что породило множество надежд. И столько же разочарований.

На утро вырос капитализм — оскорбительно плохой, младомонстр в стадии бешенства денег. Его беда не в том, что он незаконнорожденный. Законнорожденный капитализм (с относительно человеческим лицом) по-

является только во втором, третьем и далее поколении. Его беда в том, что он крайне неэффективен.

Вопрос в том, куда дальше?

От «лихих 90-х» можно двигаться к устойчивым демократическим институтам, а можно к новому авторитаризму, приморáживая и удушая один за другим демократические институты, раз уж они такие кособокие и неустойчивые. От дурного неэффективного капитализма можно двигаться к производительному конкурентному капитализму. А можно и не двигаться.

У существующего нашего капитализма два расхожих прилагательных: бюрократический и бандитский. Бандитский капитализм пользуется государственными «крышами». Бюрократический ведет себя как главный бандит. Оба действуют без оглядки.

[...] Новый авторитаризм принял форму вертикали власти. Вертикаль власти на поверку оказывается универсальной системой «крыш».

Идею легитимации бизнеса Ходорковский приносил Путину. Тот ее сразу оценил. Это то, что прямо противоположно интересам его вертикальноинтегрированной компании, состоящей из опричников и олигархов. Ставить под угрозу пакт между ними — что за прихоть? Пусть бизнес будет криминальным, лишь бы был послушным. Пусть бизнес будет послушным, государство расплатится за его неэффективность.

А того, кто выдвигает столь вражеские идеи, — с раската! Четвертовать вражину!

И маховик включился.

[...] Первый процесс уже был политическим. Таковым его сделали своим заказом его инициаторы и организаторы. Второй стал политическим не только «сверху», но и «снизу». Обвиняемые осознали себя политическими узниками. Они понимали, что их защита есть акт политической борьбы и может быть только таковой. [...]

7. Третий процесс, или Пляски с топором

Выше я упомянул, что защита вызывала Путина в Хамовнический суд в качестве свидетеля. В суд Путин не явился, но свои свидетельства дал — не отходя от трона и не раз. [...]

...«Разговорснародом». Я бы писал это словосочетание слитно, как «Околоноля». Это регулярное официальное телешоу уже даже не жанр, это парадигма. Лицом к лицу субъект и объект власти. Субъект в телецентре, как в центре мироздания. Сидит. Организованный объект построен и стоит — во всех городах и весях необъятной страны. Объект строго по очереди вопрошает, субъект великодушно отвечает. Виртуальное действо единения и благодати катится как по писаному. Самые главные ответы точно были писаны раньше, чем вопросы. Идеальная модель взаимоотношений национального лидера со своими подданными. Познавательная ценность «разговораснаро-

дом» — околоноля. Хотя, нет, кое-какая информация — психологическая по преимуществу — просачивается, помимо воли. [...]

Э. МАЦКЯВИЧЮС: Когда отпустят Ходорковского?

В. ПУТИН: Я когда во Франции был, мне тоже этот вопрос задавали. Известный фигурант находится в местах лишения свободы по приговору суда. И проблема не в том, когда и кого отпустят, а проблема в том, чтобы преступлений подобного рода у нас больше не повторялось.

Речь идет в данном случае о хозяйственных преступлениях. Кстати говоря, процедуру банкротства компании ЮКОС инициировали западные кредиторы, западные банки. И это банкротство было осуществлено в полном соответствии с российским законодательством.

Я об этом никогда еще публично не говорил, но сейчас скажу: реализованные от продажи активов компании ЮКОС средства поступили в бюджет. Когда это произошло [...] я тогда убедил своих коллег [...] использовать их на тех направлениях, которые являются наиболее острыми.

Если когда-то эти деньги были украдены у народа, надо отдать их напрямую этому самому народу.[...] наименее обеспеченным категориям граждан Российской Федерации. Из этих средств, вырученных от реализации активов компании «ЮКОС», мы сформировали Фонд жилищно-коммунального хозяйства [...] Результатами работы этого фонда воспользовались уже 10 млн. человек, которым отремонтированы дома и квартиры, 150 тыс. будет переселено в новые дома из трущоб. [...]

Что же касается другой составляющей, а именно криминальной составляющей, то здесь мы тоже будем действовать исключительно в рамках российского законодательства. [...] в местах лишения свободы находится один из руководителей службы безопасности компании ЮКОС. Вы что думаете, что он действовал по собственному усмотрению, на свой собственный страх и риск? [...] Ясно, что он действовал в интересах и по указанию своих хозяев. А как действовал? Там только доказанных убийств — пять.

Нужно было им присоединить к своему офису в Москве расположенный рядом магазин «Чай». Женщина возглавляла это коммерческое малое предприятие. Вызвали, потребовали отдать. Не отдала — киллер застрелил ее прямо на лестничной площадке на глазах у собственного мужа.

Мэр города Нефтеюганска, где осуществлялась основная производственная деятельность компании ЮКОС, — что он требовал от компании? Налоги платить. Убили.

Те люди, которыми пользовались руководители службы безопасности для организации убийств, семейная пара, начала шантажировать их, требуя себе долю в бизнесе. Убили.

Это доказанные преступления, доказанные в ходе следствия и судебного разбирательства. Давайте не будем забывать и об этом.

Но, разумеется, судьба каждого человека, находящегося в местах лишения свободы, в любом случае должна быть подчинена действующему в России законодательству. В соответствии с этим законом государство и будет действовать.

Это из «разговораснародом»-2009. Цитируется по сайту правительства РФ «www.government.ru».

[...] Это самый развернутый, самый продуманный, самый далеко идущий ответ Путина по самому острому, самому болезненному для Путина вопросу.

Давно замечено, что одно только имя Ходорковского вызывает у Путина какую-то совершенно чрезвычайную реакцию. Имидж, который пестует национальный лидер, — взвешенность и благоразумие, — обеспечиваемый исключительно гладкой речью, когда каждое слово трижды взвешено и дважды уравновешено, этот имидж вдруг дает сбой. Такое ощущение, что премьер-президент теряет контроль над собой. [...]

Так повелось с самого начала.

Осенью 2003 года вскоре после ареста Ходорковского я опубликовал в старом еженедельнике «Новое время» статью «Олигархи-преступники и президент-скала. Попытка расшифровки президентских слов как наскальных надписей». Она была как раз про это — про путинские оратории и про стиль личности, что в них проявляется. Позволю себе процитировать ее как некое свидетельство времени.

Попробуем понять, что происходит с ЮКОСом, по речам президента. Взятые вместе они поразительно противоречивы. [...]

Первая реакция разразилась словно гром среди ясного неба. Не успел РСПП устами Чубайса высказать протест против картинной посадки Ходорковского, как президент отреагировал:

«В связи с арестом главы компании ЮКОС ко мне есть обращения руководства РСПП, а также некоторых политических деятелей с просьбой о встрече. Однако никаких встреч, никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет, если, конечно, эти органы действуют в рамках российского законодательства... — выразительно читал он из блокнота написанные от руки фразы. — *В связи с рассматриваемым делом никаких обобщений, аналогий, прецедентов, тем более связанных с итогами приватизации, не будет. Поэтому все спекуляции и истерики на этот счет просил бы прекратить, а правительство прошу в эту дискуссию не втягиваться».*

Президент не просто дал отповедь взволнованным капитанам бизнеса. Он высказался по существу. Действия Генпрокуратуры полностью санкционированы, — пусть на сей счет ни у кого не останется ни малейших сомнений. Больше того, правительству приказано не совать свой нос не в свое собачье дело. Что означает одно-единственное. Все государевы люди да знают: в стране с высочайшего одобрения проводится важнейшая политическая кампания. Точка.

Последовавшие за этим маленькие чудеса стоит, по-видимому, списать на остаточную демократию либо на недоукорененную вертикальность власти.

Сначала замминистра экономического развития и торговли Аркадий Дворкович сказал:

«Прецедент с ЮКОСом показал, что риск обращения к старым грехам существует. Мне остается лишь надеяться, что диалог между властью и бизнесом все-таки будет идти не через решетку, а за круглым столом».

Высказывание это не затмили даже слова премьера — истинный шедевр дипломатии отмежевания. Публично нарушив запрет, Касьянов на словах его как бы и соблюл, он обозначил свою позицию: действия прокуратуры опасны для экономики — и он не имеет к ним никакого отношения.

[...] Накануне своего итальянского вояжа Путин беседует в Кремле с итальянскими журналистами.

«*На Западе появились некоторые опасения, что в политике России появились авторитарные моменты, которые также могут привести и к изменению общего политического курса...*» — говорит итальянский журналист.

Путин отвечает:

«*Я не вижу оснований так думать. Если вы посмотрите, что происходило в Соединенных Штатах за последние два года, то увидите, что к уголовной ответственности были привлечены руководители самых разных компаний общим числом около двадцати. Только по одной компании «Энрон» было возбуждено двадцать уголовных дел. Аресты проводились прямо в офисах компаний с надеванием наручников и с демонстрацией всего этого действия по телевидению... И почему-то не возникает сомнений по поводу того, что там происходит.*

Уверяю вас, у нас ничего экстраординарного не произойдет...[...]»

Иными словами, никто не впадает в раж, меньше всего прокуратура. Волноваться нечего. И вообще, в деле ЮКОСа нет политической составляющей. Есть налоговые недоимки, экономические нарушения, и за них надо отвечать. Вы же понимаете, господа итальянцы в России, такова универсальная практика... Все буквально, как у вас, на Западе, наши правоохранители даже еще более либеральны.

Правда, выясняется, что у президента очень приблизительное представление о том, как на Западе. Газета «Ведомости» в редакционной статье уточнила: а) по делу «Энрон» в тюрьме оказался только один человек — и не до суда, а после, то есть по решению суда; б) обвиняемые в экономических преступлениях никогда не подвергаются предварительным арестам... Президентские аналогии не слишком корректны. ЮКОС не «Энрон», Россия не Запад, то, что говорит президент, не описывает того, что он делает.

Что уж там происходило на римском саммите, каких неприятных вещей наслышался президент от европейских коллег, но на прощальной пресс-конференции он дал себе волю.

«*Конечно, люди, которые за пять-шесть лет заработали миллиарды долларов* [...] *они, конечно, истратят миллионы, десятки и сотни миллионов, чтобы спасти эти свои миллиарды. Мы знаем, куда тратятся эти деньги: на каких адвокатов, на какие пиаровские кампании, на каких политиков. В том числе и на то, чтобы задавать эти вопросы...*»

И он продолжает.

«*Во-первых, должен сказать, что даже если законы и были сложными, противоречивыми, их надо было бы все-таки исполнять. Второе, особое внимание государства должны привлекать случаи, когда в процессе дележа государственной собственности были совершены преступления против личности. В том числе убийства. Некоторые из арестованных, — а это целая группа лиц, — подозреваются именно в организации убийства. И наконец, третье —*

все должны исполнять действующие законы сегодня... Наши действия продиктованы только одним: желанием навести порядок в стране, заставить всех жить по закону и бороться с коррупцией...»

А вот заключение этой мысли:

«Наша цель — не "пощипать" конкретных лиц, а навести порядок в стране. И мы будем это делать последовательно и жестко вне зависимости от попыток этих людей защищаться, используя в том числе и шантаж. Шантаж государственной власти бесперспективен». [...]

В сентябре 2003 года Путин высказался следующим образом: «*Что касается расследования уголовного дела, связанного с компанией ЮКОС, — это частный случай... Компания большая, но не единственная в России...* [...] *но если были нарушения закона и прокуратура реагирует на это, я не могу воспрепятствовать*».

Еще бы, ведь это находится за рамками его президентских полномочий. Тем не менее он счел необходимым подчеркнуть, что одно из направлений расследования — это возможная причастность отдельных личностей к убийствам в ходе слияния и роста компании: «*Как же можно мешать прокуратуре работать на этом направлении*»[...]

Та же тема была опять проакцентирована летом 2008 года в интервью французской газете «Монд»:

> А что касается Ходорковского, то дело... в том, что он нарушил закон. Многократно и грубо. Больше того, часть группы, в которую он входил, обвиняется, — и это судом доказано, — в совершении преступлений против личности, а не только в сфере экономики. За ними убийства, и не одного человека. Вот такая конкурентная борьба недопустима. И мы, конечно, всячески будем ее пресекать.

[А вот что было сказано] на встрече с группой избранных писателей в день рождения Путина в 2009 году.

> По словам пресс-секретаря премьера, — излагает АПН, — Путин заявил, что, упоминая о Ходорковском и других фигурантах этого дела, главное — помнить, что они были причастны к убийствам людей и это было доказано судом. При этом, отвечая на вопрос о возможном помиловании Ходорковского, премьер-министр подчеркнул, что и такая возможность предусмотрена законом, но, чтобы воспользоваться ею, «*осужденному необходимо полностью признать свою вину и обратиться с соответствующей просьбой*».

Интересная получается вилка: от пожизненного заключения за убийства до возможного помилования. Свобода воли у верховного арбитра необыкновенная.

В ходе ноябрьского визита Путина во Францию 2009 года на вопрос о деле Ходорковского он предлагает уже и такую разработку все той же темы:

По другим известным, так называемым резонансным делам, в том числе, о которых вы упомянули, хотел бы сказал следующее. Вот господин Мэдофф в Соединенных Штатах получил пожизненный срок, и никто не чихнул. Все говорят: «Молодец», так ему и надо. Сейчас в Великобритании решается вопрос о выдаче хакера. Ущерб, который он нанес, — миллион долларов. Его собираются выдать в США, где ему грозит шестьдесят лет тюрьмы. Чего вы о нем не спрашиваете?

У нас деятельность некоторых наших фигурантов по уголовным делам нанесла ущерб России в миллиарды долларов, в миллиарды! Кроме того, есть и претензии с точки зрения как раз покушения на жизнь и здоровье конкретных людей в ходе их так называемой коммерческой деятельности. И эти деяния, эти эпизоды доказаны судом. Как вы помните, в тридцатых в США Аль Капоне судили за уклонение от налогов формально, но фактически — за целую совокупность совершенных преступлений. Но доказали уклонение от налогов и осудили в рамках действующего законодательства.

Эту тираду известный экономист Сергей Гуриев, человек в высшей степени корректный, прокомментировал так: «*Слова Путина, скорее всего, искажены в переводе. Во всяком случае, на официальном сайте премьера они отсутствуют. Я не могу поверить в то, что Владимир Путин может публично и всерьез сравнивать Ходорковского... с Мэдоффом и Аль Капоне. Он известен как компетентный и информированный человек. Он не может не знать, что ни первое, ни второе дело Ходорковского-Лебедева не содержит обвинений в убийствах. Что обвинения в первом деле применимы к большинству российских предпринимателей, что ни один квалифицированный юрист не может сформулировать суть второго дела непротиворечивым образом*».

Увы, не искажены... И действительно, не может не знать... Но он сознательно и намеренно мажет избранного врага кровью, чтобы век не отмылся. Все аллюзии — на процесс (два процесса) Пичугина (бывшего руководителя службы внутренней экономической безопасности ЮКОСа), в результате которого (которых) его приговорили к пожизненному заключению. Заодно к той же мере, правда, заочно, приговорили и бывшего первого зама Ходорковского Невзлина. Наблюдатели, включая «Эмнести Интернешнл» и представительницу ПАСЕ, неизменно отмечали, что доказательная база там крайне, что называется, сомнительная. Достаточно сказать, что главный «свидетель» обвинения Коровников был ранее осужден на пожизненное заключение (8 убийств, 5 изнасилований, в том числе малолеток, похищения людей, изготовление взрывных устройств и другие «художества»). Другой «свидетель» и тоже осужденный Цигельник позже отказался от своих показаний. «*Я оговорил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры* (имена...). *Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный*», — заявил он. [...]

Вот на доказательства такого происхождения и достоинства и ссылается Путин. [А вот что было сказано] в ходе магического сеанса под названием «разговорснародом». Защита Ходорковского, тщетно вызывавшая Путина в

Хамовнический суд, могла бы квалифицировать это выступление как самое масштабное лжесвидетельство в истории.

Суммирую то, что было сказано с телетрона на всю страну:

Все путем, все было сделано на чистом сливочном масле — в полном соответствии с отечественным законодательством. Но это не мы! Процедуру банкротства затеяли иностранные кредиторы. Имя противника при этом не называется, — просто «фигурант», как бы свысока, но, думается, больше из суеверия или страха.

А дальше — на всю катушку:

Мы имеем дело с врагом народа, обокравшим весь народ. (Зюганов мог бы позавидовать простоте этой инвективы.) Но, по моей личной инициативе, все украденные деньги были возвращены народу через фонд ЖКХ, персонально под расписки. Те, кто получил квартиры в последние годы, знайте, этот тать посягает на ваш кров, на ваши убогие жилища, ненавидьте его лично с этой минуты!

(Ссылка на ЖКХ особенно умилительна. Так верить в популярность бюрократической затеи, всем известной своей неэффективностью и воровством! Когда вельможа строит потемкинские деревни, чтобы умастить взор царицы, это еще понятно. Но когда царь вдохновенно рисует по телевизору потемкинские деревни своему народу, это уже немыслимый полет. Впору было мальчику воскликнуть: «Да что же вы такое несете? Ведь народ-то голый!») [...]

Всего этого, однако, вещающему с виртуальных вершин было мало. Сейчас он резанет правду-матку [...]: на руках у Ходорковского кровь, он убийца и должен ответить за это по всей полноте закона...

Стоп!

Если у Путина есть такая информация, то почему она не в суде? Почему соответствующее обвинение даже не предъявлено? А если оно даже не предъявлено, то как может ответственное лицо говорить об этом? Это же называется диффамация!

Не у нас. У нас пока лицо ответственное, оно ни за что не отвечает.

Это очень похоже на угрозу новым процессом.

Во всех хорошо подготовленных путинских экспромтах на Ходорковскую тему виден метод — то, что можно назвать путинским фирменным стилем. Он всегда норовит, выражаясь языком шукшинского героя, «срезать» публику, отсюда все эти хакеры, Мэдоффы и Аль Капоне — экстравагантные сравнения и безотказная логика «сам дурак». И он преследует одни и те же цели.

Во-первых, трансляция всемогущества (все, что происходит в стране важного, — это он, без него муха не пролетит). И при этом... собственное алиби (лично он ни при чем, он не имеет никакого отношения к делу Ходорковского). Тут идут ссылки на прокуратуру, в дела которой никому не дано вмешиваться. Генпрокурора, как известно, легче сменить, чем дозвониться до него... И на независимый по определению суд. Это для тех, кто хотел бы нормы и ищет справедливости. А для кровожадных — дискурс про диктатуру закона... И вообще, рефрен на все случаи жизни, что дело не политиче-

ское... Тут как в «разговореснародом» сначала пишутся ответы, потом под них подгоняются вопросы.

Ходорковский — преступник. Вот, что следует доказать, во-вторых, а если и не доказать, то внушить, вдолбить, вбить в мозги любой ценой. Экономический, политический, уголовный — неважно, какой, в конце концов, эпитеты произвольны. Главное, что особо тяжкий.

В «разговореснародом»-2010 все повторилось как наваждение. С той разницей, что год назад это была полностью его, Путина, инициатива. Он хотел это сказать, иначе бы Мацкявичюс не задал своего вопроса. А тут вопрос оказался незапланированный.

Н. СИМАКОВА: Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Мой вопрос достаточно простой. Вы считаете справедливым, что Михаил Ходорковский уже который год сидит в тюрьме? На ответ я даже не рассчитываю, так как вам больше по душе вопросы благодарных бабушек и вопросы о вашей любимой собаке. Спасибо.

Вопрос явно не нравится адресату, это видно по раздражению, которое он с трудом сдерживает.

В. ПУТИН: У меня две любимые собаки. Я не знаю, какую из них вы сейчас имеете в виду.

Что касается благодарных бабушек, то, да, действительно, мы все, я считаю, в долгу перед гражданами России старшего поколения, и мы эти долги должны отдавать. И мы еще не все сделали для них, хотя пытаемся делать, и кое-что получается, но сделали еще не всё.

Что касается Ходорковского, то я уже высказывался много раз на этот счет. Если вы считаете, что я должен сказать еще что-то по этому вопросу, могу сказать. Я так же, как известный персонаж Владимира Высоцкого, считаю, что вор должен сидеть в тюрьме. А, в соответствии с решением суда, Ходоровскому вменяется в вину хищение, хищение достаточно солидное. Речь идет о неуплате налогов и мошенничестве, и счет идет там на миллиарды рублей. Правда, есть и личная неуплата налогов, что очень важно.

Но то обвинение, которое ему предъявляют сейчас, там счет идет уже на сотни миллиардов рублей: там 900 в одном случае, во втором случае 800 млрд. рублей, тоже хищение.

Если мы посмотрим практику других стран, г-н Мэдофф в США получил за аналогичное преступление, да и деньги примерно такие же, 150 лет лишения свободы. У нас, по-моему, гораздо все либеральнее смотрится. Тем не менее мы должны исходить из того, что преступления г-на Ходорковского в суде доказаны.

Да, и кроме всего прочего, вы же знаете, еще раз хочу повторить, я не говорю про него лично, напомню, что руководитель службы безопасности ЮКОСа сидит в тюрьме за убийство. Не понравился им мэр Нефтеюганска Петухов — убили. Женщина здесь в Москве не отдала им свое помещение маленькое, которое они хотели забрать, — убили. Киллера, которого наняли, убили. Мозги только одни нашли в гараже. Что, руководитель службы

безопасности сам что ли, по собственной инициативе все эти преступления совершил?

Так что есть суд, он у нас, как известно, один из самых гуманных в мире, это его работа. Я исхожу из того, что доказано судом.

Как заезженная пластинка, за год добавились только скрипы. Те же безразмерные натяжки и безапелляционная грубость. Но вот *момент* этого соло на всю страну чрезвычайно показательный. Накануне, 15 декабря, судья Данилкин должен был объявить приговор. Не объявил. Без объяснения причин перенес этот акт на 27 декабря. Паузу, оставленную судьей Данилкиным, заполнил премьер-министр Путин. 16 декабря, наплевав на все формальности, он оглашает свой вердикт. Свобода от каких-либо юридических или политических норм — абсолютная. [...]

Все мыслимые составы преступлений были заочно примерены на фигуру Ходорковского еще до его ареста. И все эти годы под лавкой лежит последнее средство устрашения — топор с несворачивающейся кровью, готовый к употреблению. На тот день, когда совсем уже станет невмоготу.

А терпеть все трудней и трудней. Ну, ничего человек не понимает. Его так красиво посадили! Отправили за тысячи километров во глубину сибирских руд. Сиди себе и молчи в тряпочку, а то хуже будет. А он не унимается, философствует, видите ли. «Левый поворот»... «Российские альтернативы»... «Ходорковские чтения»...

«*Современная демократия — это не референдум по выбору «руссбаши», как это представляют отдельные идеологи "суверенности", а система государственного управления, основанная на сложном балансе самостоятельных государственных и общественных институтов в их совокупности...*»

После каждой статьи сажают в ШИЗО. Никакого эффекта. Из СИЗО в суд на автозаке. «*Железный ящик на одного размером 120х80х50 см. Всегда с ужасом думаю о возможности ДТП. Шансов выжить маловато при любой скорости*». Два часа туда, два обратно. Четыре раза в неделю. В суде пересадка в «аквариум» из бронированного стекла... Для основателя «Открытого общества» избрана участь Железной Маски. А он гнет свое:

«*Сильное государство, построенное методами, подавляющими гражданское общество, будет мало отличаться от оккупационного режима. Отказ от правосудия во имя целесообразности уничтожает вожделенную стабильность и т. д. В то же время уверен: желание бесконечно накапливать власть или богатство — редкий психический дефект...*»

Лишили даже прав, гарантированных заключенному, — общения с близкими, прогулок. Свидания возможны только два раза в месяц, один час ровно, через двойное стекло. В этом и был реальный смысл прокурорской настойчивости в бесконечном продлении режима двойной строгости. «*Я — сын, муж, отец и дед "по переписке". Как это помогает моей стране — не знаю, но "системе" так, видимо, спокойнее*, — констатирует Ходорковский. — *Младшие не только пошли в школу без меня, боюсь, ее без меня и закончат*»...

А он еще объявляет голодовки — в знак солидарности с соратниками, взятыми в заложники. Или для того, чтобы президент, принимающий правильные постановления, не делал вид, что не знает, что они не исполняются.

Ничто не отражается на ясности его мысли:

«Основная причина коррупции и низкой эффективности экономики в целом одна — архаичная система управления страной (так называемая вертикаль). Это телега на современной автомагистрали. А мы пассажиры телеги. Навоз из-под хвоста лошади — неизбежная опция».

«Жадных людей, которые так грубо и бессмысленно повели себя по отношению к десяткам тысяч акционеров ЮКОСа, мне, простому постсоветскому заключенному, даже жаль. Им предстоят долгие годы страха и перед новыми поколениями желающих "отнять и поделить", и перед настоящим, а не "басманным" правосудием».

Ходорковский — самое большое поражение Путина. Как тут не взбелениться!

Дворцовая (или дворовая) разборка вылилась в самый показательный политический процесс России начала XXI века. Он не просто о нефти и миллиардах. Он о том, что за процессы происходят в стране. Что есть суд. Что есть власть. Что есть политика с экономикой.

И о том, кто есть кто.

Общественное восприятие склонно все упрощать — до символизма. Процесс, который начинался под девизом «Государство против олигарха», останется войной Путина против Ходорковского. Символическим противостоянием, в которой один сражался за власть, а второй за свободу.

8. Не последнее слово

То, что Ходорковский сказал перед вынесением приговора, меньше всего было юридическим. Его послание было политическим, потому что человеческим. Последним словом Ходорковского на процессе в Хамовническом суде я и завершу этот очерк.

Уважаемый суд! Уважаемые присутствующие!

Сегодня для меня очередная возможность оглянуться назад. Я вспоминаю октябрь 2003 года. Последний мой день на свободе. Через несколько недель после ареста мне сообщили, что президент Путин решил: я должен буду «хлебать баланду» восемь лет. Тогда в это было сложно поверить.

С тех пор прошло уже семь лет. Семь лет — достаточно большой срок, а в тюрьме — особенно. У всех нас было время многое переоценить и переосмыслить.

Судя по смыслу выступления прокуроров: «дайте им четырнадцать лет» и «наплюйте на прежние судебные решения», — за эти годы меня опасаться стали больше, а закон уважать — еще меньше.

В первый раз они хоть озаботились предварительно отменить мешающие им судебные акты. Теперь решили — и так сойдет, тем более отменять

теперь потребовалось бы не два, как в прошлый раз, а шестьдесят судебных решений.

Я не хочу сейчас возвращаться к юридической стороне дела. Все, кто хотел что-то понять, — давно всё поняли. Я думаю, признания вины от меня никто всерьез не ждет. Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит мне, если я скажу, что похитил всю нефть своей собственной компании.

Но также никто не верит, что в московском суде возможен оправдательный приговор по делу ЮКОСа.

Тем не менее я хочу сказать о надежде. Надежда — главное в жизни.

Я помню конец восьмидесятых годов прошлого века. Тогда мне было двадцать пять. Наша страна жила надеждой на свободу, на то, что мы сможем добиться счастья для себя и для своих детей.

Отчасти надежда осуществилась, отчасти — нет. Наверное, за то, что надежда осуществилась не до конца и не для всех, несет ответственность все наше поколение, в том числе — и я.

Я помню и конец прошлого десятилетия. Тогда мне было тридцать пять. Мы строили лучшую в России нефтяную компанию. Мы возводили спорткомплексы и дома культуры, прокладывали дороги, доразведывали и разрабатывали десятки новых месторождений, начали освоение Восточносибирских запасов, внедряли новые технологии, в общем, — делали то, чем сегодня гордится «Роснефть», получившая ЮКОС.

Благодаря значительному увеличению добычи нефти, в том числе и в результате наших успехов, стране удалось воспользоваться благоприятной нефтяной конъюнктурой. У нас у всех появилась надежда, что период потрясений, смуты — позади, что в условиях достигнутой огромными трудами и жертвами стабильности мы сможем спокойно строить новую жизнь, великую страну.

Увы, и эта надежда пока не оправдалась. Стабильность стала похожа на застой. Общество замерло. Хотя надежда пока живет. Живет даже здесь, в зале Хамовнического суда, когда мне уже почти пятьдесят лет.

С приходом нового президента, а с того времени прошло уже больше двух лет, у многих моих сограждан тоже вновь появилась надежда. Надежда, что Россия все же станет современной страной с развитым гражданским обществом. Обществом, свободным от чиновничьего беспредела, от коррупции, от несправедливости и беззакония.

Ясно, что это не могло случиться само собой и за один день. Но и делать вид, что мы развиваемся, а на самом деле стоять на месте и пятиться назад, пусть и под личиной благородного консерватизма, уже невозможно и просто опасно для страны.

Невозможно мириться с тем, что люди, называющие себя патриотами, так отчаянно сопротивляются любому изменению, ограничивающему их кормушки и вседозволенность. Достаточно вспомнить судьбу поправки к статье сто восьмой УПК РФ — арест предпринимателей или чиновничьи декларации о доходах. А ведь именно саботаж реформ лишает нашу страну перспектив. Это не патриотизм, а лицемерие.

Мне стыдно смотреть, как некоторые, в прошлом — уважаемые мной люди, пытаются оправдать бюрократический произвол и беззаконие. Они

обменивают свою репутацию на спокойную жизнь в рамках сложившейся системы, на привилегии и подачки.

К счастью, такие — не все и других все больше.

Я горжусь тем, что среди тысяч сотрудников ЮКОСа за семь лет гонений не нашлось тех, кто согласился бы стать лжесвидетелем, продать душу и совесть.

Десятки человек испытали на себе угрозы, были оторваны от родных и близких, брошены в застенки. Некоторых пытали. Но, теряя здоровье и годы жизни, люди сохранили то, что сочли для себя главным, — человеческое достоинство.

Те, кто начинал это позорное дело, — Бирюков, Каримов и другие, — тогда презрительно называли нас «коммерсантами», считали быдлом, готовым на все, чтобы защитить свое благополучие, избежать тюрьмы.

Прошли годы. Кто оказался быдлом? Кто ради денег и из трусости перед начальством врал, пытал, брал заложников?

И это они называли «государевым делом»!

Мне стыдно за свое государство.

Ваша честь, я думаю, мы все прекрасно понимаем: значение нашего процесса выходит далеко за пределы наших с Платоном судеб и даже судеб всех тех, кто безвинно пострадал в ходе масштабной расправы над ЮКОСом, тех, кого я оказался не в состоянии защитить, но о ком я не забываю, помню каждый день.

Спросим себя: что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат?

Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может все. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет.

Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России?

Кто будет модернизировать экономику? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты? Такую модернизацию уже пробовали — не получилось. Водородную бомбу и даже ракету сделать смогли, а вот свой хороший, современный телевизор, свой дешевый, конкурентный, современный автомобиль, свой современный мобильник и еще кучу современных товаров — до сих пор не можем.

Зато научились красиво демонстрировать производимые у нас чужие, устаревшие модели и редкие разработки российских изобретателей, которые если и найдут где применение, то не у нас, за границей.

Что случилось с прошлогодними президентскими инициативами в области промышленной политики? Похоронены? А ведь они — реальный шанс слезть с сырьевой иглы.

Почему похоронены? Потому, что для их реализации стране нужен не один Королев и не один Сахаров под крылом всемогущего Берии и его миллионного войска, а сотни тысяч «королевых» и «сахаровых», защи-

щенных справедливыми и понятными законами и независимыми судами, которые дадут этим законам жизнь, а не место на пыльной полке, как в свое время — Конституции 1937 года.

Где эти «королёвы» и «сахаровы» сегодня? Уехали? Готовятся уехать? Опять ушли во внутреннюю эмиграцию? Или спрятались среди серых бюрократов, чтобы не попасть под каток «системы»?

Мы, граждане России, патриоты своей страны, можем и должны это изменить.

Как сможет Москва стать финансовым центром Евразии, если наши прокуроры в публичном процессе прямо и недвусмысленно, как двадцать или пятьдесят лет назад, призывают признать стремление к увеличению производства и капитализации частной компании преступно-корыстной целью, за которую надо сажать на четырнадцать лет?

Если по одному приговору компания, заплатив налогов больше всех в стране, — ЮКОС заплатил больше всех в стране, кроме Газпрома, — оказывается, недоплатила налоги, то по второму, который здесь предлагается принять, очевидно, что предмета для налогообложения вообще не было, потому что его украли!

Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах страны, держит по тюрьмам, вместо преступников и вместе с ними, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, — это больная страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирающее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, — это больное государство.

Надежда — главный движитель больших реформ и преобразований, она залог их успеха. Если она угаснет, если сменится глухим разочарованием, — кто и что сможет вывести нашу Россию из нового застоя?

Я не преувеличу, если скажу, что за исходом этого процесса следят миллионы глаз по всей стране, по всему миру.

Следят с надеждой, что Россия все-таки станет страной свободы и закона, где закон будет выше чиновника.

Где поддержка оппозиционных партий перестанет быть поводом для репрессий.

Где спецслужбы будут защищать народ и закон, а не бюрократию от народа и от закона.

Где права человека не станут больше зависеть от настроения царя. Доброго или злого.

Где, наоборот, власть будет действительно зависеть от граждан, а суд — только от права и от Бога. Если хотите — называйте это совестью.

Я верю, так — будет.

Я совсем не идеальный человек, но я — человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме и не хочется здесь умереть.

Но если потребуется — у меня не будет колебаний. Моя вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал.

А ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность «системы»? Я не знаю, вам решать.

Ваша честь!

В ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, — тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае — не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании «вечного» дела ЮКОСа.

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они — выше закона, они всегда добьются того, «что задумали». Пока, правда, они добились обратного: из нас, обычных людей, они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга — их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать «козлами отпущения».

Я хочу надеяться, что суд с честью выдержит их психологическое давление. А давление будет, мы все знаем, как и через кого оно будет происходить.

Я хочу, чтобы независимый суд стал реальностью и буднями моей страны, чтобы слова о «самом справедливом суде в мире», рожденные в «совке», перестали столь же иронично звучать сегодня. Чтобы мы не оставили в наследство нашим детям и внукам опаснейшие символы тоталитаризма.

Ваша честь, я готов понять, что вам очень непросто, может быть, даже страшно, я желаю вам мужества.

Все понимают, что ваш приговор по этому делу, — каким бы он ни был, — станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений. И вы это понимаете лучше многих. Все имена останутся в истории — и обвинителей, и судей — так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов.

* * *

30 декабря 2010 года судья Данилкин закончил четырехдневный речитатив. Все юридические фантазии и галлюцинации прокуратуры насчет невиданного и неслыханного воровства собственниками собственной собственности у самих себя он признал явью.

...суд приговорил: признать Ходорковского Михаила Борисовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного

сложения, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима...

...Признать Лебедева Платона Леонидовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного сложения наказаний, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Срок отбытия наказания осужденному считать: Ходорковскому Михаилу Борисовичу с 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — с 8 февраля 2007 года. В окончательное наказание зачесть наказание, отбытое осужденными по приговору суда: Ходорковскому Михаилу Борисовичу — с 25 октября 2003 года по 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — со 2 июля 2003 года по 8 февраля 2007 года.

* * *

«Пожизненное заключение». Так должен был звучать истинный приговор. С разъяснением: имеется в виду политическая жизнь Путина — во всех ее возможных реинкарнациях.

Судья Данилкин мог войти в историю как человек, повернувший стрелку. Не войдет.

Хамовнический суд мог опровергнуть «Басманное правосудие». Не опроверг.

Все у нас не как у людей. Хлеб — казенный. Дело вовсе не дело, а скорей «процесс». Процесс не столько процесс, сколько «дело» и приговор. А приговор — за́говор и загово́р... И с этой дурной бесконечностью — в мировой прогресс?

То ли это власть топонимики, то ли топонимика власти. А может, язык во всем виноват — грешный наш язык?..

2010, № 4 (146)

II.
РОССИЯ
И
ВОКРУГ

От редакции

Раздел «Россия и вокруг» включает в себя шесть глав, освященных положению дел и событиям в тех районах постсоветского и мирового пространства, которые можно назвать болевыми точками на карте отношений России с окружающим миром, — «Чечня», «Грузия», «Украина», «Беларусь», «Россия и Китай», «Россия и Америка».

Главы эти составлены из текстов разного характера. Читатель найдет здесь и документально-аналитические материалы (Андрей Илларионов, Павел Фельгенгауэр, Леонид Финберг), и аналитику обобщающе-концептуального характера (Юрий Каграманов, Андреас Умланд, Евгений Ихлов), и острые публицистические отклики на те или иные события (Андрей Пионтковский, Сергей Ковалев), и живые свидетельства непосредственных участников этих событий (Дарья Костенко, Илья Анпилогов), включенные в панораму нашего обозрения.

I. ЧЕЧНЯ

1. ЕВГЕНИЙ ИХЛОВ

Права человека и выход из «чеченского тупика»

Способность решать основные общественные и политические вопросы путем откровенного и принципиального диалога — важнейший признак реального существования гражданского общества. Внешнее «монолитное единство» неисламской части российского общества в вопросе о вооруженном подавлении Чечни скрывает в себе на самом деле глубокий психологический раскол. И его не снять ни идеологическими заклинаниями, ни лихими публицистическими выплесками.

Я убежден, что «вторая чеченская война» на 90% продиктована психологическими причинами. Уже было столько сказано, что она была порождена очевидным желанием силовиков и президентского двора взять реванш за унижения «первой чеченской войны». Не последнюю роль, конечно, сыграла и жгучая досада за внешнеполитическое поражение на Балканах весной 1999-го, когда Россию упорно не хотели считать великой державой и выделять ей оккупационную зону в Косово. И как прозрачна была нехитрая предвыборная политическая комбинация в пользу Путина с очередной маленькой победоносной войной!

Но все это не сработало бы, если бы не главное — неистовое подсознательное стремление нации, разобщенной и закомплексованной многолетними неудачами (коммунизм — не построили, рыночные реформы не заладились, демократия и правовое государство — пустые декорации, первую чеченскую войну позорно проиграли и т. д.), вокруг хоть чего-нибудь «светлого» объединиться и дружно поразить сверхзло.

Скажем честно, что созданный изощренной пропагандой и выпестованный массовым подсознанием образ чеченца — этакий гангстер-фундаменталист — идеально подходил на роль суперзлодея. Знакомая и такая сладкая иллюзия — если вытеснить из сознания свои недостатки и перенести их на чужака, то, уничтожив чужака, как бы «очистишься». Нисколько не оправдывая чеченских гангстеров, отмечу, однако, что ежедневного набора ужасов из бесчисленных «криминальных хроник», «петровок, 38» и «дорожных патрулей» тоже было бы вполне достаточно для того, чтобы обосновать необходимость нанесения ракетных ударов по самым разным городам и весям России и уж тем более по Москве. Добавим к этому, что еще

неизвестно ведь и то, до какого скотства скатилась бы наша страна, если бы некий могущественный внешний враг разрушил бóльшую часть городов и промышленности и убил каждого шестого россиянина. А ведь пропорциональный ущерб Чечни от нашего вторжения только в 1994 – 1996 годах много превосходил ущерб СССР в Великую Отечественную войну. А перед этим были организованные и оплаченные российскими властями рейды наемников на Чечню, фактическая оккупация ими севера Чечни. Разве это не напоминает басаевские действия в Дагестане? И разве не был Басаев ударной силой Москвы против Тбилиси во время Абхазской войны?

Но вернемся ко второй чеченской войне. Она была фактически запрограммирована настырной и искусной пропагандой ненависти со стороны российских СМИ еще в мае-июне 1999 года, когда и речи не было о броске басаевцев на Дагестан и никакие дома еще никем не минировались. Кстати, год назад вовсю призывали запретить КПРФ за неотмежевание от Макашова. Но отвратительная юдофобская риторика Макашова — верх сдержанности и политкорректности по сравнению с призывами к истребительной войне с Чечней (при действующем мирном договоре!), вплоть до требований применения оружия массового поражения, которые наполняют эфир и страницы газет с июня месяца этого года!

И та же психологическая основа, то же травмированное постоянным унижением массовое сознание самым серьезным образом препятствует политическому (т. е. мирному) решению кризиса. Очевидно, что капитуляция чеченцев перед лицом безжалостной силы будет означать для них моральное самоубийство. Но и для России даже не поражение федеральных войск, а простая оперативная пауза в ходе боевых операций способны принести с собой крах всей политической системы, которую назвать демократической или реформаторской уже невозможно.

[...] Чеченцы же буквально прижаты к стене: они не могут почти поголовно уйти от российских войск, как ушли в XIX веке в Османскую империю сотни тысяч черкесов. Чеченцы не нужны и ненавистны на большей части России — как евреи в 30-е годы в Германии. И у наших милиционеров такой наметанный глаз, что можно обойтись без желтой звезды... [...] Сегодня история ставит эксперимент: либо за войну в Чечне и повальную кавказофобию Россия будет неистово морально страдать лет сто, либо это будет уже иная Россия, и ее гуманистическая традиция в культуре обнаружит свою полную истраченность.

[...] Нынешняя Чечня является таким же вызовом всей системе посткоммунистической России, какой непокорная провинция Иудея была для римского миропорядка. Решимость чеченского ополчения в декабре 1994 года противостоять всей мощи России с ее тысячами танков, пушек и самолетов сродни своим «безумием» намерению кучки еврейских партизан в 66 году нашей эры атаковать легионы Нерона.

[...] Но вернемся в наше время. Учтем следующее: для начавшейся 21 год назад в Иране мировой исламской революции, которая завязла сегодня

в талибских окопах под Кабулом, чеченская война — это уникальнейший шанс обрести второе дыхание, обновить свои идеалы. Тем более, что ползучая либерализация Ирана лишает исторических перспектив основную базу исламского радикализма.

[...] Стараниями новой, формирующейся на наших глазах, «национальной» российской элиты наша страна стремительно превращается в «новый Израиль». В данном случае это значит — создать из России новый аванпост западного мира в его противоборстве с исламом. Уходящая «реформистская», «демократическая» российская «элита» доказывала в 1992 – 1996 годах свое право на господство, представляясь в качестве незаменимого борца с коммуно-фашистским реваншем. Сменяющий ее новый правящий слой намерен подавать себя как единственную гарантию от радикального исламизма и террора.

[...] Поскольку в ряды поборников «войны до победного конца» встали все самые не просто темные, но мерзкие силы современной России: генералы-садисты, гэбисты-провокаторы, администраторы-расисты и опьяневшие от запаха крови журналюги из породы информкиллеров, — то «историческая педагогика» как бы требует поражения федералов. Но ценой такого развития событий будет не просто обвал недоделанной российской демократии и распад Федерации (хотя тут могут сказать: поделом вору и мука), но и установление жесточайшего исламистско-большевистского режима на территориях Кавказа, покинутых федералами. Вот действительное существо «чеченской» проблемы, от которого не уйти.

Так что же, можно или нет найти более или менее нормальный выход из этой ситуации — выход в интересах людей, а не честолюбивых бюрократических кланов?

Я думаю, что — да, если и исходить вот именно из того безусловного приоритета прав личности перед различными групповыми интересами — партийными, государственными, национальными, на котором всегда справедливо настаивало правозащитное сообщество.

Да, так называемое *национальное возрождение*, как и любой вид радикального движения, — это почти всегда тяжкое интеллектуальное и эмоциональное опьянение масс и форменное издевательство над духовной и культурной свободой. Однако в ряде случаев национал-сепаратизм диктуется потребностью в простом национальном выживании. Нет в мире силы, которая заставит чеченцев, объявленных в России архиврагами родины и человечества, чувствовать себя неотъемлемой частью нашей страны. Чеченцы не будут покорно жить под оккупацией: показных гуманитарных подачек надолго не хватит (как не хватает Южным Курилам, Сахалину и северам), а убийств, унижений и расправ горцы не прощают. Можно убедить (или принудить) этническое меньшинство не покидать многонациональное государство, но как без жесточайших репрессий заставить народ, уже фактически создавший на какое-то время собственное государство, осознавший себя суверенной нацией, вернуться в государство чужое, враждебное, еще недав-

...? Можно ли было уговорить в 50-е годы Израиль войти ...ства безусловно федеративного, крайне демократи... ...омического чуда?

[...] Обратимся к более близким нам реалиям.

Да, нам действительно очень невыгоден окончательный уход Чечни. Но ведь все равно в противном случае пропасть между ней и Россией — на века. Девятнадцать веков назад первохристианство соединило — после жуткого Александрийского погрома — представителей двух, до рвоты ненавидевших друг друга этносов — греков и евреев. Восемьдесят лет назад ранний большевизм объединил представителей увлеченно резавших друг друга народов Закавказья, славян и евреев на Украине. В третье чудо подряд — в появление учения, которое принесет быстрое моральное перевооружение и снимет проклятие племенной вражды, — я не верю! Поэтому раны взаимной ненависти и недоверия придется лечить очень долго, и «российская Чечня» — это такой же пустопорожний лозунг, как «французский Алжир» 40 лет назад. Кстати, нам и не снились те позиции, которые были у французов к 1962 году: все крупные населенные пункты под контролем, выиграны основные сражения, создан многочисленный лояльный местный слой администраторов, подавляющее большинство алжирцев проголосовали на референдуме за союз с Францией — все втуне!

Поэтому даже если легализация ухода Чечни таит в себе опасность вызвать эффект домино, — это надо принять, как восход утром или неизбежный крах социализма. Каждое мирное урегулирование конфликта с Чечней было бы для России менее выгодно. Чем дольше и ожесточенней конфликт, тем хуже будут условия мира. Если даже большинство российского общества и даст морально-политическую санкцию на геноцид, то это не значит, что его удастся «успешно завершить»: мы еще не знаем, каких демонов выпустили из ада (впрочем, чеченцы будут их воспринимать ангелами-мстителями с пламенеющими мечами). И тем более не купить нам еще несколько лет либеральных реформ ценой пирамиды чеченских черепов. Народ, готовый убивать ради своих интересов, вряд ли победит народ, готовый умирать за свободу, и вряд ли сумеет построить у себя общество, основанное на либеральных и демократических ценностях.

Очень весомы доводы против признания независимости Чечни психополитического характера: унизительно, когда и этот народ от нас уходит, Великая Россия — это не Португалия или Индонезия, чтобы терять колонии. Кроме того есть, разумеется, и иные, не связанные с правом, препятствия к признанию государственного суверенитета Чечни. Но сосредоточимся на главных аргументах против. Это соображения *юридические* (точнее, квазиюридические) и *гуманитарные*.

С моей точки зрения, правовая принадлежность Чечни к Российской Федерации на декабрь 1994 года была такая же фикция, как принадлежность РФ к СССР в день отмены Беловежского соглашения Госдумой в марте 1996-го. Чеченская республика вышла из СССР и РСФСР по той же

процедуре, по которой, допустим, Литва вышла из СССР в марте 1991-го, УССР и БССР — в августе 1991-го, РСФСР — в декабре 1991-го, а именно: решение принял президент или парламент, а затем — сильно после — провели референдум. В Чечне референдум о независимости задним числом не провели, лишь уважая Хасавюртовскую отсрочку с определением статуса, — тогда, напомним, обещали ждать пять лет. Теоретическую равноправность союзных и автономных республик установил новоогаревский процесс. Учредительный процесс у нас толком не состоялся, а то, что Шахрай или Филатов вписали в проект новой Конституции (безусловная легитимность приема которой вызывает ряд вопросов) некую «Чеченскую республику» — при том, что она к тому времени уже пятнадцать месяцев была Ичкерией, — так это их придворное дело. Чеченцев на Конституционное совещание не сильно звали. Выстраивать республики по ранжиру: что можно Риге, нельзя Грозному, — значит проявлять себя истинным ленинцем-сталинцем. Считать ли, что чеченцы недостаточно суверенноспособны потому лишь, что их — в отличие от Балтии, Польши, Финляндии и Закавказского Комиссариата — в свое время не признал Ленин? Или суверенитет дарует лишь признание «восьмеркой» да Генеральной Ассамблеей ООН?

Значительно важней гуманитарная позиция непризнания независимости Ичкерии. Жизнь показала: оставаясь в полуизоляции, при неукрепившейся государственности, чеченские власти не могут поддерживать самые необходимые и минимальные стандарты социального обеспечения, законности и порядка (как, впрочем, и добрая половина стран на глобусе. Ведь и вполне легитимного императора людоеда Бокассо чествовал президент Франции лично. И хотя императоры Веспасиан и Адриан были куда более умелыми и умеренными администраторами, чем восставшие против них Бар-Гиора и Бар-Кохба, а де Голль лучше руководил бы Алжиром, чем Бен Белла, однако что-то неукротимо влечет народы к свободе, невзирая на синяки и шишки, набиваемые об углы истории).

В этой ситуации становится ясно, что действительную стабильность, выгодную и для России и для Чечни и относительно скорее, чем в любом другом случае, способную привести к их дружественному сближению и действительно добрососедскому существованию, может дать все-таки лишь включение Чечни в мощную и просвещенную систему *более высокого порядка*. Но — как это сделать?

Таких сверхсистем может быть реально три: Россия, панисламистское сообщество и, условно говоря, человечество — в лице его демократического авангарда — ОБСЕ.

Однако за три прошедших года РФ показала полную неспособность включить Чечню в легальную российскую экономическую, социокультурную и политическую жизнь. И каждый новый залп по Грозному, каждый этап кавказцев из Москвы лишь увеличивает дистанцию между Россией и Ичкерией.

Силы панисламизма способны «поднять Чечню» (это осилит частным образом пара-тройка саудовских миллиардеров). Но ценой за это будет превращение Ичкерии в Антиизраиль — ударную силу Антизапада.

Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать, что *наилучшим вариантом* стало бы, условно говоря, *«косовское решение» чеченской проблемы*, инициатором которого могла бы стать сама Россия. И это было бы с ее стороны самым мудрым, исторически дальновидным, а в плане укрепления ее международного престижа — и самым эффективным ее решением.

А именно:

- учитывая психологическую настроенность российского общества (а отчасти и в угоду лицемерию современного международного права), Чечня временно фиксируется как часть РФ;
- в регион, по предложению России, заинтересованной в скорейшем восстановлении Чечни и в устранении реальных поводов, каждодневно провоцирующих поддержание атмосферы психологического напряжения в отношениях между чеченцами и федералами, вводятся международные миротворческие и полицейские силы;
- в этих же целях через структуры ООН и ОБСЕ в Чечне назначается полностью автономная от Кремля администрация;
- республике оказывается вся необходимая гуманитарная и экономическая помощь, в которой активно участвует и Россия, на местную и международную полицию возлагается обязанность ликвидировать терроризм и киднэппинг; все беженцы, все выдавленные из Чечни русские, казаки и другие народности получают возможность возвратиться,
- и, наконец, после реальной стабилизации обстановки в Чечне в 20.. году проводятся выборы в Учредительное собрание Чечни и референдум по вопросу о самоопределении.

Разумеется, необходимость пойти на интернационализацию урегулирования конфликта может быть воспринята российскими властями как невыносимое унижение (ведь их психология пока что еще предельно инфантильна). Но такое решение, повторяю, может быть принято и осуществлено и как акт подлинной государственной мудрости, силы и благородства, способный лишь поднять международный престиж и авторитет России, вызвать уважение к ней во всем мире. Именно такой вариант представляется поэтому самым разумным: федеральные части еще могут завоевать Чечню, но федеральные власти сами ее не обустроят, и в нищей оккупированной стране повстанческое движение будет постоянно переплетаться с бандитизмом, а враждебность населения к оккупационным войскам и через них — к русским вообще вряд ли перерастет в дружбу.

В чем главная трудность мирных переговоров? В том, что любая юридическая казуистика, вызванная проблемой статуса Чечни, немедленно упрется в один вопрос: имеют ли российские силовики и правоохранители право, до-

пустим, беспрепятственно арестовывать жителей Ичкерии? Если у них такое право есть, тогда не окажутся ли беззащитны чеченские политики, военные, предприниматели или интеллигенты перед нашей милицией, «органами» и прокуратурой? И, учитывая это, естественно предположить, что на такой статус Чечня не пойдет ни за что. Тем более, что жизнь показала: нашим правителям верить нельзя ни на грош и все их торжественные гарантии, вроде четырех мирных соглашений с Чечней, не стоят и самого ломаного гроша. А не будет права у российских властей и правоохранителей чинить суд и расправу в Ичкерии — это и есть на самом деле независимость от России, как бы ее ни называли. Другое дело, что Чечня могла бы стать членом некоей сложной конфедерации на основе Российско-Белорусского союза, но в уставе этого союза записано коварное требование к участникам — обязательно быть членами ООН. В тот момент, когда это условие «забили» в Устав Содружества, идея постепенного возвращения Чечни в Россию через участие в этом Содружестве была похоронена. В стране «военной демократии» Чечне господствует далеко не европейское понимание прав человека, и без широкого диалога российской и чеченской общественности популяризировать либерально-гуманистические ценности там будет сложно. [...]

Чеченцы старательно загнаны в угол и готовы к любым действиям против врага, а в России — после двенадцати лет борьбы за демократию на основе прав человека — широко внедрен чекистско-фашистский принцип коллективной ответственности, наша страна вновь готова противостоять свободному миру, мешающему ей строить железом и кровью империю. *Выбираться из этой клоаки ненависти и России, и Чечне придется вместе.* И иной основы для мира, кроме старых добрых принципов соблюдения прав человека, я не вижу.

2000, № 1 (103)

2. СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ:

«Та ли это страна — Россия, в которой надо уговаривать остаться Чечню?»

Из выступления на историософских чтениях «Россия при Путине — куда же ты?» (РГГУ. Декабрь 2000 года)

[...] Странным образом в качестве фундаментальных принципов права, записанных в том числе и в документах, формулирующих концепцию прав личности, т. е. центральное ядро современного права, философию права, — странным образом там записаны в качестве таких вот фундаментальных принципов такие, по-моему, взаимоисключающие два: право народов на самоопределение, которое все современные правоведы находят распространяющимся до государственного суверенитета, следовательно, до образования новых государств, и второй не менее фундаментальный принцип, — его по-разному называют разные люди, но это неважно, — это принцип нерушимости существующих границ. Вот интересно, как бы можно было совместить эти два принципа? С моей точки зрения, они взаимоисключающие.

Я сразу скажу, что я глубокий теоретический и отчасти практический антагонист права народов на самоопределение не в смысле культурной автономии, а в том смысле, как это обычно понимается, — в смысле независимой государственности. Я нахожу это право глубоко недемократичным, я нахожу, что оно состоит в вопиющем противоречии с самыми основами концепции прав личности. Все аргументы я приводить не буду, это опять-таки, наверное, надо оставить на дискуссию, я перечислю только некоторые из них.

Ну, первое. Кто это такие — народы? Кто это — субъект этого права? Хотел бы я иметь точное и не вызывающее сомнений определение субъекта права, однако его нет, и демографы иногда пытаются дать определение этому понятию, но, по-моему, до сих пор безуспешно. Ну, а если нет субъекта права, то нет и права.

Во-вторых, кто бы это предложил мирный механизм осуществления этого права? Ни в каких правовых документах, формулирующих само существование такого права, этот механизм не предлагается, и совершенно не случайно. Я думаю, что примеры Норвегии и Чехии и Словакии не есть опровергаю-

щие примеры, потому что это исключения, подтверждающие правило. До сих пор декларации этого права несла с собой только кровь, всегда. И вообще трудно придумать механизм мирного осуществления этого права.

Ну и наконец я назову третий аргумент, и этот аргумент, по-моему, кардинальный. Давайте заметим, как только возникает мононациональное, моноэтническое или почти моноэтническое государство, так немедленно возникают граждане первого и второго сорта. Это неизбежно: если есть так называемая титульная национальность, значит, это и есть граждане первого сорта, а все остальные второго. А между прочим, моноэтнические государства сейчас невозможны, более того, они крайне опасны. Опять-таки подавляющее большинство людей не согласится с этими утверждениями, и опять возникает замечательная возможность оставаться вместе с народом, а там уж на счет истины — Бог с ней, как получится. Ну, вот меня такой подход не устраивает.

А теперь давайте попробуем представить себе куда более сложную, практическую сторону этой острой и чаще всего кровавой проблемы. Вот представим себе 1946 год и представим себе такой диалог с влиятельными ведущими евреями, когда мы бы сказали: «Вот видите ли, вы создаете свое собственное государство на национальной основе, прежде всего на национальной основе. Как же это так, вы, столь продвинутая нация, давшая миру так много глубоких мыслителей, как же вы не понимаете, что будущее принадлежит единому человечеству?» Что ответили бы евреи? Такой вопрос тогда никому не задавался, но угадать, что бы ответили умные евреи тогда на этот вопрос, проще пареной репы. Они сказали бы так: «Только что кончилась война, в которой нас, евреев, убили шесть миллионов не по военным случайностям, а потому, что мы евреи, только поэтому. Теперь это называется холокост. А вы, задающие этот вопрос, довольно давно, уже в течение целого XIX века, по крайней мере, говорили о том, что надлежит дать гарантии безопасности любым людям любых национальностей любого цвета кожи и языка, религии и т. д. и т. п. Вы нас не спасли, вы позволили нас уничтожить, а вот теперь 1946 год и в стране одной из первых жертв той чудовищной идеологии, которая призывала нас убивать, в Польше, начали происходить еврейские погромы. И вы еще говорите о каких-то гарантиях всечеловеческих. Нет, мы будем стараться защищать себя сами». И я боюсь, что никаким теоретикам нельзя было бы возразить на это — увы, так обстоит дело.

Обо мне довольно часто говорят как о ходатае за чеченскую независимость. Это неправда, это не так. Я никогда не ставил вопроса о чеченском суверенитете. Если об этом зайдет разговор, то мне интересно будет поговорить об этом подробнее. Совсем не так, но дело-то не в этом тем не менее, и я с грустью должен отметить в этой связи следующие два обстоятельства.

Первое — чеченская судьба и еврейская судьба. Ну, они, конечно, очень различны, но в них довольно много общего, и поэтому стремление очень многих чеченцев обезопасить себя самим, избежать всяких там депортаций и разных кавказских войн, — ну что ж, оно естественно.

И второе обстоятельство. Я со страхом думаю о том, что будет, когда и если осуществится чеченский суверенитет. Я очень люблю чеченцев, многих из них, и мне просто страшно об этом думать: это будет ужасное государство.

Но вместе с тем вот еще какое важное обстоятельство имеет место. Хорошо, допустим, чеченцы задумались и поняли, что будущее за глобализацией, а вовсе не за моноэтническими государствами. Да здравствует единое человечество. И что им тогда — остаться в России? Знаете, та ли это страна — Россия, в которой надо уговаривать остаться Чечню? Я вот сильно сомневаюсь, что мы, русские, можем им сказать: глобализация имеет много противников, но она идет, и ее не остановишь, поэтому не ставьте вопрос о вашем государственном суверенитете. Такова, если говорить о самых существенных вещах, глубокая проблема, вот в этом частном вопросе о настоящей независимости, о правильном самоопределении.

ВОПРОС. Вы сказали, что не сформулировано понятие субъекта права, но если мы с вами обратимся к отраслевому законодательству, в частности, к кодексам, то первые же статьи посвящены именно субъектам права. Гражданский кодекс определяет такие субъекты права, как граждане и их объединения, юридические лица, государства в целом и т. д.

Это некое недоразумение. Я говорил не о праве вообще и не о том, что вообще субъекты права отсутствуют, я говорил о праве народов на самоопределение. Вот что такое юридическое лицо, — понятно, это написано в законе. Что такое физическое лицо, тоже понятно. Но непонятно, что такое народ. Кто это такой? Как можно давать право на самоопределение, на создание государства некоторой неопределенной совокупности людей, не определенной никак? Народ может создать новое государство, следовательно, не-народ не может. Но народ — это не просто население, да? Как же его определить?

Приведу простой практический пример. В Дагестане, если я не ошибаюсь, 36 языков. Требуются переводчики, для того чтобы переводить там с аварского на какие-то другие языки, не знаю, на все ли. Понимаете, вот существует удивительная система власти в Дагестане, примерно как в Ливане, но только гораздо сложнее, да еще и не определяемая законом. Какую должность должен занимать аварец, какую даргинец, какую там еще кто-то. И вот давайте попробуем представить себе: ведь они имеют право на самоопределение, эти народы, если это народы, а если не народы, то почему — не народы? Вот об этом речь: не может быть в столь фундаментальных областях права такой беспрецедентной неопределенности...

2001, № 2 (108)

3. ЮРИЙ КАГРАМАНОВ

Беслан: школа как болевая точка

Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума,
Чтоб выслушать: «Нам милее
Египетская тьма!»

Р. Киплинг. «Бремя белых»

Похоже, что, выбрав школу в качестве объекта атаки, террористы перестарались: то, что они выдают за «дело Аллаха», на сей раз слишком явно отмечено когтями Иблиса (дьявола). Массовое убийство детей вызвало широкое возмущение даже в мусульманском мире, большинство которого террористам в иных случаях так или иначе сочувствует (увы, но это факт).

Даже в среде самих нападавших, не знавших заранее, на какое дело их ведут, нашлись такие, кто был повергнут в смущение. Так, по некоторым сведениям, две женщины-шахидки, бывшие в отряде, уже на второй день удержания заложников выразили недовольство тем, что их вынуждают участвовать в убийстве ни в чем не повинных детей; за что они были взорваны раньше времени своим вожаком.

Но если взглянуть на вещи «без сантиментов», придется признать, что в нападении на школу был свой резон — хотя, возможно, нападавшие руководились им подсознательно. Школа была и остается проводником русского влияния на Кавказе — гораздо более надежным, чем крепости и форты с «грозными» названиями (вроде Владикавказа или того же Грозного).

Не следует упрощать дело: проводник влияния в данном случае не есть то же самое, что инструмент господства. Просвещение (примерно к середине XIX века окончательно потеснившее идею крещения иноверных) per se было *одной из* главных целей русского наступления на Кавказ (хотя, конечно, нельзя сказать, что оно было главной целью). Еще шла Кавказская война, а в местах, прилегающих к зоне боевых действий, стали создаваться первые школы — для детей офицеров, но также и местных жителей, которые обучались здесь русскому языку. А русский язык открывал для аборигенов Северного Кавказа дорогу в «большой мир».

Будем помнить, что в отличие от Южного Кавказа (Закавказья), где существовали древние культуры, хотя и пришедшие в состояние глубоко-

го расстройства, Северный Кавказ (за исключением Осетии, исторически подпавшей под влияние Грузии) был отсталой провинцией мусульманского мира, который и в целом-то не без оснований называли тогда отсталым. Здесь существовали только духовные школы при мечетях — *мектебы* (1-я ступень) и *медресе* (2-я ступень), где обучали арабскому языку и Корану; притом чем выше в горы, тем реже становились и эти школы, и сами мечети.

Стихийно сложившаяся стратегия русских на Северном Кавказе была такая: вытеснить авторитет арабского языка авторитетом русского языка.

Интересно, что первыми просветителями здесь были отставные офицеры. Так, полковник П. К. Услар уже в 1862 году, то есть «назавтра» после окончания Кавказской войны, инициировал создание школ, в которых местные дети учились читать и писать на родном языке, и сам придумал для некоторых бесписьменных народов (аварского, чеченского и кабардинского) первые азбуки — на базе русской графики. Этим достигалась двойная цель: укреплялось самосознание горских народов как отличных от народов арабского мира и в то же время облегчался переход к изучению русского языка. Другой отставной офицер А. П. Ипполитов, возглавивший после окончания войны Шатойский округ, открыл здесь первые школы с начальным образованием на русском языке; сам он, между прочим, женился на чеченке, овладел чеченским языком и переводил на русский произведения чеченского фольклора.

Уже в 60-е годы в Ставропольской гимназии появились первые ученики из Дагестана и Чечни. В дальнейшем уже на дагестанских и чеченских землях появились гимназии облегченного типа, где классические языки заменил русский, а классы подразделялись на православные и мусульманские. Так создавалась местная интеллигенция, которая, независимо от своих политических взглядов, была уже прочно связана с Россией.

Советская школа во многом продолжила традиции дореволюционной школы, с тем отличием, что теперь это была атеистическая школа и какие-либо «заигрывания» с религией начисто исключались. Резко вырос охват населения системой общего образования (что, наверное, произошло бы и в том случае, если бы не было революции).

В то же время с советизацией школы начались шараханья, которые не могли не привести в смущение незрелые умы. Сначала попытались восстановить в правах арабский язык — только потому, что его изгонял царизм; потом перевели местные языки на латинскую графику, и только в конце 30-х годов вернулись к русской графике.

Еще важнее были шараханья с преподаванием истории; на Северном Кавказе это касалось в первую очередь истории Кавказской войны. Сначала она преподносилась как справедливая борьба горцев против царизма; предполагалось, что новая власть как «интернациональная» и «рабоче-крестьянская» ничего общего с царизмом не имеет. В конце 30-х знаки резко поменялись: присоединение Северного Кавказа к России стало делом объективно прогрессивным, а Шамиль оказался агентом английского империализма.

Что на деле способна сотворить «рабоче-крестьянская» власть, показала депортация целых народов, проведенная в 40-х годах с жестокостью, до какой никогда бы не могли додуматься «царские сатрапы».

Какие созвучия в местных умах рождали все эти противоречия, можно только догадываться. Ясно, во всяком случае, что они сохраняли память о Кавказской войне как справедливой или хотя бы отчасти оправданной со стороны горцев. В то же время местная интеллигенция испытывала обаяние русской культуры, да и вся мировая культура преломлялась через русскую призму. [...]

А что сейчас? Листаю общероссийский учебник «История России. Учебный минимум для абитуриента» (М.: Высшая школа, 2003). Без малого тысяча страниц, а о Кавказской войне, точнее, о Кавказских войнах XVIII – XIX веков нигде *ни слова*. Хотя рассказывается о завоевании Средней Азии. О советском периоде — сумбур вместо истории. Вскользь говорится о сталинских депортациях, но конкретно упоминаются только западные украинцы, прибалты и молдаване (то есть народы, ныне не входящие в состав РФ); о кавказских народах — *ничего*.

Вероятно, авторы учебника хотели избежать «скользких» сюжетов. Но тем самым они оставили место для невежественных, а порою и совершенно диких их толкований.

[Однако на эту тему] говорить можно и должно. Даже современники Кавказской войны Пушкин и Лермонтов (последний к тому же ее участник) *умели* охватить ее взглядом с разных сторон, так что в итоге получалась взвешенная, близкая к истине картина. Возьмите знаменитую последнюю строфу из стихотворения Пушкина «Кавказ» (которую и при царской и при советской власти то разрешали, то запрещали):

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Строфа проникнута определенной симпатией к мятежному Кавказу: словосочетания «буйная вольность» и «дикое племя» (неполиткорректное в наше время выражение, но вполне отвечавшее принятой в XIX веке объективной классификации народов и племен) имеют позитивную окраску в рамках романтической поэтики; и все же историческая правота, и это понимает Пушкин, на стороне тех, кто несет *просвещенную* (и просвещающую) власть и с нею законы (а потом еще станет насаждать школы, где будут заучивать наизусть Пушкина и Лермонтова).

Да, Россия в свое время завоевала Северный Кавказ, лишив его народы независимости, но завоевание это, по меньшей мере отчасти, было вынужденным. После того как Южный Кавказ стал русским (а Грузия и Армения, напомню, присоединились к России скорее добровольно), Северный Кавказ оказался анклавом, окруженным со всех сторон русскими территориями. И добро бы это был мирный анклав. А то ведь оттуда постоянно совер-

шались разбойные нападения на все, что не защищено и что находится в пределах досягания.

Вспомним, что Пушкин, путешествуя в Арзрум, после Владикавказа вынужден был присоединиться к каравану, насчитывающему пятьсот (!) человек и включающему все три рода войск (такова была *обычная* почтовая *оказия,* отправлявшаяся раз в две недели), а на обратном пути положился на защиту «славного Бей-Булата», чеченца, перешедшего на русскую сторону.

Как это ни парадоксально, но именно русское завоевание сделало возможным для северокавказских народов территориальную экспансию. Дело в том, что горцы никогда не осмеливались обживать подошвы своих гор: селиться на не защищенном ландшафтом месте было для них смерти подобно. К примеру, Надтеречный район, ныне входящий в состав Чеченской республики, никогда ранее не был заселен чеченцами. Только цивилизация, принесенная на русских штыках, сделала для горцев возможным также и равнинный образ жизни.

Еще важнее, что Россия осуществляла на Кавказе, как я уже сказал, просвещенческую миссию. А то, что при этом лилась кровь, не дает оснований для многовекового злопамятства. [...]

Самым трагическим последствием русского завоевания для некоторых северокавказских народов, а именно чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и калмыков, стала депортация, осуществленная в 1943 – 1944 годах («ошибка», ввиду слишком уж явного своего изуверства, была исправлена в 1957-м). Но депортацию осуществила советская власть, в становлении которой приняли участие все народы бывшей Российской империи (напомню, что в годы Гражданской войны бóльшая часть северокавказского населения поддержала красных). И между прочим, решение о депортации приняли на самом высоком уровне два кавказца.

И бедствия, которые претерпели депортированные народы, не выделяются на тогдашнем общем фоне. В этом смысле разница между северокавказскими народами и, скажем, русским народом лишь в том, что последний был депортирован (или физически уничтожен) лишь частично, за фактической невозможностью депортировать или уничтожить его целиком.

Удивительно, что и в условиях всеобщего разора продолжал дуть верхний, так сказать, ветер, поющий «про сильных и больших людей», которые строят и обязательно построят самое справедливое общество на земле. Советская школа питалась этим ветром и в меру своих возможностей еще усиливала его. Заметим, что в реалистическом (а по советским меркам — очернительском) романе Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая», где действие происходит в Чечне в самый год депортации, над страшными реальностями возвышается светлая (даже, пожалуй, чересчур просветленная) фигура русской (или, во всяком случае, русскоязычной) воспитательницы, олицетворяющая веру в «разумное, доброе, вечное», *несмотря ни на что.*

Свою просветительскую миссию на Северном Кавказе русские продолжали до самых последних лет советской власти, и, хотя из нее было вынуто

религиозное содержание, какие-то позитивные в ограниченном смысле результаты она принесла. Цивилизация, основанная на безрелигиозном гуманизме, — это все-таки цивилизация; плохо в ней то, что рано или поздно внутри нее открываются роковые пустоты. На исходе советского периода северные кавказцы более или менее успешно вписались в русский мир, как правило, хорошо или прилично говорили по-русски, а многие сумели далеко продвинуться на том или ином достойном поприще.

К истории русско-северокавказских отношений могут быть отнесены слова Бориса Слуцкого:

Как спутано добро со злом!
Каким тройным морским узлом
Все спутанное перевязалось.

И не разрубить этот узел мечом; надо терпеливо распутывать его, если мы хотим и дальше жить вместе. Русская сторона должна здесь найти средний путь между покаянием и самозащитой, о чем недавно писал (по другому поводу) А. И. Солженицын.

Школа — место, где получают «путевку в жизнь», имея более или менее сложившееся представление о своей стране, ее прошлом и видах на будущее. Оставлять детей «за флагом» просвещения опасно с точки зрения общественного блага; на Северном Кавказе (сместим акцент) — с точки зрения интересов Российского государства. Мы это видим на примере Чечни, где за несколько лет выросло диковатое поколение, никогда не ходившее в школу и ныне ставшее главным источником пополнения для боевиков-террористов.

Но формальная «охваченность» образованием уже не является гарантией того, что северокавказские (как, впрочем, и некоторые другие) нацменьшинства будут должным образом интегрированы в русский мир. Нынешняя школа в своей основе формировалась во времена победного шествия европейской цивилизации, частью которой была и остается Россия. Но победного шествия давно уже нет. «С той стороны» хорошо видно, что бессильно повисли некогда гордо надутые паруса и что корабль движется только по инерции.

Конечно, если под цивилизацией понимать, как писал еще Глеб Успенский, «кабаки, кадриль, пьянство и наклонности к разрушению семейных устоев», то с этим сейчас все в порядке (заменим только кадриль на более темпераментные телодвижения). Но если иметь в виду, как принято было выражаться, «высшие цели», то вот с этим дела обстоят совсем неважно.

Особенно это относится к России. Коммунистический проект был наиболее радикальным вариантом просвещенческого (в данном контексте — от Просвещения XVIII века) утопизма. Его полный крах неизбежно должен был породить долговременную смуту — если не на политической арене, то в умах и сердцах во всяком случае. Было бы странно, если бы в этой ситуации у окраинных народов не проявились тенденции к отложению от России.

Часто говорят, что у России нет своей политики на Кавказе. На самом деле у России нет чувства миссии на Кавказе, как и в других местах.

Зато чувство миссии есть теперь у противной стороны. Противной стороной я называю здесь мир воинствующего исламизма.

Террористическая война — «фрагмент» в общей картине «столкновения цивилизаций», христианской (которую можно так назвать лишь с большой долей условности) и мусульманской. Все софиты на нее нацелены, оставляя в тени главные вопросы: откуда являются террористы, *что* побуждает их действовать так, как они действуют? И особенно: почему к ним испытывает тайную или явную симпатию большинство мусульман? Если не считать террористов, то мусульманский мир остается для нас малоосвещенным и, откровенно говоря, малопонятным.

Хотя ответы на поставленные вопросы надо искать не только в мусульманском мире. Хорошо известно, например, какую роль сыграли советские инструкторы в воспитании террористов всех мастей. И даже если бы не было прямого советского инструктажа, самый пример советской истории не мог не оказать в этом смысле заразительного влияния. Люди Востока — заметливые люди; из-под полуопущенных век наблюдают они, что происходит в чуждом им мире, и делают свои выводы. Если Европа такая хорошая, то откуда взялся Сталин? Откуда взялся Гитлер? И нынешние трансформации евроамериканской культуры отнюдь не настраивают мусульман на миролюбивый лад. Когда-то Европа производила впечатление уверенности в себе и заражала мягкостью, гуманностью; сейчас от нее исходят совсем другие нервные токи — глубинной разуверенности, склонности к бесконечному экспериментированию со злом, пока умозрительно-фантазийному.

Если мы хотим сохранить русское господство или хотя бы русское влияние на Кавказе, а не отступать, скажем, до Волги, нам, конечно, придется продолжить нынешнюю войну. Хотя это несчастливая война. Вообще-то, наверное, счастливых войн не бывает, но в таком случае это особенно несчастливая война. Потому что российское войско ведет ее в состоянии упадка духа и нравственной неустойчивости (хотя будем надеяться, что такие люди, как полковник Буданов с его подручными, являются все-таки исключением).

Довольно зыбкой представляется и объявленная цель войны: сохранение Российской Федерации в ее нынешних границах. Поскольку границы эти проводились в советское время, легитимность их весьма относительна*. По-настоящему оправдывает войну лишь то, что она является, по сути, обо-

---

* Напомню, что согласно «сталинской» Конституции 1937 года национальные меньшинства, насчитывающие не менее одного миллиона человек и имеющие общую границу с иностранными государствами, получали статус союзных республик и с ним вместе право на отделение (хотя бы чисто формальное) от Союза. В то время Чечня и Дагестан названным условиям не отвечали. Теперь же Чечня имеет более миллиона населения, Дагестан — более двух, и обе республики граничат с иностранными государствами.

ронительной: таковою она стала в тот момент, когда «ичкерийское» войско напало на Дагестан (не проявляющий — пока, во всяком случае, — стремления к отделению), а исламские изуверы стали устраивать взрывы на территории России.

И школа, в том виде, в каком она ныне существует, не является гарантией того, что будет воспроизводиться ставшее естественным тяготение к России, которое сохраняют старшие поколения. Такая школа не выдержит столкновения со «школой жизни», вразумляющей на совсем иной лад. Если школа без кавычек будет полагаться только на инерцию советских традиций, от нее будут откалываться наиболее пассионарные, как теперь принято говорить, элементы и прибиваться к тайным ваххабитским кружкам, число которых постоянно растет (на Северном Кавказе и в других местах). А вахабиты учат не только писать «наоборотно» — справа налево, — по-арабски, но и мыслить так же; причем «наоборотно» не только русскому научению, но и местным религиозно-культурным традициям.

Конечно, ваххабизм — это все-таки ислам, пусть и в сильно упрощенном его виде. Но в культурном отношении это солончаковая пустыня, которая будет отхватывать все новые территории у некогда цветущих краев. К тому же из рядов ваххабитов выходят «воины Аллаха», у которых одна задача — сеять вокруг себя смерть; а это уже и не ислам, а подлинно «тьма египетская».

Нужно радикальное обновление концепции просвещения (на что потребуются годы и даже десятилетия). Вообще-то это дело не чисто русское, а общее европейско-американское; но Россия могла бы здесь сказать свое веское, быть может, решающее слово, — если бы пустила в дело свое религиозно-философское наследство, до сих пор хранимое в «запасниках». В этом случае школа из болевой точки, каковою она является сегодня, стала бы магической точкой роста; и русский «участок» в «столкновении цивилизаций» из самого слабого сделался бы самым сильным. Соответственно и русская политика на Кавказе получила бы наступательный импульс.

И тогда рано или поздно Кавказ (не только Северный, но и Южный) снова стал бы органически близким России краем, как бы ни были проведены здесь государственные границы.

2004, № 4 (122)

4. ИЛЬЯ АНПИЛОГОВ

Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней

Из дневника солдата-срочника

«Ахтырка»

[...] **23.05.00 г.** ...На сборный пункт в областной военкомат нас привезли довольно быстро. Поутру нас погнали на уборку территории, но мы проделали это слишком быстро, и начальство не знало, чем нас занять еще. Так и сидели на лавках с редкими перерывами на построения и еду. [...]

28.05.00 г. Приехали мы в Краснодар. Потом поехали на электричке в Ахтырск. А оттуда нас машиной повезли прямо в учебную часть, которая находится уже в горах, в долине. [...]

26.06.00 г. [...] В полку про Чечню говорят, что отправят туда только тех, кто прослужил полгода и напишет рапорт о таком желании. Желающих довольно много. Уже при нас из полка десять «черпаков» туда уехало, чтобы пораньше демобилизоваться. [...]

27.07.00 г. Сформировалась группа добровольцев в Чечню. Вообще желающих ехать туда много: говорят, там день за три идет и платят чуть ли не полторы тысячи в день! Весь юг, оказывается, с этого живет. [...]

19.08.00 г. Получил из дома сразу четыре письма. Пришли они сюда в разное время, но пока почта раскачивалась, они все вместе и собрались. Однако «благодаря» почте теперь могу представить жизнь дома сразу за целый месяц. [...]

22.10.00 г. [...] Мама все переживает, что я тут «в глаз получаю», но напрасно. В солдатском коллективе достаточно (только сразу!) себя поставить, и больше ничего не надо: авторитет будет работать на тебя. А еще мама спрашивает: ем ли жирное? Отвечаю: теперь я ем всё. [...]

05.11.00 г. Из госпиталя «на комиссию» привезли земляка. Мы с ним знакомы еще по сборному пункту и в «Ахтырке» в одном взводе были. Толь-

ко его при расформировании учебной роты забрали в разведку. Я не знаю, что произошло с ним за эти четыре месяца, но это был уже совершенно другой человек, и смотреть на него было жалко и жутко. В тот же день его увезли обратно в Курск. [...]

Дышне-Ведено

07.12.00 г. Я уже в Чечне. Оказался здесь по разнарядке. Чечня встретила нас прекрасной, почти летней погодой. Места здесь удивительно красивые. Веденское ущелье представляет собой широкую долину, а по нему на много километров растянулось Ведено, которое делится на несколько частей. Перед нами — Дышне-Ведено. Село большое, есть мечеть, электричество. Ночью — прямо Лас-Вегас, а днем никого не видно. Даже собаки не лают, но школа работает, и по утрам видно, как дети туда ходят.

Прямо за Дышне-Ведено видно селение Джаной-Ведено, а справа на склоне большой горы — Ца-Ведено, над нами же села Эрсеной и Курчали. Слева за «взлеткой» — селение Центарой. Самое интересное из окружающих селений — это Эрсеной: дома стоят на абсолютно голых камнях горной вершины. Даже удивительно: как туда воду доставляют?!

[...] Позиции нашего полка тянутся по сопкам вдоль ущелья и делятся на РОПы и ВОПы, представляющие собой маленькие крепости, которые расположены довольно близко друг от друга и соединены рокадной дорогой. [...] Честно говоря, я теперь даже рад, что попал сюда. И деньги нам платят, и «день за два» идет. Получается, что я уже в августе уволюсь. Все эти льготы — за тяжелые условия службы, которые, по-моему, ничем не отличаются от условий деревенской жизни: те же дрова, та же вода, грязь непролазная. [...]

20.12.00 г. [...] Служба особо не обременяет, только становится заметно скучнее. Новые впечатления блекнут, привезенные книжки и газеты дочитываются. Остается одно развлечение: с поста в бинокль разглядывать Ведено. Как раз напротив нашего ВОПа находится мечеть, откуда в строго определенное время разносятся призывы муллы на молитву, больше похожие на жалобные завывания.

[...] Хотя село начинается прямо у подножия сопки, на которой стоит наш ВОП, с местным населением мы практически не встречаемся. Только когда спускаемся вниз за дровами, местная детвора сбивается в стаи и громко кричит от домов, обзывая нас «русскими свиньями». Мы смеемся и шутливо грозим им стволами. Ребятня разбегается, и дразнят нас уже из укрытий.

Связь с селом осуществляется только через КАМАЗ, который каждые два дня ездит туда за водой. Через него же те, у кого есть деньги, заказывают покупки на местном базаре. Деньги же сердобольные родители присылают в письмах, и, хотя их сильно потрошат, некоторые купюры все-таки доходят. Других денежных поступлений у нас нет, так как никакого денежного довольствия нам уже давно не платят.

Еще для связи с селом у нас есть и «чех» Саид, который тайно ходит к нам на ВОП для коммерции. Минеры специально для Саида оставили проход в минных полях, лишь утыкав его «спотыкалками». Я однажды спросил Саида, как относятся в селе к его походам к нам, на что он ответил: грозятся, мол, убить, но семью-то кормить надо. [...]

30.12.00 г. ***Из хроники.*** *В течение суток производился артобстрел Веденского ущелья артиллерией федеральных сил.*

02.01.01 г. [...] Погода здесь стоит совсем не новогодняя. Утро нового года застало меня в затопленном окопе, где я пытался спустить воду через стоки.

Накануне нам выдали подарки. Это коробка на двоих, в которой были банка консервированных персиков, банка шпрот, палка колбасы, плитка шоколада, три пакетика растворимого кофе, три пакета сушеных абрикосов, пачка печенья и жевательная резинка. Вообще-то все это пошло на общий стол. Да еще командир купил у «чехов» пять «полторашек» лимонада, и наш повар расстарался. Словом, кое-что на столе было, на наш маленький гарнизон вполне достаточно.

[...] А Миллениум мы отметили так: до двенадцати посидели за столом, послушали Москву (нам ее «связюки» транслировали через полевой телефон), а в двенадцать поднялись наверх. Там же черт-те что творилось! Били в воздух из всего, что стреляло, — по всей Чечне, наверное! Светло было, как днем, так как минометчики пускали осветительные мины-люстры, а все остальные стреляли трассерами. И с БТРов били, и из танков. Мы тоже не остались в стороне от святого дела: ребята из взвода прикрытия стреляли из автоматов и пускали ракеты, а мы, зенитчики, высадили два короба трассирующих снарядов в гулкое чеченское небо, что вообще-то при нашей скорострельности — сущий пустяк. Словом, было дико красиво.[...]

Ну а сейчас праздник кончился и начались обычные трудовые будни: чистим осыпающиеся окопы, таскаем воду, пилим дрова. Иногда от нечего делать лупим по консервным банкам. Ими, простреленными, вокруг постов все завалено. Вообще после военных остается одна большая помойка. Столько мы всякого мусора создаем!

Бывает, стреляем и по волкам. Они тут толпами бродят вокруг застав. А чтобы не тревожить начальство лишними выстрелами, ставим на автоматы самодельные глушители из пластиковых бутылок с множеством отверстий. На два-три выстрела хватает. [...]

06.01.01 г. Природа здесь отчаянно красива, и горько становится, что все загажено войной. В лес нельзя сунуться без миноискателя, потому что мин и растяжек там уйма. И наших, и чеченских. С обеих войн накопилось. Прямо же напротив моей зенитки, метрах в шестидесяти, находится чудная поляна, а на ней стоит еще с той [illegible] БМП. Досталось тут ребятам.

А недавно при рытье хода сообщения наткнулись на могилу. Судя по остаткам амуниции, кто-то из наших. И не старый еще: зубы крепкие.

Да и само Ведено носит следы войны. Село как село, а в бинокль видно, что половина домов без окон и крыш, от школы одни руины остались. Но народ живет. [...]

08.01.01 г. ***Из хроники.*** *В райцентре Ведено местные жители, собравшись у комендатуры, требовали освобождения арестованных и прекращения обстрелов.*

17.01.01 г. В начале месяца все пугали отменой «боевых», но теперь все успокоилось. Говорят, что платят по-прежнему. Да и не «боевые» для нас главное, а то, что «день за два» идет. Это уж никак отменить не могут, так как условия службы у нас ничуть не изменились и стреляем мы с той же интенсивностью. Но на ВОПе, как каждый вечер докладывает командир, — «без происшествий». Дни идут настолько одинаковые, что даже маленькое событие становится значительным. [...]

23.01.01 г. ***Из хроники.*** *В Веденском ущелье обнаружено несколько отрядов боевиков, по которым нанесены артиллерийские удары в окрестностях Ведено.*

31.01.01 г. По ночам армейская артиллерия бьет куда-то в горы. Там десантники и «спецназ» воюют. Нас, возможно, тоже сорвали бы на операции, но у нас такой дикий некомплект в людях и технике, что себя-то еле-еле обслуживаем. Во всем полку лишь несколько исправных БТРов и две БМП, а с машинами вообще кошмар. [...]

05.02.01 г. ***Из хроники.*** *В Веденском ущелье отмечается усиление активности боевиков, участились случаи нападений на военные колонны и объекты.*

Хатуни

08.02.01 г. В начале февраля поступил приказ 1 БОНу и нам сниматься с насиженных мест и отбыть в Хатуни. Имущества набралось много, потому что, не зная, что нас ждет на новом месте, мы разобрали здесь все, что только можно. Даже доски, которыми были обшиты стены блиндажа, забрали с собой. Мы бы и накат разобрали, но не было времени землю с него убирать, да и сил не было тоже: на ВОПах вовсю свирепствовал голод. Еще месяц назад я, играючи, один поднимал пятидесятипятикилограммовые ящики со снарядами. Теперь же один ящик мы тащили вчетвером, да и то часто отдыхали, дожидаясь, пока перед глазами перестанут мельтешить разноцветные круги.

Примечательно, что машины для переезда дали «чехи», они же были и водителями, так как ни машин, ни путёвых водителей для горных дорог в полку нет. [...]

17.02.01 г. Работая, как звери, день и ночь, отстроив все необходимое для жизни батальона, мы отправились в Киров-Юрт строить новую заставу. Везет же мне на фортификацию!

[...] С населением на новом месте дислокации установились поначалу «мир — дружба — фестиваль», и глава местной администрации в знак этого подарил нам новую двуручную пилу. Мы его тоже чем-то отблагодарили. Однако быстро выяснилось, что под звон бокалов и речей на выезде с заставы был установлен фугас, который тут же контузил водителя нашего КАМАЗа (повезло, что из четырех снарядов, входивших в состав фугаса, сработал только один), а глава местной администрации (который, кстати, мгновенно исчез) находится во всероссийском розыске. Отношения перешли в привычное русло — через прицелы.

22.02.01 г. ***Из хроники.*** *У села Хатуни задержана корреспондент Анна Политковская после посещения ею селений Махкеты и Товзини.*

Киров-Юрт

[...] **25.03.01 г.** У нас настоящее горе: позавчера получили телефонограмму, в которой говорится, что с 1 мая мы, оказывается, служим «день за день». Любит Родина «под дых» бить. И умело.

В остальном же служба идет по-прежнему: днем работаем, ночью на постах стоим. Погода стояла в последние дни прямо летняя. Мы уже раздетые ходили и загорать пытались, но вчера внезапно пошел дождь, а к утру и снега насыпало. Одно слово: Северный Кавказ, черт бы его побрал. А тут еще у народа водянка началась, как у блокадников. Фельдшер пытается ее лечить, но даже я знаю, что лечить надо не болезнь, а ее причины (это уже что-то с почками, по-моему, связано), но медицине виднее. На то она и медицина.

02.04.01 г. ***Из хроники.*** *В мечети селения Киров-Юрт обнаружен большой склад оружия и боеприпасов без следов консервации.*

14.04.01 г. [...] У нас все по-прежнему: работаем, работаем и еще раз работаем. Тем более, что все работы пришлось начинать заново. Дело в том, что новый комбат усмотрел, наконец-то, непорядок. Наша застава была расположена в низине, прямо на берегу речки Басс и прекрасно просматривалась с окрестных высоток. Тут как-то три ночи подряд воевали, так «чехи» настолько близко были, что головы было не поднять, а по селам было не шарахнуть толком, так как Махкиты хотя и лежат впереди за речкой, но лесистый берег их скрывает, а Киров-Юрт вообще позади за полем. На кой черт нас сюда с самого начала загнали — ума не приложу.

Комбат приказал подняться выше, и теперь мы расположились в здании бывшего РСУ, но уже над обоими селами. Кроме того, с нового места нам видны Хатуни, мост через речку Басс, а на склонах гор за селением Махкиты

виден Сильментаузен. Слева в сотне метров от нас стоят десантники 119-й Тульской дивизии ВДВ, а на горе справа — их ВОП.

Позиция, конечно, гораздо лучше, но ведь могли бы об этом и раньше догадаться. Там-то, на старом месте, все окопы отрыты, все посты отстроены. А здесь все надо начинать сначала.[...]

Из служебных новостей только одна, да и та плохая: вслед за «день за два» отменили и «боевые». Правда, обещают ввести какие-то «президентские», но это все нас уже мало трогает. Уставать я стал от всего этого вранья, да и по дому соскучился. Пришедшие еще в начале марта письма уже наизусть выучил, постоянно их перечитывая. Это у нас здесь любимое занятие. Тоска, словом. [...]

22.04.01 г. [...] На прошлой неделе к нашим соседям-десантникам приезжал Путин. У десантников ему задали вопрос насчет выслуги и «боевых», но он ответил, что сейчас сказать ничего не может, а будут этот вопрос решать в Кремле. [...]

Приехала долгожданная партия новеньких. Они нарассказывали множество новостей. Например, что двое из нашей партии уже успели и здесь из армии сбежать. По веденским горам они бегали недолго. Их сами «чехи» отловили и поменяли у комполка на соляру. Теперь у ребят не служба, а сплошной зиндан, из которого их выпускают только для вычерпывания сливных и выгребных ям, а их в полку много. Им не позавидуешь. Уж что-что, а издеваться у нас умеют. И с удовольствием.

[...] Вместе с листьями на деревьях вокруг заставы прет крапива. Наш старшина это дело просек и сегодня на обед обещает крапивные щи. Подозреваю, что кормить ими будут часто. Как говорится, продукт дешевый и всегда в изобилии, но лучше крапива, чем осточертевший овес. Да и от недостатка витаминов становятся рыхлыми пальцы на руках, гниют и выпадают ногти.

С некоторых пор наших ребят стали брать на «зачистки». Ездили уже три раза человек по десять. Что представляет собой «зачистка», сейчас опишу. Вооруженная толпа во главе с командиром окружает дом в селе и начинает переворачивать все в нем вверх дном. Естественно, к рукам бойцов многое прилипает, и хотя начальство устраивает потом несколько обысков, многие уже обзавелись ножами, фонариками, инструментом и прочей мелочью, так необходимой в солдатской жизни, но первым долгом «чистильщики» поменяли свои корявые солдатские ложки на нержавеющие с красивыми витыми узорчатыми ручками.

На последней «зачистке» заодно зачистили и соседний магазин. Бойцы добывают конфеты да сигареты, а отцы-командиры — телевизоры и магнитофоны. Как-то с одной «зачистки» мимо нашей заставы БТРы проволокли на буксире еще и две легковушки — «Волгу» и иномарку какую-то.

Из боевой же добычи за три дня нашли: гранату, коробку с лентой от ПКМС да охотничье ружье. Вот тебе и «зачистки» знаменитые.

02.05.01 г. ***Из хроники.*** *В селении Маххиты обнаружен тайник с оружием.*

[...] **07.05.01 г.** Новостей особых нет: все копаем и копаем. Недавно перешли наконец-то на летнюю форму одежды, а то жара стоит, мы же в зимних шапках паримся. Выдали «комки», сапоги, кепи, а вот тельников нашему расчету не досталось. Мы — приданое подразделение, и снабжение у нас в последнюю очередь, что от взвода осталось. Но это, как говорится, мелочи жизни.

Правда, они-то жить и мешают. После первого же дождя «комки» развалились, так как были предназначены для одного раза — похорон. Старшина где-то по дешевке раздобычил «разуху» и нам ее впарил. Куда же делись комплекты обмундирования на почти целую роту — ищи-свищи... Черный, однако, у старшины юмор. [...]

19.05.01 г. Наконец-то пришла партия из Краснодара и привезла письма! Целую пачку! Настоящий праздник души!

Единственное, что его омрачает, это устные новости. Все мутят что-то с выслугой. В Краснодаре ребятам перед отправкой «полкан» клялся и божился, что «день за два» идет, как и шел, а в Ведено сразу «обрадовали», что все давно уже отменено. Никто ничего толком не знает, а кто знает — не говорит или врет.

Продолжаем строить заставу: копаем окопы, траншеи, позиции, капониры, КХБ, строим ПХД, баню, рубим дрова, таскаем воду, а в промежутках между всеми этими делами стоим на постах и «обрабатываем местность». Стреляем, значит.

[...] Основная же задача нашей заставы — это охрана и содействие поселковому отделению милиции. Раньше «менты» были из Перми, а недавно их сменили самарские. Пермские были все молодые, только и делали, что жрали водку да в футбол играли. Самарские же люди солидного возраста, все какими-то своими милицейскими делами занимаются, но и водку жрут исправно.

Наши командиры с самарскими «ментами» водиться не любят, потому что, хотя и пьют вместе, но все под пьяную руку сказанное «менты» заточковывают. Службу бдят, словом. [...]

24.05.01 г. Каждый день — точное повторение предыдущего. Все те же работы, те же посты. Даже погода повторяется: до обеда — дождь проливной, потом — жара, как в парилке, а бывает и наоборот. Ходим вечно мокрые, грязные, от пота липкие, сами себе противные. Окопы тоже сырые, осклизлые. Грустно. Это, наверное, из-за ЧП: на заставе застрелился солдат.

Дело в том, что из-за тяжелой работы днем и куража пьяных «шакалов» ночью с нами начали происходить странные вещи: кто засыпает стоя и с открытыми глазами, кто вдруг с каменным выражением лица начинает нести какую-то околесицу, а я, например, как-то принялся издавать ни с того, ни

с сего просто какие-то утробно-тукающие звуки, пока напарник не возвратил меня к действительности. Я где-то читал, что это мозг, пытаясь спасти психику от перенапряжения, отключает сознание. Однако у парнишки, который застрелился, напряжение продолжало расти, вот он и сломался. Написал: «Прости меня, мама. Я больше не могу»... И нажал на курок... Несмотря на страшную рану, он жил еще долго и умер у десантников, когда они пытались перебросить его своим транспортом в госпиталь.

Поначалу командиры хотели свалить все на «чехов», но десантники не стали покрывать чужие грехи — своих хватает. Поэтому дело получило огласку, и даже началось следствие. Однако скоро командира заставы потихому уволили из ВВ и с повышением звания направили «укреплять милицию». Так что, обращаясь в милицию, уточните: не майор ли Осипенко спешит к вам на помощь? А может, уже и полковник. Такие люди быстро идут вверх.

Десантники потом поставили нам в укор легкость, с которой капитан отсюда свалил. Сказали, что такие вопросы надо решать здесь. И предложили патроны.

05.06.01 г. Со сменой командира заставы резко поменялся режим. Работаем теперь только до обеда, после которого все отбывают спать до ужина, а потом уж кто на посты топает, кто дальше спит: им ночью стоять. Теперь-то жить можно, но в первый день у меня была дикая «ломка». Дело в том, что я уже не помню, когда я спал без «брони» больше двух часов. Поэтому в первую же ночь после двух часов сна меня разбудила страшная боль в шее, спине, боках. Ощущения были такими, будто по телу палками целый день колошматили. Теперь-то сплю хорошо, и это — хорошая новость.

Однако есть и неприятные. Ходят упорные слухи о переброске нашей заставы в селение Сильментаузен. Это неподалеку (здесь вообще все села на расстоянии один-два километра друг от друга), но рыть-то придется все снова. Опять окопы, позиции, капониры... Мы как-то замерили: за время, прошедшее с момента нашей переброски из Ведено в Хатуни, ломы стали на пять сантиметров короче! Здесь же не земля, а смесь глины, песка и щебня. Да и обидно бросать такое обжитое место. [...]

На днях при колке дров у парня сорвался топор и начисто снес ему большой палец на левой руке. Первое, что спросил пришедший в себя парень, — отправят ли его назад, в Россию?.. [...]

27.06.01 г. ***Из хроники.*** *В селении Сильментаузен обстреляна позиция федеральных сил.*

29.06.01 г. [...] Стрессов тут, конечно, хватает, но снимать их водкой или «наркотой» что-то не тянет, хотя мог бы: от мака все луга вокруг красные, а конопля прямо у нас перед постом растет. В понедельник прямо с поста в пойме реки подстрелили двух зайцев. Оба тут же пошли в общий котел...

[...] А недавно был у десантников. Наша тайная тропа к ним проходит мимо знака 6-й роте, что погибла у Сильментаузена в полном составе. Его поставили здесь только лишь потому, что там, на месте гибели, его «чехи» обязательно взорвали бы. Да и здесь его обязательно взорвут, как только десантники будут на новое место передислоцироваться. Так делают всегда. Может, это и правильно. Не знаю.

01.07.01 г. ***Из хроники.*** *Российская авиация уничтожила базу боевиков в лесном массиве вблизи селения Махкиты.*

08.07.01 г. [...] Как-то летчики работали по окрестным горам, и одна «сушка», заходя на бомбежку, уронила бомбу прямо напротив нас, за речкой. Мы сначала хотели долбануть по бомбе трассером, но потом раздумали: черт ее знает, куда она свои осколки бросит? Так и лежит она во славу Родине, на страх врагам. [...]

18.07.01 г. ***Из хроники.*** *В Веденском ущелье обстреляна застава полка оперативного назначения внутренних войск МВД.*

19.07.01 г. [...] Вчера прилетела, наконец, долгожданная партия от 1 БОНа. Нам, зенитчикам и минометчикам, она писем не привезла, но привезла сигареты и спички. Сигарет народ не видел уже недели две. Даже табачный мусор из всех карманов повытряхивали. А уж про спички я вообще молчу. Когда нужен огонь, то разбираем патрон и поджигаем порох линзой от оптического прицела. Такая вот фронтовая экзотика в полном объеме. Тем более, уж чего-чего, а солнца тут много.

[...] С «вертушкой» улетают последние батальонные «дембеля» 2-9, что приехали на выезд вместе с нами. Очень грустно и завидно смотреть на них. С ними же улетает и парень нашего призыва. У него от водянки полностью разложился большой палец на правой руке. Если не сумеют вылечить, придется ему менять профессию: он — гитарист. [...]

30.07.01 г. [...] На нашей заставе у часовых появилась дополнительная обязанность: следить, чтобы старшина не вынес за территорию части продукты и не загнал их «чехам». Дело в том, что у старшины уже второй месяц запой, но ни пресечь его, ни отправить старшину в Россию командир не может. Вот он и пустил все это дело на самотек. В результате на старшину уже и смотреть страшно. Опух, как черт, да еще и продать готов все что угодно, лишь бы водки достать. Страшное все-таки дело — запой. Был мужик как мужик, а теперь даже на рожу смотреть противно.

К нам на заставу поселили «фейсов». «Фейсы» выискивали по округе снайперские лежки и ставили там фугасы. Как-то один из них сработал. Взрыв был настолько мощным, что развалины, где фугас был установлен, подпрыгнули и с грохотом ссыпались в образовавшуюся воронку. Разбирать

завал с целью установления причины взрыва разведка не стала. Так и числилась у нас эта груда камней так: «ориентир — могила воина ислама».

На досуге «фейсы» учат нас минному делу. Показывают, какие мины у «чехов», и наши МОНы. Учат ставить и снимать растяжки, фугасы обезвреживать. Мне, надеюсь, не понадобится, но интересно.

[...] А недавно или ребята «заказали войну», или действительно дозорные засекли движение, но как бы то ни было, среди ночи на нескольких постах одновременно затрещали автоматы, а это здесь — сигнал тревоги. На одиночные-то выстрелы никто не обращает внимания.

Мы заняли позиции по сигналу «Застава! В кольцо!» и начали обработку местности. Однако по нам неожиданно и довольно плотно ударили с Киров-Юрта, а потом и от Махкиты. Не то чтобы нас это обескуражило, а скорее обрадовало: противник виден, ясен и понятен. Быстро разобрав сектора и цели, мы обрушили на них всю нашу огневую мощь.

Как выяснилось потом, за время боя мы высадили 11.000 единиц БП. Правда, половина наших автоматов заклинило, у моего расплавилось цевье, а у РПК оно просто загорелось, и в разгар боя его пришлось срочно тушить.

[...] Еще в начале боя командир заставы связался с Хатуни по портативной рации, стал докладывать обстановку, но вдруг грохнул полковой миномет 120-мм калибра. От неожиданности командир рацию выронил и в темноте не смог ее нашарить. Полночи включенная рация гнала в эфир грохот боя и матюги минометной обслуги, сильно напоминающие звуки рукопашной схватки, но ни одна застава, ни одно армейское подразделение даже не дрогнуло, чтобы разобраться в ситуации и оказать помощь. Более того, как рассказывали потом ребята из Хатуни, — когда рация, захрипев, наконец смолкла, все были уверены, что нас добивают.

[...] Днем разведка прочесала местность, но «чехи» умеют за собой «подметать», поэтому ничего не нашли. Только 82-мм минами утыканы все «чеховские» огороды. Эти мины произведены в тысяча лохматом году, поэтому часто дают осечки или не взрываются.

Неразорвавшиеся снаряды и мины мы потом собираем и загоняем «ментам», которые формируют из них «бандитские схроны» и получают благодарности от своего начальства. Если же кто-то хочет слупить с «ментов» больше, то эти боеприпасы разбираются и из их компонентов изготавливается фугас. Благо, «фейсы» нас этому неплохо обучили. Фугасы «менты» хватают, не торгуясь. На выручку покупаем кто хлеб, кто водку. [...]

05.08.01 г. ***Из хроники.*** *На дороге, ведущей в селение Махкиты, расстрелян из гранатомета БТР внутренних войск.*

08.08.01 г. [...] Позавчера колонна десантников недалеко от Киров-Юрта напоролась на засаду и целый час долбилась с «чехами» возле моста. Мы тоже изготовились, но «десанты» просили огня не открывать, чтобы не по-

пасть под наше же молотилово. Поэтому мы лишь наблюдали за ходом боя. Зрелище довольно захватывающее и по-своему красивое.

[...] Вечером ребята, приехав с «зачистки», рассказали, что оружия нашли очень много (автоматы, пулеметы, ПЗРК), а задержали кого или нет — не знают. Задерживают «спецы» — это их работа.

Сейчас наступил сезон созревания конопли, и теперь любая заготовка дров в лесополосе превращается в анашекос. После такой косьбы на заставе сплошное веселье. Употребляют ее в разных видах: и просто курят, и через «кальян», и «кузьмича» делают, но чтобы у народа начало «крышу рвать», до этого не доходит. Понимает братва «нариковская», что не на курорте, а как раз наоборот: на днях ребята ходили снимать запчасти с БТРа, подбитого возле Махкиты. Взрывом разворотило пол-БТРа, и парнишке-водителю снесло голову. Поначалу ребятам было не по себе работать в месиве из крови и металла, но солдат привыкает ко всему. Привыкли и к этому. Хотя погибший водитель был из 2 БОНа, но КМБ и присягу мы должны были проходить вместе, а я сколько ни пытался, так и не мог его вспомнить. Как быстро исчезают люди!

11.08.01 г. ***Из хроники.*** *Возле селения Хатуни произошел встречный бой разведгруппы ВДВ с отрядом боевиков.*

16.08.01 г. Пришла «телега» из полка: в деле распределения войны наведен революционный порядок, и теперь ее всем будет хватать, как колбасы при Советах. Схема простая: на полк выделяется определенное количество «боевых дней», и их делят сверху вниз. При этом командиры-единоначальники огребают, естественно, по максимуму. Не отстают от них и близлежащие структуры. Словом, когда эта «колбаса» доходит до окопов, от нее остается с гулькин нос. Или что там еще на три буквы есть? Нам, на 70 с лишним солдат-срочников, выделили... шесть дней. Поделили их по братски: четверым — по дню, а одному минометчику — сразу два. Мы их поздравили, а они нас утешают: война, дескать, большая. Может, еще и другим что-нибудь достанется.

Война действительно заканчиваться не собирается: «чехи» нервничают. Недавно после обработки местности заявился на первый пост раздосадованный на что-то «чех». Попадись он «десам», давно бы на ТАшке вытряхивал все, что надо и не надо, но «добросердечные» ВВэшники лишь отгоняли его выстрелами, чтобы не нарушал спокойствия. «Чех» же оказался упорным и вынудил действовать решительно: был обезврежен и брошен в зиндан. Тут же на заставу пошли атакой его родственники. Атакующая толпа четко организована: впереди детвора под руководством подростков, за ними с визгливыми криками разновозрастные женщины с младенцами на руках, а уже за их спинами мелькают папахи и небритые лица.

Командир по рации запросил инструкции из РОПа, на что получил совет: «чеха» выпустить, толпу при необходимости рассеять. «Чеха» выпустили. Толпа рассеялась сама. Мы облегченно выдохнули.

У соседей-десантников была стычка с боевиками, и погиб парень нашего призыва. Погиб глупо. Да и как еще можно вдруг умереть в 19 лет! По словам десантников, дело было так. Отряд боевиков, не заметив в сумерках разведку, вклинился между разведгруппой и ее авангардом. Десантники в обстановке разобрались быстро и стали крошить «чехов», при этом авангард, чтобы не попасть под огонь своих, залег и затаился у боевиков за спиной, и, откатываясь, боевики перебегали буквально в двух шагах. Видимо, у парня не выдержали нервы, он вскочил и был срезан автоматной очередью...

01.09.01 г. [...] Приезжал комендант Веденского района. По слухам, боевики пытались взять Ведено, и теперь он выясняет, почему это чуть было не случилось. Чтобы мы не раздражали его своим недокормленным видом, нам было приказано исчезнуть в ходах сообщения, постах и окопах. Однако самый худой и бледный не успел и сумел-таки попасться ему на глаза. Командира заставы драли так, что было слышно на всех постах, лишая его всех званий, привилегий и 13-й зарплаты. Мяса в наши котлы это, конечно, не добавило, но парню маленько повезло: в наряд по кухне поставили — для откорма.

А сегодня еще и праздник — День знаний! Все только и вспоминают, как Первое сентября проводили там, в России. Где-то сейчас линейки в школах, цветы, речи, лупоглазые первоклашки, девчонки в коротких юбчонках... Здесь, в Махкиты, почти напротив зенитки тоже есть школа. Она даже служит ориентиром на карте огня. Однако там никаких шевелений не слышно и не видно. Да и какие там могут быть шевеления, если я сам за эти месяцы не один короб осколочных туда всадил? Там и стены-то ни одной целой нет...

Вообще все окрестные села живут своей независимой жизнью. Днем там еще сохраняется видимость «советской власти», а ночью туда лучше не соваться. Да мы, собственно, и не стремимся. Только изредка по воскресеньям большой вооруженной толпой ходим на местный базар. А так там только «менты» на своем УАЗе носятся. Недавно доносились: налетели на фугас. Слава богу, что никого не убило, но многих ранило. Съездили, называется, за водкой. Хорошо еще, что в поездке за «бухалом» они, чтобы не делиться, не берут для охраны наших ребят.

У нас на заставе тоже есть искатели приключений. Повадились самоходом в село бегать. В «гражданку» переодеваются, гранату в карман и туда. Недавно к одному такому самоходчику прицепились в селе четыре «чеха» нашего возраста. Чего хотели, наш не понял, так как действовал весьма решительно: двинул гранатой одному по лбу, остальные и разбежались. Да и наш самоходчик после этого инцидента не стал там долго задерживаться, а ноги в руки и рысью на родную заставу.

Может, «чехи»-то ничего плохого и не замышляли, но уточнять здесь как-то не принято. Да, собственно говоря, и зачем?

07.09.01 г. Вчера приехала партия от 1 БОНа. Партия — это громко сказано. Просто очередная смена офицеров. Они же приезжают в Чечню только

на три месяца, а на большее у них не хватает здоровья. Да оно и правильно: так пить, как они тут пьют, никакого здоровья не хватит. Но главное: они привезли письма из дома, что шли через батальон, а те, что шли через «родной АЗДн», опять канули в неизвестность. [...]

Нас, срочников, на заставе семьдесят пять человек: пехотинцы, минометчики, гранатометчики, зенитчики. [...] «Дедовщины» у нас нет, так как здесь собран только наш призыв. Есть еще, правда, три сержанта 2-9, но они теряются на фоне солдатской массы. Да и «на выезде» они меньше нас. Один сержант как-то пытался показать свою принципиальность, но когда ему влупили возле ног очередью из автомата, сообразил, что Россия далеко, а здесь все под одним аллахом ходим.

[...] Живем мы в палатках, которые разбиты прямо в зданиях бывшего дорожно-строительного управления. Правда, от зданий остались одни стены и бетонный пол. Стены спасают нас от обстрелов, а пол — от грязи. За лето мы тут так все обустроили, что и зимовать вполне можно. Но уж я-то к тому времени дома буду!

[...] Патриотизмом и героизмом здесь никто не озадачен. Все, кто на контракте, воюют за деньги. Мы же, срочники, — за ДМБ, хотя деньги нам тоже не помешали бы. Самое интересное, что, по моим наблюдениям, «чехи» тоже «на контракте»: платит им Хаттаб — они боевики, платят наши генералы — они становятся ополченцами. По-моему, местные сами больше всех в этой войне заинтересованы. Они же с нее и живут, а работать кому охота?

11.09.01 г. [...] Часто стал сниться один и тот же сон: на позицию лезут «чехи», я в них стреляю, а они скалят свои небритые рожи и все лезут и лезут... Самое удивительное, что многим на заставе снится тот же сон! Только небольшие вариации: у одних при стрельбе заклинивает автомат, у других — кончаются патроны, а у меня пули, вылетая из ствола, тут же падают «чехам» под ноги, не причиняя вреда. Просыпаемся же мы все одинаково: сердце колотится, выламывая ребра, зубы сжаты так, что ломит челюсти, еще и рычим при этом от бессильной ярости.

Что-то с нами происходит, но спросить об этом не у кого. Поэтому нам остается одно — стрелять. И не важно, во сне это или наяву.

На заставе 2 БОНа в Махкиты опять потери: боевики обстреляли и двух ребят положили. Застава ответила шквальным огнем по селу, а наша артиллерия оказывала им огневую поддержку. Минометчики неплохо помогли, накрыв пулеметную точку, расположенную прямо в жилом доме. Правда, одной миной долбанули-таки и по заставе, но ребята тогда уже в окопах были, и вреда та мина принесла немного.

Мы же били, обрабатывая лесополосу и развалины фермы, а также пути отхода из села в горы. Да и сложно из зенитки бить прицельно. Она же предназначена для стрельбы вверх, а при работе по горизонту прыгает, как сумасшедшая. После каждого боя мы ее ломами возвращаем на место.

Пока работает зенитка, все свободные номера расчета бьют из автоматов, но вообще-то это не наша работа, а взвода прикрытия. Да и магазинов у нас мало, поэтому их постоянно приходится набивать. Сначала даже мозоли на большом пальце натирались, но потом десантники научили снаряжать магазины, ударяя их нижней крышкой о ящик. Дело пошло, конечно, быстрее, но для нас не это главное, а обслуживание зенитки: смена коробов, стволов и наводчика, если он вдруг из строя выйдет, поскольку сидит открытый всем ветрам и смертям. Такая у нас работа. Что поделаешь — какая есть. [...]

19.09.01 г. В очередной раз сменился командир 1 БОНа, и новый командир привез с собой «новую» идею: перебросить нас на новое место. На этот раз в Махкиты. Народ в ужасе! Ведь это будет уже четвертый переезд, а память о трех предыдущих самая кошмарная: множество тяжелой, зачастую бессмысленной работы, холод, голод и дикий недосып. Недосып — самое страшное. Из-за него даже погибают.

Сейчас с этим, слава богу, поутихло — никуда не едем. «Пока пьют командиры — спокойно спит солдат». Да и вообще, самый лучший командир тот, который невидим. Командирский идиотизм поражает.

То вдруг попадет под его «заботу» наш наводчик. Для его безопасности приказано нам насыпать вокруг зенитки огромные брустверы, хотя снайперы работают, как правило, от села, и эти брустверы им побоку. Сектор же обстрела у зенитки сужается настолько, что в цель мы сможем попасть лишь в том случае, если боевик заглянет к нам в ствол и спросит: «А че вы тут делаете?»

А то вдруг получаем приказ: стрелковые ячейки красиво обложить дерном. На фоне выбеленных солнцем брустверов яркие зеленые края ячеек становятся прекрасным ориентиром для снайперов, но эта очевидная мысль — не для командирской головы. Мы еле-еле от такой красоты свой КХБ отстояли. Там под хлипким накатом целая гора снарядов, и один прицельный выстрел из гранатомета...

Еще интереснее — это «сушка боезапаса». Для этого ящики со снарядами надо из КХБ вытащить, цинки из них вытряхнуть и на солнышке разложить. Это чтобы разведка противника не сомневалась в наличии у нас боезапаса, его количестве и уточнила его местонахождение. Заодно проверяем: взорвутся ли снаряды, если их на солнышке разогреть?

Я не знаю — их в академиях этому учат или по стране специально таких отлавливают, но если бы не наша «исполнительность», то «чехи» давно бы нами огороды удобряли. Понятно, что вид безработного солдата вызывает у командиров приступ яростного идиотизма, но не до такой же степени!

Получили усиление от 2 БОНа. Дали еще один СПГ-9, БТР-80 и «кашелку». БТР нам достался ничего, еще бегает, хотя мы уже успели порвать на нем сцепление, таская бетонные блоки, и теперь его экипаж, водитель и наводчик, матюгая своего БТРовского бога, вторые сутки заняты ремонтом.

Самое смешное, что БТР потаскал блоки и сломался, а мы вручную их двигали и поднимали на ломах, выкладывая стену полутораметровой высо-

ты. Теперь-то я понимаю, как строили египетские пирамиды. Нужен всего лишь один горластый начальник и толпа его подчиненных. Стена же нас несколько успокоила: видимо, отложили все-таки переезд.

[...] Авиация часто долбит по окрестным горам, но это не воспринимается как война. Недавно, например, чтобы не сидеть в душной столовой, вынесли мы столы и лавки на наш обрыв и сидим обедаем. Тут вдруг налетают «сушки» и долбят ракетами по ближайшей горе. Мы же сидим, едим и со своего обрыва наблюдаем, как в кинотеатре. И такая картина довольно часто: то самолеты, то вертолеты, то «ГРАД» соседей-десантников начинает работать, а в то, что они в кого-то там стреляют, не очень-то и верится. [...]

23.09.01 г. ***Из хроники.*** *В Веденском ущелье обнаружены передвижения боевиков. Блокпосты и заставы усилены бронетехникой.*

28.09.01 г. Опять приехали самарские «менты», повадились лазать по округе, собирать неразорвавшиеся боеприпасы, таскать мины с «чеховских» минных полей. Наши-то поля существуют лишь на схеме обороны заставы, которую каждый раз с приездом нового командира писарь красиво рисует на планшете для «проверяек». Не полезет же «проверяйка» в их наличии убеждаться. «Чехи» тоже одно время пытались их найти, но дозорные их вовремя засекали и отгоняли выстрелами.

Так вот, «менты» и повадились «чехов» обескураживать. В первый же день произошла стычка. Когда утром бодрые и веселые «менты» топали проторенной тропой, дозорные попросили их вернуться обратно. Не привыкшие к послушанию охранники правопорядка продолжали движение. [...] Пулеметчик спорить не стал, а тщательно прицелился и длинной очередью мгновенно уложил их всех носом в грязь, откуда «менты» быстро согласились с его неопровержимыми аргументами.

Так были сохранены в незыблемости налаженные рыночные отношения на вверенной нам территории. Мы на радостях даже пытались загнать «ментам» и «нашу» авиабомбу, но они засомневались, что начальство по достоинству оценит их служебное рвение. Так и лежит та бомба в ямке за речкой, гордая в своем одиночестве. Жалко. Хорошая бомба пропадает.

04.10.01 г. Сегодня уже десять месяцев, как я сижу в Чечне, а по поводу увольнения никто ничего не знает. Мутят, как хотят, только бы нас здесь подольше задержать. Ничего. Потерпим. Уж чему-чему, а терпению армия выучила. Кто бы и где бы, например, изготавливая мундштук, стал лезвием перепиливать гильзу? А здесь это запросто.

В остальном же все по-прежнему: работаем, на посты заступаем, заряжаем, стреляем — и опять по кругу. [...] Сейчас у нас идет сбор урожая шиповника и боярышника. Благо их здесь — заросли. Мы ими чай завариваем, как дома. А черный боярышник поедаем на месте, так как хранению он не

подлежит. Правда, дерево для этого приходится спиливать. Может, это и варварство, но боец на ветке — отличная мишень. По пути прихватываем грецкие орехи. Мы их наелись на десять лет вперед. Близко к селу есть сливы и виноград, но туда лучше не соваться.

Во время одной из таких вылазок наткнулись на пожилого «чеха». Он привычным движением вытащил пачку документов. Мы, ничего в них не понимая, с интересом рассматривали. Кроме советского паспорта там была еще целая пачка справок с их, чеченскими, печатями. На наш вопрос: как им жилось при тех властях? — старик ответил фразой, смысл которой я осознал много позже. «Тогда *тоже* всех бандитов из тюрем выпустили», — ответил старик. Среди документов была фотография чеченца нашего возраста, но в военной форме старого образца. Лицо с фотографии ни у одного «спеца» не вызвало бы сомнения: бандит. «Мой брат. Командир взвода. Погиб в Белоруссии. В 41-м еще...» — успокоил нас дед.

Кроме обычных дел занимаемся еще и заготовкой мяса для своей кухни, а проще говоря, бьем «чеховских» коров и лошадей. Что поделаешь, очень хочется есть. Делается все просто. Создается «штурмовая группа», отбивается от стада животина, загоняется в лесок неподалеку... Если пастухи что-то замечают, то претензий предъявлять не решаются. Многие уже побывали в руках «комендачей» и «спецов», да и безбашенная разведка «десантов» работает круто, поэтому все, кто выжил, держатся от наших постов подальше. Хотя мы и не «десы» и в части у нас висит плакат «Внутренние войска — войска порядка», относимся к тому же непредсказуемому сообществу — Российская Армия. Мы тут тебе и «право», мы — и «порядок». [...]

16.1.01 г. ***Из хроники.*** *В одном из сел Веденского ущелья произошло нападение боевиков на подразделение федеральных сил.*

18.10.01 г. [...] Подтвердились слухи о том, что «день за два» уже давно и полностью отменен. Отменен и боевой отпуск за шесть месяцев Чечни, и «боевые выплаты». То есть, согласно высочайшим распоряжениям, войны в Чечне быть не должно, а если народ и гибнет, то по своей дурости.

[...] На прошлой неделе четверо отморозков из «минометки» и один из взвода устроили нам веселую ночку. Раздобычив у пастухов водки, они ночью принялись употреблять ее «под занюх». Однако «горючее» быстро кончилось, а душа требовала еще, и тогда в их головах созрел хитроумнейший план: прихватив с собой автоматы с подствольниками, они отправились в село.

Первым делом ломанули магазин, но там, к их разочарованию, водки не оказалось. Тогда они стали обходить дома, но в одном из домов им вместо водки предложили очередь из ПКМ...

Услышав пальбу и взрывы гранат, наши дозорные подняли тревогу, и только тогда обнаружилось отсутствие «героев». Мы развернули свою артиллерию, а командир «минометки» с сержантами выдвинулись на окраину

села, чтобы вывести придурков из боя. Хорошо, что «чех» попался «вежливый»: не стал бить сразу на поражение, а дал предупредительную очередь. Иначе было бы им «ДМБ в консервной банке», а мы бы еще и полсела разнесли. Пока же все обошлось для охламонов неделей зиндана. Это сооружение у нас здесь редко пустует.

05.11.01 г. ***Из хроники.*** *В районе селений Хатуни и Маххиты уничтожен полевой командир, имевший в своем подчинении до 70 боевиков.*

08.11.01 г. [...] Все дни проходят в пилке и колке дров. Тем более, что ближние рощи мы уже извели и теперь таскаем бревна чуть ли не за километр. Можно было бы использовать нашу потрепанную, но еще ходовую технику, однако нет горючего. Соляры нет даже на заправку осветительных ламп, и мы делаем коптилки из консервных банок, наполняем столовым комбижиром — это что-то среднее между солидолом и парафином. Мы на нем готовим еду и смазываем сапоги, чтобы они не сразу промокали. Света такая коптилка дает немного, поэтому живем наощупь. Например, на сапогах у меня сделано пять зарубок, чтобы на сушилке их было легко опознать, а то происходит постоянный круговорот сапог в природе.

Дрова тоже создают проблемы. Сырую древесину приходится колоть МПЛом на тонкие лучины, сушить их на печке, переворачивая как блины, и только потом отправлять в печь. Только тогда они худо-бедно горят, но больше греемся собственным теплом, укладываясь поплотнее на нарах, как патроны в обойме. [...]

С едой опять напряженка: «чехи» коров больше не пасут, хлеба давно уже не возят. Любимое блюдо — гороховая каша, но варят ее нечасто, а в основном — раскисшая лапша из муки и распаренный овес. Как-то приходила «чеховская» машина с продуктами, но бóльшая их часть по дороге была разворована, поэтому рацион наш от нее не изменился.

Правда, эта машина привезла из Ведено наши военные билеты, хотя мы понять не можем: зачем их возят за нами в Чечню? Никаких записей делать нельзя, так как нет полковой печати. Идентифицировать нашу личность в случае чего тоже невозможно, поскольку лежат они всегда в командирских сейфах.

Кстати, об идентификации. Начальство, «озаботившись» слишком большим количеством неопознанных потерь, приказало нам самомаркироваться. Кто посноровистее, точит медальоны из стали, вырубив их из пластины от бронежилета, на которых местные умельцы электродугой выписывают данные владельца. Основная же масса делает проще: на клочке бумажки пишет свои фамилии и адреса, куда надо сообщить о безвременной кончине, закатывают это послание в пустую гильзу, дульце которой обжимают плоскогубцами, и зашивают в одежду на правом плече и левой ноге. Это на тот случай, если от человека вдруг останутся одни фрагменты. Словом, и здесь Родина решила на нас сэкономить. [...]

26.11.01 г. *И...*

Ро...

28.11.01 г. [...] Наша жизнь идет по обычному графику. Погода сейчас самая мерзопакостная, какую только можно придумать: низкое хмурое небо, серые туманы. Одежда волглая, сапоги постоянно мокрые, сырые осклизлые окопы. Тоска, словом. У многих опять началась «стряпуха».

А голод заставляет быть изобретательным: порох от «граника» имеет приятно-кисловатый вкус. Почти как у монпансье.[...]

02.12.01 г. Сегодня до нас дошли новости из России о бунте в Ростове солдат-срочников, недавно выведенных из Чечни. Говорят, что подавлять мятеж прибыл лично командующий СКВО. Из его речи перед телекамерами можно сделать лишь один вывод: нас опять «кинули». Теперь до весны. А все эти разговоры о «день за два» и прочие обещания — это так... Вообще-то этого стоило ожидать: наша Родина всю жизнь на «кидалове» держится.

[...] Одно поражает: как много усилий тратило наше героическое командование на то, чтобы нас обманывать! И главное — зачем? Ведь под присмотром боевиков нас можно держать здесь всю оставшуюся жизнь. И без каких-либо последствий для их карьеры. [...]

17.12.01 г. Прибыла партия, а с ней и новый комбат «минометки», который привез кучу писем из дома и, как это ни странно, список «дембелей»! Согласно этому списку, срок моей службы заканчивается 8 февраля, а значит, вывезут нас с ребятами из Чечни где-то в конце января. Спасибо ростовским «дембелям»: пробили-таки «шакалов».

[...] В остальном же все у нас по-прежнему: работа да посты. Правда, вся работа теперь — это заготовка дров и чистка окопов от снега. Ведь позавчера у нас наступила настоящая зима. От мороза поспела «мачмала», которую мы таскаем из леса целыми касками. Однажды из-за нее чуть бойца не потеряли. Валим деревья недалеко от «десовских» постов и видим, что у самых их амбразур «чехи» коров гонят. Решив, что наличие коров указывает на отсутствие мин, мы тут же снарядили туда команду за «мачмалой». Только они ушли — взрыв! Один из прибежавших обратно был весь в крови и внутренностях. Мы думали, что его разворотило, а бегает он лишь потому, что в шоке. Когда мы его очистили, то выяснилось, что это бренные останки бедной коровы. Это просто «десы» с помощью управляемых фугасов за говядиной охотятся.

20.12.02 г. ***Из хроники.*** *В селении Хатуни проведена спецоперация по обнаружению и задержанию лиц, причастных к боевым действиям.*

21.12.01 г. Ребят опять гоняли на «зачистку». С операции ребята приволокли целый мешок аудиокассет. ВВ — самые выносливые войска: вечно

что-нибудь выносят. «Золото-платиновым альбомом» заставы окончательно и бесповоротно стала кассета, где молодой и печальный голос с чеченским акцентом пел об осточертевшей войне, погибших товарищах, заплеванной родине и тоске по мирной жизни. Это было нам настолько близко, что периодически возникающие в песнях «наезды» на «русских свиней» нас абсолютно не трогали. Мы же понимаем: пропаганда — она и в Чечне пропаганда. [...]

Стоят сильные морозы, каски примерзают к шапкам, смерзаются портянки в дырявых сапогах, а палатка изнутри покрыта толстым слоем инея. С Новым годом! Так хотелось его дома встретить, но увы...

Самое страшное в мороз — это последние полчаса до смены. Почему-то именно на них тепла и не хватает.

[...] **10.01.02 г.** ***Из хроники.*** *В районе селения Киров-Юрт обстрелян вертолет-разведчик. Как ответная мера был произведен минометно-артиллерийский обстрел горно-лесистой местности возле селения Маккиты.*

11.01.02 г. Новый год встретили довольно скучно. Во-первых, на заставе вовсю стоял голодай. Съели даже «фейсовскую» собаку, огромного породистого стаффора, пока они по делам отлучились. До сих пор не знаю: стаффор — это была кличка или название породы? А выданная одна на двоих коробка с набором продуктов, что нам по традиции к празднику дали, лишь ненамного уменьшило чувство голода. Так что и стол-то накрыть было нечем.

Во-вторых, командир заставы строго-настрого запретил палить в небо, чем окончательно испортил нам настроение. Так бы хоть душу отвели. Правда, очень мы его слушали и вполне могли бы «войну заказать», но для этого дела надо «чехов» привлекать, — а зачем людей в праздник-то тревожить?.. У них же этот праздник тоже отмечают, хотя в Коране его нет.

Поэтому в новогоднюю ночь мы с постов посмотрели только, как бесились «менты», распарывая трассерами темное небо, да «десы» лениво о себе напомнили. Такого зрелища, как в прошлый Новый год, уже не было. Устали все, наверное.

[...] 5-го января день начинался как обычно: подъем, дрова, окопы. Часов в 10 прибежали «связюки» и доложили, что командиру заставы пришла замена и ему приказано вывезти всех, кто «на выезде» с позапрошлого года! [...]

* * *

[...] Возвратившись домой, я с удивлением узнал, что войны в Чечне нет, а если там кто и стреляет, то только профессионалы: «спецназеры» разных мастей, агенты спецслужб и другие «крутые» ребята. Солдаты-срочники там в лучшем случае подтаскивают патроны, а остальное время крутятся возле кухонных котлов...

А мне снится Чечня. [...]

АГС — автоматический гранатомет, станковый.
АЗДн — арт-зенитный дивизион.
АК — автомат Калашникова.
АКС — автомат Калашникова, складывающийся.
Белка — 1) накрытый «белой горячкой» боец;
2) полог внутри палатки;
3) нижнее белье.
БК — боекомплект.
БМД — броневая машина десанта.
БМП — броневая машина пехоты.
БОН — батальон оперативного назначения.
БП — 1) боевая подготовка;
2) боеприпасы.
БСЛ — большая саперная лопата.
БТР — бронетранспортер.
Бэтээр — паразит.
ВВ — внутренние войска.
ВДВ — воздушно-десантные войска.
Вертушка — вертолет.
Взлетка — 1) площадка для вертолета;
2) проход в казарме.
ВОП — взводный опорный пункт.
ВМФ — военно-морской флот
Восьмерка — вертолет МИ-8.
Гансы — пехота.
Гапчик — генератор.
Град — установка залпового огня.
Граник — гранатомет.
Давить синьку — пьянствовать.
Дембель — 1) увольнение в запас;
2) солдат, доживший до этого дня.
Десы — десантники.
Дизель — дизентерия.
ДМБ — то же, что дембель.
ДОТ — долговременная огневая точка.
Дух — 1) призывник;
2) солдат младшего призыва.
Духанка — первые полгода службы.
Зиндан — земляная тюрьма.
ЗУ — зенитная установка.
Кашелка — командно-штабная машина; фургон связи.
Квас — пьянка.
КМБ — курс молодого бойца.
Колеса — таблетки лечебные.
Комок — камуфляж.
Контрабас — контрактник военной службы.
Корова — вертолет МИ-26 Т.
КП — командный пункт.
КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова, танковый.
КПП — контрольно-пропускной пункт.
КХБ — комната хранения боеприпасов, блиндаж с боеприпасами.
КХО — комната хранения оружия, отгороженный сеткой угол в палатке, где стоят пирамиды с оружием.
КШМ — то же, что Кашелка.
Мачмала — (правильно: мушмала) местная ягода, кустарниковая.
Мина — минометная батарея.
МОН — мина осколочная направленная.
МПЛ — малая пехотная лопатка.
МСВ — минно-саперный взвод.
На выезд — командировка в Чечню.
Насиниться — ужраться водки.
ОЗК — общевойсковой защитный комплект.
ОСО — особые судебные органы
ПВД — пункт временной дислокации.
ПЗРК — переносной зенитный ракетный комплекс.
ПКМС — пулемет Калашникова модернизированный, станковый.
ПКС — пулемет Калашникова станковый.
ПН — прибор ночного видения.
Подпал — подполковник.
Подрыв — тревога.
Полкан — полковник.

ПОН — полк оперативного назначения.
ПТУРС — противотанковый управляемый ракетный снаряд.
ПХД — продуктово-хозяйственный двор, короче: кухня и столовая.
Разгрузка — жилет с дополнительными карманами для магазинов и гранат.
Разуха — одежда одноразового пользования (для похорон).
РМО — рота материального обеспечения.
РОП — ротный опорный пункт.
РПГ — ручной противотанковый гранатомет.
РПК — ручной пулемет Калашникова.
САУ — самоходная артустановка.
СБЗ — служебно-боевые задачи.
СВД — снайперская винтовка Драгунова.
Секрет — боевое охранение, выдвинутое далеко вперед.
Слон — солдат, отслуживший первые полгода.
СКВО — Северокавказский военный округ.
СОЧ — самовольно покинувший часть.
Спарка — спаренная автоматическая установка.
СПГ — станковый противотанковый гранатомет.
Спотыкалки — (спотыкачи) заостренные колышки на тропах.
Стряпуха — стрептодермия.
Сушка — самолет-штурмовик СУ-27.
ТАшка — телефонный аппарат.
Таблетка — 1) прическа;
2) офицерское кепи.
Телега — телефонограмма.
Тепляк — байковый полог в палатке.
Тракторист — кличка боевика, осужденного за расстрел пленных.
Фейсы — эфэсбэшники.
Цинк — 1) коробка с патронами;
2) гроб.
Черпак — солдат, отдавший Родине год жизни.
Чех — чеченец.
ЧОН — часть особого назначения.
Шакалы — офицеры.
Эфка — граната Ф-1.

2002, № 4 (114)

II. РОССИЯ И ГРУЗИЯ

1. ПАВЕЛ ФЕЛЬГЕНГАУЭР
Первая часть войны с Грузией

От редакции

Российско-грузинская война августа 2008 года — событие, значимость которого вряд ли может быть сведена всего лишь к некоему локальному конфликту и ограничена тем недолгим сроком, пока длились военные действия и длятся их ближайшие последствия. По мнению многих аналитиков, это событие исторически грозно-знаковое, знаменующее собою чрезвычайно опасный поворот российской внешней политики к применению прямого имперского насилия вовне и чреватое как дальнейшей эскалацией такого насилия, так и ужесточением антидемократического авторитарного режима внутри страны. [...]

Для всякой войны, как для танго, вполне достаточно уже двух участников, а в конфликте с Грузией в августе 2008-го было больше участников, и «поджигателей», если следовать прежней советской терминологии, было больше. Сегодня эти «поджигатели» никуда не делись из Москвы, Сухуми, Цхинвали и Тбилиси, дело закончилось лишь шатким перемирием и почти неизбежно вспыхнет вновь еще худшей бойней, если никто ничего не сделает, чтобы ее как-то предотвратить. Писать историю новейшей русско-грузинской войны рано, но надо непременно постараться понять, что произошло, чтобы не допустить продолжения.

1. Предыстория и подготовка грузин к войне

В первой половине 92-го грузины безуспешно штурмовали югоосетинскую столицу Цхинвали. Конфликт закончился при посредничестве Москвы фактически вничью — разделом Южной Осетии на грузинскую и осетинскую зоны контроля. В августе 92-го войска правившего в Тбилиси госсовета вторглись в Абхазию. Впрочем, называть их «войсками» — много чести. Это были скорее бандформирования в самом худшем значении этого слова: боевики из организации «Мхедриони» известного вора в законе

Джабы Иоселиани и «национальная гвардия» Тенгиза Китовани. Разве что у них было много оружия и бронетехники, ударные вертолеты, полученные при разделе с российской стороной советского военного имущества на территории Грузии.

Не только в Южной Осетии и в Абхазии, но по всей Грузии боевиков «Мхедриони» и прочий вооруженный сброд начала 90-х вспоминают с ненавистью. Иоселиани позже умер в Тбилиси при мутных обстоятельствах, а Китовани жив и здравствует, владеет рестораном в Москве, где российские власти предоставили ему убежище. Больше года продолжалась война в Абхазии и закончилась в 93-м полным разгромом и изгнанием грузин, в том числе, по разным оценкам, от 250 тыс. до полумиллиона мирного населения. Победить абхазам активно помогала Россия и добровольцы с Северного Кавказа, включая чеченских боевиков Шамиля Басаева. Российские военные поставляли абхазским и добровольческим формированиям оружие и боеприпасы, поддерживали их артогнем.

Во время грузино-абхазской войны 1992 – 1993 годов абхазы сообщали, что их авиация, мол, успешно бомбит противника, используя пару самолетов L-39, подаренных чеченским президентом Джохаром Дудаевым, а также мотодельтаплан. Желающим показывали часть шоссе к югу от Гудауты, которое использовалось в качестве импровизированной взлетно-посадочной полосы для боевых вылетов. По правде, грузин по большей части тайно бомбили и штурмовали российские боевые машины с нашими экипажами. В сентябре 94-го российский пилот на авиабазе в Гудауте рассказал мне, как по приказу российского командования его экипаж с той же авиабазы летал бомбить грузинские войска, предварительно замазав на борту российские красные звезды. Естественно, наши официальные лица всегда напрочь отрицали, что ведут против Грузии необъявленную войну. Формально Россия не участвовала в войнах в Грузии начала 90-х, но именно ее вмешательство в конфликт в конечном итоге привело Грузию к разгрому.

С тех пор еще долго грузинское государство и его вооруженные силы пребывали в самом жалком состоянии. После 2001-го в рамках мировой войны с терроризмом США начали за свой счет оснащать и обучать несколько грузинских батальонов для ведения антипартизанских, антитеррористических операций и передали бесплатно 10 старых транспортных вертолетов «Ирокез» UH-1H. Но в целом президенту Михаилу Саакашвили и его сторонникам, свергшим Эдуарда Шеварднадзе в конце 2003-го в результате «революции роз», достались плохо обученная, плохо вооруженная армия и фактически ни на что не годные авиация и флот. Летом 2004-го грузины попытались вновь осадить Цхинвали, нарушив устойчивое с 92-го года перемирие в Южной Осетии, основанное на совместной транзитной контрабандной торговле через Рокский тоннель в Россию. Но в 2004-м грузины под Цхинвали ничего не добились, только понесли чувствительные потери. Саакашвили, правильно оценив неудачу, решительно приступил к военной реформе.

В России сложилось совершенно превратное представление о новой грузинской правящей элите. На самом же деле Саакашвили — сильный, умный, целеустремленный и очень энергичный национальный лидер. Он, правда, также очень нетерпелив, пытается в сжатые сроки переделать Грузию и грузин, будучи, как в свое время в России Петр Великий, твердо уверенным, что знает лучше всех, что нужно его стране и народу. Команда Саакашвили состоит по большей части из молодых, обученных на Западе, энергичных и дельных людей. Они смогли за четыре года переделать Грузию, как никто не мог ожидать.

Саакашвили не боролся для вида с коррупцией, одновременно рассуждая о неизбежности этого зла, как поступают в России, — он ее всем на удивление практически ликвидировал. Пока у нас неспешно разглагольствовали о необходимости военной реформы, о модернизации вооруженных сил, об «инновационной армии», — в Грузии создали с нуля вооруженные силы нового образца. Только отчаянным невежеством можно было объяснить российские попытки поставить Грузию на колени, запрещая ввоз вина и боржома, перекрывая электричество и газ, запрещая денежные переводы и прямые авиарейсы, вводя визовый режим. Вскоре выяснилось, что эффект от санкций близок к нулевому [...] В 2007-м грузинский ВВП вырос на 16%.

Быстрый рост экономики, массовая приватизация госсобственности на открытых для иностранцев тендерах пополнили грузинский бюджет. За четыре года военные расходы выросли в 30 с лишним раз, достигнув 9 – 10 % ВВП. Грузины закупили несколько десятков израильских беспилотных летательных аппаратов различных размеров и назначения. Израильские БПЛА способны собирать и передавать в режиме реального времени разведданные о противнике в любое время дня и ночи, включая GPS координаты целей. Была закуплена израильская система залпового огня GRAD LAR, способная стрелять на дальность до 40 км с учетом данных GPS. Израильтяне модернизировали некоторое количество грузинских самоходных гаубиц для высокоточной стрельбы с GPS прицеливанием, а также оборудовали до 100 танков Т-72 приборами для ночного боя и дисплеями с опознавателями «свой — чужой».

В странах бывшего Варшавского договора и на Украине было куплено довольно много техники советского образца, включая зенитно-ракетные комплексы. В целом грузины хорошо подготовились к возможному конфликту с вооруженными формированиями сепаратистов в Абхазии и в Южной Осетии. Грузинское военное и политическое руководство предполагало, что будущий возможный конфликт будет протекать примерно так, как войны начала 90-х: сепаратистов будет, конечно, активно поддерживать Россия бомбовыми ударами «неопознанных самолетов», оружием, боеприпасами, специалистами и всякими добровольческими формированиями казаков и горцев с Северного Кавказа. То есть ожидали, что Москва будет действовать исподтишка, формально не вмешиваясь. Чего вовсе не ожидали, так это открытого полномасштабного вторжения наших вооруженных сил с массированным использованием авиации и флота.

2. Подготовка российских сил и сепаратистов

После массовой раздачи жителям Абхазии и Южной Осетии российских паспортов обе нищие самопровозглашенные республики окончательно обезлюдели: началась массовая миграция в Россию, в Турцию в поисках работы и лучшей жизни. По оценкам международных наблюдателей из ОБСЕ и ООН, в Южной Осетии сегодня осталось меньше 30 тыс. осетин, а в Абхазии из 140 тыс. постоянного населения абхазов лишь 30%. Самая многочисленная община сегодняшней Абхазии — армяне, есть русские и другие, в Гальском районе до 50 тыс. вернувшихся грузин. Но во власти, в силовых структурах сплошь абхазы, представляющие разные кланы, лишь несколько разбавленные прикомандированными российскими военными специалистами.

В Абхазии в мирное время под ружьем 4500 человек, в случае войны можно мобилизовать еще до 10 тыс. У осетин до 3000 постоянного войска, а мобилизационный ресурс фактически весь переехал на территорию России. У осетин и абхазов немало старой советской артиллерии и бронетехники, но еще до начала конфликта было ясно, что они смогут самостоятельно решать только вспомогательные задачи, а реально воевать практически с первого дня придется нашим военным, иначе самопровозглашенные республики очень быстро рассыплются в прах.

Исходя из этой реальности, российское руководство задолго до августа 2008-го начало планировать и готовить полномасштабное вторжение в Грузию. После начала второй чеченской войны возобновились тайные авиаудары по Грузии, а также сброс с самолетов противопехотных мин в приграничных с Россией районах. Международные наблюдатели удары подтверждали, но Москва никогда не признавала вины, а только усиливала нажим на ОБСЕ. В марте 2007-го года предположительно российский бомбардировщик СУ-24 выпустил над территорией Южной Осетии самонаводящуюся ракету по грузинскому радару, которая сбилась с боевого курса и не взорвалась. Вновь международные эксперты и наблюдатели поддержали грузинскую версию событий, а Москва обвинила Тбилиси в том, что сами, мол, себя бомбили в провокационных целях. В августе 2007 года по грузинской зоне контроля в верхней части Кодорского ущелья в Абхазии был нанесен вертолетный штурмовой удар, и снова из Москвы последовали лишь голословные отрицания любой причастности.

Каждое лето начиная с 2006-го российские вооруженные силы проводили на границах Грузии все более масштабные учения «Кавказский рубеж», в ходе которых отрабатывали будущее вторжение. В 2006-м развертывание войск было на границе с Южной Осетией, а в 2007-м уже и в Абхазии с привлечением Черноморского флота. Подтягивались элитные силы из глубины страны — части ВДВ и спецназ, привлекалась авиация из других военных округов. С каждым разом не только увеличивалась численность военнослужащих, но и продлевался срок учений. Официально они именовались «ан-

титеррористическими», но носили совершенно очевидный общевойсковой характер, причем привлеченные войска оставались под видом учений на боевых позициях на грузинской границе до полутора — двух летних месяцев.

Зимой на Кавказе воевать сложно, а вести наступление через главный Кавказский хребет практически невозможно: перевалы завалены снегом и непроходимы с ноября до мая. Единственная дорога с твердым покрытием из России в Южную Осетию через Рокский тоннель на два с лишним месяца где-то с конца января проходима только частично из-за постоянных снежных лавин в ущелье, к северу от тоннеля на территории Северной Осетии. Для грузин это время года по идее наилучшее для отвоевания Южной Осетии. Осенью 2007-го бывший министр обороны Ираклий Окруашвили, который сейчас в изгнании в Париже, обвинил Саакашвили в трусости за отказ от нападения на Южную Осетию. По словам Окруашвили, операция была хорошо подготовлена, о ней знал он, министр внутренних дел Вано Мерабишвили, Саакашвили и еще несколько человек. Весной 2006-го фактически отрезанный от России Цхинвал можно было захватить сравнительно малой кровью, утверждает Окруашвили, и повод был: грузинский парламент еще в 2005-м потребовал вывода российских миротворцев из Южной Осетии и Абхазии, установив крайний срок 15 февраля, а потом — 15 марта 2006 года.

Весной 2006-го Саакашвили нападать не решился, — как сообщают источники в Тбилиси и Вашингтоне, под американским давлением. США война в Закавказье, которая чревата обострением с Россией, была совершенно не нужна, когда все внимание было сконцентрировано на «большом» Ближнем Востоке, на Ираке и Афганистане. Им и нынешняя ситуация — как шило в боку. Осенью 2006-го под американским давлением Саакашвили снял Окруашвили с Минобороны, а потом и вовсе выгнал из правительства. В Вашингтоне наивно полагали, что если сдержать грузин, то наши точно не полезут. В любом случае, воевать в августе любого года грузинам было совершенно невыгодно, а для российских вооруженных сил это было оптимальным временем года для начала полномасштабного вторжения.

3. 2008-й — нарастание напряжения и завершение подготовки вторжения

В апреле 2008-го на саммите НАТО в Бухаресте, в котором Путин принимал личное участие, стало ясно, что присоединение Грузии и Украины к Альянсу неизбежно, хоть пока решение отложено. Российские гражданские и военные начальники честно предупреждали как Запад, так и власти в Тбилиси и в Киеве, что попытки «затягивания в НАТО» (по словам наших дипломатов) стран, которые в Москве считают традиционной вотчиной, приведет к кризису. Министр иностранных дел Сергей Лавров объявил, что Россия «любыми средствами» не допустит вступления Грузии в НАТО. В апреле 2008-го тогдашний начальник Генштаба генерал Юрий Балуевский

заявил, что для обеспечения своей безопасности Россия может принять меры военного и иного характера в случае вступления в НАТО Украины и Грузии. Балуевский также заявил, что хотя в январе на референдуме в Грузии более 70% проголосовали за вступление в НАТО, вопрос еще не закрыт.

Нынешний министр иностранных дел Грузии Григол Вашадзе, российский гражданин и бывший российский кадровый дипломат, утверждает, что весной 2008-го его коллеги в Москве сообщали, что Россия, мол, готова изменить свою позицию и избежать угрозы «кровопролития», только если Грузия откажется от вступления в НАТО. Но на Саакашвили эти предупреждения не подействовали, он продолжал утверждать, что территориальная целостность и вступление в НАТО не обсуждаются. Тогда события стали развиваться с нарастающей скоростью.

16 апреля 2008 года Путин поручил правительству «разработать меры по оказанию предметной помощи» Абхазии и Южной Осетии, что юридически отрицало государственный суверенитет Грузии, а в непризнанных республиках и в Тбилиси было расценено, как первый шаг к скорому официальному их признанию. Потом российский истребитель сбил в небе Абхазии невооруженный грузинский БПЛА израильского производства Hermes-450. Замминистра обороны Абхазии Гарри Купала тогда заявил, что БПЛА был сбит «самолетом L-39 ВВС Абхазии». Заявление было самоочевидно смехотворным. Старый двухместный учебно-тренировочный L-39 «Альбатрос» чешского производства предназначен «для отработки курсантами летных училищ основ техники пилотирования и самолетовождения». На L-39 нет ни авиационной пушки, ни пулемета; нет радара, нет возможности применять ракеты воздушного боя «воздух — воздух», и сбить он ничего не может. Но российский МИД официально поддержал эту ерунду, возложив всю ответственность на грузин.

В мае 2008-го резко обострилась ситуация вокруг Кодорского ущелья в Абхазии. Российские власти обвинили Грузию в подготовке агрессии, пригрозили нанести ответный удар и ввели в Абхазию дополнительные войска. МИД России сообщил, что Грузия перебрасывает в Верхнее Кодори людей и технику и «это позволяет сделать вывод о подготовке плацдарма для начала военной операции против Абхазии».

После 93-го верхняя часть ущелья осталась единственной частью Абхазии, не подчиненной Сухуми. В Кодори властвовали вожди местных сванов, лишь формально подчинявшиеся Тбилиси, но в 2006-м в ходе молниеносной и практически бескровной операции грузинские военные установили прямой контроль. После этого Кодори официально переименовали в «Верхнюю Абхазию», и туда из Тбилиси переехало так называемое грузинское правительство Абхазии в изгнании, через перевал из Грузии провели дорогу, что крайне раздражало Сухуми.

Верхнее Кодори — горная долина-котловина, окруженная со всех сторон горными хребтами. Утверждение российского МИДа о «подготовке плацдарма для начала военной операции против Абхазии» было совершен-

но бессмысленно. Хотя бы вся грузинская армия собралась в Верхнем Кодори, прорваться оттуда в Сухуми физически невозможно. Это заявление нашего МИДа могло означать только одно: началась операция информационной подготовки будущей войны.

Грузины действительно окапывались и собирали силы в Верхнем Кодори, но для обороны, если абхазы начнут операцию по зачистке. В августе, когда грузинские войска уже соблюдали перемирие, в Верхнее Кодори после ожесточенных бомбово-ракетных ударов вошли с тыла из Западной Грузии российские десантники. Грузины отошли из Кодори без боя. Сегодня в Кодори размещены абхазские и российские войска, а местное мирное население (сваны) — изгнано.

3 мая 2008 года в Абхазию под видом миротворцев были введены части десантников с тяжелым наступательным вооружением. 31 мая в Абхазию были введены подразделения и спецтехника Железнодорожных войск РФ. По официальному заявлению Минобороны, это было сделано по решению президента РФ в связи с обращением абхазского правительства для оказания гуманитарной помощи Республике Абхазия и «организации работ по восстановлению дорожных направлений и инфраструктуры». Министр иностранных дел Абхазии Сергей Шамба объявил, что «железная дорога понадобится как для перевозки грузов олимпийских строек в Сочи, так и для перемещения здесь миротворческих сил и их техники».

Но заявления о важных хозяйственных задачах были несерьезны. Наши военные до сих пор в случае любых военных действий используют для переброски сил и средств практически исключительно железные дороги. У наших фактически нет обычных в западных армиях платформ-прицепов для перевозки танков и прочей тяжелой гусеничной техники, которая своим ходом штатными траками любую дорогу с твердым покрытием мигом порубит в труху и еще моторесурс зря потратит. Для обеспечения доставки техники к месту боя и погрузки-разгрузки в полевых условиях, ремонта путей и поддержания движения во время войны у нас существуют уникальные Железнодорожные войска.

Железные дороги были в СССР в отличном состоянии и соединяли все основные регионы (потенциальные театры военных действий). А автодороги, напротив, рассматривались, как потенциальная угроза, так как могли послужить моторизованному западному противнику каналами для вторжения в глубь страны. Потому дорог у нас так мало и они такие дрянные. Современные западные танки делают с массивной многослойной броней, хорошо защищающей экипаж, и весят они 60 и более тонн, а наши габаритами и весом должны укладываться в жесткие нормы нагрузки на одну ж/д платформу. Наши танки легки (46 тонн), быстры и горят, как спички, вместе с экипажем.

Без ремонта и подготовки путей в Абхазии нельзя было бы организовать подвоз тяжелой техники и вывоз на ремонт неисправной. Ж/д войска закончили восстанавливать дорогу и мосты к 1 августа, и вторжение в Грузию

началось через неделю. В августе по восстановленной дороге в Абхазию к линии прекращения огня с Грузией по реке Ингури были переброшены: войска и техника 20-й мотострелковой дивизии из Волгограда, а также войска и техника 7-й дивизии ВДВ из Новороссийска. Дополнительно в Очамчире высадилась вместе с тяжелой техникой морская пехота Черноморского флота, которая была заранее посажена на десантные корабли.

Хотя в августе в Абхазии не было никаких инцидентов и нарушений режима перемирия с грузинской стороны, российские войска перешли Ингури и оккупировали значительную часть Западной Грузии, а по городам были нанесены бомбово-ракетные удары. Российские войска установили на оккупированной территории так называемые *буферные зоны безопасности* вокруг Абхазии и Южной Осетии. Войска были выведены из этих зон только в октябре под западным дипломатическим нажимом. Кстати, еще в мае 2008-го Сергей Шамба проявил удивительную прозорливость, заявив журналистам, что «мы переведем боевые действия на территорию противника, чтобы создать своеобразную буферную зону и отгородиться от Грузии». Как знал.

В июле 2008-го на Северном Кавказе на границе с Грузией начались «антитеррористические» учения «Кавказ-2008». Официально было объявлено, что в учениях принимает участие 8 тыс. военнослужащих, но генерал Юрий Неткачев, который долгое время командовал на Северном Кавказе армией, а затем был заместителем командующего Группы российских войск в Закавказье, тогда же заявил, что объявленная численность войск была занижена. В маневрах участвовали 58-я армия (штаб во Владикавказе), две горные мотострелковые бригады из Дагестана и Карачаево-Черкесии, 7-я горная дивизия ВДВ (Новороссийск). Из Пскова — подразделения 76-й воздушно-десантной дивизии, из Москвы — 45-й отдельный полк спецназа ВДВ, а из Волгограда — десантно-штурмовой полк 20-й мотострелковой дивизии. То есть именно те силы, которые составили авангард вторжения в августе. Кстати, генерал Неткачев еще в декабре 2007-го очень прозорливо публично предсказал, что основные бои будущей войны с Грузией разгорятся вокруг Цхинвали, что вначале грузины добьются успеха, но через два дня будут выбиты из города и разгромлены. Тоже как знал.

Поскольку Грузия отделена от России Кавказским хребтом, вторжение могло быть только летом и по двум изолированным направлениям: по узкому Рокскому тоннелю в Южную Осетию и по прибрежной дороге в Абхазию с дальнейшим прорывом к стратегически-ключевым целям в глубь страны. Столь серьезное ограничение возможностей тактического и стратегического маневра требовало тщательно сбалансированного и отработанного плана.

Под прикрытием учений «Кавказ-2008» передовые части вторжения были в июле развернуты на границах Грузии, а некоторые, по свидетельству участников событий, заранее вошли в Южную Осетию и Абхазию. Корабли Черноморского флота были подготовлены к немедленному боевому выходу в море для блокирования грузинского побережья, морская пехота ЧФ переброшена из Крыма на Кавказское побережье и погружена вместе с техни-

кой на десантные суда. Опытные пожилые летчики-инструкторы советской еще выучки, которых сегодня в стране остались считанные десятки, были переброшены вместе с боеготовой техникой на Северный Кавказ. При этом подготовка к полномасштабному вторжению, в котором непосредственно приняли участие более 40 тыс. российских военнослужащих, была проведена на удивление скрытно: наших военных и спецслужбы следует поздравить с блестяще проведенной операцией прикрытия.

4. Провокации ведут к войне. Встречный бой вокруг Цхинвали

Особенности театра военных действий не позволяли заранее сконцентрировать непосредственно на границе силы, необходимые для успешного вторжения. Был составлен и достаточно четко выполнялся график последовательного ввода сил и средств одновременно в Южную Осетию, где шли бои, и в Абхазию, где никаких действий не было. Войсковые соединения были приведены к августу в высшую степень боеготовности. Надо думать, вторжение состоялось бы все одно, нападни грузины на Цхинвали или нет. К 11-му августа на территории Грузии действовало до 30 тыс. российских солдат и тысячи единиц тяжелой техники, что в данных обстоятельствах следует признать замечательным достижением.

[...] Формальным предлогом для начала боевых действий послужил подрыв 31 июля на самодельной радиоуправляемой мине машины грузинской полиции на объездной дороге у села Эредви к востоку от Цхинвала. Российские миротворцы успели провести расследование и установить, что были использованы два 122-мм гаубичных снаряда российского образца. Полицейская «Тойота» была разбита в хлам, пять грузин ранены. Буквально на том же месте 4 июля на подобной же мине была подорвана машина, в которой ехал глава временной прогрузинской администрации Южной Осетии Дмитрий Санакоев.

1 августа грузины нанесли ответный удар по осетинским позициям, сепаратисты понесли заметные потери и в свою очередь ответили минометным обстрелом грузинских сел, что было зафиксировано российскими миротворцами. В последующие дни осетины начали активно провоцировать полномасштабный конфликт, очевидно, пытаясь втянуть в него Россию. Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты делал грозные заявления о том, что зачистит грузинские деревни в Южной Осетии. В регион начали подтягиваться осетинские и прочие добровольцы с Северного Кавказа. В нарушение соглашения о прекращении огня в зону конфликта была введена тяжелая техника, и российские миротворцы этому не препятствовали, а российские пограничники в Рокском тоннеле свободно пропускали в Южную Осетию боевую технику и вооруженные формирования, которые грузины посчитали нашими, но маскирующимися под «добровольцев».

С 1 по 7 августа Кокойты ежедневно объявлял о серьезных боях с грузинами, хотя по большей части, как подтверждали наши миротворцы, это

были выдумки или преувеличения. Одновременно осетины отказывались вести какие-либо переговоры с грузинами и все более настойчиво требовали прямого российского военного вмешательства. 7 августа до начала широкомасштабных боевых действий Российский командующий миротворцами в Южной Осетии генерал Марат Кулахметов заявляет, что «назрело время, когда нужно принимать решение об увеличении численности миротворческого контингента». Саакашвили принял решение действовать на опережение, и срочно подтянутые две грузинские бригады вместе со спецназом МВД начали наступление на позиции осетинских формирований внутри и вокруг Цхинвали.

Грузинские военные буквально в несколько часов смели с поля боя осетинские формирования. Осетинские деревни и все высоты вокруг Цхинвала были захвачены. В городе началась паника, организованное сопротивление фактически прекратилось. Подавляющему грузинскому огневому превосходству осетины могли в лучшем случае противопоставить личное мужество отдельных бойцов. Днем 8-го грузинские войска и танки довольно легко вошли в Цхинвали, подавляя оставшиеся разрозненные очаги сопротивления. Население попряталось в подвалы, город в результате обстрелов и боев существенно пострадал. Реальные гражданские и военные потери осетин в ходе грузинского наступления до сих пор точно неизвестны, тем более трудно отличить гражданских осетин от так называемых ополченцев. Во всяком случае, очевидно, что первоначальные заявления о 1500 и потом о 2000 убитых гражданских в Цхинвали были пропагандистским преувеличением.

Нет никаких независимых свидетельств того, что грузинские войска проводили в Южной Осетии этнические чистки. Не совсем понятно, на основании чего глава Следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин утверждает, что «целью агрессоров являлось полное уничтожение национальной группы осетин, проживающих в Южной Осетии». В то же время существует много свидетельств того, что после перемирия в августе практически все мирное грузинское население было насильственно изгнано из Южной Осетии и прилегающей «зоны безопасности», их имущество разграблено, а дома сожжены.

8 августа наши миротворцы были втянуты в бои, что было неизбежно после того, как по всей территории Грузии начались массированные удары российской авиации, артиллерии и оперативно-тактических баллистических ракет «Точка-У» и «Искандер». В результате российская сторона, наконец, получила отличный повод начать заранее подготовленное вторжение. При этом во встречном открытом бою в окрестностях Цхинвали у грузин не было никаких шансов на победу, учитывая многократное численное и огневое превосходство российских войск, господство в воздухе — и тем более после того, как собранная за пару дней многотысячная группировка в Абхазии начала параллельное вторжение в Западную Грузию.

Грузинские военные утверждают, что к началу конфликта у южного портала Рокского тоннеля прятался их наблюдатель, который передавал для ар-

тиллерии точные GPS координаты идущей к югу российской техники, и что другой такой возможности нанести прицельный удар не было. Потому, мол, чтобы обеспечить выдвижение к селу Кхети, к самому близкому к Рокскому тоннелю селу грузинского анклава к северу от Цхинвали, корректируемых по GPS гаубиц и систем залпового огня GRAD LAR, началась операция в самом городе и окружающих селах. Грузинский огонь по наступающим войскам был, похоже, довольно точным, а наши военные особо отмечают высокую эффективность грузинской артиллерии. Но ни остановить, ни даже надолго задержать российское наступление не удалось, а в глазах Запада Тбилиси оказался наряду с Москвой виновным в развязывании войны.

Выдвинутые к Цхинвалу 8 августа отборные части, включая спецназ ВДВ, два дня не могли окончательно выбить грузин из города, несмотря на массированное использование артиллерии, танков и боевой авиации. [...] Грузинские регулярные войска храбро и умело сражались и вышли из Цхинвала, подчиняясь приказу политического руководства. [...]

5. Грузины отступают, и война заканчивается российской победой

После выхода из Цхинвала грузинские войска продолжили отступление. К 12-му почти вся армия была сконцентрирована вокруг Тбилиси. К тому времени на территорию Грузии, включая Осетию и Абхазию, было выдвинуто до 30 тыс. наших солдат. Передовые отряды подошли к Гори, заняли Зугдиди, вошли в Сенаки и разрушили там грузинскую военную базу. Передовая разведка вошла в город-порт Поти. Грузинские войска везде отступали, не ввязываясь в бои, и готовились только к обороне Тбилиси. Российские войска далеко оторвались от баз снабжения, их оказалось слишком мало для успешной оккупации страны и тем более миллионного Тбилиси. Приказав отступать, грузинское руководство сохранило костяк регулярной армии и спецназ МВД. Сохранив армию, Саакашвили сохранил единую Грузию и, одновременно, основу собственного режима, а разбираться с российским вторжением он предоставил западным лидерам и дипломатам.

Грузинские официальные лица теперь открыто признают, что к такой войне с Россией они были совершенно не готовы. Грузия готовилась победить силы сепаратистов в наступательном бою, а российского вторжения не ожидала. Служба внешней разведки Грузии, по словам ее руководителя Гелы Бежуашвили, совершенно не предвидела полномасштабной войны в августе. Американские военные и дипломатические источники, по словам Бежуашвили, а также секретаря грузинского Совбеза Александра Ломаи, утверждали, что не видят никаких признаков реальных российских приготовлений к полномасштабной войне. Наши сумели обвести вокруг пальца и грузин, и американцев.

В последние годы все усилия американского разведсообщества были направлены на Ирак, Афганистан, Иран и на борьбу с исламистским тер-

роризмом. Россию не считали непосредственной угрозой, а американские разведспутники смотрели по большей части в другую сторону — на «большой» Ближний Восток. Кроме того, спутники не могут определить степень готовности частей и соединений к немедленному началу крупномасштабных боевых действий. Очень важно, что в декабре прошлого года Россия вышла из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) под надуманным предлогом, что страны НАТО его, мол, не выполняют. Прекратились инспекции в рамках ДОВСЕ на местах, которые более всего раздражали наших генералов именно тем, что позволяли иностранцам оценивать степень боеготовности частей и соединений. Без выхода России из ДОВСЕ успешное вторжение в Грузию было бы под вопросом. Надо думать, уже в 2007-м будущая операция против Грузии вовсю прорабатывалась и, возможно, стала основной причиной необъяснимого выхода из ДОВСЕ.

Если с российской стороны был детально проработанный план операции, совместивший разнородные силы армии, флота, ВВС и ВДВ, то с грузинской стороны был импровизационный беспорядок в худшем значении этого слова. Министр обороны Грузии Давид Кезерашвили, уволенный Саакашвили в декабре 2008-го, утверждает, что если бы знали, что готовит Россия, сами готовились бы совсем по-другому: строили бы оборонительные линии, блиндажи и укрытия. Когда в ночь на 12 августа грузинская армия и спецчасти МВД отошли к Тбилиси, никакого готового плана обороны города и заранее оборудованных позиций не было. Грузинские военные не были готовы к минной войне и даже не пытались задержать наступающие российские бронеколонны, ставя минные заграждения. Если бы знали, говорит Кезерашвили, то заранее вывели бы из Ирака 2 тыс. грузинских солдат и т. д.

Российские военные официально признают потерю четырех самолетов, включая сверхзвуковой стратегический ракетоносец-бомбардировщик Ту-22М3. Полуофициально наши военные говорят о потере семи машин. Грузины утверждают, что сбили девятнадцать, включая один боевой вертолет. Истина, скорее всего, лежит где-то между. Грузинское ПВО действовало в целом неплохо, хотя отразить российское воздушное наступление не смогло. Потеря боевых машин неприятна, хотя самолетов советского производства у нас еще немало. Совсем другое дело убитые и раненые пилоты. Подготовленных экипажей в ВВС большой дефицит, и каждая потеря очень болезненна и часто невосполнима. Грузию, как и Чечню во время второй войны, бомбили практически исключительно пилоты советской выучки — от майора до полковника, которым теперь нередко больше пятидесяти лет. Хорошо подготовленного молодого поколения пилотов, способных на старых машинах в сложной боевой обстановке точно попадать по чужим, а не по своим, сегодня в ВВС фактически нет.

В отличие от грузин, наши военные не использовали разведывательные БПЛА во время войны в августе, поскольку делать современные оперативные и стратегические беспилотники наша промышленность не умеет. На разведку летали самолеты с экипажами, что вело к неоправданным и часто невоспол-

нимым потерям. После окончания боевых действий Кремль и Минобороны официально заявили, что война выявила серьезные недостатки в подготовке, организации и вооружении войск. Системы связи, радиоэлектронной борьбы и вообще фактически все вооружение у нас старое, 80-х, 70-х, а то и 60-х годов производства. После войны в августе была объявлена радикальная военная реформа, которая должна модернизировать и вестернизировать структуру вооруженных сил. Должно начаться перевооружение, но без массовой закупки западных военных технологий и систем вооружения ничего не выйдет, поскольку наш ВПК устарел точно так же, как и сами вооруженные силы. Но непонятно, как совместить предполагаемую армейскую модернизацию с западной помощью и по западным образцам с одновременной политической конфронтацией и военным противостоянием с тем же Западом.

[...] Официально российские военные заявили о 71 убитых и 340 раненых военнослужащих. Тбилиси сообщил 15 сентября о гибели 168 своих военнослужащих, 16 полицейских и 180 гражданских лиц. Кроме того, 14 грузинских военных пропали без вести. В октябре парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в резолюции отметила, что по числу погибших и раненых в ходе конфликта поступает противоречивая информация. «По сведениям независимых оценок, с российской (и осетинской) стороны 300 человек убиты, 500 ранены, с грузинской стороны — 363 убиты, 2234 ранены», однако эти цифры «значительно ниже тех, что были первоначально указаны, в особенности Россией», — отмечается в документе.

Очевидно, что данные потерь с российской (осетинской) стороны — лишь округленная прикидка, в то время как с грузинской они выглядят более достоверно. Точные цифры военных и гражданских потерь в войнах, которые в прошлом вела Россия, так и не были никогда установлены: есть только прикидки и оценки.

Нет вообще никаких оценок потерь нашей армейской техники, хотя, по оценкам очевидцев, много было разбито и сожжено. Первый замминистра обороны Грузии Бату Кутелия сказал мне в Тбилиси в конце ноября 2008-го, что грузины потеряли 42 танка, что составляет четверть их общего числа. Модернизированных Т-72 было, по его словам, потеряно всего несколько штук. Прочая модернизированная по стандартам НАТО техника была также в основном спасена. На базе в Сенаки в Западной Грузии, где модернизировали танки и вообще не было боев, российские военные, утверждает Кутелия, захватили и вывезли пару модернизированных Т-72, которые были не на ходу. [...]

6. Международный аспект конфликта, или новая холодная война

Уже 9 августа Саакашвили призвал Россию прекратить огонь. Российский МИД потребовал предварительно вывести грузинские войска и технику из Южной Осетии. 10 августа Тбилиси объявил о полном выводе войск. 11 августа в Тбилиси Саакашвили в присутствии глав МИДа Франции Бернара

Кушнера и Финляндии Александра Стубба подписал документ о прекращении грузинской стороной огня. Наша армия продолжала наступление в глубь Грузии до 12 августа, когда президент традиционно дружественной Франции Николя Саркози, прибывший в Москву в качестве главы страны-президента ЕС, подписал с президентом Медведевым план о прекращении боевых действий. Суть соглашения [...] состоит в немедленном перемирии и отводе как грузинских, так и российских сил на исходные позиции, после чего предполагались поиски политического решения конфликта при международном посредничестве. Требование российского руководства об отстранении Саакашвили от власти как военного преступника было Саркози отвергнуто.

Скоро стало ясно, что Москва иначе трактует подписанный документ. Вместо полного ускоренного вывода войск на позиции до 7 августа наши к 22 августа совершили частичный отвод сил, сохранив под контролем значительную зону безопасности вокруг Южной Осетии и Абхазии. Окончательно войска были выведены из «зон безопасности» в первой половине октября, но до этого 26 августа Москва признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Было объявлено, что на территории новоявленных государств будут созданы российские военные базы и дислоцированы на постоянной основе войска. Таким образом, по мнению российского руководства, территории Абхазии и Южной Осетии были выведены из-под действия положений плана Медведева — Саркози.

Наблюдатели ОБСЕ и ЕС, направленные по согласию сторон в октябре 2008-го в зону конфликта, чтобы следить за выполнением соглашения о перемирии, не были допущены на территории сепаратистских республик. 23 декабря 2008 года было объявлено о прекращении миссии ОБСЕ по наблюдению в Южной Осетии, которая действовала до начала войны, поскольку Россия блокировала продление ее мандата. Признав независимость Абхазии и Южной Осетии, президент Дмитрий Медведев сразу разъяснил, что «нас ничего не пугает, в том числе и перспектива "холодной войны"».

[...] Открытое противостояние с Западом, США и НАТО после августовской войны с Грузией не стало чем-то неожиданным для российского военно-политического руководства, и ответ врагам последовал незамедлительно. Уже 1 сентября начались, как заявил генерал Болдырев, самые масштабные за последние 20 лет комплексные стратегические учения «Стабильность-2008», которые были проведены в четыре этапа и продолжались 74 дня. По словам Медведева, в них участвовали 47 тыс. человек, 134 органа управления войсками и свыше 7300 единиц техники.

В различных учениях, объединенных единым замыслом, участвовали по сути все, кто не отработал свое во время реального вторжения в Грузию в августе.

Военное ведомство заявило, что «сценарий учений предполагает постепенное обострение обстановки с перерастанием от кризисных ситуаций к вооруженным конфликтам». Завершились учения пусками межконтинентальных баллистических ракет по условному противнику (НАТО и США).

В Оренбурге 26 сентября 2008 года на полигоне Донгуз по ходу учений Медведев заявил: «Стабильность — это то, к чему стремится наше государство, то, что мы обязаны отстаивать в самых разных ситуациях, если потребуется — и с использованием военной силы... Мы убедились, война может вспыхнуть внезапно и происходить абсолютно реально, а локальные, тлеющие конфликты, которые иногда именуют даже замороженными, — превратиться в настоящий военный пожар». Соответственно, были поставлены задачи до 2020 года: перевести «все боевые соединения и части в категорию постоянной готовности», повысить эффективность системы управления Вооруженными Силами, совершенствовать систему подготовки кадров, оснастить войска принципиально новым, самым современным оружием. Запланировано серийное строительство боевых кораблей, в первую очередь атомных подводных лодок. Медведев приказал «добиться превосходства в воздухе в нанесении высокоточных ударов по наземным и морским целям, а также в оперативной переброске войск».

Стратегические учения «Стабильность-2008» — это не импровизация в ответ на кризис в отношениях с Западом после конфликта в Грузии. Учения готовились, как справедливо отметил министр обороны Анатолий Сердюков, «более чем год», — очевидно, параллельно с грузинским походом. Передовые войска вторжения были отмобилизованы и сконцентрированы на передовых рубежах к началу августа в ходе учений «Кавказ-2008». Одновременно для стратегической поддержки наступательной операции в Грузии были подготовлены мощные дополнительные силы, поскольку не было до конца точно известно, что американцы не вмешаются. Какое-то время в августе судьба России и мира, похоже, висела на волоске, но обошлось, а заранее отмобилизованные силы и средства вместо войны с США и НАТО провели мегаучения на будущее: ведь осталась нерешенной проблема Крыма и Севастополя, да и Саакашвили до сих пор у власти — и продолжает выступать.

Впервые с середины 80-х наша власть провела учения, нацеленные на непосредственную подготовку полномасштабной войны с Западом. Потому в них, как когда-то в советское время, участвовали и основные органы исполнительной власти: в ядерной войне не будет мирного тыла. В рамках «Стабильности-2008» впервые с советских времен военные комиссариаты провели массовый призыв резервистов, из которых была сформирована танковая резервная дивизия. Для оккупации территорий, бóльших, чем Абхазия и Южная Осетия, нынешних частей постоянной готовности совершенно недостаточно.

По ходу учений наш ВМФ отправил в Атлантику, Средиземное море и в Карибский бассейн к американским берегам эскадру во главе с атомным крейсером «Петр Великий». 22 декабря правительство утвердило на 2009 – 2011 годы капитальные госвложения в серийное производство вооружений и военной техники в 1 трлн. рублей и сверх того гособоронзаказ на 4 трлн. рублей. [...]

Замысел и масштаб учений, амбициозные планы будущего военного строительства не скрываются, а выпячиваются. Наши начальники могут предаваться мечтам о «превосходстве в воздухе» и искать «стабильности», опираясь на проржавевшую советскую ядерную дубину, но в реальности, конечно, надеются по-пацански конкретно договориться с Западом о разделе сфер влияния. Вы, мол, не ходите в наш двор без разрешения, в Грузию и на Украину, не размещайте противоракеты в Польше, и мы не будем ходить к вам, а иначе — будет, типа, «холодная война».

Наши начальники, похоже, забыли, что в прошлый раз страна плохо пережила «холодную войну»: СССР разорился и рассыпался на части. А вот нынешние ведущие западные политики и военные хорошо помнят, как двадцать лет назад сначала сдержали, а потом свернули в трубочку советскую империю. После 2001-го НАТО не показало себя особенно эффективной организацией для борьбы с исламским терроризмом, а для сдерживания России (СССР) оно было исходно создано, и ничего нового придумывать не надо. Надежда московских начальников на многополярный мир оказалась пустой. Китай, Иран и российские союзники по Организации Договора о коллективной безопасности не стали активно поддерживать Москву во время конфликта с Грузией, не стали признавать Южную Осетию и Абхазию, а решили пока остаться в стороне и посмотреть, как наши будут сами расхлебывать последствия.

7. Предпосылки возобновления боевых действий

Война в августе должна была окончательно освободить Абхазию и Южную Осетию от грузинского влияния и населения, Тбилиси — от Саакашвили, а Закавказье — от НАТО и американцев. В принципе Москва даже готова формально сохранить территориальную целостность Грузии (без Абхазии и Осетии) в виде некой конфедерации и дать грузинам, а также абхазам и осетинам возможность демократически выбирать себе президентом любого, кого предварительно утвердят в Москве, как это делается в наших областях и республиках.

Точно так же российское руководство готовило в 99-м вторжение в Чечню. Тогда еще ранней весной, по свидетельству бывшего премьера Сергея Степашина, было принято принципиальное решение начать войну в августе-сентябре. Все лето шла инженерная и прочая подготовка к развертыванию ударных группировок. Одновременно готовилась серия провокаций для обеспечения повода к войне, включая таинственные взрывы домов в Москве и в других городах, а также вторжение отрядов под командованием Шамиля Басаева в Дагестан. Но, по словам Степашина, вторжение в Чечню началось бы осенью 99-го вне зависимости от взрывов домов и нападения на Дагестан. Заранее спланированное вторжение началось бы, утверждает Степашин, что бы чеченцы ни делали. Тогда восстанавливали территориальную целостность РФ, сегодня, похоже, взялись за выстраивание постсоветского пространства.

В августе 2008-го Москва согласилась на прекращение огня из-за опасения серьезной западной реакции, а также из-за кризиса со снабжением войск по сотням км горных дорог от Владикавказа и Беслана через узкую горловину Рокского тоннеля. Напрашивалась оперативная пауза для подтягивания тылов, и, главное, посчитали, что тбилисскому режиму уже нанесен смертельный удар. Президент Медведев назвал Саакашвили «политическим трупом». Многие в Москве до сих пор уверены, что Саакашвили скоро уйдет, что его скинет оппозиция, что «американцы его сами уберут», но это не более чем беспочвенные мечтания. [...]

Силы МВД и военные лояльны режиму, Саакашвили чувствует себя вполне уверенно и даже позволил себе во время выступления в парламентской комиссии публично опровергнуть слухи, что он когда-то обозвал российского премьера обидным словом «лилипутин». Грузинский режим устоял, консолидировал силы, получает солидную западную помощь и теперь готовится к совсем другой будущей возможной войне с Россией.

По словам грузинских военных, теперь они готовят оборонительные рубежи, укрытия, оборудованные огневые позиции и инженерные заграждения. Оттавский договор, запрещающий использование противопехотных мин, практически полностью прекратил международную торговлю минами, но грузины, вероятно, где-то смогут что-то достать или наладить собственное производство. Противопехотная мина — не больно сложное изделие, но без него противотанковые минные поля бессмысленны. Грузинские военные также говорят, что могут воспользоваться иракским опытом, где боевики-исламисты наладили производство высокоэффективных управляемых придорожных мин-фугасов для уничтожения техники и живой силы.

Сегодня на линии прекращения огня после вывода российских войск из зон безопасности вокруг Южной Осетии и Абхазии постоянно происходят провокации и перестрелки, в которых обе стороны обвиняют друг друга, что в конечном итоге может перерасти в полномасштабные боевые действия. [...] Международная правозащитная организация Amnesty International утверждает, что десятки тысяч перемещенных лиц не могут вернуться в свои дома из-за продолжающихся взрывов, стрельбы, а также мародерства и случаев похищения людей в «сумеречной зоне» вдоль границы Южной Осетии. В грузинском селе Эргнети в нескольких сотнях метров от окраины Цхинвали, где я был в конце ноября 2008-го, большая часть домов до сих пор стоят сожженными и до нитки разграбленными осетинскими мародерами.

Южная Осетия сегодня также по сути пустыня, в ней осталось в результате войн и этнических чисток меньше 30 тыс. постоянного населения — где-то *четверть* от довоенного советского. Географически и экономически Южная Осетия — часть Грузии. В ней не может быть никакого функционирующего хозяйства, пока граница с Грузией, как сейчас, закрыта и там — перестрелки. В Абхазии сейчас примерно 140 тыс. населения — *треть* довоенного. В Абхазии возможно развитие сравнительно независимой от Грузии экономики, особенно туризма, но вся советская инфраструктура совершен-

но сгнила. Для реабилитации Абхазии, для содержания Южной Осетии, на размещение там российских военных баз и гарнизонов потребуются десятки миллиардов долларов, которых в российском бюджете в результате кризиса может просто не оказаться. А если и найдутся, то все равно бóльшую часть способны разворовать коррумпированные российские чиновники вкупе с местными деятелями.

В Осетии нужно строить дорогу-дублер Рокского тоннеля через Мамисонское ущелье и перевал, поскольку полагаться на одну крайне уязвимую линию снабжения слишком опасно. Нужно срочно строить десятки км противолавинных тоннелей в ущелье к северу от Рокского тоннеля, иначе единственная дорога два-три месяца в году зимой будет практически закрыта. Тем временем Грузия начала программу существенного увеличения регулярной армии. Похоже, Россия завязла, взяв в августе под контроль территории, которые ей вообще-то даром не нужны, но стоить будут со временем все дороже.

Выходом из неприятной ситуации может стать новая война. ФСБ уже объявило, что Тбилиси готовит теракты и диверсии против наших войск в Южной Осетии и Абхазии и на территории самой России. Министр обороны Анатолий Сердюков заявил в ноябре в Анкаре: «Нас беспокоит проводимое грузинским руководством наращивание военного потенциала и втягивание страны в НАТО. Эта деятельность может спровоцировать гораздо более серьезный конфликт, чем события августа этого года». Возможно, уже началась проработка новой «окончательной» операции, чтобы в этот раз все-таки разгромить грузинские вооруженные силы, сменить режим в Тбилиси, окончательно изгнать американцев и НАТО. Кроме того, когда в России постепенно нарастают недовольство и социальная нестабильность в ответ на не очень удачные попытки властей бороться с экономическим кризисом, «маленькая победоносная война» со слабой Грузией может помочь сплотить страну вокруг «национального лидера» — Путина. Если война запланирована, предлог всегда найдется. Но если в этот раз грузины чуть лучше подготовятся, результат может быть несколько иным, чем в августе.

2008, № 4 (138)

2. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ

Российско-грузинская война

Документы и материалы

[...] В 2004 – 2008 годах в Грузии проведены беспрецедентные по масштабам, глубине и темпам либеральные экономические реформы. Центральную роль в реформировании сыграл министр экономики и по координации экономических реформ в 2004 – 2008 годах, руководитель канцелярии президента в 2008 – 2009 годах Каха Бендукидзе. Целью проводившихся реформ стало достижение положения, при котором «Грузия стала бы самой дешевой и самой привлекательной для бизнеса экономикой мира».

Основные реформы

1. Реформа государственного сектора

— Сокращение числа министерств с 18-ти до 13-ти.

— Сокращение числа государственных служб с 52-х до 34-х.

— Сокращение на 35% персонала министерств и на 50% числа занятых в государственном секторе.

— Увеличение зарплат госслужащих в 15 раз.

— Массовое привлечение в госаппарат молодых профессионалов.

— Переход министерств к среднесрочному планированию.

— Упразднение дорожной полиции.

— Введение системы полицейских патрулей американского типа, наделенных функциями областной полиции.

2. Реформа судебной системы

— Создание Независимого Высшего Совета Справедливости [...].

— Четкое разделение первой судебной инстанции от второй.

— Установление четких процедур для судей.

— Либерализация правовой системы.

— Усиление защиты прав собственности.

3. Реформа системы исполнения наказания

— Строительство современных пенитенциарных заведений.

— Приближение условий пребывания в тюрьмах согласно мировым стандартам.

4. Налоговая реформа

— Сокращение числа налогов с 22 в 2003 году до 7-ми в 2007 году и 6-ти в 2008 году.

— Снижение ставки НДС с 20 % до 18 %.

— Замена прогрессивного подоходного налога со ставкой в 20% плоским со ставкой в 12%.

— Ставка налога на прибыль снижена с 20% до 15%.

— Объединение подоходного и социального налогов при снижении их совокупной ставки, находившейся на уровне 51%, до 25% при плоской шкале.

— Снижение акцизных сборов и налога на собственность.

— Установление фиксированных ставок налога на игорный бизнес в размере 5 млн. дол. в год в Тбилиси, 250 тыс. дол. в год в Батуми и на нулевом уровне в Цхалтубо.

5. Таможенная реформа

— Ликвидация таможенных обязательств с 1 сентября 2006 года.

— Сокращение тарифных ставок до 0,5%, а с 2008 года для всего импорта до 0%.

— Ликвидация количественных ограничений на импорт.

6. Внутриэкономическая либерализация

— Принятие «Закона о свободной и конкурентной торговле», предотвращающего передачу государством монопольных прав частной или государственной компании.

— Принятие нового Трудового кодекса, позволяющего работникам и работодателям составлять контракты по своему собственному усмотрению и согласию.

— Принятие новых правил работы на фондовой бирже.

— Освобождение частных компаний от обязательства выплаты пособий по материнству.

7. Либерализация внешнеэкономической деятельности

— Отмена ограничений на иностранные инвестиции в Грузию.

— Изменение (либерализация) правил по импорту лекарственных препаратов и реализации услуг в сфере страхования и сертификации.

— Снятие ограничений для работы в Грузии иностранных банков с рейтингом A+ и выше.

— Введение единых ставок акцизного сбора и НДС на импортные и местные товары.

— Отмена всех транзитных пошлин, квот и иных транзитных барьеров при автодорожной транспортировке товаров по территории Грузии.

— Либерализация железнодорожной тарифной политики.

— Политика «Открытое небо» — отмена ограничений на число пассажиров, направление и частоту полетов в грузинском воздушном пространстве.

8. Визовая либерализация

— Отмена визового режима для граждан 56 стран, в т. ч. ЕС, Турции, Израиля, Японии, Канады, США, Швейцарии.

— Существенное упрощение получения въездных виз для граждан других стран.

— Легализация двойного гражданства.

9. Приватизация

Осуществление приватизации и внедрение долгосрочных арендных контрактов с правом их перепродажи на такие объекты, как:

— сельскохозяйственные, городские и промышленные земли;

— рыбные, лесные и водные ресурсы;

— морской флот;

— железные дороги вместе с прилегающими станциями;

— морские порты и аэропорты;

— угольные шахты;

— заводы тяжелой промышленности;

— недвижимое имущество, включая больницы, некоторые образовательные и спортивные учреждения и прочее.

Были приватизированы: два аэропорта, железная дорога, два морских порта.

10. Реформа лицензирования и выдачи разрешений на открытие бизнеса

— Ликвидация сложной системы получения лицензий и разрешений на ту или иную деятельность и ее замена на систему «одного окна».

— Внедрение принципов «Молчание — знак согласия» (20 дней на выпуск разрешения, 30 дней на выпуск лицензии) и «Одного зонтика».

— Сокращение перечня лицензируемой деятельности на 85% — до 92 позиций.

— Сокращение количества этапов в получении разрешения с 29 до 17.

— Сокращение срока, в течение которого можно начать бизнес [...].

— Сокращение размеров уставного капитала в 2006 году и его полное упразднение в 2007 году.

— Сокращение сроков регистрации нового предприятия любого типа в налоговом офисе до 1 дня.

— При регистрации собственности сокращение количества шагов с 6 до 3 и количества дней — с 9 до 2.

11. Реформа электроэнергетики

— Снятие ограничений для частных инвестиций.

— Переход на частное предложение и частные поставки электроэнергии.

— Переход к долгосрочным контрактам.

— Диверсификации импорта электроэнергии.

— Переход к поставкам электроэнергии по принципу 24/7.

— Совершенствование государственного технического регулирования.

12. Реформирование газового сектора

— Отмена регулирования оптовых тарифов.

— Полное дерегулирование в случае постройки новой транспортной и распределительной сети.

— Отмена государственного субсидирования газового сектора.

— Диверсификация импорта газа.

13. Реформа образования

— Внедрение ваучеров.

— Введение централизованных экзаменов.

— Централизованное назначение директоров государственных школ и бюджетных университетов.

— Увеличение числа частных школ.

14. Реформа здравоохранения

— Переход от крупных государственных больниц к 100 новым частным больницам, так что до 90% населения будет находиться в 30 минутах езды от больницы.

15. Военная реформа

— Переход к контрактной профессиональной армии.

— Приближение к стандартам НАТО.

— Обучение грузинских военнослужащих по стандартам НАТО.

— Обкатка грузинских военнослужащих в Ираке и Афганистане.

[...] Даже самые первые результаты последовательно либерального, во многом поистине либертарианского, экономического эксперимента в Грузии — несмотря на весьма короткий срок его осуществления — впечатляют.

Небольшая и небогатая страна, находящаяся не в самом благоприятном географическом положении, не имеющая контроля над двумя своими территориями, не оправившаяся до конца от последствий серии войн конца 1980-х — начала 1990-х годов, включая тяжелейшую гражданскую войну, лишенная собственных месторождений нефти и газа, находящаяся под непрерывным политическим, энергетическим, экономическим, транспортным и военным давлением со стороны своего крупнейшего соседа, в течение почти трех лет подвергнутая им тотальному торговому эмбарго,

тем не менее по всем ключевым экономическим показателям развивается несопоставимо успешнее, чем ее мощный, купающийся в энергоресурсах, получающий финансовую ренту на сотни миллиардов долларов в год, агрессивный и авторитарный сосед.

Сравнение некоторых экономических показателей России и Грузии

Показатели	2003	2005	2006	2007	2008 1-е п/г
Темпы прироста ВВП, %:					
Россия	7,3	6,4	7,4	8,1	8,0
Грузия	11,1	9,6	9,4	12,4	9,3
Темпы прироста физического объема экспорта, %:					
Россия	12,8	6,4	7,8	4,4	2,7
Грузия	18,4	36,1	20,7	6,2	19,2
Прямые частные зарубежные инвестиции в % к ВВП:					
Россия	1,6	1,7	1,4	2,2	1,4
Грузия	8,4	8,3	15,4	22,5	23,0
Годовые темпы инфляции, %:					
Россия	12,0	10,9	9,1	11,8	15,0
Грузия	4,8	8,2	8,8	11,0	7,0
Среднемесячная зарплата, дол. США:					
Россия	180	302	396	531	694
Грузия	61	114	162	238	382
Зарплата в Грузии в % к зарплате в России	33,7	37,7	40,9	44,9	55,1

Источники: МВФ, ФСС России, департамент статистики Минэкономики Грузии.

При проведении таких сравнений следует иметь в виду, что в течение последних пяти лет экономический рост в России был вне всякого сомнения исключительным. Исключительным как с точки зрения национальной экономической истории, так и с точки зрения мирового опыта. В последние годы в силу ряда причин Россия оказалась в числе наиболее быстро развивающихся стран мира. Несмотря на объективно весьма высокие показатели России Грузия все же смогла опередить ее практически по всем ключевым

показателям. Темпы прироста ее ВВП и экспорта выше, масштабы привлечения иностранных инвестиций больше, темпы инфляции ниже, зарплата растет быстрее, чем в России.

Конечно, Грузия по-прежнему остается небогатой страной, с неразвитыми рынками и инфраструктурой, с широким распространением бедности, с недостаточно эффективными государственными службами. Но то, что уже было сделано в стране менее чем за пять лет в сфере экономических, институциональных, политических реформ, не может быть названо иначе, как чудо.

Настоящее институциональное и экономическое чудо.

И если это чудо не будет искусственно прервано, то нет никаких сомнений в том, что это лишь вопрос времени, когда по душевым показателям производства и дохода свободная Грузия догонит авторитарную Россию.

Возможно, именно этот феноменальный успех братской страны, достигнутый в тяжелейших условиях в кратчайшие сроки, и оказался одной из причин для ненависти и агрессии против страны и людей, сумевших этого добиться.

2009, № 2 (140)

3. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ

Из выступления на слушаниях комитета по иностранным делам Палаты представителей США «От конкуренции к коллаборационизму: укрепляя отношения США и России».

25 февраля 2009 года

[...] К российско-грузинской войне, наиболее острая фаза которой началась летом прошлого года, российские власти готовились по крайней мере с февраля 2003 года. Это один из самых серьезных международных кризисов по меньшей мере за последние 30 лет, свидетельствующий об одной из наиболее опасных тенденций нынешнего времени. В ходе этой войны:

а) впервые со времени вторжения Советского Союза в Афганистан в 1979 году произошло массированное использование российских вооруженных сил за рубежом;

б) впервые со времени интервенции СССР против Чехословакии в 1968 году произошло одностороннее вторжение в независимую европейскую страну;

в) впервые со времени конца 1930-х — начала 1940-х годов агрессия против независимой европейской страны и оккупация части ее территории привели к одностороннему изменению международно признанных границ в Европе. Сходство сегодняшних событий с событиями 1930-х годов обращает на себя особое внимание и является особенно тревожным. [...]

2009, № 3 (141)

4. АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ

Заметки на полях российской действительности

48 лет спустя

*16.06.09**

Слишком много совпадений. Крупные учения Северо-Кавказского военного округа в 2008 году. Еще более масштабные, возглавляемые начальником Генштаба Николаем Макаровым, в 2009-м. Те же сообщения МИДа о провокациях грузинской военщины. Это по дипломатической части. Те же интервью дюжины независимых «экспертов» о неизбежности второй грузинской войны (которая, разумеется, начнется с вероломного нападения грузинской стороны). Это по части психологической подготовки масс.

Армия так же, как и год назад, рвется в бой. Более того, генералы полагают, что политики не дали им в прошлом году закончить работу, остановив их на подступах к Тбилиси.

Вот что писал в конце июля 2008-го журналист Анатолий Баранов: «Я только что вернулся с Северного Кавказа, был, кстати, в Ростове-на-Дону, говорил с офицерами штаба СКВО. Парадоксально, но армия хочет воевать, хотя неготовность страны к войне осознают. Какой-то безнадежный "авось" — в войне видят выход решения внутриполитических проблем, консолидацию нации, очищение элит, в общем, все что угодно, кроме перспективы национальной катастрофы».

А вот что говорит сегодня Ваха Гелаев, бывший боец батальона ГРУ «Восток», один из героев первой грузинской: «Новая русско-грузинская война будет. Русские готовятся к этой войне. Все об этом говорят на Северном Кавказе. Напьются русские генералы и болтают все, что летом будет новая война».

Что касается военно-стратегических и внешнеполитических целей войны, читайте хоть Бориса Борисова, хоть Павла Фельгенгауэра, кому кто ближе по политической ориентации. Смена режима, уничтожение грузинской армии, оккупация страны, контроль над энергоресурсами Каспия, показательное унижение ненавистных пиндосов.

Есть и внутриполитические цели. Для путинской группировки вторая грузинская война — идеальная возможность покончить раз и навсегда с

---

* Здесь и далее — даты первоначального появления текста на портале «Грани.ру.»

нарастающей двусмысленностью в Кремле. Национальный лидер резко и выигрышно сменит удручающую для него повестку дня.

Медведеву же, которому эта война совершенно не нужна, придется тем не менее надувать щеки, вставать на цыпочки, напяливать на себя пятнистый комбинезончик (верховный главнокомандующий как-никак) и, трогательно и неумело подражая дяде Володе, бравировать своей брутальностью. Так в этом комбинезончике и отправят его потом прямо с театра военных действий на малую историческую родину налаживать работу Конституционного суда.

Учения на Кавказе заканчиваются 6 июля. Окончательное политическое решение будет принято в те же дни. Сразу же после визита Обамы. Центральным событием для Обамы в Москве станет его публичная речь в Российской экономической школе — своего рода продолжение каирской речи. Если судить по каирскому образцу, президент США скажет много добрых, хороших и справедливых слов о России и русских и за что-нибудь обязательно извинится, например, за высадку американских солдат в Архангельске в 1918 году.

Обама после такой московской речи будет хозяевами «взвешен и найден очень легким». Что произошло после венского саммита 1961 года, на котором Хрущев решил, что Кеннеди слабак, мы все помним. Случайно помним. Потому что мир вообще случайно уцелел во время Карибского кризиса.

С тех пор руководители России и США твердо усвоили: наши две ядерные сверхдержавы просто не имеют права оказаться вовлеченными в военно-политический кризис, исходом которого должно стать демонстративное унижение одной из них. У Обамы, Путина и Медведева есть еще дней двадцать поразмышлять над этой истиной, прежде чем начать проверять ее на практике.

Жизнь с идиотом

23.06.09

Ну вот, — пошли и перебежчики, переплывающие Буг вечером 21 июня, чтобы явиться в студию «Эха Москвы» и предупредить лично Алексея Алексеевича Венедиктова о грядущем нападении саакашистских орд. Прокремлевские сайты и издания запестрели темничками «Саакашвили готовит новую войну». В самом глубокомысленном из них сообщалось, что грузинская военщина в пограничных районах отходит в глубь территории и взрывает за собой мосты. Действительно, более убедительных свидетельств о намерениях грузинского агрессора трудно представить.

Пропагандистская кампания по подготовке второй грузинской войны вступила в завершающую стадию. Синхронно с масштабными учениями Северо-Кавказского военного округа и Черноморского флота, которые должны закончиться 6 июля.

Несомненно, что наиболее безумная часть российского руководства эту войну действительно готовит.

В чисто военном отношении она станет логическим продолжением (после необходимой стратегической паузы) августовской войны 2008-го. Но есть принципиальное и необратимое политическое и психологическое отличие. Первая война последовательно готовилась Кремлем в силу многих мотивов, но в ней присутствовала составляющая, которую удалось правдоподобно продать российскому и мировому общественному мнению — поддержка права на самоопределение абхазов и осетин, большинство которых действительно не хотели быть гражданами Грузии.

Вторая грузинская, если она будет развязана, станет первой откровенно гитлеровской по своим целям и задачам войной встающей с колен России — расширение жизненного пространства, десуверенизация соседнего государства, экономические интересы рейха (контроль над энергоресурсами Каспия).

Первая гитлеровская, она же маленькая победоносная путинско-медведевская, окажется по своим последствиям для России авантюрой еще более разрушительной, чем афганская война для СССР. В Афганистане мы ввязались в гражданскую войну на стороне достаточно дееспособного клана. В Грузии после ликвидации грузинской армии мы столкнемся с задачей оккупации страны, в которой нас будут ненавидеть все поголовно, включая родственников привезенного в Тбилиси в танке г-на Гиоргадзе. А в «тылу» оккупантов останется пылающий Северный Кавказ.

Излучающие башни смогут поддерживать «патриотический подъем» не более нескольких недель. Русское общество не примет этой войны. Не протестуя, но безмолвствуя. Фундаментальная проблема путиных, леонтьевых, дугиных и прочих юрьевых заключается в том, что нет у них конгениального им имперского фашистского народа.

Если говорить о международном резонансе, то военной помощи Грузии Запад не окажет, но все иные меры по изоляции членов кооператива «Озеро» будут под давлением общественного мнения западных стран приняты. Никакие золотые перья киссинджеров, шредеров, саймсов, грэмов уже не помогут. Похоже, в Кремле это хорошо понимают. Два самых жирных личных путинских «кошелька» на Западе — Абрамович и Тимченко — уже лихорадочно перепрофилируют активы «общака» в яхты, замки на берегу Финского залива, нефтетерминалы и другие добрые дела, стремясь обеспечить им максимальную безопасность.[...]

Десятилетняя «Жизнь с идиотом» (совсем по А. Шнитке) не может не закончиться национальной катастрофой. Но жизнь эта была и остается сознательным выбором нашей алчной и трусливой «системной либеральной элиты». Вот и сегодня она все прекрасно понимает, но, повязанная с национальным лидером многолетним совместным ведением хозяйства и отягощенная нажитым непосильным трудом имуществом, не осмелится ему перечить. Напротив, с первыми же выстрелами в этой роковой войне она непременно проблеет что-нибудь о возрождающейся на Кавказе российской армии.

Обама и Саргсян *07.07.09*

Конечно, Юлия Латынина права («Код отступа» — Эхо Москвы, 4 июля 2009 года): Саммит в Москве для всех, кроме профессиональных учетчиков боеголовок, интересен прежде всего тем, станет ли он римейком венской встречи Хрущева и Кеннеди. Тогда Хрущев внимательно посмотрел в глаза молодому интеллектуалу и решил, что тот слабак. Дальнейшее хорошо известно.

Сегодняшний завтрак в Ново-Огареве тоже очень интересен. Конечно, Путин не пошлет ракеты на Кубу или в Венесуэлу. Но послать танки в Тбилиси и выполнить свою заветную мечту, которой он поделился с другом Николя, ему ужасно хочется.

Я уже объяснял подробно (и это еще раз повторил коллега Леонид Радзиховский), почему эта откровенно гитлеровская по своим целям война, если она все же произойдет, станет для России моральной и институциональной катастрофой.

Для Барака Обамы вторая грузинская будет крупной политической неприятностью. Поэтому он предпринимает кое-какие меры, чтобы ее предотвратить. В данном конкретном случае его личные интересы в отличие от личных интересов Путина совпадают с национальными интересами России.

Сначала он объявил, что в середине июля пошлет вице-президента Байдена в Тбилиси, — видимо, и в качестве своего рода живого щита. В ходе переговоров с Медведевым 6 июля он откровенно поднял вопрос о возможности «возобновления военного конфликта». Обама сообщил об этом на пресс-конференции, не дожидаясь вопроса о Грузии:

For instance, we had a frank discussion on Russia — on Georgia, and I reiterated my firm belief that Georgia's sovereignty and territorial integrity must be respected. Yet even as we work through our disagreements on Georgia's borders, we do agree that no one has an interest in renewed military conflict. And going forward, we must speak candidly to resolve these differences peacefully and constructively.

«В частности, мы обсудили вопрос Грузии. Я повторил нашу убежденность в том, что территориальная целостность и суверенитет Грузии должны уважаться. Мы также не согласны друг с другом по поводу границ Грузии. Но никто из нас не заинтересован в военном конфликте. Поэтому нам необходимо все эти разногласия урегулировать мирным образом» (Перевод на Kremlin.Ru).

Как видите, перевод на кремлевском сайте заметно препарировал оригинал. Исчезли, в частности, we do agree, renewed conflict, frank, we must speak candidly (*мы согласились, возобновление конфликта, откровенная дискуссия, мы должны говорить прямо*), свидетельствующие о том, что вопрос о второй грузинской Обамой поднимался и он получил определенные заверения (we do agree — *мы согласились*).

Обама сделал, что мог. Сейчас кажется, что война скорее не начнется, но заслуга эта не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени принадлежит

другому президенту. Нет, не российскому, конечно, а армянскому — Сержу Саргсяну.

26 июня в Ереване произошло удивительное событие. Президент Армении, единственного оставшегося союзника России не только на Кавказе, а и на всем постсоветском пространстве, в разгар антигрузинской вакханалии всех прокремлевских СМИ демонстративно в торжественной обстановке вручил Михаилу Саакашвили высшую награду армянского государства — орден Чести.

Такие вещи на Кавказе случайно не происходят. Серж Саргсян, во многом зависящий от Москвы, никогда не позволил бы себе просто подразнить Кремль. Слишком многим он рисковал ради такого сомнительного удовольствия. Это был продуманный демарш, сознательная попытка остановить безумцев в российском политическом и военном руководстве, готовивших вторую грузинскую, разрушительную для всего Кавказа и для России.

Мне кажется, этот шаг подействовал больше, чем какие-либо другие аргументы, на наших горе-геополитиков. Уж если они теряют и Армению, какая еще «зона привилегированных интересов» у них остается? Как по команде прекратилась активная стадия психологической подготовки к войне: публикации и интервью дугиных-доренок о неминуемости нападения Грузии на Россию.

Впрочем, нам остается только задавать ставший уже классическим вопрос одного высокопоставленного российского дипломата: «А вдруг у Путина в последний момент окончательно снесет крышу, и он все изгадит?»

А можно добавить еще один вопрос: «А почему, собственно, судьба великой страны должна зависеть от состояния психики человека, не раз публично демонстрировавшего весьма девиантное поведение?»

2009, № 3 (141)

III. УКРАИНА

1. ЮРИЙ КАГРАМАНОВ

Революция, которую не ждали

К событиям на Украине[1]

Я хмель достаю из украинской бочки.
М. Хвылевый

Майдан

«*Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед вами*». Это сказано Гоголем всего лишь о сельской ярмарке, а сегодня, как мне кажется, может быть отнесено к многоголосью революционного Майдана (отныне Майдан с большой буквы — киевский *майдан Незалежності*, бывшая площадь Октябрьской революции, еще ранее бывшая Думской площадью).

Сравнением с ярмаркой в Сорочинцах я отнюдь не намерен «снизить» значение ноябрьско-декабрьского, прошлого года, действа, развернувшегося на Майдане; напротив, я готов разделить оценку репортера, писавшего в те дни об «*удивительной атмосфере свободы, раскрепощенности, дружелюбия и окрыленности, которая царит сейчас в Киеве*». Проведя на Майдане несколько часов, подтверждаю: зрелище и вправду было впечатляющим. Один из плакатов будто суммировал мое собственное впечатление: «*Було населення — став народ*».

[...] Я старался подавить в себе внушенное мне советским воспитанием и, видимо, до конца не изжитое чрезмерное доверие к столь эффектным проявлениям народного волеизъявления. В том, что я столкнулся именно с проявлением народного волеизъявления, а не с оплаченной кем-то акци-

---

[1] Принятая ныне у наших украинских соседей манера говорить и писать «**в** Украине» мне не кажется обязательной для русского языка. Не вижу смысла ломать традицию. Почему мы говорим «**в** Сибири», но «**на** Урале» или «**на** Дальнем Востоке»? Наверное, никто не сможет этого объяснить. Такова традиция. Кстати, сам Шевченко писал «**на** Украине» (см. его знаменитый «Заповіт»). Выражение «**на** Украине» не посягает на ее нынешний суверенитет, но подчеркивает историческую близость двух стран.

ей, ни малейших сомнений не возникало; те, кто полагает, что решающую роль во всем этом сыграли чьи-то деньги, лишь выдает собственное неверие во что бы то ни было, кроме денег[2]. Другое дело, что элемент организации здесь, конечно, был, но он дал лишь изначальный толчок действию стихии и в дальнейшем в той или иной мере ее корректировал.

Другое дело, что народное волеизъявление во многих случаях — вещь амбивалентная. Особенно в периоды революционных потрясений глас народа может дать такого петуха, которого сам народ будет впоследствии стыдиться. [...] А в данном случае меня еще a priori настораживали некоторые встречавшиеся в прессе оценки. Так, киевский психолог Мария Маерчик писала, что революция на Майдане совершается «по Бахтину», что это «карнавальная» революция, в которой «*люди погружаются в сказочное пространство и время*». И далее: «*Карнавализм сопряжен с изменением общеупотребительной лексики, переходом на фамильярно-заниженный стиль и, не в последнюю очередь, с употреблением обсценных слов. Материться-то мы умеем и без карнавала, но чтобы так публично...*»[3] Сказанное наводило на мысль о «студенческой революции» 68-го года, действительно, содержавшей элементы карнавала, «требовавшей невозможного», а в итоге разрушившей «культуру отцов», ничего не создав взамен.

Но нет, Майдан все-таки — другой. Молодых лиц здесь было много, но очень много лиц и других возрастов. И молодые в большинстве своем — не те, которые «с жиру бесятся». Украинцам сейчас «не до жиру»[4]. И матерной речи я здесь почти не слышал. [...] Гюго сказал бы, что здесь «Карманьола» вытесняет «Марсельезу»[5].

Как бы то ни было, в глубине своей коллективной души Майдан — серьезен. [...] Думаю, что прав украинский режиссер Александр Рутковский: «*На Майдане этика восторжествовала и над эстетикой, и над политикой. И высвободилась некая новая людская энергия, которая, видимо, должна дать и какие-то творческие результаты*»[6]. Действительно, это прежде всего ***этическая*** революция, по крайней мере на начальном своем этапе.

Спикер Верховной рады В. Литвин, имеющий репутацию умеренного политика: «*Украина сегодня кричит от возмущения и боли*». Причин для

---

[2] Кстати, о деньгах. По данным российских газет (см. «Известия» за 27 декабря 2004 и «Совершенно секретно», № 1 за 2005), «русских» денег в поддержку В. Ф. Януковича было потрачено в несколько раз (по украинским данным — в десятки раз) больше, чем американских — в поддержку В. А. Ющенко.

[3] «Дзеркало тижня» (Київ), 18 – 24 грудня 2004.

[4] Не только и даже не столько в смысле недостаточной материальной обеспеченности (уровень которой как раз заметно вырос в последние годы), сколько в смысле стесненной гражданственности, о чем смотри чуть ниже.

[5] «Марсельеза» — величавый опус; «Карманьола» — грубоватые народные куплеты революционного характера.

[6] «Дзеркало тижня», 15 – 21 січня 2005.

возмущения более чем достаточно. Это и непривычный для бывшего социалистического Востока — и давно забытый на капиталистическом Западе — контраст между богатством и бедностью. И неправедность, в огромном большинстве случаев, путей, которыми богатство достигается. И размах, с которым оно тратится на подкуп бюрократии и правоохранительных органов. И беззастенчивость бюрократии и правоохранительных органов, для которых понятие «зашитых карманов» остается, как правило, вполне экзотическим. И, как следствие, недейственность «действующих законов». В общем и целом картина эта знакома нам и в России, только на Украине, судя по всему, тени наложены резче и гуще.

Но феномен украинской революции осложняется тем, что она завязана на национализме, имеющем в этой стране давнюю историю.

А когда-то это смахивало на фарс

Весьма своевременно в Москве вышел претолстый сборник «"Украинская" болезнь русской нации»[7]. Как видно уже из заголовка, составитель не признает за Украиной права на отдельное существование, самое имя ее заключая в кавычки. В той или иной степени с ним солидарны и авторы сборника. Но дело в том, что почти все помещенные в нем статьи написаны до 1917 года; некоторые — в эмиграции. [...] Но большинство помещенных в сборнике статей интересны — хотя бы уже тем, что позволяют сравнить положение дел до 1917 года и сейчас.

Первое, что обращает на себя внимание, — относительная слабость (или умеренность) украинского национализма в начале XX века. Подавляющее большинство националистов (умеренные «драгомановцы») выступают за автономию Украины в составе федеративно организованной России, и не более чем. «Самостийники», выступающие за полное отделение, составляют ничтожное меньшинство; правда, это очень шумное и агрессивное меньшинство, в иных случаях готовое прибегнуть к крайним мерам, по образцу российских эсеров-максималистов. Московский журнал «Русская мысль», редактируемый П. Б. Струве, поместил, например (в № от 19 декабря 1914 года), письмо, отправленное за подписью неких «мазепинцев», где, в частности, говорилось: «*Не культурой... мы будем бороться с вами, а тем, что наиболее понятно для монгольского черепа московитов: "апельсинами"* (примечание Струве: "*очевидно, круглые метательные бомбы*")»[8]. Тоже в своем роде *помаранчевая* революция, не имевшая, однако, никаких шансов (в более или менее нормальных условиях) увлечь за собою сколько-нибудь значительную часть украинского населения.

Примечателен здесь отказ от культуры как «средства борьбы». Объясняется он просто — всепобеждающей (без преувеличения) на тот момент си-

---

[7] «Украинская» болезнь русской нации. Составитель М. Б. Смолин. М., 2004.

[8] Там же. С. 119.

лой русской культуры. Академик А. И. Соболевский писал (в 1907 году) об ассимилирующей способности русского народа: «*Даже наиболее культурные инородцы России, поляки и немцы, дают значительное число лиц, уступающих влиянию русской среды и постепенно, незаметно для себя, оставляющих свою народность ради русской народности*»[9]. Незначительное исключение составляли Холмская Русь и западная часть Гродненской губернии, где поляки еще сохраняли свои позиции.

Можно сказать, что «домашний старый спор» (между Россией и Польшей — за обладание западными землями бывшей Киевской Руси) ***к началу XX века был выигран Россией***. Это прямо повлияло и на слабость тогдашнего украинского национализма.

Почему я назвал столь позднюю дату? Потому что спор, о котором идет речь, велся не только и даже не столько на поле боя, сколько на поле вер, языков, культур.

Напомню его основные этапы. Страшное монгольское нашествие, оставившее Киев в развалинах, вынудило население Приднестровья к бегству — частью в сторону Литвы, частью в сторону северо-восточной Руси. Литва не только приютила русских, но и со временем распространила свою власть на большую часть нынешней Украины (а также Белоруссии). При этом не происходило никакого олитовчения (или как сказать иначе? — даже термина такого нет) русских; напротив, русские обратили литовцев в православие (дотоле они были язычниками), а русский язык стал государственным языком Литвы. По сути, Литва становилась русским княжеством, а литовцы в ней — этническим меньшинством, постепенно обрусевающим. Положение резко изменилось в 1386 году, когда Литва вступила в унию с Польшей (в дальнейшем сделавшись единым с ней государством). С этого момента начинается наступление на восток католичества, польского языка и польской культуры. Русская сторона обороняется — с переменным успехом.

Еще раз подчеркну, что успехи или неуспехи в этом плане не совпадают с успехами или неуспехами в военно-политическом плане. На поле боя поляки дали слабину уже в середине XVII века, в результате чего Левобережная Украина и с нею Киев (что было особенно важно для русских) воссоединились с Россией. Между тем пик польского культурного влияния к востоку от Польши приходится на конец XVII века. Перешагнем в следующее столетие. В его конце тремя мощными рывками (имею в виду три раздела Польши) Россия вернула почти все земли, когда-то входившие в состав Киевской Руси (за исключением Галичины, вошедшей в империю Габсбургов). «*Отторженная возвратих*», — торжествовала Екатерина II. В начале следующего века Александр I совершил рискованный шаг, присоединив к России уже самое Польшу (основную ее часть). Между тем в продолжение

[9] Там же. С. 39.

еще нескольких десятилетий Польша сохраняла определенную власть над умами на большей части западных земель.

Многовековое польское присутствие не могло не оставить сильный отпечаток на украинской, как ее стали называть, народности. Князья русского происхождения почти все ополячились уже в XV – XVI веках. Но и крестьянство, и, тем более, казачество испытали определенное польское влияние. Можно говорить о раздвоении украинской души, с одной стороны, тяготеющей к своим православным и русским корням, а с другой, — заглядывающейся в сторону Польши. Это ставшее архетипическим раздвоение ярко выразил Гоголь в «Тарасе Бульбе». Сам Тарас и его старший сын Остап — тяжелые и крепкие характеры, твердо стоящие на почве «честной старины»; зато у младшего Андрия вызывает умопомрачение прекрасная панночка, его пленяют и звуки органа в костеле, и даже «*польские витязи, один другого красивей*». Вряд ли можно усомниться в том, что сам Гоголь вложил в Андрия часть своей души, хотя в конечном счете он решительно принимает сторону Тараса.

Но, по мере того как XIX век шел к концу, становилось ясно, что Россия склоняет чашу весов в свою пользу не только силою оружия, но и богатством культуры. Показательный пример — Короленко. Он не просто украинец, он *западенець* (уроженец Волыни), более того, полуполяк (мать — полька), воспитанный в атмосфере увлечения старой романтической Польшей с ее бесшабашными шляхтичами, звоном чаш и сабель, культом дамы («*Padem do nog!*»), криками «Виват!» etc. Но по мере взросления его обступали образы, глубже входившие в душу, — те, что родились под пером Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, Достоевского и Толстого. «*Я нашел... свою родину*, — писал зрелый Короленко, — *и этой родиной стала прежде всего русская литература*».

Вернемся к украинскому национализму. Он возник в середине XIX века в некоторых кружках немногочисленной тогда малороссийской интеллигенции, попытавшейся выгородить для своего украинства особое пространство — ***между*** русской и польской стороной (в меру враждебное и той, и другой). Это было довольно скромное пространство: оно ограничивалось селом (в городах Украины, даже самых малых, жили русские, поляки и евреи), где к тому времени сложилось свое особое наречие, так его тогда называли, и своя местная культура, в чем-то отличная от русской. «*В тени украинских черешен*» (Пушкин) процвела, к примеру, народная поэзия и народная песня, своим лиризмом, наверное, превосходящая русскую народную поэзию и народную песню. [...] Из этой культуры вырос Шевченко.

Чтобы придать ей форсу, «будители» украинства апеллировали к традиции казачества.

Надо взять во внимание, что украинское казачество существенно отличалось от русского. Последнее создавало свои колонии — на Дону, на Яике и т. д. — в стороне (первоначально — далеко в стороне) от основной России и жило там своей отдельной жизнью, что не помешало ему с течением вре-

мени превратиться в надежное орудие в руках государства. В украинской Запорожской Сечи, этой своеобразной мужской республике, постоянно проживало ничтожно малое число казаков. Как правило, казаки жили в своих селах, а в Сечь стекались по тому или иному поводу, например, когда надо было идти в поход против крымских татар или поляков (иногда, впрочем, и против москалей). Более того, на Украине не было четкого различия между казаками и остальной частью мужского населения села. Все попытки польских властей разделить селян на казаков и *посполитых* (крепостных), а казаков на «реестровых» (относительно немногочисленное войско, которым можно было бы хоть как-то управлять из Варшавы) и «нереестровых» не увенчались успехом. На практике едва ли не любой селянин мог в один прекрасный день посчитать себя вольным казаком и уйти в Сечь.

Не будет преувеличением сказать, что украинцы в целом идентифицировали себя как «казачье» племя. Недаром в украинских народных песнях «милый» всегда — *козаченько.*

Современные украинские историки любят противопоставлять ментальность русского человека как прирожденного «общинника» и украинца как большего индивидуалиста. На самом деле «общинность» представляет собою лишь один из аспектов русского мышления. [...] И все же некоторая разница в ментальностях, несомненно, существует. Ее, наверное, почувствовали, встретившись лицом к лицу на «объединительной» Переяславской раде (1654), обе стороны — внутренне связанные государственной дисциплиной бородатые москали и усатые на польский манер казаки: за четыре столетия православные наследники Киевской Руси в чем-то существенно разошлись на своих исторических путях. И тогдашние их лобызания, возможно, не были до конца искренними.

Эта разница в ментальностях (как и глубинная общность их) сохраняется и сегодня. Даже в наше шальное время, даже с учетом всех пережитых потрясений исторический гумус души что-то все-таки значит.

Ось закавика: выводить «самостийность» из одного казацкого прошлого было, мягко говоря, опрометчиво. Для сколько-нибудь полноценной независимости нужны были две вещи: наличие верхнего культурного слоя и традиция государственности. Ни того ни другого на Украине не было. Более чем легкомысленно было считать прообразом государства *Січь,* где любого атамана и даже самого гетмана когда угодно можно было поднять на копья. Даже как военная сила казаки представляли собою скромную величину: да, они совершали удалые набеги на побережье Крыма (иногда освобождая из неволи тысячи плененных татарами сородичей) и самой Малой Азии, но сокрушить османов и завоевать Дикую степь с Крымом смогли только регулярные войска Российской империи.

Трезвомыслящие поборники украинства все это понимали, и поэтому их требования дальше автономии не простирались. Можно смело предположить, что если бы не катастрофа 1917 года, Украина рано или поздно добилась бы автономии (что было бы только справедливо), но не более того.

Даже после Февральской революции стремление к отделению на Украине реально не ощущалось. Только летом 17-го года, когда в стране и в армии начался уже полный развал, собравшаяся в Киеве Центральная рада объявила о выходе из состава России. И то это было решение кучки «продвинутых» революционеров, не спросивших на сей счет мнения народного.

Легко понять иронию автора «Белой гвардии» при виде дефилирующих по улицам Киева петлюровцев — в синих жупанах, с крашеными оселедцами и в лихо заломленных папахах с золотыми кисточками. В глазах русского киевлянина все это смахивало на фарс: только-только рухнула великая империя, и вдруг, как говорится, откуда ни возьмись... Впрочем, петлюровцы недолго куражились на Украине. Очень скоро наспех сформированное воинство побежит от «красного бронепоезда», как сказано у М. Булгакова, — «*навеки вон*».

Пройдет много-много лет, и теперь уже «красный бронепоезд» покинет Украину, как и Россию, — будем надеяться, «*навеки вон*». И снова на улицах украинской столицы станут дефилировать картинные «сечевики» под желто-синими флагами *незалежності,* только на сей раз никто уже, наверное, не усмотрит здесь ничего шутовского: отделенность Украины успела уже достаточно прочно укорениться в сознании.

Между этими двумя событиями лежит огромный исторический период, влияние которого на развитие русско-украинских отношений до сих пор остается очень мало осмысленным.

Ленинское танго

Сейчас в Киеве принято считать, что советскую власть привез из Москвы «красный бронепоезд». На самом деле большевизм был общим делом русских и украинцев. Конечно, запевалой тут была русская сторона, но украинская — голосистым подпевалой.

[...] Успеху большевизма на Украине способствовало и то обстоятельство, что между ним и украинским национализмом были определенные созвучия. Вообще-то большевики ставили целью создание мирового братства трудящихся, в котором слились бы воедино обезличенные народы. Но главным препятствием на пути к этой цели они видели «русский шовинизм», и поэтому те окраинные силы, которые против него выступали, они или прямо поощряли, или, по крайней мере, смотрели на них сквозь пальцы.

Конечно, большевики не забывали громить и «буржуазный национализм», откуда бы тот ни исходил, но украинский национализм очень мало походил на буржуазный. Напротив, это была ярко выраженная народническая, селянская идеология, а народничество, как бы к нему официально ни относились, большевистскому сердцу оставалось кровно близким.

Далее, украинский национализм был откровенно атеистическим. Вспомним, что еще Шевченко презирал равно ксендзов и православных священников и прямо призывал громить церкви:

...Будем лучше
С багряниці драть онучі,
Из кадил табак курити,
Печь іконами топити,...
А кропилом будем, брате,
Пол мести в грядущей хате.

Это готовая программа действий, к которым приступили красноармейцы в конце 20-х – начале 30-х годов.

Правда, Шевченко был, что называется, внеконфессиональным верующим: верил в какого-то своего «украинского Христа». Зато следующий крупный национальный писатель и «будитель» украинства Иван Франко был уже последовательным атеистом и о «боженьке» писал в выражениях, близких тем, какие употреблял по данному поводу Владимир Ильич.

Уместно вспомнить, что казачье *лицарство,* в отношении которого питают такую слабость националисты, всегда оставалось стойким защитником православия на Украине, более того, единственно стойким, — когда и русские князья ополчились, и даже иерархи Церкви в большинстве своем склонились в унию.

Таким образом, успех большевизма на Украине в определенной мере означал также успех украинского национализма. Украина получила просторную территорию (примерно вдвое превышавшую территорию, которую в 1917 году Центральная рада объявила своей), с четко обозначенными границами и даже с правом выхода из Союза, хотя в то время оно и казалось чисто формальным. Постепенно на украинский язык переводилось все государственное и партийное делопроизводство, система образования, от начального до высшего, издательское дело и т. д. Одно время речь даже шла о создании отдельных украинских воинских частей в составе Красной армии (проект был поддержан М. Фрунзе, но с его смертью заглох).

Увидев, как осуществляется многое из того, о чем они мечтали, иные из бежавших за рубеж «самостийников», сбрив оселедцы, крадучись возвращались домой, чтобы принять участие в «социалистическом строительстве». В 1924 году в Киев вернулся сам М. Грушевский, лидер националистов и бывший президент Украинской республики в режиме Центральной рады; там его сделали членом АН УССР (позднее его «выслали» в Москву, где он умер в своей постели).

На протяжении 20-х и начала 30-х годов совершилась чрезвычайно важная вещь: украинский язык был доработан, прежде всего лексически, до уровня «большого» литературного языка, наподобие русского. До революции только самые отчаянные «самостийники» об этом мечтали. Господствующей была точка зрения, что литературный русский есть язык, общий для всех восточных славян; недаром в выработке его принимали участие многие малороссы (а также белорусы), от М. Смотрицкого (автора знаменитой «Славянской грамматики») до А. Потебни, кстати, привнесшие в

него целый ряд элементов западнорусского книжного языка XV – XVII веков. Что касается украинского языка, то в нем видели местное наречие, не могущее претендовать на то, чтобы стать ровней русскому. Подобным же образом, к примеру, нижненемецкий язык никогда не претендовал на то, чтобы стать ровней верхненемецкому, от которого он отличен не менее, чем украинский от русского, и который, по крайней мере со времен Лютера, является общенемецким литературным языком[10].

Примечательно, что сам Шевченко повести писал по-русски. Также по-русски вел он дневник, которому доверял наиболее интимные свои мысли; это значит, что мыслил он все-таки по-русски.

Точку зрения, что украинский должен оставаться на вторых ролях, разделяли и умеренные из числа украинствующих. Вот что писал, например, известный историк Н. Костомаров: «*Поднимать малорусский язык до уровня образованного литературного в высшем смысле, пригодного для всех отраслей знания и для описания человеческих обществ в высшем развитии, была мысль соблазнительная, но ее* ***несостоятельность*** *выказалась с первого взгляда*»[11].

Политика возведения украинского до уровня «большого» литературного языка была натужной, но от этого не менее успешной. На протяжении 20-х годов украинизация идет по нарастающей. К концу их уже в 80% общеобразовательных школ обучение велось целиком на украинском языке; планировалось, что число таких школ приблизится к 100%. Соответственно переводились на украинский язык и вузы. В начале 30-х число газет (по названиям), выходивших на украинском языке, в семь раз превысило число газет, выходивших на русском.

Что особенно важно: преподавание истории в эти годы отмечено сильным влиянием концепций Грушевского и других националистов, резко противопоставлявших Украину России.

На горе украинским националистам, в Москве в это время начались глубокие перемены. [...] С 1933 года на Украине начался обратный процесс русификации — перевода на русский язык школьного и вузовского образования, издания газет и журналов и т. д. Правду сказать, этому — опять-таки навязанному сверху — процессу сильно способствовало и естественное превосходство русского языка. Было решительно пересмотрено преподавание истории; особой критике подверглось увлечение «казацким романтизмом».

---

[10] Сказанное не принижает достоинств украинского языка, на мой (и не только на мой) взгляд, более мелодичного, чем русский (несмотря на обилие в нем грубоватого звука «ы», графически передаваемого, как «и»). Лингвисты отмечают в русском языке тенденцию к «проглатыванию» гласных, что делает речь более экономной, но выговор — более глухим. В украинском языке гласные выговариваются отчетливей, что делает речь более певучей. Вероятно, с этим как-то связана и известная музыкальность украинцев.

[11] Цит. по: «Украинская» болезнь... С. 345.

В том же 1933 году Москва показала украинским националистам кузькину мать, организовав печально знаменитый Голодомор. И прежде того Украина жертвенно поучаствовала в общесоюзных гекатомбах, именуемых коллективизацией: в 1929 – 1930 годах без малого миллион украинских «кулаков» с их семьями были высланы на Север и на Восток, где значительная их часть погибла. Но в Москве (и московские подголоски в Киеве), видимо, рассудили, что с Украины спрос должен быть особый. Как пишет украинский историк О. Субтельный, «*опираясь на длительную традицию частного землевладения* (к этому можно бы добавить: и на традицию большего, чем в России, индивидуализма. — *Ю. К.*), *украинцы оказали коллективизации большее сопротивление, чем россияне*»[12]. Поэтому спустя короткое время по украинскому селянству нанесли особенно страшный удар в виде организованного, главным образом в юго-восточной части страны, голода, от которого погибло, по разным оценкам, от трех до шести миллионов человек. Украинцы сравнивают Голодомор с Холокостом, для чего есть известные основания; хотя в данном случае палачи руководствовались не расовыми соображениями, а просто утверждали свой порядок власти, и были они не только русскими, но и украинцами.

Между прочим, начало Оранжевой революции совпало с очередной годовщиной Голодомора, которую украинцы отмечают в ноябре.

Если суммировать политику Москвы в отношении Украины на протяжении всего советского периода, то придется оценить ее как абсолютно идиотическую. В объяснение, но не в оправдание этого можно сказать, что она осуществлялась людьми существенно различных направлений или одними и теми же людьми, но в определенный исторический момент внутренне переродившимися и исполнившими какой-то усложненный вариант «ленинского танго»: сколько-то шагов вперед, сколько-то в сторону, сколько-то назад. Сначала они заботливо поддерживали слабые ростки украинского национализма, поливали их и холили, а потом вдруг переменились и попытались взращенное затоптать обратно в землю, да пребольно. Но совсем затоптать не удалось: при первой возможности украинский национализм поднялся и стал быстро крепнуть. Естественно, что в сторону востока или, точнее, северо-востока он оглядывается безо всякого дружелюбия.

«А над собой гроза куда не бесполезна»

В революционные ноябрьско-декабрьские дни журнал «Украина плюс политика» писал в редакционной статье: «*Украинскую революцию никто не ждал. На украинскую революцию никто не надеялся. Ибо до сих пор понятия "Украина" и "революция" никак не совмещались. Даже записные патриоты, демонстрировавшие показной оптимизм, в душе были уверены, что украинский*

---

[12] *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ, 1993. С. 510.

бунтарский ген непокорства, отваги, воли давно уже погублен голодоморами и репрессиями, способными сломить кого угодно. И нынешний украинец — разумный, добрый, работящий вол, который тянет воз не зная куда, лишь подчиняясь воле своих и чужих погонял».

Погонялы, о которых идет речь, — это наследие советской эпохи, номенклатурная «отчина и дедина», еще приправленная с начала 90-х годов криминальным элементом. [...] Когда-то наэлектризованная революционной, а потом государственной идеей, она с течением времени морально обмякла, а когда советский режим рассыпался, озаботилась лишь тем, чтобы сохранить власть и обрасти возможно большей собственностью, низвергнув в состояние нищеты большинство своих соотечественников. Сорганизовавшись в кланы мафиозного типа (процесс, начавшийся еще в позднесоветский период), она озаботилась тем, чтобы подчинить себе правоохранительные органы, суды и т. д. Все эти учреждения оказались повязаны властью денег. В мгновенье ока ставшие обладателями огромных состояний, новые господа, с раздраженным до крайности аппетитом, подавили проявления частной инициативы всюду, где смогли это сделать, считая, что они и без того уже построили капитализм, и, заявляя себя сторонниками демократии, постарались пресечь, опять-таки в меру возможностей, политические выступления против себя.

Вся эта картина «грабительского капитализма» и «преданной демократии» очень похожа на то, что мы видим в России. С единственным, пожалуй, крупным отличием — тем, что существовало между Банковой улицей (где находится резиденция президента Украины) и Кремлем. Или, точнее, между Л. Д. Кучмой и В. В. Путиным; первого соотечественники презирали, второй даже в Киеве пользовался некоторым уважением и некоторым доверием (по крайней мере до того, как поддержал Януковича). Но Россией правит не Путин. Россией правит элита. И не потому, что президент у нас слабый, а потому, что таков закон социологии.

Точнее, президент правит в том диапазоне, который является приемлемым для элиты. Если бы он захотел выйти за его рамки, он мог бы опереться разве что на поддержку тончайшего ее слоя, в той или иной степени отличенного гражданской сознательностью. Хватило бы ему этой опоры или нет, большой вопрос.

Так или иначе, президент не хочет делать резких движений. Оказавшись во главе страны в «передаточную эпоху» (воспользуюсь выражением В. О. Ключевского), он выбрал осторожный курс — перерабатывать развалины погибшего порядка в элементы иного, совершенно нового порядка. С этим связана и его политика частичной «реабилитации» советской эпохи, сглаживающей психологический разрыв между старшими и младшими поколениями.

Возможно, такая политика имеет определенные оправдания: она создает некоторую видимость единства народа; укрепляя вертикаль власти, она одновременно укрепляет или пытается укрепить горизонталь преем-

ственности. Но так она только оттягивает неизбежность перелома — покаяния и отречения от всего того в советском прошлом, от чего отречься необходимо.

Без конца педалируется победа во Второй мировой войне, из чего выводится, как минимум, частичное оправдание советской власти. Но победа в войне, приходится повторить это в сотый раз, была делом народа. Что же касается советского руководства, то оно проявило редкое головотяпство (любимое словечко Сталина) — и в период подготовки к войне, и в продолжение ее (особенно в начальный ее период), и после нее. И потому записать победу на себя не имеет никакого права.

Ф. А. Степун писал, что Россия для большевиков — «*краденый боевой конь*»; вот конь-то нас тогда и вывез, как ни плох был наездник. [...] Победа в войне лишь оттянула неизбежный финал: народ, претендовавший на то, чтобы занять «красный угол» истории, в конечном счете оказался «загнанным в угол», который по смыслу этого выражения отнюдь не является красным. Отсюда всеобщая деморализация, пример которой показывает элита, основная часть которой признает отныне лишь один закон — «жизни по понятиям».

Украинская революция — взрыв негодования против советского прошлого и против его последствий в виде *бандитьской влады*. Люди, регулярно сходившиеся на Майдане (и на многочисленных майданах во множестве других городов), — интеллигенция, казавшееся доселе пофигистским студенчество, рабочие и предприниматели (социологи считают, что ударным отрядом здесь были мелкие и средние предприниматели) — продемонстрировали: то, что недавно называли «*воспалениями утопического идеализма*», отнюдь не принадлежит целиком прошлому. «Честь и Совесть» — было начертано на их знаменах. Что конкретно означало требование подлинной демократии, где власть была бы реально подконтрольной народу, прозрачной и честной. «Казачий ген» вольнолюбия показал, что он жив и дееспособен. И вполне по-казачьи, под стать репинским запорожцам, Майдан оказался крепок на едкое слово. Роль султана тут досталась Януковичу, который был загублен каскадом анекдотов о нем, часто весьма остроумных.

Есть, правда, некоторое лукавство в отношении украинских революционеров к ***советчине***: они ее экстериоризируют, целиком относя на счет России. «Забывая», что сами украинцы активно поучаствовали в деле ее рождения и становления.

В этом смысле русская сторона находится в более трудном положении: нам не на кого валить вину за прошедшее, кроме как на самих себя. [...] Между прочим, у русских должен быть более серьезный счет к советской власти, чем у украинских националистов. Те все-таки обязаны ей фактом независимости Украины. А мы не можем не смотреть на тот же факт с другой стороны: через советскую власть Россия потеряла Украину.

Как будет дальше развиваться украинская революция?

С оранжевым цветом близко соседствуют два других: золотой — и рыжий. Золотой — цвет орифламмы[13], рыжий — высохшей крови.

В рядах украинских революционеров орифламма — цвета золотых куполов киевских церквей — пока еще относительная редкость. Хотя не обратить на нее внимания нельзя. Вот, Андрей Окара в статье с восторженным заголовком «Всё у нас получится!» пишет, что путь украинской революции — особый; он связан «*со стратегией **модернизации без вестернизации**, с разбуженным на Майдане этическим идеалом Святой Руси, с казацкими понятиями о собственном достоинстве и самодостаточности*»[14]. Между прочим, автор требует, чтобы на государственном флаге непременно была верхняя золотая полоса, символизирующая горний мир.

Но основной наказ, полученный новой властью, сводится к проявлению умеренного, так сказать, идеализма, не выдвигающего никаких радикальных проектов, но требующего всего лишь упорядочения сложившихся политических и социально-экономических отношений в соответствии с элементарными постулатами нравственности. Поскольку дело касается бюрократии, речь идет о люстрации и о ротации верхних ее эшелонов. Хотя заменить всех, кто чем-то когда-то себя запачкал, будет чрезвычайно трудно по причине нехватки «новых людей». Оранжевые это понимают, как и то, что в объявленной ими антикоррупционной войне успех может быть только частичным. Как сказал в одном из своих выступлений В. Ющенко, надо сделать так, чтобы коррупция стала вопросом выбора, а не вопросом выживаемости. И это уже будет большой успех.

Можно уповать и на то, что общественная атмосфера изменит кое-кого из тех, кто до сих пор думал лишь о собственном кармане. Хотя, конечно, найдутся и такие деятели, кто перекрасится в ставший вдруг всеми любимым цвет затем лишь, чтобы лучше обделывать свои темные делишки. [...]

Что касается собственности, то новая власть изначально никакого ее радикального перераспределения не планировала. Речь шла лишь о том, чтобы «раздеть» некоторых олигархов, близких Кучме и получивших свои наделы в обход существующих правил. Пишу в прошедшем времени, потому что в этом плане политика правительства могла измениться: значительная часть населения, включая не только бедноту, но и так называемые *клубы состоятельных граждан*, требует более широкого пересмотра приватизационных сделок.

---

[13] Орифламма (от *лат.* aurum — «золото» и flamma — «пламя») — первоначально запрестольная хоругвь в парижской церкви Сен-Дени, ставшая боевым штандартом французских королей (до 1415 года). Потом, метафорически, — священное знамя, хоругвь.

[14] «Дзеркало тижня», 5 – 11 лютого 2005.

Заметим, что и в России вопрос легитимации приватизационных сделок далеко еще не решен; более того, похоже, что он обостряется с течением времени.

Еще одно обещание, данное новой властью и относящееся к числу наиважнейших: путем изменения налоговой политики существенно уменьшить разрыв в доходах между богатыми и бедными.

Incipit vita nova? Начинается новая жизнь? Поглядим — если останемся в роли наблюдателей. Киевский публицист Виктор Баранов пишет: «*Лидеры Оранжевой революции, очевидно, знали, ради чего поднимали знамя борьбы. Перед лидерами всегда открывается наитруднейший путь. Но они должны его пройти и повести за собою массы. И если в конце концов выяснится, что они хотели ликвидировать власть "бандитов" затем лишь, чтобы заменить ее своей собственной властью, — прощения им не будет и у десятого поколения украинцев, если вести отчет с сего дня*»[15].

Не исключено возникновение каких-то новых политических движений и появление, соответственно, новых лидеров. Одесская газета «Юг» писала в декабре: «*...Процесс освобождения украинского народа от абсурда постсоветского прошлого пошел. Как всякий революционный процесс в истории, он неизвестно чем закончится. Исторический опыт показывает: революция освобождает не только светлые творческие силы, но в равной мере (иногда преимущественно) темные и реакционные*»[16]. Под темными и реакционными силами газета имеет в виду олигархически-номенклатурные кланы Востока и, отчасти, Юга (хотя, заметим, на иной лад темные силы существуют и на западе страны). Действительно, власть имущая братия в этих регионах так просто свои позиции не уступит. Уже в январе промелькнули сообщения, что она формирует свои вооруженные отряды для защиты от оранжевых. Хотя, будем надеяться, до крови все-таки дело не дойдет.

То разделение страны на два лагеря, какое мы наблюдали во время выборов — Центр и Запад на одной стороне, Восток и Юг на другой, — в значительной мере является искусственным. Оно подменяет вопросами регионального и, главным образом, языкового различия другие вопросы, на данный момент более существенные. Да, Оранжевая революция заговорила по-украински; но она легко переводится и на русский. В таких (преимущественно русскоязычных) городах, как Одесса и Харьков, почти вся интеллигенция и бóльшая часть молодежи приняли сторону оранжевых.

Экономические различия между регионами скорее сглаживаются, чем углубляются. [...] Вот, сейчас в Киеве некие художники собираются поставить на Майдане скульптуру: фигуру шахтера из арматуры и угля вместе с фигурой украинской девушки в национальном костюме, которую изгото-

---

[15] *Баранов В.* Помаранчева революція. «Київ», 2005, № 1.

[16] «Юг», 23 декабря 2004.

вят из тыквы, подсолнечника и кукурузы (более или менее оранжевых). По замыслу скульптура должна символизировать единство Запада и Востока в составе украинской нации, но контрастность этих двух фигур — скорее дань прошлому. Девушка из тыкв и прочего уже не может символизировать Западо-Центр, где активно развивается малый и средний бизнес, использующий новейшие технологии; наоборот, промышленность Востока в значительной степени основана на устаревших технологиях, и какая-то ее часть уже в ближайшие годы будет, наверное, демонтирована.

Важный фактор, сглаживающий различия между регионами, — очень заметная «усушка» украинского национализма. Его идеология, в том виде, в каком она сложилась под перьями гг. антоновичей, грушевских *та інших,* предполагала значительную замкнутость украинской нации, отталкивающую от себя и Россию и Польшу (через нее Запад в целом) и лелеющую свою собственную сельщину-деревенщину (с казачеством в придачу). Но сегодня сельская идиллия шевченковского типа стала не более чем бледным воспоминанием; «казачий ген», наверное, жив, но проявляет себя в совершенно иных исторических обстоятельствах. Украина сегодня открыта и в сторону Запада, и (в силу сложившихся связей) в сторону Востока. А эгалитарное («без панов») народничество, которое было сутью украинизма, с течением времени срослось с советизмом и вместе с ним глубоко дискредитировано. Пожалуй, единственной твердой опорой, которую сохраняют сегодня националисты, является язык.

Вопрос языка остается и породит еще немало конфликтов. Как уже сказано, украинский был доработан до уровня полновесного литературного языка, но если принять во внимание, *что* до сих пор было написано на украинском и *что* на русском, придется констатировать, что украинский пока — малец, а русский — великан. И то обстоятельство, что на украинском говорит Юлия Тимошенко, еще не позволяет ему дотянуться до русского. Тем более нелепо требовать от русских и русскоязычных украинцев, населяющих Украину, чтобы они отказались от языка, на котором привыкли говорить, а также читать и писать. Только вот в защитники своего «великого и могучего» им следовало бы выбрать кого-то иного, нежели Януковича, пишущего «проффессор» (звание, которым его где-то от щирого сердца одарили) через два «ф».

Распад Украины на две части, украиноязычный (условно говоря) Западо-Центр и русскоязычный Юго-Восток, о чем заговорили в канун Нового года, остается вещью маловероятной. А вот образование федерации на месте унитарного государства вполне возможно, тем более что и русскоязычные регионы — бывшая Слобожанщина, бывшая Новороссия и Крым — имеют каждый свою специфику, и Запад многим отличен от Центра.

Очевидно, Украина останется двуязычной страной, а вот как сложится «баланс» двух языков, сказать трудно: это зависит от многих обстоятельств, которые пока невозможно предвидеть.

Но «золотой запас» все-таки в России

С самого начала Оранжевой революции в России преобладало настороженное или даже прямо враждебное отношение к ней. Одна из причин этого — обеспокоенность номенклатурно-олигархических кругов, никак не могущих достичь взаимопонимания с собственным народом и потому естественным образом допускающих, что украинский пример может оказаться для нас заразительным.

[...] Но если Оранжевая революция стимулирует у нас гражданскую активность, то такой оборот дела можно только приветствовать. Впрочем, здесь можно обойтись без всяких «если»: влияние Оранжевой революции ощущается у нас с самого ее начала; другой вопрос, как далеко оно зайдет и ограничится ли стимулированием гражданской активности.

Для того чтобы в России произошло нечто подобное Оранжевой революции — и примерно в тех же рамках, — нужно, очевидно, взаимодействие между частью народа (ощутившей себя именно народом), лучшей частью интеллигенции и наиболее прозорливой, чтобы не сказать добросовестной, частью элиты.

Существует, однако, обеспокоенность иного рода, затрагивающая уже российское общество в целом: Оранжевая революция еще больше отрывает Украину от России, толкая ее в сторону Запада. Вот здесь, на мой взгляд, не следует делать чересчур поспешных умозаключений.

Да, пока Украина дрейфует в сторону Запада. Который в свою очередь раскрывает ей свои объятия. Или как будто раскрывает. Говорят, дело может дойти до того, что Украина вступит в НАТО. По целому ряду причин это вряд ли когда-либо произойдет, а если и произойдет, то ничего особенно драматичного тут не будет. НАТО — пережиток «холодной войны», сам не знающий, куда себя теперь девать: и европейцы, и русские менее всего на свете расположены сейчас воевать, тем более друг с другом. [...] По поводу Украины такие страны, как Германия и Франция, могут испытывать лишь некоторое тайное злорадство: без нее Россия приближается к уровню этих стран, тоже когда-то великих, но безнадежно утративших сей статус. (С Украиной, да еще с Белоруссией Россия, имея 200 с лишком миллионов населения, хотя бы по этому признаку приблизилась бы к Соединенным Штатам.) Что касается американцев, то они больше заинтересованы в России, как союзнике в борьбе с исламским экстремизмом, а в отношении Украины просто «держат лицо», поощряя происходящие там демократические преобразования.

Но Запад не видит симпатических связей, существующих между украинцами и русскими (поляки, может быть, видят, но оттого лишь испытывают еще большую ревность).

Вспомним историю. Вестернизация Украины на протяжении XVI – XVII веков в конечном счете послужила на пользу Москве. Украинцы тогда впитывали польскую и с нею всю западную культуру, но, оставаясь в большин-

стве своем на почве православия, пытались сообразовать одно с другим. С этой целью в 1589 году была основана (первоначально как духовное училище) знаменитая Киево-Могилянская академия, где образование велось на латинском языке, но высшей задачей ставилась защита православия и связанного с ним церковно-славянского языка. Хитрые иезуиты столкнулись здесь с не менее хитрыми малороссами, упорно стоявшими на своей вере, но усвоившими через иезуитов значение школы, учебы.

И вот что примечательно: выпускники Киево-Могилянской академии стремились, как чеховские сестры, «в Москву, в Москву».

Северная столица привлекала их как защитница православия и преемница киевской государственности. Симеон Полоцкий пришел в Москву, как ходил гоголевский Хома Брут, — скинув сапоги и повесив их на палку, что нес за плечами (всякий киевский *дітина,* то бишь студент, бурш, приучался к экономии); здесь он составил проект Славяно-греко-латинской академии (открыта в 1687 году), фактически ставшей филиалом Киевской академии. За ним потянулись и другие киевляне — книголюбы, словесники, переводчики, а порою и знатоки «свободных искусств». Русская церковь, ослабленная расколом, остро в них нуждалась: масса духовенства пребывала в состоянии «дебелого» невежества, о пастве же, которую она окормляла, нечего и говорить. И русское дворянство первые начатки европейского просвещения усваивало через киевлян.

Невозможно помыслить Петровские реформы без этой подготовительной работы, проведенной киевлянами. Подлинным их (реформ) вдохновителем и идейным «оформителем» — со всеми их плюсами и минусами — стал Феофан Прокопович, тоже в прошлом питомец Киевской академии. Фигура Медного всадника неполно характеризует эпоху; по справедливости за ним должен стоять призрак Феофана, благословляющего царя и указующего ему путь.

Известный филолог Н. С. Трубецкой в эмиграции написал статью, в которой доказывал, что петербургский период русской истории по справедливости следовало бы назвать киевским, ибо направление и пошиб задала ему киевская *«вылощенная ученость западного образца»*[17]. Если это преувеличение, то не такое уж большое; а если ограничиться XVIII веком, то, пожалуй, вовсе и не преувеличение. На протяжении всего этого столетия Киевская академия даже в большей степени, чем ее московский «филиал» (исключение тут составляет фигура Ломоносова), продолжала поставлять кадры не только для церкви, но и для светских учреждений, в частности, для дипломатической службы. [...]

Итак, своими внешними успехами петербургская империя XVIII века в большой мере обязана Киевской академии. Но если мы встанем на точку зрения православия, оценка ее деятельности будет несколько иной. Киев-

---

[17] *Трубецкой Н.* К украинской проблеме. Евразийский временник. Кн. V. Париж, 1927.

ляне организовали, так сказать, первую линию обороны против хлынувшей с Запада учености, перед которой сами распахнули все двери. И правду сказать, оборона эта была слабая. И тот процесс секуляризации, который начался в России при Петре I и достиг пика при Екатерине II, в большой мере обязан Киевской академии[18]. Но заслуга ее в том, что она поставила перед православием множество новых вопросов, на которые рано или поздно надо было дать ответы.

Зрелая линия обороны, — переходящая в наступательную активность, — была выстроена в Москве ближе к середине XIX века. А высшего своего развития русское православное богословие и тесно связанная с ним русская религиозная философия достигли в первой половине XX века (частью уже в эмиграции).

Вернемся в наши дни. И сегодня Украина распахивает все двери — на сей раз перед западной демократией. Идеал Оранжевой революции в ее основном течении (весьма, заметим, далекий от идеала «старого» украинского национализма) — «буржуазная честность», понятие, на которое в России XIX века смотрели (благо до поры до времени такая возможность была) несколько свысока. Но поскольку у нас сейчас «буржуазные отношения», то и «буржуазная честность» становится для нас вещью не просто нужной, но и остро востребованной. Если Оранжевая революция в *этом* конкретном смысле окажет на Россию «заразительное» действие, то его можно будет только приветствовать.

Но вряд ли украинцы успокоятся на «буржуазной честности». Даже для поляков этот идеал оказывается узковат. Тем более он узок для украинцев, которые ментально остаются близкими к русским, что бы ни говорили сегодня на сей счет некоторые политики.

Это во-первых, а во-вторых, само понятие «буржуазной честности» нуждается в религиозных опорах, которые на Западе шатаются — вот-вот упадут; и оттого ее все больше теснит «буржуазная нечестность». И это при том, что принцип fair play[19] на Западе глубоко уходит корнями в сословные и корпоративные традиции, каковых практически нет на Украине, за исключением разве что крайне западной ее части (да и там они в значительной степени выкорчеваны).

Это не значит, что движение в сторону Запада является целиком ошибочным для Украины (как и для России). Все-таки на Западе существуют веками разработанные институты демократии и вообще много такого, чему следует поучиться. Но за фасадом демократии, все более формализуемой, и за всеми внешними успехами медленно, но неуклонно идет деградация человека, чему

---

[18] Вспомним, однако, что человеком, наиболее энергично выступившим против секуляризаторской политики Екатерины II (и за то упрятанным ею в тюрьму пожизненно), был епископ Арсений Мацеевич, тоже выпускник Киевской академии.

[19] Принцип «честной игры» (*ред.*).

мы видим все больше и больше подтверждений. Поэтому есть основания надеяться, что у украинцев в какой-то момент сработают внутренние тормоза, которые заставят их обратить взоры на восток (точнее, на северо-восток). Хотя взоры эти должны быть сугубо избирательными, о чем ниже.

Трубецкой полагал, что русские (великороссы) всегда импонировали украинцам своей «государственностью большого стиля», а украинцы, наоборот, притягивали русских «духом свободы». Очевидно, русская *«государственность большого стиля»* тяготеет к воссозданию империи, которая заново объединила бы, как минимум, три восточнославянских народа, русских, украинцев и белорусов. Но среди украинцев, если иметь в виду подавляющее их большинство, *никакого* отклика такая идея сегодня не найдет. Это значит не то, что идея умерла раз и навсегда (кто возьмет на себя смелость утверждать такое?), а то лишь, что она отодвигается *пока* в туманное будущее.

Между прочим, Короленко в одном из своих «Писем из Полтавы» (пятом), датированном 1919 годом, высказал мнение, что сила, возрождающая «единую Россию» (то есть включающую Украину), находится не в центре, а на периферии, — мысль, выросшая из наблюдения местных реальностей. Вот если когда-нибудь где-нибудь на Полтавщине или на Волыни затоскуют о «единой России», вопрос будет поставлен в практическую плоскость. И кстати, совсем не обязательно центром ее (будущей «единой России») должна стать Москва. С середины XIX века и по сей день в России периодически высказывается мнение (одно из них принадлежит Г. П. Федотову), что столицей возрожденной империи мог бы быть Киев — *«мать городов русских»*. Нынешний взрыв творческой энергии в столице Украины говорит в пользу такого допущения, которое ни с какой стороны не могло бы ущемить слишком великую, в разных смыслах, а не только по имени, Великороссию.

Но пока это вопрос футурологии.

Между тем есть причина, которая уже в более или менее близкой перспективе способна побудить украинцев обратить свое лицо в сторону северо-востока. Это — «золотой запас» русской художественной и (что в наши дни особенно важно) религиозно-философской мысли (создававшейся, напомню, при участии великих украинцев — от Гоголя до о. Г. Флоровского), в пору великого шатания, охватившего нашу цивилизацию, позволяющий выправить ее курс в соответствии с некоторыми «вечными» ориентирами. Хотя, очевидно, первыми должны оценить его по достоинству сами русские.

Может статься, что лет эдак через двадцать, а то и гораздо раньше, нынешний клич *«Геть від Москви!»* сменится на противоположный: *«В Москву, в Москву!»* Но для этого Москва должна стать другой. Или, вернее, Россия.

2005, № 2 (124)

2. АНДРЕАС УМЛАНД

«Оранжевая революция» как постсоветский водораздел

Демократический прорыв в Украине, реставрационный импульс в России

В дни пятой годовщины «оранжевой революции» наивными могут показаться попытки положительно оценить те знаменательные события, что происходили в Киеве осенью-зимой 2004/2005: типичное для классических революций постреволюционное разочарование было глубоким и в посторанжевой Украине. Как в политическом, так и в экономическом и социальном отношениях бывший оранжевый лагерь находится сегодня перед грудой обломков. Вследствие непрекращающихся и все более странных политических распрей последних лет Союз блоков Юлии Тимошенко и «Наша Украина» с Социалистической и другими прозападными партиями разрушен, а вместе с ним и доверие широких слоев населения к оранжевым политикам и их организациям.

Украина принадлежит к числу стран, в 2008 – 2009 годах сильнее других пострадавших в результате мирового финансового кризиса. Государство неплатежеспособно в принципе и на плаву держится благодаря западным кредитам. Вернулись считавшаяся уже преодоленной высокая инфляция и ее серьезные социальные последствия. А ввиду энергозависимости Украины от России очевидно, что такое положение вещей ставит под вопрос общественную стабильность, территориальную целостность и внешнеполитическую ориентацию страны. Да, надо признать, «оранжевая революция» не сдержала многих своих обещаний: до сих пор не наказаны ни те люди (хорошо известные), кто сфальсифицировал результаты первых двух туров президентских выборов 2004 года, ни заказчики убийства журналиста Георгия Гонгадзе; коррупция, как и в период правления Кучмы, встречается на каждом шагу... Этот список можно продолжать и продолжать.

«Оранжевая революция» в постсоветском контексте

И тем не менее «оранжевая революция» до сих пор остается поворотным пунктом как новейшей украинской истории, так и политического развития на постсоветском пространстве в целом. Особенно отчетливо это постигает-

ся в сравнении. Дело в том, что страны-преемники СССР (за исключением прибалтийских республик) вплоть до 2004 года развивались во многих отношениях параллельно: в большинстве бывших советских республик после более или менее значительных шагов в сторону демократизации и либерализации в начале 90-х уже к концу столетия начали проявляться реставрационные тенденции. Такой вывод можно сделать, изучая ежегодные рейтинги качества электоральных процессов и независимости ведущих СМИ, а также результаты вычисляемого агентством Freedom House суммарного *балла демократичности* этих стран. Согласно этим индексам, за прошедшие десять лет как в кавказских и центрально-азиатских, так и в восточнославянских бывших советских республиках, хотя и с различной скоростью, набирает силу антидемократический тренд.

И только Украина, с 2004 года делающая значительные шаги в направлении демократизации, выпадает из общей постсоветской тенденции. Да, конечно, события, подобные украинской «оранжевой революции», происходили на территории бывшего СССР как до, так и после 2004 года: прежде всего это «революция Роз» 2003 года в Грузии и «революция Тюльпанов» 2005 года в Кыргызстане. Однако возврат этих наций к демократическим начинаниям ранних 90-х оказался мнимым, и надежды на то, что выступления такого рода могут перерасти во всеобщую антиавторитарную волну на всем постсоветском пространстве, не оправдались. Изначально многообещающие проекты политических реформ, начатые в ходе «цветных революций», в конечном итоге значительно меньше, нежели ожидалось, изменили структуру политических процессов Грузии и Кыргызстана, которые, как и прежде, находятся под более или менее сильным контролем исполнительной власти, т. е. своих президентов и их администраций. Изменилась в основном композиция управляющего персонала и кое-что в имидже правящих кругов, в то время как фундаментальные механизмы получения, сохранения и применения политической власти изменились мало. И киргизское восстание (впрочем, оно в особенности), и отчасти электоральный протест в Грузии сегодня, в конце 2009 года, воспринимаются скорее как частичная смена элит, как переименование способов легализации власти, нежели как начало подлинного перехода к хотя бы *протодемократии*.

В Украине, напротив, изменение механизма политических процессов национального уровня после «оранжевой революции» было значимым, как выяснилось позднее, по крайней мере, в трех отношениях.

Демократическое наследие «оранжевой революции»

[...] Увы, о киевских СМИ было бы еще рано говорить как о «четвертой власти» в украинском политическом процессе. Но то, что главные информационные каналы Украины независимы, т. е. свободны от государственной опеки, от прямого президентского или правительственного вмешательства, есть не что иное, как последствия радикально-демократического

пафоса «оранжевой революции». Хотя, с другой стороны, верно и то, что в освободившихся после 2004 года от государственного контроля телерадиовещании и прессе произошли и негативные перемены, в частности, усилилось искажение информационного потока, а также произошла частичная депрофессионализация журналистской деятельности («политейнмент»[1]), в чем, безусловно, сказалось растущее влияние финансовых магнатов. И тем не менее в результате «оранжевой революции» украинский медийный ландшафт сделал важный шаг в направлении открытого общества, что не может остаться незамеченным на фоне совсем иного положения дел в СМИ большинства других бывших республик СССР.

Во-вторых, «оранжевая революция» представляла собой важный шаг в процессах самоопределения и общественного позиционирования «третьего сектора»[2] Украины. О качественном прыжке в развитии украинского гражданского общества говорит в своем исследовании Абель Полезе. По его словам, сеть украинских неправительственных структур превратилась в официально интегрированного участника общественно-политических процессов Украины[3]. С этой оценкой можно и не соглашаться, но не подлежит сомнению, что активное участие различных гражданских организаций в «оранжевой революции» повысило организационное самосознание, а также общественный вес всего украинского неправительственного сектора. Как и в отношении основных киевских СМИ, это значительное изменение в «третьем секторе» украинского общества кажется уже необратимым и, с точки зрения демократической теории, положительным результатом «оранжевой революции».

В-третьих, к достижениям «оранжевой революции», несомненно, можно отнести и институционализацию честных выборов. В настоящий момент формирование общественного мнения и политических партий, а также выборный процесс в Украине (по крайней мере, на национальном уровне) сопровождаются лишь незначительной манипуляцией со стороны исполнительной власти. Да, в этой стране, как и раньше, существует так называемый административный ресурс... Да, сильным остается и влияние некоторых «олигархов» на партийный ландшафт и парламентские фракции... Следует упомянуть также, что выборная система в Украине далеко не безупречна и, скорее, способствует росту политической коррупции. Тем не менее парламентские выборы 2006 и 2007 годов, а также предшествовавшие им предвыборные кампании важнейших политических сил Украины протекали относительно плюрали-

---

[1] Этим словом принято именовать индустрию политических развлечений, предполагающую снижение аналитичности, усиление сенсационности в выборе и изложении новостей и т. п.

[2] Третий сектор — совокупность некоммерческих организаций, а также общественных инициатив («Инициpедия»).

[3] *Polese A.* Ukraine 2004. Informal Networks, Transformation of Social Capital and Coloured Revolutions // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 25, 2 — 3/2009.

стично, свободно, честно, без стоящих упоминания инцидентов. [...] Кроме того в Украине сегодня отсутствует та широкомасштабная структуризация электорального пространства «сверху», которую на протяжении последних лет можно все чаще наблюдать в России. Конечно, и в Украине последних лет перед выборами находили себе применение так называемые политтехнологи и их подозрительные стратегии. Однако подобным манипуляциям здесь «не хватает» главного дирижера, и, несмотря на зачастую сомнительный характер методов, применяемых участниками выборов, общая картина политического ландшафта Украины пестра. Что же до еженедельно транслируемого главными телеканалами страны словоизвержения конкурирующих политиков, оно приводит скорее к многоголосию, граничащему с какофонией.

Псевдореволюционный характер «оранжевой революции»

Итак, мы убедились, что, несмотря на все поздние разочарования и отклонения, «оранжевая революция» была значительным политическим событием. Но имеет ли смысл классифицировать это событие как «революцию»?

Да, конечно, несмотря на сегодняшние разочарования, часть целей, поставленных «революционерами» в 2004 году, действительно достигнуты. [...] И тем не менее успешное выступление оранжевого лагеря в поддержку свободы СМИ, гражданского общества и честных выборов представляло собой в конечном итоге «только» акцию за предоставление свобод, и без того уже прописанных в Конституции и законах Украины, т. е. за возврат тех прав, которые и так как будто бы завоеваны в действительной революции 1989 – 1991 годов. [...] А потому и определение событий «Майдана» как революции кажется преувеличением.

Скорее «оранжевую революцию» можно было бы назвать «контр-контрреволюцией», поскольку она предотвратила в Украине частичную реставрацию додемократического состояния или грядущее антидемократическое контрнаступление, подобные тем, что происходили у соседей. С помощью «оранжевой революции» украинцам, единственному из бывших народов СССР образца 1922 года, в ряде важных, если не решающих аспектов удалось противопоставить себя общей региональной тенденции.

Так что не «оранжевая революция» повлекла за собой коренное изменение одной из постсоветских политических систем. Напротив, в остальных постсоветских государствах, которые в начале 90-х запустили процессы демократизации и либерализации и изложили в своих конституциях соответствующие принципы, произошел процесс плавного политического преобразования — своего рода «негативная» трансформация. В некоторых случаях этот процесс может пониматься как частичная инволюция, или замаскированное возвращение к советским принципам. В других можно говорить о том, что позднесоветский посттоталитаризм, пережив кратковременный успех национал-либеральных тенденций, перешел в посткоммунистиче-

ские скрытые или явные диктатуры. В случае же отдельных государств можно утверждать, что на смену первых шагов в сторону демократизации в начале 90-х пришел своеобразный реванш старых элит и постепенный возврат к централизации политической власти.

Посторанжевая Украина и путинская Россия в сравнении

[...] Согласно оценке Freedom House, момент «оранжевой революции» был политически значим не только для Украины. В 2004 году наибольшим было изменение *балла демократичности* и российской политической системы, но только — с противоположным знаком. Изменения рейтинга наглядно демонстрируют, что две эти страны движутся в противоположном направлении.

Проведенный в 2005 году подсчет (рассматривается период с 1 января по 31 декабря 2004 года) в случае Украины показывает разницу рейтинга по сравнению с предыдущим, 2003, годом в -0,38 балла. При этом знак «минус» обозначает прирост демократии, так что было бы уместнее назвать этот индикатор «балл авторитаризма». Это наибольшее изменение рейтинга Украины с конца 1998 до конца 2008 года.

Что касается России, изменение *балла демократичности* составило на протяжении 2004 года по сравнению с состоянием на 2003 год +0,36 — также наибольшее за десять лет. Но знак «плюс», стоящий перед показателями «балла авторитаризма», отражает значительный спад демократии в России. Следует отметить и значительное изменение российского рейтинга в конце 2003 года: +0,29 балла по сравнению с концом 2002 года. Эти рейтинги Freedom House относились в первую очередь к поведению Путина и Ко в преддверии и во время парламентских и президентских выборов в 2003 – 2004 годах. Изменение рейтинга отразило рост пусть осторожных, но все более результативных ограничений политических прав российских граждан.

К началу первого периода путинского правления, несмотря на уже различимые авторитарные тенденции, еще существовала толковая научная и журналистская дискуссия о целях внешней и внутренней политики президента РФ, роли его нововведений для общества и значении его правления в контексте российской национальной истории. В процессе регрессий 2003 – 2004 годов апологетическая интерпретация «путинизма» начала терять свою легитимность — по крайней мере со стороны демократической теории. С каждым последующим годом становилось все яснее, что путинская рецентрализация является не переходной и частичной мерой, а коренным преобразованием политической системы Российской так называемой Федерации[4].

---

[4] «Федерацию... отличают, как минимум, возможность ее субъектов самостоятельно, без какого-либо вмешательства центральной власти образовывать (формировать) собственные органы государственной власти и наличие взаимного разграничения предметов ведения и полномочий» («Википедия»).

Эти процессы детально изложены в академической и публицистической литературе. Менее интенсивно пока обсуждался вопрос о том, насколько и в каком отношении «оранжевая революция» повлияла на природу российских политических процессов. Ввиду того, что путинский режим вступил в новый период своего развития в первой половине 2005 года, т. е. непосредственно после успеха «оранжевой революции», напрашивается подозрение, что существует некое обратное влияние украинских событий на политику русского соседа. В конце 2004 года подошла к концу лишь рестриктивная (сдерживающая) фаза путинского обессмысливания демократических процедур. С 2005 года она постепенно переходит в стадию, обозначенную здесь как «паратоталитарная»[5]. Термин этот указывает не столько на восстановление советской практики управления, сколько на ту значимую модификацию, которую претерпели содержание и стиль регулирования политических процессов «политтехнологами» Кремля.

От классического к «паратоталитарному» неоавторитаризму

Меры, предпринимаемые Путиным и его подручными для разрушения демократических процессов, до 2004 года носили по большей части характер скорее репрессивный или реактивный. Во время своего первого президентского срока Путин «всего лишь» постепенно ограничивал возможность реально осуществлять основные политические права и все активнее препятствовал демократическим процессам. С 2005 года же его «политтехнологи» начинают креативно вмешиваться в общественный политический процесс. Верх берут мобилизующие элементы манипуляций общественного дискурса и политической активности, которые сложно измерить классическим инструментарием для определения демократичности того или иного режима.

После «оранжевой революции» путинское окружение пытается сформировать новую государственную идеологию, где предусматриваются единая партия и национальная церковь (причем нарушение соответствующих статей Конституции РФ скрывается чем дальше, тем меньше). Цель этих нововведений Путина — далекая, впрочем, от реального результата — сводится к тому, чтобы переформировать общество, а частично и человека постсоветской России. Этот замысел и вытекающие из него отдельные инициативы отдаленно напоминают импульс таких режимов, как сталинский СССР, коммунистический Китай или фашистская Италия, и их попытки провести культурную и антропологическую революцию.

Описанной тенденции путинского режима дано здесь определение «паратоталитарной», причем частичка «пара» подчеркивает иносказатель-

---

[5] Использование приставки «пара» в этом случае инспирировано употреблением Роджером Гриффином термина «парафашизм» для определенных авторитарных, только кажущихся фашистскими режимов. См. *Griffin R.* The Nature of Fascism. London, 1993.

ный характер этого хотя и с завидным постоянством внедряемого, но пока что безуспешного тренда. С одной стороны, нельзя не признать наличие в России после 2004 года новой, тревожащей тенденции. С другой, префикс «пара» указывает на то, что драматизировать российские правительственные меры было бы преждевременно, хотя подобная алармистская оценка и была представлена в начале 2009 года на страницах ведущего немецкого научного журнала «Восточная Европа»: видный американский политолог Александр Мотыль писал о возникновении «протофашистской», «фашизоидной» или даже «фашистской» политической системы в РФ[6].

[...] Путинские инновации последних лет представляют для нас интерес в том отношении, что по своему началу и характеру производят впечатление ответной реакции на «оранжевую революцию». Первый намек на особое раздражение, которое вызвали в Кремле украинские события, Владимир Путин выказал еще во время «оранжевой революции» — 6 декабря 2004 года, когда на пресс-конференции в Анкаре сделал одно из своих первых антизападных заявлений, полное выразительных метафор: «*Знаете, что меня особенно беспокоит применительно к ситуации, которая складывается на Украине?<...> Не хочу, чтобы, как в Германии, мы разделили Европу на восток и запад, на людей первой и второй категории, первого и второго сорта. Когда люди первого сорта имеют возможность жить по демократическим стабильным законам, а второму — людям с, образно говоря, темным политическим цветом кожи — добрый, но строгий дядя в пробковом шлеме будет указывать ту самую политическую целесообразность, по которой он должен жить. А если неблагодарный туземец будет возражать, то его накажут с помощью бомбовой, ракетной дубинки, как это было в Белграде*».

За этим выпадом в 2005 – 2008 годах последовали аналогичные риторические атаки на США («*товарищ волк знает, кого кушать*»), на Запад в целом, а также на прозападно ориентированных российских демократов, которых в своей предвыборной речи в конце 2007 года Путин охарактеризовал как государственных изменников, которые «*шакалят у иностранных посольств*».

Инновации путинской централизации власти после 2004 года

Уже в феврале 2005 года, т. е. приблизительно через месяц после инаугурации Виктора Ющенко, в России было образовано печально известное Молодежное демократическое антифашистское движение «Наши», а также менее известный, но еще более агрессивный Евразийский союз молодежи, программа которого инспирирована идеями российского неофашистского интеллектуала Александра Дугина. В том же 2005 году сформировались еще две подобные организации — так называемое Движение молодых политиче-

---

[6] *Motyl A.* Russland — Volk, Staat und Führer. Elemente eines faschistischen Systems // Osteuropa. Vol. 59, 1/2009.

ских экологов Подмосковья «Местные» и Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России» — официальное молодежное крыло «партии власти» под руководством Ивана Демидова, известного тележурналиста, относящего себя к последователям дугинского евразийства.

В мае 2005 года сотрудник президентской администрации и предположительный главный идеолог Путина Владислав Сурков в первый раз представил в Москве в полуофициальной речи генсовету объединения «Деловая Россия» свою хорошо известную теперь концепцию «суверенной демократии». По словам Томаса Амброзио, эту речь Суркова можно рассматривать как идеологический ответ на события 2003 года в Грузии и 2004-го в Украине. Упоминание Сурковым «оранжевой революции», по мнению Амброзио, «*указало на опасение Кремля, что крах авторитарных режимов в результате народных восстаний — с соответствующей помощью и/или под руководством Запада — может распространиться и дальше на территории постсоветского региона.*[...]»[7].

Другими новшествами 2005 года, проиллюстрировавшими стремление к обновлению российского авторитарного режима в результате «оранжевой революции», были:

— учреждение так называемой Общественной Палаты РФ как центрального «приводного ремня» между полуавтономной интеллектуальной или культурной средой, с одной стороны, и государством, с другой,

— введение ксенофобского по своему содержанию национального праздника, Дня народного единства 4 ноября, а также

— создание двух дополнительных государственных пропагандистских телеканалов: православного кабельного канала «Спас» (с ранее упомянутым Иваном Демидовым в качестве главного редактора) и англоязычного «Russia Today».

В дальнейшем Кремль предпринял ряд мер, направленных на формирование искусственного гражданского общества и националистской массовой культуры, поддержал многочисленные русофильские и/или антизападные проекты художественного и документального кино, а также распространение учебников истории, оправдывающих сталинизм.

Своего рода апофеозом серии «паратоталитарных» мероприятий путинского режима после «оранжевой революции» стала предвыборная думская кампания осенью 2007 года, в ходе которой Путин был провозглашен «национальным лидером» и в итоге которой Россия снова стала государством с де факто однопартийной системой. В результате эскалации культа личности Путина, возглавившего список «Единой России» (не являясь ее членом), «партия власти» превратилась из всего лишь гегемониальной в теперь уже явно доминирующую политическую организацию законодательной ветви власти (правда, уже на тот момент не имеющей особого политического

---

[7] *Ambrosio T.* Authoritarian Backlash. Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union. Farnham, 2009.

значения). При этом пара более или менее проправительственных или же политически безвредных партий служат декорацией для «партии власти» в Госдуме и региональных парламентах. Их функция напоминает роль, которую выполняли восточно-немецкие «блоковые партии» (или «блок-флейты», как их называли в бывшей ГДР), знакомые Путину со времен его службы резидентом КГБ в Дрездене.

Среди последующих нововведений следует отметить основанный в январе 2008 года Институт демократии и сотрудничества под руководством радикально антизападных профессоров МГИМО Натальи Нарочницкой и Андраника Миграняна, а также созданную президентом Дмитрием Медведевым в мае 2009 года Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, ответственным секретарем которой стал упомянутый адепт Дугина Демидов.

Амбивалентное наследие «оранжевой революции»?

Если рассматривать события 2004 года в Украине как импульс для изменений в российской внутренней и внешней политике, общая сумма последствий «оранжевой революции» для постсоветского пространства может показаться неоднозначной, — а то и вовсе негативной. Девид Лейн, например, считает, что непреднамеренные последствия подобных народных восстаний слишком значительны для совокупности государств региона, поскольку влекут за собой лишь реактивное усиление существующих авторитарных режимов, так что попытки Запада поддерживать всякого рода цветные революции, по его мнению, контрпродуктивны. «*Находящиеся при власти правительства извлекают опыт из методов своих оппонентов и учатся у них использовать медийные технологии*, — пишет Лейн. — *Власти создают свои собственные молодежные и студенческие организации, определяют враждебных им визави... Следствием "цветных революций" стало препятствие развитию подлинно благотворительных, позитивных и неконфликтных форм гражданского общества, а также урезывание свободных прессы и телевизионных новостных программ <...> Власти предержащие сочиняют свои собственные контр-идеологии: они осуждают глобальную гегемонию Запада и пропагандируют сконструированные ими самими интерпретации суверенитета, демократии и гражданского общества*»[8].

Казалось бы, и в самом деле существует, как было проиллюстрировано выше, хотя бы частичная взаимосвязь украинских событий 2004 года и политических изменений в России с начала 2005 года. «Оранжевая революция» видимым образом послужила поводом для усиления антидемократических тенденций путинского режима, а также способствовала тому, что эти тенденции приобрели «паратоталитарные» черты. И поскольку западная

[8] *Lane D.* «Coloured Revolution» as a Political Phenomenon // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. Vol. 25, 2 – 3/2009.

поддержка народного протеста против фальсификации выборов была важным, если не необходимым условием успеха оранжевого лагеря, нельзя не задаться вопросом, была ли политика Запада относительно украинских событий 2004 года целесообразной.

И все же стоит усомниться, можно ли говорить в этом случае о полноценной причинно-следственной связи. Думается, фундаментальная причина растущей авторитарно-изоляционистской регрессии в Москве последних лет состоит скорее в особенностях биографий главных должностных лиц Кремля, патологиях политической массовой культуры РФ, деформации дискурса элит Москвы, наследии царского и советского имперского прошлого, дефектах российской институциональной структуры, образованной в 1991-м и частично обновленной в 1993 году, и прочих проблематичных, с точки зрения теории демократии, характеристик постсоветской России.

Разумеется, то или иное внешнее воздействие, исходящее с Запада или из постсоветского пространства, могло ускорить или послужить катализатором развития определенных трендов в России. [...] Но ввиду существовавшей в России уже с 2000 года (если не раньше) благоприятной почвы и для самих авторитарных тенденций, и для их постоянного роста вклад «оранжевой революции» в это развитие представляется вторичным. Скорее возможная консолидация молодой украинской демократии (хотя, судя по состоянию дел в сегодняшней Украине, это дело лишь неблизкого будущего) могла бы послужить примером для ближайших соседей, в особенности для России и Беларуси. С этой точки зрения, дальнейшая активная поддержка киевских усилий, направленных на демократизацию страны, например, с помощью открытия Украине перспективы будущего членства в ЕС, и сегодня представляет собой самую многообещающую восточную стратегию для государств Запада.

2009, № 4 (142)

3. ЛЕОНИД ФИНБЕРГ

Украинская революция 2004 года

Штрихи к портрету

От редакции

Украинская революция 2004 года, вошедшая в историю под именем оранжевой, — едва ли не самое значительное событие мировой жизни последнего времени. [...] Разнообразие, сложность, а главное — принципиальная важность многих проблем, которые украинская революция поставила и перед всем миром, и, в особенности, может быть, перед Россией, требуют, несомненно, пристального и обстоятельного осмысления. Поэтому мы намерены продолжить обсуждение темы, поднятой Юрием Каграмановым[1], с тем, чтобы наши читатели могли познакомиться с разными точками зрения на то, что произошло на знаменитом киевском Майдане в конце 2004 года. В том числе, конечно, и с тем, что думают о революции сами наши украинские соседи — прежде всего интеллектуальная элита Украины. [...]

От составителя и публикатора

Вниманию читателей «Континента» предлагается текст, объединивший ответы на вопросы составленной мною анкеты о причинах, феномене и возможных последствиях Украинской революции 2004 года. [...] Большинство авторов текста — это люди, принявшие революцию, а в ряде случаев — ее активные участники. [...] К сожалению, голоса противников оранжевой революции собрать трудно. [...] Таким образом, здесь представлено достаточно субъективное восприятие событий — начиная с вопросов и кончая выбором экспертов. Но, с моей точки зрения, из множества таких субъективных мнений в итоге и складывается как раз объективная картина событий.

[...] Я думаю, что, обращаясь к читателям «Континента», я обращаюсь к социально и интеллектуально близким современникам, для которых поиск

---

[1] См.: *Каграманов Ю.* Революция, которую не ждали. – «Континент», № 124.

истины — высшая ценность. Мы вместе ищем ответы на вызовы времени, опираясь на ценности иудео-христанской цивилизации и либеральные идеи последних столетий.

Итак:

Оранжевая революция — видение украинских интеллектуалов[2]

Представляю авторов публикуемого текста.

Тарас ВОЗНЯК (Львов) — философ, публицист, редактор культурологического журнала «Ї». Автор многочисленных статей, часть которых собрана в его книгу «Тексты и переводы» (1998). На протяжении многих лет советник руководства мэрии Львова по гуманитарным вопросам.

Ольга ГНАТЮК (Варшава) — доктор литературоведения, профессор Варшавского университета, автор монографии и ряда статей по истории украинской литературы, о связях украинской культуры с культурами Центральной и Западной Европы, а также публицистических статей в украинских журналах, историк украинского диссидентского движения.

Евгений ЗАХАРОВ (Харьков) — известный правозащитник, общественный деятель, журналист, председатель правления Украинской Хельсинкской ассоциации по вопросам прав человека, главный редактор еженедельника «Права человека» и ежеквартальника «Свобода высказываний и личная жизнь», автор нескольких сотен статей по правам человека и гражданскому обществу, активный участник диссидентского движения.

Иосиф ЗИСЕЛЬС (Киев) — общественный деятель: председатель Ассоциации еврейских общин и организаций Украины, исполнительный вице-президент Ассоциации национальных меньшинств Украины. Один из участников Украинской Хельсинкской группы, советский политзаключенный 70 – 80-х годов. Автор многих статей, часть которых собрана в книгу «Если я только для себя...» (2001).

Александр ИРВАНЕЦ (Киев) — литератор, драматург, поэт. Автор и ведущий рубрики поэтической политической сатиры на одном из самых популярных каналов украинского телевидения (5-й канал). Автор ряда прозаических и политических книг.

Вахтанг КИПИАНИ (Киев) — журналист, корреспондент ряда интернет-изданий, редактор и ведущий одной из самых популярных телепрограмм «Двойное доказательство» на телеканале «1+1», политический комментатор.

Михайлина КОЦЮБИНСКАЯ (Киев) — историк украинской литературы, мемуарист. Активный участник диссидентского движения 70 – 80-х годов. Автор ряда книг, в том числе «Мои горизонты» (2003), за которую удостоена высшей награды Украины — Шевченковской премии 2004 г.

---

[2] В тексте также представлены ответы на анкету Ольги Гнатюк из Польши.

Мирослав МАРИНОВИЧ (Львов) — один из создателей Украинской Хельсинкской группы, многолетний узник советских тюрем и лагерей. Литератор, философ, публицист. Автор ряда книг, в том числе монографии о современных проблемах христианских церквей. Проректор Львовского католического университета.

Александр ПАСХАВЕР (Киев) — экономист, публицист, президент Центра экономического развития. Автор многочисленных публикаций в украинских и зарубежных изданиях с анализом развития украинской экономики, по стратегии приватизационной политики. Руководитель ряда международных экономических проектов.

Всеволод РЕЧИЦКИЙ (Харьков) — доктор юридических наук, специалист по конституционному праву. Автор монографии «Политическая активность, конституционные аспекты» (Киев, 1999). Автор одного из проектов Конституции Украины. Юридический консультант и эксперт Харьковской правозащитной группы.

Евгений СВЕРСТЮК (Киев) — литератор, публицист. Один из лидеров украинского диссидентского движения, многолетний узник советских тюрем и лагерей. Председатель Пен-клуба Украины. Главный редактор газеты «Наша вера». Автор ряда публицистических, мемуарных и поэтических книг.

Дмитрий СТУС (Киев) — литературовед, публицист, журналист. Редактор собрания сочинений Василя Стуса. Автор монографии «Василь Стус: жизнь, как творчество» (2004), признанной «Книгой года» на Львовском книжном форуме. Создатель и директор Музея Василя Стуса в Киеве.

Отец Михаил ШПОЛЯНСКИЙ (Николаев) — священник православной церкви, автор комментариев к христианским текстам, руководитель ряда гуманитарных проектов, в том числе Семейного детского дома, издатель христианской литературы, публицист.

1. Под конец 2004 года, оценивая оранжевую революцию, мир заговорил о новой Украине. В чем вы усматриваете эту новизну? Каковы ее признаки? Насколько долговечны, по вашему мнению, перемены? Какова подоснова — историческая, мировоззренческая — этих перемен?

Е. Захаров. По моему мнению, то, что случилось, было закономерным, и мир, который заговорил о новой Украине, просто раньше ее не замечал. Украинский народ, с одной стороны, несмотря на все голодоморы, войны и преследования, сохранил волю к независимости, а с другой стороны, получив ее в 1991 году как последствие развала коммунистической империи СССР, совсем не был к ней готов. Украинская демократия, ослабленная репрессиями, не смогла переломить ситуацию в свою сторону, и в стране воцарился посткоммунизм советского пошиба, последствием которого было обнищание широких слоев населения, обогащение небольшой кучки бывшей партийно-комсомольской номенклатуры, большой духовный, социальный и экономический кризис. В то же время общий вектор развития

украинского общества, несмотря на все разговоры об его многовекторности, был евроатлантическим. Но общество должно было до этого дорасти и дозреть. Должна была сформироваться критическая масса социально активных людей, которые чувствовали бы приоритет европейских ценностей и могли убедить в этом преобладающую массу населения.

Падение страны приостановилось в конце 1999 года, и, когда Виктор Ющенко возглавил правительство, постепенно появились признаки улучшения ситуации во многих направлениях. Даже настроение общества за очень короткое время изменилось, стало оптимистичнее. Дело Гонгадзе и пленки майора Мельниченко, действия комитета «Украина без Кучмы» ускорили процесс противостояния власти и народа и оформления его в политической сфере на институциональном уровне. После отставки правительства Ющенко стало ясно, что появилась политическая оппозиция, которая имеет все шансы изменить ход событий в стране. [...] Последняя предвыборная кампания проходила под знаком противостояния силы власти и силы народа, который и нашел в себе упорство и мужество перебороть власть. Почва для этого — выход на арену действий незапуганных поколений, лишенных комплекса неполноценности и имеющих современное мировосприятие; усиление малого и среднего бизнеса, открытость страны, массовые поездки украинцев за границу, возрастающая зрелость массового сознания и готовность к изменениям, усиление гражданского общества.

Итак, новая Украина совсем не была новой. Событий сентября—декабря 2004 года можно было ожидать, но сложно было предвидеть такой размах — сотни тысяч людей на «майданах», прежде всего в Киеве. Я думаю, что главной движущей силой, которая вывела людей на улицу, была ненависть к власти, которая так грубо и беспардонно навязывала людям сценарий развития событий. [...]

Что касается долгосрочности изменений, то, по моему мнению, они необратимы. [...] Это совсем не значит, что мы будем иметь исключительно позитивное развитие. Будут кризисы, поражения, скандалы, разочарования... Но общий евроатлантический вектор сохранится.

Т. Возняк. Новизна Украины после оранжевой революции состоит в том, что впервые в полную силу в ней заработали механизмы гражданского общества. [...] Вообще революцию 2004 года осуществил средний класс, который незаметно вырос за последнее десятилетие. Именно он стал базой для возникновения гражданского общества. Таким образом, украинское общество стало приближаться, с точки зрения его структуры, к аналогичным структурам стран Центральной Европы, несмотря на то, что украинское общество по характеру распределения национального продукта весьма медленно отдаляется от вопиющей диспропорции, когда крайне малая прослойка населения контролировала львиную долю общественного продукта. Чем более сбалансированной будет становиться имущественная структура

общества, тем стабильнее оно будет. Считаю, что именно в этом могут быть гарантии дальнейшего развития Украины.

М. Коцюбинская. Новизна прежде всего в том, что мир наконец-то отделил в своем сознании Украину от России и понял, что она расположена в центре Европы и что европейские ценности ей ни в коей мере не чужды. Считаю, что наибольшей новизной был мощный моральный потенциал оранжевой революции, *общечеловеческая доминанта* этих событий. Мир увидел лицо Майдана, имел возможность заглянуть ему в глаза, — а это добрые глаза. Умные, живые, с искоркой здоровой иронии, способные вспыхнуть праведным гневом и увлажниться слезами в самые святые моменты. И это, просветленное оранжевой вспышкой, лицо стало лицом Украины. Надолго ли? Хочется надеяться. [...]

И. Зисельс. Новизна Украины для мира — это открытие Украины как субъекта истории и мировой политики. Кроме немногочисленных специалистов, в мире в основном почти ничего не знали об Украине. Украина была периферийным осколком малопонятного постсоветского пространства, в котором виделось больше неопределенности, чем угрозы. Все остатки былого величия, включая природные ресурсы, достались России.

[...] Украина удивила весь мир, и себя в том числе, неожиданно мощным всплеском энергетики народа — «пассионарностью». [...] «Пассионарность» невозможно организовать, и против нее невозможно бороться. Она приходит ниоткуда и исчезает в никуда. Ее, наверное, можно спровоцировать, но никто не знает, как и чем. Да и те, кто ее в итоге неосмысленно провоцирует, не только не ставят перед собой подобной цели, но всячески пытаются избежать ее.

Народ, который посетила «пассионарность», вдруг чудом перескакивает в «высшую лигу» мирового первенства, и тогда только от самого народа и его новой элиты зависит, удержится ли он на этом уровне и в какой роли.

Рациональный фактор новизны Украины, на мой взгляд, заключается, прежде всего, в том обстоятельстве, что за последние два десятилетия в Украине сформировались значительные массивы граждан, которые вместе с наиболее национально сознательной и национально-демократически организованной группой старшего поколения, которую впредь буду называть первой группой, образовали и электорат Ющенко, и главный человеческий ресурс «Помаранчевої революції». Речь идет о людях новой ментальности, которую можно назвать условно «европейской», в отличие от иной ментальной группы, которую также условно можно назвать «евразийской».

Вторая группа новой идентичности — это существенная часть молодого поколения, ментальное становление которых пришлось на 90-е годы. Это поколение сформировалось не благодаря, а, скорее, вопреки предыдущей власти, которая, к счастью, бросила это поколение на произвол судьбы. Значительная часть этого поколения ничем не обязана власти: ни убежде-

ниями, ни образованием (оно осуществлялось в основном за счет семьи), ни местом работы (в основном это коммерческие и иностранные структуры). В отличие от «олигархов» и их команд, которые были обязаны власти всем и поэтому защищали власть, новое поколение хотело жить в мире, где правила игры не меняются каждый день, где успех в жизни и благосостояние достаются не приближенностью к президенту и демонстрацией преданности, но образованием, упорным трудом и активной гражданской позицией.

Третья группа — это миллионы украинских рабочих, побывавших в цивилизованных странах на заработках, и их семьи. Принцип тот же: ничем не обязаны власти. [...]

Все три группы, описанные выше, и составляют качественно новую и, главное, массовую реальность Украины — и являются прообразом ее будущего среднего класса. [...]

В. Речицкий. Я думаю, что новая Украина — это общество, которое неожиданно для всех вдруг опередило свое время. Практически никто серьезно не ожидал и не предвидел революционных событий. Когда Виктор Ющенко говорил о том, что может «заговорить улица», это воспринималось почти как риторическая фигура, не более. Поэтому старая власть практически ничего не сделала для предупреждения революции.

Конечно, у революции были определенные экономические, исторические и мировоззренческие предпосылки. Но я думаю, что главной движущей силой событий была просто эмоциональная усталость общества и конкретных людей в нем от жизни, которая уже не отвечала органическим потребностям здорового, активно действующего человека. В стране была очевидная недостаточность свободы, перспектив развития личности, много политического лицемерия и откровенной скуки в сфере культуры.

Именно потому, что почва революции была эмоциональной, я не верю в возможность деградации общества к предыдущему состоянию. [...] С другой стороны, я боюсь очередного распространения в Украине иллюзий по поводу прихода «хорошей власти». Государство — это необходимое зло, с которым нужно обращаться по определенным правилам. Американцы это хорошо понимали и создали в свое время лишенную «сентиментальности» конституционную систему своей страны. Что-то похожее могла бы сделать именно теперь Украина.

О. Гнатюк. Новая Украина — это страна, в которой общество стало субъектом, а не объектом политики. По-моему, нет уже возврата к старому режиму, старому стилю управления. Из экономических факторов я бы выделила бунт среднего класса. [...] К этому бунту присоединились украинские граждане, которые временно находятся за пределами Украины (иногда это «временно» превращается в «продолжительно», хотя мало кто говорит, что это «навсегда»). Они практически единодушно проголосовали против этой власти, этой системы правления, этой экономики, которая заставляет их

искать работу за границей, покидая свои семьи, прерывая свое образование в Украине, отправляться на чужбину «за хлебом». Эти люди хотят возвратиться в Украину, хотят, чтобы их деньги (в масштабах государства — это миллионы и миллионы евро), вложенные в строительство собственного дома, в образование для детей, в здоровье родителей, которые нянчат их детей, обеспечили им определенное будущее.

[...] Как оказалось, незаурядную роль сыграла молодежь, что существенно отличает ситуацию в Украине от российской, где носителями опыта демократии являются крайне немногочисленные лица старшего поколения.

о. Михаил Шполянский. [...] Для меня главная значимость «Помаранчевої революції» лежит не в сфере политической, экономической или даже социальной, но — именно в духовной. Идеалы же евроцентризма, о которых много ныне говорится, для меня весьма относительны. [...] Происшедшее я воспринимаю не иначе, как чудо Божие. Анализируя разные аспекты событий недавнего прошлого и настоящего, невозможно не видеть, что далеко не все соответствует идеалам. И тем не менее то, что пережили участники событий, — не исторгнуть из сердца и памяти... Все мы чувствовали, что Господь был с народом Своим на Майдане.

[...] Знаковыми для меня навсегда останутся слова простой женщины, сказанные на улице возле администрации президента, в напряженный момент блокады: «Батюшка, правда ведь, такая любовь между людьми может быть только в раю?» Подлинные любовь, миролюбие, самоотверженность, взаимоуважение, единство — что могло даровать это той общности, которую привыкли называть толпой? Что иное, как не благодатный покров Свыше? Люди поднялись «над собой». Отсутствие пьяных и матерящихся, снижение уровня преступности и заболеваний — все это тоже свидетельство, хоть и от противного. Свидетельство посещения Божия. А также — свидетельство того, что народ принял сие посещение, не прошел мимо него. И это особо чудно в нашем мире вещей и потребления. Это и есть рождение души общеукраинской нации.

[...] Церковь предполагает, что нация, как и каждый человек, есть явление духовно цельное, имеет своего Ангела-хранителя. И нация, как и человек, может водительствоваться своим Ангелом, а может и забыть о нем, уйти от него. Это и есть высокая свобода — свобода выбора Добра, свобода верности Богу. Что будет с нами? Зависит от каждого из нас, и именно в этом, в своем предстоянии, мы окончательно ответственны перед Творцом. [...]

В. Кипиани. [...] Общими усилиями народа и тогдашней украинской оппозиции тюркское по происхождению слово «майдан» вошло в мировой лексикон как символ мирного сопротивления коррумпированной антидемократической системе. [...]

Одновременно сложно говорить о «новой Украине», которая как будто явилась вследствие этих событий. Оранжевая революция не стала революю-

цией в прямом смысле этого слова. Она пока еще не принесла ощутимых необратимых изменений не только «базисных», но и надстроечных сфер общества.

[...] Очевидно, изменения в Украине будут происходить по поставленному с ног на голову известному ленинскому алгоритму — «шаг вперед, два шага назад». [...] Есть опасность, что когда этих шажков окажется слишком много, может начаться «реконкиста» — отвоевание нынешней «оппозицией» потерянных позиций. Сначала в политике, а потом — «далее везде»...

М. Маринович. Начну с внешнего наблюдения. До упомянутых событий Украина только жаловалась, что ее в мире не понимают, и пыталась вызвать его жалость. Мир, соответственно, считал Украину неудачницей и еще больше сторонился ее. На Майдане Украина впервые взялась сама за свою судьбу — и мир моментально признал ее. По мне, все украинцы должны намотать это себе на свой роскошный казацкий ус...

Если говорить о вещах существенных, то и для мира, и для самой Украины настоящим открытием был уровень глубинного народного демократизма. В отличие от 1990-х годов, Украина уже не стремилась к экзотической свободе и демократии, не понимая, что это такое. Теперь она четко осознала, что она хочет честных и справедливых выборов, свободы слова и прессы, невыборочного применения закона, свободы предпринимательства, свободы творчества и так далее. [...] Тринадцать лет даже ограниченной демократии не прошли зря: в народе (особенно среди молодежи) накопилось живое и практическое понимание того, как должна действовать демократия.

Второе открытие — готовность народа жертвовать многим для утверждения моральных принципов. Последние перестали быть принципами, о которых вспоминали только по воскресеньям в храмах (или по субботам в синагогах, или по пятницам в мечетях). [...] Украина победила верой в те принципы, которые в значительной части западного общества давно воспринимаются с постмодернистским скепсисом. И оказалось, что возрождение моральных принципов в функционировании государственно-общественных структур может стать пассионарной и объединяющей идеей для всех регионов Украины.

Однако в паре с успехом всегда приходит новая опасность. В своей истории украинцы и раньше проявляли способность к солидарности бунта. Намного хуже было с солидарностью ежедневного рутинного творения. Ближайшее будущее покажет, сможем ли мы не пасть духом, разочаровавшись в недавних героях после первых же их шагов. [...]

А. Ирванец. «Новая Украина» — это очень милый, особенно для Запада, штамп. Конечно, мы действительно обновились. Но эти изменения пока что тяжело считать необратимыми. Стоит остерегаться разочарования, которое может наступить в обществе, и отката в общественном сознании как непременного и закономерного последствия этого разочарования. Как

пример кто-то из журналистов приводил Москву 1991 года: там тоже бабушки выносили блинчики и пирожки защитникам Белого дома, а сегодня там единогласно славят президента и собирают подписи за его третий и последующие сроки. Хотелось бы ошибиться и на примере Киева убедиться в противоположном. Сказал же нам один деятель: «Украина — не Россия»[3].

Д. Стус. В Украине, точнее, собственно в Киеве бурлило давно. [...] Коррупция, неуважение к мнению граждан, отсутствие признаков гражданского общества, полный произвол чиновничества и бюрократического аппарата... Все это раздражало. И раздражение оказалось настолько сильным, что киевляне вышли на улицу. Массовость — наибольшая и единственная особенность «оранжевых» недель — была настолько значительной, что это привлекло внимание к Украине даже всегда безразличной к нам Европы: этого не ожидал никто.

К сожалению, никаких изменений, кроме новых людей в старых властных кабинетах, пока что не видно. Декларации о «честности» и «порядочности» «новых-старых» лично меня не убеждают. Позитивен только факт замены бандитской команды другой. Какой? — покажет время. По крайней мере, я убежден, что пока общество не будет постоянно давить на свое — пусть даже наилучшее и наичестнейшее — правительство, чего-то хорошего ожидать не приходится.

2. Были ли эти дни моментом истины для украинской нации? В какой мере революция проложила путь в Европу и способствовала отмежеванию от пространства зон и ГУЛагов? Как вы вообще оцениваете наш европейский потенциал?

В. Кипиани. Дни оранжевой революции оказались наивысшим взлетом украинского народа на протяжении последних нескольких столетий. Значение этих дней, на мой взгляд, большее, нежели событий августа 1991-го, когда была провозглашена независимость Украины. [...] Мы стали свидетелями и участниками массового народного движения за собственное человеческое достоинство. За последнее десятилетие мы постоянно прощали Кучме и его окружению все — от дерибана «Криворожстали» до, к сожалению, это правда, убийства Георгия Гонгадзе. Но на этот раз наиболее деятельная и модерновая часть общества взорвалась, потому что нам попробовали навязать не просто роль «юго-западного подбрюшья» России, но и роль статистов в театре абсурда. Если бы украинцы не восстали против «предложения» выбрать президентом дважды уголовника, то вряд ли был бы какой-то смысл в дальнейшем существовании такой нации... Именно в этом и был, на мой взгляд, «оранжевый» момент истины.

---

[3] Название книги Леонида Кучмы.

И это на фоне того, что сейчас происходит в России, Белоруссии, постсоветской Средней Азии, Азербайджане, Армении и Молдове, — ущемления демократических свобод, авторитарности политических режимов и полного отчуждения народов этих стран от любого, даже эфемерного, влияния на принятие самых важных решений. У нас на Майдане и вокруг него было иначе. Это был первый опыт объединения интересов политического класса (и оппозиции, и власти) с интересами и взглядами очень широких народных масс. От «вершков» до «корешков». [...]

Европейскость Украины и украинцев — большая и вечная тема, которая заслуживает отдельной дискуссии. Если коротко — мы европейцы. Но скорее географически, нежели психологически. Советская, отрезанная от остального мира, ментальность остается сильной. Сильнее, по крайней мере, наших же попыток двигаться «прочь от Москвы» и «вперед к психологической Европе».[...]

А. Ирванец. В течение двух недель стояния на Майдане наш «европейский потенциал» был, наверное, самым высоким в Европе. Каким вежливым был Майдан, как прекрасно вели себя люди! Никакого хамства, никакой недоброжелательности или неискренности. Лично мне казалось в те дни, что это Бог наконец-то обратил свой взор на Украину, и пока Он не отводит от нас своих глаз, люди все делают правильно. Если бы мы все как можно дольше были в Его поле зрения... Но, наверное, у Бога есть еще заботы, другие народы и страны. Поэтому важно, чтобы мы все уже в новых условиях оставались такими, какими были в те дни.

О. Гнатюк. Считаю, что без оранжевой революции «прорыв» в Европейский Союз был бы невозможным. Пространство свободы, которым стала в недели оранжевой революции Украина, — на мой взгляд — логическое завершение украинских стремлений. [...] Если вопрос понимать в историческом плане, то есть насколько было осмысленным желание порвать с тоталитарным прошлым, я бы ответила, что Украина с давних пор от него отталкивается. Но оранжевая революция не была временем для раздумий над прошлым. Это время трезвого расчета еще впереди.

Е. Сверстюк. Несомненно, эти дни были моментом истины и выражением воли к жизни. Украина всегда была в Европе, и за это проголосовали ногами более 5 млн. украинских граждан, которые работают сегодня за пределами страны. А сколько их сбежало бы в 30-е годы, если бы открыли границу? А о чем говорят — одна за другой — волны украинской эмиграции на Запад? Причем там она в основном душой остается с Украиной.

Д. Стус. Не стоит говорить о каком-то моменте истины для украинской нации, как таковой. Первая неделя событий (далее была технологическая борьба за власть) — однозначная заслуга киевлян, которые отстаивали соб-

ственное достоинство, столь грубо попранное, что не выдержали даже преимущественно равнодушные к политике жители столицы.

[...] Уверен, события на Майдане не были революцией: скорее, это был прорыв давно вызревшего гнойника, который никто не пробовал лечить терапевтическими методами. Попытки новой власти не допустить структурных изменений в управлении это только подтверждают. Власть царька-чиновника на местах нисколько не покачнулась.

Что касается европейского выбора, то он неизбежен и обусловлен, прежде всего, кризисом России и всего постсоветского пространства. Хотя пока он идет «сверху» как выбор нового лидера и его команды. Хотелось бы, чтобы «снизу» это подкреплялось развитием «рынков труда» в регионах и хотя бы частичным ограничением чиновничьих беззаконий на всех уровнях. Без этого для меня любой выбор теряет смысл.

М. Маринович. Да, это был очевидный момент истины — обретение новой (или возвращение хорошо забытой старой?) собственной идентичности. В 1991 году Украина еще не могла прийти в себя и выйти из тени Третьего Рима. Сегодня чуть ли не в первый раз она смогла это сделать. Причем обретение новой идентичности стало фактом, который люди переживали как ценность — переживали с позитивными эмоциями. То есть чуть ли не впервые у украинцев появилась та долгожданная уверенность в себе, которая не ведет к агрессии по отношению к другим идентичностям.

Новое рождение Украины разительно изменило геополитическую ситуацию, нарушило ту схему стабильности, где блеклой и коррумпированной Украине отводилась роль пешки в шахматной партии России. [...] По задумке, Грузия и Украина должны были быть головной болью только России, но не Европы. Обе же пешки захотели повысить свой статус, что, очевидно, исказило элегантность шахматного эндшпиля.

Когда же рассыпался давний геополитический стереотип, стало очевидно, что при определенных обстоятельствах Украина может иметь блестящее европейское будущее. Это пока что не конкретные программы, а только первые восклицания удивления, первые прозрения, которым Украина своими умелыми действиями еще должна придать реальность плоти.

Т. Возняк. [...] Украина действительно как общественный организм медленно приближается к усредненным европейским стандартам. Как долго будет длиться этот процесс, зависит от скорости экономического роста и скорости деолигархизации государства. Конечно, большой бизнес останется. Однако он не может доминировать в общественной жизни и политике. В развитых обществах бóльшая часть национального продукта создается малым и средним бизнесом, — организовавшись в то, что мы называем гражданским обществом, он и определяет пути развития страны. Вместо этого на фоне общего обнищания украинский олигархат, опираясь на свою монополию в доступе к материальным благам, решил монополизировать и власть.

Оранжевая революция начала процесс исправления этой диспропорции. Однако это именно процесс. Он длился до революции, и он будет длиться и после революции. [...] С оглядкой на общую тенденцию движения к более справедливому в экономическом аспекте обществу, в котором будет доминировать именно средний класс, а значит, будут развиваться институты гражданского общества, считаю, что Украина имеет неплохую перспективу. Причем перспективу, которая даже не зависит от политической воли каких-то харизматических групп или лидеров, а является довольно объективным процессом экономической трансформации Украины. Кое-кто называет ее европейской, хотя я не вижу никаких оснований, чтобы не называть ее австралийской или американской.

В. Речицкий. [...] Конечно, оранжевая революция существенно прояснила и одновременно приблизила европейские перспективы Украины. После революции украинский народ стал политически понятным для европейцев. Можно сказать, что революция сделала из Украины политическую нацию, которая действительно понимает смысл свободы. Если европейцы — это люди, преданные свободе (по Гегелю), то такими с этого момента выглядят и украинцы.

Что касается европейского потенциала Украины вообще, то тут у меня остаются определенные сомнения. Европа — это регион свободы, но в то же время — пространство самодисциплины. Является ли современная Украина дисциплинированной в европейском смысле страной, сказать сложно. Думаю, что украинцы в политическом смысле более похожи на северных американцев. Та же самая первобытная нелюбовь к централизму и государственности...[...]

о. Михаил Шполянский. Подчеркну еще раз, что «европейский потенциал» для меня ценен именно в контексте сохранения украинской самоидентичности. И для этой задачи я вижу одно решение — созидание подлинно христоцентричного общества, доминантой которого будет любовь (в том числе и к инославным) и уважение к личности. «Восточным» чувством единства преодолеть дробность Запада, «западным» чувством самоценности личности преодолеть восточную стадность — чем не великая задача? [...] Во всяком случае, все реальные предпосылки для этого есть, и мы видим пробужденную «воздухом свободы» разнообразную активность людей: политическую, социальную, творческую. [...]

И. Зисельс. [...] Выборы президента и сопутствующие им события разделили Украину условно на две части. На части, в которых доминируют разные модели идентичности: «европейская» и «евразийская». «Помаранчева революція» показала, что большая часть народов Украины может и хочет жить в Европе. Столкновение двух моделей идентичности — а революцию, по-моему, можно рассматривать и таким образом — зафиксировало мгно-

венное состояние описанной линии раздела, которая, на самом деле, не статична, а перемещается во времени с запада на восток. Пять лет назад эта линия, возможно, проходила западнее Киева, а через десять лет, не исключено, пройдет через Донецкую и Харьковскую области.

[Далее следуют развернутые характеристики европейской и «евразийской» моделей идентичности.] Наш европейский потенциал определяется удельным весом «европейской идентичности» в украинском обществе. Он уже достаточно высок, чтобы победить на выборах, но еще недостаточен, чтобы быстро стать европейской страной.

Е. Захаров. [...] Не могу сказать, что я переживал эти дни как *момент истины.* И все же чувство движения истории было достаточно сильным.

Украина — это, несомненно, европейская страна, но одна из наибеднейших и самых провинциальных. [...] Парадигма образования остается много в чем советской, доступ к интернету хоть и возрастает, но медленно, наука, образование и культура все еще финансируются по остаточному принципу, а наиболее активные люди все еще раздумывают, как бы им выехать работать в другие страны... В гуманитарной сфере мы очень сильно отстаем от Европы. Хотя есть и неплохие возможности для исправления этого состояния, тем более что западный мир, похоже, готов помогать нашему движению. Значит, в ближайшем будущем модернизация вдогонку во всех сферах общественной жизни, именно это должно определить европейский потенциал Украины. [...]

М. Коцюбинская. Да, несомненно, эти дни стали моментом истины, мощным усилием вырваться из постсоветского духовного пространства. Уже в фигурах двух кандидатов персонифицировались два направления развития, две цивилизационные модели. [...] Наш европейский потенциал оцениваю обнадеживающе. Это не означает готовность моментально вписаться в современные европейские политические и экономические параметры. Такую ситуацию нужно готовить постепенно и лелеять на почве существенных внутренних трансформаций, нужных не так Европе, как прежде всего нам самим. [...]

3. Кто в эти драматические дни определял ход событий? Какие социальные группы и какие личности были субъектами преобразований? Как вы оцениваете внешние — по отношению к стране — и собственно украинские факторы событий?

Е. Захаров. По моему мнению, катализатором событий были молодежные и другие гражданские движения, в первую очередь, гражданская кампания «Пора» (черная). [...] Второй движущей силой стал украинский бизнес — и малый, и средний, и крупный. Большинство украинских предпринимателей уже устали от чрезмерной «заботы» режима, зависимости от

него и не хотели и дальше чувствовать свою уязвимость пред мощью государственной машины. Именно предприниматели более всего поддержали Майдан.

Доказали свою действенность и разнообразные институции гражданского общества, которые влияли на ход событий в разных направлениях. [...] Безусловно, важную роль сыграли лидеры оппозиции, в первую очередь Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко, Николай Томенко и Александр Зинченко. По моему мнению, большая заслуга Ющенко была в том, что он пытался избежать силовых действий и смог убедить в этом сотни тысяч своих приверженцев.

Наибольшими, за всю короткую историю независимости, были внешние влияния на избирательную кампанию. В первую очередь это касается Российского государства, вмешательство которого во внутренние дела Украины во время избирательной кампании было беспрецедентным: это и участие десятков российских политтехнологов, которые навязывали сценарий раскола Украины, противопоставления Востока и Запада, манипулирования общественным сознанием, построенный на лжи о Ющенко и его команде не только в Украине, но и в России; это и участие в агитации священников Украинской православной церкви Московского патриархата, это и публичная поддержка кандидата от власти со стороны российского президента Путина, его участие в военном параде 28 октября, преждевременные поздравления с победой Януковича и многое другое.

Противоположное влияние наблюдалось со стороны Польши, которая поддерживала Ющенко, сначала не афишируя эту поддержку на публичном уровне, а впоследствии, после второго тура выборов, уже почти отбросив дипломатические условности. [...]

Велико было, по моему мнению, также охлаждающее влияние США, которые следили за ходом кампании, незаконными действиями украинской власти и не давали ей дойти до откровенных преступлений и массового насилия. Постоянные напоминания администрации этой страны о необходимости честных и справедливых выборов, личные консультации с высшими должностными лицами Украины и приближенными к ним политиками оказали сдерживающий эффект. В том же ключе влияли на события страны Европейского Союза, в первую очередь Германия.

М. Маринович. [...] Без сомнения, Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко были чрезвычайно важными символами, которые фокусировали на себе духовную энергию народа. Но первые дни Майдана ярко свидетельствовали, что не они руководили стихией, а стихия несла их. Их неоценимая роль состояла в том, что во время революции они сумели подняться до уровня своей ответственности. [...] Также невозможно преуменьшить значение взвешенных действий со стороны отдельных политических фигур в парламенте, бывшем правительстве, СБУ, иностранных дипломатов и так далее. Но все они имели смысл только в том случае, если стоял Майдан. Значит, несомненным

творцом успеха был Бог, Который наконец-то решил, что нужно наказать режим Кучмы и руководство России за надругательство над Его правдой.

Поэтому мне кажутся смехотворными попытки разоблачить какой-то там сговор «Поры» с Госдепартаментом США, козни НАТО или агента международного империализма Джорджа Сороса. Ни один из этих факторов не удержал бы людей на Майдане и не наполнил бы людские сердца таким мощным энтузиазмом преображения.

М. Коцюбинская. Вела вперед, формулировала лозунги, прокладывала путь та истинная политическая и культурная элита, которая проклюнулась в нашей кучмизованной среде. Но главное, что все это счастливо нашло отзыв в народе, который устал от вранья и тотальных эрзацев. Перед нами предстали не «толпа», не «сброд», не «улица», как любил выражаться наш гарант, а *народ*. [...]

И конечно, очень существенным фактором была широкая поддержка Майдана в мире. [...] И не в «американских валенках», а в незримой (и зримой) моральной поддержке состояла помощь Запада. Не говоря уже про наших земляков за границей, которые жили и дышали в одном ритме с Майданом.

о. Михаил Шполянский. Для меня очевидно, что субъектом событий был народ, и только народ (или, можно сказать, нарождающаяся общеукраинская нация). [...] Я эти недели был и на Майдане Киева, и в регионах. Свидетельствую: движение народа было совершенно свободное, идущее от сердца. И именно это единодушие определило ход событий. [...] Главный субъект событий, повторяю — именно народ. И только в контексте этого можно рассматривать иные внутренние или внешние факторы. Причем только внутренние факторы были хоть сколько-то значимы. Внешние же усилия (с разных сторон, кроме разве что чистого дарования дружбы) видятся мне как масштабная суета, сколь энергичная, столь и безрезультатная.

Личности? Конечно, облик новой власти — это Ющенко и Тимошенко. Вызывающие, каждый по-своему, симпатию. Лидер нации Ющенко — это, наконец, тот человек, который не будет говорить с подчиненными матом. Это очень много. Именно это для меня — знак «отмежевания от пространства зон и ГУЛагов». (При этом я считаю, что все-таки выборы не столько выиграл Ющенко, сколько проиграл Янукович: народ не захотел быть «быдлом и козлами».) Тимошенко — личность, безусловно, харизматическая, и тем вызывающая самые крайние эмоции. Без стилизации, но вполне серьезно, — украинская Жанна д'Арк. Будем надеяться, что плоды деятельности и нашей «воительницы» окажутся для страны столь же благи. И что время костров прошло...

Но вот вопрос с социальными группами — это проблема. Проблема, возможно, самая таинственная и потенциально самая опасная. Я до сих пор никак не могу хотя бы интуитивно уловить природу того лезвия, которое разделило народ на две почти равночисленные группы. А именно это —

главная проблема. Представления о решающем значении информационного давления, шантажа власти и пр. не выдерживают никакой *серьезной* критики. Также неудовлетворительно мнение о разделе по нравственным, интеллектуальным, национальным или иным подобным категориям. Опровержение таких схем очевидно: каждый из нас знает людей, и нравственных, и образованных, чуждых стадности и информационной зависимости, — но сделавших выбор в пользу «бело-голубых». Для меня в этом — тайна. [...]

А. Ирванец. Мне кажется, молодежь была движителем оранжевой революции. Молодые люди из «Поры», студенты из Могилянки, из других университетов определяли лицо Майдана в первые два-три дня, пока проснулись старшие поколения. Кроме того, всем понятно, что это была революция зажиточных людей. Ресторанчики в комплексе «Глобус» под Майданом работали в усиленном режиме. Оранжевые свитеры и шарфы были выставлены в витринах дорогих бутиков. Очевидно, это признак постмодерновой поры: пролетариат если и сыграл какую-то роль, то она была незначительной. По крайней мере, не много людей било себя в грудь со словами: «Я — рабочий человек!» Классовая принадлежность не была важна, просто люди вдруг почувствовали себя очень грубо и жестоко обманутыми — и вышли на улицы. Что касается личностей — их много, их не сосчитать, и вслух не назвать, и в список не запихнуть.

О. Гнатюк. Бесспорным лидером, который определял ход событий, был Ющенко. Без его харизмы не было бы оранжевой революции. Были бы протесты избирателей, в до сих пор невиданном масштабе. Ни «Пора», ни другие лидеры, в том числе Юлия Тимошенко, не смогли бы повести за собой миллионы людей. Социальный статус, как мне кажется, не имел существенного значения. Интеллигенция хоть и была в авангарде, но не она определяла ход событий. Чрезвычайно важным, как мне кажется, было творение общественной солидарности. Без него не было бы оранжевой революции. Именно эта солидарность, взаимоуважение и — одновременно — желание отстоять свое право вызвали у мировой общественности огромное уважение и симпатию к украинцам, которые так гордо сказали «хватит» злоупотреблениям власти, «нет» авторитарному режиму и «да» — демократии. Поддержка мировой общественности имела незаурядное моральное значение. Без этой поддержки, без спонтанных акций отдельных лиц и целых общностей правительства Польши, Германии и США украинцы не были бы готовы так эффективно и быстро действовать в защиту своихдемократических стремлений.

В. Кипиани. Для меня неотвратимые изменения, — собственно, сама революция, — начались с сообщения о том, что сурдопереводчик Первого национального телеканала Наталия Дмитрук осмелилась сказать (собственно — показать) нации, которая в большинстве своем молчала: «Вам говорят неправду, выборы сфальсифицированы, наш президент — Ющенко». Время

уже начинает «съедать» часть наших впечатлений и эмоций. Но этот символический выстрел из прошлого в будущее стоит занесения в анналы мировой революции.

Снаружи революция была похожа на тусовку левых-антиглобалистов где-то в Европе. Но на самом деле это была глубоко национальная революция. Возможно, последняя на континенте. [...] Это была буржуазная революция. Революция тех, кто зарабатывает много. Кто может себе позволить видеть мир таким, каков он есть, а не как в анекдоте — «глазами Сенкевича». У кого было все, кроме ответа на вопрос: «За что ж *они* с *нами* так?!.

В. Речицкий. [...] Все развивалось по схеме: стимул — реакция. В общем, старая власть делала глупости, а народ реагировал на это молодо и умно. Но велика также была роль Виктора Ющенко. [...] Выглядело так, что масштаб личности Ющенко увеличивался просто у всех на глазах. Еще лет десять назад политологи высказывали предположение, что эпоха политической харизмы просто исчерпала себя в мире. Но пример В. Ющенко доказал прямо противоположное.

К сожалению, я не могу сказать, что движущей силой оранжевой революции была интеллигенция. Последняя больше демонстрировала здоровый скепсис. Интеллектуалы сочувствовали революции, но не смогли стать ее движущей силой. [...] Что же касается команды Ющенко, то это были не столько украинские интеллектуалы, сколько отечественная версия того, что в Англии в свое время называли «gentry», одновременно молодой буржуазией и новым дворянством.

Е. Сверстюк. Ход событий определила молодежь: она поняла, что вопрос стоит: «или мы, или они». Очень большое влияние имела официальная Россия — влияние отталкивающее и коварное. Конечно, была поддержка Запада, — когда оказалось, что есть кого поддерживать.

И. Зисельс. Одной из основных организующих и движущих сил «Помаранчевої революції» стал нарождающийся средний класс Украины. Именно эти люди пришли на площадь Независимости и продержались там первые дни, пока не подъехала поддержка из западных областей Украины. Прежде всего это были студенты, и именно из числа студентов черпает свои новые и новые ресурсы средний класс.

Такие внешние факторы, как заявления, встречи и визиты политических лидеров стран Востока и Запада, по моему убеждению, оказывали неоднозначное влияние, т. к. общество было уже разделено на части. Поэтому любой внешний фактор скорее содействовал поляризации, чем примирял и сглаживал конфликт.

Из всего сказанного выше, как мне кажется, с очевидностью вытекает, что основными движущими факторами революции, включая «пассионарность», были внутриукраинские силы.

Д. Стус. Главная «заслуга» в том, что случилось, — Кучмы, Януковича, Медведчука и их команд. Не со знаком плюс, конечно, а со знаком минус. Люди вышли не «за», а *против*. Против тех, кого ненавидели и кто нарушил одно из последних гражданских прав. Полнейшая непрофессиональность, нежелание считаться с настроениями людей, чувство неограниченной вседозволенности сыграли злую шутку с командой власти, которая имела блестящие шансы одержать победу.

Тактически важными были призывы Ющенко и «Поры». Но любовь к Ющенко проросла из ненависти к Кучме-Медведчуку-Януковичу, тем, кто последние лет пять откровенно издевался над собственным народом. [...] Впрочем, стоит каждый день помнить и повторять: команду Кучмы пять лет тому назад к власти привели и те, кто в «оранжевые» дни особенно активно с ней боролся!

«Надежды на Европу» для людей Майдана особенного значения не имели. Если бы собственными усилиями люди не продержались первую неделю, Европа спокойненько себе признала бы результаты сфальсифицированных выборов. Но все люди, жители Киева и народ Украины, дали отпор. Это и стало причиной для мира считаться с нами. Может быть, еще не как с равными, но все же как с достойными людьми и отдельным народом.

Т. Возняк. Наиболее знаковым для меня было участие молодежи в оранжевой революции. Важным был карнавальный аспект революции. Подобные действа в России выглядели и, на мой взгляд, будут выглядеть страшно.

Вместе с тем это революция людей, которым от тридцати до пятидесяти, — собственно, революция не обездоленных. Революция средних и малых предпринимателей. В этом смысле это революция людей респектабельных, которые сделали себя и свой бизнес сами, которым объективно уже мешал пещерный авторитаризм Леонида Кучмы. Поразили колонны загруженных доверху джипов, которые с оранжевыми революционерами следовали отовсюду в Киев.

Что касается помощи извне, то она была сугубо технической: это, скорее, была помощь, на протяжении ряда лет направленная на построение сети общественных институтов, которые стали информационной «кровеносной системой» гражданского сопротивления.

4. Какие акции оранжевой революции были, по вашему мнению, знаковыми, определяющими? Какие эпизоды украинской революции, пережитые вами лично, больше всего поразили вас в эти исторические дни? Как вы охарактеризуете этос событий?

Е. Сверстюк. Определяющими были первые дни: это всенародное восстание. Поражала бескорыстность, в которую сине-белые не могли поверить! Этос — животворящая сила любви и веры.

Е. Захаров. Наиболее знаковыми событиями были, по моему мнению, многосоттысячный протест против фальсификации выборов и историческое решение Верховного суда Украины от 3 декабря 2004 года[4]. Более всего меня поразила массовость протестов и характер взаимоотношений людей на «майданах», а также то, что судьи Верховного суда смогли в этом деле выйти за пределы украинской правовой системы и стать на позиции природного права. На мой взгляд, такие решения являются одним из признаков реальных изменений судебной системы в будущем. [...]

о. Михаил Шполянский. Главное для меня (как и для всей страны) началось, [...] когда на экранах ТВ и по радио, сначала как бы смутно, а потом все ясней, появились сообщения о движущихся на Киев со всех сторон страны многокилометровых колоннах автомобилей, грузовиков и автобусов с людьми. Идущие впереди КрАЗы и КамАЗы буквально сметали с дорог на обочины милицейские заграждения. Мой сын на «уазике» влился в такую бесконечную колонну, идущую из Крыма, и с ней вошел в Киев. По дороге, в городах и селах, люди голосовали и просили довезти до Киева, и даже кое-где приветствовали гаишники. Первую ночь он с ребятами сидел на крыше КрАЗа, блокирующего здание администрации президента, и видел, как целыми подразделениями спецназовцы покидали оцепление.

Это было харизматическое явление народа, «vox populi», в гораздо большей степени являющийся «vox dei», чем сами выборы. Это потрясало. И это движение определило все дальнейшее.

Через два дня я приехал в Киев и получил возможность сказать о том, что быть православным христианином вовсе не означает автоматически быть сторонником мимикрирующей под православие бандитской власти.

[...] Пожалуй, самый существенный эпизод — упомянутые выше слова «такая любовь может быть только в раю». Но и многое другое. Сборы «оранжевыми прихожанами» продуктов в церкви после окончания воскресного богослужения, дабы идти кормить на вокзал шахтеров («А нет ли у кого безлимитного мобильника, чтобы они могли поговорить с домом?»). Слова двух молодых людей в гуще «помаранчевого» народа, обращенные к одинокой женщине с голубой ленточкой: «Мы восхищаемся вашим мужеством». Везде смех, улыбки, взаимная предупредительность. Отсутствие и тени национальной, региональной розни. Есть и обратные впечатления — кучка ожесточенных лиц в «крестном ходе», где соседствуют иконы святых и портреты бандита, но и то, как мирно расступалось и пропускало их «помаранчевое море» (там, где и отдельному человеку пройти было не просто).

Малые капли, отражающие *мир*...

М. Коцюбинская. Определяющим был сам феномен Майдана. Он знаменовал кардинальные изменения в сознании народа, долгожданное зарож-

---

[4] Этим решением санкционировано проведение повторного голосования (*ред.*).

дение гражданского общества; он сломил множество устоявшихся стереотипов — относительно пропасти между поколениями, между украинско- и русскоязычными. Продемонстрировав, что все не ограничивается лозунгами, что есть конкретные люди, способные творить конкретные дела. Люди отважные, осведомленные и харизматические.

Что особенно важно, Майдан внес во все сферы нашей жизни выразительное и теплое начало *человеческого.* Атмосфера доброжелательности, взаимопомощи, чистосердечности Майдана — как модель человеческого поведения. [...]

Для меня всегда особенно важны детали, — а их насобиралось так много! Начать с того, что все мои знакомые, раньше не замеченные ни в каких предвыборных кампаниях, дни и ночи пропадали на избирательных участках, чтобы помешать фальсификации. В первые холодные и тревожные дни Майдана рано утром, еще только сереет на улице, вижу в окно, как из подъездов то тут, то там выкатываются какие-то странные фигуры, одетые во все самое теплое и с каким-то оранжевым акцентом — это чтобы успеть на Майдан как можно раньше с далекой Троещины. Моя знакомая из Канады звонила мне по нескольку раз в день, пока ей не удалось поймать через Интернет 5-й канал. А эмоциональным апофеозом духа Майдана стал для меня момент, когда во время исполнения Гимна Украины Ющенко наклонился к своей дочурке и прижал ее ручку к сердцу...

В. Кипиани. [...] Оранжевая революция не могла проиграть! Потому что люди перестали бояться. Миллионы людей поняли, что слова сказки про прутик, который легко сломать, и веник, который в этом смысле непобедим, — правда. И тяжело, и страшно только тому, кто делает первый шаг. Но первый шаг сделали те, кто вышел на асфальт Крещатика. Этих первых смельчаков показали по телевизору — и ничего с ними не случилось. Далее — эффект «снежного кома»...

А. Ирванец. [...] Лично я еще до сих пор с эстетическим кайфом вспоминаю случай с сурдопереводчицей на УТ-1, которая языком жестов сообщила своей глухонемой аудитории: «Наш президент — Ющенко. Не верьте тому, что вам говорят». Как-то хочу собраться, поехать на Телецентр и подарить этой женщине букет цветов. Также никогда не забуду молодые пары, которые целовались под Главпочтамтом в то время, как с эстрады выступали Ющенко, Тимошенко, Томенко и другие политики. И пение «Ще не вмерла...» каждый вечер тоже потрясало меня, старого циника.

В. Речицкий. Определяющей акцией оранжевой революции была инвазия провинции в столицу. Физическую сторону революции вытянули на себе богемные студенты и исполненные здравого смысла провинциалы. Давайте вспомним: «Все гуцулы уже тут — Януковичу капут. Да! Да!», или: «Шахтерам Червонограда Януковича не надо!!!».

Состоянию масс странным образом соответствовал совершенно не канонический украинский язык революционных проводников. Парадокс, но украинский язык В. Януковича формально был правильнее, чем язык В. Ющенко или Ю. Тимошенко. Но эмоциональный резонанс получили у большинства населения именно они.

Вообще, по моему убеждению, решающим в оранжевой революции было то, что люди на Майдане не просто уважали В. Ющенко или Ю. Тимошенко, а по-настоящему сумели полюбить их. А против этого чувства любая власть и политические технологии бессильны.

Общий этос событий, по моему мнению, определили здравый смысл и в то же время рафинированная приподнятость чувств людей на Майдане.

М. Маринович. [...] Поразил меня гуманистический, человеколюбивый (в христианских терминах — евангельский) потенциал Майдана. Концентрация любви на этом маленьком кусочке Киева была столь огромной, что враждебность оппонентов там никла и сморщивалась, спланированные провокации растворялись в море человеческой доброжелательности. [...] Наконец, поразила меня этническая и языковая гармония, которая царила на Майдане.[...]

Когда с Майдана на отдых начали приезжать первые посланцы Украинского католического университета, они с удивлением мне рассказывали: «Представьте себе, на Майдане НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, КТО НА КАКОМ ЯЗЫКЕ РАЗГОВАРИВАЕТ!» Только большими буквами можно передать то потрясение типичных галичан, для которых языковой фактор традиционно был одним из самых главных. За этими словами стоит открытие, что русский язык в устах украинцев становится раздражителем главным образом тогда, *когда за ним стоят российские национальные интересы.* Майдан объединил всех вокруг национальных интересов Украины, и языковые отличия утратили свою отчуждающую силу.

В интернетовом море я в те дни наткнулся на статью одного русскоязычного автора, который закончил свою вполне ироничную статью «Спасибо Януковичу» благодарностью за то, что тот возродил уважение к украинскому языку, который теперь «стал языком свободы». За этими словами, в свою очередь, стоит открытие, что украинский язык может быть носителем не только «отсталости», «хохляцкого сервилизма», а и свободы, достоинства и самоуважения. [...]

И. Зисельс. [...] Мое особое потрясение — это личная самоотверженность людей, составляющих тысячные потоки, устремленные к площади Независимости с самой различной поддержкой. Численность этой «группы» поддержки увеличивалась, как только в эфире появлялись сообщения о движущихся к центру города колоннах военной техники или о возможной угрозе силового варианта разгона палаточного города. Такое поведение характерно именно для «пассионарных» периодов жизни народа.

Д. Стус. Массовость — единственный знаковый момент. «Мы не хотим терпеть больше», — говорили и подтверждали своим многосуточным стоянием на морозе уже не герои-одиночки, а более миллиона киевлян, к которым сразу же присоединились десятки тысяч приезжих.

Поразила «ненужность» людей типа организаторов. Припоминаю, как познакомился с охранниками или, может, хозяевами кусочка рынка в Хмельницком, которые в первую же ночь, когда вокруг были слышны разговоры об опасности танков, сразу же поставили свой микроавтобус между теми машинами на Крещатике, которые должны были затруднять возможное движение военной техники.

— Зачем? — спросил.

— Революция! — ответили гордо.

Два-три дня они охраняли первые палатки, польских и французских журналистов, были в числе тех, кто окружал администрацию президента... А в конце первой недели поехали в Хмельницкий.

— Революция закончилась. Начался бардак и торг, а торговать мы можем и дома.

Мне пришлось согласиться.

Помню глаза молодых студентов, кажется, в ночь со вторника на среду или следующую, когда против них шел крымский ОМОН (с дубинками, щитами, касками, характерным звуковым сопровождением) вблизи Союза писателей. Молодежь изо всех сил сцепила руки, чтобы не броситься врассыпную от страха. В трех метрах, которые отделяли одних от других, ОМОН остановился, хотя прорвать малочисленную осаду мог без особенных трудностей. Но студенты — парни и девушки, которыми руководил мой хороший знакомый, — победили страх. Хоть после этого от напряжения и проявленных усилий почти у всех на глазах были слезы, а многие позднее и плакали от пережитого. Но они победили страх. И это — наибольшее и, может, единственное достижение Майдана. Тяжелое, но, может быть, самое простое, потому что нужно дальше подтверждать эту «самую легкую» победу своей ежедневной жизнью. [...]

О. Гнатюк. [...] Лично для меня большое значение имела польская солидарность с украинскими гражданами. С самого начала на Майдане присутствовали польские студенты, а также польские журналисты. Именно благодаря польскому телевидению я имела возможность следить за событиями. [...]

5. Какие сценарии развития вы прогнозируете на ближайшее будущее? Каковы ваши опасения и предостережения? Каковы ваши надежды, желательные и вероятные позитивы развития?

И. Зисельс. Революция, особенно «бархатная», — замечательное событие в жизни любого народа, и она самодостаточна счастливым ощущением реальности переживаемого мига победы. [...]

Не следует строить иллюзии по отношению к будущему, исходя исключительно из энергетики и привлекательности самой революции. На мой взгляд, нет и не может быть никаких логических последствий революции, если в народе достаточно массово не накопились новые качества. [...]

[...] Опасения касаются прежде всего недооценки гуманитарного спектра проблем, который новая власть считает, по-видимому, второстепенным фактором. [...] Тем не менее имеется довольно высокая вероятность того, что через десять лет Украина, в том числе и формально, станет частью Европы.

М. Коцюбинская. Знаю, уверена, что будет тяжело. Новая власть ступает по минному полю. [...] Но вся надежда на то, что опыт и дух Майдана не погаснут, что человек, выпрямившись, не захочет вновь сгибаться.

о. Михаил Шполянский. [...] О главном своем опасении я уже писал: не видно никаких позитивных шагов к разрешению проблемы «бело-голубых». Торжество победителей кажется крайне неуместным, неумным и неблагородным. Вызывает опасение также некомпетентность новой власти, партийные экзальтации при разделе «пирога власти», затянувшийся период «междувластья». Однако более всего — видимое отсутствие обратной связи, замкнутость и недоступность «самого демократичного правительства» (может быть, ничуть и не большая, чем замкнутость прежней власти, но, на фоне обещаний и надежд, — увы...). Конечно, понятен экономический и организационный цейтнот, но игнорирование «второстепенной» сферы общественных отношений грозит парламентским матом.

Впрочем, время еще есть. Живой и многовекторный диалог с обществом, способность услышать голос специалистов, в том числе и в сфере гуманитарных интересов (в чем, естественно, наиболее слабое место у политиков-прагматиков), способность к покаянию, к признанию ошибок, к обучению и изменению, способность к соборности мышления — условие позитива развития. Практически это может выразиться в расширении сферы диалогов, в поощрении создания соответствующих диалоговых структур (общественного и научного характера), взаимодействия с ними. [...]

Итак, удержать дух Майдана, дух мира и единства, дух активного добра, дух открытости и честности — задача лидеров нации, каждого из нас и всего народа. [...]

О. Гнатюк. Перемены никогда не бывают безболезненными, особенно когда им предшествует такой большой подъем, свидетелями которого мы были. Надежды украинских граждан на смену порядка, на благосостояние, на достойную жизнь — потенциально огромнейший позитивный капитал. Верю, что за ним пойдет ежедневный труд на благо общества, своей общины, своего окружения. Ведь так много нужно еще сделать, чтобы люди хотели себя отождествлять со своей страной, с малой родиной, чтобы свой собственный двор стал неотъемлемой их частью.

Если вслух высказать, чего более всего боюсь, — то это уныния. Потому что перед новым правительством несчетное количество серьезных проблем — от внутренних до международных. Потому что невозможно все сразу изменить. Потому что нелегко бороться с наибольшей болезнью украинского общества — системой взяточничества.

Что касается перспектив, они давно не были столь хорошими, начиная с международной ситуации Украины, заканчивая огромнейшим позитивным общественным капиталом. [...]

А. Ирванец. Я очень хочу посмотреть в будущее с оптимизмом. Я верю, что в ближайшие пятнадцать-двадцать лет Украина будет в Европейском Союзе. Но осознаю, что путь к Европе будет сложным и тернистым. Еще не раз мы будем краснеть за совершенные ошибки. Но очень хочется надеяться, что в целом наше движение будет правильным.

В. Речицкий. [...] Убежден, что на самом деле Украине импонировала бы не «политическая реформа», а превращение страны в по-настоящему президентскую республику. [...] В придачу — настоящее местное самоуправление и отказ от всех ограничений на свободу слова, интеллектуальное самовыражение.

Е. Захаров. [...] В будущем можно ждать улучшения социально-экономической ситуации в стране и постепенного повышения уровня жизни, сближения уровня доходов богатых и бедных (сегодня разница между ними в семь-восемь раз больше, чем в странах Западной Европы и США).

[...] Слов нет, украинскому обществу крайне необходима декоммунизация, необходимо моральное очищение общества, замена политических элит, замена бюрократического аппарата. Но существует серьезная проблема превращения этих процессов в преследование невиновных, поэтому очень важна их реализация под контролем права.

С другой стороны, революция фактически не произошла, потому что не было смены элит, появления новых лидеров, увеличения доступа народа к власти.[...] Поэтому можно ожидать многочисленных конфликтов в среде самой разнородной команды Ющенко, [...] серьезных дискуссий и политических драк в парламенте и вне его, а в украинском политикуме такие проблемы неизбежно чреваты интригами и кризисами.

[...] Уже первые дни новой администрации засвидетельствовали, что наши лидеры пренебрегают правом в угоду политической целесообразности. Это свидетельствует о довольно далеких от желаемых представлениях президента и других вождей о верховенстве права. Вызывает беспокойство и стиль работы секретариата, превращающегося в альтернативный центр исполнительной власти и уже этим напоминающий бывшую администрацию президента Кучмы. Заметим, что все эти явления — последствия неудачной конституционной реформы. А куда лучше было бы, если бы

президент был главой исполнительной власти и лично возглавлял правительство.

Надеюсь все-таки, что общий вектор демократических преобразований будет сохраняться, и порукой этого вижу окрепшее гражданское общество и личные качества президента Ющенко.

В. Кипиани. Мне кажется, что главным результатом Майдана и революции стало осознание, что, когда придет время, мы найдем в себе силы выйти на эту площадь еще не один раз. Даже если нам придется писать на плакатах рядом такие имена, как Ющенко или Тимошенко, и лозунг «Геть!»[5].

М. Маринович. [...] В нашей части мира идет медленный, но уверенный подъем цивилизаторской роли Киева. Этот процесс сложный, он испытает еще не одно отступление, но глобальная тенденция уже очевидна. [...] Наступает время не антитезиса, который гордо празднует свою победу, а синтеза, который примиряет всех. Поэтому перед нами встает задача вернуться в Европу, не порывая с Россией; выйти из монополии Москвы, не строя антагонистического Четвертого Рима. Это задача по своей сути очень европейская и цивилизационно перспективная. Дай только бог, чтобы и народ, и его лидеры были достойны этой высокой задачи.

Т. Возняк. Обычно после революции наступает активная или ползучая контрреволюция. В конце концов, это нормальный процесс самосбалансирования общества. Некоторые изменения в обществе необратимы. Вместе с тем «термидор» приходит не сразу. Еще есть время, и можно сделать многое. Однако нужно работать, а не заниматься бесконечными инаугурациями и самолюбованием.

Д. Стус. Чиновник закономерно побеждает «революционера». Хотя факт нескольмиллионного Майдана явится тем предохранителем, который будет сдерживать новую власть от полнейшего скатывания к старому, точнее сказать, заставит хоть чуть-чуть очистить чиновничью среду и будет предотвращать повторение особо крупных злоупотреблений.

Надеюсь, что общество все же сможет создать хотя бы плоховатое и хиленькое, но гражданское общество, а оппозиционное давление будет заставлять власть хоть учитывать в своих действиях интересы народа, которым она управляет. [...]

Искренне желаю успеха новой команде, очень хочу верить, что многим вновь назначенным министрам и губернаторам хватит сил и мудрости найти себя в новой роли и они смогут победить клановость, неизбежно возникающую в среде «команды», которая слишком долго пребывала в оппозиции и боролась за власть.

---

[5] Долой! (*ред.*)

* * *

Александр Пасхавер[6]. Оранжевая революция — важный этап исторического взросления Украины. Это скачок развития, имеющий гигантский потенциал в деле формирования политической нации, капиталистической экономики и либеральной демократии.

Но пока мы видим только потенциал. Не месяцы, а лишь годы дадут представление о том, как Украина реализует этот потенциал: спокойно, системно, целенаправленно или кроваво и противоречиво. Риски превратить победу в поражение, как это неоднократно бывало в украинской истории, очень велики. Прежде всего по причине фактического отсутствия естественно выросшей, а не назначенной обстоятельствами элиты как слоя граждан, подготовленных и воспитанных в соответствующих традициях и обладающих чувством миссии.

Основной движущей силой оранжевой революции был многомиллионный слой самозанятых граждан, выросший и финансово укрепившийся за последние пять лет. Контролируемая «олигархами» государственная машина, коррупционная и застойная, мешала им расти. Этой новой буржуазии, верхнему слою зарождающегося среднего класса, нужен был закон и свобода деятельности. Их интересы совпали с европейски ориентированными ценностями населения запада и частично центра Украины, с протестными настроениями молодежи. Протестные настроения усиливались страхом перед криминализацией старой власти.

Главным риском текущего момента в поведении новой власти является возможность переноса методов революционной оппозиции в технологии государственного управления и реформирования. Целесообразность взамен законности, натиск вместо системности — прямой путь к неудачам.

Вместо послесловия

Я не стану комментатором опубликованных текстов. Я лишь остановлюсь на некоторых мыслях, которые либо не прозвучали, либо прозвучали тихо и нуждаются в развитии в первую очередь. Я добавлю несколько штрихов к картине событий, предшествовавших революции:

— напомню о стратегии команды Кучмы—Януковича на президентских выборах;

— попробую дополнить мнения коллег, оценивая значения и перспективы оранжевой революции.

1

Мне кажется, что мои коллеги недостаточно убедительно (возможно, в этом виноват я, не поставив соответствующий вопрос) рассказали о цинизме и жестокости властей, сражавшихся за сохранение своих позиций. Это

[6] А. Пасхавер ответил на все вопросы одним текстом.

был чудовищный набор лжи, насилия, попрания элементарных норм морали и права. Я напомню только о некоторых из них:

— невиданная травля бизнесменов, замеченных в сочувствии к оппозиции: тысячи предпринимателей были запуганы и разорены; их заставили эмигрировать, организовывая киллерские налоговые проверки, фабрикуя уголовные процессы, используя криминальные группировки, если не помогали другие технологии;

— почти тотальное уничтожение независимых масс-медиа — в первую очередь телевидения, тиражных газет; ведение беспрецедентной масс-медийной кампании «За Януковича». Перед первым туром выборов Янукович появился на каналах TV в 227 раз больше, чем Ющенко; технология «темников»-указаний, как освещать какие события на каналах TV, превратилась в оруэлловское «министерство правды»: в иные дни число таких «темников» достигало десяти!

— власть отрабатывала на местах (Мукачево) сценарии фальсификации выборов с использованием специально обученных криминальных групп: поджигали урны для голосования, воровали мешки с бюллетенями, избивали независимых наблюдателей и представителей прессы, формировали протоколы избиркомов, покупая или подделывая подписи членов комиссии;

— заставляли госслужащих агитировать «за Януковича» в школах, больницах и тюрьмах, а затем и фальсифицировать результаты волеизъявления граждан, если они не устраивали заказчиков;

— команда Кучмы—Януковича формировала железнодорожные составы и автобусы, в которых десятки тысяч людей ездили по Украине и на специальных участках вбрасывали в урны сотни тысяч бюллетеней «за Януковича» по фальшивым открепительным талонам. Только в Николаеве в 1-м туре выборов 30 процентов избирателей голосовали по открепительным талонам;

— беспрецедентны были технологии подсчета голосов на выборах: итоги голосований передавали на транзитный сервер команды «кандидата от власти», а затем, порциями, в вычислительный центр Центральной избирательной комиссии;

— акции насилия организовывали государственные структуры (МВД, в первую очередь), стараясь деморализовать оппозицию. Таких примеров сотни. Власть была уверена, что она может все. [...]

Альтернативой действиям властей было поведение оппозиции, поведение народа. Как оказалось, ресурсы человеческой солидарности отнюдь не меньше, чем ресурсы власти, накопленные путем обворовывания своего народа. Вот некоторые примеры:

— около 35 тысяч квартир киевляне официально предоставили в дни революции для гостей со всей Украины. Здесь им давали ночлег, одевали, принимали как родных и близких. По нашим оценкам, таких квартир было гораздо больше: знакомых, друзей, коллег по работе и учебе принимали на поселение не через штабы, без формального учета;

— вначале спонтанные приношения на Майдан одежды, обуви, еды, лекарств быстро переросли в более организованные. По 5-му телеканалу, в

интернете объявляли, что нужно сегодня. И тысячи тюбиков зубной пасты, или десятки тысяч носков (и новых и заштопанных), или теплые пальто, куртки, валенки несли на Майдан школьники, пенсионеры, бизнесмены;

— если на киевских рынках покупали картошку или капусту для Майдана, то цены падали сразу вдвое [...];

— в штабе Ющенко я сфотографировал два объявления: «Католическая церковь Св. Александра (ул. Костельная, 17) открыта 24 часа в сутки. Вы можете зайти, помыться, погреться, попить горячего чая, получить теплую одежду». И рядом: «Все желающие приглашаются в синагогу на улице Шота Руставели (м. «Дворец спорта»), предоставляется еда и тепло». А Православная и Евангелическая церкви поставили свои «брезентовые храмы» на Крещатике... Напомню, власть боролась с народом в Киеве, где 75 процентов граждан голосовали «за Ющенко», а еще 11 процентов голосовали «за Януковича» по «открепительным талонам» [...]

Думаю, что читатель услышал голоса Майдана. Тем более, я не сомневаюсь, что это лишь дополнения к услышанному в те дни.

2

Теперь попробую подвести некоторые итоги.

Украинская революция удивительно светло прозвучала в мире начала XXI века. Такого сочувствия и приветствия от демократических стран, лидеров, интеллектуалов, просто граждан давно уже не было. Причиной тому — растерянность человечества перед угрозами терроризма, национальной и религиозной нетерпимости, другими вызовами современности. И бесконечные и безответные вопросы, себе и другим: неужели лишь бомбовые удары — это единственное оружие, способное сохранить этот мир? Неужели насилие можно победить еще большим насилием?

[...] **Оранжевая революция, светлая и бескровная, возвратила надежду не только украинцам, не только гражданам постсоветского мира, ощущающим реинкарнацию советскости на своей земле. И европейцы, и граждане других континентов увидели, что человечность и правда могут — хотя бы иногда — восторжествовать и без насилия, без крови.** [...]

Воспоминания об оранжевой революции для ее участников останутся важным жизненным опытом. Одним из немногих в человеческой жизни, когда и *«мы делали историю» и наш голос был услышан.* Революция превратится в национальный миф, и это, надеюсь, поможет людям сохранить человечность, поможет воспитывать следующие поколения не только на истории кровавых бунтов, но и на примере мирного и бескровного «непротивления злу насилием».

Но очень скоро мы осознаем, *что революция никаких проблем не решает, в лучшем случае создает лишь чуть более благоприятные условия для новых попыток.* А проблем тьмы и тьмы.

Новая власть и новое общество приступают к их решению. Уже видны первые успехи и первые ошибки. Но лжи стало меньше. Веры в честность вла-

сти больше. Самые бедные — пенсионеры и обездоленные — получили оплаты, позволяющие лучше питаться и покупать хотя бы часть лекарств. Трудно поверить, но таможенные пошлины идут в бюджет, а не в карманы чиновников. Закончились «темники», и масс-медиа стали куда более объективными

Есть, конечно, и другие сигналы. Очень скоро стало понятно, что успешность организаторов народного сопротивления коррумпированной власти вовсе не гарантирует им умения решать сложные проблемы общества и государства. Но страница прошлого перевернута. Начались преобразования, которые оставляют надежду. Надеюсь, реалистическую, а не утопическую. Мы не скоро будем получать европейские зарплаты (думаю, такой шанс есть только у наших внуков), мы не скоро будем лечиться в хороших клиниках, мы не скоро перевоспитаем наших чиновников, наконец, мы не скоро изменимся сами.

Мы это понимаем. Но мы сравниваем себя не столько с другими народами, сколько с тем, как мы жили вчера. Поэтому мы мечтаем о лучшей жизни, о законности в стране, о свободе. Думаю, что наши шансы на лучшую жизнь увеличились. Но лишь при одном условии — мы будем строить этот мир каждодневно, опираясь на гуманистические ценности человечества.

[...] Ну а революция? Она останется мигом свободы, даровавшим радость победы над злом в те удивительные морозные дни в Киеве. Революция останется феноменом «*потрясающих людей в потрясающее время*» (Т. Коробова, журналист). Сотни и тысячи людей могли бы повторить за Владимиром Войтенко (редактор журнала «Kino-Коло»): «*Я впервые на Майдане ощутил себя свободным гражданином и по сей день ощущаю эту свободу, которая позволяет мне рассчитывать на собственные убеждения и силы в жизни*».

По-моему, оранжевая революция — не только украинский феномен, но и надежда для демократических сил всего постсоветского мира. Успешность украинских преобразований способна дать веру людям, отчаявшимся бороться за правовое государство, за права человека, за честные выборы, за свободу слова. Альтернатива удивительно проста: или фальсификация выборов и подавление оппозиции, или свободные выборы; или телевидение и пресса, работающие по «темникам», или журналисты, работающие профессионально, по совести; или олигархические кланы, управляющие страной, или общество, контролирующее развитие страны с учетом интересов всех слоев общества... Этот список легко продолжить. В конечном счете, это выбор между европейским и евразийским стилем жизни. Выдержат ли новая украинская власть и украинское общество выпавшую на их долю ответственность, покажет время. Думаю, что очень многие осознают, что от этого будут зависеть не только вектор развития Украины, но и надежды многих людей и в России, и в Казахстане, и в Беларуси... Таймер включен. Будем только помнить, что все мы не только наблюдатели событий, но и участники, субъекты истории и современности. Киевский Майдан это убедительно доказал.

2005, № 4 (126)

IV. БЕЛАРУСЬ

1. ДАРЬЯ КОСТЕНКО
Мартовские дневники

От редакции

Живую реакцию в интернете вызвал дневник минской журналистки Дарьи Костенко, впервые опубликованный в Livejournal.com (http://bullochka.livejournal.com/186406.html). Автор — непосредственная свидетельница и активная участница событий на Октябрьской площади в Минске в конце марта 2006 года, в дни президентских выборов в Белоруссии. Событий, которые иногда называют Белорусским Майданом. [...] Мы связались с Дарьей Костенко и получили от нее авторскую версию текста.

От автора

[...] Эта книга изначально вообще не задумывалась как нечто публичное. Это были дневники, которые написались потому, что не писать уже было невозможно. Здесь много эмоций, много личного и, может даже, лишнего. Возможно, здесь мало объективности. Но я не хочу ничего править: пусть дневники останутся подлинным снимком эпохи, мгновенным снимком, схватившим наши мысли и чувства. Только в этом качестве они представляют собой ценность.

[...] Эта книга не о ненависти, а о любви. Она посвящается всем, кого объединил Март-2006. И еще в отдельности одному человеку, чье имя стало молитвой, которая помогла мне выстоять.

Я люблю вас всех! Мы вместе. И мы обязательно победим!

3 марта 2006 года

Возможно, когда-нибудь нас будут убеждать, что все было не так... Поэтому буду записывать все, что увижу и услышу. В эпоху информационных войн еще больше, чем тысячу лет назад, нужны анонимные летописцы.

Я — маленький человек. Не боец, не агитатор, не горлан, не главарь. Мне очень страшно. Но я буду делать то, что считаю своим долгом. [...]

Вчера я второй раз в жизни ходила на политический митинг. [...] Еще 28 февраля я увидела на подъезде листовку: «Милинкевич приглашает на

площадь Свободы»: и решила сходить. 2 марта спокойно работала в офисе, особо не волновалась, — ну встреча и встреча. После обеда позвонил Пашка и очень странным голосом (никогда у него такого не слышала) сказал, что второй кандидат от оппозиции, Александр Козулин, пытался пройти оцепление, чтобы выступить на так называемом 3-м Всебелорусском народном сходе. Кандидата в президенты, уже немолодого интеллигента, бывшего ректора вуза, за попытку обратиться к людям избили трое спецназовцев. [...]

Вот тут-то у меня и щелкнул спусковой крючок страха. Первой мыслью было: если так поступили с известным человеком, кандидатом в президенты, значит, чувствуют, что им можно абсолютно всё. Значит, так запросто могут и с нами всеми. Избить, поломать ребра, скрутить, расстрелять.

Но страх ничего не меняет в общей расстановке принципов. Он как бы существует отдельно. Естественно, я тут же предложила Пашке идти на встречу вместе. К этому времени я уже знала: Мингорисполком не дал разрешения на эту встречу, она будет, — как это говорится на новомодном жаргоне, — несанкционированным митингом.

[...] Если честно, оставшиеся пару часов трусила я ужасно и представляла много неприятных вещей, типа отбитых почек и проч. Работалось плохо. В голове была какая-то гулкая пустота.

В 18.10 мы были на площади Свободы, у Старой ратуши.

Еще на подходе бросилось в глаза оцепление. Все пространство перед Троицким собором и некоторые боковые улочки были обнесены желтой лентой с надписью «Проход запрещен. Милиция...», и что-то там такое. За лентой стояли милиционеры в форме и люди в штатском. Да, КГБ небось вывело тогда «в поле» добрую половину своего состава в Минске! Эти «добровольные помощники» напугали меня куда больше, чем люди в форме. С теми, по крайней мере, все ясно. Работа такая у них, и нанимались они совсем не избивать мирных граждан, а бороться с преступниками. Да и лица у них были какие-то... более интеллигентные и вменяемые, что ли.

Совсем другое дело — эти, черные. Почему-то все они были либо в черном, либо в землисто-сером. Плечистые звероватые молодые парни или крепкие молчаливые мужики с невыразительными, будто бы стертыми лицами. Черные пуховики и куртки, черные вязаные шапочки, как у чеченских боевиков или русских бандитов. Абсолютно каменные скулы, глаза пустые, а в лицах что-то... безжалостное и совершенно невменяемое. У меня на такие штуки чутье, недаром выросла в рабочем квартале. Так вот, *таких* я бы обошла у себя в квартале десятой дорогой от греха подальше. Знакомый типаж.

Нас разделяли только хлипкие ленточки. Они стояли молча, неподвижно и рассматривали всех, кто шел на площадь Свободы.

На площади уже собралось тысячи три народу, не считая тех, кто пытался пройти из боковых улиц или остался за оцеплением. Покричали «Жыве Беларусь» и «Милинкевич». Потом кто-то сказал, что надо идти че-

рез мост на проспект Машерова, и вся эта толпа потекла. Шли очень медленно и организованно. [...] Я смогла как следует разглядеть тех, кто шагал со мной плечо к плечу. Лица в основном интеллигентные. Много людей возрастом явно за тридцать, даже пожилых. Ложь, что в таких митингах участвует в основном молодежь. Я своими глазами видела маленькую бабушку с палочкой, которая бодро шагала вместе с толпой. Ее пытались уговорить отойти в сторону: «Бабушка, что вы здесь делаете?» — спрашивал чуть ли не каждый второй. Она только улыбалась и тихо говорила: «Я с вами, сыночки».

Оружия или хотя бы палок я не видела ни у кого. Только у одного бородатого дядьки была телескопическая удочка, которую он раздвинул и привесил к ней джинсовое полотнище. Были, конечно, среди толпы такие кряжистые мужики в возрасте, которые держались друг друга, осаживали молодых. [...] Однако больше было совсем небоевого народу — молодых девчонок, каких-то совсем мелких пацанов, женщин, длинноволосых и очкастых интеллигентов разного возраста.

На проспекте Машерова, рядом с Домом физкультуры нам перегородила дорогу цепочка омоновцев. Солдаты были в темной форме, в шлемах с закрытыми лицами, со щитами и дубинками. Причем щиты были совсем не закругленные, пластиковые, а металлические, с довольно острыми на вид краями. Долбанет таким в лицо — и как минимум останется заметный шрам.

Сначала в них полетели снежки, потом это быстро прекратилось. Мы стояли рядом с ними, лицо в лицо. Народ начал орать: «По-зор! По-зор!» А потом по-белорусски: «Гань-ба!» А что еще можно было делать? [...] Мы были просто безоружны, беззащитны перед тренированными убийцами, с головы до ног в защите и броне.

[...] Мы стояли и ждали. Кто-то показал мне огромную искусственную розу, плывущую над толпой, и сказал, что где-то там идет Александр Милинкевич. Роза свернула направо, к заднему крыльцу Дома физкультуры, и толпа пошла вслед за ней.

Когда спецназовцы из оцепления поняли, что мы проходим мимо и не кидаемся в драку, они начали колотить дубинками по щитам и орать что-то вроде: «Ну! Идите сюда! Козлы!» Но никто не реагировал.

Милинкевич, окруженный кучкой людей, встал на крыльце. Мы сгрудились вокруг. По рукам передали мегафон. Сначала речь держал Сергей Калякин. Потом Милинкевич. [...] В процессе этих речей мы надували голубые шарики и отпускали летать над толпой, садиться на плечи и головы — и снова подпрыгивать от гулкого удара ладонью.

Какой-то парень бродил в толпе и раздавал джинсовые ленточки. Он повязал нам с Пашкой ленточки чуть выше локтя и попросил меня, чтоб я ему повязала тоже. В этом было что-то от рыцарских времен.

Потом я начала оглядываться, чтобы понять, сколько же нас собралось у метро «Немига». «Вот бы подняться повыше и увидеть, сколько нас», — сказала я. И тут же незнакомый парень сзади подхватил меня и приподнял

над толпой. Количество прикинуть я не смогла. Зато увидела, как из-за Кафедрального собора идеально ровной змейкой, как роботы-тараканы, выбегают омоновцы. Почему-то меня больше всего напугала эта механистичность и бесцельность. Все в одинаковой черной форме, с круглыми головами-шлемами, на идеально одинаковом расстоянии друг от друга. В толпе испуганно вскрикнула какая-то девчонка, пробежал шепот: «Смотрите, сколько их много!».

Вскоре после этого Милинкевич досказал речь и попросил нас разойтись, не вступая в «полемику» с милицией: «Ведь у нас мирное собрание». [...]

4 марта

Интересные порой доходят слухи. Говорят, что Олега Улевича, журналиста «Комсомольской правды», при попытке пройти сквозь оцепление, чтобы сфотографировать пикет в поддержку Козулина, страшно избили люди в штатском. Журналистское удостоверение с аккредитацией не помогло. Ему сломали нос, пробили череп. Олега увезли в больницу и тут же прооперировали.

Услышать такое тем страшней, когда ты хоть чуть-чуть, хоть краем был знаком с человеком. Когда-то, курсе на втором, я заходила в редакцию «Комсомолки в Беларуси». Видела и Олега, хотя он вряд ли меня помнит.

Да, когда-то в моем родном городе на встрече с кандидатом Лукашенко никто и не думал оцеплять площадь и избивать избирателей. Помню, тогда я впервые в жизни сходила на политический митинг. Сопливая восторженная девчонка, я от того Лукашенко, двенадцатилетней давности, просто балдела. И неудивительно. Весь наш маленький провинциальный городок был в поголовном восторге от нового «батьки». [...]

Очень долго после выборов 1994 года я политикой особенно не интересовалась. В целом, меня все устраивало. Пожалуй, о некоторых вещах я стала задумываться на втором курсе, когда вышел у меня конфликт с администраций общежития. Я кинулась искать справедливости, — а нашла только печальное открытие, что у нашей заведующей в студгородке — «волосатая лапа». И значит, ей можно все.

Сей факт сильно поколебал мою веру в правильное устройство государства. Среди последующих ударов по этой вере — «закручивание гаек» на третьем курсе. Очень сильно впечатлило, когда на президентских выборах 2001 года людей поголовно заставляли голосовать досрочно. К студентам в общежитие, в комнаты, — плевать, женские или мужские! — вваливались утром преподаватели во главе с деканом. Открывали дверь ключами ночного коменданта. Подымали с постели в девять утра и гнали на досрочное голосование. А если отказывался, грозили лишить общежития или отчислить. Подобные... гм... акции очень отрезвляюще и поучительно действуют на юные головы. [...]

11 марта

Вчера весь вечер ходила по квартирам, раздавала листовки про Милинкевича. [...] Довольно значительная группа людей, — в основном женщины глубоко пенсионного возраста, — на предлагаемую листовку реагируют сильным эмоциональным отторжением.

— Не буду я за него голосовать, потому что я про него ничего не знаю!

Когда им говоришь что-то вроде: ну вот, возьмите, почитаете, может, что-нибудь новое узнаете, — они часто срываются в крик:

— Не хочу я ничего знать, не надо мне ничего рассказывать!!!

В подобных дискуссиях точку обычно ставит дверь, захлопнутая перед носом.

[...] Какой-то порочный круг в рассуждениях, добровольная самоизоляция от разума и логики, неистовая зашоренность и готовность кулаками защищать свои шоры. Такое чувство, как будто говоришь с человеком, страдающим навязчивой идеей. Похожее впечатление на меня оказывали ревностные проповедники-баптисты. Только они, в отличие от подобных людей, не агрессивны. И в их глазах нет страха.

Вообще страх — это главное, к чему апеллирует теперешняя власть в своей пропаганде. [...] Наиболее беззастенчиво она пользуется страхами пожилых людей, — почему они и составляют основную часть электората Лукашенко. [...] За Лукашенко — значит, за стабильность и процветание — таков, в общем виде, главный тезис его избирательной кампании. Неявная, имплицитная часть этого тезиса звучит примерно так: «А кто против — тот, значит, против Беларуси, стабильности, процветания».

Бредовость этой скрытой части тезиса становится явной при ее развертывании: ведь понятно, что никто в здравом уме не будет желать своей стране хаоса, разрухи и нищеты. Но... имплицитная информация воспринимается на уровне подсознания и, следовательно, минует критический барьер разума.

[...] Наверное, гениальнее и проще всего такой процесс описал Оруэлл...

13 марта

Так вот об Оруэлле. [За недостатком места опускаем обширную цитату из «Скотного двора», оставляя здесь лишь практически неотличимые от нее выдержки из официальных белорусских источников. — *Ред.*] «*И вот все это — спокойную жизнь сегодня и ясную перспективу на завтра — у нас хотят отнять. Нет, не войной, как это было в 1941 году, а через избирательную урну* [...] *Если действительно поверить златоустам, еженедельно отъезжающим за инструктажем то в Вильнюс, то в Варшаву, мы получим уникальное правительство!*

[...]*Уже сегодня под различными вывесками международных семинаров, конференций идет подготовка, обучение и тренировка так называемых цветных революционеров из числа радикальной оппозиции*».

[...] «*КГБ расценивает это как прямую угрозу безопасности страны и будет самым жестким образом пресекать все попытки дестабилизации общества, от кого бы это ни исходило*», — заявил глава КГБ.

Это заявление было для меня тревожным звонком. Ясно стало, что государство готовит плацдарм и моральное обоснование (оправдание?) для ужесточения законов и будущих силовых акций. [...]

Помню, как классе в 10 — 11-м я читала — все одним залпом — «Архипелаг ГУЛаг», «Дети Арбата» Рыбакова, колымские рассказы Шаламова. Закрывая на минутку эти книги, я выныривала из бездны ужаса и жалости вся в холодном поту, переводила дух и думала с невольным облегчением: как здорово, что это уже кончилось, это — история, она за закрытой дверью, мы никогда, никогда туда не вернемся! Слышите?! Ведь это же невозможно — после такой бьющей наотмашь правды, после таких книг — вернуться туда невозможно...

Можно. Все можно. Давать три года за «*распространение заведомо ложной информации об экономическом, внутриполитическом и проч. положении Беларуси*» — можно. И то же — за оскорбление президента. И за участие в политических партиях, чья деятельность признана не соответствующей данному закону. И еще много за что. Купите поправки к Уголовному кодексу РБ! (Приняты парламентом единогласно.) Снимать фильмы, где в один ряд ставят Христа, Сталина и Лукашенко — можно!!! (Снял же Юрий Азаренок.)

Я не хочу обратно в ГУЛаг.

14 марта

Из разговоров на кухне, на улице и в аудиториях.

— Говорят, разгонять будут водой из брандспойтов. Оцепят Октябрьскую площадь и прилегающие улицы, будут лупить дубинками тех, кто попытается пройти.

— Надо будет прорываться организованно, группами.

— Ч-черт, холодно же мокрому, особенно если будет мороз. Долго не выдержишь.

— Ну, брандспойты — это лучше, чем автоматы...

— Купить бы в секонд-хэнде удобные ботинки, а то на моих каблуках далеко не убежишь...

— Говорят, при задержании могут в сумку подкинуть наркотики. Надо зашить наглухо все сумки и карманы. Чтобы не отбили почки, надо надевать на спину рюкзачок, от плеч до поясницы. И положить туда пару книжек.

— Лучше — лист фанеры. [...]

Этим мы сейчас живем.

Вот, узнала новости. Двоих моих приятелей по интеллектуальному клубу загребли за участие в митинге в поддержку Козулина и во встрече с Милинкевичем. Вчера был суд. Дали им по 7 и 12 суток (тупо удивляюсь, почему такая разница). Кто-то вылез на знакомый сайт и написал, что сидят они

в спецприемнике-распределителе на улице Окрестина. Что там таких «политических преступников» после суда полно. Что в камере очень сыро, что лампочка горит круглые сутки. Что заключенных практически не кормят. Просили помощи — в виде передач, еды, сигарет, теплой одежды.

[...] Еще новости. Студент Академии искусств рассказал мне, как сегодня их курс пытался заставить досрочно проголосовать художественный руководитель. Мастер, известный человек, которого они, когда были еще зеленые, просто-напросто боготворили. Когда в раздевалке он сказал им, что нужно обязательно проголосовать досрочно, студенты стали возмущаться. Кто-то выкрикнул: «Да как же вы можете?! Вы же все, все понимаете». Одна девчонка не выдержала и заплакала. А руководитель стоял перед ними, смешавшись, бормотал что-то про то, что его лишат премии и зарплаты, уволят и далее в этом роде.

15 марта

[...] Написала заявление на отпуск с 20 по 25 марта. Если вышибут с работы, так хоть не весь отпуск пропадет.

В сущности, мне всегда хотелось быть представителем «среднего класса». Много работать, заниматься интересным делом и получать за это хорошую зарплату. Построить себе дом за городом, купить машину, завести собачку чау-чау с толстой мордашкой и фиолетовым языком. И еще сад с яблоками. И чтоб в доме всегда был компьютер с выходом в Интернет и частенько бывали гости.

Ну ладно. По-видимому, буржуа из меня не выйдет.

Жаль.

16 марта

Вчера поздно вечером пришел Сашка, тот самый студент Академии искусств. Белый, руки дрожат, взгляд перед собой в одну точку.

В его группе все не-минские ребята, прописанные в общежитии, поругались-поскандалили — да и проголосовали досрочно. Уступили, так сказать, просьбам своего мэтра. Остался один Сашка.

15 марта с утра раздался звонок из ректората: «Почему у вас на третьем курсе в группе “Актерское мастерство” один студент не проголосовал досрочно? Примите меры!».

Меры приняли декан и Сашин мастер, г-н Мищенчук. Человек, которого Сашка до этого времени боготворил, про которого он рассказывал нам больше, чем про всю остальную академию, вместе взятую. Перед всей группой Мищенчук заявил Саше, что тот его «предал, как сын — отца». Что он, г-н Мищенчук, теперь не хочет иметь с Сашей ничего общего. В общем, было сказано много пафосных слов, среди которых первое место занимало «предательство», и все — с трагичным выражением лица. Группа молчала,

и это было что-то вроде пушкинского «народ безмолвствует». Саша тоже молчал. Потому что тот, кто предает своих учеников и манипулирует ими, пользуясь их любовью, — это уже не Учитель. [...]

Теперь Саше грозит исключение из академии.

[...] Передачу «политическим» на Окрестина отправить невозможно. Сегодня утром туда поехал мой друг Олег. Ему было сказано дословно следующее: «Разрешили вам передачи, так вы уже совсем обнаглели».

«Наглость» заключалась в том, что Олег в то утро был уже не первым, кто пытался передать «политическим» передачу. Дежурный милиционер сослался на какой-то приказ по МВД № 206 от 1999 года. Дескать, там написано, что в день можно передавать не больше одной передачи.

Надо попробовать скоординировать людей, собирать одну передачу в день, но — огроменную. [...]

18 марта

Сегодня встречалась со знакомыми студентами. Многие из них послезавтра идут на площадь, а завтра — на концерт в поддержку оппозиции. Прощаясь, мы говорили друг другу: «Увидимся... *там*...» — и просили беречь себя. [...]

19 марта

[...] Сидела на участке, наблюдала весь день. Вчера в списках избирателей по моему участку было 1925 человек. Сегодня утром — стало уже 2122. Сегодня вечером, перед подсчетом голосов, их было 2251. Как мог участок «вырасти» на 225 человек?

Комиссия мне попалась корректная, не буду врать, пустили наблюдать за подсчетом. Зрение у меня хорошее, поэтому я видела, как раскладывали бюллетени двое считающих на ближнем крае стола. Два раза «ловила за руку» человека, который клал бюллетень за Козулина в пачку бюллетеней за Лукашенко. Однако что делали те шестеро из восьми счетчиков, руки которых я не могла видеть вблизи, мне неизвестно. Подойти ближе к столу нельзя — тут же выставят с участка за «препятствование работе комиссии».

Результаты по досрочному голосованию и по голосованию в день выборов очень сильно разнятся. Цифры помню почти все, ибо не раз перечитала протокол (кстати, подписанный — редкий факт! — председателем комиссии).

По голосованию в день выборов Милинкевич получил 350 голосов, Лукашенко —540, Козулин — 73; 107 бюллетеней было «против всех»; 22 испорченных

А теперь сопоставьте с результатами досрочного голосования:

Милинкевич — 25 голосов, Лукашенко — 355, Козулин — 26. «Против всех» — 3 бюллетеня. Испорченных нет вообще.

Не верю, что результаты на одном участке могут так разниться. Тем более досрочно голосовали не одни старики-лукашисты. Наибольший процент досрочного голосования дало общежитие — после истории с Сашей понятно, почему.

И даже с учетом урны для досрочного голосования — не те получаются результаты, которые уже сейчас предварительно дают власти. Далеко не те. И у Лукашенко — не 82 процента. И у Милинкевича — не 6 процентов.

19 марта после наблюдения мы попали на митинг на Октябрьской площади к самому шапочному разбору, в пол-одиннадцатого, когда люди начали расходиться. [...] Народ был запуган задолго до 19-го. Запуган заявлениями спецслужб об очередных «накрытых» базах для обучения боевиков. Запуган идиотскими слухами о грузинских террористах, якобы намеревающихся взорвать четыре школы в Минске (и, кстати, еще отравить воду в водопроводе). Одного моего знакомого мать просто заперла в квартире на ключ и не пустила на митинг.

В общем, когда я пришла на площадь, было там максимум тысяч десять народу. Постояли-постояли, потом прошли до площади Победы и оттуда разошлись по домам.

Но завтра я пойду снова. Почему? Все очень просто. Я не люблю, когда обижают слабейшего. Я не люблю, когда страх закрывает людям рты. Меня с детства учили, что лгать — нехорошо. Что со злом нужно бороться, и нельзя перекладывать эту борьбу на кого-то другого.

20–21 марта. Майдан

Я пишу эти строки 22 марта в 0.48. За последние сутки я спала всего два часа. Полтора часа назад меня отпустили из отделения милиции. Я до сих пор не знаю, где мой брат, который нес людям, стоящим на площади, еду.

Возможно, они и сейчас еще стоят там, на Октябрьской площади, кольцом сцепившись, намертво взявшись за руки вокруг маленького палаточного городка, чтобы защитить его своими телами. На Минск падает десятиградусный мороз. Подкрепление не придет, никто не прорвется через кордоны милиции и гэбэшников в штатском, блокирующих все входы и выходы на площадь. Никто не сможет пронести им горячий чай или спальный мешок. В этом я пару часов назад убедилась на собственном опыте.

[...] За эти два дня я как будто повзрослела лет на десять. Эти дни вместили очень многое и, возможно, изменили мою жизнь больше, чем я могу сейчас подумать.

[...]

Небо было синее, такое синее, какого цвета я никогда не видела. Когда буду умирать, я постараюсь вспомнить это удивительно синее небо над Октябрьской площадью в Минске. [...] Когда там 20 марта собралось десять тысяч человек, оно было прозрачно-синее, в нем рождались первые искры звезд. Александр Милинкевич, стоя на ступенях Дворца профсоюзов, кри-

чал в микрофон о том, что выборы были незаконные, что на избирателей оказывали давление, что происходили массовые фальсификации. Потом включили музыку, и над огромной площадью поплыл, печальный и строгий, Полонез Огинского. Мы подпевали тихо, торжественно, как будто это был гимн:

Зноў пакліча нас з табой на мужны бой мая краіна...

После песни что-то еще говорили там, на ступенях. Но главные события произошли не там, а в самой гуще народа. Когда люди внезапно раздались, освобождая место, и на асфальт упали первые палатки. Среди них была и моя. Их начинали ставить пять человек. Я не успела туда подойти — из толпы вдруг выскочили крепкие ребята с толстыми невыразительными лицами, в черных шапочках. Они остервенело топтали палатки ногами, ломали дуги, хватали и уносили спальники и палатки, пытались ударить раскладывающих. Действовали очень слаженно и четко.

[...] К счастью, это была лишь первая партия. Потом люди просто встали вокруг нас стеной, крепко сцепились за локти, друг за друга и никого не пускали внутрь. Тех, кто пытал прорваться, оттесняли плечами. [...]

И вот, за этой живой стеной мы разбили свои палатки. Четко помню момент, когда я стояла в оцеплении, колебалась, идти ли внутрь, и меня позвала Светка, моя подруга, которая уже работала там.

Никаких особенных эмоций я тогда не испытала. Просто шагнула в середину и взялась за дугу, помогая ставить палатку. Потрясение пришло позже. Сначала я прятала лицо под капюшоном, потому что множество видео- и фотокамер целились нам прямо в глаза. Потом решила: чего уж тут останавливаться. И сняла капюшон.

Мы поставили палатки, расстелили коврики и сели на них. Вот тогда меня начало трясти. Пришло осознание того, что мы сделали. И того, что вся моя предыдущая жизнь, очень возможно, в этот самый момент уходит песком сквозь пальцы. Вся! И интеллектуальные игры, и детский клуб, который был моей радостью столько лет. И обеспеченное существование, и работа в научном журнале, и друзья, и книги, и родители. И любимый Минск. И, возможно, Беларусь...

Я старалась прятать слезы под капюшоном, чтоб не видели журналисты. Некрасивое это зрелище, когда человека трясет от рыданий.

Потом успокоилась: что сделано, то сделано. Назад дороги нет. В самом деле, стоило ли читать в детстве такие хорошие книги и слушать такие хорошие песни, чтобы потом в жизни оказаться «ни при чем»?

Оставалось сделать только одно, и я это сделала. Позвонила человеку, которого я люблю уже два года, и сказала ему об этом. Давно хотела, но не могла решиться. А сейчас уже бояться нечего.

[...] Сначала вокруг нас было очень много народу, стояло плотное кольцо. На крыльце Дворца профсоюзов играла музыка, журналисты подходили брать у нас интервью. После 23.00 музыку выключили, потому что закон за-

прещает громкую музыку ночью. Мы стремимся соответствовать закону во всем, даже в мелочах. Потому что знаем: любую мелочь могут обратить против нас. А если не найдут мелочь, — придумают.

После двенадцати люди стали расходиться, потому что вскоре прекращало работать метро. Нас оставалось все меньше и меньше, но оцепление стояло замечательно, просто-таки насмерть.

Ночью стали приходить люди с термосами горячего чая. Это были, как правило, пожилые женщины и мужчины из ближайших домов. Пройти к нам с самого начала было непросто. Чтобы не дать народу нас поддержать, милиция задерживала на подступах любого, у кого обнаруживала термос, еду или спальник. Но как-то они умудрялись. Помню двух пожилых женщин, которые притащили три термоса с горячей водой. Они целовали нас и сказали, что будут молиться за нас. Под утро пришел совсем старый дедок с мятым целлофановым пакетиком. В пакете оказались вареная колбаса и хлеб. Дедушка сказал: «Простите, что так мало: это все, что было в холодильнике».

Если бы не эти люди, нам было бы тяжелей. Сейчас милиция перехватывает их и дает за термос чая или спальник десять суток. По вчерашним данным в интернете, задержано уже более 100 человек.

Чем мы занимались в центре круга? Ходили, общались друг с другом. Сидели кружком, пели песни. Одной их первых мы спели «Прекрасное далеко». Она тоже была как будто про нас.

У меня сорвалось горло на словах:

Слышу голос, голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?

Эту песню в окружении людей, закрывающих нас своими телами, я тоже постараюсь запомнить на всю жизнь. Этот вечер был, пожалуй, самое лучшее и важное в моей жизни.

Мой рассказ будет во многом опровержением всей лжи, которую обрушивают на нас белорусские и некоторые русские СМИ. Итак, ложь, что наша акция — антироссийская, что мы ненавидим Россию. Среди нас были россияне из Москвы, с русским триколором. [...] Наш протест — против лжи и диктатуры, против фальсификации выборов и исчезновения людей, избиения журналистов. Против страха и террора. Против Советского Союза, который хватает нас за ноги из своей, казалось бы, глубокой могилы.

[...] А еще с нами было несколько украинцев, которые сумели-таки просочиться через границу с флагом. Был грузинский флаг, но грузин я вроде не видела. Было много бело-красно-белых флагов и несколько флагов Евросоюза.

Вместе с нами палатки ставили два молодых эстонских журналиста.

Кстати, неправда, что это все было спланировано заранее. Я расскажу вам, как возникла идея ставить палатки и как возникла первоначальная горстка людей. Терять уже нечего: наши морды засняли все ведущие теле-

каналы Европы и гэбэшные камеры, наверное, тоже. Потом из меня могут выбить показания, что все было по-другому, но здесь я, надеюсь, успею рассказать правду.

Я снимаю квартиру вместе с Сашей и Таней. С Таней мы жили вместе еще в общежитии журфака БГУ. Иногда к нам приезжает из Сморгони Света, наша подруга по той же общаге.

18 марта на концерте в поддержку Милинкевича Таня и Саша познакомились с двумя журналистами из Эстонии, К. и С. Как нам рассказал К., на границе их три часа допрашивал человек из КГБ. У К. забрали ноутбук. На вопросы о целях приезда они заявили, что едут в Киев, и в Беларуси будут только проездом. Поэтому они опасались селиться официально, в гостиницу.

Танька с Сашей привели их к нам. Мы разговаривали до поздней ночи, утром я уехала наблюдать, потом на площадь и домой так и не вернулась. Осталась ночевать у Паши.

По тем цифрам, которые начал давать Центризбирком уже вечером, становилось ясно, что нас обманули. 19-го вечером к нам приехала Света.

Идея палаток пришла в голову практически всем одновременно. Самое забавное, что появилась такая идея не только у них. Мы с Пашкой в ту ночь тоже обсуждали такую возможность, но дальше обсуждения у нас дело не пошло. А у Светки с Таней — пошло. Они позвонили знакомым ребятам. Оказалось, что такие мысли были у многих. Им осталось просто договориться, во сколько они придут на площадь и как протаскивать туда снаряжение.

Эстонцы сначала удивились, потом сказали: «Думайте сами, это ведь ваша страна. Мы, конечно, вам поможем ставить палатки, но нам-то проще. В крайнем случае депортируют — и все. А у вас будут огромные проблемы».

Светка с Таней согласились на проблемы. Так их стало четверо. Утром 20-го они позвонили нам с Пашкой, чтобы спросить у меня разрешения взять мою палаточку, спальник и рюкзак. Я, естественно, разрешила. Мы с Пашей решили, что тоже как-нибудь поучаствуем, — тогда это казалось не столь серьезным делом.

Так нас стало шестеро. Не считая еще незнакомых мне ребят.

Кстати сказать, средний возраст людей на Октябрьской будет где-то мой. Года 24. Есть и люди постарше, в основном крепкие мужики в оцеплении. Парней больше, чем девчонок.

Итак, продолжаю свой рассказ. В центре лагеря, среди палаток, мы положили туристические коврики. На их середину мы сначала складывали еду и теплые вещи, потом их стало много, и мы выделили для складов две палатки. Когда я разносила по рядам горячий чай, кто-то подарил мне два букета цветов — ирисов и еще каких-то. Мы поставили их в банку. Рядом кто-то принес и поставил икону. Мы зажгли возле нее две толстые свечи. Старались эту середину держать в порядке, убирать оттуда мусор. Все-таки икона... Рядом ставили только термосы с горячим чаем, но они быстро опустошались. Мы в середине сидели мало: как только приносили горячий чай или кофе, мы разливали их в стаканчики и раздавали нашему оцеплению.

Кстати, одна из самых мерзких выдумок белорусских СМИ — то, что мы все пьяные и в термосах нам приносят пиво. Оно и выдумано коряво: ну какой дурак на морозе в три часа ночи будет пить пиво, а не горячую воду?

Впрочем, такие выдумки мы предвидели. Поэтому в палаточном городке и вокруг был полнейший сухой закон. Все прекрасно понимали: упаси Господь хоть каплю спиртного — тут же заснимут и ославят алкоголиками. [...] Часа в четыре утра неизвестный парень принес нам две бутылки водки. Мы хотели его отправить с ними обратно, а потом подумали: а вдруг он на самом деле не провокатор и попадется ментам? Мы эти злосчастные бутылки обмотали, чем могли, засунули в сумку, спрятали в палатку и завалили вещами.

Всю ночь с нами были Александр Милинкевич с женой. Они спускались со ступеней крыльца Дворца профсоюзов, приходили к нашим палаткам. Один раз им удалось протащить извне термос с горячим чаем. А двух сыновей Милинкевича задержали ночью на проспекте, когда они пытались пронести теплые вещи.

Ночью было очень холодно, особенно оцеплению, которое нас закрывало, в том числе и от ветра. Эти люди... я готова стать перед ними на колени. Они стояли в плотном кольце на морозе всю ночь, а некоторые и больше — по четырнадцать часов и более, никуда не уходя, не двигаясь с места. Ночью к нам привели совсем молодого парнишку, который был легко одет. Он едва мог говорить. Мы поили его горячим чаем, растирали ему руки, на которых не было перчаток.

Как грелись? Пели песни, скандировали лозунги, танцевали под ритм, отбиваемый на кружках. В разных краях оцепления люди время от времени тоже принимались танцевать что-то вроде средневековых круговых танцев, ритмично переступая и притопывая. Кто-то отжимался, кто-то приседал. Несколько людей устроили пробежку вокруг кольца, стараясь быть поближе к стоящим. Они бежали с флагами, впереди был парень с российским, потом кто-то с двумя — белорусским и украинским, потом грузинский. Периодически они радостно вопили: «Моладзь за здаровы лад жыцця!» Я тоже с ними пробежалась. Здорово согревает.

Чуть позже нам пришлось решать еще одну проблему. *Туалет*, как это ни прозаично. Конечно, многие люди из ближайших домов пустили бы нас к себе. Проблема в том, что туда было не пройти. Вокруг оцепления стояли люди в штатском и собровцы. Были заблокированы все входы-выходы на площадь. Я видела собственными глазами, что на прилегающих к площади улицах стоят целые «караваны» — фургончики для заключенных, автобусы с ОМОНом. Только отойди куда-нибудь — и с концами.

Помог один парень, диггер. Практически голыми руками он вскрыл канализационный люк, с краю, ближе к дороге. Над люком поставили палатку, прорезали в ней днище. А по Белорусскому телевидению сказали, что гнусные оппозиционеры устроили себе туалет — прям нарочно — рядом с Музеем Великой Отечественной войны. Смешно! Музей стоит настолько в

стороне от кольца и камер журналистов, что тот, кто вздумал бы к нему наведаться, явно бы назад не пришел.

Еще надо сказать об одной лжи. Мы как будто стоим просто-напросто за деньги. Сначала называлась цифра 20 тысяч белорусских рублей. Потом поняли, что это выглядит просто смешно и нелепо. «Подняли» нам «зарплату» почти в пять раз — до 50 баксов.

Боже мой! Пусть бы те, кто в это верит, пришли да попробовали постоять под взглядами и камерами людей в штатском. Четырнадцать часов простоять, коченея на морозе, и ждать рассвета как избавления. И видеть утром, что подкрепления мало: люди просто не пробиваются. И чувствовать, как страшно редеет кольцо с каждой минутой, потому что люди не выдерживают и уходят спать, а смены нет. И каждую минуту ждать штурма, избиения, провокаций. И знать, что, возможно, завтра тебя выгонят из университета или с работы или посадят в тюрьму.

Да, утром нас стало совсем мало. Когда в шесть утра пошел по проспекту автобус № 100, мы придумали вот что. Та сторона оцепления, которая была лицом к проспекту, каждый раз, когда подъезжала «сотка», становилась на колено, чтобы были видны палатки. И люди скандировали: «ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ! ДА-ЛУ-ЧАЙЦЕСЬ!» (для тех, кто не знает белорусского языка: это значит «Присоединяйтесь!»). Они делали это, пока физически могли.

Мы ждали и ждали помощи, а ее приходило так мало!!! Но в девять уже стало понятно, что кольцо выстоит. Часть людей сменились. Когда мы разносили им горячий чай и еду, они говорили: «Спасибо, мы только что из дома».

В девять утра мне стало совсем плохо. Хотелось спать и колотило от холода. Мы с Пашкой улучили момент, проскочили бегом мимо собровцев и людей в штатском. Рядом стояли журналисты, под камерами нас хватать не стали. Мы запрыгнули в «сотку» и уехали. А Светка и Таня остались там, третьи сутки без сна.

[...] Поспали мы пару часов у Пашки и разъехались по работам. На работе никто еще ничего не знал. Еще один день можно было потешить себя странной иллюзией, будто продолжается прежняя, размеренная и уютная жизнь. [...]

На работе я даже не засыпала. Отредактировала чертовски тяжелую статью, бодро разобралась с делами. Потом поехала домой — переодеться потеплей, переобуться, а то дернул черт выйти из дома в легких весенних ботиночках. Поесть толком не успела. Решила ехать на Октябрьскую. [...]. Обмоталась спальником под дубленкой, пришила спальник к свитеру и обклеила скотчем.

Взяли меня в метро. Очень легко и просто: спальник был виден из-под дубленки. Мне преградил дорогу милиционер, спросил документы и приказал идти с ним в опорный пункт в метро.

Там пришлось устроить вынужденный стриптиз, вынуть все из сумочки. Я старалась вести себя как можно спокойнее и доброжелательнее. Пыталась завести человеческий разговор с людьми в форме, и это у меня получалось.

Офицер, который там сидел, на полном серьезе спрашивал, сколько мне заплатили. Второй перетряхивал мою сумочку. Я пыталась им объяснить свою позицию, дать понять, что мы — не пьяные отморозки. Только один раз я чуть не сорвалась — когда пришли люди в штатском, гэбэшники.

Если милиционеров я могу понять и в чем-то оправдать, то этих — не-на-ви-жу! Они чем-то все похожи: одинаковые толстоватые невыразительные лица, одинаковое самодовольство и уверенность в своей безнаказанности. Одеты во что-то темное и невыразительное, и по этому их узнают.

Эти были со значками — нашими значками «за свободу»! Вели они себя в отделении как полные хозяева. Один из них, тот, что был повыше и поплотнее, посмотрел на мой спальник и довольно сказал: «О! Спальник! Занесу-ка я его Николаичу в машину, пусть погреется, а то замерз уже за четыре часа».

Они рылись в моих вещах, долго смотрели паспорт. [...] Сначала они хотели написать протокол и отвезти меня в приемник-распределитель на Окрестина. Но тут высокий сказал: «Ай, ну ее! Пошли к этим придуркам, а то, пока будем ее возить, там в оцеплении все вкусное съедят без нас».

И нацепил на самое видное место бело-красно-белый значок.

Такой ненависти и боли я не чувствовала еще никогда. Мне хотелось вцепиться ему в горло, этому сытому укормленному циничному борову, который нас арестовывает и с чистой совестью жрет нашу же еду. Еду, которую таскают нам люди, рискующие сесть за это на десять суток. Которую раздают замерзшими руками девочки, стоящие на Майдане вторые сутки без сна.

Это нельзя простить и забыть. Самое отвратительное, что сделала нынешняя власть, — разделила свой народ. Большей части народа капитально промыла мозги. Подло оболгала перед ней самых честных и смелых, не терпящих несправедливости, не умеющих мириться со злом. А меньшую, «инакомыслящую» часть заставила в каждом встречном видеть возможного провокатора и сотрудника спецслужб. И весь народ заставили бояться и молчать. Бояться ареста, вылета с работы, избиения в темном подъезде. Бояться за себя, друзей и родных. [...]

Я не питаю иллюзий. Если сегодня меня отпустили, это не значит, что наступила в стране демократия. Им просто невыгодно поднимать шум сейчас, когда в Минске столько иностранных журналистов. Их присутствие сейчас нас защищает. Мы на свободе, пока там, на площади, стоит кольцо. Я думаю, как только все это закончится, «комитет госбезопасности припомнит наши имена». Тем более, что лица свои мы не прятали.

22 марта

Чуток отоспалась дома.

Я спешно заканчиваю дневники и уезжаю на площадь. Мне сыплются звонки от знакомых и родных, которые видели меня на НТВ и в «Евроньюс». Но с телефоном что-то странное, в нем какие-то шумы и щелчки. Скорее всего, нас прослушивают.

Вчера ночью нам позвонили эстонцы, К. и С. Эстонский консул попросил их срочно покинуть страну. Он сказал, что они здорово засветились рядом с нами и что «палаточников» ждут очень большие проблемы. Они просили прощения за то, что уезжают и бросают нас. К. сказал, что постарается приехать снова через неделю.

Надеюсь, смогу отправить эти дневники в интернет, дойду до интернет-кафе. Отправлю, кому смогу.

Что будет завтра, не знаю. Я хочу попросить тех, кто это читает. Люди! Если вы белорусы, приходите на площадь, кто может — стойте с нами! ДАЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!

Если вы живете далеко от Минска, распространите эти дневники, чтобы их прочитало максимальное число людей. Этим вы тоже очень поможете.

На всякий случай всем пока! [...]

3 апреля

[...] Вчера ночью, в 3.15, истекли наши десять суток, и мы вышли из изолятора временного содержания УВД Минского района. [...]

Мои «Мартовские дневники» будут продолжаться в апреле. В тюрьме мне встретилась девушка, которая пришла на Майдан, потому что прочитала их в интернете. И значит, не зря это все написалось. [...]

Я продолжу. Постараюсь вспомнить все день за днем. Запишу и кое-что из рассказов друзей и знакомых.

23–24 марта. Последняя ночь зимы

[...] Утром 23 марта мы все же съездили домой чуть поспать и вымыться. Уходили с Майдана большой плотной группой — так было безопаснее. А оставшееся кольцо было такое редкое, а смотрели нам вслед с таким отчаянием, что я чуть не кинулась обратно. Меня остановила только боязнь, что не выдержу еще одну ночь без отдыха.

Для ухода с Майдана была придумана своя техника. Сбиваемся этакой «свиньей», выходим из оцепления и — строевым шагом топаем к метро. Не доходя до станции «Октябрьской», быстро сворачиваем — и улочками, дворами почти бегом выходим к станции «Немига». Там садимся в метро и разъезжаемся.

Минчане разбирали иногородних по домам на отдых. К нам домой поехали поспать-погреться Светлана Жилинская из Рогачева, предприниматель Виктор из Светлогорска и девушка Марина из Москвы. Светлана приехала на площадь с дочкой Катей. А ее муж, Виктор Жилинский, в это время отсиживал свои сутки в Рогачеве. Москвичка Марина вообще приехала в одиночку, из любопытства: поглядеть на революцию. То, что она здесь увидела и услышала, так ее потрясло, что она решила оставаться до конца вместе с нами.

Мы долго не могли разойтись по комнатам: хотелось говорить и говорить друг с другом, слушать, как другие рассказывают о себе. К вечеру, когда мы втолкнули в себя по парочке пельменей и немного поспали, стало ясно, что у Марины температура. Она решила остаться дома, долго звонила в Москву и рассказывала про Майдан, звала знакомых приехать. Все остальные кое-как поднялись и поехали на площадь.

Муторная была ночка с самого начала. Единственные светлые и спокойные минуты выдались, когда я еще стояла вне оцепления, взявшись за руки с близкими мне людьми. На площади в то время собралось много народу, люди стояли со свечами и лампадками вокруг нашего оцепления, и было совсем не страшно. Очень не хотелось разнимать рук, но пора уже было гнать в шею тех, кто не собирался остаться на ночь. После двенадцати ночи уходить с Октябрьской — дело весьма рискованное: позже я встречала не одного человека, которого при этом задержали.

Погнали мы с Асей наших друзей домой, — они собирались прийти назавтра, — и нырнули в оцепление. Первое, что я увидела, — избитого парня, который лежал между палатками и которому пытались оказать помощь. Как мне сказали, его избили люди в штатском за то, что он пытался пронести в лагерь биотуалет.

Когда я увидела кухню городка — пришла в ужас. Там был разброд и шатание: продукты свалены бестолковыми грудами и мешают проходить, мусор пару часов явно не убирался, черт знает где что искать в этом бардаке. Но в оцеплении стояли люди, которые очень ждали горячего чаю и у которых впереди, — мы так думали, — была еще очень холодная ночь.

Мы взялись за дело. Все там разобрали, чистенько вымели мусор, какой-то мужик раскочегарил углем мангалы, и мы начали кипятить чай. Конечно, его на всех не хватало. Очень горько было, когда прибегали гонцы из разных сторон оцепления и кричали, что там замерзают люди, есть больные, нужен кипяток, чтобы развести лекарство. А кипятка было мало: в ту ночь извне до нас почти никто не дошел. Три-четыре термоса принесли, и то с вечера, — и все. Да, еще помню, прошла какая-то женщина в час ночи, два небольших термоса пронесла на себе, привязанные резинками крест-накрест, как пулеметными лентами.

Кипяток грелся медленно, а расходился очень быстро. Девчонки-добровольцы собрались в «чайные команды». Чайная команда — две девушки, одна с термосом, другая с пластиковыми стаканчиками. Такая пара идет вдоль оцепления по внутреннему кругу и раздает всем желающим горячее питье. Парочка девчонок пытались выскочить за оцепление, чтобы напоить чаем тех, кто стоял в самом внешнем кольце. Но их тут же затащили обратно. Незнакомый парень отвесил Аське подзатыльник и сказал: «Неужели вы не понимаете?! Тут отошли несколько парней, буквально на двадцать метров, их начали бить люди в штатском, а мы стояли и смотрели. И знали, что это провокация, и если мы кинемся на помощь, через минуту здесь будет ОМОН, “чтобы разнять молодежную драку”, и пометелят под это дело всех.

Но если *вас* начнут бить, мы не выдержим, кто-то обязательно выскочит из цепи! Так вот, чтобы за кольцом духу вашего не было!»

Чем дальше, тем тревожнее становилась ночь. Музыка все чаще прерывалась просьбами в микрофон: «Пожалуйста, все, кто внутри круга, станьте на периметр! Подтянитесь на правый фланг! Не поддавайтесь на провокации!»

Прибегавшие из оцепления люди рассказывали, что приходили провокаторы — несколько укормленных молодых людей с красно-зелеными флагами. Они делали все, чтобы вызвать драку, — орали матом, плевались. Один из них с размаху ударил ногой в грудь человека, стоявшего в оцеплении. Тот даже не мог закрыться: руки-то взяты под локти в сцепку. Но кольцо выстояло. Никто не поддался. Говорят, они закрывали глаза, чтобы поменьше видеть *эти* рожи.

То с одной, то с другой стороны кольца неслось: «Гань-ба! Ганьба!» Это был сигнал, что подходят провокаторы либо журналисты Белорусского телевидения. [...] И тут же в опасные места бежали люди и укрепляли там живое кольцо.

Где-то после двух ночи прошел слух, что всех журналистов оттеснили на пятачок между Дворцом профсоюзов и проспектом Скорины. Там была инсценирована драка, все, кто был с камерами и фотоаппаратами, кинулись туда — и уже не вернулись. Оттуда не видно было лагеря, нас закрывал Дворец профсоюзов.

Все чаще музыка прерывалась призывами стоять крепче и держать кольцо: «Провокация! Молчим! Не отвечаем! Все, кто спит в палатках, — выходите и становитесь в кольцо!» То на одном, то на другом краю начинали скандировать: «Мол-чим! Мол-чим!»

А потом вдруг упала тишина. Полнейшая. Страшная. Музыка оборвалась, полутысячная толпа застыла в таком молчании, что были слышны отдельные растерянные голоса. Мы стояли и смотрели, как на площадь выезжают бронированные автофургоны с зарешеченными окнами — «автозаки», как называли их в толпе. Выезжают и окружают нас плотным кольцом. Кто-то крикнул в микрофон: «Все мужчины — в оцепление, все девушки — на середину круга». Ася, которая работала на кухне рядом со мной, кинулась в цепь, хватать людей за руки, делать третью цепочку. Я ломанулась вслед за ней, кто-то из парней с руганью схватил меня за шиворот и толкнул обратно в центр: «Дура! Тебе что — жить надоело?» А потом я, честно говоря, и сама здорово испугалась.

Потому что между автозаками появились омоновцы. Очень быстро, в полнейшем молчании они окружили наш лагерь. Экипировка — как для боев с террористами: тяжелые бронежилеты, шлемы, руки и ноги в защите, дубинки, газовые баллончики. Мне чуть не поплохело от страха, я такие чудеса видела впервые в жизни.

Говорят, было какое-то предупреждение, типа расходитесь, а то будет хуже. Возможно, но лично я его не слышала. Хотя в той тишине достаточно было громко сказать голосом — и слышно было бы на всю площадь.

Так вокруг лагеря встала черная стена. Они стояли лицом к лицу с нашим кольцом, в метрах трех-четырех от внешней цепочки. Стояли, молчали и некоторые — улыбались.

Кольцо не дрогнуло! Все эти длинноволосые студенты, преподаватели-интеллигенты, пожилые люди, минчане рядом с москвичами, парень из Екатеринбурга в одном строю с украинцем из Львова — все они стояли молча, глядя в лицо качкам из ОМОНа. Кто-то пытался скандировать: «Міліцыя з народам! Міліцыя з народам!» Женщина из штаба Милинкевича, кричала в микрофон: «Дзеткі! Трымайцеся! Вы ўсе — мае дзеці! Трымайцеся мужна! Міліцыя! Што вы робіце?! Не пралівайце крыві! Гэта ж дзеці! Гэта ж лепшыя дзеці нацыі!»*

Черная стена стояла. *Они* ждали команды. Кто-то закричал в микрофон: «Садитесь на землю! Сцепляйтесь за руки!». Мы все сели. Кто-то взял меня за плечо, слева и справа я сцепилась под локти с какими-то девчонками. Опять стало тихо. Я вспомнила, что не залила мангалы, полные горячих углей, и стало страшно: а вдруг кто-нибудь туда рухнет лицом или руками? Пыталась вскочить, чтобы залить, но сидящие рядом меня удержали, сказали: «Вот-вот *начнется*! Сиди тихо!»

Меня колотила сильная дрожь, дышалось с трудом, сквозь стиснутые зубы, чтоб не расплакаться. Достала мобильник и позвонила одному близкому человеку. «Слушай, нас сейчас будут брать! Говори со мной, не молчи, тогда будет не так страшно!» Следующие несколько минут я описывала ему все, что происходило.

...Кто-то из наших крикнул: «Мы уходим! Пропустите нас!» Мы стали скандировать: «Мы у-хо-дим! Мы у-хо-дим!» Ноль реакции.

И вот стена двинулась. Омоновцы начали хватать парней из внешнего кольца, пытаться вытягивать их по одному из сцепки. Сначала фиг у них получалось! Люди цеплялись за руки, за одежду, одного держали чуть ли не десятеро.

Потом я увидела страшную вещь. Из первой цепочки сидящих вскочил парень, с размаху саданул кулаком по голове соседу, схватил за шиворот и потянул к автозаку.

Да, среди нас были провокаторы. Тут и понеслось: людей из оцепления вытягивали по одному, кого-то били дубинками, кого-то кулаками, кого-то просто волокли к машинам.

Оцепление перед нами редело на глазах. Кто-то закричал, когда перевернули мангалы. Перед нами вскочили, взявшись за руки, несколько парней, чтобы нас не стоптали. Когда этих парней начали хватать, мы вскочили тоже.

В центре лагеря уже оставались почти одни девушки. Омоновцы шли по палаткам и продуктам. Наша толпа шарахнулась отступать к проспек-

---

* «Держитесь! Вы все — мои дети! Мужайтесь! Милиция! Что вы делаете? Не проливайте кровь! Это же дети! Это же лучшие дети нации!»

ту, тоже не разбирая дороги по лагерю. Шли, наступая на палатки и теплые вещи, я упала, меня кто-то поднял, потом рядом тоже кто-то падал, и я его поднимала. Потом, уже ближе к проспекту, вокруг меня вдруг не стало людей, мобильник отрубился, я машинально сунула его в карман, и меня крепко схватил повыше локтя омоновец в черной форме.

— Спокойно, спокойно, я не сопротивляюсь! Не трогай меня! — сказала я ему и показала пустые ладони.

Это было уже не так страшно, как смотреть на черную стену вокруг лагеря или наблюдать, как хватают парней. Он повел меня к автозаку, ближайшему к Дворцу профсоюзов со стороны проспекта. Там была большая толпа, всех ОМОН пытался загнать в машину, но люди заходили медленно.

Я оглянулась на растоптанный лагерь, где полегли все палатки, где остался мой рюкзак и, что еще печальнее, гитара. Но я беспокоилась не за вещи: боялась, чтобы никто не влетел в раскаленные уголья на кухне. К счастью, этого не случилось. Я увидела кое-что другое, очень интересное.

В лагере, скособочившись, стояла единственная палатка. К ней подбежали какие-то люди, — не отфиксировала, были ли они в штатском или в форме. Они стали вытряхивать в распахнутую палатку что-то из больших пластиковых пакетов, — по-моему, бутылки и какие-то мелкие вещи. Рядом с ними был человек с камерой, который снимал внутренность палатки. Больше мне не удалось увидеть: омоновец рванул меня за руку и повел ближе к автобусу.

Прямо напротив этого автозака стояла цепь милиционеров, спиною к нам. А из-за их плеч — вспышки, вспышки, камеры! Там были оттесненные журналисты, они стояли вплотную к милиции и снимали поверх плеч.

[...] Мне хотелось крикнуть им: снимайте, снимайте и показывайте, какие мы на самом деле! Покажите нас людям. Пусть знают, что мы не отморозки и не откованные из стали герои. Обычные люди, как любой устроившийся на диванчике перед телевизором, из той же плоти и крови. Ваши соседи, коллеги, друзья и родственники! И нам было страшно до тошноты, и нам становилось плохо сутки за сутками на морозе, но мы все равно стояли до конца. И ни о чем не жалеем.

Я спросила омоновца, который меня держал: «И тебе не стыдно? Ты же видишь, что мы не алкоголики и не наркоманы. Ты по возрасту мог бы быть моим братом».

Он не знал, что отвечать. Ощерился и рыкнул что-то неразборчивое.

24 марта. На Окрестина

[...] В автозак народу напихали столько, что можно было не бояться упасть в обморок от духоты: все равно падать было некуда. Кто-то молился, кто-то пел «Магутны Божа», пару человек тихо паниковали, но их успокаивали. На лавочках сидели по очереди самые слабые, кому было плохо. Кто-то в конце фургона, подальше от спецназовцев, умудрился позвонить

на радио «Свабода». Мы старательно заглушали звонящего песней и разговорами.

Время от времени омоновцы от двери принимались орать: «Так! Поймали тишину! Молчать! А то будете сейчас по автобусу летать! У кого увижу телефон — кровью с.ать будете! Эй ты, дед, руки поднял! Чтоб я видел твои руки!»

Потом автобусы куда-то свернули, еще раз свернули. По крыше и окнам заскребли ветки. Незнакомая женщина в панике крикнула: в лес везут!

— Ага, стрелять вас будем, — ухмыльнулся один из охранников.

Но кто-то сориентировался, сказал: наверное, привезли в спецприемник-распределитель на улице Окрестина.

Когда приехали, снова был крик: «Так! Выходить по одному! Лицом к стене!» [...] Люди выходили молча, слышен был только ор «бойцов», как перекличка, между собой: «Суки вонючие, революции им захотелось! Да от них воняет, как от бомжей! Алкаши, фу, сивухой несет! Наркоманы! Бомжи! Шлюхи! Всех вас надо над одной ямой расстрелять и закопать!»

«Руки к стене!» Меня толкают к белой стенке, такой холодной, что кажется, будто руки к ней сейчас примерзнут. «Стоять! Не оборачиваться! По сторонам не смотреть!» Мне снова становится страшно. Спина каменеет от напряжения, плечи и шею даже судорога сводит.

Может, я бы и заплакала. Но меня держали три самых прочных стержня, которые, оказывается, есть во мне, три самые ценные ценности, которые отковались за всю жизнь. Теперь точно знаю, что самое дорогое нажила за 24 года.

И первая из них — это сухая белая ярость, твердо сводящая скулы. Не та, от которой багровый туман перед глазами, а та, от которой мир приобретает небывалую резкость, слова становятся холодными, а взгляд сосредоточенным.

И вторая ценность — это были слова, которые я твердила, как молитву, потому что даже «Отче наш» там вспомнить было тяжело. Глядя в белую стену, на черную тень, я повторяла упорно, еле шевеля губами: я люблю тебя, люблю, люблю, люблю. И дальше одно имя. Все два часа. И стоять от этого становилось легче, сердце колотилось спокойнее.

А третий стержень — это неистовое, огромное желание запомнить все, что творится вокруг, каждое слово, интонацию, каждый удар. А потом выйти из тюрьмы и рассказать всем, кому смогу, знакомым и незнакомым, в интернете, в прессе, да просто на улице и в автобусе, рассказывать, пока будет голос.

И я смотрела, слушала, запоминала. Как омоновец подошел к мужику из «Молодого фронта» и коротко, без замаха саданул его в живот. Я повернулась и смотрела, пока на меня не рявкнули: «Лицом к стене!» Но лицом к стене, когда слышишь только отвратительные глухие звуки ударов, еще страшнее.

С другой стороны гоготали, видимо проверяя документы у украинца. «Что, хохол, своего сала мало было, к нам приперся? На революцию!»

Потом стали издеваться над каким-то стариком: «Смотрите, старикан-то обмочился! Обделался! Ха-ха! Куда тебе, дед, на митинг, все штаны мокрые! Смотрите, старичок обделался».

Рядом со мной омоновец сказал парню тихо, почти ласково: «Что, прозрачное стекло, хочешь в страну вечной охоты?» Видать, обсмотрелся какого-то фуфла по телевизору.

Пару раз кто-то из спецназа, видимо, офицер, выходил на крыльцо и орал: «Ну что, уроды, "жыве" ваша Беларусь? Не слышу ответа!»

Все молчали, понимали, что провоцирует. За эти дни все мы отлично натренировались не отвечать на провокации.

По справедливости сказать, так поступали не все омоновцы. Были такие, которым все это было явно не по душе: они просто молчали или даже вступали в нормальный разговор. Быть может, понятие «воинская честь» все же не окончательно стало пустым звуком в Беларуси. А может, есть просто человеческие ценности, которые не сломить даже спецназовской муштрой?

[...] Переписав наши фамилии и отобрав паспорта, нас через пару часов стали группками заводить внутрь здания. Несовершеннолетних повели куда-то отдельно. Сначала пытались ставить лицом к стене, потом стен стало не хватать. Там было уже не так страшно: шум, теснота, в коридорах вдоль стен стоят люди, снуют туда-сюда менты и ОМОН, тебя переводят с этажа на этаж, возвращают обратно. Практически каждого из нас охранял омоновец. Там, в коридорах, мы высматривали знакомые лица, передавали известия, пытались втихомолку позвонить родным на мобильники. Увидели нескольких избитых парней. Под конвоем двоих омоновцев прошел парень, который был комендантом в палаточном городке; он еле переставлял ноги, лицо темное, губы плотно сжаты.

Мы разговаривали с охранниками: в наших легких еще бродил воздух Майдана. Мы показывали им наши запястья, просили убедиться, что мы не наркоманы. Требовали хором алкогольной экспертизы в присутствии свидетелей. При мне *ни одного* человека на экспертизу не увели.

Это был редкостный случай понять, как мыслят и чувствуют те, кто оказался на другой стороне баррикад. Мы старались этот случай не упустить. В сотый раз отвечали на одинаковые расспросы конвоиров: нет, денег нам никто не платил. Нет, спиртного и наркотиков в лагере не было. Да, многие из нас имеют красные дипломы престижных вузов и хорошую работу.

В глазах у многих охранников была только одна эмоция — удивление.

— Тогда зачем вы туда пошли?!

Мы снова и снова говорили о лжи, фальсификациях, тоталитаризме. О правах человека и экономике. О том, что нельзя мириться с нарушением закона и исчезновением людей. Реакция была самая разная. Одни пытались заткнуть нам рот, другие молча слушали, третьи принимались спорить.

Один омоновец выдал по поводу выборов гениальную фразу:

— Ну, понятно, что 10 – 15 процентов Лукашенко приписали. Но ведь и на самом деле процентов 60 за него проголосовали, а это большинство!

Другой охранник сказанул еще круче. Я сказала ему, что неестественная экономика, которой не дают развиваться по законам рынка, рано или поздно рухнет, и пусть тогда они вспомнят мои слова. Этот парень на полном серьезе ответил:

— Ну, если это произойдет, я уйду из милиции и в следующий раз сам стану рядом с вами на площади!

У одного из охранников я спросила:

— А если завтра на площадь выйдет двести тысяч и вам прикажут стрелять в людей, — вы будете стрелять?

— Да, я выполню приказ.

— Сомневаться не будете?

— Нет.

[...] Часов в десять утра, наконец, завели меня в кабинет — составлять протокол. У меня спросили только имя-фамилию, где учусь и где работаю. Дальше протокол писался со слов того омоновца, который меня привел. Оказывается, ко мне два раза подходили сотрудники милиции и вежливо просили покинуть площадь. А потом еще персонально предупреждали. А я, дескать, знай себе махала руками и кричала: «Долой Лукашенко!»

Это все больше походило на фарс.

В протоколе я написала, как все было на самом деле, но это, похоже, никого не впечатлило.

— На площади были?

— Была!

— Тогда подписывайте! [...]

После протоколов у нас отобрали сумки и мобильники и затолкали в большую камеру с двухэтажными нарами. Те несколько часов, которые мы там сидели, люди лихорадочно рассказывали друг другу все, что они видели и слышали на площади. Оттуда, я думаю, пошло гулять немало крылатых, уже полулегендарных рассказов.

[...] В камере на «Крестах» (так с чьей-то легкой руки мы начали называть приемник-распределитель на Окрестина) я впервые услышала замечательный анекдот:

В ночь на 23 марта милиция останавливает машину на подступах к Октябрьской площади. Милиционер водителю, грозно:

— Еду, горячий чай, теплые вещи везете?

— Нет, нет, упаси боже!

— А что везете?

— Да так — сигареты, наркотики, водочка...

— А, ну проезжайте, проезжайте!

[...] Там же, на Крестах, мне рассказали историю о секретаре БРСМ. «Герой нашего времени», вполне поверивший сообщениям БТ и газет, в искреннем возмущении приехал на площадь посмотреть на «гнусных уродов», «укуренных отморозков». И чем-то не понравился товарищам из спецназа. Когда ему заламывали руки, он орал: «Что вы делаете?! Да я же секретарь

БРСМ! Да я же сам за Лукашенко голосовал»! Однако ни ментов, ни судью это особо не тронуло. Дали болезному десять суток и отправили сидеть в камеру с «политическими». Ребята старались относиться к нему терпимо и с пониманием: все-таки их много и они все вместе, а он один... Но, говорят, было ему все-таки очень не по себе.

Так мы сидели и развлекались историями. А еще — пели, потому что иначе некоторые могли и заплакать. Особенно девочки — студентки 1–2-го курсов. А таких хватало. Они думали о том, что скажут им родители и как жить дальше, если их отчислят. Мы им рассказали, что совет ректоров польских университетов принял решение: всех отчисленных студентов из Беларуси принимать доучиваться в Польше. Там даже организован специальный фонд имени Кастуся Калиновского.

— Так что не реветь, студенты! Доучитесь в Варшаве!

Но каждый понимал: Варшава — это, конечно, неплохо, однако уезжать из страны никому не хочется. И непонятно, как потом возвращаться обратно. Будет ли действовать в Беларуси диплом европейского образца? Не окажутся ли эти девочки ненужными своей Родине?

Где-то после обеда (в смысле обеденного времени, потому что кормить нас, естественно, никто не стал) лязгнул в двери замок.

— На выход! Всем стать лицом к стене!

Странно, но после какого-то раза перестаешь воспринимать такие вещи как нечто неестественное, отвратительное. Психика, спасая твою целостность, адаптируется к ненормальным условиям. Командуют — становишься. И сам пугаешься своей тупой готовности подчиниться.

— Сейчас мы вас отведем в автобусы!

— Куда вы нас везете?!

— Куда-куда? На суд!

В автобусе четверо омоновцев с дубинками и газовыми баллончиками.

— Сидеть тихо! В окна не высовываться, не кричать!

Выезжаем за ворота, и сразу как вспышка в глаза: у ворот стоит толпа, человек с полсотни. Стоит уже явно далеко не первый час.

[...] Это было очень важно: почувствовать, что мы не остались один на один с Системой, что нас поддерживает множество людей, что нас не оставят в беде. Это было не менее важно, чем вода или еда. А может быть, на тот момент даже и более.

Сразу же на выезде, не успели мы вывернуть на улицу, за нами плотно пристроился синий микроавтобус «фольксваген». Рядом с водителем сидела женщина с фотоаппаратом, и кто-то еще был на заднем сиденье. Весь автобус зашептался: «Правозащитники, правозащитники». Мы махали им в заднее окошко, и они отвечали нам, высовывая руки из боковых окон. За микроавтобусом шла колонна из нескольких легковушек, одна девушка узнала среди них машину своих родителей.

«Фольксваген» в голове «погони» шел за нами очень аккуратно, плотно, ровно, не отставая на светофорах и поворотах, через весь Минск. Мы

выглядывали в окна, несмотря на все окрики. Пару раз останавливались на красный свет бок о бок с городскими автобусами. Мы пытались как-то просигнализировать пассажирам, махнуть рукой. Бесполезно. Погруженные в себя, безразличные люди, непонимающие лица. Как будто они живут в каком-то другом городе, как будто не их коллег, знакомых, сограждан молотили вчера на Октябрьской! «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!»

А возможно, они действительно ни-че-го, ничегошеньки не знали. Когда я думала об этом, у меня просто руки опускались. Но стоило глянуть на синий «фольксваген», неотступно следовавший за нами, на старый добрый «фольксваген», похожий на верного пса,— и тоска и страх сразу отпускали.

24 марта (первые сутки)

Когда мы въехали за какие-то ворота и за нами закрылась решетка, все подобрались. Невыспавшиеся, голодные, мы собирали силы и готовились выступить в суде. Однако сначала нас по очереди отвели в какие-то очень тесные каморки-карцеры, метра два на два, без окна, с единственной деревянной лавочкой. В каждую набилось по шесть-семь человек. Там мы провели часа три, все еще не понимая, где находимся. На наши расспросы ни один милиционер не отвечал.

Что меня поразило больше всего в обычаях и нравах нашей пенитенциарной системы, так это какая-то суетливая вороватость, подлая скрытность, привычка к вечной лжи. Почему от нас скрывали, где мы находимся? Было в этом что-то от похищения: невозможно ни позвонить родным, ни узнать, куда тебя привезли.

[...] Ближе к вечеру к нам прорвалась на несколько минут женщина-адвокат, Нина. Она быстро записала телефоны наших родных и обещала всем позвонить. Если бы не этот звонок, мама, наверное, десять суток металась бы, пытаясь меня отыскать.

От Нины мы и узнали, что суда сегодня не будет, а находимся мы в изоляторе временного содержания УВД Минского района, на бывшем Староборисовском тракте, а нынче — улице Франциска Скорины. Основные радости знакомства с тюремной жизнью были еще впереди.

Выводят из клетушки по двое, тащат в камеры для досмотров. Заморенная девушка досматривает тщательно, приказывает раздеваться, ощупывает одежду, осматривает обувь. Молча сочувствую ей: это ж надо было учиться где-нибудь на юрфаке, чтобы угодить на такую собачью работу! [...]

Лысый гэбэшник, в очках, в штатском, ведет меня по мрачному коридору, мимо тяжеленных темно-синих дверей. На пороге камеры останавливаюсь: глаза с трудом привыкают к полумраку. Накурено — хоть топор вешай, из сигаретного дыма выплывают человеческие лица и детали немудрящей «обстановки».

Итак, в камере есть:

Санузел, одна штука. Назвать сие место «санитарным» можно только с особо злобным цинизмом. Дыра в каменном полу, в углу возле двери, отделенная от остальной камеры стеночкой в половину человеческого роста. Над дырой, на стене — трубка водопровода с двумя кранами — верхним и нижним. Из крана течет ледяная вода с сильным привкусом ржавого железа. Вот и вся «санитария». Окошечко в двери, называемое «кормушкой», открывается как раз напротив этого славного места, на уровне пояса. И значит, при каждом «посещении» между санузлом и дверью должна выстраиваться живая «стенка»: в охране-то одни мужики...

Окно. Напротив двери, в дальнем конце камеры. Я как-то традиционно представляла себе тюремное окно как «небо в клеточку». Но, как оказалось, из этого окошка неба не увидишь. Оно забрано не решеткой, а чем-то, напоминающим распрямленный дуршлаг. Как будто взяли металлический лист и набили в нем маленьких круглых дырочек. В них еле пролезет тонкий карандаш. Что за этим листом, какое там стекло, — разглядеть невозможно.

Под окном располагается *лежак*. Он напоминает сцену в маленьком сельском клубе — деревянное возвышение, мне где-то по колено, от стены до стены, занимающее чуть меньше трети камеры. Голые доски, но это, конечно, лучше, чем спать на ледяном каменном полу.

И больше ничего: голые стены, голый грязный пол. Дырочки «окна» не светятся, — значит, уже вечер. Единственным источником света становится тусклая лампочка. Она торчит над дверью, за мелкой решеткой вентиляционной отдушины. Свет у нее омерзительно желтый и режет глаза. Зато горит круглые сутки.

Все это мы еще изучим, промеряем вдоль и поперек. А пока я смотрю на лица, выплывающие из сизой сигаретной полутьмы. Пол слегка покачивается под ногами: наверное, я сильно устала.

— Ты с площади?

— С площади.

— Жыве Беларусь!

— Жыве!

Навстречу мне со «сцены» поднимается девушка, чтобы потесниться. Симпатичная рыженькая Юля Ахмадеева, студентка факультета международных отношений. В процессе знакомства к ней быстро приклеилась кличка «Дипломат в валенках».

Кроме Дипломата, у нас в камере получили «профессиональные» клички:

Художник — студентка Глебовского училища Настя Чеховская.

Фотограф — высокая, худая, чернявая, очень громкая Ирка Завадская.

Экономист — Таня Дедок, Белорусский государственный экономический университет,

Медик — Вика Сахарчук, Белорусский государственный медицинский университет.

[...] Медик осторожно ощупывает свой подбородок.

— Посмотрите, как это выглядит?

Мы смотрим. Молчим. Даже в полумраке камеры выглядит «это» плохо. Во время штурма омоновец выбил у Вики из рук термос с крутым кипятком. Профессионально, как выбивают оружие у особо опасного преступника. Она едва успела вскинуть голову. Можно сказать, повезло... Весь подбородок красный, среди этой красноты надулись еще и какие волдыри! Что-то лопнуло и сочится бесцветной дрянью. Конечно, это надо обработать. Вика решительно встает и стучит в дверь:

— Вызовите врача!

[...] Через час мы снова начинаем молотить в дверь. Список нуждающихся во врачебной помощи пополнился: у Насти начался сильный приступ гастрита.

— Вызовите «Скорую»!

[...] Еще через час приходит начальник тюрьмы.

— Чего вам надо?

Мы в очередной раз требуем «Скорую». Был бы кто с астмой или сердечным приступом, — за это время десять раз умер бы.

Через три часа долбления в двери и криков приезжают врачи. Настю и Вику забирают в больницу. Обгорелыми спичками на клочке бумаги мы нацарапываем им телефоны друзей. Передать, где мы находимся. Сказать, чтоб не волновались.

Все, кто сильно кашляет, тоже просятся на осмотр.

Меня слушает хмурая женщина. Я рассказываю ей про площадь. Она прерывает меня:

— Зачем вы хотите разжечь войну?!

Как говорится, «так великого комбинатора еще никто не называл»... Этот тезис даже мне в новинку. Значит, протестовать против лжи, нарушения законов есть разжигание войны? Театр абсурда...

[...] Тюремные реалии подогнаны под одно требование: сломить волю. Напугать. Подчинить.

Вечерний обход часов в одиннадцать ночи. Всех выводят из камеры, строят у стены и проводят перекличку. Еды по-прежнему нет, но есть никто не хочет. А вот спать... После обхода уже подумываем, как бы нам вдвенадцатером уместиться на «сцене». Но дверь снова открывается. На пороге — несколько людей в форме, начальник тюрьмы, охранники.

— Вставайте, сейчас будем пальчики откатывать!

Не сразу доходит, что это означает дактилоскопию. Мы в растерянности. Разве мы уголовники?

Это уже потом нам объяснят, что до суда брать отпечатки у задержанных они не имели права. [...] Все-таки идем. Хотя сейчас я уверена, что следовало отказаться.

Снятие отпечатков превращается в получасовую отвратительную процедуру. Нас фотографируют в профиль и анфас, будто зэков, с какими-то гадостными полосатыми номерочками в руках. Снимают на камеру, задают вопросы.

Я начинаю понимать, что весь этот аттракцион в стиле ГУЛага имеет скорее психологическое, чем практическое значение. В очередной раз горестно жалею, что не пошла получать второе высшее образование на юрфак. Четкое знание своих прав — вот чего нам не хватает. И *они* этим пользуются — нагло и бессовестно.

В камере с руганью пытаемся отмыть с ладоней черную едкую краску. Вода в трубе над санузлом — просто ледяная. С остервенением тру ладони.

После всего этого долго не можем успокоиться. Наконец накопившееся изнеможение берет свое. Народ начинает валиться на «сцену» и засыпать. Не снимают, а наоборот, поплотнее застегивают куртки: по камере вовсю гуляет холодный сквозняк, от пола тянет морозцем. [...] Не могу взять в толк, как мы все здесь уместимся. Кристина будит всех и командует сдвинуться, люди ложатся очень плотно на бок, прижимаются друг к другу. И все равно — хоть плачь — все выдохнули и максимально сплющились, а двоим места не хватает.

Мы отодвигаем от стены Любу Титову — маленькую худенькую девочку, черноволосую, с огромными черными глазами, как у византийских святых. У нее очень нехороший кашель — глубокий, надрывный. Не стоит ей лежать всю ночь, прижавшись спиной к холодной стене.

Через шесть дней и у меня будет такой кашель, как, впрочем, у доброй половины девчонок. Но и тогда будут находиться люди, которые отодвинут меня и лягут спиной к стене.

Две девушки, которые не вместились, ложатся сверху, поперек ног. Я засыпаю, будто проваливаюсь в темноту, — ни снов, ни страха, ни-че-го. Последнее ощущение: хочется пить, но вода из крана над «санузлом» внушает отвращение даже дистанционно. Не встану... [...]

25 марта (вторые сутки)

С утра сыграли в «снежный ком», более-менее выучили, как кого зовут, кто где учится. Беседуем, спорим на политические темы, периодически скандируем «антиправительственный», если верить протоколам, лозунг «Жыве Беларусь!». Поем. Стоит начать — и подхватывают все камеры, переполненные «политическими»! Споет одна камера — другая ей аплодирует и орет: «Мо-лод-цы!» Тюрьма гудит, как гулкий корпус гитары. [...] Утихомиривать бесполезно. Это как моровое поветрие. Либо всех избить до полусмерти, либо просто делать вид, что ничего особенного не происходит. Люди в форме выбирают второе. Хоть и маленькая, но победа.

[...] Что там происходит, в этом городе? Мы знаем, что сегодня планируются массовые шествия. Информация — вот чего нам не хватает еще больше, чем света и воздуха. Стучим в дверь, упрашиваем охранника: «Только скажите, что происходит в городе?! Ну хоть полслова, ну неужели вам трудно? Никто не услышит!»

Охранник кривится:

— Ничего там не происходит! Все тихо, спокойно. Пришли на площадь триста пьяных подростков, за ними приехали родители и разобрали всех по домам.

Явно врет, и врет неумело. Мы настораживаемся: если врет, значит, есть что скрывать.

В обед приносят еду, но, глянув на эти вонючие котлетки с прозеленью, мы принципиально отказываемся. Это было почему-то очень важно: в рот не брать тюремной еды. Из того, что там давали, мы брали только кипяток и иногда чай — мутный, с отвратительным привкусом, наводящим на самые нехорошие мысли.

Каждую передачу встречаем криками и аплодисментами. Судя по выражению лиц охранников, там, у ворот, стоит толпа желающих. Вот только жаль, мало кто догадывается передать теплые вещи или спальник.

Кто-то из девчонок, получая передачу, вскрикивает: «Ой! От кого это? Фамилия-то незнакомая»! Такая-то-такая-то, пенсионерка, проживает на проспекте Машерова.

В одной из первых же передач, 25 марта, мама сумела отправить мне белый тюльпан. Редчайший случай: его разрешили передать. Вообще цветы приносили многие люди, но передавать их было запрещено. Наверное, цветы теперь — тоже «оружие оппозиции».

И вот — в нашей камере, на узеньком каменном подоконнике красуется белое диво. Мне кажется, что от него редеет полумрак в камере. Украдкой то и дело поглядываю: он настолько «не отсюда», что, кажется, вот-вот исчезнет, как призрак.

День кончается, а информации все нет. Остается надеяться, что все наши близкие живы и на свободе. Впервые чувствую, что мы в ответе за тех, кто пошел за нами.

26 марта (третьи сутки)

[...] Весь день мы ищем в передачах записки. Одну нашли в шоколадке, а еще одна была написана в книжке Стивена Кинга. Карандашом, между строчек, торопливым бегущим почерком. Мы читаем ее вслух.

«Доченька, держись! Мы все с тобой. Вчера в Минске был огромный митинг. На улицы вышло 45 тысяч людей. Люди пытались пройти к приемнику на Окрестина. На проспекте Дзержинского была драка».

Пять минут после этого камера ревет во все горло: «Жы-ве Бе-ла-русь!»

Действительно, «жыве».

[...] После обеда мы узнаем от словоохотливого охранника, что в соседней камере есть именинница. Кому-то привалило счастье отмечать за решеткой девятнадцатилетие.

Десять минут уговариваем милиционера передать имениннице нашу главную ценность — тюльпан. Он мнется, боится, что его накажут. И все-таки передает, прямо в пластиковой бутылочке из-под минералки.

Мы слышим аплодисменты, выстраиваемся возле двери и во всю силу голосим «Happy Birthday to You». Жаль только, имени не знаем...

Завтра суд, но это как-то мало волнует. От нас ничегошеньки не зависит. Подозреваю, что сейчас те, кто на свободе, волнуются куда больше нас. [...]

27 марта (четвертые сутки)

С утра в камере суматоха. Приводим себя в порядок: не хочется выглядеть на суде плохо. Мою голову под ледяной водой. Кожу под волосами сводит болью — так холодно. [...] Долгая, муторная погрузка в автобусы. Опять за нами, как на поводке, бежит верный синий «фольксваген». Только в этот раз везут не через город, а через кольцевую дорогу.

[...] Опять каменные карцеры-«туалеты», по пять-шесть человек в каждом, и ни окна, ни лампочки не предусмотрено. Ладно хоть двери в них полностью не закрывают. Высматриваем знакомых среди проходящих мимо людей, которых по двое выводят на суд.

[...] В ожидании суда мы дискутируем с очередным охранником. Не зная, как опровергнуть наши аргументы, он выкладывает, как последний козырь:

— Да ваши же — звери! Двадцать пятого марта покалечили восемьдесят омоновцев!

[...] Много позже, уже на свободе, я просмотрю видеозаписи этого столкновения. И пойму: то, что было у нас на площади, — еще цветочки. Толпа, текущая по проспекту Дзержинского, чтобы возложить цветы у тюрьмы на Окрестина. Девчонки и парни с гвоздиками, взявшиеся за руки. Пенсионеры. Священники. И железная стена, перегородившая им путь, грамотно, в самом узком месте проспекта, под мостом, там, где с обеих сторон — высокие откосы и глухой забор. Ловушка! Стена щитов не просто стоит — она начинает с грохотом двигаться на демонстрантов. А люди-то не отступают! Вот оно где было, настоящее мужество. Толпа сталкивается со стеной, причем людей на переднем фланге не намного больше, чем спецназа. И дальше мелькают беспорядочно кадры: лица девчонок, зажатых щитами. Худенький священник, упирающийся спиной в щит, — пытается своим телом остановить стену. Лицо Павлюченко, как всегда, улыбающееся. Какой-то старик падает на землю, и трое совершенно озверевших спецназовцев изо всей сил бьют дубинками лежащего. Пожилая женщина с сумочкой кидается под дубинки, хватает солдат за руки. Подбежавшие люди пытаются закрыть этого человека собой.

По другому упавшему, не сбивая строевого шага, проходит строй ОМОНа в бронежилетах. На видеозаписи можно различить, как на тело наступают ногами. Потом на этом месте строй подастся назад, образуя «волну». И пройдет по нему как минимум еще раз. Кто-то кинется карабкаться на откосы, — таких будут догонять, хватать за волосы или за шиворот, лупить дубинками. Задние ряды, когда разберутся, что происходит, кинутся врассыпную. Людей будут перехватывать и арестовывать более чем в двух километрах оттуда — в районе метро «Немига».

Все это *задокументировано* видеосъемкой и фотографиями. Каждое слово. Доказательства есть. Но когда мы наконец предъявим обвинения?

Заседание суда напоминает фарс. Люди, которые уже в нем поучаствовали, передавали: те, кто говорит по-белорусски, требует адвоката, пытается «качать права», неминуемо получают по максимуму. Так и есть: вот отхватила 15 суток хрупкая «белорусочка» Инна.

Становлюсь за деревянную трибунку, до смешного похожую на университетскую кафедру. От этого сходства как-то спокойней на душе. [...] Мне зачитывают рапорт милиционеров, которые якобы наблюдали, как я размахиваю руками и выкрикиваю лозунги на площади.

— Признаете ли вы свою вину?

— Нет. Лозунги я не выкрикивала и руками не размахивала. Может быть, господа милиционеры ошиблись?

— Ну на площади вы были?

— Была!

— Пишите: свою вину признала. [...]

Наконец-то я становлюсь счастливым обладателем срока в 10 суток за нарушение статьи 167 ч.1 КоАП РБ и загадочного протокола, где обо мне сказано: «Уроженка **г. Украины**». Конечно, не все любят Украину, но чтобы настолько... [...]

28 марта (пятые сутки)

Самое важное событие дня (лично для меня) — мне наконец-то передали вожделенные ручку, тетрадь, книги! Начиная с этого дня я вела записи в тюрьме. Вот они.

28 марта. Ночь

[...] *Сегодня мне стало интересно: что снится людям в камере? Девчонки говорят, ночь за ночью снится площадь. Аресты снятся.* [...] *Камеру мы промерили спичечным коробком и Иркиным ростом. Вышло где-то 3,20 на 5,50. Значит, на лежаке от стены до стены на каждую из нас приходится полоска по 32 сантиметра в ширину.*

Пытаемся сделать вешалку для полотенец. Мы разломали пластмассовую ручку, теперь стараемся ботинками забить хоть один обломок в дырочку в стене.

Ира, наблюдая за нашими попытками, саркастично замечает с лежака:

— Ручки кривые! Двоечники! И чему вас только в лагерях для боевиков учили?!

[...] *Вчера ночью меня прессанули довольно сильно, хотя не вполне удачно. Ночью будят, вызывают из камеры:*

— С вещами, на выход! Собирайтесь домой! Суд пересмотрел ваше дело.

Не к чести моей сказать, на каких-то секунд пять я поверила: сердце застучало тяжело и часто. Потом стало ясно: врут. Следующая эмоция была —

дикий страх. Куда меня забирают ночью с вещами?! Уж не на допрос ли в «башню святого Лаврентия» напротив скверика с бронзовым Дзержинским?

Меня выводят в комнату для досмотров. Лысый гэбэшник начинает орать:

— Отдавайте мобильник, быстро!

Я сначала рефлекторно лезу в пакет, потом вспоминаю: мобильник-то отобрали при досмотре вместе с другими вещами!

— Он же в сумочке, которую забрали!

— Где мобильник, я спрашиваю?! С вашего номера только что прошел звонок!

Тут у меня вообще глаза на лоб лезут. Ведь у меня на балансе после задержания был уже глубокий минус, да и аккумулятор разрядился почти полностью.

Объясняю все это. Идет следующий наезд:

— У вас в камере есть мобильник! У кого?! Говори, быстро!

Тут до меня начинает кое-что доходить. Чистосердечно отвечаю, что нету — тем более его и в самом деле нет, увы... Мне кричат:

— Мы тебе добавим еще десять суток, если не скажешь. Говори, у кого в камере запрещенные вещи!

Тут даже до меня все окончательно доходит. У нас в камере есть *«запрещенные вещи»: маленькое лезвие и шнурки в ботинках. Но я мотаю головой.*

— Будешь сидеть еще десять суток!

Наконец меня прорывает:

— Если добавите суток — я буду голодать! Меня увезут отсюда на «Скорой», а там я уж найду, кому и что рассказать! Или сдохну тут у вас к чертовой матери!

Меня отправляют обратно в камеру. Вот тут-то, после всего, слегка сердце и хватануло. Зато приходит странное ощущение: забираешься под спальник на лежаке, справа плечо, слева плечо, — и на душе становится легко и спокойно. Все как надо. Ты среди своих.

29 марта (шестые сутки)

С утра зверски болит горло. Но «Скорую» вызывать не хочу. Как говорят, дни, которые отлежишь в больнице, в зачет нашего «срока» не идут. Значит, больница — это просто увеличение ареста: подлечишься — и снова в тюрьму?

К тому же врачи «Скорой» забрали нашу Вику с обожженным подбородком в больницу, а там ее чуть не отказались лечить, когда узнали, что она — с площади. Замордованная медсестра средних лет вообще сказала: «Катись-ка ты на....., тварь! Сумела на площади стоять, сумеешь и в тюрьме прожить».

Бедный, бедный зомбированный народ! Народ, который научили ненавидеть собственных детей.

А как бы не помешала сейчас врачебная помощь! На полу спать, — даже если хорошо стелиться и застегиваться в спальник с головой, — все равно чревато простудой. Там сильный сквозняк. Я вроде и не мерзла — и все равно простыла. Надо держаться, еще не хватало разболеться. [...]

30–31 марта я дневников не вела. В ночь с 29 на 30 марта мне стало очень плохо. Температура, судя по ощущениям, была под сорок, ломило все тело, дышать было тяжело. [...] Милиционеры принесли мне кружку кипятку, антигриппина и каких-то антибиотиков (!). Сочувственно смотрели из дверей, как я выбиваю зорю зубами по краю кружки. И потом еще не раз в течение дня осторожно спрашивали:

— Ну как ты себя чувствуешь?

Эти два дня почти не помню: почти все время вязкое дремотное забытье. Только к обеду 31 марта прихожу в себя.

Тюремные записи продолжаются с 1 апреля.

1 апреля (девятые сутки)

[...] *Начиная где-то со вчерашнего вечера в камере вошли в моду долгие рассказы на ночь. Если в первые сутки из всех просто перли впечатления, то сейчас стало гораздо тише. У тех, кто простужен, просто нет сил громко говорить. Игры надоели. И что самое плохое — недостаток света. Вонючая параша в углу, грязный пол, недостаток воздуха — это плохо. Но свет... Этот прокуренный полумрак — вот что самое ужасное. Потому что в камере невозможно долго читать, очень трудно писать. Через полчаса у тебя начинают слезиться и болеть глаза. Еще через полчаса у тебя заболит голова — и делать уже ничего не можешь. Если бы не это все было бы гораздо проще. Книг мне принесли достаточно, и все — любимые.* [...]

Вчера был хороший день. Днем нам приносили кипяток. Удалось вытребовать прогулку — вторую за все это время. Подышали свежим воздухом. [...] *После улицы глаза долго привыкали к полумраку. Но до вечера все были бодрые и веселые.*

А сегодня с утра всех что-то ломануло. Болят головы и суставы, нет сил на элементарные вещи. Эта вялость — хуже всего. С ней надо бороться, заставлять себя хоть что-то делать, только не валяться, тупо глядя в потолок. [...]

2 – 3 апреля

Последние сутки проходили довольно-таки тяжело. Три раза спрашивали у охранников, который час. Катя жаловалась, что она не выдержит эти последние несколько часов, что они тянутся бесконечно медленно. Девчонки слонялись по камере, сидеть уже никто не мог.

Я постаралась успокоиться и представить себе, что меня ждут еще пять суток. Как Юлю Болонкину, которая лежит рядом с высокой температурой и кашлем и грустно смотрит на наше нервное расхаживание по камере. Весь день читала книжку, даже когда слезились глаза. А под вечер люди стали отключаться и засыпать. [...]

Многие планировали не спать, общаться до трех ночи, но это оказалось тяжело. В общем, когда охранники пришли нас выводить, они были в шоке!

Вся «палата» крепко спала, как будто никто и не собирался на свободу. Нас еле растормошили.

[...] Нас провожает начальник тюрьмы.

— Ну, девчонки, дай Бог вам больше сюда не попадать!

3 – 13 апреля

Мы вышли на крыльцо, полностью уверенные, что встречать нас в три часа ночи никто не придет. Большинство девчонок даже не передавали информацию друзьям и родным, чтобы не беспокоить их перед понедельником. Решили, что не спеша пойдем к метро, подышим, посмотрим, как встает рассвет, пообщаемся. [...] И вдруг из-за угла показались — одна, другая, третья! — лампады и свечи. Несколько десятков людей шли нам навстречу. Мы оказались в самом центре толпы, обнимались со знакомыми и незнакомыми людьми. В глаза ударили вспышки фотоаппаратов. Незнакомый дедушка тряс меня за плечи и что-то говорил. Я потом поняла, что — и взяла-таки у него алую гвоздичку.

[...] После нас развозили по домам. Люди, приехавшие на машинах, спрашивали, кому куда надо ехать, кого надо забрать. Незнакомые люди, приехавшие в ночь с воскресенья на понедельник, перед рабочей неделей, чтобы нас встретить.

Наверное, там, перед тюрьмой, впервые возникло у меня новое ощущение, которое потом никуда не исчезло, как родник, который не может пересохнуть даже в самую засуху.

Оно росло с каждым звонком близких друзей и далеких знакомых, которые с тревогой спрашивали, как я себя чувствую после тюрьмы и не надо ли чем-нибудь помочь. Оно пробивало себе русло, когда я слушала новые и новые рассказы:

— как в ночь захвата наши близкие поднимали друг друга с постели звонками и эсэмэсками — и к пяти утра уже никто из них не спал;

— как друзья, знакомые и коллеги обрывали телефоны судов и тюрем, разыскивая нас. Неимоверными усилиями пробивались в залы суда и на свидания. Неимоверными ухищрениями передавали записки. Держали связь с правозащитными организациями и независимыми журналистами. Подстраховывали нас, где могли, на работе; брались за наши срочные дела, успокаивали наших родителей. Знакомились друг с другом, часами стоя в очередях, чтобы передать передачу. Менялись адресами и телефонами. Организовывали каждый день передачи, договаривались, чтобы не нести одно и то же. После рабочего дня ехали в магазин закупать продукты. А на следующий день — утром или в обед — снова отправлялись к тюрьмам;

— как Пашка написал открытое письмо всем журналистам государственных СМИ, чьи электронные адреса нашел в интернете. В этом письме он просил не лгать, рассказывать правду, вспомнить о совести. И подписал своим именем и фамилией;

— как каждый день в Минске шли и идут до сих пор флэш-мобы. Как в мусорницу с надписью «БТ»* возле телецентра навалили гору лапши. Как люди пришли на Главпочтамт и заявили, что они хотят помочь Минскому коммунхозу, который, судя по его иску, совершенно разорился на уборке с площади остатков палаточного городка. И выстроились огромные очереди в кассы, и каждый говорил, что вот, со стипендии (зарплаты) отжалел тысячу-две, чтобы коммунальщики не загнулись от голода.

А в Музее Великой Отечественной войны, сотрудники которого заявили, что тоже якобы потерпели колоссальные убытки, перестали давать посетителям книгу благодарностей. Потому что несколько человек успели туда написать что-то вроде: «*Пришел. Память ветеранов почтил. А вам должно быть стыдно за ваш иск. Вот вам ваши тридцать сребреников*». Оставляли в книге мелочь и уходили;

— как мои друзья 25 марта стояли на Октябрьской площади живой цепью, взявшись за руки, пытались остановить военных, не дать им смять и рассечь толпу. Как вышли на улицы 40 тысяч неравнодушных людей! Жаль, что невозможно каждому из них сказать «спасибо» лично. Особенно тем, кто был избит, попал в больницу или тюрьму;

— как дворами, по-партизански, люди пробирались 25 марта на Октябрьскую площадь и к скверу Янки Купалы [...];

— как известные философы, журналисты, ученые, писатели, музыканты составили воззвание к белорусскому народу: «*...Мы, беларускія інтэлектуалы, людзі мастацтва і культуры, журналісты, звяртаемся да сваіх калег, усіх сумленных грамадзян Беларусі з заклікам не падтрымліваць дзеянняў рэжыму, скіраваных супраць уласных грамадзян, дэмакратычных каштоўнасцяў, нашай культуры і мовы. Не бойцеся! Перамога Свабоды непазбежная!*»**

Это уже не просто родник, это чувство — как река. И она ширится с каждым человеком, который звонит и предлагает помощь. Таким обыденным и чуть смущенным тоном. Предлагает пожить у него несколько месяцев. Найти толкового юриста. Помочь в поисках работы. Оказать врачебную помощь. Или просто приходит, молча обнимает меня и смущенно уходит.

Так вот об этом чувстве. В окрестинских коридорах я разговорилась с омоновцем, и он, вспоминая штурм, сказал: «А сначала вы хорошо держались, когда сцепились так крепко все вместе! Мы даже не знали, что делать, когда вы держались друг за друга».

В его голосе сквозило невольное уважение и даже что-то вроде одобрения. Это была очень важная фраза, она многое позволила понять. С того

---

* БТ: телеканал «Беларусь-ТВ».

** «...Мы, белорусские интеллектуалы, люди искусства и культуры, журналисты, обращаемся к своим коллегам, всем честным гражданам Белоруссии с призывом не поддерживать действий режима, направленных против собственных граждан, демократических ценностей, нашей культуры и языка. Не бойтесь! Победа Свободы неизбежна!»

момента и до сих пор во мне все крепнет и крепнет ощущение: сцепка никуда не делась, мы держимся крепко, как никогда раньше. И значит, все в порядке. Я в сцепке. Как и там, когда мы сели на площади: слева плечо, справа плечо, руки сомкнуты под локоть с соседями, сам вцепился в человека спереди, и кто-то так же крепко держит тебя сзади. И страх уходит: среди сомкнутых плеч ему нет места.

Я — в сцепке. Только эта незримая сцепка больше и сильнее, чем на площади. И она растет, крепнет с каждым днем. С одной стороны я чувствую теплые плечи «сокамерников» — всех, кто узнаёт друг друга по особому «политкаторжному» кашлю и, знакомясь, представляется примерно так:

— Юра. 15 суток. Сидел на Окрестина.

С другой стороны рядом в сцепке женщина-врач, которая осмотрела меня на дому и погнала лечить острый бронхит, нажитый в тюрьме. И знакомый милиционер, который написал, что он нами восхищается и в его доме я всегда найду помощь, если буду в ней нуждаться. И друг-преподаватель, который при встрече попросил листовок: «Ну, свой-то дом я точно "обслужу"». И многие, многие другие люди.

Сейчас в сцепке если не бóльшая, то достаточно большáя часть нации. Надеюсь, этот процесс уже не остановить. Критическая масса достигнута. Цепная реакция пошла, но это реакция не распада, а, наоборот, объединения. Пусть медленно, пусть многие люди пока еще в растерянности и не знают, что делать. Главное — этот глухой гул подпольного протеста, который рвется наружу. Главное — что многие люди начали думать по-новому. Да что там — просто начали думать. Мы стали другими — и те, кто стоял на площади, и те, кто стоял в очередях у тюрем. И это главная наша победа.

Тоталитаризм, как и разруха, — не в сортирах, а в головах. Тоталитаризм — это мой отец, который слепо верит БТ. Это неизвестный коллега, «услужливо» положивший на стол моему шефу видеокассету с записью «Евроньюс». Это студент, проголосовавший по приказу декана досрочно. Это начальник, который увольняет сотрудника, отсидевшего 15 суток: «как бы чего не вышло».

Печально, но факт: Лукашенко в Беларуси — это было вполне закономерное явление. Тоталитарную систему не под силу установить одному человеку или даже группе людей. Для этого нужна *готовность* покорного большинства. Несвобода в стране начинается с несвободы и страха в душе отдельного человека. С готовности (и даже подсознательного желания) подчиниться, передоверить ответственность за себя, детей и страну очередному «батьке». С желания «промолчать» и «не ввязываться». С привычки жить подлостью и рабским подобострастием, унижаться, трепетать перед начальством, стучать на коллег, трястись за свое драгоценное рабочее место.

Но коль вся несвобода начинается с той, которая в голове, то справедлив и обратный тезис. Свобода тоже начинается в головах.

Там, на белорусском Майдане, мы обрели в первую очередь внутреннюю свободу. Когда смотрела фотографии *оттуда*, поражалась, насколько у людей

были счастливые сияющие лица. Площадь, как грехи, отпустила наш страх. Сейчас вещи, [illegible] можно пересчитать по пальцам одной руки.

Потрясающее, никогда раньше не испытанное ощущение внутренней свободы — вот главное, что мы вынесли для себя с площади. Все получилось. Мы в сцепке, и она не распадется. Пусть на площади нас было немного? — но на каждого из нас приходилось десять человек, которые не прошли кордоны, слегли с температурой, собирались прийти с утра. И как минимум сто тех, которые носили на площадь еду и горячий чай, готовили позже передачи и флэш-мобы, разбрасывали листовки, неделями не вылезали из интернета, составляли списки задержанных. Писали стихи и песни. Публиковали открытые письма и заявления.

А сколько на каждого из нас приходится людей, которые наконец-то начали думать, поверили в себя и в свой народ — бог весть. Может, и по тысяче.

Сейчас Беларуси не столько нужен героизм, сколько элементарная человеческая Порядочность. Так и вижу рецепт от тоталитаризма: 100 мг Порядочности на душу населения. Ежедневно.

Порядочность — это способность отказаться от навязываемых нам правил театра абсурда и лжи. Способность сказать свое личное маленькое «нет» режиму. Не отчислять «политических» студентов и уговорить коллег этого не делать. Не увольнять сотрудников, побывавших на сутках. Не участвовать в уродских «товарищеских судах». Не писать «заказных» политических статей. Не промывать мозги школьникам. Не тянуть молодежь насильно в БРСМ.

В наших партизанских условиях и фига в кармане — оружие. Если она крепко свернута.

Народ белорусский — не быдло! Теперь я это точно знаю, и за таким знанием *стоило* идти на морозную нашу площадь, а потом в тюрьму. Как бы там ни обернулось, я *счастлива*, что там была. Нам было ради кого стоять.

Эпилог

[...] 15 апреля

Вчера над Минском весь день были тучи, а воздух все же потеплел. Весна потихоньку отвоевывает позиции.

Поздно вечером вместе с тем человеком, чье имя я твердила в белом дворике на Окрестина, мы шли по набережной вдоль Свислочи, возле Немиги. [...]

В этот момент я поняла еще кое-что важное. Я *люблю* этот удивительно красивый город. Люблю людей, которые здесь живут. Пока есть кому вязать на перила черные ленточки и писать на асфальте строки Ахматовой, — я не хочу, не могу, мне *нельзя* умереть или уехать отсюда (что, в сущности, одно и то же).

Мне нужно еще многое сделать в этом городе. Рассказать всем, кто захочет услышать, *кто* и *зачем* стоял на площади. [...] Сходить 19 апреля в БГЭУ,

где преподаватели заставляют одногруппников нашей Тани Дедок устроить над ней так называемый *товарищеский суд*. Чтобы принудить студентов к такому позорищу, пригрозили разогнать группу и всех отчислить. Ничего, мы им устроим «товарищеский суд»! Придем с цветами, воздушными шариками, будем стоять, сколько понадобится. Спросим у преподавателей, помнят ли они такой архаизм — «совесть».

А 26 апреля надо сходить на «Чернобыльский шлях». И желательно вернуться оттуда: если меня второй раз загребут на несанкционированном митинге (шествии), меня, возможно, будет ждать уголовная статья и до двух лет тюрьмы. Не хотелось бы: у меня здесь, на свободе, непочатый край работы.

Я кое-что задолжала своему городу и стране. Ни много ни мало — жизнь. Жизнь без страха и лжи.

Далучайцесь!

P. S.

Мне хотелось бы закончить вот так — светло и ясно, но я не могу. Когда эта книга уже готовилась к печати, пришли плохие вести. Очень плохие.

У нашей Ирки Завадской умер от сердечного приступа отец. Его вызывали в деканат колледжа, он вернулся домой намного раньше дочери и жены. Его нашли уже мертвым.

На собрании в поддержку Тани Дедок люди в штатском задержали одиннадцать человек. Я сама еле унесла оттуда ноги: мы спешили к метро, а за нами на дистанции три-четыре метра шли четверо гэбэшников. Улыбались. В открытую снимали на видеокамеру.

По всей стране идут аресты и задержания активистов.

Но мы держим сцепку! Площадь продолжается. Мы повторяем единственное заклинание, которое может помочь и нам, и стране:

ДА-ЛУ-ЧАЙ-ЦЕСЬ!*

2006, № 3 (129)

---

* 14 июля 2006 года экс-кандидат в президенты Белоруссии, лидер Белорусской социал-демократической партии («Грамада») Александр Владиславович Козулин приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы.

V. РОССИЯ И КИТАЙ

1. АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ
Бабочка Чжуан Чжоу

> Вчера мы об этом неоднократно говорили с руководством Китайской Народной Республики. Мы исходим из того, что российско-китайское взаимодействие сегодня превратилось в ключевой фактор международной безопасности, тот фактор, без которого невозможно принятие основных решений в рамках международного сотрудничества. Я могу вам сказать откровенно, что, может быть, не всем даже нравится такого рода стратегическое взаимодействие, которое существует между нашими странами. Но мы понимаем, что это взаимодействие в интересах наших народов, и мы будем его всячески укреплять, нравится это кому-то или нет!
>
> *Д. А. Медведев.*
> *Лекция в Пекинском Университете*
> *24 мая 2008 года*

1

В мае минувшего года в Высшей школе международных отношений в Вашингтоне состоялся семинар, на котором с докладом «Шанхайская Организация Сотрудничества: Новые тенденции» выступил важный гость из Китая профессор Pan Guang. Перечисление всех его титулов заняло бы очень много места. Для краткости скажу, что он такой китайский Георгий Арбатов советских времен. Выездная модель Международного отдела ЦК с человеческим лицом, английским языком и серьезными полномочиями.

Я заглянул минут на пять, чтобы почувствовать тональность официального доклада, по которой можно было бы предсказать все его содержание, но остался до конца.

Передаю поток сознания товарища Пэна в максимально близком к английскому оригиналу переводе на русский язык:

Ни одного серьезного коллективного экономического проекта ШОС в странах Средней Азии не осуществляется. Русские хотели бы проводить их через те структуры, в которых, как им кажется, они доминируют: СНГ, Евразийский Союз, — но это пустые организации, они подписали более тысячи документов, но ни один из них не работает. Поэтому мы заключаем серьезные двухсторонние соглашения с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном.

Два года назад приезжал к нам В. Путин. Говорил о каком-то Энергетическом Клубе. Мы до сих пор не поняли, что это такое. Да и какой может быть клуб у страны-поставщика со страной-потребителем? Русских интересует только цена на энергоносители. Они угрожают европейцам, что если те не примут их цену, они будут продавать газ и нефть нам. Потом они приезжают к нам и говорят, что если мы не согласимся на их условия, то они будут все продавать европейцам.

О чем с ними вообще можно договариваться? Мы заключили соглашение с М. Ходорковским, а они посадили его в тюрьму. С тех пор пять лет идут пустые разговоры. А мы за это время построили нефтепровод из Казахстана.

Да и вообще, когда в 2001 — 2003 годах у них были хорошие отношения с Западом, они и думать забыли и о Китае, и о ШОСе. А сейчас, когда им понадобилась какая-то политическая опора на Востоке, они снова приезжают к нам.

Где-то я это уже слышал или читал, подумал я. А может, товарищ Пэн не существует, и он просто эманация моего сознания? Как Чжуан Чжоу с его бабочкой две с половиной тысячи лет назад, я уже не мог понять: или мне снится, что я товарищ Пэн, или я и есть Пэн, которому снится, что он Пионтковский, писавший несколько лет тому назад:

Вообще все российское евразийство исторически вторично, является функцией обиды на Запад и выполняет для российской «элиты» роль не более чем психологической прокладки в критические дни ее отношений с Западом. Все эти мотивы великолепно артикулированы в знаменитой блоковской поэме. Страстное объяснение в любви к Европе при малейшем сомнении во взаимности сменяется угрожающим — «а если нет, нам нечего терять и нам доступно вероломство... мы обернемся к Вам своею азиатской рожей».

При чем тут Китай, Индия, сербские братушки, иракский или северокорейский диктаторы? Все это не более чем сиюминутные поводы, необходимые страдающей маниакально-депрессивным синдромом российской «элите» для выяснения отношений с вечно ненавидимым и вечно любимым Западом. Не к случайному собутыльнику, а к небесам Запада обращен экзистенциальный русский вопрос «А ты меня уважаешь?»

Китайцы, кстати, все это прекрасно понимают и поэтому относятся к российским спорадическим заигрываниям скептически и с неизбежной дозой снисходительного и высокомерного презрения. Можно, конечно, из тактических соображений некоторое время обозначать фальшивые привязанности, но занятие это довольно утомительное.

Китай — это кошка, которая гуляет сама по себе вот уже несколько тысячелетий, самодостаточная держава, никакими комплексами в отличие от

российской политической «элиты» не страдающая и ни в каком стратегическом партнерстве с Россией, тем более на антиамериканской основе не нуждающаяся. Если эти бледнолицые северные варвары, в свое время навязавшие Срединной империи несправедливые договоры, почему-то придают такое значение бумажонкам о стратегическом партнерстве и многополярности, то ради бесперебойных поставок российского оружия можно эти бумажки и подписать.

Но отношения с США — с основным экономическим партнером и политическим соперником — для КНР гораздо важнее, чем отношения с Россией, и, выстраивая их, Пекин будет руководствоваться чем угодно, но только не комплексами российских политиков.*

Я ущипнул себя, но бабочка продолжала порхать живой иллюстрацией к моей статье. Оттоптавшись от души на своем великом северном соседе и продемонстрировав американской аудитории всю его несостоятельность как партнера, товарищ Пэн перешел непосредственно к деловой части своего визита в Вашингтон.

Почему-то ШОС принято считать антиамериканской организацией, — задумчиво произнес он. — *На мой взгляд, это глубокое заблуждение. У отдельных членов ШОС могут быть трения с США, но это вовсе не означает, что ШОС в целом антиамериканская организация. Вот, например, у ряда стран АСЕАН есть проблемы с США, но разве АСЕАН — антиамериканский блок?*

Нас очень беспокоит ухудшение ситуации в Афганистане. По понятным причинам мы не можем участвовать в военных операциях под командованием блока НАТО, членом которого мы не являемся. Но можно подумать о другом формате. В Южном Ливане, например, сейчас находится около тысячи китайских солдат по мандату ООН. Но что такое для нашей безопасности Южный Ливан по сравнению с находящимся у наших границ Афганистаном?!

Ну вот, теперь, наконец, мессэдж товарища Пэна приобрел архитектурную стройность и законченность. Шанхайская Организация Сотрудничества — эффективный инструмент поглощения Средней Азии Китаем и вытеснения оттуда России. В результате в Большой Игре Китай остается Вашим единственным партнером. И мы готовы стать, по Вашему излюбленному выражению, ответственным *stakeholder*'ом в системе глобальной безопасности. В том числе и в обеспечении стабильности Афганистана, в чем Вы так остро нуждаетесь. И в чем Вам мало чем могут помочь Ваши натовские союзники, которые не воюют после 6-ти вечера, как немцы, или во время сиесты, как итальянцы...

Я скользнул глазами по списку участников семинара. Среди них значился N., Embassy of Russian Federation. Значит, китаец знал, что присутствует дипломат из русского посольства, который скорее всего его записывает, и тем не менее не стеснялся в своих, мягко говоря, не очень уважительных по отношению к «стратегическому партнеру» оценках. Похоже даже, что он

---

* *Пионтковский А.* Вызовы XXI века и российская политическая элита. — «Мир Перемен», международный научно-общественный журнал, 2004, № 2.

их специально акцентировал. На уровне приближенных к власти экспертов Китай уже не считает нужным что-либо скрывать.

А разве не были демонстративным вызовом России беспрецедентные военные учения Пекинского и Шеньянского военных округов осенью 2006 года? Именно эти округа прилегают к границе с Россией: Шеньянский противостоит Дальневосточному, а Пекинский — Сибирскому военному округу ВС РФ. В ходе учений части Шеньянского ВО совершили бросок на расстояние 1000 км на территорию Пекинского ВО, где провели учебное сражение с частями этого округа. Подобный сценарий учений — это подготовка к войне с Россией, причем отрабатывается наступление, а не оборона. Применительно к Тайваню указанный сценарий не имеет смысла. Отрабатывались глубокие наступательные операции на суше, в горно-степной местности; их объектами для Китая могут быть лишь Россия и Казахстан. Кстати, рельеф той местности, где проходили учения, аналогичен забайкальскому, а 1000 км — это как раз от российско-китайской границы по реке Аргунь до Байкала.

Если N. послал файл с докладом Пэна в Москву, то это уже было поступком. Дипломаты и разведчики не любят отправлять депеши, которые явно не понравятся их боссам. Товарищ С. Лавров, конечно, не товарищ Л. Берия, который начертал 21 июня 1941 года на донесении советского разведчика: «*Стереть в лагерную пыль!*» Но зачем ему свидетельства краха картонных идеологем его политики, всех этих замшелых примаковских многополярных треугольников или свеженькой карагановской фенечки о Новой Эпохе Противостояния двух конкурирующих моделей социально-экономического развития? За этими потугами на концептуальность всегда стояло простенькое желание воскликнуть: «Нас с Великим Китаем 1,5 миллиарда человек», — и погрозить Америке сухоньким кулачком из китайского обоза. Но, похоже, не берут в этот обоз кремлевских нефтетрейдеров.

Вечером того же дня (22 мая) я увидел на экране телевизора Д. Медведева, дававшего интервью китайским журналистам накануне своего первого зарубежного визита в качестве президента России. Медведев держался очень уверенно, солидно, по-государственному, за исключением, пожалуй, одной странноватой фразы: «*Я надеюсь, что переговоры с нашими китайскими товарищами...*»

Стоп. Какие они ему товарищи? Это обращение принято между единомышленниками-коммунистами. Дмитрий Анатольевич Медведев — крупный русский буржуазный политик и бизнесмен. Из каких глубин подсознания всплыло это явно фальшивое в данном контексте слово? И кроме того, в отличие от остального текста, оно было произнесено с какой-то совершенно несвойственной Медведеву робко искательной интонацией.

Как сказал бы Штирлиц, у меня защемило сердце. Где-то я уже слышал это словечко «товарищи», звучавшее примерно в той же тональности. Ну, конечно! — Это же был несчастный профессор Плейшнер на провалившейся явке в Берне. Он тогда уже подсознательно почувствовал, куда он вляпался, но трогательно беспомощно попытался обмануть себя и отмахнуться от

смутного подозрения этим наивно заискивающим обращением: «*Передайте товарищам...*» Тогда они его еще выпустили.

Но когда уже невозможно было больше себя обманывать, он обреченно выдохнул : «Я ошибся...»

2

Ежегодно чикагский совет по глобальной политике (Chicago Councilon Global Policy) проводит двухдневную неформальную встречу экспертов из разных стран (человек 20 – 30) для обсуждения ключевых проблем мировой политики. Здесь не принято делать специальных докладов. Участники в свободном режиме обмениваются мнениями по вопросам, которые сами считают нужным поставить.

Я приехал в этот раз (12 – 14 июня) под свежим впечатлением от доклада товарища Пэн Гуана в Вашингтоне. Желающие сами могут ознакомиться с аудиозаписью этого, на мой взгляд, исторического семинара (www. silkroadstudies. org/new/inside/forum/CACI_2008_0522.html).

Кстати, Fred Starr, который в качестве директора проекта «Шелковый Путь» высшей школы международных исследований вел семинар, рассказал мне, что визит товарища Пэна в течение двух месяцев готовился на высоком уровне в Пекине и Вашингтоне и его специально попросили предоставить площадку для публичного выступления Пэна.

В Чикаго на этот раз были два весьма высокопоставленных китайца, такого же плана, как и Пэн, только более молодого поколения.

Чикагский совет проводил свою встречу по правилам, не позволяющим атрибутировать цитаты, поэтому на этот раз я не буду называть имен китайских участников.

Естественно, что когда речь зашла об Афганистане, я спросил, а что наши китайские друзья думают о непростой обстановке в этой граничащей с Китаем стране и не исключают ли они возможности китайского военного участия в стабилизации ситуации.

Китайцы, как мне показалось, посмотрели на меня с благодарностью за этот пас и довольно долго и заинтересовано говорили на эту тему. Они пошли даже несколько дальше Пэн Гуана, который, как помним, допускал присутствие китайских войск в Афганистане исключительно под эгидой ООН. Мои чикагские китайские коллеги говорили о возможности двухстороннего соглашения Китай — НАТО, о чем, как они заметили, уже шел предварительный обмен мнениями во время визита межпарламентской делегации НАТО в Пекин.

«Как же так, — ошарашено спросил один западный коллега, — ведь все китайские официальные документы осуждают блоковую политику?»

Ответом ему была снисходительная улыбка.

Чикагская встреча подтвердила то, что было уже ясно после семинара в SAIS. Китайцы проводят активный зондаж на предмет предложения сво-

ей помощи США в Афганистане. Как сказал в Чикаго китайский коллега в частной беседе: «Мы им предлагаем, а они пока осторожничают».

Естественно, что осторожничают. С чисто военной точки зрения американцы, конечно, нуждаются в такой помощи. Китайцы — это не европейцы, которые не воюют после 6-ти часов вечера и дальше, чем в часе езды от ближайшего госпиталя. Но в более широком контексте принятие китайского предложения означало бы такой серьезный геополитический выбор, который уходящая через несколько месяцев администрация просто не имеет права делать.

Это было предложение следующему президенту. Предложение блестящее по своему стратегическому замыслу. Его реализация позволила бы Китаю одновременно решить целый ряд геополитических задач.

Во-первых, фактический военный союз США и Китая в Афганистане внес бы полную определенность в структуру ключевого для Евразии треугольника Китай — США — Россия. Россия становилась бы в нем третьим лишним, обреченным стать ближним зарубежьем Китая.

Во-вторых, военное присутствие Китая в Афганистане окончательно закрепило бы доминирование Китая в другой части его ближнего зарубежья — Среднеазиатском регионе с его огромными энергетическими ресурсами.

В-третьих, существенно изменится ситуация в треугольнике Китай — Индия — Пакистан. Китайское присутствие в Афганистане освободит Пакистан от навязчивого страха окружения Индией. Именно этот страх толкает сегодня могущественную пакистанскую ISI (Межведомственную Разведку) на фактическую поддержку исламских радикалов в Афганистане. В них они видят барьер против индийского проникновения.

В-четвертых, если военное сотрудничество будет складываться в формате Китай–НАТО, то оно политически привяжет и Европу к стратегическому союзу с Китаем. Изоляция России станет абсолютной.

В-пятых, не связанные условностями буржуазного гуманитарного права китайские войска зачистят интернациональные центры исламских радикалов (лишенных поддержки Пакистана) так основательно, что внешняя подпитка синьцзянского сопротивления будет полностью устранена.

Все эти пять пунктов сводятся к одной формуле — «Великая шахматная доска» по Збигневу Бжезинскому. Именно такой кондоминиум двух сверхдержав — США и Большого Китая — предлагал десять лет назад З. Бжезинский как модель мирового устройства в XXI веке. Тогда на пике американского могущества и влияния эта точка зрения казалась экзотической и маргинальной. Но китайцы умеют ждать. Они могли бы ждать и пятьдесят лет. События, однако, развивались гораздо быстрее.

Американцы умерили свою гордыню и осознали пределы своих возможностей, столкнувшись с серьезными трудностями в Ираке и Афганистане.

Проблема Тайваня, служившая основным препятствием к американо-китайскому сближению, нашла свое концептуальное решение в умах тайваньской элиты. Как замечательно предвидел писавший совсем о другом

острове Василий Аксенов («Остров Крым»), новое поколение гоминдановцев стало ощущать себя частью «Великого Китая», и необратимый процесс гонконгизации Тайваня, т. е. его мягкого поглощения, уже начался.

И наконец, складывавшийся было в 2001 – 2002 американо-российский стратегический союз был удачно похоронен дружными усилиями российской политической «элиты».

Китайцы блестяще выбрали время и акупунктурную невралгическую точку (Афганистан) для дебютного хода на «Великой шахматной доске».

Сравните масштабы стратегического мышления наследников Сунн Цзы и внуков Молотова–Риббентропа.

Каким будет ответный ход американцев? Пригласят ли они китайские войска в Афганистан? Б. Обама не очень опытен во внешней политике, но непререкаемым гуру и наставником для него является все тот же З. Бжезинский. Восьмидесятилетнему патриарху американской внешней политики может выпасть триумфальный шанс не только увидеть своими глазами, но и, наставляя молодого президента, осуществить реализацию своей излюбленной геополитической концепции.

2008, № 4 (138)

2. АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ
Шах или мат Збига?

1

Я заранее извиняюсь перед читателем за то, что здесь мне придется не раз повторить то, о чем я уже писал. Но это моя последняя (и, скорее всего, снова бесполезная) попытка объясниться с нашими «вождями» и нашей «элитой» по вопросу, который я считаю важнейшим для безопасности страны, а скорее, просто для ее выживания.

В июне прошлого года, наблюдая в Вашингтоне за активностью китайских «академиков», зондирующих почву для возможного американо-китайского военного сотрудничества в Афганистане, я, в частности, писал примерно следующее.

З. Бжезинский еще десять лет назад в своей знаменитой книге «Великая шахматная доска» предлагал кондоминиум двух сверхдержав — США и «Большого Китая» — как модель мирового устройства в XXI веке. Тогда, на пике американского могущества и влияния, эта точка зрения казалась экзотической и маргинальной. Но китайцы умеют ждать. Они могли бы ждать и пятьдесят лет. События, однако, развивались гораздо быстрее.

Американцы умерили свою гордыню и осознали пределы своих возможностей, столкнувшись с серьезными трудностями в Ираке и Афганистане.

Проблема Тайваня, служившая основным препятствием американо-китайскому сближению, нашла свое концептуальное решение в умах тайваньской элиты. Как гениально предвидел писавший совсем о другом Василий Аксенов, новое поколение гоминьдановцев стало ощущать себя частью «Великого Китая», и необратимый процесс гонконгизации Тайваня уже начался.

И наконец, складывавшийся было в 2001 – 2002 годах американо-российский стратегический союз, перспектива которого так беспокоила Пекин, был удачно похоронен дружными усилиями российской политической «элиты».

Китайцы блестяще выбрали время и акупунктурную точку (Афганистан) для дебютного хода на «Великой шахматной доске». Каким будет ответный ход американцев?

Барак Обама не очень опытен во внешней политике, но авторитетным наставником для него является все тот же Збигнев Бжезинский. 80-летнему патриарху американской внешней политики может выпасть триумфальный шанс не только увидеть своими глазами, но и, наставляя молодого президента, осуществить реализацию своей излюбленной геополитической концепции.

В сентябре 2008 года, анализируя геополитические последствия маленькой победоносной кавказской войны и прежде всего реакцию Вашингтона и Пекина, мне тоже довелось уже заметить, что Медведев, видимо, так еще и не понял, что же произошло в Душанбе 28 августа и что он там такое подписал. А подписал он там по существу декларацию о гарантиях территориальной целостности Казахстана и стран Средней Азии, данных Китайской Народной Республикой этим членам Шанхайской Организации Сотрудничества. Документ очень актуальный, потому что за два дня до этого, 26 августа, государственные границы всех 12 стран СНГ в одночасье потеряли свою легитимность.

Эти бывшие внутренние административные линии Советского Союза были превращены в государственные границы в декабре 1991 года по взаимному единодушному согласию государств-наследников СССР. 26 августа одна из двенадцати стран в одностороннем порядке это согласие разрушила. И какой же русский «патриот» не заговорил в эти дни о Севастополе и Северном Казахстане! С Севастополем у Лужкова-Батуринского, может, что-нибудь и получится, а вот что касается Северного Казахстана, то, как сказал бы товарищ Сухов, это теперь вряд ли. Восток дело тонкое.

Новая ситуация в полной мере касается, впрочем, и границ самой Российской Федерации и ряда ее национальных образований, о чем не преминули заявить имеющиеся там сепаратистские организации. Если вспомнить еще об изящной концепции Путина-Медведева насчет защиты военными средствами граждан с российскими паспортами, где бы они ни находились, то в целом заложена солидная правовая база для грядущей аннексии российского Дальнего Востока. Китайцам даже паспортов никому раздавать не придется.

И наконец, the last but not the least: китайские «академики» получили предварительный ответ на вопросы, поставленные им в Вашингтоне. Общим местом в американском внешнеполитическом дискурсе стала необходимость «консультаций с нашими союзниками и с Китаем» по вопросам политики в отношении России.

Процесс налаживания стратегического союза США и Китая, первые серьезные признаки которого мы с вами наблюдали в мае этого года, получил резкое ускорение все в том же августе. Римейк «Никсон-Мао-72» развертывается на наших глазах.

2

Железный Збиг приступил к реализации своей триумфальной миссии, даже не дожидаясь вступления нового президента в должность. Видимо, ему до сих пор не дают покоя лавры его вечного соперника — другой стареющей

примадонны американской внешней политики — Генри Киссинджера, почти сорок лет назад перевернувшего мировую шахматную доску своей сенсационной поездкой в Пекин, предварившей встречу Ричарда Никсона с Мао Цзэдуном. Падение СССР по большому счету началось именно с этого визита.

«Большая двойка, которая может изменить мир» — так назывался доклад, прочитанный им на прошлой неделе в Пекине на торжествах по случаю 30-летия установления дипломатических отношений между США и Китаем.

Доклад Бжезинского был выстроен блестяще. Сначала он скромно напомнил, как в 1978 году президент Джимми Картер направил его в Китай для тайных переговоров, результатом которых стала нормализация отношений между США и КНР (*вежливый кивок в адрес сидящего в президиуме Дж. Картера*).

«И сразу же изменилась расстановка сил на глобальной шахматной доске холодной войны не в пользу СССР, — продолжил докладчик. — А сколько славных дел можно сделать сегодня, подняв уровень наших взаимоотношений до неформальной, без галстуков, знаете ли, Большой Двойки, управляющей, извините, гармонизирующей мир, — тут и Иран, и Ближний Восток, и индо-пакистанский конфликт, и т. д.»

И наконец, замечательный финал: «И для президента Обамы — миротворца по своему призванию, и для президента Ху — автора концепции «гармонического мира» — эта задача окажется созвучной их самым сокровенным устремлениям. Это достойная миссия для наших двух стран, обладающих уникальным потенциалом для формирования нашего общего будущего».

Молодец, Збиг! Не сбился с темы, удержался и ни разу не произнес в этой парадной речи слово «Россия». Представляете, чего ему это стоило!

Читатели «Великой шахматной доски» хорошо помнят рекомендацию ее автора не препятствовать Китаю расширять свою естественную зону влияния в Евразии, включающую Тайвань, Среднюю Азию и потенциальные Дальневосточную и Сибирскую республики.

Если уже говорить о «созвучности самых сокровенных устремлений», то, действительно, эти рекомендации очень даже созвучны доктринальным установкам военных теоретиков КНР о «жизненном пространстве». Жизненное пространство, как они полагают, «используется для обеспечения безопасности, жизнедеятельности и развития страны» и «для сильных держав далеко выходит за рамки их государственных границ».

Кстати, к одиннадцати из своих двадцати четырех соседей Китай имеет территориальные претензии, а в китайских школьных учебниках географии в границы страны внесен ряд российских дальневосточных областей.

Насколько идея G2 с ее очевидными геополитическими последствиями разделяется сегодня американским политическим классом? Все в большей и большей степени. Во всяком случае тайваньский дебют был разыгран «Большой двойкой» строго по учебнику Бжезинского.

Если бы США готовились к серьезной геополитической конфронтации с Китаем (как можно было полагать в первые годы президентства Буша), то они рассматривали бы Тайвань как свой гигантский непотопляемый авианосец, холили и лелеяли бы сепаратистское правительство Чэнь Шуйбяня, — и тогда совсем другой была бы его политическая судьба. Но тайваньцы видят, что сегодня США относятся к острову скорее как к чемодану без ручки, который неудобно нести и который мешает увлекательной шахматной игре с КНР. Такая политика американской администрации во многом и предопределила исход недавних парламентских и президентских выборов 2008 года, которые привели к власти на Тайване гоминьдановских «героев Аксенова» во главе с президентом Ма.

Решение тайваньского вопроса не только закладывает необходимую базу для движения к Большой Двойке, но и кардинальным образом меняет горизонт китайского военно-стратегического планирования. В этом контексте совершенно иначе воспринимается история с беспрецедентными по масштабу десятидневными учениями двух прилегающих к границам России округов НОАК в сентябре 2006 года, так озадачившими военных экспертов.

Напоминаю.

Войска Шэньянского военного округа совершили бросок на 1000 километров на территорию Пекинского округа, где провели учебные сражения. Подобный сценарий учений — это подготовка к наступательной войне с Россией и применительно к Тайваню не имеет никакого смысла. Учения такого масштаба проводятся для проверки уже принятых стратегических концепций и оперативных планов.

Кремль, так любящий принимать угрожающую позу альфа-самца по отношению к Грузии и Эстонии и баловаться полетами стратегических бомбардировщиков к границам США и Великобритании, нашел достойный асимметричный ответ на китайский вызов. Китайские войска были приглашены на Урал в рамках учений стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эта замечательная ШОС была создана нами для «борьбы с однополярным миром» и оказалась идеальным инструментом для поглощения Китаем в среднесрочной перспективе бывших советских республик Средней Азии.

Такое поведение вполне укладывалось в уже более чем 15-летнюю историю болезни нашей политической элиты, страдающей евразийскими глюками и фантазиями, порожденными сном ее разума — от замшелых примаковских треугольников до свеженькой карагановско-лавровской фенечки о новой эпохе противостояния двух конкурирующих моделей капитализма — демократической и авторитарной.

За этими потугами на концептуальность всегда стояло простенькое желание воскликнуть: «Нас с Великим Китаем 1,5 миллиарда человек», — и погрозить Америке сухоньким кулачком из китайского обоза. Но, похоже, не берут в этот обоз кремлевских газотрейдеров.

3

И еще раз повторюсь.

Все эти годы я в меру своих слабых сил пытался разъяснить пациенту природу его недуга и несовместимость подобного недуга с жизнью руководимого им государства. О том, что все российское евразийство является функцией обиды на Запад.

При чем же тут Китай, Индия, сербские братушки, иракский или северокорейский диктаторы? Все это не более чем сиюминутные поводы, необходимые страдающей маниакально-депрессивным синдромом российской «элите» для выяснения отношений с вечно ненавидимым и вечно любимым Западом. Не к случайному собутыльнику, а к небесам Запада обращен экзистенциальный русский вопрос: «А ты меня уважаешь?»

Китайцы, кстати, все это прекрасно понимают и поэтому относятся к российским спорадическим заигрываниям скептически и с неизбежной дозой снисходительного и высокомерного презрения. Можно, конечно, из тактических соображений некоторое время обозначать фальшивые привязанности, но занятие это довольно утомительное.

Китай — это кошка, которая гуляет сама по себе вот уже несколько тысячелетий, самодостаточная держава, никакими комплексами в отличие от российской политической «элиты» не страдающая и ни в каком стратегическом партнерстве с Россией, тем более на антиамериканской основе, не нуждающаяся. Если эти бледнолицые северные варвары, в свое время навязавшие Срединной империи несправедливые договоры, почему-то придают такое значение бумажонкам о стратегическом партнерстве и многополярности, то ради бесперебойных поставок российского оружия можно эти бумажки и подписать. Но отношения с США, основным экономическим партнером и политическим соперником, для КНР гораздо важнее, чем отношения с Россией, и, выстраивая их, Пекин будет руководствоваться чем угодно, но только не комплексами российских политиков.

Разные мотивы движут создателями ШОС. С российской стороны — гнойная ненависть к Западу, раздражающему нашу комплексующую «элиту» самим фактом своего существования; социальная близость к обреченным диктаторам Средней Азии и желание путем ставки на них сохранить хоть какую-то видимость «ближнего зарубежья».

А с другой стороны, — холодный прагматичный расчет Китая, уже приступившего к решению исторической задачи экономического и демографического поглощения России и Средней Азии в придачу. Шанхайские игры интересуют Китай не сами по себе. Гораздо важнее для него достижение промежуточной стратегической цели, — втянув Россию в евразийский блок, перерезать ее политические связи с Западом и тем самым облегчить задачу ее плавного поглощения.

Конфронтация с Западом и курс на «стратегическое партнерство» и фактическую коалицию с Китаем ведут не только к маргинализации России, но

и к подчинению ее стратегическим интересам Китая и к потере контроля над Дальним Востоком и Сибирью — сначала de facto, а затем и de jure.

«Великим шансом для России» назвал это в газете «Ведомости» (13 июля) Александр Дугин, один из наших видных азиопов, влюбленный в эстетику СС и окормляющий советами высших сановников государства. С гордостью за отечественную историю заявил он как-то в своем судьбоносном манифесте «Евразия über Alles»: «В XVI веке Москва приняла эстафету евразийского имперостроительства от татар». Что же, азиопы Московии старательно пронесли эту эстафету через миры и века. Но если они, как и г-н Дугин, честные и последовательные азиопы и действительно полагают, что Евразия über Alles, то они должны понимать, что эстафету имперостроительства не только принимают, но и передают, что пять веков — это вполне приличный срок и что в XXI веке эту эстафету пора сдавать исторически более перспективному имперостроителю — Срединной империи, что, видимо, они и собираются сделать.

Священный Азиопский Союз императоров Пу и Ху — это союз кролика и удава. Он неизбежно и очень быстро приведет к полной хуизации нашего маленького Пу и нас всех вместе с ним. Мы просто не заметили, как, отчаянно пытаясь собрать хоть каких-нибудь вассалов в «нашем ближнем зарубежье», сами уже превращаемся в Ближнее Зарубежье Китая.

Что можно добавить к вышесказанному сегодня в начале 2009 года? Только то, что китайцы все меньше утруждают себя необходимостью притворяться и что-либо изображать. Они относятся к заискивающей перед ними российской клептократии и ее вождям с откровенным презрением и уже не скрывают это публично.

А как еще они могут к ним относиться, если в Китае членов ЦК (и даже, кажется, одного члена Политбюро) публично расстреливают на грузовиках на стадионах за гораздо меньшие прегрешения.

На разных уровнях нарастает откровенная демонстрация жесткости в отношении РФ и ее граждан. Выше говорилось уже о показательных военных учениях 2006 года. Все труднее идут экономические переговоры. Для Дальнего Востока России серьезную проблему уже на протяжении многих лет создает организованная преступность китайцев, контролируемая и координируемая разведывательными службами КНР.

Наконец, в последние месяцы систематический и организованный характер приобрели избиения российских челноков в приграничных китайских городах. Проблема стала настолько острой, что к ней обратилась телепрограмма «Постскриптум», традиционно относившаяся к мифу о «российско-китайской дружбе и стратегическом партнерстве» как к священной идеологической корове.

Китай действует все нахрапистей, и это ясно всем, кроме тех (а это подавляющее большинство российской политической «элиты»), кто сознательно засовывает голову глубже в песок

4

А как обстоит дело в США? Как далеко они готовы пойти по пути реализации концепции Большой Двойки? Объявил ли нам шах или поставил мат наш старый друг З. Бжезинский своей речью в Пекине?

Сдача Тайваня — это, конечно, серьезный и необратимый шаг. Но он еще не означает, что большинство американского истеблишмента готово и далее следовать курсу на «Большую двойку». Его среднесрочные тактические дивиденды очевидны, но в долгосрочном плане этот курс весьма рискован для США. Так полагают многие внешнеполитические эксперты не только в Республиканской партии, но и внутри администрации Обамы.

Обама — абсолютно прагматичный политик, лишенный каких-либо идеологических или догматичных привязанностей, и при всем его пиетете к З. Бжезинскому определять внешнеполитический курс США будет так, как он это видит в интересах США, опираясь на мнения ряда советников.

Бжезинскому, который говорил в Пекине уже как бы от имени Обамы, вполне возможно будут противостоять оппоненты, которые так же, как и Том Грехэм десять лет назад, все еще полагают, что «одна вещь совершенно очевидна — стабильность в тихоокеанском регионе окажется под угрозой, если присутствие России в Азии будет и далее ослабевать. Долгосрочные стратегические интересы США, да и большинства азиатских государств заключаются в присутствии сильной, экономически процветающей России в Восточной Азии. А если это так, то почему бы нашим двум странам, исходя из наших очевидных общих интересов, не подумать вместе над тем, как России воссоздать свою экономику на Дальнем Востоке таким образом, чтобы укрепить свой суверенитет в этом регионе».

С этими людьми можно и нужно работать, если мы хотим иметь союзников в сдерживании китайской экспансии, которая угрожает сегодня прежде всего нам самим, или если, по крайней мере, мы хотя бы хотим сорвать проект «Большой двойки». Но пока Москва дает сильные аргументы «китайскому лобби» внутри американского истеблишмента. Действительно, зачем помогать укреплять свой суверенитет на Дальнем Востоке тому, кто сам его фатально ослабляет. Да к тому же превращает антиамериканскую и антизападную истерию в основной идеологический инструмент своей внутренней политики.

Для российской клептократии антиамериканизм — это не только инструмент для оболванивания и мобилизации масс. Она сама крепко подсела на этот наркотик, заглушающий ее острый комплекс неполноценности. Это бывшая советская номенклатура, ее второй и третий эшелоны, сегодня в значительной степени гэбистские. Она слила СССР, государство, которому служила, ради личного обогащения; создала уродливую экономику-мутанта, позволяющую ей становиться еще богаче. Для чего? Для того, чтобы собирать и в угаре тратить свои сокровища на том же Западе, который она всегда ненавидела и который ненавидит сегодня еще гораздо больше за

свое историческое и метафизическое поражение, за уязвимость своих авуаров, за свое ничтожество.

Подобная диалектика души требует все больших и больших доз наркотика, все более решительного «вставания с колен». Такая «элита» не нужна в качестве союзника никому — ни Западу, ни Востоку.

Она не способна вывести Россию из глубокого кризиса ее цивилизационной идентичности, так же как не способна преодолеть нарастающий не просто экономический, а экзистенциональный кризис порожденной ею уродливой системы. Потому что для этого ей прежде всего пришлось бы признать свой интеллектуальный и нравственный крах и уйти с политической сцены. Она — не решение. Она — суть проблемы.

Она вынуждена будет уйти рано или поздно, если страна не утратила еще инстинкт самосохранения. И от этого рано или поздно зависит ответ на поставленный нами вопрос: шах или мат объявлен России в Пекине?

P. S.

Двадцатого января в день инаугурации нового президента США Генри Киссинджер опубликовал статью в лондонской «Independent» — «The World must forge a new order or retreat to chaos» («Мир должен сформировать новый порядок или погрузиться в хаос»).

Цитирую основные принципы «нового мирового порядка» теперь уже по Г. Киссинджеру — З. Бжезинскому:

«Роль Китая в новом мировом порядке ключевая. Наши отношения начинались как стратегический проект, направленный на сдерживание общего противника. За десятилетия они превратились в центральную конструкцию системы международных отношений...

Китайско-американские отношения необходимо поднять на новый, более высокий уровень. У нового поколения наших лидеров уникальная возможность превратить их в проект нашей общей судьбы так же, как это произошло в послевоенный период с трансатлантическими отношениями».

Так все-таки это мат. И не только от Збига. И не просто мат. Это полный позорный абзац всей нашей внешней политики.

P. S. P. S.

Двадцатого января Генеральный штаб НОАК призвал к более тесному военному сотрудничеству между Китаем и США. Единственным условием поставлено окончательное прекращение военных поставок Тайваню.

2009, № 1 (139)

3. АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ
Остров Сибирь

> Я могу вам сказать откровенно, что, может быть, не всем даже нравится такого рода стратегическое взаимодействие, которое существует между нашими странами. Но мы понимаем, что это взаимодействие в интересах наших народов, и мы будем его всячески укреплять, нравится это кому-то или нет!
>
> *Дмитрий Медведев*

Остров Сибирь I

11.01.2010[1]

Год назад я опубликовал в Гранях.ру и в «Континенте» статью (как неосторожно пообещал, последнюю) на тему, которую я считаю важнейшей для безопасности нашей страны, а точнее просто для ее выживания в существующих границах.

Я действительно не писал с тех пор о российско-китайских отношениях. Зато о них много и очень аргументировано (об экономических и военных аспектах соответственно) высказывались и в своих публичных выступлениях и в печати член-корреспондент РАН Алексей Яблоков и заместитель директора Института политического и военного анализа Александр Храмчихин.

События истекшего года в этой сфере были, по справедливому выражению А. Храмчихина, «эпохальными», и не вернуться к этой теме просто невозможно, несмотря на данное мною обещание.

Последний год «нулевых» кардинально ускорил динамику наметившихся процессов, сфокусировав все тревожные тенденции прошедшего десятилетия и определив повестку дня следующего. [...]

Что можно добавить сегодня к сказанному тогда, в начале 2009 года? Только то, что китайцы все меньше утруждают себя необходимостью притворяться и что-либо изображать. Они относятся к заискивающей перед

---

[1] Здесь и далее указаны даты, когда данная главка «Острова Сибири» впервые появилась на портале «Грани. Ру».

ними российской клептократии и ее вождям с откровенным презрением и уже выражают это чувство публично.

А как еще они могут к ним относиться, если в Китае подобных членов ЦК (и даже, кажется, одного члена Политбюро) публично расстреливают на стадионах за гораздо меньшие прегрешения.

На разных уровнях нарастает откровенная демонстрация жесткости в отношении России и ее граждан. Выше говорилось уже о показательных военных учениях 2006 года. Все труднее идут экономические переговоры. Для Дальнего Востока России серьезную проблему уже на протяжении многих лет создает китайская организованная преступность, контролируемая и координируемая разведывательными службами КНР.

Наконец, в последние месяцы систематический и организованный характер приобрели избиения российских «челноков» в приграничных китайских городах. Проблема стала настолько острой, что к ней обратилась телепрограмма «Постскриптум», традиционно относившаяся к мифу о «российско-китайской дружбе и стратегическом партнерстве» как к священной идеологической корове.

Китай действует все нахрапистей, и это ясно всем — кроме тех (а это подавляющее большинство российской политической «элиты»), кто сознательно засовывает голову глубже в песок.

2010

«Эпохальность» 2009-го выразилась прежде всего в том, что российскому руководству — военному и политическому — пришлось наконец высунуть голову из песка. Сделало оно это по-разному, но об этом чуть ниже.

Если учения 2006 года озадачили военных экспертов, то еще более масштабные военные учения «Кую аэ — 2009» (крупнейшие за 60-летнюю историю КНР) уже не оставили никаких сомнений: НОАК намеренно демонстрирует свою готовность к крупномасштабной сухопутной наступательной операции на территории России.

На этот раз в учениях, проходивших на территории четырех военных округов, участвовали около 50 тысяч военнослужащих сухопутных сил и ВВС, проверялись новейшие системы вооружений и национальная спутниковая навигационная система. Глубина броска общевойсковых дивизий была увеличена с одной тысячи километров (в 2006-м) до двух тысяч.

Ни в Гималаях, ни в Тайваньском проливе, ни в отражении гипотетической атаки США с воздуха и моря подобный боевой опыт Китайской армии не понадобится. Как мы и предполагали два года назад, горизонт военно-стратегического планирования КНР очевидно сократился на 10 – 15 лет, время, отводившееся ранее на военное решение Тайваньской проблемы. Перед НОАК стоят уже следующие перспективные задачи.

Для российских военачальников прикидываться и дальше шлангами в угоду политическим установкам стало просто невозможным. Красная Ша-

почка уже не могла не задать себе вопрос, зачем китайская бабушка отрастила себе такие длинные зубы.

23 сентября 2009 года на официальном сайте Министерства обороны РФ, размышляя о военных угрозах России на различных стратегических направлениях, начальник Главного Штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Скоков высказал мысль совершенно очевидную и даже банальную, но абсолютно недопустимую для российского официоза в атмосфере последних полутора десятилетий стратегического братания с Китаем и совместной «борьбы с однополярным миром»:

...Если мы говорим о Востоке, то это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях.

Надо полагать, что, прежде чем обсуждать подобные перспективы в сети, высшие военачальники детально проинформировали политическое руководство страны о том, что происходит на наших восточных границах.

Наверняка, они хотя бы в общих чертах ознакомили национальных лидеров и с официальными доктринальными установками военных теоретиков КНР о «*жизненном пространстве*», которое, как те полагают, «*используется для обеспечения безопасности, жизнедеятельности и развития страны*» и «*для сильных держав далеко выходит за рамки их государственных границ*». А стратегические границы жизненного пространства «*должны перемещаться по мере роста комплексной мощи государства*».

Кстати, не с этой ли доктрины и списана ученически медведевская внешнеполитическая концепция «зоны привилегированных интересов России»? Так, знаете ли, приятно, «вставая с колен», порассуждать в концептуальном плане, не имея ничего за душой, о территориях своих соседей как о зоне своих привилегированных интересов.

А каково самим почувствовать себя на чьей-то зоне, если этот кто-то, обладающий второй экономикой мира, многомиллионной армией, заточенной на глубокие сухопутные наступательные операции, и серьезным ракетно-ядерным потенциалом, тоже захочет преодолеть крупнейшую геополитическую катастрофу... XIV века — распад Монгольской империи — или для начала хотя бы крупнейшую геополитическую катастрофу второй половины XIX века?

Нет, не прямыми военными действиями, разумеется, а исключительно в духе стратагем Сун Цзы: *Эффективный контроль, осуществляемый в течение продолжительного времени над стратегическим районом, который находится за пределами географических границ, в конечном итоге приведет к переносу географических границ*[2].

Как справедливо предупреждало Министерство регионального развития РФ (и об этом тоже, видимо, было доложено высшему политиче-

[2] Цзефанцзиньбао, 10.3.1988

скому руководству) в подготовленном им проекте «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года», главной «угрозой» и «вызовом» региону является «*опасность превращения этой территории только в источник энергоносителей и сырья для стран АТР*»[3].

И обладая таким знанием, в котором столько печали, какие же исторические решения принимает высшее российское политическое руководство во второй половине 2009 года?

Эпохальные. Игнорируя все предупреждения экспертов, оно само реализует «угрозы» и «вызовы» российскому суверенитету, действительно превращая территорию Дальнего Востока и Восточной Сибири только в источник энергоносителей и сырья, но не «для стран АТР», а для одной из стран АТР. Той самой, которая почему-то с настойчивой регулярностью убедительно демонстрирует нам свои потенциальные возможности по использованию военной мощи на территории России.

В ответ на эту демонстрацию российское руководство капитулировало на экономических переговорах и пошло на те соглашения, которых китайская сторона домогалась от нас в течение многих лет.

Сначала глава КНР Ху Цзиньтао и президент Дмитрий Медведев торжественно подписали в Кремле сделку века (по медведевскому выражению) — контракт на двадцать лет на поставку Россией Китаю 300 млн. тонн нефти общей ценой 100 млрд. долларов (меньше 50 долларов за баррель). Учитывая, что еще придется построить нефтепровод с заявленной стоимостью 29 млрд. долларов, реальная цена для России будет значительно меньше и явно убыточной. Однако первый вице-премьер Игорь Сечин поспешил публично объявить ее «справедливой». Впрочем, лично для г-на Сечина и других августейших нефтетрейдеров, скрывающихся за фигурой какого-нибудь скромного вьетнамского посредника с бутанским паспортом Тим Чен Хо, цена эта может оказаться даже очень справедливой. Так или иначе был сделан первый важный шаг к превращению Российской Федерации в сырьевой придаток Срединной Империи.

Но наш младшенький президент, привыкший за годы своей непорочной службы в комитете по внешним сношениям питерской мэрии и «Газпроме» если делать, то по-большому, не мог естественно на этом остановиться и подписал с тем же Ху 23 сентября 2009 года (случайное, но весьма символическое совпадение с датой заявления генерала С. Скокова!) в городе Нью-Йорке еще одно эпохальное соглашение — «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и северо-востока КНР», включившую более 200 совместных проектов.

По этой программе Россия отдает в совместную разработку природные месторождения полезных ископаемых, из которых в Китае будет налажено производство железа, меди, молибдена, золота, сурьмы, титана, ванадия,

---

[3] http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/DV_str0905.doc?AttachID=

серебра, германия, олова и т. п. Китай готов строить перерабатывающие производства и на российской территории, если на них будут работать китайские рабочие. Примерно по такой же схеме Китай заключил в последние годы целый ряд соглашений с африканскими диктаторами. Правда, в Африке соглашениями предусматривалось создание гораздо большего числа рабочих мест для туземцев.

Та же программа предполагает расширение пограничных пропускных пунктов и «*укрепление российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой деятельности*». Сразу же после ее подписания в Китае была создана госкомпания для инвестиций в сельскохозяйственное производство, предполагающее аренду/скупку земли в России.

Собственно, Китай получил все, что ему сегодня необходимо, — лицензию на переваривание в течение «*продолжительного времени*» (9 лет) «*стратегического района, который находится за пределами географических границ*», плюс стабильные поставки энергоресурсов из страны, которую он будут переваривать. За повторной лицензией он уже не придет. Как справедливо подчеркивают его теоретики, «*эффективный контроль в течение длительного времени в конечном итоге приведет к переносу географических границ*». Отныне игра будет вестись исключительно по китайским правилам.

Эта вторая подряд блистательная стратегическая победа, одержанная в классических традициях китайского военного искусства без обнажения меча, без единого выстрела, если не считать огневые средства, задействованные во время учений. Беспрецедентный по своему масштабу и энергетике торжественный военный парад на площади Тяньанмэнь в Пекине 1 октября 2009 года, посвященный 60-летию КНР, стал по сути парадом Победы, одержанной как на Юге, так и на Севере.

Секрет успеха по-китайски — понять психологию Другого, подчинить его волю, использовать в своих интересах его комплексы, его идеологемы, его благородство или его низость.

В первом случае опереться на патриотический романтизм тайваньских гоминдановцев, их стремление стать частью Великой Родины.

Во втором — на абсолютный цинизм и безответственность кремлевской клептократии — этой последней генерации советской коммунистической номенклатуры, финального продукта ее вырождения.

Полная Хуизация наших маленьких Пу-Ме и нас всех вместе с ними, о неизбежности которой мы предупреждали еще пять лет назад, свершилась. И она действительно идеально укладывается в логику поведения российской «элиты» в течение последних двадцати с лишним лет. Хорошо напомнил об этом недавно в своей статье, посвященной памяти Егора Гайдара, коллега Л. Радзиховский:

Сбрасывание балласта *— вот что такое были все реформы, все усилия. Сбрасывание — ненужных «союзных республик» («среднеазиатское подбрюшье»), тяжелой социальной сферы, бездарной «советской промышленности», неподъемной науки и культуры — наследия Империи... Итог? Редукция всей*

страны к нефтегазовому Хребту — и его административной проекции, Вертикали.

Теперь уж вроде все, что могли, сбросили, — а шар все не поднимается...

Не правда ли, как органично вписывается и даже напрашивается в этот семантический ряд, в этот вектор перманентной редукции и Восточная Сибирь с Дальним Востоком? Чтобы сохранить позиции России в этом регионе перед лицом очевидного экзистенциального вызова, населению страны необходимо осознать себя народом, а бескорыстной и подвижнической власти предложить ему общенациональные ориентиры и задачи. Способна ли на это российская клептократия — все эти, по их собственному меткому определению, «*продажные чиновники и ничего не предпринимающие предприниматели*», второй и третий эшелоны бывшей партийной и гэбистской номенклатуры?

Эти люди ради своего личного обогащения уже «слили» одно государство, которому они присягали, — Советский Союз — и создали уродливую мутант-экономику, позволяющую им непрерывно становиться еще богаче. Для чего? Для того, чтобы собирать и в угаре тратить свои сокровища на том же Западе, который они всегда ненавидели и который они ненавидят сегодня еще гораздо больше за свое историческое поражение, за уязвимость своих авуаров, за свое ничтожество.

Слив теперь Восточную Сибирь и Дальний Восток в «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы» в зону жизненного пространства Китая, они отстранились от ответственности за судьбу региона, чтобы продолжать безмятежно вставать с колен, чирикать в жидком г. о модернизации, «щелкать по носу» то Грузию, то Эстонию и распиливать миллиарды китайских долларов.

«*Получается, что без какого-либо открытого обсуждения Кремлем предрешается судьба Дальнего Востока России. Нужно каким-то образом срочно остановить это опасное и унизительное для России "сотрудничество"*», — справедливо призывает Алексей Яблоков.

Срочно остановить вряд ли получится. Как заметил томский автор А. Лукьянов, одной из причин «эпохальных решений», принятых в Кремле, «*могло быть желание нынешнего российского руководства получить дополнительные гарантии устойчивости своей власти. Китайские лидеры должны прекрасно понимать, что в случае смены власти в России любое правительство, которое придет на смену нынешнему, будь оно либеральным, коммунистическим, националистическим, красным, белым, зеленым или серо-буро-малиновым в крапинку, немедленно поставит вопрос о пересмотре условий "сотрудничества", столь выгодного для Китая, но прямо противоречащего национальным интересам России. Таким образом,* ***Китай становится субъектом, непосредственно заинтересованным в том, чтобы власть в России и далее оставалась в руках группы физических лиц, столь великодушно уступивших ему ресурсы Сибири и Дальнего Востока***».

Группа физических лиц одной крови, о которых идет речь, недавно публично бахвалилась, как в 2011 году они сядут рядышком на скамеечке и решат между собой, как им нами править еще 24 года. Да двадцать четыре года

их даже китайцы терпеть не станут. На такой срок у них просто территорий и людишек не хватит для слива (редукции).

Есть тысяча причин, по которым антинациональный, насквозь коррумпированный, ничтожный и пошлый, оскорбительный для достоинства России и русских режим Пу-Ме должен уйти. Но достаточно только первой. Этот режим — **ликвидационная комиссия России**.

Я не знаю, как именно он уйдет. Но он обязательно уйдет. Выбирая между ним и Россией, Провидение предпочтет Россию.

Остров Сибирь II

08.02.2010

> Имел я полчаса тому разговор с Чжоу Шень-Мином. Друг мой, властелин Поднебесной, обеспокоен положением китайцев в Западной Сибири. Учитывая, что китайцев в Западной Сибири 28 миллионов, я хорошо понимаю озабоченность моего друга Чжоу Шень-Мина.
>
> *Владимир Сорокин, «День опричника»*

Чтение бригадных постов в комментах небесполезное занятие. За их незатейливым блеянием легко прочитываются последние установочные методички. А методичка — это не только пропагандистская установка для своих. Она всегда невольно выдает какие-то сокрытые решения и планы власти, которые ее политтехнологическая обслуга считает необходимым как-то камуфлировать и облагораживать.

Вот, например, центральный тезис, на который я раз за разом в различных вариациях наталкивался на форумах, обсуждавших «Остров Сибирь I»:

Экспансия Китая на Дальний Восток и в Сибирь неизбежно продолжится. Это надо принять как данность, единственное, что можно и должно сделать в сложившейся ситуации, — направить этот процесс в цивилизованное русло, без варварства и эксцессов, без открытого противостояния максимально выгодным для России способом, чем, по-моему, и занимается Путин, возможно, и не без ошибок.

Принять как данность, избежать противостояния, расслабиться и получить для России в этой непростой ситуации максимальное удовольствие... Что же, довольно грамотно изложенная позиция, которая прекрасно объясняет и оправдывает все, что происходит на наших глазах в российско-китайских отношениях.

Сегодня она спускается пропагандистскому активу в установочных методичках для служебного пользования, года через два-три открыто прозвучит в Послании Федеральному собранию, а еще лет через десять-двенадцать наш бессменный и бессмертный национальный лидер цивилизованно обсудит без варварства и эксцессов со своим другом Чжоу Шень-Мином положение китайцев в Западной Сибири.

Судя по поведению российских властей и аргументации их шестерок в интернет-дискуссиях, эта позиция мудрого смирения перед неизбежностью китайской экспансии принята ими как стратегическая.

Смирилось ли с ней по умолчанию и общество в целом? Мы этого не знаем. Но очевидно одно — общество заслуживает открытой дискуссии по этому экзистенциальному для российской государственности вопросу. А существует ли вообще альтернатива стратегии мудрого смирения? Какие меры политического, экономического, военного, внешнеполитического характера должно принять в ближайшее десятилетие российское руководство, чтобы удержать в полной мере позиции России на Дальнем Востоке?

Прежде чем обсуждать эту проблему в целом, хотелось бы уточнить один важный аспект при сравнении военных потенциалов РФ и КНР.

Достаточно распространенной точкой зрения (она повторялась неоднократно и при обсуждении «Острова Сибирь») является убеждение в том, что ядерный потенциал России полностью нивелирует возможное превосходство КНР в обычных вооружениях. Казалось бы, что это подтверждается пунктом 8 военной доктрины Российской Федерации еще 2000 года (который почти дословно был повторен и в только что утвержденной новой версии доктрины):

Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также ***в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.***

Это недвусмысленная декларация готовности России первой применить ядерное оружие в случае нападения противника, превосходящего ее на конвенциональном уровне. Именно так следует понимать слова ***«когда под угрозу поставлено само существование государства»***.

Придется, однако, повторить то, что еще почти 10 лет назад мы отмечали в совместной статье с профессором В. Н. Цыгичко, обсуждая новоиспеченную военную доктрину на страницах журнала Министерства обороны.

Безусловно, наше ядерное превосходство будет учитываться Китаем при принятии ответственных решений, но оно, к сожалению, не является радикальным средством сдерживания.

Реальность такова, что сегодня порог «неприемлемого ущерба» для Китая несравненно выше, чем для развитых постиндустриальных стран и России. Этот трудно формализуемый параметр является производным не от характеристик систем оружия, а от цивилизационного типа общества, от ценности человеческой жизни в той или иной культуре. Китай может пойти на громадные человеческие потери ради достижения важных для него политических целей. Пример тому — китайско-вьетнамский конфликт 1979 года, когда отрабатывалась тактика «живой волны» и потери наступающих измерялись тысячами солдат каждый день.

А так как ядерная стратегия — это больше чем наполовину психология, то преимущество в этом психологическом поединке может оказаться не у той стороны, которая обладает более совершенным ядерным арсеналом, а у той, чья культура более терпима к масштабным человеческим потерям.

Если в этом ракурсе взглянуть на потенциальный российско-китайский конфликт, то придется отказаться от иллюзорного представления о том, что угроза использования тактического ядерного оружия всегда способна сдерживать превосходящие конвенциональные силы противника. Бóльшая готовность к жертвам позволит китайской стороне повысить ставки в этом ядерном покере, ответив на угрозу применения тактического ядерного оружия на поле боя угрозой эскалации ядерного конфликта, например, до уровня обмена ударами ракет средней дальности по городам региона. (Кстати, благодаря соглашению, заключенному около 20 лет назад с США, у нас были ликвидированы РСД.)

Важно ясно представлять себе, что если при каких-либо обстоятельствах Китай окажется нашим военным противником, то это может оказаться противник, впервые в нашей военной истории превосходящий нас на всех уровнях эскалации потенциального конфликта. Особенно если в угоду политическим амбициям высших руководителей двух стран будет заключен бессмысленный для США и ущербный для безопасности России новый договор о сокращении СНВ.

Итак, на наших восточных рубежах мы имеем следующую диспозицию. С одной стороны, депрессивный регион с убывающим населением и деградирующей экономикой, все более зависимый в своем жизнеобеспечении от южного соседа. С другой стороны, демографический гигант с бурно растущей второй экономикой мира, самая большая в мире сухопутная армия, регулярно проводящая учения, демонстративно имитирующие боевые действия на территории России. В ядерной сфере патовая ситуация взаимно гарантированного уничтожения.

Внешний контекст: глубокая экономическая взаимосвязь Китая и США, растущий в американской элите синдром имперской усталости и готовность значительной ее части принять предложенную З. Бзжезинским еще 15 лет тому назад модель китайско-американского кондоминиума — большой двойки, что означает автоматическое признание Сибири и Дальнего Востока зоной привилегированных интересов Китая.

В свете всех этих факторов стратегия направления в «цивилизованное русло» китайской экспансии, очевидно, молчаливо принятая путинским режимом, может действительно показаться единственно возможной. Только при этом нужно ясно понимать. что это стратегия ликвидации российского государства в среднесрочной перспективе. И прежде чем с ней смириться, общество имеет право хотя бы обсудить, существует ли возможность активно противостоять этой экспансии. Чем мы и займемся в заключительной части данной публикации.

Так что же нужно сделать, чтобы удержать Дальний Восток и Сибирь, если это вообще возможно?

Прежде всего мы должны перестать притворяться и обманывать самих себя. Элементарная трусость, неготовность взглянуть слишком пугающей правде в глаза вот уже полтора десятилетия порождает «евразийские» глюки и фантазмы русско-китайского братства навек: от замшелых примаковских стратегических треугольников до свеженькой карагановской фенечки о новой эпохе противостояния двух конкурирующих моделей капитализма — нашей с китайскими товарищами передовой авторитарной и ихней отсталой демократической.

Мы обожаем «щелкать по носу» своих соседей и западных «партнеров», научившись произносить это слово со скрежетом зубовным, лавровским рыком и путинскими желвачками. Но все эти так ярко выраженные замечательные вторичные половые признаки куда-то исчезают, когда наши александры невские едут в Пекин подписывать очередные кабальные соглашения. Эти стеснительные красные шапочки даже не отваживаются спросить у китайской бабушки, зачем у нее отросли такие большие зубы, оскаленные ею во всем своем блеске на учениях 2006-го и 2009 годов.

Но гораздо важнее спросить самих себя, собираемся ли мы оставаться на этих территориях. Если да, то потребуется не просто пресловутая политическая воля руководства, а пассионарная энергия нации, если таковая еще может быть мобилизована. Если мы хотим там остаться, то должны там физически присутствовать. Никто не сохранит эту территорию для нас без нас.

Немало молодых энергичных образованных людей должны будут туда переселиться не для того, чтобы валить там тайгу, а чтобы создавать новую экономику XXI века, современную инфраструктуру, университеты, инновационные центры, силиконовую долину на тихоокеанском побережье. Пока же люди такого плана предпочитают мигрировать в противоположном направлении.

Чтобы показать миру и самим себе серьезность наших намерений перед лицом экзистенциального вызова (заметим, не столько Китая, сколько собственной атрофии), желательно было бы перенести столицу России на Восток. Для любой страны перенос столицы — редчайший случай, ответ на какой-то очень серьезный геополитический вызов. Если бы в свое время Петр не перенес столицу на Запад, Россия не стала бы великой европейской державой. Сегодня мы можем потерять шанс остаться в клубе тихоокеанских держав — несомненных лидеров XXI века. Это не новая идея. О переносе столицы на Восток говорили на протяжении последних десятилетий известные российские ученые и писатели.

Разумеется, обитатели Рублевки и Ново-Огарева на Дальний Восток не поедут. Но разве перед Россией не стоит, независимо от ее дальневосточных проблем, настоятельная задача смены полностью дискредитиро-

ванного в глазах общества политического класса, сформировавшегося за последние 20 лет?

Если говорить о традиционных сырьевых отраслях, то соглашения 2009 года об освоении Дальнего Востока и Восточной Сибири должны быть расторгнуты. (Справедливо потребовал этого недавно прошедший съезд партии «Яблоко» по инициативе всех своих восточных региональных отделений.) Китай может и должен быть нашим партнером в освоении этого региона. Но ни в коем случае — эксклюзивным партнером. В области международного сотрудничества максимальное благоприятствование должно быть оказано японским, южнокорейским, европейским, американским компаниям.

Наши военные впервые публично заявили, что на восточном направлении им может противостоять «*многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях*».

Такая оценка определяет задачи нашего военного строительства на Дальнем Востоке. Для предотвращения наихудшего сценария там должна быть развернута группировка, способная сдерживать в течение определенного времени потенциальное наступление намного превосходящей ее армии, как Финляндия сдерживала наступление СССР в зимней войне 39 – 40-го годов. Предотвратить блицкриг, который поставил бы мир перед свершившимся фактом[4].

Что касается ядерных стратегических сил, то пока еще значительное численное превосходство РФ над КНР в этой сфере должно как минимум не сокращаться. Странное впечатление оставляет радостный энтузиазм, с которым российский министр иностранных дел объявил недавно о предстоящих «*радикальных, небывалых сокращениях стратегических наступательных вооружений*». Мы ни в коем случае не должны, задрав штаны, бежать за обамовским комсомолом под знаменем «ядерного нуля». Напротив, нам необходимо выйти из соглашения о ликвидации РСД, и нет никакой необходимости связывать себя новыми юридически обязательными сокращениями СНВ. Если, конечно, хотим сохранить хоть какие-то военные козыри в отношении Китая. Господин министр явно не в теме или, наоборот, слишком хорошо информирован.

Официальная пропаганда вполголоса доверительно объясняет, что новый договор по СНВ нам выгоден, потому что мы не можем поддерживать сегодняшний уровень ракетно-ядерного потенциала и все равно будем вынуждены его сокращать. Что значит — не можем? А если это нужно для безопасности страны? Может быть, все-таки ужмемся на яхтах абрамовичей, самолетах сечиных, резиденциях путиных и медведевых, кредитах дерипаскам? Ах, дело, оказывается, не в деньгах, а в том, что нет уже в ВПК квалифицированного персонала. Все ушли в частные охранники или, как

---

[4] См.: *Храмчихин А.* Как Китай раздавит Россию. — РИА Регион 27.11.12.2009.

мечтал великий пролетарский поэт, в баре блядям подавать ананасную воду. Ну, давайте тогда закроем лавочку и распустим страну.

Если все-таки сохранение России как тихоокеанского государства становится главной геополитической национальной задачей на ближайшие десятилетия, то ей должна быть приоритетно подчинена и вся внешняя политика страны. Она, как и многие другие сферы государственного управления, должна строиться на новых и очень простых прагматичных основаниях, а не на маниакально-депрессивных комплексах ностальгирующей «элиты».

Союзником России является тот, кто не из-за абстрактных симпатий к нам, а в силу своих коренных национальных интересов заинтересован в укреплении позиций России на Тихом океане. И таких союзников должно быть как можно больше.

Потому что очень по-разному будет вести себя в отношениях с Россией глубоко интегрированный в глобальную экономику Китай в зависимости от того, как остальной мир будет воспринимать перспективу поглощения им России — с равнодушием или как серьезную угрозу себе.

В этой новой системе координат первым и безоговорочным нашим союзником является Япония. Поглощение Китаем Дальнего Востока и Сибири будет для нее геополитической катастрофой. То же самое можно сказать и о Южной Корее. Оба эти государства охотно примут участие в программе возрождения российского Дальнего Востока, так же как и Индия. Для Европы эта проблема не является столь острой, как для стран дальневосточного региона, но, безусловно, ее не вдохновляет перспектива граничить с Великим Китаем по Уралу.

Но ключевой для нас является позиция США — глобальной супердержавы и основного экономического партнера Китая. Как уже отмечалось выше, в последние годы в американском истеблишменте набирала вызывающая буйное торжество наших профессиональных «патриотов», но на самом деле крайне неблагоприятная для России тенденция усталости от глобальной ответственности и готовности разделить ее в рамках «большой двойки». Это плохая новость.

Хорошая новость заключается в том, что эта тенденция, ставшая в том числе и реакцией на ряд ошибок администрации Буша, достигла своего апогея протестным избранием Обамы, а на исходе его первого года в Белом Доме маятник в американской политической элите и обществе, похоже, качнулся в обратную сторону. Так уже происходило в недавней американской истории после беспомощного президентства Картера. Следующим американским президентом будет республиканец.

Этот новый Рейган ни в коем случае не объявит Китай «империей зла» и вообще не будет иметь ничего против Китая как великой цивилизации в ее сегодняшних границах. Китай останется важнейшим экономическим партнером США. Но США попытаются обозначить пределы китайской глобальной экспансии. Мы должны уже сегодня работать с будущей адми-

нистрацией, чтобы не только для нас, но и для США этой красной линией стала прежде всего российско-китайская граница.

Еще десять лет назад видный американский политолог Т. Грэм предупреждал: *Догматическое применение радикальных рыночных реформ может привести к потере Россией ее дальневосточного региона. Одна вещь совершенно очевидна — стабильность в Тихоокеанском регионе окажется под угрозой, если присутствие России в Азии будет и далее ослабевать. Долгосрочные стратегические интересы США, да и большинства азиатских государств заключаются в присутствии сильной, экономически процветающей России в Восточной Азии. А если это так, то почему бы нашим двум странам, исходя из наших очевидных общих интересов, не подумать вместе над тем, как России воссоздать свою экономику на Дальнем Востоке таким образом, чтобы укрепить свой суверенитет в этом регионе.*

Нам намного легче будет отстаивать наши позиции на Дальнем Востоке, если их вместе с нами будет укреплять Большой Северный Альянс России, США, Европы, Японии — North Pacific Treaty Organization. Создание такого альянса и должно быть центральной задачей новой российской внешней политики. Но ядром его может стать только сама Россия, твердо готовая отстаивать свой статус тихоокеанской державы. Еще раз подчеркну, что речь не идет о сколачивании какого-то антикитайского союза. Нет ничего антикитайского в защите суверенитета и территориальной целостности России, как это мнится совсем уже свихнувшимся «евразийцам».

Идея Северного Альянса в той или иной форме высказывается в последнее время наиболее прагматичными и лишенными идеологических стереотипов российскими политиками. Достаточно вспомнить недавние публикации таких очень разных людей, как Гарри Каспаров и Дмитрий Рагозин.

«*Безоглядная ориентация России на Восток, на мой взгляд, неизбежно приведет нашу страну к утрате геополитической субъектности. Ее самостоятельная роль сойдет на нет, и, скорее всего, она превратится в сырьевой придаток активного восточного соседа. Китай — очень сильный игрок, постоянно ведущий экономическую экспансию. Неуклонно расширяя пределы своего влияния, он уже фактически установил свою гегемонию почти на всем азиатском пространстве. Возможно, некоторые националисты, веря в божественное предназначение России, скажут: "А нам никто не нужен — сами справимся". Полагаю, что в результате обсуждения все эти утопические теории будут отвергнуты. Я не сомневаюсь, что в конце концов и националисты, и левые выберут вектор европейской интеграции*».

«*Нам просто надо включить мозги и притупить память, терзаемую прошлыми обидами, чтобы понять, что только вместе США, Европейский Союз и Россия способны спасти северную цивилизацию от политического разложения и цивилизационной гибели под натиском "новых южных культур", если так можно выразиться. В сегодняшнем жестоком и хрупком мире действительно существуют влиятельные силы, которые ставят под сомнение наше право на жизнь. И для них мы — русские, американцы, европейцы — все на одно лицо*».

* * *

Итак, для того, чтобы удержать позиции России на Дальнем Востоке и в Сибири, надо сделать совсем немного: отстранить от власти антинациональный режим пожизненной клептократии, обновить и омолодить политический класс России, создать новую экономику XXI века, фундаментально изменить оборонную и внешнюю политику.

Способна ли на это Русь-тройка, которая давно уже никуда не мчится?

Не дает ответа.

Остров Сибирь IV *24.02.2010*

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Конечно, это совпадение, но не прошло и недели после публикации «Острова Сибирь III», как некоторые из наших рекомендаций (оговоримся сразу, наиболее очевидные и простые) начинают реализовываться.

Как сообщил «Интерфакс» со ссылкой на военно-дипломатический источник в Москве, Россия и США могут прекратить действие двустороннего договора об уничтожении ракет средней и малой дальности.

Источник отметил, что сохранение двустороннего договора в условиях, когда многие страны развивают и наращивают этот вид вооружений, становится нецелесообразным.

Не будем уточнять, какие именно «многие страны» имеются в виду.

В нашей аналитической литературе сложилась странная традиция своеобразной политической корректности — избегать сравнительного анализа функциональных возможностей российских и китайских вооруженных сил. В течение десятилетий предметом сравнения были только военные потенциалы нашей страны и Запада — в рамках сценариев потенциально возможных конфликтов между Россией и НАТО во главе с США.

Такой теоретический анализ — не «чушь собачья», как полагает один модный внешнеполитический пропагандист, а необходимый инструмент в исследовании международных отношений. Фактор военной силы всегда незримо присутствует в отношениях между государствами, даже если в текущий момент они корректны и дружелюбны.

В китайской традиции высшей формой военного искусства считается достижение стратегических задач без обнажения меча, без применения реально существующей военной силы. Именно так, — используя весь арсенал средств политического и психологического воздействия, без обнажения меча, но при его весомом наличии, — были решены Пекином в самое последнее время две важные стратегические задачи: соблазнение тайваньских гоминдановцев идеей Великого Китая и принуждение кремлевской клептократии к сливу Восточной Сибири и Дальнего Востока в «Программу сотрудничества на 2009 – 2018 годы», в зону жизненного пространства Китая.

Если же вернуться к собственно военному потенциалу Китая, то действительно «чушью собачьей» является дилетантское утверждение уже упо-

мянутого выше автора о том, что «*китайские вооруженные силы пока все еще находятся на достаточно отсталом уровне*». Открывает ли когда-нибудь редактор гламурного журнала «Россия в глобальной политике» авторитетное в профессиональных кругах «Независимое военное обозрение»? Приведу специально для него и ему подобных дайджест-справку из многочисленных недавних публикаций «НВО»:

«*Китайская народно-освободительная армия на сегодняшний день самая многочисленная в мире — ее личный состав насчитывает 2,3 млн. военнослужащих. Это в два раза больше, чем в Российской армии. Только в сухопутных войсках служат 1,6 млн. военнослужащих. В военное время в распоряжение министерства обороны Китая также переходят полицейские формирования численностью около 660 тыс. человек, которые должны оказывать поддержку войскам, выполняя различные вспомогательные задачи. Боеготовый резерв китайской армии — 36,5 млн. человек, состоящих на службе в запасе в системе народного ополчения.*

Парк китайской авиации насчитывает около 2 тыс. боевых самолетов, что, по оценкам экспертов, делает ВВС НОАК крупнейшими в Азиатском регионе и третьими в мире после США и России силами. При этом средний налет китайских пилотов на современных истребителях составляет порядка 200 часов в год. Это в несколько раз больше, чем в ВВС России.

Россия на протяжении десятка лет активно вооружает Китай. Сегодня Москва поставляет НОАК образцы современного вооружения и техники, которых в Российской армии нет или они имеются в ограниченном количестве. За последние 15 лет Пекин получил новейшие российские самолеты, закупил корабли и средства противовоздушной обороны. Бóльшая часть оружия и боевой техники для армии производится на территории Китая по лицензиям или нелегально. Сейчас китайская армия в технологическом отношении — это гибрид продвинутых российских и западных технологий. Вооружение, броневая защита и техника — наши, высокотехнологичное оснащение — средства связи, спутниковые, радиолокационные системы — позаимствовано на Западе».

Хорошо знакомый по долгу службы с этими фактами несколько более квалифицированный, нежели господин Ф. Лукьянов, эксперт — начальник Главного Штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Сергей Скоков, анализируя военные угрозы России на различных стратегических направлениях, отметил: «*Если мы говорим о Востоке, то это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях*».

Свой взгляд на будущее российско-китайских отношений есть, разумеется, и у отечественных китаистов. Весьма характерно для их образа мышления интервью, данное одним из наших ведущих специалистов по Китаю А. Девятовым. По любопытному совпадению, оно было опубликовано в издании «Газета» 11 января — в тот же день, как и «Остров Сибирь». Охотно приведу несколько цитат, так как для меня очень лестно было обнаружить,

что столь уважаемый эксперт разделяет многие мои оценки текущего положения вещей.

«Китайцы решали задачи своего величия последовательно. Для них главным было возвращение Тайваня в лоно родины. И эту задачу они решили. Американцы вынужденно бросили этот фронт, китайцы битву за Тайвань выиграли. Де факто Тайвань вернулся. Де юре это займет еще какое-то время — до 2019 года это произойдет».

«Нерчинский договор проводит границу по Становому хребту. В сознании китайцев все, что к югу от него: БАМ, Удокан, Чара и их природные богатства от нефти и газа до руд и леса, — все это пребывает в стратегических границах китайских интересов. Стратегия Китая предполагает, что эти ресурсы следует считать надежным ресурсом китайской фабрики XXI века. Но так, чтобы избежать положения, при котором сегодня Россия хочет поставлять, а завтра не захочет... В период глобализации географические границы становятся почти ничем, но возникает такое понятие, как стратегические границы. Стратегия — это захват будущего. У Китая она есть. У него вершиной военного искусства является решение стратегических задач без применения военной силы. Поэтому китайская стратегия — это отдаление противника в объятия дружбы, без применения силы, в мирное время».

«Военно-техническое сотрудничество с Россией свертывается. Что хотели, они уже получили: космическую программу, пилотируемый корабль за $80 млн. при стоимости по меньшей мере $80 млрд. После этого они запустили еще трех космонавтов, китайцы уже собрались на Луну. Все это — советские технологии, отданные за гроши».

«У китайцев есть патриотическая, сплоченная, работающая только среди своих невидимая мафия, называется "триады". Она является силовым прикрытием китайского проникновения. И в России она тоже работает. Руководят этой мафией компетентные органы власти — так было всегда».

«...Женятся на русских. Посмотрите на Дальний Восток. Там это уже происходит. Китаец не пьет, не курит, работает, любит семью, несет деньги в дом. А дети получаются китайцами — так было в Сингапуре, Малайзии. Ассимиляция — извечный китайский путь решения проблем».

Некоторые эстетические разногласия начинаются у нас с А. Девятовым при попытке ответить на вопрос, а как же России выстраивать свои отношения с этим масштабным явлением, с этим загадочным Солярисом, омывающим наши границы и, судя по вышеизложенному, способным поглотить нас, просто следуя естественным ритмам великого Дао.

Рецепт маститого китаиста мудр и парадоксален, как чаньская притча:

России нужно от отношений государственного добрососедства подняться на уровень клятвенного союза родственных цивилизаций. Союз наших родственных цивилизаций дает нам шанс быть не окраиной, в которую переносятся стратегические интересы Китая, а стать равными.

Понимая, видимо, что термин «равные» звучит все-таки не очень убедительно в контексте клятвенного союза наших с Китаем «родственных

цивилизаций», автор разъясняет широкому читателю свое понимание «родственности» и «равенства» на языке доступных метафор, апеллирующих к глубоким смыслам древнекитайской философии и мифологии:

Теперь Россия в глазах Китая лишилась статуса, стала прислугой. Но если Россия ***постарается*** *(!), она может стать старшей сестрой — это* ***хороший статус****. В китайском мире мать — это земля, отец — небо, все решают мужчины и братья, но старшая сестра олицетворяет мудрость. Даже если она пьяная, опустилась, о ней надо заботиться, ее огород надо вспахать, ее нельзя бросить. У нее интуиция и мудрость, — и Россия может эту мудрость предъявить.*

Что касается предъявления мудрости, то здесь мы снова в чем-то перекликаемся с А. Девятовым. Я уже говорил, что, «*судя по поведению российских властей, позиция мудрого смирения перед неизбежностью китайской экспансии принята ими как стратегическая*».

Путинская клептократия не только *старается*, но и делает все возможное, чтобы максимально приблизить день получения Россией *хорошего статуса*, тактично рекомендованного ей полковником советской внешней разведки, замдиректора Института российско-китайского стратегического взаимодействия.

Особенно вдохновляет членов кооператива «Озеро» то обстоятельство, что, получив с китайцев все бабки по заключенным в прошлом году кабальным соглашениям, они смогут удалиться на вечно проклинаемый ими Запад с чувством глубокого нравственного удовлетворения по поводу выполненного ими гражданского долга. Заботиться и вспахивать огород на этой территории, которую нельзя бросить, будут теперь, как обещает нам А. Девятов, китайские товарищи.

А как они при этом будут пользовать присягнувшую им на верность родственную цивилизацию — как глупого младшего брата или как встающую с колен «мудрую» старшую сестру, — это уж вопрос исключительно их вкусовых предпочтений.

Так скорее всего и произойдет. Если в нашей стране не найдется достаточно людей, для которых Россия все-таки не девятовская старшая китайская сестра-подстилка, а, как когда-то в старину говорили, Родина-мать.

2010, № 1 (143)

VI. РОССИЯ И АМЕРИКА

1. ИРИНА СУПОНИЦКАЯ

Россия и США: сравнение систем

В 30-е годы XIX века два француза, А. де Токвиль и А. де Кюстин, предсказали великое будущее обеим странам. Оба предвидения сбылись: к середине XX века две страны превратились в сверхдержавы, хотя к концу столетия СССР не выдержал соперничества. С распадом Советского Союза закончился многовековой имперский период российской истории. Сегодня Россия на перепутье: вернуться в прежние колеи — или вступить на новый путь, примером которого для многих являются США. Чтобы понять возможность использования американского опыта, рассмотрим общее и различия двух стран.

«*Вы, русские, и мы, американцы*, — писал в 1881 году У. Уитмен, — *такие далекие и такие несхожие с первого взгляда... И все-таки в некоторых чертах, в самых главных, наши страны так схожи*».

Общего, действительно, много. Обе страны находятся на географической периферии европейской христианской цивилизации. Им свойственно разнообразие природных условий, обширные пространства, долгое освоение земель. [...] Россия и Америка — крупнейшие аграрные державы, вместе вступившие на мировой рынок зерна и ставшие конкурентами в конце XIX века, одновременно уничтожили формы принудительного труда: крепостное право (1861) и рабство (1863).

Можно найти общее в сознании русского и американца, прежде всего развитое чувство национальной гордости, вера в особую миссию своего народа. Идея американской исключительности, возникшая с пуританскими колониями, в 1840-е годы приняла форму доктрины «предопределения судьбы» (Manifest Destiny). Ее выразил журналист Дж. О'Салливэн: «*Нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения великой миссии: установить свободу и федеративное самоуправление*». Американец убежден, что его страна — оплот свободы и демократии во всем мире. Его патриотизм порой переходит в национальную кичливость. Норвежский писатель К. Гамсун, побывавший в США в конце XIX века, изумился уверенности американцев, что все лучшее изобретено в их стране .

Россияне также уповают на особый путь России. В те же 1840-е годы славянофилы начали проповедовать идею избранничества русского народа,

призванного обновить и спасти европейскую цивилизацию. Ф. М. Достоевский полагал, что русским суждено «внести *примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей*».

У каждого народа — страсть к гигантизму: в Америке самые высокие небоскребы, самые большие мосты и плотины; в России — великие стройки коммунизма.

Однако за внешним сходством скрыты разные содержания. США, порожденные английской торговой экспансией, представляют часть западной цивилизации. Россия как восточноевропейская страна соединила черты Запада и Востока, не будучи ни тем, ни другим, — давно замеченное обстоятельство. Чаадаев писал: «*Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого*».

Различны не только рельеф и климат, но само влияние природной среды. США — страна переселенцев, возникшая сразу на буржуазных началах — протестантизм, развитый институт частной собственности и права, индивидуализм. Американцу изначально был свойствен «капиталистический дух», по выражению М. Вебера, — рыночное рациональное сознание. [...] Развитие страны началось с развития гражданского общества. США не знали того мучительного перехода от традиционного общества к современному, к рыночной экономике, который пережила Западная Европа. Отсутствие старых, добуржуазных структур в хозяйстве, в уме, в психологии — «*базальта столетий*», словами Гете, стало важнейшим условием, ускорившим развитие США, начавших с того, чего до сих пор добивается Россия: частной собственности на землю, рыночного хозяйства, гражданского общества.

Новый Свет поразил европейцев богатством флоры и фауны. Изобилие Америки начиналось с изобилия и разнообразия природного. Умеренный климат, благоприятный для земледелия (северная граница США находится на широте Ростова-на-Дону, т. е. российских южных районов), не ставил перед переселенцами проблемы выживания, разве что в первые годы из-за неприспособленности к новым условиям. Свободный и упорный труд пионеров приносил реальные плоды, обеспечивая достаток. [...] Природная среда вызывала у людей уверенность в собственных силах, оправдывала надежду на человеческий разум.

Иное дело Россия. Суровый климат (большая часть территории — север), неустойчивая, трудно прогнозируемая погода, рискованное земледелие. «*Природа Великороссии*, — отмечал Ключевский, — *часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса, своенравие климата и почвы обманывает самые скромные ожидания... Невозможность рассчитать наперед... (неожиданные метели и оттепели, непредвиденные августовские морозы и январская слякоть), заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели, заметно отразились на складе ума великоросса...*».

Для русского крестьянина характерен не постоянный, равномерный труд, как для фермера, а кратковременный, с большой, часто сверх меры, затратой сил. Сельские работы длятся в России четыре месяца (в Европе и Америке — семь и более), и эта страда — настоящее «страдание», когда работают от зари до зари. Земледелие и животноводство малоэффективны: нужны запасы на восемь месяцев для себя и скотины, каждый третий год неурожайный. Поэтому цель земледелия не получить доход, а прокормиться. На эту черту, контрастную американским условиям, указал историк: «*Страна в основе своей настолько бедна, что позволяет в лучшем случае вести скудное существование. Бедность эта предоставляет населению весьма незначительную свободу действий, понуждая его существовать в условиях резко ограниченной свободы выбора*»[1].

Не похожа колонизация земель двумя странами. США расширялись на запад, Россия — на восток, «расползалась», превращая завоеванные земли в большую вотчину с единым центром. Однако эти земли плохо осваивались, поскольку крестьянство не являлось полновластным хозяином земли, а у государства не хватало рук на освоение окраин. Завоеванные народы приспосабливались к жизни в империи. Американцы же с помощью колонизации создали свою страну, и фермеры, будучи собственниками земли, освоили ее, поэтому коренным жителям, индейцам, на ней не осталось места.

Если Америке свойственна изолированная семейная ферма, то России — деревня, община. Эти социально-экономические институты стали системообразующими факторами развития двух стран. Мелкий фермер-землевладелец — главная фигура вплоть до XX века, потому в обществе США всегда преобладали средние слои населения, а не беднейшие, как в России. Именно экономически независимый производитель (фермер, мелкий предприниматель) был социальной базой американской демократии. Немаловажен и человеческий материал, прибывший в Новый Свет, куда ехали за экономической, религиозной и политической свободой. Атлантический океан служил своеобразным средством естественного отбора: его пересекали независимые и мужественные люди, готовые порвать с традициями, прошлым.

Обилие земли и недостаток свободных рук не позволили укрепиться в США крупному землевладению, феодальному и капиталистическому. Оно существовало только на Юге, где плантационное хозяйство требовало не сезонной, подобно Северу, а круглогодичной работы, что привело к использованию там принудительного труда сначала завербованных в Англии, затем — рабов, позднее — арендаторов-кропперов.

Россия — страна крупного землевладения, общинного землепользования, подневольного труда. В 1857 году 80% жителей составляли несвободные крестьяне (51% — крепостные, помещичьи, 49% — государственные). Основная часть населения не имела частной собственности на землю, от-

---

[1] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж, Масс. 1980. С. 2–3.

сюда резкая социальная поляризация, отсутствие сильного среднего класса, демократических традиций.

Крупное землевладение, высокая концентрация богатства, кастовость характерны и для Юга США, что сближает его с Россией. Некоторые американские исследователи даже объясняли происхождение рабства и крепостного права одной причиной — недостатком рабочих рук. Однако эта причина относится прежде всего к рабству США. В России экономический фактор не играл решающей роли. Закрепощение крестьян диктовалось нуждами не столько хозяйства, сколько государства — необходимостью средств на содержание армии, ведение войн. Плантационное рабство оказалось встроенным в американскую буржуазную цивилизацию, частью которой являлся и Юг, где основную массу населения также составляли мелкие фермеры.

Крестьяне России, освободившись от крепостничества, страдали от малоземелья: в начале XX века свыше 50% крестьянских дворов имело до 10 десятин земли (26 акров). В Америке того же времени мелкие и средние фермеры, владевшие от 20 до 175 акров, составляли 70% фермерства[2]. Этот широкий средний слой обеспечил победу США в хлебной конкуренции с Россией и стал основой самого емкого в мире внутреннего рынка для национальной промышленности. После отмены крепостного права Россия в 3,5 раза увеличила вывоз зерна, став ведущим мировым экспортером. Но если американский фермер продавал излишки, то русский крестьянин сокращал собственное потребление. Неодинаковое положение аграрного производителя: независимого фермера и крестьянина, так и не ставшего самостоятельным хозяином, собственником земли после отмены крепостного права, — одно из главных отличий двух стран.

Частная собственность в России, в противоположность Америке, была всегда слаба, для нее характернее коллективная собственность на землю. В 1905 году 77% крестьянских дворов европейской части владели землей на общинном праве, т. е. собственником была община, ее члены лишь пользовались землей. В тяжелых природных и социальных условиях община, конечно, помогала выжить, поддерживала больных и стариков, но она подавляла предприимчивость, личную инициативу, мешала развитию рыночных отношений.

В России традиционно сильна неприязнь к частной собственности как к неправедному делу, в отличие от США, где частная собственность священна, до сих пор популярна идея, что земля — общенародное достояние. Аграрная реформа П. Столыпина 1906 --1910 годов, призванная разрушить общину и насадить мелких земельных собственников, была встречена в штыки. Л. Толстой заявил в письме к Столыпину: «*Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею*». Столыпин ответил: «*Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие "собственности" на землю у крестьян создает все наше неустройство*».

---

[2] 1 акр — 0,4 га. [...]

История подтвердила правоту Столыпина. Неразвитость частной собственности не позволила России перейти к рыночному хозяйству. Начавшаяся после отмены крепостного права модернизация страны завершилась крестьянскими выступлениями, системным коллапсом, приведшим к октябрьскому перевороту 1917 года. Советская «общенародная» собственность, колхозная практика превратили СССР в импортера зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Общинный коллективизм сделался благоприятной средой для коммунистических идей. Из-за отсутствия исторического опыта частной собственности в России не укрепились индивидуалистические ценности, свойственные Западу.

Противоположны и два общества — России и США. «*У американцев*, — заметил Токвиль, — *имеется то огромное преимущество, что они достигли демократии, не испытав демократической революции, и что они не добились равенства, а были равными с рождения*». Исключением явился Юг, где эта общеамериканская черта соединилась с кастовостью, патернализмом — продуктами рабства, которое наложило отпечаток на весь регион. Однако длительная колонизация Запада сделала динамичным, подвижным все американское общество.

Новый Свет осваивали волонтеры, поэтому общество в Америке возникло до государства. 11 ноября 1620 года перед высадкой в Плимуте пуритане-пилигримы подписали на корабле «Мэйфлауер» договор об основах общественного устройства — по сути, первую конституцию США. Община пуритан предшествовала правительству Плимута и сама его создавала. Аналогично осваивался Запад. Группа, отправлявшаяся в путь, заключала договор, принимала законы, избирала должностных лиц. Так возникала самоуправляющаяся, законотворческая община, поэтому освоение Запада считают «*походной лабораторией политического опыта*».

Все общество США — такая самоуправляющаяся, законотворческая община, быстро реагирующая на социальные изменения, с гражданской ответственностью каждого. Часто об американцах говорят как об индивидуалистах. Меньше известен их коллективизм — общественный дух (community spirit). Среди трех признаков американизма Дж. Сантаяна назвал наряду с волей к труду и преуспеванию «*свободный дух кооперации*». [...]

Этот дух выразился в волонтерском движении. Токвиль заметил, что в США, как ни в одной стране, существует множество добровольных организаций — коммерческих, образовательных, политических. «*Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света... И всегда там, где во Франции во главе всякого нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет*».

[...] Традиция волонтерства сохранилась до сих пор. Члены волонтерских организаций бесплатно помогают бедным семьям, иммигрантам, го-

товят детей к школе, убирают осенью леса. Как и прежде, дух волонтерства силен во время бедствий, когда на помощь пострадавшим поднималась вся Америка, причем общественные организации действовали оперативнее правительственных. Волонтерство поощряется властями, волонтеру оказывают предпочтение при найме на работу.

Американский общественный дух отличен от российского коллективизма, ибо исходит из естественного стремления людей к совместным действиям по собственной воле и желанию. Это именно свободная кооперация, не ущемляющая интересов отдельного человека и сохраняющая его независимость, в противоположность российскому и советскому коллективизму, принудительному, подавляющему индивида ради абстрактных общих интересов.

Российское общество поныне статично, малоподвижно, оно и не общество, а *народ* — любимое, кстати, понятие славянофилов и коммунистов, предпочитающих общее индивидуальному. До 1917 года в России существовали сословия. [...] Сословность сохранилась и после революции, но перевернутая: кто был никем, тот стал всем, и преимущества обитателей первой половины [барского дома] перешли к обитателям второй. И поныне живуч иерархизм, но не сословный, а чиновничий.

Российской жизни всегда был свойствен патернализм: барский («вот приедет барин, барин нас рассудит»), государственный («царь-батюшка»). До сих пор немало людей убеждены в необходимости государственного покровительства едва ли не всем сторонам индивидуальной жизни. Слаба привычка рассчитывать на себя. Все ждут перемен, но ничего или почти ничего не делают для этого.

Отличны политические системы двух стран. США унаследовали английские традиции: представительные органы, сильное местное самоуправление. Америка начиналась с местной власти, позднее возникли штаты, союз штатов — США. Независимое государство сразу образовалось как республика и приняло первую в мире конституцию, гарантировавшую гражданские права и свободы. Россия до XX века оставалась абсолютной монархией, и лишь в начале нынешнего столетия появились представительный орган власти — Государственная дума, политические партии, конституция. Только в 1904 году в стране были отменены телесные наказания для крестьян.

И все же модернизация Западной Европы, т. е. переход к Новому времени (в экономике, общественном устройстве, политике, сознании), отразилась и на России. С Петра I начались реформы, постепенно разрушавшие традиционное общество, но медленные, непоследовательные. Столетие отделяет указ о вольности дворянству (18 февраля 1762 года) от отмены крепостного права для крестьян (19 февраля 1861 года). Либеральные реформы второй половины XIX века шли вяло, поскольку не было механизмов реализации: развитого института частной собственности, разработанного права, социальной базы — сильного среднего слоя (горожан, ремесленников, купцов). К тому же реформы не коснулись политической власти — самодержавия.

Наибольшее влияние модернизация Запада оказала на сознание узкого слоя населения России — дворянства (Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, П. Я. Чаадаев, декабристы). [...] Письма Чаадаева — акт национального самосознания, принявшего ценности Нового времени, но живущего в старом, традиционном обществе. В этом несоответствии сознания и бытия — причина разрыва между интеллигенцией и народом. Подобной антиномией объясняется появление в России «лишнего человека», не нашедшего применения своему уму, силам. [...]

Правда, несоответствие между сознанием и бытием — материальной жизнью было свойственно и Америке, которую Дж. Сантаяна назвал «*молодой страной со старым менталитетом*». Эту черту подметил и М. Вебер, писавший, что в английских колониях «капиталистический дух» существовал до капиталистического порядка. Если в России опережение сознанием бытия превратилось в национальную трагедию, вызвало «*раскол общества на два народа, переставших понимать друг друга*»[3], то в Америке оно стало важным фактором развития. Именно «капиталистическим духом» поселенцев объясняются быстрота развития и достижения страны. В России же это сознание обернулось личной драмой («горем от ума») для интеллектуала, вынужденного бежать от действительности. Ключевский писал, что западное образование превращало русского дворянина в «*межеумка, историческую ненужность*»: ярославский помещик Опочинин, воспитанный в западных идеях, испытывал такое отвращение к окружающему, что, отпустив на волю дворовых, покончил с собой.

В США новое сознание создавало новое общество, новые структуры, поэтому американец — творец, созидатель, в отличие от россиянина, новое сознание которого было для него источником несчастий. Впрочем, один регион Америки тоже знал похожую антиномию. На Юге сознание Нового времени соединилось с традиционализмом, вызванным рабством (патернализм, кастовость, культ чести). Однако рабство не смогло превратить общество Юга в традиционное, хотя и придало ему противоречивость. В американской буржуазной среде элементы традиционализма приняли квазитрадиционалистский характер. Позднее, с отменой рабства и массовой миграцией афроамериканцев на Север, противоречие превратилось в общенациональную расовую проблему. [...]

Существенное отличие двух стран — разные взаимоотношения общества и государства. Общество Запада столетиями боролось с государством за свои права. В Англии эта борьба началась с Великой хартии вольностей (1215 год) и в основном завершилась «славной революцией» 1688 года — победой общества и передачей власти представительному органу — парламенту. США, получившие в наследство западноевропейские достижения, сразу сформировались как гражданское общество, которому служит государство

---

[3] *Федотов Г.* Трагедия интеллигенции//Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 80.

и в котором соблюдается приоритет закона. Т. Джефферсон желал своей стране правительство, меньше правящее, исходя из идеи, что государство — лишь «ночной сторож». А. Линкольн уточнил его предназначение: «*правительство народа, посредством народа, для народа*».

В России общество всегда подавлялось государством, гражданские принципы бездействуют, как правило, и по сей день. Сильного государства требовало географическое положение страны, находящейся на границе Запада и Востока и обороняющейся от обоих. Этого не знали США, защищенные с двух сторон океаном. Не менее серьезно другое обстоятельство: в российском обществе, в отличие от западного, не было сильной оппозиции государству. Православная церковь, в противоположность католической, с давних пор подпала под власть государства, и Россия лишилась противодействия церкви и власти, приучившего западный мир к поискам компромисса. Сильная католическая церковь ослабляла централизм и монологизм государства.

Кроме того, в России малочисленны горожане —главная социальная база оппозиции государству на Западе. Город там являлся рассадником свободомыслия, и гражданин — прежде всего житель города. Россия же до XX века оставалась сельской, с неразвитой городской жизнью. Она не знала цеховой организации промышленности, что связано со спецификой земледелия: из-за короткого цикла сельскохозяйственных работ, вынужденной бездеятельности крестьяне занимались и ремеслом, принявшим своеобразную форму промыслов. Города в России — прежде всего административные и военные центры, а не [центры] ремесла и торговли.

Вся история России — история неуклонного усиления государства, пока, наконец, после октябрьского переворота 1917 года его власть не стала тотальной. Советский период — закономерное продолжение предшествующего развития, последняя попытка сохранить сильную государственность, империю в исторический период крушения империй во всем мире. Экономика, идеология, политика всегда обслуживали нужды государства, а не общества, тем более — человека. Именно государственные интересы, прежде всего военные, были главным стимулом развития хозяйства. [...] Армия, флот, государственный аппарат, по подсчетам П. Н. Милюкова, всегда поглощали около половины и более бюджета империи.

Октябрьский переворот 1917 года перечеркнул все достижения либеральных реформ, начатых с отменой крепостного права. Деревня не перенесла сложного и болезненного перехода к рынку. Крестьянское движение 1902—1917 годов остановило модернизацию России, ее вступление в Новое время. Октябрьский переворот, в сущности, был контрреволюцией, ускоренной крестьянскими бунтами, антитезой Февральской революции, всему периоду после 1861 года, поскольку означал полную победу государства над обществом, уничтожение частной собственности.

Советскую индустриализацию нельзя считать модернизацией, так как в стране не было рыночной экономики, гражданского общества. Индустриализация шла не на базе развитого сельского хозяйства, как на Западе, а за

его счет, за счет крестьянства. Специфична и урбанизация, превратившаяся в «окрестьянивание» городов, а не «обуржуазивание» крестьян, подобно Западу. Насильственная индустриализация снова была проведена для нужд государства, не общества. Поэтому в конце XX века перед Россией стоят те же задачи, что и в начале столетия.

Если в основе американской системы — человек, которому она служит, то в России человек служит системе, отчего при богатстве недр, лесов, морей так беден народ. Для России характерна отчужденность населения от государства, антиэтатистские настроения (она стала родиной анархизма). В советский период, да и в наши дни, обмануть государство не считается безнравственным, ибо оно до сих пор враждебно людям. По данным всероссийского опроса 1995 года, 83% россиян считают, что правящей элите безразлична судьба человека. Подобный взгляд невозможен в США — стране с высокоразвитым сознанием гражданского долга, где каждый старается помочь государству. То, что в России назвали бы доносительством, «стукачеством», в Америке приветствуется как выполнение гражданской обязанности.

Российской государственности всегда был свойствен централизм, для США — децентрализация. Лишь со второй половины XIX века в них усилилась тенденция к централизации, хотя до сих пор сохранилось сильное местное самоуправление. В Америке нет главного города, как Москва, нет понятий центра и провинции, столь характерных для России, где центр всегда подавлял периферию, делая однородной всю страну. [...] Разнообразие — одна из отличительных черт США. Несмотря на стирание социально-экономических различий между регионами в наше время, они сохраняют свою специфику в сознании, культуре людей.

Следовательно, в России слабо развиты признаки, составляющие фундамент США, всей западной цивилизации: институт частной собственности, право, индивидуализм. Именно эти черты позволили странам Запада совершить прорыв — перейти от традиционного общества к современному. Буржуазные революции означали победу общества над государством, провозгласив приоритет закона, прав человека. США сразу возникли как общество Нового времени, не испытав трансформации от строго к новому, подобно Западной Европе; Россия же так и не вошла в Новое время. Вот почему американская модель не годится для нее.

Разница социальных систем сказалась на ценностях россиян и американцев. В Америке почитают труд, ум, богатство. В России — от ума горе, к богатству относятся с подозрением, богатых недолюбливают, зато бедность не порок. В Америке при равных возможностях для всех бедность — признак никчемности, ум ценится в сочетании с богатством. Частная собственность в США священна, в России презренна: «кулак-мироед», «единоличник», «частник». Индивидуализм, на котором стоит Америка, в России рассматривается как эгоизм.

Стремление к материальному благополучию всегда было главным для американца, за этим большинство переселенцев и приехало в Новый Свет.

Рационализм и прагматизм — основные качества национального сознания. Американец склонен к конкретному, не теоретическому знанию. Его беспокоит вопрос «как?», а не «почему?». Правда, отсутствие традиционализма, помогавшее США добиться успехов в экономике, технологиях, отрицательно повлияло на культуру населения. Американец не любознателен, увлечен количественным результатом (богатство, успех), у него узкий кругозор, неглубокая психология. Европеец, как и русский, постоянно преодолевавший традиционные структуры, вынужденный искать выход в извечном противоборстве старого и нового, вырываться из «базальта столетий», обладает сложным характером, многослойным сознанием, контрастным американской прямолинейности и рационализму.

В США долго не ценился интеллект, если он не давал бесспорных внешних результатов. Художники, писатели бежали в Европу из атмосферы грубого материализма. Сложнее характер южанина, пережившего трагедию ломки старых структур рабовладельческого общества, что сближает его с россиянином. Южная литература психологически глубже северной и пользуется в России особой популярностью (У. Фолкнер, Т. Вульф, Т. Уильяме).

Россиянин самим климатом, социальной системой приучен к пассивности, терпению, к убеждению, что собственными силами не решить своей судьбы. Он либо терпит, либо «взрывается». Он меньше американца верит в разум, человеческие способности, отчего в России долго оставалась неразвитой рациональная философия. Россиянин не верит, подобно американцу, в прогресс, возможность изменения жизни к лучшему, и его характерные настроения — тоска и безнадежность. С трудом отбиваясь от природных и социальных условий, он всегда думал о том, чтобы устоять, выжить, а не о том, чтобы лучше жить. Давление системы воспитало особый тип стоицизма, неизвестные на Западе формы социального сопротивления — не только побег, бунт, но так называемая *внутренняя эмиграция*: в себя, в семью. [...] Именно постоянное сопротивление нечеловеческим условиям породило то, что называют «русским духом» и что отчетливо выразила русская литература.

В отличие от рыночного рационализма американца, западного человека вообще, россиянину свойственна душевность, сострадательность. Русские эмигранты первой волны отмечали: «*Среди формальной строгости европейского быта не хватало нам привычной простоты и доброты, удивительной мягкости и легкости человеческих отношений, которые возможны только в России*»[4].

Русская культура является своеобразной формой сопротивления государству — вот почему так чтимы писатели. Они — народные заступники, часто — пророки, помогают выжить в среде, мало пригодной для человека. Но есть у русского характера и оборотные стороны: отсутствие уважения к личности своей и других; слабое сознание индивидуальной ответственности; нет взаимной терпимости и умения вести диалог. О необходимости «перевоспитания» такого характера, об усвоении некоторых западных до-

---

[4] *Федотов Г.* Лицо России//Судьба и грехи России. Т. 1. С. 43.

бродетелей писал в начале XX века Н. Бердяев. Он имел в виду «эмансипацию личности», «*пробуждение творческой активности человека*», изменение роли государства в России, которое должно «*стать внутренней силой русского народа, его орудием, а... не господином*»[5]. По сути, философ призвал к воспитанию черт, развитых у американца. Однако такое перевоспитание едва ли возможно без переработки в какое-то новое психологическое качество традиционных черт русского характера, издавна привлекавших к нему людей Запада («доброта, мягкость, легкость»).

Сравнение России и США позволяет сделать некоторые выводы. Первый касается взаимоотношения общества и среды. Европейские переселенцы, попав в Новый Свет, долго вынуждены были бороться со средой, приспосабливаться к ней, в результате превратившись в американцев. Они смогли, пользуясь словами А. Тойнби, «*ответить на вызов среды*» и создать цивилизованное общество. Россия до сих пор не выполнила этой задачи: она все еще не может накормить собственное население — необходимое условие цивилизованности. (Только в 1997 году страна впервые не закупала зерно за границей, что можно рассматривать как первый шаг в решении этой задачи.)

Второй вывод связан с ролью сознания в развитии общества. Опыт США и России показывает: не всегда сознание соответствует бытию, материальным условиям, что заметил еще М. Вебер. В Америке как переселенческой стране оно опережало бытие, став причиной быстрого развития. Такое опережение сознания характерно и для России, но здесь оно привело к расколу общества, продолжающемуся до наших дней.

В конце XX века обе страны оказались на перепутье. Америка осуществила свою мечту, добилась материального благополучия. Американцам нужны новые идеалы, новые горизонты. Проблема России иная — она «выбирает» путь развития. К концу столетия россияне, похоже, начинают осознавать необходимость рыночной экономики, гражданского общества, демократии, индивидуализации сознания. Страна должна пройти этот путь, как бы труден он ни был и какие бы препятствия на нем ни встретились, ибо это единственная возможность превратиться в цивилизованное общество и войти равноправным членом в европейское содружество наций. В противном случае, оставаясь на позициях традиционалистских ценностей и развиваясь по замкнутому кругу, Россия окончательно превратится в третьестепенную державу.

Хватит ли социальных сил и политической воли для успеха второй попытки перехода в Новое время?

Другой, не менее важный вопрос: как совершить его, не растеряв благих свойств натуры, воспитанных многовековым образом жизни, который ныне, совершенно очевидно, нуждается в перемене?..

1998, № 3 (97)

---

[5] *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990 (репринт 1918). С. XIV, 23, 66.

2. НИКОЛАЙ ЗЛОБИН

Америка и Россия на пороге XXI века: новая «холодная война»?

Девяностые годы прошли под знаком разговоров об окончании «холодной войны», которое, как правило, приурочивают к краху коммунизма в СССР и Восточной Европе. «Холодная война», таким образом, сводится к противостоянию двух идеологий. Однако после краха одной идеологии международные отношения стали еще более непредсказуемыми — более опасными, милитаризованными и идеологизированными. Число военных конфликтов в мире резко возросло. Словосочетание «новый мировой порядок», введенное в политику Джорджем Бушем, так и не обрело реального содержания. Международные проблемы стали с легкостью называть «рецидивами "холодной войны"». Но число их уже таково, что впору усомниться в самом диагнозе.

Впервые слова «холодная война» произнес в 1947 году советник президента Гарри Трумена Бернард Барух. Но уже тогда было очевидно, что это было не объявление войны, а ее констатация. Сама война началась раньше, и, в отличие от Второй мировой, она была войной объявленной. 5 марта 1946 года бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль произнес в городке Фултон, штат Миссури, свою знаменитую речь. [...] Для всего мира эта неделя марта стала началом «холодной войны», а Фултон зарезервировал себе место в учебниках истории. Сам Черчилль назвал эту речь самой важной в своей карьере.

[...] Главная проблема, по мнению Черчилля, заключалась в том, что, хотя «*Соединенные Штаты находятся на вершине мировой силы, и это торжественный момент американской демократии*», им противостоят два главных врага — «*война и тирания*». Мы, говорил он, обращаясь к присутствующему президенту США, не можем игнорировать то, что свобод, которыми пользуются граждане США и Британской империи, не существует в значительном числе стран, хотя некоторые из этих стран очень сильны в военном отношении. В них господствуют полицейские правительства, которые полностью контролируют жизнь людей.

Единственным инструментом, способным, по мысли Черчилля, предотвратить войну и уничтожить тиранию, является «*братская ассоциация англоязычных народов. Это означает специальные отношения между британским*

содружеством и Соединенными Штатами»*. Такой альянс должен охватить все сферы жизни англоязычных стран — военные силы, арсеналы оружия, разведку, военную подготовку и систему национальной безопасности. В 1938 году Черчилль уже призывал к такому альянсу для того, чтобы остановить Гитлера. Теперь он предлагал вернуться к идее объединения англоговорящих народов для того, чтобы остановить Сталина.

Впервые после окончания войны Черчилль прямо назвал Советский Союз причиной «международных трудностей». «*Никто не знает,*— сказал он, — *что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и есть ли какие-либо границы их экспансии*». [...] Главная проблема заключалась в том, что «*от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике через весь континент был опущен железный занавес. За этой линией располагаются все столицы древнейших государств центральной и восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София — все эти знаменитые города и их население находятся в том, что я обязан назвать советской сферой влияния, и все они в той или иной форме объекты высокой степени контроля со стороны Москвы*».

Более того, «*коммунистические партии,* — продолжал в напряженно слушающем зале Черчилль, — *которые были крайне малы во всех этих странах, были выращены до положения и силы, значительно превышающих их численность, и они стараются установить тоталитарный контроль во всем*». Все это стало причиной того, что после окончания войны опасность распространения коммунизма неизмеримо выросла во всем мире, за исключением Соединенных Штатов и Британской империи. [...]

Однако мировая война не является неизбежной. «*Я,* — заявил Черчилль, — *не верю, что Советская Россия жаждет новой войны. Но она жаждет плодов войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии*». Как можно остановить Кремль в его стремлении к мировому господству? «*Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках,* — сказал Черчилль, — *я заключаю, что они ничем не восхищаются больше, чем силой, и ничего не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость*». Поэтому, делал он вывод, странам Запада надо не только пытаться сравняться с СССР и его сателлитами в военной силе, но и постараться стать сильнее. Для этого и нужно полное единство англоговорящих стран, которое способно стать основной военной силой на пути СССР к мировому господству. И тогда, заключил Черчилль, «*главная дорога в будущее будет ясной не только для нас, но и для всех, не только в наше время, но и в следующем столетии*».

В своей речи Черчилль активно использовал слова и выражения, которые с конца 30-х годов политиками всего мира использовались только в отношении одного государства — фашистской Германии. Теперь объектом

---

* Впервые речь Черчилля на русском языке была опубликована в журнале «Источник», 1998, № 1.

такого политического языка стал Советский Союз. И хотя Черчилль назвал свою речь «Сухожилия мира», во всем мире она немедленно получила другое название — «Железный занавес». Вторая мировая война, сказал Черчилль, могла быть предотвращена, более того — «*никогда не было в истории войны, которую можно было бы предотвратить легче, чем ту, которая только что опустошила огромную область на нашей планете*». Такой ошибки больше повторить нельзя, говорил Черчилль. Мы не смогли остановить Германию, но надо остановить Советский Союз.

Читая сегодня эту речь, нельзя не отдать должное прозорливости и политическому таланту Черчилля. Его предвидение на следующие сорок лет развития международных отношений в целом, советско-американских, — в частности, подтвердилось полностью. Речь Черчилля стала началом исторического поворота во внешней политике США, приведшего к радикальному изменению ситуации в мире, формированию новой структуры международных отношений, в первую очередь — геополитических интересов мировых держав, бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Крах коммунизма практически не повлиял на эту структуру. Распад СССР оказал на нее определенное воздействие, но не привел и не мог привести к радикальным ее изменениям.

Обстановка в мире после Второй мировой войны была запутанной и неопределенной. Требовалась принципиально новая концепция международных отношений. Антигитлеровский блок быстро распался, между бывшими союзниками нарастали серьезные противоречия. Советский Союз во главе со Сталиным чувствовал себя очень уверенно и постоянно подчеркивал, что — как главный победитель над фашизмом и главный потерпевший от него — имеет больше прав в решении вопросов послевоенного устройства, особенно в Европе и Азии. Такая позиция встречала немало сочувствия в политических кругах и общественном мнении Запада. Черчилль понимал, что Англия, бывшая до войны главной европейской державой, больше таковой не является. Советская армия, находящаяся в доброй половине стран Европы, никогда не позволит Англии даже слабой попытки вернуть былое величие.

Вторая половина 40-х годов была отмечена резким поворотом советской внешнеполитической линии. От вынужденной политики изоляционизма страна получила возможность перейти к чрезвычайно активной внешней политике, значительно увеличить свое влияние в мире, включить в сферу своих интересов регионы, о которых прежде можно было только мечтать. Разгром Германии и значительное ослабление Европы давали уникальный шанс для этого, победа в войне — своего рода моральное право на такую политику, а идеи пролетарского интернационализма стали ее идеологическим обоснованием.

Остановить Советский Союз могла только Америка, обладавшая в то время монополией на атомное оружие. Но захочет ли Америка принять на себя груз ответственности за европейские проблемы, выступить в качестве мировой супердержавы, открыто стать на позиции сдерживания советской

экспансии? Интерес простых американцев к международным делам был невелик. [...] Именно поэтому Черчилль настаивал, чтобы американский президент сопровождал его. Присутствие Гарри Трумена, его вступительное слово придавали речи Черчилля важный политический характер, он как бы показывал всем, что выступает и от имени президента США.

При этом Черчилль публично ставил Трумена перед главным политическим выбором во всей его карьере. Отношение к СССР в самой Америке в этот момент было крайне противоречивым. Симпатии общественности были на стороне «русских союзников». Все больше набирала силу дискуссия о том, не будет ли правильным поделиться секретом атомной бомбы с СССР. Администрация стояла на противоположной позиции, но готова была пойти на широкий международный контроль над ядерными производствами, ибо ее международная репутация после атомной бомбардировки Японии оставляла желать лучшего.

Конечно, многие американские политики видели опасность заигрывания с СССР. Особенно это стало заметно, когда СССР отказался объяснить свои акции в Маньчжурии и вывести свои войска из Ирана, тогда как и США, и Англия свои обязательства по выводу войск выполнили в срок. Все это действовало на легко впадавшего в раздражение американского президента. Однако Трумен все же не решился перенести свое раздражение в политику, так как не знал, какова будет реакция американцев.

В этих условиях президент тоже сделал ставку на речь британского политика. С одной стороны, она могла повлиять на советское руководство, а с другой, — стать главной проверкой общественного мнения в стране. Если речь будет воспринята позитивно, можно будет резко усилить антисоветскую направленность внешней политики, а если нет, то всегда можно будет сказать, что выступление Черчилля есть его личная точка зрения, и он просто воспользовался правом на свободу слова. Другими словами, Трумен предлагал Америке сделать выбор — либо вернуться к привычной политике изоляционизма, приведшей, по мнению многих простых американцев, к процветанию страны в период до Великой депрессии, или превратиться в мировую сверхдержаву, добровольно беря на себя колоссальную ответственность и расходы.

Именно поэтому президент, вопреки всем протоколам, взялся сам сопровождать отставного премьер-министра в Фултон и представить его там, но при этом неоднократно публично заявлял, что речь его он предварительно не читал и ее содержание узнал одновременно со всей страной (через много лет Трумен признает, что говорил неправду). Именно поэтому, выступая сразу после Черчилля в Фултоне, Трумен не выразил никак своего отношения к его предложениям. Именно поэтому в течение первых нескольких дней, когда все страна горячо обсуждала речь Черчилля, Трумен молчал, изучая общественную реакцию.

А она была крайне отрицательной. Отрицательной была и международная реакция. Лишь небольшая часть интернационально настроенной аме-

риканской публики поддержала главные тезисы речи Черчилля. Было очевидно, что подавляющее большинство американцев не поддержали идею конфронтации с СССР.

Реакции советской стороны на речь пришлось ждать еще дольше. Очевидно, что событие в Фултоне явилось большой и неприятной неожиданностью для Москвы. [...] Через неделю «Правда» опубликовала, наконец, короткое изложение речи Черчилля со своим комментарием, а еще через несколько дней в ней появилось интервью И. Сталина [в котором советский руководитель поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР].

С этого момента в советской прессе развернулась ожесточенная критика фултонской речи Черчилля, в которой были задействованы газеты, журналы, международное Радио Москвы, дипломаты, ученые. Черчилль обвинялся даже в расизме по отношению к русским. 11 марта открылась сессия Верховного Совета СССР, которая активно подключилась к этой кампании. Критика фултонской речи быстро переросла в критику капитализма, приобретала резко выраженный антиамериканский характер. По указанию из Москвы к этой кампании присоединились коммунистические организации и средства массовой информации Запада, ряд правительств стран Восточной Европы.

Американская печать ежедневно перепечатывала, а радио зачитывало все заслуживающие внимания материалы из советских газет, особенно содержавшие выпады в адрес США, в большинстве своем несправедливые, обидные, глубоко заидеологизированные. Американцы воспринимали это сначала с недоумением, затем — с раздражением, наконец — с возмущением. В американской прессе стали появляться материалы с критикой Советского Союза. Все чаще в прессе стали звучать прогерманские настроения. [...]

Резкая антиамериканская кампания в СССР, его внешнеполитические акции не могли не сказаться на общественном мнении США, в котором стремительно стал нарастать антисоветский запал. Сразу после речи Черчилля был проведен опрос, согласно которому 40% американцев были против предложений Черчилля и только 18% — за. Такой же опрос, проведенный через месяц, показал, что 85% поддерживают Черчилля. Опрос, проведенный в середине марта 1946 года, показал, что 71% не поддерживают поведение СССР на международной арене и только 7% поддерживают. При этом 60% отметили, что, по их мнению, американская политика по отношению к Советскому Союзу «слишком мягкая», и лишь 3% заявили, что она «слишком жесткая». Америка срочно занялась боеспособностью своей армии, увеличила внимание к военным разработкам в технологии. Началась война с «красными» внутри самих США. На волне противоборства с антиамериканской, антикапиталистической пропагандой, организуемой и управляемой из СССР, Америка начала переходить к политике агрессивного интернационализма, то есть стала на путь сверхдержавы.

6 апреля 1946 года Трумен выступил с большой речью в честь Дня Армии. «*Соединенные Штаты сегодня — сильнейшая нация,* — сказал он. — *Никого нет сильнее. Это не хвастовство, это факт. Это означает, что с этой мощью мы должны принять на себя лидерство и ответственность. Будет трагедией нашего национального долга и всего международного будущего, если мы, сознательно или нет, окажемся не готовы разделить эту ответственность*».

Президент впервые открыто заявил о новой международной роли США после войны: «*Мир — это не приз, который автоматически получают те, кто дорожит им. Он должен быть поддерживаем беспрестанно и непоколебимо, всем смыслом нашего лидерства. Мы обязаны иметь политику, способную быть основой наших отношений с каждой страной в любой части мира. Нет стран, удаленных от нас так, что мы не можем быть однажды вовлечены в проблемы, ставящие мир под угрозу. Вспомним, что Первая мировая война началась в Сербии; что Версальский мир был впервые нарушен в Маньчжурии; что Вторая мировая война началась в Польше. Кто знает, где это случится в будущем? Наша внешняя политика должна быть всемирной... Мы выиграли войну; мы теперь обязаны обезопасить победу. Победители, окруженные злобными и опасными врагами, не могут развернуться и пойти домой. Войны — это не бейсбольные игры, где после игры команды переодеваются и уезжают со стадиона. Тирания должна быть вырвана с корнем из сердцевины каждой вражеской нации, прежде чем мы можем сказать, что война действительно выиграна*».

Эта речь стала первым внешнеполитическим манифестом новой сверхдержавы.

Начала стремительно складываться новая картина мира. Оказалось, что только две страны могут вести себя (и ведут) как победители, в то время как все остальные страны, независимо от того, в каком лагере они находились во время войны, оказались приблизительно в одинаковом положении — политической, военной, экономической и моральной зависимости от СССР и США. Причем оба новых мировых лидера еще несколько лет назад занимали жесткие изоляционистские позиции. Их появление в качестве главных сил на мировой арене было если не неожиданно, то, по крайней мере, не подготовлено всей эволюцией международных отношений. Они не имели колоний, не обладали богатым опытом участия в мировой политике, то есть не были сверхдержавами в довоенном смысле слова. У них не было сложившейся и признанной в мире сферы влияния, системы осознанных и признанных другими геополитических интересов. Но если для СССР появилась реальная возможность попытаться достичь ряда внешнеполитических целей, отстаиваемых в свое время царской Россией, то США выступали исключительно мощным и богатым, но новичком, еще не наверняка знающим, что ему надо и как этого добиться. В этих условиях идеологические разногласия отступили на второй план.

«Нью-Йорк Таймс» совершенно справедливо писала: «*Значительная часть наших трудностей в отношениях с Россией есть результат нашей собственной слабости и нереалистической политики по отношению к России во*

время войны. Американцы все еще политически незрелы и всегда имеют тенденцию воспринимать войну и военную победу как конечный результат, а не как военный способ достижения политических результатов... Хотя Северный Иран, Маньчжурия и Корея едва ли касаются жизненных интересов Соединенных Штатов, тем не менее мы не можем и не должны признавать любые договоры, достигнутые самодовольной Россией в этом регионе. Мы должны сделать ясным для России и для всего мира, что главная стратегическая причина нашего участия в последней войне была в том, чтобы воспрепятствовать доминированию одной силы (Германии) над всей Европой и одной силы (Японии) над всей восточной Азией. Если Соединенные Штаты будут играть весьма небольшую роль в мире — экономически, политически, морально, психологически (а то и даже никакой), доминирование над всей Восточной Азией и Западной Европой одной державы или двух дружественных держав очевидно создаст условия для войны на половине земного шара. Воспрепятствование такому доминированию является жизненным интересом Соединенных Штатов».

Поэтому, если вспомнить главные международные противоречия первых послевоенных лет, станет очевидно, что СССР и США, используя идеологию в качестве прикрытия, были заняты спешным формированием своих зон влияния, и все конфликты этого периода были результатом выяснения того, в чью сферу входит тот или иной регион. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала 3 марта 1946 года полосу редакционных материалов, в которой выделила «*основные стратегические районы мира*», где американские интересы сталкиваются с российскими, — Маньчжурия, Иран, Центральная и Южная Европа. Восточная Европа даже не упоминалась: Америка не претендовала там на доминирование. В свою очередь, СССР занимал крайне пассивные позиции в отношении ряда стран Латинской Америки, территорий в Тихом океане и т. д.

Но серьезной проблемой стал, к примеру, Иран. В конце мая 1945 года иранское правительство обратилось к СССР, США и Англии с просьбой вывести их войска из страны. Американские и английские войска были выведены, а Сталин требовал признания автономии иранской провинции Азербайджан, оставления советских войск в стране на неопределенный срок и организации совместной советско-иранской нефтяной компании, где бы 51% акций принадлежало СССР, а 49% — Ирану. Получив гарантии финансовой помощи США, иранское правительство настояло на выводе советских войск, отвергло план создания нефтяной компании и объявило о национальном плане развития нефтяной индустрии. В июле 1946 года США предоставили Ирану 26-миллионный кредит для закупки и ремонта американского военного оборудования.

Такого рода конфликты происходили везде, где сталкивались интересы СССР и США. Если Америка предлагала договор, подразумевающий

---

* *Hanson W. Baldwin.* A Realistic Policy Is Required. — «The New York Times», 1946, March 27.

25-летний контроль над Германией, включая ее военную промышленность, то СССР предлагал не спешить с заключением договоров, а заниматься формированием германских политических структур. Если США настаивали на скорейшем заключении мирного договора с Австрией, то СССР предлагал договор с Австрией оставить последним в ряду мирных договоров в Европе, сделав ее своего рода заложником. Если США предлагали установить на Балканах политику «открытых дверей», то СССР выступал с требованием оставить решение балканского вопроса лишь на рассмотрение самих балканских государств. Если Америка предлагала установить протекторат над колониями, то СССР воспринимал это как попытку монополизировать средиземноморские территории. Если США предлагали утвердить итальянский контроль над Триестом — важнейшим стратегическим портом на Адриатике, то СССР предлагал передать порт Югославии. Такое же несходство проявлялось в вопросах распределения сфер влияния на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Северной Африке и т. д. Серьезные разногласия вызвала структура ООН. [...]

Будучи экономически более сильными, США зачастую опережали СССР в достижении своих внешнеполитических целей. В марте 1947 года была провозглашена Доктрина Трумена, и трудно было не заметить, что основы ее были заложены годом раньше. Еще через три месяца Государственный секретарь Джордж Маршалл, выступая перед выпускниками Гарварда, обозначил первые элементы американской помощи европейским государствам, что позже будет названо Планом Маршалла, а его автор будет удостоен Нобелевской премии мира. В марте 1948 года пять стран — Бельгия, Франция, Люксембург, Голландия и Великобритания — подписали в Брюсселе договор о социально-экономическом и культурном сотрудничестве и о коллективной защите. Началось объединение Западной Европы под эгидой Америки. В мае того же года в Гааге состоялся Европейский Конгресс, на котором председательствовал Уинстон Черчилль. В 1949 году он принял участие в первой ассамблее Совета Европы, который проходил в Страсбурге. 4 апреля 1949 года министры иностранных дел США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Италии, Португалии, Дании, Исландии, Норвегии и Канады подписали в Вашингтоне Североатлантический договор — НАТО. Через месяц парламент Западной Германии принял Конституцию, и 23 мая было объявлено о создании Федеративной Республики Германии. 7 октября того же года была провозглашена Германская Демократическая Республика на территории советской зоны оккупации.

Передел мира обострялся по мере того, как отношения между США и СССР ухудшались. Берлинский кризис стал апогеем напряженности. США рассчитывали, что монополия на атомное оружие позволит им наращивать давление на СССР. Но неожиданно для американцев в августе 1949 года СССР провел испытание своей атомной бомбы, а затем даже опередил Америку в испытании водородной. Тем самым страны были поставлены в условия практической невозможности начать открытую войну друг против

друга, то есть войну «горячую». Но различия в стратегических интересах, стремление к мировому доминированию не позволяли им относиться друг к другу ни по-дружески, ни даже по-партнерски. Невозможность «горячей войны» направила конфронтацию в русло «холодной», где различия в идеологии стали скорее уже декоративными, прикрывая истинные цели обеих стран. «Холодная война», таким образом, стала способом мирного сосуществования сверхдержав, отстаивающих свои интересы.

Распад СССР и Варшавского блока, крах коммунизма не изменили, да и не могли изменить структуру американских интересов. Однако это облегчило их защиту, дало возможность расширить сферу мирового влияния США. Российские же возможности обеспечить защиту своих стратегических интересов резко сократились. Каковы в такой ситуации могут быть сценарии развития международных отношений в целом и российско-американских, в частности?

Во-первых, превосходство Америки и ее стратегических союзников будет нарастать, и постепенно все бóльшая часть российской сферы политического и экономического влияния будет переходить к американцам. Эта тенденция наметилась в период с конца 1980-х годов и отчасти продолжается сейчас. Расширение НАТО, война в Персидском заливе, бомбардировки Югославии стали ее реальными выражениями. Для России это не самый благоприятный сценарий, но совсем не гибельный. Наличие сфер влияния не является обязательным условием процветания страны. Так, после краха колониальной системы практически все европейские страны потеряли свои сферы, что не мешает им жить на зависть россиянам. После Второй мировой войны Британская империя утратила 97 процентов от своей довоенной территории, однако Лондон не предпринял никаких попыток вернуть ее, а Черчилль, который возглавлял империю в период распада, остался самым уважаемым политиком в истории страны.

Во-вторых, Россия сама может попасть в сферу влияния другой мировой силы, то есть оказаться в ситуации той же Англии после Второй мировой войны. Такой силой могут быть, например, США, объединенная Европа, Китай или Юго-Восточная Азия. И тогда международный порядок будет определяться взаимоотношениями между ними, Россия утратит самостоятельность внешней политики, став самым большим в истории сателлитом. [...] Это также не сулит России ничего хорошего, однако не является катастрофой. Большинство государств мира, в том числе развитых стран Запада, не могут позволить себе иметь независимую внешнюю политику, однако это отнюдь не ведет к ликвидации национальной независимости и суверенитета, чем пугают народ российские националисты. Ни Испания, ни Португалия, выдвинутые президентом Путиным в качестве ориентира развития для нынешнего поколения россиян, не отличаются самостоятельностью своих внешнеполитических линий, — более того, стараются держаться «в тени» на мировой арене, что однако не мешает их народам чувствовать себя вполне уверено и безопасно.

Предпринимаемые же сегодня российским руководством попытки сыграть на разногласиях Европы и США не принесут успеха. Надо быть абсолютно наивным и не знать истории, чтобы предположить, что европейцы и американцы позволят России поссорить их. Единство Запада основано на доверии и предсказуемости, которую Россия в последний раз демонстрировала в Первой мировой войне. США никогда не предавали своих союзников, и европейцы никогда не забудут ни Доктрины Трумена, спасшей их от коммунизма, ни Плана Маршалла, который великий европеец Уинстон Черчилль назвал «*самым благородным актом в истории*» и который спас их от голода и разрухи. Американцы, со своей стороны, никогда не перережут свои европейские корни. Разногласия между странами западной демократии, будут, естественно, возникать постоянно, но никогда не приблизятся к критическому уровню раскола, так как эти страны располагают изощренным механизмом разрешения своих противоречий и конфликтов. Последним и очень впечатляющим примером этого может служить изящное решение «проблемы» Йорга Хайдера в Австрии.

В-третьих, стабилизация внутренней ситуации позволит России если не вернуть утраченное мировое влияние, то, по крайней мере, сохранить оставшуюся еще сферу международного влияния. Но в таком случае нельзя будет избежать конфликтов с мощными международными силами, в первую очередь — с США, Европой и, возможно, с Японией, Китаем и Юго-Восточной Азией. Конфликтов, естественно, не военных, а политических и экономических. Возможности России повернуть развитие в этом направлении очень невелики, хотя похоже, что с приходом Владимира Путина Кремль стал демонстрировать элементы политической воли. Сегодня у России практически нет союзников на международной арене, военные, научно-технические и экономические возможности страны гораздо ниже, чем пятнадцать лет назад, нет идеи, способной увлечь как собственный народ, так и хотя бы часть международного сообщества, репутация страны в мировом общественном мнении и уважение к ней находятся на самом низком уровне за всю новейшую историю.

Политика России — политика крайностей и непредсказуемости, все боятся нашей вражды, но никто не верит в нашу дружбу. Надо быть реалистами: усиление роли России на международной арене поддерживают сегодня только страны и режимы, заинтересованные в росте непредсказуемости международного развития. Страны, стоящие в оппозиции американскому доминированию, в том числе, Китай, Индия, Индонезия, Япония и т. д., никогда не сделают ставку на непредсказуемую и криминальную Россию, более того — вряд ли поспешат приглашать ее в свой «антиамериканский клуб». Поэтому российская антиамериканская политика в том виде, в каком ее пытается проводить новая кремлевская администрация, является неумной. Самой большой христианской стране не стоит стремиться к уничтожению самой сильной христианской страны. Если исчезнет США, то Россия в одиночку окажется между мусульманской наковальней и китайским молотом. Китай в

течение жизни одного поколения вполне способен вернуть Россию в границы до походов Ермака. Мы только что проиграли Китаю борьбу за долгосрочные американские инвестиции, как три десятилетия назад проиграли эту борьбу Юго-Восточной Азии, а в начале 1990-х — Латинской Америке. Попытаемся выиграть ее хотя бы у Африки.

Россия и Америка никогда не будут друзьями в политике, слишком велика разница их интересов. Кто бы ни занимал Белый дом, Гор или Буш, американская политика никогда не будет пророссийской. Кто бы ни сидел в Кремле, Россия никогда не будет проводить проамериканскую политику. Мы будем находиться в постоянном конфликте, который идет на пользу всем. Вероятность того, что по инициативе США такое противостояние перейдет из «холодного» в «горячее», равна нулю. России остается обеспечить то же самое.

«Холодная война» — это надежный мир, основанный на противовесах и сдержках. Перефразируя Гарри Трумена, можно сказать, что такая война — это не матч, после которого команды разъезжаются по домам, а скорее непрерывный чемпионат, где можно выиграть или проиграть игру, но весь турнир нельзя ни проиграть, ни выиграть, ни даже остановить. То есть речь идет о необходимости продолжения политики разумной «холодной войны», очищенной, конечно, от всякого рода идеологической мишуры. Войны, которая, заметим, принесла Европе самый длительный во всей ее истории период мирной жизни.

2000, № 3 (105)

3. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ

Это капитуляция

Выступление на слушаниях комитета по иностранным делам Палаты представителей США «От конкуренции к коллаборационизму: укрепляя отношения США и России» (25 февраля 2009 года)

[...] Будучи гражданином России, а также сотрудником Института Катона, я не могу и не собираюсь давать советы ни правительству США, ни уважаемым членам Конгресса США. Все, что я сегодня скажу, следует расценивать как справочную информацию, которую вы вправе использовать так, как сочтете нужным. Мои слова следует рассматривать как мое сугубо личное понимание того, каковы интересы российского народа, как сделать Россию демократической, открытой, мирной и процветающей страной, уважаемым членом международного сообщества, надежным партнером других демократических стран, включая и США. Ответственность за все, что я сегодня скажу здесь, лежит исключительно на мне.

[...] Со времени распада Советского Союза и образования независимой России две администрации США, а именно: администрации президента Билла Клинтона и президента Джорджа Буша-младшего, приступали к своим обязанностям с четко сформулированной задачей — улучшить отношения между нашими странами. Результаты этих попыток хорошо известны. Обе они закончились полным провалом.[...]

Начало работы администрации президента Обамы поразительно напоминает то, как начинали две предыдущие администрации. Мы видим то же желание наладить двусторонние отношения, те же позитивные заявления, те же многообещающие жесты и визиты. Однако так как политические режимы ни в той, ни в другой стране по существу не изменились, едва ли можно ожидать, что не повторится уже в третий раз хорошо известная модель наших отношений: большие ожидания — глубокое разочарование — полный крах.

Поэтому имеет смысл уделить некоторое время анализу причин двух предыдущих неудач. По моему мнению, они коренятся в основном:

— в природе нынешнего политического режима России;

— в том, что в США недостаточно хорошо понимают внутреннюю логику и намерения российских властей;

— в том, что демократические страны оказываются неспособны справиться с вызовами сильных авторитарных режимов;

— в неспособности зарубежных партнеров проводить различие между российскими властями и российскими гражданами;

— в том, что США предпочитают использовать двойные стандарты в отношении сходных проблем на мировой арене.

[...] Сегодняшняя Россия — это недемократическая страна. В соответствии с классификацией политических режимов нынешний режим в России должен трактоваться как жесткий авторитарный. Центральное положение в нынешней российской политической системе занимает Корпорация тайной полиции.

[...] Сотрудники Федеральной службы безопасности — как те, кто состоят на действительной службе, так и те, кто находятся в отставке[1], — формируют особый род объединения, которое можно назвать *братством*, *орденом* или *корпорацией*. Члены Корпорации связаны друг с другом жестким кодексом службы и чести, базовыми поведенческими принципами, куда, помимо прочего, входит принцип взаимной поддержки в любых обстоятельствах, а также принцип омерты. Так как Корпорация хранит традиции, иерархии, кодексы и обычаи тайной полиции и службы разведки, ее члены демонстрируют высокую степень повиновения начальству, находящемуся в данный момент у власти, преданность друг другу и весьма строгую дисциплину. Тот, кто нарушает этот кодекс, подлежит суровому наказанию, вплоть до высшей меры.

[...] Члены КССС[2] получили специальное образование и тренировку, строго мотивированы и ориентированы на использование силы против других людей; в этом их существенное отличие от гражданского населения. [...] Часто применение силы означает ее применение безотносительно к праву, часто — наперекор праву. Члены Корпорации воспитываются в духе *комплекса превосходства* над остальным населением страны. Члены Корпорации убеждены, что именно они являются *начальниками и хозяевами* страны Члены Копорации обладают *привилегиями*, в числе которых есть предметы, дающие реальную власть над остальным населением в современной России: удостоверение сотрудника ФСБ[3] и право ношения и использования оружия.

[...] С момента восхождения Владимира Путина к вершинам власти КССС проникла во все ветви российской власти. Люди из спецслужб занимают около 77% высших государственных позиций; почти все важнейшие общественные ресурсы (политические, исполнительной власти, законодательные, судебные, правоприменительные, военные, экономические,

---

[1] Известное заявление Владимира Путина гласит: «Бывших чекистов не бывает».

[2] Корпорация сотрудников спецслужб (*ред.*)

[3] Так называемый *вездеход* — документ, дающий право доступа в любое место, учреждение, здание [...]

финансовые, информационные) оказались сконцентрированными, а в ряде случаев — монополизированными в руках КССС.

[...] Независимых средств массовой информации в России практически не существует. Телеканалы, радио, печатные издания подвергаются жесткой цензуре, в то время как пропаганда властей, проповедующая культ власти и насилия, направлена против демократов, либералов, «западников», самого Запада, прежде всего США. Уровень антиамериканской пропаганды в сегодняшней России несравним даже с советскими временами, по крайней мере, с 1970-ми и 1980-ми годами.

[...] Начиная с 1999 года в России не было свободных, открытых, конкурентных парламентских или президентских выборов. В двух последних случаях выборы (парламентские в декабре 2007 года и президентские в марте 2008 года) проводились в форме спецопераций и были в массовом порядке фальсифицированы; в каждом из этих случаев до 20 млн. голосов властями было приписано кандидатам режима. Ни одна из оппозиционных политических партий и ни один оппозиционный политик не были допущены к участию в выборах. Для сравнения: даже белорусский режим, который нередко называется «последней диктатурой в Европе», в сентябре прошлого года позволил оппозиционным политикам участвовать в парламентских выборах.

[...] Участников политической оппозиции в России регулярно притесняют, запугивают и избивают спецслужбы режима. Начиная с 2006 года любое собрание оппозиции подвергается жесточайшим атакам штурмовиков и отрядов ОМОНа; сотни людей были избиты, арестованы и брошены за решетку.

[...] По данным правозащитных организаций, в стране сейчас примерно 80 политзаключенных, отбывающих сроки от 2 до 9 лет в заключении в тюрьмах и лагерях из-за своих взглядов и политической деятельности. Один из наиболее известных российских политзаключенных — Михаил Ходорковский [...]

[...] За последние десять лет десятки тысяч людей были убиты в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии.

Осенью 1999 года несколько сотен людей погибли из-за серии взрывов жилых домов, произошедших в ряде городов страны — от Москвы до Буйнакска в Дагестане. [...] Сотрудникам местной милиции с помощью жителей удалось задержать нескольких человек, пытавшихся взорвать жилой дом в Рязани. Эти люди оказались сотрудниками ФСБ. После того, как история приобрела огласку, задержанных сотрудников ФСБ по приказу из Москвы отпустили, а взрывы жилых домов в стране прекратились так же неожиданно, как и начались.

Начиная с ноября 1998 года несколько человек из числа вероятных кандидатов в президенты, политиков, журналистов, юристов, находившихся либо в оппозиции, либо просто независимых по отношению к политическому режиму, были убиты или же умерли при весьма подозрительных обстоятельствах. С марта 1999 года волна политических убийств вышла за пределы

российских границ. В марте 1999 года Вячеслав Чорновил, лидер партии «Народный рух Украины» и кандидат на пост президента Украины, погиб в подозрительной автокатастрофе недалеко от Киева; спецслужбы Украины позже квалифицировали это как убийство, инициированное ФСБ. В феврале 2004 года автомобиль, в котором находились Зелимхан Яндарбиев, бывший президент Чечни, и его пятнадцатилетний сын, был подорван в Дохе двумя сотрудниками российского посольства в Катаре. Г-н Яндарбиев погиб. В сентябре 2004 года кандидат на пост президента Украины на выборах в ноябре 2004 года Виктор Ющенко был отравлен и чудом остался в живых. В ноябре 2006 года бывший сотрудник ФСБ Александр Литвиненко был отравлен полонием в центре Лондона и умер.

[...] С 2004 года политический режим России ведет разного рода войны против других государств. Список войн, проведенных за последние пять лет, уже оказывается весьма внушительным. [Среди *войн*, названных А. Илларионовым, — кроме Российско-грузинской 2008 года — газовые, энергетические, шпионские, кибервойны, российско-эстонская война памятников, а также антиамериканская пропаганда.]

[...] Одна из наиболее важных особенностей нынешнего политического режима в России состоит в том, что реальная политическая власть в стране принадлежит не одному человеку, не семье, не военной хунте, не партии и не этнической группе. Власть принадлежит корпорации сотрудников спецслужб. Политическая система, в которой спецслужбы играют решающую роль, — не такое уж редкое явление. И все же во всех предыдущих исторических случаях спецслужбы и их руководство подчинялись своим политическим хозяевам, будь то Сталин, Гитлер или Пехлеви, независимо от степени чудовищности их действий. Политический режим в современной России поэтому в известной степени уникален, поскольку до сих пор, пожалуй, нигде спецслужбы не захватывали полностью всю политическую, административную, военную, экономическую, финансовую и информационную власть.

Данное утверждение не означает, что все население страны или все члены правительства и все сотрудники государственного аппарата являются сотрудниками спецслужб. Среди них много честных людей и достойных профессионалов, глубоко чуждых чекистским/мафиозным структурам. Тем не менее не они контролируют сегодняшнее российское государство и не они принимают ключевые решения в нынешней России.

[...] Даже при беглом взгляде на эволюцию американо-российских отношений в течение последних десяти лет обнаруживается поразительный факт: в этих двусторонних отношениях практически по всем вопросам американская сторона *постоянно отступает*.

Десять лет назад администрация Клинтона открыто и энергично выразила свою обеспокоенность нарушениями базовых прав человека в Чечне.

Российские власти посоветовали американским партнерам не вмешиваться в российские внутренние дела. В конечном счете администрация США послушалась.

В течение последующего времени администрация США выражала свою обеспокоенность, недовольство, протест по многим вопросам. Во всех этих случаях российская сторона предлагала администрации США *заткнуться*, и во всех этих случаях американская сторона рано или поздно следовала этому совету. [...]

Недавно США даже сняли ограничения на возобновление сотрудничества НАТО с Россией — менее чем через шесть месяцев после российской агрессии против Грузии, после грубейшего нарушения международного правопорядка, Устава ООН и Резолюции ООН № 3314 от 14 декабря 1974 года.

Недавнее предложение «перезагрузить» американо-российские отношения и «начать отношения с чистого листа» было встречено чекистами с плохо скрываемыми радостью и удовлетворением. Это «*так называемое Мюнхенское заявление*» они воспринимают как фактическое согласие нынешней американской администрации с идеей, публично выдвинутой российским руководством прошлым летом, — идеей восстановления власти российских чекистов (спецслужб) в постсоветском пространстве под предлогом наличия так называемых *привилегированных интересов* России в ряде стран. Как видим, эта идея стремительно претворяется в жизнь: создан фонд в размере 10 млрд. долларов; Россия выдает крупные кредиты Киргизии, Белоруссии, Украине; недавно семью странами, входящими в состав Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), заключено соглашение о создании совместных войск быстрого реагирования; обеспечивается плотный контроль — на финансовом и персональном уровне — над СМИ в странах бывшего СССР; российские власти постоянно пытаются изменить политический режим в Украине и ее прозападный курс и пытаются завершить завоевание Грузии.

[...] Такого рода поведение со стороны администрации США нельзя назвать даже *отступлением*. Это даже и не *политика умиротворения*, всем нам, увы, хорошо известная после *другого мюнхенского решения* в 1938 году. Это капитуляция. Это полная, абсолютная и безусловная капитуляция перед режимом спецслужб, чекистов, мафиози и бандитов современной России. Это капитуляция надежд и стараний российских демократов, а также народов постсоветских государств, мечтающих вырваться из системы, почти целое столетие контролировавшей и терроризировавшей их. Но это еще не все. Это предельно ясная демонстрация всем демократическим и либеральным силам в России и других государствах бывшего СССР, что США отныне отказываются даже морально помогать им в их борьбе против сил прошлого и переходят на сторону их смертельных врагов. В результате российский чекистский режим получает открытое приглашение к новым авантюрам в постсоветском пространстве и за его пределами.

Сам термин для обозначения такого рода политики — «коллаборационизм» — выбран не мной; он предложен в самом названии этих слушаний.

[...] Сегодня коллаборационизм между двумя правительствами возможен лишь на условиях российского режима и для достижения его целей. Из европейской истории XX века мы знаем, что означает, когда ревизионистская держава задается отчетливой целью восстановить контроль над своими соседями, а другие державы предпочитают не защищать жертвы от агрессивных нападений, а наоборот, предпочитают сотрудничать с агрессором.

Мы знаем также, какими бывают последствия коллаборационистской политики: те, кто отступает и капитулирует, получают не мир, но войну, войну с непредсказуемыми и отвратительными последствиями. Не исключено, что и не единственную войну.

Когда мир окажется в таком положении, мы должны помнить, что нас предупреждали. [...]

2009, № 3 (141)

III.
ПЛОДЫ РЕФОРМ, или ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1. РЕНАЛЬД СИМОНЯН (Институт социологии РАН)

Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты

К 20-летию экономических преобразований в России

1. Общая панорама

В начале января 1992 года правительством Е. Гайдара были отпущены розничные цены на товары массового спроса. Так началось кардинальное общественное переустройство России, переход от планово-распределительной экономики к свободному рынку, от тоталитарного к демократическому государственному устройству.

Хозяйственные итоги реформ нашли свое отражение в многочисленных работах как российских, так и зарубежных экономистов. Их выводы сводятся к произошедшему за эти годы превращению России в сырьевой придаток теперь уже не только Запада, но и Востока. Если в 1989 году в нашем экспорте товары с высокой добавленной стоимостью составляли 38,7%, то в 2010 году — 4,7%[1]. Если в 1991 году наши самолеты составляли около 40% мирового парка гражданской авиации, то на начало 2010 года менее 2%[2].

Технологическое отставание нашей страны от передовых государств наметилось еще в позднесоветский период. Реформы и были призваны сократить отставание, модернизировать экономику. Но никакой модернизации не произошло. Наоборот, реформы привели к деиндустриализации страны.

«*Можно ли было предполагать тогда, в начале 1990-х годов*, — пишет директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, — *что после 15-летнего реформирования экономика страны не только не выйдет на качественно новый уровень по критерию диверсификации производства и доле товаров с высокой добавленной стоимостью, но, наоборот, окажется более примитивной, чем в позднесоветские времена?*»[3]

Высокие технологии (вооружение, космическая техника, ядерное оборудование) составляют в нынешнем российском экспорте 0,13%, т. е. столько же, сколько у одной из самых отсталых стран Евросоюза — Португалии. В результате реформ была создана простейшая экономическая модель, суть которой заключается в продаже своей природной ренты. За пореформенные годы в России были разрушены многие высокотехнологичные предприя-

тия, но не было построено ***ни одного нового предприятия***, оборудованного конкурентоспособной отечественной техникой.

Оценивая экономические результаты реформ, можно также напомнить известные исторические факты: лежащая в развалинах после Первой мировой и Гражданской войн Советская Россия уже через девять лет достигла довоенного уровня ВВП, за этот период был создан ряд новых промышленных отраслей. После драмы Великой отечественной войны довоенный уровень ВВП был достигнут также через девять лет, а еще через три года был запущен первый в истории человечества искусственный спутник Земли.

В России в 1990 – 2000-х годов не было ни Первой мировой, ни Гражданской, ни Великой отечественной войн. Но понадобилось ***пятнадцать лет***, чтобы Россия достигла ***дореформенного*** уровня ВВП. Но и это «достижение» — следствие благоприятной конъюнктуры цен на мировом рынке на сырье и энергоносители 1999 – 2008 годов.

Даже обласканные властью высокопоставленные чиновники вынуждены признать экономический провал реформ 1990-х годов. Так, бывший (в 1996/1997 годах) вице-премьер РФ Александр Лившиц откровенно заявил в 2005 году, что «*рынок Гайдара и приватизация Чубайса никакого производительного капитализма не создали, а породили лишь экономическую модель типа Филиппин времен Маркоса или Индонезии времен Сукарно. Фактически Борис Ельцин роздал государственную собственность ближайшему окружению в личное пользование. Мы даже не отдаем себе отчета, что живем в социалистической стране. Олигархи зарабатывают деньги на социалистических заводах — они еще пока сами ничего не построили. Свой товар возят по социалистическим рельсам, а ток передают — по социалистическим линиям передач. Ремонтируют? Да, но не строят. Это все досталось от той страны, которой нет уже пятнадцать лет. А хоть какого-то ввода мощностей мы не видим*»[4].

Совсем недавно подобное признание сделал еще более высокопоставленный российский чиновник — заместитель главы Администрации Президента РФ В. Сурков: «*Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало что сделали сами*»[5].

Широко проанализирован и тот урон, который понесла социальная сфера общества. Социологи зафиксировали, что ***более трети населения России живет за порогом или на грани бедности***, а 7% находятся в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. Еще 14% бедных фактически так же прочно «застряли» в этом состоянии. Кроме того, 17% населения пребывает в состояние постоянного риска бедности, хотя пока им удается удерживаться «на плаву», балансируя на грани бедности и малообеспеченности, и численность этой «группы риска» возрастает[6].

Реформы привели к качественному сдвигу структуры потребления, что отмечено многими экономистами. Так, чл.-корр. РАН проф. Н. М. Римашевская считает, что «*в результате "шоковой терапии" проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи,*

падения уровня экономического развития и, вследствие этого, — жизненного уровня населения в целом. Бедной становится страна в целом»[7].

К такому же выводу относительно оценки социальных результатов реформ приходят и другие ведущие экономисты.

«*В РФ возникла уникальная категория "новых бедных"*, — считает академик С. Ю. Глазьев, — *те группы* ***работающего*** *населения, которые по своему образовательному уровню и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее не были малообеспеченными*»[8].

На Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников в 2005 году вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук, директор Института экономики сельского хозяйства И. Ушачев сказал: «*В среднем объемы потребления продовольствия на душу населения с 1990 года сократились на 22,6%, а по отдельным видам продуктов, таких как мясо — в 1,4 раза, молока — в 1,7 раза, рыбопродуктов в 1,9 раза... Значительная часть населения страны не может позволить себе питаться даже на уровне минимальной потребности, а средние рациональные нормы питания доступны лишь 10 – 20% россиян*»[9].

Спад потребления ценных продуктов питания сосредоточился почти исключительно в той части населения, которая относится к бедным. Т. е. не менее чем для 30% населения потребление самых необходимых для здоровья продуктов питания упало до того уровня, при котором начинается физиологическая деградация[10].

По данным Левада-Центра, в России прожиточный минимум население оценивает в два раза выше его официального уровня, при этом 21,3% населения едва сводят концы с концами, и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду[11].

А при этом существует и другая социальная сторона реформ. В сентябре 2007 года в Германии была заложена, а в июле 2009 года спущена на воду новая 172-метровая девятипалубная яхта Р. Абрамовича, стоимостью 400 миллионов долларов (с двумя взлетно-посадочными площадками, с вертолетами и ангарами для них, с подводной лодкой на 12 пассажиров и со многими прочими атрибутами вызывающей роскоши). К этому ряду вполне можно отнести рекордный в современном мире гонорар за разовый концерт. В. Потанин, отмечая свой день рождения, пригласил американскую поп-звезду спеть для гостей и заплатил за это 5 млн. долларов.

На вопрос, который обязательно задавали в Западной Европе летом 2008 года человеку из России: «На вашу страну уже 10 лет сыплется золотой дождь, но почему вы живете так же бедно, как при коммунистах?» — наиболее точно ответил проф. Ю. Афанасьев: потому что «*нынешняя номенклатура держит у себя эти свалившиеся с неба миллиарды долларов, чтобы с их помощью гарантировать себе сохранение власти при всех, даже при самых неблагоприятных для нее ситуациях, которые могут вдруг возникнуть*»[12]. Разумеется, в эти гарантии включены затраты на поддержание определенного минимума благосостояния для населения, ниже которого власть оказывается в зоне риска.

Похожую мысль высказывает и Л. Шевцова: «*Бюджет является зеркалом мышления людей в Кремле, они думают не о том, чтобы предотвратить недовольство народа, а о том, чтобы от этого недовольства себя получше защитить*»[13].

За годы реформ российское общество атомизировалось, утрачены многие формы солидарности, а социальное расслоение достигло беспрецедентных масштабов. Предельно кратко подвел социальные итоги реформ директор Института Европы РАН академик Н. Шмелев: «*Сегодня мы самая антисоциальная страна промышленного мира*»[14].

Исследования демографов показывают, что экономические реформы и здесь дорого обошлись нашей стране: более двух третей всех причин депопуляции россиян связано с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, а также с возникшими в 1990-е годы такими массовыми феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия населения, детская беспризорность и бомжатничество. В середине 1990-х годов в страну вернулись многие болезни, с которыми было покончено в советское время, и, прежде всего, инфекционные, такие как туберкулез, так как фактически перестала функционировать созданная в советское время эффективная система его профилактики, диагностики и лечения. Если в 1990 году рождаемость в России составила 1989 тыс. чел. , то в 2000 году — 1267 тыс. чел., смертность на 1 тыс. человек населения в 1990 году была 11,2, в 2000 году стала 15,5.

Наиболее наглядно суть реформ эпохи Ельцина-Гайдара характеризует динамика суицидов. Число самоубийств в 1995 году по сравнению с 1991 годом возросло на 59,7%, в том числе у мужчин на 66,4%, а у сельских мужчин — даже на 73,6%[15]. Знаменитый кардиолог академик Е. Чазов пишет: «*В "лихие 1990-е" я не раз предупреждал власти о грядущем всплеске смертности "от сердца" после шоковой терапии. В том числе из-за истощения жизненных сил народа. Не вняли! Такого огромного количества людей мы не теряли со времен войны*»[16].

Еще губительнее сказались реформы на здоровье детей и подростков: от социального бедствия их организм и психика страдают сильнее, чем у взрослых. В дореформенном 1991 году в РСФСР на 10 тыс. детей было 38,5 инвалида, в 1995 году уровень детской инвалидности составил 116,3 на 10 тыс. детей, в 2005 году — 209,7. Т. е. за 15 лет произошел ***более чем пятикратный рост детской инвалидности***. В 2005 году директор Государственного научного центра им. Сербского, бывший министр здравоохранения РФ Т. Дмитриева сообщила, что уровень психических расстройств в РФ с начала 1990-х годов увеличился ***в 11,9 раза***, а доля освобожденных от призыва по соответствующим показателям составляет ***22,7%*** от общего числа призывников[17]. В 2007 году Министерство образования РФ впервые опубликовало данные о ***суициде среди школьников*** — 3091 человек в 2006 году, что вывело Россию по этому ***показателю на первое место*** в мире (в 1991 году наша страна по этому показателю занимала 79-е место). В 2008 году Россия вышла на

первое место в мире по потреблению героина. Если в 1980-е годы случаи отказа от детей в роддомах Российской Федерации составляли в среднем около 1100 в год, то в 1990-е статистика фиксировала ежегодное количество матерей-отказниц в среднем более ***20 тысяч***[18]. В середине 1990-х годов в стране возникло новое массовое социальное явление — детская проституция. Катастрофическое положение подрастающего поколения признает сама власть. «*Россия переживает сейчас третью после Гражданской и Великой Отечественной войн волну беспризорности,* — заявил глава МВД РФ Р. Нургалиев. — По самым приблизительным подсчетам, ***в стране более 800 тысяч детей-сирот, 2 миллиона неграмотных подростков, более 6 миллионов детей находятся в социально неблагоприятных условиях, около 4 миллионов подростков регулярно употребляют наркотики***»[19].

Этот мощный скачок неблагоприятных тенденций, возникших в первой половине 1990-х годов, невозможно, как это пытаются сделать реформаторы и их апологеты, замаскировать под «глобальные демографические процессы».

В 1990-е годы появилось унизительное для великой страны явление — «утечка мозгов». Бегство россиян из своей страны с каждым годом приобретает все более широкий характер. По данным руководителя Счетной палаты РФ С. Степашина, в 2010 году из России выехало ***1 млн. 250 тыс. человек***. В мае 2008 года, — а это период наивысшего притока нефтедолларов в государственный бюджет, — ВЦИОМ провел репрезентативный опрос взрослого населения России. Оказалось, что ***38%*** опрошенных предпочитали, чтобы их дети уехали из России на постоянное место жительства в другие страны[20]. Разумеется, это вовсе не утрата патриотизма нашим народом. Это оценка россиянами проведенных реформ.

В последнее время появляются культурологические исследования, проводится анализ результатов экономических реформ 1990-х годов в интеллектуальной и духовно-нравственной сфере общества.

Советская Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие города, которые выдвигали ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран. Из этих городов десятки тысяч высококлассных специалистов вынуждены были в 1990-х годах эмигрировать на Запад, потому что инновационный кадровый потенциал, как это ни парадоксально, не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно этот интеллектуальный слой испытал наибольшую экономическую и социальную депривацию в процессе проведения реформ. В России поколение выпускников высшей школы 1990-х годов, по существу, оказалось не просто потерянным, а во многом загубленным поколением. По существу, российская власть совершила преступление перед молодыми людьми, окончившими ведущие технические вузы страны в 1991/1995 годах. Судьба этих мальчишек вызывает аллюзию трагедии Великой Отечественной войны, когда из поколения 1921/1925 годов почти никто не вернулся домой.

В 1990-х годах российское правительство, по существу, объявила науке войну, в результате которой интеллектуальная элита понесла огромные потери. От нее российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться. Большинство ее представителей были выброшены на обочину социальной жизни. На вещевых рынках больших и малых городов России в 1990-е годы можно было увидеть и выпускников известных за рубежом советских вузов, и их преподавателей, и инженерно-технический персонал ведущих промышленных предприятий и других высокообразованных профессионалов. Разумеется, не все уехали за границу, большинство сменили профессию, ушли туда, где можно было что-то заработать, чтобы содержать свои семьи.

Аналитики единодушно приходят к выводу о глубоком упадке общественной морали, деинтеллектуализации общества, кризисе образования, о том, что падение качества высшего образования, начавшееся в середине 1990-х годов, вряд ли можно остановить в ближайшие годы. Если советская высшая школа была одной из лучших в мире, то сегодня образование, полученное в России, перестало быть ценностью. По данным общероссийского опроса, проведенного в мае 2008 года ВЦИОМ, 67% опрошенных хотели бы, чтобы их дети учились не в России, а за границей[21].

Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти, как грибы. Уже к середине 1990-х некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации. В январе 1995 года на территории России действовали более 15 000 криминальных групп (в 1990 году их было менее 50)[22]. Сегодня уголовная мораль, уголовный быт, уголовная лексика и уголовная эстетика характеризуют значительную часть российского общества.

Все перечисленные аспекты российской реформации 1990-х годов в целом вполне объективно оценены как академическим сообществом, так и широкой общественностью. Очевидность результатов реформации, отраженная в реальных показателях, не создает основы для сколько-нибудь существенных различий в оценках.

В то же время существует важнейший аспект общественных отношений в нынешней России, оценка которого вызывает сегодня острую полемику. Это — ***социально-политический аспект***. Данная область человеческой деятельности легко доступна для идеологизации, критерии оценок здесь менее конкретны, поле для объективных, в том числе и статистических, измерений ограничено, превалируют пропагандистские установки. Для манипулирования общественным мнением создаются различные социальные миражи, фантомы и мифы, используются и другие способы индоктринирования массового сознания. Оценка результатов реформ в политической сфере — сегодня наиболее далека от общественного консенсуса. Поэтому вопрос, что́ Россия получила в результате реформ 1990-х годов в этой важнейшей сфере общества, заслуживает более подробного анализа.

2. Экономический базис и политическая надстройка

1

Экономические преобразования российские реформаторы начали с приватизации. Распределение государственной собственности — основной элемент экономических преобразований 1990-х годов в постсоциалистических государствах. Возникшая, и ставшая доминирующей в народном хозяйстве, частная собственность и, высвобожденная из жестких тоталитарных оков, частная инициатива во всех постсоциалистических странах Европы послужили мощным импульсом для демократического развития этих стран. К сожалению, в России этого не произошло.

Почему же в России итоги приватизации оказались, по словам академика О. Богомолова, «*столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских*»[23]?

В России реформаторы поставили своей целью провести приватизацию в максимально короткие сроки. Сами они не без кокетства называли свои реформы «пожарными», а себя сочувственно «командой смертников», «камикадзе», определив, таким образом, в массовом сознании россиян свою роль как жертв, осуществляющих высокую, на грани подвига, функцию «спасения нации». Профессор Н. Щербинина справедливо замечает по этому поводу, что «*советская политическая культура продемонстрировала в этом эпизоде свой традиционный фарисейский ритуал "подмены статуса", когда декларируемые "лишения" верхов воплощаются в символических "житиях страдальцев за народное дело"*»[24].

Сегодня все эти «камикадзе» процветают, большинство из них стали первыми российскими миллионерами.

В отличие от других европейских государств, в России либеральные идеи не имеют столь широкой социальной базы в обществе. Обращение общества к либеральным ценностям отличает лишь отдельные периоды в российской истории XIX – XX веков. Десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую половину 90-х годов XX века, было именно таким периодом. Популярность всего, что связано со свободой личности, персональной инициативой и другими либерально-демократическими ценностями стремительно возрастала в российском обществе. К началу 1990-х годов она захватила значительную, если не бóльшую часть населения — причем самую продуктивную ее часть. Многочисленные социологические исследования показывали четкую установку большинства россиян на принятие демократических ценностей. Так, в марте 1992 года ВЦИОМ осуществил одно из самых масштабных за свою историю исследований общественного мнения. По общероссийской репрезентативной выборке в 49 регионах было опрошено 6885 респондентов, из которых более двух третей (68,3%) оценивали либеральные и демократические ценности положительно и только 9,8% отрицательно[25]. Т. е. в начале 1990-х годов в российском обще-

стве возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. Осенью 1991 года известный публицист Юрий Карякин выразил мнение большинства, когда сказал: «*Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России*». Таким образом, в тот исторический момент государственной власти представился великолепный шанс для создания демократического государства и успешного социально-экономического развития.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью, но, по существу, сделали всё, чтобы опорочить ценности свободы и демократии в глазах населения.

Поскольку экономические реформы в России часто сравниваются с реформами в странах Балтии (они стартовали одновременно), стоит привести оценку наших соседей.

Вот мнение эстонского политолога Катрин Лийк, которое она высказала в 2007 году на одной из авторитетных дискуссий, организованной Московским Фондом «Либеральная миссия»: «*Мне довелось в течение шести с половиной лет работать журналистом в России. Внимательно наблюдая за тем, как происходили здесь постсоветские реформы, я много размышляла о российском правящем классе. И поняла, что едва ли не решающую роль в определении стратегического вектора развития страны играют люди, которые эти реформы начинают. Думаю, что готовых и способных строить демократию, в России не оказалось. Эстонии в данном отношении повезло больше*»[26].

Можно согласиться с К. Лийк, что Эстонии повезло, а России не повезло с реформаторами, но никак нельзя согласиться с тем, что в отличие от маленькой Эстонии в огромной России людей, готовых и способных строить демократию, не было. К сожалению, сложившееся в 1990-х годах представление о России как стране, характеризующейся отсутствием людей, которые по своим человеческим качествам соответствуют высокой цели общественных преобразований, а, главное, готовы эти качества использовать на благо своего народа, разделяют многие представители истеблишмента соседних с Россией восточноевропейских государств. Действительно, таких авторитетных, честных и ответственных за судьбу своего народа, как Дэн Сяопин в Китае, Альгирдас Бразаускас в Литве, Эдгар Сависаар в Эстонии, Владимир Мечьяр в Словакии, Лешек Бальцерович в Польше, Вацлав Гавел в Чехии на российском политическом олимпе в 1990-годах не оказалось.

Но вовсе не потому, что в России не было такой породы способных управленцев.

Разумеется, люди не ангелы, и к любому человеку всегда можно предъявить те или иные претензии, к тому же люди могут меняться под влиянием различных обстоятельств. Так же как из любого порядочного человека масс-медиа легко могут создать в общественном мнении чудовищного монстра, о чем еще в позапрошлом веке блистательно написал Марк Твен. Но взгляд на Россию как на страну, где честные политики отсутствуют по определе-

нию, исходит или из крайней политической наивности, или из столь же крайней неприязни к нашей стране. Ведь на месте тех, кто проводил реформы помимо авторов программы «500 дней» — С. Шаталина, Г. Явлинского, С. Петракова, В. Селюнина и др., могли оказаться бывший министр экономики в правительстве Гайдара Сергей Глазьев, который из-за принципиального несогласия с избранным курсом вскоре ушел оттуда; бывший генеральный прокурор РФ Алексей Казанник, ужаснувшийся происходящему и также подавший в отставку; или бывший министр юстиции РФ Николай Федоров, по тем же причинам покинувший это пост; или бывший командующий пограничными войсками генерал Алексей Николаев, пытавшийся воспрепятствовать провозу через границу контрабандного спирта в Россию (и тем посягнувший на интересы высокопоставленных государственных чиновников, за что и поплатился своим постом); или бывший заместитель председателя Счетной Палаты РФ Юрий Болдырев, вынужденный так же из-за своей честности и принципиальности уйти с этого поста в 2000 году; бывший мэр Владивостока Юрий Черепков, всеми мыслимыми и немыслимыми способами многократно лишаемый права участвовать в выборах главы города, где популярность среди населения обеспечивала ему победу. Или, наконец, призванный в связи с августовским кризисом 1998 года на пост премьер-министра академик Евгений Примаков — и честный, и компетентный, и решительный глава правительства в новой России, в подчеркнуто оскорбительной форме уволенный через год Б. Ельциным (многие, вероятно, помнят знаменитое «Не так сели!») с этого поста после того, как «посмел» пригрозить арестом[27] «другу семьи» — Б. Березовскому.

Можно назвать и многих других современных политических деятелей России, которые убедительно продемонстрировали тогда совершенно иное качество морали. Конечно же, умных, честных и энергичных людей, способных руководить страной, в начале 1990 года в России было немало. **Но они не были востребованы, потому что не вписывались в задуманный сценарий, и если они все-таки попадали на высокие государственные посты, правящая верхушка их немедленно отторгала.** К. Лийк, как и многие другие западные аналитики, не учла особенностей кадровой селекции в новой России.

Пожалуй, наиболее ярким примером эффективности этого селективного механизма может служить эпизод с Владимиром Полевановым. Губернатора Амурской области — многолетнего и заслуженного колымского геолога, знаменитого человека в Сибири — назначили 17 ноября 1994 года председателем Комитета по управлению государственным имуществом и одновременно вице-премьером (вместо А. Чубайса, который ушел тогда на повышение — первым вице-премьером). Став третьим по рангу лицом в правительстве РФ, В. Полеванов приобрел не только высокий государственный статус, но, что более важно, получил возможность ознакомиться со многими документами приватизации и был, по его словам, «ошарашен и цинизмом, и масштабами расхищения государственной собственности». Тщательно изучив материалы приватизации, он подготовил и подал

премьер-министру В. Черномырдину подробную докладную записку о творящихся в стране преступлениях (этот поражающий воображение документ опубликован[28]). ***В. Полеванов подал свою записку 18 января 1995 года. Через три дня, 21 января 1995 года, был уволен.***

2

В постсоциалистических странах Европы приватизации предшествовала коммерциализация, а разгосударствление собственности там начинали с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизация средних по размеру предприятий была проведена значительно позже, а продажа в частные руки крупных была уже на заключительном этапе приватизации. Так, социалистическая Польша, начавшая приватизацию задолго до российских реформаторов, успешно ее проводила до начала 2000-х годов. «*Многие крупные предприятия в Польше и сегодня находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности они не должны находиться в частных руках*»[29], — писал в 2008 году экс-премьер-министр и экс-министр финансов Польши профессор Г. Колодко. В 2008 году, по его свидетельству, 20% ВВП приходится в Польше на государственный сектор, в котором занято 28% работающих[30].

В России все было по-другому. Начатая осенью 1992 года в России массовая приватизация привела к тому, что уже к началу 1995 года более 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам, а к 1997 году негосударственные предприятия составляли уже 95,6% общего числа предприятий[31]. Возможно, это была самая скоротечная приватизация в истории человечества.

Почему реформаторы так торопились?

«*Потеря темпа,* — объясняет Е. Гайдар, — *была бы непозволительной роскошью... Альтернатива была предельно простая. Либо мы начнем эту техническую работу* (по открытию именных счетов, что было сделано в постсоциалистических странах Европы. — *Р. С.*) *и упустим короткий исторический момент, когда можно реально провести процесс распределения собственности, либо обходим эти ограничения и начинаем быстро продвигаться вперед*»[32].

В своей книге Е. Гайдар нигде не обосновывает этот тезис. Почему на приватизацию отпущен «короткий момент»? Что означают туманные намеки на опасность или угрозу упустить начало приватизации? Может быть, намек на угрозу коммунистического реванша?

Но если так, то это не более чем лукавство, так как в начале 1990-х годов подавляющее большинство населения России оказывало безоговорочную поддержку Б. Ельцину и с каждым днем его власть только укреплялась. Можно привести оценку периода 1992 – 1995-х годов, данную известным российским политологом, доктором исторических наук Л. Ф. Шевцовой: «*В тот период Б. Н. Ельцин и его группа имели решающее влияние в обществе. Демократические и либеральные идеи пользовались полной поддержкой много-*

численных слоев населения. Реваншистские группы были разрознены и ослаблены. Силовые структуры находились в подавленном состоянии и старались не вмешиваться в политические события. Само же общество было в этот период готово идти на жертвы во имя более устойчивого и демократического будущего. Добавим к перечисленному и наличие благоприятной международной ситуации для осуществления не только рыночных реформ, но и демократизации»[33].

Чем же в таком случае была вызвана беспрецедентная спешка в столь кардинальном для страны социально-экономическом и политическом решении? В книге Е. Гайдара ответов на эти вопросы нет. Просто автор утверждает, что приватизацию нужно было провести очень-очень срочно, но каких-либо аргументов в обосновании такой поспешности не приводит. Возможно, в книге их нет потому, что нельзя же было признаться в том, что провести приватизацию надо было так быстро, чтобы россияне не успели опомниться. Все последующее убедительно это подтверждает.

Выдвинутый в книге Е. Гайдара в качестве основного аргумента этой спешки тезис о «коротком историческом моменте» не может быть принят. Если процесс приватизации был бы начат на полгода или даже на год позже, то никакая опасность ему не угрожала. Наоборот, власть первого президента и его окружения только укреплялась, по единодушному мнению как отечественных, так и зарубежных обществоведов, даже чрезмерно. Известный американский политолог Стивен Фиш считает, что «*в России в 1990-е годы было создано "сверхпрезидентство" — небывалое в мире сочетание демократических выборов и диктаторского правления, раздутая и сверхмощная исполнительная власть, не уравновешиваемая ни законодательной, ни судебной и не подотчетной им*»[34]. Опасность для страны исходила не от недостатка, а, наоборот, от излишней концентрации власти в руках президента и его ближайшего окружения и фактически полной бесконтрольности ее со стороны общества. Безграничная власть «президента всея Руси» в первой половине 1990-х годов — явление столь очевидное, что нет особой необходимости ссылаться на мнения экспертов. Тем не менее реформаторы сделали все для того, чтобы приватизацию государственной собственности провести в кратчайшие сроки.

«*Стержнем реформ, проведенных правительством Гайдара*, — пишет академик Т. Заславская, — *была приватизация, позволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности*»[35]. В решении этой задачи действительно нужна была максимальная быстрота. Именно поэтому они так лихорадочно спешили с проведением приватизации. Только в такой торопливой сумятице можно было узкой группе лиц («новой номенклатуре») безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны.

«*Представим себе, что переход к рыночному способу экономического оборота*, — пишет специалист по странам Восточной Европы проф. Л. Никифоров, — *происходил бы без лихорадочной гонки, поэтапно в меру создания*

соответствующих рыночных институтов и механизмов, а приватизация осуществлялась бы постепенно с соблюдением индивидуального подхода к формам и срокам, исходя из получения реального экономического эффекта, без свободно обращающихся ваучеров и т. п. В этом случае не произошло бы фантастического экономического обвала и чудовищной социальной дифференциации. ***Но тогда не возникло бы основ для бурного роста спекулятивного капитала, сведения всей экономической деятельности государства к финансовым аферам и махинациям небольшой группы людей»***[36].

3

Характерно, что и сами российские реформаторы не могли хотя бы отчасти не признать реальную направленность и масштаб содеянного. Внимательное знакомство с книгой Е. Гайдара «Государство и эволюция», где он излагает свою концепцию реформ, позволяет сделать вывод, что идеолог приватизации в России все же вынужден согласиться, что, проведенная таким способом, она нанесла громадный ущерб национальным интересам России. В качестве своеобразного самооправдания в своей книге он задает вопрос: «*Не национализировать же назад то, что наконец-то стало "своим", не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распихать* (именно так в тексте. — *Р. С.*) *по карманам*»?[37] Фраза — ***«успели распихать по карманам»*** — своеобразная фрейдовская оговорка — является, на мой взгляд, ключевой для понимания тех принципиальных различий, которые характеризуют приватизацию в России и приватизацию в других постсоциалистических странах. Е. Гайдар воспользовался, может быть, по неосторожности, очень точным словом: ***«распихать»***. В этом просторечном глаголе содержится указание на максимальное проворство, стремительность неблаговидного действия — пока не хватились. В этой фразе в откровенной форме именно и отражено, по существу, **социально-этическое кредо российских реформаторов**.

Если целью экономических реформ в странах Центральной и Восточной Европы, странах Балтии было освобождение от жесткого государственного регламентирования и контроля в целях социально-экономического развития общества, то итогом экономической реформации в России было полное освобождение от какого-либо общественного регламентирования и контроля за финансовыми махинациями узкой группы лиц. Если там экономические реформы модернизировали эти страны, то в России реформы не были призваны модернизировать страну, задача была иная — **произвести как можно быстрее дележ государственной собственности**.

Вот что пишет по этому поводу директор Института социологии Венгерской академии наук проф. П. Тамаш: «*В отличие от постсоциалистических стран в России новый порядок сложился* ***не в результате слома государства, а в результате именно специфической приватизации.*** *Система, которая всегда окружала и защищала государство, была отключена. Бросили клич "хватать все подряд"*»[38].

4

То, что происходило в России в 1990-е годы, нарастающим итогом вызывало в общественном мнении сначала настороженное, затем неприязненное, а в итоге агрессивно-враждебное отношение к демократическим ценностям, к самому понятию «демократия». В июле 2009 года Институт социологии РАН провел всероссийский опрос населения. ***Лишь у 10,4% (!) опрошенных слово «демократия» вызвало положительные чувства. У подавляющего большинства населения оно оказалось синонимом воровства, коррупции, национального унижения, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной в общественном сознании населения нашей страны, что уже к концу 1990-х годов масштаб эмоционального неприятия либеральных ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму.***

Исследования динамики общественного мнения за пять лет, с 1995-го по 1999-й годы, свидетельствуют о том, что у населения России реакция отторжения экономических реформ 1990-х годов постепенно вербализировалась в следующей формуле: «*не хотим мы такой демократии, которая преступникам и ворам открывает путь к власти, не хотим мы такой рыночной экономики, при которой миллиарды долларов отправляются за пределы страны, а нам платят нищенские пенсии*»[39]. Население России ожидало, что либерализация экономики приведет к тому, что всевозможные теневые операции перерастут в законный бизнес, но произошло обратное: новый российский бизнес был загнан в мир организованной преступности.

Реформаторы постоянно подчеркивали, что их не интересуют источники обогащения «новых русских собственников», главное — чтобы те как можно скорее обзавелись капиталом. Отмена моральных ограничений при сколачивании капитала кардинально изменила общую атмосферу в стране. Академик А. Некипелов, в этой связи отмечает, что реформаторы подводят общество к мысли о том, что «*хороши любые средства, если они способны продвинуть страну к рыночной экономике*»[40].

Надо отдать должное организаторскому таланту реформаторов, приватизацию они провели молниеносно. А. Солженицын пишет, что она «*застала население врасплох... Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как «национализация» (1917 – 1919) и коллективизация (1929 – 1931), — только с обратным знаком*»[41]. Но, увидев содеянное ими, народ потребовал возмездия. Нынешний российский авторитаризм — закономерный итог 1990-х годов. Реформы 1990-х привели к тому, что на международной политической арене вместо демократической, предсказуемой, модернизированной России с материально благополучным населением возникло авторитарное государство с ограбленным и униженным населением.

Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму — главный общественно-политический результат деятельности российских реформаторов в 1990-х годах. В этом их историческая вина и

перед российским народом, и перед российским государством. Нынешнее свертывание демократических свобод, насаждение «политической вертикали» — прямое следствие деятельности реформаторов 1990-х годов. Как это ни горько, следует признать, что ориентации и установки нынешней власти на свертывание демократических институтов, возникшие с приходом В. Путина, вполне отвечают потребностям значительной части общества. Владимир Путин с его курсом на возвращение к советскому прошлому вовсе не упал с луны. Как «жесткая рука», он был **востребован большинством населения России.** Популярная в конце 1980-х сентенция Иосифа Бродского — «мне вор милее кровопийцы» — уже к середине 1990-х утратила привлекательность: ***уж больно вор одолел.*** Люди внезапно обнаружили, в каком положении они оказались, и возжаждали «кровопийцу» для осуществления кары, восстановления справедливости — или, если использовать традиционную российскую фразеологию, для «наведения порядка». Вот почему Сталин как желанный символ снова доминирует в массовом сознании. Гайдар и его команда сделали то, что в конце 1980-х — начале 1990-х представлялось совершенно невозможным: вернули народу Сталина. Теперь уже, по-видимому, на многие годы[42].

Демонстративная безнаказанность масштабных преступлений (вроде катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС) — это последовательное провоцирование в российском обществе сталиномании. Разве удивительно, что многочисленные сообщения о новых и новых фактах беспредела нынешних российских чиновников, капиталистов и криминалитета (сегодня они уже почти неразличимы) вызывают у населения естественную реакцию: «Сталина на них нет»?

На общественное настроение, возникшее после реформ 1990-х годов, оказали решающее влияние вовсе не материальные потери, как бы они ни были велики, а обман. То, что из своего народа правящая верхушка сделала «лохов» (в России аферисты презрительно называют так своих жертв), не может простить реформаторам население России. Социальный пессимизм и апатия, господствующие в нынешней России, своим источником обязаны не столько ограблению населения, сколько этому осквернению души. Для национального сознания русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значима, чем ценность материальная. Ограбление со временем может забыться, но публичное унижение — иная категория, она откладывается в исторической памяти народа. Это — глубокий шрам, который еще долго будет напоминать о себе.

3. 2000-е годы — это продолжение 1990-х

1

Политические результаты реформ 1990-х годов — стойкое отвращение большинства жителей России от демократии. То, что мы имеем в политической сфере сегодня, создавалось в 1990-е годы. Поэтому попытки рассма-

тривать изолированно 1990-е и 2000-е годы, отделять «Россию ельцинскую» от «России путинской» методологически наивно, а исторически абсурдно. Настоящее является продолжением прошлого, а тем более совсем недавнего прошлого.

Сохранение созданной в 1990-х годах политической системы стало важнейшей задачей постсоветской номенклатуры. Правящая верхушка долго и тщательно отбирала соответствующего этой системе преемника. Березовский неоднократно заявлял о необходимости контролировать сменяемость власти, чтобы не случилось «обратного хода»[43]. В. Путин и был поставлен именно для того, чтобы ничего не менять. Что было в его возможностях? Как приглашенному режиссеру в принятом и утвержденном сценарии лишь поменять роли у занятых в спектакле актеров, а некоторых убрать со сцены, что он и сделал[44].

В созданном в 1990-х годах социально-экономическом механизме заключен внушительный потенциал жизнедеятельности. Он основан на огромных финансовых, материальных, природных и административных ресурсах, ангажированных СМИ и, что очень важно, на широкой коррупционной сети. Этот механизм, набравший к началу 2000-х в условиях атомизированного и деморализованного общества мощную инерцию, мог остановить только необычайно сильный и совершенно независимый человек, опирающийся на сплоченную команду единомышленников.

Но в тех условиях это было только чисто теоретической возможностью.

Люди, которые призывают сегодня россиян под знамена демократии и либерализма, не осознают (или не хотят осознавать) враждебности основной массы населения к этим категориям и того, что «путинизм» — естественное продолжение «ельцинизма». Сосредоточившись на критике путинского режима, они оставляют в стороне его острую востребованность: в конце 1990-х годов общественные ожидания мог удовлетворить только тот, в ком общество готово было увидеть «спасителя», способного остановить эту «демократию».

Повторим, самые тяжелые политические потери — это то, что российские реформаторы 1990-х годов, по существу, убили в своем народе желание построить демократическую страну. Демократии еще долго не будет в России. Но не потому, что «русский народ не созрел для демократии», как это утверждают идеологи и апологеты экономических реформ, а потому что та «демократия», которую российские реформаторы продемонстрировали народу, как только власть оказалась в их руках, предстала в столь антинародном виде, что затмила своей антинародностью даже советский тоталитарный режим.

Неготовность русского народа к демократии — дежурный тезис новой российской номенклатуры. Это лживый тезис. Все народы Западной Европы — французы, немцы, испанцы, итальянцы, австрийцы и прочие, будучи подданными своих императоров, королей, великих князей, курфюрстов и пр., точно так же не были готовы к смене монархического режима на де-

мократический. Но общественные перемены — неизбежный исторический процесс. В одних странах он проходил быстрее, в других — медленнее, в одних с меньшими человеческими жертвами, в других — с бóльшими, одни страны раньше освоили демократические процедуры, другие учились этому дольше.

Для россиян эта учеба закончилась в 1996 году, когда были организованы беспримерное давление на общественное сознание и подтасовка итогов выборов президента. Российские реформаторы тогда с помощью американских специалистов продлили «царствование» практически полностью утратившего как общественный авторитет, так и физическую способность управлять государством Б. Ельцина. (В феврале 1996 года, т. е. за четыре месяца до выборов, рейтинг Б. Ельцина не превышал 3 – 4%.) Теперь даже некоторые олигархи, составлявшие тогдашнюю «семибанкирщину» и финансировавшие первый российский опыт западных политтехнологий, стали публично каяться в этом. А недавно глава администрации первого президента России С. Филатов откровенно рассказал о том, как происходила избирательная кампания Б. Ельцина в 1996 году[45].

Правящая группировка шумно декларировала опасность возвращения социализма — это настойчиво внедрялось в общественное сознание. В течение всей избирательной кампании на российском телевидении доминировали леденящие душу ужасы сталинских лагерей, кровавые события «ежовщины» и другие подобные сюжеты, предостерегающие электорат от возвращения коммунистов. Давление на избирателей было организовано на высоком профессиональном уровне, но затраты окупились. Хотя в реальности никакой вероятности возвращения к социализму не было. Но не потому, что руководители КПРФ к тому времени уже обзавелись и собственными банками, и недвижимостью, и зарубежными счетами и всеми прочими атрибутами капитализма и ни идеологического, ни энергетического потенциала для возвращения старой общественной формации уже не имели. А потому, что общество уже не могло вернуться назад. Социологические исследования того времени показывали отсутствие установок на возврат к социализму у большинства (***75 – 85%***) опрошенных. Истерическое нагнетание опасности «коммунистического реванша» было связано не с какими-то высокими общественными резонами, а с мотивами более приземленными. ***Правящая верхушка после столь успешно проведенной для себя приватизации боялась разоблачений, неизбежных после прихода к власти оппонентов*** (неважно, коммунистов или каких-либо других). Перед реальной вероятностью разоблачений и последующих кар российская власть не стеснялась в выборе средств для самосохранения. В своих мемуарах «Президентский марафон» Б. Ельцин приводит слова одного из олигархов, участника встречи президента РФ с российскими олигархами («семибанкирщиной»), организованной А. Чубайсом в Кремле в марте 1996 года: «*Нас коммунисты на столбах повесят. Если сейчас кардинально не переломить ситуацию, через месяц будет поздно*»[46].

2

Жесткое индоктринирование массового сознания и подтасовки результатов голосования, осуществленные правящей номенклатурой на президентских выборах 1996 года, круто изменили вектор политического развития страны. Народу не дали возможность исправить перегибы монетаристов, как это произошло во всех постсоциалистических странах Восточной Европы, когда партии левого политического спектра пришли на смену первым крайним либеральным.

Парламентские выборы в Польше, Чехии, Венгрии, Словакии, странах Балтии и других постсоциалистических странах, проведенные в 1993 – 1995-х годах, т. е. после первых итогов экономических реформ, это убедительно показали. Именно благодаря голосам тех, кто «не был готов к кардинальным социальным переменам», победу одержали партии левого политического спектра (бывшие коммунистические, а также социалистические, социал-демократические), что позволило этим государствам сбалансировать экономику, ослабить социальное напряжение, учесть интересы не сумевших адаптироваться к свободному рынку слоев населения. Приход во власть левых и левоцентристских политиков во многих постсоциалистических странах в 1993 – 1995 годах избавил экономические реформы от чрезмерной либерализации, от монетаристских излишеств, что оказалось очень полезным и для самой экономики, и для гражданского мира, и для общей политической атмосферы в этих странах.

Именно такую роль должны были сыграть в России президентские выборы 1996 года, если бы они были честными. Здесь так же наглядно проявилось свойственное младореформаторам презрительное отношение к «косной массе», деление населения России на «осовеченный народ», которому нельзя доверять выборы, и «прогрессивный авангард» — к нему они относили себя. Для получения одобрения своих действий со стороны Запада реформаторы стремились представить российский народ как некую регрессивную силу, будто бы только и жаждущую восстановления коммунистической власти. Они как-то сразу забыли о недавних многомиллионных митингах советских людей, благодаря которым и произошло падение той самой власти, а сами реформаторы оказались во главе государства. Ложным является их утверждение об отсутствии социальных установок на реформы у россиян, иждивенческой ориентации большинства населения.

Президентские выборы 1996 года спровоцировали появление в России новой профессиональной группы, лишенной каких-либо зачатков нравственных ограничений, — полчищ суетливых «политтехнологов»[47], кочующих сегодня по стране от одних — федеральных, региональных, городских, муниципальных — выборов до других. Демонстративную порочность этого нового явления в российской политической жизни признавали и сами реформаторы, но А. Чубайс — главный организатор президентских выборов 1996 года — объяснил тогда необходимость грязных выборных технологий тем, что российскому народу нельзя доверять выборы, так как население

обязательно выберет коммунистов. Поэтому не следует обвинять В. Путина в том, что он «разрушил демократию», отменив честные, свободные выборы. Уничтожение выборов как важнейшего, а, по существу, основного инструмента демократии в России произошло в 1996 году, т. е. за четыре года до прихода Путина.

После выборной кампании 1996 года для российского общества закончился недолгий период обучения демократии, наступило время для авторитаризма, для прихода «отца нации» или «лидера нации». Как тут не вспомнить размышления А. Токвиля по поводу «мягкого деспотизма, похожего на власть родителей». Цель подобной формы правления заключается не в подготовке народа к «возмужанию», а в том, чтобы как можно дольше и надежнее удерживать его в состоянии «увековеченного детства». Граждане должны быть лишены возможности самостоятельно определять смысл общего блага и должны заниматься исключительно только своими частными делами[48].

3

Сейчас общество пожинает плоды, посеянные и взращенные реформаторами 1990-х годов. Нынешняя паразитирующая политическая надстройка логически безупречно завершает созданный в России в 1990-х годах экономический базис. **Приватизация 1992 – 1995-х годов создала в России новых собственников и новые отношения собственности. А именно эти отношения в системе общественных отношений являются базовыми. Отношения собственности определяют социальную структуру общества, его гражданско-правовую и общественно-политическую систему. Причинно-следственная связь между экономическими реформами 1990-х годов и возвращением России к авторитаризму представляется как естественной, так и очевидной. Симбиоз власти и капитала произошел в результате реформ 1990-х годов, и с тех пор никаких существенных общественных перемен в России не было.**

Любая экономическая модель не является статичной, как и всякий общественный феномен, она развивается. Рожденный в первой половине 1990-х годов чудовищный монстр в течение вот уже почти двадцати лет блокирует модернизационный порыв России. А то, что: при Ельцине бюрократии было меньше, а при Путине стало больше; при Ельцине определяющее влияние на принятие решений имели олигархи, а при Путине высшие чиновники, которые уже достигли непосредственного доступа к прибыли и объем принадлежащего им капитала сравнялся с капиталом олигархов; то, что при Ельцине доминировал чистый криминал и примитивный рэкет, бандитские крыши и разборки, а при Путине их оттеснило укрепляющееся государство; при Ельцине (в 1999 году) расходы на чиновников и спецслужбы составляли 4 млрд. долларов, при Путине (в 2008 году) эти расходы составили 39 млрд. долларов[49]; при Ельцине из России вывезли капитала на 500 млрд. долларов, а при Путине на 700 млрд. долларов[50]; при Ельцине страна пресмыкалась перед Западом, а при Путине «задирается»;

при Ельцине официальная поэтика была антисоветской, а при Путине советской, — все это естественный ход развития созданного механизма, нисколько ***не меняющий принципа его устройства***. Как не меняется и **корпорация**, которую этот механизм обслуживает.

Следует признать, что модель, сотворенная российскими реформаторами, по-своему и уникальна, и прагматична. В мутных волнах реформ 1990-х годов полицейский и вор оказались в одной лодке, и теперь, спустя двадцатилетие, их уже невозможно разъединить. О процессах, возобладавших в нашем обществе после реформ 1990-х годов, можно сказать словами В. Шекспира: хоть это безумие, но в нем есть система. И, как показало прошедшее двадцатилетие, вполне устойчивая система.

Ибо впервые в истории России **те, кто ею монопольно управляют, одновременно являются ее монопольными собственниками.**

Эта модель проста и удобна, она состоит из трех элементов, точнее трех рент: природной ренты (неистощимые природные ресурсы), административной ренты (коррупция), социальной ренты (и народу выделяют что-то, но ровно столько, чтобы исключить его выход на улицы). Т. е. модель, сконструированная реформаторами, соединила богатство и власть, поэтому бюрократия неизменно и последовательно увеличивала свой политический и экономический потенциал. Можно выделять те или иные хронологические отрезки в развитии процессов, порожденных этой моделью, но ничего принципиально нового не происходит. Никаких качественных этапов за прошедшие двадцать лет выделить нельзя, не произошло даже сколько-нибудь существенной модификации созданной модели, ее естественное развитие происходило вполне последовательно и органично.

В результате реформ высшая бюрократия получила в свои руки и власть, и национальную собственность. И можно не сомневаться, эту модель нынешняя правящая российская номенклатура будет использовать для себя и с максимальным эффектом, и максимально долго: запасы российских недр это позволяют. Стоимость разведанных полезных ископаемых на территории нашей страны оценивается в 28,6 трлн. долларов, а прогнозируемых запасов — в 140 трлн. долларов[51].

Разумеется, любой процесс развивается во времени. И в советский период менялись руководители — Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко как личности во многом противоположны друг другу (никак не меньше, чем Ельцин и Путин). Поэтому в СССР менялись стиль управления, общественная атмосфера, идеологические акценты, партийная этика, тональность отношений с внешней средой и прочие элементы надстройки. Сегодня в России у руля питерские. Но и в Советском Союзе с приходом нового первого лица менялись кадры бюрократии: Н. Хрущев привез в Москву свою команду киевлян, сменивший его Л. Брежнев — днепропетровцев. Но все это были частные проявления родовой основы — «социалистической системы». Воспроизводящий ее политэкономический механизм, созданный отцами-основателями СССР, оставался неизменным. Устойчивость его можно оце-

нить объективным критерием: ростом власти государственного аппарата над населением. С первых дней советской власти бюрократический слой в обществе постоянно увеличивался. Только так можно смягчать противоречие между созидательным ресурсом общества и антисозидательной деятельностью власти и гарантировать незыблемость этой власти. На это еще в 1964 году обратил внимание Герберт Маркузе, который подчеркнул, что *«конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведет к усилению власти государственного аппарата над населением»*[52].

В течение почти уже 20 лет Россия уверенно движется по траектории, начертанной российскими реформаторами в 1990-х годах.

Показательно, что преемственность между нулевыми и девяностыми годами подчеркнул и бывший в середине 1990-х годов высокопоставленным функционером черномырдинской партии «Наш дом — Россия», а ныне один из лидеров правой оппозиции В. Рыжков: *«Капитализм, с большими элементами госкапитализма, огромной концентрацией собственности в очень немногих руках, появился именно в девяностых и благополучно дожил до наших дней. Фридман, Потанин, Абрамович, Дерипаска, Вексельберг, Алекперов — эти люди по-прежнему остаются. В тех же девяностых в России обозначилась и подчиненная роль парламента и судов»*[53]. То, что список олигархов дополнился фамилиями друзей В. Путина — Г. Тимченко, В. Пугачев, Ю. Ковальчук, братья Ротенберги и др., — естественная, но малосущественная деталь общего процесса.

После распада СССР новый вектор общественных изменений в нашей стране был задан российскими реформаторами в 1992 – 1995 годах и тогда же сформирована сплоченная **корпорация**, реализующая это направление. А уже к концу 1990-х годов окончательно сложился новый политэкономический механизм — достаточно устойчивая и защищенная система присвоения рентной прибыли членами указанной корпорации, в которой определение преемника является результатом договоренности между ними.

4

Но сама **роль преемника является ключевой, она обеспечивает сохранность системы**.

Необходимо подчеркнуть, что анализ процесса появления существующей ныне политической системы — это не реконструкция чего-то давно минувшего по раскопкам и архивным материалам, это осмысление того, что развивалось на наших глазах.

Разумеется, дело вовсе не в самóм факте непосредственного получения Путиным власти из рук Ельцина: этот сюжетный штрих лишь завершает общую диспозицию развития процесса, начатого в 1992 году и получившего название «экономические реформы в России». Суть в том, что выбранная тогда экономическая модель нашла для своего сохранения и воспроизводства наиболее адекватную форму политической гарантии. Поэтому

«в России критика разорительных реформ все еще подобна гласу вопиющего в пустыне, — с горечью отмечал в 2003 году академик О. Богомолов. — *У властей она не находит отклика»*[54]. Что неудивительно, ибо такая критика была бы в тот момент, в начале 2000-х годов, уж слишком очевидной критикой самой себя.

Вот почему отделение следствия от причины становится важнейшей идеологической задачей нынешнего режима. Действительно в 2003 году критиковать реформы было нельзя — второй президент только-только осваивался в своей роли, да и между «периодом Ельцина» и «периодом Путина» не было достаточного временно́го тренда. Образно говоря, пуповина не была еще перерезана. Для общества было еще рано, и уж тем более для мыслящей его части. Необходимо было выдержать паузу.

Она оказалась недолгой, так как помогла мировая конъюнктура цен: на Россию хлынул поток нефтедолларов. Недавно в связи с 80-летним юбилеем Б. Ельцина стремление противопоставить «криминальные девяностые» и «гламурные нулевые» отметили многие аналитики. В 2007 году в неожиданно разбогатевшем государстве «бедные» 90-е критиковать было уже не только можно, но и нужно. Но делать это следовало так, чтобы не возникло никаких нежелательных аллюзий для правящей номенклатуры. Высвечивание в широком информационном пространстве истоков сложившегося политического режима создает риск для власти, риск потери антитезы — такой удобной, полезной, и, главное, такой востребованной обществом антитезы: «они» в 1990-х Россию разорили и унизили («поставили на колени»), а теперь «мы» в 2000-х сделали Россию богатой и сильной («подняли с колен»). «Они» распустили олигархов, а «мы» олигархов сажаем в тюрьму. «Они» сделали народ нищим (нефть в последние ельцинские годы стоила менее 10 долларов за баррель), а «мы» (в июле 2008 года цена барреля достигла 144 долларов) увеличиваем благосостояние народа. И наконец, подспудное, не артикулируемое: «они» — это физически больной президент, а «мы» — это молодой, энергичный, физически здоровый.

Хотя и «они», и «мы» — это одна и та же социальная группировка, даже, как было отмечено выше, в ее кадровом составе почти ничего не изменилось: сегодня у власти, практически, все те, кто в 1990-х годах создавали эту систему. Разумеется, за двадцать лет произошли какие-то передвижки: кто-то ушел в тень, а кто-то, наоборот, оказался на виду. Например, всесильный руководитель аппарата президента РФ А. С. Волошин сегодня уже не появляется на экранах телевизоров, но он — один из главных идеологических советников президента Д. А. Медведева, а И. И. Шувалов, в 1990-е годы один из организаторов залоговых аукционов, сегодня первый вице-премьер. Нынешняя номенклатура сама признает свою незыблемость[55]. А все отличия 2000-х годов от 1990-х — это поверхностные характеристики, которые, впрочем, можно попытаться использовать, в чем проявляют особое усердие кремлевские политологи, как знак «серьезных общественных

перемен». В российском политическом театре меняются декорации, разнообразится реквизит, используются новые световые эффекты, обновляются прочие аксессуары, многократно увеличиваются расходы на клаку, но принятый сценарий реализуется и действие развивается. Конечно же, стиль в политическом управлении обществом очень важен, можно сказать, чрезвычайно важен, но это всего лишь стиль. Точно так же и любой временной тренд, а тем более почти двадцатилетие, можно разбить на части и назвать их периодами, этапами и даже эпохами. И обосновать систему критериев их выделения. Но и самые глубокие перемены в стиле не могут затрагивать основы. Даже наиболее контрастные изменения политической стилистики (если сравнивать, например, периоды Н. Хрущева и Ю. Андропова) никак не влияли на созданный большевиками политэкономический фундамент советского государства.

5

Идеологическая задача представителей нынешней власти — противопоставить себя реформаторам, показать, что они ничего общего не имеют с тем, что творилось в 1990-х. Поэтому нынешняя официальная российская пропаганда никогда не акцентирует внимание на причинно-следственной связи 1990-х и 2000-х годов, а, наоборот, старательно избегает темы преемственности. Партия Е. Гайдара и А. Чубайса «Союз правых сил» (СПС) самым активнейшим образом участвовала в избрании В. Путина. Сегодня лозунг 2000 года «Путина — в президенты, СПС — в Думу!» усиленно стараются забыть. В общественное сознание внедряется мысль о кардинальном различии общественного устройства «тогда» и «теперь». Государственные масс-медиа сначала в неявном, а затем и в явном виде не только усиленно возводят водораздел между 1990-ми и 2000-ми годами, но стремятся противопоставить их, что выгодно и тогдашней, и нынешней правящей номенклатуре, не обращая внимания на то, что в своем подавляющем большинстве это одни и те же персоналии.

Со своей стороны, в результате этого противопоставления реформаторы и их клевреты имеют «праведную» возможность гневно осуждать нынешнюю власть за жестокость, авторитаризм, всесилие бюрократии, ликвидацию гражданских институтов, свертывание демократии, которая была тогда, в «славных»[56] 90-х. Кто-то из них даже апеллирует к мировому сообществу, участвует в митингах в защиту прав человека, за свободу СМИ, за свободу собраний, против произвола власти, против всеобщей коррупции, за независимый суд, за честные выборы, за демократию и т. п.

А была ли демократия в 1990-х годах?

Разумеется, демократия была. Сегодня мы по ней вполне искренне ностальгируем. Но она была весьма своеобразная. Специфику демократии в 1990-х наиболее точно охарактеризовал известный публицист Борис Кагарлицкий: «*В России в 1992 – 1999 годах была демократия. Но она не распространялась на Кремль. Оппозиция могла говорить, пресса — критиковать,*

граждане — голосовать, и все было великолепно при одном условии: ***все это не имело никакого отношения к вопросу о власти***»[57].

Образно говоря, в 1990-е годы население упивалось демократией, а власть упивалась разделом собственности. Этот естественный при лихорадочном дележе собственности социально-правовой хаос — своего рода законодательную и законоприменительную вольницу («правовую махновщину») — можно называть и демократией. Но это была какая-то экзотическая демократия — без демократов в политической верхушке. «*Пора понять, что в правящем слое России демократов не только нет, но и не было,* — обобщила в конце 2002 года широкую дискуссию на эту тему академик Т. Заславская. — *Деятельность этого слоя подчинена, в первую очередь, его собственным интересам, ко всему остальному он совершенно глух*»[58].

Точно так же, со своей стороны, высшие чиновники имеют прямо противоположную, но такую же выгодную политическую возможность не только все неизлечимые системные болезни, но и все личные провалы и преступления списывать на «лихие 90-е», из которых все они вышли и благодаря которым и получили власть — и, главное, возможность ее сохранять. Ставленники и наследники Б. Ельцина теперь все чаще открещиваются от него. А обращение к 1990-м дает им возможность бороться с политическими оппонентами самым простым и эффективным способом: объявлять их демократами и либералами, кивая при этом на национальный позор 1990-х.

Конечно же, задача не допускать в общественное восприятие логику развития страны с начала реформации 1990-х требует не только ангажированных политологов, карманных СМИ, но и определенной социальной амнезии, опускания уровня интеллекта нации, ее безразличия к судьбам страны. Но если сегодня попытка отделять Путина от Ельцина представляется столь же нелепой, как попытка отделять Березовского и Абрамовича от Гайдара и Чубайса, то завтра подобное искусственное разделение может быть воспринято уже по-другому. Для этого к услугам власти несметная ватага шустрых политтехнологов и подконтрольные ей многочисленные электронные массмедиа. Российские СМИ усиленно стараются привлечь общественное внимание к «враждебному окружению», к «внутренним врагам», но не к поискам ответов на коренные вопросы развития страны.

Решение задачи по индоктринированию массового сознания, как показывает практика, в условиях атомизированного общества, усталого и безразличного населения и отсутствия сколько-нибудь серьезной оппозиции для нынешней авторитарной власти не представляет каких-либо трудностей. Общество постепенно отучили размышлять. Это принимается без возражения и самим обществом, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в стране. Равнодушие к судьбам страны как феномен психологической самозащиты отмечают не только социологи. Вот лаконичная оценка режиссера Павла Лунгина: «*Сегодня наше общество уже научилось не думать о себе. Ну, никак не хочет, не желает понять себя*»[59].

4. Новый общественно-политический феномен

1

И все же в мыслящей части общества социальная рефлексия по поводу прошедшего двадцатилетия усиливается. Поиском ответа на вопрос о политических итогах российских реформ заняты многочисленные отечественные и зарубежные обществоведы.

С тем, что в стране сложился авторитарный режим, практически все согласны. А вот как определить нынешнее государственное устройство, — здесь мнения расходятся. Общепризнано только то, что «*современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы*»[60]. Целый ряд авторов считают, что «новый русский» капитализм, как и латиноамериканский, с одинаковым основанием могут быть подведены под рубрику «компрадорского капитализма», т. е. живущего — и экономически, и политически — за счет распродажи иностранному капиталу национальных богатств и предоставления в его распоряжение дешевой рабочей силы. «*Однако главное и принципиальное отличие российского капитализма от латиноамериканского связано с происхождением "новых русских" капиталов*, — пишет проф. Ю. Давыдов. — *Оно, это происхождение, окружено покровом некоей таинственности, хотя очевидно, что речь идет о государственной кормушке, к которой "новые русские" ухитрились присосаться, опередив остальных конкурентов благодаря свой "социальной близости" к тем, кто фактически распоряжался общенародной собственностью*». Ответ на вопрос, как же все-таки «*новые русские смогли высосать из вышеупомянутой кормушки астрономические суммы, стремительно превратившись в мультимиллионеров, характеризуется не такой уж невинной банальностью: "воруют-с!". Воровство в новой России предстало в виде казнокрадства общегосударственного масштаба*»[61]. То есть общественный феномен, рожденный в 1990-х годах, «не дотягивает» даже до латиноамериканского капитализма.

Как же тогда квалифицировать созданную в 1990-х году в России общественно-политическую формацию?

По этому поводу в литературе существует множество различных дефиниций, среди которых российский капитализм определяется как «дикий» «олигархический», «пещерный», «бандитский», «варварский», «номенклатурный», «блатной»[62], или как «неоэтакратизм», «плутократия», «клептократия»[63], «порнократия»[64], «мелитократия»[65] и т. п. Польский теоретик Ядвига Станицкис, активно работающая в проблематике посткоммунистических перемен, определяет российский капитализм как «капитализм без государства», т. е. без четко и жестко установленных законом цивилизованных норм и правил рыночных отношений[66]. Анализ обширной литературы на эту тему приводит к выводу, что теоретически наиболее обоснована, пожалуй, феодальная модель.

Возникшая в результате реформ сверхцентрализованная, беспредельно коррумпированная экономика породила нынешнюю вполне феодальную

«вертикаль власти». Поэтому многие аналитики все чаще обращаются к феодализму как к наиболее подходящему описанию современной России. Директор Института экономики РАН член-корр. РАН проф. Р. Гринберг уверен, что в России присутствуют все черты феодального общества[67]. Социологи подсчитали, что с января 2000-го по май 2006 года термин «феодализм» по отношению к нынешнему режиму 892 раза использовался в 50-ти российских газетах и журналах. Один из наиболее известных советских социологов В. Шляпентох, в 1978 году эмигрировавший в США, в 2007 году выпустил фундаментальную монографию «Contemporary Russian as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era» («Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры»)[68], где приводит серьезную аргументацию в обоснование правомерности термина «феодализм» по отношению к нынешней России. В России «*экономическое пространство поделено между разными кликами, кастами и прочими группировками*, — замечает член-корреспондент РАН проф. Ж. Т. Тощенко. — *Они сформировались достаточно стремительно, опираясь на родственные связи, личную преданность, приятельские отношения, что позволило поделить лакомые "куски" экономики*»[69]. Политолог А. В. Лукин, акцентируя внимание на специфике современного российского феодализма, определяет его как «*электоральную клановую систему*»[70].

И все же, учитывая роль криминалитета в современной России, представляется, что не менее убедительными доводами располагают те, кто определяет политическое устройство общества, возникшее в результате реформации, как еще одну специфическую форму феодализма — «паханат»[71].

Реформы 1990-х годов еще раз подтвердили правоту К. Маркса, который утверждал, что экономический базис определяет политическую надстройку, а не наоборот. «*Как результат возник феномен*, — пишет М. Кантор, — *коего еще не знала российская история: наше государство есть пирамида мафиозных кланов, все вокруг есть мафия, и одновременно все есть государство*»[72]. Криминальная приватизация и возникшая на ее основе экономическая система явились материальным фундаментом созданной в конце 1990-х годах политической надстройки.

Узловой момент здесь — механизм передачи власти.

В классическом феодальном государстве престол передается наследнику по отцовской линии. Что в принципе не может гарантировать сохранности системы. У наследника могут оказаться иные представления даже не только в стратегических вопросах, скажем, о стратегии развития государства, хотя и таких примеров немало, а в чисто прагматических — вроде способа распределения национального дохода. В российской истории Петр I и Иван Грозный лишали предшествующую правящую группу привилегий, передав эти привилегии новой. Поэтому классическая феодальная модель в силу своей жесткой регламентации — власть наследует прямой потомок — априори содержит риск нежелательных для приближенных (двора, камарильи, номенклатуры, клики, семьи, корпорации и т. п.) перемен.

В криминальной среде этот риск снимается договоренностью по поводу назначения преемника: «общак» должен находиться в надежных, с точки зрения действующего вожака, руках. Критерии подбора просты и очевидны: преемник должен обеспечить сохранность сложившемуся сообществу. «*При такой политической системе*, — пишет главный научный сотрудник Института востоковедения РАН А. Кива, — *вполне возможно и появление культа личности первого руководителя, и превращение его в диктатора... В развивающихся странах в таких условиях президенты нередко становились крупными ворами, грабителями собственного народа. Как, например, Мобуту в Заире, Маркос на Филиппинах, Сухарто в Индонезии*»[73]. К этому списку можно добавить и нынешнего правителя Зимбабве Роберта Мугабе, сумевшего за двадцать лет своего правления полностью разорить некогда богатую страну.

2

Но паханат — это не только передача власти в форме назначения наследника. Это и незыблемость самой правящей верхушки. Тесная, достаточно монолитная (несмотря на присущие любому клану внутренние разборки) группировка, сложившаяся к концу 1990-х годов, практически не меняется. Кадры все те же — за редким исключением по причине или естественных, или каких-то исключительных обстоятельств. Из этой касты не изгоняются даже те, кто продемонстрировал свою полную профессиональную несостоятельность (например, кремлевский политтехнолог Г. Павловский, по совету которого президент РФ В. Путин дважды попадал в крайне неловкое положение, поздравляя с победой кандидата, проигравшего президентские выборы на Украине, или еще один кремлевский политолог М. Леонтьев, истеричный призыв которого направить танки на Украину, прозвучавший в эфире одной из российских радиостанций в январе 2005 года, многократно воспроизводили украинские и, конечно же, с особым удовольствием, националистические масс-медиа Западной Украины). Не изгоняются и одиозные высшие чиновники (например, умудрившиеся попасть под уголовное преследование на Западе члены руководства России П. Бородин и Е. Адамов, успевшие посидеть в тюрьмах США и Швейцарии). Но именно так устроена сицилийская мафия. Ее верхушка не меняется десятилетиями: «своих не сдают» ни при каких обстоятельствах. Существенных перемен ни в принятой модели, ни в кадрах ее использующих не произошло. «*Перед нами вся та же команда*, — справедливо отмечает А. Минкин. — *В 1996 году они сделали Ельцину второй срок. В 2000-м сделали Путина*»[74]. Можно добавить, что в 2008-м они сделали Д. Медведева.

3

Однако если и паханат, то также весьма специфический. В сицилийской мафии, в японской «Якудзе», в российском общаке, как и в других

подобного рода криминальных структурах, существуют свои неписаные законы, определяющие внутренний регламент организации, нарушение которых влечет за собой суровые и, главное, неотвратимые санкции. Паханат отличает неукоснительное соблюдение норм, строгая исполнительская дисциплина. В частности, установленный порядок внутри подобных организаций исключает возможность коррупции. В государственном аппарате современной России порядка нет, а коррупция поразила все уровни, все этажи этого аппарата.

«*Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зеленый свет рыночной экономике*, — пишет автор документальной книги о реформах в России Пол Хлебников. — *Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества*»[75].

Повальная коррупция, возникшая в 1990-х годах, поражает, прежде всего, нервные центры общественного организма. Она неизбежно ведет к массовому неисполнению чиновниками своих обязанностей и, соответственно, к параличу государственного управления, признаки которого в нынешней России все более явственно проявляются. Поэтому нынешнее государственное устройство «не дотягивает» не только до латиноамериканского капитализма, но даже и до «законного паханата».

Коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. В июле 2005 года «Известия» опубликовали данные фонда ИНДЕМ и социологической службы «РОМИР мониторинг», которые показывают, что за четыре года после ухода Б. Ельцина ***объем рынка коррупции*** продолжал расти и ***более чем в 2,5 раза превысил величину федерального бюджета***. Если в начале первого срока путинского правления только 14,7% россиян считали, что именно сейчас происходит самый пышный расцвет взяточничества за всю историю страны, то в 2005 году так думали уже 43,4% населения. Более половины граждан (57,6%) лично столкнулись с необходимостью давать взятки, 87% из которых приходится на чиновников исполнительной власти.

«*За время президентства Владимира Путина власть резко усилила коррупционное давление на граждан,* — констатировал руководитель ИНДЕМ Г. Сатаров. — *Под гомон призывов бороться с коррупцией ее объем в сфере отношений власти и бизнеса вырос в 9 раз — с 36 до 318 млрд. долларов в год*»[76]. В ноябре 2006 года генеральный прокурор РФ Ю. Чайка вынужден был признать, что «*коррупция пронизывает все уровни власти и наносит удар по всей социальной системе*»[77].

По данным департамента экономической безопасности МВД РФ средний размер взятки в России в 2009 году составил 927 тысяч рублей (т. е. 34 тысячи долларов)[78]. Недавно официальный орган правительства РФ «Российская газета» признал, что ежегодный коррупционный оборот только в сфере малого бизнеса оценивается в 27 млрд. долларов[79]. Надежды части населения на то, что с уходом первого президента России появятся условия

для борьбы с коррупцией, не оправдались. Наоборот, масштабы коррупции значительно возросли. Механизм, созданный в 1990-х, набирал ход.

В рамках сложившейся в 1990-е годы системы общественных отношений реальная борьба с коррупцией невозможна, ибо коррупция составляет ее важный элемент. Это понимают и сами руководители страны. Только этим можно объяснить весьма странные для главы государства высказывания, которые он иногда себе позволяет. «*Я не знаю способов борьбы с коррупцией,* — удивил в одном из своих интервью В. Путин. — *Если бы знал, то применил*»[80]. Это означает, что, к примеру, А. Г. Лукашенко или М. Н. Саакашвили более осведомленные президенты своих стран в этом вопросе. Ведь ни в Белоруссии, ни даже (трудно такое себе представить!) в Грузии в настоящее время нет сколько-нибудь значимой коррупции в государственном аппарате.

Нынешняя российская тотальная коррупция — всего лишь одна из многих эксклюзивных болезней возникшей двадцать лет назад общественно-политической системы, но зато наиболее бросающаяся в глаза, широко обсуждаемая и, что унизительно для России, создающая в окружающем мире образ страны.

4

Разумеется, и социальная, и нравственная патология, так же, как и физическая, будет сопутствовать существованию рода человеческого. Человечество несовершенно. К этому следует относиться как к исторической реальности. Но дело не столько в самой коррупции, сколько в ***отношении к ней со стороны общества***. Там, где господствует ее всеобщее осуждение, где это занятие вызывает у людей брезгливость, является постыдным, унизительным, там коррупция сведена к минимуму, загнана в моральную резервацию, и, следовательно, там она не представляет общественно значимой угрозы.

Но существует и другая, не менее жесткая историческая реальность: если общество поощряет уродство, возводит болезнь в норму, то оно неминуемо деградирует и разрушается. Популяция, в которой доминируют аномалии, становится генетически беззащитной. Общество, в котором слово «умный» является оскорбительным, а слово «честный» означает безжалостный общественный приговор, находится в стадии очень высокого риска социального вырождения.

Да, коррупция существует во всех государствах, о чем регулярно и с нескрываемым удовлетворением сообщают реформаторы и их апологеты. По-видимому, она есть даже и в Скандинавских странах и в Финляндии, которые возглавляют список наименее коррумпированных государств. Тот самый список, который Россия вместе с африканскими странами замыкает. Точно так же случаи коррупции и другие нарушения закона были в процессе приватизации и в постсоциалистических странах Европы. Но какова их доля — вот коренной вопрос?

Именно ***в соотношении*** правопорядка и уголовщины, ***в пропорциях*** честных чиновников и чиновников-преступников, а, следовательно, в природе и сущности политической системы заключается различие между здоровым и больным обществом.

Когда в осенне-весеннем сезоне гриппом заболевают не более 1% населения, это считается нормой, но когда больных становится более 3% — это уже эпидемия, а когда более 10% — объявляют государственный карантин. После реформ 1990-х годов нынешняя Россия нуждается не в карантине, но в тех суровых мерах, которые предпринимались в средневековой Европе, когда там свирепствовали чума и холера.

М. Веллер со свойственной ему полемической заостренностью так характеризует созданную в России общественно-политическую систему: «*Ужас не в том, вся российская верхушка обкрадывает государство и народ. А в том, что это носит характер разрушительного раскрадывания — прожирания и расхищения страны. Воровство и есть основное занятие российских властей.* ***Воровство в сегодняшней Российской Федерации прекратить в принципе невозможно. Потому что российское государство в своем сегодняшнем виде практически и конкретно создано ворами для того, чтобы воровать. Это не государство. Это комиссия по дележу и ликвидации наследства***»[81].

5

В России, как и в других постсоветских и постсоциалистических странах, за контроль над крупными промышленными предприятиями борются три разновеликие по своему влиянию силы.

Во-первых, настоящие предприниматели, в том числе и иностранные, действительно заинтересованные в получении прибыли и, следовательно, в развитии и совершенствовании производства.

Во-вторых, теневые капиталы, уже разорившие не одно прежде доходное предприятие, так как этот капитал нацелен только на скорейшее, сиюминутное получение сверхприбыли: за год-два извлечь максимум возможного, а затем сбежать.

В-третьих, самое опасное, — это политики, которые стремятся получить в свое распоряжение (прямое или опосредованное) наиболее рентабельные предприятия для использования их в качестве источника своего обогащения и, разумеется, финансирования своих избирательных кампаний («финансовые потоки»).

Различия в процессах приватизации между постсоциалистическими странами Европы и Россией — в пропорциях между тремя этими силами. Если у наших западных соседей определенно доминирует первая (разумеется, со своими нюансами), то в России соотношение сил, осуществляющих контроль над промышленными гигантами, пока еще очень далеко от столь благоприятного для экономики соотношения. Здесь фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных, а государственные обслуживают групповые интересы высшей бюрократии, что

не могут не признать и сами реформаторы[82], которые надолго превратили российскую власть в высокодоходный финансовый инструмент (или, как гласит популярная остро́та, в ЗАО «РФ» — закрытое акционерное общество «Российская Федерация»). Правящая верхушка последовательно и благополучно сумела перевести все денежные потоки в русло собственных номенклатурных интересов.

В результате реформ отчуждение населения от власти, характерное для тоталитарного режима, было не только не преодолено, но стало более значительным. «*Как человек, который с 1990 года участвует в государственном управлении в России*, — свидетельствует директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук Михаил Делягин, — *могу сказать, что за первые семь лет наши демократы оторвались от основной массы населения гораздо сильнее, чем коммунисты за прошедшие семьдесят лет!*»[83] Возникшая в середине 1990-х годов пропасть между правящей номенклатурой и остальным населением в нынешней России с каждым годом все больше и больше расширяется.

Политическая индифферентность, социальная пассивность населения, утрата каких-либо форм общественной солидарности характеризует нынешнее состояние России, что является не вполне подходящей основой для формирования гражданского общества. Здесь одна из причин отсутствия социальной базы для демократической оппозиции нынешнему режиму. Те же, кто полагает, что недовольство масс можно организационно оформить под лозунгами демократии, политически наивны. Думается, им придется подождать еще 25 – 30 лет, пока не уйдет поколение, которое пережило 1990-е годы и у которого российские реформаторы убили веру в демократию. Если реальная оппозиция и начнет складываться в нынешнем российском обществе, то только не на основе либеральных и демократических ценностях, а на какой-то иной основе.

Идеологическая основа потенциальной оппозиции — одна из наиболее острых проблем современного российского общества. ***В нынешней России существует реальная опасность формирования протестного движения на базе право-радикальных идей.***

5. Социальные миражи современной России

1.

Общественная практика показывает, что любая мнимость разрушительна. По меткому выражению булгаковского профессора Преображенского, хозяйственная разруха начинается с разрухи в головах людей. В недавнем прошлом навязанное сверху упоение якобы построенным, да еще «развитым» социализмом создало пагубную для общественного сознания тенденцию замены действительного мнимым. Наиболее осведомленные представители советского правящего класса сознавали губительность подмены реального виртуальным не только для развития, но и для сохранение

государства. Не случайно Ю. Андропов свою деятельность в качестве руководителя страны начал с шокировавшего тогда всех, особенно апологетов «развитóго социализма», утверждения, что «мы не знаем общества, в котором живем»[84]. Последующие события продемонстрировали роковую пагубность этой подмены.

К сожалению, эта тенденция сохраняется и в современной России. У нынешних ее руководителей вместо «развитóго социализма» в ходу не менее звонкие фразеологемы вроде «независимого собственника», «среднего класса», «гражданского общества», «правового государства», «политической элиты» и других. При помощи очередной порции мифологем, пишет проф. Ю. Афанасьев, власть пытается создать фундамент для своего нескончаемого господства. «*Необходимо демистифицировать сознание, — пишет он, — чтобы мы могли адекватно отвечать на вызовы времени*»[85].

Основу государства со свободной рыночной экономикой составляет частная собственность. Понятия «частная собственность», так же как и тесно связанное с ним «средний класс», содержательно глубже, чем просто обладание капиталом. Оно означает обладание тем личным социальным пространством, за черту которого заходить никому, в том числе и государству, нельзя, т. е. строгую очерченность индивидуалитета. Эта граница в правовом государстве табуирована всем комплексом его элементов. Свободная от государства частная собственность является социально-экономическим фундаментом демократии, гарантией разделения собственности и власти. Исторический опыт подтверждает, что демократия и частная собственность неразрывно связаны, так как собственность есть в то же время и источник уважения к другим, ответственности и готовности к компромиссу. Имея в виду эту функцию частной собственности, Л. Мизес писал, что «*частная собственность не является привилегией владельца собственности, а* ***является общественным институтом*** (выделено мной. — *Р. С.*), *служащим добру и выгоде, несмотря на то, что она может в то же время быть особенно приятной и полезной для некоторых*»[86]. Частная собственность утвердилась на Западе и получила признание именно потому, что она служит ***не только частному, но и общему благу***.

Один из грубых методологических просчетов российских реформаторов в 1992 году состоит в том, что отношения собственности изначально рассматривались ими лишь в сугубо экономической плоскости. Шлейф применения узкопрофессиональных дефиниций тянется с 1992 года и в сегодняшний день, когда наши видные экономисты, давая определение среднему классу, сводят его к простейшему критерию, — например, два автомобиля на одну семью[87]. Что автоматически делает любого «братка» из солнцевской или тамбовской мафии столпом гражданского общества. Но может ли даже высокопоставленный чиновник, берущий взятки, или крупный предприниматель, дающий их, или, точнее, вынужденный их давать, считаться гражданином в строгом общественно-политическом значении этого слова? Разумеется, нет, потому что и тот, и другой **несвободны**. Они не столь-

ко граждане, сколько верноподданные властей. Парагвайский диктатор Альфредо Стреснер как весьма искушенный знаток латиноамериканского варианта капитализма справедливо подметил, что «*коррупция порождает сопричастность, сопричастность — преданность, преданность — подобострастие*»[88]. Чем больше коррупция, тем больше средств давления на тех, кто обладает социально значимой собственностью. И не только на представителей частного бизнеса. По данным «Российской газеты», в СССР на 300 миллионов жителей приходилось 400 тысяч государственных служащих, а в современной России на 144 миллиона жителей, т. е. на население вдвое меньшее, приходится 1,8 миллиона чиновников. Зарплата и пенсии чиновников в среднем в 3 – 5 раз выше, чем у других бюджетников[89]. Но бюрократические отношения — это, прежде всего, отношения строгой зависимости. Страх потерять должность — страх ничуть не меньший, чем страх потерять собственность. «*В нашем обществе по-прежнему нет граждан, а есть лишь подданные*, — констатирует известный социолог О. Гаман-Голутвина. — *Это в равной степени характеризует и население, и представителей нового правящего класса*»[90].

Проблема переходных постсоветских обществ заключается вовсе не в ограничении прав на участие в выборах, а в том, как это право реализуется. «*О каком гражданском обществе может идти речь, даже если же каждый голосует*, — замечает Э. Фромм, — *но подсчет голосов ведется нечестно, или же голосующий боится проголосовать против правящей партии*»[91]. Созданная в 1990-х годах система частного капитала пропитана идеологией всеобщей сервильности в полном соответствии с теорией угодничества (a theory of «yes men») Каниса Прендергаста[92]. В этих условиях понятие института частной собственности как политэкономической основы демократического общества элиминируется.

2

Трудно предполагать у нынешних российских собственников наличие развитого гражданского самосознания, и, прежде всего, ответственности за свою страну, каких-то политических взглядов. «*За прошедшие пятнадцать лет (за исключением редких особей) в России так и не появился класс созидательной буржуазии*, — пишет бывший помощник первого президента России Вячеслав Костиков. — *Класс, осознающий как свои права, так и обязанности. Большинство «деловых людей» застряли в роли перекупщиков, спекулянтов, рейдеров, теневиков, биржевых игроков, мастеров «слияний и поглощений» и организаторов иных сомнительных услуг. И для них, чем меньше законов ведения бизнеса, тем лучше. Поэтому в России и нет ни одной настоящей буржуазной партии*»[93].

Важным показателем социальной ответственности бизнеса являются его пожертвования на благотворительность. По количеству миллиардеров нынешнюю Россию английский журнал «Экономист» ставит на второе место в мире после США, но в своем обзоре мировой практики этот

журнал назвал Россию «исключением». По его оценкам, на благотворительные цели у нас ежегодно тратится менее 500 миллионов долларов. Для сравнения, бизнес в США расходует на благотворительные цели ежегодно свыше 250 миллиардов долларов. «Экономист» приводит в качестве примера Б. Гейтса, который перечислил на борьбу с различными болезнями более 32 млрд. долларов[94].

Новый российский собственник исходит из того, что общего блага не существует вообще, а, следовательно, он не имеет к этому никакого отношения. Всё, попавшее в его руки, российский современный собственник рассматривает как свою добычу и личную привилегию, констатирует проф. МГУ им. Ломоносова С. С. Дзарасов. «*Этим он отличается от своего западного двойника, который признает, что частная собственность необходима не только для частного присвоения, но и для выполнения определенных общественных функций. Без этого она всегда будет объектом общественного посягательства и не сможет остаться неприкосновенной*»[95].

Собственность священна и неприкосновенна только в том случае, если она легитимна. Тогда она вызывает уважение в обществе. И только при этом условии частная собственность становится социально-экономической основой гражданского общества. Но подавляющее большинство населения России не принимает итогов приватизации 1992 – 1995-х годов, не считает собственность, появившуюся в результате этой приватизации, легитимной. Да и само государство, по существу, придерживается такого же взгляда и время от времени открыто это показывает. «*Право частной собственности носит настолько эфемерный характер*, — справедливо полагает директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США) Н. Злобин, — *что в стране нет более запуганных и политически лояльных людей, чем люди с собственностью*»[96]. Как в Золотой Орде хан давал ярлык на княжество, так нынешние российские собственники, включая олигархов, получали в 1990-х годах ярлык на владение собственностью. С обезоруживающей откровенностью недавно это признал О. Дерипаска: «*Я готов в любой момент отдать все свое состояние по первому требованию Владимира Путина*»[97].

Даже если предположить существование в нынешней России какой-то части предпринимательского сообщества, совершенно некриминализированного, или, скажем более мягко, криминизированного в минимальной степени, то судьба его незавидна. Он не может рассматриваться в качестве социального актора. Эта ответственная общественная роль в нынешних условиях ему не по силам. Даже настроенный на самостоятельность, т. е. проигнорировавший теневые (или полутеневые) структуры предприниматель с того момента, как только его предприятие начинает эффективно работать, становится лакомой добычей для криминалитета, который рано или поздно овладеет его успешным бизнесом. Методика отъема приносящих прибыль предприятий у законных владельцев четко отработана. Чаще всего с помощью или при попустительстве государственных служб («си-

ловиков»). Рейдерские захваты даже крупных предприятий, не говоря уже о средних, — набивший оскомину сюжет современных российских масс-медиа. Бизнес в сфере производства — рискованное в современной России занятие. Зафиксировав место нахождения предприятия, его владелец сразу становится объектом постоянного интереса многочисленных, прежде всего, государственных учреждений — муниципальных, милицейских, налоговых, пожарных, санэпидемических, гостехнадзорных, контрольно-ревизионных и т. п. , после чего начинаются поборы. Разумеется, никто ему не оказывает помощи. И если даже при этих условиях его бизнес является успешным, тогда возникает еще бóльшая опасность — предприятие могут отобрать. «Простейший способ поглотить приглянувшуюся компанию, — пишет проф. МГИМО Г. Цаголов, — нанять бригаду рейдеров, профессиональных захватчиков чужого бизнеса, которые проведут все необходимые мероприятия и решат проблемы со старым владельцем, не афишируя заказчика»[98].

3

Собственность в нынешней России не является надежным социальным субстратом. По существу, нынешний российский собственник беззащитен. Ни о какой его самостоятельности не может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества. В отношения конструктивного социального сотрудничества могут вступать только полноценные, уверенные в своем праве собственности, а потому независимые и ответственные за свои поступки **граждане**. Но возникшие в 1990-х годах отношения собственности полностью исключили такую возможность. В нынешней России нет сообщества законопослушных и независимых предпринимателей, так что «независимый собственник в нынешней России» — это всего лишь один из социальных фантомов, призванных облагородить созданную реформаторами экономическую модель.

Таков еще один важнейший общественно-политический итог экономических реформ в России. Криминальная приватизация по определению не могла создать условия для появления полноценного собственника, а, следовательно, и для появления среднего класса. Не для среднего потребительского слоя, а именно для среднего класса — фундамента гражданского общества. В передовых странах значительную часть населения (от 25 до 40%) составляют акционеры различных компаний. Они наряду с другими собственниками и составляют средний класс — социально-политическую основу гражданского общества. В 2009 году из 143,8 млн. жителей нашей страны лишь 895 тыс. имели акции, что составляет лишь менее 0,7% населения России[99]. Т. е. нынешний российский фондовый рынок существует отдельно от россиян. Можно напомнить, что в 1992 году реформаторы дружно обещали россиянам появление массового слоя акционеров.

Несмотря на то, что реформы провозглашались их авторами как либеральные, значительная часть населения восприняла их итог не как рас-

ширение, а как сужение своей личной свободы. «*В малых городах и сельской местности*, — пишет профессор М. Шабанова, — *эта часть особенно велика и устойчиво достигает 68 – 73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции — Новосибирске в настоящее время она достигает почти половины — 49% против 16%, считающих, что у них повысился уровень личной свободы*»[100].

4

Когда социологические опросы фиксируют статистические группировки респондентов, относящих себя к среднему потребительскому слою или даже к среднему классу, то здесь следует учесть еще одно важное обстоятельство.

Какие функции выполняет идентификация со средним классом в современной России?

Для большей части россиян, которые относят себя к средней части социального пространства, в то время как их материальный и социальный статус далек от «средней планки», подобная идентификация — важный фактор социального самочувствия и социальной терпимости. Самоотнесением к средним позициям в обществе «*индивид утверждает себя в сознании*, — пишет Г. Дилигенский, — *что ему удалось избежать худшего, опуститься в ряды бедных, обездоленных, не способных прокормить себя и семью*»[101].

Впрочем, самоотнесение к средним слоям может выражать и иной тип социального самочувствия, а именно удовлетворенность реальным содержанием жизни, которая обладает позитивным личностным смыслом, несмотря на материальные лишения. При этом необходимо подчеркнуть, что как в первом, так и во втором случае самоотнесение к тому или иному социальному слою играет довольно ограниченную роль в индивидуальном самосознании. Оно актуализируется лишь в ходе опроса и не выступает организующим ориентиром мотивов, ценностей и поведенческих установок людей. При опросах к среднему классу относят себя сельские жители даже самых неблагополучных регионов России. Деревенский пенсионер справедливо считает, что раз он «не хуже других», — есть изба, огород, в лесу заготовил дров, собрал ягод, насушил грибов, в огороде накопал картошки, — то чем он не средний класс?

Именуя средний потребительский слой населения средним классом, многие журналисты, как, впрочем, и некоторые отечественные политологи, вносят путаницу в категориально-понятийный аппарат обществознания. В любом, даже самом неразвитом обществе существуют те, кто потребляет больше, и те, кто меньше. И, естественно, между ними находится средний потребительский слой, что фиксирует государственная статистика.

Но средний потребительский слой — весьма зыбкая социальная прослойка, что особенно характерно для переходных обществ. В силу тех или иных колебаний, например, рыночной или политической конъюнктуры, часть среднего потребительского слоя может выпасть в нижний потреби-

тельский слой или, наоборот, подняться вверх. В отличие от общественного класса (социальная категория) потребительской слой (статистическая категория) устойчивостью не обладает, поэтому не может выполнять функцию фундамента общества, каковую выполняет средний класс. У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся стабильное социальное образование. Это — принципиально разные общественные категории.

Тем не менее российские СМИ демонстрируют уверенность в наличии среднего класса в социальной структуре общества. «*Почему в российской публицистике, вообще в политическом лексиконе так много упоминаний о среднем классе, который то ли уже существует, то ли должен быть форсированно создан, чтобы образовать основной стержень демократического общества*? — пишет проф. А. Галкин. — *Видимо, к числу причин этого следует отнести, наряду с прочим, сменившие знак рудименты прежнего мифологизированного сознания. С советских времен в этом сознании застряло представление, согласно которому в обществе должна существовать массовая социальная группа, составляющая опору существующего политического режима. В свое время ею считался рабочий класс. Теперь у нового режима должна появиться своя социальная опора — средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается, — то, в крайнем случае, придумать*»[102].

«Средний класс» — весьма привлекательный символ общественного благополучия и успешной государственной внутренней политики. А подгонка дефиницией под задачи дня — традиционный социальный регулятор массового сознания. Еще П. Бурдье отмечал, что уже «*само обозначение социальных групп является эффективным механизмом управления массовым поведением*»[103]. Достаточно вспомнить недавнюю «прослойку» между двумя «полноценными» классами в СССР. Это политическое клише не только указывало для интеллигенции место в социальной структуре, но и заранее дезавуировало ее претензии на социальное творчество. Таким образом, власть, наклеивая достаточно обидный, если не сказать, презрительный, ярлык на самую независимую и, следовательно, опасную для власти часть общества, предусмотрительно снижала ее социально-психологический статус.

Навязчивое педалирование темы среднего класса в официальной лексике властных структур и контролируемых ими масс-медиа порождает еще один из многих фантомов, призванных демонстрировать достижения экономических реформ. Но социальный продукт криминализации экономики 1990-х годов так же далек от классического среднего класса, как далека блатная «феня» от русского литературного языка. (В этом плане показательна лексика нынешней российской верхушки — это лексика уголовников. Они говорят «откат», «крышевать», «кинуть», «шакалить» и, наконец, знаменитое «мочить».) «*Нынешний российский собственник*, — подчеркивает проф. С. С. Дзарасов, — *является носителем криминального, а не рацио-*

нального типа сознания... Наша сегодняшняя трагедия состоит в том, что богатства оказались в собственности криминального класса, который способен захватывать чужое добро, но не способен созидать. При этом он сознает незаконность сделанных им приобретений и, обладая уголовной психологией, смотрит на собственность других отнюдь не с уважением, как принято в цивилизованном обществе, а так, как принято в уголовной среде, т. е. как на очередную желанную добычу. Психология криминального собственника такова, что он не может не воровать»[104].

5

К политической системе общества тесно примыкает ее **правовая** составляющая.

Какие изменения произошли в результате реформ в правовой сфере?

Итоги также неутешительны. Часто употребляемое в политическом обиходе правящей номенклатуры понятие «правовое государство» является такой же социальной виртуальностью, как и «гражданское общество», «независимый собственник», «средний класс». За пореформенные годы российская судебно-правовая система окончательно деградировала. Она не только не сохранила советскую декоративную независимость суда и столь же декоративный официальный авторитет, но приобрела столь откровенные черты продажности, что это вынуждены признавать и сами руководители страны. Что же касается правовых норм и регламентации процесса продажи государственной собственности в 1990-х годах, то каким бы густым ни был демагогический туман вокруг приватизации, существует юридически элементарный вопрос о том, кто именно должен нести ответственность, государственный чиновник или частное лицо. Если государственную собственность продают за бесценок, то сажать в тюрьму следует не покупателя (частное лицо), а продавца (государственного служащего). Если государственные налоговые органы позволяют частной компании, например, ЮКОСу, недоплачивать в государственный бюджет, то представители этих органов должны за это нести уголовную ответственность. Если государственный аудит не находит никаких финансовых нарушений в деятельности нефтяной компании, то аудиторы должны нести уголовное наказание наряду с ее руководителями.

Получивший громкий международный резонанс скандальный уголовный процесс над руководителями ЮКОСа — самый яркий пример избирательного судебного преследования. Поэтому когда спрашивают, почему именно Ходорковский, а не Абрамович, Потанин, Фридман, Дерипаска или десятки подобных, то этот вопрос удивительно напоминает тот, который летом 1946 года в преддверии Нюрнбергского процесса был задан молодым американским следователем одному из главных нацистских преступников: «А почему именно этот договор вы вдруг решили не нарушать?»

Реформы ничуть не улучшили правовую защищенность граждан. Наоборот, при полном сохранении традиций советского «телефонного права»

произошел всплеск коррупционной волны в судебной системе. Более того, исчезла возможность и внесудебной защиты. Если раньше гражданин мог апеллировать в партийные органы (от райкома до ЦК КПСС), обратиться за помощью в печать (в газету «Правда», например) и знал, что на его обращение обязательно последует какая-то реакция, а иногда и помощь, то сегодня ничего этого нет. О том беспределе, который ныне творится в правоохранительных органах, со всей откровенностью сообщают даже политически ангажированные масс-медиа, поэтому понятие «правовое государство» — не более чем еще один социальный фантом современной России.

6

Ради того, чтобы оправдать как содержание, так и методы проведения «либеральных» реформ 90-х годов, общественному сознанию был навязан также ряд мифов и ложных стереотипов, грубо искажающих историю российского предпринимательства. Масс-медиа настойчиво представляли русских купцов как нравственно нечистоплотных, малообразованных людей, бессовестных обманщиков, что обобщалось и декларировалось как некое неизбежное зло, заложенное в национальном характере. Население России через ангажированные СМИ всячески убеждали в том, что исторически другого варианта накопления капитала просто не существует.

Навязанные стереотипы о русском купечестве являются, по существу, оскорбительными для национального достоинства России. На самом деле первые поколения российского предпринимательского сословия заслуживают более справедливой и уважительной оценки со стороны своих потомков. Русское предпринимательство в основном вышло из старообрядческой среды, которая дала России большинство купеческих династий. В нашей стране еще в XVII веке появились хозяйственные типажи, не уступающие западноевропейским, с тем же специфическим отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. Многие исследователи справедливо отмечают, что церковный раскол ускорил развитие частной инициативы в России. Старообрядцы стали образцом созидательной энергии и культурной инициативы нации. Умеренные во всем, старообрядцы славились в России умением упорно, почти без отдыха, трудиться — и, что немаловажно, — абсолютным трезвенничеством. Моральные ценности и требования этой среды были не только не ниже, но во многом и выше императивов западной протестантской этики. Один из крупнейших русских предпринимателей В. П. Рябушинский справедливо заметил: «*Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей*»[105].

Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины, Гучковы, Елисеевы, Корзинкины, Мамонтовы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Смирновы, Солдатенковы, Строгановы, Третьяковы, Филатовы, Шустовы, Щукины, Якунчиковы и многие сотни других, менее известных семей русских предпринимателей не только умело и высокопрофессионально вели свои ком-

мерческие дела, но и отличались образованностью и ***исключительной нравственной чистотой***.

По переписи 1897 года общее число старообрядцев в России составило 2 миллиона 570 тысяч — внушительная социальная группа. Однако официальная статистика не отражала истинного положения дел, поскольку многие старообрядцы уклонялись от переписи. Современники считали, что истинное количество старообрядцев всех толков (духоборов, молокан, баптистов, пятидесятников и др.) было гораздо больше. Так, известный российский статистик Лев Борецкий считал, что в конце XIX века в России их было не менее 20 миллионов[106], что представляется более близким к реальности. Когда во время коллективизации миллионы преуспевающих крестьян были репрессированы, то среди тех, кто отличался трезвостью и умением много и производительно трудиться, т. е., по тогдашней терминологии, «кулаков», значительную часть составляли старообрядцы. Так или иначе, но это была весомая часть населения, оказавшая определяющее воздействие на этику российского капитализма. ***К началу XX века старообрядцы контролировали 65% капитала в России***[107].

В российском обществе выходцы из этой среды были не предметом ненависти и насмешек, а образцами для подражания, обладая, как говорил М. Вебер, «этикой убеждений», «этикой общественности». Они всегда ставили достоинство и репутацию своего имени выше, чем любое из жизненных благ. Трудолюбие и любовь к отечеству были самыми приоритетными ценностями в их среде. Свои капиталы они создали не скоропалительными финансовыми махинациями и аферами, а честным трудом, иногда в течение двух-трех поколений. Для своих рабочих они строили бесплатные больницы, дома престарелых, школы, детские сады, приюты, церкви, делали значительные общественные взносы, активно благотворительствовали, с огромным размахом меценировали отечественную науку и культуру. А российское купеческое слово обладало в Европе не меньшей надежностью, чем документ с гербовой печатью. Заслуженно оценивая протестантскую трудовую этику, не следует игнорировать ее российский аналог. Как справедливо отметил М. Кастельс, «*веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос учеными, которые убедительно указывали на альтернативные исторические формы, поддержавшие капитализм столь же эффективно, как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах*»[108]. Традиции российского предпринимательства, стремительно оформившегося ко второй половине XIX века в один из самых передовых в Европе социальных слоев активных собственников, являют собой как раз такую интересную и продуктивную альтернативную форму.

7

Но российским младореформаторам было крайне необходимо, чтобы в общественном сознании населения сформировалась и укрепилась

мысль о безвариантности проводимого ими криминального способа проведения экономических реформ, о том, что «так было всегда и везде», что исторически нет иного варианта. Образы ловкого вора, умелого аферита, безжалостного бандита должны были символизировать «естественные», по их мнению, общественные представления о социальном составе новых собственников. «Иначе не бывает», — вбивалось в головы людей. Срочно востребованная расхожая марксистская фразеологема «первоначальное накопление капитала» приобрела в нынешней России особо торжественный, почти сакральный характер. Глубокомысленное в нынешнем лексиконе это словосочетание получило не только статус универсального ultima ratio, артикулирование этого довода стало для авторов реформ и их адвокатов чем-то вроде священного ритуала египетских жрецов. Эти три слова — «первоначальное накопление капитала» — произносятся как знаменитое библейское заклинание «мене, текел, фарес», стоит только коснуться социально-экономических, демографических или нравственных итогов российских реформ. А олигархический капитал, обнищание народа, миллионы беспризорных детей, депопуляция и деградация населения индоктринируется в общественное сознание как фатальная неизбежность хозяйственной реформации, как **обязательная** плата за освобождение от планово-распределительной экономики. И здесь диалог с российскими реформаторами и их клакой не предусмотрен. «Вы спрашиваете, могло ли быть иначе? — "Нет! Ибо — первоначальное накопление капитала. Точка"».

Однако сама по себе эта категория «первоначальное накопление капитала» характеризует **процесс**, связанный с развитием капитализма, вызревающего в прежней общественной формации, т. е. капитализацию, **развернутую во времени**. Первоначальное накопление капитала — это определенный этап, за время которого **создается** объем финансового и материального ресурса, необходимый для начала частного (капиталистического) производства. В России XVIII – XIX веков, как и в других странах Европы, капитализм рождался и развивался органично в течение многих десятилетий, что так же органично включало в себя процесс его **накопления**.

Но все это не имеет никакого отношения к событиям начала 1990-х годов в России. Здесь **не было никакого накопления**, ни первоначального, ни второначального, накопления не было как такового. Была единовременная **раздача** финансовых и материальных ресурсов для частного (капиталистического) производства. Раздача была **одномоментной**. Точнее, она занимала столько времени, сколько его требуется для подписи нового владельца на приватизационных документах. Поэтому ссылка на исторические примеры — это очередной демагогический прием; ловкий прием, оправдывающий результаты реформ. Никакого периода первоначального накопления капитала у нынешних крупных собственников не было.

Попытка привлечь к событиям 1990-х годов исторические аналогии может служить только одной цели — дезориентировать общественное сознание.

Усиленно пропагандируемую в тот период «фатальность воровства» в России опровергают многочисленные исторические примеры, которые свидетельствуют о совершенно иных для нашей страны вариантах. Вот, например, как писал В. О. Ключевский о российских государственных деятелях XVII века — кануна петровских реформ: «*...в борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготовляли не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и свои совести к этой реформе*»[109]. Провал реформ 1990-х годов объясняется вовсе не «российской спецификой», а нравственными качествами руководителей России, которые при переходе от тоталитарного строя к демократическому оказались значительно ниже, чем при переходе от Средневековья к Новому времени.

Популярную ныне сентенцию о генетической нечистоплотности российских реформаторов опровергают и события после февральской революции 1917 года. Парламентские лидеры, которые тогда получили власть, в большинстве своем были образованными и честными людьми, что никогда не отрицали даже их главные критики — большевики. Они не грабили свою страну, не обманывали ее народ. Никто из них не был замечен в стремлении к личному обогащению, в каких-либо злоупотреблениях властью.

В своих публикациях и выступлениях российские реформаторы никогда не сравнивают свои реформы с аналогичными реформами, проводимыми в странах Восточной Европы, что, казалось бы, и естественно, и логично, и правомерно. Свои реформы они предпочитают сравнивать с реформами времен Томаса Кромвеля, т. е. с реформами пятисотлетней давности, происходившими в качественно иных исторических условиях. Для внедрения в массовое сознание россиян тезиса «так было всегда» реформаторы и их окружение упорно апеллируют к наиболее негативным примерам, чаще всего, отыскивая аналогии в давних, а еще лучше, варварских периодах истории.

8

Еще одним расхожим аргументом ревнителей теории особой склонности россиян к коррупции является обращение к существовавшей в России традиции «кормления» воевод. Но человеческое общество совершенствуется, и уж, во всяком случае, постепенно уходит от дикости и варварства. Всего 250 лет назад в Европе отсечение головы было обычным наказанием преступнику, и при этом процедура производилась публично, собирая многотысячные толпы зевак. Еще какие-нибудь 70 – 80 лет назад офицерской доблестью считалось умением шашкой разрубить противника на две части. Можно много привести примеров того, от чего нынешнее общество отказывается, чего оно уже стыдится делать. Поэтому апелляция к временам Московского княжества (ибо уже при Петре Великом за «кормление» строго наказывали, а в XIX веке это явление практически исчезло, — если только

не подозревать генерала Ермолова, Державина, Салтыкова-Щедрина, Столыпина или других менее известных русских губернаторов в моральной нечистоплотности) не может служить «историческим» или «национальным» обоснованием коррупции, принявшей в 1990-е годы чудовищный в новейшей истории России масштаб.

Между тем если все время ссылаться на «извечную русскую воровatость», то возникает резонный вопрос: почему же на ее почве возникали такие разнонаправленные по этому признаку хозяйственные уклады?

С одной стороны, это, например, такой уклад, как русская община, практически лишенная этого признака. Более того, отсутствие воровства исключала всякую необходимость пользоваться замками в российских деревнях. До кровавых событий Гражданской войны русские крестьяне свои избы не запирали. И в советское время, в 1950-х – 1960-х годах на русском Севере — Архангельская, Вологодская, Кировская области — в деревенских домах не было ни замков, ни железных запоров.

Или такой городской уклад, как дореволюционный российский капитализм, в котором тон задавали старообрядцы, о высокой моральной опрятности которых написано много книг как у нас в России, так и за рубежом.

Или сменивший его коммунистический тоталитарный режим, где уголовная преступность вообще, а коррупция и казнокрадство в особенности, были редкими, если не сказать исключительными социальными болезнями.

А теперь, с другой стороны, «новый» российский капитализм. **Почему именно этот уклад дал такой чудовищный взрыв всяческого воровства, казнокрадства и коррупции,** — причем взрыв не одномоментный, а растянувшийся (и продолжающий растягиваться) на целый исторический период, какого не знал ни дореволюционный капитализм, ни тоталитарный социализм? Откуда этот увеличивающийся на глазах взрыв, напоминающий гигантский атомный гриб?

Ответ на этот чисто социологический вопрос заключается в том историческом моменте и тех персоналиях, когда возник нынешний российский капитал, когда произошло разграбление государства («распихивание по карманам»), сопровождаемое тотальной эрозией культуры и морали, — событие, столь же прискорбное, сколь и унизительное для нашего отечества.

В сфере общественной морали даже позднесоветская номенклатура при всех ее пороках выглядит намного привлекательней современной. Невозможно вообразить, чтобы кто-то из нынешних высших государственных чиновников оказался в положении В. В. Гришина, многолетнего члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря МГК КПСС, т. е., по теперешнему, «хозяина» Москвы, окончившего свои дни в 2006 году в райсобесе, куда он пришел с просьбой о прибавке к пенсии.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: экономическая модель, созданная в 1990-х годах, породила такой клубок проблем,

вызвала настолько глубокие общественные последствия, что **заменить ее практически невозможно, не изменив созданную для ее функционирования и защиты политическую систему**. И к выводу о том, что политическое устройство страны необходимо менять, приходит сегодня все большее число аналитиков.

6. Сегодня главный вопрос не «что делать?», а «кому делать?»

1

Если переиначить классический вопрос русской интеллигенции, то проблема в настоящий момент не столько в том, **что делать?** (этот вопрос сегодня уже все более становится риторическим, ибо понятно, что необходимо менять режим, а, следовательно, и создавшую его экономическую модель), — сколько в том, **кому делать?** Все мало-мальски значимые акторы российской социально-экономической жизни настолько погружены в густую атмосферу, мягко говоря, бесчисленных компромиссов с совестью и законом, что ожидать от них решительных и последовательных шагов к цивилизованной экономической системе не приходится.

Нынешней России трудно справиться с той пропастью проблем, которые были созданы за три четверти века тоталитарного режима и за минувшие двадцать лет, когда были ликвидированы в значительной степени институты государственного патернализма, но не были созданы условия для самореализации трудоспособного населения. Вместо государственного регулирования экономики Россия получила произвол чиновников, использующих свои должности в корыстных целях. Поэтому политическая система снизу не складывается, подавляющее большинство населения в политической жизни не участвует: она им не нужна. Формирование гражданского общества вновь откладывается. Идеология, запущенная в массовое сознание в начале 1990-х годов об обогащении любой ценой, привела к резкому изменению общественных приоритетов. Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Процесс криминализации общества привел к снижению статуса умственной деятельности, ценность знания уступила место ценности социальной агрессии, неразборчивости в средствах достижения цели и грубой физической силы. Поэтому среди героев дня современной России не нужно искать созидателей и производителей. Свет социальных юпитеров высвечивает иных героев. В лучшем случае — это банкиры, менеджеры, дилеры, биржевые маклеры, владельцы охранных служб, дизайнеры, визажисты, имиджмейкеры, торговцы зарубежным ширпотребом и, разумеется, государственные чиновники — наивысший рейтинг! Социологические исследования показывают, что бюрократический аппарат — наиболее предпочтительное место в жизни для значительной части молодых россиян. Самые высокие конкурсы сегодня в те высшие

учебные заведения, которые готовят работников государственной службы, чиновников. Попадание в этот социальный слой обеспечивает в нынешней России стабильно высокий уровень потребления.

А главное, что сложившаяся за годы реформ порочная социальная система может быть в этих условиях законсервирована на многие годы. В насквозь криминализированной и коррумпированной социальной среде вряд ли можно ожидать появления слоя новых собственников, обладающих развитым гражданским самосознанием, руководствующихся государственными интересами, заинтересованных в долгосрочных перспективах развития и процветания страны. «*Отсюда ясно, что расчеты на "перерастание" криминального бизнеса в цивилизованный, по меньшей мере, наивны*, — справедливо полагает профессор Н. Косолапов. — *Любая культура (а, значит, и культура того симбиоза российских чиновников, силовиков, криминала и деловых людей, который мы ныне наблюдаем), по определению, способна самовоспроизводиться и защищаться от угроз, идущих извне*»[110]. Поэтому на нынешних менеджеров государственного масштаба надежд мало. Они способны лишь воспроизводить существующий организационный хаос, представители этого социального слоя заражены всеми неизлечимыми нравственными и социальными болезнями современного российского общества. И не удивительно, начиная с 1990-х годов в стране насаждался общественный аморализм, о разрушительной опасности которого для человека предупреждали многие мыслители. Ибо, как писал Дм. Мережковский, «*оказывается, что Лицо человеческое вовсе не так прочно держится на человеке, как он предполагал; что оно снимается с неожиданной и безболезненной легкостью; само спадает, как маска после маскарада — "цивилизации", "прогресса", "прав человека", "христианства"» и проч., и проч.* »[111]. Недолгий, но страшный период нацистов в Германии, красных кхмеров в Камбодже показал, насколько тонка и уязвима культурная оболочка и как легко освободить от морали человека, выпустить наружу его инстинкты. Вот как характеризует произошедший в стране триумф аморальности писатель Владимир Максимов: «*По моему глубокому убеждению, нынешнюю российскую реальность можно определить одним словом — растление*»[112].

Тогда кто же?

2

Глубокую травму получила интеллигенция, которая, наивно поверив в реформы, практически утратила свой моральный статус в обществе, оказалась в состоянии своеобразного социально-психологического нокдауна. Социологи единодушно фиксируют очевидный упадок этой социальной группы. «*Сегодняшнее острое ощущение деградации слоя "культурных людей", "интеллигенции", "образованного сообщества" и т. п., произошедшей в последние 15 лет*, — пишет руководитель Левада-Центра Л. Д. Гудков, — *связано не только с фактической утратой ими авторитета, их "неслышностью", или невлиятельностью в рыночной экономике... Широко распространенное приня-*

тие, если не одобрение, ельцинского, и в еще большей степени — действующего режима лишило интеллигенцию внутреннего самооправдания,.. морального смысла существованию образованных»[113].

Отсюда и отсутствие сколько-нибудь серьезной оппозиции нынешнему режиму. Среди думающей части общества усиливаются настроения безысходности, этнической и исторической предопределенности наших неудач, которые связываются с «российской спецификой», «особым путем», татаро-монгольском нашествием, длительным крепостничеством, «неевропейской ментальностью», «загадочностью русской души» и прочими подобными сюжетами. В мучительной рефлексии многие обществоведы пытаются даже в глубокой древности найти истоки нынешних неудач. Сегодня это конструирование оправдательной «социально-исторической реальности», вызванное итогом реформ, переходит уже в массовое национальное самоедство. Потому что если в чем-то и действительно существует серьезное отличие нынешней России от иных стран, то лишь только в том, что **ни один из постсоциалистических народов не испытал столь глубокую нравственно-психологическую травму, которую пришлось пережить россиянам в 1990-х годах.**

Поскольку тенденции национального самобичевания усиливаются, стоит остановиться на них подробнее.

3

Парадокс заключается в том, что «российская специфика» и, прежде всего, неевропейская («азиатская») ментальность населения России — один из самых популярных аргументов реформаторов, оправдывающих свои реформы. В книге Гайдара «Государство и эволюция» этому доводу уделено значительное место. Педалирование «азиатского» менталитета русского этноса — одно из главных объяснений неудачи экономических реформ.

«*Ущербность*» такого объяснения, согласно которому «*русский народ якобы по природе, в силу врожденной и привитой ментальности лучшей доли и не заслуживает*»[114], не раз уже была показана в нашей научной литературе. И действительно, в виду впечатляющих успехов стран с явно неевропейской ментальностью (таких как Япония, Южная Корея, Тайвань, Малайзия и другие азиатские государства) этот аргумент выглядит абсолютно несостоятельным. Ментальность населения, играя определенную роль в политической организации общества, не имеет решающего влияния в создании механизма свободного рынка, в формировании эффективного предпринимательства, что показали успехи экономики Российской империи в конце XIX — начале XX века, и убедительно демонстрируют в течение последнего времени многие азиатские и южноамериканские страны. «*Народы несхожих культур и менталитетов*, — пишет проф. В. А. Ядов, — *демонстрируют выдающиеся достижения в экономике, как ориентированные на личный успех американцы или ориентированные на общий успех дальневосточные тигры.* ***Принципиально важно, что особенности национального менталитета не являются препятствием к достижению социально-экономического прогресса***»[115]. Это

относится и к испанцам и португальцам, и к балканским народам, у которых арабское и османское нашествие продолжалось пять веков, т. е. вдвое дольше, чем ордынское у нас. И к венграм (гуннам), которые только в X веке пришли в Европу из степей Зауралья, в то время как Киевская Русь уже была влиятельным государством Европы.

Повторим, успехи в экономической модернизации народов разных культур, в том числе и в России, достаточно подробно освещены уже в отечественной литературе[116]. А представление об «особом пути» давно уже выявило свою суть как дежурный метод оправдания неэффективного управления как русских царей, так и советских генсеков, а в наше время стало теоретической основой кремлевской идеологической доктрины особой же «суверенной демократии».

«Особость» России — это ничем не заменимый аргумент для тех, кто должен дать ответ на вопрос об итогах реформ: почему у всех получилось, а у нас нет? И этот аргумент («особый путь», «наша уникальная духовность», «народ-богоносец», «Умом Россию не понять» и т. п.) очень выгодно встраивается в систему доводов, оправдывающих ошибки и преступления 1990-х годов.

Традиции могут существовать веками, а вытесняться за считанные годы. Например, традиция сиесты — длительных дневных перерывов на отдых — всегда была такой же визитной карточкой испанцев, как порядок — немцев. Ссылаясь именно на эту традицию, многие великие европейцы утверждали, что Европа кончается за Пиренеями: «Не может называться европейцами народ, который спит днем, а бодрствует ночью». Но традиции вовсе не препятствовали бурному развитию Испании после падения франкистского режима. Р. Инглхарт совместно с Х. Вельцелем произвел тщательнейшие статистические выкладки на основе данных World Values Survey с охватом 60 наций и пришел к выводу, что **«отсутствие западного культурного наследия не препятствует общественному развитию, равно как и предшествующий "опыт авторитаризма"».**

Навязчивое педалирование «российской специфики» является, по существу, проявлением неуважения к другим большим и малым народам. Эта позиция в неявном виде предполагает, что другие этносы или вообще не имеют своей специфики, или их специфика не может быть равноценной нашей. Знаменитый французский социолог и этнограф Клод Леви-Стросс справедливо утверждал, что «*каждый народ несет в себе свою тайну и является вечной загадкой для другого*»[117]. Признание загадочности русской души, конечно же, не должно означать, что такой загадочности нет, к примеру, у англичан или японцев. И вообще, измерять, какой этнос наиболее особый или наиболее загадочный, — сомнительное по своему смыслу и результату занятие. Но то, что катастрофа, происшедшая в России в 1990-х годах, привела общество в состояние глубокой депрессии, несомненно. Следует согласиться с выводом Ю. Афанасьева, А. Давыдова и А. Пилипенко, что в этих условиях социальной силы, способной противостоять такой лавине обрушения и осуществить поворот к подлинной модерниза-

ции общества, в современной России нет, и появление ее не предвидится, и что *«в общественных настроениях господствует опасное нарастание энтропии»*[118].

4

Так кто же все-таки начнет неизбежные кардинальные перемены?

Может быть, сама правящая номенклатура?

Маловероятно. Многие ее представители давно уже не связывают свое будущее с Россией. Принадлежащая им недвижимость находится за рубежом, там же учатся их дети и внуки, там же хранятся их капиталы. Россию они рассматривают как место, откуда можно безнаказанно пополнять свои капиталы. Они готовы в случае возникновения малейших проблем мгновенно сняться с якоря, предоставив «аборигенам» переживать последствия эксплуатации их территории. А для тех, кто ощущает возможную (пусть даже теоретическую!) неотвратимость ответственности за происхождение этих капиталов, сам факт разрушения России и исчезновения ее с политической карты мира было бы желанным избавлением от этой опасности. Здесь всплывает аллюзия декабря 1994 года — финал знаменитой финансовой аферы с чеченскими авизо, когда окружение Б. Ельцина уговорило его начать войну на Северном Кавказе. И когда первая бомба, сброшенная на город Грозный, уничтожила государственный банк Чеченской республики.

Но если вчера они «подожгли» Северный Кавказ, чтобы избежать возможной (теоретической!) ответственности за финансовые махинации, — а тогда процесс разграбления России только-только набирал ход, то на что они пойдут завтра, чтобы эта ответственность перестала быть реальной?

Этот вопрос сегодня уже не является риторическим. Ибо, к сожалению, российская действительность все чаще преподносит факты, системность которых подтверждает наличие у части правящей номенклатуры установки на целенаправленное разрушение страны.

Итак, остается только молодое поколение. Только у него есть и потенциал для осознания национальной цели, и необходимая энергетика для ее реализации. Очевидно, что в процессе развития самосознания этого поколения для него все более притягательной становится идея «мы должны стать хозяевами страны».

Но здесь следует иметь в виду, что порожденный реформами 1990-годов комплекс острейших социальных проблем стал — в силу законов естественной психологической самозащиты — все больше приобретать у основного — русского — населения страны этническую окраску: «это они, чужие — воруют, скупают квартиры, распространяют наркотики, плодят коррупцию и завозят болезни».

Социологические исследования советского периода показывали, что этническое самосознание русских было выражено слабее, чем у народов других союзных республик. Но с конца 1990-х годов ситуация резко изменилась: по темпам роста этнического самосознания русские стали опере-

жать большинство других этнических групп. Особенно это характерно для подрастающего поколения. «*Молодые люди, начавшие самостоятельно зарабатывать, очень остро переживают униженное состояние, в котором оказалась Россия,* — считает проф. А. Арбатов, — *и в плане материального благополучия, и в плане того, как с нею считаются за рубежом. В качестве ответной реакции возникает: ладно, нас не любят, но пусть хотя бы боятся. Молодой российский бизнес является носителем в высшей степени националистических настроений. Диапазон этих настроений у нас широк: от государственного до прямого расизма и ксенофобии, до убийств на этнической почве. При этом никого всерьез не наказывают, как не наказывают даже за фашистские выходки*»[119]. Это тревожное социальное явление становится сегодня все более заметной и все более опасной тенденцией.

Разумеется, заложенный в нашем менталитете соблазн веры в «новых людей», в новые поколения трудно преодолеть. Поэтому часто высказываемые надежды на молодое поколение россиян представляются, может быть, и не слишком оправданными, хотя и единственно возможными. Тем более что этот потенциал обновления основывается на вполне реальном фундаменте — знаменитом российском национальном генотипе. Георгий Владимов хорошо сказал как-то: «Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают, кроме последнего». Еще раньше и еще более метафорично выразил эту особенность Лев Толстой — и великое терпение нашего народа, и великий его порыв, когда оно истощается. Великий писатель хорошо чувствовал свой народ, «*который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяются презрением и жалостью*»[120].

Народная дубина как выразительный толстовский образ-символ означает некий предел, критическое приближение к роковому краю. Она символизирует тот сакральный момент в жизни общества, который в России называется столь же выразительно — «дальше ехать некуда».

Сегодня осознание крайней черты, последнего рубежа становится характерным для общественных настроений. В начале 1990-х годов началось стремительное отставание России от передовых государств. Точка невозврата уже где-то рядом. И общество это почувствовало. Не только в научных и творческих кругах, но и среди представителей самых широких масс населения начинает доминировать мысль о необходимости решительного изменения курса, начатого российскими реформаторами в 1990-х годах. Идея неизбежности кардинальных перемен проникает даже в правящую номенклатуру, в самые верхние ее слои. Фундаментальный для России вопрос о том, превращаться ли ей дальше в сырьевой придаток мирового производства или все-таки занять подобающее место среди передовых государств, является все более частым предметом обсуждения на всех уровнях общества. Не случайно поэтому, что развернувшаяся полемика вокруг реформ носит столь острый характер.

7. Заключение

Экономические реформы, и, прежде всего, способ проведения приватизации, оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь российского государства, кардинально затронув все ее стороны и определив перспективы ее развития на долгий период. Нынешняя Россия во многом — результат деятельности реформаторов 1990-х годов. Они не только не спорят с этим выводом, они им гордятся. «*Егор Гайдар — это человек, который создал современную Россию*»[121], — читаем мы в издаваемом при поддержке Всемирного банка журнале «Экономическая политика».

Глубокие политические кризисы, сопровождающие исторический путь России, неоднократно приводили ее к отставанию от передовых стран. Потом следовали попытки ликвидировать этот разрыв. Так было и после нашествия Орды, и после коммунистической диктатуры.

Нынешний глубокий социальный кризис диктует необходимость задуматься о произошедшем, провести глубокий анализ случившегося, извлечь уроки. Это надо делать своевременно, потому что процесс общественного развития не прерывается, понесшее системный урон государство двигается дальше, общество адаптируется к пережитой драме, прошедшее забывается, а осознание очередного отбрасывания назад постепенно теряет остроту, уходит на периферию общественного внимания. Население живет сегодняшними, насущными проблемами, и это понятно. Пройдет еще несколько лет, и многие вообще забудут о том, что в 1990-х годах были проведены реформы. Человеку не свойственно долго рефлексировать о бедствиях, к которым он сумел приспособиться. Социальная рефлексия — задача общественной науки. Выполнение этой задачи повысит шансы общества избежать будущих кризисов и катастроф или, по меньшей мере, ослабить их разрушительное воздействие.

Свое прошлое следует знать и помнить. В противном случае общество рискует превратиться в сборище манкуртов, от чего горячо предостерегал советских людей Чингиз Айтматов. Анализ событий последних двадцати постсоветских лет не менее важен, чем анализ всего советского периода в истории России.

И неправда, что История ничему не учит. В этом популярном афоризме отражается лишь естественная человеческая горечь, что такая учеба достается слишком дорого, а процесс обучения идет слишком медленно. История все-таки учит, и один из наиболее убедительных примеров этому — Нюрнбергский процесс. Можно также предположить, что если бы суровый приговор суда иракским руководителям за истребление курдов с применением отравляющих веществ предшествовал восстанию тамбовских крестьян, то вряд ли большевистские вожди решились бы травить газом собственный народ.

Другое дело, что одни страны быстрее усваивают исторические уроки, другие медленнее. Нельзя допустить, чтобы Россия стала примером страны, не способной к анализу и усвоению исторических уроков, примером страны, которая постоянно наступает на одни и те же грабли.

Конечно, знание о нас необходимо в первую очередь нам самим. И общество начинает это сознавать. Социологические исследования последних лет фиксируют резкий рост интереса к прошлым событиям, да и книги по истории России — одни из самых читаемых в современном российском обществе.

Но нынешнее внутреннее состояние нашей страны — это не только и не столько российская проблема, оно оказывает огромное воздействие на мировые процессы. Значение и роль России в современном мире также диктуют необходимость проведения подробного анализа событий 1990-х годов и их последствий.

Тупиковость этой ситуации осознается сегодня даже и высшей номенклатурой. Руководители России пытаются найти выход из тупика, в котором страна оказалась спустя двадцать лет после начала реформ. Первые лица государства обращаются сегодня к академическому сообществу с просьбой предложить варианты исправления положения. Призывают даже и тех, кто раздражал своей критикой.

Читатель старшего поколения, вам это ничего не напоминает?

В конце 1980-х годов ЦК КПСС тоже стал активно искать выход из той, ставшей очевидной для всех, тупиковой ситуации, в которую все глубже погружалась страна. Спешно организовывались различные круглые столы, научные дискуссии, где представителям научного сообщества ставилась задача предложить свои варианты повышения эффективности производства, ускорения социально-экономического развития, словом, дать рецепт вывода страны на путь современного, постиндустриального (тогда еще в качестве цели не было «информационного общества», было «постиндустриальное») развития. Мне довелось быть участником нескольких подобных мероприятий. В августе 1988 года только что назначенный директором Института социологии РАН проф. В. А. Ядов привез нас, небольшую группу сотрудников института в элитарный пансионат под Москвой, где в течение недели методом «мозгового штурма» мы должны были найти желанный для тогдашней номенклатуры — «прорабов перестройки» — алгоритм обновления существующей политэкономической модели.

Выяснилось, однако, что эту модель нельзя обновить, ее нужно менять. Однако созданный ею политический режим был не способен на столь кардинальное решение. Он сам был всего лишь политическим оформлением этой модели.

Точно так же и сегодняшняя модель, представляющая симбиоз власти и капитала, полностью защищенный от контроля со стороны общества, не может быть обновлена или модифицирована.

Ее необходимо менять.

Советские руководители искренне считали, что общественное устройство страны надолго, если не навечно. Они были наивны в своей уверенности.

Нынешние — все-таки не столь уже благодушны. Недаром даже в президентском своем послании от февраля 2010 года Д. А. Медведев вынужден был признать, **что при сложившемся режиме модернизация России невозможна.**

Примечания

[1] «Ведомости», 24.01.2011. С. 7.
[2] «Аргументы и факты». 2009, № 6. С. 11.
[3] *Гринберг Р.* Место и шансы России в мировой экономике//«Проблемы теории и практики управления». 2006, № 5. С. 41.
[4] «Московский комсомолец». 8.06.2005.
[5] «Мир и политика». 2009, № 12. С. 30.
[6] Социальные неравенства и социальная политика в современной России//Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2008. С. 178 – 179.
[7] *Римашевская Н.* Человек и реформы: Секреты выживания. М., 2003. С. 123.
[8] Куда идет Россия. Белая книга реформ//Составители: С. Г. Кара-Мурза. С. А. Батчиков. С. Ю. Глазьев. М., 2008. С. 107.
[9] «Аргументы и факты». 2005, № 41. С. 8.
[10] Куда идет Россия.... С. 60.
[11] *Седов Л.* Кошелек и взгляды на жизнь//«Независимая газета». 11.07.2008.
[12] «Новая газета». 24.05.2005. С. 8 – 9.
[13] *Шевцова Л.* Россия — год 2005: логика отката. //«Независимая газета». 25.01.2005.
[14] «Время новостей». 8.02.2008. С. 4.
[15] *Рыбаковский Л.* Демография (статьи XXI века)//В кн.: Демографическое развитие России в конце XX — начале XXI веков. М., 2009. С. 169 – 170.
[16] «Аргументы и факты». 2008, № 18. С. 3.
[17] «Аргументы и факты». 2005, № 29. С. 8.
[18] *Исупова О.* Отказ от новорожденных и репродуктивные права женщин // «Социологические исследования». 2002, № 11. С. 92 – 93.
[19] «Российская газета». 12.09.2005. С. 3.
[20] «Аргументы и факты». 2008, № 21. С. 7.
[21] Там же. С. 14.
[22] *Гилинский Я.* Организованная преступность в России: теория и реальность. СПб., 1996. С. 77.
[23] *Богомолов О.* Постсоциалистические страны в условиях глобализации, М., 2001. С. 9.
[24] *Щербинина Н.* Архаика в российской политической культуре//«Политические исследования». 1997, № 5. С. 135.
[25] *Дубин Б.* Запад для внутреннего употребления//«Космополис». 2003, № 1. С. 137.
[26] Путь в Европу. Под общей редакцией И. Клямкина и Л. Шевцовой. М., 2008. С. 25.
[27] Е. Примаков неосторожно предложил выпустить из тюрем мелких преступников, а на их место посадить тех, кто совершил масштабные экономические преступления, имея в виду российских олигархов. Б. Березовский в этом предложении почувствовал грозящую ему опасность и добился устранения этой опасности.
[28] *Полеванов В.* Технология великого обмана. М., 1995. С. 8 – 17.

[29] *Колодко Г.* Глобализация и наверстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой//В кн.: Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001. С. 67 – 71.

[30] См. Путь в Европу. С. 122.

[31] См. Куда идет Россия. С. 177.

[32] *Гайдар Е.* Власть и собственность. СПб., 2009. С. 161.

[33] *Шевцова Л.* Дилеммы посткоммунистического общества. //«Политические исследования». 1996, № 5. С. 81.

[34] *Fish M.* When Mone Is Less Superexecutive Power and Political Underdevelopment in Russia. — Russia in the New Century: Stability or Disorder? / *Bonnel V., Breslauer G.* (eds), Boulder, Colo.; Oxford, UK, 2001. P. 16.

[35] *Заславская Т.* Избранные произведения. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007. С. 270.

[36] *Никифоров Л.* Особенности России и стратегия ее развития // В кн.: Концепции долгосрочного экономического и социального развития Польши и России. М., 2002. С. 11.

[37] *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 193.

[38] *Тамаш П.* Постперестройка //«Мир перемен». 2005., № 4. С. 30.

[39] *Шаповал С.* Момент истины//«Независимая газета». 28.06.2001.

[40] См.: *Некипелов Д.* Очерки по экономике.... С. 306 – 307.

[41] *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 2009. С. 22.

[42] Да, согласны многие, Сталин — кровавый деспот, чудовище, вурдалак, но ведь он не воровал, не давал воровать, да и сам жил скромно.

[43] Б. Березовский считает себя автором проекта «преемник-2000», о чем он к месту и не к месту упоминал, что, возможно, и послужило причиной его опалы. Вместе с дочерью Б. Ельцина Т. Дьяченко, ее мужем В. Юмашевым и главой администрации Президента В. Волошиным Б. Березовский успешно пролоббировал этот проект перед заканчивающим свой срок первым президентом РФ.

[44] Эти «убранные», естественно, стали наиболее яростными оппозиционерами. Но здесь их собственная вина — не почувствовали различий между опустошившим свой политический и физический потенциал старцем и молодым, энергичным представителем той могущественной организации, которая держала в страхе население страны весь советский период. Трех российских олигархов можно назвать жертвами собственной эйфории. В. Гусинский с самого начала стал выражать свое решительное несогласие с кандидатурой преемника, да еще на самом популярном телеканале, владельцем которого он являлся. А один из ведущих этого канала позволил себе назвать преемника «Крошкой Цахес», апеллируя к известному персонажу Э. Т. Гоффмана. Конечно, такое оскорбление вряд ли можно было простить. Неимоверно избалованный Б. Ельциным Б. Березовский считал, что он как автор и организатор проекта «наследник» вправе рассчитывать на благодарность и особые отношения с наследником, чем сразу стал его ужасно раздражать. Самый влиятельный олигарх пренебрег азбукой психологии: поднятый наверх старается избавиться от тех, кто ему напоминает об этом. А М. Ходорковский и вовсе как самый богатый и самый успешный возомнил себя самостоятельной общественно-политической фигурой, что было совсем уж нетерпимо. Но для функционирования и развития

созданной в 1990-х годах модели эти и другие подобные кадровые эпизоды не имеют значения. Они всего лишь обычная повседневность человеческих взаимоотношений.

[45] См.: «Известия». 24.01.2011.

[46] *Ельцин Б.* Президентский марафон. М., 1997. С. 49.

[47] Вот два примера, характеризующих профессиональный уровень российских политтехнологов. Название возникшей в 1996 году на руинах партии «Демократический выбор» новой партии власти «Наш дом — Россия» является прямым заимствованием. За полтора года до этого три русские партии Эстонии перед выборами в парламент в 1995 году объединились под названием «Наш дом — Эстония», что означало месседж титульному этносу: несмотря на то, что мы не эстонцы, а русские, все-таки Эстония — это наша страна. В условиях России этот плагиат оказался не просто поверхностным, механическим, но и двусмысленным. Имея в виду, что российское правительство тогда возглавлял создатель и совладелец «Газпрома» В. Черномырдин лозунг «Наш дом — Россия» быстро трансформировался в «Наш дом –Газпром», что означало — «Хорошо устроились!». Осенью 2009 году программная статья Д. Медведева вышла под названием «Вперед, Россия!», которую подробно комментировали. Но название статьи является калькой с названия партии «Вперед, Италия!» основанной в 1992 году нынешним премьер-министром Италии Сильвио Берлускони совместно с сенатором Марчелло Деллултри (кстати, тесно связанного с мафией, за что его впоследствии приговорили к девяти годам).

[48] *Tocqueville A.* Democracy in America. New York, 1990. Vol. II. P. 318.

[49] *Немцов Б., Милов В.* Путин. Итоги. М., 2008. С. 45.

[50] «Аргументы и факты». 2009, № 14. С. 11.

[51] См.: Россия и Западная Европа. М., 2007. С. 14.

[52] *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994. С. 45 – 46.

[53] «Известия». 7.02.2011. С. 11.

[54] *Богомолов О.* Нобелевский лауреат о российских реформах//«Мир перемен». 2004, № 1. С. 187.

[55] Более того, они признают преемственность нынешней номенклатуры с ее советской предшественницей. «*Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения*, — подчеркивает заместитель главы Администрации Президента В. Сурков, — *это все наши ближайшие родственники, это фактически мы сами*». («Мир политики». 2009, № 12. С. 21).

[56] Этот эпитет радиостанция «Эхо Москвы» впервые применила к названию цикла передач, посвященных 15-летию реформ. Это был ответ официальному «лихие 90-е». Но уже после второй передачи название «славные 90-е» даже таким апологетам реформаторов, как руководство «Эха Москвы», видимо, показалось уж чересчур явным перебором, и название цикла поменяли на более нейтральное — «90-е: время надежд».

[57] «Новая газета». 2001, № 3. С. 6.

[58] *Заславская Т.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002. С. 145.

[59] «Новая газета». 2009, № 74. С. 22.

[60] *Шкаратан О.* Становление постсоветского неоэтакратизма//«Общественные науки и современность». 2009, № 1. С. 13

[61] *Давыдов Ю.* Россия в свете различения Вебером двух типов капитализма // «Социологические исследования». 2001, № 9. С. 31.

[62] В беседе с А. Паникиным, опубликованной «Новой газетой», Е. Гайдар признал, что в России построен «блатной капитализм» («Новая газета», 03.06.2000. С. 10.)

[63] Известный российский философ и писатель, бывший узник ГУЛага Григорий Померанц в своем обширном интервью заключил: «*В результате вместо демократии у нас восторжествовала клептократия. Поэтому возник духовный кризис, который в этих условиях трудно преодолим*» («Литературная газета». 2004, № 8).

[64] Термин, впервые примененный к политическому устройству при Б. Ельцине писателем Юрием Поляковым («Литературная газета». 12.04.1998. С. 2).

[65] По данным социолога О. Крыштановской, в нынешней российской правящей номенклатуре почти половину (48,2%) составляют лица, получившие военное, в том числе и специальное для работы в секретных службах, образование.

[66] *Станицкис Я.* Посткоммунизм. — явление тайны//«Социологические исследования». 2002, №1. С. 17 – 28.

[67] «Московский комсомолец». 31.03.2006.

[68] Недавно вышла русская версия этой монографии –*Шляпентох В.*Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М., 2010.

[69] *Тощенко Ж.* Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами?//«Социологические исследования». 2002, № 11. С. 131.

[70] *Лукин А.* Демократия или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России//«Политические исследования». 2000, №3. С. 61 – 79.

[71] См., например: *Ракитов А.* Великий Евразийский Паханат//«Независимая газета». 02.03.2004; *Родионов В.* Паханат Эрэфия//«Русская Мысль». 2007, № 12. С. 25. и др. Подобное восприятие нынешней власти не является выводом только теоретиков. Оно характерно и для широкой аудитории. Так, недавнее интервью Юрия Шевчука озаглавлено «У наших кремлевских есть что-то от братвы...» («Новая газета». 16.06.2009).

[72] *Кантор М.* Бунт сытых//«Новая газета». 18.11.2009. С. 14.

[73] *Кива А.* Китай и Россия: разные модели реформ — разные результаты//«Мир перемен». 2009, № 1, С. 52.

[74] *Минкин А.* Письма президенту. С. 164.

[75] *Хлебников П.* Крестный отец кремля Борис Березовский или история разграбления России. М., 2001. С. 14.

[76] «Известия». 21.07.2005. С. 3.

[77] «Новая газета». 29.11.2006. С. 4.

[78] «Аргументы и факты». 2009, № 42. С. 7.

[79] «Российская газета». 20.08.2009. С. 3.

[80] «Комсомольская правда». 31.08.2010.

[81] *Веллер М.* Великий последний шанс. СПб., 2006. С. 45.

[82] *Гайдар Е.* Государство и эволюция. С. 192.

[83] «Капиталист». 2001, № 9 (77). С. 6.

[84] *Андропов Ю.* Учение Маркса и современность//«Коммунист». 1983, № 1. С. 7.
[85] *Афанасьев Ю.* Я хотел бы увидеть Россию расколдованной//«Континент». 2009, № 2 (140). С. 155.
[86] *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции. М., 1995. С. 35.
[87] Это популярное в экономических кругах определение высказал бывший министр финансов РФ проф. А. Лифшиц в своем интервью радиостанции «Эхо Москвы» 27 сентября 2002 года.
[88] «Литературная газета». 2003, № 10. С. 6.
[89] «Российская газета». 21.12.2007.
[90] *Гаман-Голутвина О.* Бюрократия или олигархия?//Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 172.
[91] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1994. С. 117.
[92] *Prendergast C.* Theory of «Yes Men»//American Economic Rev. 1993. Vol. 83. № 4. P. 757 – 770.
[93] *Костиков В.* Российский бизнес еще не осознает себя как созидательный класс//«Аргументы и факты». 2007, № 29.
[94] См.: *Цаголов Г.* Модель для России. М., 2010. С. 91.
[95] Теория капитала и экономического роста, /Под ред. проф. С. Дзарасова. М., 2004. С. 250 – 254.
[96] *Злобин Н.* Это политический кризис //«Ведомости». 03.03.2009. С. 4
[97] «Аргументы и факты». 2009, № 23. С. 6.
[98] *Цаголов Г.* Указ. соч. С. 88.
[99] *Носова С.* Современные макроэкономические проблемы России. М., 2010. С. 30.
[100] *Шабанова М.* Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России// Куда идет Россия? Власть, общество, личность. С. 401.
[101] *Дилигенский Г.* Люди среднего класса. М., 2002. С. 93.
[102] *Галкин А.* Тенденции изменения социальной структуры//«Социологические исследования». 1999, №7. С. 85.
[103] *Bourdieu P.* La Reproduction. Elements pour une theorie du systéme d'ensaignement. Paris, 1970. P. 109.
[104] Теория капитала... С. 249.
[105] *Бурышкин П.* Воспоминания о московском купечестве. М., 1994. С. 78.
[106] См.: *Борецкий Л.* Два миллиона или же двадцать миллионов// «Санкт-Петербургские ведомости». 24 — 25.01.1902.
[107] Предпринимательство в России. М., 1997. С. 32.
[108] *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 194.
[109] *Ключевский В.* Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 337.
[110] *Косолапов Н.* Итоги десятилетия российских реформ//«Pro et Contra». 2002, № 2. С. 149 – 150.
[111] *Мережковский Д.* Избранные произведения в 3 тт. Т. 2. М., 1993. С. 197.
[112] Цит. по: Валовой Д. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. М., 2007. С. 263.
[113] *Гудков Л.* Неклассические задачи социологии: «Культура» и мораль посттоталитарного общества//В кн.: Пути России: культура – общество – человек. М., 2008. С. 37.

[114] *Краснов Л.* Способна ли Россия развиваться быстрее и эффективнее?//«Мир перемен». 2005, № 4. С. 53.

[115] *Ядов В.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2009. С. 70.

[116] См., например, *Вишневский А.* Русский или прусский? Размышления переходного времени. М., 2005.

[117] *Levi-Strauss C.* Les structures elementaires de la parente, 2 ed., Paris–La Haye, 1967. P. 54.

[118] *Афанасьев Ю., Давыдов А., Пилипенко А.* Вперед нельзя назад!//«Континент». 2009, № 3 (141). С. 213.

[119] «Независимая газета». 28.06.2004. С. 7.

[120] *Толстой Л.* Собр. соч. В 12 тт. Т. 7. М., 1974. С. 128

[121] «Экономическая политика». 2009, № 6. С. 5.

2. АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ:

«Ни полностью свободной экономики, ни правового общества, ни демократической политической системы в России создать пока не удалось»

Из интервью А. Н. Илларионова (осень 2010 года)

Распространенное описание ситуации конца 1980-х – начала 1990-х годов почти всегда включает указание на то, что «*тогда перед страной стояла задача перехода к рыночной экономике*». Иными словами, внимание публики привлекается к весьма важному, но тем не менее лишь к одному из необходимых переходов — переходу к рыночной экономике. Два других важнейших общественных перехода упоминаются меньше, хотя они не менее важны. Имеется в виду три перехода:

1) от централизованно планируемой экономики (командной экономики, экономики бюрократического торга) к свободной рыночной,

2) от тоталитарного (авторитарного) политического режима, оказавшегося на рубеже 1980-х – 1990-х годов на стадии интенсивной демократизации, к демократической политической системе, и

3) от имперской формы государства к национальной.

Все три перехода являлись составными элементами Большого перехода — продвижения российского общества от несвободного состояния к свободному, — продвижения, требовавшего освобождения как экономического, так и политического и национального... Они тесно связаны друг с другом, хотя каждый из них может осуществляться относительно самостоятельно [...].

Этнически более однородные государства Центральной Европы пережили лишь двойной переход: от тоталитарной (авторитарной) политической системы к демократии и от централизованно планируемой экономики к рыночной. Перехода от имперской к национальной форме государства во многих из них (за исключением Югославии и Чехословакии) не требовалось.

В восточно-азиатских странах, например, в Китае и Вьетнаме, за три последних десятилетия состоялся лишь один переход — от централизованно планируемой экономики к рыночной, перехода от авторитарной политической системы к демократии в этих странах пока не произошло.

Эти примеры показывают, что сочетания частных переходов в разных странах могли быть разными. Переход к свободному обществу необязательно должен завершиться в течение, например, двух десятилетий. Он может быть незавершенным, нельзя исключить и попятного движения.

Можем ли мы, например, сегодня уверенно утверждать, что в России переход от имперской формы государства к национальной уже произошел и что он является окончательным?..

Давайте вспомним историю. В 1917 – 1918 годах начался первый этап распада Российской Империи, на обломках которой возникла большая группа национальных государств. Однако затем, в течение относительно короткого исторического времени, — чуть более двух десятилетий, — была проведена реинтеграция значительной части империи, за пределами которой остались лишь два ее крупных осколка — Финляндия и Польша. При этом по отношению к каждому из них обновленная империя предпринимала неоднократные попытки возвращения их в свою орбиту. В Финляндии произошла кровопролитная гражданская война, лишь победа в ней правых (белофиннов, по советской терминологии) спасла Финляндию от возвращения в лоно империи. Еще две попытки включения этой страны в СССР были предприняты во время так называемой зимней войны в 1939 – 1940 годах и «летней войны» в 1941 – 1944 годах.

Польшу империя тоже в покое не оставляла. Во время советско-польской войны 1920 года Красная Армия дошла до предместий Варшавы. В 1939 году совместно с нацистской Германией СССР произвел четвертый раздел Польши, в результате чего в советскую империю была включена примерно половина ее территории.

С завершением Второй мировой войны попытки восстановления имперского контроля не прекращались. По отношению к Финляндии они увенчались определенным успехом: страна была вынуждена согласиться на размещение советской военной базы на своей территории, отказаться от членства в западных оборонительных союзах, а язык современных международных отношений пополнился термином «финляндизация», каким теперь именуют состояние ограниченного суверенитета страны. Очередная попытка реколонизации Польши была совершена в 1944 – 1947 годах в результате сохранения советских войск на ее территории после войны и установления в ней коммунистического режима.

Поэтому первый этап распада и временной реинтеграции российской империи даже по отношению к Финляндии и Польше не завершился приобретением этими странами полноценной независимости. В еще меньшей степени это относилось к Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Белоруссии, Азербайджану, Армении, Грузии, независимое существование которых продлилось от двух десятков до всего лишь нескольких лет. Территория нынешней Молдовы по правому берегу Днестра была отобрана у Румынии в 1940 году, так что таким образом частично была восстановлена старая имперская граница. Иными словами, во-первых, начальный этап распада

российской империи относительно быстро был остановлен. Во-вторых, он оказался частично обратимым.

В конце XX века начался второй этап распада империи, сопровождавшийся национальным освобождением ряда народов и возникновением группы из пятнадцати суверенных национальных государств. Однако затем мы вновь стали свидетелями возобновления попыток реставрации имперского контроля за утраченными ранее территориями. Имперская идеология и имперская практика по-прежнему демонстрируют свою живучесть.

— И вы не исключаете возникновения нового исторического монстра — такого национального государства с имперским менталитетом?..

Прежде всего следует обратить внимание на то, что процесс превращения даже самой России в национальное государство еще далек от завершения. И, следовательно, имперская природа нашего нынешнего государственного образования — Российской Федерации — хотя и несколько ослабела, но по-прежнему сохраняется. Имперский характер ее внутренней политики предопределен прежде всего неравным правовым статусом представителей разных народов, исторически проживающих на ее территории. Наиболее очевидно он проявился в подавлении национально-освободительного движения в Чечне в ходе двух последних российско-чеченских войн, движений в других национальных автономиях страны, в серии идущих гражданских войн на Северном Кавказе.

Во-вторых, имперский менталитет в большой степени сохранился среди разных общественных и политических групп современной России. В наибольшей степени ему подвержены сотрудники спецслужб, военные, часть бюрократии, представители которых обладают сейчас полнотой политической власти в стране. Но и представители иных политических сил оказываются подчас не меньшими империалистами, чем силовики. Достаточно вспомнить лозунг так называемой *либеральной империи*, выдвинутый А. Чубайсом и взятый СПС на вооружение во время выборной кампании 2003 года, де-факто поддержку российского авторитарного режима в его империалистической агрессии против Грузии, высказывавшуюся Е. Гайдаром, Б. Немцовым, другими политиками, нередко воспринимаемыми в качестве «либеральных» и «демократических».

Наконец, отчетливо имперской в последние несколько лет стала и внешняя политика российских властей. Ее официальное провозглашение произошло летом 2008 года при обнародовании Д. Медведевым концепции так называемых *зон привилегированных интересов*. Ее очевидно имперский характер особенно заметен по отношению к Грузии, Украине, Беларуси — православным странам, народы которых культурно близки для значительной части населения России. В последние годы вмешательство российских властей во внутренние дела и политические процессы во многих постсоветских государствах вышло на новый качественный уровень. Российско-

грузинская война с оккупацией российскими войсками Абхазии и Южной Осетии и де-факто их аншлюсом стала империалистической авантюрой, по своему характеру более типичной для XIX – первой половины XX веков, нежели для начала XXI века.

Так что традиции имперского поведения в нашей стране имеют отношение, увы, не только к прошлому, но и к настоящему.

— А переход от авторитарной политической системы к демократической?

После Августовской революции 1991 года многим в нашей стране казалось, что переход от тоталитаризма к политической демократии будет переходом не более сложным, чем переход от командной экономики к рыночной. Казалось, что закрепление в российской жизни важнейших элементов демократической системы — личных гражданских свобод, политических прав, партийной конкуренции, свободных выборов, самостоятельного суда, независимых СМИ — уже произошло.

Однако сейчас, по прошествии не слишком большого времени, мы видим, что это не так. И *демократический* период существования страны — в течение двух с небольшим лет (с конца августа 1991-го по середину сентября 1993 года) — и *полудемократический* — в течение последующих примерно десяти лет (с октября 1993-го по июль-октябрь 2003 года) — уже закончились. Можно пользоваться разными индикаторами и применять различные критерии, по-разному определять длительность разных этапов политического развития страны и границы между ними. Однако никем из серьезных аналитиков не подвергается сомнению то, что, по крайней мере, с рубежа поздней осени — начала зимы 2003 года политическая система России перестала быть даже полудемократической и превратилась в *авторитарную*. Так что второй важнейший переход к свободному обществу, а именно, к политической демократии, в России пока не состоялся.

Более того, начиная с 2004 года по индексам гражданских свобод и политических прав Россия сползла в менее демократичное и более авторитарное состояние, чем это было характерно, например, даже для СССР в 1989 – 1991 годах. Получается, что в последние годы власти КПСС наша страна была политически более свободной, чем нынешняя Россия, а советские граждане того времени имели больше гражданских свобод и политических прав, чем современные россияне. Это следует иметь в виду для понимания масштабов колоссального разворота в общественном развитии страны, произошедшего в последнее десятилетие. Это важно также и для понимания того, когда и благодаря кому произошли переход страны к демократической политической системе и отказ от нее.

Политическое освобождение страны состоялось, прежде всего, благодаря усилиям Михаила Горбачева и его коллег. И произошло оно не на рубеже 1991 – 1992 годов, с которым часто ассоциируются качественные изменения в российском обществе, а в 1989 – 1990 годах — в результате выборов Съезда

народных депутатов СССР в марте 1989 года и особенно Съезда народных депутатов России в марте 1990 года. Следует подчеркнуть также, что мартовские выборы народных депутатов России 1990 года, так же как и президентские выборы в июне 1991 года, проведенные еще при власти КПСС, оказались более свободными, чем любые выборы в независимой России после 1998 года.

— При гораздо большем участии и вовлеченности населения!

Степень охвата политическим процессом граждан страны — это один из двух важнейших критериев демократичности политической системы. Второй критерий — это интенсивность конкуренции между кандидатами, борющимися за политическую власть. По обоим критериям выборы депутатов России 1990 года, президентские выборы 1991 и 1996 годов, парламентские выборы 1993 и 1995 годов являлись наиболее свободными в недавней истории нашей страны.

К настоящему времени переход к демократической и полудемократической политической системе произошел в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, на Балканах, в странах Балтии, в Молдове, Украине, Грузии. Переход к демократии не состоялся в России, Беларуси, Армении, Азербайджане, Казахстане, странах Средней и Восточной Азии. В некоторых из этих стран авторитарный политический режим остался мало измененным, в других после короткой демократической (или полудемократической) паузы произошло возвратное движение к авторитарной системе, в третьих, как, например, в Туркменистане и Узбекистане, произошло, очевидно, его ужесточение даже по сравнению с позднесоветскими временами.

На фоне промежуточных результатов политических преобразований в примерно трех десятках стран, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, Россия оказалась ближе не к центрально-европейским странам, не к странам Балтии, не к Польше, Болгарии, Эстонии, Грузии, а к странам Средней Азии, Казахстану, Азербайджану, Китаю, Вьетнаму.

Что касается реформы имперского государства и избавления общества от рудиментов имперского мышления, то по классификации произошедших переходов Россия оказалась мало похожей на Чехию и Сербию — страны, бывшие метрополиями чехословацкой и югославской мини-империй. Для каждой из них состоялись переходы не только от плановой экономики к рыночной, не только от авторитарной политической системы к демократической, но и от имперского государства к национальному (без войны — в Чехословакии, с войной — в Югославии). Теперь суверенитет и независимость новых национальных государств, образованных на обломках этих мини-империй, в основном не подвергаются сомнению и элитами их бывших метрополий.

В отличие от ситуации в этих странах итоги первых двух переходов в России выглядят следующим образом: состоялся частичный переход от имперской формы государства к национальной, однако с 1994 года (со времени первой российско-чеченской войны) происходит *регенерация имперского*

государства, имперского мышления, имперской политики, регенерация, существенно ускорившаяся с 1999 года. Что же касается перехода политической системы страны к демократии, то можно сказать, что за исключением короткой демократической паузы в начале 1990-х годов такой переход не состоялся.

— Так, с национальными государствами и демократической системой все более или менее понятно. А что же с рыночной экономикой? Этот-то переход совершился или нет?

В целом переход к рыночной экономике произошел. Если на время оставить в стороне вопрос о том, *какая именно* рыночная экономика создана, насколько *успешным* оказался переход к ней, насколько *эффективной* получилась новая экономическая система, и говорить лишь о факте самой трансформации, то рыночная экономика в России, несомненно, состоялась.

Следует также заметить, что переход к рыночной экономике (разного типа и качества, разной эффективности) за это время произошел практически во всех странах, бывших коммунистическими в конце 1980-х годов, — от Восточной Германии до Вьетнама, от Албании до Китая, от Эстонии до Таджикистана — за исключением лишь Кубы и Северной Кореи.

— Учитывая нынешнее разное состояние трех переходов, можно ли дать какую-то общую оценку произошедшего за двадцатилетие?

При оценке переходов произошедших полностью (а также произошедших частично или не произошедших совсем) можно пользоваться разными критериями эффективности, зависящими прежде всего от целей и мировоззрения оценивающих. Для реформистской части бывшей партийной элиты, административного аппарата, сотрудников спецслужб — тех людей в позднесоветских элитах, кто стремился лишь к переходу от плановой экономики к рыночной, — произошедшие изменения оказались весьма успешными. А вот для диссидентов, правозащитников, политических активистов, — тех, для кого обеспечение гражданских свобод, политических прав, формирование демократической системы были целями не менее важными, чем создание рыночной экономики, — этот переход воспринимается как неудача, как провал неосуществленных надежд, как время растраченных усилий, как эпоха гибели достойных людей.

Например, для Егора Гайдара была дорога «*стабильность сложившегося режима*», и он публично заверял, что «*вне зависимости от своих симпатий или антипатий*» будет делать все возможное для «*тех, кто стоит у власти в моей стране*» . Для Анатолия Чубайса, утверждавшего, что он вместе с Егором Гайдаром «*не проиграл страну*» и «*готов рыдать*» от того, что в России «*премьер-министр — бывший помощник Собчака Владимир Путин, а президент — молодой юрист из команды Собчака*» , полученный результат — очевидная удача.

А вот, очевидно, для Сергея Ковалева, Юрия Афанасьева, Гарри Каспарова итоги двадцатилетия оказались менее приемлемыми. Не думаю, что согласились бы с Гайдаром и Чубайсом, будь у них такая возможность, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Юрий Щекочихин, Анна Политковская, Александр Литвиненко, Магомед Евлоев, Наталья Эстемирова, Макшарип Аушев, Сергей Магницкий и тысячи других российских граждан, убитых, задавленных, сожженных в Норд-Осте, Беслане, Чечне, в тюрьмах, подъездах, на улицах по всей стране и за ее пределами.

Неодинаковыми ответы на ваш вопрос будут и у участников национально-освободительных движений в разных регионах бывшего СССР. Скажем, в странах Балтии, сумевших создать независимые государства, ставших членами ЕС и НАТО, можно получить, очевидно, более позитивные ответы. Для национальных же элит в некоторых автономиях России результаты воспринимаются менее оптимистично. Диапазон оценок различен — в зависимости от того, кто дает ответ и какие критерии оценки он берет за основу.

Тем не менее для российского гражданина, заинтересованного в долгосрочном процветании собственной страны, по прошествии этих лет ясно, что об успешности всех трех переходов к свободному обществу, о которых у нас шла речь, говорить не приходится. [...].

— Можно ли было проводить реформы по-другому, чтобы избежать такого рода результатов?

Вопрос о том, можно ли было проводить реформы по-другому, — по-прежнему один из наиболее интенсивно дебатируемых в нашем обществе. Известна точка зрения и Егора Тимуровича и многих из его сторонников, кто не только тогда, в начале 90-х, не только в течение последующих лет, но и сегодня, уже после смерти Гайдара, продолжает настаивать на том, что другого пути реформирования не было, что то, что делалось, было единственно возможным, а любые иные попытки привели бы к худшим результатам.

Однако беспристрастное сравнение способов и итогов проведения реформ в других переходных странах показывает, что и реформы могли быть другими, и их результаты могли бы быть более благоприятными.

Гайдар неоднократно говорил (а сейчас вслед за ним это повторяют многие), что после распада СССР Россия оказалась в тяжелейших условиях. Что тогда, в конце 1991 года — начале 1992 года, в стране не было ничего, что могло бы служить признаками самостоятельного государства, — «*не было ни границ, ни армии, ни таможни, ни контроля за денежной системой — да по существу никаких инструментов и институтов государственности*» . Отчасти это верно: многих собственно российских государственных органов действительно не было. Однако были государственные органы, унаследованные Россией от Советского Союза. Преобразования союзных органов в российские с существенным изменением сферы и характера выполняемых функций, конечно, требовали усилий. Тем не менее стартовая база все же

была. Так, союзный Госплан был преобразован в российское Министерство экономики, союзное Министерство обороны — в российское Министерство обороны, союзный Таможенный комитет — в российский Таможенный комитет. Конечно, осуществить такие преобразования было не всегда легко. Тем не менее многие протороссийские органы на территории России уже существовали, к тому же значительный потенциал для их развития в виде кадров, помещений, инфраструктуры находился в самой Москве.

В отличие от России положение в других постсоветских государствах было сложнее. Во многих из них не было ни вооруженных сил, ни зачатков таких органов государственного управления, как МИД, Минобороны, таможня, и потому задача их создания там была несопоставимо труднее, чем в России.

Однако по прошествии относительно короткого времени выяснилось, что многие другие постсоветские республики осуществили свои реформы и в целом прошли постсоветскую трансформацию успешнее, чем Россия. Одним из важных критериев успеха можно считать изменение ВВП на душу населения по сравнению с 1991-м — годом распада СССР, когда бывшие советские республики вступили на самостоятельный путь развития. Среди тех, кто в 2009 году по этому показателю опережал Россию, — Эстония, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Латвия, Литва, Армения. Если успех стран Балтии в какой-то степени можно объяснить их отчасти более высоким стартовым уровнем, другой политической традицией, культурным наследием протестантизма и католичества, исторической памятью о других общественных институтах, близостью к Европе, то эти факторы неприменимы по отношению, например, к Армении и Казахстану, для более позднего времени (начиная с 2004 года) — к Грузии. Эти республики, находившиеся и находящиеся в более тяжелых внешних условиях, чем Россия, тем не менее смогли провести у себя более успешные реформы.

Если анализировать не сделанные заявления, а реальные действия, то обнаруживается колоссальная разница не в пользу России по ключевым экономическим показателям переходных стран: величине бюджетного дефицита, размерам государственных расходов, темпам инфляции и, следовательно, по масштабам, глубине, длительности трансформационного экономического спада.

После проведения либерализации цен все переходные страны (за исключением Китая и Вьетнама) действительно вначале переживали вспышку инфляции, вызванную необходимостью ликвидации в их экономиках так называемого *денежного навеса*. Размеры вызванного этим скачка инфляции отличались от страны к стране, но сам по себе он в странах с макроэкономическими дисбалансами был практически неизбежен, поскольку давал возможность разрядиться накопленному за предшествовавшие годы инфляционному потенциалу. Так как СССР имел единую денежную систему, то размеры первичной инфляционной вспышки в разных республиках должны были быть приблизительно одного порядка.

В странах Балтии первоначальный скачок инфляции составил 1000 – 1100%. Тысяча сто процентов за год — это, несомненно, большая величина. Однако после прорыва инфляционного гнойника, унаследованного от прошлого, и при отсутствии дополнительной денежной эмиссии темпы роста цен быстро шли на спад и в течение года-двух выходили на относительно низкий уровень. Нормализация ситуации с инфляцией свидетельствовала о достижении финансовой стабилизации, вслед за которой через два-три года начинался экономический рост.

После восстановления экономического роста появлялись дополнительные финансовые ресурсы, которые можно было использовать для ликвидации наиболее серьезных проблем, накопленных за годы существования командной экономики и трансформационного кризиса. С возобновлением экономического роста постепенно складывались условия для нормализации всей общественной жизни. Опыт проведения успешных экономических реформ показал, что длительность производственного спада, связанная с переходом от одной экономической системы к другой, составляла, как правило, два-три года.

Такая последовательность преодоления трансформационного кризиса повторилась во многих странах — как за пределами бывшего Советского Союза, так и в постсоветских республиках. Однако в России получилось по-другому. Масштабы первоначальной вспышки инфляции в нашей стране действительно во многом совпали с тем, как это происходило в Балтийских странах, — за первые семь месяцев рост цен составил примерно 1100%. Однако затем наши пути разошлись.

Когда в Балтии темпы инфляции пошли вниз, в России они продолжали сохраняться достаточно высокими, а затем стали вновь нарастать. Отступление правительства в бюджетной и денежной политике, начатое в апреле 1992 года, к июню превратилось в полномасштабное бегство. Инфляция, немного замедлившая свой бег в середине лета, в сентябре вновь ускорилась, и к октябрю вышла на 23 – 25%-ный темп в месяц. Финансовый разгром был учинен еще при Гайдаре — задолго до того, когда инфляцию можно было бы приписать действиям Геращенко, Черномырдина или кого бы то ни было еще. Как показала дальнейшая жизнь, упомянутые лица также внесли свой вклад в кумулятивную российскую инфляцию, но это было уже позднее.

За 1992-й год потребительская инфляция составила 2600%. Очевидно, рост цен не более чем на 1100%, достигнутый к лету 1992 года, может быть объяснен ликвидацией денежного навеса советского происхождения, сформировавшегося за тридцать лет со времени денежной реформы 1961 года. Остальное дополнительное увеличение уровня цен примерно в 2,4 раза во второй половине 1992 года не может быть объяснено ни политикой коммунистических властей, ни даже последствиями фискальной и денежной конкуренции союзного и российского правительств в 1990 – 1991 годах. С середины лета 1992 года российская инфляция стала уже *новой инфляцией*, инфляцией, созданной политикой *нового* российского правительства.

Если поначалу лаг между денежной эмиссией и изменением уровня цен составлял примерно четыре месяца, то к концу 1992 года он возрос до шести месяцев. Это означало, что финансовая политика, проводившаяся правительством Гайдара (просуществовавшим до 15 декабря 1992 года), давала о себе знать, по крайней мере, до июня следующего, 1993-го, года. Иными словами, и инфляция первой половины 1993 года была создана решениями, принятыми еще в 1992 году.

Кумулятивный рост цен в 1992 году и в первой половине 1993 года оказался примерно восьмидесятикратным. За исключением первоначального скачка цен в одиннадцать раз, который следует отнести на последствия ликвидации денежного навеса, унаследованного от предыдущих правительств, остальной рост цен в 7,7 раза имеет источником своего происхождения деятельность гайдаровского правительства.

Здесь следует отметить еще одно важное, причем не очень приятное, следствие такой политики. То, что создается в момент исторического перелома, во время формирования новой экономической, политической, государственной системы, закладывает базу новых традиций, закрепляет институциональную память и ориентиры для поведения наследников в будущем. Если отцы-основатели начинают с высокой инфляции, то от такой привычки избавиться затем непросто. Общественные ожидания от рядовых чиновников скромнее, а требования к ним обычно мягче, чем к реформаторам, ассоциирующимся с проведением политики, базирующейся на иных и, как ожидается, твердых принципах.

Если общество полагает, что радикальным реформатором, проводником жесткой бюджетной и денежной политики является Егор Гайдар, непосредственные действия которого привели к увеличению в течение двенадцати месяцев уровня цен в семь с лишним раз, то тогда и от других чиновников трудно ожидать и требовать более ответственного поведения. В результате «простым» Черномырдину, Геращенко, Лобову, Заверюхе «позволяется» производить инфляции не меньше, чем Гайдару. То, как начинается жизнь новой страны, нового мира, нового общества, задает стандарты решений и для последующих поколений. На поведение миллионов людей в последующем во многом оказывает влияние действия ключевых лиц во времена исторических переломов, затем воспринимаемые в качестве образцов. [...]

Подобным же образом проведением политики финансовой дестабилизации в нашей стране в 1992 году была многократно усилена привычка к безответственному дефицитному и проинфляционному поведению российских властей в последующем. Если государственный руководитель, признаваемый обществом в качестве главного реформатора, заявляет о жесткой бюджетной и денежной политике и при этом бюджетный дефицит оказывается раздут до 23% ВВП, денежная масса увеличивается на 30% в месяц, а цены растут в семь с лишним раз за год, то из этого люди делают, как минимум, два вывода. Во-первых, политика макроэкономического популизма становится если не *образцовой и нормальной,* то точно *допустимой.* Во-вторых, если на словах го-

ворится о финансовой стабилизации, а на практике осуществляется политика финансовой дестабилизации, то это по сути выдача индульгенции на *политику двойных стандартов* и другим чиновникам.

Поэтому сколько бы ни предъявлять претензий (а, надо отметить, обоснованных претензий) Черномырдину, твердившему о проведении «*умеренно-жесткой*» финансовой политики, но продолжавшему безответственно осуществлять бюджетные траты, справедливости ради следует признать, что он в этом деле оказался лишь не очень способным учеником своего предшественника. Причем по степени безответственности даже черномырдинская бюджетная политика 1993 – 1998 годов (за исключением, возможно, той, что проводилась в последние две недели декабря 1992 года) уступала гайдаровской политике предшествовавших месяцев 1992 года. Более слабой макроэкономической политики, чем в 1992 году, в последующие годы в России не проводилось.

К концу 1999 года, когда финансовая стабилизация в России все же была достигнута, кумулятивный рост цен в нашей стране составил 8718 раз. За то же время цены выросли: в Латвии — в 51 раз, в Эстонии — в 65 раз, в Литве — в 93 раза. Несомненно, что и в странах Балтии *размеры кумулятивной инфляции* оказались колоссальными. Но тем не менее их разница с российскими показателями оказалась качественной — величиной в не менее чем два порядка. Собственно говоря, это лишь одна из иллюстраций принципиальной разницы в проведенных стабилизационных реформах: инфляция в пять – девять тысяч процентов в Балтийских странах и почти в девятьсот тысяч процентов у нас.

Другое измерение качества проведенных реформ — *длительность трансформационного спада*. В Балтийских странах он занял два-три года, в России — семь лет. Семь лет спада — это много. За семь лет непрерывного падения производства произошло существенное сокращение объемов выпуска, намного сократились ресурсы для поддержания инфраструктуры и социальной сферы. За это время значительно изменилась социальная и политическая структура страны. Силы, поддерживавшие движение к либеральной экономике и демократическому обществу, оказались экономически и морально разгромленными.

— А именно?

Одной из главных движущих сил страны, поддерживавших движение к свободному обществу, была *интеллигенция* — техническая, естественнонаучная, гуманитарная. Однако в результате проводившейся экономической политики именно этой социальной группе был нанесен колоссальный финансовый и моральный ущерб. Она была ослаблена настолько, что оказалась не в состоянии ни поддержать своих политических союзников, ни сопротивляться своим противникам. В то же время благодаря правительственной политике перераспределения финансовых ресурсов и производственных

активов огромные средства были переданы сельскохозяйственному и промышленному лобби, директорскому корпусу, так называемым *красным директорам*. Созданные в предыдущие эпохи заводы и фабрики общей ценностью в сотни миллиардов и триллионы долларов в результате приватизации, проводившейся Чубайсом, были переданы представителям этих социальных групп фактически бесплатно. За время его руководства российской приватизацией все поступления от нее в федеральный бюджет составили менее 2 млрд. дол., а за 18 лет (1992 – 2009) — немногим более 17 млрд. дол.

При такой государственной политике, последовательно проводившейся в течение ряда лет, включаются механизмы глубоких социальных, идеологических, политических изменений. Огромные финансовые ресурсы оказались под контролем людей, чьи представления о том, в каком направлении развиваться стране, радикально отличаются от взглядов людей, участвовавших в демократическом движении 1980 – 1990-х годов, совершивших Августовскую революцию 1991 года. Получение колоссальных экономических ресурсов и овладение механизмами воздействия на общественное мнение привели к изменению политического баланса в стране. Конечно, такой процесс занял время. Но за семь лет длительного экономического кризиса, за годы *Великой российской депрессии 1992 – 1998 годов,* в стране сложилась новая социальная и политическая реальность. В то же время идеи либерализма и демократии, с которыми общественность ошибочно ассоциировала проводившуюся в стране политику, оказались в значительной степени дискредитированными.

— Но вы, наконец, сошли с тропы последовательного фатализма и сказали, что реформы можно было проводить иным образом, нежели это произошло в реальности...

Действительно, я считаю, что реформы можно было проводить по-другому. Их можно было проводить как Лешек Бальцерович в Польше, как Вацлав Клаус в Чехии, как Март Лаар в Эстонии, как Эйнарс Рёпше в Латвии, как Ян Оравец в Словакии, как немного позже Каха Бендукидзе в Грузии. Как Ораз Жандосов и Григорий Марченко и их коллеги в Казахстане, где трудно назвать одну фигуру, о какой можно было бы сказать: «автор реформ». Как Борис Федоров в России. О чем говорит опыт этих, действительно либеральных, реформаторов?

Оказывается, что для успеха экономических преобразований необязательно быть экономистом (Лаар — по образованию историк, Рёпше — физик, Бендукидзе — биолог). Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь огромные валютные резервы. Оказывается, для успеха реформ необязательно иметь эксклюзивные полномочия от парламента. Однако для успеха либеральных реформ критически важным является наличие во власти *порядочных людей* — тех, кто, как заметил Каха Бендукидзе, «*понимает, что такое свобода*». Добавлю, что отсутствие у людей, находящихся во власти, порядочности и понимания свободы не компенсируется ни их про-

фессиональными знаниями, ни наличием у них политического прикрытия, ни доступностью финансовых, природных или иных ресурсов. И Казахстан и Грузия находились и по-прежнему находятся в более неблагоприятных географических, инфраструктурных, ресурсных, кадровых условиях, чем Россия. И тем не менее у них с реформами получалось и получается лучше. Поэтому в течение полутора десятков лет я отстаиваю эту точку зрения и повторяю ее вновь: *реформы в России можно было проводить по-другому.* [...]

Конечно, было бы неверным и несправедливым винить в том, что произошло, только одного Гайдара. Свой вклад внес и Борис Ельцин, начавший российско-чеченскую войну. Не обошлось и без Черномырдина, на несколько лет успешно воссоздавшего атмосферу бюрократического и коррупционного застоя. Сыграл свою роль и Чубайс, фактически бесплатно раздавший колоссальные экономические активы советской номенклатуре. Было несомненно и жесткое противодействие со стороны противников любых, пусть и весьма половинчатых, реформ. Наконец, главную вину за разрушение полудемократической системы, существовавшей в стране бóльшую часть 1990-х годов, за создание авторитарного режима и агрессивного беззакония несет группа сотрудников спецслужб, прорвавшаяся к политической власти в России на рубеже нового столетия.

Но все же мне кажется, что если бы экономические реформы, столь ожидавшиеся российским обществом, столь поддерживаемые им в конце 1980-х — начале 1990-х годов, были проведены хотя бы так, как это было сделано тогда же в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, если финансовая стабилизация была бы проведена сразу, если инфляция была бы подавлена в течение года, то устойчивый экономический рост возобновился бы не осенью 1998 года (как это фактически произошло), а, возможно, осенью 1993 года или уж точно осенью 1994-го (когда он начался на самом деле, но продолжался всего лишь несколько месяцев — до тех пор, пока не был раздавлен чубайсовской политикой «валютного коридора»). Тогда, скорее всего, не произошло бы дефолта и девальвации в августе 1998 года, не было бы экономического и политического кризиса, уничтоживших практически все сколько-нибудь заметные достижения полудемократического режима, тогда Борису Ельцину не угрожал бы импичмент, у него не было бы острейшей необходимости радикально менять сферу поиска своего преемника, и тогда, возможно, он не принял бы фатальных для страны решений, распахнувших сотрудникам спецслужб ворота к политической власти в стране. А, может быть, начавшееся в 1993 – 1994 годах восстановление производства настолько способствовало бы нормализации экономической, общественной, политической жизни в стране, что спроса не возникло бы не только на преемника из силовиков, но и вообще на любого *преемника*? И тогда на президентских выборах 1996 года обошлось бы вообще без каких-либо манипуляций?

Конечно, нет никаких гарантий, что в случае, если реформы, начатые в 1991 году, были бы проведены в России по центрально-европейскому или балтийскому вариантам, то в отечественной политической жизни не появились

бы другие развилки, угрожавшие другими кризисами, а участники политического процесса не принимали бы иные, в том числе и ошибочные, решения.

Но даже если бы не состоялся европейско-балтийский вариант реформирования (какой еще в самом конце 1991-го — начале 1992-го казался для России вполне естественным), даже если реформы пошли бы по менее эффективному, более медленному и более затратному болгарско-румынскому варианту, то и тогда российские полудемократические власти 1990-х годов, пусть и не полностью свободные от ударов различных кризисов, все-таки смогли бы избежать катаклизмов, подобных августу 1998 года, и не предъявили бы столь безальтернативный спрос на силовиков. [...].

Я бы так сказал: те реформы, какие надо было делать быстро, в России делались медленно. А те реформы, какие требовали времени, постепенного вызревания, были проведены беспрецедентно быстро. Судя по всему, такой подход был не совсем случайным.

В связи с этим следует, очевидно, напомнить удивительную историю, привлекшую внимание вскоре после смерти Гайдара в связи с почти случайно развернувшейся дискуссией о происхождении Указа о свободе торговли от 29 января 1992 года.

2 января 1992 года в России была начата либерализация цен. Она была не полной, а частичной: значительная часть цен осталась под административным контролем. Цены, отпущенные на свободу, за первый месяц выросли в два с половиной — три раза. Цены же, остававшиеся под административным контролем, были увеличены более значительно, например, цены на нефть и нефтепродукты были повышены в шесть — восемь раз. Иными словами, именно повышение цен государством в регулируемом секторе задавало верхнюю планку общего ценового роста.

Главное же заключалось в том, что несмотря на частично либерализованные цены российская экономика продолжала оставаться экономикой преимущественно государственных предприятий. Конечно, за несколько предыдущих лет было создано семьдесят восемь тысяч кооперативов, сорок девять тысяч фермерских хозяйств, несколько тысяч совместных предприятий. На 1 января 1992 года было приватизировано сто семь магазинов, пятьдесят восемь столовых и ресторанов, тридцать шесть предприятий службы быта. Но в масштабах страны это была, конечно, капля в море. Де-факто монополия на хозяйственную деятельность оставалась у государства и государственных предприятий. Свободы альтернативным поставщикам товаров и услуг предоставлено не было.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы на свой страх и риск за дело не взялся Михаил Киселев, экономист из Петербурга, бывший тогда народным депутатом России. Хотя он и был членом московско-ленинградской группы экономистов, для подготовки программы реформ на 15-ю дачу в Архангельское он приглашен не был. Осенью 1991 года он познакомился с проектами документов, которые готовила гайдаровская команда, и поразился тому, что не увидел среди них мер по либе-

рализации хозяйственной деятельности. В своих недавно опубликованных воспоминаниях он рассказывает, как безуспешно пытался убедить Гайдара в необходимости принятия юридических решений по раскрепощению предпринимательской активности .

Поняв, что Гайдар ничего подобного делать не будет, Киселев с помощью нескольких своих коллег подготовил проект президентского Указа о свободе торговли. Суть его была предельно проста: всем российским физическим и юридическим лицам (а не только государственным магазинам и государственным предприятиям) предоставлялось бы право торговать, осуществлять посредническую и закупочную деятельность. Во многом это была калька с того, что за два года до этого сделал Лешек Бальцерович в Польше, аналог того, что сделал в 1948 году в Германии Людвиг Эрхард. Но именно это не было сделано в России 2 января 1992 года. С большим опозданием Указ был подписан Борисом Ельциным лишь 29 января 1992 года.

Показательна и реакция Гайдара на действия граждан после появления этого Указа, — похоже, что он совершенно не ожидал от него таких последствий. Проезжая однажды по Москве, он вдруг увидел огромные толпы людей. Каково же было его изумление, пишет Гайдар , когда выяснилось, что это были люди, вышедшие на улицы *торговать*. У многих людей был приколот к одежде или находился в руках вырезанный из газеты тот самый Указ о свободе торговли, впервые за долгие десятилетия позволивший заниматься в России частным бизнесом.

Оказывается, один из важнейших шагов по созданию частного сектора, слоя предпринимателей, свободной российской экономики, Егором Гайдаром не планировался. Когда же под давлением обстоятельств этот шаг все же был сделан, то он, похоже, был тут же забыт. Как бы то ни было, но инициатива по осуществлению одной из важнейших либерализационных реформ оказалась принадлежащей не Гайдару.

— Любопытно, что многие из тех, кто выжил в те годы благодаря этому Указу, и по сей день добрым словом поминают за него именно Егора Гайдара...

Такова природа мифа. Хотя проект президентского указа Гайдар по должности, конечно, визировал. Для нас же сейчас важно отметить то, что эта история с Указом о свободе торговли проливает дополнительный свет на мировоззрение Егора Тимуровича [...].

Чтобы закончить эту часть разговора, следует отметить, что через несколько месяцев этот Указ подвергся довольно существенным изменениям, ограничивавшим свободу людей заниматься торговлей.

— Когда?

21 июля 1992 года вышел Указ президента в новой редакции. Иными словами, не прошло и полугода, как «реформаторское» правительство по-

спешило приступить к ограничению хозяйственных свобод, вырванных у него с таким трудом. Конечно, и с самого своего начала российские реформы были гораздо менее радикальными и более непоследовательными, чем реформы, проведенные Эрхардом в Германии, Бальцеровичем в Польше, Лааром в Эстонии. Но даже этот, более слабый, изначальный импульс «правительство реформаторов» начало гасить уже через несколько месяцев.

— В чем же причина?

А вот тут мы, похоже, вновь подходим к самому главному. К решающему фактору успеха или неудач в реформах. И не только в них.

К людям.

Мы уже говорили о книге Гайдара и его коллег «Экономика переходного периода». Вернемся к ней опять. Это большая книга размером в тысячу с лишним страниц, в ней затронуты и профессионально обсуждены многие вопросы — путь страны из коммунизма, устойчивость государственной власти, неизбежность краха социалистической экономики, логика экономического кризиса, различные программы реформ, финансовая стабилизация, институциональные проблемы, ситуация в различных секторах экономики, реформы здравоохранения и образования, моделирование спроса на деньги, динамика занятости. В этой книге, не без оснований претендовавшей на роль энциклопедического сборника по российским реформам, многое есть. И подготовлены материалы качественно, и написана книга хорошо.

Но, знаете, чего в ней нет? В фундаментальной книге о российских реформах нет ни одного упоминания о том самом Указе о свободе торговли, о котором мы сейчас с вами говорили. Иными словами, не только до начала реформ, не только во время работы в правительстве, но и по прошествии ряда лет после ухода из него либерализационная составляющая экономических реформ осталась для Егора Гайдара фактически несуществующей. А ведь именно освобождение предпринимательской активности, предоставление экономической свободы является главным содержанием либеральных экономических реформ.

Что нужно для свободной экономики? Конечно, нужны свободные цены. Но не только. Гораздо важнее свободный предприниматель, свободный потребитель, свободный человек, который и может воспользоваться свободными ценами. Если свободного человека нет, если нет свободного экономического субъекта (как отдельного человека, так и фирмы), то кто сможет воспользоваться свободными рыночными ценами?

— А в самом деле — кто?

Государственные предприятия. В условиях ограничения и тем более отсутствия экономических свобод именно они становятся монополистами даже при свободных ценах. Если нет свободы хозяйственной деятельности,

то невозможно, например, начать издавать новый журнал, — допустим, такой как «Континент». Останутся лишь такие журналы, как, например, «Октябрь» и «Блокнот Агитатора», другие же издания выпускать будет нельзя. При этом цены на разрешенные к выпуску журналы будут рыночными. Как Вы думаете, можно ли назвать такую экономику свободной?

При всей своей важности рыночные цены второстепенны по сравнению с наличием свободного предпринимателя и свободного человека. Если изначально нет лично свободного человека, то нет и свободной экономики и свободного общества.

Восточный базар — это своего рода символ, квинтэссенция, свободных рыночных цен. Но восточный базар сам по себе нигде и никогда не создавал свободного человека, не делал восточное общество свободным.

На мировом рынке свободные цены были почти всегда, в том числе и во времена Советского Союза. СССР продавал по рыночным ценам нефть, зерно, лес, удобрения, тракторы, автомобили. Но ни господство на мировом рынке свободных цен, ни продажа коммунистическим режимом по ним товаров на десятки миллиардов долларов ежегодно не меняли природы коммунистической системы, тоталитарного режима, советской централизованной экономики.

Когда в 1970-е годы цены на нефть поднялись в несколько раз, это дало советскому режиму дополнительно сотни миллиардов долларов и продлило ему жизнь. Поскольку рыночные цены политически нейтральны, они могут служить в качестве подпорки и демократической и тоталитарной системе. Рыночные цены не предопределяют суть политического режима и экономической системы. *Природа политического режима и экономической системы определяется не только и не столько свободой установления цен, сколько свободой других решений, принимаемых лично свободными гражданами. В этом заключается принципиальное отличие свободного общества от несвободного.* И, похоже, понимания именно этого принципиального различия у Егора Тимуровича Гайдара не было.

— Но почему?

По-видимому, таким было мировоззрение Егора Гайдара.

— Но чем это можно объяснить? В чем корень такого мировоззрения?

Это очень важный вопрос, и мы к нему еще вернемся. Сейчас же хотел бы отметить, что для граждан в полудемократических и авторитарных странах жизненно важно знать, каково мировоззрение ключевых лиц, принимающих в их обществах важнейшие решения. Каковы их политические, идеологические, экономические представления, каковы их взгляды на внешнюю политику, на внутренние проблемы и конфликты, каковы важнейшие принципы, в соответствии с которыми они действуют.

Что же касается Егора Тимуровича Гайдара, то он был одним из наиболее ярких, информированных и образованных представителей неидеологизированной части советской управленческой и научной элиты, искренне заинтересованный в спасении того, что, очевидно, с некоторой натяжкой можно было бы назвать унаследованной от СССР государственной системой. Такое спасение Гайдар видел на пути перевода советской экономики на рыночные рельсы, но без ее радикальной либерализации, быстрой стабилизации, без принципиальных преобразований природы отечественного государства. Его взгляды во многом отражали представления реформистской части советской бюрократии, осознававшей неэффективность командной экономической системы и неспособность осуществления своих политических и идеологических целей на прежнем экономическом фундаменте. При, конечно, его очевидном превосходстве в кругозоре и решительности в действиях.

Егор Гайдар оказался одним из наиболее подготовленных специалистов, способных провести *маркетизацию и монетизацию* российской экономики при сохранении основ прежней управленческой системы. Эта задача — по созданию рыночной монетизированной экономики — была им сформулирована и в основном решена. Однако в личном мировоззрении Гайдара и среди целей проводившихся им реформ не было задачи создания *системы свободного предпринимательства и свободного общества*. Такие цели им не были сформулированы, такие задачи им не решались и не были решены.

Промежуточные выводы начатого два с лишним десятилетия назад *Большого перехода* выглядят следующим образом. Во второй половине 1980-х годов в СССР начался переход от имперского государства с авторитарным политическим режимом и экономикой бюрократического торга к свободному обществу. К настоящему времени этот переход остается незавершенным. За это время произошел частичный переход к национальному государству при интенсивной регенерации в последнее время имперской идеологии и имперской политики. Был осуществлен переход к рыночной экономике, остающейся тем не менее сильно монополизированной с массированным вмешательством в нее со стороны властей и бандитов при энергичном размывании граней между одними и другими. Произошла глубокая деградация и до того бывшего весьма несовершенным правового порядка. После короткой демократической паузы и чуть более длительного полудемократического периода создан новый авторитарный политический режим, по ключевым параметрам являющийся более жестким, чем существовавший в стране двадцать лет назад. Ни полностью свободной экономики, ни правового общества, ни демократической политической системы в России создать пока не удалось.

Полученные результаты заставляют оценить данную попытку *Большого перехода* в целом как незавершенную и неудачную. Ее неудача объясняется — наряду с рядом объективных и субъективных факторов — главной причиной: отсутствием у лиц, находившихся во власти и принимавших ключевые управленческие решения, мировоззрения свободного человека,

критически необходимого для создания свободного общества. Неизвестно, какой была бы недавняя отечественная история, если у руля российской власти оказались бы другие люди, с другими взглядами, иными принципами и целевыми ориентирами. Однако за прошедшие два десятилетия понимание того, что из себя представляет свободное общество, и какие действия и компромиссы на пути к нему недопустимы, в нынешней России стало более распространенным и более глубоким. [...].

2010, № 3 (145)

[...] В этой связи я хотел бы еще раз вернуться к теме детерминант общественной эволюции, которую мы затрагивали в первой части нашего разговора.

Два десятилетия назад в нашей стране была господствующей, а в настоящее время по-прежнему остается весьма распространенной концепция, согласно которой ведущим фактором общественной эволюции является *экономика*. Согласно этому подходу экономические преобразования предопределяют в общественных изменениях если не все, то очень многое. Поэтому первоочередной практической задачей при переходе от тоталитарного общества к свободному считалось создание «нормальной» рыночной экономики. Если удается этого добиться, то, пусть не сразу, но со временем смогут измениться и все остальные компоненты общества, способные в конечном счете привести его в качественно новое состояние. Многих из нас так по-марксистки и учили: «надо найти звено, потянув за которое, можно вытащить всю цепь». Это звено называлось «экономика», и оно должно было вытащить за собой все остальные сферы общественной жизни. Опыт посткоммунистической трансформации последних двух десятилетий как в нашей стране, так и в других странах показал, как минимум, ограниченную пригодность этой концепции.

В последнее время стал весьма популярным другой взгляд на историческую эволюцию, согласно которому ключевые элементы общественной структуры — *институты и культура*, однажды возникнув и закрепившись в том или ином обществе, затем сохраняют свою устойчивость в течение длительного времени. В приложении к истории нашей страны элементами такого институционально-культурного «вечного проклятия» часто называются коррупция, авторитаризм, деспотизм, рабство, бесправие. В качестве причин, когда-то создавших и с тех пор стабильно воспроизводящих это «проклятие», называются такие факторы, как: бескрайние просторы, холодный климат, низкая плотность населения, монголо-татарское иго и т. п.

В разных вариантах элементы этой концепции можно увидеть в работах весьма различных авторов — от Р. Пайпса до А. Паршева. По мнению одного из наиболее известных специалистов по российской истории Ричарда Пайпса, русским в принципе чужды ценности свободы и демократии, им имманентно присущи имперскость и холопство, они всегда были угнетателями Европы и обречены оставаться такими навсегда. В чем-то близкую

концепцию предопределенности развития нашей страны «постоянным отставанием России от передовых западных стран на 50 – 60 лет» выдвинул в ряде публикаций и выступлений Егор Гайдар . По-своему, не обвиняя, а ужасаясь этому, такие взгляды, как мне кажется, отстаивает сейчас Юрий Николаевич Афанасьев.

— Вы не правы, Юрий Николаевич Афанасьев придерживается вовсе не такой позиции. Весь смысл его последних статей заключается как раз в том, что надо вырваться из дурных традиций нашей истории.

В тех случаях, когда Юрий Николаевич говорит, что «надо вырваться», я полностью разделяю его позицию.

Два десятилетия трансформации в нашей стране и других странах показали, что можно и чего нельзя достичь с помощью рыночных реформ. С их помощью можно создать рыночную (но необязательно свободную) экономику, обеспечить экономический рост, повысить благосостояние миллионов людей. Однако только рыночные реформы не могут изменить систему власти. С помощью только рыночных реформ невозможно создать или защитить политические свободы, обеспечить безопасность граждан, гарантировать правопорядок.

Еще осенью 1989 года в дискуссии с А. Некричем на страницах «Московских новостей» Е. Гайдар зафиксировал разницу между правозащитно-демократическим и номенклатурно-бюрократическим подходами к начатой М. С. Горбачевым трансформации СССР. Некрич полагал, что «*если перестройка действительно является революцией, а не косметическим ремонтом фасада, то она должна вести к революционным принципиальным изменениям в структурах "реального социализма". Это азбучная истина, что революция означает изменение характера власти и характера собственности*». В своем ответе Е. Гайдар холодно заметил, что создание рыночной экономики не предусматривает изменений ни власти, ни собственности: «*Рынок не дает однозначного ответа на вопрос: кто должен присваивать результаты производства — он может обслуживать самые разные социальные структуры. Все зависит от распределения собственности и власти*».

Через два года Егор Гайдар начал рыночные реформы, не предусматривавшие изменения власти, а Анатолий Чубайс провел распределение собственности, закрепившее ее значительную часть в руках прежней коммунистической и новой бандитской номенклатуры: «*В чем политическая конструкция? Политическая конструкция в том, что мы отдали собственность тем, кто был к ней ближе. Бандиты, секретари обкомов, директора заводов. Они ее и получили... Мы признавали, что приватизация дала собственность тем, кто наиболее влиятелен, что и определило ее несправедливость, но при этом мы отдали ее легитимным путем, а легитимность идет от государства*».

Неудивительно, что такого рода способы проведения как непосредственно приватизации, так и других реформ не только не помогали созданию но-

вого правопорядка, но и разрушали пусть и весьма несовершенный прежний правовой порядок, подрывая существовавшее в обществе представление о справедливости: «*представление о справедливости у народа мы сломали еще ваучерной приватизацией*». Слом представления о справедливости неизбежно разрушал фундаментальную основу цивилизованного общества — институт общественного доверия, прежде всего доверия к новой власти, к реформаторской команде, к принципам и идеям, с которыми они себя ассоциировали.

Поразительно даже не то, что еще осенью 1989 года Е. Гайдар считал несущественным переход к «частной собственности на средства производства» — то, что он называл тогда «новым стереотипом». И даже не то, что еще в феврале 1990 года он боролся против расширения экономической свободы и ее законодательного закрепления, против освобождения экономики от государственного контроля, против того, чтобы союзное правительство и КПСС понесли ответственность за развязанную ими инфляцию. Поразительно то, что даже в 2006 году одна из причин краха СССР в 1991 году была обнаружена Е. Гайдаром не в природе коммунистической системы как таковой, а лишь в реализации одной из ее версий — в выборе в 1920-х годах сталинской модели индустриализации в противовес бухаринской.

Огромные изменения, произошедшие в последние десятилетия, также продемонстрировали абсолютную необоснованность утверждений о какой-либо «столетней», «тысячелетней» или какой-либо иной «n-летней» предопределенности в национальном историческом развитии, о каком-либо пятидесяти-шестидесятилетнем (или любом другом по длительности) отставании нашей страны от стран Запада, о якобы невозможности для нашей страны «вырваться из исторической колеи». Даже изменение положения России, например, относительно США по такому показателю, как ВВП на душу населения, в течение последней трети века происходило колоссальными скачками за очень короткие сроки — падение с 43% до 17% в 1976 – 1998 годах, затем рост с 17% до 30% в 1998 – 2009 годах. Трудно понять, как, имея представление о таких «свингах», можно было вообще предложить идею «заданности» сроков отставания, а зная о динамическом изменении положения разных стран в мировой экономике, — настаивать на предопределенности какого-либо отставания в принципе.

В отсутствие таких заданности и предопределенности, естественно, возникает вопрос о том, что именно, какие факторы могут служить толчком, запускающим (останавливающим) процесс ускорения (замедления) общественной эволюции. В последние годы мы неоднократно слышали, что на роль таких факторов назначались *внешние воздействия* — колебания цен на нефть и зерно, мировые и региональные кризисы, резкие изменения в притоках и оттоках отечественного и зарубежного капитала. Эти факторы, наверное, играют какую-то роль. Но если они работали в одной стране и не работали в десятках других, то, видимо, суть проблемы была не в этом. [...]

Практика последних двадцати лет показала, что с точки зрения критериев свободного общества приоритеты общего реформирования были, судя по

всему, расставлены неверно. Несмотря на всю необходимость осуществления экономических реформ, концентрация усилий власти, внимания общества и экспертов именно на них была, очевидно, ошибочной. Такой подход, конечно, не был ошибочным с точки зрения интересов политического режима — как позднесоветского, так и нового российского, пытавшихся с помощью экономических реформ и создания более эффективного экономического механизма обеспечить себе политическое выживание и успешную адаптацию к новым условиям внешней и внутренней жизни. Такой подход был отчасти и неизбежным, потому что постоянные неудачи экономического реформирования не позволяли ни обществу, ни властям сосредоточиться на других, не менее важных, темах. Однако при всей значимости экономических реформ, очевидно, все же не они являются определяющими для долгосрочного успеха страны.

— А что является?

Главное все же заключалось и по-прежнему заключается в необходимости успешной *политической трансформации*. Лишь политические реформы способны создать политическую систему свободного общества, обеспечивающую как максимальный уровень безопасности для граждан и их собственности, так и наилучшие условия для постоянной и естественной эволюции всего общественного организма.

Долгосрочный успех страны обеспечивается не просто разовыми, пусть и весьма радикальными и масштабными, преобразованиями в экономике, социальной сфере, здравоохранении, образовании или любой другой области. Наилучшим образом успех достигается не с помощью скачков — от кризиса к краху, от многолетнего застоя к реформе, от одной реформы к другой, от революции к контрреволюции, а с помощью политических институтов, способных обеспечить необходимые преобразования *путем непрерывной эволюции*. Стратегическая задача заключается в создании институционального механизма, при котором был бы снижен и в конечном счете ликвидирован спрос как на «великие реформы» («великие переломы»), так и на невероятные усилия сверхъестественных героев-богатырей, народной молвой и специальной пропагандой наделяемых необычными взглядами, особыми силами и специальными полномочиями, «спасающих страну» от фиктивных и реальных напастей, преодолевающих непреодолимые обстоятельства, героически ломающих сопротивление разнообразных «отсталых», «консервативных», «реакционных» классов, групп, партий.

Такой политический механизм в нашей стране не был создан. Даже обсуждение необходимости создания такого механизма пока по сути дела не начиналось. Сколько-нибудь серьезных предложений на эту тему также не было сделано. Хотя время от времени высказывались отдельные идеи, но постоянной систематической работы в этом направлении обществом не велось. В отличие, повторюсь, от колоссального внимания к экономическим реформам.

— А что, на ваш взгляд, могло бы обеспечить работу такого эволюционного политического механизма?

Одним из вариантов такого механизма могла бы стать парламентская система государственной власти. Парламентская система является, прямо скажем, далеко не идеальной, у нее немало недостатков, по эффективности в краткосрочной перспективе она очевидно проигрывает президентской, однако в долгосрочной перспективе представляется более устойчивой и более эффективной.

Парламентская система предполагает гораздо более постоянную и более кропотливую работу большого количества специалистов, а не только относительно небольших групп экспертов, приближенных к исполнительной власти. Парламентская система невозможна без массовой работы политических партий, профсоюзов, общественных ассоциаций, средств массовой информации, она требует включения в процесс обсуждения, подготовки и принятия политических решений большого числа участников. Парламентская система способствует достижению большей политической и психологической *приемлемости* предлагаемых решений для многих членов общества.

Какими бы правильными, разумными, необходимыми ни казались или ни были на самом деле реформы, проводимые узкими группами — реформистской частью исполнительной власти, привлеченными властью экспертными группами, ими совместно, — такого рода реформы могут так и остаться чужими для значительной части граждан. Оставаясь чужеродными, они затем могут быть отторгнуты обществом, несмотря на свою кажущуюся эффективность в узкотехническом смысле. Лишь когда в политическом процессе участвует само общество, все его заинтересованные граждане, лишь тогда принимаемые решения становятся более органичными для общества, они приобретают бóльшую устойчивость и меньшую отторгаемость.

Даже если многие реформы прошедшего двадцатилетия кажутся необходимыми, номенклатурно-бюрократический способ их проведения значительно увеличил риск их отторжения обществом. Если такой способ их осуществления мог еще рассматриваться в качестве приемлемого при проведении реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II, П. Столыпина, то в настоящее время он выглядит явным анахронизмом.

Частный пример из современной жизни это лишь подтверждает. Не так давно компания РЖД на линии Москва — Петербург запустила новый скоростной поезд «Сапсан». Содержательно решение выглядело весьма привлекательно — современный поезд, построенный в Германии, курсирующий с высокой скоростью между двумя столицами. Однако нововведение было внедрено таким бюрократическим способом, что были нарушены права многих людей. Ряд ранее действовавших электричек был отменен, расписание изменено, время ожидания проезда и прохода через железнодорожные пути увеличено, огромное количество людей, живущих в Московской, Тверской, Новгородской, Ленинградской областях, лишилось своих

традиционных прав за счет тех, кто теперь проносится мимо них на скоростных поездах. Реакцией на новинку стало движение современных луддитов, обстреливающих поезда «Сапсан» булыжниками, ледяными глыбами, подкладывающих на рельсы камни и т. п. Так внедрение суперсовременной техники, казалось бы, расширяющей права и увеличивающей благосостояние одних граждан, сокращает права, уменьшает благосостояние, вызывает отторжение и ненависть других. Получилась готовая иллюстрация к популярной ныне идее технико-экономической модернизации, сопровождаемой общественно-правовой деградацией.

Парламентская система, повторюсь, не является идеальной. Однако она запускает процесс максимального вовлечения в обсуждение и принятие решений различных политических сил. В том числе и тех, кто предлагает альтернативы, оппонирует предлагаемым вариантам, отстаивает консервативные взгляды. Парламентская система включает мощные механизмы обсуждения и достижения компромиссов, союзов, сделок, договоренностей, способствует формированию национальных консенсусов по принятию тех или иных решений.

Двадцатилетний опыт перехода от коммунизма показал, что в среднесрочной перспективе наиболее успешными оказались страны, имевшие (создавшие) парламентскую систему государственной власти. В странах с президентской системой на коротких промежутках могли проводиться весьма успешные реформы, приносившие впечатляющие результаты. Однако часто они оказывались неустойчивыми, а при смене первого лица (что рано или поздно неизбежно) или даже лишь при изменении его взглядов эти реформы оставались без необходимого институционального подкрепления. [...].

Наряду с реформами в сферах экономики, политической системы, национально-государственного устройства страны следует отметить еще одну область, внимание к которой в прошедшие годы, с моей точки зрения, было явно недостаточным, — это *правовые реформы*. Без существенного прогресса в этой сфере успех по продвижению к свободному обществу недостижим. Российская ситуация также осложняется тем, что даже крайне несовершенный правовой режим, унаследованный от советской эпохи, в последние годы оказался во многом разрушенным, в том числе и в результате того, какие реформы и как именно проводились.

Правовые реформы оказались во многом на периферии внимания и власти и общества. Хотя по частным вопросам — проекту Конституции, судам, адвокатуре, пенитенциарной системе — время от времени происходили важные дискуссии, суть проблемы все же серьезно не затрагивалась. Корневая проблема заключается в том, что *правовое сознание свободного общества*, утверждающее *приоритетность индивидуальных прав и свобод*, необходимость их защиты всеми возможными ресурсами — и самого индивидуума, и общества, и государства, в стране существует лишь в зачаточном состоянии. Обсуждение необходимости создания и укрепления этого фундамента свободного общества было заменено и подменено обсуждением достаточно

важных, но все же по сравнению с этим второстепенных вопросов — финансовой стабилизации, приватизации, экономического роста, монетизации социального обеспечения, геополитической катастрофы, удовлетворения чувства национальной гордости, модернизации и т. п. Строго говоря, каждый из этих, а также других достойных общественного внимания вопросов вполне мог и должен был бы обсуждаться не только и не столько с точки зрения их узко технической эффективности, сколько с точки зрения соблюдения расширения и защиты прав и свобод российского гражданина. Однако ничего подобного у нас пока не было.

Зачаточное состояние правосознания свободного общества затрудняет формирование устойчивого правопорядка, отсутствие которого, в свою очередь, блокирует переход к демократической политической системе. Без укорененного правового сознания в обществе в целом, принципы которого разделяются различными политическими силами, без гарантии следования базовым правовым принципам если не всех, то хотя бы большинства субъектов политического процесса, успех демократизации невозможен. Небезосновательные опасения различных политических сил, связанные с переходом к демократии, касаются возможных последствий победы их оппонентов, которая может быть использована против проигравших с целью их политического или даже физического уничтожения.

— Да, такая практика слишком хорошо известна и из нашей истории, и из истории многих других стран. Собственно это на наших глазах разворачивается сейчас в Украине...

Изменение культурных стереотипов, воспитание правового сознания свободного общества — это отдельная задача, требующая особых усилий. Такая задача вряд ли может быть решена за год или за два. Да и готовых рецептов по ее решению тоже нет. Можно сказать лишь одно: если уж для чего-то и можно пытаться оправдывать временное существование режима так называемого *просвещенного* (*правового*) *авторитаризма*, то, пожалуй, лишь для периода обучения, распространения, укоренения в обществе правового сознания, необходимого для будущего свободного общества.

Историческая эволюция ряда европейских стран к демократии современного типа проходила через промежуточную стадию просвещенного абсолютизма XVIII — начала XIX века: в Пруссии Фридриха II, в Австрии Марии-Терезии и Иосифа II, в Скандинавии, Испании, Португалии, Неаполитанском королевстве. Политические режимы того времени не были демократическими. Однако в них были проведены реформы, заложившие основы правопорядка, создавшие базу *правовых государств*. Переход от неограниченного абсолютизма к просвещенному абсолютизму, ограниченному правовыми рамками, с формированием авторитарных, но правовых государств, был, судя по всему, необходимой стадией для будущего успеха демократизации, произошедшей в этих странах столетие с лишним спустя.

Встречающееся в современной литературе противопоставление западного, в том числе англо-саксонского, варианта *демократического капитализма* восточному варианту *авторитарного капитализма* (в качестве примера обычно используется сингапурская модель Ли Куан Ю) является отчасти обоснованным, но отчасти и искусственным. Западные демократии заметно отличаются от авторитарной системы Сингапура по характеру *политического режима*. Однако и те и другая относятся к тому же типу правовой системы, характеризуемой и на Западе и на Востоке как *система верховенства права, правового порядка*.

В России задача создания правопорядка, правового государства в качестве важнейшей цели общественной трансформации не была сформулирована ни реформаторской частью КПСС, ни новыми российскими властями, ни командой экономических реформаторов. Неудивительно, что она не была решена и в практическом плане. [...].

— Кто, какие люди, какие силы, с вашей точки зрения, могут создать будущее свободное российское общество?

Почему у нас не получился переход к свободному обществу, казавшийся осенью 1991 года столь реалистичным, столь возможным, столь многообещающим? Почему у нас не получилось так, как, например, получилось в Польше, Чехии, Эстонии, Литве, Грузии, многих других посткоммунистических странах?

Можно, конечно, сказать, что парламентские системы, сыгравшие большую роль, например, в Польше и Чехии, сложились в этих странах еще до Второй мировой войны и советской оккупации, и потому этим странам было легче возвращаться к своим историческим истокам и восстанавливать действовавшие ранее политические модели. Отчасти это так. Но в той же Польше, например, в межвоенный период в течение длительного времени существовал вполне авторитарный режим Ю. Пилсудского. Однако после крушения коммунизма поляки восстановили не авторитарный президентский режим, а парламентскую демократию. Республики Балтии бóльшую часть 1930-х годов также были авторитарными государствами. Конечно, те режимы были гораздо свободнее, чем тоталитарный Советский Союз, но монополизация власти в них тогда была все же весьма высокой. Тем не менее все балтийские государства после восстановления независимости в отличие от России пришли к парламентской системе. Почему?

Если политически свободные сегодня Польша, Чехия, Венгрия, даже Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, даже Монголия и Албания — это страны, не входившие в Советский Союз и потому имеющие иную историческую традицию, то республики Балтии провели под одной политической и правовой крышей с Россией не менее двух последних столетий лишь с коротким двадцатилетним перерывом в межвоенное время. А у Грузии перерыв оказался еще короче: он был всего лишь трехлетним. Тем не менее все

эти страны сегодня политически несопоставимо свободнее, чем нынешняя Россия. Почему? Почему у нас не получилось так, как получилось у других? Почему с точки зрения политического устройства Россия, с одной стороны, и многие посткоммунистические страны, с другой, пошли разными путями?

Мне кажется, что наряду с факторами, традиционно называемыми в таких случаях (длительность коммунистического эксперимента, масштабы репрессий, конфессиональные различия, принадлежность к национальному ядру империи, «удаленность от Лондона и Брюсселя», наличие нефти и газа), есть и еще один фактор. Это *мировоззрение лиц, пришедших к государственной власти в результате политических революций.*

Практически во всех странах, в конце концов ставших политически свободными, у руля государственной власти раньше или позже оказывались те, кто не принадлежал властной номенклатуре в коммунистическом режиме, кто был его последовательным противником в течение длительного времени, кто боролся против режима и им преследовался. Например, такие люди, как Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Яцек Куронь, Лешек Бальцерович, Вацлав Гавел, Вацлав Клаус, Март Лаар, Марью Лауристин. Многие из них, хотя и не все, были *диссидентами.* Коммунистический режим был для них неприемлем во всех своих проявлениях — не только в экономике, но и в политике, в судебной, правовой сфере. Задача совершенствования, улучшения, исправления существовавшей политической и правовой системы являлась для них абсолютно немыслимой, в то время как цель полной замены прежнего политического режима не подлежала сомнению. Диссиденты не нуждались в разработке специальной программы политических реформ. Главное ее содержание — демонтаж тоталитарной политической системы, создание правового порядка — они несли с собой. Это первое.

Во-вторых, диссиденты и правозащитники, как и некоторые другие аутсайдеры коммунистического режима, уже сами по себе были *носителями свободы*, готовыми протоэлементами политической, правовой, моральной системы будущего свободного общества. В подавляющем большинстве это были люди с высокими нравственными требованиями прежде всего к самим себе. А, следовательно, и к поведению власти, в том числе и той, в какой они сами оказались. Ни во время, предшествовавшее их приходу к власти, ни в период, когда они находились у ее руля, ни тогда, когда они из власти ушли, в большинстве своем они не оказались вовлеченными в какие-либо коррупционные сделки и скандалы. Иными словами, диссиденты уже сами собой представляли моральный императив, демонстрировали целостный кодекс поведения, какой им во многом удалось распространить и на реформируемые и создаваемые ими государственные институты.

В отличие от них в России государственная власть осталась в руках представителей прежней государственной номенклатуры. С тем только отличием, что ее ортодоксальную, консервативную, в целом менее образованную и менее коррумпированную часть заменила ее реформистская, более грамот-

ная, более продвинутая и более коррумпированная фракция. Многие представители последней оказались весьма незаурядными людьми.

Борис Николаевич Ельцин был, вне всякого сомнения, выдающимся представителем когорты партийных руководителей. Среди тогдашних секретарей обкомов никого подобного ему не оказалось. Даже те, кто был затем рекрутирован им самим в систему новой российской власти, показали, насколько они оказались несопоставимыми с ним по масштабу личности.

Егор Тимурович Гайдар оказался самой яркой звездой номенклатурного экспертного и научного сообщества, работавшего во власти и на власть. По своему интеллектуальному запасу, по эрудиции, по кругозору он оказался выше любого другого его представителя.

Владимир Владимирович Путин проявил себя как один из наиболее талантливых выходцев из советских спецслужб — с редкими личными качествами, готовностью и умением быстро учиться, способностью принимать нестандартные решения и добиваться их исполнения.

Но каждый из них — и Борис Ельцин, и Егор Гайдар, и Владимир Путин — в свое время были нерядовыми членами КПСС, организации, являвшейся ядром тоталитарного режима, а В. Путин был еще и сотрудником КГБ. Каждый из них поработал на укрепление этого режима на далеко не последних постах. Все они были и остаются — талантливыми, способными, выдающимися, — но представителями прежней советской номенклатуры. Все они по своему мировоззрению принципиально отличались и отличаются от Леха Валенсы, Вацлава Гавела, Марта Лаара, Михаила Саакашвили. Лидеры российской трансформации не были ни диссидентами, ни даже аутсайдерами прежней государственной системы. Они не смогли, да, похоже, и не стремились осуществить ее полный демонтаж.

Главное отличие российского перехода последних двух десятков лет от аналогов в странах, ставших политически свободными, — в отсутствии в государственной власти в нашей стране наиболее последовательных противников тоталитарного политического режима — диссидентов и правозащитников — людей, своей деятельностью и своим поведением способных заложить основы свободного общества в нашей стране. И потому главная причина неудачи российского Большого перехода к свободе заключается, очевидно, в незавершённости, а точнее — в *несовершённости* настоящей политической и нравственной революции в России.

2010, № 4 (146)

3. АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ

Некоторые предварительные итоги*

1. Национальный зомби

21.06.2010

В условиях загнивающих авторитарных режимов людей охватывают тоска, отчаяние и отвращение. В яркой форме это чувства «критически мыслящего меньшинства», но, в той или иной степени и выражаясь в разных идеологических формах, они постепенно распространяются в очень широких слоях. Они прячутся за конформизмом и цинизмом и разъедают режим изнутри. Так было при позднем царском режиме. Так было при поздней советской власти. И схожие чувства стали формироваться при путинской «стабилизации».

Чувство безнадежности усиливается именно тогда, когда ненавистные режимы уже пережили свою акме и их жизненный цикл приближается к концу. Это как бы признак начала конца, чувство безысходности — признак того, что исход близок.

Это начало статьи Дмитрия Ефимовича Фурмана, одного из наших самых глубоких аналитиков**.

Я разделяю далеко не все положения статьи, но для меня важно здесь зафиксировать очень близкую мне и прекрасно сформулированную Д. Е. Фурманом постановочную часть его анализа.

Третий раз за последнее столетие мы переживаем стадию гниения авторитарного режима, не столько осаждаемого оппозицией, сколько безнадежно потерявшего драйв и охваченного тошнотой (la nausee) и отвращением к себе. Дважды падение такого режима приводило к обрушению российской государственности.

Как избежать подобного сценария в третий раз подряд — вот центральная проблема наших дней для ответственного исследователя. Именно так

---

* На этот раз мы предлагаем вниманию читателей подборку из нескольких очерков Андрея Пионтковского, которые объединяет общая тема: подведение некоторых предварительных итогов периоду путинско-медведевского правления России. Даты первого появления этих текстов на портале «Грани.ру» указаны в начале каждого очерка.

** *Фурман Д.* Плохой сценарий. http://www.ng.ru/ideas/2010-06-09/5_revolution.html

ее и ставит Дмитрий Фурман. Хотелось бы верить, что его статья станет началом серьезной дискуссии на эту тему.

Сам Дмитрий Ефимович, ссылаясь на наш печальный исторический опыт, видит основную опасность в демократическом нетерпении оппозиции, — видимо, несистемной. Не могу с этим согласиться. И дело даже не в справедливости или несправедливости упрека по адресу оппозиции. Существеннее то, что сегодня ее организационные и ресурсные возможности реально влиять на политическую динамику незначительны, намного слабее, чем у демократической оппозиции времен перестройки, не говоря уже о революционной оппозиции царскому режиму.

Но и Февральская революция, и горбачевская перестройка были задуманы и совершены вовсе не оппозицией, а правящим истеблишментом. Его нетерпение определяло динамику событий. В последнем случае — нетерпение партийно-гэбистской номенклатуры, жаждавшей прорваться к манящим вершинам западных образцов комфорта и потребления. На пути к этой заветной цели она сбрасывала все — опостылевшую идеологию, империю, государство. А демократическая интеллигенция с энтузиазмом отработала у нее на подтанцовке, а затем была объявлена демшизой и списана в архив, чтобы не путалась под ногами.

Тем более сегодня эндшпиль обреченного путинизма будет разыгран прежде всего самим правящим классом. И от степени именно его ответственности зависит будущее страны. При самом благоприятном для нее сценарии оппозиция сможет лишь косвенно повлиять на идущие внутри его процессы.

Это тот же самый правящий класс позднего СССР, победивший в «демократической революции» конца 80-х — начала 90-х, разбавленный вторым и третьим эшелонами номенклатуры, бывшими бандитами, фарцовщиками, майорами мухосранских резидентур, младшими научными сотрудниками, письмоводителями питерской мэрии, украшающими сегодня официальные и теневые мировые списки «Форбса».

К его порокам можно отнести все что угодно кроме нетерпения, тем более демократического. Напротив, это самый застывший в ступоре, самый застойный и самый неспособный к какой-либо позитивной эволюции класс в истории угасавших авторитарных режимов. Путинизм как карикатурный симулякр большого идеологического стиля имел слишком коротенький жизненный цикл, чтобы внутри него успело вырасти новое поколение, оспорившее ценности отцов.

На плаву все те же победители ельцинской, а затем путинской волн приватизации, судорожно вцепившиеся в яхты, резиденции, Patek Philippe и прочие символы своей случайной и блудливой власти. У них уже был свой звездный час. Жизнь удалась, и для них наступил конец истории.

Не могу понять, где мог уважаемый автор увидеть Путина, осознавшего «к концу правления бесперспективность дальнейшего подавления общества», или Медведева, «искренне провозгласившего свой демократический идеал».

Какой «конец правления»? Почетный председатель кооператива «Озеро» может как свободный мыслитель осознавать все что угодно, но он никогда не решится добровольно завершить свое просвещенное правление. Никаким гарантиям и иммунитетам он не поверит, да и члены кооператива, единодушно требующие продолжения банкета, никуда его не отпустят. Что делает дискуссию об искренности медведевских «идеалов» уже совершенно не актуальной.

Двухлетние игры в оттепель и либерального наследника закончились. Венценедоносный был взвешен и найден очень легким. Вся «элита», включая системных либералов-с и самого местоблюстителя, дисциплинированно выстроилась под своего ночного портье. Запланированный им для себя новый 14-летний срок фактически начался.

На мой взгляд, наибольшую опасность для российской государственности представляет именно это циничное терпение «элит», а не «демократическое нетерпение» оппозиционеров.

Любой, даже самый жесткий авторитарный режим не может опираться исключительно на насилие. Недаром и гитлеровская, и сталинская диктатуры придавали такое огромное значение идеологическому, вернее, мифологическому обеспечению, на ниве которого расцветали гениальные Сергей Эйзенштейн и Лина Рифеншталь.

Свой маленький миф о молодом энергичном офицере спецслужб, посылающем русские полки в глубь Кавказа, несущем ужас и смерть террористам и всем врагам встающей с колен России, создали в телевизионной пробирке и циничные кремлевские жулики-политтехнологи в далеком 1999 году. Истосковавшаяся по властному повелителю женская душа России потянулась тогда от солидного, но пресноватого Евгения Максимовича к молодому герою-любовнику.

В следующей избирательной кампании уже заматеревшему байкалинвестгруппенфюреру была всажена еще одна лошадиная доза мифинъекции «Заступник народный, бескорыстный и бескомпромиссный борец с олигархами». Подключились и слетевшиеся как мухи на елей мастера культуры соответствующего розлива — михалковы и бондарчуки-младшие.

Все это довольно мило работало лет десять, пока не подступила та неизбежная тоска и тошнота, о которой так справедливо говорит Дмитрий Фурман.

И никакими ритуальными целованиями в животики мальчиков, осетров и спящих тигриц, швыряниями ручек в дерипасок и задушевными беседами с катями и сережами время вспять не повернуть. Путинский миф мертв.

Пытаться сцементировать общество и заморозить Россию еще как минимум на полтора десятилетия шаманским поклонением национальному зомби — это путь, ведущий к метафизической катастрофе. Подобный выбор правящей «элиты» — еще одно свидетельство крайней степени ее безумия, бессилия и безответственности.

Второе пришествие Путина композиционно видится мне как ремейк знаменитого полотна Александра Иванова. Навстречу застывшим в тоскливом ожидании на полусогнутых нотаблям по выжженной пустыне российского политического пространства устало бредет, неприятно подергивая желвачками, мифзомби с мифом-выкидышем на руках. Головка национального выкидыша повязана ленточкой с надписью мелкими буковками «Свобода лучше, чем несвобода».

2. В одну и ту же речь дважды *15.07.2010*

«Сенсационное» выступление местоблюстителя Дмитрия Медведева* перед золотой ротой российской дипломатии — до боли, я бы сказал, до тошноты знакомый вечный сюжет русской истории.

Который уж раз после очередного многолетнего антизападного приступа бешенства державно-патриотической матки, после воплей о своей высочайшей духовности, о Третьем Риме, о Евразийском Хартленде или, на худой конец, об островке стабильности, после братаний со всеми диктаторами и оборванцами третьего мира российский правитель вдруг неожиданно начинает дружелюбно махать западным «партнерам» своим вполне симпатичным современным хвостиком.

«Мы отстали на 20-30 лет от передовых стран Запада, — произносит он в своем внутреннем кругу затертую за последние три столетия до срамоты сакраментальную фразу, — и мы должны преодолеть это отставание в кратчайшие сроки».

Неважно, как зовут очередного вождя и чем он лично был особенно очарован или уязвлен на этом вечно проклинаемом и вечно притягательном Западе — амстердамскими верфями, дрезденским пивом или сан-францисскими айфончиками и айподиками. Важно, что царь-модернизатор действительно искренне хочет привнести все эти замечательные и полезные инновации в Россию. Для этого он готов даже попросить своего министра-концептуалиста иностранных дел на некоторое время заткнуться и перестать пророчески рычать о крахе западной цивилизации и невиданном расцвете новых прогрессивных центров силы.

Политтехнологическая обслуга обозначала в разные времена это мудрое воздержание как мирное сосуществование, новое политическое мышление или (новейшая загогулинка!) модернизационный альянс.

Но модернизатор (тем более если он всего лишь местоблюститель) не может отказаться от сакральной сущности русской власти, налагающей на верховного правителя необходимость ряда символических действ сообразно соборному духу исторической эпохи:

— лично рубить головы стрельцам и пытать собственного сына на предмет несанкционированных контактов с иностранцами (конец XVII -- начало XVIII века),

---

* http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.179793.html.

— лично распиливать огромные бабки с путиными, абрамовичами, сечиными, тимченками, дворковичами, чемезовыми, вексельбергами (начало XXI века).

Кстати о Вексельберге-Сколковском. Есть много причин, по которым маршал Берия смог украсть у США и воспроизвести с помощью замечательных советских ученых атомную бомбу, а у Вексельберга все закончится воровством из бюджета и десятком яиц, снесенных Путину для отмазки.

Во-первых, бомбу Берии принесли сами американские ученые, видевшие в СССР (как выяснилось, ошибочно) надежду всего человечества. От путинской воровской России ученые шарахаются как от чумы. Оторопь вызвало на встрече в Сан-Франциско экстравагантное обещание мультимиллионера Дворковича построить в Сколкове лучшие в мире поля для гольфа.

Во-вторых (и это продолжение во-первых), почти все еще оставшиеся в России современные молодые сверхталантливые Курчатовы, Ландау, Зельдовичи, Сахаровы уже со старших курсов физтеха и физфака работают в американских исследовательских центрах.

And last but not least, Лаврентий Павлович совершил немало злодеяний, но он был не мелким воришкой, а крупным государственным деятелем. У руководителя советского атомного проекта не могло быть в собственности крупного пакета акций какого-нибудь американского заводика по обогащению урана с устаревшей технологией. Или двух швейцарских компаний, продукцию которых он включил бы в государственную программу закупки иностранных технологий. И ему не надо было повышать капитализацию земель вокруг Сарова, заблаговременно закупленных олигархом Кагановичем.

Петровский и сталинский тоталитарные режимы могли чудовищным напряжением, не считаясь с жертвами, воспроизвести какие-то казавшиеся им ключевыми для собственного выживания атрибуты западной технологической цивилизации. Но они принципиально, на генетическом уровне отвергали те институты Запада, которые порождали и продолжают порождать все эти манящие уже столько веков наших правителей технологические инновации.

Сравнительно мягкий, бархатный путинско-медведевский авторитаризм находится, как ни парадоксально, в еще более безнадежном положении в том, что касается перспектив модернизации.

Озабоченные по понятным причинам прежде всего пожизненным удержанием власти, его вожди, так же, как их исторические предшественники, никогда не позволят создать живительную институциональную среду конкуренции в политике, бизнесе, науке, идеологии. Все эти птенцы питерской мэрии и занюханной дрезденской резидентуры просто неспособны будут выдержать элементарных публичных дебатов об итогах их деятельности. Дискуссия очень быстро перейдет в банальную уголовно-процессуальную плоскость.

В то же время откровенно воровская природа их разложившейся властной вертикали обрекает на провал любую попытку изолированного технологического заимствования. Путинская Россия не в силах ни создать, ни

украсть, ни воспроизвести в массовом масштабе ничего подлинно современного в сфере высоких технологий.

Похоже, что спичрайтеры — авторы медведевской речи в МИДе — это прекрасно понимают. Их святотатственный для собравшихся в зале закаленных борцов с однополярным миром проект «модернизационного альянса с Европой и США» был жестом отчаяния.

Альянс с кем, простите? С теми, по меткому выражению нашего национального лидера, «стоящими за спиной исламских террористов более могущественными, более опасными традиционными врагами России, которые стремятся нас расчленить и поработить»?

Альянс в чем? У Европы и США достаточно проблем, но ни в какой российской помощи в модернизации они не нуждаются. Европе еще некоторое время нужны будут поставки российского газа. Но для этого и без всякого модернизационного альянса их канцлеры и премьеры служат за хорошие бабки холуями на путинских бензоколонках.

США же от кремлевских нужно только одно — чтобы те как-то воздерживались от удовольствия гадить им хотя бы там, где при этом они гадят и самим себе. Ну, об этом, кажется, вот-вот договорятся в рамках перезагрузки в обмен на неприкосновенность авуаров российских вождей в западных банках.

А больше на Западе никому и ничем путинская Россия не интересна. И никто на Западе модернизацией России заниматься не будет, да и не сможет. Это прежде всего огромная внутриполитическая проблема. Проблема неадекватности институтов страны и порожденного этой неадекватностью тотального разложения высшей государственной власти и силовых структур.

3. Чем кончается Родина *26.07.2010*

Реально функционирующая чисто конкретная конституция России сформулирована в устной афористической форме тремя не то чтобы отцами-основателями, но безусловно выдающимися нашими соотечественниками.

Борис Грызлов: «Дума не место для дискуссий».

Олег Дерипаска: «Я готов в любой момент отдать все свое состояние по первому требованию Владимира Путина».

Владимир Чуров: «Владимир Путин всегда прав».

Три источника, три составные части путинизма: декоративность политических институтов, феодальная обусловленность частной собственности лояльностью сюзерену, пожизненная несменяемость верховного правителя.

Подобная система обрекает отдавшуюся ей в силу каких-то исторических обстоятельств страну на вырождение, скорость которого определяется степенью хищности хорьков, оказавшихся на вершине власти.

Абсолютный цинизм и патологическая жадность бригады отечественных хорьков привели прежде всего к необратимому перерождению иммунной системы социума — правоохранительных органов. Поставленные на службу

воровской преступной власти, они сами естественно получили от той же власти лицензию на собственное беззаконие и криминальное кормление. Как у больного, зараженного СПИДом, поражение одного за другим всех остальных жизненных структур российского общества стало неизбежным следствием.

Как же могло произойти подобное? Где были пастыри общества — либеральная интеллигенция, трибуны митингов и съездов, певцы перестройки, демократизации и приватизации? Почему не противостояли национальной катастрофе, не остановили реванша темных сил?

Да потому что не было никакого реванша и никаких темных сил.

Путинские хорьки из кооператива «Озеро» в конце 90-х были ничем — так, мелкими питерскими жуликами. Они пришли к власти и стали всем не в результате какого-то чекистского заговора или переворота. Их привели за руку во власть как собственных охранников либеральнейшие из либеральнейших политиков, чиновников, олигархов и просто жуликов в окружении Бориса Ельцина. Имена их хорошо известны — так же, как и постыдные обстоятельства операции «Преемник-2000».

Я напомнил эти события нашей недавней истории только потому, что они чрезвычайно важны для понимания сегодняшней ситуации. Все идеологи и технологи власти 90-х (за редчайшим исключением) по-прежнему на плаву. Они золотой фонд и мозговой центр системных либералов, этой неотъемлемой части режима. Они могут в своем кругу ворчать об эксцессах и тупости силовиков. Их могут раздражать нахрапистость таких безродных, с их точки зрения, фаворитов, как всякие тимченки и чемезовы. Они могут поиграться в потешную оттепель с генетически близким им айфончиком, пока на того не цыкнет по-пацански какое-нибудь крутое мутко.

Но они никогда не будут способны на серьезную конфронтацию с режимом, даже прекрасно понимая, насколько он губителен для России. Это их Власть, созданная ими и служащая им. «Либералов» абрамовичей, волошиных, чубайсов, юргенсов, иноземцевых, гозманов, медведевых кровно объединяет с «патриотами» путиными, сечиными, барсуковыми, патрушевыми, якуниными, гундяевыми глубочайшее убеждение в том, что в этой отсталой стране этому дикому народу ни в коем случае нельзя доверять выбирать власть на свободных выборах, — а то он обязательно выберет ужасных людей, которые поставят под угрозу дальнейший курс рыночных реформ и авторитарной модернизации. Или, иными словами, начнут задавать неприятные и неприличные вопросы о происхождении огромных состояний и тех и других.

И это общее убеждение всегда в критический момент будет бросать системных либералов и внимающую бескорыстному златоусту Радзиховскому бывшую советскую интеллигенцию в объятья нелюбимой власти. Нищие врачи и профессора будут по-шульгински кричать: «Пулеметов сюда! Пулеметов!» — при одной мысли о том, что воображаемые орды лимоновцев могут двинуться в направлении Рублевки.

На хорошо отутюженном либеральном фланге власти опасаться нечего. Он у нее в кармане. Поэтому в неожиданно рано начавшейся кампании нацлидеру не надо будет ходить с цветами на могилу Сахарова, заставляя Андрея Дмитриевича еще раз переворачиваться в гробу.

А для соблазнения левопатриотического фланга достаточно будет лихо прокатиться с брутальными байкерами на проверенной охраной трехколесной мотоциклетке, поинтересоваться состоянием сортиров на пляжах пролетарского Челябинска и задушевно, как секс-символ с секс-символом, спеть, роняя скупую чекистскую слезу, «С чего начинается Родина?» с Анкой Чапмен.

Так негромко и незаметно заканчивается Родина. Без ежедневных Бородино.

4. Воровской пароход *02.08.2010*

Сан-Франциско — очень красивый город.

После холодной ночи настало теплое ясное утро. Стрелял по воронам.

Еду в Ванкувер. Природа Канады очень напоминает русскую.

Выспался хорошо. В 10 час. поехал к обедне, затем был доклад.

Очень много слов было сказано, а практических предложений по решению проблем не услышал.

В 6 час. был кинематограф. До 8 час. почитывал.

«Тайная вечеря» Леонардо — настоящий шедевр.

Кругом измена, и трусость, и обман.

Вы эхо, Дмитрий Анатольевич, Вы долгое эхо друг друга. Два сравнительно молодых человека, которые при иных обстоятельствах были бы даже трогательны в своей беззащитной беспомощности. Если бы не председательствовали, во всяком случае номинально, при первой и третьей русских катастрофах за неполное столетие.

Десакрализация в массовом сознании системообразующего мифа и тошнота «элит» — верный признак приближающегося конца любого авторитарного режима. У нас в России эти явления, биологически так же естественные, как человеческая старость, принято низкопоклоннически приписывать разрушительной деятельности могущественных жидомасонов и русофобов.

Какими же тогда матерыми русофобищами должны были быть и святой старец при дворе Николая, и сменявшие друг друга старцы в позднем Политбюро! И какой же головокружительной степенью посвящения в тайной жидомасонской ложе обладает, по-видимому, наш, извините за выражение, национальный лидер, чтобы, находясь в здравом уме и твердой памяти, выезжать на трехколесном драндулете и нести хрень о своем и Анки Чапмен героическом боевом прошлом в постели с врагами.

Последний раз в таком демонстративно опущенном виде появлялся на сцене царь Менелай в эпатажной мейерхольдовской постановке «Елены Прекрасной». Превращение мифологического героя в персонажа комик-

сов — это предпоследний этап неизбежной деградации исполнителя роли вождя угасающего режима. Следующий — городской сумасшедший.

Общую атмосферу гнетущей неадекватности усиливали младенчески счастливое выражение лица и эйфорически возбужденное поведение персонажа. Его, по собственному выражению, сладкое трехколесное чувство свободы.

Жизнь удалась. Все то, о чем даже и мечтать не мог тот невзрачный мальчуган из питерской подворотни с зажатой в потной ладошке конфеткой, свершилось. Бабло немереное течет. Жена и дети давно уже неизвестно где, но наверняка в очень хорошем экологически чистом месте. Все девушки хотят ребенка от Путина. Да и не только девушки...

В жаркий и по-российски тревожный август «элиты» вступают в состояние растущей растерянности на фоне необратимого размывания авторитета двух их основных ориентиров в муляжном политическом пространстве.

«Мы всё понимаем, — говорил мне на днях доверительно один из ведущих идеологов системных либералов, — но мы уже не можем соскочить. За нами сразу придут. Поэтому мы вынуждены продолжать бежать, как белка в колесе. Как долго? Сколько хватит сил...»

Безусловно прав мой замечательный оппонент Леонид Радзиховский, когда он предупреждает, что падение сегодняшней власти станет рискованным прыжком в неизвестность. Но мне все-таки кажется, что коллега заблуждается, полагая, что сохранение этой самой власти менее рискованно. Напомню, что, как честный и непредвзятый исследователь, он видит единственное и решающее достоинство путинско-медведевской бригады в том, что при ней Россия умирает медленно и не больно.

Впрочем, судьбоносный выбор уже не зависит (как и никогда не зависел) от нашей с ним публицистики. Чрезвычайно показательно другое. Независимо от своей воли и, видимо, неожиданно для себя самого Радзиховский стал ведущим и самым востребованным пропагандистом Кремля, последней линией его идеологической обороны. За последние года полтора я не слышал от кремлевских ни одного аргумента в свое оправдание кроме знаменитой формулы доктора Радзиховского: «медленно и не больно». Под телевизионным наркозом. Не приходя в сознание. Все остальное будет намного хуже.

Многие наблюдатели сравнивают текущую стадию третьей русской катастрофы с горбачевской перестройкой. Действительно, очевидные аналогии лежат на поверхности. Но есть и глубочайшее различие.

«Элита» времен перестройки и слова-то этого чужеземного не знала и по-партийному звалась номенклатурой. Зато она очень хорошо знала, чего она хочет, и агрессивно этого добивалась. У нее был цельный и последовательный проект — конвертация абсолютной коллективной политической власти в огромную частную собственность ее наиболее выдающихся представителей. Черномырдины и алекперовы стали мультимиллионерами, еще будучи членами ЦК КПСС, партии «голодных и рабов».

Чувство исторического оптимизма захлестывало тогда и всех остальных акторов политической сцены, что чрезвычайно облегчило «элите» реализацию ее золотой мечты. Интеллигенция, запоем читавшая толстые журналы, жаждала возвращения в Европу, цеховики — легализации своих свечных заводиков, бастовавшие шахтеры требовали мыла в душевых и власти трудовых коллективов.

Сегодня же у верхов нет никакого проекта. Им уже нечего желать. Их охватила тошнота увечности, и все они бегут в своем беличьем колесе кто на драндулете, кто с айфончиком, только потому, что не могут соскочить, опасаясь, что за ними придут.

Как справедливо заметил один из бегущих вместе г. Павловский: «Не забывайте, что все мы с вами воры, господа. Не раскачивайте лодку!»

Но нет ли в этой самой безнадежности «элиты» проблеска надежды для страны? Да, они не могут соскочить, но ведь они хотели бы соскочить. С одним только условием: чтобы за ними не пришли. Не такой уж это бином Ньютона. В интересах национального согласия стоит, мне кажется, вернуться к серьезному рассмотрению брошенной мною как-то вскользь идеи Воровского парохода.

Насквозь коррупционный проект сколковской шарашки закрывается. Случайно прилегающие к Сколкову земли государственных чиновников категории «А» Абрамовича и Шувалова конфискуются в пользу государства как незаконно приобретенные. На вырученные деньги эффективным менеджерам Вексельбергу, Суркову, Дворковичу поручается провести гуманитарную эвакуацию морем из северной столицы всей желающей соскочить «элиты». С нашими партнерами по Модернизационному Альянсу достигается в рамках перезагрузки секретное соглашение о неприкосновенности западных авуаров и недвижимости всех добровольно соскочивших.

Сами менеджеры после успешного завершения проекта покидают Санкт-Петербург последними на специально присланной из Лондона самой большой в мире частной яхте.

Вместе с ними под звуки марша «Прощание славянки» на борт яхты поднимаются по трапу навсегда оставляющие Россию национальный лидер, венценедоносный престолоблюститель, главы палат Федерального собрания, члены Конституционного суда и Священного синода, руководители средств массовой информации, Анна Чапмен, Алина Маратовна Кабаева, Татьяна Алексеевна Голикова, лабрадор Кони, Вадик пони, Вася Якеменко и заметно возмужавший мальчик Никитушка.

Провожаемая 21 артиллерийским залпом салюта наций яхта Eclipse выходит в море и берет курс к благословенным берегам Сардинии с ее знаменитыми белоснежными песчаными пляжами.

2010, № 3 (145)

Корректор — *Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469

Подписано в печать 29.06.2011. Формат 60x84/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Ньютон». Печ. л. 44,00. Тираж 1500 экз.

Заказ № 3384

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка),* **73218**

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

Время работы редакции: с 13:00 до 17:00 по будням.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

КИОСК «ЭКСПРЕСС-ХРОНИКА»
Страстной б-р, д. 4 (у выхода из метро "Чеховская")

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.11.45

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка –
Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.80.67

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск –
ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

"УМНЫЕ КНИГИ" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 749.57.21

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ –
Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 692.05.63

История «Континента» уникальна. Журнал, возникший в зарубежье, эмигрировал оттуда на историческую родину, где пережил своё второе рождение.

«Континент» – не только литературный и публицистический, но и религиозный журнал. Он действенно утверждает достоинство и экуменичность русской словесности, оставаясь рупором философской и богословской мысли, светской литературы и гражданственной публицистики.

Эти характерные свойства «Континента» определяют его особость, его самостояние, лишь ему принадлежащее место в нашей культуре.

ЛЕОНИД ЗОРИН *(прозаик, драматург, сценарист)*

По-моему, у «Континента» есть миссия (как бы ни было нынче затаскано это слово) – давать не рецепты, а ориентиры, маячки. Постоянные и последовательные попытки разобраться без кликушества и заламывания рук в том, что и почему происходит. Приглашение – без патетики и менторства – к совместному осмыслению: «как надо?» Это чтение для тех, кто открыт к восприятию новых путей развития, а не следует догме. «Континент» предлагает читателю брать на себя смелость додумывать каждую мысль до конца. «Дойти до самой сути».

НАТАЛЬЯ ПИВОВАРОВА *(директор Института экономического анализа. Москва)*

«Континент» для меня не просто литературный, публицистический и религиозный журнал, который во многом соответствует моему мировоззрению и обсуждает волнующие меня лично проблемы. «Континент» – это общественное явление. Речь идет не только о проповеди идеи христианской демократии. Речь идет о том, что «Континент» стал выражением настроений и взглядов оппозиционного интеллектуального меньшинства в России. И в этом качестве, и в этой роли у «Континента», увы, нет соперников и конкурентов. А тот факт, что «Континент» сегодня востребован думающим сословием так же, как и десятилетия назад, только свидетельствует о грустной преемственности российской реальности.

ЛИЛИЯ ШЕВЦОВА *(политолог, доктор исторических наук)*

Это журнал с человеческим характером. Уважаю и никогда не забуду «Континент» — как человека, которому обязан как минимум частью ума. Но он слишком серьезен, оттого что слишком любит Россию. Как бы не погубило его это безнадежное чувство. По-моему, он до сих пор верит в ее какое-то великое будущее. Это так трагично, что почти смешно.

САМУИЛ ЛУРЬЕ *(писатель, критик, литературовед. С.-Пб)*

Единственный журнал свободной христианской мысли. Важнее этого для меня ничего быть не может. И в свете этом пожелание вести себя агрессивнее на медийном поле теряет смысл, ибо христианская мысль не может быть агрессивной. Поэтому желаю «Континенту» – быть. И совершать свой бесшумный подвиг, сколько хватит сил.

МАРИНА КУДИМОВА *(поэт, прозаик, критик)*

«Континент» № 147, 704 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218, 71682
2011
№ 1